UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324801 0

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineniĭ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

6. izd.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ критической статьей Н. К. Михайловскаго и біографическимъ очеркомъ Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ портрета Г. И. Успенскаго.

v. 5

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

PG
3470
U8
1908
v.5

696893
12.3.59

КРЕСТЬЯНИНЪ И КРЕСТЬЯНСКІЙ ТРУДЪ.

I. Иванъ Ермолаевичъ.

Вотъ ужъ почти годъ, какъ я живу въ деревнѣ и нахожусь въ ежедневномъ общеніи съ хорошей крестьянской семьей, ведущей основательное, подлинно-крестьянское, т.-е. исключительно земледѣльческое хозяйство, и какъ въ первый день знакомства, такъ и сію минуту ни я ни эта семья не смогли проникнуться интересами другъ друга. Я не понимаю, зачѣмъ существуетъ на свѣтѣ семья и изъ-за чего она бьется, а семья тоже совершенно понять не можетъ и удивляется: зачѣмъ собственно я существую на бѣломъ свѣтѣ? Мы находимся въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ; при встрѣчѣ всегда здороваемся, раскланиваемся, спрашиваемъ: «какъ дѣла?», «все ли благополучно?» и даемъ другъ другу отвѣтъ: «ничего, слава Богу, помаленьку», но понимать другъ друга все-таки не понимаемъ. Ни малѣйшаго мало-мальски общаго интереса между нами не образовалось; все, что интересно мнѣ, ни капельки не интересно для Ивана Ермолаевича (такъ зовутъ главу крестьянской семьи, о которой идетъ рѣчь), хотя онъ, слушая меня, и поддакиваетъ и старается сдѣлать такое лицо, чтобы оно подходило подъ разговоръ; зѣвоту, которая иной разъ является у него неожиданнѣйшимъ для меня результатомъ моей бесѣды, которую онъ, повидимому, слушаетъ внимательно,—Иванъ Ермолаевичъ весьма тщательно скрываетъ. Съ своей стороны, слушая задушевнѣйшія бесѣды

Ивана Ермолаевича, я иной разъ даже поступаю хуже его, прямо зѣваю и потомъ извиняюсь, что̀ выходитъ ужъ совершенно неприлично.

Когда Иванъ Ермолаевичъ ѣдетъ въ городъ или на станцію, самая важная для меня просьба, съ которою я къ нему обращаюсь,—это «привезти газету, зайти на почту и взять письма», а второстепенная въ томъ, чтобы захватить муки, мяса... И всякій разъ выходитъ такъ, что муки и мяса онъ привезетъ, а газету и письма забудетъ.

— Забылъ!—говоритъ онъ чистосердечно.—Говядину-то и хлѣбъ я помнилъ, а насчетъ этого... повелъ лошадь ковать—забылъ!.. Мало ли дѣловъ-то! То то̀, то другое, все по хозяйству—оно и забудешь!

— Какъ же это вы такъ, Иванъ Ермолаевичъ! Вѣдь я васъ какъ просилъ?..

— Что̀ подѣлаешь-то!.. Я помнилъ... Всю дорогу я, признаться, въ умѣ держалъ... Да тутъ барышники съ лошадьми встрѣтились... одна лошаденка каренькая попалась... такая пріятная скотинка... грудь, такъ, братецъ ты мой, вѣришь, вотъ не солгать, сказать ежели...

И затѣмъ начинаетъ длиннѣйшую рацею о такихъ вещахъ, которыя вовсе неинтересны.

Съ своей стороны, и я не всегда удовлетворяю желаніямъ Ивана Ермолаевича. Двадцать, по крайней мѣрѣ, разъ просилъ онъ меня, когда я ѣхалъ въ городъ, «не забыть насчетъ колесной мази», и ровно двадцать разъ я объ этой мази забылъ.

— А мазь привезъ?—спрашиваетъ Иванъ Ермолаевичъ, выходя на крыльцо ночью часу во второмъ, заслышавъ стукъ колесъ моей телѣги, и, получивъ отвѣтъ неблагопріятный, точно такъ же, какъ и я, пенялъ мнѣ:

— Э-эхъ,—говоритъ онъ, кряхтя:—а вѣдь какъ молилъто! не забудь, сдѣлай милость, вдогонку кричалъ... Э-хъ!..

Но и со мной произошло точь въ точь то же, что̀ и съ Иваномъ Ермолаевичемъ—я точно такъ же, какъ и онъ, очень долго *помнилъ* насчетъ колесной мази. Ѣхалъ и помнилъ, да вдругъ попалась газета или пріятель съ разговоромъ объ интересномъ дѣлѣ—ну, и забылъ. «Изъ ума вонъ».

Еще съ здѣшнимъ «подстоличнымъ» мужикомъ, почти отбившимся отъ сельскаго хозяйства, толкающимся по станціямъ двухъ желѣзныхъ дорогъ, еще съ такимъ испорченнымъ цивилизаціей мужикомъ у меня иной разъ можетъ

выйти какой-нибудь обоюдный разговоръ, т.-е. иной разъ подстоличному мужику понадобится кой-о-чемъ спросить меня.

— А что,—спроситъ:—какъ въ газетахъ пишутъ, много-ль на Лиговкѣ домовъ погорѣло?..

Ему нужно знать, много-ль погорѣло сѣнныхъ складовъ, потому что, «толкаясь» вокругъ сѣна и сѣнныхъ операцій, нагрузокъ и перегрузокъ, онъ очень заинтересованъ въ вопросѣ о цѣнѣ сѣна и потому интересуется знать, много ли погорѣло сѣнниковъ.

— Да пишутъ,—говорю я:—домовъ четырнадцать...

— Четырнадцать? А кое мѣсто?

Говорю я и про мѣсто.

— Это хорошо...—говоритъ подстоличный мужикъ.—Это все сѣнныя мѣста... А что,—прибавляетъ онъ:—нѣтъ ли чего насчетъ чтобы другихъ мѣстъ?.. все ли благополучно насчетъ сѣна-то?..

— Нѣтъ, нѣту...

— Ничего не пишутъ въ газетахъ?

— Нѣтъ...

— Гм... Нѣтъ, вотъ какъ года три назадъ барки, братецъ ты мой, съ сѣномъ взялись горѣть... такъ ужъ было!.. До семидесяти пяти копеекъ въ одинъ день сѣно-то поднялось. У насъ, братецъ ты мой, по сороку копеекъ брали, не то сѣно, а, прямо сказать, прѣль, чернь, навозъ... Что, нѣту-тка въ газетахъ-то... ничего, чтобы... насчетъ барокъ ежели?

— Нѣтъ, нѣту...

— Дюжо хорошо съ сѣномъ-то въ ту пору поправились!

Такіе разговоры возможны между мною и испорченнымъ подстоличнымъ мужикомъ, но не только между мною и Иваномъ Ермолаевичемъ почти никогда не выходитъ такихъ «обоюдныхъ» разговоровъ, но не выходитъ ихъ у Ивана Ермолаевича и съ подстоличнымъ мужикомъ. Всѣхъ такихъ мужичонковъ Иванъ Ермолаевичъ, какъ истинный «крестьянинъ», погруженный исключительно въ земледѣльческій трудъ, недолюбливаетъ и даже, пожалуй, ненавидитъ. Прихотливый, нездорово-избалованный желудокъ, утроба Петербурга, отбилъ подстоличнаго крестьянина отъ земледѣльческаго труда. То желудку этому нужна отличнѣйшая телятина, то вдругъ потребуютъ ягодъ въ громадныхъ размѣрахъ и за землянику, малину даютъ такія цѣны, которыя дороже самаго дорогого сѣна... Наѣхали въ Питеръ какіе-

нибудь иностранные высокіе гости; расшумѣлся и раскутился какой-нибудь случайный магнатъ, которому удалось выгодно надуть казну; состоялась ли какая-нибудь операція, около которой грѣютъ руки сотни крупныхъ и мелкихъ акулъ и акуленковъ,—все это сейчасъ же отзывается на здѣшнихъ мѣстахъ. Отзывается то требованіемъ разныхъ разностей «къ столу», то наѣздами хорошо пообѣдавшихъ господъ послѣ стола на охоту. И все это совершается всегда почти неожиданно, и всегда такое неожиданное требованіе сопровождается фразой: «что̀ хочешь возьми, а чтобъ было!». Такой слуга испорченнаго столичнаго желудка постоянно мечется какъ угорѣлый: то ищетъ ягодъ, когда ихъ за ненадобностью сдули въ болото частые сѣверные вѣтры, то Христомъ Богомъ молитъ насчетъ медвѣдя, нѣтъ ли гдѣ, не слыхалъ ли кто, потому одному барину «смерть» хочется убить медвѣдя и даже «стерву» для этого прислалъ изъ Петербурга... У него на языкѣ постоянно вертятся слова: «далъ телеграмму... чтобы безпремѣнно... стерву по телеграммѣ...», «хорошій баринъ...», «чучела...», «господа...», «медвѣжьи слѣды» и т. д. Осенью и весной онъ возится съ этими чучелами, строитъ «шалашки», «чуфыкаетъ» по-тетеревиному и т. д. И все это, вся эта возня изъ-за случайнаго рубля глубоко противна крестьянской, аристократически-крестьянской душѣ Ивана Ермолаевича. Пропасть, отдѣляющая воззрѣнія Ивана Ермолаевича отъ воззрѣній «подстоличнаго» обывателя, неизмѣрима и обнаруживается всякій разъ, когда у Ивана Ермолаевича выдастся досужій часокъ, чтобы поболтать съ случайнымъ посѣтителемъ изъ подстоличныхъ нелюбимыхъ имъ обывателей. Всякій разъ во время такихъ встрѣчъ между ними происходятъ, примѣрно, такіе разговоры:

— И какъ это я погляжу на васъ,—говоритъ Иванъ Ермолаевичъ:—какъ вы живете безсовѣстно! Вамъ бы только гдѣ рублевку сорвать, и всего лучше, ежели даромъ... Это для васъ первое удовольствіе... А чтобы хозяйствовать, работать какъ слѣдуетъ, на это у васъ охоты нѣтъ... На чаяхъ да на сахарахъ пропьете рублевки-то, а тамъ овесъ покупать еще съ осени надо, и хлѣбъ покупной ѣдите, и кругомъ въ долгу, какъ въ шелку... Коли ежели ты—крестьянинъ, такъ ты долженъ справляться такъ, чтобы тебѣ бы въ люди ни зачѣмъ не ходить, чтобы и хлѣбъ, и овесъ, и «все-всякая», чтобы все было при домѣ. Это и есть крестьянство, а ежели, вотъ какъ вашъ братъ, начнетъ па-

хать да въ полъ-дѣлѣ броситъ, да за рублевкой тамъ, или за тетеревомъ, или тамъ за бариномъ за какимъ погонится, чтобы какую-нибудь тамъ отъ него бумажку выхватить, это ничего не стоитъ. Тутъ одно только разстройство для хозяйства, а отъ этихъ рублевокъ да тетерокъ—только одинъ вредъ. Положимъ, что ты и двадцать и четвертную сорвешь тамъ съ кого-нибудь, и то, окромѣ какъ вреда, ничего нѣтъ, потому хозяйство забываешь...

Противъ этихъ наставленій подстоличный мужикъ, испорченный цивилизаціей, обыкновенно выдвигаетъ опроверженія, доказывающія значительную его испорченность.

— Послушать ежели тебя,—говоритъ онъ, свертывая изъ газетной бумаги папиросу:—то ужъ, сдѣлай милость, извини, а только-что разговоръ твой вполнѣ довольно глупъ. Ты ужъ, сдѣлай милость, будь такъ добръ, на эти мои слова не огорчайся, но что окончательно твои слова есть больше ничего, какъ одна глупость... И когда это бывало, скажи ты на милость, чтобы мужику отъ денегъ былъ вредъ? Ты опомнись-ка немножко, подумай, что̀ такое твои слова? Двадцать цѣлковыхъ—вредъ! Мужику! Да сдѣлай милость, не хочешь ли, мы испробуемъ? Давай вотъ мнѣ сейчасъ двадцать-то пять рублей, ну, если даже такъ возьмемъ, хошь пятьдесятъ цѣлковыхъ ты мнѣ давай—и гляди, какой со мной случится припадокъ отъ этого... По твоимъ словамъ оказывается, будто бы это будетъ вредъ, особливо ежели задаромъ?.. Такъ вотъ давай испробуемъ... Ты выноси деньги, а я, видишь, вотъ у меня мѣшокъ кожаный сдѣланъ для этого, для вреда-то, а я ихъ въ мѣшокъ спрячу... А ты гляди, что̀ будетъ. Можетъ, я отъ этого кашлять начну, или захромаю, а можетъ, и невредимъ останусь... Овса тебѣ? Давай деньги-то, я тебѣ и овса представлю и хлѣба, ежели тебѣ требуется, покуда ты тамъ будешь ковыляться съ «Андревной»-то... Выноси деньги-то! Чего-жъ молчишь? Скажите, пожалуйста, какую вывелъ рацею!.. Четвертная вредъ—мужику-то!.. Ну нѣтъ, другъ любезный, я такъ думаю, что мужика деньгами никакъ невозможно испортить... Отъ денегъ—разстройство! Ахъ, ты, курносый ты человѣкъ, больше ничего... Послушать тебя, такъ дѣйствительно что смѣху подобно... Кабы намъ этого вреда-то побольше да почаще, такъ мы бы какъ бы дѣла-то справляли... А то отъ овса польза, а отъ денегъ—вредъ!.. Выдумалъ, нечего сказать, искусно!..

Если существуетъ такая громадная разница во взгля-

дахъ на хозяйство, даже на «деньги» между Иваномъ Ермолаевичемъ и подстоличнымъ мужикомъ, который, хотя и охотникъ до случайныхъ рублевокъ, но все-таки отлично знаетъ, что̀ такое значитъ крестьянское хозяйство, то пусть судитъ самъ читатель, какая бездонная пропасть должна была отдѣлять отъ Ивана Ермолаевича меня, человѣка, совсѣмъ не имѣющаго понятія о крестьянскомъ хозяйствѣ! Въ теченіе года Иванъ Ермолаевичъ всего только два раза обратился ко мнѣ съ разговоромъ, въ которомъ я видѣлъ съ его стороны не простое только приличіе, а и дѣйствительный интересъ. Правда, былъ еще случай, когда Иванъ Ермолаевичъ бросился ко мнѣ, какъ къ прибѣжищу, это именно въ тотъ разъ, когда явился урядникъ требовать поземельныя и предъявилъ Ивану Ермолаевичу бумагу, въ которой онъ, будучи безграмотнымъ, ровно ничего не понималъ. Но этотъ случай обращенія ко мнѣ Ивана Ермолаевича я не кладу въ счетъ: обращеніе его ко мнѣ въ этотъ разъ было не добровольное, а вынужденное, и притомъ «бумага» (которыхъ онъ вообще смертельно боялся) была «не его дѣло», до него не касавшееся... По «своему» же дѣлу, т.-е. по дѣлу, которое касалось собственныхъ его интересовъ, онъ счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ всего только, повторяю, два раза въ теченіе цѣлаго года. Въ первый разъ это случилось послѣ того, какъ я привезъ изъ Петербурга барометръ-анероидъ и объяснилъ Ивану Ермолаевичу, что̀ эта штука означаетъ. Узнавъ, что эта мѣдная посуда будетъ показывать погоду, что стрѣлка, которая ходитъ подъ стекломъ, указываетъ и дождь, и сушь, и вѣтеръ, Иванъ Ермолаевичъ заинтересовался. Слушая меня, онъ говорилъ многозначительно: «А-а-а-а... Хорошо... Это ничего... Надыть попытать его!.. Ничего...» Штука эта, которой онъ немедленно же далъ названіе «календарь», пришлась ему по вкусу, какъ вещь, нужная въ хозяйствѣ. До знакомства съ этимъ календаремъ, Иванъ Ермолаевичъ узналъ погоду—вещь для него весьма важную—по множеству собственныхъ наблюденій и примѣтъ.

— Что-то,—говорилъ онъ, напримѣръ, въ ясный лѣтній день:—боюсь я, какъ бы дождя не было?

— Да почему же?—день вѣдь ясный, ни тучки ни облачка?

— Въ ушахъ что-то шумитъ... Вотъ чего я опасаюсь... Какъ ежели округъ ушей въ этакій-то день начнетъ шуршать, шелестить—ужъ это нехорошая примѣта...

Практиковался имъ еще и другой способъ, другая система.

— Какой у насъ нонiче мѣсяцъ идетъ?—спроситъ, бывало, Иванъ Ермолаевичъ:—актябъ?

— Какой октябрь—іюль...

— Я ихъ, мѣсяцовъ-то, не знаю, какъ ихъ прозывать-то... Много вѣдь ихъ... А вотъ, въ которомъ мѣсяцѣ Крещенье, этотъ какъ мѣсяцъ называется?

— Январь.

— Ну, вотъ видишь, теперь надо смотрѣть такъ: январь долженъ стоять противъ нонѣшняго мѣсяца... какой нонѣ мѣсяцъ?

— Іюль, іюль, Иванъ Ермолаевичъ!

— Ну, январь стоитъ противъ іюля, вотъ и надо помнить погоду. Которое сегодня число?

— Сегодня шестое...

— А Крещенье въ кое число?

— Тоже шестого.

— Видишь ты. Вотъ теперь и надо знать... Михайла!—зоветъ онъ работника:—что, не въ примѣту тебѣ, шелъ снѣгъ подъ Крещенье, какъ мы въ Сябринцы хлѣбъ возили?

— Что-то не въ примѣту...

— А кажись, что будто какъ курилъ снѣжокъ-то?

— Н-нѣтъ... не упомню.

— Авдотья!—обращается Иванъ Ермолаевичъ къ женѣ:—не въ примѣту тебѣ, какъ подъ Крещенье ѣздили мы съ Михайлой, бралъ я полушубокъ, али нѣтъ?

Авдотья останавливается съ ведромъ въ рукѣ и думаетъ. Думаетъ серьезно и пристально.

— Полушубокъ?—въ глубокомъ припоминанiи чего-то переспрашиваетъ она и, вспомнивъ что-то, говоритъ:—Н-нѣтъ... кажись.

Авдотья замолчала, и Михайла замолкъ, и Иванъ Ермолаевичъ молчитъ,—всѣ вспоминаютъ.

— Чего ты!—вдругъ, оживившись, восклицаетъ Авдотья:—чай, у Степиныхъ полушубокъ-то взялъ... Вьюга-то къ ночи поднялась... Чай, помнишь, какъ Агаѳья-то прибѣгала, еще телка въ ту пору, и т. д.

— Такъ-такъ-такъ-такъ... — твердитъ Иванъ Ермолаевичъ и самъ припоминаетъ и телку, и Агаѳью, и еще что-нибудь.

Наконецъ и работникъ тоже присовокупляетъ какую-нибудь подробность, такъ что въ концѣ концовъ канунъ Кре-

щенья, бывшій полгода тому назадъ, возстановляется въ памяти Ивана Ермолаевича, его жены и работника во всей подробности. Весь день наканунѣ Крещенья припомнился во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, припомнилась не только погода, но весь обиходъ дня во всей полнотѣ.

— Ну, стало-быть,—заключаетъ это изслѣдованіе Иванъ Ермолаевичъ:—копны-то разваливать (для сушки) погодить надо... Пожалуй, какъ бы къ вечеру-то не собрались тучки, ужъ, видно, надобно повременить.

И такимъ образомъ копны не разваливались, и дѣлалось это на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій и наблюденій. Однако, несмотря на эту точность, не всегда наблюденія Ивана Ермолаевича были удачны. Иной разъ—и это очень часто—ожидалъ онъ дождя, а дождя нѣтъ. Иной разъ выйдетъ напротивъ, то-есть хлынетъ проливень и сгноитъ не одну сотню пудовъ сѣна, тогда какъ по всѣмъ примѣтамъ Ивана Ермолаевича «надо бы быть ведру». Понятно, что появленіе такой выдумки, какъ барометръ, должно было заинтересовать Ивана Ермолаевича, какъ вещь нужная ему, въ его хозяйствѣ, въ его дѣлахъ, и въ эту пору вмѣстѣ съ барометромъ и я оказался ему нуженъ. Обоимъ намъ онъ выказывалъ искреннее вниманіе, особливо когда въ первый же день барометръ какъ нельзя правильнѣе предсказалъ погоду. Едва Иванъ Ермолаевичъ получилъ нѣкоторое основаніе вѣрить привезенной мной выдумкѣ, какъ посѣщенія его сдѣлались особенно часты. Онъ сталъ являться по нѣсколько разъ въ день съ такими вопросами:

— Ну-ка, глянь-ка на календарь-то... Успѣемъ мы до дожжа копны перевозить, али нѣтъ?..

Или:

— Посмотри-ка въ календарь-отъ, разваливать, что-ль, копны-то?

И, примѣнившись къ его желаніямъ, я обыкновенно давалъ такіе отвѣты:

— «Разваливай!» или: «вози!»

И долгое время календарь служилъ намъ исправно. Дошло дѣло даже до такой своеобразности въ этихъ справкахъ съ барометромъ, что для посторонняго человѣка было бы рѣшительно немыслимымъ понять, какимъ образомъ барометръ можетъ быть полезнымъ въ такихъ требованіяхъ, для которыхъ онъ совершенно, повидимому, не предназначенъ. «Не знаю,—скажетъ иной разъ Иванъ Ермолае-

вичъ:—молотить, али лѣсъ пилить... погляди-ка-сь въ календарь-то, какъ тамъ?» Я погляжу и отвѣчаю: «Молотить лучше...»—«Ну, инъ молотить...»

Но вдругъ все рушилось. Дѣло въ томъ, что слово *перемѣнно* занимаетъ въ полукружіи, по которому двигается стрѣлка, почти цѣлую треть; остальныя двѣ трети—каждая раздѣлена на три разряда, указывающіе погоду, но слово *перемѣнно* одно занимаетъ столько же мѣста, сколько три малыхъ разряда, и, по петербургской погодѣ, стрѣлка подолгу шмыгаетъ вдоль этого длиннаго слова *перемѣнно*; то наклонится къ началу, какъ будто къ дождю, то поползетъ къ концу, къ сухой ясной погодѣ, а за предѣлы не выходитъ. Случилось такъ, что стрѣлка застряла въ этомъ длинномъ словѣ дней на десять. Нѣсколько разъ я, на собственный свой рискъ, рѣшался давать нужные Ивану Ермолаевичу отвѣты. Говорилъ попрежнему: «вози!», или «поѣзжай!», или «молоти!», но удачи въ этихъ отвѣтахъ не было, выходилъ обманъ... Такъ случилось нѣсколько разъ кряду, и Иванъ Ермолаевичъ сталъ посѣщать меня рѣже. Къ моему огорченію, я опять все чаще и чаще сталъ слышать въ отворенное окно, какъ Иванъ Ермолаевичъ, толкуя съ работникомъ и женой о погодѣ, вновь возвращается къ своей системѣ... «А что, Михайла,—съ горестью слышу я:—не помнишь ты, какъ мы предъ Святой за солониной ѣздили?.. еще Егоръ Петровъ говорилъ насчетъ костяной мази?..» и т. д. Заглянулъ-было какъ-то Иванъ Ермолаевичъ ко мнѣ и спросилъ: «Ну, что въ календарѣ, какъ?» Но календарь сбился съ толку—стрѣлка застряла въ длинномъ словѣ и не давала отвѣтовъ. И я не рѣшился давать ихъ.

— Ну, несъ съ нимъ!—сказалъ Иванъ Ермолаевичъ и почти совсѣмъ пересталъ посѣщать меня... Надобности ему, очевидно, во мнѣ ужъ не было.

И—увы!—этотъ случай съ календаремъ былъ едва ли, въ сущности, не единственнымъ случаемъ, когда я «въ дѣлахъ Ивана Ермолаевича» понадобился «въ самомъ дѣлѣ», «въ сурьезъ». Былъ еще и другой случай, но въ немъ ужъ не было той серьезности запроса, какая руководила Иваномъ Ермолаевичемъ въ дѣлѣ съ календаремъ, хотя и этотъ не совсѣмъ серьезный случай весьма замѣчателенъ, и замѣчателенъ тѣмъ, что это былъ единственный въ теченіе года случай, когда Иванъ Ермолаевичъ заговорилъ о газетѣ... Никогда я не слыхалъ отъ него никакихъ вопро-

совъ, отвѣты на которые могла бы дать газета. Въ газетахъ онъ пуще всего «жалѣлъ» бумагу, другого интереса она для него не представляла... Понятно поэтому, какъ я удивился, когда однажды на сѣнокосѣ Иванъ Ермолаевичъ подошелъ ко мнѣ самъ и какъ-то загадочно спросилъ:

— Чего нѣтъ ли въ газетахъ хорошенькаго?

Я, признаться, не сразу отвѣтилъ ему, что ничего, молъ, новаго нѣтъ, а нѣсколько мгновеній пристально поглядѣлъ на него, желая знать, «что это означаетъ?». Да и Ивану Ермолаевичу былъ, какъ видно, вопросъ этотъ не совсѣмъ въ привычку: задавая его, онъ стоялъ ко мнѣ какъ-то бокомъ и глядѣлъ въ сторону, да и задалъ-то какимъ-то чрезвычайно небрежнымъ тономъ.

— Сказываютъ,—продолжалъ онъ съ тою же небрежностью и не переставая глядѣть куда-то вдаль:—будто бы гдѣ-то свалилась съ неба кобыла не кобыла... Врутъ, поди? Чего ни наплетутъ иной разъ... Правда или нѣтъ? Чай, неправда?

— Какая кобыла?

— Да врутъ тутъ у насъ, будто версты на три длиннику протянулась, изъ пушекъ въ нее палятъ, а изгнать не могутъ... Такъ, я думаю, болтаютъ зря?

Тутъ я вспомнилъ, что въ газетахъ дѣйствительно было извѣстіе о томъ, что гдѣ-то распространился слухъ о чудовищѣ, свалившемся съ неба, и объявилъ Ивану Ермолаевичу, что, конечно, все это чепуха.

— То-то, я думаю... болтаютъ глупые, а другіе дураки слушаютъ.

Иванъ Ермолаевичъ плюнулъ и ушелъ, но къ величайшему моему удивленію, пропустивъ цѣлую недѣлю, опять завелъ рѣчь объ этой кобылѣ. Опять, какъ и прежде, при случайной встрѣчѣ и такъ же стоя бокомъ и глядя вдаль, прежнимъ презрительнымъ тономъ и какъ-то презрительно улыбаясь, онъ неожиданно проговорилъ:

— Сказываютъ, вся спина у кобылы-то исписана... Что, ничего нѣтъ въ газетахъ?

— Какая спина?

— Да вотъ что врали-то про кобылу-то? Болтаютъ-то? Сказываютъ—все на спинѣ-то прописано... какія бѣдствія и какъ что будетъ, и насчетъ земли, будто будетъ раздача... Не пишутъ?

— Нѣтъ, Иванъ Ермолаевичъ, не слыхалъ и не читалъ.

— Да болтаютъ, такъ... а то бы ужъ, чай, давно про-

печатали, какая тамъ есть надпись... Будто бы все, «что будетъ», сказано?..

— Нѣтъ, не знаю, не слыхалъ...

— То-то, пустое болтаютъ... А то бы, чай, давно бы пропечатали, что у нея тамъ сказано... Дюже, болтаютъ, много надписано на спинѣ-то...

И хотя все это Иванъ Ермолаевичъ говорилъ презрительно и не «въ сурьезъ», но я не могъ не видѣть, что его дѣйствительно занимаетъ и кобыла и надпись. Но газета не сослужила службы; мы съ ней не пригодились Ивану Ермолаевичу, и вотъ съ тѣхъ поръ, хотя и видаемся ежедневно и спрашиваемъ другъ друга: «какъ дѣла?», «все ли благополучно?», хотя и даемъ вѣжливые отвѣты: «все, славу Богу, помаленьку» и т. д., но въ сущности дѣла другъ друга насъ не интересуютъ: онъ не понимаетъ моихъ дѣлъ, а я не понимаю его, и между нами вотъ ужъ ровно годъ ничего кромѣ вѣжливости нѣтъ.

II. Общій взглядъ на крестьянскую жизнь.

Но что всего поразительнѣе въ этомъ взаимномъ нашемъ непониманіи другъ друга, такъ это то, что Иванъ Ермолаевичъ выказываетъ непониманіе въ особенно сильной степени именно относительно крестьянскихъ дѣлъ, вопросовъ крестьянской жизни, о которыхъ я нахожу нужнымъ бесѣдовать съ нимъ очень часто; замѣчательно, что всякій разъ, когда рѣчь коснется такъ-называемыхъ крестьянскихъ интересовъ, т.-е. интересовъ, касающихся непосредственно Ивана Ермолаевича, тутъ-то онъ особенно какъ-то деревенѣетъ, тутъ онъ именно «не ведетъ ухомъ», ничего не слышитъ,—очевидно, не хочетъ слышать и зѣваетъ ужаснѣйшимъ образомъ. Это полнѣйшее равнодушіе къ *«собственнымъ своимъ»* интересамъ поражало меня въ высшей степени. На мой взглядъ, жизнь современнаго крестьянина на каждомъ шагу, кажется, вопіетъ о томъ, что только дружество, сотоварищество, взаимное сознаніе пользы общиннаго, коллективнаго труда на общую пользу—суть единственная надежда крестьянскаго міра на болѣе или менѣе лучшее будущее, единственная возможность «сократить»

тѣ невѣроятные размѣры труда, поглощающаго *всю* крестьянскую жизнь, не оставляя досуга, который теперь лежитъ на крестьянинѣ такимъ тяжелымъ и, какъ мнѣ казалось (и кажется), безплоднымъ бременемъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь, и посудите, изъ-за чего человѣкъ бьется. Крестьянская пословица говоритъ: «лѣто работаетъ на зиму, а зима на лѣто». И точно: лѣтомъ съ утра до ночи безъ передышки бьются съ косьбой, съ жнивомъ, а зимой скотина съѣстъ сѣно, а люди хлѣбъ, весну и осень идутъ хлопоты приготовить пашню для людей и животныхъ, лѣтомъ соберутъ, что дастъ пашня, а зимой съѣдятъ. Трудъ постоянный, и никакого результата, кромѣ навоза, да и того не остается, ибо и онъ идетъ въ землю, земля ѣстъ навозъ, люди и скотъ ѣдятъ, что даетъ земля. Самъ Богъ, Отецъ Небесный, поминается только какъ участникъ въ этой безплодной по результатамъ дѣятельности лабораторіи. Богъ дастъ дождь, ведро, нужные для сѣна, овса, ржи, которые нужны для лошадей, овецъ, коровъ и людей, а въ результатѣ—навозъ, нужный для земли, и т. д. до безконечности. Промучившись (на мой взглядъ) такимъ образомъ лѣтъ 70, обыватель и самъ отправляется въ землю.

Присматриваясь къ непрерывному труду, вплетенному въ этотъ вѣковѣчный химическій процессъ жизни, я (человѣкъ, деревнѣ совершенно посторонній) ничѣмъ инымъ не могу объяснить себѣ этой безпрерывной неустанности труда, какъ только тѣмъ, что всѣ живыя существа, участвующія въ немъ, «должны быть сыты» для поддержанія собственнаго своего существованія. Я очень хорошо знаю и понимаю, что, кромѣ непрерывнаго труда, химическій круговоротъ наблюдаемой мною жизни также переплетенъ во всѣхъ направленіяхъ страданіями сердца, радостями и горестями; тутъ слышенъ плачъ, тамъ стоны, тамъ скрежетъ зубовный; я очень хорошо знаю, что, кромѣ химическаго элемента, во всемъ этомъ процессѣ постоянно слышится и чувствуется «человѣкъ», но именно потому-то, что я это понимаю, меня и поражаетъ безплодность труда, безплодность *по отношенію къ человѣку*, къ его слезамъ, радостямъ и къ зубовному его скрежету. Именно въ человѣческомъ-то смыслѣ, или, говоря точнѣе, «въ расчетѣ-то на человѣка» безплодность неустаннаго труда оказывается поразительною. Какъ бы я пристально ни вглядывался въ него, какъ бы ни ужасался его размѣровъ—я рѣшительно не вижу, чтобы

въ глубинѣ этого труда и въ его конечномъ результатѣ лежали мысль и забота о человѣкѣ въ размѣрахъ, достойныхъ этого неустаннаго труда.

Повторяю опять: забота эта есть, но она не смѣетъ равняться съ заботами, напримѣръ, о скотинѣ. Вотъ, напримѣръ, у Ивана Ермолаевича баранъ, по имени «Сенька», зашибъ рогами мальчика; мальчикъ нѣкоторое время лежалъ безъ чувствъ, потомъ, очнувшись, нѣкоторое время рыдалъ, какъ помѣшанный, отъ испуга. И теперь едва ли испугъ этотъ не останется въ немъ на всю жизнь; Иванъ Ермолаевичъ и его жена—оба «мучились» надъ мальчишкой: прикладывали что-то,—напримѣръ, навозъ теплый,—поили травами, вообще лѣчили и болѣли душой; но лѣчили они его средствами, какія найдутся «вокругъ дому», какъ и вообще лѣчатся крестьяне; а вотъ захромала у Ивана Ермолаевича кобыла, полѣчилъ онъ ее также собственными средствами, также намазывалъ на тряпку (тряпка ужъ сама по себѣ въ деревнѣ какъ бы медикаментъ) какую-то дрянь, а кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ и привезъ коновала и три рубля серебромъ ему не пожалѣлъ. Очень хорошо знаю, чѣмъ могутъ мнѣ объяснить эту разницу отношеній Ивана Ермолаевича къ лошади и человѣку, но никакъ не могу не обратить вниманія на то, что вотъ для лошади въ народѣ есть уже профессія не вполнѣ шарлатанская, — къ услугамъ коновала прибѣгаютъ и культурные владѣтели лошадей. У коновала есть «инструменты», выдуманные народомъ, есть «вѣрныя», точныя средства, а для человѣка ничего въ этомъ родѣ не выдумано, кромѣ знахарей, которые далеко ниже по познаніямъ коновала и, какъ всѣмъ извѣстно, преисполнены шарлатанства, выѣзжаютъ на невѣжествѣ, тогда какъ коновалу на незнаніи своего дѣла никоимъ образомъ выѣхать невозможно: всякій крестьянинъ и самъ въ этихъ (лошадиныхъ) дѣлахъ понимаетъ очень много. А вотъ, когда мальчишка оретъ, то тутъ могутъ только плакать и прикладывать тряпку съ навозомъ или съ чѣмъ-нибудь другимъ, что тутъ около дому валяется, какъ никуда негодная дрянь. Единственно, чѣмъ я могу объяснить такое вниманіе къ лошади, это тѣмъ, что она нужна въ каторжномъ трудѣ, ежедневномъ и неустанномъ, такъ какъ безъ этого труда ни Ивану Ермолаевичу ни его мальчишкѣ нечего было бы ѣсть. Да и самъ Иванъ Ермолаевичъ, подводя итогъ своимъ ежегоднымъ трудамъ, говоритъ, что въ концѣ концовъ «только что сыты, больше ничего!».

Я это хорошо вижу и глубоко сожалѣю Ивана Ермолаевича и всѣхъ ему подобныхъ, но въ то же время меня поражаетъ слѣдующее обстоятельство.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Иванъ Ермолаевичъ «бьется» надъ работой изъ-за того только, чтобы быть сытымъ, точно такъ же бились ни много ни мало, какъ тысячу лѣтъ, его предки и, можете себѣ представить, рѣшительно ничего не выдумали и не сдѣлали для того, чтобы хоть капельку облегчить ему возможность быть «сытымъ». Предки, тысячу лѣтъ жившіе на этомъ самомъ мѣстѣ (и въ настоящее время давно распаханные «подъ овесъ» и въ видѣ овса съѣденные скотиной), даже мысли о томъ, что каторжный трудъ, изъ-за необходимости быть сытыми, долженъ быть облегчаемъ, не оставили своимъ потомкамъ; въ этомъ смыслѣ о предкахъ нѣтъ ни малѣйшихъ воспоминаній. У Соловьева, въ «Исторіи», еще можно кое-что узнать насчетъ здѣшняго прошлаго, но здѣсь, на самомъ мѣстѣ, «никому» и «ничего неизвѣстно». Хуже той обстановки, въ которой находится трудъ крестьянина, представить себѣ нѣтъ возможности, и надобно думать, что тысячу лѣтъ тому назадъ были тѣ же лапти, та же соха, та же тяга, что и теперь. Не осталось отъ прародителей ни путей сообщенія, ни мостовъ, ни малѣйшихъ улучшеній, облегчающихъ трудъ. Мостъ, который вы видите, построенъ потомками и еле держится. Всѣ орудія труда первобытны, тяжелы, неудобны и т. д. Прародители оставили Ивану Ермолаевичу непроѣздное болото, чрезъ которое можно перебираться только зимой, и, какъ мнѣ кажется, Иванъ Ермолаевичъ оставитъ своему мальчишкѣ болото въ томъ же самомъ видѣ. И его мальчонка будетъ вязнуть, «биться съ лошадью» такъ же, какъ бьется Иванъ Ермолаевичъ. Но, оставивъ прародителей въ сторонѣ, я, въ качествѣ человѣка посторонняго деревенской жизни и деревенскому труду, рѣшительно недоумѣваю и теряюсь въ догадкахъ, объясняя себѣ это видимое мнѣ и совершенно непостижимое для меня равнодушіе—положимъ, хоть въ Иванѣ Ермолаевичѣ—относительно «облегченія» этой необходимости быть «сытымъ». Я рѣшительно не понимаю, почему Иванъ Ермолаевичъ, который непремѣнно поднимаетъ обрывокъ веревки или гвоздя, если они попадутся ему на дорогѣ, теряетъ, въ лицѣ многихъ такихъ же, какъ и онъ, истинныхъ «крестьянъ», сотни, тысячи рублей на продуктахъ собственнаго своего каторжнаго труда, сотни, даже тысячи, которыя несомнѣнно облег-

чили бы, улучшили его благосостояніе и дали бы возможность заботиться о мальчишкѣ болѣе, чѣмъ о жеребенкѣ. Въ отношеніи этого равнодушія къ собственной выгодѣ на моихъ глазахъ происходятъ удивительныя нелѣпости. Напримѣръ, сѣно въ здѣшнихъ мѣстахъ—продуктъ, могущій доставить почти такую же денежную поддержку, какъ ленъ въ Псковѣ или пшеница въ Самарѣ, съ тою однако разницею, что сѣно растетъ «даромъ». Косятъ его здѣсь всѣ крестьяне, въ томъ числѣ и Иванъ Ермолаевичъ, и потому, что вывезти его лѣтомъ нельзя,—такъ какъ мѣстность перерѣзана болотомъ,—продаютъ его «по нуждѣ» на мѣстѣ за самую ничтожную цѣну кулакамъ и барышникамъ, которые, дождавшись зимы, т.-е. времени, когда болото замерзнетъ, вывозятъ сѣно въ Петербургъ и продаютъ его втридорога. На глазахъ всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ постоянно, изъ года въ годъ, происходятъ такія, напримѣръ, вещи: мѣстный кулачокъ, не имѣющій покуда ничего кромѣ жадности, занимаетъ на свой рискъ въ сосѣднемъ ссудномъ товариществѣ полтораста рублей и начинаетъ въ теченіе мая, іюня, іюля—мѣсяцевъ, самыхъ труднѣйшихъ въ крестьянской жизни—покупать сѣно по пяти или много-много по десяти копеекъ за пудъ; при первомъ снѣгѣ онъ вывозитъ его на большую дорогу, гдѣ немедленно ему даютъ тридцать и болѣе копеекъ за пудъ. На глазахъ всего честного міра человѣкъ, не шевельнувъ пальцемъ, наживаетъ поистинѣ кучу денегъ, которыя при всѣхъ и кладетъ себѣ въ карманъ. Какимъ образомъ Иванъ Ермолаевичъ дорожитъ гвоздемъ, говоря: «онъ денегъ стоитъ», и не дорожитъ сотнями рублей, которые онъ бросаетъ кулаку на разживу? Ежегодно деревня накашиваетъ до сорока тысячъ пудовъ сѣна, и ежегодно кулачишка кладетъ въ карманъ болѣе пяти тысячъ рублей серебромъ крестьянскихъ денегъ *у всѣхъ на глазахъ*, не шевеля пальцемъ? Дорожитъ ли человѣкъ своимъ трудомъ, поступая такимъ образомъ? Если онъ дорожитъ, то неужели вся деревня (двадцать шесть дворовъ) не можетъ, во имя облегченія общаго труда, сдѣлать того же, что и кулачишка, и слѣдовательно «могутъ» быть не въ кабалѣ, «могутъ» даже «сдѣлать» цѣну своему товару, могутъ ждать цѣнъ и т. д. И ничего этого нѣтъ. Тысячу лѣтъ не могутъ завалить болота на протяженіи четверти версты, что сразу бы необыкновенно увеличило доходность здѣшнихъ мѣстъ, а между тѣмъ всѣ Иваны Ермолаевичи отлично знаютъ, что эту работу «навѣки вѣковъ» можно

сдѣлать въ два воскресенья, если каждый изъ 26-ти дворовъ выставитъ человѣка съ топоромъ и лошадью.

И въ то же время самыя, на мой взглядъ, пустячныя, ничего не стоящія мірскія дѣла, въ родѣ хоть мірской загороди или дѣлежа лядины, поглощаютъ массу общественнаго вниманія: тутъ мѣряютъ по двадцати разъ то, что давно вымѣрено, мѣряютъ и веревками, и саженями, и кольями, и лаптями, да чтобы *носкомъ непремѣнно въ пятку попадало*; тутъ и значки, и жеребья, и значки на жеребьяхъ,— словомъ, тутъ все разработано, даже свыше необходимости, тутъ дѣло доведено даже до артистическаго совершенства, превращено почти «въ церемонію». Я очень хорошо понимаю, что основаніемъ къ такой тщательности въ самыхъ пустяковыхъ пустякахъ служитъ желаніе сдѣлать дѣло «безъ обиды»; но почему необходимо быть дранымъ за невзносъ податей, почему необходимо драть или смотрѣть, какъ дерутъ, въ то время, когда всѣмъ видно, что драный человѣкъ не платитъ потому, что откармливаетъ кулачишку,—этого я не понимаю.

Не менѣе непонятными кажутся мнѣ и тѣ случаи, когда мѣстный крестьянинъ, благодаря какому-нибудь неожиданному обстоятельству, какъ бы образумливался и начиналъ понимать «собственную свою пользу» въ томъ видѣ, въ какомъ понимать ее слѣдуетъ, и, главное, принималъ при этомъ во вниманіе то обстоятельство, что время теперь не то, что было недавно, что теперь деревня должна подумать и о коллективной оборонѣ. Одинъ такой случай былъ у мѣстныхъ крестьянъ и заключается въ слѣдующемъ. Одинъ неудачникъ-землевладѣлецъ, задумавшій вести «большое», по «иностраннымъ образцамъ», хозяйство, какъ водится, разорился и ушелъ отсюда совсѣмъ. Послѣ него въ деревнѣ оказался сѣнной прессъ. Машина соединила разрозненный крестьянскій міръ. Лучше всего, что за отсутствіемъ барина она была «ничья». Додумались прессовать сѣно всѣмъ міромъ, сообща нанимать вагонъ и продавать въ Петербургѣ. Пошло дѣло отлично, но на слѣдующій годъ въ Петербургѣ *не стали принимать здѣшняго сѣна въ прессованномъ видѣ*. «Помилуйте! — говорятъ: — обрадовались, что выгодно,—и ну пихать въ нутро всякую дрянь: то полѣно, то камень, то навозу набьютъ туда, благо не видать съ боковъ»... Теперь здѣшнее сѣно покупалось въ Петербургѣ не иначе, какъ съ возовъ. Такое своеобразное пониманіе выгоды, конечно, имѣетъ множество основаній, но вотъ что

нехорошо: года два тому назадъ пріѣхали изъ Лондона въ ближній къ нашимъ мѣстамъ губернскій городъ два англичанина. По-русски они ни слова не говорили и не говорятъ; пріѣхали они честь-честью, наняли домъ самый лучшій, завели какіе-то экипажи, необыкновенные, на высокихъ колесахъ и т. д. Въ этихъ экипажахъ они разъѣзжаютъ по городу съ своими семействами передъ обѣдомъ и послѣ обѣда и живутъ въ свое удовольствіе. Какъ же могло случиться, что немедленно же по ихъ пріѣздѣ вся сѣнная операція на сотни верстъ очутилась у нихъ въ рукахъ? А между тѣмъ это фактъ, и сѣнное дѣло теперь находится въ слѣдующемъ видѣ: кулачишка, занявъ деньги въ ссудномъ товариществѣ, закупаетъ у крестьянъ въ «нужное» время, лѣтомъ, за безцѣнокъ и поставляетъ «англичанамъ», а англичане поставляютъ въ Петербургъ въ разныя казенныя учрежденія. Прессъ дѣйствуетъ попрежнему, но работаетъ ужъ не на міръ, а на англичанина. «Кому прессуете?»—«Чарльзу!»—отвѣчаютъ мужики. Кулачишка такъ тотъ просто благоговѣетъ передъ «англичанами», и именно потому, что они, кажется, и пальцемъ не шевельнутъ, все только въ экипажахъ на красныхъ колесахъ ѣздятъ, а все дѣло забрали въ руки. «Ужъ гос-с-спода!—говоритъ кулачишка.—Одно слово! Хоть бы взять Чарльзъ Иваныча или Диксонъ Петровича—одно слово, какъ ни оберни—господа на отдѣлку!». Такимъ образомъ, въ то время какъ Диксонъ Петровичъ съ Чарльзъ Ивановичемъ разъѣзжаютъ съ сигарами въ зубахъ въ своихъ отличныхъ экипажахъ, «отдыхая» послѣ завтрака и обѣда, здѣшній крестьянинъ продолжаетъ священнодѣйствовать передъ такой громадной общественной надобностью, какъ загородь, даетъ цѣлыя драматическія представленія при наймѣ пастуха или при покупкѣ быка,—словомъ, всячески старается, чтобъ «не обидѣть» ни себя ни ближняго, даже на порошинку, и рѣшительно не находитъ возможности замостить четверть версты болота, въ которомъ и лежитъ корень очень многихъ изъ его ежедневныхъ и ежечасныхъ обидъ.

Примѣровъ такого безграничнаго равнодушія къ «собственной своей выгодѣ», какъ ее надо понимать при новыхъ условіяхъ крестьянской жизни, можно было бы привести очень много. Положительно на каждомъ шагу я, человѣкъ, совершенно посторонній деревнѣ, могъ бы указать, что вотъ тутъ-то крестьяне теряютъ то-то; а вотъ здѣсь они явно разстраиваютъ свое благосостояніе. И, по

неопытности моей, объясняя это видимое мнѣ каторжное существованіе только тѣмъ, чтобы кое-какъ пробиться, «быть сытымъ», я не могъ не волноваться, а по временамъ не выходить положительно «изъ себя», видя глубочайшее невниманіе такихъ подлинныхъ радѣтелей «крестьянства», какъ Иванъ Ермолаевичъ, ко всему, что облегчаетъ трудъ, что передаетъ выгоды этого труда въ тѣ руки, которымъ эти выгоды принадлежатъ по справедливости, и т. д. Много и долго распространялся я иногда на тему «о непониманіи собственной пользы», о грабительствѣ, которому служатъ Иваны Ермолаевичи своими трудами и руками, и т. д. И все какъ къ стѣнѣ горохъ! О всякихъ коллективныхъ оборонахъ противъ всевозможныхъ современныхъ золъ, идущихъ на деревню, не могло быть и рѣчи.

— Захотѣли вы съ нашимъ народомъ! Нешто нашъ народъ присогласишь? Нешто онъ что понимаетъ?

Вотъ какіе были отвѣты Ивана Ермолаевича на мои разглагольствованія о «ихней пользѣ». Такой неустанный труженикъ не зналъ, куда, кому и зачѣмъ онъ платитъ, не имѣя никакого понятія о земствѣ, о выборѣ въ гласные и т. д. Твердо былъ увѣренъ, что все это до него ни капли не касается. О ссудо-сберегательномъ товариществѣ ровно ничего не понялъ изъ всѣхъ моихъ разсужденій и только замѣтилъ: «Брать-то хорошо, а вотъ отдавать-то какъ?.. Свяжешься... Богъ съ нимъ совсѣмъ!». А когда я указывалъ на кулака, который беретъ и отдаетъ и выгоду имѣетъ, то Иванъ Ермолаевичъ говорилъ: «Ну, песъ съ нимъ... тамъ ужъ это ихній расчетъ... А то свяжешься—не развязаться»...

Однажды онъ меня поразилъ самымъ неожиданнымъ образомъ въ разговорѣ объ общественныхъ крестьянскихъ должностяхъ:

— Всѣ они (выборные)—народъ ненадежный... Покуда живетъ крестьянствомъ—ничего, а какъ выбрали въ должность — чистая дѣлается собака. Какъ присягу принялъ, точно въ звѣря оборачивается... По мнѣ, такъ я, кажется, за милліонъ на это не согласился бы.

— На что?

— Напримѣръ, принять присягу волостную. Я однова слушалъ, такъ обмеръ начисто. Какъ зачалъ попъ вычитывать—«отъ отца, отъ матери отрекись, отъ братьевъ, сестеръ отрекись, отъ роду и племени откажись»—волоса у меня на макушкѣ даже поднялись дыбомъ. Передъ Богомъ!

Ужъ который человѣкъ такимъ манеромъ себя проклялъ, такъ онъ отъ этого самаго не иначе дѣлается, какъ злодѣемъ.

Такой взглядъ на присягу несказанно меня удивилъ. Удивилъ онъ меня немало и въ другой разъ, когда я случайно засталъ его, какъ онъ училъ своего сынишку молитвамъ. Иванъ Ермолаевичъ въ Бога вѣрилъ крѣпко, непоколебимо крѣпко, близость Бога ощущалъ почти до осязанія, а молитвы читалъ по-своему: «Вѣрую во единаго Бога Отца,—училъ онъ сынишку:—и въ небо и землю. Видимо невидимо, слышимо неслышимо. Припонтистился еси, распилатился еси...». А дальше ужъ Богъ знаетъ что было. Кончалась «Вѣрую» такъ: «отъ лукаваго. Аминь».

Все это однакожъ пустяки сравнительно вообще съ невниманіемъ къ опредѣленію своего положенія не только на бѣломъ свѣтѣ, а въ кругу даже 26-ти дворовъ, среди которыхъ Иванъ Ермолаевичъ жилъ, живетъ и жить будетъ. Не говоря о равнодушіи къ общественнымъ порядкамъ, не касающимся непосредственно хозяйства, я замѣчалъ въ Иванѣ Ермолаевичѣ невниманіе и къ людямъ. Напримѣръ, онъ отлично зналъ, сколько у кого скота, хлѣба, что «дадено» за лошадь въ такомъ-то дворѣ; словомъ, сколько у кого физическихъ рессурсовъ къ существованію. Но случись въ этомъ дворѣ какое-нибудь изъ ряду выходящее событіе, объяснить которое можно, только зная «людей», участвовавшихъ въ немъ,—не объяснитъ. Случилось въ деревнѣ два самоубійства, и никто ничего не могъ объяснить. «Должно, деньги пропилъ»...—говорили про солдата, который еще вчера работалъ въ огородѣ, пололъ капусту, а сегодня найденъ подъ переметомъ.—«Вѣдь это, братецъ, какъ сказать—отъ чего? Стало-быть, ужъ ему такъ положено. Вотъ прошлый годъ тожъ вдова одна такъ же вотъ самовольно покончилась. А послѣ нея осталось денегъ тринадцать рублей, двѣ коровы, да картофелю мѣшка четыре—вотъ тутъ и думай! Скучалъ-скучалъ, глядишь—и задавился!»

Не разъ, глядя на эту почти добровольную отдачу себя на съѣденіе всѣмъ, кто пожелаетъ, всѣмъ, у кого загребиста лапа, я въ глубокомъ унынiи восклицалъ,—конечно, въ мысляхъ моихъ: «Боже мой! какія же нужны еще казни египетскія, чтобы сокрушить въ Иванѣ Ермолаевичѣ это непоколебимое невниманіе къ «собственной пользѣ»! Вѣдь это невниманіе дѣлаетъ то, что черезъ десять лѣтъ (много-

много) Ивану Ермолаевичу и ему подобнымъ нельзя будетъ жить на свѣтѣ: они воспроизведутъ къ тому времени два новыя сословія, которыя будутъ тѣснить и напирать на «крестьянство» съ двухъ сторонъ: сверху будетъ насѣдать представитель третьяго сословія, а снизу тотъ же братъ мужикъ, но уже представитель четвертаго сословія, которое неминуемо должно быть, если будетъ третье. Этотъ представитель четвертаго деревенскаго сословія непремѣнно будетъ *золъ* (о происхожденіи *злого мужика* будетъ сказано въ слѣдующемъ отрывкѣ) и неумолимъ въ мщеніи, а мстить онъ будетъ за то, что очутился въ дуракахъ, то-есть поймётъ наконецъ (и очень скоро), что онъ платится за свою дурость, что онъ былъ и есть дуракъ, дуракъ темный, отчего и разозлился *самъ на себя.* И горько поплатятся за это всѣ тѣ, кто, по злому, хитрому умыслу, по невниманію или равнодушію, поставили его въ это «дурацкое» положеніе. Другимъ словомъ нельзя опредѣлить этого положенія, ибо если въ русской деревнѣ завелся хроническій нищій, то только существованіемъ какого-то *неумнаго мѣста* въ организаціи общественной, ничѣмъ другимъ это явленіе объяснить нельзя. Все есть для того, чтобы такого явленія не было,—а оно уже есть; никакими резонами, мало-мальски подходящими къ тому, что̀ опредѣляется словами: «необходимость», «неизбѣжность», нельзя этого явленія объяснить. Представитель русскаго четвертаго сословія есть продуктъ безсердечной общественной невнимательности—ничего болѣе. Впрочемъ, объ этомъ послѣ; теперь же возвратимся къ Ивану Ермолаевичу.

Безмѣрное равнодушіе Ивана Ермолаевича къ напирающимъ на него бѣдствіямъ, въ видѣ третьяго и четвертаго сословій, въ видѣ наконецъ пришельца-переселенца изъ остзейскихъ провинцій, не разъ становило меня втупикъ, и я недоумѣвалъ: что̀ именно даетъ Ивану Ермолаевичу силу переносить свое труженическое существованіе? Что̀ держитъ его на свѣтѣ, изъ какихъ лакомыхъ приправъ сварена та чечевичная похлебка, за которую онъ явно продаетъ свое первородство? Неужели въ самомъ дѣлѣ Иванъ Ермолаевичъ и его тысячелѣтніе предки «бьются» только изъ-за податей? Или въ самомъ дѣлѣ изъ-за куска хлѣба? Но, если бы это было такъ, Иванъ Ермолаевичъ не перенесъ бы удовольствія платить подати не только тысячу лѣтъ, но и тысячу минутъ. Когда ему что̀ *не нравится*, надоѣдаетъ, *онъ нетерпѣливъ;* онъ даже внѣшняго прили-

чія не соблюдаетъ, когда ему что-нибудь непонутру; вѣдь вотъ зѣваетъ же онъ самымъ потрясающимъ образомъ, когда я разговариваю съ нимъ о вещахъ, которыя онъ слушать не желаетъ. Всякій разъ, когда я заведу рѣчь о коллективной оборонѣ деревни въ томъ или другомъ видѣ, Иванъ Ермолаевичъ немедленно найдетъ предлогъ улизнуть отъ меня: то ему захочется спать, то болитъ нога, то надо поглядѣть, отчего лаютъ собаки? Словомъ, всегда найдетъ предлогъ увильнуть, и увильнетъ. Что же за пріятность въ податяхъ, что за удовольствіе биться всю жизнь изъ-за нихъ или только изъ-за хлѣба? Неужели же такое существованіе можно назвать жизнью? А между тѣмъ Иванъ Ермолаевичъ, *на мой взглядъ*, именно бьется, и именно изъ-за хлѣба, ибо и самъ онъ совершенно справедливо увѣряетъ, что въ концѣ концовъ онъ только «сытъ».

III. Поэзія земледѣльческаго труда.

Объясняя себѣ эту загадку существованія, я приходилъ къ самымъ мрачнымъ и безобразнымъ выводамъ; то мнѣ казалось, что Ивану Ермолаевичу предопредѣлено пережить еще одно тягостнѣйшее иго, иго нѣмецкаго пришельца, то мнѣ казалось, что Ивану Ермолаевичу «предназначено» терпѣть, «влачиться по браздамъ» и т. д. Словомъ, все выходило ужасно нескладно, произвольно и неосновательно въ высшей степени. Только-что я объясню себѣ тайну каторжнаго существованія «терпѣніемъ во Христѣ», какъ натолкнусь на рыданія невѣстки Ивана Ермолаевича, которая говоритъ, рыдая, что ее «съѣли» въ семьѣ Ивана Ермолаевича и ждутъ не дождутся, когда она протянетъ ноги, чтобы взять другую бабу, здоровую; и злы-то на нее («поѣдомъ ѣдятъ», «сживаютъ со свѣту») за то, что она больна и въ хозяйствѣ только помѣха. Только-что объясню себѣ существованіе Ивана Ермолаевича предопредѣленіемъ насчетъ новаго двухсотлѣтняго нѣмецкаго ига, какъ встрѣчусь съ такими проявленіями русскаго ребросокрушительнаго патріотизма, что мнѣ начинаетъ казаться, будто насчетъ ига «бабушка сказала еще на-двое», т.-е. что, пожалуй, ига-то этого и не будетъ.

Словомъ, тайна безплодности и непрестанности труда,

изъ которыхъ сотканы дни, часы и годы существованія Ивана Ермолаевича и многихъ ему подобныхъ, такъ и оставалась досадною, неразгаданною тайной.

И вдругъ случилось обстоятельство, которое пролило нѣкоторый свѣтъ на эту тайну—и представило жизнь и интересы жизни, волновавшіе Ивана Ермолаевича и державшіе его на бѣломъ свѣтѣ, въ совершенно неожиданномъ для меня видѣ и въ такого рода ежедневныхъ явленіяхъ, которымъ я до сихъ поръ не придавалъ ни малѣйшаго значенія. Обстоятельство, столь чудотворно просвѣтившее меня, было въ высшей степени ничтожное,—до того ничтожное, что мнѣ даже совѣстно утруждать имъ вниманіе благосклоннаго читателя. Дѣлать однако нечего, и разсказать объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ приходится болѣе или менѣе подробно. Вотъ какъ было дѣло.

Иванъ Ермолаевичъ поитъ телятъ, которыхъ продаетъ пріѣзжающимъ изъ Петербурга телятникамъ. Занятіе выгодное, такъ какъ каждый такой теленокъ продается рублей по тридцати и болѣе. Поитъ онъ молокомъ, и такихъ телятъ у него было восемь штукъ. Какъ-то онъ объявилъ мнѣ, что купилъ у какой-то старухи девятаго теленка, и мы вмѣстѣ порадовались, что теленокъ хорошъ и купленъ дешево. На слѣдующій день я встрѣтилъ Ивана Ермолаевича на дворѣ; онъ смотрѣлъ, какъ жена его поитъ телятъ, былъ какъ-то унылъ и что-то разсказывалъ мнѣ про новую телушку, безпрестанно ругая старуху, у которой она куплена. Сотни разъ слышалъ я разсказы и разговоры Ивана Ермолаевича про его хозяйственныя заботы, про телятъ, про овецъ и т. д., но, какъ ужъ сказано было въ началѣ этого отрывка, не имѣлъ терпѣнія и интереса вслушиваться въ эти разсказы. Не вслушивался я еще и потому, что обыкновенно думалъ о другомъ, о чемъ-нибудь своемъ, и если интересовался «крестьянствомъ», то вовсе не со стороны этихъ происшествій съ телятами, утятами и т. д. Но на этотъ разъ, когда я уже совсѣмъ былъ готовъ пропустить мимо ушей разсказываемое происшествіе съ теленкомъ, меня поразило почти драматическое выраженіе его голоса, которымъ онъ произнесъ: «Вотъ онъ! Поглядите на него, на проклятущаго, и смотрѣть-то на него, на проклятаго, тошно!». И вновь принялся ругать старуху.

Меня потому поразилъ драматическій тонъ этихъ словъ Ивана Ермолаевича, потому онъ меня заставилъ вникнуть въ огорченіе Ивана Ермолаевича, въ исторію съ телен-

комъ,—что мгновенно, неожиданно воскресилъ въ моей памяти другое, нисколько на исторію съ теленкомъ не похожее обстоятельство, которое однако вызвало почти точь въ точь такое же восклицаніе и *точь въ точь такимъ же тономъ* у другого человѣка, нисколько на Ивана Ермолаевича не похожаго.

Лѣтомъ 1876 года одинъ русскій художникъ повелъ меня въ луврскій музей смотрѣть Венеру Милосскую. Всю дорогу онъ приготовлялъ меня къ пониманію этого дивнаго произведенія, бранилъ Фета за его стихотвореніе, посвященное этой самой Венерѣ, говоря, что въ немъ нѣтъ ни одной черты, хоть отдаленно напоминающей то, что̀ есть въ *этой* Венерѣ, и т. д. Приготовляя меня къ предстоящему зрѣлищу, какъ къ святынѣ, онъ всячески старался настроить меня такъ, чтобы я могъ воспріять хоть каплю той красоты, которую развиваетъ это удивительное произведеніе, велъ меня по коридорчику, ведущему къ статуѣ, рисующейся въ отдаленіи, почти съ такою же осторожностью, точно мы шли къ умирающему больному, ступая осторожно кончиками пальцевъ, и... вдругъ остановился, какъ-то безпомощно опустилъ руки и, обернувшись ко мнѣ, *точь въ точь такимъ же* драматическимъ тономъ, какъ и Иванъ Ермолаевичъ, проговорилъ: «Ну, скажите, пожалуйста, на что это похоже? Посмотрите-ка, что̀ они надѣлали...»

Кто «они», я не зналъ и рѣшительно недоумѣвалъ, что̀ такое *они* натворили. Оказалось однако, что администрація Лувра, или вообще кто-то имѣющій власть въ немъ распоряжаться, въ видахъ того, что мраморъ, изъ котораго высѣчена статуя, ветхъ, крошится, распорядился немного, чуть-чуть, съ величайшею осторожностью, поправить кой-какія наиболѣе ветхія точки: такимъ образомъ оказалось, что на лѣвомъ колѣнѣ и на носу у статуи не то намазано, не то насыпано что-то бѣлое, отчего носъ у Венеры Милосской походилъ на утиный... Этотъ-то утиный носъ, оказавшійся тамъ, гдѣ должно было быть совсѣмъ другое, до того потрясъ художника, такъ его ошеломилъ, что онъ, за минуту назадъ до крайности взволнованный, возбужденный, какъ бы мгновенно усталъ, обезсилѣлъ и ушелъ вонъ совершенно разстроенный,

Рѣшительно точь въ точь то же душевное оскорбленіе, та же нравственная обида слышалась въ голосѣ Ивана Ермолаевича, когда онъ указывалъ мнѣ на теленка и говорилъ:

— Вотъ поглядите на него, на проклятущаго!

Совпаденіе той и другой обиды было до такой степени поразительно, что я невольно перенесъ на теленка, и на Ивана Ермолаевича, и на всю эту исторію съ теленкомъ понятное мнѣ до нѣкоторой степени огорченіе художника. И что же? Оказалось, что Иванъ Ермолаевичъ былъ огорченъ почти такъ же, какъ и художникъ, т.-е. именно *оскорбленъ теленкомъ въ глубинѣ своихъ художественныхъ требованій.* И въ самомъ дѣлѣ, теленокъ не пилъ молока; старуха, продавая его, не сказала Ивану Ермолаевичу, что теленокъ пріученъ пить овсянку съ отрубями и съ яйцомъ, и что молока онъ не пьетъ. Зрѣлище, на которое Ивану Ермолаевичу было «тошно смотрѣть», было такое: всѣ восемь телятъ столпились у крыльца и изъ корытъ и изъ шаекъ «дружно» тянули молоко, весело помахивая своими хвостами, похожими на палки; одинъ только новый, купленный теленокъ стоялъ въ сторонѣ, сердито взывая о пищѣ, выказывая недовольство. Недовольный, мрачный, явившійся въ чужой монастырь съ своими уставами, онъ явно нарушалъ художественную сторону вечернихъ порядковъ хозяйства. И лошади, и коровы, и овцы, все это было на своихъ мѣстахъ, словомъ, все въ хозяйствѣ было какъ всегда, какъ привыкъ видѣть хозяйскій глазъ, и вотъ тутъ-то, въ видѣ новаго теленка, неожиданно появилось нѣчто чуждое, несогласное, мрачно и грубо недовольное, какъ бы даже критикующее. Мрачное состояніе духа, въ которомъ находился новый теленокъ, перешло и на жену Ивана Ермолаевича и на него...

— И шутъ тебя догадалъ!—сердилась на него жена.

— Кто же его зналъ, чорта экова...—почти закричалъ Иванъ Ермолаевичъ и принялся ругать старуху.

Стали тащить теленка силой, принялись пихать его морду насильно въ корыто... теленокъ сопротивлялся... Словомъ, вышла пренепріятная сцена...

Этотъ эпизодъ съ теленкомъ неожиданно для меня воскресилъ въ моей памяти множество такого же рода хозяйственныхъ эпизодовъ, которые занимали Ивана Ермолаевича, о которыхъ онъ говорилъ со мной, но которые я пропускалъ мимо ушей, какъ вещи не «стоящія» и ровно ничего не значащія сравнительно съ вопросами о возникновеніи кулаковъ, о податяхъ, объ эксплоатаціи и т. д. Благодаря эпизоду съ теленкомъ, все мнѣ представилось теперь въ иномъ свѣтѣ. Припомнилъ я «исторію» съ уткой, которую Иванъ Ермолаевичъ называлъ «остроумной».—

исторію, на которую я прежде не обратилъ никакого вниманія. Бывало, выйдешь на крыльцо подъ вечеръ, когда Иванъ Ермолаевичъ ужъ поужиналъ, — смотришь, Иванъ Ермолаевичъ сидитъ на крыльцѣ, не спитъ.—«Что вы сидите?»—«Да такъ... насчетъ утки...». Такъ какъ утка для меня ничего не представляетъ интереснаго, то я и оставляю Ивана Ермолаевича безъ разспросовъ; но на слѣдующій день и еще на слѣдующій опять вижу его въ поздній вечерній часъ то на крыльцѣ, то даже притаившимся за угломъ у амбаровъ, и опять «все насчетъ утки». Не особенно внимателенъ былъ я и къ тому, когда, дней черезъ десять послѣ этихъ ночныхъ засѣданій «насчетъ утки», Иванъ Ермолаевичъ весело сообщилъ мнѣ мимоходомъ: «А вѣдь я открылъ ейный секретъ-то!»—«Чей секретъ?»—«Да уткинъ-то! Вчера до двѣнадцатаго часу просидѣлъ, а ужъ добился. Вѣдь какая остроумная шельма! Принужденъ былъ даже на балконѣ отъ нея притаиться—не идетъ, видитъ»... Говорилъ онъ это весело, радостно, и теперь, послѣ мрачнаго эпизода съ теленкомъ, я понялъ, что̀ именно заставляло сидѣть Ивана Ермолаевича по ночамъ, прятаться за амбаръ и на балконѣ, и почему утка получила названіе остроумной. Не въ примѣръ прочимъ уткамъ, она тщательно скрывала мѣсто, куда кладетъ яйца. Она прибѣгала къ крыльцу амбара, гдѣ разсыпали кормъ для птицъ, послѣ всѣхъ, когда ея собратья утки и куры наѣдятся, заснутъ— и все для того, чтобы не видали, куда она кладетъ яйца, гдѣ несется. Замѣчательно, что она шла къ амбару всегда молча и выбирала дорогу всегда окольную, въ густой травѣ, гдѣ нельзя было примѣтить. У другихъ утокъ ястреба растаскивали почти всѣхъ цыплятъ, эта же остроумная утка всѣхъ своихъ дѣтей сберегла.

Кромѣ утки припомнился эпизодъ съ «забывчивой» свиньей, которая оретъ благимъ матомъ всякій разъ, когда ее треснутъ палкой, но немедленно же и забываетъ ударъ; припомнился разговоръ Ивана Ермолаевича о какихъ-то «камняхъ», въ которые онъ «просто влюбился»: валяются около рѣчки круглые большіе камни, и такъ они «полюбились» Ивану Ермолаевичу, что онъ нѣсколько дней высчитывалъ, сколько будетъ стоить ихъ перевезть; припомнилъ выраженія: «заглядѣлся на жеребенка», «залюбовался овсомъ»,—словомъ, припомнились сотни, тысячи такихъ ежедневныхъ хозяйственныхъ мелочей, которыя для насъ съ вами не представляютъ ни малѣйшаго интереса, но кото-

рыя теперь получили для меня совершенно другой смыслъ и значеніе, такъ какъ давали возможность совсѣмъ иначе взглянуть на существованіе Ивана Ермолаевича.

Оказывалось, что земледѣльческій трудъ, отнимающій у Ивана Ермолаевича всю жизнь, хотя и имѣетъ видимый результатъ только въ томъ, что Иванъ Ермолаевичъ «сытъ» со всѣмъ своимъ семействомъ и со всей своей скотиной, но что въ то же время и въ этомъ же трудѣ невидимо покоятся и существеннѣйшіе его интересы. Иванъ Ермолаевичъ «бьется» не потому только, что ему надо быть сытымъ, платить подати, но и потому еще, что земледѣльческій трудъ со всѣми его развѣтвленіями, приспособленіями, случайностями поглощаетъ и его мысль, сосредоточиваетъ въ себѣ почти всю его умственную и даже нравственную дѣятельность и даже какъ бы удовлетворяетъ нравственно. Ни въ какой иной сферѣ, кромѣ сферы земледѣльческаго труда, опять-таки въ безчисленныхъ его развѣтвленіяхъ и осложненіяхъ, мысль его такъ не свободна, такъ не смѣла, такъ не напряжена, какъ именно здѣсь,—тамъ, гдѣ соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и т. д. Онъ почти ничего не знаетъ насчетъ «своихъ» правовъ, ничего не знаетъ о происхожденіи и значеніи начальства, не знаетъ, за что началась война и гдѣ находится враждебная земля и т. д., потому что онъ заинтересованъ своимъ дѣломъ, ему некогда знать и интересоваться всѣмъ этимъ, точно такъ же, какъ мнѣ и вамъ, заинтересованнымъ «всѣмъ этимъ», нѣтъ ни охоты ни возможности три вечера кряду думать объ уткѣ или «грустить» душевно, глядя на то, что овесъ вышелъ рѣдокъ. Случайности природы онъ сосредоточиваетъ въ Богѣ. Случайности всевозможной политики—въ царѣ. Царь пошелъ воевать, царь далъ волю, царь даетъ землю, царь раздаетъ хлѣбъ. Что царь скажетъ, то и будетъ; деньги платятся царю, а разбирать, что такое урядникъ или непремѣнный членъ, — это ужъ совершенно ненужныя подробности; но въ *своемъ* дѣлѣ онъ вникаетъ во всякую мелочь: у него каждая овца имѣетъ имя, смотря по характеру, онъ не спитъ изъ-за утки ночи, думаетъ о камнѣ и т. д. Нравственная многосодержательность земледѣльческаго труда показалась мнѣ до такой степени важной въ объясненіи непонятныхъ сторонъ крестьянской жизни, что я имъ сталъ объяснять себѣ даже и то странное пониманіе собственной выгоды, о которомъ было говорено выше.

Художникъ, который поставитъ своей задачей *выгоду*, де-

нежную пользу, перестаетъ церемониться съ своей совѣстью, малюетъ все, что̀ требуется, спускается до рисовки вывѣсокъ на портерныя и овощныя лавки; по тѣмъ же причинамъ и крестьянинъ засовываетъ навозъ въ прессованное сѣно. Съ точки зрѣнія нравственнаго оскорбленія и именно оскорбленія самого «святая святыхъ» крестьянскаго міросозерцанія, я сталъ объяснять себѣ такія даже явленія, какъ бунтъ военныхъ поселянъ при Аракчеевѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что одною изъ причинъ бунта были жестокости, жестокія истязанія, шпицрутены... Но вѣдь такимъ же точно истязаніямъ подвергалась на ряду съ поселянами не одна сотня тысячъ войскъ, вездѣ царили зеленыя улицы, шпицрутены и т. п. И однакоже была возможность молчать, терпѣть. Выказали ли войска, состоявшія изъ людей, оторванныхъ отъ хозяйства, когда-либо во все время аракчеевскаго свирѣпствованія, какіе-либо видимые знаки нетерпѣнія? Поселяне же выказали это нетерпѣніе въ громадныхъ размѣрахъ и именно, намъ кажется, потому, что графъ Аракчеевъ, не ограничиваясь муштровкой, вломился со своими реформами въ хлѣвъ, сталъ соваться съ приказами насчетъ коровы, опредѣляя часъ выгона и пригона, приказывалъ пахать такъ, а не иначе,— словомъ, сталъ дерзко распоряжаться въ самыхъ нѣдрахъ земледѣльческаго творчества, искусства, сталъ безжалостно разрушать поэзію земледѣльческаго труда.

Художникъ, переносящій отъ своего академическаго начальства всевозможныя служебныя непріятности, интриги, несправедливость, навѣрное не вынесетъ, если начальство вздумаетъ взять кисть да придѣлаетъ на картинѣ художника, всецѣло ею поглощеннаго, какую-нибудь фигуру или черту по собственному усмотрѣнію. Этого-то ужъ не вынесетъ никакой художникъ,—его не вынесъ и поэтъ-мужикъ. А неудачная дезинфекція хлѣвовъ нынѣшняго года не означаетъ ли, что непрошенные посѣтители попробовали хозяйничать тамъ, гдѣ крестьянинъ наиболѣе чувствуетъ самостоятельность?

Поэзія земледѣльческаго труда—не пустое слово. Въ русской литературѣ есть писатель, котораго невозможно иначе назвать, какъ поэтомъ земледѣльческаго труда— исключительно.

Это—Кольцовъ.

Никто, не исключая и самого Пушкина, не трогалъ *такихъ* поэтическихъ струнъ народной души, народнаго

міросозерцанія, воспитаннаго исключительно въ условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола. Спрашиваемъ, что могло бы вдохновить хотя бы и Пушкина при видѣ пашущаго пашню мужика, его клячи и сохи? Пушкинъ, какъ человѣкъ иного круга, могъ бы только скорбѣть, какъ это и было, объ этомъ труженикѣ, «влачащемся по браздамъ», объ ярмѣ, которое онъ несетъ, и т. д. Придетъ ли ему въ голову, что этотъ кое-какъ въ отрепья одѣтый рабъ, влачащійся по браздамъ, босикомъ бредущій за своей клячонкой, чтобы онъ могъ чувствовать, въ минуту этого тяжкаго труда, что-либо, кромѣ сознанія его тяжести? А мужикъ, изображаемый Кольцовымъ, хотя и влачится по браздамъ, хоть и босикомъ плетется за клячей, находитъ возможнымъ говорить этой клячѣ такія рѣчи: «Весело (!) на пашнѣ, *я самъ-другъ съ тобою*, слуга и хозяинъ. Весело (!) я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. *Весело* гляжу я на гумно (что-жъ тутъ можетъ быть веселаго для насъ съ вами, читатель?), на скирды, молочу и вѣю. Ну, тащися, сивка!.. Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку сготовимъ колыбель святую; его вспоитъ, вскормитъ мать-земля сырая... Выйдетъ въ полѣ травка... Ну, тащися, сивка!.. Выйдетъ въ полѣ травка, вырастетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани» и т. д. Сколько тутъ разлито радости, любви, вниманія—и къ чему? Къ гумну, къ колосу, къ травѣ, къ клячѣ, съ которою человѣкъ разговариваетъ, какъ съ понимающимъ существомъ, говоря: «мы съ сивкою», «я самъ-другъ съ тобою» и т. д. Человѣкъ, *такъ* своеобразно, полно понимающій, живущій непонятными для меня и васъ, образованный читатель, вещами, пойметъ ли онъ меня, если я къ нему подскочу съ разговорами о выгодности ссудосберегательныхъ товариществъ? А косарь того же Кольцова, который, получая на своихъ харчахъ 50 коп. въ сутки, находитъ возможность говорить такія рѣчи: «Ахъ, ты, степь моя, степь привольная!.. Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ, я пришелъ *самъ-другъ съ косой* вострою. Мнѣ давно *гулять* (это за 50-то копеекъ въ сутки!) по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней *хотѣлося*. *Раззудись* плечо, *размахнись* рука, ты пахни въ лицо вѣтеръ съ полудня, освѣжи, взволнуй степь просторную, зажужжи коса, *засверкай кругомъ!* Зашуми трава подкошенная, *поклонись цвѣты головой землѣ*» и т. д. Тутъ что ни слово, то тайна крестьянскаго міросозерцанія: *раззудись*

плечо... засверкай кругомъ и т. п.—все это прелести, ни для кого, кромѣ крестьянина-земледѣльца, недоступныя. Припомнимъ еще поистинѣ великолѣпное стихотвореніе того же Кольцова: «*Урожай*», гдѣ и природа и міросозерцаніе человѣка, стоящаго съ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое. Чтобы яснѣе видѣть достоинства этого стихотворенія, возьмемъ для сравненія извѣстное стихотвореніе другого русскаго поэта, Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива». Авторъ «въ небесахъ видитъ Бога, у него морщины расходятся на челѣ, онъ начинаетъ постигать, что̀ такое счастье» и т. д. Такія сильныя душевныя движенія возбудило въ немъ созерцаніе красоты природы. Какова же эта природа и каковы эти ея красоты, такъ растрогавшія автора? «Желтѣющая нива, лѣсъ, шумящій при звукѣ вѣтерка, малиновая слива, которая прячется въ саду, подъ тѣнью сладостной зеленаго листка; ландышъ серебристый, обрызганный душистою росой, когда онъ румянымъ вечеркомъ или въ златой часъ утра привѣтливо киваетъ головой изъ-подъ куста». Вотъ эти красоты природы. Несомнѣнно, что авторъ отобралъ изъ этой природы самые лучшіе ея сорта, что онъ обставилъ самыми пріятными растеніями путь, по которому въ душу его шествуетъ Богъ, и размѣстилъ эти растенія и разные фрукты въ такомъ порядкѣ и видѣ, чтобы ему не совѣстно было принять высокопоставленнаго посѣтителя; взята поэтому «желтѣющая нива», зрѣлище очень пріятное для глазъ, затѣмъ слива, да еще малиновая, да не просто малиновая слива, а слива подъ тѣнью, да и тѣнь-то сладостная; потомъ ландышъ: во-первыхъ, онъ серебристъ, обрызганъ росой, роса взята душистая, особенная, ради экстреннаго случая; кромѣ того, ландышъ этотъ освѣщенъ на выборъ—и утренней и вечерней зарей, разноцвѣтными переливами, помѣщенъ подъ кустомъ, изъ-подъ котораго уже и киваетъ съ привѣтливостью. Тутъ, ради экстреннаго случая, перемѣшаны и климаты и времена года, и все такъ произвольно выбрано, что невольно рождается сомнѣніе въ искренности поэта. Что̀,—думается, вникая въ его произведеніе:—увидѣлъ ли бы онъ Бога въ небесахъ и разошлись бы его морщины и т. д., если бы природа предстала предъ нимъ не въ видѣ какихъ-то отборныхъ фруктовъ, при особенномъ освѣщеніи, а въ болѣе обыкновенномъ и простомъ видѣ? Что̀, если бы вмѣсто малиновой сливы, душистой розы, серебристаго лан-

дыша, автору предстояло созерцать, напримѣръ, корявый крыжовникъ, бруснику, ежевику, горьку ягоду калину, рябину и прочую неблагообразную тварь Божію? И неужели эта неблагообразная тварь неспособна напомнить Бога, а годится только на то, чтобы при видѣ ея вспомнить чорта? Въ концѣ концовъ вы видите, что поэтъ—случайный знакомецъ природы, что у него нѣтъ съ ней кровной связи, иначе онъ бы не сталъ выбирать изъ нея отборные фрукты да прикрашивать ихъ и размѣщать по собственному усмотрѣнію. Совсѣмъ не то въ «*Урожаѣ*» Кольцова. Здѣсь все просто, обыкновенно, взята одна только нива желтѣющая, на которой сосредоточены всѣ заботы земледѣльца, сосредоточены всѣ его думы. Авторъ подробно излагаетъ эти «три думы» крестьянскія, связанныя только съ нивой и не разбрасывающіяся по сторонамъ; съ этой же нивой и думами о ней связано совершенно объяснимое вниманіе къ природѣ, вниманіе пристальное, жадное (какъ туманъ густится въ тучу, туча проливается дождемъ и т. д.), и какъ наконецъ глубоко понятны заключительныя слова стихотворенія: «и жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери». Тутъ нѣтъ пустого мѣста, нѣтъ прорѣхи въ міросозерцаніи человѣка, и самое міросозерцаніе удивительно своеобразно.

Такимъ образомъ, благодаря эпизоду съ теленкомъ, для меня раскрылось значеніе въ мірѣ крестьянства такой стороны земледѣльческаго труда, которой до сихъ поръ я не придавалъ почти никакого значенія. Для меня стало совершенно яснымъ, что творчество въ земледѣльческомъ трудѣ, поэзія его, его многосторонность составляютъ для громаднаго большинства нашего крестьянства жизненный интересъ, источникъ работы мысли, источникъ взглядовъ на все окружающее его, источникъ едва ли даже не всѣхъ его отношеній частныхъ и общественныхъ. Множество явленій русской жизни, русской дѣйствительности оказываются необъяснимыми или объясняются фальшиво, ложно и досадно терзаютъ вашу наблюдательность, потому только, что источникъ этихъ явленій отыскивается не въ особенностяхъ земледѣльческаго труда, сотканнаго изъ непрерывной сѣти на первый взглядъ ничтожныхъ мелочей, а въ чемъ-либо другомъ. Да не подумаетъ читатель, что мы совсѣмъ устраняемъ «каторжную сторону труда» и желаемъ представить этотъ трудъ въ видѣ непрестаннаго удовольствія. Но объ этой сторонѣ труда, равно какъ и о крупнѣйшихъ особен-

ностяхъ крестьянской жизни, вытекающихъ изъ условій его труда, поглощающаго не только силы его, но всю почти работу его мысли, мы сейчасъ и будемъ говорить съ читателемъ.

IV. Не суйся!

— «Не суйся!..»

Признаюсь, когда эти слова мелькнули въ моемъ сознаніи, мнѣ стало какъ-то холодно и жутко, ибо если я не буду соваться, то что-жъ я буду дѣлать, спрашивается? До сей минуты мнѣ, напротивъ, самымъ опредѣленнымъ образомъ представлялось, что я и предназначенъ-то собственно для того, чтобы соваться въ дѣла Ивана Ермолаевича, и что самый лучшій жизненный результатъ, котораго я могу желать—это именно быть «потребленнымъ» народною средою безъ остатка, даже безъ воспоминанія, подобно тому, какъ не вспоминается съѣденный часъ назадъ кусокъ бифштекса. Во имя этой необходимости быть съѣденнымъ безъ остатка, я питалъ глубокое почтеніе къ тѣмъ людямъ, которые, стараясь всячески смирить въ себѣ нѣкоторыя эгоистическія замашки и привычки — наслѣдіе крѣпостного права, не страшатся дѣлать усилія для того, чтобы *вбить* себя въ народные интересы, точно такъ, какъ вбиваютъ толстый пыжъ въ узкое дуло ружья, и которые, такъ сказать, заколачиваютъ себя «туда», говоря: «Нѣтъ, любезный! у меня не уйдешь!.. Пора перестать топорщиться и разбрасываться по сторонамъ, а не хочешь ли вотъ этакъ, маленькимъ комочкомъ... да шомполомъ! да шомполомъ!..» И вдругъ—«не суйся! Убирайся вонъ! Дѣлать тебѣ здѣсь нечего и соваться не въ свое дѣло не зачѣмъ!»

Эти мысли ошеломили меня, ибо доказывались цѣлымъ рядомъ самыхъ неопровержимыхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ самыхъ подлинныхъ жизненныхъ явленій деревенской дѣйствительности. Пораженный той мыслью, что Иванъ Ермолаевичъ, кромѣ видимыхъ міру слезъ, бѣдствій, недоимокъ, всевозможныхъ притѣсненій и другихъ мрачныхъ чертъ, рисующихъ его жизнь, какъ безпрерывное мученіе и каторгу, имѣетъ въ самой глубинѣ своего существованія нѣчто такое, что̀ даетъ ему силу переносить всѣ эти невзгоды цѣлыя тысячелѣтія, и притомъ съ такою непреобо-

римою безмолвностью, которая заставила умиравшаго поэта почти въ отчаяніи воскликнуть: «не внемлетъ онъ и не даетъ отвѣта»,—словомъ, пораженный мыслью о существованіи въ жизни Ивана Ермолаевича того, что я не могъ иначе опредѣлить, какъ *поэзіей труда*, я рѣшился самымъ внимательнымъ образомъ (насколько, конечно, это возможно постороннему человѣку) проникнуться и смысломъ этого труда и выраженіемъ его въ обыденныхъ явленіяхъ жизни Ивана Ермолаевича, — словомъ, рѣшился прослѣдить его жизнь и жизнь всей его семьи въ мельчайшихъ подробностяхъ ежедневнаго обихода—и вотъ тутъ-то на каждомъ шагу, буквально каждую минуту, меня стало преслѣдовать роковое: «не суйся!».

Не говоря уже о томъ, что жизнь Ивана Ермолаевича, что̀ называется, «полнехонька» впечатлѣніями до краевъ, что, начиная съ той минуты, когда онъ подымется до свѣту (конечно, вмѣстѣ со всѣми домашними), и кончая непробуднымъ сномъ послѣ цѣлаго дня работъ и заботъ, у Ивана Ермолаевича *фактически* нѣтъ времени слушать мои разглагольствованія, нѣтъ даже возможности удѣлить для нихъ каплю вниманія—меня съ моей разглагольственной позиціи сбивала на каждомъ шагу, кромѣ сказаннаго, внутренняя стройность его жизни, такая стройность, въ которой мнѣ нечего ни прибавить ни убавить. Поверхностнаго, самаго легкаго наблюденія надъ ежедневнымъ обиходомъ описываемаго мною крестьянскаго двора достаточно было для того, чтобы воочію убѣдиться, до какой степени между мною и Иваномъ Ермолаевичемъ велика разница въ смыслѣ этой внутренней стройности. Въ мысляхъ, поступкахъ и словахъ Ивана Ермолаевича нѣтъ ни единаго, самаго мелкаго, который бы не имѣлъ основанія самаго реальнаго и для Ивана Ермолаевича объяснимаго,—тогда какъ моя жизнь постоянно, на каждомъ шагу, переполнена и мыслями и поступками, не имѣющими никакой связи... Спрашивается: зачѣмъ, напримѣръ, мнѣ знать, что испанская королева разрѣшилась отъ бремени? А я вотъ знаю, читаю объ этомъ; зачѣмъ мнѣ знать о докторѣ Таннерѣ, о генералѣ Сиссэ, проворовавшемся съ госпожой Каула, о томъ, что новая пьеса Сарду пойдетъ не во Французской Комедіи, а въ театрѣ Гимназіи? и т. д. А я между тѣмъ именно этими-то газетными лохмотьями ежедневно утомляю собственное вниманіе, и зачѣмъ? — чтобы немедленно забыть, чтобы завтра цѣлые полдня употребить опять же на эти безсвязныя, утомитель-

ныя мысли. Положимъ, что, проглотивъ газету, я найду двѣ-три строки интересныхъ для меня въ точно той же степени, какъ бываетъ интересно и Ивану Ермолаевичу, но зато сколько я ежедневно приму въ свою душу, вмѣстѣ съ интересомъ двухъ-трехъ строкъ, всякаго ненужнаго хлама, вздора... ненужнаго, безсодержательнаго... Въ жизни и мысли Ивана Ермолаевича нѣтъ ничего подобнаго, ни одного самаго крошечнаго пустого мѣста, и если онъ поинтересовался какъ-то разъ чудовищемъ, о которомъ публиковали въ газетахъ, то не просто *такъ*, какъ интересуюсь я, читая о томъ, что на Васильевскомъ островѣ въ 5-й линіи ребенокъ вывалился изъ окна, что императрица Евгенія посѣдѣла, или что Егаревъ пригласилъ новую пѣвицу и т. д., а совершенно съ опредѣленной цѣлью: не написано ли у чудовища на спинѣ чего-нибудь насчетъ земли...

Такимъ образомъ при самыхъ первыхъ поверхностныхъ наблюденіяхъ мнѣ стало яснымъ, что пестрота ежедневнаго обихода жизни Ивана Ермолаевича наполняетъ его существованіе фактически—и наполняетъ плотно, безъ прорѣхъ, безъ пустыхъ мѣстъ. Но стройность, обнаружившаяся въ глубинѣ этой пестроты, внутренняя цѣльность и резонность, изъ которыхъ эта ежедневная пестрота жизни слагается и на которой держится, были для меня чѣмъ-то поистинѣ уничтожающимъ. Широта и основательность этой сложности выяснялись мнѣ по мѣрѣ того, какъ я положилъ въ *основаніе* всей организаціи крестьянской жизни, семейной и общественной—*земледѣльческій трудъ*, попробовалъ вникнуть въ него подробнѣе, объяснить себѣ его спеціальныя свойства и вліянія на неразрывно связаннаго съ нимъ человѣка. При этомъ, во-первыхъ, я долженъ былъ корнемъ этихъ вліяній признать природу. Съ ней человѣкъ дѣлаетъ дѣло, непосредственно отъ нея зависитъ; чему же она его учитъ?

Она учитъ его признавать власть, и притомъ власть безконтрольную, своеобразную, капризно-прихотливую и бездушно-жестокую. Въ самомъ дѣлѣ, чего только ни выдѣлываетъ природа надъ Иваномъ Ермолаевичемъ! По какому-то необъяснимому злорадству она, напримѣръ, изсушаетъ его ниву, буквально облитую потомъ. Съ безпощадною жестокостью она не день, не два, а два-три мѣсяца подъ рядъ томитъ его ежеминутно, ежесекундно мыслью о голодѣ, о нуждѣ, томитъ и молчитъ... Ежедневно она безъ всякаго милосердія сулитъ ему дождь, урожай; съ утра со-

бираются тучи, ходятъ въ небѣ станицами, громоздятся несмѣтными массами, глыбами, сулятъ благодать и счастье... Нужно быть на мѣстѣ Ивана Ермолаевича, чтобы понять ту чисто физическую жажду къ этой тучѣ, къ этой водѣ, которую сулитъ небо, чтобы понять его страстную мýку, страстную внимательность къ этому небу, къ этой тучѣ... Вотъ наконецъ она собралась, вотъ она тронулась и обложила небо со всѣхъ сторонъ: она гремитъ и сверкаетъ, она дышитъ влагою; Иванъ Ермолаевичъ даже собственнымъ горломъ чувствуетъ эту воду и влагу, жаждетъ, жаждетъ— и ничего! Прошла туча! Запылила, помяла изсыхавшую ниву и ушла, бросивъ три-четыре громадныя капли дождя точно на зло, на смѣхъ... И все это съ безбожнѣйшимъ, несправедливѣйшимъ равнодушіемъ... Терпи, Иванъ Ермолаевичъ! И Иванъ Ермолаевичъ умѣетъ терпѣть, терпѣть, не думая, не объясняя, терпѣть безпрекословно. Онъ знакомъ съ этимъ выраженіемъ на фактѣ, на своей шкурѣ,— знакомъ до такой степени, что рѣшительно нѣтъ возможности опредѣлить этому терпѣнію болѣе или менѣе точные предѣлы.

Но, пришибая такимъ образомъ человѣка, вкореняя въ его сознаніи идею о необходимости безусловнаго повиновенія, вкореняя эту идею какъ нѣчто неизбѣжное, неотвратимое, нѣчто такое, чего нельзя ни понять ни объяснить, противъ чего немыслимо протестовать,—та же самая природа весьма обстоятельно знакомитъ Ивана Ермолаевича и *съ удовольствіями власти*, т.-е. даетъ ему возможность и самому (несмотря на то, что онъ въ рваномъ тулупѣ и рваныхъ лаптяхъ) ежеминутно испытывать тѣ же самыя удовольствія своего собственнаго могущества, которыя знакомы только неограниченному державцу. Никакой чиновникъ, расточающій «строжайшія» предписанія и свирѣпствующій надъ своими подчиненными, не понимаетъ удовольствія «властвовать» въ той степени, въ которой понимаетъ это Иванъ Ермолаевичъ. Самое большее, чего можетъ достигнуть всякая второстепенная, самая «строжайшая» власть—это титулъ «бѣшеной собаки», который, несомнѣнно, ему дадутъ подчиненные, обыкновенно ненавидящіе такую бѣшеную собаку, подчиняющіеся ей изъ-за нужды, изъ-за копейки и рѣшительно не дающіе другого объясненія своему подчиненію. Да и самъ «строжайшій» начальникъ едва ли въ глубинѣ души также не именуетъ себя «собакой», находя въ этомъ опредѣленіи и удовольствіе, т.-е. будучи до-

воленъ тѣмъ, что вотъ онъ, благодаря Бога, добился-таки высокаго права быть бѣшеной собакой, рвать, метать и лаять... Совсѣмъ не такія удовольствія власти испытываетъ Иванъ Ермолаевичъ. Не «равнодушная», а безсердечная природа, балуя безпрекословно повинующагося ей Ивана Ермолаевича, даетъ ему въ руки власть не бѣшеной собаки, а, повторяемъ, власть, которая повелѣваетъ, не допуская даже мысли о правѣ прекословить, да и подданные Ивана Ермолаевича также не имѣютъ привычки размышлять о томъ, почему именно они оказались подданными? Подданные Ивана Ермолаевича *не могутъ* задаваться такими вопросами потому же, почему и онъ, подданный природы, не можетъ задаваться ими. Такимъ образомъ и Иванъ Ермолаевичъ и его подданные находятся другъ къ другу въ самыхъ естественнѣйшихъ отношеніяхъ. «Строжайшему» начальству необходимо свирѣпствовать, лаять и кусаться, чтобы знать, что «меня, молъ, боятся» и, слава Богу, считаютъ наконецъ за собаку; Ивану Ермолаевичу ничего этого не надо. Иванъ Ермолаевичъ «просто» знаетъ, что ему нельзя, невозможно не властвовать, а подданные также знаютъ, что имъ нѣтъ другого дѣла, какъ повиноваться. Спрашивается, что бы могла, напримѣръ, свинья сдѣлать съ своими поросятами, если бы Иванъ Ермолаевичъ не отбиралъ ихъ у ней и не продавалъ? Самое большее, на что она способна въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, это съѣсть своихъ дѣтей, чтобы не далеко шляться за кормомъ, чему бывали и бываютъ примѣры. Что бы могла придумать курица относительно своихъ собственныхъ яицъ, если бы Иванъ Ермолаевичъ, проникнувшись ложными гуманными теоріями, не сталъ вытаскивать изъ кошолки, на которой она сидитъ, ея яйца? Не возьметъ яицъ Иванъ Ермолаевичъ, придетъ собака «Милорка» и выпьетъ ихъ; да наконецъ, если бы во имя гуманныхъ теорій Иванъ Ермолаевичъ и преслѣдовалъ «Милорку», отгоняя ее отъ беззащитныхъ куръ, что бы было, если бы послѣднія безпрепятственно выводили своихъ цыплятъ? Ничего больше, какъ то, что цыплята, придя въ возрастъ, немедленно же принялись бы нести тѣ же яйца, точь въ точь такія, изъ какихъ они сами появились на свѣтъ, и т. д. Понуждаетъ ли Иванъ Ермолаевичъ своихъ подданныхъ на поприщѣ такого безпрекословнаго повиновенія и службы? Нисколько. Онъ ихъ не бьетъ, не пишетъ имъ строжайшихъ предписаній, ни куръ ни свиней не распекаетъ; не употребляетъ

никакого насилія,—словомъ, не дѣлаетъ ничего, что̀ должна дѣлать самая строжайшая власть. Онъ «просто» не можетъ даже не властвовать; не стриги онъ овцу каждогодно—вѣдь она опаршивитъ и издохнетъ; стригутъ ее для ея же собственной пользы; корова сдѣлается больна, если ея не доить, и притомъ для ея же собственной пользы необходимо доить такъ, чтобы у нея не оставалось «ни капли» собственно ей принадлежащаго молока; лошадь, освобожденная отъ хомута, есть не что̀ иное, какъ саврасъ безъ узды, на котораго просто смотрѣть противно: жретъ, лежитъ и опять жретъ, да, кромѣ того, не имѣетъ опредѣленной жизненной цѣли, а, шляясь по свѣту безъ опредѣленныхъ занятій, легко можетъ забрести въ болото, или распороть брюхо о старый пень въ лѣсу и издохнуть такимъ образомъ безъ малѣйшаго смысла. И вотъ, надсѣдаясь изо всѣхъ силъ, кудахчутъ цѣлый Божій день куры и несутся для Ивана Ермолаевича; для Ивана Ермолаевича цѣлый Божій день всю жизнь старается свинья, питаясь Богъ знаетъ чѣмъ, влачась въ грязи по горло и не получая ни малѣйшаго поощренія, ни похвалъ, ни наградъ, кромѣ ударовъ палкой всякій разъ, когда морда ея приблизится къ чему-либо въ самомъ дѣлѣ питательному. Для Ивана Ермолаевича цѣлую жизнь, не смыкая челюстей ни на мгновеніе, жуетъ, жуетъ, жуетъ корова, для него же она безпрестанно беременна, для него же обрастаетъ шерстью овца, для него же бьется лошадь—и все это безпрекословно, буквально безъ ропота и протеста, даже безъ тѣни сомнѣнія или мысли въ законности такого непрестаннаго подчиненія. Точно также и Иванъ Ермолаевичъ, безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія въ своемъ правѣ, стрижетъ овецъ, стегаетъ и запрягаетъ лошадь, выгребаетъ изъ куриныхъ кошолокъ яйца, доитъ и отбираетъ у коровы молоко, теленка и т. д. до безконечности. Спрашивается: можетъ ли Иванъ Ермолаевичъ, получающій знанія непосредственно отъ природы, имѣть хотя малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ неизбѣжности самой абсолютнѣйшей, самой прихотливой, а главное—ничѣмъ необъяснимой власти? Онъ знаетъ это потому, что прихоти и капризы ея испыталъ на своей шкурѣ, въ видѣ гнета природы; онъ знаетъ его изъ собственнаго опыта надъ своими безкорыстными подданными. Почему его гнететъ природа, почему она его мучаетъ, разоряетъ, почему она ему благодѣтельствуетъ, или почему онъ *долженъ* обирать у куръ яйца, а куры *должны* ихъ нести—все это неизвѣстно, все это тайна; но что это

такъ, что *безъ этого нельзя*, въ этомъ можетъ ли быть хоть малѣйшее сомнѣніе?

Изъ всего этого видно, что «повинуйся» и «повелѣвай» до такой степени прочно вбиты природою въ сознаніе Ивана Ермолаевича, что ихъ оттуда не вытащишь никакими домкратами. Непосредственная, постоянная связь Ивана Ермолаевича съ природой, отъ которой онъ единственно почерпаетъ всѣ свои свѣдѣнія, взгляды, вкореняя въ основаніе всего жизненнаго обихода Ивана Ермолаевича эти два положенія, т.-е. повинуйся и повелѣвай *(пользуйся)*, до такой степени, какъ увидимъ ниже, послѣдовательно продолжается и въ его семейно-общинной жизни, что пошатнуть что̀ бы то ни было во всей этой стройной организаціи рѣшительно нѣтъ ни возможности ни смысла. Но и кромѣ этого, если читатель признаетъ только то, что прочность вышеупомянутыхъ двухъ принциповъ непремѣнно исходитъ изъ источника, не подлежащаго сомнѣнію и критикѣ, т.-е. изъ источника не выдуманнаго, а дѣйствительно реальнаго, то тогда онъ долженъ согласиться, что всякія попытки человѣка, имѣющаго о тѣхъ же вещахъ понятія книжныя, бумажныя и т. д., должны непремѣнно оказаться безплодными. Въ отвѣтъ на всѣ такія книжныя разглагольствія Иванъ Ермолаевичъ можетъ отвѣтить *только* одно: «безъ этого нельзя», но это «только» имѣетъ за себя вѣковѣчность и прочность самой природы. Но этимъ кроткимъ отвѣтомъ колебателю основъ Иванъ Ермолаевичъ можетъ ограничиться единственно только по своей добротѣ; ежели же онъ человѣкъ не съ слишкомъ мягкимъ сердцемъ, то отвѣтъ его колебателю той или другой изъ основъ долженъ непремѣнно выразиться въ предоставленіи этого самаго колебателя къ начальству, не какъ злодѣя, а просто какъ сумасшедшаго пустомысла, который болтаетъ зря не вѣсть что̀ и своими пустомысленными разговорами можетъ вредить въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ не смыслитъ ни уха ни рыла, полагая, что въ дѣлахъ этихъ можно что-нибудь измѣнить, тогда какъ Ивану Ермолаевичу доподлинно извѣстно противное, что ничего тутъ измѣнить невозможно, и что вообще «безъ этого нельзя».

Чтобы яснѣе видѣть, съ какою строгостью и послѣдовательностью, и вмѣстѣ съ какою безграничной покорностью Иванъ Ермолаевичъ проводитъ вышеупомянутые два (не выдуманныхъ, повторяемъ) принципа въ своей жизни и въ своихъ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, обра-

тимся къ обиходу его домашней жизни. И здѣсь все основано и все держится на такомъ резонномъ, добровольно-неизбѣжномъ подчиненіи, что колебатель основъ оказывается совершенно ненужнымъ съ своими гуманными разглагольствованіями. Курица, овца, свинья, корова и т. д. добровольно и безпрекословно несутъ свои дары въ руки Ивана Ермолаевича; съ своей стороны и Иванъ Ермолаевичъ добровольно встаетъ въ два часа ночи, чтобы замѣсить свиньямъ, дать корму курамъ и т. д., ибо, если бы Иванъ Ермолаевичъ повѣрилъ разговорамъ колебателя основъ о томъ, что жизнь Ивана Ермолаевича—каторга, что онъ встаетъ до свѣту, когда другіе спятъ на мягкой перинѣ и ухомъ не ведутъ о трудностяхъ жизни Ивана Ермолаевича, и, согласно этому, задумалъ бы освободить себя отъ необходимости вставать до свѣту, то въ результатѣ получилось бы, что куры бы перестали нести яйца, коровы перестали давать молоко, и всѣ передохли бы, оставивъ Ивана Ермолаевича безъ всякой *пользы*. — «Нельзя безъ этого», — говоритъ Иванъ Ермолаевичъ, соглашаясь однако, что вставать въ два часа ночи точно трудно, и колебатель основъ долженъ согласиться съ простыми, но вѣскими словами Ивана Ермолаевича. Такое же вѣское и основательное «нельзя» будетъ отвѣтомъ на всѣ протесты и противъ другихъ, иногда въ высшей степени подавляющихъ формъ подчиненія, которыми проникнута вся организація земледѣльческой (порядочной) крестьянской семьи. Возможно ли такой семьѣ обойтись безъ власти, безъ большака? Мы видимъ, что «большакъ» есть именно власть надъ семьей, дворомъ, домомъ, такъ какъ иногда, — напримѣръ, за смертью главы семейства и за недостаткомъ способныхъ людей между оставшимися послѣ покойнаго членами семьи, — большака выбираетъ міръ изъ постороннихъ людей; наконецъ мы знаемъ, что не всегда старшій въ семьѣ бываетъ и большакомъ: иногда, съ согласія міра, большакомъ ставится младшій, но талантливѣйшій, способнѣйшій. Ужъ изъ этого видно, что *глава* въ домѣ, власть домашняя, нужна: этого требуетъ опять же сложность земледѣльческаго труда (составляющаго основаніе хозяйства) и зависимость этого труда отъ велѣній и указаній природы. Основываясь на этомъ, власть большака, при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно неизбѣжна и опять-таки ни въ одномъ своемъ ничтожномъ проявленіи не выдумана. Его нельзя не слушаться, потому что, приказывая, онъ самъ

повинуется природѣ, а не выдумываетъ приказаній съ вѣтру. Надо идти и брать косу, надо идти доить, надо везти навозъ—все, что̀ ни требуетъ онъ, все только потому, что надо; онъ знаетъ, кого на какую работу поставить, онъ знаетъ силы семейныхъ работниковъ, онъ знаетъ ихъ нужды, знаетъ—сколько надо семьѣ хлѣба, сколько корму скотинѣ,—словомъ, онъ блюдетъ не собственный интересъ, а интересъ всѣхъ. Его *нельзя* не слушаться, ибо у него есть общій планъ, основанный на знакомствѣ и съ силами и съ средствами семьи; онъ меньше работаетъ физически, но больше думаетъ; у него больше заботы, чѣмъ у каждаго члена семьи отдѣльно. Въ то время, когда Иванъ пашетъ, Матрена доитъ коровъ, словомъ—въ то время, когда всякій дѣлаетъ свое дѣло, большакъ думаетъ о томъ, сколько на семью надо полушубковъ, сапогъ, рубахъ, сколько есть въ семьѣ денегъ; ѣдетъ рядиться на работу, или проситъ у міра прибавки или убавки земли. Всѣ его заботы, распоряженія, хлопоты клонятся къ общему благу семьи, и на этомъ основаніи всѣ, даже, повидимому, безчеловѣчныя распоряженія большака, при внимательномъ изслѣдованіи, оказываются вполнѣ основательными, а главное — сдѣланными прямо съ согласія этихъ же самыхъ жертвъ (на мой взглядъ) безчеловѣчія. Начитавшись разныхъ чувствительныхъ романовъ и набивши голову разными эмансипаціями, я вотъ, напримѣръ, «возмущаюсь» (слово взято также изъ романовъ) тѣмъ, что братъ-большакъ не выдаетъ свою сестру Паланьку замужъ. Семь лѣтъ кряду за нее сватаются отличнѣйшіе женихи, бравые парни, а братъ все отказываетъ. «Отчего ты, Пелагея, не выходишь замужъ? Вѣдь ужъ пора!..»—спрашиваю я аккуратно въ годъ разъ и черезъ годъ, пріѣзжая въ деревню. И всякій разъ она отвѣчаетъ мнѣ: «Мнѣ ужъ давно бы замужъ-то надо, да братецъ *не отдаетъ!*»—«Да какое же имѣетъ кто бы то ни былъ право насильно не отдавать тебя замужъ? Развѣ имѣетъ человѣкъ право держать другого человѣка въ кабалѣ?»—вопію я, и читатель можетъ представить себѣ, что я на эту тему могу вопіять сколько угодно, особливо, если я прибавлю, что на вопросъ мой: «Нравились ли тебѣ женихи-то?»—Пелагея отвѣчаетъ: «У меня хорошіе были женихи...» и вздыхаетъ. Но, по ближайшемъ разсмотрѣніи этого дѣла, тиранства въ немъ не оказывается ровно никакого.—«Никакъ нельзя было отдать,—объясняетъ братъ Паланьки, якобы тиранъ:—въ прошломъ году падежъ былъ,

разорились на скотину, не съ чѣмъ было отдавать, въ нонѣшнемъ двухъ лошадей прикупили, опять безъ денегъ. Лошадей прикупили потому, что землю арендовали у помѣщика сосѣдняго, пять десятинъ, а землю арендовали потому, что своей мало, не хватаетъ хлѣба. Вотъ оно и выходитъ, что Паланькѣ погодить надоть... А что говорить, женихи набиваются хорошіе, да и пора—а нельзя! Отдай я ее—безъ лошадей останусь; безъ лошадей останусь—хлѣба не будетъ; хлѣба не будетъ—покупать его надо, занимать деньги, платить ростъ — откуда взять? Запутаюсь сегодня, завтра еще хуже будетъ, а черезъ годъ—глядишь, и весь въ кабалѣ. Конечно, что... а надо погодить...». Такимъ образомъ никакого тиранства не оказывается. «Нельзя» и «надо погодить» понимаетъ вполнѣ и сама Паланька.—«Ну, Пелагея,—говоритъ ей женихъ, за котораго ее не отдаютъ:—видно, другъ мой, надо намъ съ тобой прощаться...»—«Прощай, Михайла!»—«Такъ-то, другъ мой милый! Видно, мнѣ придется Афросинью взять, ничего не подѣлаешь... За Афросиньей отецъ сулится двѣсти рублей, тутъ можно взяться хозяйствовать, есть съ чего началъ положить... А тебя мнѣ взять пустую — не приходится!» — «Нешто не знаю...» — «Съ пустыми руками, сама знаешь, какое хозяйство—горе одно!..» — «Вотъ лошадей-то купили, истратились...»—«Знаю, что купили...». Остается вздохнуть и покориться... чему? Идеаламъ и требованіямъ, вытекающимъ изъ земледѣльческаго труда... На основаніи этихъ же земледѣльческихъ идеаловъ, и младшаго брата большака, Лешку, женили на уродѣ и надули, и опять-таки не изъ жестокости это сдѣлано, а на самомъ точномъ основаніи идеаловъ. Самъ Лешка объясняетъ это дѣло довольно резонно. «Въ ту пору пожаръ былъ, погорѣли, пришлось строиться, работы много, а народу со всѣмъ управиться не хватаетъ. Вотъ въ тотъ годъ меня и женили... Мнѣ было, признаться, другая ндравилась, и изъ себя хороша, даже красива... Да, видишь, какъ вышло: бабушка у насъ характерная, и жена старшаго брата характерна, а жена средняго—больная. Старшаго брата жена—покорится бабкѣ, надъ середней командуетъ, а моя бы, ежели бы, къ примѣру, я женился—не покорилась бы ни средней ни старшей, только-что бабкѣ бы, пожалуй-што, покорилась бы, потому она хушь и хороша собой, а тоже характерная... Вотъ оно и не подходило къ ладу-то... Ужъ моя бы безпремѣнно со старшей пререкалась, а старшая тоже спуску

не дастъ... Больная-то середняя тоже бы на мою-то стала покрикивать, все же старше моей-то, вотъ и вышло бы у насъ разстройство.—«Иди ты!»—«Я большуха».—«Я сама не маленькая». Вотъ и пошло бы этакъ-то... Думали мы, думали, присогласились такъ, чтобы взять Матрену. Она хоть и рябая и въ умѣ не очень чтобъ, а ужъ характеру—нѣтъ; ей и больная прикажи—дѣлаетъ; и старшая скажетъ—и ее не ослухается, а бабку боится пуще огня. Конечно, что лицомъ она дѣйствительно что... ну, въ работѣ худого сказать никакъ нельзя!..» Такимъ образомъ, если Лешка и принесъ себя въ жертву, то не сознательно ли онъ поступалъ при этомъ, и не имѣлъ ли онъ въ виду единственно только желаніе не нарушить гармоніи въ земледѣльческомъ трудѣ, а также не дѣйствовалъ ли онъ при этомъ такъ, какъ ему повелѣваютъ исключительно этому труду свойственныя качества? Въ самомъ дѣлѣ, введи онъ въ семью не урода, не дуру и не рабу, а характерную и красивую жену, было бы полнѣйшее нарушеніе гармоніи коллективныхъ силъ семьи, направленныхъ къ одной опредѣленной и неизбѣжной цѣли. Жалѣя Лешку, я однакожъ не могу не видѣть, что, женясь на дурѣ и уродѣ, онъ поступалъ вполнѣ резонно и основательно.

Построенное на такомъ прочномъ, а главное — не выдуманномъ основаніи, какъ велѣнія самой природы, міросозерцаніе Ивана Ермолаевича, создавшее на основаніи этихъ велѣній стройную систему семейныхъ отношеній, послѣдовательно, безъ выдумокъ и хитросплетеній, проводитъ ихъ въ отношеніяхъ общественныхъ. На основаніи сельскохозяйственныхъ идеаловъ деревенскій человѣкъ цѣнится во всѣхъ своихъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ; на нихъ построены отношенія юридическія, а опытомъ, вытекающимъ изъ нихъ, объясняются и оправдываются и высшіе государственные порядки. Требованіями, основанными только на условіяхъ земледѣльческаго труда и земледѣльческихъ идеаловъ, объясняются и общинныя земельныя отношенія; безсильный, не могущій выполнить свою земледѣльческую задачу, по недостатку нужныхъ для этого силъ, уступаетъ землю (на что она ему?) тому, кто сильнѣе, энергичнѣе, кто въ силахъ осуществить эту задачу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ какъ количество силъ постоянно мѣняется, такъ какъ у безсильнаго сегодня—сила можетъ прибавиться завтра (подросъ сынъ, или жеребенокъ сталъ лошадью), а у другого можетъ убавиться (отдали наконецъ

Паланьку, издохла корова и т. д.), то «передвижка»—какъ иногда крестьяне именуютъ передѣлъ — должна быть явленіемъ неизбѣжнымъ и справедливымъ. Эти же сельскохозяйственные идеалы — и въ юридическихъ отношеніяхъ: имущество принадлежитъ тому, чьимъ творчествомъ оно создано... Его получаетъ сынъ, а не отецъ, потому что отецъ пьянствовалъ, а сынъ работалъ; его получила жена, а не мужъ, потому что мужъ олухъ царя небеснаго и лѣнтяй и т. д. Объясненія высшаго государственнаго порядка также безъ всякаго затрудненія получаются изъ опыта, пріобрѣтаются крестьяниномъ въ области *только* сельскохозяйственнаго труда и идеаловъ. На основаніи этого опыта можно объяснить высшую власть: «нельзя безъ большака, это хоть и нашего брата взять». Изъ этого же опыта наглядно объясняется и существованіе налоговъ: «нельзя не платить, царю тоже деньги нужны... это хоть бы и нашего брата взять: пастуха нанять, и то надо платить, а царь даетъ землю... Курица, и та яйца не снесетъ, ежели ей корму не дать, а царь за всѣмъ глядить...» Началась война съ славянами, съ афганцами—опять, хоть дѣло и трудное, но не несогласное съ міросозерцаніемъ Ивана Ермолаевича. «Славянъ нельзя не отбить, потому свой братъ... Вотъ, когда осиновцы сгорѣли, тоже мы вѣдь помогали, потому съ нами что̀ приключится — и осиновцы помогутъ...» Афганцевъ бьютъ — потому безпокоятъ... — «Это хоть бы и у нашего брата доведись... Станутъ къ тебѣ сусѣдніе ребята въ огородъ лазить, капусту воровать—хочешь не хочешь, а должонъ взять палку, выгнать оттудова...» Словомъ, съ точки зрѣнія Ивана Ермолаевича, какъ и вообще «хорошаго» земледѣльца-крестьянина, кажущееся мнѣ влаченіе по браздамъ, безплодное, тяжкое существованіе — оказывается явленіемъ вполнѣ объяснимымъ, а главное—вовсе не влаченіемъ, а существованіемъ, основаннымъ на извѣстныхъ, притомъ непоколебимыхъ законахъ, — существованіемъ, въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ, опредѣлена каждая вещь, опредѣленъ и вполнѣ объяснимъ каждый поступокъ. Войдя въ этотъ міръ и вполнѣ проникнувшись сознаніемъ законности и непреложности всего существующаго въ немъ, посторонній деревнѣ, хотя бы и озабоченный ею человѣкъ долженъ невольно оставить свою фанаберію, и если онъ не сумѣетъ думать такъ, какъ думаетъ Иванъ Ермолаевичъ, и притомъ не убѣдится такъ же, какъ убѣжденъ Иванъ Ермолаевичъ, что иначе думать,

при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, невозможно, то рѣшительно долженъ оставить втунѣ всѣ свои теоріи, выработанныя на почвѣ совершенно иной. Тронувшись, напр., судьбой Паланьки и Алешки, положимъ, что я начну разговоръ о деспотизмѣ,—но Паланьки и Алешки сами докажутъ мнѣ, что вовсе не нуждаются въ моемъ заступничествѣ, потому-то и потому-то, и что иначе *нельзя*. Я начну придираться къ нечистотѣ двора, на которомъ гніетъ масса навоза, а Иванъ Ермолаевичъ опять мнѣ докажетъ, что *нельзя* безъ этого, что навозъ первое дѣло, что вывозить его надо во-время, и онъ знаетъ, когда это надо сдѣлать; словомъ, выйдетъ такъ, что навозъ долженъ быть въ томъ самомъ видѣ и на томъ самомъ мѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какомъ мѣстѣ онъ находится. Я начну колебать его суевѣріе и въ этихъ видахъ представлю въ юмористическомъ тонѣ, какъ причтъ собираетъ пироги и т. д. Но окажется, что юмористическихъ чертъ въ этомъ отношеніи у Ивана Ермолаевича накоплено гораздо болѣе, чѣмъ у меня, а принципа, олицетворяемаго имъ, я ничуть не поколеблю, потому что причтъ нуженъ Ивану Ермолаевичу: у Ивана Ермолаевича есть грѣхи, которые ему не можетъ отпустить ни староста, ни кабатчикъ, ни даже губернаторъ, а отпускаетъ только причтъ. Господь далъ ему урожай, въ благодарность за это Иванъ Ермолаевичъ ставитъ свѣчку и дѣлаетъ это только при посредствѣ причта, такъ какъ не въ почтовой же конторѣ ему ее ставить и не въ волостномъ правленіи. Вездѣ своя часть. «Онъ хоть и не дюже человѣкъ хорошій, и зашибаетъ, — говоритъ Иванъ Ермолаевичъ о попѣ: — а нельзя... Вотъ и почтмейстеръ на станціи тоже пьянствуетъ,— а черезъ кого отправишь письмо?» Стало-быть, все стоитъ на своихъ мѣстахъ, и Иванъ Ермолаевичъ вовсе не «влачится по браздамъ», а живетъ, во-первыхъ, полною, а во-вторыхъ, осмысленною жизнью. Въ условіяхъ земледѣльческаго труда почерпаетъ онъ философскіе взгляды; въ условіяхъ этого труда работаетъ его мысль, творчество; въ этомъ же трудѣ обрѣтаетъ онъ освѣжающія душу поэтическія впечатлѣнія; на основаніяхъ этого труда строитъ свою семью, строитъ свои общественныя, частныя отношенія, и изъ условій всего этого составляется взглядъ на общую государственную жизнь.

Проникнувшись непреложностью и послѣдовательностью взглядовъ, исповѣдуемыхъ Иваномъ Ермолаевичемъ, я почувствовалъ, что они совершенно устраняютъ меня съ по-

верхности земного шара... Всѣ мои книжки, въ которыхъ объ одномъ и томъ же вопросѣ высказываются сотни разныхъ взглядовъ, всѣ эти газетные лохмотья, всякія гуманства, воспитанныя досужей беллетристикой, все это, какъ пыль, поднимаемая сильными порывами вѣтра, было взбудоражено естественною «правдою», дышащею отъ Ивана Ермолаевича... Не имѣя подъ ногами никакой почвы, кромѣ книжнаго гуманства, будучи расколотъ на-двое этимъ гуманствомъ мыслей и дармоѣдствомъ поступковъ, я, какъ перо, былъ поднятъ на воздухъ дыханіемъ правды Ивана Ермолаевича и неотразимо почувствовалъ, какъ и я, и всѣ эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры, даже теленокъ, не желающій дѣлать того, чего желаетъ Иванъ Ермолаевичъ—всѣ мы безпорядочной, безобразной массой, со свистомъ и шумомъ летимъ въ бездонную пропасть...

V. Смягчающія вину обстоятельства.

Пораженіе было до такой степени чувствительно, что нѣкоторое время я положительно не могъ опомниться; но мало-по-малу сознаніе стало возвращаться ко мнѣ, и, не желая быть погребеннымъ заживо, я невольно сталъ выказывать кое-какія попытки къ борьбѣ за свое существованіе и въ этихъ видахъ остановился на вопросѣ о томъ, что неужели, молъ, въ самомъ дѣлѣ народу такъ-таки ровно ничего и не нужно, кромѣ «земельки», которой у него мало, и неужели все то, что̀ извѣстно подъ именемъ «движенія въ народѣ», есть только глупость и только преступленіе? Не настало ли, напротивъ, время изъ тайны и подполья вывести это дѣло на ясный Божій свѣтъ, не пора ли опредѣлить всю серьезность, а главное—*обязательность* этого дѣла для всякаго русскаго совѣстливаго и грамотнаго человѣка? Вѣдь крѣпостное право кончилось, а стало-быть, кончилось для громаднаго большинства русскихъ людей, не принадлежащихъ къ простому народу, *право* празднаго, бездѣльнаго существованія. Не пора ли въ виду этого въ такой степени прямо и серьезно поставить вопросъ *о народномъ дѣлѣ*, чтобы оно перестало казаться геройскимъ подвигомъ или самопожертвованіемъ, или наконецъ дѣломъ, достойнымъ

только пропащаго человѣка. Наши города и столицы переполнены народомъ образованнымъ и грамотнымъ, для котораго однако карьера волостного писаря или сельскаго учителя представляется почти такимъ же ужаснымъ исходомъ жизненнаго поприща, какъ и карьера кабачнаго сидѣльца. Охотниковъ до «центровъ» и благъ, расточаемыхъ ими, хотя далеко на всѣхъ не хватающихъ, слишкомъ много воспитано на русской землѣ; для деревни же остаются одни кабатчики и люди, которые «отчаялись» въ своихъ карьерахъ. Но для того, чтобы скромная работа въ деревнѣ не казалась ни адомъ ни какимъ-то необыкновеннымъ героическимъ поступкомъ, а простою и серьезнѣйшею обязанностью всякаго человѣка, существующаго, несомнѣнно, на народныя деньги, для этого, повторяемъ, дѣло народное должно быть выяснено во всей своей обширности, во всемъ своемъ патріотическомъ значеніи, во всей своей многосложности. Только это выясненіе дѣла и дастъ устойчивые, захватывающіе душу идеалы, прольетъ иной свѣтъ на нѣкоторые пріемы народнаго дѣла, считающіеся нынѣ зломъ, и очиститъ это дѣло отъ осложненій, нимало его не касающихся.

Главнѣйшею причиною того, что народное дѣло непремѣнно должно быть выяснено въ самой строгой безпристрастности и, если угодно, безстрашіи, служитъ то чрезвычайно важное обстоятельство, замѣченное рѣшительно всѣми, кто только мало-мальски знаетъ народъ, что стройность сельскохозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ-называемой цивилизаціей. До освобожденія крестьянъ нашъ народъ не имѣлъ съ этой язвой никакого дѣла; онъ стоялъ къ ней спиной, устремляя взоръ единственно на помѣщичій амбаръ, для пополненія котораго изощрялъ свою природную приспособительную способность. Теперь же, когда онъ, обернувшись къ амбару спиной, сталъ къ цивилизаціи лицомъ, дѣло его, его міросозерцаніе, общественныя и частныя отношенія—все это очутилось въ большой опасности. Ибо цивилизація эта, какъ кажется, имѣетъ единственной цѣлью стереть съ лица земли всѣ вышеупомянутые земледѣльческіе идеалы. Вѣдь вотъ стерла же она съ лица русскую бойкую, «необгонимую» тройку,—тройку, въ которой Гоголь олицетворялъ всю Россію, всю ея будущность,—тройку, воспѣвавшуюся поэтами, олицетворявшую въ себѣ и русскую душу («то разгулье удалое, то сердечная тоска»), и русскую природу; все, начиная съ этой природы, вьюги, зимы, сугробовъ, продолжая

бубенчиками, колокольчиками, и кончая ямщикомъ съ его «*буйными криками*»,—все здѣсь чисто русское, самобытное, поэтическое... Какимъ бы буйнымъ смѣхомъ отвѣтилъ этотъ удалецъ ямщикъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, если бы ему сказали, что будетъ время, когда исчезнутъ эти чудные кони въ наборной сбруѣ, эти бубенчики съ малиновымъ звономъ, исчезнетъ этотъ ямщикъ со всѣмъ его репертуаромъ криковъ, уханій, пѣсенъ и удальства, и что вмѣсто всего этого будетъ ходить по землѣ какой-то коробокъ, въ родѣ стряпущей печки, и безъ лошадей, и будетъ изъ него валить дымъ и свистъ... А коробокъ пришелъ, ходитъ, обогналъ необгонимую. Необгонимая позвякиваетъ своими малиновыми бубенцами на весьма ограниченномъ пространствѣ: Конюшенная — Ливадія — Нарвская застава — Конюшенная—только и ходу для необгонимой!.. Что же будетъ, ежели, паче чаянія, эта ядовитая цивилизація вломится въ наши палестины хотя бы въ видѣ парового плуга? Вѣдь ужъ онъ выдуманъ, проклятый, вѣдь ужъ какой-нибудь практическій нѣмецъ, въ расчетѣ на то, что Россія—страна земледѣльческая, навѣрное выдумываетъ такія въ этомъ плугѣ усовершенствованія, благодаря которымъ цѣна ему будетъ весьма доступная для небогатыхъ земледѣльцевъ. Вѣдь, кромѣ того, нѣмецъ можетъ устроить и разсрочку и разныя снисхожденія,—словомъ, придумаетъ и такъ или сякъ водворитъ этотъ плодъ цивилизаціи въ нашихъ палестинахъ, и что тогда можетъ произойти, поистинѣ вымолвить будетъ страшно. Все, начиная съ самыхъ, повидимому, священнѣйшихъ основъ, должно, если не рухнуть, то значительно пошатнуться и во всякомъ случаѣ положить начало разрушенію... Такъ какъ плугъ вздираетъ землю и въ дождь и въ грязь, то количество восковыхъ свѣчей должно, несомнѣнно, убавиться. Кромѣ того, въ значеніи власти большака получится значительный пробѣлъ, а слѣдовательно и сомнѣніе въ необходимости подчиненія его указаніямъ, да и указаній-то этихъ убавится сразу болѣе чѣмъ на половину; громадная брешь образуется и въ мірскихъ дѣлахъ, ибо плугъ, вздирая «по ряду» всю мірскую землю, уничтожаетъ всѣ эти колушки, и значки, и границы... Масса серьезнѣйшихъ мірскихъ дѣлъ оказывается ненужными. Паланька явно не пожелаетъ долѣе подчиняться требованіямъ разрушенныхъ идеаловъ и освободится вмѣстѣ съ освобожденными плугомъ лошадьми. Произойдетъ опустошеніе во всѣхъ сферахъ сельскохозяйственныхъ порядковъ и идеа-

ловъ, а на мѣсто разрушеннаго ничего не поставится новаго и созидающаго. И батюшка начнетъ произносить грозныя проповѣди о развращеніи нравовъ.

Да что плугъ! Плугъ—это покуда праздная фантазія, но бѣды цивилизаціи несутъ къ намъ такія, повидимому, ничтожныя вещи, которыя въ сравненіи съ плугомъ то же, что папироска съ Александровской колонной. Какая-нибудь керосиновая лампа или самый скверный линючій «ситчикъ»—и тѣ, несмотря на свою явную ничтожность, тѣмъ не менѣе наносятъ неисцѣлимый вредъ порядкамъ и идеаламъ, основаннымъ и вытекающимъ изъ условій земледѣльческаго труда. Керосиновая лампа уничтожаетъ лучину, выкуриваетъ вонъ изъ избы всю поэтическую сторону лучинушки, удлиняетъ вечеръ и слѣдовательно прибавляетъ нѣсколько праздныхъ часовъ, которые и употребляются на перекоры между бабами—главную причину раздѣла и упадка хозяйства. А «ситчикъ» по 10 коп. аршинъ!—ужъ на что, кажется, дрянь и притомъ самая линючая, а отъ появленія его баба разогнула спину, бывало, согнутую надъ станкомъ; но, разогнувъ ей спину и давъ такимъ образомъ массу празднаго времени, — времени, еще недавно поглощеннаго ужаснымъ трудомъ, онъ тѣмъ самымъ далъ волю ея наблюдательности, развязалъ языкъ и усилилъ семейныя несогласія. А чай? сахаръ? табакъ? сигары? папиросы? пиджаки? Развѣ все это благопріятствуетъ сохраненію типа «настоящаго» крестьянина?..

Вліяніе цивилизаціи отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожнѣйшемъ прикосновеніи. Буквально «прикосновеніе», одно только легкое касаніе—и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки. Вотъ передъ вами трудолюбивый, деликатный, умный, цѣломудренный крестьянинъ; но поѣздилъ онъ двѣ зимы легковымъ извозчикомъ—и ужъ развратился! Скажите, пожалуйста, какая же тутъ можетъ быть цивилизація — ѣздить зимой въ морозы на облучкѣ и, сидя, спать въ трактирахъ, опустивъ голову на столъ? А между тѣмъ развращается. Въ двѣ зимы человѣкъ «насобачивается» такъ, что ужъ дѣлается чужимъ въ родномъ своемъ семействѣ. Гордость рождается у него, фанаберія и насмѣшка; пріучается прятать деньги отъ матери, отъ большака и непремѣнно задумываетъ дѣлиться. И это въ лучшемъ случаѣ, а то просто дѣлается мерзавцемъ: иной придетъ изъ Петербурга безъ копейки, хоть и «при часахъ», ничего не

дѣлаетъ, не работаетъ, а свою же родную мать посылаетъ ходить по міру и ждетъ ее, поглядывая на свои часы... Наконецъ, кто не знаетъ, какъ быстро мѣняется — и мѣняется къ худшему—самый «типъ» деревенскаго человѣка даже въ такихъ отдаленнѣйшихъ отъ цивилизаціи учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, кабакъ? Стоитъ «крестьянину» посидѣть года два въ кабакѣ и притомъ съ своими же, такими же крестьянами,—какъ изъ порядочнаго человѣка онъ превращается въ нѣчто рѣшительно непривлекательное: все мѣняется въ немъ. Начиная съ вычурности выговора, съ этихъ масляныхъ волосъ, съ этого бритаго затылка, до пріемовъ и ухватокъ, растопыренныхъ пальцевъ, походки и т. д., — все въ немъ омерзительно и гнусно; но всего гнуснѣе—міросозерцаніе. Изъ мірского человѣка онъ превращается въ мірского обиралу, изъ жалостливаго къ бѣднымъ—въ хладнокровнаго до жестокости: ему ничего не стоитъ спаивать человѣка, зная, что онъ этимъ разоряетъ, «голодитъ» цѣлую семью; ему ничего не стоитъ выбросить на морозъ этого спившагося съ кругу человѣка, послѣ того какъ у него не останется ни гроша. Даже убить человѣка ему ничего не стоитъ изъ-за денегъ. Замѣчательно при этомъ, особенно въ деревенскомъ кабатчикѣ, то обстоятельство, что онъ имѣетъ дѣло исключительно почти съ своимъ братомъ, деревенскимъ человѣкомъ, односельчаниномъ, и притомъ постоянно присутствуетъ при самыхъ откровенныхъ (послѣ стаканчика) разговорахъ о «нуждѣ», о горѣ, которое большею частью и потребляетъ вино—и ничего, кромѣ жестокости, безчеловѣчія, эта обстановка въ немъ не воспитываетъ. Но, положимъ, кабакъ вообще плохая школа нравственности; всего ужаснѣе то, что почти такіе же результаты достигаются совершенно инымъ, вполнѣ противоположнымъ путемъ...

Изъ всего сказаннаго, да и, кромѣ сказаннаго, изъ множества ежедневныхъ примѣровъ, очевидно, слѣдуетъ, что для сохраненія русскаго земледѣльческаго типа, русскихъ земледѣльческихъ порядковъ и стройности, основанной на условіяхъ земледѣльческаго труда, всѣхъ народныхъ частныхъ и общественныхъ отношеній, необходимо всячески противодѣйствовать разрушающимъ эту стройность вліяніямъ; для этого необходимо уничтожить все, что носитъ мало-мальски чуждый земледѣльческому порядку признакъ: керосиновыя лампы, фабрики, выдѣлывающія ситецъ, желѣзныя дороги, телеграфы, кабаки, извозчиковъ и кабатчиковъ, даже книги,

табакъ, сигары, папиросы, пиджаки и т. д., и т. д. Все это необходимо смести съ лица земли для того, чтобы Иванъ Ермолаевичъ, воспитавшійся въ условіяхъ земледѣльческаго труда, на нихъ построившій всѣ свои взгляды, всѣ отношенія, на нихъ основавшій цѣлый, особый отъ всякой цивилизаціи, своеобразный «крестьянскій» міръ, могъ свободно и безпрепятственно развивать эти своеобразныя начала...

Но если бы такое требованіе было въ самомъ дѣлѣ предъявлено, то едва ли бы нашелся въ настоящее время хотя одинъ человѣкъ, который бы опредѣлилъ его иначе, какъ крайнимъ легкомысліемъ. Да и самъ Иванъ Ермолаевичъ ужъ на что подлинный крестьянинъ, а, не безпокойтесь, не промѣняетъ керосиновой лампы на лучину и не посадитъ свою жену за «прясло», когда есть деньги, чтобы купить ситчику. И выходитъ поэтому для всякаго что-нибудь думающаго о народѣ человѣка задача, поистинѣ не разрѣшимая: цивилизація идетъ, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того, что не можешь остановить этого шествія, но еще, какъ увѣряютъ тебя и какъ доказываетъ самъ Иванъ Ермолаевичъ, не долженъ, не имѣешь ни права ни резона соваться, въ виду того, что идеалы земледѣльческіе прекрасны и совершенны. Итакъ—остановить шествія не *можешь*, а соваться *не долженъ!* Между тѣмъ самъ Иванъ Ермолаевичъ, безропотно покоряясь напору чуждыхъ ему вліяній и въ то же время упорно стремясь осуществить свои земледѣльческіе идеалы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были выработаны при отсутствіи давленія новаго времени, чувствуетъ себя весьма нехорошо и вырабатываетъ—конечно, будучи въ этомъ вполнѣ невиновенъ—взгляды на окружающее вполнѣ непривлекательные.

VI. Къ чему пришелъ Иванъ Ермолаевичъ.

Онъ ропщетъ...

Онъ ропщетъ не на цивилизацію, не на ея гибельное вліяніе, онъ ропщетъ не на порядки, уваженіе къ которымъ вкоренено въ немъ, какъ мы видѣли въ началѣ этого отрывка, слишкомъ основательно, а ропщетъ онъ на *на-*

родъ, на своихъ односельчанъ-сообщниковъ. Народъ, видите ли, сталъ не тотъ, испортился и избаловался.

— Да неужели,—спрашиваю я Ивана Ермолаевича:— при крѣпостномъ правѣ было лучше?

— Храни Богъ отъ этого!..—отвѣчаетъ Иванъ Ермолаевичъ:—кажется, какъ только живы остались, удивленія достойно... Чего ужъ вступору хорошаго? А что ровнѣй было — это дѣйствительно правда. Вступору, надо такъ сказать, всѣмъ худо было, всѣмъ ровно, а нониче стало такимъ манеромъ: ты хочешь, чтобы было хорошо, а сосѣди норовятъ тебѣ сдѣлать худо.

— Да зачѣмъ же это надо?

— Да вотъ, стало-быть, надо же зачѣмъ-нибудь. Тебѣ хорошо, а мнѣ худо,—такъ пускай же и тебѣ будетъ также худо. Поровнять... Посудите сами, я вамъ разскажу. Лядины у насъ дѣлятся на участки подъ вырубку; всякій рубитъ въ своемъ участкѣ. Вотъ я вырубилъ свой участокъ, пни выкорчевалъ, вычистилъ, стала у меня пашня. Какъ только у меня пашни прибавилось—передѣлять! У тебя, молъ, больше выходитъ земли, чѣмъ у другого съ тѣми же душами. Мірской земли прибавилось—передѣлять!

— Но вѣдь всякій можетъ расчистить свою лядину?

— Только не всякій хочетъ. Вотъ въ чемъ дѣло-то... Одинъ ослабѣлъ, другой обнищалъ, а третій лѣнивъ... есть лѣнивые, это вѣрно... Я встану до свѣту, бьюсь до поту, у меня хлѣба больше—отымутъ, будьте покойны! И по многу ли достанется-то? Какъ есть вотъ по ремешочку, по тоненькой тесемкѣ... Такимъ манеромъ два раза у меня землю-то отобрали, и все по закону: земли прибавилось,— «не одному же тебѣ, надо всѣмъ прибавить...» То-есть никакъ не подымешься. Хочу выписаться изъ общества... тутъ одинъ мнѣ мужичокъ сказывалъ, что будто можно, только не знаю какъ, много ли денегъ платить?

— А много-ль у васъ такихъ людей, которые подняться не даютъ?

— А гдѣ же ихъ нѣтъ? Богачи не даютъ, и бѣднота не даетъ.

— Отчего же это бѣднота-то у васъ?

— Оттого, что набаловался народъ... Все норовятъ отстать, отдѣлиться отъ большихъ семей... отъ семьи-то отойдетъ, а силъ справиться нѣтъ, вотъ онъ и начинаетъ вертѣться, какъ бѣсъ передъ заутреней. Въ работники пойдетъ, норовитъ какъ чтобы хуже. Это чтобы по совѣсти

дѣлать—этого не ждите!.. Какъ чуть отвернулся, онъ и сѣлъ отдыхать, папироску закурилъ.

Да не подумаетъ читатель, что слова Ивана Ермолаевича приводятся для восхваленія крѣпостныхъ временъ; но самая возможность подобныхъ рѣчей въ устахъ крестьянина уже знаменательна, ибо въ нихъ косвеннымъ образомъ выражается мѣрило его современнаго положенія...

Необходимо упомянуть, что Иванъ Ермолаевичъ долженъ нанимать работника и работницу, такъ какъ его семейныхъ силъ недостаточно для успѣшнаго удовлетворенія земледѣльческому идеалу. Братъ у него молодъ, шестнадцати лѣтъ, старшему сыну одиннадцать лѣтъ, а у жены еще на рукахъ двое ребятъ. Платитъ онъ за двѣ души, работникъ и работница для него необходимы, и на неудовлетворительность ихъ нравственныхъ качествъ Иванъ Ермолаевичъ, будучи работникомъ, самъ лично жалуется даже гораздо болѣе, чѣмъ любой крупный землевладѣлецъ. У него существуетъ для работника опредѣленный идеалъ; вотъ, напримѣръ, говоритъ онъ, Лукьянъ—это работникъ. Дѣйствительно, Лукьянъ—человѣкъ особенный. Работу онъ считаетъ дѣломъ богоугоднымъ. Богъ труды любитъ,—говоритъ онъ и вѣритъ въ это твердо, а въ видахъ этого ворочаетъ пни, бревна, камни,—словомъ, надсѣдается надъ самыми тяжеловѣсными предметами не только безъ ожесточенія, а, напротивъ, съ полной вѣрою, что все это Богу пріятно. «Онъ любитъ!»—говоритъ Лукьянъ, красный какъ ракъ, весь въ поту, съ страшными усиліями вытаскивая изъ рѣчки пень по указанію Ивана Ермолаевича; онъ весь мокрый, кряхтитъ и охаетъ, но Богъ видитъ эти старанія и ободряетъ Лукьяна. Пень захрюкалъ, зачавкалъ, вылѣзая изъ тины рѣчного дна, и Лукьянъ твердо знаетъ, что это у Бога зачлось, что ко всѣмъ его трудамъ прибавился новый нумеръ... Лукьянъ, кромѣ того, холостъ; онъ дожилъ до старости лѣтъ подъ какимъ-то страннымъ страхомъ брака; въ деревнѣ у него изба и огородъ; онъ не платитъ никакихъ налоговъ. Весной онъ вскопаетъ гряды, посѣетъ и посадитъ разныя овощи: хрѣнъ, морковь, капусту, картофель. И уходитъ; домъ онъ запираетъ наглухо, а огородъ поручаетъ вдовѣ-солдаткѣ; съ весны до глубокой осени онъ на работѣ: коситъ, пилитъ. Осенью, послѣ Покрова, накопивъ немного денегъ, возвращается домой; въ огородѣ все выросло и поспѣло, и всю зиму Лукьянъ не знаетъ нужды, а когда придетъ наконецъ старость, когда устанутъ и

руки и ноги—вотъ тогда Лукьянъ намѣренъ вступить въ бракъ. «Никакой свадьбы,—говоритъ онъ:—не будетъ, а просто возьму за руку ту самую солдатку-вдову, которая ходитъ за огородомъ, да и пойдемъ вдвоемъ къ попу, деньги отдадимъ. Пускай подъ старость мнѣ поможетъ, а помру—пусть владѣетъ, что̀ останется отъ меня».

Такого человѣка, по мнѣнію Ивана Ермолаевича, еще можно бываетъ назвать работникомъ вполнѣ, но идеальный работникъ не такой; идеальный работникъ тотъ, кто не корыстуется, готовъ работать «съ кусу», никакихъ цѣнъ ни условій не ставитъ, говоритъ: «только корми», или, самое большое—«что̀ положишь, то и ладно»; идеальный работникъ тотъ, который увлекается общимъ теченіемъ работъ въ той семьѣ, куда онъ входитъ, который забываетъ, что работаетъ на чужихъ людей, который сливается съ этими чужими людьми, съ ихъ интересами, который тысячу дѣлъ сдѣлаетъ «играючи»—вотъ это работникъ идеальный; но, по увѣренію Ивана Ермолаевича, такихъ идеаловъ, по нонѣшнему времени, нѣтъ, и куда они дѣвались—никому неизвѣстно. Напротивъ, въ настоящее время работникъ не только не увлекается трудомъ, не только не видитъ въ этомъ трудѣ никакой игры, но, напротивъ, не хочетъ дѣлать дѣла, несмотря на то, что условій ставитъ множество, критикуетъ, сплетничаетъ, разглагольствуетъ, обманываетъ и въ концѣ концовъ опять-таки ничего не дѣлаетъ. Надъ такимъ человѣкомъ нужно *стоять,* не отходя ни на шагъ, понукать, воли не давать; словомъ, такой человѣкъ ожесточаетъ простодушнаго Ивана Ермолаевича. Поглядите вотъ на этого нынѣшняго работника. Идетъ наниматься, и не успѣлъ онъ и Иванъ Ермолаевичъ сказать двухъ словъ, какъ слѣдомъ является жена нанимающагося.

— Не давай ты ему, подлецу, денегъ!—начинаетъ она.— Сдѣлай милость, не давай! Знаю я его, очень хорошо знаю!..

— Что̀ пасть-то разинула, кобыла сумасшедшая? Чать не все пропивалъ, чать работалъ! Кто васъ, чертей, сорокъ-то лѣтъ кормилъ, ты, что-ль? Кто сыновей выростилъ и женилъ? Орало дурацкое! «Не давай денегъ!» Вамъ же, чертямъ, достанутся!

— Ни-и-и-ни грошика ни полушечки не давай и не слухай ты его ни въ единомъ словѣ!.. А наймется—вотъ какъ, ужъ вотъ какъ гляди, глазъ не спускай, а то заснетъ! Передъ Богомъ, какъ отвернулся—спитъ! Я всю

жизнь съ нимъ мучилась, я знаю, у меня хребетъ-то хорошо знаетъ, каковъ человѣкъ онъ есть...

Начинается божба, клятвы, упрашиванія, дѣлежка задатка: часть работнику, часть бабѣ. А работы нѣтъ настоящей! Все надо сказать, напомнить. Не скажешь, не напомнишь—сидитъ, пойдетъ нехотя, смотрѣть тошно... Словомъ, каждый шагъ дѣлаетъ только изъ-подъ палки. Въ интересы семейства не только не входитъ, но, напротивъ, подъ все подкапывается, въ каждомъ словѣ слышенъ упрекъ: «что-то снѣтки-то быдто мельконьки!»—непремѣнно замѣтитъ и непремѣнно насплетничаетъ насчетъ снѣтковъ и въ лавочкѣ, и въ кабакѣ, и у первыхъ хорошихъ знакомыхъ Ивана Ермолаевича. Насплетничаетъ, прибавитъ, присочинитъ и уйдетъ, не отработавъ задатка, къ другому, уйдетъ, бранясь, ругаясь, распускать позорящія Ивана Ермолаевича небылицы: «снѣтки, молъ, покупаетъ съ пескомъ, послѣдній сортъ, самъ не ѣстъ, для прилику только ложкой болтаетъ, а въ печкѣ спрятана свинина». Поминутно Иванъ Ермолаевичъ остается безъ работника или съ такимъ работникомъ, который, кажется, только и думаетъ, чтобы уйти прочь, хотя и пришелъ всего-то два дня назадъ. Вотъ въ прошломъ году работникъ полѣнился слѣзть съ воза сѣна, которое вывозилъ изъ болота, полѣнился, потому что сапоги на немъ новые были, только-что купленные, въ задатокъ остались, и, сидя на возу, далъ лошадь кнутомъ: лошадь билась-билась и повредила задъ (оторвала задъ), а лошадь стоитъ около ста рублей. Убытокъ изъ-за сапогъ въ три цѣлковыхъ.

Или вотъ хромоногій солдатъ. Вотъ поглядите на него: Христомъ Богомъ упрашиваетъ, умаливаетъ, чтобы Иванъ Ермолаевичъ взялъ его дѣвчонку въ работу, и проситъ *только куль,* одинъ куль хлѣба за все лѣто, что по нынѣшнимъ цѣнамъ стоитъ 16 рублей. Если Иванъ Ермолаевичъ взялъ дѣвчонку хромого, то единственно только изъ жалости, но не прошло двухъ недѣль, какъ хромой взялъ ее, взялъ самымъ наглымъ образомъ. Пришелъ къ Ивану Ермолаевичу и объявилъ:—«Хочешь держать—давай двадцать пять цѣлковыхъ, а не дашь—у меня есть ей мѣсто».—«А куль?»—«Что-жъ куль? вотъ продамъ сѣно, отдамъ, авось не пропадетъ». Но подъ это сѣно выклянчилъ и въ лавчонкѣ и соли, и хлѣба, и чаю, и табаку, цѣлковыхъ на пять.—«Вотъ продамъ, отдамъ». Подъ это сѣно выклянчилъ въ сосѣдней деревнѣ у кабатчика картофелю,

рѣпы, брюквы... «Продамъ—отдамъ». Подъ это сѣно у овчинника взялъ въ долгъ лошадь въ сорокъ цѣлковыхъ и въ два мѣсяца загналъ ее, потому что почти не кормилъ, а гонялъ со станціи на станцію поминутно; даже сынишка, который на ней ѣздилъ, и тотъ заморился и захворалъ. Мало того, сѣно, заложенное ужъ въ двадцати рукахъ, продалъ *на совѣсть* за пятнадцать рублей третьему, совершенно постороннему лицу, при чемъ оказалось, что и сѣна-то всего въ дѣйствительности на три цѣлковыхъ. Словомъ, такого вѣроломства, такой смѣси смиреннаго нищенскаго попрошайничества и наглаго обмана, какую олицетворяетъ солдатъ, рѣшительно трудно себѣ представить, а вотъ такихъ-то «народовъ» въ нашихъ мѣстахъ развелось немало, и они-то первые, по словамъ Ивана Ермолаевича, заорутъ, когда онъ, напримѣръ, распашетъ лядину, первые не дадутъ ему справиться.

Да что! Времена такъ измѣнились, люди такъ испортились, что не только Иванъ Ермолаевичъ, а *овчинникъ*, самъ знаменитый, почтенный овчинникъ, перестаетъ вѣрить здѣшнему *народу*. А человѣкъ, носящій наименованіе овчинника, человѣкъ очень рѣдкостный и дѣйствительно замѣчательный. Замѣчателенъ онъ своей безграничной добротой и гуманностью; мало того, что онъ истинный крестьянинъ, онъ—и христіанинъ и добрый человѣкъ, думающій о бѣдномъ братѣ. Ему ужъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, и знакомъ онъ съ тѣми мѣстами, гдѣ живетъ Иванъ Ермолаевичъ, лѣтъ тридцать пять. И самъ онъ былъ крѣпостной и здѣшній народъ помнитъ крѣпостнымъ. Каждую осень онъ пріѣзжаетъ сюда съ мѣста родины, изъ Калужской губерніи, и поселяется на всю зиму дубить овчины. Такихъ овчинъ онъ выдубитъ штукъ тысячи три въ зиму. Но, идя на этотъ промыселъ, онъ на прошлогодній заработокъ съ него покупалъ лошадей и пригонялъ ихъ съ собой въ здѣшнія мѣста. Лошадей этихъ онъ раздавалъ кому угодно, на совѣсть, безъ всякихъ расписокъ и документовъ, съ тѣмъ, чтобы человѣкъ, получившій лошадь въ долгъ, платилъ ему въ теченіе зимы—по возможности: рубль, гривенникъ, десять рублей и т. д. Бывали случаи, что къ веснѣ, когда онъ уходилъ домой «хозяйствовать», иные не уплачивали ему ни копейки денегъ, и онъ не взыскивалъ, а ждалъ до слѣдующаго года. Онъ самъ разсказывалъ, что даже разсчитывалъ на эти неотдачи, и хлопоталъ только о томъ, чтобы въ общей суммѣ воротить

свои деньги, больше ничего. «Чѣмъ въ сундукѣ лежать, пущай людямъ отъ нихъ добро, да и цѣлѣй онѣ—такъ-то!»

Убытка ему не могло быть, а иногда и барышъ бывалъ. Присутствіе вниманія къ ближнему въ этой операціи несомнѣнное. Мѣстные крестьяне, которые, благодаря его помощи, могли стать на ноги, не называютъ его иначе, какъ «миляга». «Какой миляга—на рѣдкость! Душа человѣкъ!» Но новыя времена стали расшатывать увѣренность стараго миляги въ томъ, чтобы въ «нонѣшнее» время можно было такъ просто дѣлать доброе дѣло, какъ прежде. Цивилизація продала у него лошадей двадцать, розданныхъ въ долгъ, за невзносъ податей тѣми мужиками, которымъ онѣ были розданы. Она же стала наталкивать на него такихъ людей, которымъ ужъ ничего не стоитъ *отпереться* отъ своего слова, такихъ, которые ужъ знаютъ, что безъ расписки ничего не возьмешь и т. д. А овчинникъ—человѣкъ стариннаго покроя: ему и не по душѣ да и некогда возжаться по судамъ, описывать имущество, взыскивать, глядѣть на разоренье человѣка, когда у него на душѣ совершенно другое, не похожее на желаніе разорить человѣка,—желаніе помочь ему. Въ нынѣшнемъ году онъ также пригналъ лошадей и также роздалъ ихъ, но уже не кому угодно, а людямъ благонадежнымъ, въ родѣ Ивана Ермолаевича и другихъ порядочныхъ мужиковъ... И мы сами были свидѣтелями того удивленія, съ которымъ даже ужъ и къ такому разборчивому благодѣтельствованію относились нѣкоторые изъ крестьянъ, уже выросшихъ въ новыхъ условіяхъ жизни.

— Да какъ же это, братецъ ты мой, — говорили овчиннику:—вѣришь ты всякому?

— А ты неужто никому не вѣришь? — возражаетъ овчинникъ.

— Ну, а пропадетъ, издохнетъ ежели лошадь,—съ кого взыскивать будешь?

— А совѣсть-то на что? Совѣсть и взыщетъ...

— Ну, братъ, мудреный ты человѣкъ, одно слово, мудреный. Вѣрить всякому безъ расписки!.. Оченно ты, ей-Богу, человѣкъ-то добрый, должно-быть...

Слыхалъ я и такія вещи: прочиталъ я въ газетахъ, что петербургская дума предполагаетъ увеличить налогъ съ извозчичьихъ лошадей до семи рублей въ годъ. Прочиталъ и, сожалѣя здѣшнихъ крестьянъ, занимающихся извозничествомъ, говорю одному изъ нихъ:

— Вотъ какое дѣло: налогъ на лошадей увеличиваютъ.

— Много-ль надбавили-то?—спрашивалъ собесѣдникъ.

— До семи рублей платить придется...—отвѣчаю, я, полагая, что это опечалитъ моего собесѣдника.

Но собесѣдникъ говоритъ на это слѣдующее:

— Семь рублей! Мало! Маловато!

— Что вы это говорите?

— Вотъ какъ бы до десяти догнали, такъ нашему брату было бы пріятно... Это бы хорошо нашему брату подошло.

— Что-жъ тугъ хорошаго?

— А то, что извозчиковъ будетъ меньше, а это нашему брату доходнѣй. Теперь за четыре-то рубля какая ихъ прорва въ Питерѣ шляется? Хоть не ѣзди... А какъ подняли бы цѣну, такъ не всякій бы сунулся въ Питеръ-то. Анъ зима-то, глядишь, и въ помочь пришла... А то что?.. Ѣздишь, ѣздишь... только что сытъ съ лошадью.

Изъ этого бѣглаго очерка уже можно видѣть, что разъединеніе деревенскаго общества на разные лагери, и лагери не вполнѣ дружелюбные, сулитъ въ перспективѣ явленія весьма неблагопріятныя. Теперь уже надобно дѣлать усиліе, несправедливость для того, чтобы поровнять всѣхъ такъ, какъ всѣ были уравнены крѣпостнымъ правомъ. Преслѣдуя тѣ же идеалы, Иваны Ермолаевичи должны уже бороться за нихъ, враждовать съ извѣстною частью своихъ односельчанъ, когда-то имъ равныхъ, и помышлять объ отдѣленіи отъ нихъ, о выходѣ изъ общества. Съ другой стороны, и противная партія, преслѣдующая тѣ же земледѣльческіе идеалы, не можетъ равнодушно сносить превосходства людей, когда-то равныхъ съ ними. Замѣчательно при этомъ слѣдующее: хромоногій солдатъ, или тотъ работникъ, на котораго жаловалась баба, всѣ они изнываютъ и нищаютъ потому, что имъ и мысли не приходитъ о томъ, чтобы работать товариществомъ; напротивъ, живя старыми земледѣльческими идеалами, каждый полагаетъ, что въ вознѣ на собственномъ дворѣ и должна быть сосредоточена вся жизнь, и всѣ интересы, и всѣ удовлетворенія. Не разъ разговаривалъ я по этому поводу съ Иваномъ Ермолаевичемъ.

— Скажите, пожалуйста, неужели нельзя исполнять сообща такихъ работъ, которыя не подъ силу въ одиночку? Вѣдь вотъ солдатъ, вашъ работникъ, который сплетничалъ, и другіе — каждый изъ нихъ мучается, выбивается изъ

силъ, вретъ и обманываетъ, и въ концѣ концовъ нищенствуютъ всѣ... Но, соединивъ свои силы, своихъ лошадей, работниковъ и т. д., они были бы сильнѣй самой сильной семьи... Вѣдь тогда не зачѣмъ отдавать малолѣтнихъ дѣтей въ работу и т. д.

— То-есть это сообща работать?

— Да.

Иванъ Ермолаевичъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Это не выйдетъ...

Еще подумалъ и опять сказалъ:

— Нѣтъ! Куда! Какъ можно... Тутъ десять человѣкъ не поднимутъ одного бревна, а одинъ-то я его какъ перо снесу, ежели мнѣ потребуется... Нѣтъ, какъ можно! Тутъ одинъ скажетъ: «бросай, ребята, пойдемъ обѣдать!». А я хочу работать... Теперь какъ же будешь—онъ уйдетъ, а я за него работай! Да нѣтъ—невозможно этого! Какъ можно! У одного одинъ характеръ, у другого — другой!.. Это все равно, вотъ ежели-бъ одно письмо для всей деревни писать...

. . . . . .

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что «народное дѣло» можетъ и должно принять совершенно опредѣленныя реальныя формы, и что работниковъ для него надо великое множество. До сего времени, впрочемъ, на *эту работу*, какъ кажется, не разсчитывали люди, именующіеся патріотами своего отечества. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1879 г. въ одной изъ передовыхъ статей, оправдывающихъ стѣсненія школьнаго дѣла, сказано: «Если бы *всѣмъ имъ* (50-ти тысячамъ учащихся) оканчивать курсъ и поступать въ университеты, то число ихъ (людей съ высшимъ образованіемъ) возросло бы до 25 тысячъ. *Но зачѣмъ бы могло потребоваться такое страшное приращеніе?*»

Очевидно, не зачѣмъ.

VII. Пастухъ.

Стройность системы земледѣльческихъ «взглядовъ» Ивана Ермолаевича начала понемногу дѣйствовать и лично на меня, по мѣрѣ того, какъ я сталъ убѣждаться въ полнѣйшей неизбѣжности этихъ взглядовъ. Жить стало легче, т.-е. проще. Нервы сдѣлались какъ бы покрѣпче, стали

обнаруживать нѣкоторую неподатливость въ такихъ случаяхъ, въ какихъ прежде, т.-е. весьма недавно, они не могли не ныть, хотя, конечно, безплодно.

Зашелъ ко мнѣ проститься пастухъ; онъ былъ принанятъ деревней на полтора послѣднихъ мѣсяца, по случаю того, что старый пастухъ тяжко заболѣлъ. Это былъ лѣтъ подъ пятьдесятъ холостой человѣкъ, отставной солдатъ; въ военной службѣ онъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ и по выходѣ получилъ одиннадцать рублей какихъ-то артельныхъ денегъ вмѣстѣ съ шинелью, отъ которой однако начальствомъ были отрѣзаны пуговицы, какъ *«не отслужившія срока»*, и, облекшись въ эту шинель безъ пуговицъ, пришелъ домой. Здѣсь его приняли не совсѣмъ ласково; правда, сестра родная жалѣла его и много плакала съ нимъ и о немъ, но мужъ сестры косился на то, что Еремѣй (такъ звали пастуха) не можетъ работать въ хозяйствѣ. Бѣда Еремѣя въ томъ именно и заключается, что онъ не можетъ работать *трудной* работы, у него нѣту силъ, необходимыхъ для этой работы; онъ длиненъ ростомъ, и если ему нафабрить усы и растопырить бакенбарды, да нахлобучить каску, какую пострашнѣй, такъ онъ можетъ показаться человѣкомъ очень могучимъ, богатыремъ даже, но на дѣлѣ онъ былъ хоть и длиненъ, но вялъ и робокъ. «Счастье еще, говорилъ онъ мнѣ, что меня на службѣ не очень серьезно били, а то-бъ я давно помереть долженъ! фитьфебель у насъ былъ добрый человѣкъ: бѣдныхъ, у кого ничего нѣту имущества, денегъ,—почесть-что не билъ, а билъ онъ богатыхъ; какъ увидитъ, что у человѣка деньги, сейчасъ на ученьи подлетитъ—рразъ!.. Рубль ли, два ли ему и вылетаетъ! Ну, а у меня ничего не было, и денегъ я въ глаза не видалъ, — стало-быть, пользы ему меня бить не было. Что-жъ меня бить, коли у меня ничего нѣту? А то бы по моему здоровью мнѣ давно надо помереть, ежели бы, то-есть, бой мнѣ былъ настоящій, какъ прочимъ богатымъ людямъ былъ бой!»

И точно: пахать, ходить по кочкамъ за сохой или плугомъ и напрягать свои силы до степени лошадиныхъ— онъ не могъ и, навѣрное, повалился бы на пятой бороздѣ. Вотъ почему, возвратясь домой изъ военной службы, онъ сталъ встрѣчать въ семействѣ косые взгляды, и такъ какъ отъ этихъ взглядовъ кусокъ ему въ горло не шелъ, то онъ и захотѣлъ выдѣлиться. Выдѣлили ему часть изъ отповскаго имущества: часть эту онъ продалъ, и денегъ у

него набралось рублей ста полтора. «Тутъ,—говорилъ мнѣ пастухъ:—стало мнѣ скучно, сталъ я виномъ баловаться; и такъ я его полюбилъ, словно медвѣдь медъ любитъ; пьянствовалъ я, пожалуй-что, близко двухъ годовъ; потомъ, какъ оставшись я «безо всего», пошелъ изъ своихъ мѣстъ прочь... Тутъ я поступилъ въ монастырь... Въ монастырѣ трапеза хорошая (пастухъ подробно разсказывалъ мнѣ монастырское меню) — ну, денегъ, то-есть жалованья, не даютъ, а отъ богомольцевъ пользоваться не запрещаютъ... Было насъ тамъ такихъ, какъ я, человѣкъ пять. Вотъ мы, бывало, и испросимъ у отца-игумена благословенія, чтобы въ храмовой праздникъ дозволилъ онъ намъ хоть колокольней пользоваться... Напримѣръ, который бываетъ богомолецъ охотникъ все осматривать, то лѣзетъ на колокольню: пусти да пусти. Ну, дастъ онъ гривенникъ, копеекъ двадцать, — что̀ по возможности, — мы и пустимъ и покажемъ все. Въ большіе праздники рублей по шесть наберемъ артелью-то. Ну, и насчетъ работы нельзя пожаловаться, работа монастырская не тяжела: принесу воды, отнесу письмо... или въ огородѣ что-нибудь... Монахъ не станетъ надъ тобой стоять, надъ душой, напримѣръ: «работай!». Ему надо въ храмѣ быть: то заутреня, то обѣдня, то вечерня, то всенощная, то молебенъ, то акафистъ— безпрестанно онъ отлучается... Ну и отдохнешь. Къ обѣднѣ вдарятъ, а ты сѣлъ или легъ, или трубочку закурилъ, никто не препятствуетъ...» Монастырская, не тяжелая работа была также по силамъ Еремѣю, но—увы!—наши монастыри, какъ извѣстно, постепенно превращающіеся въ «крупныя» земледѣльческія хозяйства, стали брезговать такими, какъ Еремѣй, работниками и начали принимать не изъ милосердія, а по найму, не изъ-за хлѣба, а за опредѣленную плату, настоящихъ работниковъ, такъ какъ дѣло хозяйственное пошло не по-монастырскому, а по-настоящему, въ серьезъ, изъ-за самыхъ опредѣленныхъ и ясныхъ коммерческихъ расчетовъ. На счастье Еремѣй чуть-чуть зналъ грамотѣ, едва-едва, съ грѣхомъ пополамъ, могъ прочитать по складамъ печатную страницу и написать съ ужаснѣйшими искаженіями словъ крестьянское письмо. Цифры онъ зналъ очень мало: что̀ такое милліонъ—не зналъ, не могъ понять; даже цифры сто тысячъ не могъ себѣ ясно представить, не только-что написать. Но все-таки и эти знанія давали ему по временамъ кусокъ хлѣба: онъ брался учить крестьянскихъ ребятъ и

бралъ цѣну небольшую — сорокъ копеекъ въ мѣсяцъ, а иногда бралъ «огуломъ» за два цѣлковыхъ и притомъ обязывался къ сроку, напримѣръ, чтобы за зиму непремѣнно обучить мальчишку; но въ такихъ случаяхъ, не довѣряя его познаніямъ, съ него требовали подписку. «Дай подписку!» — говорили ему, и Еремѣй не отпирался отъ подписки, давалъ какую угодно, лишь бы зиму не умереть съ голоду и не замерзнуть. Но и при подпискѣ и безъ нея Еремѣй никого ничему не выучивалъ, кромѣ азбуки и двухъ-трехъ цифръ; однако случаевъ, чтобы за это взыскивали съ него, не бывало, ибо и родители, слушая, какъ Еремѣй бьется и потѣетъ, и какъ надсѣдаются дѣти, понимали, что это дѣло не легкое, что за него взяться заставляетъ человѣка только крайняя нужда. Изъ учителей нужда его погнала и въ пастухи; дѣло это ему непривычное, не по характеру; онъ даже боится быть въ лѣсу однимъ-одинъ, да и скотины, бодастыхъ коровъ и быковъ, побаивается; но нужда научитъ, по пословицѣ, и кирпичи ѣсть. И Еремѣй кое-какъ приладился. Къ скотинѣ онъ подошелъ не какъ повелитель и начальникъ, а какъ самый вѣжливый и предусмотрительный человѣкъ; хлѣбомъ, корки котораго онъ сберегалъ отъ обѣда и подбиралъ гдѣ только возможно, онъ задобрилъ рѣшительно всѣхъ животныхъ, которыхъ боялся. Но вѣдь такой образъ дѣйствій со скотиной—вещь немыслимая. Ни силъ ни средствъ не хватитъ у цѣлой деревни на такую деликатность, да Еремѣй и самъ чувствовалъ, что онъ не годится для этого дѣла, такъ какъ замѣнить хлѣбъ палкой, что̀ слѣдуетъ сдѣлать настоящему пастуху, онъ былъ неспособенъ. Онъ чувствовалъ, что пастухомъ онъ сдѣлался случайно, да и всѣ это чувствовали.

Пошелъ снѣгъ, скотину загнали въ зимнія помѣщенія, и Еремѣю пришлось уходить. Куда? Онъ и самъ не зналъ, куда именно ему надобно идти. А идти надо, больше ему нѣтъ дѣла; даромъ кормить не будетъ никто, и вотъ онъ въ такую-то минуту зашелъ ко мнѣ проститься. Онъ былъ въ той самой шинели, отъ которой начальство отрѣзало пуговицы, въ сапогахъ, разбитыхъ до невозможности, а шапка, которую онъ держалъ въ рукахъ, была, какъ говорится, ни на что не похожа. Онъ пришелъ проститься, но, видимо, ждалъ какого-то счастливаго случая, который бы далъ ему возможность не идти, остаться зиму здѣсь. Онъ привыкъ, познакомился съ людьми—зачѣмъ бы ихъ бросать? А главное — куда идти-то? Идти приходится неизвѣстно куда,

когда на дворѣ зима, когда добрые люди забиваются въ теплыя избы, когда снѣжкомъ занесены эти избы со всѣхъ сторонъ, густо обложитъ ихъ толстой, пушистой, непроницаемой отъ холода стѣной. А онъ вотъ куда-то иди! Но куда? Денегъ у него оказалось за расчетомъ семь рублей пятьдесятъ копеекъ, а ихъ не хватитъ и на полсутокъ, потому что въ такихъ сапогахъ, какіе надѣты на Еремѣѣ, нельзя идти далеко: не пройдешь и трехъ верстъ, какъ ноги окоченѣютъ.—«Куда же ты теперь?»—спрашивалъ я Еремѣя.—«Да, признаться, еще покуда не оглядѣлся... Вотъ сапоги надо. Вотъ какъ разбились... не знаю, кабы рубля бы за два пришлось сапоги-то купить, оно бы ничего... Вотъ тоже одежи мало, совсѣмъ мало одежи!» Еремѣй трогаетъ себя за бортъ шинели безъ пуговицъ, вытягиваетъ руки и оглядываетъ рваные рукава. «Мало, мало, совсѣмъ мало одежи, надо что-нибудь по зимнему времени... а денегъ-то вонъ семь рублей, да лавочнику, поди, какъ подсчитаетъ, пожалуй, какъ бы за мелочь рубли два не пришлось отдать... Забиралъ табакъ, нитки, рубаху взялъ... Вотъ денегъ-то и не хватаетъ. Кабы на машину хватило, пожалуй, въ городъ бы уѣхалъ».

Очевидно, что Еремѣй находился въ глубокой нерѣшительности, не зналъ, что̀ дѣлать, куда идти, что̀ покупать, что̀ исправлять въ одеждѣ, сапоги ли, или шинель, или шапку... Я предложилъ ему водки,—онъ любилъ ее,—но въ эту трогательную минуту онъ отказался. Онъ рѣшительно сказалъ: «боюсь я теперь пить!». И точно, настроеніе его было такое, что, зайдя въ теплый кабакъ, онъ не вышелъ бы оттуда на морозъ, не оставивъ въ кабакѣ всѣхъ семи рублей пятидесяти копеекъ. Теперь въ кабакахъ играютъ въ карты, и ничего не было бы мудренаго, если бы Еремѣю пришла мысль поиграть «на счастье»... И все-таки Еремѣй ушелъ, несмотря на страстное желаніе остаться, несмотря на то, что ему ужасно боязно идти невѣдомо куда,—въ холодъ, въ рваной одеждѣ, безъ денегъ и безъ силъ, которыхъ не дала природа. Ушелъ, потому что даромъ кормить его никто не будетъ. Надѣлъ рваную шапку, взялъ палку, крякнулъ какъ-то въ глубокомъ, чуть не до слезъ доходившемъ душевномъ разстройствѣ и пошелъ невѣдомо куда. Я стоялъ у окна и видѣлъ, какъ Еремѣй удалялся къ лѣсу, ступая рваными сапогами по занесенной снѣгомъ дорогѣ, шелъ, сгорбившись и вытянувъ впередъ длинную, обмотанную тряпками шею...

— Такое ужъ ему, должно-быть, счастье!—сказалъ Иванъ Ермолаевичъ о Еремѣ.—Кто же виноватъ-то, что онъ не работникъ. Вѣдь этого перемѣнить нельзя... А задаромъ кормить никто не станетъ. Откуда я возьму — сами посудите?.. Кабы мастерство какое зналъ, ну, еще ему бы можно было какъ-нибудь справиться помаленьку. А то и мастерства за нимъ нѣтъ... Въ кузню? — Слабъ... Вотъ и выходитъ, что ему надо кое-какъ жить, перебиваться... случаемъ. А чтобы постояннаго жительства—этого нѣтъ... не подойдетъ ему. Нешто работники такіе бываютъ!

И точно, принявъ во вниманіе «породу» Еремѣя, его физическіе рессурсы, видишь, что для него какъ бы естественно, *само собой* вытекаетъ такой, а не иной образъ жизни. Онъ *долженъ* такъ жить, никто не въ силахъ передѣлать его жизнь, никто на это не имѣетъ возможности. Его можно жалѣть, но самъ онъ волей-неволей долженъ пройти именно тотъ самый путь жизни, который ему предопредѣленъ и который объясняется условіями, находящимися въ его натурѣ, породѣ. Онъ *долженъ* поэтому кое-какъ шататься по свѣту, работать случайную работу, кое-какъ кормиться въ случайно попадающихся, не слишкомъ бойкихъ для работы мѣстахъ, а помереть ему придется такъ же, какъ вотъ недавно померъ въ деревнѣ бобыль. Померъ онъ потому, что физическія средства существованія были въ немъ истощены до послѣдняго предѣла, и замѣчательно, что имущества послѣ него осталось *какъ разъ* столько, сколько необходимо надо на его погребеніе. За шапку дали восемнадцать копеекъ, за остатки полушубка рубль, деньгами осталось въ тряпкѣ сорокъ копеекъ, и разной мелочи (лопата, горшокъ, одинъ новый лапоть) продано на нѣсколько копеекъ,—всего набралось два рубля восемьдесятъ три копейки, которыя «точка въ точку» разошлись на погребеніе, — за яму, попу, гробъ и т. д. Даже три копейки, которыя оставались, казалось, лишними, и тѣ пришлось отдать нищему, который сидѣлъ на паперти во время отпѣванія. Словомъ, «копейка въ копейку» человѣкъ разсчитался съ бѣлымъ свѣтомъ, возвративъ ему все «до копеечки», что взялъ отъ него для жизненнаго своего пути. Всякое сожалѣніе, скорбь и т. д.—все это будетъ нѣсколько фальшиво при такой «неизбѣжности» формъ и жизни и смерти. Такимъ образомъ въ ту минуту, когда бобыль былъ зарытъ въ могилу, отъ него *ничего не осталось*, ни даже воспоминанія... На чужой головѣ «живетъ» его шапка, рва-

ныя овчины перекроены и «живутъ» въ чужомъ полушубкѣ, и все это живое въ иныхъ формахъ уничтожаетъ даже возможность воспоминанія объ умершемъ. Жизнь и смерть для человѣка, имѣющаго дѣло непосредственно съ природой, слиты почти воедино. Вотъ умерло срубленное дерево, оно вянетъ, гніетъ, но въ то же самое мгновеніе пополняется новою жизнью. Подъ гніющей корой, невѣдомо откуда, явились и копошатся тысячи червей, муравьевъ; все это суетится, лазаетъ, точитъ, ѣстъ мертвеца, тащитъ въ свой домъ, строится, устраиваетъ муравьиныя кучи, растаскиваетъ его по мельчайшимъ частямъ, какъ у бобыля шапку, полушубокъ, и, глядишь, нѣтъ дерева, а есть что-то другое, и не мертвое, а живое; дерево разсыпалось, и на томъ мѣстѣ, гдѣ оно лежало, по всей его длинѣ выросъ крѣпкій мохъ, разнообразный, красивый, и въ немъ послѣ хорошаго «грибного дождя» (для грибовъ бываетъ особенный грибной дождь)—масса грибовъ, которые черезъ день по появленіи жарятся на сковородѣ въ сметанѣ... Издохла лошадь, и немедленно, не давая вамъ поскорбѣть о погибшемъ работникѣ, она, эта самая мертвая лошадь, начинаетъ жить новою жизнью. Сколько живыхъ существъ мгновенно воспроизводитъ она въ одинъ день! Какая гибель червей, устраивающихъ свое собственное благосостояніе! Въ какомъ великолѣпномъ расположеніи духа стаи птицъ, воронъ, галокъ и всякихъ прелестныхъ лѣсныхъ пташекъ! Какъ выдѣлываютъ онѣ эти кости, доводя ихъ, при помощи своихъ острыхъ носовъ и содѣйствіи дождей и вѣтровъ, до степени великолѣпнѣйшей бѣлизны. На весну — нѣтъ лошади, нѣтъ объ ней капли воспоминанія, потому что она вся разбѣжалась, расползлась и разлетѣлась тысячами живыхъ существъ. Недавно подъ поломъ того деревенскаго дома, въ которомъ я живу, собака вывела щенятъ. Она прорыла подъ некрѣпкимъ фундаментомъ лазъ и забралась въ самый дальній уголъ противоположной лазу части дома. Она сдѣлала это для того, чтобы щенятамъ было теплѣй, чтобъ вѣтеръ, который будетъ проникать подъ полъ, чрезъ лазъ, не доходилъ до нихъ. По ночамъ во время снѣжныхъ вьюгъ они сильно вопіяли подъ поломъ; пробовали достать ихъ и перенести въ тепло, но это было невозможно сдѣлать,—нельзя было пролѣзть подъ полъ. Но вотъ двѣ ночи кряду не слыхать ихъ писка: щенята замерзли. Несчастныя существа! Они не выдержали сильныхъ морозовъ и всей кучей, такіе хорошенькіе, маленькіе—замерзли! Но

не успѣли вы посентиментальничать и пяти секундъ, какъ немедленно же, невѣдомо откуда, явилось множество сорокъ... Онѣ дѣлаютъ подъ поломъ свое дѣло и, веселыя, вылетаютъ оттуда. Сколько между ними, по всей вѣроятности, разговоровъ, и разговоровъ интересныхъ, оживленныхъ, ежели судить по стрекотанью красивенькихъ птицъ,—стрекотанью, которому онѣ съ азартомъ предаются на крышѣ дома, вокругъ загороди, на сосѣднихъ голыхъ деревьяхъ... Не безпокойтесь! онѣ также дѣлаютъ свое дѣло и своимъ желаніемъ и правомъ жить уничтожаютъ вашу безплодную сентиментальность.

Отрывайте отъ семьи людей солдатчиной, дифтеритомъ... поболитъ раненое мѣсто и заживетъ. Жалко бываетъ смотрѣть иной разъ на деревенскую старуху, которая одна доживаетъ вѣкъ среди подрастающихъ внучатъ и правнучатъ. У нея нѣту мужа, нѣту двухъ сыновей—для нея все кончилось, какъ для дерева, которое срублено. Но корень у нихъ у обоихъ живъ, и, зная свою смерть, они должны покорно созерцать процессъ собственнаго конечнаго истощенія въ обиліи и въ безжалостности возникающей вокругъ нихъ и ихъ послѣдними соками питающейся жизни. Изъ-подъ умирающаго пня такъ и прыснули молодые побѣги и, зеленѣя, своими молоденькими листьями такъ и рвутъ изъ него остатки силъ. Та же участь и старухи: съ какой безжалостностью эксплоатируетъ ея привычку заботиться и любить—это новое, молодое, ребячье поколѣнье... Не уйти ей отъ этой жадной до вниманія бѣлоголовой толпы, и она растетъ, сокрушая и разрушая старуху, и чѣмъ гуще и веселѣе этотъ человѣчій «прутнякъ», тѣмъ меньше у старухи силъ, тѣмъ ближе и смерть... Пришелъ сынъ изъ полка—но ужъ ему нѣтъ мѣста... Матушки ужъ нѣтъ, она вся истратилась въ молодомъ поколѣніи, а онъ, какъ отрубленный сукъ,—не прирастетъ къ старому мѣсту... А мы съ Иваномъ Ермолаевичемъ, подумавши и обсудивъ участь этого сука, скажемъ:

— Такая ужъ ему, стало-быть, участь... Вѣдь не прирастетъ,—стало-быть, волей-неволей, а валяйся при дорогѣ, сгнивай понемногу... Такой предѣлъ.

VIII. Мишка.

Разскажу еще одинъ небольшой эпизодъ изъ жизни Ивана Ермолаевича, который подъ вліяніемъ «новыхъ» для меня взглядовъ показался мнѣ весьма привлекательнымъ. Иванъ Ермолаевичъ задумалъ учить своего сына, одиннадцатилѣтняго мальчика. Необходимо сказать, что потребность учить и учиться была сознаваема Иваномъ Ермолаевичемъ въ смутной степени. Обыкновенно онъ рѣшительно не нуждался ни въ какихъ знаніяхъ, ни въ какомъ ученіи. Жизнь его и его семьи, не исключая и одиннадцатилѣтняго сына, была такъ наполнена и такъ хорошо снабжалась знаніями, которыя сама же и давала, что нуждаться въ какомъ-нибудь постороннемъ указаніи, совѣтѣ—словомъ, въ чемъ-либо непочерпаемомъ тутъ же, на мѣстѣ и на своемъ дѣлѣ—даже не было и тѣни надобности. Но иногда, минутами, что-то невѣдомое, непонятное, что-то доносящееся изъ самаго далекаго далека пугало Ивана Ермолаевича. Ему начинало казаться, что гдѣ-то въ отдаленіи что-то зарождается недоброе, трудное, съ чѣмъ надо справляться умѣючи. Онъ чувствовалъ собственную опасность такъ же, какъ по отдаленному звуку колокола догадывался, что гдѣ-то пожаръ и кто-то горитъ; и тутъ онъ догадывался, что есть какая-то бѣда, хоть и не зналъ доподлинно, кто горитъ и гдѣ, и въ чемъ бѣда. И въ такія-то минуты онъ говорилъ: «Нѣтъ, надо Мишутку обучить грамотѣ. Надо!» Удивительно странныя обстоятельства приводили его къ этой мысли. Однажды во время косьбы зашли мы съ нимъ въ луга, арендуемые нѣмцами-курляндцами. Попался намъ курляндецъ, сидитъ онъ на копнѣ сѣна и что-то ѣстъ. Поглядѣли, ѣстъ рыбу. «Какая это рыба?»—спрашиваетъ Иванъ Ермолаевичъ.—«Салака!» — «Дай-ка отвѣдать». Нѣмецъ далъ. Иванъ Ермолаевичъ поглядѣлъ на рыбу, повертѣлъ ее въ рукахъ, помѣрилъ, откусилъ, пожевалъ и спросилъ: «Почемъ?» Нѣмецъ сказалъ цѣну. Иванъ Ермолаевичъ доѣлъ рыбу, поблагодарилъ, и мы пошли дальше, и тутъ-то, ни съ того ни съ сего, Иванъ Ермолаевичъ вдругъ вздохнулъ глубоко-глубоко и сказалъ: «Нѣтъ, надо Мишутку учить! пропадешь, вѣрное слово, пропадешь! Ишь вонъ какую рыбу-то ѣстъ!» Или тоже поѣдетъ онъ куда-нибудь изъ дому, на мельницу, на станцію, наглядится тамъ разныхъ людей, наслушается въ трактирѣ за чаемъ разговоровъ разныхъ

и, подавленный всею массою ихъ новизны, сдѣлается какъ-то суше, жестче въ обращеніи и твердитъ: «Надо! вотъ уберемся, отдамъ учителю».

Но какъ только Иванъ Ермолаевичъ оставался дома, дѣлалъ свои домашнія дѣла, такъ все это въ немъ исчезало; онъ забывалъ, почему вдругъ ему вздумалось чему-то учить Мишутку. Словомъ, только какой-то непріятный гнетъ, который онъ ощущалъ внѣ дома, какія-то непріятныя, недобрыя вѣянія времени, которыхъ онъ никогда не могъ бы высказать мало-мальски въ опредѣленной формѣ, только это и приводило его къ мысли о необходимости учить сына. Иногда онъ заходилъ посовѣтоваться на этотъ счетъ и со мной. Но я ужъ до такой степени проникся взглядами Ивана Ермолаевича, что и самъ не могъ хорошенько опредѣлить, зачѣмъ собственно необходимо учить Мишутку, и главное—рѣшительно не могъ представить себѣ того, чему бы именно нужно было его учить. Поэтому въ разговорахъ объ ученіи мы съ Иваномъ Ермолаевичемъ только твердили одно: «надо!». Онъ, чѣмъ-то угнетаемый, сидитъ, мрачно задумавшись, и твердитъ: «Нѣтъ, надо, надо!». И я ему отвѣчаю тѣмъ же: «Да, надо, Иванъ Ермолаевичъ!» — «Какъ же...»—говоритъ онъ, очевидно, пытаясь подкрѣпить свои слова какими-нибудь основательными доводами, но обыкновенно ничѣмъ не подкрѣпляетъ, а такъ на словѣ и останавливался... Затѣмъ, помолчавъ довольно долго, вновь восклицалъ: «О-хъ, надо, надо. Нельзя безъ этого!» И я отвѣчалъ ему: «Да ужъ безъ этого... какъ же?.. Разумѣется, надо!» — «А я-то про что-жъ? Я про то и говорю, что— надо! Больше ничего!»—«Конечно, нужно! чего же тутъ?»

Такимъ образомъ мы разговаривали съ Иваномъ Ермолаевичемъ иногда очень долго и расходились, чувствуя ужаснѣйшую тяжесть на душѣ. «Надо, надо!»—а сущность и цѣль Ивану Ермолаевичу неизвѣстны, непонятны, а я ужъ лѣнюсь разъяснять ихъ да и призабылъ, чѣмъ именно это *надо* слѣдуетъ оправдать.

Съ величайшею неохотою и какъ бы тяжестью на душѣ Иванъ Ермолаевичъ приводитъ намѣреніе свое въ исполненіе. Ужъ давно убрались съ хлѣбомъ, ужъ давно прошла осень и началъ устанавливаться зимній путь, а онъ все не везетъ Мишку къ учителю, раздумываетъ, къ кому отдать. Сначала думалъ отдать учительницѣ, но на станціи ему разъяснили, что учительница ничего не стоитъ.

— Ты самъ посуди,—говорили ему: — ну что она, баба,

можетъ? Вѣдь ученіе дѣло серьезное, вѣдь, братецъ ты мой, возьмемъ хоть твоего Мишку, вѣдь его обломать—вѣдь тутъ надобенъ какой учитель-то? Поди-ка, сшиби съ него дурь-то! Ты думаешь, это легко? Нѣтъ, братъ, запотѣешь! Тутъ надо вотъ какъ!.. чтобы ни-ни, ни Боже мой!.. Ну гдѣ же тутъ бабѣ? Нѣтъ! Совѣтую тебѣ учителя разыскать, котораго посурьезнѣе—вотъ это такъ! Да чтобъ онъ твоего Михайлу съ перваго слова осадилъ, чтобы безъ послабленія, чтобъ вогналъ его въ правило, установилъ въ точкѣ, остолбилъ его съ бацу—вотъ изъ него духъ-то этотъ, храпъ-то мужичій и выйдетъ вонъ! вотъ (показываетъ кулакъ), чтобы—аминь! ну, тогда онъ очувствуется!.. А такъ-то изъ него въ два года мужицкаго духу не выбьешь... сдѣлай милость! Я по себѣ знаю! Бывало, отецъ меня съ глазъ не спускалъ, какъ я сталъ учиться: такъ и стоитъ съ палкой! какъ чуть отвернулся—я маршъ черезъ заборъ... И что-жъ? Дралъ! да зато я теперича его поминаю добромъ, да! А, кажется, какъ дралъ-то! До самаго училища отъ дому неотступно, бывало, съ хворостиной провожаетъ. Чуть оглянусь—разъ! Чуть въ сторону—два! Бывало, боемъ, чисто однимъ боемъ, въ школу-то вбивалъ. А то—бабѣ! Захотѣлъ ты отъ бабы порядку!

Такимъ образомъ рѣшено было отдать Мишку учителю. Иванъ Ермолаевичъ нарочно съѣздилъ въ одну изъ ближнихъ деревень, гдѣ была земская школа, уговорился съ учителемъ, и наконецъ насталъ день, когда надо было везти Михайлу въ школу. До этой минуты на всѣ разговоры объ ученіи Михайла обыкновенно не отвѣчалъ ни одного слова. «Вотъ,—скажетъ Иванъ Ермолаевичъ:—скоро въ школу повезу... Смотри, учись!» Михайла молчитъ, не отвѣчаетъ ни слова. Мальчикъ онъ былъ бойкій, веселый, разговорчивый, но какъ только дѣло или разговоръ касался школы, Михайла дѣлался какъ каменный: не огорчается, не радуется, а смотритъ какъ-то осторожно... Въ день отъѣзда Иванъ Ермолаевичъ сказалъ наконецъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Ну, Михайла, сейчасъ поѣдемъ... Мать, одѣнь Мишку-то!

Мать одѣвала его и плакала. Иванъ Ермолаевичъ также чуть не рыдалъ, не понимая, изъ-за чего должно происходить все это мученіе. Но Михайла хоть бы словечко.

Спросятъ его: «Радъ ты, что въ школѣ будешь учиться?»— Молчитъ. Спросятъ:

— «Чай, не любо въ школу-то идти?»

Опять нѣтъ отвѣта.

Но въ самый день отъѣзда Мишка далъ-таки свой отвѣтъ. Онъ скрылся въ ту самую минуту, когда все было готово, когда ужъ работникъ подвелъ запряженную лошадь, когда и Иванъ Ермолаевичъ одѣлся и Мишку одѣли. Все время Мишка былъ твердъ и молчаливъ, какъ желѣзный, самъ Иванъ Ермолаевичъ тяготился этимъ отъѣздомъ въ школу гораздо больше, чѣмъ Михайла. Иванъ Ермолаевичъ мучился этимъ отъѣздомъ, Мишка же только молчалъ. И вотъ въ то время, когда Иванъ Ермолаевичъ нехотя съ глубокимъ сокрушеніемъ сталъ влѣзать въ сани и со вздохомъ произнесъ: «Ну, Михайла, полѣзай, братъ...»—оказалось, что Михайлы нѣтъ. Покликали, покричали — нѣтъ отвѣта. Принялись искать — опять нигдѣ нѣтъ; оглядѣли всѣ чердаки, всѣ углы въ домѣ и на дворѣ — нѣтъ Михайлы! Иванъ Ермолаевичъ сильно затревожился.—«Вѣдь спрашивалъ дьявола, — сердился онъ: — хочешь въ ученье или нѣтъ? вѣдь молчитъ, какъ камень, дубина экая, а вотъ убѣгъ! Ужъ попадись ты мнѣ, я изъ тебя выбью отвѣтъ!» Но этотъ гнѣвъ немедленно же смѣнялся въ родительскомъ сердцѣ состраданіемъ, и Иванъ Ермолаевичъ, видимо, глубоко сожалѣлъ, что затѣялъ всю эту «музыку».—«Жилъ бы, молъ, такъ, вокругъ дому, къ работѣ привыкалъ, а то вотъ...» Къ вечеру мысли Ивана Ермолаевича окончательно склонились въ пользу того, что всей этой музыки затѣвать было не зачѣмъ. Надвигались сумерки, а Мишки не было. Всѣми, не исключая работниковъ, овладѣло глубокое уныніе, которое смѣнилось искреннѣйшею радостью, когда одинъ общій знакомый мужикъ изъ сосѣдней деревни ужъ темнымъ вечеромъ привезъ Мишку домой. Всѣ обрадовались, забыли всякіе разговоры объ ученьи, всякія намѣренія «пробрать» и т. д. Спрашивали только, «не замерзъ ли», «чай, голоденъ», а работники, такъ тѣ откровенно высказывали свое одобреніе:—«Ловко ты, Мишанька... Право, ловко!..»

Мишка чувствовалъ себя побѣдителемъ и какъ бы выросъ и окрѣпъ за эти нѣсколько часовъ бѣгства. Тотчасъ, какъ только его привезли, онъ переодѣлся, переобулся и въ нѣсколько минутъ обѣгалъ весь дворъ, заглянулъ въ хлѣва, сараи и т. д., точно желалъ удостовѣриться, все ли на своихъ мѣстахъ, все ли по-старому, все ли благополучно. Мишку ужъ и не спрашивали, хочетъ онъ учиться или нѣтъ.

Съ нѣлю Иванъ Ермолаевичъ и не заикался о школѣ

и ученьи, онъ приходилъ въ себя, у него были хлопоты съ сѣномъ, ему было не до того. Но опять пришлось ему побывать въ людяхъ, на станціи, въ городѣ—и опять онъ воротился съ гревожными мыслями. «Нѣтъ, безпремѣнно надобно учить. Ничего не подѣлаешь, не такое время»... И опять сталъ ожесточаться на Мишку. «Ну, ужъ теперь я тебя туда завезу,—говорилъ онъ о Мишкѣ:—ты у меня не убѣжишь... Я ужъ теперь знаю. Разговаривать не стану».

И точно, Иванъ Ермолаевичъ пересталъ говорить съ Михайлой о своемъ намѣреніи, но вмѣстѣ со мной заключилъ заговоръ. Не говоря никому ни слова, мы выберемъ любой день, посадимъ Мишку въ сани и поѣдемъ въ другую деревню за двѣнадцать верстъ, близъ станціи желѣзной дороги. Тамъ мы его сразу и заточимъ въ школу и водворимъ въ квартирѣ. Тамъ есть у Ивана Ермолаевича знакомые, которые будутъ присматривать, приглядывать, а въ случаѣ чего и по затылку дадутъ,—ничего, выдержитъ! скотина добрая...

Мишка ничего не подозрѣвалъ, когда Иванъ Ермолаевичъ приказалъ заложить лошадь, объяснивъ, что ѣдетъ на мельницу. Онъ, какъ и всегда, помогалъ запрягать, при чемъ любилъ дернуть лошади морду и вбокъ и кверху, и точно большой мужикъ загоготать на нее и т. д. Когда лошадь была подана, Иванъ Ермолаевичъ внезапно объявилъ Михайлѣ, находившемуся въ избѣ: «Одѣвайся, со мной поѣдешь». Михайла побѣлѣлъ какъ полотно, почувствовалъ, что схваченъ врасплохъ, но ни слова не сказалъ, одѣлся; тутъ подоспѣлъ и я. Посадивъ Михайлу въ середину между нами, мы тронулись въ путь. Михайла молчалъ, какъ каменный; но однажды взглянулъ на меня, и въ этомъ взглядѣ я замѣтилъ ужасное негодованіе. Онъ не зналъ, куда ѣдемъ, но подозрѣвалъ. По хорошей зимней дорогѣ мы «духомъ» долетѣли до деревни, гдѣ была школа, и обдѣлали все дѣло не больше, какъ въ одинъ часъ. Какъ разъ противъ школы нашли квартиру у вдовы-старушки, внучки которой также учились въ школѣ, дали задатокъ, повели Мишку къ учителю, переговорили съ нимъ, также дали задатокъ, послѣ чего учитель сію же минуту взялъ Мишку и увелъ въ школу, гдѣ ужъ сидѣло и жужжало человѣкъ сорокъ малыхъ ребятъ. Переходъ отъ деревенской, интересной, понятной жизни къ непонятной и скучной школѣ, отъ знакомыхъ людей, гдѣ Мишка начиналъ ужъ считать себя «большимъ», «парнемъ», въ среду не-

знакомыхъ, чужихъ ребятъ, былъ необыкновенно быстръ и рѣзокъ. Мишка хотя и былъ крѣпковатъ на нервы, а когда учитель усадилъ его въ самую середину школьной толпы, малый «загорѣлся», вспыхнулъ, смутился и оторопѣлъ...

— Это самое и надо! — сказалъ Иванъ Ермолаевичъ, когда мы выбрались изъ школы. Онъ и самъ былъ испуганъ школой не меньше Мишки. — Такъ и нужно прямо подъ обухъ. Скорѣй оботрется... Оглушить его этакъ-то — онъ и обмякнетъ... Это слава Богу, что такъ—прямо объ земь! Ничего, пущай! — закончилъ Иванъ Ермолаевичъ, и мы поѣхали прочь отъ школы.

По дорогѣ заѣхали мы къ кузнецу, котораго звали Лепило и который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и коновалъ. У него находилась на излѣченіи лошадь Ивана Ермолаевича. Лепило сдѣлался коноваломъ какъ-то совершенно нечаянно, потому что ему это занятіе «подошло». Онъ былъ кузнецъ, ковалъ лошадей, и всякій разъ мужики спрашивали у него совѣтовъ, не знаетъ ли, отчего лошадь хромаетъ, что̀ такое вотъ тутъ, на ногѣ, у ней пухнетъ и т. д. Лѣтъ пять Лепило отвѣчалъ на эти вопросы: «Не знаю!», «Почемъ я знаю?» и т. д. Но потомъ помаленьку да полегоньку сталъ онъ давать и отвѣты: «Пухнетъ? Это пухнетъ... опухъ такой бываетъ... отъ этого». Или: «Хромаетъ? это она хромаетъ отъ болѣзни, болѣзнь такая есть». А потомъ сталъ и лѣчить. Помогла и надоумила его въ этомъ дѣлѣ жена.— «Чего ты?—сказала она.—Кому-жъ лѣчить-то, коль не тебѣ? Безперечь ты при лошадяхъ, да тебѣ не лѣчить? Кабы коновалы были — ну, такъ. А то только пользу свою опускаешь!»—«А въ самомъ дѣлѣ!» — подумалъ Лепило и сталъ помаленьку пріучаться къ дѣлу. Какъ извѣстно, тряпка, самая обыкновенная, коль скоро ею завяжутъ рану, или вообще больное мѣсто, ужъ сама по себѣ представляетъ какъ бы лѣкарство или медикаментъ,—и вотъ Лепило сталъ лѣчить при помощи тряпки и всякой дряни, какая только попадалась «округъ дому». Не ходить же ему за десять верстъ въ аптеку, да и что̀ бы онъ могъ тамъ купить? Поэтому всякую нечисть двора, все онъ мазалъ на тряпку, иногда перемѣшивалъ одну нечисть съ другой и опять же мазалъ на тряпку. Иной разъ жена вытащитъ на вьюшкѣ сажи или золы, или вообще какой-нибудь совершенно никому ненужной дряни, и скажетъ ему: «На!..» Лепило знаетъ, что̀ означаетъ это краткое изреченіе, и валитъ сажу или золу въ приготовленную дрянь. Единственныя средства,

употреблявшіяся имъ и дѣйствительно могущія назваться средствами, были крѣпкая водка, купоросъ, спиридаръ, а въ послѣднее время—керосинъ. Каленое желѣзо «само собой» ужъ должно было считаться въ числѣ средствъ Лепилы, какъ кузнеца: ничего нѣтъ легче раскалить желѣзную полосу и ткнуть въ больное мѣсто. А между тѣмъ это—тоже лѣкарство, и никогда не даровое.

Заѣхали мы къ Лепилѣ, поглядѣли больную лошадь, къ ногѣ которой была привязана тряпка съ лѣкарствомъ вышеописаннаго приготовленія, зашли, кромѣ того, въ лавки кое-что купить, часа два пили въ трактирѣ чай, грѣлись, разговаривали и воротились домой шажкомъ ужъ часу въ первомъ ночи.

— Мишка прибѣжалъ! — было первое слово, сказанное женой Ивана Ермолаевича, когда мы подъѣхали къ крыльцу его избы.

И я и Иванъ Ермолаевичъ были несказанно изумлены. Иванъ Ермолаевичъ вылѣзъ изъ саней и молча пошелъ въ избу; я также молча пошелъ домой: было уже поздно, и поэтому съ Иваномъ Ермолаевичемъ я увидѣлся только утромъ.

— Это его учитель прислалъ... Грифель, вишь... книгу какую-то надо... бумагу...

Потолковали мы насчетъ расходовъ и порѣшили отвезти Мишку и послать учителю деньги, чтобы купилъ грифель и все, что̀ нужно. Отправили Мишку на слѣдующій же день съ работникомъ. Но утромъ черезъ день Мишка опять явился.

— Ты зачѣмъ?

— Хозяйка прогнала. Напилась пьяна, стала драться, погнала вонъ... Не пимши, не ѣмши...

Михайла разсказалъ возмутительную исторію о поступкахъ хозяйки.

Всѣ жалѣли его, особенно же жалѣли, что онъ и сапоги и ноги истрепалъ. Но Мишутка въ моменты своихъ кратковременныхъ возвращеній не обращалъ, повидимому, никакого вниманія ни на сожалѣнія о его ногахъ ни на самыя ноги. Едва прибѣжавъ изъ дальняго путешествія по снѣгу, онъ немедленно же пускался осматривать, все ли цѣло, все ли такъ, какъ было при немъ въ родномъ его мѣстѣ. Бѣгалъ въ коровникъ, въ свиной хлѣвъ, къ овцамъ, къ лошадямъ, въ сарай, въ баню, къ уткамъ; все это онъ дѣлалъ лихорадочно, поспѣшно — прибѣжитъ, откроетъ дверь въ хлѣвъ, въ коровникъ, оглядитъ, пересчитаетъ, захлопнетъ

дверь — летитъ въ сарай и тамъ все пересмотритъ, перепробуетъ, рукой пощупаетъ; словомъ, не нарадуется на свои родныя мѣста, въ которыхъ ему, очевидно, дорога каждая порошинка.

На слѣдующее утро поѣхалъ съ Мишкой самъ Иванъ Ермолаевичъ, такъ какъ надо было разобрать дѣло. По его отъѣздѣ пришелъ работникъ и сказалъ мнѣ:

— А не будетъ Михайла учиться, нѣтъ, не будетъ!

— Почему же?

— Не къ тому приверженъ. У него есть приверженность къ хозяйству, лошадей любитъ, скотину; а это ученье не по немъ — не будетъ! Я ужъ знаю его характеръ. Теперича, ежели ему лошадью править, снопы возить, такъ онъ трясется отъ радости. А это ученье—нѣтъ. Вѣдь онъ мнѣ самъ сказывалъ, что на хозяйку-то наплелъ, насказалъ облыжныхъ словъ. А все изъ-за того, чтобы отецъ его отдалъ къ Лепилѣ на квартиру, потому что тамъ наша кобыла. Онъ самъ сказывалъ: «какъ, говоритъ, я увидѣлъ нашу рыжую, какъ она стоитъ съ больной ногой, вспомнилъ домъ, такъ и уперъ изъ училища». Нѣтъ, не будетъ, не такой парень.

Иванъ Ермолаевичъ воротился въ глубокомъ унынiи. Мишка все навралъ—и на хозяйку и на учителя. Учитель и не думалъ его посылать, а хозяйка, въ виду такой безсовѣстности, отдала Ивану Ермолаевичу назадъ деньги и отказалась держать Мишутку. Волей-неволей пришлось помѣстить Мишутку къ Лепилѣ, но при этомъ Иванъ Ермолаевичъ «оттрепалъ» его за волосы.

Но этимъ мученія не окончились: дня черезъ два мужики, воротясь со станціи, объявили, что Мишка тамъ трется вокругъ вагоновъ, помогаетъ подводить лошадей и заслуживаетъ тѣмъ всеобщія похвалы. Но что ужасно—жалуется мужикамъ на жестокое обращеніе отца: бьетъ, выгналъ изъ дому; проситъ пріютить и жалуется самымъ лютымъ врагамъ Ивана Ермолаевича, срамитъ его не на животъ, а на смерть передъ людьми ничего не стоящими. Иванъ Ермолаевичъ вышелъ изъ себя и немедленно же пустился ловить Мишутку, и тутъ началась борьба. Только-что Иванъ Ермолаевичъ настигнетъ его, положимъ, у вагоновъ, Мишка—подъ вагонъ, а Иванъ Ермолаевичъ, въ ужасѣ, что его раздавитъ, не знаетъ, что дѣлать. Изъ-подъ вагона Мишка пускается въ бѣга. Иванъ Ермолаевичъ узнаетъ это отъ какого-нибудь встрѣчнаго мужика и ѣдетъ

разыскивать, но и разыскать не было возможности, потому что Мишка такъ умѣлъ насказать про отца, что его прятали, скрывали—«нѣту у насъ!». Дня три подъ-рядъ Иванъ Ермолаевичъ возвращался домой безъ всякаго успѣха, но съ увеличившимся ожесточеніемъ. «Погоди, мошенникъ, я тебя тоже поймаю! Придешь, при-и-дешь, мошенникъ, ужъ я тебя тогда употчую». Мишка, должно-быть, и самъ чуялъ бѣду, но не сдавался, а только еще неутомимѣе выказывалъ свое сопротивленіе. Откуда у него брались силы, чтобы безъ устали цѣлые дни давать концы по десяти-двѣнадцати верстъ—уму было непостижимо. Наконецъ-таки словили и привезли... Къ этому времени на Мишку всѣ были до того ожесточены, онъ такъ много насрамилъ, налгалъ на отца и мать, такую пустилъ про нихъ худую славу, что появленіе Мишки вызвало ужъ не радость, а единодушное восклицаніе отца и матери: «Драть!». Розги были припасены, и едва Мишка появился въ избѣ, какъ Иванъ Ермолаевичъ крикнулъ работнику: «Держи-ка-сь его, Ѳедоръ!» Но Ѳедоръ наотрѣзъ отказался и ушелъ вонъ; не драть, а хвалить мальчишку надо бы было, по его мнѣнію, за такіе молодецкіе подвиги и за такое образцовое сопротивленіе какому-то учителю. Работница тоже отказалась и убѣжала, и по тѣмъ же причинамъ. Тогда взялась держать мать. Мишка ужасно оралъ, молилъ и вопіялъ, но дранье было безпощадное...

Это-то дранье и было его окончательной побѣдой; сорвавъ зло, Иванъ Ермолаевичъ немедленно утихъ и крайне удивился, что все это мученіе произошло изъ-за какого-то ученья. Онъ рѣшительно ужъ не могъ понять, зачѣмъ оно нужно Мишкѣ, несомнѣнныя достоинства котораго, выказанныя во время всей этой исторіи, выступили теперь со всей яркостью; нежеланіе учиться исчезало совершенно передъ этимъ упорнымъ желаніемъ жить въ крестьянскихъ условіяхъ, передъ этой любовью «къ крестьянству», выражавшейся въ любви къ скотинѣ, къ нашей рыжей кобылѣ, въ этомъ неудержимомъ стремленіи «домой», гдѣ дорога каждая курица, утка. Съ каждой минутой Иванъ Ермолаевичъ убѣждался, что въ Мишкѣ растетъ надежный представитель его семьи, работникъ, привязанный къ «крестьянству» неразрывными узами, и недавнее негодованіе замѣнилось весьма скоро восхищеніемъ.

На другой день Иванъ Ермолаевичъ, придя поговорить со мною и разсказавъ о Мишкѣ, о томъ, какъ ему доста-

лось за все, постепенно перешелъ къ похваламъ его упорству, крѣпости, неподатливости, силѣ физической, удивительной въ эти годы. Иванъ Ермолаевичъ съ восхищеніемъ говорилъ: «Вѣдь почесть что полтораста верстъ отмахалъ взадъ и впередъ въ эти дни-то...» Словомъ, съ хозяйственной, земледѣльческой, крестьянской точки зрѣнія Ивана Ермолаевича, Мишка выходилъ отличнѣйшимъ парнишкой, изъ котораго выйдетъ отличнѣйшій мужикъ... Мишку хвалили и одобряли всѣ, работники въ особенности, и главнымъ образомъ за то, что, кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ крестьянскихъ достоинствъ, Мишка умѣлъ «насолить». Такимъ образомъ въ этомъ множествѣ похвалъ, расточаемыхъ всѣмъ понятнымъ качествамъ крестьянина-работника, обнаруженнымъ Мишкой, безъ слѣда исчезало и его умѣнье лгать, лишь бы добиться своего, и его безстѣнчивость срамить незнакомыхъ людей, даже отца роднаго, для того же опять, чтобъ добиться своего. За это Мишка былъ выдранъ—и все это позабыто. Съ этихъ поръ и до настоящаго времени Иванъ Ермолаевичъ не упоминаетъ объ ученіи, а Мишка опять тотъ же, какъ былъ; все у него зажило, и, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ попрежнему цѣлые дни толчется около коровъ, овецъ, косьбы, сѣна жнива...

IX. Узы неправды.

Такимъ образомъ, благодаря Ивану Ермолаевичу, вліянію его взглядовъ и всей его жизненной обстановки, я незамѣтно перенесъ мои интересы изъ удушливой области интересовъ русскаго образованнаго, немужицкаго человѣчества—изъ области, гдѣ размышленія и безпокойства человѣка не сопровождаются соотвѣтственными поступками или гдѣ поступки не сопровождаются соотвѣтствующими имъ размышленіями; гдѣ наконецъ зачастую приходится поступать вопреки «соотвѣтствующимъ» размышленіямъ, я, проникнутый до нѣкоторой только степени земледѣльческими идеалами Ивана Ермолаевича, вступилъ въ благословенную сѣнь, гдѣ, напротивъ, всѣ взаимныя отношенія, весь обиходъ жизни держатся исключительно на поступкахъ, непремѣнно сопровождающихся только тѣми размышленіями,

которыя поступкамъ соотвѣтствуютъ вполнѣ, гдѣ даже и признака нѣтъ такого рода размышленій или безпокойствъ, которыя бы не имѣли въ результатѣ поступка или которыя бы исходною точкою не имѣли какого-либо совершенно ясно видимаго, ощущаемаго поступка... Не знаю, въ гору или подъ гору шелъ я, переходя изъ одной области въ другую, но знаю положительно, что переходъ былъ благодѣтеленъ; огромная область тлетворныхъ безпокойствъ замѣнилась малымъ райономъ вполнѣ опредѣлимыхъ и удовлетворимыхъ нуждъ, и все во мнѣ и вокругъ меня стало яснѣе, чище, здоровѣй, покойнѣй.

Но все это благополучіе (а это состояніе было воистину наиблагополучнѣйшимъ состояніемъ) было—увы!—мгновенно разрушено, — разрушено въ одинъ краткій мигъ.

Въ одну изъ тѣхъ пріятнѣйшихъ минутъ, когда я, удивляясь своему «оздоровленію», недоумѣвалъ, какъ это можно существовать, думать, тревожиться,—словомъ, жить, не поступать или поступать, не думая, или поступая «вопреки»,—Иванъ Ермолаевичъ привезъ со станціи цѣлый ворохъ газетъ. Я положительно сталъ уже отвыкать отъ интереса къ этимъ большимъ листамъ бумаги, начиная уже совершенно соглашаться съ тѣмъ директоромъ одного банка, который не принималъ въ обезпеченіе ссудъ никакихъ, даже самыхъ капитальныхъ изданій, говоря: «Если бы вы представили просто бумагу—мы бы приняли: бумага—товаръ. Но книга... газета... это уже *испорченная бумага*...» Благодаря Ивану Ермолаевичу, я былъ уже такъ далекъ отъ всего, что въ этихъ бумагахъ пишется, какъ бы находился за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ... Все это гдѣ-то тамъ, далеко... далеко... и главное—совсѣмъ-таки не касается насъ съ Иваномъ Ермолаевичемъ. Но старая привычка къ большой бумагѣ заставила меня пошумѣть этими огромными листами, пошумѣть такъ, отъ-нечего-дѣлать. И вотъ тутъ-то на мое глубокое несчастіе два-три факта изъ текущей дѣйствительности почти мгновенно унесли меня отъ этой деревни, отъ этихъ хлѣвовъ, посѣвовъ, жнитва, косьбы, полушубковъ, сохъ, боронъ, армяковъ и т. д. и т. д.—въ міръ фраковъ и сюртуковъ, въ міръ жгутовъ вмѣсто эполетъ и эполетъ съ жгутами, въ міръ красныхъ и иныхъ околышей, облегающихъ головы всевозможныхъ партій, направленій, мнѣній, поступковъ, не сопровождающихся соотвѣтственными мнѣніями, и мнѣній, не сопровождающихся

поступками. Словомъ, я очутился въ образованномъ обществѣ.

Тщетно старался я возвратить утраченное спокойствіе—убійственные газетные листки разверзли уже начавшую-было заживать душевную язву, и я уже не могъ оторвать своей мысли отъ картины, представлявшей «положеніе» такъ-называемаго образованнаго человѣка и общества, въ которомъ онъ вращается, — общества, въ которомъ, говоря словами апостола Павла, «сердца исполнены горькой желчи и въ узахъ неправды».

Удивительнѣе всего то, что объ этомъ пребывающемъ въ узахъ неправды не-мужицкомъ обществѣ заставилъ думать меня исключительно мужицкій процессъ, напечатанный въ судебной хроникѣ одной изъ газетъ, привезенной Иваномъ Ермолаевичемъ. Процессъ этотъ всѣмъ извѣстенъ, и пересказывать я его во всей подробности не буду. Характернѣйшій признакъ процесса—сопротивленіе крестьянъ властямъ: пріѣхалъ судебный приставъ описывать имущество крестьянъ за неплатежъ долговъ помѣщику, и крестьяне оказали ему сопротивленіе. Приставъ началъ палить изъ пистолета, одного убилъ, троихъ ранилъ и убѣжалъ. Крестьянъ судили, обвинили, наказали, и все по порядку. Но роли мужиковъ и не-мужиковъ во всей этой исторіи въ высшей степени оригинальны, по крайней своей противоположности. Въ теченіе *двадцати* лѣтъ мужики преслѣдуютъ одну совершенно реальную, опредѣленную цѣль, выражая ее въ требованіи увеличенія земельнаго надѣла. Двадцать лѣтъ *безъ передыху* они твердятъ одно: «*земли мало!*». Въ теченіе шестнадцати лѣтъ изъ двадцати они ходятъ съ этими простыми словами по всѣмъ инстанціямъ, заполненнымъ не-мужицкимъ народонаселеніемъ, ходятъ въ управу по крестьянскимъ дѣламъ и въ управу земскую, ходятъ къ предводителю, къ предсѣдателю, къ исправнику; ходятъ въ присутствіе, въ канцелярію, въ комиссію: черезъ шестнадцать лѣтъ наконецъ имъ привозятъ планъ на «всю землю», которая, по ихъ мнѣнію, имъ нужна и которою они всегда пользовались. На планѣ дѣйствительно изображена та самая земля, какая имъ нужна. За планъ этотъ они платятъ деньги, и не кому-нибудь, а самому становому приставу, который вручилъ планъ именно *имъ*, а не помѣщику, по мнѣнію крестьянъ, съ 1861 года оттягавшему часть принадлежащей имъ земли. Получивъ планъ, крестьяне входятъ во владѣніе, какъ видно, въ полномъ со-

знаніи права и въ полной увѣренности въ этомъ правѣ: у нихъ «плантъ», за который отданы деньги, и они желаютъ пользоваться только той землей, которая *«на плану»*—чужого имъ не надо. Но тутъ-то, когда, повидимому, кончились всѣ мученія, всѣ хожденія и траты на просьбы и канцеляріи, крестьянъ начинаютъ убѣждать, даже «внушать», что планъ этотъ *ничего не значитъ*, что планъ этотъ долженъ бы быть врученъ имъ въ 1847 году, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, хотя того плана, настоящаго плана, который слѣдовало имъ имѣть послѣ 1861 года, имъ не дали: даже уставной грамоты не выдали. Имѣя всѣ основанія не вѣрить этимъ «увѣщаніямъ» и внушеніямъ, ибо опять-таки у нихъ въ рукахъ планъ, за который заплачено и который врученъ становымъ, крестьяне не могутъ понимать ни исковъ къ нимъ помѣщика, не могутъ думать даже, что они должны; рѣшительно не понимаютъ основаній, по которымъ является приставъ въ сопровожденіи почти шестидесяти человѣкъ вооруженнаго народа и начинаетъ хватать поросятъ, а потомъ палитъ изъ пистолета. Даже находясь на скамьѣ подсудимыхъ, они продолжаютъ твердить: «мало земли», и продолжаютъ не понимать всей этой путаницы. Не поймутъ они ее и въ арестантскихъ ротахъ и даже на каторгѣ въ Сибири. Несомнѣнно, что они—люди темные, что они не могутъ разобрать, какой привезли имъ «плантъ», что̀ значитъ вотъ эта линія, оттѣненная синей краской, что̀ значатъ эти А, В, С и т. д. Но цѣль ихъ ясна—«земли мало!». Съ этой мыслью они шлялись по судамъ, съ этой мыслью были на скамьѣ подсудимыхъ, съ этой мыслью будутъ сидѣть въ арестантскихъ ротахъ. Такъ же ли просто и ясно выражали свои требованія, или давали отвѣтъ на такое простое, ясное явленіе, какъ: «мало земли», и тѣ многочисленнѣйшія учрежденія, наполненныя не-мужиками, къ которымъ крестьяне обращались? Сказали ли они просто и рѣшительно: «Нѣтъ тебѣ земли! Не будетъ!..» И вообще преслѣдовали ли они какую-нибудь опредѣленно поставленную, по отношенію къ крестьянамъ, свою, не-крестьянскую цѣль? Но вотъ именно этой-то ясности, простоты и твердости въ поступкахъ немужицкаго общества и нѣтъ въ отношеніяхъ къ обществу мужицкому. Сію минуту, сидя въ арестантскихъ ротахъ, мужики знаютъ, что «земли, *стало-быть*, не дадутъ!». Но вѣдь *не дать* ея господа образованные люди могли еще въ 1861 году, т.-е. двадцать лѣтъ тому назадъ, и это при-

несло бы, какъ увидимъ ниже, несомнѣнную пользу какъ мужикамъ, такъ и помѣщику. Но вотъ на эту-то рѣшительность, опредѣленность въ поступкахъ образованная половина процесса и оказалась неспособною. Въ подлинномъ процессѣ сказано, что съ 1861 года по 1877 годъ, то-есть въ теченіе шестнадцати лѣтъ, крестьяне на свои просьбы не получили никакого отвѣта, не получили даже плана и уставной грамоты. Но на дѣлѣ они непремѣнно получали отвѣты, и притомъ, навѣрно, всякій разъ при посѣщеніи инстанцій, наполненныхъ образованными людьми. Имъ отвѣчали, примѣрно, такъ: «Еще не разсмотрѣна просьба... приходите черезъ два мѣсяца»... или:—«Предсѣдатель не пріѣзжалъ... уѣхалъ въ Петербургъ»... или:—«Разсматривается... вчерашній день доложено»... Такъ говорили мелкіе сорта образованныхъ людей. Но несомнѣнно, что и крупные сорта также удостаивали ихъ разговоромъ... Не разъ «застигали» они предсѣдателя врасплохъ, гдѣ-нибудь на подъѣздѣ, даже на улицѣ; не разъ застигали они и предводителя гдѣ-нибудь въ швейцарской, или въ магазинѣ, или на подъѣздѣ церкви, всегда эти господа удостаивали ихъ отвѣтомъ: «Знаю... Знаю... Вамъ сказано, что пришлется бумага. Все будетъ въ свое время... Еще не разсмотрѣно—кажется, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ!» Или: «Будетъ, будетъ разсмотрѣно... Не вы одни... И кромѣ васъ цѣлыя сотни такихъ же дѣлъ... Нельзя вдругъ... Васъ увѣдомятъ» и т. д... Иногда, такъ лѣтъ черезъ пятокъ, ихъ ошарашивали вопросомъ:—«А почему не представлена уставная грамота?»—«Да мы не получали, батюшка!»—«Какъ же такъ не получали? Не можетъ быть!.. Иванъ Ивановичъ! Вотъ не получали уставной грамоты...»—«Успѣть нельзя-съ!..»—«Ну, а безъ уставной грамоты ничего нельзя... Что-жъ я буду дѣлать, не зная, въ чемъ дѣло? Ты вотъ старый человѣкъ, ходокъ, ну разсуди ты самъ, ну что возможно сдѣлать безъ уставной грамоты? Погодите! Получите грамоту, тогда и можно входить съ прошеніемъ, ходатайствовать... Что же я могу сдѣлать теперь? Который разъ вы совершенно понапрасну являетесь, отрываете меня отъ дѣла...»—«То-то бы грамоту-то надобно!»—«И надо погодить! Нельзя всѣмъ вдругъ, вы не одни въ уѣздѣ... Вѣдь тутъ не тысячи человѣкъ работаютъ... всѣмъ вдругъ угодить нельзя. Надо ждать... А тогда и приходить!» Такимъ образомъ отвѣты были и, какъ видите, отвѣты, даже разъясняющіе крестьянамъ ихъ темноту; но, съ другой стороны, можно также

вполнѣ справедливо заключить, что ровно никакихъ отвѣтовъ и не было, ибо до сей минуты, несмотря на разъясненіе необходимости имѣть уставную грамоту, этой самой грамоты крестьяне все-таки не получили...

Становой приставъ, вручившій, или, вѣрнѣе, «всучившій» крестьянамъ «планъ», поступалъ еще рельефнѣе въ смыслѣ отсутствія опредѣленности въ поступкахъ. Онъ привезъ планъ собственно для врученія г-ну помѣщику. Явясь въ его домъ, онъ сказалъ;—«Вотъ планъ... по размежеванію... позвольте получить пятьдесятъ рублей за составленіе!»—«Какой планъ?»—спросилъ помѣщикъ.—«Планъ по размежеванію 1847 г.» — «Да на какой онъ мнѣ чортъ, этотъ планъ? Теперь 1877 г., съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, совершилось освобожденіе крестьянъ, тутъ въ планѣ должно быть означено, что̀ ихъ и что̀ мое... Мнѣ надо планъ 1861 г., а 1847 г. мнѣ не нуженъ. Куда мнѣ его?..»—«Но какъ-же-съ пятьдесятъ-то рублей?» — «А мнѣ какое дѣло? Привозили бы его въ 1847 г., тогда бы вамъ и уплатилъ старый владѣлецъ...»—«Такъ не благоугодно?»—«Нѣтъ, не благоугодно...» Почесалъ становой за ухомъ, подумалъ и пошелъ къ мужикамъ: «Не возьмутъ ли хоть они. Вѣдь они всѣ добиваются какого-то плана... Такъ ли, сякъ ли, а пятьдесятъ цѣлковыхъ — привези!» И вотъ онъ сталъ убѣждать мужиковъ принять планъ.—«Вотъ,—сказалъ онъ:—планъ на *всю* землю». Слово *всю* онъ вставилъ собственно потому, что зналъ симпатію крестьянъ къ этому слову.—«На всю *нашу* землю?» — спросили крестьяне. Тутъ становой подумалъ и придумалъ такой отвѣтъ:—«Да!—сказалъ онъ совершенно твердо и прибавилъ:—на всю, которая находилась въ вашемъ пользованіи при прежнемъ владѣльцѣ».—«Старинной, стало-быть, нарѣзки?»—«Да!—тоже твердо отвѣтствовалъ:—планъ старинной нарѣзки!»—«Какъ въ прежнее время было?»—«Какъ въ прежнее... Это планъ старый... именно какъ въ прежнее время!» Такимъ образомъ становой тоже давалъ отвѣты, не молчалъ, и притомъ давалъ отвѣты правдивые. Что̀ онъ сказалъ?—«Это планъ старой нарѣзки». Развѣ онъ солгалъ, что ли? Онъ сказалъ крестьянамъ сущую правду... Надо ему пятьдесятъ-то рублей получить... Развѣ онъ виноватъ, что они *не такъ* его поняли? и т. д. Но кромѣ этихъ офиціальныхъ образованныхъ людей, даже помѣщикъ, съ которымъ тягались крестьяне, и тотъ не выказалъ въ этомъ дѣлѣ спасительной твердости. Вѣдь и онъ могъ привести «къ одному знаме-

нателю» своихъ противниковъ еще въ 1861 г., и притомъ по закону, а главное, двадцать лѣтъ зналъ бы, что дѣлать, т.-е. находился бы въ положеніи совершенно опредѣленномъ. Стоило только твердо и рѣшительно опредѣлить и установить свои права, а онъ-то, лицо, прямо заинтересованное въ ясности постановки дѣла, дѣйствуетъ почти такъ же, какъ становой и вышеупомянутыя инстанціи образованныхъ людей. Онъ совершенно неразсчетливо позволяетъ крестьянамъ путаться въ неосуществимыхъ надеждахъ— двадцать лѣтъ; молчитъ, какъ будто ничего не понимаетъ— когда становой «всучитъ» мужикамъ ненужный планъ, думая, вѣроятно: «пускай, пускай, попутаются съ нимъ... приду-утъ!» И въ концѣ концовъ, изъ всей этой нерѣшительности, т.-е. отсутствія рѣшимости и смѣлости предъявить свои права и цѣли въ полной ясности и простотѣ, вышло нѣчто непереваримое по срамотѣ внутренняго содержанія. Поступая въ этой тяжбѣ помѣщика съ крестьянами рѣшительно и прямо, всѣ дѣйствующія въ этомъ дѣлѣ лица, и мужики и не-мужики, никогда не пришли бы къ тому жестокому, безсмысленному и разорительному для обѣихъ сторонъ результату, къ которому пришли теперь. Держали ли «образованные люди» руку помѣщика? Какъ будто бы и держали; они вотъ не препятствовали крестьянамъ путаться и не давали имъ прямыхъ отвѣтовъ; смотрѣли на это сквозь пальцы. Но, съ другой стороны, они и разорили помѣщика: они на двадцать лѣтъ остановили правильность его хозяйства, и теперь, хотя арестантскія роты и доказали мужикамъ, что, *стало-быть, не будетъ*, и что, слѣдовательно, имъ приходится поклониться насчетъ земельки помѣщику, приходится пойти къ нему въ батраки, но помѣщикъ ничуть отъ этого не выигралъ: онъ окруженъ населеніемъ недоброжелательнымъ,—населеніемъ, которое ему приписываетъ теперешнее свое разореніе, — населеніемъ, думающимъ, что онъ двадцать лѣтъ мутитъ ихъ, заставляя тратиться и разоряться... Будутъ у него работники, и работники даровые, но не дай Богъ жить съ такими работниками...

Съ другой стороны, выказали ли ясно и твердо тѣ же самые образованные люди свое намѣреніе привести мужика къ одному знаменателю, указать ему «точку» и на этой точкѣ утвердить на вѣки вѣковъ, чтобы на вѣки вѣковъ мужикъ зналъ и эту точку и «свою линію»? Нѣтъ, не рѣшились и на это. Правда, нельзя сказать, чтобы они по-

мѣшали мужику запутаться, остаться въ дуракахъ, но они нерѣшительностью поддерживали въ немъ фантазіи. Они говорили: «погодите... все сдѣлается, получите бумагу... планъ, планъ, планъ... безъ плана ничего нельзя... планъ на *всю* землю... прежняя нарѣзка... какъ прежде...» Такимъ образомъ дѣйствуя, они не только не искоренили вредныхъ иллюзій, но положительно, можно сказать, развивали и поддерживали ихъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ получилось не просто разореніе одной стороны и устроеніе другой,—какъ это было бы при рѣшительности и рѣшимости въ образѣ дѣйствій,—а разореніе обѣихъ сторонъ и, кромѣ того, ожесточеніе: мужики ожесточены на помѣщика, помѣщикъ—на мужиковъ, и оба вмѣстѣ потеряли и вѣру и уваженіе въ образованныхъ, «не-мужиковъ», которые поставили ихъ обоихъ въ такое нелѣпое положеніе. Намъ даже кажется, что твердое и ясное опредѣленіе мужицкой «точки» и мужицкой линіи въ этомъ дѣлѣ не разорило бы мужиковъ: они бы, зная въ первые же дни послѣ 1861 г., что *не будетъ* земли, давно бы, хоть и скрѣпя сердце, покорились своей участи и ужъ давно приспособились бы къ тѣмъ условіямъ, въ которыя ихъ поставило бы рѣшительное «не будетъ!». Они бы стали тратить деньги не на безплодныя тяжбы, а на хозяйство, на аренду земельки въ людяхъ, а иные разошлись бы по заработкамъ, по чужимъ мѣстамъ и людямъ. Теперь же они отуманены, оскорблены, истощены въ конецъ, теперь они измучены и ожесточены.

А сами образованные люди, не обрѣтшіе опредѣленныхъ цѣлей для своихъ поступковъ,—развѣ они лучше чувствуютъ себя, чѣмъ ожесточенный владѣлецъ или ожесточенный мужикъ? Спросите-ка ихъ о состояніи духа, и они скажутъ вамъ: «адъ!», т.-с. въ душѣ-то у нихъ — адъ кромѣшный. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ глубинѣ души каждый изъ нихъ можетъ считать себя чѣмъ-либо инымъ, какъ не вполнѣ потерянымъ человѣкомъ? Развѣ становой приставъ, всучившій планъ, не сознаётъ себя обманщикомъ, изъ-за котораго разорены въ конецъ три деревни неповинныхъ людей? А прокуроръ, который рѣшился всѣхъ этихъ явно невинныхъ людей обвинять, который рѣшился обвинять даже жену неповинно убитаго мужика,—развѣ можетъ онъ убѣдить самого себя, что, дѣлая это, онъ дѣлалъ справедливое дѣло? Ничуть и никогда. Всѣ они носятъ внутри себя горькую желчь и всѣ чувствуютъ себя въ узахъ неправды. Мало этого: сознаніе своей нравственной неправды, нравственной

мýки всѣ эти люди не-мужицкаго званія выказываютъ постояннымъ желаніемъ оправданія и всегда даже рады тому человѣку, который вызоветъ ихъ «на откровенный разговоръ», начнетъ выводить «на чистоту»,—конечно, безъ свидѣтелей. Въ такія минуты оказывается, что всѣ они вполнѣ понимаютъ свою вину, а главное, оказывается, что они дѣйствовали *такъ* даже какъ бы на пользу тѣхъ, кому вредили... Почему, напримѣръ, вы думаете, они шестнадцать лѣтъ не давали мужикамъ никакого опредѣленнаго отвѣта? Да просто потому, что они жалѣли мужиковъ, хотѣли «оттянуть» роковую минуту, потому что владѣлецъ, съ которымъ мужики тягались... Боже мой, какъ расписали они владѣльца! Предсѣдатель, такъ тотъ, по собственнымъ его словамъ, «имени» этого человѣка не можетъ слышать равнодушно, и утроба его готова лопнуть отъ негодованія всякій разъ, какъ онъ услышитъ это имя. Мало того, что всѣ они, не исключая станового пристава, который убилъ человѣка и который на судѣ заявилъ, что ему *жаль* хватать поросенка, подлежащаго описи, мало того, что всѣ они *сознаютъ* свою вину—въ искреннѣйшія минуты, когда сознаніе собственной душевной срамоты почему-либо выступитъ особенно сильно — всѣ они публично даже готовы проклясть себя, осрамить себя, а народъ, этого самаго мужика, ими запутаннаго, возвеличить, пасть предъ нимъ...

Но и въ такія, казалось бы, искреннѣйшія минуты въ жизни онъ проклинаетъ себя точь въ точь такъ, какъ я проклиналъ себя въ предыдущей главѣ подъ названіемъ: «Не суйся!» Тамъ я проклялъ себя (конечно, только для *образчика*), повидимому, безпощадно. Не смѣшалъ ли я тамъ себя съ грязью? Смѣшалъ и уничтожилъ; но это только повидимому; если же вы разберете подробно, то увидите, что параллели, которыя я бралъ между мной и Иваномъ Ермолаевичемъ, самыя злостныя и неправильныя. Я тамъ говорилъ: что я такое? Я вотъ читаю газету, а Иванъ Ермолаевичъ дѣлаетъ что-то, совсѣмъ на газету не похожее; я безпокоюсь Богъ знаетъ о чемъ, о пустомъ, а Иванъ Ермолаевичъ безпокоится не о пустомъ... и т. д. Продолжая эти злостныя параллели, можно унижать себя, примѣрно, такъ: я, дармоѣдъ, ношу сапоги, а онъ, труженикъ,—лапти; я, безсовѣстный человѣкъ, ѣмъ ростбифъ, а онъ, чистосердечный человѣкъ, — ѣстъ снѣтки съ пескомъ и т. д. Въ такомъ родѣ можно проклинать себя сотни лѣтъ, и все-таки никакого вреда отъ этого мнѣ не будетъ, равно какъ и пользы

не будетъ Ивану Ермолаевичу. Что бы мнѣ стоило, если ужъ я такъ раскаялся чистосердечно, проклясть себя *въ самомъ дѣлѣ*, сказавъ, напримѣръ: «я—безсовѣстный человѣкъ потому, что знаю очень много секретовъ, которые бы улучшили жизнь Ивана Ермолаевича, но, молъ, безсовѣстность запрещаетъ мнѣ ихъ открыть ему: онъ тогда плюнетъ на меня и уйдетъ, а мнѣ надо, чтобъ онъ секретовъ-то не зналъ и работалъ на меня». Этого-то вотъ, настоящаго-то, я ни за что не скажу, а проклинать себя такимъ вотъ манеромъ, какъ показано въ образчикѣ, могу сколько угодно, хоть каждый день передъ ростбифомъ. Иванъ Ермолаевичъ изъ этихъ проклятій, будьте увѣрены, не сошьетъ шубы, нѣтъ, не сошьетъ!.. Такимъ образомъ въ то время, когда Иванъ Ермолаевичъ говоритъ мнѣ: «земельки», я, какъ бы не слыша этого, валяю самъ себя нехорошими словами, пушу себя ужаснѣйшимъ образомъ, но опредѣленный отвѣтъ Иванъ Ермолаевичъ узнаетъ не отъ меня, а не иначе, какъ въ арестантскихъ ротахъ, которыя и отвѣтятъ ему совершенно категорически: «не будетъ!». Такъ я проклинаю себя. А какъ я хвалю мужика? О, тутъ я (со мной и всѣ вышеупомянутые не-мужики) дохожу почти до восторженнаго состоянія! Я преподношу Ивану Ермолаевичу такіе дары, что у него не хватитъ духу и пикнуть мнѣ насчетъ земельки... Во-первыхъ, я валю къ его ногамъ *всю* цивилизацію всѣхъ вѣковъ и народовъ и изображаю ее такъ, что иначе, какъ «паршивою», наименовать ее невозможно: въ прошлой главѣ *для образчика* я привелъ нѣкоторые пріемы, употребляемые при проклятіяхъ цивилизаціи. Душа поющаго хваленія мужику, будучи поражена антихристовою печатью, не можетъ и въ этомъ случаѣ поступать вполнѣ совѣстливо и просто. Въ приведенномъ образчикѣ подъ цивилизаціей поименованы кабаки, извозчики, пьянство, наклонности къ разрушенію семейныхъ порядковъ, показано, что «отъ цивилизаціи» Алексѣй бьетъ жену, и т. д. Словомъ, взято множество свинствъ, и всѣ они наименованы цивилизаціей, которая поэтому сама собой уже оказывается свинствомъ. Въ проклятіяхъ цивилизаціи, умышленно представляемой въ видѣ свинства, я съ успѣхомъ могу выдвигать на сцену и скрежетать зубами и при словахъ: «пиджакъ», «кадриль», «петровская папироска»... все у меня сойдетъ съ рукъ, какъ у деревенскаго кулака сходитъ съ рукъ тухлая рыба, гнилая мука, линючій ситецъ. Въ этомъ родѣ я могу гремѣть годы и въ то же время, во

имя антихристовой печати, опять-таки останусь какъ рыба нѣмъ насчетъ *секрета*. Вѣдь, говоря по совѣсти, я знаю же, что цивилизація выдумала массу добра для человѣчества: вѣдь по сущей совѣсти я знаю, что моя-то личная жизнь значительно облегчена, услаждена благодаря этой настоящей цивилизаціи; но мнѣ жаль открыть Ивану Ермолаевичу секретъ, потому что, когда онъ «раскуситъ», такъ онъ меня непремѣнно прибьетъ за то, что я ему все вралъ. И вотъ въ этомъ-то пунктѣ, въ открытіи-то настоящаго секрета, я нѣмъ какъ рыба...—«Земельки бы»...—слышится тотъ же гласъ, но, кромѣ попранія цивилизаціи, въ лицѣ пиджаковъ и папиросокъ, у меня есть еще пріемъ, которымъ я, не давая отвѣта на прямой вопросъ, могу однакожъ съ успѣхомъ заткнуть ротъ вопрошающему и въ то же время облегчить сердце, наболѣвшее неправдой и полное горькой желчи. Пріемъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: тотъ самый мужикъ, котораго привели къ разоренію мои же пріемы, основанные на нерѣшимости открыть секретъ, котораго я, благодаря антихристовой печати, разъѣдающей мою совѣсть, шестнадцать лѣтъ обманывалъ, которому я «всучилъ» планъ, въ котораго палилъ изъ пистолета, котораго упекъ въ острогъ, котораго пустилъ по міру, — этотъ-то самый продуктъ моей безсовѣстности и безсердечія, этотъ-то самый стыдъ мой, олицетворенный стыдъ, дѣлается предметомъ гимна. Этого нищаго я начинаю воспѣвать не какъ собственный укоръ, а какъ идеалъ всего, что̀ есть наилучшаго на бѣломъ свѣтѣ. Я сравниваю его со Христомъ, который въ рабскомъ видѣ исходилъ всю землю нашу; милъ мнѣ этотъ босой, исхудалый, истощалый человѣкъ, милъ этотъ воротъ, разодранный у рубашки, эти заплаты, эта крайняя бѣдность, у которой ни кола, ни двора, ни куринаго пера, и котораго кончина—въ оврагѣ близъ большой дороги или въ лѣсу... Я даже такъ умѣю ухитриться, что это-то безропотное существованіе, эту кротость нищаго солью съ собственною своею кротостью въ покорности судьбѣ, съ тѣмъ, что я тоже терплю всю жизнь и не ропщу, что я, подобно ему, *безропотно* слушающему отказъ въ подаяніи, *безропотно* исполняю приказъ ловить поросенка, стрѣлять въ мужика, обвинять невиннаго, разорять бѣднаго,—что *оба* мы терпимъ, что мы *оба* одно, и что изъ обоихъ насъ вмѣстѣ выходитъ одна тріумфальная арка. Но, несмотря на то, что страданія и нищаго мужика и мои—реальны, дѣйствительны, правду,

простую правду я умѣю показать хвалимому и оплакиваемому мною мужику все-таки только при помощи арестантскихъ ротъ.

X. Результаты и заключеніе.

Таковы были возмущающія душу впечатлѣнія, принесенныя мнѣ газетами и исходившія отъ «не-мужицкой» части русскаго общества. Но неумолимые газетные листки принесли недобрыя вѣсти и изъ народа... Что эти вѣсти суть прямой результатъ того образа дѣйствій по отношенію къ народу образованныхъ людей, на изображеніи котораго я останавливался въ предшествовавшей главѣ,—въ этомъ не было, конечно, никакого сомнѣнія, но результаты все-таки не теряли своего безобразія, несмотря даже и на смягчающія и объясняющія ихъ обстоятельства. Укажу на тѣ изъ этихъ безобразныхъ явленій, которыя непосредственно вытекаютъ изъ дѣйствительности. Извѣстно, что, во время голода, на обсѣмененіе полей и на прокормленіе въ теченіе зимы крестьянамъ выдаются заимообразныя пособія. При этомъ, какъ удостовѣряютъ корреспонденціи изъ голодныхъ губерній, происходятъ такія вещи: «Крестьянскія общества во время неурожая медлятъ своими заявленіями, опасаясь круговой поруки... Болѣе зажиточные крестьяне, полагая, что въ случаѣ новаго неурожая они вынуждены будутъ платить за бѣдняковъ, часто противодѣйствуютъ приговору о круговой порукѣ, или же если и даютъ на него свое согласіе, то подъ условіемъ тоже получить ссуду и на свою долю, хотя бы *имъ было это вовсе не нужно*». Бывало также, что при дѣлежѣ ссуды на долю бѣдняковъ доставались такія небольшія деньги или количества хлѣба, что они не видѣли въ нихъ надежной помощи, спускали безъ толку на какую-нибудь несущественную нужду или «кабакъ». Въ «Новомъ Времени» писали изъ слободы Покровской (Самарской губерніи, Новоузенскаго уѣзда), что, отказавшись отъ казенной субсидіи, крестьяне рѣшили закупить хлѣбъ на мірскія суммы (богатая слобода), но раздѣлили его не между нуждающимися, а между всѣми поголовно, и притомъ *по душамъ*. Такого рода извѣстій появляется весьма много въ газетахъ, и мы увѣрены, что они являлись бы *отовсюду*, если бы *эта* сторона обще-

ственныхъ порядковъ современной деревни должнымъ образомъ интересовала и деревню и общество. Явленія эти поистинѣ можно считать безобразными явленіями. Судите сами: въ деревню привозятъ хлѣбъ или деньги, разсчитанные по количеству *недостаточныхъ* семей. Предположимъ, что въ деревнѣ 20 дворовъ, изъ которыхъ недостаточныхъ, т.-е. такихъ, которымъ *именно и нужно пособіе,* пять. И вотъ міръ, не желая *отвѣчать*, не можетъ дать имъ этой ссуды, а начинаетъ ее дѣлить, основываясь на томъ: «ежели мнѣ придется отвѣчать, такъ пущай же и я получу на свою часть». Начинается дѣлежъ, и притомъ *по душамъ,* т.-е. у богатаго мужика пять душъ — ему «больше всѣхъ» изъ нищенской муки, у средняго три—ему на три. А вотъ человѣкъ безъ души — такъ ему, разумѣется, ничего и не останется. Даже нѣтъ и того мѣрила, по которому онъ можетъ получить хлѣбъ. Единственное мѣрило—это *отвѣчать!* А онъ, напримѣръ, Еремѣй, чего ему отвѣчать? и чѣмъ? Онъ просто голодный—ну, а это не резонъ для такихъ серьезнѣйшихъ мірскихъ дѣлъ. Премудрость этихъ дѣлъ и вѣнчается достойнымъ образомъ: «Хлѣбъ оказывается у тѣхъ мірянъ, которымъ онъ *не нуженъ*, а кому онъ *нуженъ*, у того его нѣтъ, или оказывается столько, что лучше всего отнести его въ кабакъ».

Но вы, пожалуйста, не заключайте изъ вышесказаннаго, что мы съ Иваномъ Ермолаевичемъ какіе-нибудь звѣри. Слава Тебѣ, Господи, кажется, что Бога мы помнимъ, знаемъ, что̀ значитъ грѣхъ,—не маленькіе. Совѣсть тоже у насъ есть. Нельзя безъ этого. И, пожалуйста, не думайте, что всѣ хромоногіе солдаты и ихъ мальчишки перемрутъ съ голоду, а мы будемъ настолько жестоки, что равнодушно и хладнокровно отнесемся къ этому зрѣлищу. Иванъ Ермолаевичъ, надо понять это, *не могъ* иначе поступить, не могъ сдѣлать какъ-нибудь иначе это дѣло, которое васъ возмущаетъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало, за что Иванъ Ермолаевичъ *отвѣчаетъ?* А тутъ приходится отвѣчать за хромоногаго солдата, который предъ этимъ двадцать разъ надулъ того же Ивана Ермолаевича. Хромоногій солдатъ даже овчинника надулъ, добраго сердечнаго человѣка. Посовѣстится ли онъ теперь? Очевидно, что онъ по своей природѣ возьметъ хлѣбъ, съѣстъ его, а Ивану Ермолаевичу придется за него расплачиваться. Вотъ почему Иванъ Ермолаевичъ и беретъ хлѣбъ, который ему не нуженъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не злодѣй, онъ помнитъ

Бога, совѣсть и грѣхъ. Хлѣбъ онъ точно взялъ, сколько ему пришлось по раздѣлу, и привезъ домой, свалилъ его въ амбаръ и ждетъ той минуты, когда лично ему ненужный хлѣбъ онъ долженъ будетъ отдать нуждающемуся ѣдоку.

На утро лай собакъ свидѣтельствуетъ, что ѣдокъ приближается къ жилищу Ивана Ермолаевича.

Идетъ это *ничто*, нуль, и ведетъ за руку *дробь*—мальчишку, и несетъ подъ мышкой *цѣлое*—поросенка.

Это есть хромоногій солдатъ.

— Здорово!—говоритъ Иванъ Ермолаевичъ.

— Здравствуй, Иванъ Ермолаевичъ.

Солдатъ устанавливаетъ деревяжку на настоящее мѣсто.

Молчаніе.

— Что, погода какъ?—спрашиваетъ Иванъ Ермолаевичъ.

— Кура! Не приведи Богъ... Чуть-было не завязъ въ снѣгу-то...

Опять молчаніе.

— Вотъ что я тебѣ хотѣлъ, Иванъ Ермолаевичъ... Не возьмешь ли ты у меня мальчонку?

— Зачѣмъ?

— Да что, братецъ ты мой, вѣдь зарѣзъ мнѣ!

— Кто же тебя зарѣзалъ?

— Кто! Чать самъ знаю... Чать ужъ такъ... Ничего не подѣлаешь... Въ этомъ-то главная причина — ѣсть нечего! Вотъ, напримѣръ, какое дѣло...

Молчаніе.

— А кто,—спрашиваетъ не безъ глубокаго негодованія Иванъ Ермолаевичъ:—кто меня по веснѣ съ мальчонкой-то посадилъ?

— Постой! Погоди ты... послушай ты моихъ словъ, что я тебѣ скажу... О веснѣ...

— Что о веснѣ? О веснѣ я слушалъ твои слова, вѣрилъ, а ты какъ со мной поступилъ?

— Какъ я съ тобой поступилъ-то?

— Д-да! Какъ ты со мной оборудовалъ?

— Какъ? Я-то? Ты о веснѣ, что ли? Такъ еж-жели ты хочешь по совѣсти, по чести знать,—такъ я тебѣ скажу... Изволь, я тебѣ скажу, коли ты ежели хочешь этого, чтобы знать, изволь, вотъ какова есть моя утроба, видишь вотъ! Какова есть самая моя утроба, такъ расшиб-би меня нечистая и разорви мои черевы, ежели я тебя...

И т. д.

. . . . . .

Иванъ Ермолаевичъ не звѣрь, онъ взялъ мальчишку и далъ хлѣба... Но на слѣдующую весну, даже ранѣе весны, именно въ тотъ самый моментъ, когда солдату опять стало нечего ѣсть, онъ «обманомъ» увелъ мальчишку домой, перепродалъ его другому, и другого надулъ такъ же, какъ и Ивана Ермолаевича... Сердитъ Иванъ Ермолаевичъ *на народъ*.

— Строгости нѣтъ! Избаловался народъ, ослабъ, никому повѣрить на грошъ нельзя...

А солдатъ тоже невеселъ:

— Такъ я тебѣ, толстомордому, и дался... Ищь ты! За мою же муку да норовитъ слопать моего мальчишку! Ловокъ! Ловки вы, грабители, толстобрюхіе... Оттягали хлѣбъто, міроѣды анаѳемскіе... Вамъ бы только самимъ, а бѣдному человѣку—шишъ! Пог-годи, любезные... Я васъ произведу...

Во второмъ изъ приведенныхъ случаевъ дѣлежа дѣло выходитъ еще выразительнѣе.

Тамъ покупаютъ хлѣбъ сами, на мірской счетъ, и дѣлятъ по душамъ. Большей частью хлѣбъ покупаютъ тутъ же, на мѣстѣ, у своихъ достаточныхъ односельчанъ. Получивъ за хлѣбъ деньги, достаточные односельчане, при дѣлежѣ по душамъ, получатъ назадъ и самый хлѣбъ, едва ли не весь сполна. Такимъ образомъ Иванъ Ермолаевичъ, получивъ за хлѣбъ деньги, потомъ получивъ и самый хлѣбъ, раздаетъ его (не звѣрь же онъ какой въ самомъ дѣлѣ?) хромоногимъ бездушнымъ существамъ, и въ обезпеченіе (вѣдь ему отвѣчать-то, хотя онъ и получилъ уже деньги) получаетъ трудъ какъ самихъ существъ, такъ и ребятъ, пріемлетъ, кромѣ того, поросятъ и гусей.

Есть за что, какъ видите, и хромому погрозиться. Не безъ основанія и онъ говоритъ:

— Погоди, ребята, я васъ произведу-у!

Заключеніе, къ которому привели меня размышленія, внушенныя газетными фактами, были слѣдующія: «Нѣтъ,—думалъ я:—Иванъ Ермолаевичъ невиновенъ... Ни въ чемъ, ни въ чемъ невиновенъ. Вѣрный своимъ взглядамъ, основаннымъ на непреложныхъ для него началахъ, онъ несетъ ихъ сквозь толпу явленій жизни, не имъ созданныхъ; онъ всячески отстаиваетъ ихъ, и не его вина, если на пути этого шествія ему приходится драться, да еще съ своимъ братомъ... общинникомъ. Нѣтъ, онъ въ этомъ не виновенъ! Но я, русскій образованный человѣкъ, я виновенъ самымъ

рѣшительнымъ образомъ: я виновенъ тѣмъ, что до сихъ поръ, 25 лѣтъ, не нашелъ въ себѣ рѣшимости по совѣсти признать, что Иванъ Ермолаевичъ ужъ не крѣпостной, не рабъ, и что я, бывшій баринъ, теперь завишу отъ него, хотя бы только потому, что его—милліоны, что теперь даже изъ желанія нажиться я *долженъ* дѣйствовать такъ, чтобы удовлетворять насущнымъ потребностямъ Ивана Ермолаевича. Я долженъ строить дорогу преимущественно въ видахъ Ивана Ермолаевича, если хочу не быть его разорителемъ, я *долженъ* устраивать промышленное предпріятіе не иначе, какъ въ видахъ главнымъ образомъ милліонной массы, если, во-первыхъ, не хочу разориться, а во-вторыхъ, если стыжусь разорить. Но именно этого-то послѣдняго я и не стыдился, и даже не стыжусь, пожалуй, и теперь. Напротивъ, я умышленно старался его затмить, разстроить, не давать ему ни науки, ни земли, ни малѣйшаго облегченія въ трудѣ. Я такъ знакомилъ его съ цивилизаціей, что онъ только кряхтѣлъ отъ нея. За всю эту искренность Иванъ Ермолаевичъ и наказываетъ меня тѣмъ, что начатое мною разстройство его быта практикуетъ и въ деревнѣ, собственными руками разрушаетъ то, на чемъ, если бы только я могъ *рѣшительно* стать на сторону устроенія, а не разрушенія, дѣйствительно можно бы создать *крупное* общинное хозяйство, въ которомъ бы не было людей, не имѣющихъ права на хлѣбъ, и въ которомъ нашелъ бы мѣсто работника (за деньги,—не безпокойтесь!) и образованный человѣкъ. Но такъ какъ я былъ трусливъ, своекорыстенъ и нерѣшителенъ, то Иванъ Ермолаевичъ и накажетъ меня тѣмъ, что покроетъ землю уже не кроткимъ, а сердитымъ нищенствомъ и внесетъ въ общество вмѣсто утаиваемой мною цивилизаціи тѣ взгляды на человѣческія отношенія, которые мы съ нимъ примѣняли къ пастуху.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.

I. Иванъ Босыхъ.

Морозный зимній день въ полномъ блескѣ. Часъ одиннадцатый въ исходѣ. Въ незамерзшій кусочекъ полузаметеннаго снѣгомъ окна вижу я, какъ на широкій дворъ, примыкающій къ тому деревенскому дому, въ которомъ я живу, вошелъ крестьянинъ Иванъ Петровъ, по прозванію «Босыхъ».

Вижу я, какъ лѣнивою, почти болѣзненною поступью подошелъ онъ къ кучѣ кое-какъ наваленныхъ въ углу двора полѣньевъ, которыя Иванъ взялся расколоть на дрова, какъ онъ, вмѣсто того, чтобы приняться за работу, принялся обѣими руками крѣпко-накрѣпко царапать свою голову, держа подъ мышкою шапку, какъ потомъ, нахлобучивъ эту самую шапку на голову, потолкалъ кучу полѣньевъ ногой, обутой въ рваный валяный сапогъ, и какъ опять-таки, вмѣсто того, чтобы взяться за топоръ, сталъ разминать плечи, стараясь достать кулакомъ до средины спины... Вижу я все это и знаю, что Иванъ находится въ самомъ мучительномъ состояніи,—знаю, что онъ боленъ «со вчерашняго», что онъ вчера крѣпко выпилъ, что если сегодня онъ и появился около дровъ, то уже поздній часъ прихода на работу, когда люди собираются обѣдать, означаетъ только желаніе выпросить рубль серебра на опохмеленіе. И точно, поколотивъ кулакомъ поясницу и между лопатками, онъ полѣзъ въ карманъ сѣраго подпоясаннаго армяка за махоркой и потомъ, растирая ее на ладони, уныло поплелся въ кухню. Здѣсь, какъ мнѣ также ужъ достовѣрно извѣстно,

онъ долгое время будетъ курить, а чтобы завести общій разговоръ, сообщитъ, что «вчерась» у него вытащили въ кабакѣ деньги, и, возбудивъ этимъ общее сочувствіе, долго будетъ разговаривать о своемъ разстройствѣ, о томъ, какъ онъ жилъ на «вокзалѣ», о томъ, какъ онъ поправился; сообщитъ множество свѣдѣній о томъ, какъ лѣчить такую-то и такую болѣзнь, какъ ловить барсуковъ, какъ прививать яблони, и въ концѣ концовъ, не имѣя силъ долѣе сопротивляться мучительному недугу похмелья, скажетъ: «нѣтъ, видно, нонѣ я не человѣкъ»—и пойдетъ ко мнѣ просить рубль серебра, говоря, что у него внутри жжетъ и деретъ, ѣстъ и сосетъ, и что, очувствовавшись, онъ придетъ завтра до свѣту и все передѣлаетъ съ одного маху. И это также давно мнѣ извѣстно: знаю я, что, очнувшись, Иванъ Петровъ дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и что въ такія—къ несчастью, рѣдкія—минуты нѣтъ въ деревнѣ такого другого мужика, который былъ бы такъ, какъ Иванъ, «золъ» на работу, т.-е. такъ къ ней пристрастенъ и такъ ею оживленъ.

Иванъ Петровъ принадлежитъ къ тому ненужному, непонятному, даже прямо постыдному для такой земли, какъ Россія, классу деревенскихъ людей,—классу, народившемуся въ послѣднія двадцать лѣтъ,—который волей-неволей приходится назвать «деревенскимъ пролетаріатомъ».

Этотъ новорожденный пролетаріатъ рѣшительно могъ бы не существовать на нашей землѣ, если бы милліоны мѣропріятій, направленныхъ въ сторону народа, дорожили народнымъ міросозерцаніемъ, по малой мѣрѣ, въ такихъ же размѣрахъ, какъ и его платежною силой. Для того, чтобы махнуть рукой на землю и предпочесть своему дому домъ питейный, вполнѣ достаточно хотя бы только той нелѣпицы въ крестьянскихъ «правахъ», вслѣдствіе которой крестьянинъ, сегодня бывшій присяжнымъ, судьей и великодушно оправдавшій несчастнаго человѣка, давшій ему жизнь словами: «нѣтъ, невиновенъ», на другой же день послѣ свободнаго проявленія такого большого «права» можетъ быть выпоротъ въ волостномъ правленіи *до крови* за то, что, встрѣтившись подъ хмелькомъ со старшиной, нанесъ ему оскорбленіе словами: «ахъ, ты, курносый заяцъ!»

Чтобы молча и безропотно вращаться только между такими полюсами крестьянскихъ «правовъ», и то надо отказаться отъ всякой нравственности, отъ всякой духовной жизни, отъ всякой возможности жить по своему разуму. Но

этотъ примѣръ—только капля въ морѣ того *коренного* разстройства, которое размываетъ самыя коренныя основы народнаго міросозерцанія, вырабатываетъ человѣка «безъ перспективы» и «безъ завтрашняго дня», стремится сдѣлать работника и раба изъ человѣка, который по самому существу своей природы *не можетъ* существовать иначе, какъ съ сознаніемъ, что онъ—«самъ хозяинъ».

Посмотрите вотъ на этого Ивана Петрова, по прозванію Босыхъ: онъ—человѣкъ сильной породы, онъ легокъ, ловокъ и умѣлъ въ работѣ, жена его умная, сильная и ловкая работница, когда-то красавица; земли онъ можетъ имѣть сколько понадобится; но, кромѣ «хозяйства», онъ еще и плотникъ, весьма хорошій для деревни, и сапожникъ; да и просто какъ поденщикъ—колоть ли дрова, прессовать ли сѣно и пр.—онъ могъ бы, получая не менѣе семидесяти копеекъ въ сутки на хозяйскихъ харчахъ, существовать безбѣдно, а онъ вотъ бросилъ хозяйство, бьетъ жену, жена ходитъ жаловаться, плачетъ; дѣти его, трое ребятъ, по цѣлымъ днямъ шляются въ грязныхъ лохмотьяхъ по деревнѣ безъ всякаго призора, и неизвѣстно, кормитъ ли ихъ кто-нибудь. Изба его, въ ряду тѣхъ новыхъ «крестьянскихъ» избъ, въ которыхъ вы видите кисейныя занавѣски, вѣнскую мебель и часы подъ колпакомъ, представляетъ собою верхъ безобразія: она вся почти развалилась; вмѣсто стеколъ—тряпки и какіе-то лохмотья; а по постройкѣ избы и службъ вы видите, что домъ былъ «богатый»; сараи протянулись сажень на тридцать; столбы вездѣ дубовые, аршина по два въ обхватѣ... А самъ хозяинъ? Спросите о немъ у авторитетныхъ деревенскихъ людей,—всѣ отзовутся о немъ самымъ неодобрительнымъ образомъ: онъ три раза продалъ одно и то же сѣно тремъ разнымъ лицамъ, а деньги пропилъ; онъ набралъ «подъ телушку» въ трехъ лавкахъ и не отдалъ нигдѣ—телушку продалъ на сторону, а деньги, по обыкновенію, пропилъ. Его сѣкли въ волости нѣсколько разъ—и за грубость передъ начальствомъ, и за недоимки, и по жалобѣ жены, которую онъ послѣ этого суда жестоко избилъ въ полѣ, возвращаясь домой.—«Не давайте ему денегъ, ни Боже мой, не давайте впередъ!»—совѣтуетъ вамъ экономный деревенскій житель.—«Ни на волосъ не вѣрьте!»—говоритъ другой житель, уже обманутый Иваномъ. А между тѣмъ, когда Иванъ «очувствуется» на недѣлю, на двѣ, что это за славный, добрый, умный человѣкъ! Сколько у него юмора, наблюдательности, нѣжности, великодушія, насмѣшки

надъ самимъ собой, сколько юношеской душевной свѣжести! Что же валитъ его пьянымъ съ опухшимъ лицомъ ничкомъ въ мокрую, грязную канаву, безъ сапогъ, безъ одежи, и заставляетъ цѣлыя ночи подставлять свою широкую спину подъ дождь и вѣтеръ? Вся деревня помнитъ его родителей, всѣ говорятъ, что когда-то «Босыхъ» были первые хозяева, что Иванъ и жена жили прежде дружно, работали «за первый сортъ»; всѣ согласны, что, очнись онъ, ему цѣны не будетъ, что у него «золотыя руки»; а онъ точно умышленно махнулъ на все рукой, обманываетъ, буянитъ и, какъ нищій, шляется въ поденщикахъ, да и то только для того, чтобы выработанное пропить въ кабакѣ.

II. Разсказъ Ивана Босыхъ.

Теперь пьянство Ивана превратилось уже въ болѣзнь, а эту болѣзнь, угнетающую не одного Ивана, а цѣлыя массы такихъ же, какъ и онъ, непостижимыхъ въ русской землѣ деревенскихъ пролетаріевъ, самъ народъ охарактеризовалъ словомъ: «ослабъ». Физически Иванъ, какъ и сотни ему подобныхъ «ослабшихъ» мужиковъ, не только здоровъ и силенъ, но прямо могучъ; стало-быть, слабость его имѣла не физическіе, а какіе-то другіе источники. Вотъ о причинахъ этой-то «слабости», «ослабленія», и бывали у насъ съ Иваномъ весьма частые разговоры, долгое время не приводившіе ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, а иногда прямо сбивавшіе съ толку, особливо такого человѣка, который привыкъ и пріучился объяснять народное разстройство почти исключительно матеріальными несчастіями, бѣдностью, налогами и т. д. Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ разговоровъ.

— Скажи, пожалуйста, Иванъ, отчего ты пьянствуешь?— спрашиваю я Ивана въ одну изъ тѣхъ ясныхъ и свѣтлыхъ минутъ, когда онъ приходитъ въ себя, раскаивается въ своихъ безобразіяхъ и самъ раздумываетъ о своей горькой долѣ.

Иванъ вздыхаетъ глубокимъ вздохомъ и съ сокрушеніемъ произноситъ почти шопотомъ:

— Такъ избаловался, такъ избаловался... и не знаю даже, что и думать... И лучше не говорить!.. Одумаешься, ста-

нешь думать—не глядѣлъ бы на свѣтъ, передъ Богомъ вамъ говорю!

— Да отчего же это,—скажи, пожалуйста?

— Отчего?.. Да все оттого, что... *воля!* Вотъ отчего... своевольство!

Такъ какъ отвѣтъ этотъ ставитъ меня въ недоумѣніе и я рѣшительно не могу понять, почему «воля» можетъ губить человѣка, то Иванъ, чтобы разсѣять мое недоумѣніе и объясниться обстоятельнѣе, прибавляетъ:

— Отъ жизни отъ свободной—вотъ отъ чего!

— Что же это значитъ?—спрашиваю я въ полномъ недоумѣніи.

— А то значитъ, какъ жилъ я на вокзалѣ, получалъ я тридцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, народу имѣлъ подъ начальствомъ десять человѣкъ, доходу мнѣ каждый Божій день съ вагону ужъ безпремѣнно рубль серебра, а сочтите-ка, сколько въ зиму-то вагоновъ отправимъ?.. Ну вотъ, тутъ-то я, значитъ, и забаловалъ...

Слово «забаловалъ» до такой степени не подходитъ къ сорокалѣтнему, мужественному, бородатому мужику, что не понимаешь даже, какъ онъ можетъ въ объясненіе своего поведенія употреблять такія выраженія, приличныя только развѣ малому ребенку. Но Иванъ не находитъ другого точнаго выраженія.

— Вотъ и сталъ баловаться... При покойникѣ-тятенькѣ, бывало, капли въ ротъ не бралъ. Убьетъ, если узнаетъ, на смерть уколотитъ своими руками... Да и послѣ тятеньки, когда ужъ оженился, своимъ хозяйствомъ сталъ жить, и то дозволялъ себѣ — когда угостятъ, да на праздникахъ, да иной разъ со скуки—стаканчикъ. Все опасался и покуда чего было—берегся... Ну, а ужъ тутъ, на вокзалѣ, какъ стала мнѣ воля, стало мнѣ, значитъ, раздолье, сталъ я—однимъ словомъ, коротко сказать—баринъ, тутъ-то я и пошелъ... Жрешь, бывало, цѣлыя сутки, а все доверху не хватаетъ... Я какъ сейчасъ помню, съ чего началъ: у дорожнаго мастера Ивана Родіоновича именины были на Ивана Постнаго. Ну, онъ мнѣ и налилъ виноградваго стаканъ—«портвинъ» прозывается... Я какъ двинулъ его—понравилось. Я и давай... А тамъ и коньякъ, лимонадъ. Вотъ съ этихъ самыхъ поръ и завелъ себѣ язву. А отчего?—Все отъ воли!.. Все отъ непривычки, отъ легкой жизни... Вотъ отчего!.. Бывало, денегъ полны карманы набью... Ну и сталъ черезъ это самое въ родѣ послѣдней свиньи...

Такимъ образомъ оказывается, что «воля, свобода, легкое житье, обиліе денегъ», т.-е. все то, что необходимо человѣку для того, чтобъ устроиться, причиняетъ ему, напротивъ, крайнее разстройство до того, что онъ дѣлается «въ родѣ послѣдней свиньи».

— Отчего же ты деньги-то на хозяйство не тратилъ, а на пьянство?—спрашиваю я.

— То-то и есть, не привычны мы... Какое тутъ хозяйство, когда совсѣмъ стало жить свободно?.. Дѣлай, что хочешь,—никто не попрепятствуетъ... Тутъ, однимъ словомъ, можно въ конецъ избаловаться...

Такъ какъ Иванъ видитъ, что объясненія его ничего не объясняютъ, и что я все-таки не могъ взять въ толкъ, отчего хорошая жизнь превращаетъ человѣка въ свинью, то онъ старается пояснить мнѣ свою мысль примѣромъ, къ чему въ разговорѣ вообще довольно часто прибѣгаютъ крестьяне. Привожу этотъ примѣръ, зная, что онъ едва ли что уяснитъ читателю.

— Потому что,—говоритъ онъ:—природа наша мужицкая не та... Природа-то у насъ, сударь, трудовая... Я скажу вамъ примѣромъ. Былъ у насъ тутъ по сусѣдству баринъ, господинъ Подсолнуховъ, хозяйствовалъ... Вотъ хозяйствовалъ-хозяйствовалъ, видитъ онъ, что доходу ему нѣту, задумалъ онъ молочнымъ дѣломъ заняться. Наша скотина ему не по нраву пришлась,—коровенки наши, точно, худы, шаршавы,—дай, думаетъ, заграничную корову выпишу. Выписалъ. Идетъ телеграмма, ѣдетъ корова изъ-за границы, нѣмецъ ученый провожаетъ... Видимъ,—ведутъ, чуть не на цѣпяхъ—этакая верзила, сажень вверхъ да полторы вдоль. Урядникъ даже шапку снялъ... Что рога, что глаза, что прочее все—страсти Господни! Великанъ, Еруслань Лазаревичъ... Очистили ей скотникъ, настлали соломы, пришла она и легла этакъ набокъ. А нѣмецъ лампу потребовалъ на ночь. Вотъ хорошо, лежитъ она такимъ манеромъ и ѣстъ. Только бабы подкладываютъ ей подъ морду кормъ. Ѣстъ, а молока не даетъ.—«Что же это, говорю нѣмцу, она молока-то не даетъ?»—«А это, говоритъ, она отдыхаетъ, такъ какъ, говоритъ, изъ-за границы и все въ вагонѣ, то она утомлена и поправляется своимъ здоровьемъ...»—«А долго ли, молъ, она будетъ поправляться?» — «Да съ мѣсяцъ мѣста пройдетъ». Ладно. Попробовали - было ей нашего мірского быка порекомендовать—куда!.. Какъ глянулъ на нее, какая она есть великолѣпная, испугался какъ

заяцъ: понялъ, что не ему съ мужицкимъ рыломъ соваться—и давай Богъ ноги... Едва за двѣнадцать верстъ чужіе мужики поймали. А она тѣмъ временемъ отдыхаетъ все. Все ѣстъ, вздыхаетъ и ѣстъ... Наконецъ, ужъ видно совѣсть ее взяла, даетъ молока, и цѣлое ведро. Вотъ баринъ и говоритъ:—«Видишь, говоритъ, Иванъ, какое же сравненіе съ нашими коровенками!»—«Ну нѣтъ, говорю, баринъ, по ейному корму наша скотина много способнѣй».—«Какъ такъ?»—«А вотъ какъ: сосчитайте, сколько она у васъ съѣла и много ли по корму молока дала? Она хоть и ведро даетъ, да ведро-то это больно много стоитъ... А кабы вы кормъ-то, что она одна съѣла, роздали нашимъ десяти коровенкамъ, такъ всѣ-то вмѣстѣ онѣ вамъ въ десять разъ больше этой одной верзилы дали-бъ». Тутъ нѣмецъ и говоритъ: «Она, говоритъ, не такой породы, чтобы только о молокѣ думать; она и объ себѣ думаетъ, она ѣстъ для своего удовольствія,—посмотри-ка-сь, какое у ней мясо-то...» Вотъ послѣ этихъ словъ я и говорю барину: «Видите, говорю, господинъ, анъ и оказывается, что наши коровенки какъ разъ по нашей природѣ и породѣ приходятся... Мясо намъ не требуется, своего удовольствія она знать не знаетъ, а живетъ только изъ-за работы; что ѣстъ, то отдаетъ, а объ себѣ и не думаетъ... Родилась она для работы и живетъ весь вѣкъ въ ней—вотъ вся и жизнь ея...» Вотъ и человѣкъ этакъ же бываетъ разный. И вотъ наша крестьянская порода то же самое: мы круглый годъ и всю жизнь, не покладаючи, работаемъ да такъ въ работѣ и живемъ... Я вотъ попробовалъ отъ крестьянства отбиться—чуть-было не опился... А другому что легче, то лучше; что ничего не дѣлать, то и пріятно... Вотъ у насъ на станціи еврейчикъ былъ Шнапъ... Все онъ тамъ толкался въ разныхъ мѣстахъ и все на пустомъ норовилъ рублишко нажить: тамъ барыню провожаетъ, тамъ мужику укажетъ, какъ и куда пройти... Ну и даютъ — кто рубль, кто гривенникъ... А онъ все прячетъ, все копитъ.—«На что, говорю, копишь?» — «Карьеръ хочу дѣлать». — «Какой-такой?»—«Деньги наживать!» — «Зачѣмъ?» — «Лавку открывать!»—«А какъ откроешь?»—«Опять деньги наживать!»—«А какъ наживешь?»—«Еще больше буду наживать!»—«А какъ совсѣмъ ужъ много будетъ?» — «Опять буду еще больше стараться»... Вотъ и гляди на него. — «Пойдемъ, выпьемъ!» Нейдетъ, копейки не истратитъ. А по-нашему, по крестьянству, для хозяйства еще, пожалуй, можно по-

нажить деньжонокъ, а такъ... наживать да наживать—такъ это я даже и въ понятіе-то не возьму... Шнапъ-то вонъ этотъ изъ грошей капиталъ дѣлаетъ, а вотъ я, какъ позабылъ крестьянство-то, отъ трудовъ крестьянскихъ освободился, сталъ на волѣ жить, такъ и деньги-то мнѣ стали все одно что щепки... Только и думаешь, куда бы дѣвать, и, кромѣ какъ кабака, ничего не придумаешь... Чего! Я ужъ вамъ во всемъ буду каяться... (Иванъ говоритъ шопотомъ). Т-р-р-ри мамзели завелъ! Законъ забылъ!.. Передъ Богомъ говорю... Воля! Свобода! Только и думаешь, какъ бы что... Тьфу! До такого дошелъ забвенія, даже сталъ нашихъ, своихъ же братій, мужиковъ притѣснять... И съ чего!— Просто совѣсти не осталось... Придутъ, бывало, съ холоду, разыщутъ въ трактирѣ, кланяются, просятъ сѣно отправить—второй, молъ, день ждемъ, проѣлись, а концовъ не сыщемъ... Мнѣ бы, кажется, только сказать подручному: «Михайла, дай имъ вагонъ!»—а меня точно нечистая сила начинаетъ разламывать... Сидишь за бутылкой, ломаешься и говоришь:—«Изыскивайте способы».—«Да какихъ же, батюшка, способовъ-то искать? Ходили-ходили, вездѣ машины свистятъ, дымъ дымитъ, того и гляди раздавятъ... Ужъ мы и такъ измучились». — «Изыскивайте, говорю, сумѣйте понять, кто вамъ надобенъ...»—«Да ты, отецъ родной, ты...» Ломаешься-ломаешься, бывало, ужъ кто-нибудь изъ публики вступится, скажетъ мужикамъ: «Да всуньте вы ему, подлецу, три цѣлковыхъ въ горло... Какихъ ему еще способовъ надо!» Ну ужъ тутъ поневолишься, сдѣлаешь... Жена придетъ, бывало, облаешь... По крестьянству она мнѣ нужна, а на свободѣ у меня особенныя баловницы есть... Что мнѣ съ ней, съ мужичкой, дѣлать?.. Вѣдь вотъ до какого дошелъ своевольства! И вѣрите, какъ распьянствовался я до послѣдняго предѣла, какъ дошло дѣло до начальства, да какъ пріѣхалъ начальникъ дистанціи, да ка-а-къ далъ мнѣ (лицо разсказчика вдругъ просіяло) хо-о-орошаго леща, да какъ начальникъ эксплоатаціи набавилъ мнѣ (дѣтская радость разлилась по лицу его) въ загривокъ, да какъ въ подвижномъ составѣ наколотили мнѣ бока,—такъ я, братецъ ты мой, сотворилъ крестное знаменіе, да точно какъ изъ могилы выскочилъ, воскресъ, да по морозу, въ чемъ былъ, безъ шапки — домой!.. По иолямъ, по сугробамъ, по задворкамъ, какъ птица, двадцать пять верстъ безъ остановки пропорхалъ и не видалъ, какъ середь своего двора очутился. Очутился я на дворѣ голъ

и нагъ, и все у меня въ разорени, а радъ былъ—истинно, какъ изъ мертвыхъ воскресъ. Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Царица Небесная! Опять я — человѣкомъ, опять я самъ себя отыскалъ... Палъ женѣ въ ноги. «Прости меня, жена моя милая! Давай работать, хозяйствовать! Брошу свои глупости, опять стану человѣкомъ»... И ужъ принялся же я въ ту пору! И все-то мнѣ мило — и пашня, и соха, и борона, и дровни, и телушка, и сарай, что покосился, и заборъ, и колода... Все — точно родные, друзья дорогіе, кровные... Гляну - гляну—страсть какое разоренье, а у меня только духъ бодрѣй... Что вижу—сколь много работы, что вижу — работать не переработать, то мнѣ и охоты больше, то и силы прибываетъ... Такъ вотъ какая наша крестьянская природа! А тамъ и работы не было, и всякое удовольствіе, и деньги, а точно безумный сдѣлался, всю душу-то по грязи истаскалъ, какъ свинья свое брюхо... А отчего?—Все воля!

Этимъ непонятнымъ сопоставленіемъ словъ: «воля» и «нравственное паденіе» Иванъ и начиналъ и оканчивалъ свои бесѣды со мною и, какъ видите, не только не разъяснялъ моихъ недоумѣній, но значительно ихъ преувеличивалъ.

III. Разстройство.

Не разъ заходилъ у насъ съ Иваномъ разговоръ на ту же тему, т.-е. на тему о томъ, отчего онъ спился, отчего разстроился, что нужно крестьянамъ, чтобы было лучше и т. д., и всегда разговоры эти не приводили ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Отвѣты и разсказы его были всегда неинтересны, очень часто утомительны своимъ однообразіемъ, или, напротивъ, ставили въ недоумѣніе, объясняя пьянство выраженіями: «воля» или «баловство» и т. д. Происходило это отъ того, что Иванъ часто вовсе не упоминалъ о томъ *главномъ*, что давало этимъ сухимъ и утомительнымъ разговорамъ глубокій (на мой взглядъ) интересъ, а я, какъ человѣкъ посторонній подробностямъ и сущности народной жизни, не понималъ этого главнаго и пропускалъ мимо ушей такія слова и фразы, произносимыя Иваномъ мимоходомъ, какъ всѣмъ давно извѣстныя и

понятныя, которыя именно одни только и могли освѣтить мнѣ тьму и путаницу нашихъ неинтересныхъ разговоровъ. Вотъ почему я не буду передавать этихъ разговоровъ въ ихъ «послѣдовательномъ безпорядкѣ», а приведу ихъ тогда, когда читателю будетъ можно понять ихъ, и для этого остановлюсь на томъ разговорѣ, который приведенъ выше.

Иванъ разсказалъ самую обыкновенную исторію: на каждомъ шагу, отъ всѣхъ хозяевъ—отъ всѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ наемнымъ человѣкомъ—вы слышите то же самое, т.-е. пьютъ потому, что «избаловались»; потому, что «воля»; потому, что «некому смотрѣть за порядкомъ», «нѣтъ страху»...

— Помилуйте,—слышите вы поминутно:—чего еще имъ нужно? Рабочій получаетъ семьдесятъ копеекъ въ сутки на хозяйскихъ харчахъ, два раза чай — вѣдь это не маленькая плата! Зимній день въ нашихъ мѣстахъ коротокъ,—въ восемь часовъ утра еще темно,—приходятъ рабочіе въ девятомъ часу, работаютъ съ разговоромъ, съ цыгарками, до двѣнадцати, часа полтора уйдетъ на обѣдъ, а тамъ, глядишь, въ четыре часа и ночь. Скажите, пожалуйста, что еще надо?.. Нѣтъ, поработаютъ до обѣда, уйдутъ въ кабакъ, завтра совсѣмъ не пришли, а если станешь задерживать деньги дня по три, по четыре для ихъ же пользы—ропотъ, требуютъ; отдашь—пропьютъ!..

Доля правды въ этихъ разсужденіяхъ есть несомнѣнная. Крестьянинъ, работающій дома, никогда не выработаетъ такихъ денегъ, хотя работаетъ цѣлый день. Учитель, нанятый обществомъ, получаетъ три рубля въ мѣсяцъ, съ обязательствомъ всю зиму учить человѣкъ двадцать маленькихъ дѣтей, которыя являются буквально до свѣту и, пообѣдавъ, опять сидятъ съ учителемъ часовъ до шести. Родители нарочно посылаютъ маленькихъ дѣтей въ школу, чтобъ они не мѣшали дома, и одно ужъ пребываніе въ обществѣ этой шаловливой толпы въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 8 или 9 часовъ—дѣло весьма нелегкое; однако, повторяю, учитель получаетъ три, много — пять рублей въ мѣсяцъ, да и то родители обижаются, что «мало учитъ», рано домой отпускаетъ. Кромѣ этого, жизнь учителя—скитальческая. Онъ живетъ въ деревнѣ на пастушьемъ положеніи, т.-е. ходитъ обѣдать и ночевать изъ двора во дворъ, и бываютъ частенько случаи, что иная чистоплотная баба выгонитъ изъ избы и учителя и учениковъ, которые явились къ ней «по очереди», — выгонитъ вонъ, прямо на

морозъ. Сравнительно съ такимъ трудомъ и неудобствами, вознагражденіе учителя хуже, чѣмъ нищенское, такъ какъ всякій нищій—точно такъ же, какъ и учитель — найдетъ ночлегъ въ чужомъ домѣ, найдетъ и кусокъ хлѣба, но деньгами соберетъ гораздо болѣе того несчастнаго гривенника, который платятъ (и всегда съ задержками) учителю. Вознагражденіе, получаемое дроворубомъ или прессовщикомъ сѣна, и трудъ ихъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе ни съ трудомъ ни съ вознагражденіемъ учителя—такъ этотъ трудъ легокъ и такъ это вознагражденіе велико. Прессуютъ сѣно не менѣе четырехъ человѣкъ. Въ то время, когда одинъ кидаетъ его въ прессъ, а другой утаптываетъ ногами, двое другихъ курятъ цыгарки и разговариваютъ разговоры; а когда, въ свою очередь, они принимаются за работу, т.-е. начинаютъ рычагами поднимать исподнюю доску пресса, первые двое принимаются за цыгарки. Кромѣ того, работа пріостанавливается, если пойдетъ снѣгъ, ударитъ сильный морозъ: пойдетъ кто-нибудь къ хозяину «ўвспроситься», работа стала. Мужикъ по нуждѣ продаетъ сажень дровъ за рубль, а распилить и расколоть берутъ рубль двадцать. Кабаки и трактиры полны, и здѣсь идетъ питье пива, водки, даже коньяку и «портвину». На ряду съ тѣмъ, почти всеобщимъ мнѣніемъ, что вырабатываемыя деньги идутъ почти цѣликомъ въ трактиръ, вы услышите и сѣтованіе о томъ, что много народу, крестьянъ, бросаютъ пашню. «Балуются», хозяйствомъ не занимаются: «выпоитъ теленка», продастъ за сорокъ цѣлковыхъ—и пошелъ кофеи да чаи распивать; а земля брошена, податей не платитъ. Вообще люди хозяйственные, строгіе, не пьющіе, опредѣлятъ вамъ характерную черту современной деревенской жизни выраженіями: «ослабъ народъ», «распустился», и въ подтвержденіе этого скажутъ, что «противъ прежняго народу стало легче, денегъ ему приходитъ больше, но что такъ какъ нѣтъ строгости, то деньги идутъ прахомъ». Скажутъ, что «нашъ» (подстоличный) народъ могъ бы и подати заплатить и жить хорошо, такъ какъ опять-таки средства для этого есть—сѣно, напримѣръ, продаютъ въ Петербургѣ почти такъ же дорого, какъ хлѣбъ, и т. д.,—но что онъ «избаловавши», «распустивши», «ослабши». Да и помимо показаній этихъ свѣдущихъ деревенскихъ людей, сами вы, посторонній человѣкъ, видите, что непроизводительная трата денегъ среди крестьянства въ самомъ дѣлѣ велика.

Въ огромномъ большинствѣ разстроившихся хозяевъ значительнѣйшая часть заработка идетъ не на хозяйство, а на трактиръ, на пустяки, картежную игру, мотовство.

И, что̀ удивительно, мотовство, разстройство *начинается* именно *отъ болѣе легкаго*, чѣмъ крестьянство, заработка; разсказъ Ивана, по прозванію Босыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, Иванъ, началъ терять всякій смыслъ существованія по мѣрѣ того, какъ ему становилось «легче», по мѣрѣ того, какъ въ рукахъ его оказывались такія деньги, какихъ онъ прежде и во снѣ не видалъ. Человѣкъ, изъ-за «разстройства» отправившійся на заработокъ и получившій хорошее мѣсто и деньги, какъ будто позабылъ, что̀ съ ними надо дѣлать, начинаетъ швырять деньги, какъ щепки. Онъ говоритъ: «все—воля». Это непонятно; но еще менѣе понятно и слѣдующее обстоятельство.

Однажды, прочитавъ въ газетахъ о томъ, что какой-то пензенскій помѣщикъ «на свой страхъ» ввелъ въ сосѣдней деревнѣ общественную запашку, я не могъ не поговорить объ этомъ обстоятельствѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ крестьянъ. Пришлось разговаривать съ Иваномъ, который былъ въ этотъ день трезвъ и первый попался мнѣ на глаза. Помѣщикъ завелъ общественную запашку съ тѣмъ, чтобы, облегчивъ процессъ труда крестьянамъ, пріобрѣсти съэкономленное ими время въ собственное распоряженіе и имѣть рабочихъ, которые бы, какъ говорится, «не разрывались», одновременно работая по найму и на себя, но, отработавъ свою часть на общественной пашнѣ, были бы совершенно свободны. Работы общественныя устроились посмѣнно: одни работаютъ на помѣщика, другіе—на пашнѣ. Всякая смѣна ждетъ своей очереди. Въ извѣстіи объ этомъ было прибавлено, что облегченіе и скорость труда до того пришлись крестьянамъ по вкусу, что тому же способу обработки общественныхъ полей послѣдовало въ тотъ же годъ болѣе двухсотъ окрестныхъ деревень.

Хоть я и давалъ себѣ зарокъ не говорить съ крестьянами объ ихъ крестьянскихъ распорядкахъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такіе разговоры совершенно безплодны и ни къ чему практически-путному не ведутъ, но на этотъ разъ примѣръ 200 деревень соблазнилъ меня.—«Какъ бы хорошо было,—сказалъ я: — если-бъ и у васъ завелись такіе порядки: всякій, даже самый послѣдній нищій, калѣка, который теперь побирается у васъ подъ

окнами, тогда бы могъ имѣть общественный хлѣбъ, такъ какъ непремѣнно могъ бы что-нибудь дѣлать въ общей работѣ. Разсчитать все можно до ниточки. Вотъ этотъ солдатъ безногій теперь побирается, потому что у него нѣтъ ни кола, ни двора, ни земли, ни скотины, а тогда онъ могъ бы, положимъ, стоять въ ригѣ и считать, сколько привезено сноповъ, или подъ уздцы лошадь водить за тебя, напримѣръ, Ивана, а ты, отработавъ свою часть — положимъ, дня два—пашни, былъ бы свободенъ, работалъ бы у помѣщика, и деньги бы чистыя пришли домой. А потомъ сколько тратится земли на эти межники, канавки? То ли дѣло поочереди взодрать землю сразу? Вѣдь косятъ же какіе огромные луга и успѣваютъ скосить въ одинъ день, потому что принимаются сразу всѣ, а тутъ на хлѣбѣ каждый бьется одинъ цѣлые мѣсяцы безъ отдыху, отрывается на чужую работу, оставляя свою. Иной разъ хлѣбъ не выспѣваетъ, потому что поздно посѣянъ. Почему же,—спрашивалъ я:—сѣно можно косить всѣмъ міромъ и раздѣлить копны поровну и безъ обиды, а нельзя того же дѣлать съ хлѣбомъ? А какое облегченіе! Теперь ты работаешь на своей десятинѣ одинъ, а тогда изъ ста душъ будутъ каждый день работать, положимъ, только десять человѣкъ, и все-таки твоя десятина обработается въ десять разъ скорѣе; такъ и у другихъ. Девяносто человѣкъ (поочереди) всегда свободны и могутъ дѣлать, что̀ угодно. Наемная работа только выгода, потому что, работая по найму, ты ужъ знаешь, что хлѣбъ у тебя будетъ. Да и о бѣдныхъ и безсильныхъ надо подумать, а при такой работѣ можно». Тутъ, для большей убѣдительности, я припомнилъ Ивану про нѣкоего конокрада Ручкина. Ручкинъ былъ чистый злодѣй для множества деревень во множествѣ уѣздовъ. Онъ безжалостно разорялъ мужиковъ, угоняя лошадей, и издѣвался, буквально тиранилъ и бралъ съ нихъ, что̀ только хотѣлъ. Не разъ его сажали въ острогъ, отдавали подъ судъ, но «неопытные» начальники, на которыхъ за это весьма ропщутъ крестьяне, не зная дѣла, выпускали его, потому что злодѣй Ручкинъ на судѣ оказывался, по ихъ неопытности, бѣлѣй голубя. Напримѣръ, лошадей онъ пряталъ обыкновенно въ лѣсу, а когда на судѣ его спрашивали, зачѣмъ онъ былъ въ лѣсу такого-то числа, то Ручкинъ отвѣчалъ:—«За грибами».—«А лошадь какъ очутилась въ твоихъ рукахъ?» — «Да я вижу, чья-то лошадь бродитъ,—дай, думаю, привяжу и спрошу потомъ мужичковъ

чья такая. Поди, иной, бѣдный, смучается, искамши».—«А деньги ты бралъ за лошадь?»—«Ваше благородіе, вѣдь мнѣ пить-ѣсть надо!.. Ну, а кабы пропала лошадь-то, кабы медвѣдь съѣлъ, — неужто лучше было бы? И неужто онъ разорится, ежели что̀ дастъ мнѣ на бѣдность?..» Послѣ такихъ рѣчей Ручкина освобождали и водворяли на мѣсто жительства. Здѣсь, «съ сердцовъ» на односельчанъ, онъ принимался свирѣпствовать еще безпощаднѣе, а между тѣмъ свирѣпствовалъ онъ истинно по нуждѣ: Ручкинымъ прозывали его потому, что у него *не было одной руки*... Долгое время я слышалъ: «Ручкина убить, утопить мало»; «злодѣй, аспидъ» и т. д. И только случайно узнавъ, что «Ручкинъ» не фамилія его, а прозвище, я спросилъ:—«Почему его такъ называютъ?»—«Да руки у него правой нѣтъ, у мошенника, — одной лѣвой злодѣйствуетъ...» — отвѣчали мнѣ. Конечно, Ручкинъ могъ бы просто и смиренно нищенствовать, но не всякому это по характеру. И Ручкинъ изъ-за калѣчества предпочелъ злодѣйствовать. Возвратившись два раза изъ острога, онъ сталъ рѣшительно всѣмъ страшенъ. Начальство сельское его трепетало. Встрѣтившись какъ-то въ полѣ безъ свидѣтелей со старшиной, онъ спросилъ его:—«Что̀, Петръ Семеновичъ, много ли сѣна накосилъ?» — «Да пудовъ тысячи полторы. Тебѣ-то зачѣмъ знать?»—«Да хотѣлъ я у тебя деньжонокъ потребовать...»—«За что такое деньжонокъ?» — «Да... да вѣдь это я прошлый годъ у Козявкина сѣно-то сжегъ...» И больше ничего Ручкинъ не прибавилъ, только засмѣялся «какъ чортъ». Старшина вынулъ пять рублей и далъ. Жаловаться нельзя — нѣтъ свидѣтелей, да и судьи боятся Ручкина; а не дать нельзя—сожжетъ... По мнѣнію обывателей, остается одно — убить его тихимъ манеромъ, какъ собаку. Лодочникъ-перевозчикъ объявилъ, что онъ его утопитъ, и кажется, что всѣ ожидали этого не съ сожалѣніемъ.

Такъ вотъ объ этомъ-то Ручкинѣ я и завелъ рѣчь въ подтвержденіе тѣхъ безчисленныхъ выгодъ, которыя могутъ произойти изъ общественной работы. «Ручкинъ этотъ,— говорилъ я: — сдѣлался не вдругъ злодѣемъ, онъ долженъ былъ какъ-нибудь существовать безъ руки, а нищенствовать не хотѣлъ. При теперешнихъ вашихъ трудахъ вамъ впору только справиться съ своими нуждами, а тогда вы *можете* и о другихъ подумать. Даже даромъ могли бы тогда кормить Ручкина. Да и надобности нѣтъ даромъ-то кормить: Ручкинъ и съ одною рукою можетъ помочь въ

работѣ. Тебѣ, напримѣръ, некогда снопы возить—Ручкинъ пойдетъ. Лошадь твоя, а трудъ—его. Все это вѣдь разсчитать можно»...

На этомъ Иванъ прервалъ меня. До этой минуты онъ меня слушалъ, и, какъ мнѣ казалось, вниманіе его усиливалось, такъ какъ я постарался всевозможными доводами и сравненіями показать ту огромную разницу въ удобствахъ жизни, которая произойдетъ въ случаѣ перемѣны теперешняго хозяйства на то будущее, о которомъ шла рѣчь. Но при моихъ словахъ: «лошадь твоя, а трудъ его»—молчаливо и неподвижно внимавшій мнѣ Иванъ точно проснулся и проговорилъ:

— Н-ну нѣтъ... Хорошій хозяинъ не довѣритъ своей лошади чужому...

И, энергически тряхнувъ головой, прибавилъ не менѣе энергически:

— Чтобъ я довѣрилъ, напримѣръ, свою скотину чужому человѣку? Самъ бы ушелъ, а мою скотину?.. Да позвольте вамъ сказать...

И мгновенно какое-то необычайное оживленіе охватило его. Какая-то масса соображеній, задѣвавшихъ его «за живое», вдругъ овладѣла имъ, и онъ, сверкая глазами, заговорилъ:

— Отдай я чужому свою скотину? Помилуйте! Да позвольте сказать, вы вотъ говорите: дѣлить хлѣбъ... Хлѣбъ въ нашихъ мѣстахъ безъ наземъ не родится... Позвольте узнать, какъ же по вашему плану будетъ съ навозомъ?

— Будутъ возить, какъ и теперь. Вѣдь теперь покупаютъ наземъ?

— Это вѣрно. Что такъ, то такъ... Но позвольте сказать...

— Ну, и тогда такъ же разсчитать. Теперь возъ—тридцать копеекъ, и тогда — по возамъ, а вмѣсто денегъ—хлѣбъ. Вы пахали, возили навозъ—вамъ и за пашню и за навозъ.

— Да не про то я говорю, это дѣйствительно учесть можно, а какъ уровнять наземъ—вотъ о чемъ мои слова! Теперь я везу наземъ конный, а другой какой-нибудь плетется съ коровьимъ—какое же можетъ быть тутъ равновѣсіе?

Я не зналъ, что сказать, потому что никогда не предвидѣлъ такой тонкости.

— А другой, — все болѣе и болѣе входя въ интересъ

предмета, горячился Иванъ:—а другой объявляется съ свининымъ—тутъ какъ сыскать правду?

— Да не все ли это равно?

— Все равно-съ? Ну, это ужъ извините! Кониный или коровій, или, возьмемъ, птичій или же свининый — тутъ, окончательно сказать, небо и земля, а не все равно... Коровій наземъ даетъ хлѣбъ метелкой, онъ топорщится, и зерно у него легкое. Птичій... Да за что же я, позвольте васъ спросить, имѣя въ своемъ хозяйствѣ, напримѣръ, кониный или гусиный, напримѣръ, самолучшихъ сортовъ—за что же я долженъ, что онъ тамъ, мошенникъ, воруетъ лошадей и ему Сибири, канальѣ, мало—за что я, коль скоро у меня въ хозяйствѣ все какъ слѣдуетъ, долженъ хлѣбъ получать съ мусоромъ?

— Да вѣдь много ли тутъ разницы?

— Да позвольте!.. Лошадь я отдай, хлѣбъ мнѣ съ помѣсью—за что?

— Зато всѣмъ лучше...

— Да лучше я ему и другую руку переломлю, чтобъ онъ не воровалъ!.. а то, помилуйте, все у меня въ хозяйствѣ припасено, а тутъ мнѣ съ свининаго да съ коровьяго... Да тьфу! за что? За что я долженъ пострадать... черезъ подлецовъ или какъ прочихъ негодяевъ?.. Нѣтъ, не выйдетъ этого... Да нѣтъ, нѣтъ! Это и думать даже... Помилуйте, лошадь... да какъ же можно, чтобъ я, хозяинъ, довѣрилъ кому-нибудь? Навалятъ мнѣ на пашню невѣдомо чего, а я при своемъ, при полномъ... Нѣтъ, не выйдетъ!.. тутъ съ однимъ наземомъ грѣха наживешь... Или взять такъ: я привезъ кониный, а сосѣдъ куриный... Ну, возможно ли ему,—сами вы подумайте,—возможно ли ему дать согласіе, что хотя бы даже и съ конинаго получить? вѣдь куриный, птичій, все одно червонецъ... За что же онъ долженъ?.. Да нѣтъ, нѣтъ! Тутъ никакихъ способовъ нѣтъ... Какъ можно! Какой же я буду хозяинъ?

Милліоны самыхъ тончайшихъ хозяйственныхъ ничтожностей, ни для кого, какъ мнѣ казалось, не имѣвшихъ рѣшительно ни малѣйшаго значенія, не оставлявшихъ, какъ мнѣ казалось, даже возможности допустить къ себѣ какое-либо вниманіе, вдругъ выросли неодолимою преградой на пути ко всеобщему благополучію... Горячность, даже азартъ, какой овладѣвалъ Иваномъ во время этого монолога, доказывали, что эти ничтожности задѣвали его за живое, т.-е. за самое чувствительное мѣсто его личныхъ интересовъ.

Слушая его, я не возражалъ, но только дивился: человѣкъ, который при «хорошей жизни», «на волѣ», «на свободѣ», не жалѣетъ денегъ на пьянство, не находитъ возможности чѣмъ-нибудь наполнить свое существованіе, кромѣ распутства,—человѣкъ, который «швыряетъ», какъ баринъ, деньги, когда ему легко жить, — вдругъ, какъ скупецъ, дрожитъ надъ какимъ-то куринымъ наземомъ, не соглашается уступить зерна, ежели оно возросло на ненадлежащемъ удобреніи... Человѣку *легко*—онъ «ослабъ», пропадаетъ и пропивается; человѣкъ отказывается отъ *облегченія* въ трудѣ, и во имя чего же? Во имя какихъ-то ничтожнѣйшихъ мелочей!.. Онъ радъ, когда начальникъ дистанціи далъ ему по шеѣ и изъ легкой жизни опять ввергнулъ въ трудную. Въ чемъ же тутъ тайна?

IV. Власть земли.

А тайна эта поистинѣ огромная и, думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ и терпѣлива и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтски-кротка,—словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся, — народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ,—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ *невозможность* ослушанія ея *повелѣній*, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ все его существованіе. У актера, который играетъ Мефистофеля или Демона, до тѣхъ поръ лицо будетъ казаться огненнымъ, покуда оно будетъ освѣщено огненнымъ свѣтомъ; нашъ народъ до тѣхъ поръ *будетъ* казаться такимъ, какимъ онъ есть, до тѣхъ поръ будетъ обладать тѣми драгоцѣнными качествами ума и сердца,—словомъ, до тѣхъ поръ будетъ имѣть тотъ типъ и даже видъ, какой имѣетъ, пока онъ весь, съ головы до ногъ и снаружи до самаго нутра, проникнутъ и освѣщенъ теплом и свѣтомъ, вѣющими на него отъ матери сырой земли. Погасите красный фонарь — и лицо Демона перестало быть краснымъ. Оторвите крестьянина отъ земли, отъ тѣхъ за-

ботъ, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуетъ крестьянина, добейтесь, чтобъ онъ забылъ «крестьянство»,—и нѣтъ этого народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Остается одинъ пустой аппаратъ пустого человѣческаго организма. Настаетъ душевная пустота, «полная воля», т.-е. невѣдомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди, куда хошь...»

Я чувствую, до какой степени топорно и грубо высказано мною то, что я хотѣлъ сказать, но явленія народной жизни, въ которыхъ власть земли надъ человѣкомъ имѣетъ первенствующее значеніе, до такой степени многочисленны и важны и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаются въ такой массѣ ничтожнѣйшихъ, повидимому, мелочей, что въ нихъ немудрено запутаться и затемнить основную мысль, которую мнѣ бы хотѣлось высказать. Вотъ почему мнѣ и думается, что, быть-можетъ, и слѣдовало даже опредѣлить эту мысль грубыми и рѣзкими чертами.

Земля, о неограниченной, могущественной власти которой надъ народомъ идетъ рѣчь, есть не какая-нибудь аллегорическая или отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая земля, которую вы принесли съ улицы на своихъ калошахъ въ видѣ грязи, — та самая, которая лежитъ въ горшкахъ вашихъ цвѣтовъ, черная, сырая,—словомъ, земля самая обыкновенная, натуральная земля. Могущество этой персти, «праха», съ глубочайшею силой и простотой указано еще въ стариннѣйшей былинѣ о Святогорѣ-богатырѣ. Въ сущности, это даже и не былина, а загадка, но загадка, въ которой таится вся сущность народной жизни... Все содержаніе этой коротенькой былины состоитъ въ слѣдующемъ: Святогоръ-богатырь выѣхалъ во чисто поле гулять. Выѣхалъ онъ просто такъ, безъ всякой задней мысли (обыкновенно богатыри выѣзжаютъ собирать дани, выходы), выѣхалъ прогуляться, поразмять кости, силой съ кѣмъ-нибудь помѣриться.

По моей ли да по силѣ богатырской
Кабъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы...

Никакой однако подходящей, къ сожалѣнію богатыря, державы на пути не встрѣтилось, а встрѣтился ему «прохожій» мужичокъ съ сумочкой за плечами. Ѣдетъ Святогоръ рысью, а прохожій все идетъ передомъ. Во всю прыть не можетъ онъ (Святогоръ) догнать прохожаго. Закричалъ тутъ Святогоръ, да громкимъ голосомъ: «Гой, прохожій че-

ловѣкъ! подожди немножечко—не могу догнать тебя я на добромъ конѣ».

Прохожій послушался Святогора, остановился, снялъ изъза плечъ сумочку и сложилъ ее на землю. «Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку; своей плеточкой онъ сумочку пощупывалъ: какъ уроslая, та сумочка не тронется. Святогоръ перстомъ съ коня ее потрогивалъ: не сворохнется та сумка, не шевельнется. Святогоръ съ коня хваталъ ее рукой, потягивалъ,—какъ уроslая, та сумка не поднимется. Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся онъ за сумочку; онъ приладился, взялся руками обѣими, *во всю силу* богатырскую натужился, отъ натуги по бѣлу лицу ала кровь пошла, а поднялъ суму отъ земли только *на волосъ*, по колѣна-жъ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ. Взговорилъ ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ: «Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду-истину, а и *что*, скажи ты, *въ сумочкѣ накладено*?» Взговорилъ ему прохожій да на тѣ слова:

«— *Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли.*

«— А ты самъ кто есть? Какъ звать тебя по имени?

«— Я Микула есть, *мужикъ*, я Селяниновичъ, я Микула—*меня любитъ мать сыра земля*».

Вотъ и вся былина-загадка, и опять, какъ видите, слову «земля» нельзя придать никакого значенія, кромѣ буквальнаго. «Тяга» въ этой самой натуральной землѣ—той самой, которая у васъ въ цвѣточныхъ горшкахъ—оказывается столь огромной, что съ ней не въ силахъ совладать богатырь, которому ничего не стоитъ разнести въ пухъ и прахъ, отъ-нечего-дѣлать, цѣлую «державу». Этотъ богатырь, ухватившись «обѣими руками», изъ всѣхъ силъ натужившись, едва-едва могъ только на волосъ поднять мужицкую сумучку,—ту ношу, которую народъ носитъ за плечами, и такъ легко, что богатырю не догнать его на добромъ конѣ.

Читая эту былину, нѣкоторое время недоумѣваешь, почему и зачѣмъ невѣдомый авторъ ея, цѣль котораго была показать «тягу земли», заставляетъ богатыря догонять прохожаго пѣшехода. Но, вчитавшись въ былину, видишь, что все въ ней глубоко обдумано, все имѣетъ огромное значеніе въ пониманіи сущности народной жизни: тяга и власть земли огромны,—до того огромны, что у богатыря кровь алая выступила на лицѣ, когда онъ попытался поколебать ихъ на волосъ, а между тѣмъ эту тягу и власть народъ несетъ легко, какъ пустую сумочку. Все это такъ именно есть и до сего дня!

Сначала скажемъ о тяготѣ и власти. Вотъ сейчасъ изъ моего окна я вижу: плохо прикрытая снѣгомъ земля, тоненькая въ вершокъ зеленая травка, а отъ этой тоненькой травинки въ полной зависимости человѣкъ, огромный мужикъ съ бородой, съ могучими руками и быстрыми ногами. Травинка можетъ вырасти, можетъ и пропасть, земля можетъ быть матерью и злой мачехой,—что будетъ, неизвѣстно рѣшительно никому. Будетъ такъ, какъ захочетъ земля; будетъ такъ, какъ сдѣлаетъ земля и какъ она будетъ въ состояніи сдѣлать... И вотъ человѣкъ въ полной власти у этой тоненькой травинки. Вѣдь она только черезъ годъ, почти день въ день, принесетъ на мужицкій столъ ломоть хлѣба, но можетъ и не принести,—она сама во власти каждой тучки, каждаго вѣтерка, каждаго солнечнаго луча... Сколько перемѣнъ, неожиданностей, случайностей и огромныхъ послѣдствій, сопутствующихъ этимъ неожиданностямъ! Для этой травинки, для того, чтобъ она могла питать, нужна масса приспособленій, масса труда, масса внимательности во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Нужна работящая жена, которая могла бы участвовать въ этой массѣ труда, нужна скотина, уходъ за скотиной, нужны орудія и т. д., и все это для этой травинки.

Представьте себѣ, что выйдетъ, если мы, оцѣнивъ результаты въ деньгахъ, дадимъ этихъ денегъ любому крестьянскому двору втрое больше, чѣмъ онъ вырабатываетъ въ теченіе года,—что выйдетъ? Образуется не семья трудящихся, занятыхъ людей, а толпа ртовъ, у которыхъ вся жизнь—сплошная пустота, что мы и видимъ въ семьяхъ, гдѣ живутъ, какъ говорится, «на готовыя деньги»; тогда какъ владычествующая надъ нимъ земля и трудъ, къ которому она обязываетъ, наполняютъ все его существованіе, объясняютъ ему необходимость и надобность каждаго шага, каждаго поступка, каждаго помышленія. Жена крестьянина, которая въ крестьянствѣ неоцѣненна, при готовыхъ деньгахъ, при отсутствіи крестьянскаго земледѣльческаго труда, теряетъ вдругъ всѣ свои достоинства; она оказывается просто дурой, дубиной, деревомъ, которое будетъ мѣшать вездѣ, куда только ни сунется. Вотъ почему такъ противны тѣ изъ крестьянъ, которые вылѣзли къ деньгамъ, отдѣлились отъ труда, живутъ на готовое: скучнѣе, пошлѣе этой жизни трудно себѣ представить. Что за глупые разговоры о людяхъ съ песьими головами, о Махмудѣ персидскомъ, или, какъ теперь, о «панье» и «портвинѣ». Кто не знаетъ на-

конецъ, сколько глупаго «форцу» вноситъ крестьянинъ, поживши въ трактирѣ, въ лакеяхъ и т. д.? А вѣдь онъ пьетъ-ѣстъ готовое, спитъ въ теплѣ и деньги получаетъ; у него «часы анкерные»; но кто не испытывалъ къ этимъ типамъ самаго полнаго отвращенія? И этотъ же пустомеля и остолопъ тотчасъ начинаетъ возвращаться къ образу и подобію человѣческому, какъ только возвращается къ труду земледѣльческому, т.-е. когда *теряетъ необходимость* выдумывать свои интересы, наполнять себя нравственно, чѣмъ попало, и когда власть земли и трудъ, къ которому она обязываетъ, наполняетъ все его существованіе содержаніемъ не выдуманнымъ, безъ его усилій, безъ его желаній, наполняетъ своею властью безъ его участія и воли.

Такимъ образомъ у земледѣльца нѣтъ шага, нѣтъ поступка, нѣтъ мысли, которые бы принадлежали не землѣ. Онъ весь въ кабалѣ у этой травинки зелененькой. Ему до такой степени невозможно оторваться куда-нибудь на сторону изъ-подъ ига этой власти, что когда ему говорятъ: «Чего ты хочешь: тюрьмы, или розогъ?»—то онъ всегда предпочитаетъ быть высѣченнымъ, предпочитаетъ перенести физическую муку, чтобы только сейчасъ же быть свободнымъ, потому что хозяинъ его, земля, не дожидается: нужно косить—сѣно нужно для скотины, скотина нужна для земли. И вотъ въ этой-то ежеминутной зависимости, въ этой-то массѣ тяготы, подъ которой человѣкъ самъ по себѣ не можетъ и пошевелиться, тутъ-то и лежитъ та необыкновенная *легкость* существованія, благодаря которой мужикъ Селяниновичъ могъ сказать: «меня *любитъ* мать сыра земля».

И точно любитъ: она забрала его въ руки безъ остатка, всего цѣликомъ, но зато *онъ и не отвѣчаетъ* ни за что, ни за одинъ свой шагъ. Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ *велитъ* его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ: онъ убилъ человѣка, который увелъ у него лошадь,—и невиновенъ, потому что безъ лошади нельзя приступить къ землѣ; у него перемерли всѣ дѣти—онъ опять не виноватъ: не родила земля, нечѣмъ кормить было; онъ въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену—и невиновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, лѣнива, черезъ нее стало дѣло, стала работа. А хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ. Словомъ, если только онъ слушаетъ того, что велитъ ему земля, онъ ни въ чемъ невиновенъ; а главное—какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній, когда они сами приходятъ къ тебѣ каждый день,

едва только открылъ глаза! Дождь на дворѣ—*долженъ* сидѣть дома, ведро—*долженъ* идти косить, жать и т. д. Ни за что *не отвѣчая*, ничего самъ *не придумывая*, человѣкъ живетъ только *слушаясь*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращенное въ ежеминутный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не имѣющую, повидимому, никакого результата (что̀ вырабатаютъ, то и съѣдятъ), но имѣющую результатъ именно въ самой себѣ.

Для чего растетъ вотъ этотъ дубъ? Какая ему польза сто лѣтъ тянуть изъ земли соки? Что̀ ему за интересъ каждый годъ покрываться листьями, потомъ терять ихъ и въ концѣ концовъ кормить желудями свиней?—Вся польза и интересъ жизни этого дуба именно въ томъ и заключается, что онъ *просто растетъ*, просто зеленѣетъ, такъ, самъ не зная зачѣмъ. То же самое и жизнь крестьянина-земледѣльца: вѣковѣчный трудъ—это и есть жизнь и интересъ жизни, а результатъ—нуль.

Вамъ, напримѣръ, петербургскому интеллигентному чиновнику, жизнь не такъ легка: вы работаете въ министерствѣ до пяти часовъ поденщину, чтобы выработать *средства къ жизни*, вы дѣлаете *ненужную* вамъ работу; что̀ такое для васъ лично горе вдовы кабатчика, Евдокіи Миломордовой, которая пятый годъ со слезами умоляетъ защитить ее отъ опекуна, который при раздѣлѣ дома завладѣлъ четырьмя окнами, а ей далъ три, тогда какъ ей слѣдовало еще полъ-окна—что̀ вамъ до этого? А вы должны сидѣть, класть резолюціи, усовѣщевать опекуна на основаніи статей закона, грозить ему. Вы дѣлаете это изъ-за средствъ къ жизни, а для вашей личной жизни все это не нужно совершенно. Жизнь для васъ — особь-статья: Сарра Бернаръ, Зембрихъ, почести, политика, т.-е. нѣчто совсѣмъ особое отъ вашего труда. Дѣтей, напримѣръ, вы должны воспитывать (чтобы не испортить) вдали отъ знакомства съ вашими служебными и общественными интересами. Вы трудитесь, надѣясь на какой-то результатъ. Словомъ, ваша жизнь разбилась на полосы, въ которыхъ нѣтъ связи. Вы въ департаментѣ совсѣмъ другой, чѣмъ дома или въ театрѣ. А крестьянинъ-земледѣлецъ вездѣ одинъ и тотъ же: онъ трудится и живетъ интересами этого же труда, и въ этихъ же интересахъ *самъ собой,* безъ учителя, воспитывается и его ребенокъ. Результатъ вашей жизни, положимъ, хоть плотная банковая книжка; банковая книжка пахаря тутъ же всегда съ нимъ—въ его радости, что ведро, что «овсы»

взялись шибко и т. д. Вамъ нуженъ кабинетъ—*для себя*, салонъ—для общества, классная—для дѣтей. И вездѣ все разное и думается, и говорится, и дѣлается; для пахаря-мужика нужна *одна* изба, потому что всѣ живутъ однимъ—землей, у всѣхъ одинъ трудъ—земледѣльческій, всѣ говорятъ и дѣлаютъ одно—то, что повелитъ мать сыра земля!

Недавно пришлось мнѣ разговаривать съ однимъ старымъ-престарымъ крестьяниномъ, который вырастилъ и пристроилъ всѣхъ дѣтей, похоронилъ жену, сдалъ землю въ общество, такъ какъ силъ работать у него уже нѣтъ, и пошелъ странствовать по святымъ мѣстамъ. И о чемъ же вспоминаетъ этотъ старикъ, стоящій на краю гроба? Что бы ему вспомнить двѣнадцатый годъ, осаду Севастополя или какое-либо иное знаменательное событіе, свидѣтелемъ котораго онъ былъ?—Нѣтъ, онъ вспоминаетъ только землю.

— Жалко было бросать-то?—спросилъ я.

— Вотъ какъ жалко, сказать не могу... И-и, матушка родная!..

И буквально съ плачущими нотами въ голосѣ продолжалъ:

— По де-вя-но-сто мѣръ хлѣба сѣ-я-алъ!... Ов-весъ у меня крестецкій, тя-а-желый-претяжелый... Бывало, до свѣту примутся мои бабы жать, что огнемъ палятъ...

«Девяносто мѣръ»—это такая, должно-быть, была прелесть, такой просторъ наслажденію!.. Сарра Бернаръ, когда будетъ старой старушкой, вѣроятно, съ такимъ же умиленіемъ будетъ вспоминать восторги, которые она вызывала въ массахъ зрителей, какое испытывалъ этотъ старикъ, вспоминая время, когда онъ сѣялъ де-вя-но-сто мѣръ, вспоминая крестецкій овесъ и «своихъ бабъ», которыя такъ были «завистливы» на работу, что принимались за жнитво до свѣту.

Когда между мною и старикомъ шелъ разговоръ (мы сидѣли на улицѣ, дѣло было въ концѣ лѣта), вдругъ вдали на деревнѣ грянулъ звонкій дѣвичій хоръ; старикъ поднялъ голову и, слушая пѣсню, сказалъ:

— Ишь, горло-то дерутъ! Урожай нонѣ... Богъ послалъ...

Хоръ зазвенѣлъ еще звончѣй и громче.

— Картофь, должно, Господь уродилъ нонѣ...—прибавилъ старикъ въ объясненіе слишкомъ звонкаго пѣнія.

V. Народная интеллигенція.

И опять я знаю, что сказанное мною сказано грубо и топорно, но опять-таки повторяю, чтобы хоть какъ-нибудь разобраться въ томъ запутанномъ нравственномъ состояніи, которое переживаетъ народъ и которое таитъ въ себѣ огромныя несчастія, необходимы грубыя, топорныя черты, чтобы рѣзче разграничить необходимое для народа отъ гибельнаго. Итакъ, приводя въ порядокъ все до сихъ поръ сказанное, я думаю, что мало ошибусь, если скажу, что двухсотлѣтняя татарщина и трехсотлѣтнее крѣпостничество могли быть перенесены народомъ только благодаря тому, что и въ татарщинѣ и въ крѣпостничествѣ онъ могъ сохранить неприкосновеннымъ свой земледѣльческій типъ (онъ *изнурялся физически* на барской работѣ, но дѣлалъ ту же работу, что̀ и для себя), цѣльность своего земледѣльческаго быта и, главное, *земледѣльческаго міросозерцанія*. Не нагайки, не плети, не дранье на конюшнѣ, не становые или урядники, ни тѣмъ паче пятнадцать томовъ законовъ съ двадцатью томами примѣчаній—держали его въ повиновеніи, развили въ немъ строгую семейную и общественную дисциплину, сохранили его отъ тлетворныхъ лжеученій, а деспотическая власть «любящей» мужика матери-земли, обязывавшая его тяжкимъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчавшая этотъ трудъ, дѣлая его интересомъ всей жизни, давая возможность *въ немъ же* находить *полное* нравственное удовлетвореніе. Кромѣ этого, едва ли я ошибусь много, если скажу, что и *община* наша только потому, какъ говорится, устояла и только до тѣхъ поръ, прибавимъ мы, устоитъ, покуда членовъ ея соединяетъ *однородность* земледѣльческаго труда, *однородность* надеждъ, плановъ, волненій, заботъ, *однородность* семейныхъ и общественныхъ обязанностей.

Я вовсе не хочу сказать, что *однородность* эта обязательна была и есть для характеровъ, дарованій, умовъ, нервовъ. Напротивъ, надъ однородностью труда и вытекающаго изъ него міросозерцанія—умъ, талантъ, сила, дарованіе имѣли полный просторъ, но проявлялись-то они *въ одномъ* и томъ же дѣлѣ, хотя и различно. Эту одинаковость и однородность труда, не мѣшающаго проявленію дарованій, надо принимать въ расчетъ и при оцѣнкѣ нравственной силы нашихъ артелей: у насъ, если пойдутъ рисовать подносъ съ огнедышащею горой, такъ съ того мѣста, гдѣ

нарисованъ первый подносъ, и пойдетъ по линіи верстъ на четыреста—всѣ деревни и всѣ люди въ деревняхъ примутся малевать тотъ же подносъ съ огнедышащею горой. Тутъ дѣло въ томъ, что всѣ хотятъ равняться только въ средствахъ труда: у всѣхъ одна и та же краска, одно и то же желѣзо, одинъ и тотъ же рисунокъ; на этой одинаковости и конецъ равненію. Дальше этой одинаковости идетъ талантъ, физическія преимущества, умъ, проворство, случай; раньше всталъ, прежде другихъ вышелъ на базаръ, купецъ-покупщикъ попалъ добрѣй. Едва ли не преувеличено мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей общины относительно размѣровъ той опеки, которую община накладываетъ на своихъ членовъ почти въ каждомъ поступкѣ. Не знаю. Искалъ я этой опеки и нашелъ, что дѣйствительно иногда общины запрещаютъ своимъ членамъ продавать «навозъ на сторону», а другихъ опекъ что-то не видно. Сироту беретъ не община, а кто-нибудь изъ нея, добрый человѣкъ—беретъ *самъ*, безъ помощи и приказанія или совѣта міра. Навозъ дѣйствительно нуженъ въ хозяйствѣ. Такія слишкомъ ужъ одинаковыя во всѣхъ отношеніяхъ общины не существуютъ даже въ животномъ царствѣ; даже у стерлядей, по свидѣтельству рыболововъ, существуютъ «десятники», которые посылаются стерлядинымъ обществомъ искать мѣста для метанія икры. Волжская рыба сазанъ, тоже живущая своими сельскими обществами, имѣетъ и выборныхъ, и ходоковъ, и депутатовъ; они обыкновенно идутъ впереди «общества» и, подойдя къ заколу, который ставятъ рыбаки поперекъ рѣкъ, начинаютъ пробовать крѣпость его носомъ, потомъ налегаютъ бокомъ, потомъ пробуютъ перепрыгнуть: когда все это не удается, то депутаты возвращаются и докладываютъ обществу; мірской сазаній сходъ рѣшаетъ «взять» заколъ всѣмъ міромъ, и точно, все стадо съ страшною стремительностью бросается на заколъ и ударяетъ въ него всѣмъ своимъ коллективнымъ рыломъ. Многіе погибаютъ на смерть, а другіе проскальзываютъ въ брешь и спасаются.

Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ мірскихъ поступковъ нашей деревни, въ виду вышеприведенныхъ примѣровъ (которыхъ можно бы привести множество), теряютъ нѣкоторую долю своего значенія, эти примѣры, взятые изъ рыбьяго быта, говорятъ, что даже и въ этомъ быту нѣтъ сплошного во всемъ равенства и одинаковости,—тѣмъ паче нѣтъ и никогда не бывало его въ общинѣ крестьянской, человѣческой. Но опять-таки *земледѣльческій* трудъ, жизнь

въ *земледѣльческихъ* условіяхъ и, главное, *земледѣльческое* міросозерцаніе смягчали эти рѣзкости всевозможныхъ неравенствъ просто потому, что дѣлали ихъ всѣмъ понятными. Возьмемъ вопросъ самаго жгучаго неравенства—богатство и бѣдность. Богачи всегда бывали въ деревнѣ; но, я спрашиваю, чѣмъ и какимъ образомъ могъ разбогатѣть крестьянинъ-земледѣлецъ и какъ и отчего могъ обѣднѣть?—Только землей, только отъ земли. *Онъ не виноватъ,* что у него *уродило,* а у сосѣда нѣтъ; *не виноватъ* онъ, что онъ силенъ, что онъ уменъ, что его семья подобралась молодецъ къ молодцу, что бабы его встаютъ до свѣту и т. д. Тутъ—счастье, талантъ, удача, но счастье, талантъ, удача—*земледѣльческіе,* точно такъ же, какъ у сосѣда земледѣльческая неудача, отсутствіе силы въ земледѣліи, отсутствіе согласія семьи, нужной для земледѣлія. Тутъ *понятно* богатство, *понятна* бѣдность, тутъ никто ни передъ кѣмъ не виноватъ. Это не то, что̀ теперь, когда Иванъ Босыхъ, силачъ и весь созданный для земледѣлія, нищенствуетъ, а мужичонка, котораго перешибить можно плевкомъ, богатъ безъ земли и безъ труда, на который онъ неспособенъ. Такое богатство, которое у всѣхъ на виду, которое всѣмъ понятно, — извинительно, и ему можно покориться безъ злобы. Чѣмъ виноватъ этотъ богачъ-земледѣлецъ, у котораго земля уродила потому, что на нее *палъ дождь,* а на мою не палъ, и я обѣднялъ? Завтра на *мое* счастье ударитъ *грибной дождь,* высыпетъ въ лѣсу масса грибовъ, и я не полѣнюсь встать до свѣта и собрать ихъ, пока другіе спятъ. На мое счастье попадутся бѣлые грибы, а вѣдь они—рубль двадцать фунтъ; это счастье можетъ посѣтить и меня, какъ посѣтило сосѣда. Точно также я *не могу* роптать и на то, что сосѣдъ умнѣй, проворнѣй, сильнѣй, дальновиднѣй. Онъ и я—мы дѣлаемъ *одно* и то же дѣло, только по-разному, по-своему, какъ кто можетъ и какое кому счастье. Это взглядъ, которому учатъ также земля и неразрывная съ нею невозможность сопротивляться велѣніямъ природы, съ которою человѣкъ неразрывенъ, имѣя дѣло съ землей и живя земледѣльческимъ трудомъ. Но тотъ же самый человѣкъ, который безъ зависти и злобы переноситъ богатство, понятное ему и объяснимое съ точки зрѣнія условій собственной жизни и міросозерцанія, ожесточится и со злобою будетъ взирать на такое богатство своего сосѣда, которое онъ, во-первыхъ, *не можетъ понять* и которое, во-вторыхъ, вырастаетъ вопреки всему его міросозерцанію, безъ труда, безъ дарованія, безъ счастья, безъ ума.

Вотъ это-то и есть язва теперешней деревенской жизни, но о ней мы будемъ говорить самымъ подробнымъ образомъ во второй половинѣ этихъ замѣтокъ; тамъ же, и съ возможно большею обстоятельностью, мы остановимся и на другой, также важнѣйшей чертѣ народной жизни, о которой въ настоящемъ отрывкѣ не сказано ни слова почти умышленно,—не сказано для того, чтобы по возможности ярче выставить самое основаніе народнаго міросозерцанія и власть, которую играетъ въ немъ земля. Это другое, важное въ народной жизни, есть *народная интеллигенція, всегда, во всѣ времена существовавшая въ народѣ, но теперь незамѣтная.*

Принимая отъ земли, отъ природы указанія для своей нравственности, человѣкъ, т.-е. крестьянинъ-земледѣлецъ, вносилъ волей-неволей въ людскую жизнь слишкомъ много тенденцій дремучаго лѣса, слишкомъ много наивнаго лѣсного звѣрства, слишкомъ много наивной волчьей жадности. Мужикъ, который убилъ жену, потому что она «мѣшаетъ» въ хозяйствѣ, слаба, неработяща, лѣнива и, можетъ-быть, зла,—согласно лѣсной морали, былъ правъ и, согласно ей, *не чувствовалъ* себя виновнымъ; но чѣмъ же виновата убитая, что она слаба, больна, нравственно несчастна и т. д.? Вотъ эту, не зоологическую, не лѣсную, а божескую правду и вносила въ народную среду *народная* интеллигенція. Она поднимала слабаго, безпомощно брошеннаго безсердечной природой на произволъ судьбы; она помогала, и всегда *дѣломъ*, противъ слишкомъ жестокаго напора зоологической правды. Она не давала этой правдѣ слишкомъ много простора, полагала ей предѣлы. Интеллигенція эта ни капли непохожа ни на графа Судакъ-Ограганова 12-го, который «съ сотнею» казаковъ разбилъ многочисленнаго непріятеля, не походила на поэта, бряцающаго на казенной лирѣ подвиги означеннаго графа, ни на государственнаго мужа, написавшаго сто томовъ разныхъ полезныхъ законовъ, не походила ни на нынѣшнихъ становыхъ, предсѣдателей, урядниковъ, гласныхъ, волостныхъ старшинъ и т. д. Ни на что подобное она не походила, потому что типъ ея былъ типъ *Божія угодника*. Но это не тотъ угодникъ, который, угождая Богу, забирается въ дебрь или взлѣзетъ на столбъ и стоитъ на немъ тридцать лѣтъ. Нѣтъ, *нашъ народный* угодникъ хоть и отказывается отъ мірскихъ заботъ, но живетъ только для міра. Онъ мірской работникъ, онъ постоянно въ толпѣ, въ народѣ, и не разглагольствуетъ, а дѣлаетъ въ

самомъ дѣлѣ дѣло. Народная легенда о Николаѣ и Касьянѣ какъ нельзя лучше рисуетъ этотъ типъ *народнаго* интеллигентнаго человѣка. Касьяну, какъ извѣстно, праздникъ бываетъ только въ 4 года разъ (въ високосъ), а Николаю—множество разъ въ одинъ годъ. Отчего такъ? Оттого,—разрѣшаетъ этотъ вопросъ легенда, — что когда Николай и Касьянъ пришли давать Богу отчетъ, послѣ того какъ они были на землѣ между людьми, то Николай оказался весь испачканъ грязью и въ изорванномъ платьѣ, а Касьянъ пришелъ франтомъ. Вотъ Богъ и рѣшилъ, что Николай все время работалъ, толкался въ народѣ, хлопоталъ, а Касьянъ только разговаривалъ, — за это и положилъ праздновать Касьяну въ 4 года разъ, а Николаю въ годъ чуть не двадцать разъ. Вотъ такой-то типъ и есть типъ *народной* интеллигенціи, и дѣла такого угоднаго Богу и народу человѣка какъ нельзя лучше подходили къ общимъ условіямъ земледѣльческаго быта: они были нужны, настоятельны—и такой работникъ, какъ мы видимъ, былъ. Теперь нѣтъ въ народѣ такого типа, такого работника, никто не пачкаетъ своего платья изъ-за чужой бѣды. Всѣ добрыя дѣла обязались дѣлать земскія собранія за умѣренное вознагражденіе. Народная душа опустошена и, пожалуй, ожесточена, такъ какъ и трудъ—уже не трудъ и жизнь одновременно, а только трудъ.

VI. Земледѣльческій календарь.

Задавшись цѣлью опредѣлить значеніе въ народной жизни и міросозерцаніи «земли» и «земледѣльческаго труда», я долженъ бы былъ теперь же, т.-е. тотчасъ послѣ общихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, перейти къ примѣрамъ, къ проявленію, если такъ можно выразиться, «*земледѣльческой мысли*» народа въ частныхъ, семейныхъ, общественныхъ дѣлахъ. Все это и будетъ сдѣлано мною впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ отрывкахъ; теперь же, въ виду того, что мнѣ въ этомъ общемъ очеркѣ современной земледѣльческой жизни необходимо говорить о такихъ явленіяхъ, которыя самымъ безжалостнымъ образомъ расшатываютъ и разрушаютъ весь строй народнаго труда и міросозерцанія, я ограничусь нѣсколькими случайными примѣрами, касающи-

мися «власти земли», только для того, чтобы виднѣе было, что̀ именно творится въ народной жизни въ настоящее время.

Итакъ, чтобы недалеко ходить за этими примѣрами, возьмемъ первое, что̀ попадется подъ руку.

Беремъ, напримѣръ, одинъ изъ новогоднихъ календарей; тамъ, въ отдѣлѣ примѣтъ и замѣчательныхъ событій, обратите вниманіе на тѣ ихъ нихъ, которыя «замѣчательны» для народа. Возьмемъ 6-е января, «Крещеніе». Въ отдѣлѣ замѣчательныхъ событій «для господъ» ничего не показано. 3-го января показано, что умеръ графъ Румянцевъ, канцлеръ, покровитель наукъ и просвѣщенія, и заключенъ миръ и договоръ въ Андрусовѣ въ 1667 году и въ Бахчисараѣ въ 1671 году; затѣмъ ни 4-го, ни 5-го, ни 6-го ничего особеннаго не случилось. А вотъ въ отдѣлѣ народныхъ «замѣчательныхъ» событій значится цѣлыхъ *семь* замѣчательныхъ примѣтъ, именно: «Яркія звѣзды подъ Крещеніе—много родится бѣлыхъ ярокъ». «На Крещеніе день теплый—будетъ хлѣбъ темный». «Коли идутъ на воду въ туманъ, будетъ много хлѣба». «На Крещеніе мятель, и на Святой будетъ мятель же». «На Крещеніе снѣгъ хлопьями — къ урожаю» (цвѣтъ будетъ хорошъ). «Если на Крещеніе въ полдень (вотъ какая точность!) *синія* облака — къ урожаю». «Если на Крещеніе звѣздная ночь—урожай на горохъ и ягоды». А затѣмъ такъ и пошло безъ перерыва на цѣлый годъ, вплоть до будущаго Крещенія—у господъ идутъ: взятіе, покореніе, одолѣніе и т. д., а у крестьянъ: — «На Трифона звѣздно — весна поздняя». «На Евдокеи снѣгъ — урожай». «На Евдокеи погоже—лѣто пригоже». «Коли грачи дружно на гнѣздо летятъ — дружная весна». «Каковы на Алексѣя ручьи—такова и пойма». «На Благовѣщеніе дождь—родится рожь, морозъ—урожай на грузди, гроза—къ теплому лѣту и орѣхамъ, мокро—къ грибамъ». «Апрѣль сипитъ да дуетъ—тепло бабамъ сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ». «Марья—заиграй овражки, зажги снѣга». «Коли на Юрья березовый листъ въ полушку, на Успеніе клади хлѣбъ въ кадушку». «Если на Николу заквакаютъ лягушки—хорошъ будетъ овесъ». «На Луку полуденный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ».

Святые и чудотворцы также переведены на крестьянское положеніе: св. апостолъ Онисимъ переименованъ въ Онисима-овчарника, Іовъ многострадальный — въ Іова-горшника; св. Аѳанасій Великій, архіепископъ александрійскій,

имя котораго «нераздѣльно соединено съ исторіей христіанской церкви въ IV вѣкѣ, такъ какъ онъ—одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ благочестія противъ лжеученія Арія», переименованъ просто въ Аѳанасія-ломоноса, потому что около дня его имени, 18-го января, бываютъ самые страшные морозы, отъ которыхъ кожа слѣзаетъ съ носа. Св. преподобно-мученица Евдокія, отличавшаяся въ молодости тѣмъ, что «плѣняла красотой юношей и жила во грѣхѣ», а потомъ, по увѣщанію нѣкоего Германа, обратилась къ истинному Богу, именуется «Евдокея-плющиха, подмочи порогъ», такъ какъ 1-го марта, день ея празднества, таетъ, плющитъ снѣгъ и т. д. Герасимъ—грачовникъ, Ирина—разсадница, «на Кузьму—сѣй свеклу», Лукерья—комарница (13-го мая), Леонтій—огуречникъ, Акулина—гречишница и т. д. Такимъ образомъ весь годъ—триста шестьдесятъ пять дней—имѣютъ каждый безчисленное множество примѣтъ, и хотя эти примѣты не имѣютъ для васъ, образованнаго читателя, никакого значенія, даже смысла, но земледѣльческую народную мысль онѣ достаточно-таки характеризуютъ. Сколько нужно внимательности, а слѣдовательно и траты собственной мысли, примѣчая, напримѣръ, цвѣтъ облаковъ въ полдень на Крещеніе, находить въ этомъ связь съ урожаемъ, который можетъ опредѣлиться въ августѣ, то-есть черезъ семь мѣсяцевъ! «Если на Крещеніе въ полдень синія облака»... Можетъ-быть, эта примѣта ровно ничего не означаетъ, но неужели же, чтобы создать эту примѣту, чтобъ августовскій хлѣбъ привести въ связь съ цвѣтомъ облаковъ въ Крещеніе, да еще въ полдень, не надо было много и своеобразно думать, и притомъ думать именно «земледѣльчески»? Одинъ ужъ этотъ примѣръ, взятый, повторяемъ, совершенно случайно,—а такихъ примѣровъ мы могли бы привести поистинѣ великое множество,—одинъ онъ можетъ показать, до какой степени крестьянинъ тратитъ много вниманія на природу и землю и на все, что̀ съ ними связано: мало отмѣтить день какою-нибудь примѣтой—отмѣчается даже часъ, полдень, отмѣчается цвѣтъ облаковъ, ночью отмѣчается блескъ звѣздъ и т. д. И это на каждый день въ году и едва ли не на каждый часъ. Можете представить, что объ одномъ хлѣбѣ, объ урожаѣ или неурожаѣ начинаютъ примѣчать тотчасъ послѣ посѣва: ужъ въ октябрьскихъ примѣтахъ значится: «коли листъ (опадающій) ложится вверхъ изнанкой, будетъ урожай». Въ ноябрѣ «снѣгу надуетъ—хлѣба прибудетъ», а «коли ледъ на рѣкѣ стано-

вится грудами, будетъ и хлѣба груды». Въ декабрѣ «большой иней, груды снѣга — и хлѣба будетъ много». «*Коли снѣгъ привалитъ вплоть къ заборамъ*, будетъ неурожай; коли не вплоть—урожай». «Иней на деревьяхъ,—урожай». «Каковъ иней на деревьяхъ, таковъ и цвѣтъ на хлѣбѣ». 25-го декабря ясный день—къ урожаю; небо звѣздисто—къ приплоду скота, ягодамъ, гороху. «Коли тропинки черны, уродится гречиха». Чего стоитъ хоть бы вышеприведенная примѣта—*коли снѣгъ привалитъ вплоть къ забору и коли не вплоть!* Едва ли банкиръ и капиталистъ въ такой же степени тщательно изучаетъ всѣ случайности, которымъ могутъ подвергнуться его бумаги, какъ тщательно изучаетъ крестьянинъ мельчайшія подробности случайностей природы, обусловливающія успѣхъ его труда и всего благосостоянія. Но мало того, что каждый день въ году и почти каждый часъ въ теченіе дня запримѣчены, объяснены и осмыслены сообразно земледѣльческимъ условіямъ жизни; мало того, что запримѣчено и объяснено появленіе каждаго облака, дождя, снѣга, ихъ свойства, видъ, даже цвѣтъ (облака); мало того, что всѣ святые, чудотворцы, апостолы переименованы сообразно земледѣльческимъ условіямъ быта народнаго: самое священное писаніе, если послушать деревенскихъ толкователей его (не говорю о раскольникахъ и сектантахъ, которые толкуютъ его весьма широко), кажется, только и написано для того, чтобы доказать крестьянамъ, что «пріидетъ царь (такой-то) и дастъ землю». Непонятный, запутанный текстъ «Апокалипсиса», который съ такой охотой читаютъ деревенскіе грамотные люди, въ толкованіяхъ этихъ послѣднихъ получаетъ совершенно неожиданно самый ясный смыслъ, потому что все оказывается написаннымъ насчетъ того, что земли будетъ вволю... Вездѣ, гдѣ попадаются слова: «и соединиша», «и соединихомъ», «и соединихъ»—ужъ непремѣнно дѣло идетъ насчетъ земли... «И соединихъ»... вотъ это и есть это самое, — толкуетъ толкователь: — какъ у насъ теперь наша земля отошла и буеракъ съ прутнякомъ отошелъ, то вотъ и пишется, что «пріидетъ» и присоединитъ все опять же къ намъ...

— А не сказано, что сначала отойтить отъ насъ должна?

— Какъ не сказано-то! Вотъ...

И тотчасъ отыщется мѣсто, въ которомъ сказано: «разрушу», «расторгну», и потомъ отыщется другое мѣсто *послѣ* «расторгну», въ которомъ сказано: «и соединихъ».

— Вотъ такъ и есть: сначала отобрали, а потомъ отдадутъ обратно.

Отыскиваются указанія въ «Откровеніи», имѣющія чисто мѣстный характеръ. Напримѣръ, вотъ въ этой деревнѣ крестьянскую землю раскидали въ три разныхъ мѣста, а въ другой она только въ двухъ мѣстахъ, и каждая деревня непремѣнно найдетъ въ «Апокалипсисѣ» указанія, касающіяся земельныхъ особенностей каждой. Одна отыщетъ, что «тріе воедино», а другая—«воедино да будутъ двоіе», и все это съ глубочайшей вѣрой и благоговѣніемъ... Однажды, разговаривая съ такимъ старичкомъ-толкователемъ, я спросилъ его:

— Ну, а у меня отберутъ землю *тогда?*

— А у тебя сколько земли?—спросилъ старичокъ.

— Одна десятина.

Старичокъ подумалъ, переспросилъ, какъ и у кого куплена, и, подумавъ еще, сказалъ:

— Тебѣ *тогда* должна быть прирѣзка.

И, подумавши, еще прибавилъ:

— Тебѣ тогда *должны* еще четырнадцать десятинъ нарѣзать...

И объ этомъ даже сказано въ писаніи. Даже то обстоятельство, что земли *въ то время* будетъ на душу по пятнадцати десятинъ, и то предусмотрѣно въ священномъ писаніи, и толкователь обѣщается указать мѣсто въ «Апокалипсисѣ», гдѣ именно эта цифра указана. Вы представьте себѣ въ этомъ толкователѣ сѣдого, истомленнаго трудомъ, ходьбой по добрымъ людямъ (у него перемерла семья) старика, представьте, что каждое слово въ его толкованіи о землѣ говорится съ истиннымъ благоговѣніемъ и съ такимъ же благоговѣніемъ слушается — и вы, быть-можетъ, задумаетесь надъ этою чертою страстнаго ожиданія земли народомъ. Она нужна не только какъ хлѣбъ — хлѣбъ можно достать на поденщинѣ (теперь дворники получаютъ въ Петербургѣ по тысячѣ рублей и все-таки думаютъ о деревнѣ и землѣ),—но какъ основа всего рисующагося въ народномъ воображеніи свѣтлаго будущаго, какъ основаніе единственно-безгрѣшнаго труда, какъ источникъ такихъ человѣческихъ отношеній, въ основаніи которыхъ лежитъ «добровольное» повиновеніе другъ другу,—отношеній, всего менѣе допускающихъ «человѣческій» произволъ, *въ виду всеобщаго и неизбѣжнаго повиновенія* несокрушимой, непобѣдимой, таинственной и непостижимой власти.

VII. Теперь и прежде.

Теперь посмотримъ, въ какой степени это, имѣющее для народа огромное значеніе, стремленіе къ землѣ удовлетворялось въ прежнія времена и удовлетворяется теперь.

Рискуя быть причисленнымъ къ разряду заскорузлыхъ крѣпостниковъ, я долженъ сказать, что при крѣпостномъ правѣ наше крестьянство было поставлено по отношенію къ землѣ въ болѣе правильныя отношенія, чѣмъ въ настоящее время. Я не говорю о несправедливомъ трудѣ, который несъ крестьянинъ на своихъ плечахъ, о его вѣковой жаждѣ высвободиться изъ-подъ этого гнета и т. д. — все это не можетъ быть предметомъ настоящей статьи, предметъ которой—только значеніе для крестьянина земли. И въ этомъ отношеніи крестьянинъ имѣлъ земли гораздо больше, чѣмъ теперь; не ошибемся, если скажемъ, что земли у помѣщичьихъ крестьянъ было вдвое болѣе противъ теперешняго. Кромѣ того, всякій помѣщикъ, если онъ не былъ безумнымъ или выродкомъ, въ родѣ, напримѣръ, Измайлова и другихъ подобныхъ ему звѣрей, *изъ личной выгоды* долженъ былъ поддерживать въ своихъ крестьянахъ все, что дѣлаетъ ихъ настоящими крестьянами-земледѣльцами, такъ какъ только крестьянинъ исправный и есть исправный плательщикъ помѣщику, который жилъ его трудами. Глядя на крестьянина, какъ на безсловесное животное, помѣщикъ, хотя бы самаго грубаго и дикаго нрава, долженъ былъ кормить это человѣческое существо, почитаемое имъ за скотину, чтобъ она возила, чтобъ она работала, чтобъ она давала ему доходъ. Въ смыслѣ полученія этого дохода было организовано все деревенское управленіе, наблюдалась тщательно сила семей; по этой силѣ распредѣлялись налоги и барщина; во имя *хозяйственныхъ цѣлей* вотъ эта пара одинокихъ лицъ мужского и женскаго пола соединялась насильственнымъ бракомъ, и образовывалось земледѣльческое рабочее тягло; во имя хозяйственныхъ цѣлей вотъ этотъ неспособный въ хозяйствѣ человѣкъ брался во дворъ, а другой — воръ и пьяница — шелъ въ солдаты. Силы людскія, имѣвшіяся въ распоряженіи помѣщика, всячески экономизировались въ смыслѣ хозяйственной выгоды.

Эта хозяйственная организація деревни до сихъ поръ еще весьма сильна въ сознаніи деревенскихъ стариковъ, помнящихъ крѣпостное право. До сихъ поръ оцѣнка чело-

вѣка только по его успѣху или неуспѣху въ работѣ не только играетъ большую роль въ крестьянскомъ мнѣніи вообще, но служитъ даже для достиженія цѣлей деревенскихъ эксплоататоровъ новѣйшаго типа. Какъ извѣстно, а можетъ-быть, и неизвѣстно читателю, въ настоящее время тѣлесныя наказанія при волостныхъ правленіяхъ не только не умаляются въ своихъ размѣрахъ, но, напротивъ, съ каждымъ годомъ возрастаютъ. Крайне жаль, что новорожденныя провинціальныя изданія относятся недостаточно внимательно къ суровой дѣйствительности, переживаемой народомъ. Ни плана ни программы, мало-мальски выработанной и обязательной для корреспондентовъ, ничего нѣтъ. Такое замѣчательное явленіе, напримѣръ, какъ торги на лѣсные и земельные участки, на которыхъ крестьяне могли торговаться обществами безъ залоговъ, въ высшей степени важно, какъ опытъ борьбы кулака съ цѣлымъ сельскимъ обществомъ, а между тѣмъ оно не вызвало ни одной корреспонденціи, ни одной цифры. Дранье на волостныхъ судахъ также проходитъ безъ малѣйшаго вниманія, а дранье— непомѣрное... Мы увѣрены, что если бы кто-нибудь далъ себѣ трудъ просмотрѣть рѣшенія волостныхъ судовъ (мы уже не говоримъ—разобрать подноготную мотивовъ этихъ рѣшеній) и сосчитать число высѣченныхъ, положимъ, въ осенніе только мѣсяцы—такъ положительно волосъ встанетъ дыбомъ даже у аракчеевскихъ ветерановъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ лѣтомъ 1881 года, когда драли по 30 человѣкъ въ день. Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ, видя, какъ «артелью» возвращаются домой 30 человѣкъ взрослыхъ крестьянъ послѣ дранья, — возвращаются, разговаривая о постороннихъ предметахъ.

— Да неужели ихъ драли? — спрашивалъ я старосту, который, возвращаясь послѣ этого «присутствія», зашелъ ко мнѣ папиросочки покурить.

— А то какъ же?.. Я самъ троихъ «приставилъ».

— Да за что же?

— А за то, что заслуживаютъ... Не храпи, не пьянствуй... Мало ли у нихъ блохъ-то!..

Осенью самое обыкновенное явленіе — появленіе въ деревнѣ станового, старшины и волостного суда—драть безъ волостного суда нельзя — нужно, чтобы постановленіе о тѣлесномъ наказаніи было сдѣлано волостными судьями—и вотъ становой таскаетъ съ собой судъ на обывательскихъ. Судъ постановляетъ рѣшенія тутъ же, на улицѣ, словесно,

а «писать» будутъ послѣ. Писарь тутъ же. Вы представьте себѣ эту картину. Вдругъ въ полдень влетаютъ въ село три тройки съ колокольчиками: на одной становой, на другой—старшина съ писаремъ, на третьей—шесть человѣкъ судей; все это—почтенные Несторы-лѣтописцы, Дафаны, Авироны, Авраамы и... Хамы, между прочимъ. Разумѣется, эти Авироны невиноваты, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это кажется съ перваго раза,—ихъ таскаютъ силой и для формы. Въѣзжаетъ эта кавалькада, и начинается немедленно ругань, слышатся крики: «Розогъ!»... «Деньги подавай, каналья!»... «Я тебѣ поговорю, замажу роть!»...

И опять приходитъ свидѣтель и, дѣлая папироску, разсказываетъ:

— Ка-акъ вжикнулъ, сразу кровь пошла...

— Да неужели же опять драли?

— А какъ же?.. Который заслуживаетъ, храпитъ, пьянствуетъ... Только не всѣхъ... Сейчасъ деньги явились... А которые оставши не сѣчоны, тѣмъ отсрочка на двѣ недѣли дана... Ну, а между тѣмъ *всѣ къ розгамъ подписались*...

— Это что же такое?

— Драть, *въ случаѣ не принесутъ денегъ*...

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Смородины нарѣзали... на розги-то!

Впослѣдствіи читатель увидитъ, почему «невозможно» не драть. До тѣхъ поръ, пока простая, искренняя внимательность, простое, но искреннее желаніе отнестись къ человѣку по-человѣчески, просто, совѣстливо войти въ его нужду и въ *самомъ дѣлѣ* (повторяю, въ *самомъ дѣлѣ*) удовлетворить ее — не освѣтятъ нашихъ темныхъ дней, дранье не прекратится. Но хоть оно и неизбѣжно (эту неизбѣжность докажутъ вамъ волостные старшины и становые пристава), а нельзя не принять въ соображеніе, что этотъ посѣвъ ежедневной и ежегодной жестокости, какъ и всякій посѣвъ, долженъ, непремѣнно долженъ дать всходы, плоды. Но едва ли они будутъ похожи на смородину. Кстати здѣсь сказать, что и теперь уже есть признаки выраженія народомъ нетерпѣнія; разсказываютъ про одного волостного старшину, который «осмѣлился» попросить станового не ругаться скверными словами въ присутствіи волостного правленія, а это худой признакъ для любителей смородины. Наконецъ тотъ самый староста, разговоры съ которымъ я привелъ выше, недавно смѣненъ обществомъ раньше срока. Еще бы годикъ, и онъ былъ бы «на самомъ лучшемъ счету»—

такъ онъ усердно «приставлялъ» въ волость и до такой степени относился къ народу «безъ вниманія». Замѣчательно, что когда я спросилъ его, кто подвелъ подъ него интригу—старикъ или молодой,—то онъ съ огромнымъ негодованіемъ отвѣтилъ:

— Молодой, песъ его дери!..

И прибавилъ:

— Ну, да я всѣхъ ихъ разыщу. Погоди!..

А и самому этому человѣку нѣтъ сорока лѣтъ. Онъ молодъ, силенъ, здоровъ, уменъ, но есть въ немъ какое-то невольное стремленіе отдѣлиться отъ мужиковъ... Крестилъ его, изволите видѣть, какой-то высокій сановникъ, случайно заѣхавшій въ ихнее мѣсто на охоту, крестилъ, подарокъ сдѣлалъ и точно печать наложилъ: не можетъ мужикъ не считать себя чѣмъ-то особеннымъ. Наконецъ вотъ еще любопытная черта. Въ старостахъ онъ не пробылъ и года; до этой должности онъ былъ простой мужикъ и рыболовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ начальствованія ему попали земскія деньги на овесъ: онъ не утаилъ ихъ, роздалъ все, какъ слѣдуетъ, но онъ ихъ *только подержалъ* у себя (буквально) лишнюю недѣлю и вотъ теперь, посмотрите, выходитъ въ капиталисты. Покупаетъ «у мужиковъ» солому по 15 коп. за пудъ, а продаетъ по 35 копеекъ. Сталъ отправлять вагоны въ Питеръ... Недавно отправилъ шесть вагоновъ (обертывать бутылки иностранныхъ винъ). И я увѣренъ, что угроза его односельчанамъ, выраженная фразой: «Погоди, я ихъ всѣхъ найду!» — осуществится... Съ другой стороны, я тоже знаю, что и односельчане тоже не дремлютъ и тоже произносятъ кое-какія фразы насчетъ этого нарождающагося купца, бормочатъ что-то насчетъ «произведемъ», «такъ ты и выскочилъ въ купцы!..». Но чѣмъ все это кончится,—не знаю.

Прошу читателя извинить меня за это длинное, прямо къ дѣлу не относящееся отступленіе и возвращаюсь къ соображеніямъ по поводу тѣлеснаго наказанія. Не разъ я становился втупикъ передъ этимъ явленіемъ. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ можно положить на полъ, раздѣть и хлестать смородиной вотъ этого умнаго, серьезнаго мужика, отца семейства, — человѣка, у котораго дочь невѣста.

— Да неужели же ихъ силой кладутъ на землю?—спрашивалъ я у того же старосты, который готовился быть на хорошемъ счету.

— Кое—силомъ валятъ, кое—сами ложатся. Вотъ нонѣ (когда сѣкли 30 человѣкъ) сами все...

— Да неужели это правда?

— Да чего-жъ мнѣ лгать-то? Такъ одинъ по одному и ложатся.

Впослѣдствіи я понемногу ознакомился съ тѣми гнуснѣйшими, своекорыстнѣйшими побужденіями, которыя дѣйствуютъ въ этой, ничего хорошаго не обѣщающей свалкѣ. Увидѣлъ много самой звѣриной злости, прикрывающейся закономъ, но въ то же время я узналъ, что и не звѣриная злость, обыкновенно скрывающаяся, и не насиліе прямое и грубое даютъ одному человѣку право бить другого, а хозяйственные доводы. Староста «приставляетъ» мужика въ розгамъ не за то, что хочетъ ему отомстить за обиду (онъ объ этомъ умолчитъ), а за то, что тотъ не внесъ 6-ти рублей, тогда какъ *могъ бы* внести. Въ правленіи, гдѣ рѣшаютъ число ударовъ и гдѣ человѣкъ приготовляется раздѣваться, вы слышите разговоры о сѣнѣ, которое продано за столько-то, упреки, что изъ этихъ столькихъ-то рублей пропито больше, чѣмъ слѣдовало.

— Сѣно теперь 45 копеекъ, это намъ извѣстно! — кричатъ судьи.—Ложись-ка!

— Коли бы по сорокъ-то пять я взялъ, такъ я бы и вниманія не взялъ говорить!—оправдывается виновный.—Я тебѣ честью говорю—по 28 копеекъ.

— Полно зубы-то заговаривать—по 28! Знаемъ мы очень прекрасно. Твое сѣно—первый сортъ. Ослѣпъ ты, что ли, за 28-то отдавать?

— А забылъ, дождикъ-то сколько погноилъ... на Илью-то? Есть въ тебѣ совѣсть!

— На Илью!.. Знаю я Илью!.. Ложись-ка безъ хлопотъ. Погноилъ!..

Какое бы адски-своекорыстное побужденіе ни руководило всей этой жестокою комедіей (ниже мы увидимъ примѣръ проявленія своекорыстія въ такой жестокой формѣ), всегда пунктъ, на которомъ держатся судьи, и вина, которую можетъ сознавать виноватый или которую *навяжутъ* ему, потому что знаютъ, что онъ только *въ этомъ* смыслѣ и можетъ кое-что понимать,—всегда исходный пунктъ для всей этой операціи—преступленія *хозяйственныя*: «продалъ телушку, а купилъ зеркало» и т. д., что̀ ужъ доказываетъ фанаберію и т. д. Нѣтъ никакого, конечно, сомнѣнія въ томъ, что въ этой жестокой комедіи участвуютъ и другіе

мотивы, но самое понятное и самое доступное пониманію во всемъ этомъ безсмысленномъ безобразіи—это *вина противъ своего хозяйства.*

Кстати, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, скажу теперь же о томъ своекорыстіи (деревенскомъ), которое умѣетъ прикрываться всевозможными способами, мѣняя шкуру сообразно тѣмъ настроеніямъ высшихъ «командующихъ» классовъ, которыя входятъ въ моду въ данную минуту.

Приходитъ ко мнѣ одно изъ «благонадежныхъ» крестьянскихъ лицъ, стоящее на отличномъ счету у начальства. Подати у него всегда взысканы, мужики снимаютъ шапки при проѣздѣ всякаго начальства и вышколены имъ для «декораціи преданныхъ поселянъ» превосходно. Самъ онъ—умный и, какъ увидимъ ниже, «добрый» человѣкъ; но мода «на мутную воду», на трескучій вздоръ, прикрывающій своекорыстіе, совершенно его извратила. Онъ знаетъ одно, что сильна и властвуетъ только палка, и добивается онъ только того, чтобы въ результатѣ получился болѣе или менѣе жирный кусокъ пирога. Но, зная это, онъ превосходно понимаетъ, что поступать открыто невозможно, и поэтому, руководствуясь общимъ жизненнымъ настроеніемъ, поступаетъ вполнѣ прилично, законно и даже либерально. Люди подобнаго типа отлично съобезьянили всю интеллигентную внѣшность своихъ воспитателей, административныхъ педагоговъ; но педагоги эти ошибутся, если подумаютъ, что въ этой внѣшности есть что-нибудь въ самомъ дѣлѣ искреннее. Увы, старая пословица—«каковъ попъ, таковъ и приходъ»—до сихъ поръ остается глубоко справедливой: разъ учителя не уважаютъ человѣка, а норовятъ только поживиться на его счетъ, прикрывая свои частенько не только не справедливыя, а прямо жестокія дѣйствія всякими законными либеральными или охранительными доводами — и ученики вышли такіе же, съ тою только разницею, что они, какъ простые деревенскіе люди, не привыкшіе къ пустякамъ, буквально ужъ не сдѣлаютъ *ни единаго* безцѣльнаго поступка. Вотъ на-дняхъ такіе «надежные» маленькіе сельскіе Капгеры поднесли адресъ и альбомъ мировому судьѣ. Они отлично выразили въ адресѣ свои чувства, преданность. Альбомъ стоилъ рублей двѣсти. Вы думаете, тутъ въ самомъ дѣлѣ чувство? Нѣтъ, тутъ «заручка» на «предбудущія времена», въ случаѣ попадется на какой-нибудь плутнѣ или понадобится пристращать «должника» по знакомству. —

«Что-жъ, онъ въ самомъ дѣлѣ хорошій человѣкъ? — спрашивалъ я благонадежнаго.—Вотъ здѣсь, въ адресѣ, сказано: «и ваше неустанное попеченіе о благосостояніи» — что-жъ, въ самомъ дѣлѣ онъ внимателенъ къ народу?»—«Какъ же, въ самомъ дѣлѣ... Очень даже внимателенъ... Служилъ въ земствѣ, такъ не забылъ въ свое имѣніе дорогу проложить!..» Вотъ вамъ и «выраженныя чувства». Или: я только-что говорилъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ; народъ не всегда доволенъ этимъ способомъ взысканія и ропщетъ на старшину и на начальство. И дѣйствительно: прикрываясь террором господъ становыхъ, «немедленнымъ» взысканіемъ и невниманіемъ къ просьбамъ погодить, пока «станутъ цѣны» на тотъ или на другой продуктъ, многіе изъ такихъ «благонадежныхъ» людей скупаютъ во время этого террора за безцѣнокъ и сѣно, и телушку, и рыбу, и потому улучшаютъ свое благосостояніе, такъ что человѣкъ несвѣдущій, наслышавшись о бѣдности деревенской, въѣхавъ въ деревню и встрѣтивъ расфранченнаго парня (изъ числа улучшившихъ свое благосостояніе вышеупомянутымъ способомъ), говоритъ: «Какое... бѣдность! Я самъ видѣлъ мужиковъ съ часами, бархатный жилетъ... Чистое лганье эта литература». Въ деревнѣ это лганье оказывается однако для всѣхъ, насчетъ которыхъ явились часы и жилеты, совершенно ясною правдой и возбуждаетъ недовольство, пока скрываемое. Незнакомый съ деревенской подноготной видитъ въ этихъ серебряныхъ часахъ только серебряные часы, а знакомый съ нею, напротивъ, видитъ не часы, а лошадь или сто пудовъ сѣна. Для него ясно, что въ карманѣ этого франта спрятана цѣлая лошадь, купленная по нуждѣ и перепроданная за-дорого, а вовсе не часы «съ двумъ доскамъ».

VIII. Жадность.

Научившись устраивать свое благосостояніе вышепоказаннымъ образомъ, человѣкъ не можетъ ужъ отстать отъ этой «привычки». Правда, онъ можетъ, какъ Сютаевъ, просвѣтлѣть духомъ и сразу порвать несправедливыя путы, но покуда Сютаевы—исключительные люди, единичныя личности. Обыкновенный деревенскій человѣкъ, переходя отъ земледѣльческаго благосостоянія къ возможности благосостоянія

денежнаго, по наивности, почти дѣтской, переноситъ въ эту новую для него область старые земледѣльческіе взгляды. Какъ земледѣлецъ, онъ «травки» не оставитъ на полѣ, не устанетъ нагнуться за ней, срѣзать, привезть, обмолотить и т. д. Онъ привыкъ, чтобы «кроха» не пропадала. Будетъ ли онъ упускать не крохи, а хорошіе «случаи», какъ вышеупомянутые террористическіе аукціоны? Настоящій земледѣлецъ-крестьянинъ до сихъ поръ чуждается ихъ, какъ грѣха, но тотъ, кто ужъ *отвѣдалъ*, неудержимъ. И въ новыхъ «привычкахъ» онъ будетъ стремиться дойти до послѣдней крохи, взять все, что̀ идетъ въ руки. А между тѣмъ недовольство, возбуждаемое этой системой, явное; онъ, «наученный» новому способу богатѣть насчетъ бѣдности сосѣда, какъ крестьянинъ, знаетъ, что сосѣдъ ропщетъ, что онъ таитъ злобу и, пожалуй, задумываетъ «поступить своимъ средствіемъ». Остановиться—нѣтъ силы, а стало-быть, надо подавить въ сосѣдѣ злобу какимъ-нибудь понятнымъ и *резоннымъ для сосѣда* образомъ. Сосѣдъ думаетъ: «дерете, чтобы наживаться», — и вотъ, чтобъ искоренить въ немъ связь между драньемъ и наживой, изобрѣтается подходящее средство. Въ одинъ прекрасный день становой приставъ, разгнѣванный тѣмъ, что старшина хоть и деретъ, но не получаетъ результатовъ,—подати идутъ слабо, по обязательствамъ и постановленіямъ волостныхъ судовъ не платятъ,—сажаетъ въ темную *самого* (о, небо!) старшину. Это надолго уничтожаетъ въ обиженныхъ мірянахъ-пахаряхъ возможность логическаго мышленія. «И *ихнему* брату *тоже* достается, — думаетъ простодушный сосѣдъ. — Ишь вѣдь, *самого* старшину заперъ»... Стало-быть, старшина не все самъ командуетъ—ихняго брата тоже «подбадриваютъ». Арестъ старшины успокаиваетъ сосѣда, но старшина, возвратившійся изъ-подъ ареста, неумолимъ. Подъ ногами теперь у него твердая почва.

— «Вы что-жъ, анаѳемы, со мной дѣласте? Докуда будетъ эта ваша подлость? Когда вамъ добромъ говоришь, рыло воротите, а я за васъ сиди въ холодной, не пимши не ѣмши! У меня сѣна за три-то дня погноено на сто рублей. (При этихъ словахъ всѣ сознаютъ свой грѣхъ). Чѣмъ я буду кормить скотину?.. (Опять всѣ «чувствуютъ»). Плевать мнѣ на ваше жалованье-то—только отъ дому отбиваешься, «возжамшись» съ вами, съ пьяницами, да страмишься въ холодной изъ-за васъ, анаѳемъ... Я вамъ добромъ говорилъ, такъ не слухали, — н-ну, теперича ужъ

не па-тирь-плю-ю! Теперича стану пас-ссступ-па-а-ать!» И, конечно,—«ложись!..» Но знаете ли, что̀ это за канальская штука? Конечно, сажаютъ становые и «взаправду», но очень часто старшина, явившись къ становому, по-пріятельски говоритъ:—«Пришелъ къ вамъ съ просьбой».—«Въ чемъ дѣло?»—«Ни много ни мало: посадите меня въ холодную. Избаловались мои мужичонки, способовъ нѣту! Не платятъ, пьютъ... Ничего не подѣлаешь. Обколотилъ всѣ руки. Ворчатъ... Сажайте — по крайности тогда я ужъ произведу... Все же они почувствуютъ»... Становой дѣлаетъ «проформу», и старшина, числясь въ холодной (съ теченіемъ времени все *это* узнаётся и оцѣнивается по достоинству), пьетъ чай у знакомыхъ купцовъ, а спать идетъ въ холодную. Я самъ пивалъ чай у себя въ домѣ со старостами, которые тоже для полученія права свирѣпствовать числились въ «холодной». Предположимъ, что маневръ этотъ производится въ видахъ государственной пользы; но, получивъ право свирѣпствовать, новообращенный свирѣпствуетъ заодно и въ видахъ собственной пользы. Тутъ «подъ одно» случай хорошій взыскать и съ «упорнаго» мужичонки за лошадь и съ другого за обиду («ахъ, ты, заячій твой носъ!»). Тутъ ужъ во всемъ *воля* пострадавшему «за васъ канальевъ!». Но, повторяемъ, со временемъ все это разберется, оцѣнится по достоинству и принесетъ плодъ.

Разговаривалъ я однажды съ такимъ «новообращеннымъ» человѣкомъ, и долгое время онъ мнѣ доказывалъ, что они— пьяницы, обманщики, мошенники и т. д., что дранье — единственное спасеніе.

— Да, можетъ, у нихъ въ самомъ дѣлѣ денегъ нѣтъ?— спросилъ я.

— Есть у нихъ деньги, у анаѳемъ!.. На пьянство есть, а на дѣло нѣтъ!.. Послушайте ихъ, канальевъ, такъ они вамъ наскажутъ...

И такъ далѣе.

Но черезъ нѣсколько дней то же лицо явилось ко мнѣ и заговорило такія рѣчи:

— Стала выходить газета, и начальство проситъ писать о нуждахъ. Вотъ я и хочу туда пустить штучку...

— О чемъ же?

— О запасныхъ магазинахъ. Земства побуждаютъ къ магазинамъ, а въ то же самое время... Да вотъ я тутъ нацарапалъ...

Нацарапано было, между прочимъ, слѣдующее: «Такъ

какъ крайняя бѣдность населенія и недостатокъ даже совершенно въ пропитаніи и чѣмъ прокормиться, то не въ состояніи удѣлить даже какой-либо крохи, не токмо...» и т. д. Словомъ, крайняя нищета препятствуетъ устройству магазиновъ.

Мнѣ бы слѣдовало спросить: «какъ же такъ нечѣмъ прокормиться, когда нѣсколько дней тому назадъ вы же говорили мнѣ, что у нихъ есть?» Но я не спросилъ. Увы, я ужъ зналъ изъ предшествовавшихъ опытовъ, что̀ значитъ въ данномъ случаѣ христарадническій тонъ, принятый «надежнымъ человѣкомъ». Будь въ самомъ дѣлѣ, а не посредствомъ палки, хорошо, толково и заботливо устроено народное продовольствіе, не было бы надобности въ земскихъ филантропическихъ подачкахъ, крайне для «земледѣльца» разорительныхъ и крайне выгодныхъ для деревенскихъ неземледѣльцевъ. Вѣдь этому не-земледѣльцу отлично извѣстно, что будущую весну въ рукахъ его (опять только «подержать») будетъ тысячъ 20 руб. денегъ на раздачу овса. Во-первыхъ, онъ купитъ его у себя самого «по хорошей цѣнѣ» («цѣны достигли необыкновенныхъ предѣловъ, такъ что при всемъ стараніи я могъ пріобрѣсти куль по 7 р. 20 к., а въ прочихъ мѣстахъ покупали по 7 р. 30»), купитъ у «нужныхъ» господъ, у родни и т. д. Все это онъ раздастъ крестьянамъ въ полной точности. Ужъ будьте увѣрены, что ни одна овсинка не будетъ спрятана: «на—смотри, считай!» И всѣ обыватели скажутъ: «вѣрно», пересчитавъ все, каждую овсинку буквально. Мѣшки даже вытряхнутъ и палкой выколотятъ, и то «все вѣрно». Но въ то же время онъ будетъ требовать подати («что-жъ, мнѣ опять въ холодную за васъ идтить?»), и мужики будутъ ссыпать этотъ же овесъ—иные полностью, а иные частью, и не ему, а какому-нибудь «подручному», «конпаніону», да и не по 7 р. 20, а по 5 и 4 рубля. Но это только часть операціи, а вотъ осенью начнется настоящее дѣло. Мужикамъ придется отдать за овесъ по 7 р. 20; а такъ какъ онъ на рынкѣ въ эту пору 4 руб., то, отдавая натурой, мужикъ везетъ не куль, а почти два; вотъ тутъ-то этотъ овесъ и покупается «новообращенными» крестьянами, у которыхъ есть деньжонки. И староста и старшина говорятъ:—«Везите овесъ ко мнѣ, а я внесу деньгами». Отдавши «натурою» почти вдвое, мужикъ къ веснѣ непремѣнно будетъ безъ овса: что̀ какъ Богъ святъ. И тутъ пойдутъ донесенія: «Бѣдственное, даже и совершенно конечное неспособіе къ пропитанію, и не въ

состоянiи обсѣять поля, а потому ходатайствуемъ о способiи отъ земства». Земство высылаетъ деньги, а на эти деньги старосты и старшины опять покупаютъ у *себя* овесъ, но не по 4 р. куль, а по 7 р. 20 к. или по 8 р. Заплативъ осенью восемь рублей, «новообращенный» весной получаетъ за нихъ шестнадцать, т.-е. процентъ невозможный ни для какого самаго алчнаго капиталистическаго предпрiятiя... Получаетъ и пишетъ: «только стараніемъ и неусыпною ревностію укупилъ овесъ по 8, а даже и по 10 не отдавали...»

— Однако,—сказалъ я одному изъ такихъ «крестьянъ»:— проценты вы, господа, дерете на свои деньги необыкновенные! Вѣдь это болѣе чѣмъ рубль на рубль...

— Н-ну, батюшка,—весело играя веселыми глазами, съ шутливымъ и даже шутоватымъ смиреніемъ отвѣчалъ онъ:—гдѣ ужъ намъ наживать такія деньги!.. Это вотъ у васъ въ Питенбурхѣ все только и слышно (густымъ басомъ): рубль на рубль, рубль на рубль, рубль на рубль,—а у насъ по-деревенски, по-мужичьи-то, хошь копеечку-то Господь бы, Батюшка, Отецъ нашъ, далъ нажить на копеечку, и то мы рады-радехоньки... А то рубль на рубль!.. Хошь бы копеечку-то какую ломаную на копеечку нажить, и то ужъ эво какъ мы Создателя-то благодаримъ!.. Хе-хе-хе!..

— А бываетъ, что и на полушку наживаютъ рубль, по-деревенски, не то что рубль на рубль.

— Да вы чего изволите сумлѣваться?—ужъ серьезно, а не шутливо сказалъ мнѣ этотъ же собесѣдникъ, когда я ему сказалъ, что даже и скромность наживы копеечка на копеечку не уменьшаетъ огромнаго вреда этой операціи: вѣдь нажитую копеечку теряетъ сосѣдъ и притомъ буквально ни за что ни про что. — Вы чего же сумлѣваетесь? Развѣ я ему не настоящую цѣну даю? Вѣдь цѣна за куль — четыре, и я даю четыре. Овсомъ ли онъ отдастъ, деньгами ли—все одно, у него руки пустыя будутъ. Вины тутъ нашей нѣту.

Во всякомъ случаѣ вина—въ тѣхъ порядкахъ, которые довели не только деревни, а цѣлыя губерніи, т.-е. огромныя массы деревенскихъ людей, до попрошайничанья зеренъ на посѣвъ. Припомните только-что разсказанную исторію съ овсомъ. Земство слышитъ жалобы на недостатки зерна: «нечѣмъ обсѣменить поля»,—и удовлетворяетъ этой нуждѣ. А между тѣмъ видитъ, какая масса всевозможныхъ

ехидныхъ оборотовъ производится подъ прикрытіемъ этой нужды. Существуетъ мнѣніе, что земства обязаны и должны стараться всячески распускать въ народѣ деньги; думаютъ, что разъ пущено въ обращеніе между народомъ два-три десятка тысячъ рублей, они сейчасъ же принесутъ пользу, оживятъ и души и карманы. И точно, оживаютъ, но оживаютъ единицы въ прямой и огромный ущербъ сотнямъ и тысячамъ. До сихъ поръ мы читаемъ въ газетахъ всевозможные проекты о переустройствѣ мѣстнаго управленія, и вездѣ «деревня», сельское общество принимается какъ нѣчто совершенно особенное отъ всего государственнаго тѣла. Это такъ же справедливо, какъ если-бъ я, отрѣзавъ отъ моего платка маленькій кусочекъ, сталъ увѣрять, что кусокъ этотъ совершенно не такого свойства, какъ платокъ, что большой кусокъ платка — одно, а маленькій—совсѣмъ другое. Правда, при словахъ: «сельское общество», «сельскій сходъ»—воображенію преобразователя представляется только «староста», получающій 36 руб. въ годъ, и нѣтъ никакой возможности представить себѣ здѣсь, въ сельскомъ обществѣ, какое-нибудь болѣе или менѣе интеллигентное амплуа, а слѣдовательно и мало-мальски приличное содержаніе. Другое дѣло — волость: тамъ волостные старшины получаютъ по 600—1.200 рублей въ годъ, тутъ, стало-быть, можно и позаботиться о благѣ народа и контролировать... А между тѣмъ въ этой-то ячейкѣ, именуемой «сельское общество» (которое всѣ рекомендуютъ оставить въ полной неприкосновенности, какъ святыню и какъ мѣсто безъ окладовъ), таится ничуть не меньше бѣды, чѣмъ во всемъ огромномъ тѣлѣ страны. Вѣдь пора же знать, что сельское общество тогда только было въ самомъ дѣлѣ самоуправляющеюся крестьянскою общиной, когда основаніемъ средствъ къ существованію всѣхъ ея обывателей были земля и исключительно для всѣхъ одинаковый земледѣльческій трудъ. Какіе же это общинники теперь, если сосѣдъ наживаетъ на сосѣдѣ капиталъ, скромную деревенскую копеечку на копеечку? Въ земледѣльческой общинѣ я и мой сосѣдъ—мы можемъ богатѣть и бѣднѣть только сообразно нашимъ успѣхамъ въ одномъ и томъ же трудѣ—въ земледѣліи; мы богатѣемъ или бѣднѣемъ отъ нашей сноровки или неумѣнья, отъ удачи или неудачи, но богатѣемъ или бѣднѣемъ *не другъ отъ друга,* а только отъ себя и отъ своего счастья. Теперь же сосѣдъ, взявшій мой овесъ по существующей цѣнѣ и перепродавшій его земству весной

за двойную цѣну, явно наживается (при посредствѣ невнимательнаго земства) на мой счетъ, кладетъ въ карманъ мои деньги, беретъ ихъ за овесъ, моими трудами добытый. Если бы развивались и укрѣплялись въ народѣ общинныя начала, основанныя на земледѣліи, то, въ случаѣ недостатка зерна, крестьяне заняли бы у сосѣдей это зерно и отдали бы зерномъ. И тутъ есть нажива, но опять-таки понятная, извинительная. Но земство (я охотно вѣрю, по наивности) само вводитъ зло, не вникнувъ подробно во взаимныя отношенія современныхъ общинниковъ, образовавшіяся на разстройствѣ земледѣльческаго труда и порядковъ. Я охотно вѣрю, что оно даже—изъ уваженія къ деревенской «общинѣ»—не хочетъ совать туда своего носа: «пусть, думаетъ оно, *хоть тутъ* народныя печати остаются неприкосновенными»—и не прикасается; хотя именно тутъ-то и надо прикоснуться, и не для того, чтобъ испортить или ввести зло (что̀ дѣлается теперь), а именно вывести его оттуда. Надо узнать просто, внимательно, добросовѣстно: есть ли у крестьянъ достаточно земли? Сколько они въ силахъ платить? Сколько на нихъ лежитъ бездѣльныхъ ртовъ, нѣтъ ли тутъ кого, кто жретъ своихъ сосѣдей и только облизывается да утираетъ рукой лохматый ротъ, и т. п. Все это необходимо знать, чтобъ отдѣлить земледѣльцевъ отъ людей денежной наживы, чтобъ налоги распредѣлить безъ обиды. Теперь, не прикасаясь къ новымъ деревенскимъ осложненіямъ, не мѣшаясь «въ ихніе» порядки, «командующіе» классы требуютъ только денегъ и любезно̀ говорятъ: «Живите, живите, какъ хотите! Мы васъ не будемъ трогать, потому что и окладовъ у васъ нѣтъ подходящихъ, да наконецъ надо же, чтобы хоть это зерно сберегло̀сь отъ язвы»... А зерно-то, которое лежитъ на самомъ низу, въ сырости и подъ страшною тяжестью нужды и неизвѣстности (во всемъ), всего болѣе и страдаетъ. Мой сосѣдъ, нажившійся на моемъ овсѣ, *вдвое воротивший свои сто рублишекъ*, платитъ за двѣ души... И я, который *вдвое потерялъ*, тоже за двѣ души плачу̀. Виноватъ ли я, что я бѣднѣю, а онъ богатѣетъ на *мой* счетъ? Правильны ли такіе налоги? И не долженъ ли я питать дурное чувство къ этому сосѣду, обогащающемуся на новый образецъ, *безъ личнаго труда?* Вѣдь онъ мои, мои, мои труды-то похитилъ! Какъ-то въ одной газетѣ я читалъ грозную статью противъ другой газеты, осмѣлившейся сказать: «не разнуздывайте звѣря». Всей статьи, гдѣ сказаны эти слова, я не читалъ и не знаю, въ

какомъ смыслѣ они сказаны; но, въ виду вышеприведеннаго примѣра, позволю себѣ спросить: добрыя или злыя, человѣческія или звѣрскія побужденія воспитываются въ народѣ такими новостями, какъ возможность богатѣть насчетъ трудовъ сосѣда и его нищеты?.. Какъ вы думаете, доброе ли во мнѣ рождается чувство къ этому сосѣду, у котораго въ жилетномъ карманѣ, въ видѣ часовъ «съ двумъ доскамъ», я вижу мой потъ и кровь — тотъ самый овесъ, который упалъ въ курсѣ подъ осень? Прежде такимъ образомъ наживался только баринъ, но не *на мой* счетъ, а на *нашъ* общій счетъ и трудъ. Сосѣдъ наживался только *своими* руками, умомъ, силой и т. д., теперь же онъ наживается *на мой* счетъ, что я отлично и вполнѣ ясно вижу. Какія же чувства воспитываются во мнѣ такимъ явленіемъ? Разумѣется, не добрыя, не гуманныя... «Попадись онъ мнѣ,—думаю я: — такъ я ему тоже покажу, какъ на чужой счетъ богатѣть...»

Въ подтвержденіе того, что разстройство «земледѣльческой деревни» — именно въ имущественныхъ отношеніяхъ «сусѣдей» другъ къ другу—обратило на себя вниманіе и другихъ наблюдателей, позволю себѣ привести выписку изъ статьи Г. М. Громницкаго, напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Теперь вотъ что у насъ происходитъ: въ первыхъ числахъ декабря, въ деревнѣ (Пензенской губ.), въ которой я живу и которая сравнительно благоденствуетъ, изъ амбара одного крестьянина со взломомъ замка увезено ночью около 4-хъ четвертей ржи. Затѣмъ, въ ночь на 12-е декабря, въ той же деревнѣ оказались сломанными замки въ 3-хъ амбарахъ, и изъ одного увезено до 10 четвертей ржи. *Вся деревня поднялась на ноги*, потому что это—событіе *небывалое*, старики *не запомнятъ ничего подобнаго;* не прочь многіе изъ крестьянъ попользоваться насчетъ «барина», *но чтобы крестьяне* воровали *другъ у друга* — это явленіе весьма рѣдкое. Есть цѣлыя деревни, гдѣ вамъ скажутъ, что *этого* у нихъ *никогда не бываетъ*. За три года я знаю только одинъ случай, да и то кража совершена двумя пьяными». Подчеркнутыя здѣсь фразы, какъ мнѣ кажется, представляютъ наилучшую характеристику деревенскаго разстройства: воруютъ *другъ у друга*— вотъ это и есть цвѣтъ и плодъ *неравенства въ средствахъ наживы, вторгнувшагося въ трудовую земледѣльческую среду*. Если появился человѣкъ, рѣшающійся украсть у сосѣда, вмѣсто того, чтобы попросить, поклониться, какъ

бывало въ старину (старинная интеллигенція *открыто* вопіяла: «помогай бѣдному»—и сулила за это прощеніе грѣховъ), то значитъ, что уже явилось сознаніе о возможности неправедной, небезгрѣшной наживы. Евреи были избиты именно потому, что наживались чужой нуждой, чужимъ трудомъ, а не вырабатывали хлѣбъ своими руками. Евреи—спеціалисты по части биржевой игры, но, какъ видимъ, и наши сѣрячки не прочь отъ того, чтобы полакомиться даровой наживой. Евреи не сдобровали — и наши сѣрячки жалуются «на народъ», что «никакихъ нѣтъ способовъ», «воля», «драть надо». Евреи жалуются въ Англіи на мужиковъ, *наши* дѣйствуютъ въ волостныхъ судахъ, справляются «своимъ средствіемъ» при помощи всякихъ изворотовъ, о которыхъ мы говорили выше: садятся добровольно въ холодную, чтобы быть въ «своемъ правѣ»; доносятъ о «бѣдственномъ положеніи народа» и т. д.

Но можете представить, что и тутъ, въ этомъ омутѣ мутной воды и поѣданія ближняго, и тутъ главный двигатель и цѣль—устроить свое земельное хозяйство, вырвать изъ чужихъ рукъ, добыть всякими правдами и неправдами и реализировать не въ чемъ другомъ, какъ только въ хорошей скотинѣ (много назему — земля хороша), въ арендованіи земли, въ покупкѣ хорошихъ сѣмянъ.

Однажды разговорился я съ этимъ самымъ «благонадежнымъ лицомъ», о которомъ говорено выше и которое, несмотря на умѣнье дѣйствовать «по-новому», какъ я уже сказалъ, не чуждо проявленій самой простой крестьянской доброты... Разговорились мы о тѣхъ же самыхъ вопросахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, и мало-помалу разговоръ нашъ принялъ самое искреннее направленіе; договорились мы до того, что и благонадежное лицо согласилось, что «времена — тяжелыя», и что въ народѣ—разстройство, много грѣха.

— Мнѣ бы только до конца трилѣтія дотянуть — Богъ съ нимъ совсѣмъ и съ жалованьемъ. Передъ Богомъ... Положимъ, что маленько оно мнѣ подмогло въ хозяйствѣ—ну, и будетъ!.. Только одно зло растишь на себя. Того и гляди — либо сожгутъ со зла, либо сгубятъ... Богъ и съ ними...

И опять мы говорили про настоящее, прошлое и будущее.

— Ну, а что же будетъ? — спросилъ я. — Къ чему все идетъ?

— Не знаю...—сказало лицо, задумавшись серьезно.— Не знаю, какъ для васъ оказываетъ, а по-мнѣ такъ къ старинѣ дѣла склоняются.

— То-есть?

— Да то-есть... Вѣдь это и въ писаніи сказано... То-есть... должно такъ выдтить, что... Здѣсь (для поясненія своихъ словъ онъ отмахнулъ правой рукой сверху внизъ) тяпнулъ топоромъ замѣтку на этомъ деревѣ, а черезъ пять верстъ (и опять онъ отмахнулъ лѣвой рукой также сверху внизъ) опять тяпнулъ на другомъ деревѣ... Вотъ и владай!..

Итакъ, вотъ что таится въ глубинѣ этихъ хитросплетеній, плутовства, пронырства. Заимка самая первобытная рисуется его воображенію... Лѣсъ дремучій манитъ его, и вотъ онъ, этотъ «благонадежный» человѣкъ, воображаетъ, что будутъ времена, когда достаточно тяпнуть топоромъ тутъ и тамъ, чтобы «владать». Положимъ, что такія рѣчи говорятся такъ, зря, безъ расчета, но ужъ одна возможность того, что онѣ таятся въ типахъ деревни даже новѣйшей хищнической формаціи, говоритъ ужасно много въ пользу того, какъ велика

Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли.

IX. Прошлое Ивана Босыхъ.

Если существуетъ типъ деревенскаго биржевика — человѣка, наживающагося насчетъ сосѣда, то, разумѣется, долженъ существовать и сосѣдъ, весьма недовольный этимъ способомъ наживы. Если у биржевика есть «средствія», помощью которыхъ онъ достигаетъ своихъ цѣлей, то и у сосѣда, «теряющаго на курсѣ», тоже есть такія собственныя «средствія», помощью которыхъ онъ старается оборониться отъ неминуемой гибели... Лучшимъ для насъ представителемъ этого послѣдняго типа будетъ тотъ самый Иванъ Босыхъ, о которомъ была рѣчь въ самомъ началѣ этого очерка. Не разъ разговаривали мы съ нимъ о его житьѣ-бытьѣ, и вотъ какой однажды разговоръ произошелъ между нами по этому поводу.

— Что же, — спросилъ я его: — послѣ того какъ тебя съ желѣзной дороги выгнали, принялся ты за работу?

— Послѣ того я вотъ какъ было-взялся съ радости-то, какъ медвѣдь началъ ворочать вокругъ дому! Только трещитъ да клюкаетъ! Да не долго поработалъ такъ...

Онъ махнулъ рукой.

— Отчего же?

— Да такъ!.. Ужъ раньше было мое хозяйство все въ разстройствѣ, въ разбросѣ, да и настояще избаловался насчетъ вина. Захватитъ, затоскуешь—и выпьешь... Н-ну, а ужъ попала муха—какая тутъ работа? Съ вина хозяиномъ не будешь—иди спи... А хозяйство стоитъ... Такъ и пошло день за день, слабѣй да слабѣй. вотъ и достукался до поденщины...

— Да отчего же сначала-то у тебя разстройство вышло?

Иванъ задумался и, вздохнувъ, сказалъ:

— Какъ сказать? по-нашему, по крестьянству, особливо по нонѣшнему времени и даже очень просто можно разориться въ конецъ... Поколѣла у тебя скотина—и ступай по міру... Въ прежнее-то время нашъ домъ, семейство наше—первые были хозяева по крестьянству. Что̀ скотъ, что̀ народъ—одинъ къ одному, на подборъ были подобраны... И теперича, извольте поглядѣть, что̀ отъ старой постройки осталось: столбы подъ навѣсомъ дубовые, два аршина въ обхватѣ, крѣпче чернодубу... Сейчасъ жги его столбомъ, такъ въ сутки пожару не добьешься... Говорить не остается, какіе были крестьяне—прославленные, прямо скажу, не похвастаюсь, были. Насъ «босыми» прозываютъ потому, что мы всѣ, весь нашъ родъ, первые были силачи, чистые истуканы подобные. Ужъ на что я, испивши, избаловавши, самый послѣдухъ, а и то, ежели пойдетъ на споръ, подбодрюсь, такъ не одну, двѣ десятины дерну подыму. «Босыми» насъ прозвали потому, что когда пошло въ моду сапоги носить, такъ дѣдушка мой покойникъ—царство ему небесное!—никакъ не могъ сапога надѣть на ногу. Первое, что нога у него какъ столбъ какой, прости Господи, или вотъ какъ тумба какая; а второе, какъ надѣлъ сапогъ—ступить не можетъ; неловко, ноги горятъ отъ жара. А вотъ босикомъ такъ въ трескучій морозъ десять верстъ пройдетъ, только дымъ отъ ногъ идетъ... Или, напримѣръ, бывало, на споръ пойдетъ дѣло, такъ онъ, дѣдушка-то, по склянкамъ отъ бутылокъ голой подошвой хаживалъ, и то ничего: «все одно, говоритъ, какъ по облаку хожу, ничего не чувствую»; а надѣлъ сапоги—захромалъ, жаромъ ноги займутся!.. Вотъ отчего намъ названіе такое—Босыхъ!..

Я-то ужъ самый младшій изъ семьи, я дѣдушку помню ужъ совсѣмъ слабаго, передъ смертью... А которые помнятъ, такъ разсказываютъ, что, бывало, захвораетъ чѣмъ, занедужаетъ—никогда на печку не лѣзъ, а зимою ли, лѣтомъ ли—прямо въ боръ, кости поразмять, да тамъ, въ бору-то, топоромъ того натворитъ, страсти поглядѣть что̀!.. Чисто медвѣдь съ волками дрался—столь много наломано, нарублено, навалено... Размается на работѣ, раздыметъ его всего, а прибѣжитъ домой, рубаху мокрую снялъ—и здоровъ. Только всего и лѣченья его было! А что̀ касаемое по хозяйству, такъ ужъ тутъ вотъ на эстолько, на булавочную головку ошибки не давалъ. Чтобы сдѣлать такъ, зря—ни во вѣки вѣковъ, ни въ большомъ ни въ маленькомъ. Бывало, невѣсту какому изъ братьевъ возьмется выбирать, такъ цѣлую зиму ѣздитъ по деревнямъ, заискиваетъ. На двѣсти верстъ заѣзжалъ, и ужъ выберетъ бабу—однимъ словомъ!.. Ужъ ежели которую онъ выбралъ, выспросилъ, высмотрѣлъ, одобрилъ, такъ ужъ та баба завсегда на рѣдкость и на работѣ и по нраву. А родитъ ребенка, такъ прямо съ годовалую овцу; взялъ его на руки — книзу претъ и тянетъ. Вотъ какое было семейство!.. Отборное, первыхъ кровей изъ всей округи было. Вотъ за это-то самое, за нашу породу, наше семейство и было у барина на примѣтѣ; въ солдаты изъ нашей семьи баринъ никого не отдавалъ, а все отсаживалъ въ другія свои деревни на раззаводъ племя... То дѣвку возьметъ—парня ей купитъ подъ кадриль, Еруслана какого-нибудь, въ Самарскую губернію отсадитъ, то брата съ женой, съ сыномъ въ курень... Такъ и растыкалъ всѣхъ по одиночкѣ. Остался я одинъ съ бабой и съ дѣдомъ, а отецъ съ матерью и бабушка въ холеру померли. Дѣдушка-то ужъ совсѣмъ на моей памяти плохъ былъ, а все норовилъ вокругъ дома съ топоромъ потукать или такъ потоптаться. Пришло ему время помирать,—въ самыхъ послѣднихъ годахъ зачуялъ онъ смерть,—сталъ ночей бояться. «Боюсь я, говоритъ, ночей, страсть боюсь!» Цѣлую ночь, бывало, на крыльцѣ сидитъ—ждетъ, скоро ли свѣтъ... А чуть свѣтокъ, чуть пѣтухъ гдѣ-нибудь,—и забормочетъ: «Слава Тебѣ, Господи! Живъ, живъ я... Вотъ и солнце красное... Ахъ, Ты, Боже мой... Свѣтъ и день! Живъ, живъ, живъ...» И спать ляжетъ, когда ужъ вся деревня проснется, народъ зашумитъ, заговоритъ—тутъ ему не страшно. «Тутъ, говоритъ, я не боюсь помереть... Тутъ—на міру...» И поплакивалъ стари-

чокъ, оченно поплакивалъ! Бывало, кой-какъ, ужъ кой-какъ мученски мучается зиму-то, весны ждетъ: а пошелъ капель, стало пригрѣвать, такъ и польютъ изъ глазъ слезы-то... Жаль, всего жаль! Пуще всего—работать ничего не могъ. На пашню поглядитъ—зальется-зальется... А пашню-то нашу все обрѣзывали да обрѣзывали, и дворъ-то поосѣлъ. Я одинъ, заведеніе большое—одному-то и не подъ силу... Тамъ завалилось, тамъ упало... Плакалъ онъ, покойникъ, много плакалъ; а все, пока силы были, все топтался, шамкалъ, приказывалъ да совѣтовалъ. Ну однакожъ и померъ... Днемъ померъ—недаромъ Бога молилъ... Какъ сидѣлъ на солнушкѣ, такъ и заснулъ, кончился... А тутъ скоро и освобожденіе пришло. Пришлось мнѣ новые порядки узнавать... А новые-то порядки нашему брату трудноваты. Первое, что при баринѣ мы знали одно—работу; что скажутъ, то и дѣлали: навалимъ ему хлѣба, свеземъ въ городъ, деньги онъ возьметъ и ужъ какъ самъ знаетъ, такъ и путается съ начальствомъ—а тутъ то тотъ, то другой тормошитъ... Да, деньги... Онѣ хоть и невелики, да добывать-то мы ихъ непривычны... У меня маменька-то во всю жизнь денегъ разобрать одну отъ другой не умѣла, дай ей копейку или двугривенный, ей все одно, потому хозяйствомъ жили, все свое... Только деготь и соль, да что-нибудь по мелочи... Да и то все—либо дѣдушка, либо тятенька... Н-ну, а тутъ изволь, доставай. А кромѣ того, земельки мало—гораздо меньше супротивъ прежняго стало—и выгонъ ушелъ отъ насъ—пришлось занимать у чужихъ людей, платить опять деньги. Вотъ и пришлось въ люди идти поклониться. Глядишь, тотъ тормошитъ, рублевку теребитъ, другой: кой-какъ собьешься, отдашь съ прибавочкой. Тамъ прибавочка, тутъ прибавочка—анъ и самому-то то тамъ не хватитъ, то тутъ не натянешь...

И затѣмъ Иванъ разсказалъ, какъ онъ запутался въ тѣ самыя тенета деревенскихъ биржевыхъ операцій, о которыхъ говорено выше и которыхъ я здѣсь повторять не буду. Запутывался онъ каждую минуту, но по капелькѣ, по копеечкѣ, полагая, что это—что-то временное, случайное, тяготился этимъ по-дѣтски, наивно, скучалъ, и вдругъ очнулся, потерялъ наивность неопытнаго ребенка и понялъ, что *это*—не случай и не время, а что это—такой порядокъ.

Произошло это слѣдующимъ образомъ:

— Долго ли, коротко ли идетъ время, подошла сибир-

ская язва, стала валить скотъ... Вертинаръ пріѣдетъ, расковыряетъ шиломъ больное мѣсто и—уѣхалъ! «Мнѣ, говоритъ, не успѣть, заболѣло сто тысячъ головъ, а я одинъ на четыре уѣзда, жалованья мнѣ рубль—того и гляди самъ поколѣешь съ голоду». Ну, мы и не взыскиваемъ... Валитъ скотину — на-поди!.. Остался и я безъ всего. Повалило у меня двухъ коровъ, да къ штрафу присудили за шкуры. Кабы мы были крѣпостные—ну, пошелъ къ барину, поклонился бы, онъ бы и далъ мнѣ лошадь, потому какой же я буду мужикъ безъ лошади?.. Ну, а въ нонѣшнее время поди къ сосѣду, плачь... Ей-ей, иной плачетъ! Смѣху достойно сказать: этакій верзила и—плачетъ!.. а вѣдь сущая правда... Просишь-просишь ковригу-то, зальешься... Я однова самъ удивился: запищалъ даже съ огорченія, словно заяцъ несчастный, не то что заплакалъ—а вѣдь во мнѣ безъ малаго шесть пудовъ вѣсу. Вотъ нужда-то до чего доводитъ!.. Вотъ въ этакое-то время толкался-толкался я вокругъ нашихъ, свойскихъ мужиковъ, которые хозяйствомъ покрѣпче: кое самому нужно, кое не даетъ—задолжалъ я ему раньше. Нѣтъ ничего мнѣ справки!.. А время идетъ, и пора стоитъ рабочая... Хоть волкомъ вой безъ лошади-то... Вотъ я и надумалъ идтить къ сестрѣ—за сорокъ верстъ отъ насъ сестра была выдана моя... Мужъ-то ея по дровяному дѣлу служилъ, жалованье получалъ,—значитъ, при заготовкахъ былъ—ну, и деньжишки кой-какія водились. Вотъ я къ нему: «дай, молъ, лошадь»... А крутъ былъ парень, и ужъ онъ мужицкое рыло сталъ воротить. Ломался-ломался—ну, тутъ сестра подвыла за меня—далъ. Поставилъ цѣну въ тридцать пять рублей—отдать весной... А по совѣсти сказать, далъ онъ мнѣ одра: не то что тридцати, а и двадцати—какое! пятнадцать рублей и то напросишься... Ну, что будешь дѣлать? Взялъ, еще въ ножки поклонился. «Продай, говоритъ, сѣно—куда оно тебѣ? Оставь на одну лошадь, а остальное мнѣ отдай. А свалишь въ нашемъ мѣстѣ» (у такого-то). Назвалъ мужика, тоже къ нему подъ кадриль подходитъ: сѣно тюкуетъ, и часы, и все... А деньжонки-то требуются: коровъ нѣтъ,—все купи, ребятишкамъ молока... Отдалъ ему сѣно по десять копеекъ и приставить обязался къ тому мужику, которому онъ наказывалъ. Вижу, пріѣхалъ въ нашу деревню, поговорилъ съ мужикомъ эстимъ, Парѳеновъ прозывается. Потомъ оба зашли ко мнѣ; зять и говоритъ: «Приставляй сѣно Парѳенову, а за расчетомъ ко мнѣ ходи». И Парѳеновъ гово-

ритъ: «Ко мнѣ, говоритъ, приставляй»... Вотъ я и сталъ приставлять... Еще я забылъ сказать вотъ что: какъ пріѣзжалъ этотъ зять-то, зашелъ онъ ко мнѣ на дворъ, увидалъ теленка: «отдай, говоритъ, мнѣ, на что онъ тебѣ безъ матки-то?» А и то, что безъ матки трудно: дѣлаешь мѣсятку, одной мукй сколько слопаетъ, а мукѹ я въ ту пору вскорѣ съ Рождества покупалъ. Отдалъ я ему теленка за пять цѣлковыхъ. Староста тутъ подскочилъ: они, дьяволы, за двадцать верстъ носомъ слышутъ, коли покупщикъ на дворъ зашелъ и деньги изъ кармана вынимаетъ—два цѣлковыхъ отмоталъ отъ пятишной въ подати... Ну, несъ съ нимъ!.. А недоимки на мнѣ дѣйствительно ужъ эво сколько!.. Вотъ ладно, сталъ я сѣно приставлять... «Приставилъ» четыре воза къ Парѳенову, а Парѳеновъ тюкуетъ да въ сарай кладетъ. Натюковалъ онъ пятьдесятъ пудовъ. Ѣду я къ зятю за деньгами,—стало-быть, приходится мнѣ получить пять рублей... Пріѣхалъ я къ зятю, а его дома нѣту. Сидитъ сестра... Ну, поздоровкались, поговорили, представилъ я записку, выдала она мнѣ пять рублей... Представилъ я еще пятьдесятъ пудовъ, опять поѣхалъ, и опять зятя нѣту; сестра только дома... Сидитъ сестра и говоритъ: «А мы твоего теленочка продали. Вчерась телятники были, за двадцать пять рублей купили»... Вздохнулъ я отъ этихъ словъ, потому и поили-то они его всего двѣ недѣли; кабы у меня корова была, такъ вотъ они, двадцать пять рубликовъ, въ моемъ бы карманѣ были... Вздохнулъ я и промолчалъ. Разговорились и про сѣно; сказываетъ она мнѣ, что и сѣно ейный мужъ въ Питеръ «приставляетъ» въ казармы, по сорока копеекъ, а за прессовку Парѳеновъ по четыре копейки получаетъ... «А перевозка почемъ?»—«А, перевозка, говоритъ, тоже по четыре обходится до Питера». И опять я вздохнулъ... Я-то вотъ за сто-то пудовъ всего десять цѣлковыхъ получилъ, а зятю-то восемьдесятъ цѣлковыхъ пришлось... Ну, прессовка восемь—анъ все же моихъ денегъ у него шестьдесятъ рублей... А труды-то мои, косьба-то моя, и сушка, и гребли мы тоже съ бабой—а всего десять цѣлковыхъ... За что такъ?—думаю... Пошелъ я къ Парѳенову и говорю: «Такъ и такъ... Вѣдь это, братецъ мой, убытокъ; давай мнѣ хоть пятнадцать копеекъ, я тебѣ приставлять буду»... Парѳеновъ говоритъ: «Я бы и радъ, я бы и двадцать далъ, коли бы у меня въ Петербургѣ мѣста были знакомы. А то мѣстовъ-то нѣтъ. Я ужъ, братъ, за ними вотъ какъ старался услѣдить по Питеру,

куда они дѣваютъ сѣно, всѣ ноги оттопталъ, подъ заборами прятался—чуютъ, каналы, путаютъ по Питеру... Ходишь-ходишь за ними, со слѣду не спускаешь, а чуть мигнулъ не такъ—его и нѣтъ, какъ въ воду канулъ. Дьяволы—одно слово!» Пошелъ я, думаю: ужъ разыщу же я себѣ другого покупателя. Пошелъ на вокзалъ, толкался тамъ двое сутокъ, нашелъ. «Вози по двугривенному, сколь хошь!» Ну, тутъ я вышелъ да съ радости и объявилъ Парѳенову-то. А Парѳеновъ-то—въ обиду: «Ты, говоритъ, отъ меня хлѣбъ отнимаешь... Я бы прессовкой-то все попользовался сколько-нибудь, а ты чужимъ...»—да и объяви зятю... А зять не въ себѣ сталъ. «Какъ, обманывать?»... Прибѣгъ ко мнѣ. «Подавай лошадь!» Это чтобы мнѣ возить не на чемъ было. Ну, я уперся, говорю: «Лошадь куплена, деньги жди до весны... Бумаги у насъ, молъ, съ тобою нѣтъ, а сдѣлано дѣло на совѣсть, по безсловесному договору—ну, и жди...»—«Давай сейчасъ!.. Эй, Парѳеновъ, бери лошадь! Зови работника!» Я вижу, идетъ дѣло на сурьезъ, загородилъ ворота въ скотникъ, сталъ спиной къ двери, и, признаться, осердился я... А былъ я немного выпивши, потому получилъ я съ новаго-то пріятеля задатку, вотъ съ радости-то я и пропивалъ рублишко, вчера да сегодня... Вижу я, хотятъ ломиться въ дверь, осерчалъ... «Да ты что, говорю, тутъ орешь-то? Какая тебѣ лошадь? Да я, говорю, и весной-то денегъ тебѣ не отдамъ, потому ты и такъ на моемъ сѣнѣ да на теленкѣ получилъ... По-божьи-то съ тебя еще надо больше тридцати рублей мнѣ получить, а нежели ты съ меня... Чуть не сто цѣлковыхъ *на мнѣ* нажилъ, да отдай я ему лошадь, а самъ иди по міру... На-ка!» Тутъ пошла брань, свара: что онъ злѣй, то и я... Приступаютъ всѣ они—Парѳеновъ, работникъ—прямо къ горлу, я и ткни, отпихнись!.. «Чего, молъ, грабить лѣзете, пошли прочь!..»—«А, коли такъ—въ судъ!» И подалъ зять на меня въ волостной судъ по оскорбленію его личнаго мордобою и по взысканію за лошадь: либо 35 рублей, либо лошадь назадъ. А Парѳеновъ-то—судья... Ну, и прочіе судьи у зятя были присоглашены. Пивцо, винцо и все прочее... Приговорили такъ: за оскорбленіе личности двадцать ударовъ, а лошадь отобрать. Я на судъ не пошелъ. Приходитъ ко мнѣ десятскій и говоритъ:—«Иди въ волость!»—«Зачѣмъ?»—«Драть будутъ!»—«Ну, я и не пойду».—«Не пойдешь?»—«Нѣтъ, говорю, не пойду. Скажи имъ, чтобы кого-нибудь другого выдрали, коли есть охота».

Тутъ меня взяло зло. Какъ такъ! Это что-жъ такое? Меня теперича можетъ драть свой же братъ мужикъ? Еще баринъ насъ диралъ—ну, это господское дѣло; какъ была неправда, такъ и прошла. А тутъ меня будетъ драть всякое свиное рыло за то, что я ему не даюсь, охотой къ нему въ пасть нейду?.. Ну нѣтъ, не дамся!.. Такъ меня все это разсердило, пошелъ я въ кабакъ, царапнулъ косушку и думаю, что̀ творится. Сидитъ солдатъ—разговорились. Разсказалъ я. Посовѣтовалъ: «не давайся». Потомъ спрашиваетъ: «А много-ль за тобой недоимки?» А на мнѣ недоимки накипѣло вотъ какъ: надъ головой на три аршина, съ боковъ по два аршина, да въ землю сажени на четыре слишкомъ. Сказалъ я ему это, онъ обрадовался. «Ничего, говоритъ, не бойся! Недоимка — это наше спасеніе. Съ насъ ее потому и не снимаютъ, что жалѣютъ насъ: снять ее—все равно догола раздѣть; тогда эти канальи насъ голыми руками брать будутъ. А какъ окруженъ ты недоимкой со всѣхъ сторонъ—и вверхъ, и внизъ, и съ боковъ, то и сиди ты спокойно, какъ бы въ неприступной крѣпости, потому что продать ежели у тебя скотину, такъ деньги должны идти въ казну, а не имъ, живорѣзамъ, а живорѣзу—что̀ казна?.. Коли не ему, такъ и не надо. Ужъ коли у тебя продадутъ лошадь да въ казну деньги возьмутъ, такъ ужъ онъ и знаетъ, что ему не съ чего взять будетъ. А такъ-то, безъ аукціона, все, можетъ-быть, ты что-нибудь отдашь, все ему надежда... А ты вотъ какъ, я тебѣ скажу: ничего имъ, живорѣзамъ, не отдавай, а продавать тебя для казны они сами пожадничаютъ. Сиди, братецъ ты мой, въ этой самой глубинѣ: недоимка—твоя защита. Все одно какъ въ шубѣ сиди. Казна-матушка потому насъ покуда и не раздѣваетъ... А то мы бы всѣ какъ тараканы померзли». Такъ мнѣ стало весело отъ этихъ словъ! Выпили мы тутъ еще, и стало мнѣ хорошо. Думаю, коли казна ждетъ, такъ живорѣзы и подавно должны повременить. Да опять я и не долженъ за лошадь—и по совѣсти, и по-божьи, и всячески. Я ему предоставилъ на сто рублей моего собственнаго трудового—будетъ съ него. А то еще драть... За что?—за то, что подороже хочу сѣно продать? Вѣдь вотъ анаѳема! Какъ вспомню, что меня драть хотятъ за мое же добро, такъ—хоть что̀ хошь—тянетъ въ кабакъ да и на! Однако прошло дня два, опомнился, очувствовался, думаю—примусь за хозяйство: лошадь моя, теперь сѣно по двугривенному, — стало-быть, и коровенку

куплю. И все въ той состою надеждѣ, что защититъ меня недоимка. Солдатъ сказалъ: «Сиди въ недоимкѣ, какъ во дворцѣ, никто не посмѣетъ!»—и присовѣтовалъ: «А въ случаѣ чего, запирайся кругомъ,—нѣтъ закона, чтобы силомъ брать. Отвѣтятъ». Вотъ я и сижу во дворцѣ-то. На третій день глядь — тройка: старшина, зять, десятскій... къ Парѳенову. Я сейчасъ на запоръ: ворота, сарай, конюшню, домъ— все заперъ. Сижу съ женой, ребятами, подъ окномъ, смотрю, что̀ будетъ. Потолковали они у Парѳенова—вижу, идутъ ко мнѣ всей гурьбой. Парѳеновъ съ ними и еще человѣка четыре мужиковъ. Подошли; старшина и говоритъ: «Отпирай!» Я не отпираю. — «Ты думаешь, говоритъ, что мы тебя не достанемъ? Ты думаешь, мы судовъ на тебя будемъ дожидаться? Ну нѣтъ, братецъ! У насъ противъ васъ, канальевъ, и свои средствія найдутся. Отпирай ворота добромъ! Лучше будетъ!» Я не отперъ. Сижу, гляжу, что̀ будетъ. Знаю, что противъ закону нельзя имъ идти... «А коли не хочешь добромъ, такъ мы и сами справимся. Ребята!— сказалъ старшина:—принесите дубину хорошую». Побѣжали мужичонки къ Парѳенову, выволокли четверо еловое дерево, аршинъ шесть долины да вершковъ двѣнадцати въ корню, въ отрубѣ. «Дуй!» Подхватили всѣ, размахнулись, разъ-два-три—ворота вдребезги такъ и разлетѣлись. Тутъ я вижу, что уже безъ совѣсти пошло дѣло. Вышелъ на дворъ: «Что̀ вамъ будетъ угодно?» — «Подавай лошадь!» — «Она въ полѣ!»—«А!—сказалъ старшина:—въ полѣ... Ну-ка, ребята, возьмите дубину!» Опять подхватили, раскачали—хлопъ въ скотникъ. Такъ дверь и вбухали въ нутро. Лошадь тамъ. «Возьми!» Зять взялъ лошадь и ушелъ къ Парѳенову, а старшина говоритъ: «Не хотѣлъ добромъ, хочешь нахрапомъ, такъ мы также можемъ. Ты думалъ, своимъ средствіемъ отвернешься — ну, и мы своимъ средствіемъ. И помни. А выдрать—выдеру... А ежели хочешь жаловаться въ вышнюю инстанцію, такъ сдѣлай милость! Теперь тебѣ двадцать опредѣлили, а тогда сто двадцать всыплю...» Съ тѣмъ и ушли. Остался я безъ лошади, и такое меня взяло зло, такая лютость, точно бѣсъ меня осѣнилъ. Жена было-заголосила, а я ее бить. Передъ Богомъ, самъ не помню, какъ рука поднялась! Теперь я безъ лошади и безъ коровы, и сѣно не на чемъ возить, и драть грозятся—кипитъ у меня все нутро, огнемъ палитъ... Завыла она. Я—разъ ее въ грудь, а брюхатая была; и это, что брюхается-то она не во-время, тоже меня озлило, я ее и... Стала она кричать,

а я злѣй да злѣй; побѣлѣло у меня въ глазахъ отъ злости... Прр-ямо въ кабакъ! Жралъ-жралъ, сѣно кабатчику обѣщался отдать за пятачокъ пудъ, только давай вина. Допился до безчувствія, вышелъ, упалъ въ канаву, мордой въ лужу—и лежу... Долго ли, коротко ли лежалъ, стало мнѣ холодно. Открылъ глаза—мѣсяцъ на небѣ. Дѣвки поютъ въ деревнѣ... Всталъ, пошелъ къ кабатчику, вымолилъ стаканчикъ и пошелъ домой. Иду, гляжу—у Парѳенова огонь. И зять, и старшина, и компанія. Вино въ бутылкѣ, самоваръ—угощаются. Не могу сказать, что̀ такое случилось со мной, а только, какъ увидалъ я это, прямо и повернулъ къ Парѳенову. Ввалилъ я къ нимъ въ грязи, безъ сапогъ—пропилъ ихъ—и прямо къ старшинѣ: разъ его по рожѣ—да къ Парѳенову, да къ зятю... Далъ имъ всѣмъ по хорошему лещу и сѣлъ... Тутъ было-поднялось... и-и, Боже милостивый, что̀! Но я ужъ былъ въ азартѣ. «Убью, говорю, анаѳемы! Вина давайте, и только!» Проснулась въ ту пору во мнѣ наша бо̀совская сила: кажется, убилъ бы съ одного маху. Но только они догадались, что опасно меня теперь трогать, отступились, погнали за старостой, за понятыми... А я прямо къ столу, выпилъ изъ бутылокъ, да пустой бутылкой въ зеркало, да чайную посуду на полъ... Сбѣжался народъ: повалили, связали и—въ холодный амбаръ. Подали на меня въ судъ всѣ трое. Старшина—тотъ къ мировому подалъ. Зовутъ къ отвѣту: не пошелъ, сталъ пьянствовать. Выходитъ резолюція—драть. Зовутъ. Не пошелъ. Три раза приходили. Плюнулъ въ морду десятскому, а не пошелъ. Насудили, анаѳемы, съ трехъ-то мордъ—до ста ударовъ съ прежними... Я все не иду. Спасибо, еще народъ есть добрый—не выдаютъ... Вотъ я и промаялся кое-какъ до Покрова и все больше пилъ... Тутъ ужъ и новый мой знакомый, съ котораго я задатокъ подъ сѣно получилъ, и тотъ сталъ грозиться судомъ. А на чемъ я повезу сѣно, коли лошади нѣтъ?.. И кабатчикъ требуетъ то же самое сѣно — я его пропилъ ему... Не глядѣли бы глаза на свѣтъ бѣлый. Послѣ Покрова слышу — колокольчики. Заливаются соловьями. Вкатываютъ въ деревню на трехъ тройкахъ: старшина, приставъ, судъ... Екнуло мое ретивое! Прямо ко мнѣ на дворъ, вошли въ избу, собрали народъ. «Подати!..» Такъ меня притиснули, не выскочишь изъ избы-то... Тутъ стали носить подати, а старшина говоритъ: «Вотъ, ваше сіятельство, этотъ крестьянинъ (я) четыре раза присуждался къ наказанію, во-первыхъ, за оскорбленіе зятя, потомъ меня,

потомъ Парѳенова и опять же зятя. Двадцать разъ его звали—сопротивляется, не идетъ. Позвольте привести рѣшеніе въ исполненіе... Да и податей къ тому же не платитъ». Вотъ тутъ меня и растянули!.. Тутъ я и потерялъ свой смыслъ, и стыдъ, и совѣсть... Лежу и, вѣрите ли, *себя боюсь*. Передъ Богомъ, себя боюсь!.. Боюсь подняться, боюсь пошевелиться, потому убилъ бы кого-нибудь, на смерть бы размозжилъ, кто подвернулся бы въ ту пору. Наконецъ, того, вижу, что живорѣзы въ лакомство вошли, говорю: «будетъ!». И такъ это сказалъ, что перестали вѣдь анаѳемы... Ну, вотъ съ этого времени я и потерялъ себя. Всего себя потерялъ! Все мнѣ тоска, свѣтъ не милъ, дворъ пустой... Только и есть кабакъ. И воровать даже сталъ. Сѣно продалъ въ двадцать мѣстъ, а все—прахомъ, прахомъ. Слабѣй, слабѣй, такъ и пошелъ ко дну. До того дошло, что и жена стала жаловаться на меня суду... За это мнѣ рѣшенье выходило—20 ударовъ, а я ее за жалобу опять трепалъ... Такимъ родомъ и исподлѣлъ я и развратился. Ужъ какъ я обрадовался, когда баринъ одинъ, на дачѣ поблизости жилъ, подмогъ мнѣ немного работишкой, далъ прочухаться, а потомъ и на станцію опредѣлилъ. Коли-бъ мнѣ опять такое мѣсто, я-бъ ужъ зналъ, какъ справиться—ну, а теперь...

Иванъ замолкъ и съ измѣнившимся, поблѣднѣвшимъ лицомъ проговорилъ, понизивъ голосъ:

— Теперь того и жду, что случится что-нибудь худое...

— Съ кѣмъ?

— Да со мной... Того и жду, что въ тоскѣ какой-нибудь сдѣлаю вредъ.

— Отчего же ты думаешь?

— Ужъ знаю я...

Иванъ замолчалъ. На лицѣ его было выраженіе какой-то суровой таинственности.

— Домовой у меня по ночамъ воетъ на крыльцѣ—вотъ что я вамъ ужъ безъ всякой утайки объясню.

Я могъ только сказать:

— Неужели?

— Вѣрно я вамъ говорю... Какъ меня тогда разорить, то-есть лошадь-то когда отняли, такъ онъ тоже вылъ, а теперь такъ, вѣрите ли, каждую ночь воетъ безъ устали. Всю ночь съ женой, съ ребятишками трясемся... Выйдешь въ сѣнцы ночью-то, а онъ сидитъ на крыльцѣ, этакъ вотъ обѣими руками голову обхватитъ, да какъ замотаетъ башкой-то

изъ стороны въ сторону, какъ зальется... Морозъ даже по кожѣ деретъ! Передъ Богомъ вамъ говорю!.. Ужъ вѣрно что-нибудь со мной недоброе случится... Ужъ очень я обозливши... Тоска меня сосетъ... Врагъ шепчетъ все... Ужъ на что-нибудь подстроитъ онъ меня... Быть мнѣ на каторгѣ— вотъ что я думаю.

— Ну, какой вздоръ! Какіе домовые!

— Какъ какіе?.. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость. Мы очень знаемъ эти дѣла-то. При покойникѣ-дѣдушкѣ у насъ домовые жили двое: я ихъ самъ своими глазами видѣлъ... Такъ они жили тихо.

— Своими глазами?

— Вотъ какъ васъ вижу, такъ и ихъ видалъ... Да и сейчасъ я вижу его...

— Ну, какой же онъ?

— Домовой-то?.. Да обыкновенно ужъ домового мы подразумѣваемъ подъ чортомъ—ну, и видъ у него...

— Какой же у него видъ-то?

— Какъ сказать?.. Мутный онъ весь какой-то...

— Глаза есть у него?

— Да, и глаза *должны быть*. Вѣдь онъ ходитъ — долженъ же глядѣть-то.

— А ноги.

— У него всему надо быть, только-что не видишь... а видишь только, что есть вонъ тутъ, или тутъ... А такъ сказать, чтобы видъ какой у него—не могу... Я разъ пришелъ на сѣновалъ, а онъ лежитъ—спалъ, должно-быть...

— Ты его видѣлъ?

— Своими глазами.

— Ну, такъ на кого же онъ похожъ?

— Да на домового же и походитъ.

— Одѣтъ онъ во что-нибудь или нѣтъ?

— То-то нельзя этого знать... А видишь только, что тутъ онъ... Въ родѣ какъ тѣнь, такой мутный, лежитъ, и сѣно сквозь него видно.

И тутъ у насъ начался самый дѣтскій разговоръ. Я только могъ дивиться, какая дѣтская наивная душа сохраняется въ этомъ сильномъ и добромъ человѣкѣ, въ которомъ запутанная жизнь можетъ накапливать почему-то только зло, только негодованіе...

X. Земельные непорядки.

Картины, которыя невольно ложатся на бумагу, до того непривлекательны и до того тягостны какъ для читателя, такъ и для записывающаго ихъ, что мы не будемъ болѣе дѣлать этого. Довольно знать, что какъ безцеремонная жестокость мужика разживающагося, такъ и нарождающаяся жестокость сердца въ мужикѣ разоряющемся имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ—разстройство земледѣльческихъ порядковъ. Всѣ въ глубинѣ души сознаютъ, что земля—одна только непоколебимая и прочная основа благосостоянія, что земледѣльческій трудъ — одинъ только безгрѣшный, святой трудъ, складывающій всѣ частныя и общественныя отношенія земледѣльцевъ въ безгрѣшныя, безобидныя формы. Понято ли достаточно значеніе земли во всемъ обиходѣ крестьянской жизни? Возвращаясь опять къ фактической сторонѣ дѣла, видишь, что земли мало—вполовину меньше, чѣмъ нужно,—видишь, что никакой необходимой при новыхъ условіяхъ крестьянской жизни хозяйственной системы не выработано. Какой-нибудь сѣнной прессъ, который долженъ быть такимъ же общественнымъ достояніемъ деревни, какъ пожарная труба, который долженъ облегчать трудъ всѣхъ земледѣльцевъ, составляетъ источникъ огромнаго дохода для единицъ: вотъ этотъ Парѳеновъ купилъ прессъ и можетъ ничего не дѣлать, обирать міръ. Конечно, Парѳеновъ можетъ покупать, что ему угодно, но и міръ долженъ имѣть свой прессъ, свою молотилку, для того, чтобы трудъ облегчился для всѣхъ, чтобы не было ненужнаго зла.

Помимо недостатка земли, стройность и прочность земледѣльческой семьи нарушается не вполнѣ правильной воинскою повинностью. При старой, такъ-называемой, очередной системѣ прежде всѣхъ должны были идти многосемейные—для большой семьи не такъ трудно лишиться одного работника, какъ для маленькой потерять его. Теперь возможны случаи, когда большая семья остается невредимой, а маленькая въ конецъ разоряется. Пролетаріатъ, воспитываемый новою модой наживы денегъ съ своего сосѣда, увеличивается и этимъ обстоятельствомъ.

Въ старину этотъ пролетаріатъ волей-неволей сидѣлъ на помѣщичьей шеѣ, въ видѣ дворни, въ видѣ «учениковъ», отданныхъ въ городскія мастерскія. Наконецъ огромная масса такого негоднаго въ деревнѣ народа отдавалась въ

солдаты и, вслѣдствіе долгаго срока службы, возвращалась назадъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Я знаю, что все это сидѣло на народной же шеѣ, я знаю, что старая солдатчина ужасна, и надѣюсь, что никто не припишетъ мнѣ желанія возвратить это прошлое; я говорю только, что, такъ или иначе, пролетаріатъ деревенскій былъ прибранъ изъ деревни, не толкался въ ней, не мѣшалъ мужику быть земледѣльцемъ. Теперь не только такой жестокой приборки нѣтъ, но, напротивъ, даже и мысли нигдѣ ниоткуда не проникаетъ о томъ, что «не надо разводить» пролетаріата, и что необходимо устроить по-божески. Срокъ службы хоть и коротокъ, но солдатчина портитъ человѣка, и, воротясь, онъ мѣшаетъ: онъ—плохой работникъ.

Затѣмъ старая хозяйственная система была правдивѣй, съ своей корыстной точки зрѣнія, къ народу и по отношенію къ налогамъ. Богатый всегда платилъ больше бѣднаго, хотя бы у обоихъ ихъ считалось по одному тяглу. Теперь же за одно и то же количество душъ платятъ и семьи огромнаго денежнаго богатства и семьи огромной земледѣльческой нищеты. Кромѣ того, какая система въ томъ, что въ этихъ двухъ деревняхъ совершенно разные платежи: одна деревня платитъ 1 р. 60 коп. въ годъ всего-на-все, а другая—19 р. съ души? Или почему вотъ эту половину рѣки одна деревня сама отдала въ аренду рыбакамъ и получаетъ за нее деньги, а другая не можетъ поймать и окуня, потому что половина рѣки, прилегающая къ ея берегу, тысяча лѣтъ тому назадъ подарена монастырю, и монастырь самъ сдастъ ее въ аренду? Тысяча лѣтъ тому назадъ монастырскія владѣнія никого не стѣсняли, а теперь они прямо разстраиваютъ населеніе... Неужели все это не можетъ быть устроено просто, внимательно, по совѣсти? Глядя на все это, не понимаешь, какъ можно какимъ-нибудь эпитетомъ опредѣлять такое запутанное землевладѣніе, тѣмъ паче такимъ, какъ «община». Тутъ самая грубая неряшливость. Богъ знаетъ что, но только не община.

Вспоминая постоянно крѣпостное право, я полагаю, что читатель не заподозритъ меня въ сочувствіи ему. Я только говорю, что при крѣпостномъ правѣ была система, что хотя на человѣка и смотрѣли, какъ на рабочую только силу, но обязаны были, въ видахъ полученія отъ нея пользы, удовлетворять ее въ ея существенныхъ потребностяхъ. Теперь человѣкъ деревенскій — не скотина, не животное: онъ, слава Богу, человѣкъ въ самомъ дѣлѣ, живая чело-

вѣчья душа; а между тѣмъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, хозяйственная-то земледѣльческая организація его была оставлена въ полномъ разстройствѣ и невниманіи, а человѣческая—вовсе ничѣмъ не удовлетворяется.

Столѣтіе тому назадъ Тихонъ Задонскій могъ съ церковной каѳедры публично, при всемъ народѣ, говорить такія слова: «Явное *хищеніе* есть то, когда кто чужую вещь насильно отнимаетъ, какъ то дѣлаютъ: 1) Разбойники, кои насильно другого грабятъ. 2) Властелины, которые у своихъ подчиненныхъ, а сильные у немощныхъ отнимаютъ нагло имѣніе, домъ, землю и пр., или принуждаютъ ихъ продать себѣ то, что они продать не хотятъ (зять Ивана Босыхъ), или продать малою цѣною... 3) Сему хищенію подвержены продавцы, которые въ крайней другого нуждѣ, напримѣръ, во время голода, хлѣбъ не продаютъ, развѣ за несносную цѣну. Сюда подлежатъ и тѣ, кои, видя другого нужду, взаемъ не даютъ денегъ, или хлѣба, или чего другого, развѣ требуя неправедной лихвы и росту» и т. д. Повторяю, сто лѣтъ тому назадъ *можно было публично*, съ каѳедры большого губернскаго города, *прямо, открыто и безбоязненно говорить* о правдѣ человѣческихъ отношеній. Подите-ка, пикните теперь объ этой правдѣ не только въ губернскомъ городѣ, съ каѳедры собора, а въ деревнѣ—посмотрите, чѣмъ отплатятъ проповѣднику за эту смѣлость господа Парѳеновы, Ивановы зятья, волостные старшины и т. д.

Вотъ въ числѣ молящихся находится господинъ Пуговкинъ, лѣсопромышленникъ. Онъ нанимаетъ мужиковъ возить изъ лѣсу дрова и платитъ имъ съ сажени; только сажень у него *своя*, именно — не 3, а 4 съ вершками аршина. «Только *сажень у меня, ребята, своя*»,—говоритъ онъ. Попробуйте-ка публично сравнить его съ явнымъ хищникомъ, да онъ васъ за это буквально сотретъ въ порошокъ! Говорить публично о *такихъ* вещахъ — развѣ это не бунтъ? Вотъ почему современный іерей предпочитаетъ сидѣть дома, либо ловить рыбу, либо отъ скуки очинитъ перо, да потомъ и примется выводить отличнѣйшимъ почеркомъ: «Милостивый государь, господинъ Іоганнъ Гоффъ! Употребивъ, совокупно съ тещей, одержимой воспламененіемъ всѣхъ суставовъ, двадцать пять бутылокъ вашего мальц-экстрактнаго препарату, съ благоговѣніемъ прилагаю еще 3 рубля»... А рядомъ зять поретъ Ивана Босыхъ за то, что тотъ хотѣлъ сѣно продать подороже...

XI. Школа и строгость.

Деревенская школа, деревенскій учитель, какъ, вѣроятно, извѣстно всякому живущему въ деревнѣ, не пользуется особенной симпатіей деревенскаго населенія. Конечно, есть много превосходныхъ учителей, умѣющихъ возбудить въ себѣ страстную и искреннюю любовь учениковъ, и скажемъ даже, что огромный процентъ народныхъ учителей составляетъ наилучшій элементъ современной деревенской интеллигенціи, — элементъ, въ средѣ котораго почти исключительно пріютились остатки исчезающей изъ обращенія идеи самопожертвованія и служенія на пользу ближнему; но все-таки мы должны признать, что современное деревенское населеніе не чувствуетъ къ школѣ того расположенія, которое оно должно было бы чувствовать. Поговоривъ съ любымъ изъ крестьянъ, т.-е. земледѣльцевъ, о современныхъ порядкахъ, нуждахъ, перемѣнахъ и ожиданіяхъ и перейдя потомъ къ разговорамъ о школѣ, объ училищѣ, вы непремѣнно услышите два постоянно слышащіяся мнѣнія, «что ничему не учатъ» и «что нѣтъ строгости». Съ не-мужицкой точки зрѣнія, оба эти мнѣнія одинаково-несправедливы: во-первыхъ, потому, что учатъ гораздо большему, чѣмъ учили въ старину по псалтырю; а во-вторыхъ, роптать на недостатокъ строгости въ училищѣ въ то время, когда рука родителя не задумается дополнить по этой части дома то, чего, по его мнѣнію, не сумѣла сдѣлать школа, оказывается дѣломъ рѣшительно неосновательнымъ. А между тѣмъ весьма нерѣдко ропотъ на то, что «ничему не учатъ» и что «нѣту строгости», иногда переходитъ изъ области простого, затаеннаго неудовольствія на практическую почву и выражается въ томъ, напримѣръ, что нѣкоторыя деревни прямо отказываются платить сборъ (отъ 10 до 25 к.) на школы, который они сами же мірскимъ приговоромъ обязались платить. Факты подобнаго рода весьма часты, и съ перваго взгляда кажется, что они не представляютъ собою ничего другого, кромѣ доказательства глубокаго народнаго невѣжества и косности; на самомъ же дѣлѣ выраженія: «ничему не учатъ» и «нѣтъ строгости» имѣютъ, если только дать себѣ трудъ добиться ихъ подлиннаго смысла, какъ разъ обратное значеніе, т.-е. совершенно опредѣленно указываютъ высоту народныхъ требованій по отношенію къ наукѣ,—высоту, которой школа не удовлетворяетъ. Съ этой

точки зрѣнія выраженія: «ничему не учатъ» и «строгости мало» получаютъ иной смыслъ, а слово «строгость» перестаетъ значить то же, что «за волосы» или «ложись».

Но, позвольте, — скажетъ читатель, давшій себѣ трудъ прочитать предшествовавшія главы настоящаго очерка:— какая же нужна школа и наука мужику? Развѣ въ этой жизни, основанной на «власти земли», власти, все проницающей, все устрояющей и все въ народной жизни уясняющей,—развѣ тамъ есть мѣсто какой-нибудь книжкѣ и какой-нибудь наукѣ? Зачѣмъ она тутъ? Зачѣмъ сюда соваться и разрушать удивительную стройность ни въ какихъ указаніяхъ (кромѣ указаній природы) не нуждающейся жизни? Все это читатель имѣетъ право напомнить мнѣ, и все это, съ своей стороны, я готовъ бы былъ повторить и подтвердить въ болѣе, насколько возможно, сильныхъ доказательствахъ и фактахъ, если бы мною не руководило не столько желаніе предаться изображенію трудовой жизни «безъ грѣха», сколько другое, болѣе настоятельное желаніе, чтобъ эта безгрѣшная жизнь, золотыя зерна которой разсыпаны по всей русской землѣ, не была обречена на непрестанное пребываніе въ навозныхъ кучахъ, и чтобъ эта драгоцѣнность не была размѣнена на мѣдную монету... Что это точно жизнь безъ грѣха и что это точно драгоцѣнность, мы будемъ говорить тогда, когда отдѣлаемся и разъ навсегда покончимъ съ вопросомъ о томъ, что̀ именно надобно дѣлать, чтобы драгоцѣнность эта не была промотана и не пошла прахомъ.

Въ виду этой цѣли, мы въ первыхъ главахъ нашего очерка и хотѣли въ грубыхъ чертахъ выяснить себѣ, въ чемъ именно заключается эта драгоцѣнность, которою обладаетъ народъ и которую жаль промотать. Объ этой тайнѣ народной силы, объ этомъ *какомъ-то* залогѣ, таящемся «въ нѣдрахъ», объ этой неуязвимости народнаго міросозерцанія и силы духа мы, особенно въ настоящее время, слышимъ на каждомъ шагу, но, къ несчастью, рѣшительно не видимъ мало-мальски опредѣленныхъ очертаній этой народной тайны.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Герценъ написалъ объ этой тайнѣ народнаго духа слѣдующее: «Мнѣ кажется, что есть *нѣчто* въ русской жизни, что̀ выше общины и государственнаго могущества; это *нѣчто трудно уловить словами и еще труднѣе указать пальцемъ*. Я говорю о *той* внутренней, *не вполнѣ сознательной силѣ*, которая столь *чу-*

десно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и западными капральскими палками,—о *той* внутренней *силѣ, которая* сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ русскаго крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостного состоянія, — о *той* наконецъ *силѣ* и вѣрѣ въ себя, *которая* жива въ нашей груди. *Эта сила* ненарушимо сберегла русскій народъ, его непоколебимую вѣру въ себя — сберегла *внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ*».

Что же это такое за сила? Какъ видите, такого огромнаго дарованія писатель, какъ Герценъ, не только не можетъ указать пальцемъ на эту силу, но не можетъ даже выразить ее словами. Эта сила, чудесная, таинственная, въ то же время не вполнѣ сознательная, сохраняетъ русскаго крестьянина и подъ кнутомъ, и подъ палкой, и въ крѣпостномъ униженіи, — словомъ, внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ. Что она такое — неизвѣстно: она только чувствуется, и хотя понять и уловить ее нельзя, тѣмъ менѣе можно указать пальцемъ, но *она* все-таки сберегла русскій народъ и сберегла вмѣстѣ съ вѣрой въ себя. Тридцать, тридцать пять лѣтъ тому назадъ даже человѣкъ такого огромнаго знанія, таланта и дарованія могъ только чувствовать эту народную тайну, но могъ и не касаться ея пальцемъ просто потому, что для этого необходимъ былъ мелкій утомительный опытъ, необходима была черная работа въ самой глубинѣ, у самыхъ корней этой народной тайны. Но повторять тѣ же таинственныя слова: «сила», «та таинственная сила, которая», «духъ которой непоколебимъ», «сила, которая устояла» — словомъ, повторять восторженнымъ голосомъ это безконечное «которая», къ которому можно прицѣпить все, что угодно, — повторять это въ настоящее время намъ кажется уже рѣшительно невозможнымъ. Такъ или иначе, намъ надо знать, что *это такое*, что не проймешь ни палкой ни кнутомъ, что внѣ формъ и противъ формъ сберегло русскій народъ и его вѣру, живой умъ, открытое лицо и т. д. Чтобы разъяснить себѣ этотъ вопросъ, прикоснуться къ нему пальцемъ, назвать его словами, мы рѣшаемся спуститься въ самую глубь мелочей народной жизни, идемъ въ избу, прямо къ представителю этой силы, и такъ какъ на прямой вопросъ: «отчего васъ невозможно пронять, и отчего, несмотря на татарскіе кнуты и капральскія палки, вы сохранили откры-

тое лицо и живой умъ», — отвѣта мы не получаемъ, то, разумѣется, надо самимъ намъ перерыть все, что̀ ни есть въ избѣ, въ клунѣ, въ хлѣву, въ амбарѣ, въ полѣ... Работа мелочная и непріятная... Право, господинъ благосклонный читатель, — утомительная и, право, непріятная! Вы вотъ все жалуетесь, что нѣтъ изящной словесности, все только о мужикѣ пишутъ. Во-первыхъ, это неправда: вы имѣете ежемѣсячно массу литературныхъ произведеній, написанныхъ вовсе не о мужикѣ, и притомъ весьма изящно. А во-вторыхъ, зачѣмъ вы читаете объ этомъ мужикѣ, и главное—зачѣмъ вы полагаете, что писанія эти надо причислить къ изящной словесности?.. Посмотрите, пожалуйста, повнимательнѣе въ оглавленіе, вѣдь и тамъ сказано: «замѣтки», «отрывки»... — какая же это словесность? Это просто черная работа литературы, а съ словесностью, вѣроятно, надобно покуда повременить. Пишущій эти строки, виновный до нѣкоторой степени въ литературныхъ огорченіяхъ читателя (одинъ провинціальный критикъ пишетъ: «читатель хочетъ *десерта*, а ему все о мужикѣ»), и самъ бы радъ былъ радехонекъ почитать что-нибудь хорошенькое, да все что-то не видно...

Трудна, непріятна и утомительна эта черная литературная работа, а дѣлать нечего, надобно работать. Мы вотъ все твердимъ: «сила», «духъ, духъ, духъ», «она самая, которая», которая чудеснымъ образомъ сберегла, сохранила и т. д., а что̀ это такое—не знаемъ, и можетъ случиться, какъ это и случилось, что сила таинственная и чудесная, сохраняющая неприкосновенность человѣка подъ палками и кнутами, вдругъ не сохранитъ его подъ ударомъ рубля. Вѣдь вотъ все вытерпѣлъ народъ—и татарщину и нѣмечину, а сталъ его жидъ донимать рублемъ—не вытерпѣлъ! Ну какъ что-нибудь еще случится непредвидѣнное? Почемъ знать?.. А вѣдь если все твердить: «та, которая», такъ вѣдь ровно ничего нельзя ни знать ни предвидѣть. Вотъ поэтому-то, несмотря на огорченія читателей и критиковъ, желающихъ «десерта», мы и рѣшаемся спуститься къ самымъ нѣдрамъ и корнямъ народной жизни... И здѣсь, послѣ милліона недоумѣній, милліона ошибокъ, терзаній, мы наконецъ радостно видимъ, что кое-что изъ этой тайны неуязвимости открылось намъ.

Оказывается, что «сила», которая сохраняетъ человѣка подъ кнутомъ и палкой, которая сохраняетъ у него, несмотря на гнетъ крѣпостного права, открытое, живое лицо,

живой умъ и т. д., получается въ этомъ человѣкѣ *непосредственно* отъ указаній и велѣній *природы*, съ которою человѣкъ этотъ имѣетъ дѣло непрестанно, благодаря тому, что живетъ особеннымъ, разностороннимъ, умнымъ и благороднымъ трудомъ земледѣльческимъ. Оказывается, что не только нашъ крестьянинъ — земледѣлецъ всѣхъ странъ, всѣхъ націй, всѣхъ народовъ точно такъ же неуязвимъ во всевозможныхъ внѣшнихъ несчастіяхъ, какъ неуязвимъ и нашъ, разъ только онъ почерпаетъ свою мораль отъ природы, разъ только строитъ свою жизнь по ея указаніямъ, разъ только повинуется ей въ радостяхъ и несчастіяхъ, т.-е. разъ только онъ — земледѣлецъ, такъ какъ нѣтъ такого труда, который бы такъ всецѣло и непосредственно, и притомъ каждую минуту и во всемъ ежедневномъ обиходѣ, зависѣлъ отъ природы, какъ трудъ земледѣльческій. Припомните, чего-чего ни перенесли французы, итальянцы, турки, славяне, нѣмцы и т. д.; но если мы дадимъ себѣ трудъ разыскать въ земляхъ, населенныхъ этими народами, то, что̀ называется нетронутою цивилизаціей деревней, такъ мы непремѣнно найдемъ то же самое міросозерцаніе, что̀ и у нашего крестьянина, — конечно, видоизмѣненное по внѣшнему выраженію, сообразно климату, темпераменту, породѣ и т. д. Но рѣшительно вездѣ, *точно такъ, какъ и въ нашей деревнѣ,* мы не найдемъ *никакихъ слѣдовъ* воспоминаній о какихъ бы то ни было гнетахъ и бѣдствіяхъ. Нашъ крестьянинъ сохранилъ открытое лицо и живой умъ, несмотря на татарское иго, шпицрутены и крѣпостное право. А французскій, настоящій нормандскій или бретонскій мужикъ сохранилъ развѣ воспоминаніе о нашествіи римлянъ, о нашествіи варваровъ, о безчисленныхъ войнахъ и дракахъ, въ которыхъ погибли милліоны его предковъ? Итальянскій пахарь, навѣрное, не помнитъ *всей* (!) римской исторіи, точно ея и не бывало. А сколько перерѣзано турокъ, и что̀ же?—лицо у нихъ улыбающееся и къ мордобитію расположенное во всякое время. Во время сербской войны съ поѣзда русскихъ добровольцевъ на одной изъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ свалился въ пьяномъ видѣ русскій крестьянинъ-доброволецъ. Поѣздъ ушелъ, а крестьянинъ, очнувшись, увидѣлъ себя въ какой-то мадьярской деревнѣ. Черезъ двѣ недѣли однако онъ съ другимъ поѣздомъ добровольцевъ добрался до Пешта и разсказывалъ о своемъ приключеніи.—«Что̀ же ты дѣлалъ эти двѣ недѣли?»—спрашивали его. — «Что̀ дѣлалъ!.. Какъ ѣсть

нечего — найдешь работу!»—«Что же ты работалъ?»—«Да все: дрова кололъ, воду возилъ—все, что по крестьянству слѣдуетъ».—«Но вѣдь ты не знаешь ни слова по-мадьярски, какъ же ты разговаривалъ?»—«Да чего мнѣ разговаривать-то? Дадутъ въ руки топоръ да подведутъ къ дровамъ, такъ я и безъ разговоровъ знаю, что мнѣ топоромъ не щи хлебать, а дрова рубить. Разговаривать!.. Поставятъ къ лошади съ плугомъ, *само собой* и видно, что надо пахать, а не въ карты играть или, напримѣръ, кофій пить»... Такое родство въ воззрѣніяхъ земледѣльцевъ всѣхъ странъ, мы увѣрены, вполнѣ существуетъ.

Эту неизмѣнность основныхъ чертъ земледѣльческаго типа накладываетъ на крестьянъ всѣхъ странъ свѣта неизмѣнность законовъ природы, которые, какъ извѣстно, также «устояли», несмотря на то, что въ Римѣ были Нероны и Калигулы, а у насъ — злые татарчонки, Бироны, кнуты, шпицрутены. Неизмѣнно, на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ тысячи тысячъ лѣтъ назадъ, такъ и теперь, стояло солнце; какъ и теперь, оно заходило и восходило въ тотъ же самый день и часъ, какъ и въ «безконечные вѣки»; могли смѣняться тысячи поколѣній тирановъ, всякихъ людей, нашествій, но тотъ человѣкъ, котораго трудъ и жизнь обязывали быть въ зависимости отъ солнца, долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ, какъ неизмѣннымъ оставалось оно. Возьмите нашего крестьянина изъ любой земледѣльческой деревни: онъ находится и сейчасъ *точь въ точь* въ такихъ же условіяхъ жизни и подъ тѣми же самыми вліяніями, какъ и тотъ скиѳъ, портретъ котораго вы можете видѣть въ книгѣ Вайца и который буквально точь въ точь похожъ на нашего «мужика»: тотъ же самый камень обходитъ сохой и теперешній мужикъ, какой обходилъ сохой скиѳъ, и, какъ древнѣйшій предокъ теперешняго мужика, обходя камень, говорилъ: «ишь, идолъ, разлегся на самой дорогѣ, возись тутъ около него»—такъ и теперешній мужикъ, поровнявшись съ камнемъ, не преминетъ вымолвить: «и нелегкая же тебя повалила на это мѣсто, неладная дубина!..» Рѣка, солнце, мѣсяцъ, весна, осень, трава, деревья, цвѣты — все до послѣдней мелочи природы было *точь въ точь* то же самое, что и «въ безконечные вѣки». *Это* было неизмѣнное. Отъ *этого* зависѣла жизнь, въ *этомъ* — тайна міросозерцанія. *Это* можно назвать и указать пальцемъ.

Въ строѣ жизни, повинующейся законамъ природы, несомнѣнна и особенно плѣнительна та *правда* (не *справед-*

ливость), которою освящена въ ней самая ничтожнѣйшая жизненная подробность. Тутъ все дѣлается, думается такъ, что даже нельзя себѣ представить, какъ могло бы дѣлаться иначе при тѣхъ же условіяхъ. Лжи, въ смыслѣ выдумки, хитрости, здѣсь нѣтъ—не перехитришь ни земли, ни вѣтра, ни солнца, ни дождя,—а стало-быть, нѣтъ ея и во всемъ жизненномъ обиходѣ. Въ этомъ отсутствіи лжи, проникающемъ собою всѣ, даже, повидимому, жестокія явленія народной жизни, и есть то наше русское счастье, и есть основаніе той вѣры въ себя, о которой говоритъ Герценъ. У насъ милліонныя массы народа живутъ, не зная лжи въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ — вотъ на чемъ держится наша вѣра. Впослѣдствіи мы постараемся разсказать нѣсколько самыхъ, повидимому, возмутительныхъ жестокостей въ народной жизни, и всѣ онѣ, съ точки зрѣнія міросозерцанія, воспитаннаго неизмѣнными законами природы, окажутся неизбѣжными, а люди, совершившіе ихъ, чистыми сердцемъ, какъ голуби.

Но хоть въ природѣ и все—правда, но не все въ ней ласково. Посмотрите-ка, какой веселый лѣсъ на горѣ, какіе тамъ веселые «птичекъ хоры», или какой онъ молчаливый и торжественный ночью, а между тѣмъ въ то время, когда онъ молчитъ, и въ то время, когда онъ весь поетъ и зеленѣетъ, какое идетъ въ немъ поѣданіе другъ друга! Вы не услышите ничего, кромѣ едва-едва примѣтнаго писка то тамъ, то сямъ. Кто-то кого-то ѣстъ, а потомъ, веселый и довольный, «съ свѣтлымъ лицомъ» и губами, на которыхъ незамѣтно крови, идетъ въ свое семейство... Лѣсъ не помнитъ своихъ прародителей, которые въ первый разъ были срублены во время татарскаго ига, а второй разъ—во времена «нѣмецкой бюрократіи», и претъ изъ ихъ сгнившихъ корней свѣжими стволами,—претъ потому, что слушаетъ солнца: нельзя ему не выпирать, коли оно его тянетъ, и некогда вспоминать прародителей. Не вспоминаетъ и этотъ волкъ съѣденной овцы и не виноватъ, конечно, въ этомъ; да и сычъ этотъ, съѣвши яйца въ чужомъ гнѣздѣ, тоже только облизывается и хвалитъ Творца. Все поѣдаетъ другъ друга каждую минуту и все каждую минуту родится вновь... Родится, цвѣтетъ, поетъ, только пискъ-то вотъ этотъ, который по временамъ слышится кое-гдѣ, вотъ онъ-то очень непріятенъ и щемитъ то заячье, то овечье, то птичье сердце. А въ человѣческомъ обществѣ, поставленномъ къ природѣ въ слишкомъ неразрывную зависи-

мость и не имѣющемъ возможности жить иначе, какъ по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ живетъ вышеизображенный лѣсъ, этотъ пискъ и вопль человѣческаго существа ужасенъ и жалокъ необыкновенно, потому что тутъ жестокое другъ надъ другомъ совершаютъ люди, а не звѣри, не безсловесныя животныя. Повторяемъ, и въ этихъ жестокостяхъ неизбѣжная правда: заѣдятъ непремѣнно слабаго, заѣдятъ *не зря*, а непремѣнно вслѣдствіе множества неотвратимыхъ резоновъ,—заѣдятъ, и всѣ будутъ невинны; но и сердце, которое содрогается отъ этого человѣческаго писка, частенько переходящаго въ стоны, также содрогается не безъ основанія. Любители охоты говорятъ, что собаки, обладающія особенно развитымъ чутьемъ, никогда не бѣгаютъ по слѣдамъ дичи, а бѣгутъ въ сторонѣ. Происходитъ это отъ того, что запахъ дичи на слѣду такъ сильно бьетъ собаку въ носъ, что она теряетъ обоняніе, не слышитъ запаха дичи, тогда какъ со стороны, съ боку слѣда, запахъ дичи она слышитъ отлично. Вотъ также и насчетъ сердца человѣческаго: одинъ деретъ съ другого шкуру—и не чувствуетъ; ему довольно знать, что нельзя иначе... А другой, и издали глядя на это зрѣлище, не только самъ ощущаетъ боль сдираемой кожи, не только чувствуетъ страданіе обдираемаго человѣка, но имѣетъ даже дерзость считать этотъ неизбѣжный актъ возмутительнымъ и жестокимъ, имѣетъ даже дерзость закричать издали: «что вы дѣлаете, проклятые!» — хоть и знаетъ, что они не виноваты.

Человѣкъ съ такимъ сердцемъ, съ такимъ чувствомъ и чувствительностью и есть, какъ мы думаемъ, человѣкъ интеллигентный. И такой человѣкъ всегда былъ, присутствовалъ въ самой средѣ *народной массы*, работалъ въ ней не во имя звѣриной, лѣсной правды, а во имя высшей, божеской справедливости. Наши интеллигентные прародители были такъ умны, знали, должно-быть, такъ хорошо народную массу, что для общаго блага ввели въ нее «христіанство», т.-е. взяли *послѣднее слово*, и притомъ *самое лучшее*, до чего дожило человѣчество вѣками страданій. И слово это, проповѣдывавшее высшую степень самоотреченія, они не побоялись внести въ среду людей, которые «звѣринымъ обычаемъ живяху». Общество, которое жило такимъ образомъ, очевидно, было вовсе не приготовлено къ воспріятію такой непривычной новизны; ему бы, если вѣрить нынѣшнимъ нашимъ руководителямъ, надобно было пережить весь смрадъ развалившагося міра прежде, чѣмъ

вкусить христіанство. Но наши прародители, повторяемъ, знали свой народъ, хотѣли ему добра и, какъ люди, которые сами близко жили къ природѣ, знали, что̀ такое значитъ жить «звѣринымъ обычаемъ»,—знали, что звѣриному обычаю не зачѣмъ переживать всевозможныя благообразныя измѣненія этого обычая, разъ ужъ есть нѣчто лучшее, высшее всего этого звѣринскаго благообразія. Они взяли то лучшее, что̀ только выстрадало человѣческое сердце, взяли христіанство и притомъ въ самомъ строгомъ, не подслащенномъ видѣ... Теперь мы роемся въ какомъ-то старомъ національномъ и европейскомъ хламѣ, въ національныхъ и европейскихъ мусорныхъ ямахъ...

Итакъ, въ русской народной массѣ всегда былъ интеллигентный человѣкъ. Онъ, вооруженный христіанскою идеей, шелъ безбоязненно въ массу народа, которая жила звѣринымъ обычаемъ. Частенько его колотили дрекольями, но онъ не унывалъ и неустанно твердилъ одно: «не сдирай шкуры съ ближняго!». Этотъ интеллигентный человѣкъ былъ настоящій работникъ народный, и работникъ практическій; чудеса нашихъ угодниковъ весьма не блещутъ разнообразіемъ; да настоящіе интеллигентные работники въ народной средѣ, зная эту среду за практическую, и дѣйствовали также практически. Когда одного изъ проповѣдниковъ христіанства жители нынѣшняго города Владиміра выгнали изъ города, онъ не унялся, а поселился неподалеку отъ города въ лѣсу и здѣсь, не надѣясь успѣть съ звѣриными сердцами родителей, сталъ принимать къ себѣ молодежь. Молодежь также отлично знала, что соловья баснями не кормятъ. Зналъ это и проповѣдникъ и счелъ необходимымъ, прежде нежели начать проповѣдывать, привязать ихъ къ себѣ угощеніемъ: сталъ онъ до отвала кормить молодежь кашей; послѣ каши молодежь стала ужъ слушать его волей-неволей, а потомъ и поняла и увѣковѣчила его память. Всѣ наши наиболѣе чтимые угодники непремѣнно были самые практически-дѣятельные, добрые, чувствительные люди. Тихонъ Задонскій покупалъ мужикамъ сѣмена, земледѣльческія орудія, хлопоталъ за нихъ въ тюрьмахъ. На эти расходы онъ истратилъ все, что̀ имѣлъ: даже перину продалъ; часы карманные тоже продалъ, послѣ его смерти осталось денегъ 14 руб. ассигнаціями. Этотъ прекраснѣйшій образецъ человѣчности (по страстности и вниманію къ положенію ближняго, по негодованію на условія его темноты и—главное—по пониманію

христіанства) не могъ довольствоваться важнымъ саномъ архіерея и правомъ поучать стадо словесно — онъ добровольно отказался отъ архіерейской каѳедры и удалился въ монастырь, гдѣ ему представлялась возможность вмѣшаться съ своею дѣятельною любовью въ народную среду.

Эта интеллигенція «угодниковъ Божьихъ» внесла въ народную русскую массу бездну всевозможной нравственной и физической опрятности (посты, браки въ извѣстное время года и т. д.). Но главное-то — они старались *«развить эгоистическое сердце человѣка* въ сердце *всескорбящее*, обобщить его разумомъ и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ»... *). Вотъ эта-то тенденція — превратить эгоистическое сердце въ сердце всескорбящее—и была положена въ основаніе народной школы, училища, основаннаго на псалтырѣ, и т. д. Цифири учили плохо, были бирки, а землю мѣрили (да и сейчасъ мѣрятъ) лаптями, «носкомъ въ пятку». Но воспитаніе сердца было настойчивое; учоба была тиранская, но касалась она не расчета, не выгоды, не простого, ненужнаго знанія, а проповѣдывала ту самую «строгость» къ самому себѣ и къ ближнимъ, которая нужна и важна въ человѣческоаъ обществѣ, вопреки той правдѣ дремучаго лѣса, въ которой оно обязано жить. Человѣкъ чувствовалъ, что эта правда жестока, несправедлива, и хотѣлъ сдержать ее «строгостью» справедливости. Худо ли, хорошо ли, а эта проповѣдь нравственныхъ обязанностей человѣка къ человѣку проповѣдывалась и лежала въ основаніи старой школы, когда люди жили звѣринымъ обычаемъ. Ничего практически-полезнаго, въ смыслѣ реализаціи этого ученія о «божественномъ», въ какомъ бы то ни было видѣ выгоды или удобства — эта школа не давала; напротивъ, она учила прямо необходимости въ нѣкоторыхъ житейскихъ отношеніяхъ нести убытокъ—подавать нищимъ, убогимъ, жертвовать на храмъ и т. д. А между тѣмъ такую школу народъ почиталъ за серьезную, гораздо болѣе серьезную, чѣмъ теперешняя, гдѣ можно узнать массу чисто практически-полезныхъ свѣдѣній объ удобреніи, навозѣ и т. д. Практической пользы въ хозяйствѣ, въ доходѣ, не могло быть ровно ни отъ какого чтенія или заучиванія наизусть, напримѣръ, псалтыря. Всякій зналъ, что изъ этихъ рыданій псалмопѣвца «не сошьешь шубы», а дол-

*) Какъ настоящая, такъ и предшествовавшая цитаты изъ Герцена заимствованы изъ книги Н. Страхова: «Борьба съ Западомъ».

били и плакали, и наказывали за неумѣнье выдолбить, потому что видѣли нравственную необходимость глядѣть на себя и на окружающихъ не съ одной только точки зрѣнія дремучаго лѣса. «Божественное» знакомило съ нравственными обязательствами и задачами человѣка. Худо ли, хорошо ли знакомило, а знакомство давало, по крайней мѣрѣ, возможность знать, что *это*—что-то серьезное, важное, хотя и не прибавляетъ въ доходы ни копейки, а, напротивъ, убавляетъ.

Вотъ эту-то божескую правду народъ и считалъ важною въ старинной псалтырной и часословной школѣ. Теперь же, когда времена значительно измѣнились, когда нѣтъ татарина, барина, когда общественныя и частныя отношенія въ народной средѣ осложнились, облеклись въ новыя формы—этой высшей точки зрѣнія на окружающее и нѣтъ въ современной школѣ. Нѣтъ той науки о *высшей правдѣ*, которая бы дала *теперь* человѣку возможность сказать себѣ, что̀ справедливо и что̀ нѣтъ, что̀ можно и что̀ нельзя, что̀ ведетъ къ гибели и что̀ спасаетъ отъ нея. При осложненности современныхъ отношеній въ народной средѣ, эта наука о высшей правдѣ должна бы значительно раздвинуть предѣлы переработки эгоистическаго сердца въ сердце всескорбящее, т.-е., говоря проще, должна бы прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ вопросовъ,—тѣхъ самыхъ вопросовъ, до которыхъ додумалась и дошла человѣческая *всескорбящая* мысль въ ту самую минуту, которую мы переживаемъ. «Какъ!—воскликнетъ читатель:—вы хотите, чтобы въ школѣ разговаривали о трудѣ и капиталѣ, хотите, чтобы такъ-называемые общественные, проклятые вопросы были поставлены въ школьномъ ученьи на должную высоту, чтобы всѣ деревенскіе мальчишки разсуждали о пролетаріатѣ и т. д.?» А почему же нѣтъ? Что̀ это за запрещенный плодъ? Почему эти жгучіе вопросы не могутъ быть поставлены прямо, широко, сдѣлаться достояніемъ общественной мысли? На чемъ основано невозможно-жестокое гоненіе всякой малѣйшей попытки показать народу рядъ огромныхъ общественныхъ задачъ, которыя къ тому же рѣшать такъ или иначе будетъ этотъ же самый народъ? Отчего «жгучіе вопросы» должны быть недоступны этому крестьянскому юношѣ, который по выходѣ изъ школы будетъ и семьянинъ, и общественный дѣятель, гласный, судья, присяжный, или — нищій, воръ, грабитель, убійца и т. д.?

Я рѣшительно не понимаю и не могу придумать ни единаго вѣскаго мотива, который бы хотя мало-мальски объяснилъ такое необузданное преслѣдованіе разговоровъ объ общественныхъ вопросахъ въ народной средѣ. Да не только въ народной, а и въ такъ-называемомъ интеллигентномъ обществѣ вопросъ о богатомъ и бѣдномъ, поставленный такъ прямо, какъ онъ поставленъ, напримѣръ, на картинкѣ о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ, — и то почти невозможенъ безъ нѣкотораго внутренняго страха за будущее того ребенка, который сумѣетъ понять этотъ вопросъ въ существующихъ формахъ. Между тѣмъ, если-бъ мы имѣли практическую смѣлость нашихъ прародителей, которые, какъ мы знаемъ, брали для своего народа послѣднее слово того *исключительно* справедливаго и *хорошаго*, до чего дострадалась человѣческая мысль, такъ мы именно не должны бы были бояться прямо, безъ всякихъ экивоковъ, смотрѣть въ глаза тому положенію, которое переживаетъ человѣчество старше насъ въ настоящую минуту, безбоязненно отдѣлять зло отъ добра и брать для нашего народа исключительно только послѣднее, не страшась того, что оно, быть-можетъ, и не придется иному по вкусу. Чтобы яснѣе было видно, что̀ мы считаемъ зломъ и что̀ добромъ, приведемъ слѣдующіе два примѣра.

Какъ извѣстно, при открытіи банка Бонту, его святѣйшество папа Левъ XIII взялъ для поддержанія репутаціи этого банка акцій на 50 тысячъ франковъ. Подержавъ ихъ у себя нѣкоторое время, святой отецъ почуялъ, что дѣла банка ненадежны, и поэтому, улучивъ удобную минуту, когда акціи банка, купленныя по 400 фр., достигли цѣны 2.400 фр., продалъ ихъ и такимъ образомъ ни за что ни про что положилъ къ себѣ въ столъ 250 тысячъ франковъ чистаго барыша.

Въ тотъ самый день и въ томъ же самомъ нумерѣ газеты, въ которомъ было напечатано это радостное извѣстіе, среди разныхъ ежедневныхъ мелочей, было разсказано такое происшествіе: недалеко отъ Кёнигсберга, въ одной прусской деревнѣ, крестьянка зарѣзала своихъ пятерыхъ дѣтей и сама хотѣла утопиться; но такъ какъ близъ той деревни, гдѣ она жила, рѣчка была мелкая, то она имѣла мужество перенести свое горе и отчаяніе до Кёнигсберга, на разстояніи 50-ти верстъ, и тамъ бросилась въ глубокую рѣку. Ее вытащили, а когда привели въ чувство и стали разспрашивать о причинѣ ея жестокаго поступка съ дѣтьми,

ея отчаянія, то она сказала въ свое оправданіе (!), что она *выбилась изъ силъ* на работѣ. Мужъ ея, изувѣченный въ послѣднюю славную франко-прусскую войну, не могъ работать. Вся тяжесть труда лежала на ней, и вотъ она, измучившись, *выбившись изъ силъ* (буквально!), рѣшила выйти изъ жизненныхъ тисковъ такимъ рѣшительнымъ и ужаснымъ образомъ.

Вотъ, какъ намъ кажется, самыя характерныя черты ненавидимыхъ нами европейскихъ порядковъ. Разъ человѣческое общество дожило до возможности имѣть въ своей средѣ такія крайности существованія, какъ существованіе деревенской бабы, *выбившейся изъ силъ* отъ работы для насущнаго хлѣба, и человѣка, который «заработалъ» въ одно мгновеніе, не шевельнувъ пальцемъ, 250.000 фр.,— разъ существуютъ воззрѣнія, вслѣдствіе которыхъ поступокъ папы не считается предосудительнымъ (навѣрно, множество людей скажутъ: «ловко, отче, сумѣлъ, во-время» и т. д.), а поступокъ женщины, доведенной до отчаянія, *преступленіемъ*,—разъ все это есть и разъ все это связано между собою рядомъ какихъ-то, всѣми признаваемыхъ за неизбѣжное, оправдательныхъ доводовъ, не трудно видѣть, что общество это таитъ въ глубинѣ своей смертельную язву огромной неправды, что шаблонные оправдательные доводы — ложь, обманъ, то-есть не трудно видѣть ту *правду*, которая видна изъ-за этой лжи человѣческихъ отношеній.

Теперь спрашивается: если мы знаемъ (а наше русское счастье и состоитъ въ томъ, что все это мы можемъ и видѣть и знать, не развращая себя развращающимъ опытомъ),—если мы знаемъ, что такіе порядки въ результатѣ сулятъ несомнѣннѣйшую гибель обществу, ихъ выработавшему (что мы тоже отлично *знаемъ*), то почему же у насъ не хватаетъ способности на ту простую практическую правду, которою обладали наши прародители, вводя христіанство въ сознаніе народныхъ массъ, чтобъ *открыто* не признать этихъ порядковъ ложью, чтобъ *открыто* не взяться за ту правду, до которой дострадалось человѣчество и которая видна изъ-за этой лжи? Хотимъ ли мы, чтобы такіе же порядки развивались въ массѣ нашего освобожденнаго народа? Хотимъ ли мы, чтобъ онъ *со свѣжимъ аппетитомъ* возлюбилъ эти порядки? Если не хотимъ, то намъ нечего бояться положить правду въ основаніе народнаго образованія, нечего бояться ввести въ школы

«строгость» въ разработкѣ проявленія этой правды—дома, на улицѣ, на сходкѣ... И вотъ за эту-то науку, касающуюся строгости, то-есть высшей правды среди новыхъ, сложныхъ общественныхъ отношеній, сложившихся въ современной народной жизни, народъ нашъ и былъ бы, несомнѣнно, благодаренъ школѣ и сказалъ бы непремѣнно: «да, учатъ добру». А этого-то и нѣтъ! Есть все, кромѣ возможности говорить о высшей справедливости человѣческихъ отношеній. И вотъ въ школѣ скучно и учителю и ученикамъ...

XII. Заключеніе.

Въ этой заключительной главѣ нашего очерка, оказавшагося, какъ мы сами хорошо сознаёмъ, весьма неладно скроеннымъ и не вполнѣ крѣпко сшитымъ, мы хотимъ, во-первыхъ, сказать два слова въ объясненіе этой «неладности» очерка и, во-вторыхъ, договорить то, что въ немъ не было еще договорено. Желаніе отмѣтить значеніе въ народной жизни «земли», о которой крестьянинъ вопіетъ не только съ экономической стороны, но и со стороны нравственной, т.-е. показать, что земля нужна ему не только для того, чтобы быть лучше сытымъ (что тоже крайне бы желательно), но и для того, чтобы сохранить все свое міросозерцаніе, чтобы развить и укрѣпить на основаніи его свои семейныя и общественныя отношенія, свою мысль, свое чувство и т. д.,—это желаніе было возбуждено въ насъ тѣми многочисленными мѣропріятіями, направленными къ улучшенію и устроенію народнаго благосостоянія, о которыхъ мы, благодаря газетамъ, имѣемъ цѣлые десятки извѣстій. Жадно интересуясь, въ качествѣ деревенскихъ жителей, всѣми этими извѣстіями и радуясь, что «наконецъ» «что-то» «какъ будто» «въ самомъ дѣлѣ» затѣвается хорошее, мы въ то же время, и тоже въ качествѣ деревенскихъ жителей, не можетъ не видѣть, что обиліе мѣропріятій и обиліе извѣстій не блещутъ знаніемъ народной дѣйствительности, не отдѣляютъ главное отъ третьестепеннаго или вовсе ненужнаго, разрабатываютъ вопросы несущественные, оставляя въ сторонѣ самые насущные, толкуютъ о стропилахъ, когда не выстроены еще

и стѣны, строятъ печку на томъ мѣстѣ, гдѣ еще нѣтъ дома, и т. д. Съ нашей деревенской точки зрѣнія намъ кажется, что если бы прежде всего, прежде вопросовъ о народномъ пьянствѣ, самоуправленіи, «уѣздной проблемѣ», всесословной волости, былъ поставленъ на очередь и хоть *мало-мальски* удовлетворительно разрѣшенъ вопросъ земельный, то не было бы даже и надобности выдумывать такую укупорку бутылки водки, которая бы заставила пьяницу провозиться надъ этою бутылкою годъ, прежде чѣмъ получилась бы возможность добыть изъ нея одну рюмку, не было бы надобности въ выдумкахъ пятнадцативерстныхъ разстояній одного кабака отъ другого и другихъ безплодныхъ, а иногда и смѣшныхъ проектовъ *). Намъ кажется, что будь разрѣшенъ только этотъ главнѣйшій, существеннѣйшій вопросъ народной жизни, вопросъ благосостоянія и нравственности, какъ немедленно же, будто свѣжимъ и сильнымъ дыханіемъ вѣтра, стало бы «относить» и отъ кабаковъ, и отъ волостныхъ судовъ, и отъ «общественныхъ» помойныхъ ямъ самоуправленія тучи того смрада, который надъ ними нависъ и который гнететъ ихъ и давитъ. Смрадъ этотъ, который не даетъ ни дышать ни думать и который, смѣемъ увѣрить читателя, не будетъ разогнанъ никакимъ образомъ, если на него будутъ, какъ вѣеромъ, махать тѣмъ или другимъ замысловатымъ проектомъ, самъ собой исчезнетъ, какъ дымъ, разсѣется въ пространствѣ, «яко воскъ отъ лица огня» растаетъ отъ одного только добросовѣстнаго удовлетворенія насущнѣйшей народной нужды и отъ добросовѣстнаго признанія тѣхъ послѣдствій, которыя выльются въ извѣстныя требованія и произойдутъ послѣ того, какъ *главное* будетъ удовлетворено.

Вотъ для того-то, чтобы показать, что земля — *главное* не только по отношенію къ народному брюху, но и по отношенію къ народному духу, къ народной мысли, ко всему складу народной жизни, мы и задумали написать небольшой очеркъ, который бы касался этого значенія земли, по возможности сжато и кратко, чтобы тотчасъ же перейти къ дѣйствительности и показать, до какой степени значеніе это не принимается во вниманіе, какъ оно исковеркано

*) Въ одномъ изъ №№ «Сельскаго Вѣстника» напечатано мнѣніе о мѣрахъ противъ пьянства, принадлежащее перу какого-то крестьянина. Этотъ мудрецъ предложилъ такую мѣру: сдѣлать кабаки безъ дверей на улицу. На улицу должно выходить крошечное окно, въ которое можно было бы просунуть бутылку.

неразборчивыми и ничѣмъ не отражаемыми внѣшними вліяніями. Но когда мнѣ пришлось сосредоточиться на второй половинѣ моей задачи, то-есть показать значеніе земли, земледѣльческаго труда и морали, заимствованной непосредственно отъ природы (благодаря этому труду), въ области проявленій народнаго духа, — задача моя вдругъ приняла размѣры неподобающіе, огромные. Бракъ, семья, народная поэзія, судъ, общественныя заботы и т. д. и т. д., — словомъ, всѣ стороны народной жизни оказались проникнутыми этими вліяніями и моралью труда земледѣльческаго, во всемъ оказался его слѣдъ, вездѣ стала виднѣться черта, начало которой — въ полѣ, въ лѣсу... Быть краткимъ не представлялось возможности. Быть пространнымъ не было подготовки, — вотъ и пришлось говорить обо всемъ понемногу.

Говоря о многосложности возникшей предо мной задачи, я вовсе не хочу сказать этимъ, что народная жизнь и жизнь крестьянская представилась мнѣ въ видѣ чего-то совершенно особеннаго отъ жизни остального человѣчества, что «крестьянство» — это каста, не имѣющая ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ. Вовсе нѣтъ. Крестьянинъ — такой же человѣкъ, какъ и всѣ; но всѣ его общечеловѣческія потребности, желанія и нужды удовлетворяются своеобразно, на свой образецъ — удовлетворяются изъ извѣстнаго источника, имѣютъ извѣстный цвѣтъ, видъ и форму, и все это благодаря одной главнѣйшей чертѣ, лежащей въ основѣ его существованія, именно земледѣльческому труду. Никто не ходитъ голый, всѣ носятъ платье для того, чтобы не было холодно и чтобы не было срамно, но не всѣ носятъ одинаковый костюмъ. Жизнь и трудъ крестьянина требуютъ *непремѣнно* такого костюма, который онъ носитъ; онъ *непремѣнно* будетъ пахать въ лаптяхъ или босикомъ, потому что *долженъ* это дѣлать. У него есть превосходные смазные сапоги съ бураками, но земля и трудъ на ней требуютъ, чтобъ онъ, отправляясь въ поле, разулся и надѣлъ лапти. Если чрезъ милліонъ лѣтъ уцѣлѣетъ на свѣтѣ тотъ же самый плугъ, тотъ же родъ труда, та же добыча хлѣба, то крестьянинъ того времени все-таки пойдетъ въ поле «разумши» и въ однихъ худенькихъ штанишкахъ... Съ другой стороны, я также хорошо понимаю великосвѣтскаго франта, почему онъ не является въ лаптяхъ и армякѣ къ англійскому посланнику на балъ. (А вотъ чиновника, который, какъ слышно, хочетъ надѣть на

себя мужицкій армякъ и, пожалуй, лапти, — я понять не въ состояніи). Такимъ образомъ, какъ видите, одна и та же потребность въ одеждѣ удовлетворяется въ разныхъ формахъ, сообразно особенностямъ жизненной обстановки. Вотъ эти-то особенности въ удовлетвореніи общечеловѣческихъ потребностей крестьянина и отличаютъ его отъ остальныхъ породъ человѣческихъ (чиновникъ, купецъ, попъ, баринъ и т. д.). Всѣ они — люди, всѣ они имѣютъ однѣ и тѣ же потребности, но не одинаково ихъ удовлетворяютъ; потребности — тѣ же, но не тѣ же формы, порядокъ и размѣры удовлетворенія.

Вотъ эти-то особенности формъ, порядка и размѣровъ удовлетворенія общечеловѣческихъ потребностей намъ и желательно выяснить въ народной средѣ съ точки зрѣнія главнѣйшей основы всего строя народной жизни, съ точки зрѣнія власти надъ крестьяниномъ земли. И дѣло оказалось въ высшей степени многосложнымъ и труднымъ. Съ точки зрѣнія «власти земли» одни только отношенія мужчинъ и женщинъ другъ къ другу въ семьѣ потребовали бы долговременной разработки и усиленнаго труда. Чтобы показать на незначительномъ примѣрѣ, до какой степени любопытны *измѣненія* и перестановки въ удовлетвореніи однѣхъ и тѣхъ же человѣческихъ потребностей въ средѣ крестьянской и въ средѣ не-крестьянской, приведемъ слѣдующій примѣръ. Кому не извѣстно существованіе въ средѣ столичнаго и вообще не-деревенскаго общества типа, извѣстнаго подъ именемъ «мышинаго жеребчика»? Съ другой стороны, также всѣ знаютъ, что и въ деревнѣ существовалъ, а по глухимъ мѣстамъ существуетъ и нынѣ типъ «снохача». Повидимому, эти типы весьма похожи другъ на друга. Мышиный жеребчикъ и снохачъ, во-первыхъ, оба старики и, во-вторыхъ, оба *пристаютъ* къ молодымъ женщинамъ. Оба они — развратники, дѣло видимое. Побужденія ихъ одни и тѣ же, и удовлетворяютъ ихъ они однимъ и тѣмъ же способомъ, т.-е. пристаютъ къ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ. Но посмотрите на условія жизни одного и другого, и вы увидите, что въ обоихъ, повидимому, одинаковыхъ явленіяхъ *все то же*, а вмѣстѣ съ тѣмъ все *не то*. Что такое мышиный жеребчикъ, какова его біографія? Волею судебъ, мышиный жеребчикъ — человѣкъ, принадлежащій къ привилегированному сословію, человѣкъ обезпеченный. Хорошій кормъ, нетрудная жизнь сдѣлала то, что онъ созрѣлъ рано и уже въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ началъ срывать

цвѣты удовольствія; по мѣрѣ того, какъ онъ росъ, и цвѣты удовольствія разнообразились. Срывались они и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ и т. д. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе подвигался типъ, имѣющій преобразиться въ жеребчика, къ старости, тѣмъ болѣе онъ истощался, изнашивался, превращался въ тряпку. Достигнувъ 50-ти-лѣтняго возраста, онъ — уже совершенная развалина; ему надо румяниться, носить корсетъ; ему уже ничего не остается, какъ заняться «наконецъ» дѣлами, занять «постъ», сочинять проекты объ «оздоровленіи корней», отдыхая отъ трудовъ въ грезахъ и затѣяхъ испорченной фантазіи. Онъ развратенъ, у него мысли развратныя, онъ въ самомъ дѣлѣ развратитель... Что же такое снохачъ? Какая его біографія? — Прежде всего, въ качествѣ крестьянина, ребенка крестьянской семьи, онъ сталъ думать о *дѣлѣ* не въ пятьдесятъ лѣтъ, а въ пять, много восемь лѣтъ. Пяти лѣтъ онъ *играючи* загонялъ куръ, въ восемь лѣтъ онъ *играючи* приносилъ дровъ, за десять верстъ бѣгалъ какъ ни въ чемъ не бывало къ отцу въ поле, въ лѣсъ, а съ десяти лѣтъ уже сталъ *помогать* подержать лошадь, распрячь, сбѣгать за пять верстъ въ поле «обратать» буланку. Такимъ образомъ въ то время, когда физическія силы будущаго жеребчика шли на срываніе цвѣтовъ, силы будущаго снохача шли въ трудъ, тратились въ работу — сначала въ работу *играючи*, а потомъ и въ настоящую—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Юношескій организмъ жеребчика истощался, юношескій организмъ крестьянина, напротивъ, укрѣплялся. Работа требовала только дѣятельности организма; она поглощала тѣ четыре фунта хлѣба, которые онъ сталъ съѣдать въ теченіе сутокъ, когда только началъ работать въ настоящую, а настоящимъ работникомъ онъ уже, навѣрное, былъ въ пятнадцать лѣтъ. Онъ росъ, а передъ нимъ только расширялся кругъ труда, кругъ заботы: въ шестнадцать лѣтъ у него заботы было уже вдвое болѣе, чѣмъ въ пятнадцать; въ восемнадцать онъ уже — ради заботы о хозяйствѣ, ради того, что кругъ работъ хозяйственныхъ расширялся, что сталъ ему не подъ силу — женился, но женился не для цвѣтовъ удовольствія, а для того, чтобы пріобрѣсти бабью силу опять тоже для труда (вотъ въ это время онъ, пожалуй, былъ похожъ на развратника). Дѣти еще болѣе озаботили его, легли на его плечи новымъ бременемъ, размѣры физическаго труда еще болѣе расширились, и если онъ не свалился, то потому, что организмъ

его могучъ и крѣпокъ... Къ двадцати пяти годамъ у него уже *свои* дѣти, которыя тоже начинаютъ играючи загонять куръ, носить дрова, бѣгать съ поводомъ за лошадьми, и ему начинаетъ становиться легче. Ребята подрастаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у родителя сокращается его трудовой день, ему ужъ есть время «покалякать» на улицѣ, а года два тому назадъ ему калякать не было времени. У него растутъ свои работники, и съ каждымъ днемъ ему легче и легче. Устоявшій въ борьбѣ съ такимъ многосложнымъ трудомъ, какъ земледѣліе, организмъ его *начинаетъ жить на себя*. Изъ четырехъ фунтовъ хлѣба, которые ѣстъ крестьянинъ, не все уже тратится въ трудъ, а остается и на себя, на свое удовольствіе и благополучіе. Къ тридцати годамъ будущій мышиный жеребчикъ уже все испыталъ, уже истощенъ, уже скучаетъ, тогда какъ крестьянинъ, отбившись отъ тяжкихъ трудовъ, развивъ и укрѣпивъ свой организмъ, только-только начинаетъ входить въ силу, и чѣмъ дальше отъ тридцати лѣтъ, тѣмъ больше у него досуга, тѣмъ меньше труда и тѣмъ больше возможности мужать, расцвѣтать, жить. Мышиный жеребчикъ чѣмъ ближе къ старости, тѣмъ слабѣй и серьезнѣй (о дѣлахъ думаетъ, объ оздоровленіи корней), крестьянинъ же чѣмъ ближе къ тѣмъ годамъ, которые для жеребчика уже старость, тѣмъ ближе къ расцвѣту; какъ дубъ, чѣмъ старѣе, тѣмъ крѣпче и развѣсистѣй, такъ и крестьянинъ, одолѣвшій тридцатилѣтнюю трудовую борьбу и тяготу, тѣмъ веселѣй, юнѣй, здоровѣй, разговорчивѣй, чѣмъ тяготы этой меньше, тѣмъ больше досугу, сна и т. д. Такимъ образомъ къ пятидесяти годамъ крестьянинъ, сумѣвшій выйти здоровымъ и невредимымъ изъ-подъ гнета непрестаннаго труда, непрестанной заботы, непрестаннаго обремененія мысли расчетомъ, оказывается не только не сморчкомъ, какъ мышиный жеребчикъ, а человѣкомъ вполнѣ цвѣтущимъ, сильнымъ, крѣпкимъ, какъ дубъ, а главное — при этихъ-то условіяхъ получаетъ, благодаря подрастающему поколѣнію своихъ дѣтей, возможность жить *на себя* и для себя, *а не для труда и хозяйства*. Параллель между мышинымъ жеребчикомъ и снохачомъ будетъ такимъ образомъ слѣдующая: человѣкъ, имѣющій быть мышинымъ жеребчикомъ, начинаетъ влюбляться и срывать цвѣты удовольствія съ самыхъ раннихъ лѣтъ, постепенно дряхлѣетъ и, утрачивая способность любить, суживаетъ свои помыслы относительно женщинъ до самыхъ мелкихъ побужденій чувствен-

ности. Крестьянинъ, имѣющій быть снохачомъ, напротивъ, съ самымъ узкимъ своекорыстіемъ сходился съ женщиною въ юности, сходился ради тоже удовольствія облегчить свой трудъ и также большею частью безъ любви; ежедневный трудъ, послѣ котораго онъ спалъ какъ зарѣзанный, который потреблялъ огромную массу его силъ и иногда (какъ мы увидимъ ниже) прямо требовалъ въ хозяйственныхъ цѣляхъ воздержанія и цѣломудрія, и вмѣстѣ съ тѣмъ — тѣ же требованія того же воздержанія со стороны, такъ сказать, церковныхъ порядковъ (что̀ мы тоже увидимъ ниже), — требованія, весьма часто совпадающія съ требованіями успѣшности труда, — все это не давало человѣку тратиться, истощаться и изнашивать чувство, но, напротивъ, какъ бы замораживало, оставляло его неприкосновеннымъ вплоть до минуты облегченія труда, отдыха и процвѣтанія... Своекорыстный расчетъ по отношенію къ женщинѣ — участь жеребчиковъ въ старости — пережитъ крестьяниномъ въ юности.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ сходился съ женой не по любви, а ради личнаго удобства. Въ настоящее время въ деревняхъ, какъ, вѣроятно, извѣстно читателю, распространенъ обычай выходить замужъ и брать женъ уходомъ. Часа въ два зимней, молчаливой ночи по селу или деревнѣ несутся саночки, а въ нихъ мужчина и женщина. Если вы спросите, что̀ это такое?—вамъ отвѣтятъ: «Парень дѣвушку увезъ съ посидѣлокъ». Лошадь онъ добылъ самую лучшую, промчался стрѣлой... Но не всегда въ такихъ романтическихъ приключеніяхъ главную роль играетъ искренняя любовь мужчины. Во-первыхъ, большинство свадебъ «уходомъ» или «увозомъ» совершается для того, чтобъ избѣжать свадебныхъ расходовъ, которые, по малой мѣрѣ, обошлись бы рублей въ 60. Родители обыкновенно знаютъ, когда и съ кѣмъ уѣдетъ ихъ дочь, знаютъ это и женихъ, и невѣста, и родители жениха. Дѣлается это для того, чтобы дать родителямъ право (и то только для формы) сказать: «коли ушла безъ спроса, такъ и нѣтъ тебѣ ничего». Но, кромѣ этого, и женихъ большею частью не безкорыстенъ—беретъ онъ жену *безъ приданаго* не всегда исключительно по любви, а частенько и изъ расчета. «Помилуйте,—говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ молодыхъ супруговъ:—посылалъ-посылалъ изъ Петербурга отцу деньги, а теперича пріѣхалъ, ни зерна въ домѣ нѣтъ—все пропилъ. Думаю, Богъ съ вами совсѣмъ, хоть вы и родители...

Взялъ жену, *по крайности будетъ кому деньги беречь.* Пошлешь—ужъ, надѣюсь, не размотаетъ... Все свой человѣкъ...» Вотъ очень частенько изъ такихъ-то побужденій и совершаются браки крестьянами въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Изъ десяти браковъ прошлой зимы никакъ не менѣе половины сдѣланы именно во имя самаго сухого расчета. Парень женится, «*привяжетъ къ себѣ*» жену, поживетъ недѣлю—и въ Петербургъ. Ѣдетъ въ спокойномъ состояніи духа: «привязалъ»—и «будетъ кому деньги посылать»... До Святой онъ ужъ не будетъ дома, потому—«постъ», «мы чтимъ законъ» и т. д., а послѣ Святой опять уйдетъ до осени, потому—«дачи начинаются», «торгуемъ по дачамъ: зелень, фрукты... да и женѣ много работы въ полѣ, въ огородѣ... Не до этого, помилуйте!..» Осенью придетъ, принесетъ деньги, опять недѣльку поживетъ—и опять постъ, опять невозможно: «законъ», надо въ Питеръ, «зима, торговля»... «ужъ опять, стало-быть, до мясоѣда...»

Итакъ, «одно и то же» въ жизни будущаго жеребчика и снохача расположено и пережито не такъ и не въ одинаковомъ порядкѣ. У одного расцвѣтъ по части цвѣтовъ удовольствія въ юности, у другого—въ старости; одинъ, приближаясь къ старости, тощаетъ, изнашивается; другой въ эти же годы только-что входитъ во вкусъ жизни, а истощался онъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. У одного чувство мертвѣетъ и сохнетъ по мѣрѣ одряхлѣнія, у другого оно сохло и черствѣло, даже прямо находилось въ замерзшемъ состояніи въ ранней юности. Въ такой разницѣ вы не можете не видѣть вліянія труда, въ условіяхъ котораго живетъ крестьянинъ. Почему же это пробудившееся чувство не обращается на жену, а на постороннее лицо?—Да потому, что жена, какъ и всякая деревенская женщина, ужъ старуха къ этому времени. Она была взята какъ работница, она рожала, няньчила, варила, стряпала. Женскій трудъ въ крестьянской семьѣ и хозяйствѣ ужасенъ, поистинѣ ужасенъ. Глубокаго уваженія достойна всякая крестьянская женщина, потому что эпитетъ «мученица», право, не преувеличеніе по отношенію почти ко всякой крестьянской женщинѣ. Есть бабы глупыя и бабы умныя, но добрыхъ и мученицъ несравненно болѣе.

Снохачъ скверенъ тѣмъ, что жертвы для своего баловства выбираетъ тутъ же, въ своей семьѣ. Но это происходитъ потому, что, во-первыхъ, бабы эти—*свои* (экономія) и, во-вторыхъ, потому, что и другимъ обывателямъ также нужны

свои бабы и что дѣвушки нужны парнямъ для работы, а вовсе не для потѣхи стариковъ. Старики поэтому соединили воедино и рабочую силу женщины и потѣху. Экономія тоже!.. Въ настоящее время, когда земледѣльческіе порядки болѣе или менѣе разстроены, когда иной разъ парню нельзя жениться, потому что и одному «не съ чѣмъ взяться» и «не у чего быть», стало много холостыхъ мужчинъ и женщинъ. Крѣпкимъ старикамъ, расцвѣтающимъ годамъ къ 50-ти, всегда можно поэтому найти дѣвушку, которую «не возьмутъ», за которой не погонятся (въ былое время и баринъ бы изъ расчета продалъ куда-нибудь дѣвку или же изъ того же расчета прикупилъ бы гдѣ-нибудь дешеваго мужчину и женилъ его на лишней безпріютной дѣвкѣ, пріобрѣтя себѣ такимъ образомъ новое тягло и плательщика). Вотъ почему теперь встрѣчаются очень часто такія влюбленныя пары. Старикъ живетъ съ молодой дѣвушкой, какой-нибудь сиротой. Не зачѣмъ ему теперь быть снохачомъ. Теперь онъ можетъ дѣлать это открыто.

Недавно жена одного изъ такихъ влюбленныхъ стариковъ, какъ дубъ расцвѣтшихъ годамъ къ пятидесяти, пригласила колдуна съ тѣмъ, чтобы онъ отворожилъ ея мужа отъ его возлюбленной. Колдунъ взялся сдѣлать дѣло за пять рублей, но прежде всего пожелалъ видѣть эту возлюбленную. Сдѣлано было такъ, что эта дѣвушка, не зная, что на нее смотрятъ, должна была пройти съ подругами мимо того дома, гдѣ сидѣли колдунъ и жена влюбленнаго старика. Дѣвушка прошла мимо, колдунъ поглядѣлъ на нее, увидѣлъ, что она въ самомъ дѣлѣ красива, подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, сударушка, не могу я тебѣ службы сослужить!.. Нѣтъ, не могу отворожить!

— А ужъ мнѣ тебя хвалили-хвалили!—обиженно сказала обиженная жена. — Стало-быть, только языкомъ болтать умѣешь...

Чтобы сохранить за собой авторитетъ и репутацію колдуна и не обидѣть несчастной женщины, сказавъ ей прямо, что соперница ея приворожила къ себѣ мужа красотой, опытный и хитрый мужикъ не обидѣлся словами своей заказчицы, а подумалъ и, покачавъ головой, сказалъ со вздохомъ:

— Не могу, не могу, сударыня... Вѣдь это я *самъ* твоего мужа-то и привораживалъ къ ней! Вотъ бѣда-то! Вѣдь она (любовница) пришла ко мнѣ, назвалась его женой—«приворожи», говоритъ. Я сдуру-то и присмолилъ его къ этой

псовкѣ на вѣки вѣковъ. Теперича не то что пять рублей, а давай ты мнѣ милліонъ, такъ и то я отодрать его не въ силахъ—вотъ вѣдь какая оказія-то!

Возвращаясь къ рѣчи о томъ, какъ многосложна работа изученія семейныхъ порядковъ крестьянскаго дома, я долженъ повторить уже сказанное выше, что порядки эти, находясь въ зависимости отъ требованій и вліяній земледѣльческаго труда, осложнены еще требованіями и вліяніями церковными, которыхъ я никакъ не смѣшиваю съ вліяніями «народной интеллигенціи» (о ней говорю выше), наиболѣе всего олицетворяющейся типами также съ религіознымъ оттѣнкомъ. Церковныя требованія и церковныя вліянія такъ же, какъ мнѣ кажется, весьма много значатъ въ крестьянской жизни, даже въ отношеніи правильности обихода; мясоѣды, посты иногда *какъ будто* (утвердительно я не могу говорить, потому что не знаю навѣрное и мало объ этомъ думалъ) *подходятъ* къ условіямъ земледѣльческаго труда и какъ будто *помогаютъ* тому, чтобы человѣкъ *не вредилъ* труду. Повторяю: я ничего не могу сказать на этотъ счетъ обстоятельнаго, но знаю, что, напримѣръ, обиліе свадебъ въ такъ-называемый рождественскій мясоѣдъ, т.-е. между Рождествомъ и масленой, *не вредитъ* земледѣльческимъ работамъ, потому что бабы будутъ рожать осенью, послѣ работъ... Кажется, что огромный «великій постъ», какъ будто нарочно поставленный передъ весенними мѣсяцами и отодвигающій свадьбы къ апрѣлю и маю, также не вредитъ работамъ: бабы опять будутъ рожать зимой. Наконецъ посты осенніе, тоже довольно длинные и притомъ поставленные въ такое время, когда народъ отработался и когда онъ можетъ жить «на себя», тоже какъ будто не лишніе въ цѣляхъ хозяйственныхъ... Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: положимъ, бракъ состоялся въ рождественскій мясоѣдъ, ребенокъ родился осенью, послѣ уборки хлѣба, когда крестьянину можно бы и отдохнуть, но тутъ, во-первыхъ, баба поправляется и, во-вторыхъ, одинъ за другимъ два поста—успенскій и рождественскій, такъ что опять—«до рождественскаго мясоѣда», и, стало-быть, опять баба свободна въ рабочую пору. Конечно, въ нынѣшнее время, говоря языкомъ стариковъ, — «воля»; но что, напримѣръ, посты вліяютъ на семейныя отношенія, это, судя по разговорамъ тѣхъ же стариковъ, не подлежитъ сомнѣнію. Я помню, какъ одинъ наблюдательный старикъ критиковалъ недостатки приходскаго священника.

— Тоже іерей!—иронически говорилъ онъ.—Поглядѣть на него — святъ! Выйдетъ съ проповѣдью — сладкогласъ, больше ничего. А намѣсто того оказалось, что на словахъ-то онъ хоть и апостолъ, а на дѣлѣ-то кобель пестрый.

— Какъ же оказалось?

— А такъ. Пошли на Крещенье воду святить, гляжу я, что̀ мой батя не въ себѣ? Рветъ и мечетъ, комкаетъ, бормочетъ, спѣшитъ сломя голову. Кое-какъ свертѣлъ молебенъ, бѣгомъ домой. Что̀, молъ, такое у него? Анъ, оказывается, жена рожала,—стало-быть, въ самое Крещенье... Ну, какъ узналъ я это, тутъ я и подумалъ: нечего сказать, похожъ на апостола. Да такихъ дѣловъ даже и мужикъ пьяный себѣ не дозволитъ... Родила въ Крещенье... Есть ли тутъ совѣсть въ человѣкѣ?

Ровно ничего не понимая, я съ изумленіемъ спросилъ:

— Да что-жъ тутъ такого? Какъ же не родить?.. Что̀ за бѣда?

— А вотъ какая бѣда: ежели на Крещенье кончился девятый мѣсяцъ, такъ сочти-ка-сь на пальцахъ, когда первый-то былъ? Считай-ка назадъ девять-то мѣсяцевъ. Анъ и окажется—апрѣль? А въ апрѣлѣ-то что̀?—Постъ великій!.. Ну гдѣ-жъ тутъ совѣсть? Да, окромя того, какъ разобрали наши бабы это дѣло, какъ подвели число подъ число, день ко дню—хвать, и вышло чистый четвергъ! А считаются учители!.. Выйдетъ съ проповѣдью—и то и другое, абіе, абіе, думаешь, не вѣсть что̀... А тутъ вотъ какъ!.. Я ужъ тогда, признаться, сдѣлалъ ему вопросикъ. Встрѣтился, поздравилъ съ новорожденнымъ, да и говорю: «Что̀, молъ, отче, никакъ у васъ съ матушкой по календарю ошибочка вышла?..» Понялъ, ускользнулъ отъ меня въ калитку, яко дымъ... Да и матушкѣ тоже я упомянулъ. Сгорѣла со стыда!.. Вотъ они какіе законники! «Братіе, абіе», а на дѣлѣ-то и вышло абіе—бабіе!..

Извиняюсь передъ читателями въ не совсѣмъ скромномъ содержаніи приведеннаго разговора. Привести мнѣ его было необходимо въ виду того, что онъ очень «подходитъ» къ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Насколько церковныя вліянія совпадаютъ съ вліяніями хозяйственными и земледѣльческими въ условіяхъ, регулирующихъ семейныя отношенія крестьянина, я не могу сказать положительно, такъ какъ не имѣю нужныхъ свѣдѣній. Я знаю только одно, что какое-то вліяніе церковные порядки имѣютъ на семью, и не могу не догадываться, что иногда вліянія эти могутъ со-

впадать съ вліяніями на тѣ же семейныя отношенія условій труда. Что же касается собственно этихъ послѣднихъ земледѣльческихъ вліяній и требованій, то они также *несомнѣнны,* но также требуютъ разработки. Существованіе въ крестьянскомъ быту желанія сохранить женщину для возможно бо̀льшаго количества рабочихъ дней,—желанія, чтобы «баба» въ трудную рабочую пору «страды» была здорова, не лежала въ родахъ и не была брюхата — несомнѣнно. Такъ-называемыя женскія болѣзни терзаютъ огромное большинство деревенскихъ женщинъ. Кому раньше стала извѣстна «спорынья»—докторамъ или деревенскимъ женщинамъ—я не знаю, но знаю, что она играетъ въ жизни огромнаго большинства крестьянокъ весьма значительную роль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось написать разсказъ, гдѣ есть черты, касающіяся тѣхъ сторонъ крестьянской жизни, о которыхъ мы теперь говоримъ. Позволю себѣ привести его здѣсь, какъ *отдѣльную вставку,* а такъ какъ въ разсказѣ этомъ, помимо тѣхъ чертъ, которыя непосредственно касаются обсуждаемаго нами вопроса, есть множество другихъ чертъ, вовсе не касающихся даннаго вопроса, то мы и помѣстимъ его, какъ совершенно самостоятельный отрывокъ.

Изъ записной книжки.

Всякій разъ, когда мнѣ приходится встрѣчаться и говорить съ крестьяниномъ Гаврилой Волковымъ, мнѣ почему-то непремѣнно приходитъ въ голову такая мысль: «Не дай Богъ дожить до того времени, когда этотъ Гаврила дастъ волю той скрытой покуда въ душѣ его злости и недовольству, которыя теперь выражаются только въ сухомъ, постоянно жесткомъ выраженіи глазъ и губъ и въ тонѣ его голоса. Дай онъ волю тому, что̀ у него скрыто въ глубинѣ души,—и это скрытое немедленно олицетворится въ видѣ могучаго, ожесточеннаго и безпощаднаго верзилы съ огромной дубиной, поднятой надо всѣмъ свѣтомъ, безъ разбора». Человѣкъ этотъ, могучій физически, несомнѣнно надѣленъ сильной умственной энергіей; но то переходное время, которое мы переживаемъ, благодаря тому, что переживаніе это тянется неумѣренно долго, и тому, что, несмотря на неумѣренную длинноту, оно, какъ на грѣхъ, не дало ни-

какой солидной пищи общественному уму, такъ какъ именно умственная-то жизнь за весь этотъ томительный періодъ времени всего болѣе встрѣчала неожиданностей, неожиданныхъ препятствій въ своемъ развитіи,—благодаря этому умъ Гаврилы только разстроенъ, расшатанъ, разлакомленъ надеждами, слухами и разочарованъ въ нихъ другими, противоположными этимъ надеждамъ и слухамъ явленіями и тоже слухами. «Деньги»—вотъ *самое вѣрное* среди продолжительнѣйшей сумятицы и толкучки противорѣчивыхъ, а главное—почти всегда неопредѣленныхъ явленій жизни, которыя эта жизнь давала ему. Ему теперь около сорока лѣтъ. Въ ранней юности онъ жилъ при крѣпостныхъ порядкахъ, но уже носился слухъ, что ихъ не будетъ... Слухи росли, росли и ожиданія... Слабѣла напряженность въ трудѣ и убѣжденіе въ ея необходимости: вѣдь все это кончится, будетъ новое, разумѣется, лучшее... Кончилось... Баринъ заложилъ имѣніе въ банкъ и уѣхалъ. Очевидно, кончается прошлое. Барскій домъ стоитъ пустой. А трудъ сталъ тяжелѣе прежняго, земли меньше, расходовъ больше. Понадобился посторонній заработокъ. Въ домѣ при жизни крутого отца-хозяина между тѣмъ шелъ старый порядокъ, царилъ деспотизмъ отца. Отецъ отбиралъ деньги, зарабатываемыя братьями. Одинъ зарабатывалъ больше, а другой—меньше, зарабатывали на разномъ, а жили подъ властью отца равно; это тоже какъ будто хуже прежняго—прежде работали одно... Не оказывалось толку отъ того, что баринъ уѣхалъ и домъ его запустѣлъ; не оказывалось толку и отъ усиленныхъ трудовъ на сторонѣ—ихъ поѣдали другіе, ненужнымъ оказывался отцовскій деспотизмъ во имя того, чтобы держать крестьянство. Богатѣть «отъ крестьянства» вышло изъ моды—стало входить въ моду богатство отъ «обороту», отъ денегъ... Это богатство, богатство кулацкое, можетъ ни сѣять ни жать, а оборачиваться капиталомъ и жить припѣваючи. Это—новый типъ достатка. И вотъ у Гаврилы новый червь точитъ душу: у него столько семья переѣла заработковъ, что онъ, ежели бы пускалъ ихъ въ оборотъ, давно бы былъ такой же почетный членъ деревни и жилъ бы въ такомъ же достаткѣ, какъ и вотъ этотъ Черемухинъ, который началъ обороты съ мѣднаго алтына. А семейный деспотизмъ давитъ, и все безъ толку: съ крестьянствомъ, съ овсомъ и сѣномъ, съ пашней не угнаться за Черемухинымъ, а семейный деспотизмъ не уменьшается, а растетъ, потому что растутъ платежи,

растетъ количество требующихся денегъ, растетъ необходимость труда, чтобы не растратиться, иначе Черемухинъ слопаетъ... Все, что ни переживалъ Гаврила, все *только раздражало:* ждали воли, думали, будетъ лучше, а стало хуже, труднѣй... По-настоящему, отецъ долженъ бы былъ его отпустить, дать ему жить своимъ умомъ, на свой заработокъ, а онъ не только не пускаетъ, но гнететъ все сильнѣй и сильнѣй—боится разстройства. Несмотря на усиленные труды, разстройство это въ то же время оказывается возможнымъ каждую минуту. Околѣй лошадь—надо кланяться Черемухину, а тотъ въ руки заберетъ, опять худо. А вотъ Черемухинъ и въ руки можетъ забрать, и гнета надъ нимъ нѣтъ, и труда адскаго нѣтъ, и нужды не знаетъ. Что это такое? Гдѣ источникъ этой почему-то безплодно-трудной жизни, нисколько не увеличивающей ни благосостоянія ни свободы?.. Иногда Гаврила и другіе его братья каждый поодиночкѣ пробовали-было протестовать противъ отцовскаго деспотизма, но оказывалось, что деспотизмъ этотъ силенъ и можно за него сыновей драть. Зло накапливалось на душѣ Гаврилы: зло на отца, на трудъ, на платежи, на Черемухина, зависть къ легкой наживѣ, гнѣвъ на малоземелье, на всевозможные хозяйственные платежи... Работай, плати, а ни себѣ ни всему дому толку не видно. Одно только понялъ Гаврила хорошо и ясно,—это то, что *деньги*—и выходъ и рѣшеніе вопроса о всѣхъ затрудненіяхъ. И стало-быть, только бы ихъ добиться... Съ деньгами можно никого знать не хотѣть, купить, выкупить, продать и опять купить.

Наконецъ умеръ деспотъ-родитель. Гаврила немедленно отдѣлился съ семьей. Надежда на земледѣльческій трудъ у него была потеряна и подорвана, а приходилось именно жить этимъ трудомъ и притомъ ужъ одному, то-есть опуститься подъ гнетомъ страшнаго труда, и зачѣмъ?—чтобы только перебиваться со дня на день... А Гаврила привыкъ знать, что онъ принадлежитъ къ богатой семьѣ. Онъ выросъ въ семьѣ, которая когда-то богатѣла только трудомъ рукъ своихъ, считалась богачами между тружениками, а теперь богачами стали Черемухины, а онъ изъ богачей попалъ въ нищіе—круглый годъ въ грязи, въ нуждѣ, въ работѣ безъ отдыха, безъ толку и безъ конца...

Жажда «выбраться», «выбиться» сосредоточила всѣ его помыслы и помыслы его жены, тоже энергической, суровой женщины, на деньгахъ. Всякими способами добывать

деньги, а тамъ будетъ видно... Всякое «шерамыжничество» было для Гаврилы только способомъ. Вотъ Черемухинъ прессуетъ сѣно и везетъ въ Питеръ, наживаетъ деньги. Разсказываютъ, что тамъ въ тюкахъ и гнилое идетъ за хорошее—гдѣ тамъ видѣть, что внутри тюка,—и Гаврила сейчасъ же перенимаетъ, платитъ за прессовку и начинаетъ эксплоатировать именно «гнилье». Онъ разыскиваетъ мѣста, успѣваетъ привезти два-три воза хорошихъ, потомъ вдругъ сбываетъ массу гнилья и исчезаетъ... Такія вещи онъ успѣшно повторяетъ съ двумя-тремя разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ Петербурга... Вотъ у него и деньжонки есть, маленькія, «чуть-чуть». Но вдругъ его накрываютъ съ этимъ сѣномъ въ Петербургѣ, волокутъ въ часть, составляютъ протоколъ, мызгаютъ по судамъ. Онъ вретъ, лжетъ; но все-таки сидитъ въ темной, остается безъ сѣна и безъ денегъ. Мошенничество не только не увѣнчалось успѣхомъ, но пошло прахомъ. Между тѣмъ онъ знаетъ и по опыту другихъ и по личному опыту, что оно увѣнчивается иногда успѣхомъ. Разозленный неудачей, онъ, съ энергіей усиленнаго ожесточенія за обиду и пропажу денегъ, вновь принимается за измышленія и тоже шерамыжничаетъ. Онъ пристально слушаетъ, за что даютъ деньги, какъ ихъ добываютъ... Петербургскія событія вносятъ въ народную массу множество неясныхъ и раздражающихъ слуховъ... Вотъ однажды идетъ Гаврила по казенному лѣсу съ ружьемъ, видитъ—ѣдетъ какой-то баринъ тоже съ ружьемъ, а въ телѣжкѣ утка валяется убитая. Моментально все, что было неяснаго и злобнаго въ душѣ и головѣ Гаврилы, сосредоточилось въ звѣрскомъ желаніи «поймать барина и представить»... «Вѣдь это—господа все... Награда... Въ казенномъ лѣсу... За начальство... Отлично—награда». И Гаврила, несмотря на то, что онъ былъ такой же посторонній казенному интересу человѣкъ, какъ и тотъ баринъ, который ему встрѣтился, напалъ на него, какъ разбойникъ, отнялъ ружье, утку, забрался на козлы и, взявъ вожжи въ свои руки, примчалъ его въ деревню... «Безъ билета, въ казенномъ лѣсу! Просвидѣтельствуйте! Барина поймалъ!»—оралъ онъ на всю деревню, съ явнымъ желаніемъ надѣлать шуму и сраму... Баринъ бросилъ все и едва уѣхалъ. А Гаврила, вмѣстѣ съ другимъ мужикомъ, караульщикомъ казеннаго лѣса, помчался въ лѣсную контору. Онъ гнать лошадь не жалѣлъ, торговался съ лѣсникомъ насчетъ награды, но пуще всего былъ чему-то радъ—

радъ тому, что «схватилъ», «отнялъ», «приставилъ»... Скоро оба они предстали предъ лѣсничимъ, который, выслушавъ восторженное донесеніе Гаврилы, сказалъ: «Я посовѣтую барину, чтобъ онъ предалъ тебя, дурака, за самоуправство уголовному суду!.. Вонъ, разбойникъ!» А лѣснику сказалъ: «Лови мужиковъ, когда они лѣсъ воруютъ, а не господъ, когда они утокъ стрѣляютъ. Мужиковъ, по крайней мѣрѣ, сѣчь можно, а что я возьму за утку? Что-жъ, я изъ-за утки-то врага, что-ль, буду наживать?.. Дуракъ!» Гаврилу точно притянули къ суду, но баринъ помиловалъ его, и онъ еще кланялся барину, прося прощенія, тогда какъ внутри его клокотала злость и на барина, и на начальство, и на свою глупость. «Нѣтъ,—рѣшилъ онъ ужъ давно въ глубинѣ души своей:—грабить надо, больше ничего»... И эта жадность, алчность къ овладѣнію чѣмъ-то... чужимъ, разумѣется, а главнымъ образомъ—деньгами, стали расти въ немъ съ удивительною быстротою и упорствомъ. А рядомъ съ этими побужденіями алчности, какъ это ни странно покажется читателю, въ Гаврилѣ и въ его женѣ, которая понимала мужа съ одного взгляда, сталъ въ той же мѣрѣ развиваться какой-то аскетизмъ скупости... Копейки не тратилось на чай и сахаръ, ни одной папироски не выкурилъ Гаврила, ни одной рюмки вина не выпилъ съ тѣхъ поръ, какъ вырвался онъ изъ дому и отдѣлился. Ни съ кѣмъ и ни одного слова Гаврила не скажетъ безъ того, чтобы не разсчитывать на какую-нибудь выгоду. Если онъ зашелъ къ вамъ, то ужъ *такъ или иначе,* будьте увѣрены, онъ *заставитъ* васъ дать ему денегъ. Именно *заставитъ* васъ покориться тому, что онъ васъ непремѣнно надуетъ. Онъ не просидитъ лишней секунды безъ толку; въ случаѣ крайней неудачи, онъ выпьетъ три самовара, просидитъ пять часовъ молча и ужъ непремѣнно что-нибудь тѣмъ или другимъ образомъ получитъ или добьется чего-нибудь отъ своего посѣщенія. Безъ дѣла онъ васъ не знаетъ и даже не узнаётъ. Глядя на это злое лицо, на эти жесткіе глаза, при которыхъ потуги улыбнуться «покрестьянски» только трогали васъ больше, чѣмъ это лицо и глаза, чуешь, что какая-то недобрая сила гнѣздится въ этой душѣ, и кажется, что темная ночь, глухой безлюдный переулокъ, пьяный сѣдокъ съ деньгами и ударъ шкворнемъ по головѣ—не разъ мелькали въ этой энергической и темной головѣ, какъ дѣло «настоящее» и какъ рѣшеніе вопроса. Питая въ себѣ такіе идеи и планы, Гаврила все-

таки принужденъ заниматься «крестьянствомъ»; работаетъ онъ шибко, хотя и мрачно. Маленькихъ дѣтей у него трое.

Таковъ Гаврила теперь, въ настоящую минуту, когда онъ уже прошелъ огонь, воду, мѣдныя трубы и «чугунные повороты» всевозможныхъ разстройствъ труда и духа, которыя сдѣлали и въ деревнѣ моднымъ хищническое направленіе жизни и мысли. Въ то же время, къ которому относится нашъ разсказъ, Гаврила еще не увѣровалъ такъ безповоротно въ высокое значеніе проходимства, а только чуялъ, что оно—главное; самъ же скрѣпился на жадности, на расчетѣ, на скупости. Каждый кусокъ сахару, каждая охапка сѣна, каждое полѣно, щепка—все употреблялось съ аптекарскою точностью; онъ зналъ, что̀ можетъ дать ему его трудъ и земля, зналъ впередъ на цѣлый годъ, что̀ ему придется ѣсть и пить, зналъ, какъ и на что будутъ употреблены деньги, полученныя имъ за телку, которая еще не появлялась на свѣтъ, даже не думала появляться...

Вотъ въ такую-то минуту, «разсчитавъ» всѣ свои средства, однажды послѣ уборки хлѣба, Гаврила увидѣлъ, что къ будущей веснѣ ему «не хватитъ» столько-то и столько-то, и что недостающее необходимо гдѣ-нибудь и какъ-нибудь выработать. Онъ рѣшился идти въ извозчики въ Петербургъ. Сначала онъ надѣялся работать просто съ своей деревенскою телѣгой, перевозить съ дачъ господъ и заработать къ зимѣ сани; Рождество, масленица, казалось ему, выручатъ его къ веснѣ. Онъ рѣшилъ ѣхать и сталъ собираться. Необходимо сказать, что уже послѣ того, какъ Гаврила съ женой отдѣлились, условія труда стали накладывать на нихъ разныя обязательства, во имя которыхъ требовалось все больше и больше, какъ мы видѣли, необходимости расчета и скупости; вотъ въ это-то время они—и Гаврила и его жена—*порѣшили не имѣть дѣтей* до поры до времени. Жена Гаврилы, о которой необходимо сказать подробно, была энергичная, страстная женщина. Она была красива, статна, но послѣ раздѣла, понявъ трудность положенія и всегда съ одного взгляда понимая планы и намѣренія мужа, всю свою энергію и всю свою страстность сосредоточила на томъ же, на чемъ сосредоточился и мужъ: выбиться, догнать и перегнать всѣхъ, кто давитъ, и стремиться повредить ближнему, закабаляя его во имя нужды. Въ виду этого скупость и разсчетливость мужа достигли въ женѣ высшей степени развитія: онъ былъ строгъ и разсчетливъ, а она стала разсчетливѣе въ сотни

разъ болѣе и въ сотни разъ скупѣе. Рѣшеніе не имѣть дѣтей изсушило ее: она стала худа, суха, молчалива,—но мужъ видѣлъ, что она понимаетъ необходимость рѣшенія и относится къ нему въ милліонъ разъ разсчетливѣе, чѣмъ онъ. Между ними установились какія-то молчаливыя отношенія. Они много молчали другъ съ другомъ, но другъ друга отлично понимали, затаивъ однѣ и тѣ же мысли.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ Гаврила, несмотря на свою сухость душевную, почувствовалъ, что ему «жалко» оставлять семью, жену... Наканунѣ дня отъѣзда (онъ собрался выѣзжать ночью) онъ такъ «соскучился», что, лежа на полатяхъ, не выдержалъ тоскливаго чувства и робко шепнулъ женѣ, хлопотавшей подъ полатями съ ребятами и другой мелкой домашней работой: «Авдотья, подь-ка сюда!»... Но Авдотья, хоть и слышала эти слова, не показала вида; она только громче застучала какой-то посудой, громче заговорила съ ребятами, громко хлопнула дверью, выходя въ сѣни, и долго не возвращалась. Воротившись, она легла спать съ дѣтьми, не давъ мужу никакого отвѣта, и притворилась, что крѣпко заснула. Да и мужъ успѣлъ уже «очувствоваться» и не повторилъ приглашенія. Онъ уже успѣлъ «высчитать», что чувственность его могла бы сильно повредить расчетамъ. Во-первыхъ, получился бы лишній ротъ, который отнялъ бы Авдотью отъ работы, и когда?.. И это онъ высчиталъ: оказалось—въ сѣнокосъ...

Въ два часа ночи Гаврила всталъ, запрягъ лошадь и сказалъ женѣ:—«Ну, такъ, значитъ, отписывай, коли что...» Жена отвѣтила:—«Ладно... Отписывай, все ли благополучно». Заперла ворота и принялась за дѣло.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Гаврила неожиданно узналъ, что ему не зачѣмъ вырабатывать городского экипажа, что такіе экипажи отдаются хозяевами извозчичьихъ дворовъ на прокатъ, отъ 50 коп. до 1 р. въ день, и что онъ, слѣдовательно, можетъ сейчасъ же сдѣлаться самымъ настоящимъ извозчикомъ. Деревенская лошадь и костюмъ извозчичій, который онъ могъ, сообразно со средствами, пріобрѣсти только самый плохой, обязывали его быть ночнымъ извозчикомъ, а не дневнымъ. Это обстоятельство познакомило его съ свойствами пьяной, темной петербургской ночи и, какъ кажется, положило начало любви къ темнымъ ночамъ и глухимъ переулкамъ. Петербургская осенняя или зимняя ночь, этотъ конецъ дневной вытяжки, лганья и вранья,—это время «воли», которымъ пользуется подтяну-

тый въ теченіе дня Петербургъ для того, чтобы люди не видали подъ покровомъ ночи, каковъ онъ «неподтянутый» и какъ много скрыто всякаго смрада въ глубинѣ этой выдержки и вытяжки,—этотъ ночной Петербургъ окончательно уронилъ въ мнѣніи Гаврилы «господъ», положивъ въ его душѣ начало наглой безцеремонности. Не разъ пьяные «господа» съ барышнями по ошибкѣ давали ему десятирублевую бумажку вмѣсто рублевой, и онъ привыкъ не стыдиться и не упускалъ случая попросить «еще» на водочку. Пользуясь ночною темнотой, не разъ надували и его, и онъ старался наверстывать тѣмъ же. Въ общемъ, дѣла Гаврилы шли хорошо: онъ не ожидалъ даже такихъ барышей. И вотъ однажды везъ онъ «изъ клуба» какихъ-то двухъ сѣдоковъ, барина и барыню. Они, видимо, подгуляли, были веселы, кричали оба: «Извозчикъ, пошелъ, погоняй, прибавимъ!»—и подъѣхали они къ какому-то подъѣзду, соскочили опрометью (кажется, это была гостиница) и ушли... Оглянулся Гаврила, а на сидѣньѣ дрожекъ муфта. Былъ октябрь въ началѣ, и холода, иногда со снѣгомъ и морозомъ, одѣвали петербургскихъ жителей въ теплыя платья. Недолго думая, Гаврила припряталъ мягкую муфту за пазуху и погналъ лошадь отъ подъѣзда. Возвратившись на квартиру часу въ пятомъ утра и распрягая лошадь, онъ при свѣтѣ фонаря вытащилъ изъ-за пазухи находку и сталъ ее разсматривать: муфта оказалась новенькая и, должно-быть, дорогая — такихъ мѣховъ Гаврила не видывалъ. Но, кромѣ самой муфты, внутри ея нашлось маленькое портмоне, которое Гаврила едва могъ открыть, употребляя на это почти лошадиную силу, и въ которомъ оказалось денегъ болѣе сорока рублей. Да и портмоне-то, кажется, серебряное. Находка была, очевидно, большая, цѣнная. Но что съ ней дѣлать? Показать на квартирѣ? Скажутъ: представь въ полицію. Продать? Скажутъ: укралъ,— и какъ бы совсѣмъ не отобрали. Онъ спряталъ ее подъ половицу въ сараѣ, поднявъ ее и выцарапавъ руками яму. Яму эту онъ засыпалъ снѣгомъ, и, несмотря на то, что никому не пришло бы въ голову, что подъ половицей что-то есть, онъ не спалъ всю ночь. Всю ночь онъ думалъ, какъ быть, и наконецъ рѣшилъ запрячь лошадь въ телѣгу, ѣхать въ деревню, отдать находку женѣ... Можетъ-быть, лѣтомъ наѣдутъ господа на дачи... Да и сама баба, можетъ, что выдумаетъ. Необходимо ѣхать, потому что здѣсь, въ Петербургѣ, находка можетъ пропасть, отлучка же не продлится болѣе трехъ сутокъ.

Выждавъ денька два, покуда убѣдился, что никто не ищетъ потеряннаго, Гаврила запрягъ лошадь въ телѣгу и уѣхалъ въ деревню, спрятавъ находку на груди... Черезъ день онъ былъ въ деревнѣ, а еще черезъ день уѣхалъ обратно въ Питеръ, но въ этотъ промежутокъ, подъ впечатлѣніемъ находки муфты, денегъ и портмоне, и вообще подъ впечатлѣніемъ нѣкоторой удачи, одинаково дѣйствовавшей какъ на Гаврилу, такъ и на его жену, отношенія мужа и жены утратили нѣкоторую долю офиціальности. «Ахъ,—думалъ Гаврила въ дорогѣ:—никакъ по числамъ-то не выйдетъ...» То же думала и Авдотья... Нѣсколько разъ и мужу и женѣ приходило въ голову, что не зачѣмъ бы было случиться тому, что̀ вышло противъ всякихъ расчетовъ. И точно, расчетъ Гаврилы оказался ошибочнымъ. Едва онъ воротился, въ Петербургъ, какъ узналъ, что въ газетахъ была объявка, что приходилъ городовой и разспрашивалъ, «не находилъ ли кто» такихъ-то и такихъ-то вещей. Неожиданный отъѣздъ его въ деревню былъ принятъ во вниманіе, во-первыхъ, товарищами по промыслу, которые и стали толковать о находкѣ и подозрѣвать Гаврилу. Городовой опять пришелъ, сталъ выспрашивать Гаврилу и такъ настойчиво, что Гаврила струхнулъ. Попробовалъ-было онъ отдѣлаться безъ взятки—городовой потащилъ его въ кварталъ для допроса; попробовалъ-было онъ отдѣлаться двугривеннымъ — городовой пять разъ кряду оштрафовалъ его за всевозможныя нарушенія порядка: за то, что сталъ у панели, не сидѣлъ на козлахъ, за то, что шелъ посреди улицы рядомъ съ дрожками. Пришлось дать сразу синюю ассигнацію, чтобы утихомирить малое начальство. Не въ руку Гаврилѣ пошли святки и масленица. На святкахъ цѣна за прокатъ саней поднялась втрое, поднялись въ цѣнѣ овесъ и сѣно. Народу изъ деревень понаѣхало множество, и выручка была плохая. Пьяные отнимали множество времени на хлопоты: возитъ-возитъ Гаврила иного по переулкамъ, а тотъ только мычитъ, а ничего не говоритъ, привезетъ въ кварталъ и уѣдетъ безъ денегъ. На масленой наѣхали тысячи чухонцевъ и сразу уронили цѣну до ничтожныхъ размѣровъ; пришлось гонять лошадь до упаду. Не посчастливилось и съ погодой: утромъ снѣгъ, а ночью поѣзжай на дрожкахъ, плати вдвое — и за сани и за дрожки... Въ концѣ концовъ, когда Гаврила возвратился въ деревню (великимъ постомъ), выручка его вмѣстѣ съ находкой только-только оправдывала тѣ расчеты и надежды,

которые онъ имѣлъ въ виду, отправляясь на заработокъ. А Авдотья была ужъ беременна, и, какъ видите, это обстоятельство являлось теперь не подходящимъ ни къ какимъ расчетамъ. Родить она должна въ іюнѣ, въ самую рабочую пору: надо ходить за ребенкомъ, надо поправляться. Нанять работницу?.. А сочти-ка, сколько это стоитъ.

Въ іюнѣ Авдотья родила, къ ужасу мужа и жены, двоихъ дѣвочекъ. Это было такъ глупо и ни съ чѣмъ несообразно, такъ разстраивало всѣ планы, что мужу и женѣ стало даже стыдно. Они опять замолкли и молча дѣлали свое дѣло, молча понимали другъ друга. Обѣ дѣвочки лежали въ одной люлькѣ, завѣшенныя пологомъ; Авдотья ходила на работу, оставляя присматривать за ними свою же маленькую шестилѣтнюю дочь. Та качала ихъ, когда запищатъ; но онѣ были тихи: онѣ все спали... Авдотья придетъ съ работы, уйдетъ за перегородку, нальетъ рожки и дастъ ихъ ребятамъ, задернувъ занавѣску. Но что она дѣлала, это пришлось узнать мнѣ совершенно случайно, и я былъ такъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ, что, говоря по совѣсти, не желалъ бы передавать этого видѣннаго читателямъ. Но дѣлать нечего, надобно досказать до конца. Случайно пришлось мнѣ зайти въ избу Гаврилы, когда ни его ни жены не было дома. Зачѣмъ я заходилъ, не помню хорошенько. Войдя въ избу и узнавъ отъ дѣвочки, что родителей нѣтъ дома, я совершенно случайно заглянулъ въ люльку... Двѣ дѣвочки лежали головами врозь: лица ихъ были необыкновенно красны, какъ кровь, а рты были раскрыты, какъ у голодныхъ птенцовъ. Чмокнувъ сухими губами, дѣти опять какъ только возможно шире раскрывали рты, тяжело, прерывисто дыша, какъ бы отъ пожирающаго внутренняго жара. Я нагнулся—отъ дѣтей несло водкой... Водка была въ рожкахъ. Дѣти умерли въ ту же ночь. Они были лишнія, появленіе ихъ нарушало расчеты и весь обиходъ труда. И вотъ ихъ уже теперь нѣтъ...

Не буду говорить, почему я не могъ вмѣшаться въ это дѣло, и почему вообще у насъ рѣдко можно вмѣшиваться постороннему лицу въ чужія, хотя бы и звѣрскія дѣла, не говоря о полной невозможности вмѣшательства въ такъ-называемыя общественныя дѣла, очень и очень часто прикрывающія собою адское своекорыстіе и неправду. Я опять-таки только сожалѣю, что мнѣ пришлось написать эту ужасную сцену. Но она — сущая правда. «Почему, — гово-

рили мнѣ не разъ: — вы берете *только* такія возмутительныя явленія? Неужели въ народной жизни нѣтъ явленій свѣтлыхъ и теплыхъ?» Двадцать разъ я отвѣчалъ, что есть такія явленія во множествѣ, но я не могу касаться ихъ въ очеркахъ, посвященныхъ явленіямъ *разстройства* народныхъ порядковъ. Я волей-неволей обреченъ на подборъ этихъ ужасовъ, которые, впрочемъ, сами лѣзутъ въ глаза, потому что въ господствующемъ теченіи народной жизни въ «настоящую минуту» я вижу разстройство, притокъ дурныхъ явленій, непропорціонально великихъ сравнительно съ явленіями устройства и расцвѣта душевнаго добра. На этихъ людей я не только не смотрю какъ на звѣрей, но думаю, что это убійство двухъ собственныхъ дѣтей — результатъ множества сложныхъ и главнымъ образомъ не благотворныхъ, а ожесточающихъ вліяній; убійство, затаенное въ глубинѣ души, убійство вынужденное, будетъ отомщено Гаврилой и его женой на комъ-нибудь или на чемъ-нибудь. Мнѣ хочется сказать, что такихъ явленій, какъ и множества всякаго зла, для русскаго народа ненужнаго, гибельнаго, могло бы не быть. Но я объ этомъ говорилъ уже не разъ и, насколько могъ, убѣдительно...

Этотъ тяжкій эпизодъ хоть и не говоритъ собственно о давленіи земледѣльческаго труда на семейную жизнь, но указываетъ, что обстановка земледѣльческаго труда, особливо въ настоящее время, когда трудъ этотъ вообще разстроенъ, обязываетъ человѣка къ извѣстнымъ «расчетамъ» даже въ самыхъ, повидимому, неуловимыхъ семейныхъ отношеніяхъ, — что обстановка эта можетъ иногда *приказать* человѣку сдѣлать то-то и то-то, а «глядя по человѣку» будетъ и исполненіе этого приказанія.

Вонъ плотникъ Никаноръ засыпанъ ребятами выше головы. Онъ и жена его — добрые люди, имъ ѣсть нечего, а она, добрая мать, утѣшаетъ голодныхъ дѣтей сказками про Дмитрія-царевича, который былъ красивъ, силенъ, уменъ и точь въ точь походилъ красотой и силой на ея Васютку, который такъ доволенъ, что онъ похожъ на царевича, что и ѣсть не проситъ, а сидитъ съ вытаращенными отъ удовольствія глазами, на которыхъ еще не просохли слезы отъ голода... Вотъ они не сдѣлаютъ этого, хотя Никаноръ въ пьяномъ видѣ и колотитъ жену до полусмерти, чтобъ «убавить» въ ней эту «силу жизни», которая, невзирая ни на что, плодится, множится и знать ничего не хочетъ, не страшится никакой нужды, согрѣваемая

какой-то неизсякаемою добротой... И доброту-то эту Никаноръ хочетъ въ пьяномъ видѣ убавить въ своей доброй бабѣ побоями... Она худѣетъ, ходитъ разодранная и оборванная, съ голою грудью, но продолжаетъ родить и быть доброй. Сиротъ они оставятъ цѣлую кучу...

Изъ этихъ примѣровъ хоть отчасти можно видѣть, какъ сложны и многосторонни тѣ оттѣнки особенностей семейныхъ отношеній, которые складываются въ народной средѣ подъ вліяніемъ условій земледѣльческаго труда. Не менѣе любопытны и поистинѣ плѣнительны и тѣ черты стройности и здоровой правды отношеній, которыя слагаются подъ вліяніемъ того же благороднаго труда въ семьяхъ, гдѣ условія этого труда случайно благопріятны. Говорить объ этихъ поистинѣ завидныхъ семьяхъ, не приводя въ параллель съ удивительными типами людей труда другихъ типовъ, людей обезпеченности и смертной тоски—нельзя, а этого опять-таки не упишешь въ незначительномъ очеркѣ. Вотъ почему мы и оставляемъ разработку подробностей нашей задачи до болѣе благопріятнаго времени, а теперь, чтобы досказать до конца нашу мысль, мы вынуждены сузить нашу задачу до ея первоначальныхъ размѣровъ.

Съ этой узкой точки зрѣнія мы потому придаемъ «землѣ» огромное значеніе не только въ жизни всего русскаго народа, но, какъ увидитъ читатель, и всего русскаго общества, что «земля» и ея значеніе, въ наиглавнѣйшихъ и крупнѣйшихъ особенностяхъ русской земли, выступаютъ *ярко* и ясно видны намъ среди другихъ характеристическихъ чертъ, также, быть-можетъ, имѣющихъ значеніе въ объясненіи «русскаго типа», но не такъ яркихъ, не такъ ясныхъ и не такъ неотразимо понятныхъ, какъ земля и ея власть. Когда намъ говорятъ: «русскій народъ... какъ одинъ человѣкъ отъ Перми до Тавриды... сплошная, однородная масса, одинъ духъ, одинъ нравъ, одинъ характеръ, по одному мановенію» и т. д., мы вѣримъ этому, потому что видимъ это; но когда захотимъ объяснить себѣ причины этой однородности и сплоченности, то *первое,* что бросается въ глаза *само собою*, это — однородность условій жизни, основанныхъ на однородности труда. Отъ Перми до Тавриды, у стѣнъ Кремля, у стѣнъ Китая — вездѣ одна и та же соха Марья Андревна, одни и тѣ же ожиданія весны, лѣта, зимы и осени, одна и та же зависимость отъ природы и т. д. Несомнѣнно, существуетъ въ глубинѣ этой массы множество и другихъ чертъ духовнаго родства, но мы говоримъ опять-

таки, что *самая главная* изъ нихъ, самая, если можно сказать, *первая* изъ нихъ, это — земля и трудъ на ней.

Намъ говорятъ о высокомъ значеніи нашихъ общинныхъ деревенскихъ порядковъ; мы читаемъ восторженныя похвалы высшей справедливости общинныхъ приговоровъ, рѣшеній. И въ то же время насъ сбиваетъ съ толку дѣйствительная деревенская жизнь настоящаго дня, которая поминутно даетъ факты самаго поразительнаго невниманія къ общественнымъ или общиннымъ интересамъ. Мы хотимъ разобраться въ этой путаницѣ; идемъ на сходку, внимательно слушаемъ, что̀ такое тамъ говорится, и видимъ, что опять-таки тамъ, гдѣ дѣло касается земледѣльческаго труда и земли, отъ которой онъ въ зависимости, дѣйствительно все выработано до высшей степени и точности и аккуратности; видимъ, что въ этой области труда все *понятно* всему земледѣльческому міру, все строго разработано, что тутъ мірская мысль много работала, видимъ, что, сообразно этому пониманію труда, и судъ деревенскій справедливъ и строгъ въ этой только области, тогда какъ въ такихъ вопросахъ, которые не касаются этой сферы народныхъ знаній, и сходъ, какъ бы онъ ни галдѣлъ (это тоже похваливаютъ), кривитъ иногда душой не хуже интеллигентнаго акціонернаго собранія, и судъ подкупенъ, и продается мірской интересъ... Въ сферѣ земледѣльческаго труда нельзя обсчитать общинника на вершокъ земли, нельзя наложить одной сотой лишнихъ податей, нельзя потому, что тутъ—главный центръ, на которомъ въ самомъ дѣлѣ, въ сурьезъ, сосредоточено общинное вниманіе, а въ то же время можно за ведро вина простить старшинѣ тысячную растрату, можно за два ведра угощенія накинуть старшинѣ сто рублей лишняго жалованья, можно изъ-за угощенія или изъ страха наказанія постановить неправое рѣшеніе въ пользу кулака противъ бѣдняка и т. д.

Вообще, къ какой бы группѣ явленій народной жизни мы ни прикоснулись, *первое*, что̀ мы замѣчаемъ и что̀ уясняетъ намъ эту группу явленій — это земля, земледѣльческій трудъ. Мы потому такъ пристально выслѣживаемъ одну только эту черту, что желаемъ показать, какъ велика ломка, какъ много осложненій можетъ произойти отъ того, если *эта, одна только эта сторона* народныхъ нуждъ не будетъ удовлетворена въ должной мѣрѣ; какъ неправедливы тѣ радѣтели о народномъ благѣ, которые рѣшаются сказать, что земельные порядки, существующіе въ настоящее время

въ народѣ, удовлетворительны, не требуютъ улучшеній. Подробности разстройства земельныхъ отношеній завели бы насъ слишкомъ далеко, да наконецъ мы ужъ и касались этихъ подробностей въ предшествовавшихъ главахъ, и намъ кажется, что если читатель припомнитъ, что было говорено по этому поводу, и все, что было сказано въ доказательство значенія земледѣльческаго труда въ жизни народныхъ массъ, то ему не будетъ казаться неосновательнымъ наше желаніе, чтобы народу дано было въ этомъ смыслѣ все, что ему потребуется...

Но это не все. Дайте землю, дайте и интеллигенцію, а главное — не удивляйтесь, не пугайтесь того типа интеллигентнаго человѣка, который даетъ сама жизнь, который долженъ быть такимъ, а не инымъ, потому что такова страна и люди, среди которыхъ онъ живетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что страна, которая вся держится главнымъ образомъ земледѣліемъ, должна вся сплошь, съ верху до низу, носить печать главнѣйшихъ типическихъ чертъ, налагаемыхъ главнѣйшимъ сословіемъ на другія. Въ Россіи народныя мужицкія черты должны быть первенствующими, и намъ не стоило бы большого труда разыскать ихъ въ сферахъ, повидимому, весьма отдаленныхъ отъ сохи. Но мы не будемъ дѣлать этого, чтобы опять не осложнять нашей задачи, а остановимся на самыхъ этихъ чертахъ, которыя мы почитаемъ исходящими прямо изъ народныхъ массъ и которыя въ массахъ этихъ являются, какъ результатъ близости ихъ къ природѣ, къ голой зоологической правдѣ, обязательной при земледѣльческомъ трудѣ.

И эти главнѣйшія черты, общія всему русскому обществу, мы укажемъ тоже грубо и въ обрѣзъ, — иначе опять будетъ трудно выбраться на дорогу. Черты эти и раньше насъ и лучше насъ отмѣчались въ русской литературѣ, а потому мы предпочитаемъ лучше взять хорошее готовымъ. Типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена *одна* изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ, безъ сомнѣнія, есть Платонъ Каратаевъ, такъ удивительно изображенный графомъ Л. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ».

Какія же это типическія, *наши* народныя черты?.. «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, *не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ,*

Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ... Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю ласковую къ нему нѣжность, ни на минуту бы не огорчился разлукой съ нимъ»...

Откуда, какъ не изъ самыхъ нѣдръ природы, отъ вѣковѣчнаго, непрестаннаго соприкосновенія съ ней, съ ея вѣчной лаской и вѣчной враждой, могли выработаться такія типичнѣйшія черты духа?.. «Онъ никогда не любилъ»... «Онъ ничего не значилъ самъ по себѣ» — вотъ черты, которыя мы ежеминутно встрѣчаемъ въ нашемъ народѣ и которыя прямо вошли въ его душу отъ рѣки, отъ травы, отъ земли, лѣса, солнца. Мать-природа, воспитывающая милліоны нашего народа, вырабатываетъ милліоны такихъ типовъ, съ одними и тѣми же духовными свойствами. «Онъ — частица», «онъ самъ по себѣ — ничто», «онъ любовно живетъ со всѣмъ, съ чѣмъ сталкиваетъ жизнь» и «ни на минуту не жалѣетъ, разлучаясь»... Такая частица мретъ массами на Шипкѣ, въ снѣгахъ Кавказа, въ пескахъ Средней Азіи... «Жизнь его, какъ отдѣльная жизнь, не имѣла смысла». Эта не имѣющая смысла жизнь, не любя никого отдѣльно, ни себя ни другихъ, годна на все, съ чѣмъ сталкиваетъ жизнь... Все можетъ сдѣлать Платонъ: «Возьми и свяжи... возьми и развяжи», «застрѣли», «освободи», «бей» — «бей сильнѣй» или «спасай», «бросайся въ воду, въ огонь для спасенія погибающаго!» — словомъ, все, что̀ даетъ жизнь, все принимается, потому, что ничто не имѣетъ отдѣльнаго смысла, ни я, ни то, что̀ дала жизнь... Въ Крымскую войну такихъ Платоновъ умирало безъ слѣда, безъ жалобы — тысячи, десятки тысячъ. 20 тысячъ ихъ легло на Зеленыхъ горахъ въ одинъ день... Сотни тысячъ ихъ умираетъ ежегодно по всей Россіи — безмолвно, безропотно, какъ трава, и сотни тысячъ, также какъ трава, родятся... Все это черты чисто *наши*, родныя, россійскія,— черты той страны, гдѣ десятки милліоновъ ежедневно слушаютъ мать-природу, въ которой, какъ и въ нихъ, нѣтъ исключительной любви, нѣтъ смысла въ отдѣльномъ существованіи камня, дерева, ручья... Это все — наше, но это не все.

А тотъ типъ, который гонитъ Платона и по горамъ и по степямъ? Тотъ, кто заставляетъ его и спасать и губить? Тотъ, кто неотступно слѣдуетъ по его пятамъ, глядя, какъ онъ мретъ тысячами, и только облизывается, видя, что отъ

этихъ смертей увеличивается и толстѣетъ его карманъ?.. Развѣ это не нашъ типъ? Развѣ не «ничтожество», сознаваемое Платономъ, воспитало его, развило, раскормило, раздуло его страсть къ произволу, къ «ндраву» до громадныхъ размѣровъ? — Нѣтъ, именно Платонъ, именно его философія, именно его безропотное, безсловесное служеніе «всему, что̀ даетъ жизнь», выкормила у насъ другой типъ хищника для хищничества, артиста притѣсненія, виртуоза терзанія... Отдѣлять эти два типа другъ отъ друга невозможно — они всегда существовали рядомъ другъ съ другомъ.

Но въ далекую старину между ними, какъ мы уже говорили, виднѣлась третья фигура, третій типъ, — типъ человѣка, который, во-первыхъ, «любилъ» и, во-вторыхъ, любилъ «правду». Безропотно, какъ трава въ полѣ, погибающій и какъ трава живущій Платонъ однако думалъ, что «Богъ правду видитъ, но *не скоро* скажетъ». И умиралъ, не дождавшись этой правды. Третья фигура, о которой мы говоримъ и которую мы называемъ народной интеллигенціей, именно и говорила эту правду; худо ли, хорошо ли, но она заступалась за Платона противъ хищника, которому сулила адъ, огонь, крюкъ за ребро.

Какъ же обстоятъ дѣла теперь? — Теперь мы видимъ только двѣ фигуры—Платона и хищника. Третьей фигуры—человѣка, который бы могъ заикнуться о той правдѣ, которую Богъ видитъ и которую говоритъ устами людей,— нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, все на сторонѣ хищника. На сторонѣ его земельное разстройство массъ, разстройство душевнаго удовлетворенія ихъ трудомъ; разстройство это гонитъ ихъ къ хищнику внутренно-обезсиленными, сознающими свое ничтожество гораздо сильнѣе, чѣмъ сознавалъ его Каратаевъ *).

---

*) Кое-что недоговоренное въ предыдущихъ очеркахъ было досказано впослѣдствіи въ разсказѣ, который, хотя и носитъ самостоятельное названіе, но написанъ на ту же тему о власти земли. Этотъ разсказъ: «Изъ разговоровъ съ пріятелями»—слѣдуетъ ниже.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ СЪ ПРІЯТЕЛЯМИ.

На тему о «власти земли».

I. Безъ своей воли.

1.

...Слава Богу, зима стоитъ настоящая, снѣжная, морозная, съ вьюгами и сугробами. Хорошо побыть, пройтись и проѣхаться на свѣжемъ, холодномъ воздухѣ, хорошо и дома посидѣть во вьюгу и пургу, жарко растопивъ печку и взявъ въ руки хорошую книгу.

Въ одинъ изъ такихъ вьюжныхъ вечеровъ, какъ-то надняхъ, я и одинъ мой пріятель мирно коротали время, попивая чай, читая—кто книгу, кто газету—и испытывая самое современнѣйшее изъ удовольствій: удовольствіе нестѣснительнаго молчанія. Въ особенности съ этимъ «удовольствіемъ» освоился мой пріятель, такъ какъ жизнь накопила у него на сердцѣ немало горя, и всякій разъ, когда онъ говорилъ, слово его было невеселое, очень часто желчное, а иногда почти истерически-негодующее. По натурѣ это былъ человѣкъ добрый и мягкій, но судьбѣ угодно было заставить его жить въ такихъ условіяхъ, гдѣ эти качества, особливо мягкость, не требовались, и не только не требовались, но не доставляли ничего, кромѣ горя и душевной отравы. Онъ началъ жить сердцемъ и умомъ въ то время, когда отмѣна крѣпостного права налагала даже на самыя заскорузлыя натуры обязательства знать и видѣть, что все это старое, крѣпостное *кончилось*, и что теперь *ничего этого не будетъ*. Пріятель мой принадлежалъ не къ заскорузлымъ натурамъ и не поневолѣ думалъ, что все это кончилось, а вѣрилъ въ это и зналъ это по сущей совѣсти. Онъ началъ жить, думая, что *теперь* все пойдетъ

«по-хорошему», тихо, смирно и благородно; думая, что «тихо, смирно и благородно» и есть то новое, что̀ началось и что̀ устранило старое не тихое, не смирное и не благородное. Однако «по-хорошему» не вышло, развилась ненасытная алчность и жестокость своекорыстія, и навстрѣчу имъ пришла жестокость мести. Пріятель мой съ своими тихими планами жизни «по-хорошему», съ ассоціаціями «хорошихъ людей», съ ссудными товариществами, со школами и чтеніемъ мужикамъ Хоря и Калиныча оказался совершенно ненужнымъ въ этой битвѣ «на чистоту»; но и оставаясь «между» господствовавшими теченіями жизни, былъ измолотъ ими, какъ зерно между двумя жерновами, былъ, если можно такъ выразиться, не съѣденъ жизнью, а изжеванъ, измятъ ею, но такъ измятъ, что въ немъ не оставалось буквально живого мѣста ни въ тѣлѣ ни въ душѣ. Обиліе всевозможнаго рода жестокостей, встрѣченныхъ имъ въ теченіе жизни при рѣшеніи вопросовъ, иногда самыхъ гуманныхъ,—жестокостей, иногда совершенно затмевавшихъ цѣли, во имя которыхъ пускались онѣ въ ходъ, доходившихъ до виртуозности въ преслѣдованіи человѣка такъ, зря, безъ разбору,—испугало его. Онъ не то, чтобы пересталъ вѣрить въ свѣтлые и теплые дни, а отвыкъ, боялся думать объ этомъ, чтобы не получить какого-нибудь новаго удара по незажившему, избитому мѣсту. Не принадлежа къ числу торжествовавшихъ и не попавъ «въ станъ» погибающихъ, онъ тѣмъ не менѣе много, ужасно много пережилъ мыслью и тамъ и здѣсь, много видѣлъ и много думалъ о русской жизни и о русскомъ народѣ, но «изжеванная» жизнь сдѣлала то, что мысли его были нѣсколько односторонни и, сколько можно судить, сосредоточивались на рѣшеніи вопроса: «почему изъ всѣхъ благъ, матеріальныхъ и нравственныхъ сокровищъ, доставшихся русскому человѣку даромъ, не выходитъ ничего, кромѣ взаимнаго мордобитія?» Рѣшеніе этого вопроса, а также боль тѣла и боль духа, подаренныя ему неудачнымъ опытомъ жизни, заставляли его съ особенною внимательностью останавливаться на мрачныхъ явленіяхъ жизни, — явленіяхъ, рѣжущихъ нервы. А такъ какъ это больно и непріятно, то Протасовъ—такая была фамилія у моего пріятеля—предпочиталъ молчать; молча шагалъ по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголъ, молча курилъ или, вѣрнѣе, ѣлъ угломъ рта мундштукъ папиросы, и когда говорилъ, то рѣчь его не всегда была ласкова, почему вмѣсто Протасова его

почти всѣ знакомые называли Пигасовымъ, памятуя одно изъ дѣйствующихъ лицъ тургеневскаго романа. Въ настоящее время Протасовъ ѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о какомъ-нибудь «мѣстишкѣ» въ какой-нибудь желѣзнодорожной конторѣ, такъ какъ небольшое имѣньице, доставшееся отъ матери, въ которомъ Протасовъ проживалъ послѣдніе годы съ женой и тремя дѣтьми, плохо кормило его большую семью и, кажется, было наканунѣ продажи. Проѣздомъ въ Петербургъ онъ заѣхалъ ко мнѣ, и вотъ ужъ два дня какъ мы занимаемся съ нимъ самымъ успокоительнымъ и самымъ дружескимъ молчаніемъ. Вѣроятно, промолчавъ еще такимъ же пріятнымъ образомъ день или два, Пигасовъ (такъ называть его почему-то всѣмъ его знакомымъ кажется правильнѣе) взялъ бы шапку, надѣлъ калоши, пожалъ бы мнѣ руку и молча, какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ бы въ Питеръ; но неожиданно случилось обстоятельство, которое развязало ему языкъ, и развязало такъ, какъ, можетъ-быть, не случалось десятки лѣтъ.

Обстоятельство это не заключаетъ въ себѣ ровно ничего чрезвычайнаго. Дѣло только въ томъ, что нашъ молчаливый дуэтъ, обѣщавшій окончиться мирнымъ и молчаливымъ сномъ подъ шумъ мятели, былъ нарушенъ появленіемъ новаго, но не молчаливаго, а, напротивъ, весьма разговорчиваго лица. Ничего особеннаго не представляетъ и это новое лицо, но сказать о немъ два слова необходимо. Это былъ молодой малый, или, лучше сказать, «парень» лѣтъ двадцати, по фамиліи Березниковъ. Происхожденія онъ былъ купеческаго, и лѣтъ десять тому назадъ отецъ его торговалъ краснымъ товаромъ въ одномъ изъ окрестныхъ тихихъ уѣздныхъ городковъ и здѣсь же десять лѣтъ назадъ умеръ, оставивъ вдовѣ и сыну небольшой деревянный домъ и флигель съ лавкой. Мать Березникова не продолжала торговли, лавку продала, домъ подновила и отдала подъ помѣщеніе уѣздной управы, а сама стала жить съ сыномъ во флигелѣ. На деньги, которыя остались отъ продажи лавки и которыя получались съ управы, жили они не богато, но и не бѣдно; мать молодого Березникова занималась тѣмъ, что пила чай, плакала, ходила въ церковь да баловала своего сына, а сынъ росъ и ничего не дѣлалъ. Но что-то помѣшало ему сдѣлаться саврасомъ, шатуномъ, полюбить трактиръ, бильярдъ и кулацкую наживу; какая-то врожденная деликатность отталкивала его отъ этого, и хоть онъ ничего не дѣлалъ, но хотѣлъ что-нибудь дѣлать и при-

томъ хорошее. Въ настоящую минуту это былъ дюжій, здоровый и сильный парень, который дѣлалъ и думалъ то, что̀ заставлялъ его дѣлать случай, хотя случай этотъ, повторяю, никогда не отзывалъ его ни въ кабацкую ни въ кулацкую компанію. Единственный сынъ у матери, онъ не подлежалъ воинской повинности, не нуждался въ кускѣ хлѣба, былъ совершенно свободенъ, здоровъ и силенъ, но вопросъ: «что̀ дѣлать?» тѣмъ сильнѣе угнеталъ его въ деревенской и уѣздной глуши, что «нажива», которою этотъ вопросъ разрѣшается всего чаще, не прельщала его.

— Что̀ мнѣ дѣлать? Скажите, пожалуйста!—иногда какъ бы въ изнеможеніи вопрошалъ этотъ здоровый и румяный юноша, неожиданно явившись изъ какихъ-нибудь странствованій, которыя онъ любилъ дѣлать пѣшкомъ и даже бѣгомъ...

— Да вы что̀ бы хотѣли дѣлать?

— Да чорта мнѣ хотѣть? Кабы я хотѣлъ, я бы не спрашивалъ...

— Вы что̀ знаете?

— Да ни чорта я не знаю!..

— Такъ какое же вамъ дѣло? Ничего не знаете и ничего не хотите.

— Такъ неужто мнѣ пропадать?

— Ну, возьмите какое-нибудь мѣсто... на желѣзной дорогѣ... въ управѣ.

— За какимъ же чортомъ?

— Ну, все-таки будетъ занятіе!

— Да за какимъ же чортомъ мнѣ это занятіе? Жрать? Такъ у меня и безъ него есть, что̀ ѣсть: пошелъ къ матери, похлебалъ щей—вотъ и все, а строчить тамъ въ конторѣ или канцеляріи всякую ерунду—зачѣмъ это? Мнѣ надо знать, что я пользу дѣлаю кому-нибудь, тогда я согласенъ...

— Такъ подумайте хорошенько, можетъ, и выберете какое-нибудь дѣло...

— Ужъ я думалъ и вижу, что камень на шею да въ воду—одно! Впрочемъ, нѣтъ ли у васъ книгъ какихъ-нибудь? Я хочу читать. Надо читать до зарѣзу, одно спасенье... Дайте мнѣ книгъ, пожалуйста, сколько у васъ есть.

Послѣ такихъ разговоровъ Березниковъ уходилъ домой, унося съ собой цѣлый ворохъ книгъ, связавъ ихъ собственнымъ кушакомъ (онъ ходилъ въ русскомъ платьѣ). Книги были всегда самаго разнообразнаго содержанія и

собранныя кой-какъ: третья часть одного сочиненія, вторая другого, тутъ и романъ съ иностраннаго, и брошюра объ уходѣ за скотомъ, и толстый отчетъ земскаго собранія. Нахвативъ всего этого такъ, зря, безъ разбору и толку, и притомъ второпяхъ, подъ давленіемъ мысли о неотложнѣйшей необходимости читать «до зарѣзу»,—онъ немедленно же стремился удовлетворить этой необходимости, немедленно уходилъ домой «читать» и пропадалъ на недѣлю, на двѣ. Черезъ двѣ недѣли онъ приносилъ ворохъ прочитанныхъ книгъ и на вопросъ:—«Ну, что?»—отвѣчалъ:—«Прочиталъ все... башка трещитъ, Богъ знаетъ, до чего... Все хорошо и любопытно—а точно кирпичами голову заложило... чистая смерть! Ужъ я дрова сегодня рубилъ цѣлый день—никакъ въ чувство не приду». Заходилъ разговоръ о систематическомъ чтеніи, о томъ, что *такъ* читать нельзя, что отъ такого безалабернаго чтенія можетъ получиться отвращеніе къ книгѣ. Березниковъ всегда соглашался, говорилъ: «да-да, вѣрно», но прибавлялъ: «только ужъ послѣ... теперь у меня башка ничего не приметъ... теперь я пойду провѣтриться... у меня есть знакомые охотники на тетеревовъ»... И уходилъ, пропадалъ опять на недѣлю, двѣ, три, принося потомъ цѣлый ворохъ всевозможныхъ, хотя и въ высшей степени безпорядочныхъ разсказовъ и наблюденій:

— «Ну, теперь опять давайте книгъ».

Но систематическое чтеніе никогда не удавалось; препятствовали этому живыя встрѣчи съ людьми. То, идя домой съ книгами, Березниковъ встрѣтится съ овчинниками и такъ заинтересуется ихъ бытомъ, мастерствомъ и разговоромъ, что пристанетъ къ нимъ и проживетъ, «протаскается» съ ними до тѣхъ поръ, пока не пропадетъ интересъ, не станетъ скучно и опять не нападетъ унылая минута съ неразрѣшимымъ вопросомъ: «что дѣлать?». То встрѣтится съ учителемъ и вздумаетъ самъ готовиться держать экзаменъ, натащитъ домой Ушинскаго, Корфа, Евтушевскаго, но какая-нибудь новая встрѣча съ какими-нибудь голубятниками или столярами увлекала его къ живому наблюденію, и начатое приготовленіе въ учителя ничѣмъ не оканчивалось, или во всякомъ случаѣ откладывалось въ долгій ящикъ.

Несмотря на безпорядочность жизненнаго опыта, исполненнаго случайныхъ встрѣчъ, мало-по-малу кое-что изъ вычитаннаго имъ переходило въ личныя наблюденія и иногда объясняло даже то или другое знакомство,—напр.,

съ учителями, мастеровыми. Хотя и крайне безпорядочно и безобразно, но голова Березникова работала, вычитанное переносила въ жизнь, а видѣннымъ провѣряла прочитанное. Но въ концѣ концовъ въ головѣ этой царствовалъ все-таки хаосъ и безпорядокъ, не приводившій его ни къ чему опредѣленному, кромѣ какой-то страсти перемѣнять мѣсто, чтобы не скучать, не томиться бездѣльемъ. Знакомыхъ, и отцовскихъ и своихъ, много было у него и въ городѣ и по деревнямъ, между учителями, священниками, крестьянами и, въ особенности, между крестьянами, занимавшимися какимъ-нибудь мастерствомъ: портными, бондарями, дубильщиками, валяльщиками, и вездѣ онъ не былъ чужой, потому что приходилъ «любопытствовать» и любилъ болтать самъ. Корыстныхъ цѣлей въ немъ никто не видѣлъ, а побалагурить всякій былъ не прочь, да кромѣ того Березниковъ и не надоѣдалъ своими посѣщеніями и не всегда былъ празднымъ зрителемъ того, что дѣлаютъ люди: онъ всегда готовъ былъ подсобить и не только въ чемъ могъ, а и въ томъ, чего не могъ.

— Ну-ка ты, парень, чего сидишь-то, лясы точишь, поди-ка принеси дровъ,—видишь, хозяйка хвораетъ, и намъ недосугъ!—скажетъ ему какой-нибудь овчинникъ среди бесѣды о томъ, о семъ, и Березниковъ не только притащитъ охапку дровъ, но и наколетъ ихъ еще на двое сутокъ впередъ.

— Добрый парень!—вотъ что говорили про него знакомые, и мы скажемъ про него то же самое.

2.

Такъ вотъ этотъ-то Березниковъ и явился неожиданнымъ гостемъ въ то время, когда мы съ Пигасовымъ проводили время въ дружескомъ молчаніи, попивая чай и шумя кто газетой, кто листомъ книги. Березниковъ явился весь въ снѣгу: снѣгъ былъ на шапкѣ, на сапогахъ и на полушубкѣ.

— Здравія желаю!—сказалъ онъ весело и, снявъ шапку, просыпалъ съ нея на полъ клочья снѣгу.—Вотъ и мы... незваные, непрошеные. Не хуже буду татарина? Можно ночлегу попросить?

Какъ ни дружески молчали мы съ Пигасовымъ, но появленіе новаго лица, въ которомъ притомъ же не было скуки, для обоихъ насъ было весьма пріятно.

Черезъ пять минутъ Березниковъ уже раздѣлся, снялъ

полушубокъ и въ одной красной русской рубахѣ сидѣлъ за стаканомъ чая, проглатывая огромные куски булки. Я познакомилъ его съ Пигасовымъ, но Пигасовъ, который, по его же собственнымъ словамъ, сторонился всего веселаго,— потому что отвыкъ отъ него,—не особенно обрадовался появленію новаго гостя, отъ котораго ужъ слишкомъ вѣяло какой-то безпричинной радостью молодости и физической силы. Вѣжливо поздоровавшись съ Березниковымъ, онъ отодвинулся немного отъ стола съ газетой въ рукахъ, молча уткнулся въ чтеніе и, какъ кажется, даже старался не слушать разговора, который начался у меня съ Березниковымъ.

— Ну,—сказалъ я:—разсказывайте!

Съ Березниковымъ всегда начинался разговоръ именно этой фразой, потому что всякій промежутокъ между нашими свиданіями ознаменовывался тѣмъ, что Березниковъ, уходя отъ меня, попадалъ случайно въ какую-нибудь совершенно новую среду, о которой и приходилъ разсказывать при слѣдующемъ свиданіи. На этотъ разъ Березниковъ не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ. Онъ ѣлъ и, занятый этимъ дѣломъ, только кивалъ головой, какъ бы говоря, что много есть о чемъ разсказать.

Покуда въ его рукахъ была булка, никакого разговора между нами происходить не могло; но вотъ булка съѣдена, Березниковъ отряхнулъ крошки съ подола своей рубахи и сказалъ:

— Не знаю, съ чего и начинать... столько всего видѣлъ!.. Двѣ недѣли работалъ съ рыбаками... вотъ народъ-то!.. Лучше этого народа, кажется...

Березниковъ вдругъ остановился, какъ бы что-то вспомнивъ важное, и торопливо сказалъ:

— Да! что же я? Самаго главнаго-то и не говорю... Вѣдь антихристъ народился! Въ народѣ удостовѣряютъ объ этомъ самымъ положительнымъ образомъ.

— Гдѣ же? у насъ народился, въ Россіи? — спросилъ я.

— Опредѣленнаго на этотъ счетъ сказать не могу... Какое-то царство называютъ. Такъ вотъ въ этомъ-то царствѣ есть князь, и живетъ у этого князя поваръ. Поваръ-то этотъ и есть корень всему дѣлу... Во-первыхъ, онъ постоянно работаетъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, а почему—это послѣ узнаете... А во-вторыхъ, необыкновенно любезенъ, ласковъ и добръ...

Пигасовъ, какъ я уже сказалъ, старавшійся не слушать

разговора, однакоже оставилъ газету, подвинулся къ столу и сталъ слушать Березникова.

— Когда этотъ поваръ «въ бѣлыхъ перчаткахъ» нанялся служить на княжеской кухнѣ, то немедленно же сталъ всячески угождать и *дѣлать добро* прислугѣ. Есть у него деньги—отдаетъ, помогаетъ, а княжеская прислуга разнесла о добротѣ повара вѣсть въ народѣ и довела до свѣдѣнія самого князя. Князь узналъ о добротѣ своего повара и полюбилъ его, а когда поваръ узналъ, что князь его любитъ, то воспользовался этою любовью также на благо народа. Прислуга, какъ я сказалъ, разнесла о немъ вѣсть въ народѣ; къ повару стали приходить со своими нуждами истопники, конюхи, потомъ городскіе извозчики, дворники, чернорабочіе и вообще масса чернаго народа — мужиковъ; всякій разсказывалъ ему и плакалъ надъ своимъ горемъ, и поваръ всякому выхлопатывалъ по его желанію: кому землю, кому домъ, кому скотину, кому деньги. Никто изъ мужиковъ не уходилъ отъ повара необлагодѣтельствованнымъ. Такъ дѣло стоитъ въ настоящую минуту; поваръ въ бѣлыхъ перчаткахъ служитъ у невѣдомаго князя, и слава о его добротѣ, о его милости къ мужичкамъ, къ простому бѣдному человѣку растетъ не по днямъ, а по часамъ... Но скоро, лѣтъ черезъ двадцать, произойдетъ такой случай: князь, у котораго живетъ поваръ въ бѣлыхъ перчаткахъ, созоветъ въ гости къ себѣ прочихъ всѣхъ китайскихъ и эѳіопскихъ князей; поваръ, какъ любимецъ князя, будетъ служить гостямъ, стряпать и подавать кушанья, и вотъ тогда-то, въ одинъ изъ такихъ роскошныхъ обѣдовъ, одинъ изъ князей спроситъ: «Отчего это у васъ поваръ постоянно носитъ бѣлыя перчатки?»—«Ахъ, Боже мой!—отвѣтитъ князь:—я этого и не замѣтилъ!» И скажетъ повару: «Отчего, любезный, ты ходишь постоянно въ бѣлыхъ перчаткахъ?» Поваръ ничего не отвѣтитъ на это, только въ первый разъ сдѣлаетъ недоброе лицо; тогда князья и разные султаны станутъ просить, чтобы онъ приказалъ повару снять бѣлыя перчатки... Князь исполнитъ желаніе гостей: онъ будетъ приказывать повару снять перчатки до трехъ разъ, — сначала лаской, а потомъ и съ гнѣвомъ. Два раза поваръ ослушается приказанія, а третій разъ, тоже со страшнымъ гнѣвомъ, исполнитъ; онъ сорветъ съ рукъ перчатки, и тогда всѣ гости, всѣ князья и султаны въ ужасѣ увидятъ, что поваръ—не поваръ, а антихристъ: на одной рукѣ у него окажется копыто, а на другой когти. Ужасъ блестящаго общества бу-

детъ такъ великъ, что всѣ гости немедленно уйдутъ изъ-за стола и немедленно же разъѣдутся; самъ князь, у котораго живетъ этотъ поваръ, также немедленно вслѣдъ за гостями соберетъ всѣ свои сокровища и уйдетъ изъ своей стороны... Между тѣмъ народъ, который уже наслышанъ о необыкновенной добротѣ повара, оставшись безъ главы и хозяина, не найдетъ никого болѣе достойнымъ замѣстить разгнѣваннаго владыку, какъ именно этого самаго повара. И вотъ поваръ сдѣлается главнымъ лицомъ въ царствѣ, но, вмѣсто милостей народу, онъ съ перваго же дня начнетъ проявлять необузданную жестокость... И здѣсь вотъ что въ высшей степени любопытно: вы вѣдь помните, что онъ въ первый разъ ожесточился и разсердился, когда у него потребовали снять перчатки и стали смотрѣть руки... Такъ вотъ и онъ тотчасъ послѣ того, какъ сдѣлается главою,— издастъ повелѣніе *«смотрѣть у всѣхъ руки»*. «Вы, молъ, меня осрамили съ моими когтями и копытами—вы тайность мою раскрыли, такъ и я вамъ также...» И вотъ начнутъ у всѣхъ осматривать руки... и у кого руки эти окажутся *чистыми*, нѣжными, безъ *мозолей*, тѣмъ будетъ очень худо... *Чтобы спастись отъ гибели*, всѣ бѣлоручки начнутъ *хвататься* руками *за землю*, начнутъ рыть ее и все-таки будутъ гибнуть... А такъ какъ и у мужиковъ мозоли будутъ проходить (отъ хорошей жизни, которую антихристъ устроилъ имъ, будучи поваромъ), то, вслѣдъ за бѣлоручками, уничтоженными по повелѣнію антихриста, станутъ уничтожать и обѣлорученныхъ мужиковъ... Ничего, кромѣ гибели!.. Затѣмъ начнется пожаръ земли, которая сначала превратится въ мѣдь, потомъ въ серебро и наконецъ въ золото. Тутъ воскресеніе мертвыхъ и судъ... Вотъ какая исторія! Итакъ, первое самое важное извѣстіе я сообщилъ... Теперь второе— рыболовы...

— Позвольте одну минуту...—перебилъ Березникова Пигасовъ. — Эту легенду объ антихристѣ я на своемъ вѣку слышалъ несчетное число разъ; антихристъ всегда является въ ней въ разныхъ видахъ, но всегда рѣшительно, во всякой изъ легендъ, онъ ознаменовываетъ свое пришествіе *добрыми дѣлами*. Онъ всегда завоевываетъ симпатіи народа, дѣлая ему пріятное, облегчая ему жизнь... Почему это—зло, гибель, несчастіе и вообще послѣдніе дни, кончину міра народъ полагаетъ послѣ того, какъ жить будетъ необыкновенно легко, исполнятся всѣ желанія, снимутся всѣ тяготы?.. И вѣдь это постоянно такъ! — продолжалъ

Пигасовъ.—Антихристъ постоянно начинаетъ свою злодѣйскую карьеру тѣмъ, что благодѣтельствуетъ и помогаетъ бѣдняку, униженному и оскорбленному, а потомъ губитъ его именно этимъ облегченіемъ жизни. Вѣдь еще на-дняхъ было напечатано въ газетахъ сообщеніе о подлинномъ фактѣ, какъ въ Смоленскѣ бѣдные люди стали считать какого-то добраго барина за антихриста, потому что онъ дѣлалъ массу добрыхъ дѣлъ: давалъ взаймы безъ отдачи, покупалъ корову вдовѣ. Даже полиція встревожилась... Еще я помню, что Аракчеева народъ сталъ считать антихристомъ и оказывалъ ему особенное упорство въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ дѣйствовать не палкой, а лаской. У одного мужика въ той деревнѣ, которую графъ хотѣлъ обернуть въ военныя поселенія, пропали деньги,—кажется, рублей тысяча. Мужикъ былъ вліятельный, и графъ, чтобы склонить его на свою сторону и чтобы засвидѣтельствовать предъ всей деревней о своей добротѣ, выхлопоталъ у государя всю пропавшую сумму и при велерѣчивой бумагѣ препроводилъ въ деревню для передачи чрезъ мѣстное начальство обокраденному мужику. Но какъ только въ деревнѣ стала извѣстна эта *милость и доброта* графа, такъ немедленно же онъ и преслылъ за антихриста. — «Ишь, заманиваетъ! Не бери этихъ денегъ, не касайся, Боже сохрани!» Такъ и препроводили ему велерѣчивую бумагу съ деньгами обратно!.. Что значитъ это? Отчего это *облегченіе жизни* отъ бремени несчастія, горя и труда, и одновременно съ «*облегченіемъ*» гибель—неразрывны въ понятіяхъ крестьянина?.. Отчего самый настоящій заправскій крестьянинъ никогда не промѣняетъ своего «труднаго» житья на легкое житье барина или купца?.. Вотъ это меня ужасно интересуетъ.

— Такъ отчего же это?—спросилъ Березниковъ въ раздумьѣ и вдругъ прибавилъ съ неумѣреннымъ оживленіемъ:— Оплетаютъ его, вотъ онъ и боится... Ему дадутъ рубль, а сдерутъ вдесятеро! Такъ онъ и пятится отъ филантропіи-то...

Пигасовъ призадумался.

— Оплетаютъ-то оплетаютъ, это такъ... Но вѣдь я говорю про такія явленія въ крестьянской жизни, которыя, напротивъ, прямо облегчаютъ жизнь и снимаютъ съ плечъ тяготу явно, видимо для всѣхъ и безо всякаго обдиранія. Нѣтъ, мнѣ кажется, тутъ есть нѣчто иное!.. Ты (обратился Пигасовъ ко мнѣ), помнится, что-то писалъ про власть надъ крестьяниномъ—и, если помню, то и надъ его умомъ

и волей—труда земледѣльческаго... Тамъ у тебя много напутано всякаго вздору,— ужъ извини по пріятельству,—но есть и доля правды... Дѣйствительно, мнѣ кажется, что крестьянинъ живетъ, лишь подчиняясь *волѣ* своего *труда*... А такъ какъ этотъ трудъ весь въ зависимости отъ разнообразныхъ законовъ природы, то и жизнь его разнообразна, гармонична и полна, но безъ всякаго съ его стороны усилія, безъ всякой *своей* мысли... Вынуть изъ этой жизни, гармонической, но подчиняющейся чужой волѣ, хоть капельку, хоть песчинку, и уже образуется пустота, которую надо замѣнять своей человѣческой волей, своимъ человѣческимъ умомъ... а вѣдь это какъ трудно! какъ мучительно!.. Возьмите вы человѣка *своей* воли, своей мысли—скажемъ такъ: культурнаго человѣка—сколько онъ мучился, сколько страдалъ, а чего добился? Добился ли сотой доли того гармоническаго существованія, которымъ пользуется *такъ*, не безпокоясь и не думая, крестьянинъ?.. Культурный человѣкъ — это человѣкъ, выгнанный изъ рая невѣдѣнія, изъ рая, гдѣ всякая тварь служила ему (какъ служитъ теперь нашему мужику) подъ условіемъ не касаться древа *знанія*... Его выгнали въ пустыню, въ голую, безжизненную степь, на полную волю. И, въ обидѣ на неправду, а также и въ гордомъ сознаніи силы своего ума (вѣдь онъ вкусилъ отъ древа-то), онъ, вѣроятно, сказалъ, уходя изъ рая: «Такъ будетъ же у меня *мой собственный* рай, да еще лучше этого!..» И вотъ надъ созданіемъ этого рая онъ и бьется несчетное число вѣковъ. Ему не служатъ твари—онъ сдѣлалъ своихъ: локомотивъ его бѣгаетъ лучше лошади; онъ выдумалъ свой собственный свѣтъ, который будетъ свѣтить и ночью; онъ переплываетъ океаны въ своихъ, собственнымъ умомъ выдуманныхъ ихтіозаврахъ-корабляхъ; онъ хочетъ летать, какъ летаетъ птица... И, вѣроятно, когда-нибудь въ безконечные вѣка онъ добьется своего... Будетъ у него свой собственный, *выдуманный*, взятый умомъ и волею рай. Но какъ еще ужасно-ужасно далеко это время! Когда-то еще его мертвое животное, локомотивъ, достигнетъ поворотливости любой деревенской кобыленки!.. Когда-то еще его упорное желаніе летать птицей осуществится хотя въ приблизительныхъ только размѣрахъ того совершенства, которымъ *уже* обладаетъ галка, обладаетъ такъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, а просто такъ... галка такъ галка и есть, *взяла* да и полетѣла! А Надары еще лѣтъ тысячи будутъ разбивать себѣ головы и тонуть въ моряхъ прежде, нежели до-

бьются умѣнья произвольно перелетать съ крыши на крышу... Вотъ точно такъ же и народная жизнь...

— Какъ такъ же?—спросилъ въ совершенномъ недоумѣніи Березниковъ.—Народная жизнь подобна галкѣ? Что-то больно хитро!

— То-есть совершеннѣйшее подобіе галки. Если вы дадите себѣ трудъ поймать эту галку...

— Поймаю трехъ!—сказалъ Березниковъ.

— И одной довольно... Если вы поймаете галку и разсмотрите всю ея организацію, то вы поразитесь, какъ она удивительно умно устроена, какъ много ума положено въ ея организацію, какъ все соразмѣрно, пригнано одно къ одному, нѣтъ нигдѣ ни лишняго пера, ни угла, ни линіи ненужной, негармоничной и не строго обдуманной. Не такъ ли?

— Надо-быть, ловко устроена. На то Господь праведный...

— Удивительно ловко и умно устроена! Но вѣдь тогда любая галка—геніальнѣйшее существо, необъятный умъ?.. Вотъ у насъ часто, изучая народную жизнь, иныя въ высшей степени гармоническія явленія народнаго быта приписываютъ народному уму, и тогда онъ кажется необъятнымъ... А между тѣмъ эти гармоническія явленія, до которыхъ умомъ человѣкъ непокорной воли дойдетъ только черезъ тысячи вѣковъ, существуютъ и рождаются просто такъ, какъ галка, какъ жеребенокъ... Неисповѣдимыми путями предуказано, чтобы кобыленка по веснѣ ходила по полю и махала хвостомъ. Она ходитъ и махаетъ, потомъ ее начинаетъ «пучить», и въ концѣ концовъ получается прелестнѣйшій жеребенокъ, въ милліонъ разъ умнѣе и лучше выдуманнаго человѣкомъ локомотива, но появляется безъ собственной воли, устраивается и принимаетъ формы и строеніе безъ собственнаго ума, а *такъ*... И народная жизнь въ огромномъ большинствѣ самыхъ величественнѣйшихъ явленій удивительна, стройна, гармонична, красива *просто такъ*.

— Ну, знаете,—сказалъ, все болѣе и болѣе недоумѣвая, Березниковъ:—это вы... чортъ знаетъ что такое!.. Какъ же *такъ*?.. Это... чортъ его знаетъ!.. Что же это такое?..

Но Пигасовъ, по мѣрѣ того, какъ овладѣвалъ своею мыслью, возбуждался все болѣе и болѣе и, не слушая Березникова, продолжалъ:

— Народъ — это тотъ человѣкъ, который, по изгнаніи

изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... сказавъ себѣ: «ладно и такъ!»

— Отчего же объ этомъ не писано?—спросилъ Березниковъ.

— Да кто же писать-то будетъ? Выгнанный человѣкъ, человѣкъ, сказавшій: «сдѣлаю свой рай еще лучше», тотъ выдумалъ печатный станокъ и записалъ свои страданія и мученія, свою душевную муку, а этотъ, оставшись въ готовомъ раю, разсчиталъ, что лучше «повиноваться». Сказано: «не касайся древа *знанія!*»—онъ и не касается... И до сихъ поръ не касается. И ничего! Живетъ! И всѣ звѣри и птицы служатъ ему и покоряются: куры несутъ яйца, свиньи предоставляютъ поросятъ, кобыленки дарятъ готовыми локомотивами, бабочки приносятъ цвѣточную пыль, пчела передѣлываетъ ее въ медъ, черви вырабатываютъ черноземъ. И въ этомъ раю онъ только исполняетъ, что̀ ему опредѣлено, довольствуясь *готовымъ* умомъ природы, и выходитъ въ его жизни такъ же почти все стройно, хорошо, удивительно, какъ все удивительно хорошо въ природѣ: какъ цвѣтокъ, какъ галка, какъ пчела...

3.

Пока Пигасовъ говорилъ, Березниковъ сидѣлъ съ вытаращенными глазами и ничего не понималъ, только бормоталъ негромко:

— Это... чортъ его знаетъ...—галка!.. Чортъ знаетъ, что̀ такое! Ничего нѣтъ! ни ума ни воли! Ну, ужъ это...

И вдругъ столбнякъ, въ которомъ онъ находился отъ этихъ рѣчей Пигасова, оставилъ его, и онъ, разсердившись, произнесъ:

— Что̀ вы тутъ говорите? Что̀ это еще за безобразіе? Какъ нѣтъ ума? Я слушаю-слушаю, думаю: что̀ такое? Совсѣмъ было-очумѣлъ... Да что̀ вы? Какъ же такъ ума нѣтъ? что̀ вы говорите?..

— Я не говорю—«нѣтъ», я говорю: «своего» ума нѣтъ. Есть великолѣпный, удивительный умъ, но чужой, Божій умъ природы... А какъ своимъ, человѣчьимъ, приходится дѣйствовать—увы!.. *Такъ*, не думая, «не сумлѣваясь»—покоримъ, разобьемъ и сами помремъ сотнями тысячъ; а человѣчьимъ умомъ начнемъ дѣйствовать — не сладимся купить пожарную трубу для деревни!..

— Что̀ вы говорите!—возразилъ Березниковъ.—Господь съ вами! Опомнитесь вы хоть немножечко-то!.. Да позвольте, я вамъ приведу примѣръ. Вотъ я двѣ съ лишнимъ недѣли

прожилъ въ рыбной артели на Ильменѣ, такъ неужели же я не знаю, сколько тамъ ума, какая бездна удивительныхъ мыслей, сколько благородства?.. Да позвольте вамъ разсказать все это подробно, и вы увидите...

И Березниковъ съ жаромъ сталъ описывать рыболовную ильменскую артель. Организація ея была дѣйствительно совершенна, въ полномъ смыслѣ слова. Приводить здѣсь всѣ подробности этой организаціи слишкомъ бы затянуло разсказъ о дальнѣйшей бесѣдѣ Березникова съ Пигасовымъ. Приведу для образчика одну только подробность, касающуюся невода. Неводъ плетутъ всѣ члены артели по ровной части. Но такъ какъ къ этому неводу, опуская его въ воду, привязываютъ веревки, и тѣ мѣста, къ которымъ эти веревки привязываются, рвутся и портятся скорѣе тѣхъ частей невода, гдѣ нѣтъ привязей, то артельщики распредѣляютъ работу каждаго такъ, чтобы у *каждаго* приходилась часть плетенія къ узлу, гдѣ рвется, и часть труда тамъ, гдѣ неводъ свободенъ отъ узла; словомъ, внимательность артельщиковъ другъ къ другу и къ безобидному и совершенно ровному распредѣленію этого труда—доказывалась этимъ примѣромъ блистательно. По этому примѣру можно судить и объ остальной организаціи: вся она также организована на самыхъ справедливѣйшихъ отношеніяхъ къ труду собрата. Объ умѣ, вложенномъ артельщиками въ ихъ дѣло, Березниковъ разсказалъ чудеса; они астрономы, и каждая звѣзда на небѣ у нихъ называется по-своему; каждое направленіе вѣтра также изучено и названо собственнымъ своимъ именемъ. Словомъ, какъ организація артели, такъ и распредѣленіе труда и заработка, все было удивительно стройно и удивительно справедливо и умно.

— Теперь позвольте спросить васъ,—горячась, сказалъ Березниковъ:—гдѣ же тутъ и въ чемъ видится проповѣдуемая вами галка или ворона какая-то? Да не только галка, а и вашъ культурный человѣкъ со всѣми своими потрохами гроша мѣднаго не стоитъ противъ этихъ мужиковъ. Вотъ недавно я бралъ у попа книгу объ Америкѣ, о какихъ-то американскихъ сектахъ... Описывается тамъ, какъ какіе-то культурные распутники заводятъ тоже какія-то общины. И весь культурный умъ ихъ не въ силахъ сдѣлать такъ, чтобы общины эти обходились безъ распутства. Какой-то Нойесъ — чуть не богъ, а вѣдь отсюда за пять тысячъ верстъ видно, что онъ весь въ грязи, что даже лысина-то у него совсѣмъ подлая... И объ чемъ хлопочутъ!

Не стѣснять инстинктъ, а чтобы дѣтей не было. Чтобы инстинктъ былъ—это ничего, а дѣти—это пролетаріатъ, такъ вотъ и рекомендуютъ идти въ аптеку... Изъ аптеки возьми на цѣлковый лѣкарства противъ пролетаріата, а инстинктъ оставь! Вѣдь на это послѣдній мужикъ плюнетъ, такая это ахинея и подлость... И гдѣ же тутъ вашъ культурный умъ? и чего онъ стоитъ въ сравненіи съ нашимъ мужицкимъ умомъ, съ нашей чистой крестьянской семьей, съ дѣтьми, сколько бы ихъ ни родилось, и безъ всякихъ паршивыхъ рецептовъ?.. Что вы! Нѣтъ ума! Вы меня совсѣмъ одурачили вашими разговорами!

Пигасовъ все время молчалъ и внимательно слушалъ. При послѣднихъ словахъ Березникова онъ заговорилъ опять:

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:— что нѣтъ другого болѣе несчастнаго человѣка на свѣтѣ, какъ русскій культурный человѣкъ. Вѣдь свою культурность-то, свою мысль онъ долженъ дрессировать по чужимъ образцамъ, по образцамъ умственной работы того человѣка, который, какъ я говорилъ, хочетъ завоевать рай своимъ умомъ. И, какъ я также говорилъ, завоевалъ онъ очень мало, почти ничего... Сравнительно же съ нашимъ народнымъ раемъ...

— Рай! нечего сказать!—перебилъ Березниковъ, но Пигасовъ, не слушая его, продолжалъ:

— Сравнительно же съ нашимъ готовымъ раемъ и вовсе мало. А между тѣмъ русскій культурный человѣкъ, живя среди милліонной массы некультурнаго народа, невольно чувствуетъ вокругъ себя какія-то такія совершенныя и широкія формы жизни, которыя далеко превосходятъ всю его европейскую культурность. Лакей, горничная, извозчикъ— всѣ одинаково даютъ ему чувствовать, что они выше его чѣмъ-то, что они самостоятельнѣе его, что они неуязвимѣе, чище, смѣлѣе и въ милліонъ разъ прочнѣе его на землѣ. Чувствуя это и ощущая ежеминутно, нашъ культурный человѣкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не знаетъ, что дѣлать? Все для него кажется, или, по крайней мѣрѣ, онъ чуетъ, что вся его культурность слаба, дрянна, безплодна для этой сильной массы. И замѣчательно, что чѣмъ онъ искреннѣе, тѣмъ онъ нравственно слабѣе среди нашей массы. Да, въ самомъ дѣлѣ, представь себѣ, что онъ пережилъ, съ книгой въ рукахъ, всю эпопею страданія культурнаго человѣка и дошелъ до послѣдней точки, на которой этотъ измучившійся культурный человѣкъ стоитъ. Какая это точка? Это именно, вотъ какъ говоритъ господинъ Березниковъ,

какіе-то паршивые отцы Нойесы, какія-то неудающіяся коммуны, неуклюжіе фаланстеры и фамилистеры. И когда онъ доходитъ до этого предѣла, такъ тутъ у него совершенно опускаются руки, передъ нимъ во всемъ блескѣ и совершенствѣ стоитъ наша община, наша артель, и онъ говоритъ: «Какого же чорта (вотъ совершенно такъ же, какъ господинъ Березниковъ выражается) стоитъ вся эта культура!» Но тутъ происходитъ удивительная ошибка: переживая *мысль* культурнаго человѣка и дойдя вмѣстѣ съ этою *мыслью* до послѣдняго ея проявленія, мы, встрѣтивъ потомъ нашу общину, вкладываемъ въ нее продолженіе нашей мысли и продолжаемъ смотрѣть на нее, какъ на продуктъ нашей мысли, т.-е. объясняемъ ее нашей мыслью, и, разумѣется, поставивъ рядомъ какой-нибудь Нью-Ленаркъ и нашу деревню, видимъ огромную разницу въ пользу нашу и начинаемъ думать: «Вотъ каковы размѣры нашей мысли, вотъ каковы мы!.. Что-жъ будетъ *изъ насъ*, если тѣ дотолкались до какой-то казармы, тогда какъ мы додумались до такой прелестнѣйшей вещи, какъ община?» И ошибаемся! До казармы люди въ самомъ дѣлѣ додумались и дострадались, а община родилась сама, какъ цвѣтокъ, какъ галка. Хвалиться нашей общиной, артелью—то же, что приписывать самому себѣ и своему уму геніальное устройство собственнаго своего тѣла, своей нервной и кровеносной системы,—то же, что приписывать галкѣ блестящій успѣхъ въ умственномъ развитіи, такъ какъ она удивительно сумѣла устроить самоё себя и не только летаетъ, куда и когда ей угодно, но даже знаетъ, что за пять верстъ отсюда мужикъ просыпалъ овесъ, и что слѣдуетъ туда отправиться.

— Опять галка пошла въ ходъ...—иронически и сердито сказалъ Березниковъ.

— Да, опять!.. Или вотъ еще, — продолжалъ Пигасовъ, попрежнему обращаясь ко мнѣ.—Возьми ты теперь французскаго анархиста. Вѣдь сердце кровью обливается, глядя на нихъ. Всѣ они неизбѣжно должны погибнуть, *должны*,—понимаешь ли?—*должны погибнуть!!* потому что сію минуту они даже не могутъ приблизительно очертить того «будущаго», къ которому идутъ. Передъ ними тьма. Изъ существующихъ на ихъ глазахъ культурныхъ отношеній, какъ ихъ ни поверни, ничего не можетъ выйти такого, что бы сдѣлало жизнь гармоническою; но существующія отношенія тяжелы, и вотъ они говорятъ: «разрушить все, а потомъ видно будетъ». Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ они

объявить и обѣщать обществу, которое будетъ ихъ бить? Ничего! Ассоціацію трудящихся классовъ, сапожниковъ съ сапожниками, башмачниковъ съ башмачниками—какая казарма и какая скука! и результатъ—двѣ копейки барыша противъ нынѣшнихъ цѣнъ. И они знаютъ, что это — казарма и скука, знаютъ, что и существующее несправедливо, и вотъ идутъ *только* разрушать... Вѣроятно, послѣ морей крови и страданій, они придутъ путемъ огромныхъ усилій знанія и воли къ тому, что ассоціація-то должна быть въ одномъ человѣкѣ, что въ немъ одномъ должны сосредоточиваться, если такъ можно выразиться, всѣ знанія, всѣ науки, всѣ ремесла, а союзъ такихъ всесторонне развитыхъ людей будетъ община, общество. То-есть придутъ къ типу нашего мужика, который *все самъ,* на всѣ руки, все можетъ, ни въ комъ не нуждается и, сосредоточивая въ одномъ себѣ возможность всестороннѣйшаго развитія врожденныхъ въ немъ физическихъ и нравственныхъ силъ, представляетъ типъ «полнаго человѣка», а не башмачника, сапожника, телеграфиста... Но зато, если культурный человѣкъ, послѣ всѣхъ усилій ума, воли и знанія, послѣ всѣхъ страданій, послѣ морей крови придетъ къ тому же типу, который въ нашемъ крестьянинѣ уже есть, существуетъ во всей красѣ и силѣ,—не завоеванныхъ имъ, а взятыхъ даромъ,—тогда ужъ и самостоятельность и независимость этого своей волей выбившагося изъ мрака и холода мукъ человѣка будетъ вѣковѣчная!.. Его не сокрушитъ *случай*, не сокрушитъ дуновеніе вѣтра, какъ сокрушаетъ нашего теперешняго представителя этого типа, крестьянина. Какъ созданіе Божіе только, онъ превосходенъ, красивъ и совершененъ, вотъ какъ это развѣсистое дерево, этотъ кленъ; но если маленькій топоръ валитъ огромный дубъ, который валится и падаетъ безъ ропота, то и нашего крестьянина, который *сейчасъ* служитъ образцомъ человѣческаго совершенства и всесторонняго развитія, также валитъ всякая малость, которая бьетъ его по могучему и великолѣпно организованному тѣлу... Рубль... свистъ машины... и глядишь—«образчикъ будущаго» развалился прахомъ!..

Березниковъ, слушая эту рѣчь, сначала ходилъ взадъ и впередъ въ нетерпѣливомъ волненіи, потомъ замедлилъ шагъ, наконецъ остановился противъ Пигасова, скрестилъ по-наполеоновски руки на широкой груди и молча стоялъ, ожидая окончанія рѣчи. Когда Пигассвъ кончилъ, Березниковъ еще молчалъ нѣкоторое время, наконецъ проговорилъ:

— Позвольте... галки... вороны—это я ужъ слышалъ. А вотъ вы не изволили отвѣтить на мой вопросъ. Я разсказывалъ вамъ про рыбную артель... Такъ вотъ я желаю знать, какъ, по вашему мнѣнію, откуда все это произошло, и откуда взялись всѣ альтруистическія черты, которыя мы замѣчаемъ въ этой организаціи?.. Словомъ, кѣмъ или чѣмъ все это организовано? Народнымъ умомъ, или... ну, чѣмъ?

Пигасовъ молча выслушалъ этотъ вопросъ и какъ-то нехотя проговорилъ:

— Да тамъ у васъ какую рыбу ловятъ?

— У насъ? У насъ тамъ ловятъ сиговъ... ни болѣе ни менѣе!

— Ну такъ все это и произведено,—спокойно отвѣчалъ Пигасовъ:—не умомъ, а... сигомъ!

И замолчалъ. Березниковъ стоялъ противъ него въ той же наполеоновской позѣ и молчалъ, не зная, что̀ сказать, но смотрѣлъ на Пигасова иронически.

— Соблаговолите хотя бы краткое сдѣлать разъясненіе этой премудрой философіи?

— Соблаговолю!

— Вѣчно буду благодаренъ!

— Извольте. Вы говорите—какъ великъ неводъ-то?

Березниковъ сказалъ.

— Отчего-жъ онъ такъ великъ?

— Потому неводъ требуется для рыбы, а не для философіи, а рыба сидитъ глубоко. Надобно ее достать, и вотъ почему его дѣлаютъ такимъ, а не другимъ.

— Ну вотъ!—стало-быть, неводъ дѣлается по указанію сига!.. это разъ!.. А звѣзды зачѣмъ вамъ знать?

— Звѣзды надобно знать потому-съ, что ловля бываетъ ночью, и чтобы крикнуть лодкѣ, куда она должна поворотить, надо назвать какой-нибудь признакъ... и вотъ говорятъ: «вороти на такую-то звѣзду»...

— Итакъ, звѣзды также для сига изучаются... Ну, а вѣтеръ?

— А вѣтеръ для темныхъ, беззвѣздныхъ ночей, — «вороти на такой-то вѣтеръ».

— И вѣтеръ, какъ видите, для сига же... Теперь позвольте мнѣ спросить васъ въ свою очередь, что̀ было бы съ вашей артелью, если бы сиги вдругъ исчезли?..

Березниковъ сконфузился и молчалъ.

— Вѣроятно, — продолжалъ Пигасовъ: — не было бы и артели, не было бы ни вашей астрономіи, ни вашихъ теорій

вѣтра, ни вашихъ неводовъ, ни вашихъ альтруистическихъ чувствъ... Вотъ я тоже живу въ деревнѣ. И въ ней есть рѣчка, только мелкая, въ полъ-аршина глубины, сиговъ тамъ нѣтъ, а водятся пескари... И тамъ поэтому нѣтъ ни астрономіи ни альтруизма, а есть грубый эгоизмъ: чтобы поймать пескаря, нужно засучить штаны и почти на четверенькахъ ползать по рѣкѣ, поднимая на рѣкѣ камни и выхватывая изъ-подъ нихъ пескарей: и этоистически и индивидуально... У васъ сиги, крупная рыба—ну, и альтруизмъ...

Пигасовъ ехидно улыбался и кусалъ, по своему обыкновенію, папиросу. Березниковъ не измѣнялъ наполеоновской позы, покачивался, разставляя ноги, и бормоталъ:

— Такъ-съ! Очень прекрасно!

Пигасовъ молчалъ. Березниковъ тоже молчалъ.

— А знаете,—сказалъ онъ наконецъ Пигасову:—я васъ вѣдь опровергну.

— Пожалуйста!

— Ей-Богу, опровергну... всего какъ есть съ ногъ до головы...

— Сдѣлайте милость, очень буду радъ.

— Вы долго здѣсь пробудете?

— Дня два-три...

— Ну такъ я непремѣнно васъ разобью на всѣхъ пунктахъ... Только дайте мнѣ сообразиться... А то вы совсѣмъ меня запутали съ вашимъ словоизверженіемъ.

— Сообразитесь!

Такіе разговоры на тему о «власти земли» почти цѣлую зиму шли между моими деревенскими пріятелями и мною. Всякій разъ, когда намъ проходилось встрѣтиться, заѣдетъ кто-нибудь ко мнѣ (преимущественно Протасовъ), или я случайно загляну къ кому-нибудь изъ нихъ, — въ концѣ концовъ у насъ непремѣнно произойдетъ разговоръ, касающійся деревни, народа, интеллигенціи, — словомъ, всего того, о чемъ въ настоящее время приходится думать русскимъ людямъ всякаго званія. Кое-что изъ этихъ разговоровъ мнѣ кажется нелишнимъ сообщить читателю въ видахъ уясненія вопроса о власти земли. Передавать все, что̀ бывало говорено на пустопорожнемъ деревенскомъ досугѣ, и долго и утомительно. Вотъ почему я и выбираю изъ этихъ разглагольствованій только отдѣльные эпизоды и сокращаю все, что̀ къ дѣлу не относится. Разговоры идутъ преимущественно между мною и Протасовымъ, при

чемъ изъ нихъ взяты только извѣстные факты народной жизни; обоюдныя же наши разсужденія по поводу ихъ значительно сокращены. Первый изъ этихъ разговоровъ («Безъ своей воли») кончился ничѣмъ. Березниковъ опровергать не явился. А второй состоялъ въ слѣдующемъ.

II. Мишаньки.

Однажды, теплымъ зимнимъ вечеромъ, обыкновенный нашъ съ Пигасовымъ разговоръ принялъ образъ такого невозможнаго толченія воды въ ступѣ, что мы наконецъ, по безмолвному согласію, сочли нужнымъ совершенно прекратить его. Благодаря обилію только-что полученныхъ съ почты газетъ и журналовъ, это облегчающее другъ друга молчаніе удалось намъ какъ нельзя лучше. Долгое время мы молчали поистинѣ образцовымъ образомъ. Часъ-два въ комнатѣ стояла мертвая тишина — только шуршали большіе листы газетъ и періодически слышались рѣзкіе звуки разрываемой рукою Протасова (взять костяной ножикъ ему было лѣнь) страницы новаго журнала.

И вдругъ намъ обоимъ, и притомъ сразу, опять смертельно захотѣлось говорить. Я прочиталъ въ газетѣ такой фактъ, что вдругъ какъ бы одеревенѣлъ и сразу пересталъ понимать *рѣшительно все* (есть такіе факты, и притомъ попадаются они частенько), а Протасовъ, напротивъ, вдругъ оживился до такой степени, что я только-что было, собравшись съ силами послѣ изумленія, хотѣлъ раскрыть ротъ, чтобы повѣдать Протасову объ ошеломляющемъ фактѣ, какъ онъ, не давая мнѣ сказать слова, быстро подбѣжалъ ко мнѣ съ книгою въ рукахъ и, хлопая ладонью по открытой страницѣ, почти вопіялъ съ какимъ-то даже умоляющимъ выраженіемъ лица:

— Читай! Ради Бога, читай вотъ это! вотъ! «Отъ сихъ до сихъ».

— Позволь,—сказалъ-было я: — я тутъ такой фактъ вычиталъ, что у меня даже дыханіе прекратилось...

— Читай! Читай, прошу тебя! — вопіялъ Протасовъ и, не обращая вниманія на то, что и мнѣ тоже необходимо было освободиться отъ факта, захватившаго мнѣ дыханіе, совалъ мнѣ въ руки книгу и, тыкая въ страницу пальцемъ, умолялъ:

— Читай, я тебѣ говорю!.. Вотъ именно это мѣсто! Ты увидишь потомъ... Вотъ—вотъ!

Волей-неволей я долженъ былъ уступить Протасову и прочиталъ слѣдующее:

«...Культурное значеніе финиковой пальмы громадно... Только *благодаря ей* населеніе Аравіи могло сгуститься настолько, чтобы выдѣлить ко всѣмъ концамъ свѣта тѣ полчища, которыя такъ далеко распространили владычество ислама. *Всемірно-историческая роль арабовъ прямо связана съ этимъ* ихъ священнымъ *деревомъ:* оно одно *позволяетъ* держаться и странствовать въ пустынѣ, но *оно не принуждаетъ* человѣка къ постоянному труду и осѣдлости, *позволяетъ* ему оставаться кочевникомъ и *потому не ведетъ* его выше умѣренной степени культуры и *позволяетъ застаиваться* цѣлыя тысячелѣтія *въ тѣхъ же привычкахъ, взглядахъ и потребностяхъ.* На всей необъятной полосѣ распространенія финиковой пальмы мы видимъ *тѣ же бытовые порядки* и ту же косность въ вещественномъ и умственномъ строѣ жизни. *Быть-можетъ,* самый культъ ислама, который до такой степени къ этой *жизни подходитъ,* такъ быстро покорилъ себѣ всю эту область и царитъ въ ней одинъ, какъ выраженіе этого однообразія и того *предѣла,* который положила человѣческому *уму* природа, осчастливившая эти страны финиковой пальмой» («В. Е.», 1882, № 9).

— Довольно! — повелительно воскликнулъ Протасовъ, когда я дочиталъ до послѣдняго слова, и взялъ изъ моихъ рукъ книгу. Очевидно, тѣ строки, которыя онъ далъ прочитать мнѣ, сильно интересовали его, потому что все время, пока я читалъ, онъ, стоя сбоку меня и заглядывая въ книгу, поминутно тыкалъ пальцемъ въ тѣ слова и строки, которыя у меня подчеркнуты. Взявъ изъ моихъ рукъ книгу, онъ не далъ мнѣ ни минуты на то, чтобы выразить свое изумленіе по поводу того, какимъ образомъ перечисленныя достоинства финиковой пальмы такъ сильно могутъ волновать моего соотечественника, и заговорилъ, съ особенной выразительностью отдѣляя каждое слово и на каждомъ словѣ останавливаясь:

— Видишь, — заговорилъ онъ: — *«по-зво-ля-етъ»!.. «не позволяетъ», «препятствуетъ»!.. «не мѣшаетъ»!.. «кладетъ предѣлъ»!*—кто? что?—Дерево! Дерево оказывается настолько властнымъ надъ человѣкомъ, что не только организуетъ его бытовые порядки, но даже создаетъ религіозный культъ, позволяетъ или приказываетъ разнести его по всѣмъ концамъ свѣта, формируетъ личный характеръ милліоновъ массъ... И опять, кто же этотъ творецъ и зиждитель? Де-ре-во! Дерево! Понимаешь ли ты, что это такое? И какъ же у насъ на Руси не идти на ржаное поле и не обращаться *къ колосу* за отвѣтомъ на вопросы

о всѣхъ, рѣшительно о всѣхъ особенностяхъ, даже о мельчайшихъ случайностяхъ русской жизни?

— Ну,—сказалъ я:—а вотъ это, вотъ что я сейчасъ прочиталъ въ газетѣ, любопытно, объяснишь ли ты ржанымъ полемъ?

— Что такое ты прочиталъ?

И я немедленно же сталъ разсказывать ему прочитанный фактъ, радуясь возможности избавиться отъ того впечатлѣнія, которымъ этотъ фактъ меня буквально ошеломилъ, и не заботясь о томъ, насколько онъ соотвѣтствуетъ громадному значенію финиковой пальмы, которымъ Протасовъ былъ поглощенъ.

Фактъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одинъ осенній вечеръ, по Загородному проспекту въ Петербургѣ ѣхалъ извозчикъ и везъ сѣдока. И сѣдокъ и извозчикъ, повидимому, были оба мертвецки пьяны; оба они качались то взадъ, то впередъ, то направо, то налѣво, что дальше, то больше, и наконецъ, на поворотѣ въ какой-то переулокъ, куда лошадь повернула сама, такъ какъ извозчикъ ею ужъ не правилъ, оба сѣдока—т.-е. сѣдокъ и извозчикъ—свалились съ пролетки одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Лошадь ушла. Сѣдоки лежатъ бездыханны. По обыкновенію, ихъ взяли и свезли въ часть, и здѣсь одинъ изъ нихъ—извозчикъ—умеръ, не приходя въ сознаніе, а другой пришелъ въ себя и оказался фельдшеромъ Обуховской больницы; въ карманѣ его найдена склянка, въ которой оказался хлоралъ-гидратъ; по вскрытіи тѣла извозчика оказалось, что онъ отравленъ также хлоралъ-гидратомъ, принятымъ въ лошадиной пропорціи. Фельдшеръ былъ арестованъ, и дѣло его не успѣло еще разъясниться, какъ въ другомъ концѣ Петербурга произошло слѣдующее: ночью сидитъ у воротъ одного дома дворникъ и видитъ: два мужика несутъ за ноги и за голову третьяго, въ безчувственномъ состояніи. «Что такое? куда? кто?» — спросилъ ихъ дворникъ, когда они поровнялись съ воротами дома и хотѣли пронести свою ношу. — «Да тутъ, — отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ:—братанъ... натрескался въ кабакѣ... Изъ деревни пріѣхалъ, нажрался съ устатку-то... несемъ домой... въ фатеру... Пусть проспится...» — «Ну, несите!»—разрѣшилъ дворникъ, и мужики понесли... Стуча сапогами и цѣпляя ими за камни мостовой двора, понесли они свою ношу, но не въ «фатеру», а прямо, черезъ весь дворъ, въ

дальній уголъ, гдѣ была разверста зловонная пасть помойной ямы, и, раскачавъ свою ношу,—«братана»-то,—ввергли его въ эту яму, какъ какое-нибудь полѣно. Ввергли и ушли въ «фатеру». Долго ли, коротко ли, но братана этого разыскали въ помойной ямѣ; онъ былъ мертвъ и, какъ оказалось, былъ принесенъ уже мертвымъ. Братана вскрыли, и опять оказалось, что онъ отравленъ хлоралъ-гидратомъ. Эти два случая отравленія однимъ и тѣмъ же ядомъ заставили слѣдователя энергично приняться за дѣло, результатомъ чего и былъ судебный процессъ. На процессѣ этомъ выяснилось, что жили-были въ Петербургѣ «на фатерѣ» мужикъ съ бабой и надумали «*этакимъ вотъ манеромъ*» деньги наживать... Достали сонныхъ капель отъ фельдшера, растолковали двумъ Мишанькамъ, деревенскимъ парнямъ, какъ капли эти на водку «пущать» и какъ деньги вытаскивать изъ кармана, и отправили ихъ на добычу. И вотъ Мишаньки принялись—вѣроятно, за харчи (работы нонѣ мало... хошь съ голоду помирай!)—орудовать, но съ непривычки (кабы знато, какая препорція!) стали бухать въ водку извозчикамъ такое количество капель, что закатывали людей на смерть. Даже фельдшеръ, который сонныя капли доставалъ, и тотъ чуть на тотъ свѣтъ не отправился.—«Что вы, дуроломы,—ругала ихъ баба-хозяйка, отправляя на промыселъ и вручая пузырекъ съ каплями:—даромъ лѣкарство-то изводите! Вѣдь оно дорогое! Вѣдь деньги за него плачены—не щепки! Не жаль хозяйскаго добра-то... О-о-охъ, Господи, Батюшка! Грѣхи, грѣхи тяжкіе! Бухаете по цѣлому пузырьку—не напасешься!.. О-о-охъ, отче Макаріе, праведные угодники печерскіе, помилуй насъ грѣшныхъ! Берите лѣкарствіе-то, безумные!..» Но Мишаньки не умѣли, не пріобыкли и даже, можетъ-быть, со страху продолжали не жалѣть хозяйскаго добра: угощая водкой послѣднюю жертву хозяйской выдумки, какого-то иззябшаго на морозѣ извозчика (котораго потомъ спустили въ яму), одинъ изъ Мишанекъ бухнулъ ему въ стаканъ такую пропасть сонныхъ капель, что извозчикъ умеръ въ то же самое мгновеніе, какъ выпилъ стаканъ,—умеръ сразу, не успѣвъ отереть усовъ, а только дохнулъ какимъ-то звукомъ, похожимъ на «у-ухххъ!», и грохнулся объ земь, уже испустивъ духъ. Результатомъ всей этой хозяйской выдумки, такъ безпрекословно, хотя и весьма топорно исполненной Мишаньками-работниками, было то, что, отправивъ на тотъ свѣтъ двоихъ человѣкъ, они выручили

всего-на-всего около четырехъ цѣлковыхъ, которые и предоставили хозяину «копейка въ копейку» («Мнѣ чужого не надо!»—говоритъ Мишанька по чистой совѣсти и, какъ говоритъ, такъ дѣйствительно и дѣлаетъ).

Разсказавъ Протасову этотъ газетный фактъ, я не могъ удержаться, чтобы тотчасъ же не высказать моего мнѣнія объ этомъ нелѣпѣйшемъ изъ нелѣпѣйшихъ и глупѣйшемъ изъ глупѣйшихъ злодѣевъ. Именно глупость, полное отсутствіе какого-либо смысла или расчета въ поступкахъ этихъ Мишанекъ, этого хозяина и хозяйки, и ошеломили меня, едва я только впервые прочиталъ объ этомъ фактѣ, ошеломили до того, что я сразу какъ-то пересталъ понимать, что̀ такое творится на бѣломъ свѣтѣ. Судите сами: есть ли какой-нибудь человѣческій смыслъ поправлять свои дѣла, отравляя—кого?—извозчиковъ, у которыхъ никогда не можетъ быть болѣе двухъ-трехъ рублей! Настоящій злодѣй, рискуя каторгой, въ самомъ дѣлѣ выдумываетъ что-нибудь такое, что̀ можно выразить выраженіемъ: «либо панъ, либо пропалъ». Этотъ же «по мужицкому своему званію» надумалъ морить и грабить своего брата, ночниковъ-извозчиковъ, тогда какъ по пальцамъ могъ бы сосчитать, что для того, чтобы «такимъ манеромъ» заработать, положимъ, сто рублей, нужно усѣять Петербургъ трупами и переполнить мертвецами всѣ помойныя ямы. Самый простой расчетъ, казалось, говоритъ этому выдумщику, что затѣя его нелѣпа. Изъ четырехъ цѣлковыхъ, вырученныхъ безпрекословными Мишаньками, вѣдь надо отдать было за лѣкарствіе фельдшеру, надо угостить его водкой, надо водкой поить извозчиковъ, надо съ Мишаньками подѣлиться, потому что они вѣдь стараются, буквально «себя не жалѣютъ», да наконецъ надо ихъ кормить, вѣдь они ѣдятъ по четыре фунта въ день одного хлѣба, да хлебова все надо дать хоть разъ-то въ день, а вѣдь теперь все дорого («способовъ нѣту!»—говоритъ хозяйка). Какой же смыслъ и расчетъ? Ничего, кромѣ самой глупѣйшей глупости, увѣнчиваемой каторжными работами. Не отравляя и не рискуя каторгой и сознаніемъ грѣха, всѣ эти четыре человѣка на поденщинѣ (если бы она случилась) могли бы, считая по 70 копеекъ, заработать 2 рубля 80 копеекъ въ сутки и были бы на милліонноверстномъ разстояніи отъ убійства, отъ каторги, да и щи были бы у нихъ съ мясомъ. Но забралась въ какую-то—очевидно, глупую—голову мысль насчетъ сонныхъ капель,—мысль, вѣроятно, почерп-

нутая отъ настоящихъ мазуриковъ, въ какомъ-нибудь темномъ углу, и вотъ она осуществляется при помощи Мишанекъ, осуществляется совершенно «по-топорному», безобразно, глупо, безцѣльно, нелѣпо,—словомъ, глупо до безчувствія. Людей валятъ «дурдомъ», кое мѣсто объ мостовую, кое въ помойную яму. Точно въ самомъ дѣлѣ это не люди, а дрова, и Мишаньки нанялись эти дрова валить туда, куда прикажутъ хозяева...

— Да!—сказалъ Протасовъ:—это документъ! и документъ, я тебѣ скажу, превосходнѣйшій! То-есть для меня и для того, о чемъ я теперь думаю... Отличнѣйшій, отличнѣйшій документъ!

— То-есть отличнѣйшій, — переспросилъ я его:—въ пользу все того же ржаного поля?

— Конечно! Только то, что ты разсказалъ, надобно немного дополнить... Надобно сдѣлать небольшую прибавочку, и тогда ты поймешь, что фактъ этотъ имѣетъ глубочайшее значеніе и для ржаного поля.

— Чѣмъ же ты его дополнишь?

— А вотъ чѣмъ... Ты вотъ разсказалъ о глупомъ и жестокомъ поступкѣ всѣхъ этихъ Мишанекъ. Глупы, глупы они, эти Мишаньки, и нелѣпы, а пришлось, случилось—исполнили, что приказано, и исполнили, какъ видишь, безъ сумлѣнія. Какъ-ни-какъ, а двухъ человѣкъ отправили на тотъ свѣтъ, хоть и по-топорному... Словомъ, ты сообщилъ такой фактъ, въ которомъ Мишаньки являются со стороны своей глупости и безобразнѣйшей умственной нелѣпицы. Теперь я представлю тебѣ этихъ же самыхъ Мишанекъ совершенно въ другомъ видѣ... Разумѣется, ихъ приговорили къ каторгѣ, и вотъ тутъ-то мы ихъ увидимъ совершенно въ другомъ видѣ... Во-первыхъ, они ужъ въ артели,—это непремѣнно,—и здѣсь тѣ самые люди, которые «безъ разсудку», «такъ, зря», спустили въ помойную яму человѣка, бросили его такъ, какъ бросаютъ полѣно,—посмотри, какъ они ведутъ себя въ этой артели острожной... Погляди, напримѣръ, какъ они ѣдятъ. Вотъ шесть человѣкъ такихъ же все Мишанекъ, и старыхъ и молодыхъ, сидятъ за чашкой щей... Въ чашкѣ, положимъ, накрошено мясо (нѣкто пожертвовалъ по случаю благополучной неотдачи денегъ въ скопинскій банкъ), такъ вотъ посмотри, какъ они ѣдятъ и эти щи и это мясо... Во-первыхъ, сначала для того, чтобы никому изъ артельщиковъ не было обиды—ѣдятъ всѣ шестеро одни только щи, мяса не трогаютъ...

Хлебаютъ. И хлебаютъ по порядку. Первый дожидается шестого, чтобы вновь опустить свою ложку. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, покуда въ комъ-нибудь изъ шестерыхъ не созрѣетъ убѣжденіе (а убѣжденіе зрѣетъ въ каждомъ, такъ какъ каждый наблюдаетъ за собой и за всѣми), что насталъ часъ приступить и къ мясу. И вотъ, убѣдившись, что другіе раздѣляютъ это мнѣніе, артельщикъ стучитъ ложкой о край чашки. Только тогда, также по порядку, одинъ за другимъ, начинаютъ ѣсть мясо, и, точно такъ же, какъ прежде, шестой даетъ возможность первому вновь опустить ложку въ чашку и взять кусокъ; кто-нибудь задумался и вмѣсто щей съ мясомъ взялъ ложкой однихъ щей—напомнятъ, скажутъ: «ты что же кусокъ-то пропустилъ?..» И куски всѣ нарѣзаны точь въ точь поровну; словомъ, на глотокъ, на каплю нѣтъ несправедливости къ сосѣду, къ щамъ, къ мясу и къ хлѣбу... Похожи ли, спрошу я тебя, *эти* Мишаньки, эти товарищи, внимательнѣйшіе другъ къ другу, справедливѣйшіе другъ къ другу,—словомъ, Мишаньки, дающіе тебѣ возможность чувствовать всю прелесть братскихъ отношеній между людьми, на тѣхъ Мишанекъ, которые валятъ братановъ и валятъ зря (вотъ что главное-то!) въ помойныя ямы? Похожи? Нѣтъ! Совсѣмъ непохожи. Но вѣдь это одни и тѣ же Мишаньки—вотъ что ужасно, вотъ что важно! вотъ почему фактъ, который ты сообщилъ, вмѣстѣ съ моимъ дополненіемъ, которое я имѣю право сдѣлать безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія въ его справедливости, вотъ почему оба эти факта, слитые воедино (а они на Руси всегда слиты воедино), знаменательны: они даютъ русской жизни ту главную, преобладающую черту ненужнаго, излишняго «неблагообразія», которая дѣлаетъ ее въ концѣ концовъ мучительной...

«Ужъ я не говорю, — продолжалъ Протасовъ: — собственно о деревенской жизни: здѣсь положительно на каждомъ шагу тебя то морозъ деретъ по кожѣ, то душа растворяется въ нѣжнѣйшемъ умиленіи. «Знаешь,—говоритъ тебѣ, положимъ, сегодня утромъ какой-нибудь пріятель:—я былъ въ деревнѣ и не знаю... кажется, никогда въ жизни не испытывалъ такихъ поистинѣ благоговѣйныхъ ощущеній. Какая въ нихъ простота, доброта, какой свѣтлый умъ, сколько остроумія, какое терпѣніе, какіе удивительно широкіе, просторные идеалы жизни!.. Я былъ недолго, это правда, но ужъ и того, что я видѣлъ, доста-

точно, чтобъ сказать, что у нашего народа великая будущность,—великая!.. Мы со всѣми нашими интеллигентными потрохами—ноль... больше ничего, ничтожество!..» А вечеромъ приходитъ другой пріятель, также отвѣдавшій деревни, и вотъ что говоритъ: «Знаешь, на этихъ дняхъ мнѣ пришлось провести нѣсколько времени въ деревнѣ, такъ я, ей-Богу, до сихъ поръ не могу опомниться, придти въ себя. Что я тамъ только видѣлъ—уму непостижимо! Понимаешь ли, до сихъ поръ не могу еще опомниться, очувствоваться, придти въ себя, а я ужъ больше недѣли какъ воротился оттуда... Понимаешь ли... (разсказчикъ переводитъ духъ) просто—дерутъ другъ съ друга шкуру! Такого безчеловѣчія, такого безсердечія я... да нѣтъ! это невозможно!» И какъ первый изъ посѣтителей деревни, пріѣхавшій оттуда въ восхищеніи, заваливалъ тебя разсказами о самыхъ привлекательнѣйшихъ явленіяхъ деревенской жизни, которыя онъ видѣлъ «собственными своими глазами», такъ и второй преподноситъ факты, также видѣнные «собственными своими глазами», но ужъ потрясающіе безобразіемъ и безчеловѣчностью. А сойдутся оба пріятеля—еще того хуже: тутъ начинаются такіе разговоры, въ которыхъ ничего понять невозможно. «Я,—съ разстановкой и съ явнымъ желаніемъ придать каждому слову непоколебимую тяжеловѣсность, говоритъ одинъ изъ пріятелей:—самъ, собственными своими глазами, видѣлъ, какъ на сходѣ здоровенный мужикъ, котораго съ перваго взгляда можно было бы принять за разбойника, просилъ у общества и кланялся ему въ ноги—понимаете ли?—въ ноги кланялся и у-мо-л-я-л-ъ отдать ему шестерыхъ сиротъ, оставшихся безъ отца и матери. Я самъ своими собственными глазами это видѣлъ...» — «Позвольте, возражаетъ другой:—очень можетъ быть, что вы все это видѣли... То-есть не только «можетъ быть», а навѣрно; но поручитесь ли вы, что этотъ благодѣтель, похожій на разбойника, не взвалитъ сиротъ на телѣгу, не отвезетъ ихъ въ Москву, чтобы раздать по лавкамъ и кабакамъ, и на полученныя по контрактамъ деньги не купитъ для своего хозяйства сиваго мерина?.. Я говорю это потому, что я «самъ, своими собственными глазами» видѣлъ, какъ (желаніе придать тяжеловѣсность каждому слову начинаетъ невольно овладѣвать и этимъ наблюдателемъ) родная мать—понимаете ли?—родная мать не хотѣла—слышите ли?—не хотѣла лѣчить родного сына, который умиралъ и котораго можно было вылѣчить!—не хотѣла потому, что иначе старшій ея сынъ,

который ее кормилъ столярной работой, долженъ бы былъ пойти въ солдаты! Она на моихъ глазахъ сорвала съ ребенка компрессы, вылила въ помойную яму лѣкарство и ему, живому, умоляющимъ голосомъ просившему испить: «мамынька, горитъ въ нутрѣ, охъ, мамынька, мамынька»... совала въ руки восковую свѣчку, какъ умирающему, а воды не давала... Вотъ что я видѣлъ собственными своими глазами!»—«Не знаю!—скажетъ другой:—впрочемъ, мало ли на свѣтѣ злодѣевъ и уродовъ... Я не только не видалъ ничего подобнаго, но, напротивъ, видѣлъ такія удивительныя, нѣжныя отношенія матерей и отцовъ къ дѣтямъ, выше которыхъ нельзя ничего себѣ представить... Да вотъ я вамъ разскажу...» И разсказываетъ такой фактъ, отъ котораго у перваго пріятеля, какъ говорится, языкъ прильпе къ гортани и слова онъ не можетъ вымолвить. Такъ блистателенъ и великолѣпенъ фактъ, преподнесенный въ опроверженіе примѣра безсердечія и безчеловѣчія... «Не знаю,—въ свою очередь говоритъ опровергнутый:—очень можетъ быть... впрочемъ, я мало знаю народную жизнь... Но мнѣ случалось видѣть... вотъ что...» И вновь преподноситъ какое-нибудь такое деревенское изобрѣтеніе, что и восторженный поклонникъ деревни не находитъ возможнымъ сказать что-нибудь кромѣ того же: «не знаю... можетъ-быть, впрочемъ... я такъ мало знаю...»

«Но это еще не все! Восторженный и ожесточенный опять ѣдутъ въ деревню и опять возвращаются оттуда съ фактами и наблюденіями, но на этотъ разъ съ ними произошла значительная перемѣна... Осовѣлъ восторженный и поутихъ ожесточенный...—«Да-а!—растягивая слова, говоритъ восторженный, чувствуя въ головѣ своей какой-то шумъ, точно послѣ ошеломляющаго удара:—да-а... дѣйствительно, что-то тамъ какъ будто не вполнѣ»... и разсказываетъ такую исторію: «Помните, я разсказывалъ, какъ мнѣ тамъ понравилось... Я попалъ на передѣлъ, и мнѣ до того они всѣ показались благородными и справедливыми, что я положительно пришелъ въ восторгъ. Вотъ теперь былъ я во второй разъ и говорю одному старику, который мнѣ особенно понравился: «Что, говорю, вѣдь я хочу тутъ жить у васъ,—у васъ славно, просто, хорошо».—Обрадовался старикъ: «Живи, живи, мы хорошимъ людямъ рады...» И пошелъ мнѣ расписывать, гдѣ и у кого купить домъ, какъ починить сарай и такъ далѣе... Точно о маломъ ребенкѣ заботится — что я ему?—Чужой человѣкъ, а онъ рѣши-

тельно каждый гвоздь предусмотрѣлъ и обдумалъ въ томъ домѣ, который еще не купленъ, и обдумалъ все до послѣдняго гвоздя въ мою пользу...—«А баню, говоритъ, мы за двадцать пять цѣлковыхъ отхватимъ за мое почтеніе... Только *ты не спѣши, не торопись, не суй денегъ въ руки, когда не надо, а погоди, повремени...*» И сталъ онъ тутъ говорить не громко и даже какъ-то не губами говорилъ, а носомъ: верхнюю губу подтянулъ къ носу и такъ сквозь щетину-то и сталъ пропускать носовые звуки такого содержанія: «Успѣется... Главная причина—спѣшить не надо, а пообгодить да пообождать... Вотъ *по веснѣ*... такъ тутъ мы съ тобою такую штуку укупимъ, которую, ежели *теперь* торговать, такъ шестьдесятъ либо семьдесятъ рублей отдашь, а по веснѣ-то мы за двадцать отломимъ... вотъ что я тебѣ скажу!..»—«Почему же такъ?»—«Да потому, что *нужда, братецъ ты мой, нужда настигнетъ*, а нужда вѣдь, братецъ ты мой,—о-о-охъ, какъ она нашего брата нажимаетъ! Теперь вотъ у иного хлѣба-то на мѣсяцъ не осталось, а по веснѣ-то и совсѣмъ негдѣ взять... вотъ отчего, другъ сердечный, и за двадцать отдадутъ, которая вещія шестьдесятъ-семьдесятъ стоитъ... Только ужъ ты слухай меня, я тебя не обману!..» Сказалъ онъ мнѣ это наивно, добродушно, даже прямо жалѣлъ тѣхъ, кому по веснѣ придется продавать «вещію» вмѣсто восьмидесяти за двадцать,—и вполнѣ-вполнѣ искренно жалѣлъ... А нехорошо, неловко стало у меня на душѣ».—«И знаете,—прибавляетъ ошеломленный этимъ фактомъ соболѣзнующаго грабительства:—я сталъ замѣчать, что у нихъ два рода разговоровъ: то орутъ, такъ что за двадцать верстъ слышно, орутъ во всю глотку, на міру, а то какъ-то какъ будто совсѣмъ не говорятъ... сойдутся, пошевелятъ носами и усами, помычатъ что-то... а потомъ и разойдутся... Вотъ этотъ-то разговоръ ужасно непріятенъ, удручающъ... Не все, стало-быть, тутъ чисто и откровенно... Есть, стало-быть, тутъ дѣла, которыя понимаются почти только обнюхиваніемъ другъ друга. И если они обнюхиваютъ по такимъ дѣламъ, какъ вотъ эта баня... такъ, право, нехорошо что-то... Впрочемъ, я не знаю, я такъ вообще мало знакомъ съ народной жизнью, что... вообще не знаю! Мудрено!»

«Такъ заключаетъ свою рѣчь восторженный поклонникъ деревни, чувствуя какую-то слабость и въ головѣ и во всемъ тѣлѣ и не имѣя возможности высвободиться изъ-подъ ошеломляющаго впечатлѣнія только-что разсказаннаго факта...

«А вотъ является и другой наблюдатель, вчера еще ожесточенный несказанно и почти бѣсновавшійся,—и онъ тоже какъ будто осовѣлъ и, раскланиваясь со своимъ недавнимъ врагомъ-собесѣдникомъ, не только не сердито, а, напротивъ, въ высшей степени умильно смотритъ на него и съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ пожимаетъ руку. Очевидно, они виноваты другъ противъ друга. Погорячились, не зная дѣла. Одинъ изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, покаялся, а скоро начинаетъ каяться и другой:

«— Да!—начинаетъ онъ, сконфуженно отирая потный (также отъ конфуза) лобъ:—да... дѣйствительно!.. Тутъ, разумѣется, играетъ главную роль незнаніе... Пріѣдешь, поглядишь и позволяешь себѣ судить... Между тѣмъ какъ при болѣе внимательномъ изученіи... иногда просто поражаешься фактомъ у-д-ди-вительной душевной чистоты!..

«— Какъ!—восклицаю я, посторонній слушатель.—Да ты же самъ вчера говорилъ, что тамъ другъ съ друга чуть не сдираютъ кожу! Какая же это «душевная чистота»?

«— Я говорилъ и повторю... Потому что я самъ видѣлъ!.. Но я также могу привести и такой примѣръ: у одного моего пріятеля, земскаго врача, живетъ старикъ, одинокій, 80 лѣтъ. Этотъ старикъ двадцать восемь лѣтъ работалъ на одного купца, работалъ буквально какъ волъ—у него сзади на шеѣ образовался даже твердый желвакъ отъ носки бочекъ съ сахаромъ, кулей и такъ далѣе, нѣчто въ родѣ лошадиной холки. Прослужилъ онъ двадцать лѣтъ и долженъ былъ уйти куда глаза глядятъ, потому что купецъ какъ-то вдругъ прогорѣлъ, сталъ пить и въ концѣ концовъ наложилъ на себя руки. Послѣ него осталась большая семья въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Старику пришлось уйти, искать мѣста, и ушелъ онъ буквально безъ копейки. Ни одежи, ни хлѣба, ничего буквально у него не было, когда ему пришлось выйти изъ этого дома прямо на мостовую, на шоссе, и искать себѣ хлѣба. И рѣшительно, какъ разсказывалъ мой пріятель, никогда ни одного упрека не слыхалъ онъ отъ старика насчетъ своей горькой доли. «Богъ съ ними!.. Сами они въ нуждѣ. Грѣхъ и брать-то...» А вѣдь за двадцать восемь лѣтъ службы, считая по самой умѣренной платѣ, и то бы пришлось старику не одну сотню получить... И вотъ эти-то сотни онъ терялъ безъ всякаго сожалѣнія... Шелъ слабыми ногами невѣдомо куда искать хлѣба тогда, когда ужъ собирался перестать работать и, запасшись заработанными деньгами, обойти нѣкоторыя из-

любленныя святыя мѣста, а потомъ и умереть честно и праведно... Ни малѣйшаго сожалѣнія объ утраченныхъ деньгахъ, о нищенской старости никогда мой пріятель отъ старика не слыхалъ. Но вотъ на этихъ дняхъ устроилъ мой пріятель для своихъ и для деревенскихъ дѣтей елку... Набралось много народу, мужиковъ, бабъ, парней, мальчиковъ и дѣвочекъ. И старикъ приплелся, стоитъ въ передней, выставивъ бороду, и какъ ребенокъ радуется: «каково хорошо!». Стали раздавать подарки, — коробочки, всякіе пустяки,—и старику дали... Держитъ, любуется, боится раздавить... А есть тутъ у этого же моего пріятеля дѣвушка, тоже крестьянка, въ услуженіи. И ужъ невѣста, и ей досталась коробка, но въ коробкѣ случайно оказалась конфетка, на которой былъ нарисованъ парень. Показала она подругамъ—тѣ и засмѣяли: «о парняхъ, молъ, думаетъ, такъ вотъ парень и достался». Сгорѣла она при всѣхъ отъ стыда.—«Позвольте, говоритъ, обмѣнять мнѣ его на сахарную собаку». Ей не позволили, потому что было ужъ очень смѣшно ея смущеніе. Да и парни также возроптали. «Ишь ты! парня на собаку хочешь мѣнять!» Вотъ она, чтобы отдѣлаться отъ этого смѣха, и пристала къ старику—помѣняться коробками: «на кой тѣ ладъ?»—«Не отдамъ!»—«Дѣдушка, родименькій!» Не отдаетъ, насупился, брови нахмурилъ.—«Пошла, не приставай!» Облапилъ подарокъ обѣими руками, ощетинился, но та не церемонилась съ нимъ: подкарауливъ минуту, выхватила изъ его рукъ коробку, сунула туда свою съ парнемъ и пустилась бѣжать; старикъ за ней, да вѣдь какъ звѣрь! ноги-то не ходятъ... догнать не можетъ... схватилъ полѣно у печки, пустилъ вдогонку... Ну, совершенныя дѣти! Понравилась ему игрушка, и облапилъ какъ сокровище, а двадцать восемь лѣтъ труда пропали—ничего: «Богъ съ ними...» Чистыя дѣти!.. Нѣтъ, вы (обращается къ вчерашнему оппоненту)—вы правы... Дѣйствительно, чистота души...

«— Нѣтъ...—прерываетъ первый изъ покаявшихся: — чистота, конечно... И я самъ чистоту видѣлъ... но дѣйствительно иногда и шкуру, какъ вы говорите...

«Такъ вотъ и идетъ! Чистота души... шкура... Любовь къ ближнему и «забилъ на смерть»... высшая справедливость... жестокая несправедливость—и все это вмѣстѣ, все рядомъ и все иногда въ одномъ и томъ же лицѣ... Поди вотъ разбирай, гдѣ они и когда сливаются, когда расходятся, что въ нихъ «въ самомъ дѣлѣ», а что—нѣтъ... Поди

вотъ разбери, гдѣ граница благообразія и начало неблагообразія? Чистое сердце и благообразіе, чистое сердце и безобразіе — вотъ изъ безпрерывнаго соединенія явленій того и другого рода вмѣстѣ и выходитъ то положеніе вещей, взглянувъ въ которое, можешь только содрогаться. «Ты,—сказалъ покойный Некрасовъ:—и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и безсильная...» Признаки вѣрные, но, чтобъ эти признаки не были пустыми словами, надо же наконецъ хоть какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ: въ чемъ именно могучая? въ чемъ именно безсильная? въ чемъ обильная и въ чемъ убогая?.. Необходимо дать себѣ на эти вопросы хотя бы самый грубый, но самый общепонятный отвѣтъ, иначе всякій русскій человѣкъ не отдѣлается отъ страшной необходимости таить въ своемъ сердцѣ радужныя, почти дѣтскія желанія и чувствовать необходимость закалять свое сердце въ ожесточеніи... Безплодная тягота жизни, безпрерывное ощущеніе неблагообразія отношеній, безпрестанная тоска ожиданія чего-то обѣщающаго не добро... Право, иной разъ ночью проснешься покурить и испугаешься... Чего? Да такъ, всего!.. Тотчасъ при воспоминаніи дня что-то начинаетъ давить грудь, и думаешь: чего этотъ прошлый день хочетъ добиться? Изъ-за чего онъ такъ ужасно и такъ необычайно серьезенъ (даже «сурьезенъ») и такъ необычайно грубъ, глупъ и нелѣпъ!.. И кто же съ такой упорной настойчивостью, что̀ называется, не покладаючи рукъ, воспроизводитъ этотъ грубый, глупый, серьезный, нелѣпый день, воспроизводитъ его безъ передышки цѣлыми годами? «Ничего не выйдетъ!»—вотъ мысль, которой оканчиваются мечты ночного пробужденія и ночного страха. Я хочу знать—отчего «все это можно»? Что̀ же это наконецъ такое? Почему я могу «ненарокомъ» сокрушить превосходнаго Мишаньку, а превосходный Мишанька можетъ также «играючи» сокрушить меня? Какъ-нибудь да надо знать—что̀ у меня есть хорошаго и худого? Въ чемъ я убогъ и въ чемъ я могучъ? И вотъ я радъ этому писателю, который съ своей финиковой пальмой даетъ мнѣ капельку возможности разобраться въ моихъ мукахъ».

III. «Интеллигентный» человѣкъ.

«... И право, — говорилъ Протасовъ какъ-то еще въ другое наше свиданіе: — поистинѣ удивительно слышать иногда въ нашемъ обществѣ такое краткое объясненіе всего нашего положенія, всѣхъ достоинствъ и недостатковъ: «Баринъ плохъ,—говорятъ тебѣ:—а мужикъ хорошъ, великолѣпенъ; все, что въ полушубкѣ,—все это хорошо; а что не въ полушубкѣ,—все это плохо!» Или еще хуже: «*Народъ* хорошъ, а *интеллигенція* плоха!..» Интеллигенція! И слова-то этого множество разглагольствующаго народа даже и не понимаетъ путемъ, тогда какъ оно должно бы имѣть самый опредѣленный, глубокій смыслъ... я запомнилъ, не помню чье-то, превосходное опредѣленіе этого слова — вотъ оно: «Интеллигенцію надобно понимать внѣ званій и состояній, внѣ размѣровъ благосостоянія и общественнаго положенія. Интеллигенція среди всякихъ положеній, званій и состояній исполняетъ всегда *одну и ту же* задачу. Она всегда—свѣтъ, и только то, что свѣтитъ, или тотъ, кто свѣтитъ, и будетъ исполнять интеллигентное дѣло, интеллигентную задачу. Въ полѣ—грѣютъ сучья хвороста, въ избѣ—лучина, въ богатомъ домѣ—лампа. Но вездѣ разными способами задача исполняется одна и та же: во тьму вносится свѣтъ...» Вотъ это опредѣленіе, и такой интеллигентный человѣкъ всегда былъ и есть въ деревнѣ.

«Разскажу тебѣ одинъ небольшой примѣръ по этому случаю. Какъ извѣстно тебѣ, освобожденіе крестьянъ совершилось не вдругъ; нужно было много усилій «лучшихъ людей», чтобы крѣпостная неправда стала для общества настолько общедоступной, чтобы общество это рѣшилось чѣмъ-нибудь пожертвовать для прекращенія этой неправды. Въ высшемъ обществѣ работала литература и вообще люди гуманнаго образа мыслей, дѣйствуя такими средствами, которыя въ этомъ обществѣ оказывались возможными и наиболѣе достигающими цѣли; одни ходатайствовали, другіе писали чувствительныя драмы народныхъ страданій, осторожно дѣйствуя на сердце и чувство читателей, состоявшихъ изъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Такъ поступали интеллигентные люди, стараясь достигнуть извѣстныхъ цѣлей въ кругу образованнаго общества... Но и въ деревнѣ, и въ курной избѣ, тамъ, гдѣ вмѣсто лампы горитъ лучина—и тамъ были свои интеллигентные люди, добивавшіеся *тѣхъ*

же самыхъ цѣлей, что̀ и интеллигентные люди высшаго общества, *но по-своему*. Жилъ неподалеку отъ нашей усадьбы, я помню, одинъ помѣщикъ, кажется, по фамиліи Строевъ или Устроевъ—хорошенько не помню,—но помню, что никто не называлъ его настоящей фамиліи, а именовали его «Сквозьстроевымъ», и именовали вслѣдствіе необузданной его жестокости. Онъ владѣлъ большой деревней на большой дорогѣ, и неподалеку отъ нея былъ его господскій домъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова тиранъ. Мало ему было барщины, оброковъ и всего, что̀ надлежало получать помѣщику,—ему еще надобно было тѣшить свою «удаль молодецкую»... Безпрекословнымъ, молчаливымъ и угрюмымъ исполнителемъ всѣхъ его тиранствъ былъ дворовый мужикъ Тихонъ, онъ и кучеромъ былъ у барина. Казалось, это былъ не человѣкъ, а машина, стѣнобитное орудіе, одинаково молчаливое на сожалѣніе, какъ и на ненависть. «Холопства», т.-е. потаканія и одобренія барскихъ прихотей, въ Тихонѣ не было ни капли, но не было и порицанія. Что̀ прикажутъ, то исполнялъ съ точностью, а ни одобреній ни порицаній не выражалъ. Но вотъ у него въ одинъ годъ отъ холеры померли жена, два сына и дочь, — словомъ, исчезло все семейство, и онъ остался одинъ-одинешенекъ, какъ перстъ. Вѣроятно, тоска одиночества навела его на мысль о «Божіемъ наказаніи»,—припомнилось ему, какъ вопіяли однодеревенцы, припомнились ему ихъ возгласы: «кровопивецъ ты», «накажетъ тебя Богъ», «чтобъ тебѣ не своею смертью помереть». И подъ вліяніемъ этихъ мыслей и полнаго одиночества, молчаливый, желѣзно-равнодушный Тихонъ сталъ преображаться въ глубочайшаго ненавистника. Онъ сталъ все чаще и чаще, какъ говорится, «храпѣть» на барскія приказанія, затѣмъ сталъ прямо рѣзко и грубо отказываться исполнять ихъ, а когда его самого за это стали наказывать, то онъ уже не молчалъ, а клялъ все и вся, во всю глотку и не стѣсняясь никакими выраженіями... И наконецъ надумалъ месть. Въ одинъ жгучій лѣтній день, когда вся деревня была на работѣ, вспыхнулъ пожаръ. Загорѣлось почти мгновенно въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ домѣ, потомъ, спустя незначительный промежутокъ, въ другомъ концѣ деревни—и черезъ нѣсколько минутъ надъ деревней бушевала буря огня... Завидѣвъ пожаръ, народъ опрометью бѣжалъ съ полей спасать свое имущество—и тутъ-то ему представилось необыкновенное зрѣлище: погорѣльцы увидѣли Тихона, ко-

торый съ горящей головешкой, какъ безумный, метался по деревнѣ и поджигалъ тѣ строенія, которыхъ еще не коснулся пламень.—«Погоди!—вопіялъ онъ въ изступленіи:—я тебѣ докажу права! Поплачешь и ты у меня! На! на! вотъ тебѣ гостинецъ!»—оралъ онъ и совалъ головешку то въ соломенную крышу, то въ скирдъ хлѣба, то въ стогъ сѣна. Ожесточенные несчастіемъ мужики, увидѣвъ, что творитъ Тихонъ, набросились на него, отняли головешку, связали, стали бить и, по обыкновенію, куда-то «поволокли»...—«Братцы!—взывалъ Тихонъ, изнемогая подъ ожесточенными ударами односельчанъ, волочившихъ его по землѣ безъ всякаго состраданія:—это *я за васъ... за всѣхъ...*»—«Анаѳема ты этакая! Дьяволъ ты проклятый! Іудино ты отродье сатанинское!—не переставая наносить удары чѣмъ попало, возражали ошеломленные горемъ односельчане.—Зачѣмъ же ты, поганая твоя душа, насъ-то, насъ-то разорилъ на смерть? Вѣдь сироты мы голые остались! вѣдь укрыться нечѣмъ, треклятая твоя душа!»—«Братцы!—возопилъ Тихонъ, уже чувствовавшій близкую смерть: — это я за васъ... чтобъ вамъ лучше... Сожги я *его* усадьбу—онъ васъ заставитъ новую строить... Новую выстроитъ... А теперь... *безъ васъ онъ и въ усадьбѣ долженъ помереть*... Что съ васъ взять? У васъ ничего нѣтъ... и у него нѣтъ... А васъ Богъ пріютитъ...» И умеръ. Мужики опустили кулаки, бросили камни и дубины и, тяжело дыша, стояли надъ Тихономъ, испустившимъ духъ... Кое-какъ послѣ пожара они размѣстились по сосѣднимъ деревнямъ и долго бѣдствовали, но и господинъ Сквозьстроевъ также обнищалъ, отощалъ, запутался въ долгахъ и погибъ жертвою приказной кляузы, освѣтившей его со всѣхъ концовъ и поминутно поднимавшей противъ него тысячу дѣлъ.

«Единомышленники интеллигентныхъ цѣлей разсѣяны среди всѣхъ званій, состояній и положеній и, несмотря на разныя средства, обязательныя для извѣстнаго званія и положенія, непремѣнно стремятся къ цѣлямъ одинаковымъ и непремѣнно къ такимъ, которыя бы имѣли результатъ: чтобы было лучше жить на свѣтѣ. И сейчасъ есть въ народной средѣ типы интеллигентные, преслѣдующіе тѣ же цѣли, что и интеллигентные типы другихъ слоевъ общества, но по-своему, на свой образецъ, хотя, къ сожалѣнію, благодаря полной безпомощности въ умственномъ развитіи, типы собственно народной интеллигенціи не могутъ видѣть свою задачу во всемъ объемѣ, толкутся въ тьмѣ пустяковъ

и вздоровъ, и свѣту отъ нихъ, «по нонѣшнимъ временамъ», мало, а иногда и совсѣмъ не видно... Но мы пока оставимъ этихъ людей, такъ какъ у насъ совсѣмъ другая задача. Намъ нужно найти границу, гдѣ чистосердечное благообразіе переходитъ въ чистосердечное же неблагообразіе. Исключивъ интеллигенцію, которую чистосердечно-благообразный Мишанька то вдохновляетъ, то такъ же чистосердечно неблагообразно искореняетъ, искореняетъ и вдохновляетъ «зря», «ненарокомъ», «играючи» или «по ошибкѣ»— мы будемъ имѣть передъ собою, такъ сказать, «оптовыя» черты нашей жизни, жизни всей страны, и тутъ мы не минуемъ нашей финиковой пальмы, т.-е. нашего ржаного поля...»

IV. По поводу одной картинки.

«...Поговоримъ въ самомъ дѣлѣ наконецъ и о благообразіи русской жизни (такъ говорилъ Протасовъ при слѣдующей встрѣчѣ). Разскажу я тебѣ сначала небольшой и на первый взглядъ какъ бы неподходящій къ дѣлу эпизодъ. Эпизодъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: какъ-то вотъ съ недѣлю тому назадъ былъ я въ Петербургѣ и, какъ тебѣ извѣстно, искалъ мѣста. Вотъ въ это-то время, толкаясь тамъ и сямъ въ ожиданіи всякихъ благъ, встрѣчалъ я разныхъ старыхъ знакомыхъ; толковали, «балакали», и одинъ изъ этихъ старинныхъ знакомыхъ затащилъ меня какъ-то случайно въ мастерскую одного молодого художника.

«Поглядѣлъ я, по обыкновенію, съ какимъ-то деревяннымъ благоговѣніемъ на всю эту обыкновенную обстановку мастерской, дополненную, по обыкновенію, обязательной для ничего не понимающихъ зрителей тишиной и молчаніемъ, и вдругъ ожилъ, очувствовался, возвратился въ состояніе здраваго ума и полной памяти. Увидалъ я одну маленькую картинку—и она-то вотъ сразу вывела меня изъ глубокомысленнаго столбняка и деревяннаго благоговѣнія къ вещамъ, совершенно непонимаемымъ. Картинка эта ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна. Вотъ она: дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, гимназистка или юная студентка, бѣжитъ «съ книжкой подъ мышкой» на курсы или на уроки...

«Такихъ дѣвушекъ «съ книжкой подъ мышкой», въ пледѣ и мужской круглой шапочкѣ, всякій изъ насъ видалъ и видитъ ежедневно и ужъ много лѣтъ подъ-рядъ, и притомъ въ огромномъ количествѣ. Одни изъ насъ, «изъ публики», просто опредѣляютъ это явленіе словами: «бѣгаютъ на курсы»; другіе черезъ пень колоду присоединяютъ разсужденія «о женскомъ вопросѣ»; иной почему-то произнесетъ слово: «самостоятельность» и ехидно улыбнется. Словомъ, всѣ мы, «публика», имѣемъ понятіе о томъ, что «бѣгаютъ», что «идутъ противъ родителей», иногда «помираютъ не своей смертью», что, съ другой стороны, самостоятельность «хорошо», что «пущай», что лучше всего «мать»: назначеніе женщины—«мать», а не бѣгать на курсы, что мозгъ женщины малъ, что ничего не выйдетъ, и что опять-таки какъ будто «хорошо». Словомъ, обо всей этой современной бѣготнѣ, книжкахъ, мужскихъ шапкахъ, непочитаніи родителей, пледахъ, очкахъ, самостоятельности, медицинѣ, материнствѣ, маломъ объемѣ мозга мы, публика, толкуемъ, бормочемъ, судимъ, тараторимъ, говоримъ множество шаблонныхъ умныхъ вещей, множество глупостей и пошлостей, и въ существѣ не понимаемъ того главнаго, существеннаго, что̀ таится въ глубинѣ всей этой толкотни, бѣготни, разсужденій о мозгѣ, книжкахъ, пледахъ, очкахъ.

«И вотъ художникъ, выбирая изъ всей этой толпы «бѣгущихъ съ книжками» одну самую ординарную, обыкновенную фигуру, обставленную самыми ординарными аксессуарами простого платья, пледа, мужской шапочки, подстриженныхъ волосъ, тонко подмѣчаетъ и передаетъ вамъ, «зрителю», «публикѣ», самое *главное*, самое важное во всемъ томъ, что̀ мы, «публика», изжевали своими разглагольствованіями; это главное — чисто-женскія, дѣвичьи черты лица, проникнутыя на картинѣ, если можно такъ выразиться, присутствіемъ юношеской, свѣтлой мысли. Я знаю, что я говорю грубо, можетъ-быть, совсѣмъ непонятно, но я хочу быть приблизительно точнымъ. Главное же, что̀ особенно свѣтло ложится въ душу, это нѣчто прибавившееся къ обыкновенному женскому типу,—опять-таки не знаю, какъ сказать,—новая, мужская черта, черта свѣтлой мысли вообще (результатъ всей этой бѣготни съ книжками), не приклеенная, а органическая, что она уже въ крови, что если прежде, напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ, какая-нибудь Марья Петровна должна была предва-

рительно разойтись съ тремя мужьями, чтобы задуматься о несчастномъ положеніи женщины, и только черезъ посредство трехъ «очень развитыхъ молодыхъ людей» могла еле-еле добраться до мысли о необходимости самостоятельности, то здѣсь, въ этомъ нарождающемся «новомъ типѣ», это даже и не вопросы, и думать-то о нихъ нечего, такъ какъ они, повторяю, достались уже даромъ. Вотъ это-то изящнѣйшее, не выдуманное, и притомъ реальнѣйшее слитіе дѣвичьихъ и юношескихъ чертъ въ одномъ лицѣ, въ одной фигурѣ, осѣненной не женской и не мужской, а «человѣческой» мыслью, сразу освѣщало, осмысливало и шапочку, и пледъ, и книжку, и превращало въ новый, народившійся, небывалый и свѣтлый образъ человѣческій.

«Сначала, взглянувъ на эту картину въ томъ состояніи деревяннаго благоговѣнія, о которомъ я говорилъ, я было-хотѣлъ уже перенести мой деревянно-благоговѣйный взглядъ на другіе предметы и сдѣлалъ-было уже шагъ далѣе, какъ почувствовалъ, что не могу двинуться, словно кто ухватилъ меня за полу (или словно я зацѣпилъ карманомъ, какъ всегда бываетъ, за ручку двери). И точно, зацѣпился. Не пустила картинка. Я остановился и думалъ, а тѣмъ временемъ еще подошло два-три человѣка посѣтителей, и тоже поглазѣли по сторонамъ, также зацѣпились карманомъ за ручку двери, какъ и я, дойдя до этой картинки, и всѣ говорили:—«Д-а-а-а-а!.. Отлично!.. Вотъ что *такъ*, то *такъ!*» И также начинали думать, а о чемъ всѣ мы думали и что такое означали выраженія: «вотъ что такъ, то такъ», которыя срывались съ устъ рѣшительно каждаго изъ зрителей,—это понемногу разъяснилось послѣ, когда мы, выйдя изъ мастерской художника, гдѣ случайно перезнакомились, какъ-то случайно же сошлись за однимъ столомъ въ сосѣднемъ трактирѣ и стали ѣсть.

«Вотъ тутъ-то и начались разговоры, разсужденія и пересказъ тѣхъ впечатлѣній, которыя внушила картинка. И странное дѣло! О картинкѣ никто уже не напоминалъ и не говорилъ, и не хвалилъ, совсѣмъ объ ней и разговору не было, а всѣ толковали о женщинахъ, о семейной жизни, о современной жизни, разсказывали тысячи семейныхъ нелѣпицъ, и во всѣхъ этихъ разговорахъ — не могу утаить — женскому полу порядочно-таки доставалось. Но подробно разсказывать я этого не буду, хотя и здѣсь, какъ и въ трактирѣ, нѣтъ дамъ. Вообще, если бы я хотѣлъ привести въ порядокъ всѣ сѣтованія, какія я тамъ слы-

шалъ, то не много бы ошибся, если-бъ сказалъ, что всѣ они сводились къ одному: именно къ отсутствію въ современной семьѣ (говорилось объ «обществѣ»), между мужемъ и женой, между мужчиной и женщиной, такой нравственной — замѣть, нравственной! — необходимости, которая бы дѣлала союзъ мужа и жены дѣйствительно нравственно-неразрывнымъ, и чтобы изъ этой духовно-нерасторжимой жизни выходило бы въ самомъ дѣлѣ одно гармоническое цѣлое. Бываютъ «случаи», конечно, но рѣдко. Высказывалось такое мнѣніе, что въ женщинѣ («общества») развито слишкомъ много чисто-женскихъ чертъ, доведенныхъ иногда до махровой красоты и махровой безплодности, — чертъ, нарушающихъ равновѣсіе сожительства въ пользу обременительной, хотя и красивой пустоты, досадной, пустой, зарождающей въ душѣ человѣка сѣмена холоднаго презрѣнія. Не пощажены были, надо также правду сказать, и спеціально мужскія, тоже не въ мѣру иногда разрастающіяся махровыя свинства; но вообще найдено было, что такого нравственнаго единенія, которое бы было необходимо, настоятельно нужно, неизбѣжно для «обѣихъ сторонъ», чтобы изъ этого необходимаго, настоятельно нужнаго нравственнаго единенія выходила одна гармоническая во всѣхъ отношеніяхъ жизнь, — нѣтъ, и неизвѣстно, когда оно еще будетъ!

«Долго, очень долго шли разговоры на эту тему, но такъ какъ всему бываетъ предѣлъ, то наконецъ и разговоры эти кончились, и мы разошлись. Но вотъ что мнѣ пришло въ голову. Когда-то еще въ культурномъ обществѣ будетъ возможность выработать такой супружескій союзъ, гдѣ бы, при полномъ нравственномъ единеніи мужа и жены, не страдала индивидуальность каждаго изъ нихъ, а вотъ въ крестьянской средѣ, живущей подъ охраною велѣній ржаного поля, онъ уже давнымъ-давно существуетъ и иногда въ такомъ совершенствѣ, выше котораго, право, нельзя себѣ ничего представить.

«Вѣдь тамъ, въ деревнѣ-то, мужикъ и баба дѣлаютъ, дѣйствительно, *одно и то же дѣло,* и въ то же время у всякаго есть «своя часть», но эта «своя часть» не носитъ на себѣ для каждаго изъ нихъ печати той исключительности, которая давала бы возможность сожительствующимъ сказать другъ другу: «Это не твое дѣло», или: «Тутъ ты ничего не понимаешь», или: «Я въ твоемъ дѣлѣ ничего не понимаю, а ты не мѣшайся въ мое», какъ это частенько-таки бываетъ

въ сожительствахъ не-мужицкаго общества, гдѣ супругъ съ супругой въ то же время, т.-е. не понимая дѣлъ другъ друга и «не мѣшаясь» въ дѣла другъ друга, ознаменовываютъ прочность союза едва ли только не тѣмъ, что ходятъ другъ съ другомъ «подъ руку», чего, кстати сказать, я никогда не замѣчалъ у мужиковъ и бабъ. Всегда они идутъ рядомъ... Такъ и въ жизни (я говорю о благопріятнѣйшихъ условіяхъ). Они идутъ въ жизни рядомъ, но каждый самостоятельно дѣлаетъ свое, хотя, въ общей сложности, одно и то же дѣло. Это двѣ руки, исполняющія одну и ту же пьесу. Мужикъ понимаетъ все бабье дѣло и цѣнитъ бабу по этому дѣлу: безъ этого бабьяго дѣла не было бы и его дѣла, мужицкаго; баба также понимаетъ все дѣло своего мужа, да и ея дѣло ничего бы не значило безъ дѣла мужа. Здѣсь, дѣйствительно, полная неразрывная связь мужа и жены въ самыхъ малѣйшихъ движеніяхъ мысли: здѣсь нерѣдко пониманіе «безъ разговоровъ», «по одному взгляду». Примѣровъ подобнаго единенія въ такъ-называемомъ «обществѣ» нѣтъ, потому что нѣтъ такой формы труда, организація котораго, подобно организаціи, сдѣланной для человѣка особенными свойствами ржаного поля, давала бы возможность проявиться рѣшительно всѣмъ—и нравственнымъ и физическимъ сторонамъ человѣческаго существа. Необходимо упомянуть здѣсь еще объ одной, весьма важной сторонѣ мужицкаго сожительства, именно о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи: дѣти не являются здѣсь существами, которыхъ необходимо сдать кому-то на руки, потому что родителю, служащему въ департаментѣ «обиняковъ», рѣшительно нѣтъ времени разговаривать съ ребенкомъ о птичкѣ или разсказывать сказку тогда, когда голова его занята мыслями «посерьезнѣе», а мать, хотя и переворачиваетъ по временамъ листы какой-то книжки, но, сколько я могу замѣтить, даже это весьма непослѣдовательное переворачиваніе страницъ большею частью «раздражаетъ» нервную мать. Она не можетъ быть *безпристрастна къ своему ребенку* (все резоны) и поэтому весьма скоро прекращаетъ это занятіе, вручая собственное дитя постороннему попеченію. Въ той же гармонично живущей крестьянской семьѣ воспитаніе дѣтей составляетъ также *«одно»* съ жизнью родителей, и такъ какъ трудъ, возложенный на нихъ ржанымъ полемъ, составляетъ одновременно и самую жизнь (то и другое одно — жизнь), то и воспитаніе дѣтей не отдѣляется отъ

общей жизни отца и матери, а составляетъ съ этой жизнью—«одно»...

«Ничего болѣе благороднаго, болѣе отвѣчающаго потребностямъ и духа и тѣла человѣческаго я не знаю другого, какъ то, что можно опредѣлить выраженіемъ: «крестьянскій трудъ»! Возьми ты хотя бы просто-напросто одну физическую сторону труда: вѣдь въ немъ дѣйствительно нуженъ *весь* человѣкъ, такой, какимъ создала его природа, а не только кусокъ человѣка, не мозгъ, не рука, не ноги только... а весь сполна! и если ты вникнешь во всѣ подробности этого труда, то ты увидишь, что ни одного нерва, ни одного мускула безъ упражненія, въ условіяхъ этого труда, не останется, разъ этотъ мускулъ существуетъ... Все работаетъ и работаетъ равномѣрно. Нѣтъ того, чтобы, атрофируя двѣ трети своего организма, какъ несчастный чиновникъ или рабочій, стоящій у станка, человѣкъ скоплялъ бы силу атрофированныхъ членовъ въ двойномъ, въ тройномъ усиливаніи проявленія какой-нибудь человѣческой способности или недостатка. Уравновѣшенность духовной и физической дѣятельности, встрѣчающаяся, повторяю, въ нашемъ крестьянствѣ, въ счастливыхъ случаяхъ, въ полной чистотѣ и совершенствѣ, дѣлаетъ его поистинѣ образцомъ того, къ чему долженъ стремиться такъ-называемый прогрессъ. Эта уравновѣшенность до такой степени иногда поражала меня, что однажды, находясь подъ впечатлѣніемъ знакомства съ однимъ изъ такихъ полныхъ гармоніи крестьянскихъ семействъ, я былъ пораженъ, поистинѣ пораженъ образомъ «Манфреда», когда случайно взялъ въ руки эту поэму, возвратясь послѣ посѣщенія любезной мнѣ семьи. — Что это такое?—думалось мнѣ: — какъ такъ можно, чтобы *весь* человѣкъ превратился *въ одно страданіе,* не находилъ бы покоя и вылъ, какъ волкъ голодный, на весь свѣтъ (на Сенъ-Готардъ пробрался!): «Мнѣ ску-у-учно! мнѣ у-ужасно!..» Потомъ я опамятовался, но впечатлѣніе было сильное. Здѣсь же, въ этомъ «образчикѣ» гармоническаго существованія ничто не замираетъ и ничто не разрастается до несоотвѣтственныхъ съ благообразіемъ уродливыхъ размѣровъ. Всѣ физическія и духовныя способности дѣйствуютъ въ мѣру, не шибко, не поражаютъ грандіозностью, но дѣйствуютъ *всѣ,* и вотъ эта всесторонность въ общемъ производитъ и грандіозное и граціозное впечатлѣніе. Всему, даже любви, здѣсь отведено мѣсто «по препорціи». Хотѣ-

лось бы мнѣ сказать тебѣ очень много вотъ именно по этому послѣднему пункту, «о препорціи въ любви» —вещь очень любопытная, но объ этомъ будемъ разговаривать когда-нибудь.

«Я не могу не вспомнить тѣхъ юношескихъ, но исполненныхъ огромнѣйшаго невѣдѣнія минутъ, когда я, устраивая съ однимъ пріятелемъ, въ одной глухой, нетронутой цивилизаціей деревнѣ, ссудное товарищество, основывалъ доказательства пользы, которую оно принесетъ, на томъ, что, молъ, вамъ будетъ *легче:* «теперь у тебя баба сидитъ всю зиму, гнется надъ станкомъ, чтобы выткать три аршина холста, а *тогда* (увы-увы-увы!) ты просто можешь купить двадцать аршинъ, и баба у тебя будетъ *свободна.* Теперь почему она у тебя спины не разгибаетъ?. Потому, что у тебя не на что купить. Почему у тебя не на что купить? Потому, что нужда тебя заставляетъ продать теленка за пять рублей, тогда какъ, если бы ты имѣлъ время погодить, то теленокъ превратился бы въ быка и стоилъ бы сорокъ цѣлковыхъ. Вотъ товарищество и дастъ тебѣ эти пять рублей, которые дадутъ тебѣ возможность погодить...» Словомъ, юношеская неопытность и незнаніе, какую огромную роль играетъ *именно многосложность,* именно обиліе труда въ сознаніи крестьяниномъ нравственной полноты существованія, правды его и устойчивости, дѣлали то, что я на всѣ лады проповѣдывалъ только какое-то огромное облегченіе, необыкновенную легкость существованія, и представлялъ въ яркихъ краскахъ такія времена, когда никто ничего не будетъ дѣлать, будетъ всѣмъ полная свобода; при чемъ выходило, что при полномъ отдохновеніи будутъ получаться въ то же время какіе-то и откуда-то весьма значительные барыши... И никто изъ подлинныхъ самыхъ симпатичныхъ мнѣ крестьянъ не довѣрялъ мнѣ, думая, что тутъ «подвохъ», что какъ бы чего не вышло... и стали брать деньги прежде всѣхъ люди сомнительнаго положенія, а потомъ и кулачки... И не развилось товарищество и не сплотило, а вотъ сектантъ, пробирающій нонѣшнее крестьянство за то, что оно отстаетъ отъ работы, — сплотитъ въ единую трудящуюся семью цѣлую массу народа, оторваннаго новыми вліяніями отъ своего хозяйства, отвѣдавшаго прелести свободнаго житья на деньги и натерпѣвшагося горя и голодовокъ, перемежающихся съ кабацкимъ веселіемъ... «Богъ насъ и сотворилъ для того,—проповѣдуетъ одинъ изъ такихъ учителей: — чтобы мы рабо-

тали да отъ трудовъ своихъ и другимъ помогали. Оттого-то теперь и горе всюду, что никто работать не хочетъ. Одни на наслѣдство надѣются, другіе хорошихъ ярмарокъ ожидаютъ, и работать всѣ не хотятъ... Всѣ стали норовить, чтобы, не работая, жить и хлѣбъ ѣсть... И дорого все стало оттого, что работающихъ людей мало стало: все больше приказчики да торгаши» *). Да! въ трудѣ — и правда и смыслъ народнаго существованія; онъ для народа — сама жизнь. Работать и жить, трудъ и человѣкъ — до такой степени одно, какъ вотъ (Протасовъ искалъ сравненія) ты... и вѣсъ твоего тѣла... Ты не чувствуешь тяжести самого себя, между тѣмъ въ тебѣ, навѣрное, пуда четыре есть... Эти четыре пуда ты носишь съ собой вездѣ и не замѣчаешь тяжести. Такъ и крестьянинъ не замѣчаетъ тяжести своего огромнаго домашняго труда... Дай я тебѣ поднять на третій этажъ полупудовую покупку — ты скажешь: «тяжело», и если не скажешь, то почувствуешь тяжесть... Сдѣлай я крестьянина работникомъ, приставь, положимъ, къ *однѣмъ* коровамъ—скучно ему и тяжко, пока нужда не пріучитъ; а вѣдь, повидимому, за однѣми коровами легче ходить, чѣмъ самому дѣлать *все?*.. Вотъ что такое для крестьянина (не забывай только, *случайно* въ настоящее время имѣющаго возможность сохранить въ чистотѣ и соблюсти свои трудовыя желанія) этотъ для насъ, лѣнивыхъ и неправильно развитыхъ людей, этотъ безпрерывный и, повидимому, каторжный трудъ. Это образчикъ правильнѣйшаго существованія и самаго совершеннаго человѣческаго типа. Этотъ типъ у насъ есть... Но знаешь ли, о чемъ я думаю?

V. Своимъ умомъ.

«Я думаю о гоголевской слесаршѣ, которая, помнишь, *сама себя выпекла?* Нелѣпо и глупо, не правда ли? Развѣ возможно что-нибудь подобное? Человѣкъ взялъ да и высѣкъ самъ себя? Однако Мишанька (Мишанька—типъ тоже всесословный, какъ и *интеллигентный* человѣкъ) и не такія

*) «*Какъ я сталъ духовнымъ братомъ*» (Изъ записокъ штундиста).

вещи дѣлаетъ съ самимъ собой. Припоминая подвиги Мишаньки за послѣднія двадцать лѣтъ, я вижу, что онъ только и дѣлалъ, что изводилъ этотъ благороднѣйшій типъ человѣка съ лица русской земли. Что имъ руководило въ этомъ безсмысленномъ злодѣяніи,—рѣшительно неизвѣстно. Неповоротливымъ, непривычнымъ для выраженія собственныхъ своихъ мыслей языкомъ онъ иногда въ объясненіе этого безобразія бормочетъ: «Такъ въ Европахъ... Желѣзные законы... безпремѣнно надо разориться въ раззоръ»... А хорошенько, право, не понимаетъ, что такое творится въ Европахъ... А въ Европахъ (я тебя не буду мучить разглагольствованіями) творится, между прочимъ, вотъ что: близъ Люттиха существуетъ образцовый фамилистеръ, нѣчто въ родѣ отеля для рабочихъ; этотъ отель именно за свою образцовость получилъ медаль на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1873 г. И дѣйствительно, онъ стоитъ награды: «за 1 фр. 50 с. въ день рабочій можетъ имѣть два завтрака, обѣдъ и ужинъ; у него есть помѣщеніе, отопленіе и стирка бѣлья. Въ отелѣ есть ресторанъ, гдѣ онъ имѣетъ залу для чтенія, казино, гдѣ есть музыка и гдѣ онъ можетъ проводить свои вечера. Онъ *можетъ имѣть* столъ, какой пожелаетъ, за *отдѣльнымъ столикомъ*. Общихъ столовъ нѣтъ. *Рабочій сохраняетъ такимъ образомъ свою полную независимость*».

«Понимаешь ли, такъ-таки слово въ слово и пропечатано: «*такимъ образомъ* рабочій можетъ сохранять *полную независимость*, не стѣсняясь казарменными формальностями». Полная независимость! Независимость, да еще полная — это такая побѣда надъ роковыми трудностями жизни, что изобрѣтателя этой независимости дѣйствительно слѣдовало наградить медалью... Рабочій освобожденъ отъ казарменной формальности, преслѣдующей его въ этихъ многоэтажныхъ казармахъ фабрикъ, въ общихъ спальняхъ ночлежныхъ домовъ и т. д., освобожденъ, по крайней мѣрѣ, за обѣдомъ: ему наконецъ отвоеванъ отдѣльный столикъ... и полная независимость обѣдать за этимъ отдѣльнымъ столикомъ! Что бы сказалъ нашъ мужикъ, любой, на выборъ взятый, если бы я сталъ увѣрять его, какое огромное счастье рабочаго человѣка составляетъ этотъ «отдѣльный столикъ» и «полная независимость» ѣсть такую съѣстную дрянь, какую пожелаешь? А между тѣмъ какую ужасную родословную имѣетъ эта побѣда въ европейскомъ рабочемъ мірѣ, въ этомъ мірѣ неустаннаго труда, неугасимаго огня

и застилающихъ лучи солнца тучъ дыма!.. Въ этой же самой книжицѣ, изъ которой я привелъ тебѣ цитату о «полной независимости» и отдѣльномъ столикѣ, есть прекрасное стихотвореніе римскаго поэта (конца римской республики), современника изобрѣтенія водяной мельницы... «Рабы!— писалъ онъ (я заучилъ это стихотвореніе наизусть):—рабы, которымъ приказано вертѣть жернова, дайте отдыхъ вашимъ рукамъ и спите спокойно! Напрасно звонкій голосъ пѣтуха возвѣщаетъ утро—спите! Теперь работа молодыхъ дѣвушекъ дѣлается наядами, и вотъ онѣ прыгаютъ на вертящемся колесѣ, сверкающія и легкія... Онѣ увлекаютъ ось (мельничнаго колеса) своими лучами и приводятъ въ движеніе тяжелый жерновъ, который вертится кругомъ... Будемъ жить счастливой жизнью и наслаждаться, не трудясь, благами, которыми осыпаетъ насъ богиня»... Вотъ какъ радо было чувствительное сердце поэта тому, что съ плечъ раба спадаетъ забота, тягота труда, что ему будетъ легче, что онъ можетъ спать спокойно... Вотъ когда судьба раба трогала и заботила чуткія къ справедливости сердца! Чуткія сердца не дремали и, несмотря на страшныя разочарованія въ своихъ надеждахъ, продолжали безпрестанно воевать во имя «справедливости». Такъ или иначе, но «отдѣльный столикъ» съ «полною независимостью»—*завоеванъ*!

«Теперь обрати вниманіе, какъ мизеренъ этотъ «отдѣльный столикъ» съ полною независимостью смотрѣть въ стѣну и ѣсть блюдо, состоящее изъ объѣдковъ (буквально)— въ сравненіи съ нашей крестьянской семьей того случайно благообразнаго и благоустроеннаго вида, о какомъ я тебѣ такъ много говорилъ? Имѣя передъ своими глазами такой типъ человѣческаго существованія, спрашиваю я тебя, какія-такія утопіи и теоріи могутъ быть для насъ страшны, непозволительны и преступны? Вѣдь мы уже имѣемъ образчикъ вполнѣ независимаго во всѣхъ отношеніяхъ существованія, а не за отдѣльнымъ только столикомъ, этимъ едва ли не послѣднимъ словомъ практическаго осуществленія заботъ о «меньшемъ братѣ»? Такъ именно всѣмъ намъ, россіянамъ, кажется. Отдѣльный столикъ не представляется намъ ничѣмъ, кромѣ подлости и безчеловѣчія, тогда какъ у насъ... И тутъ намъ рисуется великолѣпный образчикъ крестьянской семьи, крестьянскаго благоустроеннаго дома, который во всемъ самъ себѣ хозяинъ...

«И однако мы рѣшительно не правы, предаваясь необузданной гордости по поводу «образчиковъ», которыми

владѣемъ *даромъ*. Столикъ—точно мизерность, но онъ—*побѣда*; онъ завоеваніе, вершковое, но непремѣнно завоеваніе въ пользу справедливости... Самъ по себѣ онъ — ничтожество, но съ нимъ, дѣйствительно, прибавляется въ обществѣ мысль о полной независимости. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ мизерныхъ опытовъ важна именно мысль о полной независимости человѣка. Опытъ малъ, но мысль велика, и мысль о независимости съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ большее и большее пространство и большее вниманіе. Мысль эта, развиваясь и укрѣпляясь, будетъ осуществляться практически, и все, что̀ будетъ добыто ею, будетъ вѣковѣчно и прочно.

«У насъ, у нашего крестьянина, эта независимость, идеалъ ея самой высшей пробы и самой совершеннѣйшей степени, есть уже, но онъ созданъ ржанымъ полемъ, а не человѣкомъ. Весь строй, все обличье образцовой крестьянской семьи образцоваго крестьянскаго дома, о которомъ я говорилъ,—неизмѣримо выше, красивѣй, полнѣй, совершеннѣй всего, что̀ только можно себѣ представить по части завоеванной независимости, въ видѣ ли она ищущей независимости женщины (съ книжкой подъ мышкой), въ видѣ ли столика, съ полной независимостью сидѣть за нимъ отдѣльно и самостоятельно смотрѣть въ стѣну; но эта величественность и стойкость семьи и дома, дѣлающая ихъ поистинѣ образчикомъ того отдаленнѣйшаго типа независимаго существованія, до котораго еще Богъ знаетъ когда добьется ищущій независимости человѣкъ,—непрочна, неустойчива, потому что источникъ красоты находится не въ сознаніи человѣка, а внѣ его, въ полѣ, въ колосьяхъ ржи... Благообразіе мысли, благообразіе типа даны готовыми, и вотъ почему благообразный Мишанька можетъ превратиться и въ неблагообразнаго.

«Вотъ тутъ-то, мнѣ кажется, кроется органическое безсиліе русской интеллигентной мысли. Европейскіе порядки обличены европейской же мыслью во всемъ объемѣ. Тутъ ужъ нечего заимствовать для образца. Что̀ такое этотъ «отдѣльный столикъ», это послѣднее слово завоеванной независимости? Суньсяка я съ нимъ къ мужику — онъ меня просмѣетъ на смерть; тутъ нечего взять для насъ; впечатлѣніе столика такъ мизерно, что благообразіе крестьянскаго дома вырастаетъ до размѣровъ огромнаго значенія. Итакъ, съ одной стороны — безобразіе и мизерность, а съ другой—огромное благообразіе; одно намъ не нужно, другое

слишкомъ совершенно. Ну, интеллигентному человѣку и остается убираться вонъ и не соваться, не мѣшаться и не портить... И, дѣйствительно, ему придется убраться вонъ, если онъ будетъ только соваться, и портить, и мѣшать. А между тѣмъ есть у него огромное дѣло: ему надо только знать, что мы обладаемъ образцовѣйшими типами существованія человѣческаго. Надо знать, что именно этотъ типъ, который я тебѣ описалъ изъ пятаго въ десятое, именно и есть образцовѣйшій. Надо всѣмъ своимъ существомъ убѣдиться въ этомъ и дѣлать все, чтобы онъ превратился въ сознательно образцовѣйшій и пересталъ быть образцовымъ безсознательно... Образчикъ этого образцоваго существованія долженъ лечь въ основаніе школы и овладѣть умомъ и совѣстью всѣхъ, имѣющихъ право что-нибудь дѣлать на общественномъ поприщѣ».

VI. Безпомощность.

Уѣзжалъ однажды Протасовъ отъ меня въ С.-Петербургъ и разговорился.

— Поѣду я теперь по Николаевской дорогѣ. Сколько разъ на своемъ вѣку я сдѣлалъ этихъ поѣздокъ по ней въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Москву?.. Ѣзжу я, замѣчаю перемѣны въ постройкахъ, замѣчаю перемѣны въ вагонахъ, замѣчаю, что вырубленные лѣса вырастаютъ, а дремучіе вырубаются; вспоминаю старое и вижу, какъ я много прожилъ, какъ я старѣю съ каждой поѣздкой... А вотъ эти маленькія дѣвочки, которыя двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я впервые ѣхалъ по этой дорогѣ, пищали подъ окномъ вагона: «Дяденька, купи цвѣточковъ! Дяденька, купи малинки! Малина хороша!»—точь въ точь такія же и теперь, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и какъ будто бы совершенно не старѣются и такія же ростомъ, и лицомъ, и костюмомъ. Это, конечно, уже не тѣ Марѳутки и Лизутки... Тѣ ужъ, можетъ-быть, вывезены на Преображенское кладбище по желѣзной дорогѣ, или разжились кулацкимъ достаткомъ, или пропадаютъ гдѣ-нибудь въ «заведеніи», а это *другія* Марѳутки и Лизутки, но точь въ точь такія же, какъ и тѣ... Точь въ точь такое же и ржаное поле, которое ихъ растило, какъ и малина и цвѣточки—все тѣ же... Да и самая де-

ревня точь въ точь такая же: вонъ Мишанька бѣжитъ съ недоуздкомъ и кошолкой, въ которой насыпано немного овса, чтобы приманить имъ и обратать въ полѣ сивую кобылу, и баба точь въ точь такая же, какъ и двадцать и двѣсти лѣтъ тому назадъ, поднимается съ ведрами отъ рѣчки, и старикъ Силантій грѣется на завалинкѣ, и дѣвчонки пѣсни поютъ на той сторонѣ за рѣчкой. Все то же самое, но люди ужъ другіе, хоть точь въ точь такіе же, какъ и тѣ, которые давно померли, взяты въ солдаты, проворовались, или ушли въ Сибирь, или разбогатѣли. Ржаное поле поставляетъ все точь въ точь такихъ же людей—и дядей Силантьевъ и тетокъ Авдотій, несмѣтныя тысячи которыхъ лежатъ въ землѣ, по всѣмъ концамъ земли русской. А сколько они вынесли, какъ погибли, гдѣ и какъ пропали? и отчего? и какъ?—это до ржаного поля не касается, этого не видно и не слышно и на деревенской улицѣ... Ржаное поле имѣетъ дѣло только съ живымъ и сильнымъ, а до мертваго, до слабаго, до погибающаго ему нѣтъ дѣла.

«Можно поэтому любоваться и этой устойчивостью деревенскихъ формъ жизни, и ихъ красотой и широтой, но объяснять ихъ прочность и широту обиліемъ созидающаго *сознанія* невозможно... Я, по крайней мѣрѣ, не могъ бы этого сдѣлать и взять грѣхъ на душу.

«Въ какую бы сторону отъ этого благоустроеннаго ржанымъ полемъ типа человѣческаго существованія, которымъ нельзя не восхищаться, ты ни пошелъ, вездѣ ты не только наткнешься, а потонешь въ фактахъ, которые докажутъ тебѣ, что, будь въ глубинѣ этихъ прекрасныхъ формъ жизни сознательная зиждительность, никогда ни подъ какимъ видомъ не могло бы быть тѣхъ *наивныхъ* ужасовъ, которые, повторяю, немедленно начинаются, какъ только ты отъ этого главнаго благоустроеннаго типа уклонишься либо въ сторону упадка, либо въ сторону благосостоянія.

«Для человѣка же, *отвоевавшаго* себѣ «полную независимость даже за отдѣльнымъ столикомъ», невозможно утратить эту независимость, потому что право на это есть достояніе его сознанія, а сознаніе не горитъ въ огнѣ и не тонетъ въ водѣ; оно не можетъ отказаться отъ того, что пріобрѣтено, оно должно расти. Но можно все утратить тамъ, гдѣ корень формъ существованія не въ человѣкѣ, а внѣ его...

«Вотъ славная крестьянская семья. Мужъ, жена, два мальчика и дѣвушка... Трудненько справляться мужику, но

у него есть подспорье — отличная работящая жена и дочь на возрастѣ: ей ужъ шестнадцатый годъ. Справляются. Отецъ хочетъ взять мужа дочери во дворъ и подумываетъ объ этомъ, подыскиваетъ подходящихъ парней. Тогда бы домъ былъ полный. Но вотъ отецъ зашибъ ногу и слегъ; зашибъ онъ ногу въ самую жаркую рабочую пору, по веснѣ. Сосѣди, люди, которыхъ «Господь не посѣтилъ» такимъ несчастіемъ, люди, живущіе благоустроенно, говорятъ, глядя на несчастіе семьи: «Эко горе какое! Ахъ, ты, горе-то, горе какое стряслось въ самую-то горячую пору... Теперича имъ *безпремѣнно надо* двухъ телокъ продать, надо работника нанимать!.. Вотъ Марьюшкиной свадьбѣ-то и *не бывать!*» И все точно такъ и выходитъ: двѣ телки, которыя приберегались къ продажѣ осенью, чтобы сыграть Марьюшкину свадьбу, продаются, и Марьюшкина свадьба дѣлается ужъ невозможной: не на что ее сыграть! Кое-какъ работникъ сдѣлалъ, что надо, а хозяинъ все лежитъ да лежитъ; лѣчитъ его лѣкарка, прикладывая на тряпкѣ разные составы; а ногѣ все хуже да хуже. А тутъ косьба подошла, тутъ ужъ не на что работника нанять, тутъ большакъ перемогся, всталъ самъ, кое-какъ отбилъ косу, пошелъ въ поле, косилъ и натрудилъ ногу пуще прежняго. Въ самую косьбу—большакъ отдалъ Богу душу!—«Ну, теперь,—говорятъ сосѣди: — Марьюшкѣ *надо* непремѣнно въ услуженіе идти, деньги матери присылать, теперь ужъ *ее никто замужъ не возьметъ*... Ахъ, горькія, горькія!..» И точно: опять все точь въ точь такъ и выходитъ. Теперь Марьюшку нельзя взять, ничего у нея нѣтъ—это первое, а второе — войти къ ней въ домъ нельзя, куча народу: двое братьевъ-малолѣтковъ, старуха, да свои дѣти пойдутъ — какъ тутъ справиться одному? Нельзя. А нужны подати, нужна земля, безъ земли пропадай, нуженъ работникъ, и вотъ Марьюшка ѣдетъ по машинѣ... Она ничего не умѣетъ городского, и ей нужно все въ себѣ передѣлать, начиная съ костюма. Сколько лѣтъ она должна биться, чтобы выработать себѣ платье, въ которомъ не стыдно было бы служить въ порядочномъ домѣ, башмаки, которые при петербургскихъ лѣстницахъ изнашиваются необыкновенно быстро, огнемъ горятъ... Теперь представь себѣ тѣ безчисленныя случайности, какъ обольщеніе, рожденіе ребенка и возвращеніе съ нимъ въ деревню на вѣчный позоръ и посрамленіе; простое ничтожное обстоятельство, въ родѣ того, что господину, въ семействѣ котораго пришлось служить, отказали отъ мѣста, и онъ

три мѣсяца не могъ платить жалованья, такъ что Марьюшка ничего не могла выслать въ самое нужное время. Уплаты податей и расчеты съ работникомъ дѣлаютъ то, что у старухи отбираютъ землю, а чтобы уплатить работнику — продаютъ корову. Что дѣлать бабѣ, угнетенной горемъ, потрясенной нищетой, возрастающей съ каждымъ днемъ? У нея на рукахъ два ребенка, десяти и одиннадцати лѣтъ... они не работники... но имъ нечего ѣсть... И вотъ они ѣдутъ по машинѣ къ той же Марьюшкѣ, и добрый человѣкъ, дворникъ, пристраиваетъ ихъ въ трактирное заведеніе, въ портерную... Осталась одна старуха. Ей скучно, она истомилась одна горемъ и нуждой... Она продаетъ домъ и идетъ, куда глаза глядятъ; съ котомкой за плечами, она идетъ къ угоднику и молится тамъ... И за мужа, и за мальчиковъ, чахнущихъ въ трактирѣ и портерной, и за Марьюшку, съ которой невѣдомо что творится... «Эка болѣзная! Эка горькая!» — говорятъ и жалѣютъ сосѣди, провожая владѣтельницу разорившагося гнѣзда... А потомъ, черезъ недѣльку-другую, привѣтствуютъ новыхъ жильцовъ ея дома... Въ немъ поселилась новая, молодая семья; мужъ здоровенный парень, жена молодчина и всего одинъ ребенокъ... Закипѣло дѣло у нихъ, любо смотрѣть: «Ужъ любо, любо, поглядѣть-то любо!..»—говорятъ сосѣди. А недавняя драма прошла... «Теперича ей надыть идтить побираться»— констатировали сосѣди положеніе вдовы, когда она отсылала въ Питеръ обоихъ мальчиковъ и продала домъ. И точно, она пошла побираться. И такихъ мгновенныхъ гибелей, разореній—безконечное множество; они на каждомъ шагу, ихъ такъ много, что при долгой жизни деревенѣешь отъ ихъ обилія и безрезультатности страданія, постоянно созерцаемаго... И что же, если сознаніе народныхъ благоустроенныхъ формъ жизни такъ велико, какъ кажется, такъ отчего-жъ оно не захватываетъ и этой области «случайностей деревенской жизни», — случайностей, которыя всякаго, самаго богатаго изъ деревенскихъ богачей, могутъ въ одно мгновеніе превратить въ нищаго, въ вора, въ убійцу и т. д.

«Не могу забыть одного дня, принесшаго мнѣ самое непереваримое по тяжести впечатлѣніе деревенской жизни... Дѣло было въ деревнѣ, въ студеный осенній день... Рыжія поля, голыя деревья, сухой шумъ сухихъ листьевъ, гонимыхъ по землѣ сухимъ холоднымъ вѣтромъ, рѣжущимъ по лицу и шеѣ тупымъ и грубымъ лезвеемъ... Скучно, холодно,

непривѣтливо... Было часовъ девять утра, и я стоялъ на дворѣ, глядя, какъ пріѣхавшій изъ сосѣдней деревни крестьянинъ складывалъ у забора дрова... Не любилъ я этого мужика: какая-то безпредѣльная затаенная алчность, — казалось мнѣ на основаніи многихъ фактовъ, — алчность неустрашимая, язвой точила его душу; и въ то время, какъ лицо всегда было благообразно и благопристойно, глаза только выдавали душевную тайну... Мрачныя впечатлѣнія деревни, къ несчастью, долгіе годы безпрерывно и безъ отдыху мной переживаемые, накопили и въ моей душѣ что-то жестокое, непривѣтливое... Душа какъ-то закрылась, заперлась точно на замокъ и отвыкала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отъ желанія растворяться, раскрывать себя радостному явленію... Напротивъ, я сталъ замѣчать, что какъ только что-нибудь свѣтлое или отрадное мелькаетъ мнѣ въ этой холодной и темной атмосферѣ, такъ я инстинктивно отворачиваюсь, мнѣ больнѣй: не хочу я видѣть этого и думать объ этомъ потому, что меня сейчасъ что-нибудь придавитъ, и мнѣ втрое будетъ хуже... Такъ вотъ въ такомъ-то мрачномъ душевномъ настроеніи, воспитанномъ во мнѣ годами и не покидавшемъ меня въ послѣдніе годы пребыванія въ деревнѣ ни на минуту, стоялъ я на дворѣ, въ то памятное мнѣ осеннее утро, и смотрѣлъ на дюжую спину нелюбимаго мужика... Мы переговаривались съ мужикомъ по словечку чрезвычайно холодно, но вмѣстѣ деликатно... А думалось мнѣ почему-то одно — «убьетъ!..» Кого? когда? какъ? — Не знаю!.. Просто какъ-то такъ стало выходить невольно, несознательно... Поглядишь на такое благообразное лицо, отвѣтишь на благообразный поклонъ или благообразный вопросъ, а самъ въ то же время почему-то думаешь: «а вѣдь разорветъ, анаѳема, въ клочья!» Вотъ и въ это утро шевелились въ моей мысли тѣ же непривѣтныя слова... Да и вѣтеръ меня мучилъ, царапая своимъ тупымъ лезвеемъ по лицу, по шеѣ и забираясь въ рукава, да и поле — ужъ мертвое, ободранное, облѣзлое, какъ облѣзлая шкура мертваго животнаго — гнело душу. Изъ-за забора съ проѣзжей дороги вѣтеръ поднималъ сухую холодную пыль... «Убьетъ...» — опять мелькнуло у меня, и я хотѣлъ-было уйти, какъ вдругъ нѣчто совершенно неожиданное, съ неба свалившееся, приковало меня къ мѣсту, и приковало какъ разъ на половинѣ этого страшнаго слова: «убьетъ»... Какъ разъ въ ту минуту, когда отравленная душа вымучила изъ себя эту страшную мысль о мужикѣ,

который клалъ дрова и спину котораго я созерцалъ изъ-за забора, сначала, какъ первая капля дождя, падающая въ крышу, послышался какой-то ясный, свѣтлый звукъ; за нимъ другой, третій, и вдругъ эти странные звуки быстрымъ и рѣзвымъ оборотомъ перешли какъ-то сразу въ развеселый, разудалый, разухабистый вальсъ изъ какой-то оперетки... Шарманщикъ, пробираясь изъ столицы въ губернскій городъ, заслышалъ разговоръ за заборомъ, — а заборъ-то былъ около усадьбы, повидимому, не крестьянской, — вотъ онъ и заигралъ вальсъ. Грубый вѣтеръ грубыми толчками точно дрался съ этими звуками, разнося ихъ по пыльной улицѣ, угоняя вверхъ, опрокидывая внизъ... Когда-то я слышалъ эти звуки, и ничего въ нихъ не было кромѣ оперсточной «клубнички», но появленіе ихъ здѣсь, въ деревнѣ, среди этихъ соломенныхъ крышъ, этихъ ободранныхъ полей, рваныхъ полушубковъ, ошеломило меня... Они нежданно-негаданно принеслись и поставили среди этой суровой деревенской обстановки образы довольства, веселья, праздности, роскошной, залитой золотомъ и упоенной «своимъ удовольствіемъ». Они такъ превосходно нарисовали этотъ другой міръ, а мое, истомленное однообразіемъ деревенскихъ впечатлѣній, воображеніе съ такой яркостью отпечатлѣло его, что я не додумалъ даже до послѣдней буквы страшнаго слова: «убьетъ...», какъ ужъ и мужикъ, котораго я только-что ненавидѣлъ, и его черная съ глубокими ямами шея, и его рваная шапка, — словомъ, все, все въ немъ пробудило во мнѣ взрывъ, да, именно взрывъ, необычайной жалости. «Какъ я могъ думать это... убьетъ?..» —истерически билось у меня гдѣ-то не то въ головѣ, не то въ сердцѣ... Истерическія слезы какъ-то неудержимо стремились вылиться и оплакать одновременно и неустанные труды этихъ неустанныхъ рукъ, и холодъ избъ, и тьму ночей съ бьющимся отъ страшнаго сна ребенкомъ, и жестокость этого же мужика къ родному брату, котораго эти же руки ободрали, буквально ободрали, и воровство этими руками въ темную ночь чужихъ дровъ, и эту неустрашимую алчность, неусыпающую въ душѣ мужика, и черствый хлѣбъ, и грязную соску во рту ребенка... Шарманщикъ игралъ, мужикъ клалъ холодными руками на холодномъ вѣтрѣ холодныя и грубыя полѣнья, холодный вѣтеръ рѣзалъ и толкалъ... а въ глубинѣ души разверзалось что-то горячее, какъ огонь, разливалось жаромъ рыданій...»

Протасовъ долго ходилъ по комнатѣ, не говоря ни слова,

и, подолгу останавливаясь у окна, спиной ко мнѣ, смотрѣлъ на улицу, также ни слова не произнося... Я не мѣшалъ ему овладѣть собою...

— А вѣдь знаешь, — заговорилъ онъ, отходя наконецъ отъ окна и стараясь казаться совершенно спокойнымъ, даже слегка, хотя и напряженно улыбаясь: — вѣдь, дѣйствительно, этотъ мужикъ-то содралъ съ брата шкуру, какъ говорится у насъ по-деревенски... Нужда! Чѣмъ ее поправить? А вотъ насупротивъ живетъ братанъ, Алешка, братанъ нескладный: все у него незадача... Было у этого Алешки мѣсто лѣсника, семь рублей въ мѣсяцъ жалованья— отбилъ, потому Алешка пьетъ, а этотъ, Николай, капли въ ротъ не беретъ... «Ему эти деньги все одно ни къ чему». Надумалъ Алешка дрова возить куда-то по два съ полтиной сажень — Николай «вызналъ» мѣсто, сталъ возить по два... отбилъ!.. — «Вози, говоритъ, нешто я препятствую тебѣ?..» — «Ну,—констатируютъ сосѣди:—теперича Алешка *должонъ* совсѣмъ подохнуть». Тутъ все только констатируютъ... «*должонъ* теперича по міру пойтить»... «теперчи енъ бы ужъ помирать *должонъ*»... Когда Николай отбилъ отъ Алешки мѣсто («Николаю-то семь цѣлковыхъ дюже хорошо! — констатировали сосѣди: — теперича онъ *должонъ* шибко поправляться»), и когда отбилъ поставку дровъ, и когда потомъ отбилъ сѣнокосъ, который Алешка снималъ у сосѣдняго барина (всего-то пудовъ на 60), тогда сосѣди констатировали такъ: «Теперича, надо полагать, Алеха *должонъ* совсѣмъ порѣшиться: начисто пошелъ на раззоръ...» И Алеха пошелъ на раззоръ. Дѣтей у него куча, все маленькія, жена слабая, больная и на несчастье плодущая... Алешка началъ разоряться и пьянствовать, сталъ жестоко колотить жену, чтобы усмирить въ ней эту плодовитость, уравновѣсить плодущую бабу съ окружающимъ недостаткомъ, но не уравновѣсилъ. Алешка сталъ пьянствовать, и я сталъ встрѣчать его въ самомъ растерзанномъ видѣ: раза два я видѣлъ его лежащимъ въ грязи, въ канавѣ, лицомъ внизъ, бездыханнымъ... «*Должонъ* Алеха, надо-быть, покончиться съ эстаго съ пьянства», — констатировали объективные наблюдатели-міряне... Но Алеха не померъ, а случилось съ нимъ еще новое и огромное несчастье.

«Въ одинъ день разнеслась вѣсть, что три дѣвочки, дочери Алехи, оставшись дома безъ матери, которая ушла зачѣмъ-то къ сосѣдямъ, на рукахъ девятилѣтняго парнишки (отца также не было дома — «воровалъ дрова» въ граф-

скомъ лѣсу), опрокинули на себя во время игры огромный, бѣлымъ ключомъ кипѣвшій самоваръ... и обварились съ головы до ногъ. «Теперича ужъ, пожалуй, и помирать должны бы... вчерась обварились-то...» — констатировали деревенскіе діагносты...—«Должны помереть,—подтверждали безпристрастные наблюдатели: — коли ежели не отходятъ». «Коли отходятъ, въ ту пору и живы должны остаться, ну, а коль скоро не отходятъ, то само собой, окончательно сказать, должны покончиться...»—«Безпремѣнно покончатся, коли ежели какихъ способовъ не будетъ отходить...»—«Да теперича, пожалуй, что ужъ и померши, коли ежели...» А такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что въ деревнѣ существуетъ самый внимательный контроль другъ надъ другомъ и надъ всѣмъ домашнимъ бытомъ каждаго дома, то къ этому констатированію неизбѣжной для дѣвочекъ смерти (ежели не отходятъ) присоединилось констатированіе и другого факта. «А пожалуй, что Алеха-то теперь *должонъ* пойтить *на поправку!*.. Горе, горе, что̀ говорить! Всякому свое жалко... А и такъ, ежели сказать, Божіимъ повелѣніямъ человѣкъ не указчикъ... Неизвѣстно, можетъ, Господь-то премудро все это послалъ... А что Алехѣ все полегче станетъ — это вѣрно, потому какъ же? остался онъ въ троихъ... куда съ этакой аравой ребятъ выбиваться... А теперича, пожалуй, что и на поправку должонъ пойтить... Право, должонъ...» Дѣти дѣйствительно умерли, и Алеха дѣйствительно пошелъ на поправку... Долго я не видалъ его послѣ этого несчастья и не знаю, какъ онъ его пережилъ, но когда я его увидѣлъ наконецъ, онъ былъ и трезвъ и опрятенъ, и взоръ его былъ и чистъ, и свѣтелъ, и уменъ... — «Слава тебѣ, Господи, кабысь немножечко дѣло мое поправляться стало... Дай Богъ здоровья (имя рекъ), мѣсто мнѣ далъ — мостъ на желѣзной дорогѣ караулить, черезъ день, рубль серебромъ, свои харчи, маленько поправляться сталъ... А то всего бы рѣшился, чисто бы померъ безсловесно!.. До весны какъ-нибудь промерзну въ землянкѣ-то, рублей подъ шестьдесятъ деньжонокъ накопится, опять возьмусь за хозяйство... Слава Тебѣ, Господи, землю-то кое-какъ у мужиковъ «отпоилъ» — не отняли... А то бы начисто бы пришлось покончиться». О дѣтяхъ мы не говорили...

«Такъ вотъ какіе эпизоды иногда *выручаютъ* человѣка изъ погибели!»

. . . . . .

— Какъ бы я желалъ, — говорилъ Протасовъ спустя нѣкоторое время: — если бы можно было свалить всю вину на знаменитую пословицу: «только печкой не били». Когда приказываютъ, Мишанька не можетъ ослушаться: онъ привыкъ слушаться, ржаное поле пріучило его. А вотъ о несчастьѣ нѣтъ приказаній ржаного поля, и Мишанька только констатируетъ факты съ точностью ученаго изслѣдователя и привыкъ погибать, также исполняя съ точностью собственную свою погибель, разъ она этимъ ржанымъ полемъ ему предуказана.

НЕ СЛУЧИСЬ.

Разсказъ.

Недавно въ газетахъ былъ напечатанъ небольшой, но въ высшей степени замѣчательный уголовный процессъ. Слушался онъ въ вологодскомъ окружномъ судѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, именно около Петрова дня 1880 года, желѣзнодорожный сторожъ нашелъ въ рѣкѣ Шаграшъ, около моста Ярославско-Вологодской линіи, джутовый мѣшокъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался трупъ убитаго человѣка, разложившійся до такой степени, что только по одеждѣ можно было догадаться, что убитый—мужчина. Открытіе этого трупа напомнило (не знаемъ, властямъ или обществу) о загадочномъ исчезновеніи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одного изъ посѣтителей гостиницы «Вологда», пользующейся весьма сомнительной репутаціей. Началось слѣдствіе, которое черезъ нѣсколько времени открыло виновнаго. Убійцей оказался коридорный или половой гостиницы «Вологда», крестьянинъ Иванъ Васильевъ Горюновъ, и вотъ какое поразительное и потрясающее показаніе далъ этотъ Иванъ Горюновъ на судѣ:

«Года за два раньше, какъ я убилъ Крамскаго (фамилія убитаго), къ намъ въ гостиницу «Вологда» пріѣзжалъ какой-то господинъ—повидимому, купецъ. Жилъ онъ у насъ въ гостиницѣ дня четыре и больно сильно кутилъ, пьянствовалъ. Когда этотъ господинъ уѣзжалъ, онъ подарилъ мнѣ золотые часы съ цѣпочкой и сказалъ: «Спасибо тебѣ, что ты сберегъ меня,—все въ цѣлости: у меня, говоритъ, было девяносто три тысячи рублей». Потомъ гость этотъ попросилъ проводить его на вокзалъ; я проводилъ, и тутъ онъ

еще далъ мнѣ двадцать пять рублей и еще три рубля, Пришелъ я домой и показалъ буфетчику и хозяину часы. что̀ мнѣ подарилъ гость. Хозяинъ спросилъ:—«За что-жъ онъ подарилъ?»—«За то, молъ, что у него девяносто три тысячи съ собой было, и всѣ остались въ цѣлости».—«Эхъ ты,—говоритъ хозяинъ:—не умѣешь деньги наживать! Такъ будешь дѣлать—и помрешь бѣднякомъ»... Потомъ хозяинъ говоритъ, чтобъ я заманивалъ гостей, обѣщая имъ продавать какіе-то банковые билеты съ большой уступкой... Зимой 1880 года къ намъ въ номеръ пріѣхалъ какой-то господинъ съ дѣвушкой... Выпивали они тутъ. На другой день, часовъ въ девять, дѣвушка ушла, а господинъ остались одни. Стали разсчитываться и дали мнѣ сторублевую бумажку. Ну, я пошелъ въ буфетъ, увидалъ тамъ хозяина и говорю:—«Господинъ, должно-быть, богатый — все сторублевки». Хозяинъ сказалъ:—«Погоди-ка носить сдачу, я взгляну сначала, что̀ за господинъ такой». Вернулся онъ и говоритъ:—«Это человѣкъ мнѣ знакомый, денежный человѣкъ».—«*Какъ же тутъ быть?*»—спрашиваю.—«Самъ, говоритъ, знаешь,—не малолѣтокъ... Рѣка все унесетъ».—«Страшно, говорю, какъ-то...»—«А ты выпей стакана два водки—страхъ-то какъ рукой сниметъ... А чтобъ свидѣтелей лишнихъ не было, мальчишку-то въ полицію пошли за паспортной книгой...» Сказалъ это, а самъ ушелъ въ другую свою гостиницу «Россію», черезъ дорогу. Выпилъ я водки, послалъ подручнаго Николая въ полицію и понесъ сдачу въ третій номеръ. Господинъ лежали въ постели, опершись на локотки, и выпивали... Столъ около кровати стоялъ съ бутылками... Тутъ же лежалъ молотокъ, который я принесъ наканунѣ, чтобы вбить задвижку, какъ господинъ приказали... Я взялъ молотокъ и ударилъ господина по головѣ разъ и два... Какъ ударилъ—спереди или сзади—хорошенько не помню. Вытащилъ деньги изъ кармана брюкъ и, не считая, сунулъ ихъ себѣ въ карманъ. Вытащилъ покойника въ четвертый номеръ, а самъ сталъ прибирать въ третьемъ. Окровавленную простыню и наволочку засунулъ въ печь и сжегъ. Обои около кровати оборвалъ, полъ подтеръ, а пятна на матрасѣ и подушкѣ слегка замылъ водой. Потомъ вернулся къ покойнику, перетащилъ его черезъ пятый номеръ въ чуланчикъ, который былъ рядомъ, и спряталъ его въ сундукъ подъ лѣстницей, отодравъ для этого плинтусъ. Въ это время, слышу, вернулся Николай. Я пошелъ къ нему навстрѣчу и велѣлъ прибрать

въ номерѣ третьемъ. Онъ послѣ спрашивалъ:—«Что это вода въ тазу кровавая и на полу кровь?»—«Это, говорю, гость не расплатился съ дѣвицей, она ему и раскровянила морду».—«Какъ же, говоритъ, онъ ушелъ въ такомъ видѣ?»—«Умылся, говорю, да и ушелъ...» Ну, онъ и повѣрилъ. Часа черезъ два послѣ убійства пришелъ хозяинъ. Я ему и подалъ всѣ деньги, не считая.—«Мало, говорю, денегъ-то».—«Врешь, говоритъ, не можетъ быть столько, ты утаилъ». Я побожился. Онъ взялъ всѣ деньги, а мнѣ далъ немного мелочи... На другой день начались розыски покойника. Въ гостиницу пріѣзжала его родственница съ знакомымъ, ходила полиція... Мы отвѣтили, что гость расплатился и уѣхалъ неизвѣстно куда. *Такъ какъ околоточный пьетъ у насъ завсегда водку и все такое*, то номера осматривать онъ *постыдился*. Тутъ меня взялъ страхъ, тоска напала. Я все ходилъ въ рундукъ, смотрѣлъ, лежитъ ли тамъ покойникъ, иногда сидѣлъ тамъ и плакалъ... Хотѣлъ идти дать знать полиціи; сказалъ объ этомъ хозяину, а онъ говоритъ:—«Дуракъ и будешь—ни за грошъ пропадешь. Меня все равно не оговоришь—не повѣрятъ; я и въ гостиницѣ-то въ это время не былъ». Ну, я и не пошелъ. Послѣ Рождества отпросился я у хозяина домой въ деревню, взялъ у него денегъ и уѣхалъ, захвативъ шубу покойника, которую раньше спряталъ... И въ деревнѣ тосковалъ, но роднымъ объ этомъ ничего не говорилъ. Пріѣхалъ опять въ городъ къ хозяину. Передъ Пасхой сукровица проникла черезъ потолокъ, пошелъ по номерамъ скверный духъ. Меня все пуще стала тоска забирать, и я все чаще сталъ ходить къ покойнику, смотрѣть на него. Потомъ перетащилъ его изъ рундука въ другой уголъ чуланчика и положилъ подъ рамы. Духъ все сильнѣй по номерамъ расходится... Гости стали жаловаться. Я все собирался вывезти, да все случая не было, а хозяинъ не помогаетъ и тоже говоритъ: «Убери!». Въ концѣ іюня я положилъ покойника въ мѣшокъ, завязалъ веревкой, пошелъ, взялъ извозчика и ночью поѣхалъ окольной дорогой за городъ на рѣку Шаграшъ. Бросилъ тамъ мѣшокъ и возвратился... Потомъ вскорости слышу, что нашли покойника. Полиція пришла и взяла съ меня расписку о невыѣздѣ... Я сказалъ хозяину. Онъ говоритъ: «Ты поди въ полицію и скажи, что у тебя просроченъ паспортъ, чтобъ они отпустили тебя». Полиція не отпустила. Тогда я самъ ушелъ домой... Но тутъ меня арестовали и представили въ станъ. Я и открылся, что я убилъ...»

Вотъ показаніе главнаго дѣйствующаго лица, которое мы привели отъ слова до слова.

Здѣсь все въ высшей степени любопытно и поучительно. Поучительно то, что хозяинъ, который, какъ видно изъ показанія, былъ душой всей этой операціи, признанъ виновнымъ не «въ подстрекательствѣ съ корыстной цѣлью», а только «въ знаніи и укрывательствѣ». Любопытна и поучительна фигура и этого блюстителя порядка—околоточнаго, который, помня трактирную хлѣбъ-соль и «все такое», *стыдится* осматривать номера, гдѣ совершено это убійство,—убійство, которое онъ, несомнѣнно, чуялъ и, можетъ-быть, даже зналъ о немъ навѣрное, такъ какъ это знаніе или догадка—только одно и могло заставить его «*постыдиться*», смотрѣть сквозь пальцы, помня хлѣбъ-соль «*и все такое*». Въ то же время, принимая во вниманіе такъ-называемыя «новѣйшія времена», невольно представляешь себѣ, какъ много развелось теперь такихъ блюстителей, которые, выпивая въ гостиницѣ, гдѣ надъ головой выпивающихъ «и все такое» полгода лежитъ и гніетъ убитый человѣкъ, котораго они «стыдятся» разыскать, навѣрное не упускаютъ случая высматривать «неблагонадежныхъ личностей» и, запримѣтивъ таковыхъ (а примѣты въ этомъ отношеніи годятся всякія, какія только взбредутъ въ голову), не только не постыдятся, а прямо безъ разговоровъ «сгребутъ» и заточатъ... Вѣдь вотъ «сгребъ» же одинъ блюститель мирнаго сельскаго жителя за романъ Шпильгагена—сгребъ и засадилъ, не зная и не имѣя понятія о томъ, что̀ значатъ слова: «романъ», «Шпильгагенъ», «Впередъ». Сгребъ же другой такой-то блюститель сельскаго учителя, который сидѣлъ на вокзалѣ въ провинціи, ожидая поѣзда, и читалъ брошюру «О дезинфекціи» сочиненія Нечаева. Что̀ такое «дезинфекція»—это блюстителю знать не полагается. *Тотъ ли* это Нечаевъ или другой—тоже можно и не знать. Но мелькнуло ему въ голову слово: «Нечаевъ» и—«сгребъ»! Вездѣ теперь только и слышишь: «сгребъ» да «сгребъ», или «чуть не сгребъ», или «да и сгребъ бы, а то что̀ же?.. И ей-Богу бы сгребъ...» И всѣ эти сгребанья всегда почти оказываются вполнѣ нелѣпыми и неосновательными; но нелѣпости и отсутствіе всякихъ основаній не запрещаютъ «сгребать» и не заставляютъ стыдиться несправедливой жестокости и безобразія, а осмотрѣть номера, въ которыхъ пропалъ и убитъ человѣкъ,—«стыдно», потому хлѣбъ-соль и «*все такое*...»

Но всего замѣчательнѣе въ этомъ процессѣ—это, разумѣется, личность самого несчастнѣйшаго Ивана Горюнова. Воистину недаромъ судьба надѣлила его такимъ именемъ и фамиліей. «Господинъ» приказалъ прибить въ номерѣ задвижку. Иванъ Горюновъ взялъ молотокъ и исполнилъ приказаніе, а утромъ черезъ нѣсколько часовъ исполнилъ этимъ же молоткомъ другое, почти, приказаніе хозяина—убилъ этого самаго господина. За часъ, за нѣсколько мгновеній до убійства у него и мысли не было объ убійствѣ; сторублевая бумажка ставитъ его въ недоумѣніе: «какъ же теперь быть?» Ему говорятъ—какъ, и онъ дѣлается убійцей, онъ бьетъ молоткомъ господина по головѣ съ такимъ же точно покорнымъ настроеніемъ «слуги», какъ бы подавалъ на столъ порцію селянки или прибивалъ задвижку. «Какъ же тутъ быть?»—говоритъ онъ, и вы видите, что если-бъ ему было сказано, какъ быть: «возьми да отдай сдачу»—такъ онъ бы и не былъ убійцей и отдалъ бы сдачу. Зачѣмъ онъ убиваетъ—неизвѣстно. Деньги онъ отдалъ хозяину, а самъ получилъ немного мелочи. Ему когда-то сказали: «Дуракъ будешь»—и онъ думалъ, что не дуракъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Самъ онъ не знаетъ доподлинно, глупо или умно грабить и убивать, и потому спрашиваетъ у «хозяина»: «Какъ же теперь быть?» Онъ, *самъ лично*, дѣйствительно не имѣетъ понятія о томъ, что̀ умно, что̀ глупо, кто дуракъ, кто уменъ, что̀ хорошо, что̀ дурно. Выслушавъ его разсказъ о томъ, какъ баринъ подарилъ ему золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ, хозяинъ говоритъ ему: «Дуракъ будешь! если такъ станешь жить—такъ и помрешь бѣднякомъ». И онъ думаетъ, что онъ дуракъ—думаетъ такъ, какъ ему сказано; такъ, какъ побуждаетъ думать его и поступать постороннее вліяніе, чужое приказаніе, чужая воля: «прибей задвижку» — прибилъ, «убей барина»—убилъ, и однимъ и тѣмъ же молоткомъ, безъ малѣйшей тѣни собственной своей мысли и собственной своей воли. Вѣдь если-бъ онъ «самъ» могъ думать, понимать и соображать, т.-е. если-бъ онъ самъ имѣлъ какой-нибудь взглядъ на человѣческія отношенія, такъ вѣдь случай съ бариномъ, который щедро наградилъ его, долженъ бы былъ убѣдить его какъ разъ въ противномъ тому, что̀ говорилъ хозяинъ: за честность и добросовѣстность онъ *на дѣлѣ*, на фактѣ, самомъ реальномъ, самомъ ощутительномъ, оказался не только не въ дуракахъ, но прямо въ умникахъ. За то, что онъ не грабилъ, не укралъ, а берегъ и смотрѣлъ,

чтобы не обокрали барина, онъ получилъ сравнительно огромное вознагражденіе—золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ. Кажется, если бы человѣкъ могъ и имѣлъ бы привычку самостоятельно думать о чемъ-нибудь, этого случая было бы для него весьма достаточно, чтобъ убѣдиться, что хорошіе и добросовѣстные поступки не пропадаютъ безслѣдно: результатъ налицо — золотые часы и деньги... Но онъ не умѣетъ думать самъ и потому убиваетъ безкорыстно, безъ всякой выгоды, отдавъ деньги хозяину, а самъ получаетъ немного «мелочи...»

Вотъ эти-то черты нравственности Ивана Горюнова и потрясаютъ васъ самымъ угнетающимъ образомъ. Какъ бы внимательно ни всматривались вы въ душу этого человѣка, вы не можете отвѣтить мало-мальски утвердительно ни на одинъ изъ вопросовъ, которые должны возникнуть при этомъ въ вашемъ сознаніи.—Жаденъ ли онъ?—Нѣтъ, деньги отдалъ хозяину...—Жестокъ?—Ничуть: онъ убилъ, не подумавши, не задумываясь, а такъ, какъ прибилъ задвижку, и потомъ самъ же плачетъ и терзается надъ трупомъ втихомолку по ночамъ...—Скрытенъ, хитеръ и злобенъ?—Опять нѣтъ: вѣдь онъ «побожился», что не утаилъ денегъ, а всѣ сполна отдалъ хозяину; онъ—не обманщикъ... Добровольно, когда мало-мальски проясняется умъ, онъ хочетъ идти въ полицію—объявить, но ему опять говорятъ: «дуракъ будешь»—и онъ не идетъ. Послушаніе его примѣрное. Его награждаютъ за честность; но ему говорятъ, что безчестно поступать лучше,—и онъ вѣритъ вопреки фактамъ, доказывающимъ противное. Ему говорятъ:—«прибей задвижку»—прибилъ; «убей»—убилъ. Затѣмъ полгода трупъ лежитъ въ чуланѣ, лежитъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не сказалъ: «Убери!»—и Иванъ убралъ. Словомъ, Иванъ Горюновъ весь чужой, человѣкъ посторонняго вліянія, чужого приказанія, даже чужого желанія. *Своего* по части убѣжденій и нравственности у него ничего нѣтъ—хоть шаромъ покати. Это совершенно пустой сосудъ, который можетъ быть наполненъ, чѣмъ угодно. Не попади онъ въ такой темный притонъ, можете ли вы сказать, что онъ сдѣлалъ бы что-нибудь подобное тому, что его принудили сдѣлать? Былъ ли бы онъ убійцей, если бы «попалъ» вмѣсто трактира въ столяры, въ сапожники, въ кучера къ хорошему барину, въ лавочники, въ хлѣбопеки?.. Наконецъ, если бы попалъ даже опять-таки въ трактиръ же, только не въ такой вертепъ, какъ «Вологда», а такой, гдѣ все

честно и благородно?.. Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ вы не можете отвѣчать утвердительно, потому что предъ вами человѣкъ, внутренній міръ котораго, какъ траву, какъ тонкую вѣтку, колеблютъ внѣшнія дуновенія, дыханіе чуждыхъ ему, со стороны идущихъ вліяній,—человѣкъ, который покоряется всему, на что его «Богъ нанесетъ»,—всему, что̀ волею судебъ «набѣжитъ» на него...

А вѣдь такихъ Ивановъ Горюновыхъ уже въ настоящее время можно считать на Руси сотнями тысячъ, а въ будущемъ, если только народная жизнь будетъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, оставаться въ условіяхъ царствующей и въ ней и внѣ ея неурядицы — Ивановъ Горюновыхъ будетъ тьма, тьмы темъ, тьмы темъ пролетаріата, выброшеннаго разстройствомъ деревенскаго быта и духа, готоваго подчиниться въ чуждой ему средѣ всевозможнымъ вліяніямъ съ наивностью ребенка, не имѣющаго возможности знать и понимать, что̀ въ этихъ вліяніяхъ зло, что̀ добро,—словомъ, пролетаріата, который съ наивностью ребенка можетъ однимъ и тѣмъ же молоткомъ и одной и той же рукой прибить задвижку по приказанію «гостя» и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанію и наставленію.

Отчего же это происходитъ?

Вѣроятно, не разъ, а милліоны и милліоны разъ тотъ же вопросъ, только примѣненный къ самому себѣ и къ своей ужасной исторіи, задавалъ и задаетъ Иванъ Горюновъ, задавали и задаютъ сотни другихъ Ивановъ Горюновыхъ. Сидя въ слезахъ и тоскѣ за желѣзной рѣшеткой тюрьмы, или на пароходѣ-клѣткѣ, перевозящей арестантовъ и осужденныхъ въ сибирскіе тюрьмы и рудники, Иванъ Горюновъ и ему подобные мучительно ломаютъ уже погибшія головы свои надъ этими вопросами: какъ, и зачѣмъ, и отчего? — и, ничего не понимая, но только ужасаясь и недоумѣвая, невольно переносятся мыслью въ родную деревню и инстинктивно ищутъ здѣсь, въ ней, въ условіяхъ ея современной жизни—корни и основаніе всему, что̀ случилось потомъ. Оплакавъ утраченное спокойствіе и цѣломудренность деревенской жизни, оплакавъ и утраченную возможность жить какъ люди, работать, играть свадьбу, пить вино на праздникахъ и т. д., и дорываясь до корня своего огромнаго горя, своихъ огромныхъ утратъ, вѣковѣчныхъ, на всю жизнь—всякій такой Иванъ Горюновъ непремѣнно найдетъ въ самой глубинѣ, на самомъ днѣ своихъ бѣдъ какую-нибудь деревенскую «случайность», благодаря которой чело-

вѣкъ долженъ былъ оторваться отъ дома, отъ деревни и идти въ невѣдомый міръ, плыть безъ кормила и весла... Непремѣнно въ корнѣ корней окажется какое-нибудь на нашъ взглядъ ничтожное обстоятельство, отъ котораго и вышло потомъ все, вплоть до конца, до Сибири и каторги. «Не случись» того-то или того-то въ деревнѣ, въ хозяйствѣ,—и не надо было бы уходить оттуда и отдавать себя на волю непонятныхъ вліяній, непонятныхъ условій жизни. Не случись, что умеръ отецъ или братъ, не случись, что пала лошадь, не случись, что старшая сестра сломала ногу и пролежала годъ больная, не случись падежа, неурожая, засухи—и не было бы тысячи случайностей, которыя потомъ захватили человѣка и стали имъ вертѣть по-своему, какъ *имъ* угодно...

Этихъ случайностей, иногда ничтожныхъ какъ пылинка, никогда не тяготѣло надъ крестьянской жизнью такъ много, какъ теперь: Земледѣльческій трудъ, весь сполна находящійся во власти велѣній природы, самъ по себѣ уже таитъ въ этихъ велѣніяхъ и прихотяхъ природы неисчерпаемый источникъ случайностей. Въ успѣхѣ или неуспѣхѣ этого труда,—слѣдовательно въ благосостояніи и нравственномъ равновѣсіи, или въ разореніи и нравственномъ паденіи крестьянъ играютъ важную роль не только такіе пособники труда, какъ животныя, скотъ, не только своя личная сила, свое здоровье и т. д., но даже самыя ничтожнѣйшія атмосферныя явленія—направленіе и сила вѣтра (обилъ хлѣбъ и т. п.), сила и время дождя, засухи и т. д., и т. д. безъ конца. Все это можетъ осчастливить, все это можетъ и разорить. Всѣ эти случайности необходимо имѣть въ виду. А ихъ въ настоящее время столько развелось, что вся современная жизнь деревни зависитъ именно отъ этихъ случайностей—и стихійныхъ и всякихъ другихъ, неизвѣстно почему скопившихся надъ деревней какъ нарочно въ такое время, когда она не въ силахъ противопоставить ни «кузькѣ», ни «мглѣ», ни «красному пѣтуху» ничего, кромѣ отчаяннаго вопля и безцѣльнаго бѣгства «на сторону».

При крѣпостномъ правѣ (намъ не для чего заглядывать дальше для того, чтобъ сравнить прошлое народа съ настоящимъ) всѣ эти случайности *волей-неволей* долженъ былъ устранить баринъ, если онъ не былъ, что называется, живорѣзомъ. Онъ, въ видахъ своей собственной пользы, долженъ былъ кормить въ неурожай, давать скотъ во время падежа, помогать свадьбѣ, покупать женіха,—словомъ, онъ

долженъ былъ всячески экономизировать людьми. Негодныхъ къ одному труду онъ ставилъ на другой, ни къ чему негодныхъ сдавалъ въ солдаты, а безпомощнаго старика ставилъ къ уткамъ или такъ кормилъ на дворнѣ. Это былъ скотный дворъ, организованный изъ людей, но организованный. Возвращенія къ нему не можетъ быть, но возвратиться къ «организаціи», перейти отъ полнаго невниманія къ массамъ къ самому искреннему вниманію—необходимо. Всѣ эти случайности, обставляющія крестьянскій трудъ и слѣдовательно играющія огромную роль въ благосостояніи массъ, въ настоящее время почти не составляютъ предмета серьезнаго вниманія со стороны такъ-называемыхъ командующихъ классовъ. Страхованіе скота, какъ извѣстно, до сихъ поръ только въ проектѣ, да неизвѣстно еще, будетъ ли оно удобно для крестьянъ; по части организованнаго кредита тоже въ высшей степени плохо; земскія подачки въ неурожайные годы — предметъ для хищническихъ злоупотребленій и плохое подспорье для большинства крестьянъ. Да наконецъ времени «даромъ» ушло такъ много, что теорія хищничества уже вошла въ моду и въ деревнѣ, и теперь уже нельзя поручиться въ томъ, что даже самое благодѣтельное мѣропріятіе не будетъ здѣсь же, въ деревнѣ, повернуто такъ, что окажетъ выгоду меньшинству и вредъ огромному большинству. Отпаденіе отъ «хозяйственнаго», крестьянскаго, чисто-земледѣльческаго ядра, составляющаго силу деревни и силу крестьянской массы, все увеличивается; случайности, никѣмъ и ничѣмъ не отстраняемыя, съ одной стороны выбрасываютъ за бортъ общиннаго корабля ослабѣвшихъ, опустившихъ руки, идущихъ искать гдѣ лучше, съ другой—эти же случайности возвышаютъ незначительное меньшинство, которое, владѣя лишней копейкой, пользуется нуждой ослабѣвшихъ, дешево покупаетъ скотъ, пашню и другое имущество и богатѣетъ, но въ свою очередь также отпадаетъ отъ крестьянства трудящагося. Одни уходятъ потому, что нельзя трудиться, а другіе—потому, что можно и не трудиться, можно отдавать «изъ прокату» сѣнной прессъ, получать за прокатъ деньги, сидѣть въ трактирѣ и играть на гармоніи «Стрѣлочка». Такимъ образомъ отъ общиннаго земледѣльческаго ядра деревни въ одну сторону уходятъ «по разстройству» Иваны Горюновы и поступаютъ лакеями въ трактиры, а въ другую—уходятъ люди вслѣдствіе достатка, уходятъ въ тѣ же трактиры, но не въ качествѣ лакеевъ, а гостей. Эти люди достатка и досуга

требуютъ водки и закуски «и все такое», а Иваны Горюновы подаютъ имъ и водку и закуску «и услуживаютъ по части всего прочаго». Одни учатся—«что приказывать», а другіе исполняютъ приказанія: «прибей задвижку» — и прибьетъ, «убей»—и убьетъ, и все однимъ и тѣмъ же молоткомъ.

Несмотря на имущественную разницу между Иванами Горюновыми, перестающими быть крестьянами, «послугою» по нуждѣ, и другимъ типомъ отщепенцевъ крестьянства, бросающихъ его и отвыкающихъ отъ него вслѣдствіе достатка—въ нравственномъ отношеніи оба типа не представляютъ ни малѣйшей разницы. Оба они, уходя изъ одного общества въ другое, не вносятъ въ него ничего *своего,* а обречены—по крайней мѣрѣ на долгіе годы—подчиняться тому, что Богъ нанесетъ на нихъ, или что само на нихъ набѣжитъ. Оба эти типа, несмотря на разницу состояній по части матеріальныхъ благъ, одинаково нищіе, одинаково безнравственны. Слово «безнравственность» не слѣдуетъ понимать исключительно въ дурномъ смыслѣ, въ смыслѣ дурной нравственности — вовсе нѣтъ: просимъ понимать его *только* буквально, т.-е. только какъ отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго нравственнаго содержанія, какихъ-нибудь опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ... Намъ могутъ многое возразить на это, указать на сектантовъ и т. д.; но мы, очень хорошо зная, что этою «безнравственностью» не исчерпываются всѣ свойства народной души, тѣмъ не менѣе не имѣемъ намѣренія доказывать здѣсь, что эти «другія» стороны извѣстны намъ такъ же, какъ и возражателямъ,—не будемъ дѣлать этого именно потому, что мы беремъ спеціально эти безнравственныя, а не какія другія черты народной души, хотимъ указать именно на пустыя мѣста этой души,—мѣста, которыя, помимо естественныхъ причинъ, держащихъ народную душу въ постоянномъ колебаніи по части «убѣжденій», какъ будто еще умышленно оставляются пустыми, тщательно ограждаются отъ всякаго вторженія въ эту пустоту общечеловѣческихъ интересовъ, идей общаго блага и обязанностей къ ближнему и къ самому себѣ. «Не отвѣчать» за свои поступки какъ лично, такъ и по отношенію къ сосѣду, къ ближнему, народную массу учитъ—и заставляетъ даже насильно—ея трудъ, весь подчиненный прихотямъ природы. «Не отвѣчать» пріучило народъ крѣпостное право, при которомъ за всякія без-

образія, за все хорошее и дурное отвѣчалъ, хотя бы только официально, помѣщикъ. Теперь, когда это право миновало, надобно отвѣчать самимъ... Но вотъ этой-то отвѣтственности не только никто не требуетъ отъ народа, но, напротивъ, все, что командуетъ имъ, какъ бы умышленно стремится отучить его отъ всякой мысли о томъ, что, кромѣ отвѣтственности въ исправной уплатѣ податей, есть еще другая отвѣтственность—за этого сироту, который можетъ сдѣлаться воромъ, за эту старуху, за этого старика, за эту случайно ослабшую семью, которая можетъ разориться и пустить по міру кучу нищихъ. Ни въ школѣ, ни въ церкви, ни въ другихъ вліяющихъ сферахъ мы не видимъ ни малѣйшихъ попытокъ, не слышимъ ни единаго слова, которое обратило бы вниманіе молодого и стараго деревенскаго люда на массу явленій, за которыя по привычкѣ не принято отвѣчать, но за которыя отвѣчать непремѣнно слѣдуетъ. Одинъ деревенскій мальчикъ сказалъ мнѣ: «Сколько разъ я видалъ зиму и носъ отмораживалъ, и ноги знобилъ, и въ снѣжки игралъ, а все не думалъ, что такое зима... А вотъ какъ прочиталъ стишокъ сочиненія Пушкина про ту же зиму и про тотъ же снѣгъ—и стала мнѣ зима любопытна». Вотъ такого-то слова, которое бы сдѣлало любопытнымъ тысячи явленій, къ которымъ народъ приглядѣлся, которыя онъ видитъ каждый день, но о которыхъ не думаетъ, какъ мальчикъ не думалъ о зимѣ, хотя и отмораживалъ носъ и знобилъ ноги,—и нѣтъ у насъ. Какъ были выраженіемъ общественныхъ заботъ въ старыя времена мірской быкъ, староста, кабакъ и холодная, такъ и теперь—то же. А когда къ этимъ быку, старостѣ, кабаку и холодной прибавится что-нибудь новое, въ родѣ постояннаго фельдшера (изъ своихъ и для своихъ), въ родѣ мірской каморки, въ которой могли бы доживать свой вѣкъ старики бездомные, въ родѣ другой каморки, въ которой больной, вывихнувшій ногу, или больная, обжегшая солнцемъ на жнивѣ спину, могли найти койку и помощь и т. д.,—когда все это будетъ, неизвѣстно. Нигдѣ, повторяемъ, ни въ школѣ ни въ церкви, мы не слышимъ ни о злѣ ни о добрѣ, ни о добромъ ни о худомъ, ни о безнравственномъ ни о нравственномъ... Конечно, этимъ мертвымъ молчаніемъ нельзя убить въ человѣкѣ душу и совѣсть, и она такъ или иначе выразитъ себя въ стремленіи къ свѣту и правдѣ; но, какъ бы ни были прекрасны эти, никѣмъ не поощряемыя проявленія благородныхъ стремленій души, нельзя не видѣть,

что покуда къ общиннымъ хозяйскимъ распорядкамъ не будетъ *прибавлено* права широко и свободно дѣлать все и думать обо всемъ, что только можетъ расширить размѣры народной впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго, — до тѣхъ поръ деревня будетъ поставлять изъ своей среды, подчиненной случайностямъ удачи и неудачи, съ каждымъ годомъ все большее и большее количество людей съ нравственностью Ивана Горюнова,—нравственностью, колеблемою, какъ листъ, отъ малѣйшаго дуновенія въ ту или другую сторону.

Не знаю, скоро ли интеллигентный человѣкъ (т.-е. человѣкъ исключительно интеллигентныхъ цѣлей, а не служащій по найму въ интеллигентныхъ должностяхъ) отвоюетъ для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ. Это—его обязанность, и другой обязанности нѣтъ у русскаго интеллигентнаго человѣка. Конечно, сперва ему необходимо отвоевать это право и для себя... Очевидно, что и то и другое будетъ нескоро. А покуда мы дождемся этого, позволю себѣ возвратиться къ прерванной рѣчи о значеніи «случая» въ современной народной жизни,—«случая», противъ котораго не спасаетъ община, при всѣхъ своихъ хозяйственныхъ совершенствахъ, и который выбрасываетъ изъ «крестьянства» массы безпомощныхъ неудачниковъ на волю Божію. Разскажу по этому поводу кое-что изъ того, что почти сейчасъ происходило передъ моими глазами, но при этомъ заранѣе предупреждаю читателей, что разсказанное будетъ мѣстами производить впечатлѣніе непріятное и грубое. Что дѣлать? Дѣйствительность куда хуже того, что я разскажу сейчасъ.

Почти каждый вечеръ прошлогодняго лѣта, за рѣкой, «на той сторонѣ», среди всеобщаго мира и тишины, вдругъ и неожиданно начинались какіе-то крики, брань, ругань и плачъ... Иногда эти крики, этотъ плачъ и шумъ поднимались среди ночи, когда все покоилось мертвымъ сномъ, и будили не только мирныхъ обывателей деревни, но и насъ, жителей противоположнаго берега,—такъ они были громки, столько тамъ было женскаго визга и мужского рева. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло не ограничивалось одними криками, а иногда разыгрывалось и въ драку, и что драки эти большею частью пьяныя. Очень часто, послѣ того какъ свалки и крикъ прекращались на той сторонѣ, на нашу сторону переправлялись черезъ рѣчку и шли по нашему берегу какія-то пьяныя, ругавшіяся и

трозившія кулаками фигуры, — фигуры весьма плохо владѣвшія ногами, судя по нетвердой походкѣ, и не менѣе плохо владѣвшія языкомъ, судя по несвязности рѣчи, иногда переходившей въ простое мычанье. Но какъ ни безсвязно бывало иногда это бормотанье пьяныхъ гулякъ, все-таки, слушая его, можно было понять, что и сами пьяные и ихъ пьяныя рѣчи имѣютъ какую-то связь съ только-что затихшей на той сторонѣ свалкой. Не разъ смущали меня эти ночныя исторіи и эти толпы пьяныхъ людей, по ночамъ шатавшіяся около моей дачи. Дача была совершенно одинокая, а народу, какъ говорятъ тамъ, въ деревнѣ, «много всякаго». Поневолѣ подумаешь о томъ, что̀ это за люди, которые чуть не каждый вечеръ производятъ драку, съ криками и со слезами, и потомъ по ночамъ шляются съ какими-то угрозами около дома... Не разъ я спрашивалъ у крестьянъ «съ той стороны», случайно сталкиваясь съ ними, когда они иной разъ перебирались на нашу сторону за сѣномъ или за дровами, такъ какъ ихніе луга и лѣсъ были на нашей сторонѣ, но никто изъ нихъ не далъ мнѣ опредѣленнаго отвѣта: «Пьянствуютъ, поди. Вѣдь нонѣ воля—свободно стало!»—«Вѣдь нонѣ нешто мало безобразіевъ-то?»—«Намъ, батюшка, недосугъ за этимъ глядѣть—намъ впору съ своей работой управиться, а не то, чтобы на какихъ подлецовъ смотрѣть. Нонѣ всякаго есть—и хорошаго и худого, сколько угодно... Кто такой шумитъ?—А Господь ихъ вѣдаетъ. Такъ, должно-быть, какіе-нибудь пьяницы...» и т. д. А шумъ и драки на той сторонѣ продолжали повторяться, какъ и прежде, черезъ день, черезъ два. По праздникамъ и по воскреснымъ днямъ они бывали ужъ непремѣнно.

Заходитъ однажды ко мнѣ волостной старшина, съ которымъ я познакомился уже давно, просится посидѣть—«подождать одного человѣчка». Человѣчекъ долженъ проходить какъ разъ мимо моей дачи, такъ вотъ старшина и сѣлъ къ окошку, которое выходитъ на дорогу.

— Что̀ это за драки на той сторонѣ?—спросилъ я его.

— Какъ драки?

— Черезъ день, черезъ два ужъ непремѣнно и шумъ, и драки, и крикъ на той сторонѣ.

— О, да, да... Ужъ давно я думалъ вывести, искоренить это гнѣздо, да все недосугъ. Проститутки живутъ—ну, и пьянство...

— А драки-то?

— Да ужъ одно безъ другого не ходитъ. Что и за гулянье безъ драки!..

— Да какія же тутъ у васъ проститутки?

— Очень просто—гулящія...

— Какимъ же образомъ завелись онѣ тутъ?

— Завелись-то онѣ въ прежнее время... Началось это, видите ли... стоялъ полкъ поблизости. Вотъ откуда пошло направленіе это самое... Да и посейчасъ невдалекѣ войска стоятъ и солдаты шляются... Началось-то съ войсковъ—ну, а потомъ и пошло, и свои пошли баловаться... Вѣдь нонѣ народъ распустивши, не дай Богъ... Хлопотъ-то, ежели бы знали, сколько, не приведи Господи! Какъ есть съ этой должностью всего хозяйства рѣшишься... Вотъ хоть бы сейчасъ: шлялись къ этимъ проституткамъ солдаты, а потомъ и стали въ лазаретъ поступать... Теперича вотъ предписано мнѣ всѣхъ этихъ шкуръ представлять каждый вторникъ къ доктору — нарочно земскій докторъ пріѣзжаетъ. Четверыхъ я ужъ сегодня представлялъ—отпустили; а вотъ пятую—она-то, должно-быть, и корень всему—вотъ и дожидаюсь теперича... Докторъ тамъ сердится, а я сиди вотъ, гляди... А свое дѣло стоитъ.

— Такъ вы эту «пятую» дожидаетесь?

— То-то и есть... Докторъ сердится, а гдѣ я ее возьму? Она вонъ на покосъ ушла—жди ее!

— Такъ она и на покосъ ходитъ и проститутка?

— Да вѣдь надо жрать-то что-нибудь? Теперь поденно, на хозяйскихъ харчахъ, бабѣ тридцать копеекъ даемъ въ сутки — какъ же не идтить-то? А гулянкой вѣдь не проживешь. Видите, каковы гулянки-то: рубль пропьютъ да на три цѣлковыхъ реберъ поломаютъ... Каждый вечеръ сами слышите, какъ плачутъ гулянки-то... Вѣдь иной пьяный саврасъ какъ разойдется-то, кулачище-то разсучитъ... Да съ этихъ гулянокъ и не прожить; нонича хлѣбъ дорогой, а вѣдь надо каждый день что-нибудь покушать... Водкой-то, пожалуй, напоятъ да кулаками накормятъ—съ этого сытъ не будешь, такъ какъ же ей на косовицу-то не идтить? Я думаю, она горячаго-то не ѣстъ по цѣлымъ зимамъ, а тутъ каждый день какъ-ни-какъ—похлебка...

— Какъ же это такъ? Кто же онѣ такія?

— Какъ сказать?.. Бѣдность!.. Вотъ теперича—которую я жду женщину—отца у нея нѣтъ, и матери нѣтъ, а братъ въ Питерѣ... Тоже, сказываютъ, пьянствуетъ—за паспортъ деньги не присылаетъ. Хочу вытребовать, ужъ и бумагу

послалъ... Вотъ и живетъ... Какъ одной-то справиться въ разстройствѣ? Вотъ и идетъ въ грѣхъ... А по нонѣшнему времени много охотниковъ-то: и солдаты есть, и свои, сѣнники, приказчики—разнаго народу много... А вотъ никакъ и мои красавицы!..

Въ самомъ дѣлѣ, по дорогѣ, направляясь къ перевозу черезъ рѣчку, шла толпа крестьянскихъ женщинъ, босикомъ, съ граблями на плечахъ, въ подоткнутыхъ платьишкахъ и въ однихъ повойникахъ, съ голыми, черными отъ солнечнаго загара шеями. Старшина взялся за шапку, распрощался и торопливо вышелъ на дорогу. Изъ окна я видѣлъ, какъ онъ помахалъ бабамъ рукой, приглашая остановиться, какъ вошелъ въ толпу, говорилъ что-то, и какъ потомъ одна изъ женщинъ, передавъ грабли сосѣдкѣ, вышла изъ толпы и отошла съ старшиной въ сторону... Бабы постояли еще съ минуту, столпившись кучей, но потомъ опять выстроились въ шеренгу и пошли своей дорогой къ перевозу. Старшина и несчастная проститутка остались одни на дорогѣ и разговаривали. Высокая, сгорбленная, нищенски одѣтая и уже не совсѣмъ молодая на видъ баба, потупившись, слушала то, что̀ ей говорилъ старшина. Раза два она пробовала что-то отвѣтить ему, крестясь и ударяя рукой въ грудь, но голоса не было у нея. Видно было, что она съ огромными усиліями старается сдѣлать свою рѣчь звучной, но не выходитъ ничего, кромѣ хрипоты. Но вотъ она взялась за фартукъ, заплакала, подняла фартукъ къ глазамъ и поплелась вслѣдъ за старшиной. Старшина въ новомъ черномъ картузикѣ, въ опрятненькомъ пиджачкѣ, надѣтомъ сверхъ красной русской рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета, и въ новенькихъ блестящихъ сапогахъ съ бураками, шелъ, пожимая плечами и разводя руками, впереди, а баба, поминутно утиравшая фартукомъ то носъ, то ротъ, то глаза, шла за нимъ. Они шли въ волостное правленіе, которое помѣщалось въ деревнѣ на нашей сторонѣ и куда заѣзжалъ по временамъ деревенскій врачъ.

Тяжелое впечатлѣніе этой сцены, горькая участь этой несчастной деревенской проститутки (да, читатель, у насъ *уже* есть деревенская проституція!), которой нечего ѣсть, которая по цѣлымъ зимамъ не ѣстъ ничего горячаго, которую поятъ водкой и бьютъ, и которая въ то же время охотно работаетъ обыкновенную крестьянскую работу, находя очень выгоднымъ получать тридцать копеекъ въ сутки и похлебку,—все это было новой прибавкой къ той массѣ

впечатлѣній «ненужнаго зла»—зла, которое можетъ не быть у насъ, но которое однако плодится и множится вопреки всякому смыслу человѣческому, котораго такъ много даетъ разстроенная деревня каждый день и каждый часъ. Что дѣлать съ впечатлѣніями такого рода? Обыкновенно они не то чтобы забываются, а какъ-то изнываютъ въ душѣ, прибавивъ къ постоянному ощущенію какой-то душевной тяготы, испытываемой въ деревнѣ при видѣ, повторяю, явленій «ненужнаго» зла, еще новую тяжесть. Но на этотъ разъ новое тяжелое впечатлѣніе не имѣло обычнаго результата—ему суждено было осложниться новыми, не менѣе тяжелыми подробностями. Во-первыхъ, въ этотъ же день, часа черезъ два послѣ того, какъ старшина увелъ бабу въ волость, мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ нимъ.

Я сидѣлъ у воротъ дачи, когда онъ возвращался изъ волости.

— Ну, что?—спросилъ я его какъ-то машинально.

— Посадилъ!—отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами и поздоровавшись.

— Кого посадилъ?

— Да эту самую проститутку-то... Посадилъ въ холодную.

— За что же?

— Да куда я ее дѣну? Докторъ ждалъ - ждалъ — не дождался, обѣщался пріѣхать послѣ, а пока что оставилъ записку—«надзирать»... А какъ я буду надзирать за ней? Не караульщика же въ самомъ дѣлѣ нанимать мнѣ... На какія деньги?.. Ну, и распорядился запереть въ темную... Накормить—накормятъ... А вѣдь такъ-то пустить на волю—она вонъ совсѣмъ ужъ голоса лишилась — такъ ее пустить нельзя.

— Почему же въ холодную?

— Да куда-же-съ? Вѣдь нѣту... Вѣдь у насъ ничего этого нѣту... Больница за пятьдесятъ верстъ... Вѣдь нѣту этого ничего... У насъ холодная за все — и клиника, и тюрьма, и исправляемъ, и отрезвляемъ, и внушаемъ — все въ одномъ мѣстѣ. Заперъ въ холодную—и все! Кабы какіе прочіе способы были, или что-нибудь по-христіански, а то вѣдь нѣту. Холодная — это есть, — ну и сажаемъ... Даже странники, которые, бываетъ, ко святымъ мѣстамъ идутъ, ночевать просятся—и тѣхъ, бывало, въ холодную на ночлегъ запираемъ, потому народъ набаловавши, распустивши... Иной странникъ попросится ночевать да и обмолебствуетъ что-нибудь изъ сундука...

Старшина помолчалъ, отеръ платкомъ лобъ и проговорилъ:

— Конечно, воетъ, сидитъ... Я и самъ понимаю, что за удовольствіе за желѣзной рѣшеткой сидѣть, да вѣдь, матушка моя, ничего не подѣлаешь... Вѣдь этакую болѣзнь въ народѣ разводить—тоже не хвалятъ за это... Я ужъ и такъ отвѣчаю, отвѣчаю,—ужъ и отвѣчать-то усталъ...

Прибавивъ своимъ разсказомъ къ тяжелому впечатлѣнію дня еще новую тяжелую и непривѣтливую черту, старшина ушелъ. Но этимъ дѣло не кончилось, и на другой же день послѣдовало новое дополненіе.

— Петръ Петровичъ васъ спрашиваетъ...—сказали мнѣ утромъ слѣдующаго дня.

Петръ Петровичъ былъ все тотъ же старшина.

— Гдѣ онъ?

— Онъ на лошади, въ телѣгѣ.

Я вышелъ на дорогу. Петръ Петровичъ сидѣлъ, а внизу, въ ногахъ у него, на мѣшкѣ, сидѣла дѣвочка лѣтъ четырехъ и во всю мочь заливалась горючими слезами. Вся она была въ грязи, въ одномъ ситцевомъ платьишкѣ, которое замѣняло и рубашку; ноги были босыя, грязныя, а голова простоволосая.

— Что мнѣ вотъ съ этой дѣвочкой дѣлать? Матку-то сегодня въ лазаретъ отправили, а вотъ дочка осталась.

— Это той, про которую вы вчера разсказывали?

— Вотъ этой самой дочь... Мать-то, должно-быть, не сказала доктору,—думала, отпуститъ,—онъ уѣхалъ, приказавъ отвезть ее въ лазаретъ, а про дѣвочку ничего не сказано... Отдать къ матери—ну-ка и дѣвочка захвораетъ? Такъ чтобы чего — на ней неприметно, ничего худого... Оставить здѣсь — никто не беретъ, боятся. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ, и дѣвочка больна... Куда я съ ней дѣнусь?

Дня черезъ два-три дѣвочку эту удалось пристроить у одной вдовы; но теперь, въ эту минуту, про которую я разсказываю, положеніе ея было самое трогательное.

— Взять?.. Но, можетъ-быть, она больна?.. Не взять, такъ куда же она дѣнется?

Къ телѣгѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ, два мужика и баба. Всѣ мы стояли и думали, но ничего не могли придумать.

— Ну, куда я ее дѣну?—спрашивалъ старшина.—Да не кричи ты! Чего горло-то пялишь?.. Не пропадетъ твоя мамка.

— Больная ежели, не возьмутъ! — говорила баба, и мужики подтверждали.

«Холодная» и тутъ рисовалась, какъ единственное, нейтральное спасительное мѣсто, но оставить дѣвочку въ холодной было невозможно.

— Н-нѣтъ! — подумавши и покачавъ головой, проговорилъ одинъ изъ зрителей и пошелъ прочь.

— Кабы знато, что здорова, а то нѣтъ! — сказала баба и тоже ушла.

— Если бы здорова...—сказалъ я.

— Ахъ, ты, Господи!—произнесъ старшина и послѣ нѣкотораго молчанія и раздумья сказалъ кучеру:—Н-ну, дѣлать нечего, трогай!..

— Куда ѣхать-то?

— Трогай, я тебѣ говорю!.. Поѣзжай прямо!

— Куда прямо? Ѣхать, такъ надо къ мѣсту.

— Да и безъ тебя знаю, что къ мѣсту. Не въ лѣсъ поѣдемъ... Садись на передокъ-то!..

— Мнѣ сѣсть-то недолго... А ѣхать-то куда? Мнѣ тоже лошадь-то самому нужна.

— Ну, не разговаривай, потрогивай!.. Знаемъ, куда ѣхать.

Говоря: «знаемъ, куда ѣхать», старшина однако не отдавалъ какого-либо опредѣленнаго приказанія; онъ поправлялся на сидѣньи, усаживался поудобнѣе, но, видимо, недоумѣвалъ, куда направить путь. Но вдругъ его осѣнила мысль, онъ усѣлся и крикнулъ:

— Пошелъ назадъ! Поворачивай за рѣку!.. Не знаю, куда ѣхать... Авось найдемъ... Потрогивай-ка, а не разговаривай!

— Куда-жъ вы?—спросилъ я.

— А къ старостѣ. Сдамъ ее—вотъ и все. Общество—такъ и отвѣчай за своихъ.

— А какъ и тамъ никто не возьметъ?

— А мнѣ какое дѣло! Что я—нянька, что ли? У меня двое сутокъ ушло, а мнѣ каждый день пятнадцать цѣлковыхъ убытку... Поворачивай-ка съ Господомъ...

— А какъ не возьметъ староста-то?—повторилъ я еще разъ, когда телѣга стала поворачивать отъ дома на дорогу.

— А въ холодную не хочешь? — обернувшись назадъ, отвѣтилъ старшина и раскланялся

Телѣга поѣхала назадъ за рѣку, и дѣвочка снова залилась горючими слезами.

Дня черезъ два, черезъ три, какъ я уже говорилъ, кое-какъ удалось устроить эту дѣвочку у одной престарѣлой вдовы—это я зналъ навѣрное, — но что̀ съ нею, куда она дѣвалась, и гдѣ ея мать, до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Не разъ встрѣчаясь послѣ того, какъ дѣвочка была устроена, со старшиной, я спрашивалъ его и о дѣвочкѣ и о матери, но онъ ничего не зналъ. «Слава тебѣ, Господи, хоть съ рукъ сбылъ! Вѣдь, ей-Богу, и безъ этого хлопотъ не оберешься». Но зато неожиданный случай далъ мнѣ возможность узнать всю исторію разстройства этой семьи, изъ которой вышли эта гулящая, избитая и больная мать, отправленная въ лазаретъ, эта дѣвочка, которая неизвѣстно гдѣ находится, и братъ ея матери, про котораго старшина сказалъ, что онъ пьянствуетъ въ Петербургѣ и не высылаетъ денегъ на паспортъ. Читатель помнитъ, что старшина не хотѣлъ высылать ему паспорта, и что, слѣдовательно, онъ волей-неволей долженъ былъ воротиться въ деревню.

И онъ дѣйствительно воротился.

Нѣсколько разъ говорилъ я знакомымъ мужикамъ, чтобъ они прислали кого-нибудь выкосить дворъ и садъ при дачѣ,—они за лѣто сильно заросли травой,—и всякій разъ мнѣ говорили: «хорошо, ладно, придемъ, или пришлемъ»; но такъ какъ пора работы была горячая, то отрываться отъ нея для такого ничтожнаго дѣла, какъ косьба сада, было не изъ чего. «Успѣется». Но вотъ однажды въ ворота дачи вошелъ человѣкъ, неся на плечѣ косу; повидимому, это былъ представитель той деревенской голи, которой такъ много теперь возвращается изъ столицъ въ деревни, съ пьяными синяками по всему лицу, безъ копейки и иногда буквально безъ одежи, если не считать рубахи и штановъ за единственную одежду, прикрывающую отъ непогоды. Роста онъ былъ высокаго, въ кости широкъ, но худъ и вялъ, хоть и молодъ. При первомъ же взглядѣ на его лицо, носившее слѣды пьянства и болѣзни, не трудно было видѣть, что онъ только-что продолжительно хворалъ. Голосъ, лазаретный цвѣтъ лица, голова, обстриженная подъ гребенку и мѣстами совершенно облѣзлая, и какія-то розовыя язвы, какъ бы чуть-чуть затянутыя кожей, говорили, что онъ былъ боленъ крѣпко и притомъ нехорошо... (Я предупреждалъ читателей насчетъ непривлекательныхъ подробностей и еще разъ предупреждаю). Снявъ рыжій рваный картузъ и обнаживъ больную голову, онъ сказалъ,

что прослышалъ насчетъ косьбы, и просилъ ему дать эту работу. «Что пожалуешь... — сказалъ онъ относительно цѣны.—Какая это работа!.. Нешто такія работы работывали?.. Теперь и косы-то вотъ нѣтъ...» Коса была со сломанной ручкой, и лезвее ея, почернѣвшее отъ сырой травы, было тонко и глубоко выѣдено брускомъ: видно, что коса много послужила на своемъ вѣку.

Сталъ онъ косить. Косилъ плохо, хоть и съ жаромъ принялся за работу: видно было, что онъ разучился, если и умѣлъ, и что недавняя болѣзнь ослабила его силы. Съ двухъ-трехъ взмаховъ покраснѣлъ, вспотѣлъ и ужъ вытиралъ лобъ. И все время онъ говорилъ, что «такъ ли кашивали!.. Первый косакъ былъ... А теперь и косу-то занялъ у людей, и то насилу-насилу дали—хоть помирай». Разговорились мы, и скоро оказалось, что это тотъ самый Михайла, пьяница петербургскій, про котораго говорилъ старшина и сестру котораго увезли въ лазаретъ. Эта куча больныхъ, и битыхъ, и пьяныхъ людей—безъ кола, безъ двора и безъ хлѣба—невольно заставила меня подробнѣе разспросить о причинѣ разстройства ихъ семейства, и вотъ что объ этомъ разсказалъ мнѣ Михайла.

«...Какъ вспомнишь, какъ въ прежнее-то время жили—вѣрите ли, сердце кровью обольется... Теперича, говорю, вотъ и коса чужая, и на себѣ ничего нѣту, и сестра эва въ какомъ мѣстѣ находится—срамота, не глядѣлъ бы на бѣлый свѣтъ... И не знаю, за что и взяться и съ чего начинать... Взяться-то не съ чего—синя пороха нѣтъ,—а все было, все было хорошо и исправно... И давно ли? Почитай есть ли годовъ пятокъ, много-много лѣтъ шесть, какъ людьми жили, семействомъ, а теперь вотъ... (Разсказчикъ утеръ слезу). Конечно, маменька-покойница рано померла, а все жили ладно. Отецъ-родитель — царство ему небесное!—крѣпкій былъ человѣкъ, неустанный работникъ, и въ ту пору, какъ бѣдѣ-то случиться, было у насъ земли на три души. Первый работникъ — родитель, второй — я: мнѣ ужъ тогда подъ двадцать годовъ подошло, а третья—сестра, вотъ которая теперича занапрасно пропадаетъ... Въ ту пору была она дѣвка славная, годовъ подъ семнадцать. И что дальше, то все бы лучше должно выходить: первое—сестру замужъ, хотѣли работника въ домъ взять, потому тятенька нашъ добрѣющій былъ человѣкъ, душевный, жалостливый. Любилъ онъ насъ, родитель нашъ милостивый, отъ сердца любилъ. «Не отдамъ, говоритъ,

Марѳутку въ чужіе люди, найду ей жениха, — пусть на моихъ глазахъ живутъ...» Да и мнѣ пора ужъ была въ законъ вступать... И была бы у насъ семья полная, въ полномъ видѣ. Такая семья выходила—первый сортъ! все молодые, а большакъ—добрый и ласковый... И непремѣнно бы такъ и было, и въ ту же осень все бы такъ и исполнилось, потому урожай страшенный былъ въ тотъ годъ. Страсть, что̀ былъ за урожай—старики не запомнятъ этакого года благословеннаго. Все выходило по-хорошему, попріятному—анъ и случилось невѣдомо что̀... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!.. Подумаешь, подумаешь... Я вотъ теперь плелся изъ Питера-то, Христовымъ именемъ побирался, и чего-чего ни передумалъ, чего-чего ни намучился, вспоминаючи-то... И думается такъ: коли бы ежели въ тотъ годъ не случилась весна ранняя, такъ и не было бы ничего этого, и все бы было по-хорошему, и тятенька былъ бы живъ-живехонекъ, и Марѳутка бы въ законѣ жила, да и я бы былъ вполнѣ какъ должно человѣку быть, а не ежели подобнымъ какъ есть подлецомъ... То-то вѣдь Господь-то... Премудры его велѣнія...

«И случилась въ тотъ годъ — говорю я вамъ — ранняя весна. Никогда старики такой ранней весны не видывали. Зиму, почитай, что и снѣгу не было—все тепло и туманъ... А ежели и снѣжокъ выпадалъ, такъ сейчасъ и дождь. И стала весна вполнѣ въ такую пору, когда въ прочія времена еще сугробы снѣга лежатъ и мятели крутятъ по дорогамъ... Старики долго остерегались ея, этой весны-то,— думали, не ударятъ ли морозы,—анъ нѣтъ, тепло и травка... Погодили-погодили и принялись за работу... И отработали мы весеннія дѣла, почитай, что недѣли за двѣ раньше, чѣмъ въ прочіе-то годы... Отработали мы такъ-то, глядь— и весь порядокъ у насъ сдвинулся набокъ, и вышло у насъ такъ, что передъ Петровымъ днемъ вылупились двѣ лишнихъ недѣли... Что̀ по весеннимъ работамъ слѣдовало, то ужъ пошабашили, а что̀ надо было насчетъ лѣтнихъ— то рано. И межупарье прошло, а все двѣ недѣли пустого мѣста остается... все передѣлали—какія мелочи, починки, а все много время... Чисто вотъ какъ трещина какая вышла!.. Хоть что̀ хошь, а нѣту никакой работы... И направо работа была, и налѣво взять—работы будетъ, а посередкѣ—ровно дыра какая... Ужъ мы въ это время и пѣсни играли, и такъ лежишь—спишь, сколько влѣзетъ, и опять за пѣсни—все некуды дѣвать. До того дошло дѣло,

что ужъ старые старики, почтенные, и тѣ не знаютъ, какъ распорядиться, даже въ ладыжки — побожиться, не вру— игрывали... Вѣдь даже смѣху достойно было смотрѣть, какъ прародители-то эти соберутся... «Ну-ка, говорятъ, кости-то поразмять...» И въ рюхи игрывали. Иной старикъ на одной ногѣ съ дубиной скачетъ, точно ребенокъ малый,—вспомнить, такъ посейчасъ смѣхъ разбираетъ...

«Вотъ разъ такъ-то вечеромъ и разыгрались—и старики и молодые, и дѣвки и бабы, и малые ребяты... Веселое время было, у всѣхъ на сердцѣ было весело, потому урожай Господь давалъ небывалый... А ужъ какъ хлѣба много будетъ, такъ мужикъ прямо отъ веселья пьянъ... Разыгрались до того, что даже староста обмотался весь холстами да взмостился на ходули и сталъ народъ пугать... А мы, молодые, кто какъ — кто колесомъ, кто какъ обдумалъ... Вотъ и я тутъ же. А я въ ту пору, хоть было мнѣ подъ двадцать годовъ, какъ вспомню, такъ былъ подобенъ малому ребенку. Ничего я тогда этого не зналъ — ни водки ни трактировъ... Игралъ такъ, какъ ребята играютъ... Всѣмъ весело, а мнѣ пуще всѣхъ!.. И была у меня въ рукахъ дубина... Перво-наперво «въ рюхи» игралъ, дубиной бросалъ, а потомъ и такъ сталъ махать зря, старосту съ ходуль этой дубиной снесъ, только всѣхъ насмѣшилъ... А надо вамъ сказать вотъ что: пришлось мнѣ везти на станцію какого-то приказчика, и далъ мнѣ тотъ приказчикъ двадцать копеекъ на чай: «поди, говоритъ, выпей чаю». Вотъ я и былъ однова въ трактирѣ. Пилъ я чай и все глядѣлъ, какъ на биліартѣ играютъ... Я ужъ послѣ узналъ, что это биліартъ называется, а тогда я только смотрѣлъ, что за игра такая, и слушалъ, что говорятъ. Вотъ и запомнилъ я три слова: «Дуплетомъ—въ уголъ—мимо!» Вотъ какъ разыгрались мы по деревнѣ, я и упомнилъ эти слова-то; и въ рюхи игралъ, а все повторялъ ихъ; и какъ съ палкой гулять сталъ, тоже все они на языкъ лѣзутъ. Тятенька-покойникъ—веселый, помню, сидѣлъ на завалинкѣ—говоритъ: «что бормочешь?» А я не знаю, что эти слова и значатъ... Размахнулся дубиной, пустилъ ее въ рюху или въ собаку, а языкъ самъ прибавилъ: «Дуплетомъ—въ уголъ—мимо!» Играли-играли такъ-то, ужъ и темнѣть начинало—ужъ не одинъ староста, а человѣкъ пять на ходуляхъ по селу пошли дѣвокъ и бабъ пугать—стали медвѣдями наряжаться, а я все во всѣхъ мѣстахъ съ своей дубиной, и все: «Дуплетомъ—въ уголъ — мимо»... Вдругъ

какъ шарахнетъ на меня изъ-за плетня мужикъ, прямо подъ ноги, на четверенькахъ, овчиной вверхъ одѣлся, заревѣлъ, я и не поостерегся да дубиной-то, значитъ, «дуплетомъ — въ уголъ — мимо», какъ рѣзну съ разбѣгу-то, глядь—медвѣдь-то и растянулся... Застоналъ, распластался весь... Такъ я и ахнулъ... Вѣдь отца родного... Батюшки мои, батюшки мои миленькіе!.. (Разсказчикъ плакалъ въ три ручья и косилъ). Онъ, родимый мой, сидѣлъ - сидѣлъ на завалинкѣ-то, любовался баловствомъ нашимъ, потомъ (сестра сказывала) «погоди, говоритъ, я ихъ пугану...» Пошелъ, надѣлъ овчину, да на четверенькахъ и сунулся въ народъ, замычалъ по-медвѣжьи... Тутъ-то я его и...

«Ужъ тутъ-то я рыдалъ, тутъ-то я тятеньку моего роднаго, батюшку, цѣловалъ-обнималъ, тутъ-то я убивался! Кажется, все нутро у меня какъ печь раскаленная отъ горя, отъ тоски... А ужъ, конечно, ничего не подѣлаешь... Аминь!.. Какъ что было—ничего не помню: какъ хоронили, какъ меня мыкали-судили, какъ въ темной сидѣлъ, какъ въ судѣ былъ, что говорилъ—все равно какъ во снѣ это для меня было... Окончилось дѣло—на годъ на покаяніе въ монастырь. Покуда судъ да всякая волочба шли, такъ еще все я опамятоваться не могъ, все какъ сонный... А какъ опредѣлили меня въ монастырь,—въ лѣсу онъ стоялъ, тихо тамъ, народу нѣту, праздники осенніе,—какъ остался я тутъ, и сталъ думать, сталъ соображаться, какъ быть, что дѣлать... Сталъ думать-то, а дѣлать ужъ нечего—ужъ все пошло прахомъ, все повалилось... Замѣсто того, чтобъ объ осени двѣ свадьбы играть да на двѣ души силы прибавить,—ежели бы то-есть сестринъ мужъ и моя жена прибавились,—пришлось дому остаться совсѣмъ безъ народу: меня нѣту, родителя нѣту, осталась одна сестра... Пришло бѣднягѣ такъ, что продала на корню весь хлѣбъ, подати еле-еле отдала, двѣ души въ общество сдала и ужъ коекакъ выплакала земельки на одну-то душу—думаетъ, ворочусь я, все какъ-нибудь... Какая была скотина лишняя—продала, наняла работника, посѣялась и перебивается зиму-то съ хлѣба на квасъ... А зима опять безъ снѣгу стояла и опять весна ранняя, да тутъ ужъ не такъ, какъ въ прошлый годъ. Вся деревня съ весны тосковать стала, потому въ позапрошлую зиму хоть и не было снѣгу, да мѣста у насъ и такъ мокры, тепло-то и взялось за эту сырь, да за лѣто-то всю ее и вытянуло изъ земли-то. Урожай былъ точно на диво... Ну, а ужъ на другой-то годъ,

безъ снѣгу-то, ужъ трудно землѣ-то стало. А весна-то пришла жаркая, сухая,—стало палить-нажаривать съ самыхъ первыхъ денъ: выдернуло колосъ сразу, а потомъ и стало его жечь. Земля стала бѣлая, и что̀ дальше, то крѣпче... Молились, молебны служили, а не далъ Богъ дождя... сдѣлалась земля какъ камень крѣпкая. Тутъ ужъ не до гулянки. Не то чтобы пѣсни пѣть, а, разсказываютъ, принялись бабы выть да обмирать, да за обѣдней выкликать зачали... Пошли слухи про свѣтопреставленіе, про антихристово пришествіе... Затосковалъ народъ... А солнце палитъ, какъ печка раскаленная. Прижгло все начисто. Еле-еле на двѣ недѣли травы собрали, сѣмянъ только-только на посѣвъ, да и то у исправныхъ, богатыхъ, а ужъ нашъ домъ совсѣмъ развалился. Осталась сестра безъ всего... Какія были деньжонки или скотина—все разошлось въ годъ-то по мелочи... Одному мнѣ сколько, сердечная, передавала! Все надо! и по судамъ и въ монастырѣ—письмо написать, сторожу дать, караульнаго поблагодарить, когда булочку купить, изъ одежи тоже нуждался... Все по мелочи, по мелочи, а все не въ домъ, все изъ дому... А въ монастырѣ братія тоже неласкова, коли не угостишь... Тутъ я съ тоски по разоренью и самъ сталъ рюмочки придерживаться, а до этого капли не бралъ... Исхудалъ я тутъ, истосковался, измучился — не знаю, что̀ и будетъ... Отбылъ свой терминъ, пошелъ въ деревню... Ничего нѣтъ! И послѣдней души удержать не могу — сдалъ. Тутъ вступилъ Ермолаевскій полкъ (должно-быть, Ингерманландскій), въ десяти верстахъ сталъ. Стала сестра ходить туда стирку брать... А я и не знаю, за что взяться. Стали у насъ на деревнѣ ребята собираться въ Питеръ на поденщину—ну, подумалъ-подумалъ и ушелъ съ ними... Авось, думаю, счастье Богъ дастъ... И что̀ же вѣдь? Послалъ Господь, да дуракъ я былъ—не умѣлъ я понимать... Вотъ наше горе мужицкое — обломы, неотесы!.. А вѣдь какая штука-то навернулась, сказать ли тебѣ?..»

Разсказчикъ помолчалъ, заинтересовывая меня и этимъ молчаніемъ и загадочно-развеселившимся лицомъ.

«Въ любовники прямо, съ одного маху влетѣлъ, почитай, что только носъ показалъ въ Питеръ-то!.. Да вѣдь, братъ ты мой, порція-то какая попалась! Своихъ, чистыхъ денегъ скоплено было у ей, у этой самой Аграфены, подъ пятьсотъ рублей да два сундука всякаго добра нажито, пудовъ до двѣнадцати въ сундукѣ! Вѣдь вотъ какая штучка

подвернулась! Мнѣ бы,—ежели бы, то-есть, имѣлъ я человѣческій умъ, — мнѣ бы самому надобно бы ее на бракъ склонить. Я бы самъ долженъ былъ вовлекать ее въ эфто дѣло да на пять-то сотъ въ своей же деревнѣ кабакъ либо лавочку открыть, и были бы всѣ сыты, и все бы было честно, благородно. То-то ума-то нѣтъ!.. Намѣсто того за всю ейную любовь только и было моихъ мыслей, какъ бы ей хуже сдѣлать, чтобы ей было какъ посквернѣй. Вотъ какая дубина!.. Потому что не понималъ я этихъ любовныхъ поступковъ: представилось мнѣ все это какъ подлость одна... Неотесъ!..

«Перво-наперво, недѣли съ двѣ, какъ въ Питеръ-то пришли мы, шлялся я безъ всякаго пропитанія... Еле-еле три копейки на ночлегъ выпросишь Христа ради... Думалъ, подохну гдѣ-нибудь, какъ собака... А тутъ иду однова по Пескамъ, по Восьмой улицѣ,—сидитъ у воротъ старичокъ-дворникъ... Иду и самъ не знаю—куда. Увидалъ старичка, говорю: «Нѣтъ ли какой работы?» Сначала-то говорилъ—нѣту, а потомъ поразговорился, поразспросилъ — «постой, говоритъ, я къ барынѣ пойду»... Пошелъ и вскорости воротился.—«Хочешь, говоритъ, три рубля—оставайся!» Я и остался въ подручные ему. Домикъ былъ не великъ, деревянный, шесть квартиръ, во флигелѣ еще три махонькія... Вотъ я и сталъ ворочать и воду, и дрова, и соръ... Радъ, что хошь щи-то ѣшь каждый Божій день. Вотъ въ эфто время и увидалъ я Аграфену. Принесъ я въ первый разъ дрова въ хозяйскую куфню, вижу—женщина, одѣта по-хорошему, ростомъ коротковата, волосомъ черная, а годовъ ей на видъ ужъ за тридцать, однако непохожа на старуху. Увидала она меня и остановилась, и смотритъ — я дрова складываю, а она смотритъ... потомъ вздохнула и пошла, а потомъ опять пришла. Она мнѣ потомъ сама сказывала: «Ты, говоритъ, сразу мнѣ полюбился. Я, говоритъ, какъ увидала тебя, такъ въ ту же пору о тебѣ затосковала...» А меня — я по совѣсти говорю—ежели бы съ недѣлю покормить въ ту пору хорошо, такъ я бы послѣ голодовки-то ловко выправился... Вотъ Аграфена-то и поняла это. Пришелъ я на другое утро съ дровами—опять она на куфнѣ. «Ты, говоритъ, усталъ: вотъ тебѣ кофейникъ, пей кофій съ чернымъ хлѣбомъ». Выпилъ я тутъ стакановъ съ десятокъ, — до того, что ужъ одинъ кипятокъ въ стаканъ наливаю, а Аграфена только ухмыляется, головой качаетъ. Съ тѣхъ поръ стала она меня въ свою комнату звать ко-

фій пить. Приду, сложу дрова или воду вылью въ кадку— «иди кофій пить». Заведетъ меня подъ лѣстницу, принесетъ булокъ, калачей — ѣшь! Я пью, ѣмъ, а она на свою горькую участь жалуется. «Всю жизнь, говоритъ, свѣту не видала. Сирота круглая. Съ малыхъ денъ жила въ казенномъ пріютѣ, кормили плохо, строгости большія, все божественному учили, чтобы потомъ въ прислуги въ хорошія отдавать... Взяли, говоритъ, потомъ въ прислуги, прожила я въ хорошемъ домѣ двадцать лѣтъ—ни дня ни ночи не видала покою. Барыня была старуха божественная, поѣдомъ ѣла. Сколько, говоритъ, жениховъ сваталось—всѣхъ прогнала барыня-то. Жениха прогонитъ, а мнѣ пригрозитъ: въ аттестатѣ напишу!.. А не то, говоритъ, иди: ни жалованья ни одежи не дамъ. Такъ и жила какъ въ тюрьмѣ». Померла эта божественная-то барыня, поступила Аграфена къ другой,—къ той самой, у которой домъ и гдѣ я мѣсто получилъ. Жила она здѣсь свободно, барыня была вдова, все плакала по мужчинамъ — все они ее обманывали... И Аграфена также все о мужчинахъ тосковала, что дожила она до такихъ лѣтъ, а никакого удовольствія не видала. Вотъ онѣ обѣ и сошлись—и барыня и ключница. И у куфарки былъ любовникъ—музыкантъ полковой. Такъ у нихъ у всѣхъ и было согласно все по любовной части. Однѣ женщины да любовники, — только Аграфена все разыскивала себѣ по сердцу. А тутъ и нанеси меня нелегкая... Вотъ и стала она меня кофіемъ поить да про горькую участь свою разсказывать... Я пью, ѣмъ, а она говоритъ-говоритъ, какимъ хорошимъ женихамъ отказала, какъ свѣту не видала, да и заплачетъ. Я поѣмъ, попью и—уйду. А сталъ я шибко разъѣдаться съ этихъ кофіевъ. Стала Аграфена меня даже котлетами кормить съ барынинаго стола и, между прочимъ, плачетъ и говоритъ: «И кто бы меня успокоилъ!..» Я поѣмъ и—пойду. Проходитъ время, стала Аграфена такъ говорить: «Миша, неужто ты меня не успокоишь? Развѣ ты не понимаешь, что я тебя кофіемъ пою и прочія предлагаю закуски не зря? Вѣдь зря-то, говоритъ, я и собакамъ могу выкинуть». А я, ей-Богу, передъ Богомъ сказать, въ толкъ не возьму, чѣмъ я ее успокою?.. Три рубля жалованья всего-то въ мѣсяцъ—изъ чего тутъ угощать?—«Нечѣмъ, говорю, мнѣ тебя успокоить». Что день, то она все явственнѣе стала доказывать, а я все отвѣта ей не даю, потому порядковъ не знаю... День за день, день за день, — наконецъ, того, однажды плакала-плакала она,

покуда я пилъ-ѣлъ, потомъ видитъ, что отъ меня нѣту ей никакого смысла, отерла глаза платкомъ и говоритъ проворно таково: «Ну, говоритъ, коли ты до сихъ поръ ни въ чемъ не имѣешь понятія и словъ моихъ не слушаешь, такъ должна же я какъ-нибудь сама присодѣйствовать. Ступай, одѣвайся и жди меня за воротами». Допилъ я кофій, пошелъ, одѣлся и вышелъ за ворота. Спустя время выходитъ и Аграфена. «Иди, говоритъ, за мной». Ну, я и пошелъ. Она все попереду идетъ... Шли-шли и пришли въ Большую Мѣщанскую... Есть тамъ гостиница «Ломбардія», потому она какъ разъ напротивъ ломбарту помѣщается. Аграфена все впередъ, а я все за ней... Такъ нешто я понималъ что? Вѣдь никто ей не велѣлъ—сама догадалась...

«Н-ну, послѣ этого случаю и стала она меня подвергать къ себѣ—что ни день, то крѣпче—что ни день, то все строже... Первымъ дѣломъ подвела подъ барыню мину — стараго дворника-старичка вонъ согнала съ мѣста. Двадцать лѣтъ онъ жилъ, и вдругъ его выкинули. Даже заплакалъ пошелъ... Куфарка было-вступилась за старичка, да Аграфена подвела тарпеду—и ее вонъ, и съ любовникомъ, всѣхъ прочь... Меня въ дворницкую. Подручнаго мальчишку изъ дворницкой—вонъ: спи, гдѣ хочешь, хоть помирай... Дворницкую вымыла, прибрала, выклеила; мнѣ—поддевку, сапоги, жилетку, часы—все за первый сортъ... Ну, а чтобы куда-нибудь отлучиться или что-нибудь—ужъ извини! Такъ и смотритъ изъ куфни на дворъ, точно ястребъ... Чуть мало-мало замѣшкалъ съ дровами гдѣ-нибудь въ квартирѣ—зоветъ на весь дворъ: «Михайла, Михайла! Гдѣ мой Михайла?» Цѣльный день по всему дому только и слышно: «мой Михайла, мой Михайла, мой Михайла, и мой, и мой, и мой, и мой...» Чистая срамота! А у ней даже ни капли совѣсти нѣту... Куфарокъ всѣхъ коститъ нехорошими словами во всю пасть! По всѣмъ кабакамъ по Восьмой улицѣ обѣгала, чтобы мнѣ водки не давать: «Если будете моему Михайлѣ водки давать—я васъ всѣхъ въ каторжныя работы отдамъ, денегъ не пожалѣю». Иной гдѣ-нибудь съ какимъ человѣкомъ или съ квартирантомъ поговоришь, хвать—ужъ она всѣ портерныя облетѣла, во всѣхъ лавкахъ побывала: «не видали ли моего Михайлу?» И все ко мнѣ въ дворницкую... какъ урвется минутка—тутъ! А нѣтъ меня, опять: «Михайла, Михайла!» или: «Иди, иди, иди!.. Домой, домой, домой...» То-есть загоняетъ меня, какъ скотину хворостиной—и съ того боку

и съ другого, а ужъ вгонитъ въ дворницкую, или къ себѣ на куфню... Народъ-то сталъ смѣяться. Куфарки стали подражать—тоже принялись изъ кухонь въ фортки кричать: «Михайла, Михайла! иди ко мнѣ ночевать!» А это ее пуще мутитъ... Однова лавочникъ въ шутку ей сказалъ: «твой Михайла вонъ къ той куфаркѣ пошелъ»—такъ, въ шутку—такъ она, ни слова не молвя, прямо ему въ виски впилась, еле отняли. Потомъ отдала у мирового пятнадцать цѣлковыхъ штрафу. «Только посмѣй кто — все рыло оборву!..» Вѣдь вотъ что за характерная женщина!..

«И стала она, братецъ ты мой, противна мнѣ. Кажется, дѣйствительно, что надо бы мнѣ ей уваженіе дѣлать за всѣ ея угожденія: подручнаго на свой счетъ наняла, а меня ужъ прямо въ куфню перевела, чтобъ я ничего не дѣлалъ — а нѣтъ, мутитъ меня и вся тутъ... И народъ смѣется, говорятъ: «нанялся въ любовники!..» И воли-то нѣту, да и грѣхъ... Она-было сама мнѣ насчетъ браку — «примемъ законъ!»—«Нѣтъ, думаю, сравнить ли экую шкуру съ нашей деревенской!» А пуще всего стала она меня сердить сестрой... Я-было ей сказалъ: «надо сестрѣ денегъ послать—чай, она тамъ пропадаетъ съ голоду». Ни копейки не дала: «Я, говоритъ, всю жизнь мучилась да деньги свои буду давать. Мнѣ самой хочется имѣть отдыхъ». Такъ и не дала... Разъ я погрозилъ: «уйду, найду себѣ другое мѣсто»—такъ какъ чортъ осатанѣла: «всю одежду отберу, жалованья не отдамъ, барыню упрошу, и въ пачпортѣ напишутъ такъ, что никто не возьметъ». Конечно, со зла болтала, а случись, и ей-Богу бы сдѣлала. А безъ одежи куда я пойду?.. Скрѣплюсь, молчу, а дюже-дюже она мнѣ противна... А тутъ случилось — пришло письмо изъ деревни: пишутъ—сестра родила, гулять пошла... Вспомнилъ я нашу деревню, сестру, все наше горе и разоренье—и такъ меня засосало съ этого дня, и такъ мнѣ показалась горька моя кабала... Сталъ я пить, а Аграфену колотить... Раздумаешься, загоскуешь — и прямо въ кабакъ... Какъ Аграфена показалась,—а ужъ она сейчасъ мчится,—такъ кулаки сами и зачнутъ сучить... И больно ей доставалось... Долго я крѣпился, покорялся ей, а какъ сорвался да какъ пошелъ на отчаянность, такъ что дальше, то чаще. Придешь пьяный, разорешься, раздерешься, нашкандалишь—барыня сама выйдетъ: «Сейчасъ убирайся со двора долой!»—и сейчасъ Аграфена меня выручитъ. Спрячетъ, уложитъ, упроситъ, а сама передъ барыней—и на пяточкахъ, и на но-

сочкахъ, и лапочками, и бочками, и словами, и глазами, и такъ и этакъ, и вползетъ и выползетъ—хвать, и вышутала. Придетъ, говоритъ: «оставайся»—и все цѣлуетъ да плачетъ... Послѣ этого я недѣли съ двѣ погожу, покрѣплюсь—потому куда я въ самомъ дѣлѣ дѣнусь? Послѣ сестринаго горя и въ деревню-то страмъ показаться... А потомъ опять сдѣлаю скандалъ, барыня опять: «чтобъ сейчасъ твоего духу не было», — а Аграфена опять заюлитъ, зазмѣитъ, замутитъ передъ барыней, забормочетъ, замерячитъ, вплететъ и выплететъ — глядишь, и выюлила и вызмѣила... Опять бѣжитъ: «оставайся!»...

«Долго все разсказывать... Только сколь она меня ни выправляла, а все я хуже сталъ забаловывать. Стала она мнѣ все противнѣй... Какъ вспомню деревню, бабъ нашихъ умницъ, работницъ, сестру мою горькую—убилъ бы Аграфену съ маху... Сталъ я отъ ней бѣгать по два, по три дня. Сталъ вещи пропивать да принялся шляться по нехорошимъ мѣстамъ... Долго ли, коротко ли, а дошлялся я до того, что надо ложиться въ больницу... И что-жъ вы думаете? Какъ дошлялся я до этого, вдругъ мнѣ стало Аграфену жаль... Такъ мнѣ стало ее жаль—страсть! Вспомнилъ я, сколько она, бѣдная, меня любила, какъ за мной ходила, всѣ деньги свои кровныя на меня провела—и вдругъ я ей скажу... Вѣдь она помереть должна отъ огорченія... Мнѣ бы сейчасъ сказать, а я пожалѣлъ и не сказалъ... Вижу я, что и она пропадаетъ, молчу и жалѣю. А она видитъ, что я жалѣю — рада, горькая, радешенька, не знала, какъ и угодить... Наконецъ, того, стали ей говорить: «Михайла твой такъ и такъ»... Куды тебѣ! Такъ и лѣзетъ къ мордѣ тому, кто скажетъ. Ни капли вѣры не даетъ. «Чтобы мой Михайла?.. Онъ меня любитъ (а я только и полюбилъ ее, какъ сталъ виноватъ), да чтобы онъ... Всѣ глаза выцарапаю, кто скажетъ-то»... А я гляжу, затаилъ свою подлость да еще больше ее жалѣю... А она все пуще влюбляется, даже не спрашиваетъ—«не можетъ быть этого». А ужъ гдѣ не можетъ быть...

«Барыня сама все раскрыла, запримѣтила и тую же минуту обоихъ насъ вонъ... Аграфену и меня полиція въ больницу отвезла. Какъ узнала Аграфена правду, только поглядѣла на меня, ничего не сказала, и сдѣлалась съ ней точно какъ падучая... Вспоминать-то страшно объ этомъ, передъ Богомъ скажу!.. Какъ отвезли ее въ лазаретъ, такъ я съ тѣхъ поръ и не видалъ ее. А и самъ дюже я по ней

тосковалъ, да и сейчасъ сосетъ тоска... Долго я въ лазаретѣ маялся... Вышелъ вотъ мѣсяца четыре назадъ, всю одежду въ больницѣ проѣлъ, лицо у меня, видите, какое, не всякій пуститъ — сейчасъ видно, что нехорошо хворалъ... Идти мнѣ некуда. Думаю: «не разыскать ли Аграфену?» Справлялся и въ адресномъ и въ участкѣ — нигдѣ нѣтъ. Пошелъ въ больницу, далъ писарю послѣдній рубль (сапоги продалъ), чтобы разыскать... Разыскалъ: «Сейчасъ, говоритъ, она на Преображенскій вокзалъ свезена... Померла вчерась»... Пошелъ я на Преображенскій вокзалъ, въ Гончарной улицѣ — по желѣзной дорогѣ покойниковъ отправляютъ: спрашиваю—не знаютъ. Нужно, говорятъ, нумеръ знать. Гробовъ-то много, нумера обозначены, а который гробъ Аграфенинъ—неизвѣстно... Паренекъ тутъ сидѣлъ на станціи, плакалъ: отправилъ онъ мать-покойницу, значитъ, багажомъ сдалъ на Преображенскую машину, а квитанцію-то отъ матери потерялъ... Теперь и боится, какъ бы ему на кладбищѣ-то какого-нибудь другого покойника-то не выдали, а пуще всего какъ бы въ матернину могилу другого покойника-то не положили. У одной генеральши—тоже вотъ такъ-то квитанцію отъ мужа потеряла—такъ вмѣсто мужа-то бухарца зарыли. Вотъ и я такъ-то безъ квитанціи-то... Гробовъ-то много, а которая тутъ Аграфена — не знаю... Постоялъ я, поглядѣлъ, поплакалъ, и пошелъ пѣшкомъ въ деревню. Видите, каковъ вернулся?»

Онъ снялъ картузъ и провелъ ладонью по облѣзлой головѣ. На глазахъ у него были слезы.

— А сестра-то! — сказалъ онъ и заплакалъ, залился и, утирая лицо концомъ рваной рубахи, шепчетъ:—теперь бы ужъ не то кабакъ, ужъ и трактиръ бы...

«Ну, — скажетъ читатель: — вѣдь нельзя же предвидѣть такихъ случайностей, какъ «убійство играючи»... Такихъ мелочей, конечно, нельзя предвидѣть, но «сиротство», какъ результатъ этихъ безчисленныхъ «мелочей», благодаря случайностямъ, обставляющимъ крестьянскій трудъ,—надо видѣть и надо стараться, чтобъ оно не было отдано на волю случая и полной безпомощности. На то на свѣтѣ и живутъ умные и ученые люди, чтобы неученый человѣкъ не пропадалъ понапрасну.

ПРИШЛО НА ПАМЯТЬ.

Разсказъ.

I. Встрѣча на Невскомъ.

Все, что̀ написано ниже, пришло мнѣ на память случайно, неожиданно, и пусть не удивится читатель отрывочности этихъ случайныхъ воспоминаній. Произошло это отъ того, что воспоминанія нахлынули на меня въ самое неподходящее для нихъ время. Шелъ я какъ-то по Невскому въ морозный зимній полдень, занятый *своими* мыслями, озабоченный своими заботами, шелъ, не видя ни толкотни ни давки, не слыша ни единаго звука, кромѣ тѣхъ, какіе слышались мнѣ въ моихъ молчаливыхъ размышленіяхъ; и вдругъ на углу какой-то изъ улицъ, впадающихъ въ Невскій,—сплошная масса народу всякаго званія и состоянія: и барышни съ портфелями нотъ, и рыбники съ посудинами на головахъ, и чиновники, и офицеры, а среди улицы—масса остановившихся экипажей, каретъ, извозчиковъ, ломовиковъ, и все это сгрудилось въ кучу по случаю похоронъ какого-то военнаго.

Остановившись вмѣстѣ съ другими и оглядѣвшись, я совершенно случайно увидѣлъ въ толпѣ какъ будто знакомую мнѣ фигуру крестьянина, да и крестьянинъ какъ будто узналъ меня. «Кто это такой?» — думалъ я въ то время, когда военный оркестръ затянулъ унылое и длинное «Коль славенъ». Приблизившись къ крестьянину, я спросилъ его, гдѣ я его видѣлъ, и съ двухъ словъ мы совершенно узнали другъ друга. Мы—точно видѣлись и знали другъ друга, но давно, года съ два назадъ, въ деревнѣ, гдѣ я провелъ цѣлое лѣто, первое самое пріятное деревенское лѣто... Въ то

время Иванъ (такъ звали моего знакомца) былъ простымъ работникомъ, и я видалъ его не иначе, какъ въ одной рубашкѣ; теперь на немъ былъ ватный картузъ, тугой платокъ на шеѣ, ватная чуйка, а лицо уже не носило той загадочной драматической черты, которую я помнилъ въ немъ, а было какое-то глупо-важное, опухлое нездоровой полнотой, да и голосъ у него былъ сиповатъ.

Несмотря на то, что намъ было пріятно встрѣтиться, оживленнаго разговора между нами какъ-то не вышло. Слушая унылые звуки «Коль славенъ», глядя на публику, на солдатъ, на офицеровъ, державшихъ въ рукахъ подушки съ орденами и переминавшихся отъ холода съ ноги на ногу,—мы перекидывались самыми ординарными вопросами и отвѣтами.

— Ты что-жъ, давно въ Петербургѣ?..

— Да ужъ, почитай, съ годъ.

— Что-жъ... на мѣстѣ?

— Какъ же, слава Богу!

И молчимъ.

— Хорошее мѣсто?

— Мѣсто?—дай Богъ всякому, вотъ какое мѣсто!

— Гдѣ же?

— На пивоваренномъ заводѣ.

И опять помолчимъ.

— Довольно я,—говоритъ Иванъ:—на мужиковъ поработалъ, будетъ!.. Пущай кто другой опробуетъ. Я довольно это знаю, какъ въ работникахъ жить у мужика.

— Что-жъ, развѣ здѣсь лучше?

— Здѣсь-то? здѣсь вотъ какъ, я вамъ скажу: харчи ежели взять...

Неожиданно унылые звуки прекратились, раздалась глухая барабанная дробь, по поводу которой одинъ изъ рыбниковъ, находившійся въ публикѣ, замѣтилъ:

— Н-но! Горохъ просыпалъ!

А другой совершенно серьезно прибавилъ:

— Должно, мѣшокъ прорвался.

И этими двумя фразами унылое настроеніе публики почти мгновенно перешло въ улыбающееся, а еще черезъ мгновеніе и совсѣмъ сдѣлалось веселымъ, потому что вслѣдъ за барабаннымъ боемъ офицеръ, сидѣвшій на конѣ, возгласивъ на всю улицу: «на плэ-э-э...ччо!», повелъ взводъ солдатъ въ противоположную отъ процессіи сторону, при чемъ музыканты, уткнувшись губами въ свои трубы, грянули на весь Невскій развеселый нѣмецкій вальсъ.

И не успѣла печальная процессія пройти по Невскому и ста шаговъ, какъ вся недавно унылая отъ унылыхъ звуковъ толпа заплясала, зашагала въ тактъ развеселымъ звукамъ вальса, подпрыгивая и смѣясь тому, что вотъ никакъ нельзя удержаться, чтобы не плясать, и плясать притомъ совсѣмъ не во-время, совсѣмъ не у мѣста. А вальсъ все болѣе и болѣе раззадоривалъ публику.

На перекресткѣ въ одно мгновеніе образовался неистовый водоворотъ людей, экипажей и лошадей, все хлынуло сразу— и впередъ, и взадъ, и поперекъ. Пробиваясь сквозь толпу, я было-совсѣмъ потерялъ Ивана, но, оглянувшись, увидѣлъ, что Иванъ догоняетъ меня, желая что-то сообщить и указывая на что-то руками и головой.

— Гляньте, гляньте,—заговорилъ Иванъ:—вѣдь передъ Богомъ, это Варвара скачетъ!

— Какая Варвара?

— Вонъ, вонъ, глядите! — торопливо заговорилъ Иванъ, повертывая меня за руку къ Невскому.

Посреди улицы, въ кучѣ хлынувшихъ другъ на друга экипажей, неслось множество саней съ «погибшими созданіями». Извозчики, невольно покоряясь звукамъ вальса, улыбались и весело стегали лошаденокъ, несшихся вскачь; весело улыбались и погибшія созданія... А блестящіе, вдругъ хлынувшіе на Невскій и весь Петербургъ лучи солнца, точно на посмѣяніе, какъ нельзя ярче высвѣтили передъ всѣмъ народомъ эти опухлыя, больныя, однообразно неживыя лица. Веселые извозчики очень скоро умчали ихъ изъ нашихъ глазъ.

— Ахъ, какое сходствіе! Передъ Богомъ, она... Какъ есть она самая—Варвара!

— Какая Варвара?—опять спросилъ я его.

— А работница-то. Помните, еще она меня ведромъ-то по этому мѣсту?

Иванъ показалъ на свою щеку и, видя, что я вспоминаю, прибавилъ:

— Ведро-то, песъ ее возьми, согнулось, даромъ что желѣзное... Вѣдь вотъ какой идолъ была...

— Нѣтъ,—сказалъ я, вспомнивъ исторію съ ведромъ:— не можетъ быть!

— Охъ, что-то будто... Какъ есть Варвара!

— Нѣтъ, не можетъ быть... Ты обознался...

— Ужъ сходствуетъ-то оченно! А можетъ, что и опознался... Вѣдь это нешто долго!

На этомъ мы разстались, и разстались навсегда. Но эта случайная встрѣча, несмотря на то, что я занятъ былъ *своими* дѣлами и заботами, вызвала во мнѣ множество деревенскихъ воспоминаній. Они возникали во мнѣ какъ бы наперекоръ этимъ моимъ заботамъ и размышленіямъ. Не думайте, пожалуйста, что все сказанное есть просто предлогъ для того, чтобы разсказать исторію погибшаго созданія. Нѣтъ! Повторяю еще разъ: воспоминанія были случайны, отрывочны и безпорядочны.

Такимъ образомъ, разставшись съ Иваномъ и продолжая путь по Невскому, я самъ не могъ объяснить себѣ, почему вдругъ мнѣ вспомнилось... сѣно... Слушая звуки удалявшагося оркестра и озабоченный *своимъ* дѣломъ, я въ то же время почему-то никакъ не могъ отогнать воспоминанія о привѣтливыхъ зеленыхъ лѣсныхъ лужайкахъ, о стогахъ, копнахъ и зародахъ свѣжаго душистаго сѣна. Даже запахъ, этотъ прелестный запахъ травы, цвѣтовъ, древесныхъ побѣговъ, попавшихъ въ копну и стогъ,—даже онъ какъ будто припомнился мнѣ, я какъ бы ощущалъ его... А какъ только пришло мнѣ на память сѣно, такъ сейчасъ же вспомнилъ я и Демьяна—мужика, у котораго жилъ то «первое» лѣто.

Демьянъ былъ предмѣстникомъ Ивана Ермолаевича *) въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ мнѣ пришлось жить въ послѣдніе годы. Теперь Демьянъ разжился, бросилъ аренду и содержитъ въ Петербургѣ извозчичій дворъ. Тогда, давно, онъ только наживалъ, и наживалъ со стараніемъ, прилежаніемъ и большимъ умѣніемъ. И тогда онъ уже былъ по виду пожилымъ человѣкомъ, хотя въ дѣйствительности и не былъ старъ: старикомъ его дѣлала лысина со лба до затылка. Кстати сказать, лысина эта почему-то какъ бы безпокоила Демьяна Ильича, потому что не разъ я слышалъ, какъ онъ, улыбаясь и какъ бы шутя, говаривалъ:

— Лысъ-то я лысъ, точно, а только надо знать, съ какого конца я лысѣть-то сталъ. Если человѣкъ начинаетъ лысѣть съ затылка, это — отъ пьянства или распутства, а который со лбу — тотъ человѣкъ отъ ума лысѣетъ. А я, братецъ ты мой, со лбу лысѣть сталъ... А который лысѣетъ со лбу, тотъ человѣкъ за старика не долженъ идтить... Это не старость, а умъ.

И точно, уменъ и — не утаю — хитеръ былъ Демьянъ

*) См. «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ».

Ильичъ. Много и глубоко понималъ онъ, и не однѣ только хозяйственныя вещи, а о хозяйственныхъ и говорить нечего. Вспомнивъ о сѣнѣ, я вспомнилъ, между прочимъ, и о его разговорахъ насчетъ этого сѣна. Вспомнилось мнѣ, какъ, бывало, сидя вечеркомъ на ступеняхъ старой бани, Демьянъ Ильичъ посвящалъ меня въ тайны предстоявшей ему сѣнной операціи.

II. Сѣно.

— Это ежели такъ-то со стороны поглядѣть, — говаривалъ онъ, бывало: — кажется, что̀ за хитрость скосить траву и высушить, а поглядите-ка, сколько тутъ разной премудрости, да и грѣха, пожалуй, что не меньше будетъ! Съ однимъ дождемъ сколько хлопотъ: цѣлый Божій день надо глядѣть — нѣтъ ли гдѣ тучки, облачка... Иной разъ въ одинъ часъ на тысячу рублей сгибнетъ, задаромъ пропадетъ. Кажется, вотъ ниоткуда никакой бѣды нѣтъ, небо чистое-расчистое — пойдешь обѣдать, только успѣешь, Господи благослови, ложку проглотить — откуда что̀ взялось, налетѣло, хлынуло: гляди да плачь, больше ничего... Или теперича возьмемъ прессовку. Прессовка у насъ идетъ зимой; положимъ, что обязался я поставить сѣно въ городъ, ну, хоть будемъ такъ говорить, въ воскресенье. Ежели я такъ обязался, то прессовать я долженъ, положимъ, въ среду. Вотъ, Господи благослови, вышелъ я съ рабочими — а Господь-то милосердный послалъ мнѣ на среду-то морозецъ! А морозъ что̀ такое? А морозъ означаетъ, что изъ десяти пудовъ выходитъ девять, а куда одинъ-то пудъ дѣвается — Господь знаетъ... Или же возьмемъ такъ: снѣгъ замѣсто морозу-то... Коли снѣгъ мелкій, какъ пыль, это ничего, это на прессованной кипѣ прибавляетъ вѣсу, ну, а коли крупный — пропадай! Потому что попади въ тюкъ вотъ этакій комочекъ снѣгу (Демьянъ Ильичъ показывалъ на ноготь), весь тюкъ сгоритъ, а отъ него весь вагонъ загорится... Видали, чай, иногда ѣдетъ вагонъ — весь бѣлый, заиндивѣлый? Это сѣно тамъ горитъ, въ тюкъ въ ту пору руки нельзя просунуть — жаръ!.. Отворить такой вагонъ-то, такъ оттуда какъ съ каменки поддастъ паромъ... Есть и еще на сѣно бѣда: вешній вѣтеръ! Вешній вѣтеръ — что̀

морозъ: дунетъ въ зародъ — двадцать пудиковъ и нѣтъ! опять дунулъ — опять двадцать пудиковъ унесъ! Отъ этого вѣтру трава легчаетъ, усыхаетъ, а ужъ какой, кажется, вѣтерокъ — ласковый, пріятный, а и тотъ нашего брата по карману бьетъ... Къ веснѣ-то сѣно дорожаетъ, тутъ что̀ ни дохнетъ ароматный-то этотъ вѣтерокъ пріятный, такъ рублевки и выхватываетъ изъ кармана... Рубликовъ на пятьсотъ иной разъ и надышитъ этакимъ ласковымъ-то своимъ дыханіемъ. Вотъ туманъ — это ужъ прямо сказать — отецъ нашъ! И что̀ гуще — то намъ пріятнѣе. Трава тяжелѣетъ, тутъ на каждой кипѣ польза; и такъ бываетъ, что близу полпудика вобьемъ въ каждую кипу-то туману этого самаго, благодѣтеля-то... А разочтите, сколько его въ вагонѣ ѣдетъ! Не солгать сказать, иной разъ на одномъ только чисто вотъ туманѣ этомъ рублей сто домой привезешь... А кажется, что̀ такое? Мразь! А польза есть. Вѣдь вотъ какъ премудро сдѣлано!..

Удивляясь Божьей премудрости, вздохнетъ, бывало, Демьянъ Ильичъ и заведетъ рѣчь о значеніи въ сѣнномъ дѣлѣ премудрости человѣческой.

— Или возьмемъ, напримѣръ, гнилье, старое лежалое сѣно... Иной разъ бываетъ, тысячи по три пудовъ лежитъ безъ дѣла, гніетъ... И ежели его бросать такъ-то, такъ надо все дѣло бросить. Вотъ тутъ и требуется опять же умъ! Надо знать, что̀ значитъ разсортовка. Разсортовать сѣно гнилое съ хорошимъ—это надо тонко понимать! Ухъ, тонко! Иной прямо вопхнетъ гнилья комокъ, анъ оно и видно, и духъ отъ него и все... сѣна-то и не берутъ; а надобно такъ умѣть, чтобъ и половину на половину ежели смѣшаешь — такъ и то чтобы какъ зеленое было! Вотъ сколь надо ума! И былъ въ нашихъ мѣстахъ — царство ему небесное, померъ теперь, второй годъ какъ ужъ померъ — солдатъ одинъ, Дормидонъ... Н-ну ужъ и золото на эти дѣла! То-есть, бывало, передъ Богомъ, на споръ берется: больше половины вопхну гнилого сѣна, и все будетъ зеленое! И что-жъ — умѣлъ сдѣлать! И не въ прессѣ, не въ кипѣ — въ кипѣ нехитро — а въ возу; въ возъ-то всякій покупатель рукой лѣзетъ, всякій къ носу тащитъ, разсматриваетъ, и то не могли взять въ сомнѣніе. Бывало, дня по два возъ-то вьетъ... каждую порошинку разсортуетъ, разыметъ по ниточкамъ, и свѣжую и гнилую, играетъ пальцами, точно кружева плететъ, и погляди — вбилъ на твоихъ глазахъ больше половины чернаго и лежалаго, а

ни за что не отгадаешь: зеленое какъ есть! Ужъ умѣлъ! Что человѣкъ былъ необстоятельный, ненадежный — этого утаить нельзя. Точно, сбивался частенько на худое, но что касательно разсортовки — ввѣкъ такого молодца не нажить.

Вздохнетъ Демьянъ Ильичъ и продолжаетъ:

— А продать? И продать тоже надо умѣючи... Надо знать мѣста — это первое; знать, да никому не сказывать. И тутъ тоже во-о-отъ какъ надо осторожно!.. Каждый шагъ съ оглядкой... Теперича ежели я пріѣхалъ, положимъ, въ Петербургъ, и надобно мнѣ идти въ знакомое мѣсто — положимъ, что на Бассейной оно, или на Литейной. Иной бы прямо такъ и поперъ на Литейную или на Бассейную, а я — нѣтъ, наученъ: я вонъ куды — къ Нарвской заставѣ поплетусь, потому что я знаю, которые со мной ѣхали торговцы изъ нашихъ мѣстъ, а не они, такъ ихніе знакомые, знаю я, что они всячески норовятъ узнать, куда я сѣно поставляю... Выслѣдятъ, догадаются, перебьютъ, цѣну сбавятъ. Вотъ и надо осторожно... За мной однова двое сутокъ наши двое слѣдили — ну, только я не дался въ обманъ... Такъ умаялъ ихъ — отстали... Все надо знать!.. А главное — надо знать мѣста! коли знаешь хорошія мѣста, вези за всякое время, цѣны не пугайся. Иной такъ бываетъ, что на Сѣнной цѣна двугривенный, а ты по семидесяти копеекъ представляешь. Надо знать. Ну, конечно, требуется знакомство водить; управляющіе у господъ, швейцары, кучера — все народъ нужный, все надо угостить, поднести, въ руку сунуть... Какъ ты не будешь имъ жалѣть, такъ и они тебя не покинутъ — вотъ какое дѣло. Дѣло обоюдное... И — не хочу жаловаться — никогда безъ хорошихъ мѣстъ не жилъ, и добрыхъ людей Господь мнѣ немало посылалъ... Жаловаться не стану!.. Одинъ мнѣ памятенъ человѣкъ — жидъ. Кажется, что ужъ... еврей, жидъ, свиное ухо, а ужъ че-ло-вѣкъ на рѣдкость! Ужъ такъ-то былъ до нашего брата жалостливъ — истинная мать! Вѣрное слово вамъ говорю, то-есть мать! Больше ничего... Конечно, благодаришь, нельзя безъ этого, ну зато ужъ неизмѣнная опора нашему брату. Копье! Былъ этотъ еврей отъ казеннаго мѣста... антилерія конная... изъ казармъ... Придетъ на Сѣнную, съ одного взгляда видитъ — что̀ чего сто̀итъ. Носомъ чуетъ, сколько лежалаго вбито: тонко зналъ дѣло, то-есть, пожалуй, что получше нашего брата, а жалѣлъ, помогалъ. Бывало, которые воза ужъ совсѣмъ плохи,

чернымъ-черны, тѣ ведетъ впередъ въ сарай-то казенный, заведетъ въ самый темный уголъ, «вали», говоритъ; а которые воза получше — сваливай по-сверху лежалаго-то, а которое совсѣмъ хорошо, и тое — подъ самый конецъ. Придетъ начальникъ, глянетъ — сѣно зеленое-раззеленое. «Хорошо!» — говоритъ, а намъ то и любо. Денежки получилъ, добрыхъ людей поблагодарилъ, пошелъ къ своему мѣсту. Нѣтъ, такихъ другихъ радѣтелей-благодѣтелей не сыскать, какъ этотъ самый еврей... Нѣтъ! Куды!.. Алтынники все пошли: и съ меня сорветъ и съ тебя, и пивомъ и чаемъ; насулитъ и надуетъ. Слова не держатъ, совѣсти не имѣютъ, а этотъ, хоть онъ и жидъ, а у него есть совѣсть. Что̀ сказалъ — свято! Рубль ему далъ — аминь! Ужъ измѣны не сдѣлаетъ, даромъ что жидъ!.. Такъ вотъ оно, сѣно-то, что̀ означаетъ! Такъ-то, кто этого ничего не понимаетъ, поглядѣть — что̀ такое? пустяки! Сѣно, больше ничего; а какъ разсудить, такъ оно охо-хо — чего сто̀итъ... Да вѣдь это мы про готовое сѣно разговариваемъ: это ужъ когда оно припасено, приготовлено... А каково припасти его — это еще надо разсудить! Сколько хлопотъ съ народомъ, съ работниками — не приведи Царица Небесная!

III. Работники.

Всѣ эти разговоры большей частью происходили передъ началомъ работъ — косьбы — и вызывались именно трудностями, съ которыми она сопряжена. А въ числѣ этихъ трудностей образованіе согласной, хорошей рабочей артели — дѣло весьма существенное и серьезное. Прежде нежели образуется такая артель, т.-е. такая группа рабочихъ людей, которые мало того, что болѣе или менѣе ровно работаютъ, но еще и чуть-чуть симпатизируютъ другъ другу, согласны въ мнѣніяхъ и разговорахъ, придется долгое время имѣть дѣло съ самой разношерстной толпой незнакомыхъ людей, недружно принимающихся за дѣло, пробующихъ, гдѣ лучше, какъ бы не продешевить трудъ, такъ какъ и цѣнъ на трудъ въ эту пору еще не установилось настоящихъ. Эти случайные, неспѣвшіеся рабочіе то придутъ, то уйдутъ, поработавъ день-два. Одному показалось дешево, другому приходится отказать — «не работникъ», третьему не по-

нравился харчъ. Въ началѣ работъ много приходится разговаривать, знакомиться, узнавать людей, а между тѣмъ работы идутъ вяло и постоянно прерываются отлучками, расчетами. Помню я, много было въ ту пору хлопотъ и напрасныхъ тратъ Демьяну Ильичу. Прежде всего повалилъ изъ Питера на весну домой какой-то весьма ненадежный сортъ народа, не то пропойцы, не то и совсѣмъ подозрительные люди; придетъ, уговорится, поужинаетъ, на утро позавтракаетъ, возьметъ косу да и говоритъ:

— А я, братъ, косить-то не мастеръ!

— Такъ ты что-жъ, безсовѣстный, вралъ-то?

— Да оголодалъ я... Ты ужъ меня пусти!..

А другой попадется и старательный, и бьется, и потѣетъ, да не умѣетъ: ишь въ сидѣльцахъ въ кабашныхъ сидѣлъ, гдѣ тамъ этому учиться?

Дѣло не дѣло, а платить надо, кому за полсутки, кому за сутки. Работа останавливается, да иной разъ и дождикъ поможетъ: хлынетъ въ то время, какъ неумѣлые уходятъ, получивъ расчетъ. Выходило такъ, что заплати деньги да и любуйся, какъ онѣ пропадаютъ.

Къ концу іюня повалилъ народъ настоящій, не проходимцы и не неумѣлые, а настоящіе знатоки по части косьбы, которые и слывутъ въ народѣ, да и сами себя величаютъ *косаками*. — «Куда идете, ребята?»—«Въ косаки». (А иному послышится, будто бы они говорятъ: «въ казаки». Многіе и думаютъ, что они идутъ къ казакамъ на Донъ; на дѣлѣ же выраженіе «въ косаки» означаетъ, что народъ просто идетъ косить, гдѣ придется. Намъ кажется однако, что выраженіе *казакъ* и происходитъ отсюда — отъ слова косить степи; обиліе скота — обиліе косьбы... Это между прочимъ). Между этими-то вотъ настоящими косаками, изъ которыхъ многіе ходятъ въ одни и тѣ же мѣста много лѣтъ, у Демьяна Ильича было ужъ и прежде сдѣлано немало знакомствъ. Были между ними такіе работники, которые шли прямо къ Демьяну Ильичу и прямо становились на работу, даже не упоминая о цѣнѣ, не торгуясь. — «Н-ну, чай, не обидишь!» И дѣйствительно Демьянъ Ильичъ не обижалъ рабочихъ; *харчи* у него были — по общему мнѣнію всѣхъ, кто только на этихъ харчахъ ни жилъ — первый сортъ. Три раза въ день народъ имѣлъ горячее, да не какое-нибудь, а со снѣтками, да и снѣтки-то Демьянъ Ильичъ бралъ семь рублей за пудъ — первый сортъ: «почитай, все одна корюха», т.-е. корюшка, какъ извѣстно,

рыбка не весьма малая. Варились эти снѣтки то съ гороховой мукой, то съ овсяной, при чемъ въ варево клали лукъ и свиное сало. По праздникамъ варили щи съ капустой, мясомъ и забѣлкой; на завтракѣ утромъ, чтобы покрѣпче себя чувствовать, ѣли кашу, размазню, и хлѣба, конечно, сколько хочешь. Вина за лѣто Демьянъ Ильичъ выпаивалъ ведра четыре и пять, и ужъ всегда подносилъ по праздникамъ и въ удачные веселые дни, когда работа была успѣшна, когда сдѣлано много и когда въ работѣ было воодушевленіе, т.-е. когда видно было желаніе рабочихъ сдѣлать Демьяну Ильичу пользу, постараться для него. Ужъ въ такихъ случаяхъ поднесетъ навѣрное.

Трудновато бывало Демьяну Ильичу въ непогоду, когда вдругъ зарядитъ дождь и когда волей-неволей приходится кормить даромъ. Еще день-два какъ-нибудь переждать можно, но бываетъ, что цѣлую недѣлю нельзя ни за что взяться, и тогда между Демьяномъ Ильичомъ и рабочими происходитъ нѣчто въ высшей степени драматическое: рабочимъ *совѣстно ѣсть задаромъ,* Демьяну Ильичу совѣстно сказать объ этомъ, да и отпустить хорошихъ рабочихъ не хочется; а кормить понапрасну страсть какъ *обидно.*

Въ такія минуты всѣ мучаются — и Демьянъ Ильичъ, и рабочіе всѣ вздыхаютъ и ѣдятъ съ мученіями и терзаніями совѣсти. Иной такъ устыдится ѣсть задаромъ, что самъ начинаетъ просить расчета. Ложка въ горло не идетъ — до того стыдъ обуяетъ иного совѣстливаго человѣка. Демьянъ Ильичъ въ такія минуты только потѣетъ, кряхтитъ, третъ лысину, всячески скрѣпляется: вздыхаетъ мучительно, но терпитъ и кормитъ одинаково. За это ему большой почетъ и уваженіе. Но, помимо харчей, Демьянъ Ильичъ дорогъ еще и тѣмъ (и это тоже дѣло не послѣднее), что не обидитъ расчетомъ, знаетъ *цѣну человѣку,* знаетъ, «что, чего который человѣкъ стоитъ»; цѣну назначаетъ разную, «глядя по человѣку», но назначаетъ такъ, что тотъ, кто получаетъ полтину въ день, не обижается на того, кто получаетъ рубль, ибо каждый въ Демьянѣ Ильичѣ видитъ какъ бы нелицепріятный термометръ, указывающій каждому соотвѣтственный умѣнью градусъ. Чтобъ быть такимъ термометромъ, надо самому быть работникомъ, и притомъ *лучше всѣхъ* — это послѣднее необходимо для того, чтобы работникъ призналъ въ васъ *хозяина.* Надобно умѣть сдѣлать *все лучше* всякаго нанимаемаго, и тогда нанимаемый признаетъ въ нанимателѣ хозяина и будетъ знать свою

цѣну. Необходимо поэтому для хозяина доказать каждому рабочему и всей артели вмѣстѣ свою способность цѣнить умѣнье въ трудѣ, а для этого необходимо и себя показать на той же работѣ. И Демьянъ Ильичъ показывалъ себя, дѣлая это всегда весьма тонко и деликатно; иной сдѣлаетъ это грубо, по-мужицки, вырветъ косу изъ рукъ и скажетъ: «Ты чего мотаешь косой-то? авось не въ квашнѣ мѣсишь?» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Демьянъ Ильичъ никогда такъ не поступалъ. Онъ, бывало, подойдетъ къ рабочимъ, поздоровается и глядитъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, потомъ, какъ бы для шутки или изъ желанія побаловаться, подойдетъ къ кому-нибудь изъ рабочихъ и скажетъ: «Дай-ка-сь, Митрофанъ, косу-то... что я разучился косить-то, али нѣтъ?» Возьметъ косу, поплюетъ на руки, позвенитъ брускомъ и опять скажетъ: «Ну-ка, попробую... Когда-то кашивалъ... не бранили». И пойдетъ, приговаривая: «Когда-то кашивалъ»... Да въ два, въ три взмаха и докажетъ, «что такое есть косьба»; и окажется, что противъ его работы всѣ косятъ худо, никуда негодно — такое Демьянъ Ильичъ обнаруживаетъ мастерство и умѣнье. И это съ двухъ-трехъ взмаховъ.

«Д-д-а-а! — думаетъ каждый изъ рабочихъ: — недаромъ тоже и хозяиномъ называется!..»

И каждый приравниваетъ къ этому образчику и свою и чужую работу и не обижается, что одному больше платятъ, а другому меньше... А Демьянъ-то Ильичъ, ошеломивъ такимъ образомъ всю толпу, послѣ двухъ-трехъ, много десяти взмаховъ отдастъ косу назадъ и скажетъ: «Нѣтъ! Не то дѣло! Разучился я косить-то... а прежде кашивалъ, не бранили!..» И это тоже надо намотать на усъ. Иной чистосердечный человѣкъ, такъ тотъ послѣ этого маневра въ уныніе впадаетъ, станетъ считать себя ничтожествомъ.

Къ іюлю артель была совсѣмъ готова и все почти изъ старыхъ знакомыхъ, изъ людей, которые и другъ друга знали и Демьяна Ильича почитали; согласіе поэтому въ артели было полное; изъ новыхъ былъ только Иванъ (котораго я встрѣтилъ на Невскомъ), который не портилъ хорошей компаніи, да молодые мужъ и жена, Миронъ съ Миронихой, какъ звали ихъ въ артели. Миронъ съ Миронихой являли собою въ артели элементъ увеселительный. Они только-что женились и пошли въ работу «собственно только для своего удовольствія», какъ они говорили оба. Дружны были они ужасно, неразлучны постоянно; но такъ какъ

косьбой занимались для собственнаго удовольствія, то расчета требовали почти каждый день.

— Вѣдь тебѣ же лучше, ежели ты сразу получишь хорошую препорцію, чѣмъ по рублевкамъ-то хватать? — говорили Мирону. Но Миронъ и Мирониха всегда вмѣстѣ отвѣчали:

— Чего намъ лучше? Намъ и такъ хорошо. Въ солдаты мы не пойдемъ. Дѣтей покуда нѣтъ, а дома три бабы есть—мать да двѣ тетки—все на насъ сработаютъ: и хлѣбъ и огородъ. У насъ все дома есть, и одѣться и обуться—все. Чего намъ? Давай деньги! Мы съ бабой гулять пойдемъ.

И въ то время, когда другіе рабочіе ложатся спать, Миронъ съ Мирониной, получивъ рубль, уходятъ лѣсомъ въ сосѣднюю деревню, идутъ въ кабакъ, пьютъ вино и пиво, и по лѣсу пѣсни ихъ раздаются иногда всю ночь. Миронъ гудитъ басомъ, а Мирониха такъ-то ли звонко-раззвонко разливается. Иной разъ только къ свѣту придутъ, и все за ручку другъ съ другомъ ходятъ, и бывало такъ, что и спать не ложились, а прямо за косу да и на работу. И ничего, не валила ихъ усталость: крѣпки, молоды, а главное—ужъ веселы, довольны, беззаботны были до безконечности... Всю артель они потѣшали своими почти нескрываемыми проявленіями взаимности.

Иванъ былъ тоже рабочій хорошій, но иногда напивался, и напивался мрачно. Была у него на душѣ какая-то исторія, которая, кажется, тяготила его и угнетала. Да и въ лицѣ его вообще была какая-то затаенная не то злость, не то печаль, хотя вообще онъ былъ парень добрый. Однажды Демьянъ Ильичъ угостилъ рабочихъ виномъ, послѣ цѣлаго дня самой возбужденной работы. Иванъ былъ, во-первыхъ, и истомленъ до такой степени, когда человѣкъ, цѣлый день не ѣвши, все-таки не хочетъ и не можетъ ѣсть, и, во-вторыхъ, выпилъ стакана два водки на тощій желудокъ. Все это такъ на него подѣйствовало, что онъ, сидя въ артели за мызой, на лугу у рѣчки, вдругъ заговорилъ долго и много, и не о работѣ, а о своихъ семейныхъ дѣлахъ...

— А кто виновенъ?—слышалъ я, сидя на другомъ берегу рѣки:—кто? Бабье, бабье это дѣло. Меня родная мать ейная сомутила.

— Онѣ бабы, Богъ и съ ними-то! — поддакнулъ работникъ Лукьянъ (какъ бы по наслѣдству перешедшій потомъ къ Ивану Ермолаевичу), до сорока лѣтъ остававшійся хо-

лостымъ и почему-то очень «*опасавшійся*» женщинъ и брака.—Она тебѣ дастъ яду—вотъ тѣ и сказъ!..

— Эво ляпнулъ куда! Яду! — загалдѣло нѣсколько человѣкъ.

— А чего-жъ? — тоже возвышая голосъ, продолжалъ Лукьянъ: — насыплетъ тебѣ въ лепешку бѣлаго порошку, вотъ тебѣ и вся!.. Вонъ у насъ баба одна намѣсила.

— Да не про то говорятъ!—закричалъ Иванъ.—Какая лепешка!

— Намѣсила ему въ лепешку. — «На-ка-сь, говоритъ, отвѣдай!»—не унимался Лукьянъ.

— Да будетъ тебѣ болтать!—остановила его публика.

— Тебѣ говорятъ, не въ томъ... Что замололъ! Яду! Языкомъ навредили бабы — вотъ про что. Я живу въ городѣ, въ кучерахъ, ничего не знаю; мнѣ мать ейная пишетъ письмо: твоя жена такъ и такъ, съ братомъ,—видѣли. Пишетъ такъ, что сама мать видѣла... Вѣдь вотъ дьявола какіе! Вѣдь должонъ я матери-то ейной повѣрить? Вотъ кто меня въ грѣхъ ввелъ! Вытребовалъ ее да и поучилъ... потому — повѣрилъ!.. А мнѣ братъ-то родной потомъ со слезами рыдалъ: все вишь неправда... Видишь ты! пошелъ онъ въ солдаты охотой за меня. За это самое ухожу я въ городъ, говорю женѣ: «Авдотья! коль скоро придетъ братъ изъ службы, то почитай его, какъ меня! Угождай ему всячески, служи!..» Черезъ два года онъ и приди... Ну вотъ и вышло такъ, какъ онъ-то разсказываетъ... Былъ онъ на вечеринкахъ и догостился тамъ до самаго свѣту... Пришелъ, говоритъ, и упалъ на постель, а постель ему особо на полу стлали. Упалъ, говоритъ, совсѣмъ и въ одежѣ. И не думалъ, говоритъ, что Авдотья тутъ, на постели-то спитъ... Передъ истиннымъ Богомъ, говоритъ, не думалъ... Пьянъ былъ. Какъ пришелъ, плюхнулъ на бокъ, и не помню, говоритъ... А Авдотья-то, говоритъ, то же самое. Вишь, во всемъ домѣ она работала-то. Была въ домѣ окромѣ ея одна моя бабка, да на ту пору мать ейная ночевать осталась. Цѣлый день, говоритъ, на рѣчкѣ была, умаялась! Постлала ему постель-то, да и прилегла, и задремала... Мать-то съ бабкой проснулись, глядятъ... И отписали мнѣ. Ну, я чѣмъ тутъ виновенъ? Опослѣ-то, какъ я узналъ, я бы, кажется, своего мяса далъ на зарѣзъ, чѣмъ такъ-то. Слава Богу, знаю, каковъ есть братъ, какова и жена была.

— Померла жена-то?..—спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Ты что̀ перебиваешь? — строго отнесся къ вопрошавшему Иванъ.

— Я такъ, къ примѣру...

— Ты долженъ слушать, что̀ я говорю... Я и такъ ее вспомню, вспомню... Я-бъ ее пальцемъ не тронулъ. До этого числа я ей даже и касанія какого, не то что бою или тиранства... Вѣдь мать родная!.. Вѣдь это человѣка можно всячески въ грѣхъ ввести, особливо подъ сердитую руку. Да я и не думалъ, что помретъ... Анъ она отъ одного разу свалилась. Вотъ изживи-ка-сь это!..

Еще выпили по стакану.

— А я, — заговорилъ Лукьянъ: — насчетъ отравнаго порошку... Это тоже бабы любятъ съ мужикомъ такъ-то...

— Да ну тебя!..

— Насыпетъ ему порошку... въ лепешку...

Лукьянъ разсказалъ длинную исторію о разныхъ бабьихъ козняхъ противъ мужиковъ. Многіе изъ слушателей смѣялись, несмотря на то, что Лукьянъ разсказывалъ не для смѣху и самъ не смѣялся. Но Иванъ не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ молча набилъ трубку и молча курилъ ее. Вотъ эта-то темная исторія какимъ-то темнымъ пятномъ омрачила его душу; она какъ бы застилала ему свѣтъ. Того покоя душевнаго, дѣтскаго взгляда на бѣлый свѣтъ и людей, который былъ даже у Лукьяна,—у Ивана не было. Въ весельѣ ли, въ работѣ ли, въ шуткѣ ли съ молодой работницей — всегда что-то мѣшало его искренности, и это было написано на его лицѣ и свѣтилось въ глазахъ. Когда я его встрѣтилъ на Невскомъ, чрезъ два года, лицо его было, какъ я уже сказалъ, совсѣмъ не то.

IV. Варвара.

...Вспомнилъ я наконецъ и Варвару. Нельзя было не вспомнить о ней, говоря о рабочихъ. Это была положительно *идеальная работница* и рѣшительно *ничто* во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ.

Ѣдемъ мы какъ-то разъ съ Демьяномъ Ильичомъ по большой дорогѣ (ѣздили за харчами) и видимъ, что впереди насъ во всю ширину дороги двигается цѣлая шеренга прохожаго народу, съ узлами и сапогами за спиной. Были

тутъ и мужики и бабы. Между ними особенно была примѣтна высокая, могучая, хотя и сгорбленная фигура старика; длинная коса, лезвее которой было обвернуто соломой (берёгъ!), лежала на его плечѣ.

— Да вѣдь это никакъ Іовъ? — проговорилъ Демьянъ Ильичъ и тронулъ лошадь рысцой.

Толпа прохожихъ разступилась, заслыша стукъ копытъ, и старикъ съ косой очутился какъ разъ рядомъ съ нашей повозкой.

— Куда путь держишь?—весело окрикнулъ его Демьянъ Ильичъ и прибавилъ:—али Демьяна не узналъ?

Очевидно, уже слабѣвшій глазами старикъ, ласково улыбаясь беззубымъ ртомъ, вдругъ радостно проговорилъ:

— Къ тебѣ, къ тебѣ, Демьянъ!

— Тебѣ у меня всегда мѣсто будетъ,—не безъ важности произнесъ Демьянъ Ильичъ.—Правду тебѣ ежели сказать, артель у меня — вполнѣ; ну, для тебя, какъ я тебя знаю, всегда будетъ мѣсто.

— Ужъ и Варьку возьми... дочку...

Тутъ мы увидѣли и Варвару. Это была довольно высокая дѣвушка съ самой обыкновенной, ординарной бѣлокурой физіономіей и, кажется, немного косая. Бѣлокурые волосы, бѣлокурые глаза, бѣлокурая косичка съ мышиный хвостъ величиной — все говорило о томъ, что на красоту ея никто не позарится. Да и одежда у ней была неказистая: платочекъ въ гривенникъ на головѣ и старый шерстяной платокъ на плечахъ, узломъ завязанный на спинѣ, худенькое и вылинявшее ситцевое платье—все это говорило прямо о бѣдности, но радушное выраженіе этого обыкновеннѣйшаго, кой-какъ вылѣпленнаго лица, привѣтливое, и притомъ «такъ просто» привѣтливое, какъ просто выражалось оно у старика-отца, и та же отцовская сильная порода, которая сама собой чувствовалась въ его дочери, какъ-то невольно обязывали быть внимательнымъ къ нимъ обоимъ—и къ отцу и къ дочери.

— Ну что-жъ! — сказалъ Демьянъ Ильичъ, подумавъ немного:—идите! найдется мѣсто. Не забылъ дорогу-то?

— Вотъ, забыть! Къ хорошимъ людямъ дорогу не забываютъ... Помню.

— А помнишь, такъ и ступайте съ Богомъ. Найдется!

— Возьми узелки-то, — сказалъ старикъ:—домой, чай, ѣдешь?

— Домой. Клади!

Старикъ и его дочь сняли свои ноши—старый полушубокъ отца и черную ваточную кацавейку дочери, которые они несли на спинахъ, обвязавъ кушаками, и положили въ телѣгу. Сказавъ еще разъ: «Ступайте, ступайте съ Богомъ — найдется!», Демьянъ Ильичъ погналъ лошадь по-шибче. Старикъ и его дочь остались позади.

— Первѣйшій работникъ! — сказалъ мнѣ Демьянъ Ильичъ.—Онъ у меня четыре лѣта работалъ. Куда молодымъ, даромъ что старикъ!..

— Онъ и ходитъ-то плохо!

— Раз-зойдется, не узнаешь! Это хорошо, что Іовъ подоспѣлъ. Хорошо! Теперь у меня артель будетъ за первый сортъ.

Но Іовъ не оправдалъ надеждъ Демьяна Ильича, не «увѣнчалъ зданія» артели; поработавъ сутокъ двое и поработавъ такъ, что, глядя на старика, брала жалость,— такъ упалъ онъ силами за послѣдній годъ, — онъ не выдержалъ и чистосердечно порѣшилъ, что работѣ его насталъ конецъ: «отказались руки», «отказались ноги». Это было видно всѣмъ и каждому. Денька два онъ поотдохнулъ, ничего не работая, сидя на крыльцѣ подъ солнцемъ, съ открытой головой. Тѣмъ временемъ Варвара перестирала ему рубахи и онучи, и, когда все было готово, онъ ушелъ домой съ той же самой косой на плечѣ, какъ и пришелъ. Демьянъ Ильичъ далъ ему три цѣлковыхъ, которые и осталась отрабатывать Варвара. Оставляя Варвару, старикъ не уговорился насчетъ ея съ Демьяномъ Ильичомъ, а сказалъ только: «Н-ну что̀... не обидишь!» А Варвара даже и не заикнулась о цѣнѣ. Она проводила отца до большой дороги и поздно вечеромъ вернулась домой.

На другой день она уже работала. И съ перваго же дня присутствія Варвары въ артели всѣ чувствовали, что именно она-то и «увѣнчала зданіе», внеся какую-то новую, неуловимую, но несомнѣнно поэтическую черту въ работу и трудъ, трудъ изъ-за харчей, изъ-за податей...

Чтобы лучше понять, что̀ именно хотимъ мы сказать выраженіемъ «поэтическій», — посмотрите на слѣдующую сцену: на дворѣ льетъ дождь, гудитъ въ крыши, слезитъ стекла въ окнахъ, булькаетъ подъ окнами и пузырями скачетъ по лужамъ; въ рабочей избѣ скука и тягота бездѣлья; вотъ и Варвара, ничего не дѣлая, сидитъ у окна и глядитъ въ тусклое мокрое стекло. Посмотрите на ея лицо, на этотъ косой глазъ; въ лицѣ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго

выраженія: оно глупо, просто глупо... «Дура какая-то— больше ничего, орясина!» Иной просто скажетъ: «корова», или что-нибудь еще хуже; но Варвару надобно смотрѣть и изучать не въ такой обстановкѣ. Любая великосвѣтская красавица-львица бываетъ и дурна, и желта, и зла, и непріятна, и глупа, когда она переживаетъ пустыя, мертвыя минуты жизни; но она совсѣмъ иная, когда попадаетъ въ живую струю поглощающихъ ее интересовъ. То же самое происходило и съ Варварой, когда она попадала въ свою живую струю, а такая струя для нея, некрасивой, топорно сколоченной двадцатилѣтней дѣвушки, была работа! Да, читатель, работа возбуждала Варвару такъ же, какъ балъ возбуждаетъ великосвѣтскую красавицу... Только въ работѣ она знала, — «что̀ она, зачѣмъ она на свѣтѣ и чего она стоитъ»...

Въ артели было немало женщинъ-работницъ, но все это было не то, что̀ Варвара. Были бабы—и красавицы и веселыя пѣвуньи, но это были поденщицы: онѣ торговались, считали суслоны, считали копны точно такъ же, какъ и мужики-работники. Не то была Варвара: она всю жизнь не знала, что̀ такое деньги; двое они жили съ отцомъ почти съ ея дѣтства; какъ только она начала понимать себя, она всегда жила «съ куса», то-есть работала за хлѣбъ въ чужихъ людяхъ, а отецъ, уходившій лѣтомъ на косьбу, кое-какъ сколачивалъ ей нищенскую одежду. Она выросла въ работѣ, въ интересахъ работы, какъ иная вырастаетъ въ интересахъ великосвѣтскихъ интригъ. Конечно, ее спасало отцовское здоровье, спасало физически, несмотря на страшные труды; но еще болѣе, чѣмъ природа, Варвару спасало опять-таки то поэтическое настроеніе, которое возбуждалось въ ней трудомъ, работой, если она была мало-мальски благопріятна, то-есть если въ этой работѣ можно было «разойтись».

Демьянъ Ильичъ, какъ человѣкъ, въ высшей степени много понимающій въ «работѣ», сразу, съ одного взгляда опредѣлилъ Варвару и пришелъ въ восхищеніе. Въ восхищеніе-то онъ пришелъ, а молчитъ; но видно, что вся внутренность въ немъ трепещетъ отъ удовольствія,—нѣтъ, не отъ удовольствія, а именно отъ восхищенія. Его плѣнило (пожалуйста, понимайте это слово въ самомъ подлинномъ и буквальномъ смыслѣ) прежде всего то, что Варвара «не знаетъ себѣ цѣны», цѣны денежной. При взглядѣ на каждаго изъ своихъ рабочихъ, онъ непремѣнно представлялъ

какую-нибудь цифру — два рубля, двадцать рублей. При взглядѣ на Варвару—никакой такой цифры ему не представлялось: при видѣ Варвары онъ ощущалъ только присутствіе какъ бы безплотнаго существа, веселаго духа, но духа, который «воротитъ» за семерыхъ, и воротитъ едва ли не потому только, что это доставляетъ ему личное удовольствіе. Варвара работала такъ же непринужденно, какъ работаетъ для человѣка солнце, которое сушитъ и раститъ, а денегъ не проситъ, и не скучаетъ, и не сердится... Вѣдь вонъ «и тѣ» бабы тоже работаютъ, вонъ и суслоны вяжутъ, и сѣно гребутъ и молотятъ, но опять-таки «не то»! Въ каждой видна *нужда;* каждая добиваетъ день, день трудный, думаетъ объ оставленномъ ребенкѣ, жалуется на деверя; нѣкоторыя и злы, и беременны, и лѣнивы, въ нихъ видна усталь; издали чуешь, что у иной болитъ поясница, стонутъ ноженки. А поглядите-ка на Варвару?—желѣзная, неутомимая и веселая, т.-е. не то чтобы хохочущая, играющая среди «прелестнѣйшихъ долинъ», а просто вся и всегда свѣтлая и радушная...

Вонъ баба-работница ворошитъ сѣно, поглядите на нее и увидите, что нелегко ей, бѣдной, трудно. А поглядите на Варвару: грабли, обернутыя рукоятью внизъ, а зубцами вверхъ—играютъ въ ея рукахъ. Легко ходитъ она по скошенному сѣну, легко касается острымъ концомъ рукоятки по верхушкамъ сѣнныхъ полосъ, и сѣно летаетъ у ея ногъ справа налѣво и слѣва направо; летаетъ не комьями, не волочится по землѣ, а порхаетъ тонкими встрѣчными струями. И все это безъ малѣйшихъ усилій, безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія, и тѣмъ менѣе — малѣйшаго намека на присутствіе силы. Вонъ и другая баба тоже «ворошитъ», но вѣдь она ворошитъ, какъ косолапый медвѣдь, тогда какъ Варвара работаетъ, какъ работаетъ врожденное дарованіе, не представляя себѣ даже мысли о томъ, что «это»—работа, трудъ...

Или вонъ посмотрите—несетъ баба-работница ведро воды изъ-подъ горы, съ рѣчки; коромысло у нея скрипитъ, ей тяжело идти, тяжесть выпираетъ ей бокъ... Чувствуешь, что когда она доберется до бочки, въ которую выльетъ это ведро, то тяжело вздохнетъ и еле выговоритъ: «ухъ, батюшки!». Не то Варвара: коромысло ее не гнететъ. Это вы видите и чувствуете неотразимо; оно не рѣжетъ ей плеча, а лежитъ просто такъ, какъ будто это принадлежность костюма, будто украшеніе для Варвары, безъ котораго Варвара была бы некрасива... Она идетъ стройно, легко; стройно и легко

одна рука ея лежитъ на коромыслѣ, а другая упирается въ край ведра, удерживая его въ равновѣсіи съ другимъ ведромъ. Вода въ ведрахъ не плещется, лежитъ смирно, слушается Варвары, точно знаетъ, кто несетъ. Не такъ, какъ баба-работница, Варвара и выльетъ воду въ кадку, не такъ она и коромысло съ ведрами спуститъ съ плечъ— все не такъ, какъ у работницы. А главное — не устаетъ! Не спѣшитъ и не торопится, а легка во всемъ, и всегда опять-таки несокрушимо радушна.

Сунетъ ей какъ-нибудь на ходу жена Демьяна Ильича двухгодовалаго мальчишку — и тутъ Варвара немедленно найдется, «немедленно» скажетъ что-нибудь мальчишкѣ, или сдѣлаетъ что-нибудь такое, отчего онъ притихнетъ, хоть и ревѣлъ до сихъ поръ благимъ матомъ. Мало того, какъ-то «само собой» она отлично пойметъ состояніе его души и потрафитъ ему словомъ или дѣломъ безъ всякаго усилія. Сунула однажды ребенка жена Демьяна Ильича на руки какому-то солдату, тотъ взялъ его и, чтобъ позабавить, залѣлъ басомъ: —«Благочести-вѣйшаго...» Ребенокъ такъ и залился; захрипѣлъ, задохнулся, закатился... Варвара бросила палку, которой гнала свинью, подскочила, выхватила ребенка, заговорила что-то про зайчика, про птичку: «вотъ поймаемъ его, вонъ-вонъ поймаемъ», и сразу утѣшила парнишку.

— Дуракъ ты этакій! — сказала она солдату (который однако только улыбнулся отъ этой брани):—загоготалъ какъ жеребецъ... Вѣдь ребенокъ всю ночь не заснетъ отъ твоего ржанья... Теперь ночь, а на ночь ему надо веселое разсказывать... Дуракъ горластый!

И опять солдату стало отъ брани только весело... Такой ужъ духъ веселый былъ въ Варварѣ.

Или было еще такое дѣло. Былъ у насъ быкъ, съ которымъ сладу не было. Загнать его вечеромъ въ хлѣвъ, это было дѣло весьма серьезное. Пастухъ отказался идти на быка въ одиночку, и поэтому въ загонѣ быка обыкновенно принимала участіе вся артель рабочихъ, которая къ вечеру, къ приходу съ поля скотины, обыкновенно возвращалась домой. Каждый вечеръ посреди двора Демьяна Ильича шла чистая война. Со всѣхъ сторонъ въ быка летѣли палки, куски бревенъ, камни, кирпичи и т. д. Но обыкновенно ничто это не дѣйствовало на быка; раскачивая задомъ и уставившись на враговъ, онъ не трогался съ мѣста. Пробовали даже стрѣлять ему въ морду холостыми зарядами,—

ничего! Иной возьметъ длинную жердь и со всего размаха ударитъ ею быка между рогъ, или по спинѣ, но опять-таки ничего. Точно газетой, свернутой въ трубку, ударили это чудовище — стоитъ, злится, но ничего не чувствуетъ. Эта несокрушимость къ ударамъ обыкновенно ожесточала воевавшихъ съ быкомъ людей. Необходимость «загнать» быка превращалась въ настоящую вражду; начинали слышаться покрикиванія, въ которыхъ звучала страшная злость, глубокое ожесточеніе. Иные, не вытерпѣвъ, выходили на единоборство, рискуя быть посаженными на рога. Словомъ, быкъ каждый вечеръ разстраивалъ на нѣкоторое время всю артель, а иныхъ ожесточалъ, и засыпали они не съ добрымъ чувствомъ на душѣ. Но въ одну изъ такихъ битвъ подоспѣла откуда-то Варвара и какъ-то мимоходомъ, безъ оранья и крика, и безъ страха и злости, какъ-то такъ съѣздила быка сзади, что онъ какъ сумасшедшій бросился бѣжать, сразу потерявъ все свое грозное величіе. Вышло это такъ какъ-то легко и просто, что вмѣсто криковъ, палокъ и каменьевъ, — словомъ, вмѣсто ожесточенія, злыхъ звуковъ, всѣ отъ мала и до велика покатились со смѣху и весь вечеръ хохотали до упаду. Тутъ-то и открыли секретъ, что его надо колотить сзади, а глупые мужичонки дрались съ нимъ «рыломъ къ рылу». Нечего сказать, нашли товарища! А сзади-то онъ не видитъ, что̀ дѣлается, — можетъ-быть, тамъ чортъ знаетъ что̀ происходитъ, — и изъ льва рыкающаго превращается въ зайца...

И вездѣ Варвара вносила въ среду рабочихъ ощущеніе какой-то «легкости на душѣ». Именно *легче* становилось при Варварѣ и работать и жить вообще. Хотя она для этого ни словъ ласковыхъ не говорила и вообще ни капли объ этомъ не старалась, ибо она уничтожала собою всякое представленіе о трудѣ, трудности, усиліи. Она *просто жила такъ;* ей было легко жить и съ граблями, и съ ведрами, и на покосѣ, и на жнивѣ.

Но не въ одной только работѣ при Варварѣ было легче на душѣ всѣмъ артельщикамъ.

Была въ артели стряпуха, здоровая, румяная, жирная баба, Анна. Баба она была разбитная и веселая, и было вообще въ ея фигурѣ нѣчто призывающее. И въ глазахъ это было, и въ жестахъ, и въ походкѣ. Бывало, когда она кормитъ вечеромъ рабочихъ, а сама стоитъ подбоченясь у котла съ ложкой въ рукѣ, то скоромный разговоръ (весьма, впрочемъ, тонкій и изящный) почти не прекращается, и

Анна, тоже весьма тонко и изящно — иной разъ только одними взглядами, жестами да тѣлодвиженіями — охотно даетъ этому разговору матеріалъ и поддерживаетъ его тонъ. Хорошо и весело было съ Анной, но не всѣмъ это было полезно и удобно, и не одинаково ложилось всѣмъ на душу. Вотъ для этого молодого солдатика въ «кепе» это, несомнѣнно, по сердцу—поглядите, какъ онъ гогочетъ и осклабляется; дѣло его молодое, холостое; хорошо вонъ и для вдоваго здоровеннаго мужика, а вотъ для безбрачника Лукьяна неловко, потому что онъ не то что не любитъ этого, а «не хочетъ»; и для Ивана нехорошо, потому что онъ начинаетъ вспоминать жену, начинаетъ роптать на судьбу; для стариковъ «нехорошо» тоже по разнымъ причинамъ... Такимъ образомъ, хотя и бойкая и разбитная была стряпуха Анна, и веселые были разговоры за ужиномъ, подъ вечерокъ, но не всѣмъ они были по душѣ, и не всѣ принимали въ нихъ участіе.

Но вотъ стала стряпухой Варвара—и что же? Разговоры не только не перемѣнились въ тонѣ, но еще болѣе усилились, и въ нихъ стали принимать участіе рѣшительно всѣ: и Лукьянъ-безбрачникъ и старикъ беззубый,—словомъ, всѣ до единаго. И почему бы, вы думали? Потому именно, что Варвара ничего это *не понимаетъ*... Вотъ, напримѣръ, прежняя стряпуха Анна, такъ та, очевидно, *понимала*, та, бывало, только почешется, а всѣ понимаютъ, что это собственно для поддержанія разговора. Очевидно, понимаетъ. То же самое и точно такъ же сдѣлаетъ Варвара—и всѣмъ ясно, что «она сама, дура, не понимаетъ, что дѣлаетъ». Это не значитъ вовсе того, чтобы Варвара «не имѣла понятія» о нѣкоторыхъ явленіяхъ жизни, — вовсе нѣтъ; напротивъ, она *знала* очень много, даже, прямо сказать, *все* знала: живя постоянно при скотинѣ, нельзя не *знать* очень и очень много. Она вонъ въ разговорѣ о подрастающемъ бычкѣ даетъ весьма практическіе совѣты; она очень обстоятельные ведетъ разговоры съ женщинами про беременность, роды и т. д., но она *не понимаетъ* во всемъ этомъ того, что заставляетъ солдатика въ кепе осклабляться, не понимаетъ той черты «всего этого», отъ которой вотъ этотъ мужикъ заржалъ. И именно вслѣдствіе этого-то *непониманія*, вслѣдствіе полной видимости того, что въ пониманіи этихъ-то сторонъ явленій, которыя она отлично знаетъ—она «набитая дура», скоромные разговоры не только не прекратились послѣ того, какъ стряпухой стала Варвара, а, напро-

тивъ, усилились: всякій—и старъ и малъ—норовилъ внести свою лепту, но всѣ вносили ее не потому, чтобы похохотать надъ тѣмъ, какъ, молъ, ее проберетъ выдумка, а какъ разъ наоборотъ, потому что «ничѣмъ этимъ» ее «не проберешь». Любовались не впечатлѣніемъ, а именно тѣмъ, что «не беретъ», «какъ къ стѣнѣ горохъ». Любо было смотрѣть на нее, какъ она «стоитъ, какъ дура», ничего не понимаетъ въ то время, какъ ей въ уши Богъ знаетъ что суютъ... На этомъ-то, множествомъ наблюденій (о которыхъ мы говорить не будемъ) доказанномъ непониманіи и пріятно было отвести душу, пріятно для всѣхъ... Передъ этимъ непониманіемъ всѣ были равны, какъ солдатикъ въ кепе, такъ и Лукьянъ, и беззубый старикъ—всѣмъ было поэтому въ охоту пошутить предъ «дурой въ *этихъ* дѣлахъ», Варварой, и всѣмъ было поэтому же легко...

Было, впрочемъ, одно лицо, которому осклабляющій солдатикъ (и въ особенности Иванъ, часто глядѣвшій на Варвару какими-то строгими глазами) могъ бы завидовать. Приходилъ иногда изъ сосѣдней деревни мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Съ кошолкой за плечами, онъ частенько захаживалъ на дворъ Демьяна Ильича, иногда возвращаясь изъ лѣсу съ грибами и ягодами, иногда отправляясь туда. Варвара была къ нему ласкова. Увидитъ его и побѣжитъ, будто боится, что онъ ее догонитъ: тотъ не догоняетъ. Тогда она остановится, подниметъ щепку и броситъ... Мальчишка тогда самъ броситъ щепку и станетъ догонять — и непремѣнно догонитъ, тогда какъ ни одинъ бы изъ самыхъ ловкихъ и сильныхъ ребятъ-рабочихъ не сумѣлъ бы этого сдѣлать. Но мальчишка мало того, что догонитъ, а еще и повалитъ Варвару и кулакомъ ее по спинѣ бьетъ, а она, которая въ двадцать разъ сильнѣе мальчишки, очевидно, покоряется, играетъ. Бьетъ ее мальчонка, стараясь чувствовать себя «мужикомъ», а она пищитъ, будто и въ самомъ дѣлѣ больно. Подымается, будто вырвется, убѣжитъ и волосы поправляетъ. А мальчонкѣ и любо, что онъ, какъ «настоящій мужикъ», «растрепалъ бабу».

А вотъ съ Иваномъ, такъ съ тѣмъ случилось что-то совсѣмъ другое. Что у нихъ было съ Варварой—никому неизвѣстно, да и сама Варвара не знаетъ. Извѣстно только, что однажды Иванъ прибѣжалъ къ рабочей избѣ, прямо къ рукомойнику, и сталъ поливать водой голову. Одна сторона головы у него посинѣла и опухла. Поливалъ онъ голову и ругался на Варвару.

— Демонъ! — говорилъ онъ: — съ тобой шуткой, а ты, чортъ... Вѣдь ведро-то желѣзное, чортъ ты этакій!

Испуганная Варвара стояла невдалекѣ и, не слыша этихъ разговоровъ и брани, все вниманіе сосредоточила на желѣзномъ ведрѣ, которое въ одномъ боку сильно погнулось... Оправдываясь потомъ, она говорила, что, молъ, ударила такъ, невзначай—«играючи», и все-таки Иванъ съ мѣсяцъ ходилъ съ опухшимъ лицомъ и въ синякахъ.

Рабочіе много потѣшались надъ этой исторіей, а Иванъ, чувствуя себя смѣшнымъ, осердился на Варвару, и серьезно осердился... А Варвара осталась, какъ была: въ работѣ одна, въ бездѣльѣ—другая.

V. Изъ-за дрождей.

Демьянъ Ильичъ былъ положительно влюбленъ въ Варвару. Онъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшему шелъ восьмой годъ. Жена у него была женщина отличная, умная, тихая, ласковая; хозяйка самая прилежная, внимательная. Ни сплетенъ ни какихъ-нибудь «особенныхъ» «бабьихъ исторій» никогда отъ нея не исходило. Даже злого или сердитаго лица никогда никто у нея не видалъ. Я увѣренъ, что теперь, когда Демьянъ Ильичъ вышелъ въ люди, живетъ гдѣ-нибудь на Лиговкѣ, въ квартирѣ съ цвѣточками на окнахъ и съ кисейными занавѣсками, Марья Яковлевна, его супруга, представляетъ изъ себя весьма уважаемую, ласковую, внимательную и аккуратную «даму» и скромную во всѣхъ отношеніяхъ женщину...

Къ Варварѣ жена Демьяна Ильича относилась весьма любезно, внимательно и цѣнила ее не менѣе, чѣмъ цѣнилъ и Демьянъ Ильичъ. «Варюша», «Варварушка», — другого наименованія для Варвары не было; а однажды, когда Варвара почти цѣлый день, съ трехъ часовъ утра до глубокой ночи, не садилась ни на минуту и ни на минуту не была безъ работы: стряпала работникамъ, разваливала копны, топила баню, при чемъ воды одной перетаскала ведеръ сорокъ, потомъ опять работала въ полѣ и т. д.—въ этотъ разъ жена Демьяна Ильича при всѣхъ похвалила Варвару, сказавъ: «И золотыя же у тебя руки, Варварушка!» Она

ясно видѣла, что мужъ ея, Демьянъ Ильичъ, влюбленъ въ Варвару, но и къ этому относилась весьма благосклонно, ибо отлично понимала, что Демьянъ Ильичъ влюбленъ не въ Варвару собственно (Марья Яковлевна была красивѣй ея въ двадцать разъ), а въ ея работу, въ легкость, неутомимость и какъ бы несокрушимое веселье работы. Въ этомъ именно смыслѣ и она сама любила Варвару. Варвара никогда не скажетъ: «у меня не двадцать рукъ!», или: «мнѣ не разорваться!», что поминутно слышатъ хозяйка и хозяинъ отъ всякой поденщицы, работающей изъ-за куска хлѣба и раздражающейся, если ей, кромѣ той работы, для которой она нанята, суютъ такъ-себѣ, мимоходомъ, какую-нибудь другую; этого ропота и не было въ Варварѣ; ей надобно было только намекнуть на работу да сказать по-дружески, и она сама немедленно же примется за нее да сдѣлаетъ по дорогѣ еще десятокъ дѣлъ, о которыхъ ее и не просилъ никто. Оба они, и Демьянъ Ильичъ и его супруга, были вполнѣ, безъ всякихъ переговоровъ и предварительныхъ разсужденій, молча согласны въ томъ, что работающему ребенку, какъ Варвара, надо дать волю работать до полнаго его удовольствія, надо не препятствовать, надо обращаться ласково, снисходительно улыбаясь, какъ улыбаются мудрые родители, не препятствуя ребенку играть, рѣзвиться... И Демьянъ Ильичъ и жена его такъ именно и относились къ Варварѣ: «Ну, играй, играй, что съ тобой подѣлаешь... Дѣло твое молодое... Ничего, играй... Ужъ такъ и быть». И Варвара, дѣйствительно, играла, и такъ пріятно, такъ весело, что если бы счесть въ деньгахъ, во что стала бы эта игра Демьяну Ильичу, эта работа, которую Варвара перерабатывала на его семейство ежедневно, такъ вышла бы большая-пребольшая сумма. А Варвара не заикалась даже о деньгахъ. Два только раза во все лѣто къ ней отецъ писалъ письма насчетъ денегъ. Письма эти она вручала Демьяну Ильичу, а тотъ посылалъ «по возможности». Варвара была довольна и благодарна, что Демьянъ Ильичъ «послалъ», что отцу «деньги» отъ нея пошли, а сколько, этого она не понимала...

Но, несмотря на то, что отношенія супруговъ къ Варварѣ были, вообще говоря, «отеческія» и походили на отношенія умныхъ родителей къ милому ребенку, иной разъ мнѣ приходило въ голову, что Демьянъ Ильичъ хотя и облысѣлъ со лба, т.-е. отъ ума, а не отъ чего другого, и не съ затылка, но что лысина, захватившая и «затылокъ»,—

заслуживаетъ нѣкотораго вниманія... Иногда въ похвалахъ Варварѣ я слышалъ въ голосѣ Демьяна Ильича такія ноты, а въ рѣчахъ такія слова и цѣлыя фразы, что невольно долженъ былъ задавать себѣ вопросы такого рода: «Да точно ли только со лба? Дѣйствительно ли отъ умственнаго напряженія? И не участвуетъ ли тутъ хотя отчасти затылокъ?..» Иногда мнѣ, кромѣ того, казалось, что и Марья Яковлевна относится къ происхожденію лысины своего супруга скептически и какъ бы не довѣряетъ его рѣчамъ. Слишкомъ большая выдержка Марьи Яковлевны въ ея отношеніяхъ къ Демьяну Ильичу, это непрестанное желаніе «не подать виду», чтобы между супругами могли происходить хотя малѣйшія недоразумѣнія, именно эти безукоризненныя стороны ихъ отношеній и вводили меня въ сомнѣніе. Думалось мнѣ, что иногда Марья Яковлевна разрывается отъ гнѣва на Демьяна Ильина, но что сдерживаетъ этотъ гнѣвъ ея адское терпѣніе, сильный характеръ и сильный умъ... И только благодаря этимъ качествамъ она не только можетъ переносить похвалы Демьяна Ильича, расточаемыя бабамъ-работницамъ и Варварѣ въ особенности, но и сама еще поддерживаетъ и даже усиливаетъ ихъ...

Разскажу одинъ небольшой эпизодъ, который, какъ мнѣ кажется, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вопросу о происхожденіи лысины Демьяна Ильича.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ Демьянъ Ильичъ съ своей рабочей артелью, протекала тощая, ничтожнѣйшая рѣчонка; да и не рѣчонка это была, а ручей; весной онъ бурлилъ отъ тающихъ снѣговъ и шумѣлъ массами тонкихъ, какъ стекло, льдинокъ, а лѣтомъ пересыхалъ, почти совершенно зарастая высокой болотной травой до того, что за ней не видно было со стороны почти ни капли воды; нужно было раздвинуть траву, и тогда увидишь, что на днѣ мокро, что тамъ вода. Лѣто, котораго касается разсказъ, было жаркое, сухое, и ручей пересохъ такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его можно было переходить почти по-суху. И вотъ именно потому-то, что лѣто стояло особенно жаркое, что ручей почти пересохъ, въ немъ оказалось множество рыбы. Дѣло въ томъ, что мѣстами въ руслѣ ручья попадаются глубокія ямки, сажени по двѣ длины и аршина на полтора глубины; за травой ихъ не видно. Весной, во время разлива, сюда заходитъ рыба, — налимы, родъ миногъ и щуки, — мечетъ здѣсь икру въ громадномъ количествѣ. Но обыкновенная

принадлежность здѣшнихъ мѣстъ, «дожди» не даютъ возможности ей расплодиться. При дождяхъ рѣчонка всегда примѣтна, всегда имѣетъ такую высоту, хоть и не больше четверти, что рыба можетъ уйти. Но въ сухое лѣто, когда рѣчонка мѣстами пересыхаетъ совершенно, рыба, попавшаяся весной въ яминки, сидитъ какъ въ садкахъ, и тутъ ее ловятъ пудами. Тайну эту открыли старикъ со старухой, жители сосѣдней деревни. Въ одинъ жаркій палящій день, видимъ, идутъ по лѣсу старуха, а за ней старикъ, и несетъ на плечѣ бредень.

— Куда это вы, старички?

— Да вотъ рыбки половить...

— Гдѣ же вы ловить ее будете?

— А вотъ.

И старикъ указалъ на пересохшую рѣчонку. Это указаніе до такой степени было удивительно, какъ если бы кто-нибудь объявилъ, что намѣренъ ловить рыбу у васъ, читатель, на письменномъ столѣ.

— Да вѣдь тутъ сухое мѣсто? Какая же тутъ рыба?

— Да не въ сухомъ она, въ мокромъ...—отвѣчали старики и ушли съ бреднемъ въ траву. Въ травѣ они скрылись оба, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, когда оттуда послышался плескъ воды и кряхтѣніе старичковъ. Старички вытащили полнехонькой бредень трепещущей и бьющейся на солнцѣ рыбы. Никто изъ всей рабочей артели не вѣрилъ своимъ глазамъ, но рыба, масса рыбы была налицо. Древніе старички отлично знали свою сторону; они знали, что «такое лѣто» было двадцать лѣтъ тому назадъ, и знали про ручей то, чего никто не зналъ изъ молодого поколѣнія деревни.

Рыбу принялись ловить всѣ, кто хотѣлъ, и въ короткое время опустошили яминки до тла. Демьянъ Ильичъ наловилъ и насолилъ однихъ щукъ и налимовъ двѣ кадки. Рыба была въ харчахъ рабочихъ каждый день, и вообще хорошее расположеніе духа у всей артели увеличилось во много разъ.

Однажды послѣ обѣда, въ ясный лѣтній день, Демьянъ Ильичъ, въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, сидѣлъ на крылечкѣ рабочей избы и грѣлъ на солнцѣ лысину, поглаживая ее ладонью и пріятно покряхтывая. Погода была отличная, дѣла шли хорошо, сѣно на участкѣ Демьяна Ильича уродилось, тогда какъ у сосѣдей и въ другихъ ближайшихъ съ Петербургомъ мѣстахъ погорѣло и посохло,—

словомъ, все было хорошо — Богъ, очевидно, «посылалъ» Демьяну Ильичу. Сидѣлъ-сидѣлъ онъ и надумалъ идти отъ-нечего-дѣлать ловить рыбу — не для чего другого, а такъ, для развлеченія. Надумавши эту забаву, онъ придумалъ и другую: идти ловить рыбу вмѣстѣ съ Варварой.

— Ма-ать! а мать! — сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая сидѣла внутри отворенной настежь избы.—Гдѣ бредень-то у насъ?..

— Рыбу, что-ль, ловить идешь?—спросила Марья Яковлевна.

— Хочу съ Варварой пойти попытать на досугѣ.

— Никакъ она стираетъ...

— Ну, успѣется... Варва-ра-а!

Варвара появилась изъ-за угла избы съ красными, покрытыми мыломъ руками, торопливо ихъ вытирая фартукомъ.

— Пойдемъ ловить рыбу. Бери бредень-то...

— Вымочишься, Варварушка... — сказала Марья Яковлевна, появляясь на крыльцѣ.

— Я подберусь!—устремляясь за бреднемъ, сказала Варвара.

Демьянъ Ильичъ вошелъ въ избу за картузомъ и сапогами, при чемъ Марья Яковлевна молча дала ему дорогу, не поднимая глазъ отъ чулка, который вязала, и опять не сказала ни слова, когда Демьянъ Ильичъ, уходя, сказалъ ей:

— Мы недолго.

Но Марья Яковлевна поняла, что тутъ ужъ не Варвара играетъ, а «играетъ» Демьянъ Ильичъ.

Пошли. Варвара шла позади Демьяна Ильича и несла на плечѣ бредень.

Воротились они, когда солнце уже садилось. Рыбы наловили мало; показывая ее женѣ, Демьянъ Ильичъ смотрѣлъ не въ лицо ей, а какъ-то мимо лица. Лицо Варвары было какое-то глупое, какъ бываетъ у нея въ скучные дождливые безрабочіе дни. Деликатная Марья Яковлевна, поглядѣвъ внимательно на мужа, на Варвару и на рыбу, молча опустила глаза на чулокъ и, помолчавъ и попрежнему не поднимая глазъ, сказала, обращаясь къ Варварѣ, обыкновеннымъ, ровнымъ, невозмутимо-ласковымъ тономъ:

— Завтра, Варвара, хлѣбы... Не забыть бы... Послѣднюю ковригу сегодня доѣдаемъ.

Это извѣстіе какъ бы оживило Варвару; она немедленно

принялась приготовлять все нужное для печенія хлѣба: квашню, муку, весло. Принялась скоблить, мыть, вытирать. Поздно вечеромъ изъ рабочей избы еще доносились звуки весла, стукающаго въ дно кадки.

Все, казалось, пошло своимъ порядкомъ, но на слѣдующій день Варвара была огорчена — хлѣбъ вышелъ ни на что непохожій: крѣпкій, какъ камень, и плоскій, какъ доска. Онъ вязнулъ въ зубахъ, какъ самая крѣпкая глина, и, благодаря этому, въ первый разъ Варвара увидѣла себя виноватой: Андріянъ сломалъ послѣдніе зубы, Иванъ прямо зарычалъ, да и всѣ были весьма недовольны. Всѣ были къ тому же, какъ на грѣхъ, голодны, такъ какъ работа была жаркая, спѣшная. Варвара опечалилась: она глубоко чувствовала, какъ огорчила весь этотъ народъ.

Цѣлые два дня она всячески «старалась» загладить свою неудачу и вину, работая за десятерыхъ и съ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда неудачный хлѣбъ будетъ съѣденъ. До этихъ поръ въ работѣ ея не было и тѣни старанія или усилія; теперь же она старалась и поэтому даже уставала, быть-можетъ, не столько отъ работы, сколько отъ того напряженно-безпокойнаго состоянія духа, которое она каждый день испытывала всякій разъ, когда рабочіе завтракали, обѣдали, полудничали и ужинали. Хлѣбъ не улучшался, а, напротивъ, становился все жестче и хуже, и народъ ѣлъ его, недовольный и обиженный.

Наконецъ кое-какъ доѣли. Варвара была необыкновенно счастлива, принимаясь за новую квашню; она опять скребла и мыла, крестила и внутри квашни и снаружи; весло стучало и сильнѣе и несравненно дольше этотъ разъ, чѣмъ въ прошлый, и я не знаю, спала ли даже Варвара эту ночь. Но на слѣдующій день она была положительно испугана. Ее нельзя было узнать: въ ней пропало веселье, сила, легкость—все, что было—это была какая-то другая Варвара, испуганная и глупая, и недаромъ: хлѣбъ опять вышелъ хуже подошвы. Вмѣсто хлѣба получилась какая-то чугунная лепешка.

— Какъ же это ты, Варвара?—ласково сказала ей Марья Яковлевна, качая головою.—Ишь ты вѣдь какъ...

Варвара ничего не могла отвѣтить. Она совершенно растерялась. Но то, что послѣдовало за появленіемъ этого второго неудачнаго хлѣба, окончательно сокрушило ее. Народъ, придя обѣдать и увидавъ этотъ безобразный хлѣбъ, прямо забунтовалъ. Иванъ началъ первый: онъ бросилъ хлѣбъ

собакамъ, заоралъ о расчетѣ, заоралъ на Демьяна Ильича, чего онъ, лысый чортъ, держитъ въ стряпухахъ такого косолапаго идола, а Ивана поддержали бабы. Бабы такіе давали эпитеты этому хлѣбу, что у Варвары только вянули уши. Никогда отъ роду не была она такой безпомощной и виноватой дурой. И брань и ропотъ сдѣлали то, что надо было посылать за хлѣбомъ въ деревню, послѣ чего Варвара бросила ложку, которою наливала изъ котла горячее, и ушла, заливаясь слезами, въ сарай... Она выбралась оттуда ужъ къ вечеру, наплакавшись досыта, чувствуя себя несчастной, виноватой и одинокой. Вышла она потому, что надобно было убирать скотину, но работала, какъ автоматъ. Кой-какъ окончивъ уборку, вошла она въ избу и застала здѣсь Марью Яковлевну за работой; Марья Яковлевна мѣсила хлѣбы.

— Сама хочу попытать...—сказала она Варварѣ:—Что такое, Господи помилуй? Отчего?

Варвара сидѣла какъ сонная, смотрѣла на работу Марьи Яковлевны, но ночью не спала.

Настало утро. Варвара за завтракомъ почти ничего не ѣла, работала вяло и какъ бы неохотно. Пришли обѣдать. Варвара какъ-то сама собой устранилась отъ должности стряпухи и толкалась безъ дѣла около печи (обѣдали въ избѣ).

— Ну-ка, Яковлевна, давай хлѣбца-то свѣженькаго!.. Авось, на твое счастье, хлѣбъ-отъ удался!..—заговорили мужики.—Поголодила насъ Варвара, поголодила...

— Охъ...—отвѣчала Марья Яковлевна.—Погоди хвалить-то. Смерть боюсь я... Пожалуй, какъ бы хуже не было...—И полѣзла въ печку лопатой, которою вынимаютъ хлѣбы. Не безъ любопытства публика взирала на зѣвъ печки, въ ожиданіи появленія хлѣба. Марья Яковлевна заглянула туда, покраснѣла и, потянувъ лопатку, какъ-то жалостливо прошептала: «Охъ, милые мои...» Это «охъ» произвело на Варвару оживляющее дѣйствіе: она понадѣялась, что Марья Яковлевна оправдаетъ ея неудачную стряпню такой же неудачей, но Марья Яковлевна вытащила наконецъ... такую великолѣпную ковригу, такую румяную, пышную, ароматную, что Варвара сгорѣла со стыда...

— Охъ, ты... как-кая!—тоже какъ бы жалобно проговорила Марья Яковлевна и покачала головой, тогда какъ публика покатилась со смѣху отъ удовольствія... «Охо-хо-хо! — прогоготалъ Иванъ, опять первый: — вотъ такъ

хлѣбъ!..»—и какъ побѣдитель поглядывалъ на Варвару. Да и всѣ наши глядѣли такими глазами, какъ бы хотѣли сказать: «Что, косолапая? Вотъ какъ хлѣбы-то пекутъ!» Но почему Марья Яковлевна «охала» при такомъ своемъ торжествѣ и не глядѣла на Варвару? Ужъ не виновата ли она тутъ въ чемъ нибудь? Не знаю. Знаю только, что Варвара, сгорѣвшая со стыда и уничтоженная этой великолѣпной ковригой, вдругъ въ одно мгновеніе *возненавидѣла* Марью Яковлевну.

Вдругъ, въ одно мгновеніе, она *поняла,* что этой ковригой Марья Яковлевна оскорбила ее до глубины души... Въ головѣ Варвары мелькнула, какъ молнія, мысль: «не тѣ дрожди!»—и гнѣвъ рванулъ ее за сердце. Она сорвалась съ мѣста, бросилась вонъ, хлопнула дверью, что есть мочи, и, совершенно какъ безумная, бросилась сначала въ амбаръ, потомъ въ сарай, потомъ въ баню. Въ первый разъ въ жизни она была разозлена, не разсержена, а разозлена, не какъ ребенокъ, а какъ женщина, которую «бабьи сплетни» окатили цѣлымъ ушатомъ помой... «Уйду-уйду-уйду-уйду!..»—немолчно звучало въ ея ушахъ, во всемъ ея существѣ, когда она металась по двору, точно ища чего-то, и, дѣйствительно, она хотѣла найти свою ваточную кацавейку... И съ каждой минутой она все больше и больше *понимала,* и то, что она понимала, вихремъ вертѣло ея голову... Она поняла, что это—месть за то, что Демьянъ Ильичъ ласковъ, поняла, сколько ехидства въ кротости и ласкѣ Марьи Яковлевны. Поняла, какой подлецъ Демьянъ Ильичъ и изъ-за чего онъ къ ней ласковъ... Вспомнила рыбную ловлю... Вспомнила, какъ гоготали мужики, разсказывая разныя скверности. Поняла, что все это скверность; поняла, почему на нее золъ Иванъ, поняла всѣ отношенія, всю ихъ суть, всю ихъ безсовѣстность, расчетъ, лежавшій въ основаніи этой внимательности. Поняла, что никто съ ней *по правдѣ* не говорилъ, никто по правдѣ не относился, всѣ безсовѣстные, гадкіе, злые... а она—совсѣмъ, совсѣмъ одна на бѣломъ свѣтѣ, совсѣмъ одна. Вдругъ вспомнила она старика-отца и вдругъ залилась слезами, но эти слезы не уменьшили ея гнѣва, даже какъ бы увеличили. Гнѣвное возбужденіе дошло у ней до такихъ размѣровъ, что она сама не помнила и удивлялась, гдѣ она нашла свои вещи, почему то связывала, то развязывала эти несчастныя тряпки, и затѣмъ, собираясь уйти, вдругъ принялась стирать какое-то ваное платьишко, стирать торопливо лихорадочно.

Въ такую минуту (она стирала въ банѣ, въ корытѣ) въ баню заглянулъ одинъ изъ рабочихъ; это былъ уже немолодой отставной солдатъ, Пахомъ. Его не любили въ артели, да и Демьянъ Ильичъ его не долюбливалъ и ни во что не цѣнилъ. Взяли его въ артель потому, что по случаю хорошаго сухого лѣта рабочіе были дороги и приходилось брать кое-какихъ. Попалъ такимъ образомъ въ число рабочихъ и Пахомъ. Онъ былъ человѣкъ лѣнивый, неумѣлый; въ работѣ онъ отставалъ рѣшительно отъ всѣхъ, даже отъ самой хворой и слабой бабы; ѣсть ему хотѣлось всегда часами двумя раньше времени и раньше, чѣмъ приходилъ аппетитъ другимъ. Работалъ онъ поэтому всегда съ какимъ-то непріятнымъ, почти злымъ выраженіемъ лица, подмѣчалъ всевозможные недостатки въ работѣ товарищей, въ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, критиковалъ и обобщалъ болѣе, чѣмъ косилъ и пахалъ. Получалъ онъ меньше всѣхъ. Вотъ этотъ-то Пахомъ и заглянулъ въ баню къ Варварѣ въ ту минуту, когда она и плакала, и негодовала, и не имѣла въ головѣ другихъ мыслей, кромѣ: «уйду, уйду, уйду!..»

— Что, Варвара,—сказалъ онъ, сидя на порогѣ и набивая трубку:—видѣла, какъ нашего брата, бѣднаго человѣка, уважаютъ?

— Уйди ты, дуракъ косорылый! Чего тебѣ надобно? Пошелъ ты отсюда вонъ, безсовѣстный!..—не помня, что говоритъ, оборвала его Варвара.

Пахома это не удивило, онъ не разсердился и довольно спокойно сказалъ:

— Что ты, матушка?.. чего ты? я вѣдь понимаю эти дѣла-то... Слава Тебѣ, Господи, пожилъ на свѣтѣ... Чего мнѣ нужно? Ты ужъ больно того... И слова сказать нельзя... ты не того... Я вѣдь, кажется, видѣлъ, какъ они тобой помыкали. И твою работу знаю!..

Варвара ничего ему не отвѣчала.

— По твоей работѣ,—продолжалъ Пахомъ уже совершенно спокойно и не спѣша:—по твоей работѣ тебѣ, надобно прямо сказать, цѣны нѣту. Цѣна тебѣ—милліонъ! Больше ничего!.. А ты вотъ осерчала... Нешто я тебѣ худого желаю? Я тебѣ говорю по совѣсти: нѣтъ тебѣ цѣны,—вотъ какая твоя работа... А они, черти, хотятъ всякаго человѣка обобрать. Работаешь-работаешь, гнешь-гнешь спину, а пришло дѣло къ расчету — много ли—три копейки! Тутъ бы съ него, подлеца, надо сколько денегъ-то, ежели бы по-настоящему? А онъ твои-то деньги—въ кар-

манъ, да изъ кармана въ сундукъ, да сундукъ-то на замокъ, а ты гуляй безъ сапогъ... Знаю! Довольно знаю...

Пахомъ покурилъ, поплевалъ и продолжалъ:

— А ты, ежели ты только послушаешь моихъ словъ, то по твоему характеру идти тебѣ въ Питеръ—первое дѣло. Чего тебѣ тутъ копаться? Какого чорта, прости Господи? Изъ-за чего? Да я самъ, ежели бы не обѣднялъ насчетъ одежи—минуты бы тутъ не остался, пропади они пропадомъ. Я-бъ въ Питерѣ-то давнымъ-давно двадцать пять цѣлковыхъ на хозяйскихъ харчахъ получалъ, не то что... Живалъ вѣдь, слава Тебѣ, Господи, знаю. Что мнѣ за корысть врать? Хоть у кого хочешь спроси, вѣрно ли я говорю. Всякій тебѣ отвѣтитъ... Тамъ куфарки получаютъ по пятидесяти рублей серебра... Издохни я на семъ мѣстѣ, ежели неправда... Вотъ до чего достигаютъ! А тутъ—три копейки... Ты чего ревешь-то? Ты вотъ слушай, что я говорю, а ревѣть-то перестань... Расчетъ-то съ нихъ съ подлецовъ стребуй, все стребуй до полушки, да и съ Богомъ на машину. А тамъ, братъ, мѣстовъ—сколько угодно! Тамъ, ежели сказать тебѣ, не соврать, такая дѣвица, какъ ты, Варя...

Не хотѣла Варвара слушать этого болтуна, да почти и не могла слушать его, такъ она была поглощена своимъ оскорбленіемъ, возбуждена гнѣвомъ, ощущеніемъ одиночества и глубокимъ состраданіемъ къ отцу... Но болтунъ болталъ не переставая, расписывалъ ей Питеръ такими великолѣпными красками, какія только приходили ему на умъ, и въ воображеніи Варвары невольно стало вырисовываться какое-то удивительное, заманчивое мѣсто, гдѣ она можетъ найти и покой и довольство, и благодаря которому можетъ даже отомстить. Стирая свое тряпье съ той же лихорадочной поспѣшностью, какъ и прежде, она невольно ужъ вслушивалась въ разговоры Пахома о подаркахъ, о шелковыхъ платьяхъ... Почему-то особенно неотразимо поддавалась она обаянію словъ: «отъ барыни не отличишь», «чисто какъ барыня», «надѣнетъ платье, зашумитъ хвостомъ—графиня, а была вотъ какъ ты же» и т. д. Слушая и горячо принимая къ сердцу эту болтовню отъ-нечего-дѣлать, она въ то же время не могла удержать своего воображенія, рисовавшаго ей, Варварѣ, ее же, Варвару, въ разныхъ, до сихъ поръ совершенно незнакомыхъ ей видахъ. Вотъ она посылаетъ отцу деньги, много-много, и отецъ покупаетъ корову, строитъ новую избу. Вотъ она въ шелковомъ платьѣ проходитъ мимо злой мужички Марьи Яков-

левны и т. д. Воображеніе, въ первый разъ возбужденное съ необыкновенной силой, не давало ей покою. Она стирала свои тряпки такъ, какъ будто хотѣла разорвать ихъ, и въ ея головѣ такъ же настойчиво, какъ и «уйду-уйду-уйду», звучало: «Питеръ-Питеръ-Питеръ»...

— Вѣдь сманилъ, жидъ проклятый, Варвару-то!—съ сильнымъ волненіемъ говорилъ мнѣ Демьянъ Ильичъ на слѣдующій день поутру.—Въ Питеръ и—шабашъ! Ахъ, песъ этакій! Вѣдь ему, канальѣ, только бы съ нея на выпивку вызудить!.. А что она въ Питерѣ? Долго ли!.. Ахъ, безсовѣстный человѣкъ! Вѣдь такъ зря языкъ болтаетъ невѣдомо что, а она и въ самомъ дѣлѣ помчалась, какъ угорѣлая! Онъ ей наперекоски черезъ лѣсъ пустился, догналъ-таки у самаго кабака, выпилъ. Вотъ вѣдь какіе люди на свѣтѣ есть!

Демьянъ Ильичъ жалѣлъ и крѣпко жалѣлъ Варвару, но, какъ видимъ, уже послѣ ея удаленія. Онъ также понялъ, отчего у Варвары выходили плохіе хлѣбы, а у жены вышли превосходные. Понялъ и покорился. Вступиться за Варвару—значитъ завести раздоръ въ семьѣ, а это нехорошо. Жена у него—человѣкъ дѣловой. Онъ скрѣпился и промолчалъ, а жаль, жаль Варвару. Да и всѣ поняли, въ чемъ дѣло, и всѣ ее жалѣли. Марья Яковлевна тоже жалѣла и, частенько покачивая головой, говорила:

— И что за чудо? Вѣдь, кажется, и дрожди тѣ же, и все...

«Дрожди... — ожесточенно, но молча, думалъ Демьянъ Ильичъ, слушая такія рѣчи:—знаю я тебя, ехидна!..»

А молчалъ, «виду не показывалъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ Варвара ушла отъ Демьяна Ильича, ни его самого ни его супруги никогда я уже болѣе не видалъ. О Варварѣ пришлось вспомнить послѣ случайной встрѣчи съ Иваномъ, а послѣ нея и до настоящаго времени ни о Варварѣ ни объ Иванѣ не приходилось даже и думать. Гдѣ Варвара? Что съ ней? И точно ли Иванъ не ошибся, говоря мнѣ при встрѣчѣ, что Варвара проѣхала по Невскому? Ничего я этого не знаю. Быть-можетъ, она здравствуетъ; быть-можетъ, умерла; быть-можетъ, и такъ пропала—все можетъ быть. Такіе люди, какъ Варвара, живутъ безъ біографій: только «необыкновенный» случай выдвигаетъ ихъ изъ неизвѣстности, тьмы и безпомощности; въ обыкновенное же время они—только цифры, «статистическія данныя» и больше ничего.

СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА.

I. Мнѣнія фельдшера Кузьмичова о современномъ обществѣ.

...Сквозь крѣпкій, тяжелый сонъ давно уже ощущалъ я признаки какой-то суеты вокругъ меня, надо мной и около меня, но рѣшительно не могъ раскрыть глазъ. Что-то гремѣло и стучало надъ головой, что-то билось у самой головы, уткнувшейся въ подушку лицомъ, что-то шумѣло и надо мной, и близъ меня, и гдѣ-то далеко... И только тогда, когда все это стихло, я вдругъ открылъ глаза и понялъ, что это пароходъ останавливался у пристани, что около моей головы бились волны взбудораженной пароходомъ Волги, что на палубѣ вверху бѣгали рабочіе, смурыгали канаты и гремѣла рулевая цѣпь.

Открылъ я глаза, а вставать не хочется; ослѣпительные лучи утренняго солнца, отраженные водою на бѣлый потолокъ общей каюты, играютъ, зыблются и слѣпятъ; въ круглое окно подуваетъ легкій свѣжій вѣтерокъ съ запахомъ рѣчной воды, по временамъ же и запахомъ рыбки, а подчасъ и нефти. Но лежать покойно, хорошо, и вставать не хочется. И вотъ, лежа и не поднимая головы, я узнаю, что въ каютѣ есть пассажиры, которыхъ совсѣмъ не было, когда я въ Нижнемъ вечеромъ сѣлъ на пароходъ. Одинъ лежитъ и кашляетъ у меня въ головахъ, а другой, вѣроятно, за общимъ столомъ чай пьетъ: слышно, какъ звякаетъ въ стаканѣ чайная ложечка.

— А что капитанъ-то? Куда онъ дѣвался?—сиплымъ, не то простуженнымъ, не то опившимся голосомъ, хотя и съ

мягкимъ и добрымъ оттѣнкомъ, спрашиваетъ пассажиръ, лежащій у меня въ головахъ.—Ай вылѣзъ на пристани-то?

— Видно, вышелъ... Не видать что-то... Я, признаться, заснулъ, станціи двѣ проспалъ, не видалъ... Должно-быть, вышелъ, и вещей нѣту...

— Однако,—кашляя сухимъ, тяжелымъ кашлемъ, продолжалъ мой сосѣдъ:—досталось ему по женской части, какъ поразсказалъ! Довольно искусно!.. Должно-быть, и баба тоже попалась вострая... Я считалъ-считалъ и счетъ потерялъ, сколько у ней душенекъ-то перебывало... Наконецъ, того, въ сумасшедшій домъ упечатала!.. Эво какъ! Въ Сенатъ, что ли, хотѣлъ жаловаться?

— А, право, ужъ что-то не припомню... кажется... впрочемъ... въ Сенатъ.

— Какъ же! въ Сенатъ и въ Правительствующій Синодъ... А по-моему въ эфтомъ разѣ оставь, уйди... Коли самъ весь въ дырахъ, такъ ужъ что̀ тутъ, какой Синодъ. Вѣдь и ихнюю сестру тоже надобно пожалѣть: изъ нашего брата сволочи-то тоже, слава Тебѣ, Господи, сколько... Тоже вѣды!..

— Какъ вамъ сказать?—съ оттѣнкомъ какъ бы серьезной задумчивости въ голосѣ проговорилъ собесѣдникъ, пившій чай.—Конечно, при чемъ же тутъ можетъ быть Святѣйшій Синодъ или, напримѣръ, Сенатъ? Но я вамъ вотъ что̀ скажу: даже и молодому человѣку, который, положимъ, что имѣетъ, напримѣръ, возможность, и то весьма трудное это дѣло, то-есть женская часть!

— Н-не знаю! Не знаю я этого... Я даже такъ скажу: опасаюсь и соваться въ эти дѣла,—то-есть, напримѣръ, по этой самой дамской части... А что ежели сказать по совѣсти, по чистой душѣ, такъ я склоняюсь къ арфисткамъ! Передъ истиннымъ Богомъ! Это я скажу при васъ ли, при комъ угодно... Что̀ мнѣ утаивать? Свиное, такъ оно и соотвѣтствуетъ къ свиному... Зачертишь недѣли на двѣ — и бултыхъ въ омутъ, только и всего! Что̀ же? Ежели и такъ взять: тоже вѣдь и онѣ—люди, арфистки-то!

— Я этого вопроса не касаюсь, а говорю...

— Чего ужъ касаться! Касайся не касайся, а выше своего носа не прыгнешь. Мнѣ маменька давно зудитъ: «женись, женись»... Зачѣмъ? По хозяйству у меня полонъ домъ бабъ: маменька, двѣ сестры. А ежели не для хозяйства, такъ я даже и опасаюсь... Самъ-то дуракъ да дуру возьмешь—будетъ два дурака... Имназистку? Такъ она училась, понимаетъ... А я даже ежели цифру которую подлин-

нѣй написать, и то ошибусь сто разъ... Нешто насъ чему учили родители?—Такъ вотъ я и думаю, что самое подходящее нашему брату—арфистка. Мусоръ къ мусору—и обѣихъ въ помойную яму, туда и дорога! Ежели этакая-то мусорная дама другой разъ и по мордѣ тебѣ дастъ подгулямши, и то смолчишь: свой своему... А попадись нашему брату добрая, да умная, да смирная, да, сохрани Господи, ученая, такъ вѣдь мы ее должны на части разорвать съ одного, что она хорошая... Нашъ братъ тоже вѣдь, ухъ, какой дьяволъ бываетъ!

Все это сосѣдъ, лежавшій у меня въ головахъ, произнесъ медленно, совершенно спокойно, своимъ сиплымъ голосомъ, въ которомъ я теперь ясно слышалъ ноту полной искренности и доброты. Даже такія выраженія, какъ «свиное къ свиному», «мусоръ къ мусору»—выраженія, казалось бы, рисующія негодованіе человѣка на самого себя, горькое сознаніе своихъ дурныхъ свойствъ,—и они произносились имъ совершенно просто, единственно только какъ самыя вѣрныя, несомнѣнныя опредѣленія, не больше.

Долго кашлялъ мой сосѣдъ сухимъ, удушливымъ кашлемъ послѣ своего признанія, и это заставило молчать собесѣдника, пившаго чай.

— Отвѣчать на ваше предложеніе я не могу,—заговорилъ наконецъ собесѣдникъ:—я этихъ предметовъ не касаюсь, потому что человѣкъ я занятой. Но позвольте вамъ сдѣлать такое замѣчаніе. Съ дѣтства я нахожусь безъ роду, безъ племени, безъ отца, безъ матери, положительно не имѣя пристанища. Что̀ были дворовые при господахъ, да еще при жестокихъ? Ну, такимъ образомъ я съ самыхъ первыхъ день видѣлъ самую горькую долю. Маменька была сослана за убійство ребенка своего, и не знаю... можетъ, и жива еще! Каково это знать дѣтскому сердцу? Слѣдовательно съ дѣтства я вполнѣ понималъ горе человѣческое и видѣлъ крестьянскія мученія, и душа у меня изболѣла. Впослѣдствіи времени, когда это кончилось, Господь меня призрѣлъ: пріѣхалъ молодой баринъ, студентъ, человѣкъ совсѣмъ другого роду: ни псарни, ни этого кнутовья, ни чтобы насчетъ бабъ,—ничего этого. Домъ заколотилъ, жилъ въ одной каморкѣ, лѣчилъ мужиковъ... Совсѣмъ не то, что̀ родители: добрый былъ и призрѣлъ меня, обратилъ вниманіе,—и вотъ въ настоящее время я съ Божіею помощью имѣю кусокъ хлѣба: я состою фельдшеромъ въ земствѣ; фамилія моя—Кузьмичовъ. Но только позвольте вамъ ска-

зать: и земствъ много, и фельдшеровъ много, и членовъ, и депутатовъ—всего этого довольно...

— Сколько угодно!—сипло произнесъ мой сосѣдъ.

— Весьма много! Но такъ какъ, быть-можетъ, они не изъ нашего сословія, не знаютъ горя, бѣдствія человѣческаго, то хоть и получаютъ тысячи, но общественнаго блага отъ этого не видать, то-есть мало гдѣ можно встрѣтить...

— Махонькими, значитъ, порціями? этакъ только на вилочку зацѣпить?

— Весьма вѣроятно! Но такъ какъ во мнѣ изъ дѣтскихъ лѣтъ вкоренено печальное состояніе ума, и сердце пріучено къ содроганію, и потомъ учитель мой и благодѣтель, который воззвалъ меня изъ ничтожества и постановилъ человѣкомъ, также мнѣ внушалъ, что такое есть долгъ совѣсти, такъ я безъ хвастовства могу сказать, что во мнѣ есть совѣсть и есть чувство. Я хоть и двадцать пять рублей получаю въ мѣсяцъ, но, по совѣсти, съ любымъ членомъ, который глотаетъ тысячи полторы-двѣ, въ сравненіе себя не поставлю. Это я говорю честно, благородно. Я хоть фельдшеръ, ничтожная часть человѣчества, но я обществу служу не на словахъ, а на дѣлѣ. На словахъ много охотниковъ, а ты поди-ка на дѣлѣ! своими руками, носомъ-то своимъ сунься къ болящему. А это въ моей природѣ: сердце у меня нѣжное, и я скорблю! Приди ко мнѣ мужикъ, или, напримѣръ, пришли фаэтонъ какой-нибудь кулакъ, я пойду къ мужику, а фаэтонъ подождетъ! Я смѣло могу сказать, что есть я дѣятель для общества, но не для себя. Я бы могъ взятки брать, кулаковъ пользовать, но, напротивъ, безъ хвастовства говорю, самъ даю свои деньги мужикамъ. Къ иному придешь—ни свѣчки, ни хлѣба, ни дровъ, горячей воды не на чемъ вскипятить, обмыть больное мѣсто. Ну, и даешь! Кулакъ сунетъ тебѣ рубль, а я его мужику отдамъ... Я говорю не то, чтобы я хвалился, а собственно доказываю, что во мнѣ есть природа совѣстливая и убѣжденіе.

— Не знаю!—сказалъ сосѣдъ.—У нашего брата не слыхать этого... Она нашему брату даже во вредъ, совѣсть-то: препятствуетъ! Живемъ себѣ такъ, безъ совѣсти, постепенно острога дожидаемся... Ты вотъ по совѣсти хлопочешь, пилюли даешь, а нашъ братъ подвалитъ тебѣ сразу какого ни на есть смраду изъ своей фабрики въ рѣчку да распуститъ его верстъ на двадцать, одурманитъ и скотину и народъ, а ты лѣчи тамъ, давай пилюли!

— Это намъ вполнѣ извѣстно! Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ санитарнаго надзора, и, вѣроятно, со временемъ и будетъ достигнуто. Дѣло не въ этомъ... Я васъ покорнѣйше прошу обратить вниманіе на мои слова: мы завели рѣчь о женскомъ вопросѣ. Теперь, взявши, напримѣръ, мое положеніе, спрашиваю васъ: могу ли я имѣть подругу, которая бы соотвѣтствовала моему сердцу, чтобы она понимала мою скорбь о ближнемъ и чтобы она не только не препятствовала, но побуждала? И я вамъ отвѣчаю: трудно!

— Не знаю, голубчикъ! Не касался я этого! Вотъ какъ лопнетъ нашъ банкъ, да поведутъ насъ всѣхъ, подлецовъ, на цѣпи, вотъ и будетъ окончаніе. А пока что, ввязался въ омутъ, — вертись да совѣсть изъ себя выбирай, какъ причалъ изъ воды... А больше мы не знаемъ! Не знаю я! Боюсь я этого! Даже и думать объ этомъ намъ не подходитъ!.. Врешь-врешь, вертишься-вертишься, да бултыхнешь туда, въ «слободку», «къ арфисткамъ» — ну, и будто въ своемъ мѣстѣ! Доберешься до навозу-то, ну, оно будто и хорошо!

— Хотя вы, кажется, и преувеличиваете ваши взгляды,— послѣ небольшого молчанія проговорилъ собесѣдникъ моего сосѣда: — однакоже позвольте мнѣ окончить мое мнѣніе. Сколько я на своемъ вѣку ни соприкасался съ женскимъ вопросомъ, постоянно я вывожу заключеніе одно: очень трудно! И мнѣ вѣдь тоже надобенъ иной разъ уголъ, уютъ. Мерзнешь-мерзнешь по зимамъ-то, захочется въ свободный часъ и погрѣться и слово сказать. Тоже существуетъ сочувствіе человѣческое, называемое «рука помощи». Такъ— вѣрите ли?—не выходитъ! Я теперича ѣду на новое мѣсто служенія, а до сего времени я служилъ подъ столицей, близъ большой станціи желѣзной дороги... Пунктъ бойкій, и служащаго народу очень довольно. Дамскаго полу много. Даже такъ много, что, ей-Богу, беретъ жалость: куда, думаешь, дѣнется весь этотъ народъ? У всѣхъ жены и всѣ родятъ. И стрѣлочники, и телеграфисты, официанты, повара, кондуктора, начальники станцій, депо — у всѣхъ, у всѣхъ дѣти, и все больше дѣвочки... Мальчики—и такъ и сякъ, ну, а дѣвочки? Куда, позвольте узнать?

— А мы-то?—сказалъ сосѣдъ тѣмъ же безстрастнымъ тономъ своего осипшаго голоса.— С-слопаемъ! Это мы все счавкаемъ, сдѣлай милость! В-ссе!..

— Знаю! Знаю я это и безъ числа самъ видѣлъ. Въ этомъ-то и состоитъ чрезвычайное огорченіе... И вѣрите

ли, какой былъ случай на моихъ глазахъ? Одинъ оберъ-кондукторъ, мало того что отъ жены у него трое ребятъ, еще монашенку совратилъ (тоже пошла въ монастырь изъ бѣдности), въ своей квартирѣ поселилъ, и отъ нея двое ужъ, а впослѣдствіи времени нянька къ нему поступила, такъ и тоё!

— Да чего ты? Я тебѣ скажу, въ Воронежской губерніи купцы Бѣлокуровы купили имѣніе, такъ праздновали новоселье, и одинъ нашъ былъ тамъ, захватили его въ Москвѣ, такъ разсказывалъ: «Загонъ, говоритъ, противъ дому сдѣлали. Противъ-то дому роща, такъ обнесли, вишь, ее столбами, по столбамъ канатъ вытянули, да со всей округи бабъ и дѣвокъ созвали и загнали въ загонъ-то, перепоили, да какъ стемнѣло, и пошли забавляться... Какъ волки, вломятся туда въ загонъ-то, подхватятъ что̀ по вкусу и продолжаютъ. Вотъ какъ бываетъ! А это что̀! Оберъ-кондукторъ! Тутъ чисто какъ волчья стая. И никто не пикнетъ, потому: «платимъ»!.. Поди-ка, откажись отъ щеколадной бумажки-то?.. Отказываться! Сами идутъ!

— Я про то и ужасаюсь, что сами, сами... Куда имъ дѣваться? Да что̀? Когда это оберъ-то кондукторъ, какъ я вамъ разсказывалъ, няньку-то молоденькую вовлекъ, такъ та сначала-было жаловаться хотѣла. Такъ что-жъ вы думаете? Сама жена и монашенка-то стали ее усовѣщевать,— стали уговаривать, что, молъ, «живи съ нимъ, молчи, а то отъ мѣста откажутъ». И самъ-то онъ этимъ же дѣйствуетъ: «Только, говоритъ, пикнешь — сейчасъ откажутъ; всѣ подохнете голодомъ, со всѣмъ вашимъ племенемъ нарожденнымъ». Молчатъ, живутъ, родятъ, другъ дружку уговариваютъ... Вотъ вы чему подивитесь... Однакоже узнало начальство, и теперь, я слышалъ, точно что отрѣшили отъ должности, такъ что теперь, извольте сосчитать, сколько народу должно по міру пойти?

— Да мы еще прибавимъ этакого же племени!

— Глядѣвши только на это, и то содрогаешься: куда это дѣвать? Вѣдь наконецъ отвѣчать надо передъ Богомъ за человѣческую жизнь. Но, съ другой стороны, если взглянуть съ такой точки зрѣнія, чтобы начальство оставило этого самаго оберъ-кондуктора на своемъ мѣстѣ, такъ вѣдь сколько бы онъ еще ихней сестры перекалѣчилъ! Человѣкъ—прямо сказать, звѣрь, первый плутъ по всей линіи... Деньжонки у него водились, потому что, откровенно сказать, даже на парѣ брался провезти сколько угодно—и народу

и товару—и никакое начальство сыскать не можетъ... Весь поѣздъ обыщи—ничего не найдешь, а онъ везетъ двадцать человѣкъ... Деньжонки у него завсегда водились. Такъ сколько бы, говорю, напортилъ и народилъ?

— Что-жъ? Ничего! Сколько угодно! Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, да ежели, паче чаянія, еще годовъ восемь-девять въ острогъ нашего брата не пригласятъ, ничего! Вали, слопаемъ, сколько ни народи!

— Въ этомъ-то и заключается горе; и главное—все это явственно, какъ на ладони,—вотъ передъ самыми глазами,—и что-жъ? Которыя вотъ, какъ вы говорите, женщины или дѣвицы не слопаны, даже нисколько не страшатся! Какъ поѣздъ подходитъ, полна платформа женскаго сословія: гуляютъ, пока есть во что одѣться да есть что жевать. Мужицкаго труда не знаютъ, мастерствомъ много не наживешь, да и много ужъ очень народу: пять дѣвицъ-швей на одно платье, гуляютъ себѣ, дожидаются, не подвернется ли женихъ, а не женихъ, такъ вотъ такой же оберъ, а не оберъ, такъ и такъ кто-нибудь, кто болтать мастеръ да посулы сулить.—«Вѣдь вы же видите, Авдотья Петровна, говорю, бѣдствіе: съ одной то-то вышло, съ другой то-то, съ этой еще хуже, а сами стремитесь расплождать голодныхъ? Не лучше ли вамъ выйти за мужика? По крайности при домѣ».—«Вотъ, стану я съ мужикомъ жить!» Вотъ ихній разсудокъ!

— Да вѣдь тоже, поди-ка, поживи съ мужикомъ-то, попробуй-ка его оглоблевой науки!

— И это знаю, знаю я! Но вѣдь лучше же трудомъ жить, чѣмъ такъ, невѣсть на что разсчитывать. Ну, пироги пеки, продавай, экзаментъ выдержи, учи, получай тамъ что-нибудь! А то вѣдь въ сидѣлки даже въ больницу, на жалованье, и то съ большимъ затрудненіемъ идутъ: всѣ невѣдомо на что разсчитываютъ.—«Въ депо еще, говорятъ, двое холостыхъ остаются». — «Но позвольте, говорю, вамъ замѣтить, Марья Ивановна, что, во-первыхъ, въ депо Андреяновъ ни во вѣки вѣковъ не женится, а во-вторыхъ, что у него сломана при столкновеніи нога; что-жъ касается Капустина, то потрудитесь счесть, сколько на него одного приходится дѣвицъ вашего положенія? А вѣдь всѣ только и думаютъ, что «въ депо еще двое остались». Позвольте, говорю, вамъ замѣтить, что въ отношеніи этого дѣла и телеграфистамъ, и стрѣлочникамъ, и оберъ-кондукторамъ, и въ депо, и въ подвижномъ составѣ—вездѣ наконецъ должны

обозначиться предѣлъ, мѣра и граница».—«А можетъ, какія другія должности произведутъ?» И хотя бы малѣйшая плачевность! Даже о себѣ нѣтъ никакого серьезнаго попеченія, не то что о другихъ. Случись съ кѣмъ грѣхъ — сейчасъ осудятъ, а подумать, что и самой можетъ угрожать паденіе, ни во вѣки вѣковъ!.. Такъ вотъ извольте судить, возможно ли, предположимъ, хотя бы мнѣ найтить себѣ подругу или какое-нибудь осмысленное существо, хотя приблизительно? Откровенно скажу, много ихъ ко мнѣ стремилось... Все-жъ-таки у меня мѣсто, жалованьишко какое ни на есть, да и молва про меня не худая; напротивъ, всѣ довольны, потому что я исполняю свое дѣло благородно и серьезно. Думаютъ также онѣ, что я, по примѣру прочихъ, и мошенничаю, ворую въ больницѣ, и что, слѣдовательно, у меня есть доходы, и въ концѣ концовъ, конечно, главное то, что я не женатъ. По этому случаю много я ихъ вижу.—«Михалъ Михалычъ! У меня болитъ палецъ».—«Позвольте!» Осматриваю, ничего нѣтъ! Погляжу ей въ глаза, а тамъ все и обозначено. Говорю:—«Во-первыхъ, вамъ надо руки держать опрятнѣе, а во-вторыхъ, заниматься какимъ-нибудь трудомъ, шить или писать, или на огородѣ, тогда пальцы ваши будутъ здоровы. До свиданія!» — «У васъ никогда не добьешься ласковаго обращенія...»—«Что дѣлать! я занятъ дѣлами!»—«Какіе вы грубые...» А иная придетъ (все въ больницу ходятъ, потому что я всегда занятъ) и затрещитъ опять все то же:—«Михалъ Михалычъ! У меня палецъ заболѣлъ...» — «Гдѣ именно?» — «На рукѣ».—«Позвольте!» Только отвернешься за чѣмъ-нибудь, а она ужъ забыла, что и говорила-то, возвращаюсь: сняла чулокъ, показываетъ колѣнку.—«Это что-жъ такое?— «Я забыла...» А глазами все и оказываетъ.—«Ну, сударыня, говорю, потрудитесь идти домой, вспомните, гдѣ именно у васъ болитъ, тогда и приходите!»—«Да я и теперь помню».—«Гдѣ же и что?»—«Больше ничего, приходите къ намъ чай пить, а потомъ пойдемте гулять на озеро... Я вамъ что-то скажу!»—«Душевно благодаренъ, но у меня обязанности», т.-е. надѣвай, матушка, чулокъ и ступай куда тебѣ угодно, если не хочешь серьезно обдумать свое положеніе. То-есть ни малѣйшаго абсолютнаго развитія и чистокровный абсурдъ въ головѣ! И вѣдь не то, чтобы притворялись или лгали, нѣтъ!—все по чистой совѣсти! Одна такая-то вѣдь какъ меня потрясла. Явилась также вотъ, ужъ не помню съ чѣмъ-то, съ пальцемъ или съ чѣмъ другимъ,—то, се... вдова,

трое ребятъ, молодая женщина... А мнѣ что-то пригрустнулось, а можетъ, и дѣловъ не было, только что думаю: «Зайду такъ, посидѣть». Вѣдь одурѣешь молчавши-то! Запелъ. Ну, то, другое. Разговариваемъ. Я излагаю свои мысли, что, молъ, женщина должна способствовать, а не препятствовать, побуждать, а не опровергать; говорю, что общественное благо выше узкаго эгоизма, что женщина должна выйти изъ замкнутаго узколобія и обращать вниманіе также и на общественную пользу. Развиваю свои мысли подробно. Слушаетъ, кажется, слова не проронитъ,— наконецъ говоритъ:—«Какъ вы, говоритъ, хорошо говорите, Михалъ Михалычъ, что я даже все понимаю, а какъ говорятъ другіе прочіе служащіе, то ничего нельзя понять, потому что однѣ глупости. Если бы мнѣ опять выйтить замужъ за такого человѣка хорошаго, какъ вы, то я бы, говоритъ, не только что не стала препятствовать общественному благу и затруднять его поприще служенія (вѣдь запомнила слова-то!), а даже бы, говоритъ, которыя у меня отъ покойнаго мужа остались трое дѣтей, то я и ихъ готова искоренить со свѣта, чтобы только предаться любимому существу!» Отпечатала мнѣ она этакую-то прокламацію и сидитъ, сіяетъ, думаетъ: вотъ она мнѣ въ самый разъ по мыслямъ попала, а я такъ—вѣрите ли?—просто за нее-то со стыда сгорѣлъ! Не зналъ, какъ убраться домой, обалдѣлъ даже совершенно! Такъ вотъ какъ онѣ понимаютъ общественное благо!

— Не знаю! Не знаю этого! Чего не знаю, о томъ говорить не могу!—покашливая, пробормоталъ сосѣдъ.

— И этакихъ-то эпизодовъ въ моей жизни—смѣты нѣтъ! Посмотришь, обратишь вниманіе, а тебѣ въ концѣ концовъ такую засвѣтятъ ерунду, что только давай Богъ ноги. Ничего, кромѣ мученія! Въ послѣдній разъ, я вамъ разскажу, такъ я былъ до такой степени изумленъ, что даже мѣсто рѣшился оставить,—думаю: «уйду куда-нибудь подальше и отрекусь навсегда отъ сочувственныхъ мыслей»... И ѣду вотъ теперь въ Вятскую губернію, въ самыя дикія мѣста... Познакомился я тоже — ужъ это, стало-быть, послѣ той вдовы, что я разсказывалъ—съ другой, второй. Тоже женщина молодая и дѣтей нѣтъ. По примѣру прочихъ дамъ, пришла она въ больницу, только не съ пальцемъ и не съ какимъ-нибудь притворствомъ, а довольно серьезно... «Просто, говоритъ, хотѣлось посовѣтоваться съ вами. Осталось у меня послѣ мужа тысяча рублей, такъ вотъ мнѣ бы хо-

тѣлось поговорить, какъ лучше сдѣлать: торговлю ли какую открыть, или пойтить въ монастырь?» Объяснила она мнѣ, что есть монастыри, гдѣ принимаютъ съ тысячей рублей на вѣчныя времена: деньги отдай и живи до самой смерти. Говоритъ она это хорошо, честно, благородно. А у меня перевязка, времени нѣтъ. Приглашаетъ зайтить, поговорить. Подумалъ, говорю:—«Хорошо! вечеромъ зайду!» Вечеромъ, дѣйствительно, я пошелъ къ ней, и—откровенно вамъ скажу—очень она мнѣ понравилась: и въ домишкѣ у ней хорошо, чисто, тепло, и разговоръ простой. Думаю: попробую я ее нѣсколько поразвить. Куда ей въ монастырь или въ лавку?.. Въ обоихъ случаяхъ одно дармоѣдство и праздное существованіе. Нельзя ли, думаю, какъ-нибудь порасширить у нея интеллигентныя точки зрѣнія и кругозоры? Поговорилъ въ этомъ смыслѣ. Говоритъ:—«Я и сама думаю, что будто не подходитъ мнѣ ни въ торговки ни въ монахини»... Закуску подала, водку; я, конечно, не пью: не люблю этого,—попилъ чаю, ушелъ. Звала заходить, просила подумать. Подумалъ-подумалъ, вижу, что, кажется, почва будетъ благопріятна. Совѣсть мнѣ указываетъ, что при такихъ условіяхъ я даже права не имѣю бросить человѣка, а долженъ содѣйствовать. Надобно сказать, что я страсть какъ охочъ до книгъ. Чуть мало-мальски свободный часъ, сейчасъ я за книгу, за журналъ, газету... Все, что̀ есть у насъ на станціи, у инженеровъ, въ депо, у прочихъ служащихъ,—все это я постепенно перечиталъ. Задумавшись о вдовѣ, прихожу къ мысли—начать съ чтенія. Отобралъ кой-гдѣ нѣсколько экземпляровъ съ тенденціей, понесъ, далъ ей. Говорю:—«Вашихъ вопросовъ, съ которыми вы ко мнѣ обращались, я еще не разрѣшилъ, а вотъ, говорю, пока что̀, не хотите ли отъ скуки заняться чтеніемъ?»—«Очень рада!» Даю ей романъ и сурьезное сочиненіе. Взяла.—«Непремѣнно все прочитаю!» Отлично. Захожу какъ-то. Говоритъ:—«Романъ прочитала, а эту книгу, сурьезную, не могла прочитать: ничего не поняла». И это мнѣ понравилось: не вретъ.—«Что̀ же вамъ въ романѣ особенно нравилось?» — «А нравилось про любовь, разговоры понравились, гдѣ короткими строчками написано, а гдѣ густо напечатано, такъ скучно!» И опять пришлись мнѣ по вкусу и эти слова. Хорошо. Продолжаю разговоръ, говорю:—«Напрасно вамъ такія именно мѣста понравились». Начинаю разъяснять главную идею, говорю: это вотъ эгоизмъ, а это вотъ долгъ, происходитъ борьба, и такъ

далѣе. Затѣмъ объясняю, что на борьбу и надо обращать вниманіе, чтобъ, согласно убѣжденіямъ, стоять либо за одно, либо за другое, и что вся эта любовная ерунда ничего не составляетъ... Ну, разъясняю все подробно; слушаетъ. И разъ пришелъ и два... Шпильгагена «Одинъ въ полѣ не воинъ» притащилъ, прозудилъ ей первую часть самъ, объяснилъ. Дальше—больше, выходитъ, что ужъ перебираюсь я къ ней на квартиру жильцомъ; ужъ мнѣ скучно безъ нея; есть уже мнѣ съ кѣмъ слово сказать, потолковать... Какъ чуть выдастся минутка—за книгу.—«Понимаете ли, въ чемъ дѣло?»—«Понимаю!»—«Не можете ли разсказать своими словами?» Ничего, кое-какъ да кое-какъ добирается. — «Я, говоритъ, теперь стала серьезныя мѣста понимать, а тамъ, гдѣ короткія строчки, то мнѣ не любопытно». Постепенно такимъ образомъ начинаю я привыкать, думаю, что она прониклась моими воззрѣніями... Только разъ получаю казенную бумагу: «немедленно явиться въ городъ къ г. предсѣдателю губернской земской управы для личнаго объясненія». Что такое? Являюсь, не могу никакъ сообразить, а ужъ и въ бумагѣ почуялъ я что-то неладное: что-то больно строго написана... Явился, жду. Выходитъ предсѣдатель, да какъ началъ меня пушить справа налѣво. Свѣту не взвидѣлъ я. — «Вы манкируете, злоупотребляете, роняете довѣріе и уваженіе къ земству». И-и-Боже мой!—«Позвольте, говорю, ваше превосходительство, узнать, въ чемъ я виновенъ?»—«А вотъ въ чемъ!»—и показываетъ мнѣ цѣлую кучу жалобъ отъ разныхъ лицъ: тогда-то пріѣзжали отъ тифознаго,—не поѣхалъ; тогда-то требовали въ деревню, гдѣ сибирская язва,—не поѣхалъ; тогда-то привозили сумасшедшую,—не принялъ. Читаю, самъ глазамъ не вѣрю! Я-то? Да могъ ли я въ мысляхъ это допустить? Я полагаю въ это дѣло сколько во мнѣ есть совѣсти, да чтобъ я себѣ позволилъ? Нѣтъ, это неправда!—«Ну, чтобъ впередъ этого не было!» Воротился, разсказываю Аннисѣ Николаевнѣ и вижу: покраснѣла она вся, сконфузилась и говоритъ:—«Это я, Михалъ Михалычъ, виновна; потому что я, говоритъ, васъ люблю, жалѣю... Вы не какъ прочіе... Какъ же мнѣ васъ не беречь?.. Тутъ пріѣзжаютъ, а вы только-что отдыхать легли; ну, я и говорю: «не принимаютъ»... А то ѣдутъ съ тифозной горячкой, съ язвой какой-то... Мнѣ васъ жалко... Я говорю: «Пошли вы отсюда, безсовѣстные!» Ужъ вы меня простите... Этого и въ романахъ не сказано, чтобы подъ сибирскую язву любез-

наго человѣка подвергать!» Такъ меня ровно варомъ обдало отъ этихъ словъ... И не вретъ, а что̀ можетъ быть хуже этихъ безсознательныхъ выраженій? Такъ съ тѣхъ поръ я и сталъ отъ нея сторониться... Такъ меня и стало отъ нея относить дальше и дальше... Думаю: «Оставлю я всѣ эти планы, уѣду въ пустынное мѣсто, предамся долгу, а эта женская любовь не подходитъ ко мнѣ... она мнѣ вредитъ, совѣсть мою ослабляетъ, а какъ совѣсть моя погаснетъ, такъ что̀ я буду? Только дѣтей распространять? Нѣтъ, это не по мнѣ...» Такъ постепенно и отсталъ... Получилъ недавно отъ нея письмо, пишетъ: «Теперь я все понимаю и завсегда буду васъ будить послѣ обѣда, въ полночь и за полночь!» Хотѣлъ отвѣчать... да не знаю... Нѣтъ у нихъ умственнаго кругозора!.. Вотъ въ чемъ вся суть. Доброта есть и все, а что по умственному развитію—одно узколобіе! Такъ лучше это дѣло оставить и отдать себя на жертву обществу. Вотъ какъ я думаю!

— Богъ его знаетъ, какъ оно тамъ...—лѣниво, сипло и хрипло проговорилъ мой сосѣдъ. — Я тебѣ прямо скажу: какихъ-нибудь правильныхъ мыслей у меня, передъ истиннымъ Богомъ сказать, нѣту! Это я вѣрно говорю... Чтобы, напримѣръ, обсудить по совѣсти, этого я не могу... Когда человѣкъ во всемъ своемъ смыслѣ запутавши, такъ онъ окончательно не можетъ этого... А только что̀ вотъ говоришь ты насчетъ, напримѣръ, глупости, узколобія, такъ помоему это не такъ... Нѣтъ! И очень даже умныя есть, оченно способныя—вотъ что̀ я тебѣ скажу!

— Я не спорю! Позвольте вамъ сказать, я вовсе не противъ этого. Женскій умственный мозгъ иногда достигаетъ до двухъ фунтовъ вѣсу, но я говорю вообче, такъ какъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный! Я, хотя и слоняюсь по свинымъ хлѣвамъ, а тоже иной разъ прочхнешься, подумаешь. Я тебѣ скажу, какъ меня одна арфистка отработала по мордѣ, такъ это было даже въ высшей степени благородно!

— Я не спорю... я только хотѣлъ...

— И не спорь! И я не спорилъ, потому—вѣрно! Слѣдуетъ! Достойно есть—вотъ какъ должно объ этомъ думать. Она мнѣ какъ морду-то наколотила!

Слово «морду» сосѣдъ мой произносилъ также безъ малѣйшаго оттѣнка иронiи, а какъ бы съ совершенно спокойной увѣренностью, что у него «морда», а не лицо человѣческое.

— До такой степени нахлопала, что я три недѣли на свѣтъ Божій не глядѣлъ, а все-таки долженъ сказать: хорошо! умно! А ты говоришь—«глупыя»! Нѣтъ, оченно есть умныя, братецъ ты мой! Это завертѣлся я какъ-то, закрутилъ, замутилъ, зачертилъ, бултыхнулся въ слободку, въ «свое мѣсто», въ свой хлѣвъ, ну и, конечно, какъ въ пьяномъ видѣ, то ужъ и хрюкаю во всю!

Помолчавъ немного и откашлявшись, сосѣдъ мой продолжалъ рѣчь свою такъ:

— Я, коли-ежели пьянствую, такъ я больше безобразничаю, хрюкаю, а не то чтобы... Я и къ арфисткамъ-то склоняюсь потому, что хрюкать-то онѣ не препятствуютъ: сколько хочешь ломайся!.. а по амурной части я очень боюсь, потому сыздѣтства напуганъ. Чорта я боюсь—вотъ что! Мы всѣ больше чорта опасаемся. Ежели-бъ чорта не боялись, такъ отъ нашего брата совсѣмъ бы житья не было, потому Бога мы плохо знаемъ... Такъ вотъ, другъ любезный, забрался я къ моимъ арфисткамъ (я ихъ всѣхъ арфистками называю, потому всѣ онѣ на одномъ положеніи), безобразничаю всячески: и пью, и лью, и ругаюсь. И онѣ тоже, конечно, пьянствуютъ, жрутъ пойло... Хрюкалъ, хрюкалъ я, да и обругалъ одну, обругалъ зря для своего удовольствія, и должно-быть, что вполнѣ осрамилъ я ее! Хмельна она, что ли, была очень, только не спустила! Аграфеной ее звали. Какъ обругалъ я ее всякими словами, какъ вскочила это моя Аграфена, да какъ принялась лущить и меня и всю нашу братію, такъ я даже чихать началъ, даже, стало-быть, хмель сталъ выходить... «Ахъ, вы, говоритъ, мошенники этакіе! А кто насъ по этой-то дорогѣ пущаетъ? Кто у насъ городскую рощу свелъ, по міру насъ пустилъ, души наши загубилъ?..» Да по уху, да по уху! И молчу, потому—вѣрно! Видишь ты, что такое эта роща самая: когда заводился у насъ этотъ анаѳема-банкъ, такъ тогда мы дѣйствительно богатѣйшую городскую рощу срубили,—боръ назывался. Красота неописанная! Дубнякъ эво какой! Двѣсти десятинъ этого самаго дубняку было да десятинъ съ двѣсти же разнаго хорошаго лѣсу! Бывало, никакихъ болѣзней нѣту въ нашихъ мѣстахъ, а ужъ жили, кажется, кругомъ въ навозѣ; за зиму-то, бывало, эво сколько всякой язвы вокругъ себя наживемъ, а весной дохнуло изъ бору и все выдуло. Въ прежнее время нешто такіе пьяницы-то были, какъ мы? У насъ былъ дьяконъ, такъ тотъ восемьдесятъ пять лѣтъ пилъ ежеминутно чайными стака-

нами, а здоровъ былъ какъ быкъ! только, бывало, обтираетъ полотенцемъ лысину да шею: какъ хлопнетъ стаканъ настойки, такъ у него сейчасъ на лысинѣ она и выйдетъ потомъ, эво какими ягодами высыпетъ, что твой крыжовникъ. Обтеръ дьяконъ лысину полотенцемъ и опять пошелъ заново! А все отъ воздуху! Такъ вотъ этотъ-то самый боръ мы, умныя головы, и свалили до послѣдняго прутика за тридцать пять тысячъ; всего его. батюшку, сплавили на керосиновыя клепки. Сбухали мы его, отца нашего, и получается у насъ основный фондъ для банку, для уширенія производства и для произвожденія потребителя. Отложили мы изъ этого фонда тысячъ пятокъ само собой на благоустройство: столбъ съ фонаремъ у полиціи, столбъ съ фонаремъ у тюрьмы, столбъ съ фонаремъ у исправника, да на площади фонарь, чтобы намъ, пьяницамъ, въ рѣку бы ночью не свалиться и кое-какъ хоть на четвереньках домъ свой разыскать можно было. На «откосѣ» бесѣдку вывели, музыку помѣстили и пошли гулять: «Который былъ моимъ папашей! Который былъ моимъ мамашей!» И какъ мамаша съ гусемъ, либо съ селезнемъ... и все прочее. Заиграла наша деревня любо-два и пошла ходить колесомъ... Такъ вотъ Аграфена эта и завела рѣчь объ этой объ самой рощѣ, которую мы въ основательный-то фондъ поворотили и откуда пошло и папаша, и мамаша, и гуси, и селезни, и всякое пьянство... «Нешто бы я была безчестная, кабы вы, подлецы, рощу-то не срубили? Моя маменька, покойница, въ этомъ же домишкѣ жила, гдѣ ты теперь, подлецъ этакій, сидишь, хрюкаешь; да жила-то она какъ святая, насъ пятерыхъ растила, да весь вѣкъ честно и чисто прожила, а мы по чьей милости хвосты треплемъ да совѣсть свою, какъ свинья хвостъ, по грязи волочимъ?.. Когда роща-то стояла на своемъ мѣстѣ, бывало, мы съ маменькой и дровъ оттуда на всю зиму, на все лѣто натаскаемъ, и домишко ежели починить, и то иди въ боръ и бери; роща-то вѣдь, подлецы вы этакіе, наша была, общественная. Натаскаемъ дровъ, всѣмъ намъ тепло, вотъ и не надо намъ васъ, пьяницъ, пускать къ себѣ. А лѣто придетъ—земляники наберемъ, продаемъ, малины, брусники, ежевики и куманики... И сами ѣдимъ, и людямъ продаемъ, и варенье варимъ. Варенье, морда твоя пьяная, пудами варили, въ Нижній возили, чистыя денежки намъ давали, не такъ какъ твои—краденыя, банковскія! А кончатся ягоды—грибы пойдутъ, и рыжики, и опенки, и бѣлые; и всего мы

наберемъ, наваримъ, насушимъ, продадимъ,—и сами сыты, и деньги есть, и живемъ себѣ, Бога благодаримъ. У меня было приданое почесть все готово, и я бы вѣкъ прожила честно, благородно, если бы вы, поганцы, рощу не свели; самая маленькая сестренка, которую теперича вы должны слопать, и та бы по воскресеньямъ ужъ мало-мало рубь серебромъ на самоварахъ добыла; вѣдь по праздникамъ, по воскресеньямъ, гулять пріѣзжали въ боръ-то, чай пили... Такъ какъ же ты, морда, осмѣливаешься меня ругать такими словами? Гдѣ лѣсъ? Гдѣ хворостъ—угрѣться, отопиться?» Да разъ по мордѣ! «Гдѣ земляника? Гдѣ клубника? Гдѣ малина? Гдѣ ежевика?» Да по мордѣ, да по мордѣ! «Гдѣ грибы, опенки? Гдѣ грузди? Гдѣ подосиновики? Гдѣ рыжики?» Да въ ухо, да въ другое, да въ третье, да со щеки на щеку! А я только: «вѣрно! вѣрно! вѣрно!» А она—разъ, разъ, разъ...—«Вонъ изъ мово дома, преступленная душа!»—да полѣномъ по шеѣ... Я ей двадцать пять рублей, а она меня кочергой! я еще ей двадцать пять, а она меня еще водоносомъ! Такъ даже совсѣмъ прочхался, Бога вспомнилъ, опамятовался, пить было-хотѣлъ перестать, потому дома пришлось сидѣть, морду лѣчить... Вотъ какъ умно и благородно вышло! А ты говоришь—«глупы». Нѣтъ, братъ, очень умны. Ужъ на что нашъ братъ-саврасъ, а послѣ этого бою я эту самую Аграфену возлюбилъ. Когда зажила морда, пошелъ къ ней трезвый; пришелъ, говорятъ: «въ лазаретѣ лежитъ». Такъ что-жъ ты думаешь? Въ лазаретъ даже пошелъ, разыскалъ, спросилъ: «не надо ли, молъ, чего?»—«Купи, говоритъ, пьяная рожа, мнѣ швейную машину и не смѣй глазъ показывать. Какъ выйду отсюда изъ лазарета, такъ я васъ тогда, пьяницъ, на сто верстъ къ себѣ не пущу,—буду жить честно!..» И что-жъ ты думаешь? Купилъ вѣдь ей машинку-то! Пятьдесятъ рублей отдалъ, послалъ, а самъ ужъ и глаза боюсь показать. Въ другихъ мѣстахъ теперича пьянствую, а Аграфену почитаю. Вотъ какъ насъ, подлецовъ, надобно учить! Очень даже умно, а никакъ не глупо! Вѣдь какъ рожу-то раздуло втѣпоры!

— Я положительно не оспариваю вашихъ доводовъ,— робко проговорилъ фельдшеръ: — я только хочу обратить ваше вниманіе на фактъ полнаго нерадѣнія относительно гуманныхъ началъ и общественныхъ интересовъ... Говоришь, бывало:—«Анна Ивановна! Скажите, пожалуйста, что побуждаетъ васъ приставать и самовольно лѣзть къ оберъ-кон-

дуктору? Вѣдь вамъ извѣстно, что у него ужъ есть, во-первыхъ—жена съ дѣтьми, во-вторыхъ—бывшая монашенка съ дѣтьми также; въ-третьихъ—наконецъ подготовляется къ тому самому продолженію и нянька. Неужели, говорю, вы захотите или согласитесь занять при немъ какое-нибудь четвертое амплуа?» Отвѣчаетъ: — «Зачѣмъ же это я буду занимать какое-то четвертое амплуа? Никакихъ амплуа я даже и допустить не могу, потому что я довольно горда, а просто очень можетъ быть, что онъ полюбитъ меня вполнѣ безразсудно, и тогда онъ прогонитъ всѣхъ трехъ, тогда я и буду имѣть его въ самостоятельномъ распоряженіи одна».— «А дѣти куда дѣнутся?» — «А мнѣ какое дѣло?» Ну, это какъ вамъ покажется? Вѣдь этакія живорѣзныя идеи хоть бы и палачу, такъ впору... А поглядите-ка на нее такъ, со стороны, или, какъ говорится, съ птичьяго, напримѣръ, дуазо, такъ она, Анна-то Ивановна, оказываетъ изъ себя довольно миловидную брюнетку... Ручки маленькія и цвѣточекъ за ушкомъ... Погуливаетъ по платформѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, да ангельскимъ голоскомъ подпѣваетъ вотъ это же самое: «Который былъ моимъ папашей, который былъ моимъ мамашей...» Вотъ какія дѣла-то-съ!

— Я, другъ любезный, чего не знаю, о томъ и зайкаться не смѣю. А что касается Аграфены, такъ завсегда скажу: «хорошо! вѣрно! такъ и надо!»

— Вы указываете на единичное явленіе... Я же говорю вообще. Единичные факты и мнѣ извѣстны... Со мной былъ, напримѣръ, такой случай. У насъ въ больницѣ, окромя мужского и женскаго отдѣленій, существовало еще дѣтское, для питомцевъ воспитательнаго дома. По этому самому случаю бабъ я видѣлъ на своемъ вѣку очень много, и хорошія всѣ наперечетъ. Вѣдь ходить за больнымъ, а тѣмъ паче за ребенкомъ, надо много, охъ! какъ много жалости къ чужому горю. Я говорю про то: ежели хорошо, дѣйствительно, то-есть по совѣсти, по христіанству хорошо дѣлать. Разводить сплетни, изъ-за тряпки поднять цѣлый вавилонъ, или такъ, зря, наврать, намутить — это сколько угодно! А по-хорошему-то разъ, два, да и обчелся... Особливо было невмоготу въ лѣтнее время: зимой бабы нахватаютъ ребятъ въ воспитательномъ, потому имъ деньги нужны, а пришло лѣто, настала рабочая пора—и являются цѣлыми полками:— «Извольте получать дѣтей, намъ некогда, жниво». — «Да куда же я ихъ дѣну?»—«А мы почемъ знаемъ? Чай, начальство знаетъ!» И безъ всякаго разговора прямо и валятъ

младенцевъ. Цѣлую комнату иной разъ набьютъ: и на полу, и на стульяхъ, и подъ стульями—все ребята! всѣ орутъ, рты разѣваютъ,—хоть вотъ ложись и умирай!—«Да, дьяволы вы этакіе (иной разъ, ей-Богу, выйдешь изъ себя)! Вѣдь это—человѣчество! Вѣдь это—не дрова!»—«У насъ, говорятъ, и своихъ много!..» — и маршъ! Къ этому позвольте упомянуть, что у насъ на пунктѣ каждое лѣто учебный саперный батальонъ въ лагеряхъ стоялъ, и слѣдовательно какъ есть одинъ остаешься, какъ перстъ! Та влюблена — сидитъ, реветъ... та ушла на свиданіе... та говоритъ: «обѣщалъ жениться, пожалуйте расчетъ!» То-есть, я вамъ говорю, совершенный адъ! Больные стонутъ, дѣти орутъ на всѣ голоса, ни горячей воды ни чистаго бѣлья, — ничего! Никого не дозовешься, не докричишься... Бывало—вѣрите ли?—самъ на рѣчку ходишь стирать! Вотъ въ такомъ-то положеніи и посылаетъ мнѣ Господь кроткаго ангела. Нанялась въ сидѣлки такъ дѣвочка, лѣтъ семнадцати. И ростомъ не велика, въ родѣ Анны Ивановны. Кажется, слабенькая, но, что касается души,—одинъ пламень! Пришла, послушала, что я говорю, молча все это поняла и потихоньку, не спѣша, безъ разговоровъ, все дочиста привела въ полное совершенство: всѣ больные напоены, накормлены, бѣлье переодѣто, всѣ ребята успокоены, лежатъ, спятъ; чисты, опрятны, вездѣ чистый воздухъ; полы вымыла до такой степени — бѣлѣй снѣгу. Думаю: «устанетъ! уйдетъ!» Ничуть не бывало. Ляжетъ спать—чуть кто пискнулъ — она тутъ, на ногахъ; и день, и два, и недѣля прошла—все то же, и безъ всякихъ разговоровъ все сдѣлаетъ, исправитъ... Рай земной! Положительно сказать, первый разъ въ жизни встрѣчаю такое явленіе. Вдругъ приводятъ одного молодого малаго, изъ богатенькихъ кулачковъ, торговцевъ. Пьянствовалъ, ногу повредилъ, лѣчить привезли. Положили. Лежитъ, поправляется. Вижу, пялитъ мой кулачишка глаза на эту дѣвицу, на Ольгу. — «Что?» говорю. — «Хорошая, говоритъ, Михалъ Михалычъ, порція!» Я говорю:—«Ты бы лучше капустныя кочерыжки сбиралъ—вотъ твоя порція. А это—женщина, да еще какая! Ты рыло-то, говорю, свое сначала лошадиной скребницей оскобли, чтобы дозволить себѣ дышать около нея, а не то чтобы думать худо, дуракъ!» А малый еще былъ молодой—понялъ мои слова, почувствовалъ. И что больше лежитъ, вижу, все больше влюбляется, вздыхаетъ, охаетъ. «Жить, говоритъ, не могу, женюсь!» И Ольга какъ будто тоже

что-то... Она все продолжаетъ попрежнему со всѣми безподобно хорошо обращаться, все у нея вполнѣ великолѣпно, а есть что-то... Однако малый выздоровѣлъ и на выписку идетъ. «Я, говоритъ, Михалъ Михалычъ, женюсь на Ольгѣ; сейчасъ къ тятенькѣ, а завтра пріѣдемъ съ матерью, возьмемъ ее!» А между тѣмъ открывается сибирка, и ужъ человѣка два-три было. Вотъ я и думаю: «Конечно, малый онъ хорошій, и Ольга точно ему нравится, но что же должно считать выше и справедливѣе: общественное ли благо, или личный эгоизмъ? Положимъ, что я устрою счастье Ольги и молодого парня, и они будутъ наслаждаться, а эти несчастныя дѣти, больные мужики и бабы?» Что же, спрашиваю васъ, справедливѣе: доставить ли удовольствіе двоимъ, или спасти десятки? Думалъ-думалъ... жаль мнѣ и Ольгу и парня, но совѣсть взяла верхъ... Выписалъ я парня,—говорю ему:—«Пойдемъ въ трактиръ!» (а самъ я отъ роду не хаживалъ). Пошли, поставилъ я пива ему и говорю:—«Ты любишь Ольгу?»—«Такъ точно. Обожаю».—«Жениться хочешь?»—«Полнымъ закономъ».—«Хорошо. А знаешь ли ты, какого она поведенія? Вѣдь у нея былъ, говорю, отъ меня, отъ са-мо-го ме-ня ребенокъ; одного, говорю, она убила, а другого живымъ зарыла въ землю. Отъ этого-то она и тиха, потому что я знаю ея секретъ...» Словомъ, такъ я ее расписалъ, что парень мой сидитъ да глаза таращитъ, а потомъ схватился за шапку да задами черезъ огороды—домой... Послѣ этого иду я къ Ольгѣ и говорю:—«Тебѣ, кажется, этотъ молодой человѣкъ понравился?»—«Онъ самъ мнѣ признавался... не какъ-нибудь... мы въ законъ». — «Ну такъ вотъ что, любезная, я тебѣ скажу: во-первыхъ, этотъ молодой человѣкъ *воръ* и ужъ два раза сидѣлъ въ острогѣ, а черезъ недѣлю пойдетъ въ каторжныя работы; во-вторыхъ...» И тоже ужъ постарался! Такъ постарался, что она ревѣла-ревѣла у меня цѣлый день, а потомъ очувствовалась сразу и опять пошла еще того превосходнѣе дѣйствовать. Истинно золотое сердце! Такъ вотъ сколько я долженъ былъ употребить обмана и лганья, чтобы удержать хорошаго человѣка на поприщѣ священныхъ обязанностей!

Разсказчикъ замолкъ, позвенѣлъ ложечкой въ стаканѣ, хлебнулъ и проговорилъ:

— Я было-думалъ навсегда ее удержать; ну, признаться, совѣсть зазрила. Какъ кончилась рабочая пора, бабы опять тутъ какъ тутъ.—«Гдѣ наши шпитонцы? Пожалуйте намъ!»—

«Шпитонцы, дуры вы этакія? Теперь пришли за шпитонцами, какъ деньги понадобились, а тогда что дѣлали?..»— «Будетъ тебѣ болтать-то! Давай, которые живы, не задерживай... А намѣсто, которые умерли, новыхъ надыть получать. Тамъ поди ужъ про насъ эво сколько запасено новины-то!» Ей-Богу, истинные есть живорѣзы изъ этого сословія! Ну, роздалъ имъ остачу (много помираетъ), ушли, остались мы съ Ольгой... Сибирка тоже призатихла. Осень. Бабъ много. Саперный батальонъ снялся. Думаю, что я ее мучаю? Говорю: «Оля! ангелъ безподобный! а вѣдь вотъ я какъ тебя обманулъ...» И все ей разсказалъ. «Я, говорю, самъ съѣзжу къ твоему любезному, привезу его...» И точно. Малый сидитъ, какъ зарѣзанный: такъ я его ухлопалъ. Ну, что же дѣлать? Все обошлось какъ слѣдуетъ... Былъ на свадьбѣ... Да и много такихъ случаевъ было, но все это единичные атомы... А ежели посмотрѣть вообще, то положительно душа содрогается... — «Мадмазель,—говорю одной:— вы должны побуждать своего мужа къ честнымъ поступкамъ и только въ такомъ случаѣ должны его любить. Ежели-жъ онъ совершилъ какой-нибудь подлый общественный поступокъ, то вы должны наказать его своимъ презрѣніемъ». Что-жъ мнѣ отвѣчаютъ?—«Я такъ думаю: который человѣкъ будетъ меня любить и даже готовъ себя изъ-за меня прозакладать, тотъ есть честный человѣкъ!» — «А если онъ обокрадетъ казну и подаритъ вамъ золотой браслетъ?»— «Кто любитъ женщину всей душой, тотъ, даже и Сибири не побоится». Это называется любовь... чтобъ позаботиться о прогрессѣ, это ужъ, извините, никогда!

— Нѣтъ, ничего! Ух-хъ, какъ меня тогда Аграфена-то!..

На словѣ «ухъ» сосѣдъ мой сдѣлалъ такое усиліе, что осипшее горло его какъ бы захлебнулось, и удушливый, затяжной кашель захватилъ его дыханіе. Всякіе разговоры прекратились; фельдшеръ побѣжалъ за водой, я тоже вскочилъ, прибѣжала даже буфетчица.

Однако все обошлось благополучно.

II. Затрудненія купца Тараканова.

Эта маленькая неожиданность, заставившая меня покинуть покойное ложе, волей-неволей заставила также увидѣть и моихъ попутчиковъ. Фельдшеръ былъ маленькій, сухонь-

кій человѣчекъ съ нѣсколько постнымъ и притомъ чистокрестьянскимъ лицомъ. Бѣлокурые, почти льняного цвѣта волосы были тщательно зачесаны со лба назадъ и подстрижены въ скобку; одѣтъ онъ былъ чрезвычайно опрятно, въ новенькую кожаную куртку, застегнутую до горла, и въ высокіе, выше колѣнъ, сапоги. Что касается моего сосѣда, лежавшаго въ головахъ, то это былъ человѣкъ также небольшого роста,—повидимому, купецъ, человѣкъ пухлый, раздутый, точно налитой; онъ былъ безъ сапогъ, въ холстинной рубашкѣ, плотно перекрещенной на спинѣ и на груди старыми кожаными подтяжками; что-то залежавшееся, старозавѣтное виднѣлось въ его фигурѣ со скомканной рыжеватой бородой, «пятерней» разобранными волосами и тараканьими усами, увѣнчанными малиновымъ носомъ, величиной съ пуговицу. Тугой, на солдатскій манеръ, галстукъ, скрывавшій воротъ рубашки и, очевидно, съ усиліемъ застегнутый на два крючка на бритой щетинистой шеѣ, также показывалъ, что человѣкъ этотъ не «нонѣшняго» поколѣнія и не нонѣшней развязности, а бараньи, круглые сѣрые глаза на выкатѣ, казалось, и при усиліи не могли бы выразить ничего иного, кромѣ наивной забитости.

Долго чихалъ онъ, наклоняясь къ полу и обѣими руками отирая тамъ, внизу, чуть не подъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ, свое лицо и бороду. И не успѣлъ онъ еще привести ихъ въ должный порядокъ, какъ счелъ почему-то нужнымъ повернуть свое раздувшееся отъ кашля и тѣснаго галстука лицо въ мою сторону и сиплымъ, прерывающимся голосомъ объяснить:

— Вс-се... отъ... пьянства!..

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, объяснить мнѣ, новому лицу, дѣло «поподробнѣе», но опять ему пришлось нагнуть голову подъ диванъ, откашливаясь и чихая.

— Потому... жрешь... безпрестанно! — прохрипѣлъ онъ наконецъ, когда припадокъ окончился. Отчихавшись, купецъ умылся, послѣ чего, обратясь къ буфетчицѣ, сказалъ:— Нѣтъ ли, матушка, тряпочки какой *рыло* обтереть?—и потомъ нѣкоторое время молча посидѣлъ на своемъ мѣстѣ, упираясь въ сидѣнье обѣими руками и тяжело дыша открытымъ ртомъ.

— Нѣтъ! — рѣшительно проговорилъ онъ наконецъ. — Видно, надо горячимъ продолжать...

Эти слова относились ужъ не ко мнѣ исключительно, а

ко всѣмъ, бывшимъ въ каютѣ, т.-е. и къ намъ, попутчикамъ, и къ лакею, и къ буфетчицѣ.

— У меня двѣ линіи идутъ завсегда: первоначально горячимъ орудуешь, пуншами наливаешься, гринтвейномъ, все горячимъ — пока до предѣла. Ну, а ужъ какъ дойдешь до пункта, на другую линію поворачиваешь: тутъ ужъ все со льдомъ, со льдомъ, холодное; ноніче, видно, еще не впору... хватилъ вотъ съ ледкомъ коньячишку, анъ оно и захватило!..

На маленькомъ столикѣ предъ купцомъ стояла бутылка коньяку, тарелка льду и какіе-то рюмки и стаканы.

— Такъ ужъ ты дай мнѣ тепленькаго... — сказалъ онъ лакею.—Кофейку съ коньячишкомъ... Лимонцу!..

Лакей ушелъ исполнять приказаніе; ушла и буфетчица.

— Что-жъ это, позвольте васъ спросить?—сказалъ участливо фельдшеръ, обращаясь къ купцу.—Все вы говорите: «пьешь, пьешь»... Что-жъ это,—недугъ, что ли, у васъ?..

— Нѣтъ, запою у меня нѣту! Это мнѣ и доктора говорили... Вотъ какъ послѣ Аграфениной расправы пришлось мнѣ недѣли три дома просидѣть, такъ я ничего, совсѣмъ сталъ человѣкомъ. Даже и охоты никакой нѣтъ пить-то! И рюмки не выпилъ... Ну, а какъ вступишь въ публику—и пьешь!

— Да зачѣмъ же это?

— Ей-Богу, не знаю! Такъ вотъ, хлопаешь рюмку за рюмкой по случаю разныхъ предлоговъ, — только и всего! И даже совершенно не понимаю, что̀ такое? А глядишь, какъ часъ десятый, одиннадцать приближается, ужъ и языкъ не дѣйствуетъ, и воротъ своихъ не сыщешь... Такъ вотъ, песъ его знаетъ, какъ выходитъ...

— Гм!..—сказалъ фельдшеръ.—Странно!

— То-есть даже понять невозможно. Вѣдь это я знаю: коли не пить, то и пищу принимаешь хорошо, и въ разсудкѣ ясность, и вообще весь корпусъ оказываетъ крѣпость. Это я все понимаю. А такъ какъ и въ мысляхъ, и въ поступкахъ, и въ дѣлахъ, и во всемъ спутавши, такъ вотъ и пьешь незнамо зачѣмъ. Н-ну, и дѣла не веселятъ... Торговлишка тоже кое-какъ... довольно какъ-то тупоумно идетъ... Да и такъ вопче все склоняетъ на пьянство... ей-Богу! А что сурьезно сказать, даже и удовольствія не вижу... Ей-ей! Вѣдь даже скусу не вижу: что̀ водка, что̀ коньякъ, что̀ ромъ, или тамъ вина — вѣдь чистое, съ позволенія сказать, свиное пойло. Ну какой въ нихъ скусъ? А лакаешь! А такъ

я думаю, что вотъ мотаешься всю жизнь вокругъ да около, песъ его знаетъ, чего, такъ вотъ и жрешь все, невѣдомо зачѣмъ... Однова даже совсѣмъ было-задохся...

Говоря это, купецъ поглядывалъ то на меня, то на фельдшера; но ни я ни фельдшеръ не нашли возможнымъ отвѣчать ему что-нибудь, несмотря на то, что объясненіе имъ своего «пьянства» вышло довольно пространнымъ. Наше молчаніе было скоро прервано появленіемъ слуги, который принесъ купцу стаканъ кофе и лимонъ. Купецъ подлилъ въ кофе коньяку, выпилъ, крякнулъ, похвалилъ и усы свои пососалъ...

— Такъ какъ-то оно даже съ самыхъ первоначальныхъ дней идетъ...—заговорилъ онъ.—Слышишь-послышишь, обсуждаютъ разныя времена, говорятъ: «порядку было больше въ старое время, правиловъ, Бога чтили». Не знаю! Ничего этого обсуждать не могу, ни новыхъ ни старыхъ правиловъ... А что касается объ себѣ—ничего, кромѣ побоевъ, съ дѣтскихъ дней не было. Только, бывало, и ждешь одного! И весь домъ тожъ, бывало—и маменька, и сестры, и братья, и прислуга, и приказчики, и все населеніе — все, бывало, только трясутся цѣлый Божій день, чего-то опасаются... Конечно, намъ нельзя осуждать родителей, а вспомнишь—ничего хорошаго отъ нихъ не было. И самъ, бывало, родитель-то молчитъ, сидитъ въ своей моленной, и весь домъ молчитъ, шепчутся только, и собаки на цѣпяхъ, и замки эво какіе... А что̀ такое? зачѣмъ? почему этакая строгость?—не знаю! Я моимъ глупымъ умомъ этого не могу понять... Трясешься, бывало, и все тутъ! Терпишь-терпишь, да случай выйдетъ, прямо въ подворотню да въ кабакъ! Напьешься, наколотятъ тебѣ шею, вычихаешься и опять молчишь. Не знаю! Порядки это, или ужъ какъ иначе назвать, а вспомнить, передъ Богомъ, нечего! Завсегда, кажется, какъ себя началъ помнить, не иначе объ себѣ могъ думать и полагать, какъ о самой послѣдней твари, а кому отъ этого польза—не спрашивалъ. Да и про нонѣшнія времена тоже не могу ничего настоящаго сказать: ни то хорошо ни то худо. При родителѣ, по крайности, зналъ одно: молчишь какъ зарѣзанный, и мыслей даже нѣтъ; ну, а теперича мыслей тоже нѣту никакихъ, и врешь съ утра до ночи... По моему счету, господа, сталъ я, напримѣръ, врать, то-есть безъ устали, лѣтъ пятнадцать либо двадцать тому назадъ, да и посейчасъ не предвижу остановки, развѣ что въ тюремномъ мѣстѣ

прекратимъ это занятіе, а что своимъ смысломъ — не выбраться! Нѣтъ, не вылѣзешь!

— Да въ чемъ же собственно дѣло? — спросилъ фельдшеръ въ недоумѣніи.

— Да въ томъ и дѣло, что времъ съ утра до ночи—вотъ въ этомъ самомъ все наше дѣло и заключается. Какъ пошла леформа, такъ и стали врать направо и налѣво, отъ утренней зари до закату, пока на четверенькахъ до воротъ не доползешь. Все только врешь и больше ничего... Мы жили при родителяхъ, ни о чемъ понятія не имѣли. И родители тоже никакихъ смысловъ не могли разъяснить... Мнѣ вотъ теперь сорокъ шестой годъ, а я, передъ Богомъ, не знаю: и что такое Россія, гдѣ она начинается, гдѣ кончается,— ничего не знаю! Знаю, что живу въ Россіи, а что она такое—неизвѣстно! Никакихъ правиловъ, порядковъ, законовъ—ничего мнѣ неизвѣстно. Лѣсъ дремучій—больше ничего! Про Бога тоже мало знаю, ничего мы этого не понимаемъ, никакой премудрости не можемъ знать. Ни читать чтобы со смысломъ, ни написать по-человѣчьи, ничего не умѣемъ,—однимъ словомъ, окончательно только получили отъ родителей одинъ испугъ, больше ничего. Что же мы можемъ понимать? Ничего! Ну, вотъ въ этакомъ-то видѣ и всунулись мы рыломъ въ леформы... Вотъ съ тѣхъ поръ только и дѣлаешь, что врешь, да пойло жрешь, да съ арфистками.

— Про какія же собственно реформы вы изволите говорить?

— Да про всякія... Какія только ни бывали, во всѣхъ мы натоптали, насрамотили... А такъ, чтобъ сказать, гдѣ больше, а гдѣ меньше—не могу! Вездѣ все спутавши комомъ, и окромя острога намъ не будетъ другого результата... Потому—нехорошо! Вотъ что! Батюшка протопопъ распространяетъ такое мнѣніе, что, молъ, въ прежнія времена «страхъ Господень знали, Бога боялись»... А Аграфена-то вонъ какъ нашего брата опредѣлила! Извольте-ка подумать, чего натворили изъ-за одной рощи, а ежели всѣ-то поступки счесть, такъ и смѣты даже не будетъ, сколько мы, окромя этой рощи, зла натворили! Стало-быть, что Бога-то въ насъ мало было, а не очень чтобы много... Разсказать хоть про эту самую банку нашу. Сокрушили мы эту самую рощу, всякую черноту и голь оголили, сиротъ осиротили, и на эти, на сиротскія, на Аграфенины, стало-быть, деньги стали уширеніе дѣлать потребленію, само собой, ужъ съ

молебномъ, конечно, ужъ и слово протоіерей сказалъ, ну, только надо прямо говорить: слабоватое было слово! не въ привычку еще было объ такихъ дѣлахъ «по писанію» разговаривать: только всего и слышали, что «мзда» да «мзду»... Ну, а вотъ одинъ изъ свѣтскихъ, изъ ловкихъ, такъ точно сплелъ хорошій бредень! Этотъ, ловкій-то, главный былъ воротила въ этомъ дѣлѣ. Жаднаго народу у насъ много, ртовъ-то, напримѣръ, лохматыхъ очень даже довольно, а чтобъ какъ-нибудь форменно обработать порцію,—нѣтъ, не мастера: разговору нѣтъ никакого и выдумки тоже никакой нѣтъ. Такъ, ежели просто по-щучьи сглонуть кусокъ—можемъ! Разинемъ ротъ и дожидаемся, покуда въ него сама порція вскочитъ, — ну, а чтобы свое разбойство поблагороднѣй представить,—нѣтъ, не умѣемъ! Чавкаемъ, да пальцами играемъ, да кланяемся—въ томъ наше и образованіе все. Такъ ужъ само собой такимъ людямъ на подмогу требуются люди по словесной части,—то-есть чтобы все привелъ въ форму, расписалъ, обгородилъ, чтобы намъ не безпокоиться ни о чемъ, а только бы пасть свою разѣвать во-время. Вонъ и въ нашемъ дѣлѣ такой-то тоже былъ инструментъ... Еще когда рощу сводили, такъ онъ тоже много въ думѣ бормоталъ на разныя манеры: «Рыскъ, говоритъ... Въ Америкѣ, вишь, завсегда рыскъ... чрезъ это и богатство... утромъ, вишь, нищій былъ, поймалъ рыбу, продалъ, сейчасъ деньги въ оборотъ — къ обѣду у него сто тысячъ, а къ вечеру милліонъ... Въ Америкѣ, вишь, поѣзда безъ остановки ходятъ. Пассажировъ прямо съ багажомъ въ окно швыряютъ—и ничего: сейчасъ встанетъ и побѣжитъ, потому — время дорого, отъ этого и оборотъ быстрый, проценту много, не то что, молъ, у васъ: набили сундуки деньгами да и спите на нихъ!» Всякихъ словъ тогда много набормотано было! Мы вѣдь очень прекрасно понимаемъ, что это одно бормотанье, да носомъ чувствуемъ, что по нонѣшнимъ временамъ именно на такой манеръ требуется лапу-то запускать, т.-е. чтобы съ Америкой было и съ производствомъ и со всѣмъ прочимъ припасомъ, а не просто по-волчьи: сгребъ за хохолъ и поволокъ въ лѣсъ... Ну, и бормоталъ этотъ парнишка во всѣхъ мѣстахъ: и въ думѣ, и въ губерніи, и въ Питерѣ. Все и выхлопоталъ и утвердилъ. Такъ вотъ этотъ-то ловкачъ и на молебствіи тоже отъ себя слово сказалъ. Само собой и про Америку, про всякую небылицу въ лицахъ: «а что касаемое, говоритъ, до вкладовъ, то мы въ надеждѣ, говоритъ, что всѣ почтен-

ные старцы и вдовы и прочіе, напримѣръ, преклонные люди принесутъ намъ свои крохи, и будутъ они, говоритъ, доживать свои дни спокойно, безъ заботъ и трудовъ, потому— будетъ имъ идти дивидентъ, подобно, говоритъ, какъ въ писаніи сказано: «ни сѣютъ ни жнутъ, а получаютъ дивидентъ со всѣхъ продуктовъ и живутъ во славѣ, превосходнѣе Соломона!». Вотъ такъ и началось... Пока что, бормотали да бормотали, да лѣсъ рубили—глядь, а ужъ вокругъ этихъ денегъ два-три человѣка есть. Своими ручками ихъ держатъ: Иванъ Кузьмичъ директоръ, Артемъ Артемычъ членъ и Кузьма Семенычъ членъ.... Стало-быть: одинъ дядя, одинъ племянникъ и одинъ двоюродный братъ. Одинъ одному подписали три векселька, попереду всѣхъ денежки взяли — хвать-похвать — эво, какая сила у нихъ вышла! Чисто вотъ какъ ловкачъ-то про Америку сказывалъ: утромъ ничего не было, а вечеромъ — хвать-похвать изъ Аграфенина лѣсу—и богачами сдѣлались! И видимъ мы, лавочная мелкота, что не-сегодня-завтра намъ точно подохнуть придется, потому у нихъ сила явная въ лапахъ-то! Набрали денегъ эти самые сродственники и такъ грозятся, что большую торговлю откроютъ и всѣхъ насъ проглотятъ. И видимъ, нѣтъ мудренаго ничего. Надобно, стало-быть, и самимъ лѣзть либо въ перебой, либо въ компанію. И покупатель-то намъ весь начисто извѣстенъ: всего-то его по пальцамъ пересчитать можно, а что дѣлать? Надо тянуться!.. Вотъ такимъ родомъ наша мелкая братія и лѣзетъ въ союзъ къ сродственникамъ:—«Не губите, молъ, а примите подъ крыло!»—«Извольте!»—«Что же требуется?»—«Берите у насъ товаръ, — больше ничего и не требуется, только всего».—«Что-жъ? Позвольте товару!» Отвалятъ товару на пять тысячъ,—дѣвать некуда! Произведутъ въ члены, подыщутъ такихъ же дураковъ поручителями и деньги выдадутъ, т.-е. денегъ-то не выдадутъ, а въ уплату за свой товаръ въ карманъ себѣ положатъ, а мы только какъ курица лапкой нацарапаемъ: «пять тысячъ получилъ купецъ Тарарановъ»... Какъ ты этакъ-то хоть одинъ разъ поступилъ, то-есть воткнулся въ ихнюю компанію, съ этого самаго числа и начинаешь ты, другъ любезный, врать безъ передышки.

— Почему же? Зачѣмъ все это нужно?

— Уширять производство-то? Да я и самъ не знаю— зачѣмъ! Богъ его знаетъ! Уширять да уширять... Въ Америкѣ, вишь, и чемоданы въ окно кидаютъ, и письма, и

пассажировъ вышвыриваютъ, такъ вотъ, говорятъ, и вы должны чувствовать... Кабы безъ этой безъ Америки-то, такъ я бы съ маменькой да съ сестрами-старухами такъ бы и вѣкъ свѣковалъ на капустѣ да на квасу. Какъ была лавка при родителѣ разукрашена,—на правой сторонѣ у двери арапъ съ цыгарами, а на лѣвой китаецъ съ чаемъ,—такъ бы, пожалуй, посейчасъ этимъ же украшеніемъ украшались, а тутъ, какъ пошла реформа да уширеніе, да какъ товару я себѣ навалилъ выше головы, невѣдомо зачѣмъ, вотъ тутъ я и второе притворство долженъ сдѣлать: китайцевъ, араповъ снять, наново разукрасить, лампу повѣсить, да окна эво какія разломать, чтобъ товаръ самъ человѣка звалъ: «и не хочешь, да купишь». Не то что какъ прежде, по зимамъ въ трехъ шубахъ въ лавкѣ сидѣлъ: теперь я притворяйся роскошнымъ человѣкомъ. А душа-то ужъ начала трястись, и ужъ трясется безъ перерыву: покупатель-то какъ былъ старинный, такъ и теперь онъ же все: достатки его извѣстны, чиновничьи, а оборотъ-то ужъ во сто разъ уширенъ, да за одни окна, да за лампы, да за всякое благолѣпіе ухлопано немало капиталу, а отдать-то его надо все изъ тѣхъ же четырехъ человѣкъ, изъ нихъ же надобно экую прорву вынуть... А срокъ въ теченіе времени приближается... Бѣжишь, въ ножки кланяешься либо къ Артему Артемычу, либо къ Кузьмѣ Семенычу... «Хорошо, говорятъ, какъ ты теперь большой коммерсантъ сталъ, такъ ты, говорятъ, также подмахни векселекъ Артамонъ Петровичу; онъ молъ, имѣніе покупаетъ, а ты для себя тамъ-то поищи; не ударь только лицомъ въ грязь, а мы подсобимъ». Кое-какъ срокъ минетъ, перевернутъ, перелицуютъ тебя, а на шеѣ, глядь, ужъ двѣ петли: и за Артамонъ Петровича и за самого себя. Тутъ ужъ надо вмѣсто одной лампы двѣ вѣшать, чтобы еще великолѣпнѣй представиться, а на душѣ-то ужъ эво сколько мусору! Ужъ знаешь, что Артамонъ-то Петровичъ имѣніе купитъ, лѣсъ спуститъ, денежки въ карманъ положитъ, а потомъ ищи съ него, да и у самого-то пріятелей невѣдомо какихъ набралось съ десятокъ... И одинъ говоритъ: «Подпиши», и другой: «Мнѣ замужъ дочь отдавать». А другой говоритъ: «Мнѣ тоже деньги нужны»... А между тѣмъ у меня въ великолѣпномъ магазинѣ прѣетъ товару цѣлый стогъ: и папиросъ и всякихъ щеколадовъ видимо-невидимо! Напрѣло его, пагнило, а опять подходитъ время перелицовку дѣлать. Артемъ Артемычъ и говоритъ: «Хорошо, возьми еще товару, улажу!» Мало что гнилого

продукту полонъ сарай, еще бери. И опять, какъ перелицовка прошла, глядь—на шеѣ-то не двѣ и не три петли, а ужъ подъ десятокъ подходитъ! Тутъ ужъ какъ-никакъ долженъ я на хитрости подниматься: надобно мнѣ первымъ дѣломъ гнилье сплавить, а вторымъ дѣломъ—надобно настоящихъ денегъ добывать, потому вижу я, что черезъ перелицовку эту только одинъ острогъ впереди оказывается... И я вижу острогъ, и другой его замѣчаетъ, и третьему онъ снится... Вотъ мы и сами ужъ начинаемъ распространяться: по-волчьи, тихимъ манеромъ, изъ города-то да въ деревню,—стало-быть, ужъ прямо «въ овчарню». Начинаешь въ свою вѣру оборачивать деревенскихъ кулачишекъ, ободряешь его, сластишь барышомъ, пасть-то ему щекотишь... «Мы, молъ, тебѣ, а ты намъ!» И разводимъ этакимъ родомъ свои станы, притоны, спускаемъ туда всякій хламъ, а оттуда ужъ живьемъ прямо съ мясомъ выдираемъ. Вѣдь ужъ тутъ, въ деревнѣ-то, ищешь прямо волка, а не человѣка съ совѣстью, потому—надобно, чтобъ онъ сахаромъ да чаемъ, ситцемъ линючимъ да папироской прѣлой выдиралъ бы живье, настоящее добро оттуда. Съ совѣстливымъ человѣкомъ на такія дѣла ничего и знакомства заводить. Ну вотъ такимъ-то манеромъ и выходитъ, что безъ пойла никакъ невозможно... Ну и жрешь его!

— Но,—сказалъ фельдшеръ:—почему же къ одному безобразію нужно еще другое прибавлять?

— А потому и прибавляешь, что мусоръ, такъ онъ къ мусору и соотвѣтствуетъ. Тутъ ужъ нельзя, другъ любезный, надъ книжкой или надъ писаніемъ вечерокъ посидѣть, когда цѣлый день врешь да какъ бѣсъ извиваешься,—тутъ ужъ даже совѣсть запрещаетъ по-хорошему-то думать, а указуетъ идтить душу отводить въ худыя мѣста, пьянствовать, къ арфисткамъ... Кабы мы по совѣсти жили, намъ бы и рощу не зачѣмъ рубить, не зачѣмъ намъ и арфистокъ расположать, и кулакамъ пасти ихнія расщекотывать... А какъ все дѣло постановлено на жадности да на наживѣ, да чтобы «ни сѣять ни жать», а дивидентъ получать, такъ тутъ правды нисколько нѣтъ, а коли впутался въ это дѣло, такъ и знай, что во всѣхъ поступкахъ будетъ кривое. Вотъ съ пойломъ-то ужъ кое-какъ тянешь, а безъ пойла и совсѣмъ плохо: векселекъ ли переписать, первымъ долгомъ—врешь: «у меня на долгахъ, молъ, двадцать тысячъ», во-вторыхъ—угощаешь и самъ пьешь. Поручителей подыскать — опять врешь и опять пьешь; торговля стоитъ, а на показъ надо,

чтобы она бойкая была—только пьянствомъ это и оказываешь, въ деревнѣ съ кулачишкой пьешь, съ приставомъ пьешь, чтобы взыскивалъ безъ послабленія, старосту угощаешь, чтобъ наши долги нервыми выбрать въ ту же секунду, какъ должники-мужики хлѣбъ снимутъ, сѣно пересушатъ, телятъ выпоятъ. Со сходомъ пьянствуешь, чтобъ кабакъ сдали, и тоже само собой врешь безъ совѣсти: надобно доказать имъ, что, молъ, «вамъ отъ эфтого будетъ польза»... отъ кабака-то! А ничего, изловчаешься: «Точно, говорятъ, хорошо! Много пользы отъ тебя... Кабы не ты, намъ бы пропадать»... Эво какъ времъ-то!.. Этакъ съ трезвыхъ глазъ даже и невозможно сдѣлать, а съ пуншемъ въ башкѣ можно что̀ угодно. На все смѣлость объявляется!

— Ну, какъ вамъ сказать?—проговорилъ фельдшеръ.— По этой части, то-есть насчетъ злыхъ поступковъ, въ нашихъ мѣстахъ оченно даже много трезвыхъ людей. Самые лютые, я вамъ скажу, даже и чаю не пьютъ, а дозволяютъ себѣ иной разъ кипятокъ съ лимономъ... Даже полные постники есть изъ этихъ ехидновъ.

— Это ужъ какъ кому по характеру... А что касается, напримѣръ, меня, такъ я, какъ ввязался въ это «уширеніе», безпрестанно не въ натуральномъ состояніи: то горячимъ наливаешься, то холоднымъ въ чувствіе входишь, а такъ чтобы въ свѣтломъ умѣ быть—оченно рѣдко! Ввязавшись въ этакую темноту,—гдѣ ужъ тутъ свѣту искать? Тутъ—что̀ ни шагъ, то темнѣй да темнѣй. Мало того, что по торговой части врешь съ утра до ночи—и по прочимъ-то частямъ тоже только лганьемъ приходится дѣйствовать. Даже и совсѣмъ въ постороннія мѣста гадость свою принуждены водворять. Путаемъ-путаемъ въ банкѣ, глядь—выборы въ думу назначаются... Вотъ мы изъ банка-то и полземъ въ думу срамоту разводить, потому что мостъ ли какой строить, мостовую мостить — всякое дѣло денежное намъ подавай: Иванъ Семенычу, Артемъ Артемычу—всѣ жадны, всѣ запутавшись, всѣмъ деньги нужны. И лѣзетъ наша партія. И опять поимъ, подкупаемъ, обманываемъ; зато ужъ другъ за дружку крѣпко держимся: сами цѣну назначаемъ высокую, сами и свой матеріалъ ставимъ, сами и постановленія дѣлаемъ, чтобы этакія-то или другія думскія деньги въ нашъ же банкъ внести, да на эти же деньги и орудуемъ. Вѣдь такія дѣла надобно дѣлать въ потемкахъ, на такія дѣла надо подкупныхъ людей, обманныхъ, обжорливыхъ. Поври-ка поди, попробуй, покуда гнѣздо-то ястреби-

ное вполнѣ сформируешь!.. Тутъ вѣдь сколько народу-то надобно въ безсловесное состояніе привести, чтобы онъ тебя въ этакихъ подлостяхъ поддержалъ! Или—возьми земство: и сюда намъ надобно свое рыло всунуть: урядника я, положимъ, подмазалъ, и старосту купилъ, и старшину купилъ, и волостной судъ одурманилъ: всѣ они мнѣ свою службу сослужили въ нужное время, когда у Ивашки телушка оказалась: указали, вѳ-время ее захватили, безъ замедленія продали и денежки мнѣ предоставили... А Ивашка-то мировому пожаловался, а мировой-то взялъ да и сдѣлалъ по совѣсти — всѣхъ насъ опровергъ, Ивашку оправдалъ, съ насъ деньги назадъ требуетъ, да еще и слѣдователемъ стращаетъ и судомъ. А намъ это нельзя. Ежели намъ дожидаться, пока Ивашка телушку продастъ въ свое время и съ выгодой, такъ вѣдь мы свое время пропустимъ и безъ выгоды останемся. Какой же это порядокъ? Вотъ и надо намъ судью неправеднаго, чтобы и кулачишкѣ онъ былъ подверженъ, чтобы по-нашему и объ Ивашкѣ думалъ, чтобы, словомъ, Ивашка ни въ коемъ разѣ у него никакъ ничего не выигрывалъ, а только бы все проигрывалъ по судебной части... И вотъ мы опять за пойло, за подлогъ, за подвохъ, за дурманъ, за всякія наши средствія: опоить, запутать, стыдъ изъ человѣка вымотать, къ арфисткамъ его свозить, да потомъ женой пригрозить,—словомъ, всѣми способами! Ну-ка, подумай, другъ любезный, какъ тутъ не подкрѣпиться напиткомъ? Тутъ ужъ даже прямо совѣсть надобно водкой заливать, и свою и чужую... Ну вотъ, и глотаешь всякое пойло... а зачѣмъ все это и кому какая отъ этого разбойства польза—передъ Богомъ, не знаю! и зачѣмъ времъ и пьемъ—тоже мнѣ ничего неизвѣстно!

— Но скажите же, Бога ради,—съ раздраженіемъ проговорилъ фельдшеръ:—неужели во всемъ вашемъ обществѣ не нашлось порядочнаго человѣка, который бы вмѣшался въ эту свалку, разоблачилъ, вывелъ на свѣжую воду? Неужели нѣтъ честныхъ, искреннихъ людей?

Фельдшеръ сильно взволновался и вознегодовалъ, а пока онъ громко роптalъ на все это безобразіе, купецъ Тараканов вытребовалъ себѣ стаканъ кофе, налилъ въ него коньяку и, не отвѣчая на вопросы фельдшера, молча выпилъ почти весь стаканъ.

— Насчетъ честныхъ, благородныхъ людей? — сказалъ наконецъ Тараканов. — Я тебѣ скажу вотъ что: оченно даже ихъ много въ нашихъ мѣстахъ. Не то, что честные,

а, прямо сказать, ангельскіе есть люди; ну, только мы имѣ никакихъ поступковъ не дозволяемъ... У насъ по всей линіи требуется человѣкъ съ гнилью, чтобы совѣсть у него была подмоченная, а человѣкъ правильный, справедливый—чисто одинъ вредъ намъ... Ты самъ посуди: открыть кабакъ—мнѣ надобно старосту получить корыстнаго, старшину безсовѣстнаго, писаря пройдоху; надо всю сволочь вокругъ себя собрать, чтобы хорошимъ людямъ проходу не было. Мой сидѣлецъ деньги въ долгъ распущаетъ, обираетъ у мірскихъ втридешева всякій продуктъ, норовитъ въ голодное время захватить—опять мнѣ требуются люди не настоящіе: и становой, и мировой, и приставъ—всѣ мнѣ требуются не изъ благороднаго народу... Повезъ я это сѣно въ городъ. Обмѣнялъ я его на чай, сахаръ; на десять цѣлковыхъ у меня мужикъ набралъ на зиму, а я сѣномъ отдачу взялъ, пять копеекъ пудъ,—стало-быть, двѣсти пудовъ, по тридцать копеекъ я его пожарнымъ лошадямъ ставлю... И тутъ мнѣ тоже надобны на всей дорогѣ люди неправильные: нужны они мнѣ въ думѣ—чтобы цѣну несообразную утвердили, нужны мнѣ они и въ полиціи—чтобы двойную расписку выдали... Лѣкарь мнѣ требуется также съ фальшивыми мыслями: чтобы сына моего забраковалъ при рекрутчинѣ, оставилъ бы его мнѣ въ моихъ дѣлахъ орудовать, показалъ бы его, что у него сердце очень стучитъ, когда онъ съ арфистками пьянствуетъ, и чтобы онъ намѣсто моего сына взялъ Аграфенина брата. Такъ видишь ты, другъ любезный, какая тутъ окружность выходитъ! Гдѣ тутъ поставить хорошаго человѣка? На коемъ мѣстѣ? Поставь его—онъ тебѣ всю механику и испортитъ! Какой-нибудь писаришка волостной внушитъ мужикамъ упорство, анъ, глядь—оно по всей линіи отозвалось! Такъ вотъ мы и стараемся все, чтобъ подъ масть было, чтобъ и въ полиціи наши, и въ думѣ наши, и въ земствѣ наши бы, и въ волости, и въ деревнѣ... А трудновато!

— Трудно?

— Трудненько! На моей памяти, хошь, можно сказать, нашъ братъ, живорѣзъ, и съ большимъ успѣхомъ орудовалъ, а чтобы совсѣмъ безъ помѣхи—нѣтъ, не было! Война шла съ честнымъ народомъ постоянная, безпрестанно, по всѣмъ мѣстамъ... Конечно, пока что, наша взяла, а что безпокойства завсегда много было... То учитель гдѣ-нибудь хорошій человѣкъ объявится, очувствуетъ мужиковъ; то священникъ вступится; то—нѣтъ-нѣтъ—писаришка окажется

съ совѣстью, то мировой, то становой. То вдругъ, откуда ни возьмись, просто даже сказать, имназистъ какой-нибудь объявится да все это и пропечатаетъ въ вѣдомостяхъ! И цѣна-то ему, имназисту-то, всего два гроша; ростомъ дай Богъ семь четвертей чтобы вышло, а вѣдь какіе медвѣди пужаются! Артемъ-то Артемычъ ужъ на что даже обомшѣлъ въ своей берлогѣ, улежался въ ней, какъ медвѣдь: ни собакъ ни проѣзжихъ не боится, на саняхъ даже черезъ него ѣздятъ, а онъ и ухомъ не ведетъ, а и тотъ, бывало, какъ этакъ-то имназистъ объявитъ дѣло, такъ трясется, бывало, бородой вертитъ отъ страху, какъ поросенокъ хвостомъ! Ничего не сообразитъ, не знаетъ, какъ взяться... Конечно, покуда не знаетъ способовъ, а какъ надумаетъ—и опять ничего...—«Чей, молъ, этотъ мальчонка?»—«А отца Ивана, троицкаго попа»... Ну вотъ, ужъ и есть ниточка: ежели учится, нельзя ли черезъ начальниковъ: тожъ—и изъ ученыхъ бывали намъ подверженные. Ежели такъ живетъ, нельзя ли на родителя налегнуть: пріѣхалъ онъ въ Рождество — «не примаемъ!», пріѣхалъ въ Святую — «не примаемъ». Попросилъ изъ банки деньжонокъ—дочь отдавать замужъ—не дали; глядь, и начнетъ отецъ на сына налегать да напирать,—анъ и прикусилъ языкъ! А который человѣкъ даже и никому изъ нашей компаніи не подверженъ, такъ и того можемъ ублаготворить! Слухъ пустимъ: «Не жена, молъ, съ нимъ живетъ, а любовница»... Глядишь, въ клубѣ загалдѣли, на «откосѣ» забормотали... Ходитъ человѣкъ: видитъ, неладно что-то! Оскорбляется, обижается, до скандалу доходитъ, а намъ то и любо! Ну-ка, послушай-ка, какъ у мирового-то про твою жену всякая сволочь будетъ разговоры разговаривать! Глядь-поглядь, и сплылъ куда-нибудь въ другое мѣсто, подальше отъ грѣха... Былъ у насъ одинъ мировой изъ «нашихъ» членовъ, и все потрафлялъ, и все потрафлялъ, да однова какъ-то не потрафилъ,—и вышла разстройка... Такъ мы такъ его доняли, что впослѣдствіи времени даже раскаяніе приносилъ... Такъ вотъ, другъ любезный, какъ мы орудуемъ, производство уширяемъ!

— Боже милосердный!—сказалъ фельдшеръ въ сильномъ волненіи.—Но когда же все это кончится? Вѣдь долженъ же быть когда-нибудь положенъ конецъ этому безобразію?

— А какъ же? Долженъ! Безпремѣнно... Даже и сейчасъ видно, что оканчивается это самое уширеніе производству... И сейчасъ ужъ тюремныя мѣста обозначаются... Какъ же!

Будетъ конецъ! Безъ этого нельзя! Тамъ ужъ, то-есть въ нашей компаніи-то, идутъ приготовленія: поди-ка теперь къ Артемъ Артемычу въ магазинъ да спроси: «Гдѣ, молъ, хозяинъ? Видѣть мнѣ его требуется»... И выйдетъ къ тебѣ кучеръ. — «Мнѣ бы хозяина». — «Да я самый и есть хозяинъ». — «И магазинъ вашъ?» — «Такъ точно».—«И заводъ?»—«И заводъ мой-съ!»—«А Артемъ-то Артемычъ что-жъ теперича?» — «А они у меня въ приказчикахъ состоятъ!» Эво какъ! Хозяинъ на козлахъ сидитъ, кнутомъ погоняетъ, а приказчикъ на хозяйскомъ мѣстѣ, въ скунксовый воротникъ свою бороденку уткнувши, сидитъ! А у Кузьмы Семеныча, такъ у того и совсѣмъ нѣтъ ничего: ни дома, ни фабрики, ни имѣнія: одно продалъ женихой сестрѣ, другое, вишь, за долги братнина своячиница взяла, а третье тожъ съ аукціону двоюродному племяннику досталось. А самъ состоитъ при бывшихъ своихъ имѣніяхъ только въ сторожахъ, три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получаетъ... Ужъ тамъ, братъ, идетъ пьеса, приготовляются къ представленію! Кто дворникомъ нарядится, кто кучеромъ, кто приказчикомъ, кто чѣмъ! Ни у кого ничего нѣтъ, только векселей полны сундуки въ банкѣ... Пробовали-было краснымъ пѣтухомъ баланецъ заключить и даже сундукъ-то изъ казначейства съ векселями представили въ банкъ,—стало-быть, къ поджогу; ну, не вышло! А все было обдѣлано опрятно... Мнѣ сторожъ банковскій все подробно описалъ. «Подожгли, говоритъ, изъ другой улицы, съ задовъ. Иванъ Мухинъ, мѣщанинъ, отъ самовара загорѣлся въ праздничный день... Всѣ на гуляньѣ, на дачахъ»... Сказываютъ, Иванъ-то Мухинъ за свой домишко три тысячи взялъ чистыми деньгами. Огонь-то долженъ былъ идтить прямо по сараямъ, сѣнникамъ, къ банку. Сторожъ-то мнѣ говоритъ: «Я все чуялъ, все видѣлъ... и которыя гдѣ книги, бумаги лежатъ—все зналъ; слава Богу, поди, ужъ подъ двадцать лѣтъ гляжу на все это... Думаю: спасать или не спасать? А ну какъ потомъ раздавятъ? Вѣдь компанія плотная, союзная, долго ли меня расплющить? Подумалъ-подумалъ,—побоялся!.. А чтобъ передъ судомъ не отвѣчать, принялся образа спасать да зерцало: въ этомъ худова нѣтъ»... Ну, только не дали сгорѣть ни синь-пороха; все какъ есть цѣло осталось: стало-быть, частный приставъ одинъ, Камушкинъ, все спасъ съ сердцовъ, со зла...

— Какъ такъ со зла спасъ?

— А вотъ какимъ манеромъ вышло это дѣло: Камуш-

кинъ-то этакъ долго состоялъ въ этой самой компаніи,—и лютый былъ человѣкъ, жадный! Въ думѣ ему цѣны сдѣлали на сѣно, на овесъ, на весь комплектъ хорошія и счетовъ не требовали, — только подписывали, что онъ напишетъ, и выдавали, что потребуетъ. И въ банкѣ ему кредитъ былъ, такъ что онъ даже домикъ подъ горкой съ арфистками установилъ. Всякое ему денежное послабленіе было... Ну, а за это и онъ ужъ старался: ежели кому надо, доймета паспортами, мостовой, гигіеной этой самой, штрафами, или ежели и въ губерніи потребуется намутить противъ какого-нибудь—намутитъ, затмитъ... Такъ вотъ все у нихъ шло по промежду себя честно, благородно и долгонько-таки... Вдругъ, братецъ ты мой, пріѣзжаетъ къ этому самому Камушкину сынъ: пожилъ лѣто, походилъ, погулялъ, посмотрѣлъ, послушалъ, а по осени поѣхалъ въ Питеръ да и пропечаталъ въ газетахъ про все это наше представленіе... Вотъ Артемъ-то Артемычъ и гонитъ за Камушкинымъ:—«Что-жъ это такое? Какъ такъ? Какая это съ твоей стороны благодарность, ежели ты сыну своему родному не могъ внушить здравыхъ понятій?» А Камушкинъ-то не будь дуракъ—зналъ ужъ, что дѣла компаніи-то пошатываются, прорѣховъ очень много—говоритъ:—«Ежели хочешь, чтобы мой сынъ все свое писанье опровергъ, такъ я ему прикажу. Давай мнѣ за это мои векселя, которые въ банкѣ». Получилъ онъ свои векселя, написалъ сыну, пригрозилъ, повелѣлъ ему опровергнуть, а тотъ, не послушавшись отца, хвать-похвать, и во второмъ экземплярѣ отпечаталъ да еще лучше перваго разныя тайности обнаружилъ. Опять Артемъ Артемычъ за Камушкинымъ гонитъ:—«Что-жъ это такое? Скажи на милость? Вѣдь весь городъ загалдѣлъ про насъ! вѣдь подписана фамилія твоего сына... Всѣ говорятъ: «Стало-быть, правду пишетъ, отъ отца узналъ». Сдѣлай ты такъ, Бога ради, чтобы онъ языкъ прикусилъ! Удѣлай, говоритъ, ты ему *неблагонадежность!* Я тебѣ на ремонтъ въ думѣ выцарапаю тысячи четыре, пять»...—«Ну,—говоритъ Камушкинъ: — ладно! Удѣлаю, говоритъ, я ему неблагонадежность. Выводи на ремонтъ пять тысячъ, присылай талонъ». Талонъ ему выдали, деньги онъ себѣ въ карманъ положилъ, а между тѣмъ никакой кляузы противъ сына не сдѣлалъ. А вмѣсто того приходитъ газета, а въ ней и въ третьемъ экземплярѣ все расписано, еще того превосходнѣй! Дознались: сестра, молъ, имназистка, брату отписала! Тутъ Артемъ Артемычъ ужъ ощетинился! «Мы васъ кормимъ,

питаемъ, а вы только клевету распускаете? А ежели, говоритъ, ты сейчасъ мнѣ на нихъ не напишешь, чтобы я самъ своими руками отправилъ на почту, такъ я самъ, говоритъ, хоть по-куриному, а нацарапаю штучку и на сына и на дочь!» Ну, тутъ, должно-быть, въ Камушкинѣ кровь заговорила отцовская.—«Нѣтъ, говоритъ, ужъ извини! Пиши не пиши, а твоего письма я не пущу; такъ оно и сгніетъ въ помойной ямѣ». — «А! — завопилъ Артемъ-то Артемычъ: — коли такъ, завтра думскую ревизію на тебя напущу, и нѣтъ тебѣ кредиту! Пошелъ вонъ!» Вотъ Камушкинъ-то и ушелъ.—«Ладно, говоритъ, помни». А тутъ вскорости и загорись у этого самаго мѣщанина, Ивана Мухина... Вотъ Камушкинъ-то со зла и говоритъ: — «Погоди, говоритъ, анаѳемы! удружу я вамъ! я васъ произведу!» Подступилъ огонь къ банку къ самому; даже, сказываютъ, крыша занималась, а онъ ужъ тутъ: со всѣхъ дворовъ бочки согналъ, да какъ принялся орудовать. Сторожъ-то говоритъ: — «Не успѣлъ я, говоритъ, Александра Невскаго икону въ присутствіи отвязать, какъ со всѣхъ концовъ вода полила»... А Камушкинъ-то, говорятъ, командуетъ пожарными и все кричитъ:—«Нѣтъ, подлецы, не дамъ я вамъ поживиться! Ублаготворю! Все спасу! Будете меня помнить, сѣдыя крысы!» И точно — все до нитки спасъ: векселя (свои-то выбралъ), книги, записки—все дочиста. Даже за это получилъ награду изъ губерніи, а тамъ еще вышло, что Артемъ-то Артемычъ долженъ былъ самъ хлопотать передъ членами, чтобъ ему награду выдать «за спасеніе банка». Получилъ Камушкинъ деньги и говоритъ Артемъ Артемычу: — «Ну что, сѣдая крыса? Будешь буянить? Теперь я самъ въ твою компанію не пойду, потому что всѣхъ васъ подъ судъ вскорости упекутъ». И точно: вотъ-вотъ все загудитъ, загремитъ, только пыль подымется до неба на томъ мѣстѣ, гдѣ банкъ стоялъ... Еле-еле скрипитъ... Да ужъ и въ самомъ дѣлѣ пора! Пущай бы ужъ поскорѣй весь этотъ смрадъ сквозь землю провалился... Надо-таки дать дыханіе и справедливому человѣку, ей-Богу право!

— Но позвольте васъ спросить,—сказалъ фельдшеръ:— вотъ вы описали полное безобразіе и несправедливость... Что-жъ, какъ тутъ поступалъ дамскій полъ? Внушалъ ли онъ своимъ супругамъ о подлости ихъ поступковъ?

— Ну ихъ еще тутъ! Чего онѣ знаютъ? Гуляютъ по откосу, а музыка играетъ: «Который былъ моимъ мамашей,

который былъ моимъ папашей». Только и всего. Аграфена понимаетъ, а онѣ чего? Сидятъ подъ окошкомъ да пьютъ чай съ вареньемъ... Да безпокоятся: «Не разлюбилъ бы меня мужъ»...

— А что онъ сундуки опустошаетъ, это ей ничего не значитъ!—подхватилъ фельдшеръ.—Одна мнѣ хвасталась даже... сидитъ на плацформѣ съ ребенкомъ на рукахъ и говоритъ мнѣ:—«Мой Васенька тоже вотъ, какъ вы, спервоначала во все совался. И тамъ ему надо, и здѣсь требуется... То полонъ домъ мальчишекъ наведетъ: пѣть учитъ, читать; то на скрипкѣ начнетъ зудить; то, говоритъ, спектакль надо, то кассу надо открывать... Богъ вѣсть что! Думаю: когда-жъ это онъ меня всему этому предпочтетъ? Ну, и стала дѣйствовать». — «Какими же, говорю, средствами?» — «А всякими: какія есть у женщинъ средства, тѣми и дѣйствовала... Пойдешь на спѣвку, такъ я, молъ, раздѣнусь и простужусь... Будешь мальчишекъ водить, такъ я ребенка въ колодецъ брошу, уйду къ матери... Начнешь съ пьяницами объ кассѣ разсуждать да водку пить, а я начну на весь домъ кричать и чашки буду бить объ полъ». Вотъ какими средствами! Ну, говоритъ, и добилась: пѣніе бросилъ, скрипку бросилъ, кассу бросилъ, ни самъ ни къ кому, ни къ нему никто. Только я да онъ — и никакихъ затѣй нѣтъ. Рѣшительно ото всего у него охоту отшибло!» Сказала—и сама вся засіяла. — «Только, говоритъ, цвѣты дозволяю ему... пусть!..» Вотъ какъ онѣ понимаютъ стремленіе человѣка къ общественной дѣятельности! А то еще одна говоритъ мнѣ:—«Онъ долженъ, говоритъ, меня цѣнить и любить безъ памяти и безконечно, потому что я для него отца обманула, даже деньги унесла, мужа обманула и мать свою въ гробъ свела... Такъ онъ долженъ это цѣнить!» Я отвѣчаю:—«Не знаю, Капитолина Петровна! По-моему, такъ онъ долженъ васъ опасаться, потому что вы на всякое злодѣйство способны». Обругала меня подлецомъ, треснула хвостомъ объ уголъ — и слѣдъ простылъ. Такъ можетъ ли этакая женщина понимать что-нибудь по совѣсти? Ей даже удовольствіе можетъ доставлять, ежели мужъ грабитъ для ея удовольствія: «Стало-быть, любитъ. Который любитъ, тотъ себя готовъ прозакладать!» Вотъ ихъ мнѣніе!

Купецъ допилъ то, что было у него въ стаканѣ, и потребовалъ новую порцію.

— Думаешь - думаешь: и изъ-за чего только это зло

идетъ и этотъ мусоръ? Вѣдь если сосчитать, сколько денегъ ухнуло! Вѣдь милліоны! И вѣдь дѣловъ-то отъ нихъ не видно никакихъ. На коммерцію десятая часть да въ деревню, можетъ, проникла малая малость... а то вѣдь все на зло, на подкупъ, на взятку, на кляузу, на распутство— вотъ вѣдь на что! Сколько народу-то напорчено вокругъ этого дѣла! Вѣдь хоть и пьянствовать, такъ и то нужна компанія; голи надѣлали да ее же и въ компаніи по разнымъ случаямъ къ распутству пріучили, деньгами ее раздразнили, къ пойлу привлекли. Теперь, какъ стали эти гнѣзда сквозь землю проваливаться, вѣдь почитай ничего отъ нихъ и не останется, кромѣ продажной, бездѣльной голи... А голь эта нехорошая, злая, да и ужъ сладкаго куска отвѣдала, тарелку съ хорошимъ кушаньемъ, вокругъ воротилъ толкаючись, отвѣдывала... И вѣдь, другъ ты мой, двадцать вѣдь лѣтъ это все съ рукъ сходило! Это вѣдь теперь только за очистку берутся, а сколько неправды-то наросло! Ужъ сжели насъ хотятъ высвѣтить, такъ ужъ и враговъ нашихъ также надо оправить, оправдать, дать имъ слово сказать... За что-жъ хорошій-то человѣкъ, который давнымъ-давно все это видѣлъ, долженъ страдать? Нѣтъ, это неправильно! Хошь бы взять Аграфену... Что-жъ, такъ и должны онѣ всѣ пропадать?

Принесли новую порцію кофе, и купецъ Тараканов продолжалъ высказывать свои взгляды на прошлое и будущее. Но картина, изображенная имъ, была такъ тяжка и притомъ такъ еще свѣжа въ памяти, что мнѣ было трудно слушать ея дальнѣйшее объясненіе и дополненіе.

Мнѣ захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, и я вышелъ изъ каюты на палубу.

III. Верзила.

1.

— Что это, господа, скучно какъ? Хоть бы въ «дураки» съ кѣмъ-нибудь поиграть!

Эти слова громко, такъ сказать, во всеуслышаніе всей публики, наполнявшей крытую палубу парохода, проговорилъ какой-то черномазый мужикъ, видомъ артельщикъ; все время онъ лежалъ на палубѣ ничкомъ, уткнувшись

растрепанной черной головой въ красную подушку, и вдругъ поднялъ голову, сѣлъ, сталъ торопливо царапать руками свои спутанные волосы и въ то же время сдѣлалъ вышеприведенное громогласное воззваніе. А точно, на пароходѣ было скучненько. Жара палила, рѣка была пустынна, берега скучны, промежутки между остановками продолжительны. Палубная публика, проснувшаяся вмѣстѣ съ восходомъ солнца, успѣла уже умыться, напиться чаю, потолковать и вновь отъ-нечего-дѣлать укладывалась на старыя мѣста,—укладывалась не спать, а такъ, полежать. Жарко было отъ палящаго солнца, отъ раскаленной пароходной машины, отъ раскаленной пароходной кухни...

— А что, въ самомъ дѣлѣ? — быстро вскакивая съ лавки, стоявшей около борта, отозвался издалека другой палубный пассажиръ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, въ сюртукѣ, надѣтомъ на русскую рубашку, гладко выбритый. Что-то напоминавшее трактирнаго лакея было въ этой фигурѣ.

— Ребята!—вновь воззвалъ мужикъ, похожій на артельщика, продолжая сидѣть на полу:—нѣтъ ли у кого картъ на подержаніе?

— За прокатъ отдадимъ!—прибавилъ во всеуслышаніе и лакей. — Ужъ навѣрно у кого-нибудь да есть... Слышите, что-ль, почтенные?..

— Эй, ты, любезный! нѣтъ ли въ буфетѣ, у хозяйки?.. Спроси-ка-сь!

— Какія карты?—нехотя отвѣтилъ буфетный слуга, пробираясь съ чайнымъ приборомъ и шагая черезъ головы и ноги лежавшей на полу публики.

Лакей, первый отозвавшійся на приглашеніе артельщика, соскочилъ съ своей лавки, проворно пересѣлъ на полъ и, похлопывая артельщика по спинѣ, какъ стараго знакомаго, говорилъ:

— Такъ какъ же, любезный? Хлопочи. Надо какъ-нибудь время коротать.

— Нѣтъ! Богъ съ ними и съ картами! — проговорилъ новый пассажиръ, появляясь откуда-то около артельщика и лакея.

Это былъ совершенно приличный молодой человѣкъ, неизвѣстно какой профессіи и какого званія. На немъ была вполнѣ приличная шляпа котелкомъ, вполнѣ приличное лѣтнее пальто, надѣтое поверхъ русской рубашки голубого цвѣта, вышитой, очевидно, женскими руками. И го-

ворилъ онъ, и держался, и глядѣлъ вполнѣ прилично и благообразно.

— Я много на картахъ потерялъ!—продолжалъ онъ.— Меня однажды, такъ же вотъ на пароходѣ, на пятьсотъ рублей жулики обчистили, такъ я съ тѣхъ поръ даже боюсь и смотрѣть на карты...

— Что вы! Мы не жулики! По пятачку проиграемъ— велика бѣда!—отвѣчалъ ему лакей.—Присаживайтесь!

— Сначала-то всегда такъ — по пятачку, а потомъ и пойдешь выкладывать зря, сколько рука захватитъ въ карманѣ...

— Это, любезный, какъ играть и съ кѣмъ. Вотъ отъ чего зависитъ. Коли у меня въ карманѣ три гривенника, такъ ужъ я не вытащу на конъ ста рублей!—прибавилъ и артельщикъ.

— Конечно, я игрывалъ на большую... Ну, обжегся—и побаиваюсь.

— Ну, чего тамъ, Господи помилуй... По большой! Съ нашимъ братомъ этого нельзя: у насъ тоже каждая копейка трудовая... Ужъ не оставляйте компаніи...

— Развѣ что отъ скуки... Да вотъ картъ-то нѣту...

— Надо раздобыть! Что-жъ, почтенные, нѣтъ ли у кого какой колодишки?

— Что дадите за прокатъ?—опять невѣдомо откуда появляясь, проговорилъ четвертый палубный пассажиръ. На этотъ разъ пассажиръ представлялъ изъ себя чистѣйшій типъ голи и рвани кабацкой. Толкаясь отъ-нечего-дѣлать то тамъ, то сямъ по пароходу, я уже давно замѣтилъ эту рваную фигуру; еще съ вечера эта фигура сидѣла на палубѣ третьяго класса у столика, пила водку и безпрерывно разглагольствовала о чемъ-то протестующимъ тономъ: косушка водки и селедка съ самаго утра не сходили со столика, передъ которымъ засѣдала фигура, рваная, небритая, немытая, въ опоркахъ, въ какой-то кацавейкѣ и въ сплюснутомъ на затылкѣ картузѣ. Повидимому, человѣкъ этотъ былъ горькій пьяница: онъ пилъ и ничего не ѣлъ, и въ то же время твердо держался на ногахъ — «припился», какъ утверждаютъ знатоки питейнаго дѣла.

— Вотъ отецъ и благодѣтель!—воздѣвая руки къ стоявшей рваной фигурѣ, плутовски-восторженнымъ тономъ воскликнулъ лакей, сидѣвшій на полу.—Рубашку послѣднюю сыму, отдамъ!

— А я думаю,—съ проническою вѣжливостью прогово-

рилъ благообразный господинъ въ «котелкѣ»:—вы можете вполнѣ безкорыстно доставить обществу полное удовольствіе: карты у васъ лежатъ въ карманѣ и по окончаніи опять туда возвратятся.

— Ишь ты, братъ! — ломаясь, бормоталъ пьяница, уже запустившій-было руку въ рваный карманъ рваныхъ панталонъ.—Нѣтъ, ты подавай мнѣ могорычей!

Послѣ довольно продолжительныхъ ломаній и кривляній пьяницы и упрашиваній, то шутовскихъ—со стороны лакея, то вѣжливыхъ и «полированныхъ» убѣжденій—со стороны «котелка», то наконецъ грубыхъ и нетерпѣливыхъ требованій артельщика перестать галдѣть и начинать игру — карты очутились въ рукахъ лакея, и, усѣвшись кружкомъ, лакей, «котелокъ» и артельщикъ начали какую-то игру.

— Больше пятачка, — сказалъ «котелокъ»: — ужъ извините, господа, и я не пойду! Довольно научены!

— Научили! Хе-хе-хе! — сочувственно поддержалъ это заявленіе кто-то изъ посторонней публики.

— Да, оченно прекрасно просвѣтили на этотъ счетъ!.. Будетъ! Кажется, ни въ жизнь бы не взялъ въ руки этой погани, да ужъ такъ... скучно...

Началась игра. На полу, между тремя игроками, лежали деньги, мѣдные пятаки. Понемногу вокругъ этихъ троихъ людей стали, отъ-нечего-дѣлать, собираться посторонніе зрители. Стали слышаться слова: «Вашъ гривенникъ!», «Мой пятакъ!», «Ахъ, песъ его дери! гривенникъ убѣгъ въ чужой карманъ!» и т. д.

Часа черезъ два послѣ начала этой игры мнѣ опять случилось выйти изъ каюты на палубу; игроки сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, но публики было вокругъ нихъ очень много, и она была ужъ не такая, почти апатическая, какъ два часа тому назадъ. Теперь ужъ можно было замѣтить въ нѣкоторыхъ лицахъ напряженное вниманіе; иные ужъ перевѣшивались черезъ плечи игроковъ, по временамъ слышались совѣты: «Ходи, ходи, не робѣй, бей!». И на полу между игроками лежали ужъ не однѣ мѣдныя деньги—виднѣлись рублевки и мелочь. Разговоръ какъ игроковъ, такъ и публики былъ оживленъ. Иные изъ публики даже спорили между собою о картахъ игроковъ, которыя были всѣмъ видны, хотя игроки, получивъ сдачу, и старались держать ихъ какъ-то въ горсти.

— Крой пиковкой! Не робѣй! Твоя!

— Вѣдь у яво козырь, елова голова! Пиковкой!
— Кр-ррой пиковк-а-ай! Вижу я, какой козырь!
— А! была не была! Вотъ!
— Ну и просолилъ...
— Просолилъ! Чисто просолилъ...
— Вѣдь говорилъ—козырь! Нѣтъ! «Знаю я...»
— Такъ вѣдь песъ его зналъ!
— Песъ!
— Ну, куда ни шло! Ушла рублевочка! Сдавай сызнова, ворочу!

Оживленіе и интересъ зрителей къ игрѣ возрастали и поддерживались постоянно разными карточными эпизодами. Между прочимъ, послѣ одной сдачи, былъ всѣхъ оживленнѣе «лакей»: взглянувъ въ свои карты, онъ вдругъ проговорилъ:

— Господа компаньоны! Сдѣлайте милость! Уважьте! Позвольте рыскнуть!

Говорилъ онъ какимъ-то умоляющимъ тономъ, прижимая карты къ груди.

— Отцы родные! Такая привалила карта—вотъ!—Онъ наклонился къ постороннему зрителю и показалъ ему карты.

— Н-да!—сказалъ многозначительно зритель.

— Позвольте поставить десять цѣлковыхъ! Кто соотвѣтствуетъ? Карта очень великолѣпна.

— Идетъ!—гаркнулъ артельщикъ.—Клади красную!

— Нѣтъ, позвольте!—благообразнымъ жестомъ руки накрывая выкинутую лакеемъ десятирублевую бумажку, проговорилъ весьма благообразнымъ тономъ благообразный владѣлецъ шляпы «котелкомъ». — Позвольте вамъ сказать, что такихъ правиловъ нѣтъ! Коль скоро вы въ компаніи, то вы должны дѣлать уваженіе... Вы бы, можетъ-быть, хотѣли и сто рублей выиграть, но когда вамъ не соотвѣтствуетъ компаньонъ и, можетъ-быть, по своимъ средствамъ лишится всего, что у него есть, то это не можетъ быть дозволено въ игрѣ. Извольте взять вашу ассигнацію... Получите-съ!.. А какъ на кону былъ рубль, то извольте и вы становить рубль, хотя бы у васъ былъ даже хлюстъ!

— Вѣрно!—послышалось въ публикѣ.

— Такъ, такъ! Этакъ-то съ жадности всякій бы тебя обобралъ.

— Хорошо!

— Но за что-жъ я потеряю свою пользу? — возразилъ лакей, волнуясь алчными порывами.

— Мало ли какой тебѣ надо пользы!

— Ахъ, карты-то какія!

— Да тебѣ какое дѣло мѣшаться? — возразилъ грубо и гнѣвно артельщикъ. — Ежели тебѣ твоихъ денегъ жалко, говори «пасъ», больше ничего, а союзному дѣлу не препятствуй.

— Вѣрно! Вѣрно!—возопили голоса публики.

— Можетъ, я хочу проиграть! Какое тебѣ дѣло?

— Н-ну, если такъ, то я «пасъ»! А вы—какъ угодно!

Слова эти благообразный господинъ произнесъ кротко и сложилъ карты, не глядя въ нихъ.

— Такъ идетъ?—спросилъ въ азартѣ лакей артельщика.

— Вали! Станови красную! Вотъ моя!

Двѣ красныхъ бумажки валялись на полу.

— Ходи!

— Ходи ты!

— Вотъ!

— А вотъ!

— А это?

— А мы вотъ какъ!

— Твоя! Твоя!—загалдѣла публика, и артельщикъ, весь сіяющій, вдругъ весь вспотѣвшій, съ мокрымъ, осклабившимся лицомъ, потянулъ къ себѣ всей пятерней двѣ красныхъ.

— Ловко! Вотъ какъ ловко!

Артельщикъ только улыбался и сіялъ.

— Конечно, всякому свое счастье!—благообразно вздохнувъ, произнесъ благообразный «котелокъ».

— А ты у меня учись!—сказалъ лакей:—десять цѣлковыхъ выкинулъ на-удалую и жалѣть не буду! Сдавай!

Публика, собравшаяся вокругъ игроковъ, была сразу въ высшей степени заинтересована этимъ эпизодомъ; въ большинствѣ это былъ народъ сѣрый, бѣдный, трудомъ наживавшій деньгу и, очевидно, въ большинствѣ только теперь знакомившійся съ какимъ-то новымъ мгновеннымъ способомъ наживы. Десять цѣлковыхъ, поставленные на конъ лакеемъ, всѣ видѣли своими глазами и также всѣ своими глазами видѣли, что артельщикъ на какихъ-то новыхъ основаніяхъ получилъ право на эти десять рублей, которые, опять же у всѣхъ на глазахъ, очутились у него въ кошелькѣ. «Ловко!» — мелькало въ выраженіи лицъ очень и очень многихъ зрителей, мужиковъ, рабочихъ, даже у отца-дьякона, который также внимательно смотрѣлъ на игру. Въ числѣ зрителей этой игры обратила мое вниманіе фигура

одного крестьянина: это былъ пароходный рабочій въ картузѣ съ мѣднымъ ярлыкомъ; роста онъ былъ огромнаго и—какъ часто это бываетъ у сильныхъ людей—лицомъ походилъ на ребенка: самое дѣтское, простодушное выраженіе лица было у него. Онъ подошелъ къ группѣ играющихъ довольно давно и сначала былъ совершенно равнодушнымъ зрителемъ; по его лицу было видно, что «въ этихъ дѣлахъ» онъ ровно ничего не понимаетъ, что это его даже и не интересуетъ, но послѣ эпизода съ десятью рублями что-то какъ будто проснулось въ его сонныхъ, спокойныхъ, какъ стоячая вода, глазахъ. Что-то какъ будто шевельнулось, плеснуло въ этой стоячей водѣ. Онъ поближе придвинулся къ игрокамъ, пристальнѣе сталъ смотрѣть въ карты, на деньги, на руки игроковъ, на ихъ кошельки.

— Михайла!—позвали его откуда-то.

— Сейчасъ!—отозвался онъ, но не уходилъ, а съ возрастающей внимательностью сталъ вникать въ дѣло. Его позвали въ другой разъ, и тогда онъ, съ трудомъ оторвавшись отъ зрѣлища, бѣгомъ побѣжалъ туда, куда его звали, и скоро возвратился тоже «бѣгомъ»...

— Не шулера ли какіе?—сказалъ мнѣ какой-то толстый купецъ, также изъ числа зрителей, спускаясь со мною въ каюту.—Много этого мусорнаго народу развелось... Я глядѣлъ-глядѣлъ—будто какъ что-то есть...

— Не знаю, не видалъ я этого!

— Это только такъ, представленіе одно, будто незнакомые собрались, то-есть трое-то... Они очень знакомы... Вотъ посмотрите, раззадорятъ они публику!.. Это завсегда ихній пріемъ!.. И откуда это, Господи, сколько пошло по Россіи шарлатановъ всякихъ? Чисто отбою нѣтъ!

Подозрѣнія купца вполнѣ оправдались впослѣдствіи, но не въ этомъ пока дѣло. Меня очень интересовала фигура мужика, на моихъ глазахъ начавшая, такъ сказать, развращаться. Я видѣлъ эту фигуру въ воловьей работѣ при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ, видѣлъ его гигантскую силу и дьявольскій трудъ, ничуть не отразившійся на этомъ спокойнѣйшемъ дѣтскомъ лицѣ, едва-едва обрамленномъ бѣлокурой бородкой, видѣлъ его апатическимъ и ровно ничего не понимающимъ зрителемъ карточнаго состязанія и видѣлъ наконецъ, какъ въ этой дѣтской душѣ шевельнулось что-то острое и жадное... «Что будетъ съ нимъ дальше?»—подумалось мнѣ, и часа черезъ два я опять вышелъ на палубу.

Парень (его звали Михайла) былъ къ этому времени про-

сто неузнаваемъ, да неузнаваема была и вся толпа, окружавшая игроковъ. Возбужденіе жадности къ деньгамъ, которыя въ видѣ «рублевокъ», «трешницъ», «мѣдяковъ», мелочи, кучей лежали на полу, на глазахъ всѣхъ, переходя отъ одного игрока къ другому, было необыкновенно сильно. Но мужикъ, этотъ огромный верзила, на лицѣ и фигурѣ котораго трудно было замѣтить слѣды малѣйшаго волненія послѣ того, напримѣръ, когда онъ только-что перетаскалъ на берегъ не одну сотню цибиковъ чая или демидовскаго желѣза, теперь, подъ вліяніемъ животной страсти, волновался и буквально трепеталъ каждымъ мускуломъ. Жаръ какой-то валилъ отъ его огромнаго тѣла, все лицо содрогалось, и глаза прыгали между вытаращенными вѣками; огромная трясущаяся рука то вытаскивала изъ кармана замшевый кошелекъ, крѣпко сжимая его въ рукѣ, то пыталась отворить его, то опять прятала и опять вынимала. Наконецъ парень не выдержалъ: отчаяннымъ жестомъ раздвинулъ толпу, присѣлъ къ игрокамъ и, весь блѣдный, трясущійся, принялъ участіе въ игрѣ; онъ плохо понималъ, въ чемъ дѣло, и потому, когда ему сдавали карты, онъ сейчасъ же показывалъ ихъ сосѣду, тому самому рваному пьянчугѣ, который предложилъ игрокамъ свои карты. «Брось, наплевать! Ничего не стоитъ! Пасъ!»—совѣтовалъ пьянчуга, или, напротивъ, поощрялъ: «Ходи! ходи! Бей! Такъ...» И не только не умалялось волненіе верзилы, не только всѣ члены его не переставали ходить ходуномъ, но, напротивъ, увеличившаяся блѣдность лица и трясущіеся пальцы заставляли думать, что ужъ не жаръ томитъ его, а холодъ, ознобъ деретъ ему тѣло... И вдругъ онъ опять вспыхнулъ и весь загорѣлся огнемъ: ему «привалила карта»—это, во-первыхъ, увидалъ онъ самъ; во-вторыхъ — это провозгласилъ во всеуслышаніе пьянчуга, а затѣмъ такіе же возгласы удивленія къ счастливымъ картамъ выразила и публика, толпившаяся за спиной у игроковъ.—«Вали, вали! Не робѣй! Станови! Не бойся! Выиграешь! Твоя, твоя!»—со всѣхъ сторонъ галдѣла публика и сами игроки, а верзила съ отупѣвшимъ, налившимся кровью лицомъ, только поворачивалъ голову то направо, то налѣво, то пряталъ карты въ горсть, точно сокровище, то опять совалъ ихъ «посмотрѣть», кому придется... Ему предстояло либо проиграть пятнадцать рублей, либо выиграть сорокъ пять; наконецъ онъ рѣшился и голосомъ кулачнаго бойца, приготовляющагося къ отчаянной дракѣ, воскликнулъ:

— Иду! Ходи!

— Иду и я! — также точно приготовляясь размозжить сопернику голову (а не обыграть въ карты), воскликнулъ и артельщикъ.

Лакей ничего не воскликнулъ, но сидѣлъ блѣдный, какъ смерть, съ горящими глазами.

Секунды двѣ-три стояла мертвая тишина.

— Твоя! Взялъ! Охо-хо-хо, деньжищъ-то поволокъ! — возопила вдругъ вся публика.

Оказалось, что выигралъ артельщикъ, а верзила проигралъ. А лакей хоть тоже проигралъ, но не выдержалъ своей роли и явно обрадовался.

Верзила молча и какъ-то деревянно смотрѣлъ, какъ его деньги забираетъ артельщикъ; онъ даже какъ будто успокоился и пересталъ трястись.

— Будетъ! — сказалъ онъ, поднялся съ полу и пошелъ. Пошелъ онъ прямо къ кухнѣ, взялъ швабру, стоявшую тутъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся вытирать ею полъ около крана, передъ которымъ умываются пассажиры третьяго класса. Онъ какъ будто хотѣлъ показать, что съ нимъ ничего не случилось, что онъ знаетъ, что самъ виноватъ. Я подивился этой силѣ характера, этой возможности быть «какъ ни въ чемъ не бывало», проигравъ такую кучу денегъ, какъ 15 рублей. Но радость моя была не долга: онъ потеръ шваброй мокрый полъ, пошелъ-было съ этой шваброй куда-то въ другое мѣсто, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ остановился и вдругъ, какъ подрѣзанная трава, упалъ, свалился на полъ, уронивъ швабру... Онъ свалился куда-то за тюки съ товарами, не разбирая— куда, и, колотясь головой обо что ни попало, взывалъ на весь пароходъ:

— Бат-ю-ушки... м-мои... мил-лые!.. Отцы мои... Пятнадцать цал-ко-о-о-выхъ... О-охо... о-о-охъ—охъ-охъ!..

Самыя маленькія, не умѣющія даже лепетать, дѣти могутъ такъ отчаянно и такъ жалобно плакать, какъ плакалъ этотъ верзила, катаясь между тюками товара, стукаясь лбомъ и огромнымъ тѣломъ обо что ни попало. Такого ребяческаго малодушія, такого ничтожества душевнаго, какое обнаружилъ верзила, нельзя себѣ представить, не представляя именно совершенно безпомощнаго ребенка; между верзилой, на весь пароходъ и на всю Каму пищавшимъ «какъ малый ребенокъ», и тѣмъ верзилой, котораго нѣсколько минутъ тому назадъ «трясло» всего и «ломало»

подъ впечатлѣніемъ проснувшейся алчности, жадности, не было ничего общаго; это были два разныя существа: то былъ звѣрь, а теперь чуть не грудной ребенокъ, и ни звѣрь ни ребенокъ одинаково были непохожи на сильнаго, могучаго, тихаго работника, каковъ верзила былъ въ дѣйствительности. Проявивъ въ себѣ глупую жадность звѣря и неумное отчаяніе несмысленнаго младенца, верзила произвелъ на публику парохода впечатлѣніе какого-то глупца и даже смѣшного дурака.

— Дуракъ! Такъ дурака и надо!

— А съ дураками нешто не такъ надобно?

— Дураковъ надо учить!

— Разъ-другой поучатъ такъ-то дурака, анъ онъ и умнѣй будетъ!

— Ишь ты! Сорокъ пять цѣлковыхъ хотѣлъ слизать, а какъ не вышло, такъ и взвылъ какъ бѣлуга!

— Охъ! охъ! охъ! охъ!.. пя-а-а-а-а-атнадцать ца-ал-ко... о-охъ—охъ...

— Ха! ха! ха! ха!—помирала со смѣху публика.

И поистинѣ было смѣшно.

Но верзила не исчерпалъ еще всѣхъ своихъ душевныхъ свойствъ. Верзила вылъ и катался по полу довольно долго, едва ли не до тѣхъ поръ, покуда вся пароходная публика вмѣстѣ и по одиночкѣ не засвидѣтельствовала ему лично своего мнѣнія о томъ, что онъ «дуракъ».

— Какъ обыгрывать—такъ ничего, а какъ проигрывать, такъ закудахталъ!

— Охо-хо-хо... Батюшки... матушки мои!

— Ха! ха! ха!

Положительно всякій пассажиръ подходилъ къ нему, слушалъ его вытье и говорилъ, что «такъ дураковъ и надо».

Наконецъ всѣ назвали его дуракомъ и разошлись по своимъ мѣстамъ. Игроки, партнеры верзилы, тоже давнымъ-давно разбрелись. Артельщикъ, выигравшій деньги, спалъ самымъ крѣпчайшимъ сномъ, уткнувшись лицомъ въ подушку; онъ не слыхалъ, какъ обыгранный мужикъ вылъ. Благообразный человѣкъ въ «котелкѣ» сидѣлъ вверху на рубкѣ и меланхолически любовался видомъ Камы, а лакей почему-то перебрался со своей подушкой и узломъ на другой конецъ палубы, сказавъ прежнимъ сосѣдямъ: «Уйтить отъ васъ, а то, пожалуй, взвоешь, вотъ какъ этотъ мужикъ!..» Наконецъ затихъ и верзила.

— Очухался, видно?

— Въ другой разъ не будетъ!

— Видно, вытьемъ-то не поможешь!

Но верзила думалъ не такъ. Онъ, правда, затихъ, не вылъ, не охалъ и не катался по полу, а долго сидѣлъ за ящиками, утирая носъ рукавомъ красной рубахи. Сидѣлъ онъ такъ довольно долго, потомъ всталъ, оправилъ рубаху и пошелъ...

И пошелъ онъ прямо къ капитану парохода жаловаться. Отворивъ дверь капитанской каюты, онъ тотчасъ же упалъ на колѣни и, разставивъ безпомощно руки, взмолился:

— Явите божескую милость! Что-жъ это будетъ! Пятнадцать рублевъ... Это не игра, вашскородіе!.. Отецъ родной... Это одно мошенство!.. Помилуйте! Я жаловаться буду... Эти деньги у меня чужія! Что-жъ это такое? Господи помилуй!..

Публика видѣла это.

— Ишь, подлецъ какой! Небось, кабы самъ счистилъ сорокъ-то пять рублей, не пошелъ бы жаловаться... Сказалъ бы: «маё»...

А какой по первому впечатлѣнію хорошій типъ: сильный, работающій, простой, скромный, съ наивными глазами... Пудовые тюки мелькаютъ въ его рукахъ, какъ соломинки, «ворочаетъ» онъ этими пудами и пѣсню поетъ, «не жалится», что трудно, а взяло за живое — вышелъ жадный звѣрь: не пришлось звѣриной алчности удовлетворить — взвылъ, какъ грудной ребенокъ, свалился, какъ подрѣзанный колосъ, а когда взялся за умъ, «очухался», сейчасъ «къ начальству»—выручай меня изъ моей глупости и подлости.

Капитанъ выручилъ его. Съ шумомъ, съ бранью, деньги (оказавшіяся уже подѣленными между «котелкомъ», лакеемъ-оборванцемъ и артельщикомъ) были возвращены верзилѣ. Верзила былъ радъ. Онъ опять взялся за швабру и принялся работать ею, елико хватало силъ, не переставая всѣмъ и каждому говорить въ то же время:

— Потому что у нихъ игра не настоящая!.. Этакъ-то я кого хошь обыграю...

— Дуракъ!—говорили ему.

А иные называли даже и «подлецомъ». Но верзила не обижался, потому что былъ радъ, сіяя отъ счастья, и работалъ за семерыхъ.

На слѣдующій день я видѣлъ верзилу уже въ обыкновенномъ, нормальномъ состояніи: онъ таскалъ кули и тюки,

отчаливалъ, причаливалъ, мѣрилъ шестомъ глубину воды, а въ антрактахъ, помолившись, благопристойно ѣлъ артельную кашу или, укладываясь спать, слушалъ какую-нибудь «занятную» сказку, небывальщину, которую ему разсказывалъ другой такой же верзила, геркулесъ съ ребяческимъ выраженіемъ лица; но впечатлѣніе вчерашняго эпизода, которое этотъ верзила напоминалъ мнѣ каждый разъ, какъ только мнѣ приходилось встрѣчать его, не изгладилось во мнѣ, а, напротивъ, постоянно развивалось и, на несчастье, все въ томъ же непріятномъ, несимпатичномъ направленіи. Эти шулера, благообразные «котелки», сюртуки, напоминающіе трактирныхъ лакеевъ, напомнили множество разговоровъ и личныхъ наблюденій относительно обилія на Руси въ настоящее время всякаго «шлющаго», бродячаго народа. Не такъ давно было въ газетахъ опубликовано, что бродячаго рабочаго народа, голытьбы, на нижегородской ярмаркѣ было меньше прошлогодняго, что та голытьба, которая была въ Нижнемъ, вела себя какъ нельзя лучше и т. д. Но тутъ же былъ опубликованъ цѣлый рядъ «мѣръ», благодаря которымъ голытьба была приведена въ благообразное состояніе: ночлежные пріюты, дешевыя столовыя, и, вѣроятно, было что-нибудь по части дисциплины. Говорю это потому, что въ іюнѣ мѣсяцѣ, до начала ярмарки, Нижній былъ переполненъ голытьбою; никогда, сколько разъ на своемъ вѣку я ни бывалъ въ Нижнемъ, мнѣ не приходилось видѣть такого обилія «шлющаго» народа. Я видѣлъ эту толпу тотчасъ послѣ еврейскихъ безпорядковъ и утвердительно могу сказать, что страшна она мнѣ показалась *). И затѣмъ, относительно вообще обилія голытьбы, я слышалъ отъ всякаго, имѣющаго дѣла съ народомъ, неизбѣжный вопросъ: «И откуда только берется этотъ рваный народъ? Просто нѣтъ проходу!» Пароходные шулера ознакомили меня съ новымъ типомъ этого растущаго на Руси класса людей: это уже не нижегородскіе ломовики съ разбитыми «вчерась» въ дракѣ глазами, а люди, которыхъ съ перваго взгляда не признаешь за плутовъ: они приличны, благообразны, хорошо одѣты. Это ужъ не рвань и голь ломовая, деревенская, бродяжная, — это ужъ люди потершіеся, отвѣдавшіе легкой наживы, люди, несомнѣнно, толкавшіеся вокругъ денегъ. Такого рода голытьба—голытьба злая, развратная и

*) Въ дополненіе къ этому ниже помѣщается разсказъ VI-й — «Побоище».

наглая—вообще-то была ужъ знакома мнѣ: по старой московской дорогѣ изъ Петербурга и въ Петербургъ проходитъ мимо нашей деревни не одна тысяча въ теченіе года. Иногда голытьба эта проситъ милостыню на французскомъ языкѣ и обижается, если милостыню подаютъ ей хлѣбомъ.

— Куда я потащусь съ этой дрянью? Мнѣ денегъ надо.

Впрочемъ, обиліе этой голытьбы и разнообразные ея типы будутъ предметомъ особаго очерка; теперь же скажу, что вчерашній «картежный» эпизодъ только натолкнулъ меня на мысль о ней. «Верзила»—въ томъ видѣ, какой обнаружилъ онъ вчера—представился мнѣ въ видѣ какой-то центральной фигуры, вокругъ которой кишитъ все это безобразіе. «Вѣдь вотъ,—думалось мнѣ:—въ этомъ самомъ верзилѣ есть видимыя для всѣхъ превосходныя черты, есть также для всѣхъ видимый образъ такой жизни, который подходитъ къ самымъ лучшимъ сторонамъ верзилинаго міросозерцанія, среди котораго онъ и хорошъ, и уменъ, и добръ, и привлекателенъ, и справедливъ. Но при стараніи изъ него можно сдѣлать и звѣря, и труса, и ничтожество, и предательство, и подхалимство,—словомъ, *можно* сдѣлать много гнуснаго. Зачѣмъ?»

2.

Отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ я, конечно, не посмѣлъ, но картина, вызванная имъ и изображающая въ общихъ чертахъ положеніе интеллигенціи (въ рукахъ которой и находится участь вопроса: зачѣмъ?), — картина эта была приблизительно такого рода: представилась мнѣ прежде всего огромная, сплошная, въ видѣ какой-то длинной, широкой полосы, пролегающей вдоль всей Россіи, точно шоссейная дорога, масса интеллигентнаго народа. Я называю «всю» представившуюся мнѣ массу «интеллигентною» исключительно только, такъ сказать, по обличью, по внѣшнему образу жизни, хотя самой большой и главной части этой массы не придаю никакого значенія въ интеллигентномъ отношеніи. Эта масса есть обжорный рядъ, толпа «своего удовольствія», солидной дѣйствительности. Она огромна и первая лѣзетъ въ глаза.

За нею слѣдуетъ не менѣе огромное скопище интеллигенціи, получающей жалованье, томящейся завистью, скучающей, закусывающей у клубныхъ и желѣзнодорожныхъ буфетовъ, томящейся въ танцовальныхъ, театральныхъ и игорныхъ залахъ, на пикникахъ, за карточными столами,

въ ученыхъ и неученыхъ обществахъ и засѣданіяхъ, и жаждущей прибавки. За нею слѣдуетъ еще болѣе огромная масса людей, также закусывающихъ, также томящихся и также никакого практическаго результата не оставляющихъ послѣ своего исчезновенія съ лица земли,—людей, мысль которыхъ хотя и не замерла, но освѣщаетъ только (и то чуть-чуть) пустоту и безсовѣстность собственнаго существованія: человѣкъ пьетъ, играетъ, участвуетъ во всякой поддѣлкѣ «общественныхъ дѣлъ», и въ то же время постоянно надъ собой подтруниваетъ, издѣвается, называетъ себя дрянью и продолжаетъ закусывать, играть и т. д., не находя въ своей мысли очертаній другихъ условій и обстановки жизни, не находя въ себѣ даже силы представить что-нибудь лучшее, что-нибудь болѣе опрятное. Каждый день увязая все глубже и глубже въ грязь, человѣкъ такой не перестаетъ понимать это, не перестаетъ издѣваться надъ собой, знаетъ даже глубину своего паденія, но продолжаетъ сновать, не выпуская изъ рукъ картъ и не отходя отъ буфета. За этими самообличителями слѣдуетъ огромнѣйшій разрядъ теоретиковъ всевозможныхъ сортовъ, видовъ и цвѣта. Одни, благодаря средствамъ, расчистивъ вокругъ себя аршина на два въ діаметрѣ кучи того неопрятнаго хлама, которымъ изобилуетъ жизнь, ищутъ *настоящаго* въ совершенствѣ личномъ, проповѣдуютъ «неземную справедливость», неземныя *дѣла*, доходятъ въ послѣдовательномъ развитіи своихъ идей до вопроса о томъ, изъ какого матеріала шьются «тамошніе пиджаки». Другіе, окруженные горами «сегодняшняго» хлама, уносятся мыслью въ отдаленнѣйшее будущее Россіи, тщательно изучаютъ тотъ моментъ, когда Англія и Россія вступятъ въ единоборство, и превосходно знаютъ, какія блестящія перспективы могутъ изъ этого столкновенія возникнуть. Третьи, не только не расчищая вокругъ себя хлама, но, напротивъ, ежеминутно созидая его, изощряютъ свои мысли въ реторикѣ восхваленія нашего будущаго; наконецъ даже люди, вполнѣ здравомыслящіе, исходящіе мыслью изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на бѣломъ свѣтѣ, и тѣ весьма скоро суживаютъ свою мысль на теоретическомъ знаніи жгучаго дѣла «настоящаго», тощаютъ безъ живого опыта жизни, скудѣютъ знаніемъ этого большого дѣла во всемъ его теперешнемъ *живомъ* объемѣ... Когда въ прошедшемъ году, во время рабочаго кризиса въ Парижѣ, печатались отчеты парламентской комиссіи, созванной для изысканія средствъ къ

помощи, читая ихъ, можно было только удивляться той мелочности, до вниманія къ которой могутъ опускаться такіе тузы, какъ депутаты. Депутатъ Лезенъ долженъ высчитывать, сколько нужно выкупить тюфяковъ, одѣялъ (холодно вѣдь!), дѣтскихъ кроватей, часовъ, лампъ, кухонныхъ принадлежностей... Читая эти отчеты, я жилъ въ деревнѣ и, признаться, думалъ такъ: «Да его ли депутатское дѣло заниматься этакими пустяками? Да они, неумытыя рыла, не заслуживаютъ того, чтобы этотъ господинъ копался да рылся, какому пьяницѣ что̀ нужно: тюфякъ ли, одѣяло или кастрюля! Ужъ видно, что доберъ баринъ-отъ, господинъ-отъ Лезенъ, мы этакихъ еще и видомъ не видали!» Да помилуйте: когда мы дождемся, чтобы у насъ въ волостномъ правленіи разговаривали о томъ, есть ли кому что̀ ѣсть и есть ли у всѣхъ сапоги? У насъ въ самомъ центрѣ нищеты и нужды только и идетъ разговоръ о высшихъ дѣлахъ и цѣляхъ.

Да и то, что̀ на нашихъ глазахъ было живого и дѣятельнаго, и то какъ будто затихаетъ и замираетъ. На нашихъ глазахъ возникъ такъ-называемый женскій вопросъ, хотя тогда же или вскорѣ послѣ его возникновенія какой-то поэтъ хотѣлъ-было его похоронить и изобразилъ-было его въ видѣ ребенка, котораго литература подняла на улицѣ, отдала на воспитаніе въ типографію, стала кормить его бумагой и поить чернилами, т.-е. постепенно приводила его къ гробу, но на дѣлѣ однако вышло не такъ: женское образованіе пошло развиваться на дѣлѣ, и мы имѣемъ не одинъ выпускъ женщинъ-докторовъ, которыя уже давно «работаютъ» въ народѣ. Но до сихъ поръ въ литературѣ, въ прессѣ, изъ которой вся русская публика только и почерпаетъ свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ, ничего, то-есть почти ровно ничего не было разсказано объ этомъ опытѣ «работать въ народѣ». На моей памяти я читалъ только одинъ разсказъ женщины-доктора о ветлянской чумѣ и еще разсказикъ въ «Вѣстникъ Европы». Теперь также на нашихъ глазахъ курсы эти падаютъ, закрываются — и опять ниоткуда ни звука, такъ что попрежнему самое любопытное для «насъ» остается все только безконечное чтеніе рецензій объ «Эрмитажѣ», Лентовскомъ и «Ливадіи». А опытъ людей, сознательно отправившихся изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ въ народную среду, нуженъ, необычайно нуженъ для общества и въ особенности для подрастающаго молодого поколѣнія, которое теперь въ свободное

отъ уроковъ время стоитъ за спинками стульевъ, на которыхъ сидятъ родители, играющіе въ карты, и наблюдаетъ со всѣмъ напряженіемъ дѣтской впечатлительности за ходомъ игры. Одна такая книга, какъ «Что читать народу?» (въ 25 лѣтъ одна!) — манна небесная въ нашей изсушающей душу жизненной пустотѣ. Опытъ «работать въ народѣ»—трудный, непривѣтливый, изнурительный, мучающій человѣка,—манна небесная потому, что въ немъ именно и есть правда, съ нею только и можетъ начаться наше самостоятельное развитіе, воспитаніе. Ни въ какомъ другомъ смыслѣ нѣтъ ходу нашей самостоятельности, нѣтъ приложенія нашимъ силамъ,—стало-быть, нѣтъ имъ развитія: все можно купить готовымъ; все, что обѣщаетъ намъ развитіе у насъ европейскихъ порядковъ, все давно ужъ въ совершенствѣ обдумано и выдумано *не нами*. Всѣ вотъ эти колеса, винты, гайки, молотки, бочки, изображенные на фотографіи какой-то «группы» инженеровъ или механиковъ и заставляющіе Марью Васильевну думать: «какой умный Иванъ Ѳедоровичъ!» (онъ изображенъ съ какой-то кочергой)—все это куплено, *только куплено*, а на выдумку всего этого Иванъ Ѳедоровичъ не тратилъ собственнаго ума ни капли. Даже кашинскимъ винодѣламъ нечего выдумывать, а остается только поддѣлывать. Словомъ, во всемъ строѣ европействующаго русскаго человѣка отъ науки, отъ книги до сапога и чулка, не на что тратить свою мысль — все ужъ готово: «поди и купи». Эта полная возможность «все купить», отъ знанія до чулка, совершенно обезсиливаетъ нашъ умъ, наши силы,—такъ намъ въ этихъ условіяхъ все хорошо и умно сдѣлано другими,—и нашъ умъ, наша совѣсть, наши силы даже *волей-неволей* должны работать въ иномъ направленіи, чтобы имѣть хоть какую-нибудь гимнастику и не исчахнуть въ пустынѣ тоски или въ пустынѣ «своего удовольствія».

Спрашивается, что, напримѣръ, можетъ сдѣлать оригинальнаго, самостоятельнаго наша литература, если она приметъ это готовое, чужими руками устроенное теченіе жизни за нѣчто новое? — Ровно ничего! Всѣ мотивы, которые могутъ на этомъ пути встрѣтиться наблюдателю, уже разработаны и, какъ оригинальные, разработаны превосходно. Да наконецъ въ настоящее время въ мелкой журналистикѣ уже практикуется кое-что по части «перелицовки» *тамошняго* на наше *россійское*. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ одной госпожой, которая по нуждѣ дѣлаетъ

для одной маленькой газеты такія вещи: возьметъ французскій или нѣмецкій разсказъ изъ буржуазной среды и передѣластъ его на русскіе нравы: вмѣсто Біарриць—напишетъ Ялта, вмѣсто Гансъ — Кузьма Иванычъ, а вмѣсто гофъ-кригсъ-ратъ — надворный совѣтникъ Анаѳемцевъ, — вотъ и все. Читаютъ и похваливаютъ, потому что дѣйствительно трудно выдумать что-нибудь оригинальное, когда *все* одинаково у извѣстной среды, будь она французская, русская, нѣмецкая... Наши буржуа не могутъ выдумать какой-нибудь обстановки жизни или дать ей какое-нибудь иное содержаніе, кромѣ той обстановки и того содержанія, которыя вообще свойственны типу буржуа. Русскій заяцъ точно такой же заяцъ, какъ и заяцъ-англичанинъ, и вовсе нѣтъ того, чтобъ нашъ заяцъ леталъ, а англійскій пѣлъ— оба они зайцы, и все у нихъ заячье, какъ двѣ капли воды. На этомъ готовомъ пути грозитъ намъ полнѣйшее утомленіе отъ готовыхъ удобствъ, средствъ жизни и самаго ея содержанія, и единственное наше спасеніе, единственная возможность пробудить наши силы *не на готовомъ*, т. е. не на ослабляющемъ даже самую охоту думать, дѣлать и жить, а на новомъ, что̀ можетъ поднять всѣ наши силы, что̀ потребуетъ даже удесятеренной энергіи, состоитъ въ опытѣ жить, принимая за главнѣйшую цѣль жизни благосостояніе народныхъ массъ. Это трудно, но въ этомъ непрерывномъ опытѣ, въ этихъ непрерывныхъ неудачахъ, разочарованіяхъ, радостяхъ, высказанныхъ и несказанныхъ слезахъ, въ этомъ, повидимому, мучительномъ сознаніи недостижимости цѣли—во всемъ этомъ только и можетъ быть *наша самостоятельная жизнь*, отсюда только и придетъ матеріалъ, который ляжетъ въ основаніе воспитанія будущихъ поколѣній.

3.

Съ какимъ поистинѣ дѣтскимъ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ одинъ мой пріятель слѣдующій маленькій эпизодъ. Задумалъ этотъ мой пріятель походить пѣшкомъ и посмотрѣть, какъ живутъ на бѣломъ свѣтѣ добрые люди. Съ мѣсяцъ ходилъ онъ по Московскому уѣзду и въ одну настоящую, заправскую «черную ночь», въ дождь и вѣтеръ, забрелъ невѣдомо куда, въ какой-то огромный лѣсъ или паркъ съ заросшими, но правильными, величественными аллеями, и скоро очутился передъ громадной развалиной стариннаго барскаго дворца. И въ паркѣ темно, и пусто во дворцѣ—

только вѣтеръ реветъ и воетъ, раскачивая огромныя деревья... Куда идти? И вдругъ, обойдя руину съ другой стороны, онъ замѣтилъ огонекъ. Огонекъ свѣтился въ единственномъ окошкѣ, не лишенномъ рамы и задернутомъ занавѣской. Обрадовавшись огоньку и жилью, пріятель сталъ искать входа въ него и скоро нащупалъ дверь, которая, какъ послѣ оказалось, не имѣла даже и петель и была только приставлена снаружи; съ громомъ и стукомъ повалилась она, эта дверь, отъ одного легкаго прикосновенія, и этотъ громъ заставилъ выскочить обитателей жилья: въ сѣняхъ, наполненныхъ мусоромъ отъ обваливающагося кирпича, появились древнѣйшій старикъ и молодая дѣвушка. Дѣвушка оказалась учительницей сельской школы, которая помѣщалась тутъ же, въ другой, не совсѣмъ разрушенной каморкѣ. На селѣ негдѣ «приткнуться», все занято трактирами и кабаками, а земское зданіе школы еще не готово, такъ вотъ земство и нашло возможнымъ «приткнуть» ее съ нѣсколькими картами и книжнымъ шкапомъ въ этомъ микроскопическомъ углу огромнаго дворца, кое-какъ приведя уголъ въ возможный порядокъ. Пріятель мой, такъ нежданно появившійся и надѣлавшій такого шума, оторвалъ дѣвушку отъ работы: она исправляла дѣтскія сочиненія. Завязался простой разговоръ о школѣ, о ребятишкахъ, о ежедневныхъ школьныхъ мелочахъ, и разговоръ этотъ былъ точно лучъ свѣта во всей этой видимой, слышанной и пережитой тьмѣ... Во время разговора торопливо вбѣжала въ комнату деревенская дѣвочка, закутанная въ платокъ и съ высокой палкой въ рукѣ. — «Я у тебя, Алексѣевна, — сказала она учительницѣ: — нонѣ ночевать не буду!» — «Отчего?» — «Да мнѣ надыть пьяныхъ и прохожихъ по дворамъ разводить... Отецъ-то хмеленъ, а очередь наша... такъ вотъ я вмѣсто отца-то!» — и ушла. И опять хорошо и свѣтло показалось моему пріятелю. Какой бы микроскопическій, съ высшей точки зрѣнія, «палліативъ» ни представляла эта учительница, читающая дѣтскія сочиненія на тему: «какъ я разъ испужался» или «какъ я разъ расшибся» — хорошъ человѣкъ, который рѣшился на этотъ палліативъ, который гдѣ-то въ *углу*, въ трещинѣ стараго дома нашелъ возможнымъ, а главное — *нужнымъ*, разговаривать съ какими-то чумазыми ребятишками, и дѣло его хорошо. Какъ ни мизерны средства этого человѣка, но онъ не скажетъ: «Почитай Кузьму Иваныча потому, что у него восемнадцать кабаковъ!», не скажетъ: «Хлопочи только о своемъ карманѣ!»

и т. д. Этого *нельзя* сказать ей, иначе она бы и не была здѣсь, не ежилась бы въ углу этой развалины съ своими тетрадками, сказками... Все это чуть-чуть замѣтный огонекъ въ черной, окутывающей ее кругомъ тьмѣ, но огонекъ несомнѣнный, хотя и трудно, мучительно трудно отвоевать его право не гаснуть среди цѣлой орды кабатчиковъ, кулаковъ, на которыхъ держится неурядица народная.

И, право, только вотъ такіе едва мерцающіе огоньки и радуютъ, хотя огоньки, точно, еле мерцаютъ... Молчаливое совершенствованіе теоретическихъ воззрѣній гораздо болѣе распространено, чѣмъ желаніе живого дѣла; теоретическое изящество, отдѣлка всевозможныхъ теоретическихъ деталей развиваются въ ущербъ вниманію къ сегодняшней человѣческой нуждѣ—и это во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ; приводить въ связь съ сегодняшней мелочной дѣйствительностью свои отшлифованныя до высшей степени изящества теоретическія построенія русскій человѣкъ отвыкаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Недавно въ газетахъ былъ опубликованъ такой случай: въ Кронштадтѣ существуетъ какая-то ремесленная касса, дѣла которой ведутся по способу Артемъ Артемычей: молебенъ, расхищеніе, пожертвованіе корпіи въ «Красный Крестъ», молебенъ и опять расхищеніе. На общее собраніе этой кассы, гдѣ члены хотѣли возстать на такіе распорядки, появились пріѣхавшіе изъ Петербурга «новые люди». Эти новые люди теоретически были до того справедливы, говорили такъ превосходно, что собраніе, заслушавшись ихъ рѣчей, сразу забаллотировало прежнее правленіе и выбрало въ члены правленія новыхъ, пріѣзжихъ людей. Но когда дѣло дошло до необходимости показать справедливость своихъ отшлифованныхъ мыслей на дѣлѣ, то-есть войти въ мелочи жизни небогатыхъ трудящихся хозяевъ кассы и, основываясь именно на этихъ мелочахъ (ради нихъ-то вѣдь и касса возникла), начать новые порядки, то новые люди оказались совершенно ничего въ этихъ мелочахъ не понимающими, не имѣющими никакого понятія о нуждѣ, о томъ, какъ живетъ бѣдный человѣкъ, каковъ его трудъ. И что же? Въ то же самое засѣданіе разочарованные бѣдняки должны были свергнуть новыхъ людей съ только-что дарованныхъ имъ мѣстъ и съ горемъ и унынiемъ должны были выбрать опять старыхъ: эти хоть и воруютъ, но все-таки знаютъ, почемъ свѣчи, какъ дорога крупа и т. д.

Иллюстрацій, которыя бы наглядно показали, до какой

степени отвыкшая отъ реальнаго дѣла мысль русскаго человѣка привыкла молча и неподвижно присутствовать при созерцаніи того самаго зла, объ уничтоженіи котораго эта мысль смертельно печалится, можно было бы привести несмѣтное количество.

4.

Едва я дописалъ послѣднюю строчку, какъ въ мою комнату вошелъ одинъ мой пріятель. Я прочиталъ ему написанное, и между нами произошелъ такой разговоръ:

— Это все такъ, все вѣрно,—сказалъ пріятель:—вѣрно и то, что русскій человѣкъ подавленъ и ослабленъ обиліемъ «готоваго», и то вѣрно, что это готовое не всегда ему по душѣ: ужъ очень видны намъ и фальшь и ложь всего этого готоваго-то... Вѣрно тоже и то, что даже «дѣло» во имя благосостоянія народа не дремлетъ у насъ, а двигается неустанно по мѣрѣ возможности... Народное дѣло — слово не пустое и не только слово! Но все-таки какъ будто что-то не то, чего-то недостаетъ во всемъ этомъ всякому россіянину...

— Отчего же такъ?

— Да оттого, мнѣ кажется, что человѣку непремѣнно надобно знать, что̀ должно выйти изъ этого? Ну, хоть бы, съ позволенія сказать, утопію бы какую-нибудь намъ представили... «Это нехорошо, это не такъ, это несправедливо, а вотъ такъ, молъ, и справедливо и хорошо!» У европейцевъ, не чувствующихъ аппетита къ старымъ порядкамъ, всегда на смѣну ихъ есть фантазія о новыхъ: всякій европеецъ-реформаторъ отвѣтитъ вамъ на вопросъ: что̀ надо?—«Вотъ что̀!» А у васъ, т.-е. у насъ,—нѣтъ! «Народъ, масса, капитализмъ, община», а все что-то не то! Образчика, фантазіи не создано по поводу того, что̀ и какъ должно быть, что̀ и какъ справедливо. Давайте-ка эту фантазію, образчикъ—проснемся! Право, проснемся!

Я бы, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не рѣшился давать этихъ образчиковъ и даже въ дружеской болтовнѣ не нашелъ бы удовольствія фантазировать на этотъ счетъ. Но одно совершенно случайное обстоятельство заставило меня невольно сосредоточить вниманіе на этомъ дѣлѣ.

Совершенно случайно въ мои руки попало одно народное современное произведеніе, гдѣ говорится «обо всемъ», и мнѣ показалось, что въ этомъ произведеніи воистину

«брезжитъ» какой-то свѣтъ, давая возможность хотя чуть-чуть уловить очертанія чего-то гармоническаго, справедливаго и необычайно свѣтлаго.

IV. Трудами рукъ своихъ.

1.

Въ послѣднихъ строкахъ предыдущаго очерка я обѣщалъ познакомить читателя, томящагося рѣшеніемъ вопроса: «како жить свято?»—съ одною рукописью, написанной крестьяниномъ, въ которой какъ бы «брезжитъ» нѣчто, отвѣчающее на этотъ многосложный и многотрудный вопросъ. Рукопись эта будетъ представлена читателю въ настоящемъ очеркѣ, но я боюсь, что она не произведетъ на него такого впечатлѣнія, какое я желалъ бы, чтобы она произвела, я боюсь, что читатель (конечно, именно только такой читатель, который не чуждъ мыслей о томъ, *како жить свято*), истомленный дѣйствительностью, повидимому, неопровержимо доказывающей ему каждую секунду и долгіе-долгіе годы подъ-рядъ, что свято жить нельзя, а надобно жить не свято,—боюсь, что этотъ читатель набросится на эту рукопись, въ которой обѣщанъ отвѣтъ на мучительный вопросъ, съ жадностью и алчностью утомленнаго, чрезмѣрно уставшаго человѣка, и, какъ всякій уставшій и проголодавшійся человѣкъ, которому кажется, что онъ съѣстъ быка, не съѣстъ съ должнымъ аппетитомъ и того маленькаго кусочка, который ему предлагаютъ. «Кусокъ», который предлагаетъ рукопись крестьянина, невеликъ, но въ немъ есть, дѣйствительно, подлинныя питательныя свойства,—надобно только потребить его не съ азартомъ жадности, а «поотдохнувши», не торопясь глотать его сразу.

Вотъ именно въ видахъ того, чтобы читатель съѣлъ этотъ кусокъ полностью, съ аппетитомъ, ощутилъ бы его доброкачественность и оригинальность вкуса, мнѣ и необходимо не давать его читателю сейчасъ «съ устатку» и попросить его поотдохнуть немного на нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеніяхъ. Эти «предварительныя соображенія» дѣлаются мной, между прочимъ, на основаніи выводовъ и наблюденій, сдѣланныхъ на тему настоящаго

очерка уже другими русскими писателями, такъ что предлагаемый очеркъ есть работа компилятивная.

Въ томъ же предыдушемъ очеркѣ мною было сказано, между прочимъ, что наша интеллигентная скучающая публика потому именно «влачитъ» безплодно и тускло свое существованіе, что волею судебъ для нея уже выработаны формы существованія, что она должна принимать ихъ готовыми, что эти готовыя формы замѣняютъ ей силу самостоятельной мысли: не приходится думать, когда уже впередъ извѣстно, какъ пойдутъ твои дни и годы. Но, принимая волею судебъ надвигающіяся готовыя формы жизни съ совершенно готовымъ содержаніемъ, русскій интеллигентный человѣкъ самъ по себѣ не можетъ не видѣть, не чувствовать, что все это готовое—не ладно, не гармонично, не чисто и вообще «не такъ». Какъ человѣкъ *свѣжій*, т.-е. не принимавшій ровно никакого участія въ созданіи тѣхъ формъ жизни, которыя онъ долженъ принять готовыми, онъ въ то же время принимаетъ также въ готовомъ видѣ и критику этихъ формъ и, еще не живя въ нихъ, не пробуя ихъ, онъ уже съ совершенною ясностью видитъ, что онѣ негодны, непривлекательны, не возбуждаютъ аппетита.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ему быть искреннимъ въ уваженіи и въ интересѣ къ оригиналу тѣхъ сторонъ жизни, которыя онъ обреченъ только копировать? Оригиналъ этотъ—европейская жизнь, какъ видитъ всякій, не блещетъ особенно привлекательными сторонами и рѣшительно никого не можетъ убѣдить, что оригиналъ этотъ—совершенство и послѣднее слово. Мнѣ невозможно вдаваться въ подробности несовершенства настоящей минуты, переживаемой оригиналомъ, но, чтобы читателю была видима самая суть этихъ несовершенствъ, я позволю себѣ указать хотя на послѣдніе выборы въ европейскіе парламенты, такъ какъ *суть* (необходимая намъ для нашей цѣли) выражается въ нихъ весьма рельефно: безпрестанныя стычки и даже драки, брань, ссора, ожесточенная борьба партій никогда съ такой силой не проявлялись на собраніяхъ, предшествовавшихъ выборамъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы! Не слышно никакихъ теоретическихъ разговоровъ—по этой части все ужъ переговорено, а дерутся и ругаются, срамятъ и стремятся втоптать въ грязь другъ друга группы людей, не имѣющія между собой *ничего общаго*. И вотъ этимъ-то *ничего не имѣющимъ общаго* между собою группамъ людей, на кото-

рыя распалось европейское общество, предстоитъ выбрать правительство, блюдущее интересы *всѣхъ*, хотя у *всѣхъ* интересы совершенно различные: у капиталиста—не тѣ, что̀ у рабочаго, у духовенства—не тѣ, что̀ у республиканцевъ, у земледѣльцевъ—не тѣ, что̀ у землевладѣльцевъ... Немудрено, что, напр., господину Греви, стоящему «во главѣ» такого правительства, не остается другого занятія, какъ кормить по нѣскольку разъ въ день свою утку и отдѣлываться ничего не значащими фразами отъ требованій всѣхъ партій, такъ какъ интересовъ одной нельзя удовлетворить, не нарушая интересовъ другой, а эта другая, какъ и третья, и пятая, стремится выдвинуть свои интересы непремѣнно на первый планъ.

Но никакой отдѣльный человѣкъ, отнятый отъ этого муравейника, не скажетъ вамъ, что онъ счастливъ, что ему легко, что онъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Ни рабочій, ни капиталистъ, ни землевладѣлецъ, ни купецъ, ни военный, ни ученый и т. д.—никто не скажетъ, что онъ не нуждается въ томъ, чтобы какой-нибудь изъ его перечисленныхъ сосѣдей не былъ притиснутъ къ стѣнѣ для того, чтобы его благополучіе было вѣрнѣе обезпечено, и что слѣдовательно каждый изъ нихъ, т.-е. каждый изъ милліоновъ жителей, населяющихъ страну, при настоящихъ условіяхъ жизни, складывающейся на подобіе пчелинаго улья, не можетъ чувствовать себя уравновѣшеннымъ съ окружающей средой, и слѣдовательно личное его существованіе не полно, не независимо, не свѣтло и слѣдовательно не счастливо.

Въ видахъ того, чтобы читатель могъ оцѣнить значеніе того простонароднаго произведенія, съ которымъ мы хотимъ его познакомить, намъ желательно обратить особенное его вниманіе именно на эти двѣ рѣзкія черты, характеризующія оригиналъ тѣхъ формъ жизни, которыя ужъ томятъ русскаго человѣка: въ глубинѣ этихъ формъ томится личность человѣческая, томится человѣкъ, на умаленіи котораго и зиждется «порядокъ» теперешняго «общества». Но порядокъ этотъ совершенно не отвѣчаетъ окованной его цѣпями личности, и то, что̀ грезится ей, какъ справедливое, можетъ быть превосходно выражено нѣсколькими строками, взятыми нами изъ сочиненія Н. К. Михайловскаго и касающимися мечтаній о такихъ условіяхъ человѣческаго существованія, среди которыхъ личность человѣческая могла бы найти полноту своего существованія, не нарушая полноты существованія общества; вотъ эти строки, опредѣляющія про-

грессъ: «прогрессъ *есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами (недѣлимаго) и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми*».

Въ четвертомъ томѣ сочиненій Н. К. Михайловскаго читатель найдетъ обширную статью: «Что̀ такое прогрессъ?», которая выведетъ его сбиваемую съ толку мысль на настоящую дорогу, къ настоящему свѣту. Мы не можемъ дѣлать большихъ выписокъ изъ этой статьи, такъ какъ выясненію вышеприведеннаго положенія посвящены почти пять томовъ этого писателя, такъ что теряешься въ обиліи блестящихъ страницъ и не знаешь, которую изъ нихъ предпочесть передъ прочими. Ограничимся поэтому только тѣми строками, въ которыхъ формула прогресса г. Михайловскаго излагается въ самомъ сжатомъ видѣ. На основаніи этой формулы, «*безнравственно*,—говоритъ г. Михайловскій:—*несправедливо, вредно, неразумно все, что̀ задерживаетъ это движеніе* (т.-е. приближеніе *недѣлимаго къ цѣлостности*). *Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что̀ уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ*».

Прилагая ее къ настоящему моменту жизни человѣческихъ обществъ и выдѣляя изъ нихъ *личность человѣческую, недѣлимое*, мы не можемъ не видѣть, что недѣлимое не можетъ похвалиться «цѣлостностью» своего существованія. Напротивъ, въ каждомъ человѣкѣ каждой общественной группы, изъ соединенія которыхъ образуется благообразіе пчелинаго улья, нѣтъ гармоніи въ развитіи его личности, нѣтъ разнородности въ дѣятельности членовъ его организма; напротивъ, онъ, *цѣлый человѣкъ*, живетъ только *частью* себя, самъ сдѣлавшись *членомъ* общественнаго организма. Трудъ раздѣленъ «между людьми», а не «между членами организма человѣческаго». Рабочій только стоитъ у станка или у горна и стучитъ всю жизнь молотомъ, проститутка всю жизнь должна быть весела и пьяна и т. д. Всѣ исполняютъ какую-нибудь спеціальность, не дающую возможности жить спеціалисту другими сторонами человѣческаго духа и тѣла, и всѣ не могутъ считать себя счастливыми. «Попробуй-ка моего!»—можетъ сказать человѣкъ всякой современной профессіи, и всякій въ то же время не можетъ существовать безъ посторонней помощи, всякій эксплоатируетъ всякаго и, въ свою очередь, эксплоатируется всякимъ.

Рабочій, священникъ, инженеръ, балетная танцовщица, ученый и т. д., поставленные въ положеніе, при которомъ ихъ спеціальности оказываются ненужными, не требуются, не покупаются, должны *сгинуть*, пропасть отъ своей безпомощности, и вообще никто изъ нихъ не можетъ *самъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ*, а, напротивъ,— удовлетворяя какую-нибудь ничтожную общественную потребность, *самъ-то* въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ потребностей требуетъ постороннихъ услугъ такихъ же, какъ и онъ, микроскопическихъ спеціалистовъ.

Выраженіе: «*самъ* удовлетворяетъ *всѣмъ своимъ потребностямъ*» принадлежитъ гр. Л. Н. Толстому; употреблено оно имъ, какъ характеристика формъ жизни нашего крестьянства, въ отличіе отъ формъ жизни, выработанныхъ «цивилизаціей», и, какъ мы думаемъ, характеристика эта окончательно разсѣеваетъ всю ту темь, и туманъ, и муть, которые въ литературныхъ спорахъ окружаютъ толки о народѣ и цивилизаціи, о Россіи и Европѣ.

Упомянувъ въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей о мнѣніи Маколея, что благосостояніе рабочаго народа измѣряется высотой заработной платы, гр. Толстой спрашиваетъ: «Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія нашего народа, что повторяемъ такое безсмысленное и ложное положеніе? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія назоветъ богатымъ степного мужика, съ старыми одоньями хлѣба на гумнѣ, никогда не видавшаго въ глаза заработной платы, и назоветъ, несомнѣнно, бѣднымъ подмосковнаго мужика въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только въ Россіи невозможно опредѣлить богатство степенью заработной платы, но смѣло можно сказать, что появленіе въ Россіи заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія». А въ другомъ мѣстѣ той же педагогической статьи гр. Толстой говоритъ: «Чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе Пушкина или исторію Соловьева, надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т.-е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ потребностямъ». Пушкинъ и Соловьевъ здѣсь поставлены только какъ признакъ нужды духовной, которую оказывается невозможнымъ удовлетворять самому, какъ и въ предшествовавшемъ примѣрѣ указаны признаки матеріальной нужды: разъ человѣкъ теперь, въ настоящую минуту, удовлетво-

ряетъ всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ, онъ вполнѣ независимъ и дѣлается зависимымъ, т.-е. несовершеннымъ, удаляется отъ цѣлостнаго типа только тогда, когда не можетъ *самъ* удовлетворять себя во всѣхъ своихъ потребностяхъ. Какъ видите, ту формулу прогресса, которую дѣлаетъ г. Михайловскій путемъ научнымъ, гр. Л. Н. Толстой, къ нашему, т.-е. русскому огромному счастью, видитъ даже осуществленной въ глубинахъ нашихъ народныхъ массъ, и его выраженіе: *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, сказавшееся послѣ глубокаго и искреннѣйшаго изученія русскаго народа, вполнѣ отвѣчаетъ теоретическому выводу г. Михайловскаго: «нравственно, справедливо, разумно все то, что̀ уменьшаетъ разнородность общества (разнородность между профессіями людей), усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ», т.-е. соединяя эти разрозненныя профессіи въ каждомъ человѣкѣ, т.-е. дѣлая для каждаго возможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ.

Повторяемъ: эта формула и этотъ выводъ, сдѣланный гр. Л. Н. Толстымъ относительно формъ жизни русскаго народа, окончательно рѣшаютъ вопросъ какъ о томъ, что̀ вообще нравственно, разумно, справедливо, такъ и о томъ, что̀ такое Россія, Европа, народъ и цивилизація. Стоитъ только эти выводы приложить къ любому разсужденію о благѣ русскаго народа, чтобы немедленно убѣдиться, точно ли разсуждающій желаетъ народу блага, точно ли *онъ понимаетъ*, въ чемъ оно заключается, *точно ли онъ любитъ* его, или только галдитъ о немъ и безъ толку бормочетъ о Россіи и Европѣ, о народѣ и цивилизаціи?

Въ томѣ III «Сочиненій Н. К. Михайловскаго» *) читатель найдетъ превосходный примѣръ примѣненія этой формулы прогресса къ ученію теперешняго славянофильства, которое, какъ всѣмъ извѣстно, десятки лѣтъ твердитъ о народѣ и хлопочетъ о широкомъ развитіи его духа. Въ № 4 газеты «День» 1865 г. была напечатана статья: «Зигзаги и арабески русскаго домосѣда»; изъ нея-то Н. К. Михайловскій дѣлаетъ слѣдующую выписку: «Всякимъ довольствомъ обильна, величавымъ покоемъ полна, текла когда-то старинная дворянская жизнь домосѣдская; медъ, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу избыткомъ

*) Стр. 213.

некупленныхъ, Богомъ дарованныхъ благъ. И этой спокойной жизни не смущала залетная мысль, а если подчасъ бушевала кровь застоялая—пиры и охота, шуты и веселье разгуломъ утоляли заволновавшуюся буйную кровь». Затѣмъ идетъ описаніе запустѣнія дворянской жизни, и, не мѣняя былиннаго языка, авторъ приходитъ къ выводу, что въ Россіи нужны новыя желѣзныя дороги, новыя финансовыя предпріятія, деньги съ которыхъ опять оживятъ жизнь домосѣдскую. «Не старцевъ, калѣкъ перехожихъ, ждетъ томящійся избыткомъ богатствъ неизбытныхъ южно-русскій край: ждетъ онъ желѣзнаго пути отъ середины Москвы къ Черному морю. Ждетъ его могучаго свиста древній престольный городъ Кіевъ; встрепенется, оживетъ въ немъ старый русскій духъ богатырскій; возсіяютъ яркимъ золотомъ потемнѣвшія златоглавыя церкви, и звонче раздастся колокольный тотъ звонъ, что̀ со всѣхъ концовъ земли русской утомленныя силы, нажитое, накопленное горе—ко святымъ пещерамъ зоветъ, облегченье, обновленье даетъ. Торный, широкій слѣдъ проложила крѣпкая вѣра нетронутая да тяжелая, жизнью вскормленная скорбь народная къ городу Кіеву. Но на перепутьѣ другомъ создали силы народныя новый городъ Украйны, Харьковъ торговый; бьетъ ключомъ здѣсь торговая русская жизнь, сѣверъ съ югомъ торговлю ведетъ, *и стремятся сюда свѣжія ретивыя* русскія *рабочія силы* къ непочатымъ землямъ Черноморья и Дона, къ просторнымъ степямъ, къ Крыму безлюдному, что̀ стономъ стонетъ, рабочихъ рукъ проситъ. Томятся, ждутъ города и земли—къ кому (къ Кіеву или Харькову) направится новый желанный путь, кому дастся сила, кому безсиліе?» Къ этому же редакція «Дня» дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Моря и Москвы хочетъ доступить Кіевъ; пуще моря нужна Москва Харькову; Кіеву—первый почетъ, да жаль обидѣть и Харькова. Или Русь-богатырь такъ казной мощной отощала, ума-разума истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обоихъ путей, обоихъ морей, желѣзомъ сягнуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣпь къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?» За исключеніемъ мнѣнія, будто бы Азовъ-градъ обидится, если его, по примѣру прочихъ мѣстъ, не посадятъ на цѣпь—что̀ же тутъ, спрашивается, русскаго, народнаго, что̀ тутъ «не Европа»? Богатырскимъ языкомъ здѣсь изложено, что желаютъ учредить совершенно европейское фи-

нансовое предпріятіе; съ гуслярнымъ звономъ говорится о рабочихъ рукахъ, т.-е. о нарожденіи той самой заработной платы, которая не можетъ появиться на Руси иначе, какъ вслѣдствіе упадка народнаго благосостоянія. Кстати сказать, недавно вышедшая книга г. Янжула: «Фабричный бытъ Московской губерніи» уже рисуетъ «начало» на Руси этихъ чисто-европейскихъ формъ жизни, и намъ кажется, что г. Янжулъ, зная фабричный бытъ Англіи, могъ бы даже теперь, не посѣщая фабрикъ, не только знать, что̀ тамъ дѣлается, но даже и предсказать, что̀ тамъ будетъ дѣлаться завтра, черезъ десять, пятнадцать лѣтъ. И все, что̀ тамъ ни дѣлается, и все, что̀ ни будетъ дѣлаться,— все это противорѣчитъ кореннымъ свойствамъ народнаго быта, основаннаго на полномъ удовлетвореніи всѣмъ своимъ потребностямъ. Но если г. Янжулъ, какъ знающій фабричный бытъ Англіи, т.-е. образца, съ котораго у насъ на Руси водворяется готовый слѣпокъ, могъ бы предсказать заранѣе все, что̀ воспослѣдуетъ изъ этого нововведенія, то наша скучающая публика *должна* знакомиться съ такими работами, какъ книга г. Янжула, такъ какъ она весьма мало знаетъ, что̀ такое за несчастіе эта заработная плата и что̀ за счастіе такое учрежденіе, какъ фабрика.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, чего, напримѣръ, сто̀итъ человѣку (*человѣку*, господа!) такой ничтожнѣйшій продуктъ, какъ рогожа? Работа на рогожныхъ фабрикахъ начинается съ воскресенья, съ девяти часовъ вечера, и идетъ такъ: работники—отецъ, мать и двое дѣтей—работаютъ всѣ вмѣстѣ съ девяти часовъ до четырехъ часовъ ночи; въ четыре часа отецъ ложится спать, а мать и двое дѣтей работаютъ до шести; въ шесть встаетъ отецъ, ложится мать, въ девять часовъ ложится одинъ ребенокъ, а въ часъ дня, *то-есть проработавъ шестнадцать часовъ подъ-рядъ*, засыпаетъ другой, и такъ въ теченіе цѣлаго дня почти безостановочно, съ перерывами въ одинъ часъ—для обѣда, въ два-три часа, когда случится, днемъ и ночью — для сна; идетъ работа всю осень, зиму и весну... Весной, уходя домой, рабочіе до того *измаиваются*, что даже, по выраженію самихъ хозяевъ этихъ фабрикъ, ихъ «*вытромъ качаетъ*», и что-жъ, такой каторжный, измаивающій трудъ— что̀ онъ: приближаетъ ретивый трудовой типъ русскаго человѣка къ «цѣлостности», къ полнотѣ, или удаляетъ отъ него и изъ цѣлаго человѣка превращаетъ въ какой-то инструментъ, щиплющій мочало?

Но эта рогожная фабрика — образецъ фабрики самаго первобытнаго устройства; здѣсь хозяинъ, какъ видите, самъ говоритъ, что работники измаиваются такъ, что ихъ «вѣтромъ качаетъ»; кромѣ того, при наймѣ рабочихъ также самъ хозяинъ по-мужицки откровенно говоритъ имъ, что за провизію съ нихъ онъ, хозяинъ, будетъ брать дороже лавочнаго, и чтобы эту дорогую провизію брать непремѣнно у него. Это фабрика—не рафинированная ни гуманностью ни филантропіей. Но и рафинированныя фабрики, образчики которыхъ читатель можетъ найти въ книгѣ г. Янжула, также не очень будутъ радовать его сердце.

Вотъ, напримѣръ, фабрика въ городѣ Серпуховѣ, гдѣ все устроено по послѣдней модѣ и со всевозможнымъ «гуманствомъ»: есть и больница и особенный родильный пріютъ для рабочихъ женщинъ, гдѣ онѣ могутъ «*родить безплатно*» и притомъ пользуются даровыми лѣкарствами и уходомъ; для дѣтей фабричныхъ рабочихъ устроены колыбельни, въ которыхъ, за отсутствіемъ матерей, за дѣтьми ходятъ нѣсколько нанятыхъ администраціей фабрики женщинъ. Около этой колыбельни устроенъ садикъ и въ немъ ящики съ пескомъ, въ которыхъ дѣти могутъ играть. Все превосходно съ перваго взгляда, а посмотрѣть на дѣло «побожески», такъ и скучненько станетъ; представьте себѣ дѣтскіе годы этого ребенка: ребенокъ, неразлучный съ матерью со дня рожденія, благодаря уже *одному разговору* материнскому, разговору, начинающемуся еще *задолго* до самыхъ элементарнѣйшихъ признаковъ пониманія въ ребенкѣ, задолго до того времени, когда онъ еще научится слышать, глядѣть—разговору безконечному, постоянному и притомъ рѣшительно *обо всемъ*, что только даетъ разнообразная жизнь дня, — благодаря уже одной этой материнской болтовнѣ, ребенокъ начинаетъ ощущать потребность самаго разносторонняго вниманія и, благодаря именно этому вниманію къ многочисленности явленій жизни, возбужденныхъ материнской болтовней, начинаетъ развиваться *всѣми сторонами* своего духа и тѣла. Теперь же, въ этомъ ящикѣ съ пескомъ, оставленный на попеченіе старухи, обязанной смотрѣть за десятерыми, онъ на тысячи вопросовъ не получитъ отвѣта (не разорваться же старухѣ!), тысячи любопытныхъ явленій—цвѣтокъ, пѣтухъ, бабочка — мелькнутъ только явленіями непонятными. Въ этомъ ящикѣ съ пескомъ онъ уже лишенъ безконечно-разнообразныхъ впечатлѣній, которыя дала бы ему жизнь въ трудовой крестьянской

семьѣ, впечатлѣній трудового крестьянскаго дня. Мать онъ видитъ въ то время, когда она приходитъ ѣсть и спать, въ тѣ же часы видитъ и отца, но и у матери и у отца нѣтъ ничего общаго и въ трудѣ, какъ это есть въ крестьянской семьѣ; нѣтъ общаго, понятнаго и мужу и женѣ, и въ то же время воспитывающаго этимъ общимъ трудовымъ днемъ и разговоромъ своего ребенка: отецъ дѣлаетъ одно, мать другое, а общій разговоръ — «про деньги», и все про то, чтобы «отдохнуть», да какъ бы «уйтить въ кабакъ». Ребенокъ растетъ подъ однообразный стукъ и свистъ паровыхъ машинъ, въ разговорахъ о штрафахъ, о рабочихъ часахъ, объ убавкѣ платы—и съ дѣтскихъ годовъ всѣ его духовныя и физическія свойства воспитываются примѣнительно къ узкой, однообразной, *измаивающей* фабричной работѣ. Онъ будетъ, можетъ-быть, аккуратнѣе отца, будетъ исправнѣе, но онъ будетъ уже глупѣе его, если можно такъ сказать, онъ уже не будетъ тѣмъ полнымъ человѣкомъ, какимъ пришелъ на фабрику его отецъ; отца его нужно было приводить въ машинообразное состояніе штрафами, вычетами, кутузками, строжайшими угрозами пустить по міру безъ копейки за буйство, за пѣсни, за опозданіе, за драку, за водку; на тысячи манеръ администрація «обламывала» неотесаннаго мужика, который напился и набуянилъ отъ тоски, который изъ ревности исколотилъ жену, изъ личной обиды на неотеса-надсмотрщика испортилъ дорогую машину или «нажрался» съ радости, вспомнивъ, что «на селѣ» праздникъ, или что надо погулять, потому что жена родила, заговорило родительское сердце... Этотъ новый типъ, безъ деревенскихъ впечатлѣній, ребенокъ, выросшій въ колыбельняхъ, въ ящикахъ съ пескомъ, подъ стукъ и свистъ паровиковъ и паровыхъ молотовъ, можетъ-быть, и не будетъ буянить, будетъ пьянствовать тихо, валяться замертво, не безпокоя администраціи и не подвергая себя штрафу; быть-можетъ, этотъ будущій рафинированный фабрикой человѣкъ не забуянитъ и изъ ревности, потому что, вѣроятно, и надъ проституціей прострется рука гуманности и она будетъ «упорядочена», улучшена въ гигіеническомъ отношеніи, такъ что не будетъ надобности и въ больницѣ лежать и ревновать, да и на крестинахъ буйствовать съ радости, вѣроятно, также не придется. Еще можно бы говорить, что эти новости неотразимы для насъ, что эти бѣды должны придти къ намъ, что нужно все сдѣлать, чтобы ослабить неизбѣжное зло, и подъ при-

крытіемъ этихъ гуманностей все-таки съ грѣхомъ пополамъ класть въ карманъ «неизбѣжный и неотразимый» дивидендъ; но говорить, что соловьиный свистъ желѣзныхъ дорогъ и фабричныхъ паровиковъ то же, что̀ богатырскій посвистъ Ильи Муромца (это сказано въ упомянутой статьѣ «Дня»), что отъ свиста этого проснется русскій духъ богатырскій, что засіяютъ кресты златоглавые, — это ужъ даже и безобразно.

2.

Не будемъ однако слишкомъ далеко уходить отъ главной темы настоящаго очерка и, предоставивъ капиталу творить то, что̀ ему будетъ «позволено», вновь остановимъ наше вниманіе на любезномъ намъ типѣ человѣка «независимаго» и удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ.

Типъ этотъ любезенъ намъ потому, что, какъ мы видѣли, и «по наукѣ» онъ оказывается именно тѣмъ типомъ существованія, о которомъ смутно и тяжко томится стиснутая и скомканная душа современнаго человѣка, пытающагося отвѣтить на преслѣдующій его вопросъ: «како жить свято?». И потому любезенъ онъ, что въ немъ есть и простота, и широта, и гармонія, и независимость, и правда, — все, что̀ хочется человѣку, все, что̀ таится въ глубинѣ-глубинъ его тоскующей совѣсти; любезенъ онъ намъ еще и потому, что этотъ типъ, т.-е. этотъ *образчикъ* справедливаго существованія, есть у насъ въ живомъ видѣ, живетъ въ массахъ русскаго народа, и во сто разъ любезнѣе и значительнѣе становится онъ для насъ теперь, благодаря рукописи простого крестьянина, потому что рукопись эта говоритъ, что и самъ народъ, въ лицѣ своихъ, по-своему образованныхъ, мыслящихъ людей, также хочетъ сказать всему бѣлому свѣту, что и онъ, народъ, *сознательно* полагаетъ и правду, и счастье, и независимость именно въ такой формѣ жизни, въ основѣ которой лежитъ *удовлетвореніе личностью всѣхъ своихъ потребностей.*

Съ умысломъ подчеркнуто мною слово *сознательно.* Всякій, кто, желая знать народъ, старался понять его жизнь и его мысль, и вообще всякій интеллигентный человѣкъ, жившій въ деревнѣ, въ народѣ и хоть чуть-чуть «съ народомъ», непремѣнно и притомъ необычайно долго долженъ былъ переживать самыя мучительныя, самыя терзательныя, бѣснующія даже иногда минуты. На каждомъ шагу онъ встрѣчалъ, и притомъ одновременно, какъ дѣйствительно тѣ гармоническія

формы народнаго быта, о которыхъ только-что говорено и которыя невольно возбуждали скорбь о своемъ интеллигентномъ ничтожествѣ и зависть къ гармонической силѣ и простотѣ народа, такъ и полное разочарованіе въ гармоніи, полную безсмыслицу деревенскихъ людей, грубую дикость, узкость, узколюбіе, безсердечіе и вообще полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было человѣческихъ привлекательныхъ чертъ и свойствъ. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, въ то самое время, когда я писалъ эти строчки, приходилъ ко мнѣ вполнѣ «гармоническій», «цѣлостный» и «полный» деревенскій человѣкъ и объявилъ, что онъ завтра поступаетъ въ лакеи къ одному барину, который появился на станціи.—«Что же ты будешь дѣлать у него?» — «Да ужъ что потребуется... куда пошлютъ... что подать... комнаты, напримѣръ, *пріобрѣсти* въ чистоту» и т. д. До сей минуты это *былъ* славный крестьянскій юноша, молодой парень, человѣкъ, «самъ удовлетворяющій своимъ потребностямъ», а сегодня онъ съ веселымъ лицомъ идетъ въ лакеи, потому что ему дадутъ семь рублей въ мѣсяцъ (хотя, не *проявись* на станціи баринъ, этотъ парень продолжалъ бы оставаться «цѣльнымъ» и «полнымъ» и жилъ бы безъ семи рублей, какъ жилъ безъ нихъ до настоящаго времени). И вотъ онъ-то весело идетъ въ лакеи; изъ хозяина, вполнѣ независимаго человѣка, радуется, превращаясь въ холопа, нимало не задумываясь о томъ, что это униженіе, что обидно же ему будетъ подавать тарелки, когда теперь ему самому подаютъ бабы, что не маленькій онъ бѣгать за булками. Вчера еще онъ говорилъ отличнымъ языкомъ, правильнымъ, дѣльнымъ, свободнымъ, выразительнымъ, а теперь онъ выдвигаетъ слова, въ которыхъ смысла человѣческаго нѣтъ,— «*пріобрѣсти* комнату въ порядокъ», а завтра, можетъ-быть, будетъ уже тайкомъ выпивать остатки недопитаго «портвину», воровать папироски, льстить барскому самолюбію, даже про барскую собаку, можетъ-быть, будетъ говорить: «*онъ* пошли по своей части», а ужъ рѣчь его будетъ навѣрное испещрена чортъ знаетъ какими словами; не-сегодня-завтра онъ ужъ «примазывается» къ «куфаркѣ» и на весь домъ ржетъ отъ удовольствія, найдя въ отсутствіе барина сатирическій листокъ съ какой-нибудь сальной картинкой, тогда какъ вчера онъ и мысли не имѣлъ, чтобы «примазываться» къ кому-нибудь: вчера онъ велъ себя въ этомъ смыслѣ и чисто, и честно, и строго, а о сальностяхъ и удовольствіи созерцать ихъ — и помину не было. Словомъ,

вчера я считалъ его человѣкомъ вполнѣ достойнымъ всякаго уваженія, обращался съ нимъ деликатно, вѣжливо, какъ и онъ со мной; относился къ нему, какъ къ сильному, умному, толковому, понятливому сельскому жителю, не-сегодня-завтра семьянину и хозяину, а сегодня онъ ужъ и самъ *не посмѣетъ* протянуть мнѣ руки, поздороваться «за ручку», какъ мы здоровались все время, да и разговаривать намъ будетъ ровно не о чемъ.

Словомъ, на каждомъ шагу нашихъ столкновеній съ народомъ мы чувствуемъ и видимъ «собственными глазами», что есть въ этомъ гармоническомъ человѣкѣ какой-то предѣлъ, послѣ котораго этотъ же человѣкъ можетъ превратиться Богъ знаетъ во что, изъ добраго сдѣлаться злымъ, изъ великодушнаго—жаднымъ и алчнымъ, изъ мірского—сущимъ врагомъ міра, разорителемъ его и предателемъ, и изъ человѣка внимательнаго къ себѣ—какимъ-то безсмысленнѣйшимъ губителемъ самого себя.

Гдѣ же тотъ пунктъ, и въ чемъ онъ заключается, дойдя до котораго гармоническій человѣкъ вдругъ превращается въ безобразіе и дѣлается рѣшительно непохожимъ даже самъ на себя? Мало-по-малу, то восхищаясь, то терзаясь разочарованіями, начинаешь приходить къ мысли, что этотъ гармоническій человѣкъ *едва ли* даже *понимаетъ, что онъ именно гармоническій*, что онъ хоть и говоритъ всю жизнь прозой, но, кажется, рѣшительно не знаетъ этого; онъ не знаетъ, хорошъ ли онъ или худъ, а живетъ, дѣлаетъ и думаетъ хорошо, и красиво, и справедливо, какъ бы только благодаря какимъ-то постороннимъ, вовсе не отъ него зависящимъ вліяніямъ; начинаетъ чувствоваться, что кто-то властвуетъ надъ нимъ, и покуда этотъ кто-то властвуетъ, передъ вами стоитъ и многосторонній и гармоническій человѣкъ, а какъ только этотъ кто-то пересталъ властвовать, такъ гармоническій человѣкъ и идетъ въ лакеи къ барину, который «появился на станціи», и начинаетъ выговаривать слова безъ всякаго смысла—«*пріобрѣсти* комнату въ чистоту».

Разубѣдиться въ силѣ этой власти невозможно, такъ какъ, почуявъ ея присутствіе, вы можете только всѣми силами добиваться разрѣшенія вопроса: гдѣ, въ чемъ и чья такая эта власть? Оказывается, что власть эта есть дѣйствительно, и что все благообразіе гармоническаго человѣка всецѣло зависитъ отъ условій его труда, и вотъ здѣсь, самымъ пристальнымъ образомъ вникая въ условія

и свойства этого труда, вы убѣждаетесь, что этотъ трудъ, безпрерывный и безконечный, во имя только «куска хлѣба», охватываетъ всего человѣка, владѣетъ имъ всю жизнь, переноситъ на него все свое разнообразіе, красоту, многосложность, гармоничность, поэзію; убѣждаетесь, что этотъ трудъ, владѣя человѣкомъ, уничтожаетъ въ этомъ человѣкѣ малѣйшую возможность своевольства, *своей* выдумки, *своихъ* плановъ, *своихъ* убѣжденій, но, напротивъ, самъ своею властью, выдумкой, прихотью входитъ въ мысль, въ поступки, въ домашніе и общественные порядки и отношенія деревенскаго «гармоническаго человѣка». *Знай* этотъ гармоническій человѣкъ, что онъ живетъ такъ хорошо, честно, просто и свято,—потому что такъ *должно* жить, что жить такъ справедливо по отношенію къ себѣ и къ людямъ, что вообще иныя, болѣе легкія формы существованія не соотвѣтствуютъ требованіямъ его совѣсти, его убѣжденіямъ, — развѣ бы онъ продавалъ съ такой веселой безпечностью свое первородство за чечевичную похлебку, какъ это мы видимъ въ деревнѣ безпрестанно?

Да и никогда для огромной милліонной массы огромнаго большинства русскаго крестьянства не было и малѣйшей возможности воспитывать свою совѣсть; оно дѣлало это само, кое-какъ, безъ малѣйшихъ средствъ, валило черезъ пень колоду, но дѣлало едва-едва, урывками, мало, плохо, путанно, но дѣлать хорошо и прочно оно не могло, потому что сотни лѣтъ его воспитывали исключительно въ хозяйственныхъ цѣляхъ, въ агрономическомъ, такъ сказать, направленіи. И большой боярин старого времени и господинъ бывшій помѣщикъ чуяли, что власть земледѣльческаго труда безгранична надъ мужикомъ, что она сильнѣе палки и даже самого бурмистра или ключника, и старались только, чтобы надъ нимъ царила исключительно эта власть, власть естественныхъ условій труда, власть земли, навоза, вѣтра, дождя, урожая, неурожая, — условій, которыя не подлежатъ ни контролю, ни протесту, ни малѣйшей критикѣ: большой бояринъ и бывшій господинъ помѣщикъ ничего не измѣнили въ той, такъ сказать, «запряжкѣ» крестьянина, которую создали ему независящія отъ него условія труда; съ своими бурмистрами, приказчиками, арапниками и прочими атрибутами хозяйства, они только нахлестывали запряженнаго ужъ мужика, увеличивая этимъ хлестаньемъ только напряженіе его труда, заставляя его плотнѣе «лечь въ оглобли», поднять и провезти больше того, что онъ вывезъ

бы безъ кнута, но ничего не измѣняя ни въ условіяхъ труда, уже владѣвшихъ мужикомъ и создавшихъ ему «запряжку», ни въ томъ пути, по которому онъ и самъ шелъ, повинуясь опять же этимъ условіямъ труда.

Недаромъ же только послѣ освобожденія крестьянъ явилось такое обиліе сектъ, весь смыслъ которыхъ исчерпывается стремленіемъ *тѣ же самыя земледѣльческія формы жизни, тѣ же самые семейные и общинные порядки,* которые мы постоянно и безъ сектантства встрѣчаемъ въ народѣ, но которые не основаны *на убѣжденіи* въ чистотѣ и правдѣ этихъ порядковъ, а только на томъ, что такъ хорошо *велитъ* жить *хорошій трудъ*, передѣлать и перестроить на основаніи *именно правоты, справедливости, чистоты и праведности этихъ формъ жизни*, т.-е. сдѣлать ихъ крѣпкими и незыблемыми, чего невоспитанная совѣсть огромной массы русскаго народа не можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока чье-нибудь слово неразрывно съ дѣломъ не возьмутся за эту молчащую струну народной души. Наша деревня съ «нетронутою и невоспитанною совѣстью», при обиліи въ настоящее время всевозможныхъ и безчисленныхъ новыхъ вліяній, большею частью неблагопріятныхъ «гармоническому типу», — вліяній, которымъ невоспитанная, неукрѣпленная убѣжденіемъ совѣсть ничего противопоставить не можетъ, — поминутно выдѣляетъ отъ своего зоологически-здороваго ядра тысячи единицъ, которыя уже не могутъ жить заодно съ этимъ ядромъ, а должны отпасть отъ него: одинъ, послуживъ на желѣзной дорогѣ, отвыкъ отъ работы; другой запутался въ долгахъ и, сдавъ землю, пошелъ въ работники; у третьяго отъ тѣсноты семьи перемерли всѣ близкіе, а зоологическая деревня только хоронитъ мертвыхъ, увольняетъ изъ общества, описываетъ за долги имущество и со временемъ постепенно опять уравновѣситъ количество жителей съ количествомъ земли. Было, положимъ, при надѣлѣ сто душъ — и земли на сто душъ хватало; теперь на этой же землѣ должна жить тысяча душъ. У зоологической деревни нѣтъ *способовъ* добыть на всѣхъ земли; вотъ когда придетъ крестьянскій банкъ, да объявятъ объ этомъ, да разъяснятъ, да уговорятъ, чтобы «не пужались», — вотъ тогда она купитъ земли, а теперь и есть земля, и вотъ она рядомъ, и деньжонки бы нашлись, но всѣ отъ мала до велика въ зоологической деревнѣ говорятъ, что «съ нашимъ народомъ не сообразишь». И такъ какъ сообразить точно нельзя, по-

тому что этого и въ заводѣ не было, то дѣло идетъ такъ, какъ *велятъ* обстоятельства. «Горлушкомъ» перемерло человѣкъ двѣсти дѣтей — вотъ уже и ближе къ равновѣсію. Ушелъ Иванъ Кузьминъ, потому у него лошадь пала въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ жена померла, — простудилась, таская за 30 коп. въ день дрова изъ рѣчки въ студеную пору; Иванъ Кузьминъ сдалъ землю, пустилъ ребятъ по міру, самъ ушелъ, и вотъ опять ближе къ равновѣсію — земли прибавилось. Три двора начисто распьянствовались, все пораспродали, землю сдали, разбрелись въ работники. Иванъ Мироновъ, совсѣмъ «распустивши», померъ у кабака, жена ушла къ купцу въ работницы, землю сдала; пришла «воспа» — поуравняла еще души съ количествомъ земли... И такъ постепенно все покоряется *естественному теченію*. Глядишь, на той же землѣ, которой хватало только на сто душъ, опять живутъ не тысяча уже, а именно только сто, и живутъ исправно. Но народъ, оторванный отъ этого здороваго, выдержавшаго всѣ напасти ядра деревни, образуетъ ту массу бродячаго рабочаго люда, котораго теперь такъ много развелось на Руси.

На нашихъ глазахъ настроенія духа этого бродячаго человѣка выражались въ весьма различныхъ видахъ; еврейскіе погромы, поджоги усадебъ и только-что приготовленнаго на продажу владѣльцами хлѣба совершались и совершаются не безъ участія этой бродячей рабочей толпы; съ другой стороны, не меньшая масса такого же народа, оторваннаго отъ «своихъ мѣстъ», стремится на новыя мѣста, примазывается къ переселенцамъ, пристаетъ къ сектантскимъ обществамъ, даже новые сектантскіе союзы образуетъ. И всякій такой новый союзъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ образуется изъ людей «чужихъ» другъ другу, — людей «разныхъ мѣстъ», и эти «чужіе», «разные» люди соединяются въ общины и союзы ужъ не зоологически, не стадно, а сознательно. Весь югъ, Новороссійскій край, напримѣръ, весь онъ населился людьми «разныхъ мѣстъ», «чужими другъ другу людьми», — людьми, которыхъ или жестокости помѣщика, или личное несчастіе, или равнодушіе тупоумнаго деревенскаго общества выбросили вонъ изъ своей естественной, испоконной среды, отпустили его на волю неизвѣстности, одиночества, голода, холода, всякаго страданія, всякаго страха *), — словомъ, совершенно

*) Обращаемъ вниманіе читателей на «Записки южно-русскаго крестьянина», напечатанныя въ журналѣ «Устои» 1882 г.

выбили изъ обычной колеи, при которой онъ жилъ такъ, какъ *велятъ* дожди, засухи, урожаи и становые: заставили много думать «вобче», привели долгимъ опытомъ ежеминутной опасности сгинуть, исчезнуть, пропасть зря, къ мысли, къ убѣжденію, что такъ жить нельзя, что надо жить «по-божецки», и вотъ уже *на убѣжденіи* жить по-божецки образуется, повидимому, *та же самая* крестьянская семья, то же самое сельское общество, въ которомъ живутъ, повидимому, *тѣ же самые* мужики, которые точно такъ же пашутъ, сѣютъ, косятъ, бабы которыхъ точно такъ же жнутъ и бѣлье стираютъ; но эта семья и эта община уже «божецкая», убѣжденная, что она устроилась *такъ*, а не иначе потому, что *такъ* жить справедливо, праведно, что такъ жить слѣдуетъ *по совѣсти* *).

Эта зоологическая, съ нетронутой, невоспитанной совѣстью деревня, какъ много разъ говорено было мною, глубоко нуждается въ интеллигентной помощи, въ чьемъ-нибудь постороннемъ вліяніи, которое бы дало возможность пробудиться мысли и совѣсти. И какъ бы ни были слабы и неопытны люди изъ русскаго интеллигентнаго общества, чувствующіе потребность жить въ деревнѣ, «работать» и «помогать»; какъ бы ни были они мало опытны и какъ бы ни чувствовали они ежеминутно, что имъ тяжело и мучительно,—дѣло ихъ не безплодно, такъ какъ они, при всей неопытности, отдаленности отъ народа, унаслѣдованныхъ отъ ненароднаго воспитанія и прежней обстановки жизни, *не могутъ* не дѣйствовать именно въ направленіи тѣхъ же справедливыхъ и гармоническихъ формъ жизни, которыя созданы неосмысленными условіями труда. Что эти формы хороши, правдивы — этого нельзя не чувствовать, не ощущать, и разъ человѣкъ относится къ дѣлу искренно, онъ даже просто по инстинкту не скажетъ такого слова и не сдѣлаетъ такого дѣла, чтобы повредить этимъ формамъ, разстроить ихъ, урѣзать и убавить. Такъ и въ немъ самомъ, хотя и не сознанно, не ясно, а только мучительно тяжко, живетъ все то же стремленіе къ полнотѣ существованія, иначе онъ не былъ бы несчастливъ, не томился бы вопросами: «что дѣлать и какъ жить?». А за справедливость, за правду и красоту формъ жизни, при которыхъ человѣкъ можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребно-

*) См. далѣе разсказъ VII-й — «Нѣсколько часовъ среди сектантовъ».

стямъ, т.-е. быть совершенно независимымъ, цѣльнымъ, не эксплоататоромъ и не эксплоатируемымъ, то-есть за главную, хотя и отдаленную цѣль работы интеллигентнаго человѣка, какъ видѣли мы, свидѣтельствуетъ и наука, и самый пристальный и искренній опытъ, и наконецъ *сознательное* слово, исходящее изъ среды самого народа. Теперь будемъ говорить наконецъ и *о рукописи*, въ которой это слово сказано.

3.

Рукопись эта написана крестьяниномъ изъ молоканъ, добровольно переселившимся въ Енисейскую губернію. Въ заголовкѣ ея значится, что авторъ адресуетъ ее «*Въ м—скую городскую муззею, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости*». Ознакомившись съ содержаніемъ рукописи, нетрудно понять, почему именно авторъ ея избралъ такое нейтральное мѣсто, чрезъ посредство котораго желалъ бы познакомить Россію съ своими идеями: «образованный» человѣкъ, вообще бѣлоручка, не всегда, съ точки зрѣнія его идей, можетъ пользоваться его почтеніемъ, а вѣдь образованный человѣкъ, «чистый народъ», къ несчастью автора, утвердился во всѣхъ мѣстахъ, завѣдующихъ «серьезными дѣлами», и являться съ критикой къ критикуемому для того, чтобы онъ «помогъ распространить эту критику», оказывается дѣломъ неудобнымъ, и вотъ авторъ вноситъ свое произведеніе въ нейтральное мѣсто — *въ городскую муззею, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости.*

Кромѣ того, онъ и самъ считаетъ свое произведеніе явленіемъ рѣдкимъ, такъ какъ полагаетъ, что идеи его не только у насъ, но и во всемъ свѣтѣ умышленно скрыты, «спровергнуты», несмотря на то, что истекаютъ изъ первороднаго закона Божія. «Источникъ, — говоритъ онъ въ началѣ рукописи: — изъ котораго я почерпнулъ все это — завѣтъ Божій: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ ея же взятъ*» (Бытія, 3). И на основаніи этого завѣта строитъ цѣлую, стройную теорію труда «своими руками», которой и даетъ общее заглавіе: «*Трудолюбіе или торжество земледѣльца*». До чего авторъ послѣдователенъ въ развитіи своихъ идей о святости и неизбѣжности для человѣка исполнять первородный законъ Божій, повелѣвающій *трудиться*, и трудиться непремѣнно своими руками, можетъ служить одно, даже

нѣсколько возбуждающее улыбку, мѣсто въ этой рукописи, гдѣ авторъ мелькомъ упоминаетъ о евреяхъ. Какъ вы думаете, отчего именно евреи такіе, какъ они есть, а не другіе? Отчего имъ надобно тянуть съ ближняго своего выработанный этимъ ближнимъ грошъ, а не работать самимъ и вырабатывать его своими руками? Строго, вѣковѣчно, незыблемо установивъ законъ для всего человѣчества — въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, — Богъ, по милосердію Своему, однажды только, изъ жалости и состраданія, нарушилъ его, «*поманилъ* (т.-е. побаловалъ) *евреевъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ манною*», т.-е. покормилъ ихъ даровымъ хлѣбомъ и тѣмъ самымъ испортилъ ихъ навсегда: отъ этой-то ошибки, — говоритъ авторъ: — *они по сей день вонъ какіе работники!*» Восклицательный знакъ принадлежитъ автору и доказываетъ, до какой степени ему непріятенъ типъ тунеядца и какъ онъ взволнованъ этой непоправимой «ошибкой». Хотя этотъ отрывокъ рукописи и можетъ заставить улыбнуться читателя, но онъ нимало не портитъ стройности его мыслей, зорко примѣчающихъ нарушеніе «закона первороднаго», гдѣ бы и кѣмъ бы это нарушеніе сдѣлано ни было.

Далѣе вотъ что читаемъ мы въ рукописи:

«Я призналъ себя въ правѣ толковать о трудолюбіи и тунеядствѣ потому, что я знакомъ съ «закономъ» и трудомъ его (земледѣльческимъ) не на словахъ только, но на дѣлѣ, съ юности, и даже съ предковъ. Вотъ и говорю, не запинаясь, отъ имени всего своего земледѣльческаго круга.

«При концѣ каждаго изъ шести дней творенія Господь сказывалъ: «добро есть». «И видѣ Богъ, яко добро есть». Если бы эти слова: «добро есть» сказалъ человѣкъ, то тутъ можно (было бы) усомниться, потому что человѣкъ ошибкѣ подлежитъ и даже часто называетъ доброе худымъ, худое — добрымъ. Но ежели Богъ сказалъ: «добро есть», то тутъ никакому сомнѣнію мѣста быть не можетъ, и, стало-быть, все сотворенное Имъ не требуетъ ни приложенія ни отнятія, а непремѣнно для всѣхъ и навсегда — «добро есть».

«...Въ то же время (т.-е. въ теченіе этихъ шести дней творенія) и въ томъ же мѣстѣ Богъ выдалъ человѣку Свой не завитой (не запутанный), короткій и притомъ не тяжкій законъ: «въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ». И утвердилъ этотъ законъ словами: «добро есть», и стало-быть, и тутъ не нужно ни приложенія ни отнятія (никакого умствованія); а надо принимать, что этотъ законъ вполнѣ добро

есть. Тутъ-то, безъ сомнѣнія, и открывается намъ, что человѣкъ, работающій хлѣбъ своими руками, исполненъ всѣхъ добродѣтелей, а удаляющійся отъ него творитъ зло: не сказано—«не работай» и не сказано, что не работать «добро есть».

«...Все, что̀ создано Богомъ на землѣ и на небѣ,—ничто не выходитъ изъ круга первороднаго закона и вполнѣ и безусловно повинуется волѣ Сотворшаго. Спрашиваю: почему Онъ сотворилъ въ началѣ бытія *только двухъ людей*—мужа и жену, Адама и Еву,—а не населилъ землю, по всемогуществу Своему, множествомъ людей? Потому, что во всей жизни человѣческой два главнѣйшихъ дѣла или двѣ обязанности одного и того же достоинства и цѣны: *первая*—рождать на свѣтъ людей, *вторая* — вырабатывать имъ хлѣбъ. Онъ и сказалъ Евѣ: «Умножая, умножу печали твоя и воздыханія твоя, въ болѣзняхъ роди чада твоя»; а Адаму сказалъ: «Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой».

«Ничто по закону первородному не мѣняется ни на землѣ ни на небѣ, и какъ опредѣлилъ Богъ женскую обязанность, такъ она и безъ всякихъ тайностей, изворотовъ и иносказаній исполняется, и какъ сказалъ Богъ, такъ буквально все и сбывается: какъ женѣ, живущей въ убогой хижинѣ, такъ и царицѣ, на престолѣ сидящей, на главѣ корону имѣющей, одна и та же участь: въ болѣзняхъ родить чада своя. Да! до такой степени въ болѣзняхъ, что по днямъ лежитъ полумертвою, а иногда и совсѣмъ умираетъ.

«Но вотъ эта именитая жена могла бы за деньги избавить себя отъ родовъ, могла бы купить за деньги готоваго ребенка? Нѣтъ! Нельзя этого сдѣлать: не можно перемѣнить постановленія Божія; собери со всего свѣта сокровища и отдай ихъ за дитя, а оно не будетъ твоимъ и какъ было чужое, такъ чужимъ тебѣ и останется. Чье же оно? Да той матери, которая его родила.

«Такъ же и мужъ. И онъ тоже можетъ отказаться отъ хлѣбной работы, купить деньгами одинъ фунтъ хлѣба. А хлѣбъ какъ чужой, такъ и будетъ чужимъ. Чей же онъ? А того, кто его работалъ. Потому что, какъ Богомъ положено—женѣ не должно прикрываться деньгами или какими-либо изворотами отъ рожденія дѣтей, такъ и мужъ долженъ для себя и для жены и для дѣтей своими руками работать хлѣбъ, какого бы онъ ни былъ великаго достоинства.

«Вотъ гдѣ главнѣйшій источникъ всѣхъ добродѣтелей, вотъ гдѣ полезнѣйшія врачества отъ нищеты и злодѣянія! И все это въ обнародованіи *первороднаго* закона, влекущаго человѣка ко всѣмъ трудамъ, которому голова есть хлѣбный (земледѣльческій) трудъ. Этотъ трудъ и по-житейскому—дороже всѣхъ драгоцѣнностей и по-духовному—спасительнѣе всѣхъ заповѣдей и постановленій, потому что въ немъ законъ *первородный,* въ немъ защита отъ пролитія человѣческой крови и слезъ!

«Пускай обнародуется этотъ первородный законъ, и всѣ мы получимъ себѣ временное и вѣчное спасеніе, потому что онъ собственный нашъ, земледѣльческій. А безъ него мы лишены и того и другого, безъ него мы бѣдны, глупы, злы; безъ него мы сироты, какъ маленькія дѣти безъ отца и безъ матери; безъ него у насъ нѣтъ покровителя и спасителя!

«Я говорилъ: ни на небѣ ни на землѣ ничто не мѣняется противъ первороднаго закона. Только человѣкъ, образованнѣйшій и умнѣйшій, который бы долженъ какъ къ хлѣбному, а затѣмъ и къ прочимъ трудамъ показывать собой примѣръ другимъ, скрылся и удалился отъ назначеннаго Богомъ труда да и живетъ въ какихъ-то тамъ *трущобахъ припѣваючи,* да руки свои заложилъ въ карманы и празднымъ своимъ житіемъ ослабляетъ руки другимъ, поощряетъ ихъ къ злодѣяніямъ.

«...Каждый изъ нихъ (ученѣйшихъ и умнѣйшихъ) говоритъ: «Я люблю и почитаю какъ хлѣбный трудъ, такъ и работающаго хлѣбъ, а лѣнивца ненавижу и гнушаюсь имъ». Но я таковымъ отвѣчаю: «слышу голосъ Іакова, а осязаю Исава».

«— Мы не лежимъ (говорятъ ученѣйшіе и умнѣйшіе), а рачительно работаемъ. Мы болѣе земледѣльца трудимся: мы хлѣбъ не даромъ беремъ, а за трудовыя деньги покупаемъ; мы по заповѣди въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ. Мы людямъ деньги даемъ, а люди намъ—хлѣбъ. Мы людьми живемъ, а люди—нами. Намъ и людьми-то распоряжаться и давать имъ направленіе времени недостаетъ, а не то чтобы самимъ работать. Данная Адаму заповѣдь не на одинъ только хлѣбъ указываетъ, а на всѣ занятія. Человѣкъ и деньги наживаетъ съ той цѣлью, чтобы избавиться отъ хлѣбной работы. Заняться хлѣбомъ, тогда о другомъ дѣлѣ и подумать некогда. Я покою не знаю, день и ночь хлопочу, мнѣ и готоваго-то поѣсть некогда. Если всѣ будутъ

работать, тогда вселенная должна придти въ упадокъ и обнищать. Я вотъ сколь много денегъ имѣю, да пойду работать за сорокъ копеекъ, тогда всѣ должны меня глупцомъ назвать. Пусть у меня хлѣбъ вырабатываютъ деньги, а не я...—А я спрашиваю: «Что, ежели бы этими суевѣрными и закону противными изворотами стали бы и мы всѣ прикрываться отъ трудовъ—повѣрили бы они намъ?» Подумай себѣ, читатель, представь и вообрази: если бы мы всѣ, подобно имъ, попрятались отъ хлѣбной работы за разные углы, «кто куда, а кто куды», тогда въ короткое время вся вселенная должна голодной смертью погибнуть. Приняли ли бы они отъ насъ такое же, какъ ихнее, оправданіе?

«— Я поѣхалъ бы работать хлѣбъ (говоритъ какой-нибудь *изъ нихъ*), да не умѣю.—Спрашиваю: «Когда тебѣ два года было отъ роду, ты и тогда уже умѣлъ ѣсть хлѣбъ, а работать его и за столько лѣтъ не научился? Если бы Богъ сказалъ: «возьми камень и коси», ты бы могъ сказать: «этого нельзя!» Это оправданіе уважительно. А почему нельзя хлѣбъ работать?

«...Все это я говорю о тебѣ, городъ М—скъ, только потому, что ты торчишь у меня передъ глазами, а на самомъ дѣлѣ этотъ разговоръ не къ тебѣ слѣдуетъ. Если бы законъ первородный былъ разъясненъ, и всѣ народы, а также и предки твои выполняли бы его, то твоя вина (теперь не выполняющаго этого закона) была бы неизбѣжна. Но если (отъ этого закона) отъ начала вѣка осталось только одно имя, то (не обвиняя М—ска) я спрашиваю всю Россію: «Виновата ли ты, Россія, въ опроверженіи этого закона? Затѣмъ прошу тебя, Россія, передѣлай всѣ мои вопросы на лучшій ладъ съ добавленіемъ, но безъ отнятія смысла ихъ, и представь государствамъ, которыя старше тебя отъ рожденія: ты отъ нихъ законъ и вѣру получила и приняла; они обязаны тебя законнымъ отвѣтомъ удовлетворить — *какъ* они сначала писали законъ и *съ какою цѣлью* отъ очей всего міра этотъ законъ скрыли? Они—старики, они—учители твои, а твоя, Россія, хата съ краю; ты по этому великому и уму непостижимому дѣлу *за людьми человѣкъ*.

«...Именемъ Бога правды умоляю васъ, читатели и слушатели, почему это такъ, что самая главнѣйшая и душеспасительнѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей, драгоцѣнность дороже всѣхъ драгоцѣнностей свѣта, скрыта и уничтоже-

нію предана? Да и было ли когда-нибудь прежде разъясненіе этому закону во всѣхъ вѣрахъ и народахъ, во всѣхъ писаніяхъ? Ни слова! И этотъ законъ въ цѣломъ мірѣ—живой мертвецъ. Хотя бы его къ малѣйшимъ добродѣтелямъ причли, изъ «головы» сдѣлали бы хвостомъ—нѣтъ, ничему такому даже не уподобили! Кѣмъ же онъ уничтоженъ? Можетъ статься, невѣрующими въ бытіе Божіе? Можетъ-быть, незначительными и невѣжественными людьми? Нѣтъ, ученѣйшими и умнѣйшими! Можетъ-быть, не во всѣхъ племенахъ и вѣрахъ скрытъ этотъ законъ? Нѣтъ,-во всѣхъ племенахъ земныхъ! Можетъ статься, и теперь есть люди, которые желаютъ работать въ честь этой заповѣди, но по случаю какого-либо препятствія не могутъ? Нѣтъ, на это нѣтъ никакого препятствія! Можетъ статься, были тѣ вѣка и люди, у которыхъ эта заповѣдь процвѣтала, такъ что можно надѣяться, что она и опять возникнетъ, изъ праха возстанетъ и изъ пепелища выйдетъ? Нѣтъ, никогда ничего такого не было!..

«...Собирай, м—ская почтенная публика, собирай свои мысли, разсѣянныя по свѣтскимъ суетамъ, собирай и совѣтуйся съ ними, какой отвѣтъ дать мнѣ на мои вопросы. Видишь ли: рѣзала-рѣзала коса траву, да сама и нарѣзалась на камень! Не всегда вамъ насъ учить и направленіе давать, чтобы мы были Богу угодны и людямъ полезны: дошла и наша очередь—не учить и не направленіе давать, а только спросить: а почему вы людей учите, а сами себя не научите, какъ сказано: «связываете тяжкія и неудобоносимыя бремена и накладаете на плечи человѣческія, а сами перстомъ двинуть не хотите ихъ?» Это почему такъ?

«...Я и самъ своей загадки разгадать не могу: на кого жалуюсь, тому и жалуюсь; съ кѣмъ завелъ тяжбу, тому и на рѣшеніе ее представляю... Здѣсь и десятой части не сказано (того, что̀ нужно бы сказать), потому что въ этомъ законѣ скрыто сокровище, что̀ и на тысячѣ кораблей не подымешь! При мысли объ этомъ много разъ я пытался сказать все это какъ-нибудь скрытно или какъ-нибудь стороною и обинякомъ, но нѣтъ, нельзя!.. Кромѣ ласкательства да лукавства, нѣтъ никакихъ средствъ... Потому-то я и поѣхалъ прямикомъ!»

Вотъ, кажется, и все, что̀ оказалось возможнымъ извлечь изъ довольно объемистой рукописи: «О трудолюбіи и торжествѣ земледѣльца».

4.

Я знаю, что, даже несмотря на мое предостереженіе, сдѣланное читателю въ первой главѣ этого очерка относительно того, чтобы онъ не очень жадно набрасывался на литературное произведеніе крестьянина,—произведеніе это, съ которымъ теперь читатель успѣлъ уже ознакомиться, не удовлетворило его; оно кажется блѣднымъ, не громкимъ, не трещитъ, не открываетъ какихъ-нибудь новыхъ невѣдомыхъ чудесъ, а, напротивъ, толкуетъ о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и даже непривлекательныхъ для большинства читающей и скучающей публики. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, идти пахать, своими руками «работать хлѣбъ»,—совѣтъ, неисполнимый для милліоновъ людей. Да мы и не думаемъ, что скучающая публика, двадцать лѣтъ изнемогающая (подъ звуки: «который былъ моимъ папашей, который былъ моимъ мамашей») въ тоскѣ бездѣйствія и бездумья, стала бы отказываться отъ семейно-музыкально-танцовальныхъ формъ жизни и бѣжать къ сохѣ, чтобы начать новую жизнь «по-божецки». Конечно, на Руси было бы много лучше жить, если бы «соха» поприбрала подъ свой цѣлительный покровъ дурно направленныя массы «нерабочаго народа». Да и вообще положеніе независимое на лоскутѣ земли — положеніе, выражающееся словами: «самъ хозяинъ, самъ и работникъ»,—не оскорбительно ни для какого хорошаго, образованнаго и честнаго человѣка. И ничего бы не было болѣе желательно, если бы этотъ «типъ» распространялся на Руси, входилъ бы въ моду среди образованныхъ людей подрастающаго поколѣнія,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ вошелъ, напримѣръ, типъ адвоката, т.-е. человѣка, хотя и «умнѣйшаго и ученѣйшаго», а все-таки вполнѣ зависящаго, съ позволенія сказать, отъ всякой кляузы. Но я даже и такихъ совѣтовъ не намѣренъ давать; если приведенные выше отрывки изъ рукописи могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, такъ только для людей, не боящихся просто и смѣло *думать*, и думать, конечно, о томъ, «како жить свято?» вообще, и во-вторыхъ — о будущемъ русскихъ народныхъ массъ. А для такихъ людей вышеприведенный документъ долженъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Нельзя, будучи справедливымъ, не признавать за вполнѣ справедливую ту форму прогресса, которую мы привели въ началѣ этого очерка, т.-е. *постепенное приближеніе къ*

цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между ихъ органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми (то-есть самими недѣлимыми)—вотъ что̀ такое прогрессъ. И далѣе: нельзя на основаніи этой формулы не признавать безусловно, что *нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что̀ уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ.* Нельзя затѣмъ не признать, что та же научная формула, выраженная словами: *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, характеризующими форму жизни огромной массы русскаго земледѣльческаго населенія, говоритъ намъ, что у русскаго народа есть полная возможность развиваться широко, самостоятельно, «справедливо, нравственно, разумно». И вотъ этотъ-то справедливый, разумный и нравственный идеалъ человѣческаго существованія не только *сознательно* подтверждается словомъ человѣка, принадлежащаго къ *народной* земледѣльческой *средѣ*, не только совпадаетъ съ научнымъ опредѣленіемъ прогресса, но еще и говоритъ, что идеалъ этотъ прочно таится въ самой народной душѣ, что она именно и живетъ во имя этого самаго идеала, живетъ, вполнѣ сознавая его «нравственность, справедливость и разумность».

Какъ ни незначительны по количеству тѣ отрывки изъ рукописи, которые мною приведены, но и изъ нихъ нельзя не убѣдиться, что въ народѣ таятся вполнѣ опредѣленныя и ясныя стремленія, и что во имя вѣры въ ихъ справедливость опъ *можетъ* совершенно ясно видѣть и сознавать все, что̀ этимъ стремленіямъ не соотвѣтствуетъ, мѣшаетъ, не подходитъ. Авторъ рукописи строго ведетъ свою линію, исходная точка которой «жить трудами рукъ своихъ», самому удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ духовнымъ—сознаніемъ, что такая жизнь справедлива, нравственна, разумна,—такъ и физическимъ: мужъ и жена должны жить такъ, а не иначе, потому, между прочимъ, что они физически обязаны жить извѣстнымъ образомъ: мужу физически нельзя оставлять въ бездѣйствіи такой сложный организмъ, который данъ ему, какъ мужчинѣ, точно такъ же и женщинѣ невозможно избѣжать тѣхъ свойствъ организма, которыя ей даны.

Такъ вотъ мнѣ и кажется, что если читатель, даже и скучающій, усвоитъ себѣ хотя бы мало-мальски ясныя очер-

танія «справедливаго, разумнаго и нравственнаго» типа существованія, провѣритъ имъ себя и подумаетъ *о будущемъ* русскаго народа, примѣняясь къ его нравственнымъ свойствамъ и идеаламъ, то, если онъ и не оживетъ и не воспрянетъ, все-таки онъ хоть думать начнетъ свѣтлѣе, увѣреннѣе, у него будетъ хоть «что-нибудь» впереди, но это «что-нибудь»—навѣрное свѣтлое, справедливое, «божецкое».

V. Мечтанія.

— Ну, такъ какъ же по-вашему? Всѣмъ надо пахать приниматься?—съ безконечнѣйшей ироніею спрашивали меня нѣкоторые изъ моихъ читателей, сосредоточивая въ этомъ короткомъ вопросѣ весь смыслъ статейки, написанной по поводу рукописи крестьянина.

Отвѣчать на этотъ вопросъ я, разумѣется, не могъ иначе, какъ только молчаніемъ, и притомъ молчаніемъ смущеннымъ. Не говоря уже о томъ, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ для великаго множества интеллигентныхъ людей есть не болѣе какъ непонятный, глупый, а пожалуй, даже и преступный вздоръ; что для другого, не менѣе великаго «множества» той же интеллигенціи этотъ отвѣтъ есть только досадная, непріятная болтовня, совершенно напрасная трата пустыхъ словъ, осуществить которыя на дѣлѣ невозможно, немыслимо,—не говоря обо всемъ этомъ, я не могъ бы дать спрашивавшимъ меня читателямъ иного отвѣта, кромѣ смущеннаго молчанія, еще и потому, что и самъ я, пишущій это и восхищающійся произведеніемъ крестьянина,—увы!—не пошелъ бы пахать... Я воспитывался, какъ и всѣ, гнѣвно, или иронически, или презрительно относящіеся къ слову «пахать», интеллигентные люди, вовсе не въ тѣхъ условіяхъ, которыя дали бы мнѣ смѣлость, какою вполнѣ законно обладаетъ авторъ рукописи, сказать кому-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, живущихъ и жившихъ со мною въ одинаковыхъ условіяхъ: «Ѣсть хлѣбъ умѣлъ, когда тебѣ два года было, а работать и—до сорока лѣтъ не научился?» Нѣтъ! Куда намъ! Всѣмъ намъ—и прямо негодующимъ на предложеніе крестьянина, и всѣмъ даже сочувствующимъ ему—впору только удерживаться отъ явнаго проявленія негодованія на

«дерзость» предложенія, а въ самомъ лучшемъ случаѣ только смущаться и безпомощно разводить руками.

— Пахать!—сказалъ мнѣ недавно одинъ «настоящій» пахарь-мужикъ.—Пахать вашему здоровью никакъ невозможно... Силовъ у васъ настоящихъ нѣтъ, и по этому случаю она, соха-то, можетъ васъ, господинъ, съ единаго маху на смерть положить... Соха-то, господинъ, норовитъ выскочить изъ земли, ей тоже не охота землю-то носомъ рыть, такъ ее безперечь надо со всей силы пхать и въ землю впирать руками... Ну, а тебѣ этого не осилить! Какъ лошадь дернула, соха подскочила да прямо тебя въ подбородокъ... Еще слава Богу, коли скулу перешибетъ... Это еще надо Бога благодарить,—а пожалуй, какъ бы и начисто не вышибло духъ вонъ!.. Нѣтъ! Это не по вашей, господинъ, части дѣло-то!

Надѣюсь, что доводы противъ осуществленія на дѣлѣ справедливѣйшихъ теорій автора рукописи—доводы, которые далеко не исчерпываются вышеприведенными соображеніями пахаря, подлиннаго знатока дѣла—значительно облегчатъ смущенное состояніе духа тѣхъ, кто смущается, сочувствуя. Но всѣ мы, смущающіеся и совершенно безсильные *на дѣлѣ* осуществить теоріи, которымъ въ глубинѣ души сочувствуемъ, едва ли будемъ особенно преступны, если позволимъ себѣ это «сочувствованіе», это вниманіе къ типу людей, желающихъ жить «по-божецки», и не будемъ останавливать своей мысли, когда она пожелаетъ уйти въ мечтанія о справедливыхъ, простыхъ, свѣтлыхъ и въ то же время вполнѣ человѣческихъ, даже человѣчьихъ формахъ жизни.

Бисмаркъ недавно очень «пужалъ» германскій парламентъ мечтателями—людьми, не имѣющими никакого опредѣленнаго плана устройства человѣческихъ обществъ и человѣческихъ отношеній, а только умѣющими ворчать противъ того, что̀ есть и что̀ «можно» сдѣлать. Бисмаркъ грозился даже обѣщаніемъ дать этимъ людямъ, не имѣющимъ за душой ничего яснаго и опредѣленнаго, цѣлую провинцію съ тѣмъ, чтобы они попробовали осуществить на дѣлѣ свои неясныя мысли, и предсказывалъ полную безурядицу, какъ результатъ этого опыта «на дѣлѣ». Это все вѣрно, но почему бы въ самомъ дѣлѣ не попробовать, такъ, для смѣха, напримѣръ? Почему бы, повторяю, хоть для смѣха не дозволить людямъ, хоть въ одной какой-нибудь крошечной германской провинціи, попробовать пожить «по-божецки», а не такъ, какъ повелѣваютъ неумолимые «желѣзные законы»,

по неотвратимому указанію и велѣнію которыхъ мы, людишки, влачимъ свое житьишко съ незапамятныхъ временъ? Мы очень хорошо знаемъ, что законы эти—дѣйствительно желѣзные, знаемъ, что они неумолимые—и не только ни малѣйшимъ образомъ не протестуемъ противъ нихъ, но, напротивъ, съ дѣтскихъ лѣтъ впитываемъ въ себя несокрушимое къ нимъ благоговѣніе, неискоренимый страхъ и непоколебимую увѣренность въ ихъ неизмѣнности и даже правотѣ; и когда насъ, выражаясь мужицкимъ языкомъ, исторія начнетъ дуть со щеки на щеку, во имя незыблемости «желѣзныхъ» началъ, мы не только не сопротивляемся этому изувѣченію, но сами, въ глубинѣ своего сознанія, съ полною искренностью убѣждаемъ себя, что это такъ и должно быть, что это—не мордобитіе, а только фазисъ, неотвратимый и неизбѣжный. Мы отлично знаемъ, что безъ этого фазиса, во имя котораго мы обречены почти на бездыханное состояніе, желѣзная часть исторіи никоимъ образомъ обойтись не можетъ, что насъ необходимо исполосовать на обѣ корки, иначе никоимъ образомъ не можетъ быть слѣдующаго неотвратимаго и неизбѣжнаго фазиса, когда желѣзо повелитъ оттирать носъ сукномъ, давать нюхать нашатырный спиртъ и прикажетъ отпаивать парнымъ молокомъ... Все это мы знаемъ, все это мы докажемъ на основаніи самыхъ подлинныхъ документовъ, но отчего же не позволить себѣ, хоть такъ, для отдохновенія, помечтать съ особенной внимательностью на тему о томъ, почему бы господамъ желѣзнымъ законамъ не попробовать благодѣтельствовать родъ человѣческій помощью парного молока и хоть на нѣкоторое время, только для опыта, убрать куда-нибудь свое желѣзо? На площади Согласія въ Парижѣ указываютъ направленіе канавы, которая сто лѣтъ тому назадъ была вырыта для того, чтобы въ Сену стекала кровь человѣческая... Вотъ какая была страсть Господня... Что-жъ въ концѣ концовъ «досталось» отъ этого фазиса намъ, простымъ «жителямъ», обывателямъ? А за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ чего-чего мы, обыватели, ни перевидали! Однѣхъ революцій по всѣмъ мѣстамъ—видимо-невидимо! Денегъ что, Господи, желѣзные законы «вынули»! Одинъ Бисмаркъ пять милліардовъ получилъ излишнихъ противъ обыкновенныхъ желѣзныхъ взысканій! А намъ, обывателямъ, что? «Довольно, говорятъ, съ васъ почтовыхъ марокъ! Въ слѣдующій фазисъ только по шести копеекъ будутъ!» И мы, обыватели, понимаемъ это, чувствуемъ и съ благодарностью вопіемъ: «Дай Богъ вамъ

здоровья! Чувствительнѣйше васъ благодаримъ, господа почтенные, законы желѣзные!» А все иногда нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ мысль: «да нельзя ли какъ-нибудь попробовать, чтобы насчетъ булокъ и насчетъ, напримѣръ, почтовыхъ марокъ, да и земельки, такъ распорядиться, чтобы на предбудущее время безъ этакой страсти Господней доставались онѣ нашему брату, простому жителю?»

На такія смѣлыя мысли почти ежедневно наводитъ меня нашъ буфетчикъ. Какъ только мнѣ случится пріѣхать на станцію, непремѣнно я слышу, что эта длинная, измученная, испитая фигура ужъ вошетъ передъ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей:

— Ничего не подѣлаешь! Нѣтъ никакихъ способовъ! Хошь ложись да умирай!

— Да неужто ужъ и корюхой торговать невозможно?

— Никакихъ нѣтъ способовъ! Изъ всѣхъ мѣстовъ только и видишь, что отказываютъ да штрафуютъ. Какъ есть по міру пойдешь!

— Такъ ты, любезный, достигай до Правительствующаго Сената!

— Да пожалуй-что придется достигнуть и высшей инстанціи! Вотъ она, корюха-то (показываетъ тарелку съ жареной корюшкой)! Кажется, что̀ такое? А продай я да попадись, такъ мнѣ лучше петлю на шею! Вонъ что̀ есть на свѣтѣ подъ названіемъ корюха!

— Такъ ты тово... доходи, любезный, до Сената!

— Послѣдняго рѣшусь, всѣ силы изъ себя до капли вымотаю, а надо доходить! У меня восемь человѣкъ дѣтей... Мнѣ что̀ въ петлю, что̀ здѣсь торговать!..

И, няньчая на одной рукѣ полугодового плачущаго ребенка, онъ другой рукой, за которую хватаются ручонками еле видные изъ-за буфета другіе его ребятишки, въ волненіи прячетъ подъ стойку буфета тарелку съ корюшкой, которая, какъ видите, хуже петли. А, кажется, чѣмъ бы могъ провиниться противъ желѣзныхъ законовъ этотъ несчастный человѣкъ? Безропотно покорялся онъ имъ, когда ушелъ въ качествѣ двороваго на всѣ четыре стороны, безъ земли и съ кучей ребятъ, и, зная, какъ пекутъ пироги и жарятъ корюшку, весьма даже былъ обрадованъ, что желѣзные законы водворили на Руси чугунку. «Буду,—мечталъ онъ:—жарить корюшку, печь пироги, буду ихъ продавать и семейство кормить. Хорошо, что прошла чугунка! Дай Богъ господамъ здоровья за эту выдумку!..» Но тѣ же желѣзные

законы, во имя существеннѣйшаго своего свойства—«неумолимости», — сдѣлали такъ, что станцію съ буфетомъ устроили въ чистомъ полѣ, гдѣ былъ одинъ только проѣзжающій—генералъ Сидоръ Карповичъ Дворниковъ, акціонеръ и крупный землевладѣлецъ, а на той станціи, гдѣ водворился дворовый, умѣвшій жарить корюшку и печь пироги, и гдѣ скоплялась масса проѣзжающихъ, буфетъ воспретили, а чтобы заставить публику ѣздить въ большой буфетъ и поддерживать требованіемъ питей и закусокъ хозяина большого, хотя и пустыннаго буфета, создали цѣлую систему взысканій, наказаній и штрафовъ, которые спеціальный желѣзнодорожный адвокатъ взыскивалъ неукоснительно и преслѣдовалъ виновнаго во всѣхъ инстанціяхъ, не ограничиваясь даже Правительствующимъ Сенатомъ.

— Да чѣмъ же тебѣ, послѣ этихъ твоихъ словъ, торговать-то можно? — спрашивали истерзаннаго запрещенной корюшкой буфетчика.

— Чѣмъ? Погляди въ правила... По 17 параграфу могу я свободно продавать пряники, и то въ зимнее время, да квасъ... А по дополненію къ 21 параграфу не возбранено и деревянныя издѣлія на рукахъ продавать...

— Да пирогъ-то, пирогъ-то... пирогъ-то... Ежели я, проѣзжающій, говорю тебѣ: «дай мнѣ пирогъ съ рыбой!»—это-то можешь ли ты, по закону-то?

— А насчетъ пирога было кассаціонное рѣшеніе—такъ оно вотъ у меня гдѣ сидитъ! Съ рыбой! Онамедни, кабы жандаръ, добрый человѣкъ, не упредилъ меня, что тутъ агентъ надзираетъ, да не съѣлъ всю корюху, чтобы, значитъ, не было доказательствъ, такъ мнѣ бы теперь, почитай, до Рождества пришлось отсиживать въ хорошемъ мѣстѣ за это за самое. Съ рыбой! Вамъ это очень просто представляется, а поди-ка на моемъ мѣстѣ, такъ бѣлугой взвоешь!

Этотъ почти ежедневный стонъ несчастнаго буфетчика заставлялъ меня также почти ежедневно невольно задавать себѣ мечтательные вопросы въ родѣ того, почему бы въ самомъ дѣлѣ не похлопотать для человѣчества въ томъ направленіи, чтобы оно пекло булки и жарило корюшку, не утруждая Правительствующаго Сената и не будучи вынуждено изъ-за нихъ, этихъ пироговъ и булокъ, лѣзть въ петлю? Это незначительное обстоятельство едва ли не было главною причиною того, что я сталъ позволять себѣ частенько фантазировать на тему о жизни людей «по-божецки», а по вре-

менамъ мнѣ стало казаться, что для русскаго народа можно уже кое-что даже и сдѣлать въ этомъ направленіи, а не только фантазировать о томъ, что «хорошо бы!».

Въ самомъ дѣлѣ, Марья Васильевна Лихоимцева, волею желѣзныхъ законовъ, изъ ничтожества превращенная сто лѣтъ тому назадъ въ помѣщицы, повинуясь тѣмъ же законамъ, повелѣвающимъ ей сохранять свое положеніе и достоинство, при освобожденіи крестьянъ всячески «должна» стремиться сдѣлать все, чтобы этого достоинства и положенія не потерять. И вотъ бывшіе ея крѣпостные, крестьяне деревни Горѣлово-Неѣлово, получаютъ нищенскій надѣлъ, вмѣсто луговъ—болота, а вмѣсто лѣсовъ—каменныя горы; получаютъ и вступаютъ въ неизбѣжный, желѣзными законами установленный фазисъ, въ теченіе котораго они *должны* придти въ полное разстройство и вообще обязаны знать, что настало время, опредѣляемое словами: «ложись да помирай!». Нѣкоторые, точно, начинаютъ ложиться и помирать. Но желѣзные законы, отлично и непреложно знающіе, «что̀ за чѣмъ» пойдетъ и какой фазисъ будетъ послѣдующій, а какой предыдущій, знаютъ, что въ данную минуту крестьяне Горѣлова-Неѣлова ложатся и помираютъ, что этотъ фазисъ обусловливаетъ для нихъ другой, послѣдующій: и въ Горѣловѣ-Неѣловѣ появляется фабрика, появляется она не раньше и не позже, а какъ разъ минута въ минуту, указанную желѣзными законами. Появляется и, ни на волосъ этимъ законамъ не измѣняя, начинаетъ творить то, что̀ по законамъ этимъ слѣдуетъ: крестьянинъ Иванъ Кузмичовъ идетъ на одну фабрику, жена—на другую, а дѣти, сынъ и дочь—въ Москву: одинъ въ извозчики (мальчонка), а другая «въ прислуги». Фабрика начинаетъ безъ церемоніи передѣлывать Ивана Кузмичова и его жену на свой образецъ; ей, держащейся на законахъ неизмѣнныхъ и повинующейся имъ, нельзя сдѣлать такъ, чтобы Иванъ Кузмичовъ съ женой не повиновались ей: въ кабакѣ сидѣть и пѣсни орать нельзя—это нарушаетъ желѣзные законы затраченнаго капитала, нельзя проспать, нельзя отлучиться, нельзя быть не напряженно-внимательнымъ. Пить воду, калякать нельзя попрежнему свободно—за все штрафъ, а вмѣстѣ со штрафомъ и злоба въ Иванѣ Кузмичовѣ, а вмѣстѣ со злобой неизбѣжная потребность подавить ее (ѣсть будетъ нечего) и, исхитрившись, провести эти желѣзные законы, надуть, обмануть, тайкомъ сдѣлать то, что̀ нельзя явно... Это ужъ развратъ душевный, а за нимъ недалекъ

и физическій—жены, семьи, дѣтей нѣту, скучно, тошно, маятно, водка и все, что̀ изъ нея слѣдуетъ — вплоть до «лазарета». Съ женой Ивана Кузмичова творится то же самое; развратъ фабричныхъ бабъ извѣстенъ, и доказывать его существованіе не зачѣмъ. А дѣти? Мишанька, одинокій парнишка, оставшійся почти-что безъ отца и матери и безъ крова, ѣздилъ-ѣздилъ съ сѣдоками, возилъ-возилъ хозяину деньги—заскучалъ: конца краю нѣтъ этой каторгѣ! Заскучалъ и задумался... Думалъ-думалъ, да разъ оглядѣлъ у пьянаго купца бумажникъ съ деньгами, вытащилъ изъ-подъ сидѣнья колесный ключъ... и угодилъ къ Бутырской заставѣ, въ казенный домъ... А дочь? Сначала баринъ къ ней приставалъ, когда барыни дома нѣтъ, потомъ изъ гостей одинъ молодой человѣкъ сталъ подмигивать, звалъ на Тверской бульваръ выйти... А потомъ мало-по-малу и Тверской бульваръ насталъ для нея, и билетъ изъ полиціи выдали, а наконецъ и «лазаретъ». Все неизбѣжно вытекаетъ изъ предыдущаго, и каждая послѣдующая гадость покоится на незыблемомъ основаніи и можетъ быть доказана, какъ неотвратимый фазисъ. По желѣзному міросозерцанію все это хоть и скверно и подло, а неизбѣжно; этому ходу дѣла не поможешь никакими фантазіями. А вотъ авторъ рукописи не такъ смотритъ на вещи. Отчего это явились на свѣтъ,—спрашиваетъ онъ,—проститутка, воръ, убійца, больной, пьяница? Оттого, что они не исполняютъ первороднаго закона, повелѣвающаго жить не убійствомъ, не проституціей, а трудами рукъ своихъ, на землѣ. Вотъ вамъ земля, работайте, и этотъ земледѣльческій трудъ такъ обширенъ и святъ, что и мысли о злѣ, о хитрости, объ обманѣ, о развратѣ или объ убійствѣ не будетъ возможности зародиться по одному ужъ тому, что некогда, что занятъ весь человѣкъ.

Земцы и думцы, ежегодно отпускающіе всякихъ размѣровъ суммы на больницы, тюрьмы, суды, полицію, то-есть на такіе органы общественнаго управленія, которые обязаны врачевать всевозможныя общественныя язвы, неужели бы оказались стоящими не на высотѣ своего культурнаго развитія, если бы попробовали лѣчить тѣ же язвы болѣе новымъ, простымъ и «божецкимъ» образомъ? На глазахъ земцевъ и думцевъ кишмя-кишатъ по городамъ и весямъ и воры, и разбойники, и проститутки, и убійцы, и нищіе, и толпы бездѣльныхъ и праздношатающихся дармоѣдовъ, надувалъ, обиралъ, и, чтобы очистить отъ нихъ общество, земцы и думцы строятъ тюрьмы, больницы, платятъ и по-

лиціи, и судьямъ, и докторамъ. Все это превосходно. Но почему бы опять-таки не попробовать излѣчить эти раны и язвы «по-божецки»? Безропотно повинуясь непреложности желѣзныхъ законовъ, земцы и думцы долгое время поступали, да и до-днесь поступаютъ въ своихъ хозяйственно-общественныхъ дѣлахъ по точному указанію этихъ законовъ: заводили банки, кредитъ, «уширяли производство», дабы бѣдные классы имѣли къ чему руки приложить и что пить-ѣсть... Двадцатипятилѣтній опытъ повиновенія желѣзнымъ законамъ, при самомъ тщательнѣйшемъ выполненіи всѣхъ великолѣпнѣйшихъ формъ, олицетворяющихъ эти законы и весьма неподходящихъ къ нашимъ, далеко не великолѣпнымъ мѣстамъ, на нашихъ глазахъ окончился весьма неблагопріятно. Все ухнуло и лопнуло, оставивъ на поверхности злобу и смрадъ удушающей безсовѣстности. Прежде у городовъ были общественныя земли, на которыхъ бѣдный людъ могъ селиться и сажать капусту, были лѣса, въ которыхъ росли и рыжики и опенки; теперь желѣзные законы все это упразднили, все проглотили: лѣса и поля, если и не обречены на полное исчезновеніе и продажу въ частныя руки, то во всякомъ случаѣ уже недоступны для бѣдняка, для человѣка, у котораго единственный капиталъ—собственныя руки; они уже обременены долгами, и тотъ лоскутъ земли, который по божеской и человѣческой справедливости стоитъ всего одинъ мѣдный грошъ, теперь обремененъ тысячнымъ долгомъ, и человѣку съ голыми руками къ нему ужъ не приступиться. Все это сдѣлано по образцу желѣзныхъ законовъ, и все послѣдующее будетъ неизбѣжно вытекать изъ нихъ, какъ неизбѣжно было и все ихъ проявленіе въ предыдущемъ; и воровъ, и проститутокъ, и грабителей, и надувалъ, и аферистовъ, и самоубійствъ, и вообще всякой бѣды и дряни будетъ гораздо больше, чѣмъ прежде; одинъ неотразимый фазисъ вылѣзаетъ изъ другого неотразимаго фазиса, какъ колосъ изъ зерна, и тутъ ничего не подѣлаешь, кромѣ расширенія тюремныхъ помѣщеній и улучшенія въ нихъ вентиляцій. Но если бы земцы и думцы повѣрили рѣчамъ автора рукописи «о торжествѣ земледѣльца» и увѣровали, что «первородный законъ» повелѣваетъ человѣку жить трудами рукъ своихъ, исцѣляя этимъ трудомъ отъ всѣхъ золъ, язвъ и неправдъ, на которыя обреченъ неуравновѣшенный, искалѣченный человѣкъ, такъ они бы не сдѣлали грѣха и не опорочили бы своей интеллигентности, если бы каждогодно прикупали земель, кото-

рыхъ множество кругомъ, если бы каждогодно селили на нихъ всѣхъ, кто хочетъ ѣсть, а капиталу имѣетъ—только руки свои. Почему нужно усовершенствовать тюрьму, вводить въ ней вентиляціи, гигіену, а со временемъ и электрическое освѣщеніе, а нельзя покупать земли, нельзя селить на ней всѣхъ, кто не по собственной волѣ родился на свѣтъ и не по собственной прихоти хочетъ ѣсть? Нельзя ли опять-таки хоть попробовать поступать съ человѣчествомъ такимъ тихимъ и внимательнымъ манеромъ?

Да! русскому интеллигентному человѣку, земцу и думцу, давно пора освѣжить собственное тусклое существованіе, вопросивъ самого себя: «Да зачѣмъ же собственно я считаюсь и интеллигентнымъ, и земцемъ, и думцемъ?» И если онъ вопроситъ себя такимъ образомъ, то непремѣнно отвѣтитъ себѣ, что онъ облеченъ извѣстными полномочіями вовсе не для того, чтобы расчищать дорогу желѣзнымъ законамъ,—они сами дѣлаютъ свое дѣло безъ остановки и поспѣваютъ туда, куда надо, минута въ минуту и точь въ точь съ тѣми свойствами и качествами, которыя имъ имѣть слѣдуетъ,—а для того, чтобы парализовать все, что въ этихъ законахъ неправда и зло; чтобы знать, зачѣмъ я земецъ и думецъ,—для этого надобно знать, какъ ужасно быть бѣднымъ, злымъ, голоднымъ; какъ страшно быть воромъ, убійцей, проституткой. Надобно искренно вѣровать въ то, что эти язвы не должны существовать, что это неправда, подлость и срамъ,—и тогда у земцевъ и думцевъ будетъ подъ ногами твердая почва, и въ ослабленной душѣ явится несокрушимая сила. Всѣхъ насъ, не умѣющихъ и не пріученныхъ жить трудами рукъ своихъ, надобно, по крайней мѣрѣ, воспитывать не исключительно въ раболѣпіи предъ всемогуществомъ желѣзныхъ законовъ, но хотя бы въ нѣкоторомъ вниманіи къ тѣмъ язвамъ, которыми усѣянъ путь желѣзнаго шествія. Пусть эти законы дѣйствуютъ—они, точно, желѣзные—но пускай же мы получимъ умѣнье и право ненавидѣть язвы, содрогаться отъ нихъ, кричать отъ испуга и ужаса, и думать о томъ, чтобы ихъ, этихъ язвъ, не было. И, къ сожалѣнію, въ Россіи меньше чѣмъ гдѣ-либо вниманіе интеллигентнаго человѣка привыкло сосредоточиваться на этихъ язвахъ, грѣхахъ, оставляемыхъ тріумфальнымъ шествіемъ желѣзныхъ законовъ, и меньше чѣмъ гдѣ-либо, по какому-то непостижимому недоразумѣнію, русскій интеллигентный человѣкъ привыкъ объяснять себѣ собственное интеллигентное положеніе правомъ хотя бы

только думать о томъ, чтобы язвы эти не существовали. Генри Джорджъ, профессоръ политической экономіи въ Калифорнійскомъ университетѣ, во вступительной лекціи студентамъ этого университета (1883 г.), *могъ позволить себѣ* говорить такія слова: «Надѣюсь, что вы ощущали уже стремленіе высочайшаго *честолюбія*,—желаніе быть полезными своему времени и поколѣнію, чтобы потомки, идущіе за вами, были хотя нѣсколько, хотя немного умнѣе, лучше и жили счастливѣе васъ. Если вы еще никогда не испытали подобныхъ ощущеній, то надѣюсь, что они все-таки живутъ въ васъ въ скрытомъ состояніи, готовые бить ключомъ, когда это будетъ нужно! Господа! посмотрите и убѣдитесь, что это уже нужно! Вы—одни изъ немногихъ избранныхъ, ибо и то, что вы находитесь здѣсь, въ университетѣ, свидѣтельствуетъ о счастливыхъ случайностяхъ, выпадающихъ на долю лишь немногихъ. Но вы не можете себѣ представить при всѣхъ своихъ усиліяхъ, какъ жестокая борьба, составляющая удѣлъ многихъ и многихъ, можетъ связывать по рукамъ и по ногамъ, мучить и искажать! какъ можетъ она заглушать благороднѣйшія дарованія, охлаждать горячія побужденія и лишать людей радости и поэзіи жизни! какъ можетъ она превращать въ прокаженныхъ общества тѣхъ, которые способны бы сдѣлаться его украшеніемъ, превращать въ подтачивающаго его червя и дикаго звѣря, бросающагося къ его глоткѣ, тотъ мозгъ и тѣ мускулы, которые способны были бы обогатить его! Никогда, быть-можетъ, вы не обращали на все это своего вниманія, но, подумавъ, вы тотчасъ же увидите теперь нужду и бѣдность, даже въ нашей странѣ, достаточныя для того, чтобы возбудить въ васъ грусть и состраданіе и укрѣпить въ высокомъ рѣшеніи, пробудить въ васъ симпатію, которая дерзаетъ, и негодованіе, горящее желаніемъ свергнуть неправду. Видя все это, *не почувствуете ли вы желанія сдѣлать что-либо для облегченія нищеты, искорененія невѣжества, уничтоженія порока?* И тогда обратитесь къ политической экономіи». Въ этихъ словахъ, какъ видите, не блещущихъ особенными новизнами, для меня существуетъ однако одна новизна—несомнѣнная и удивительная: спрашиваю всѣхъ и каждаго, кому на долю выпало пройти всю интеллигентную лямку отъ школы до университета, слышали ли когда-нибудь они отъ кого-нибудь, въ теченіе всей своей жизни, такой простой и открытый призывъ быть лучше, чѣмъ они есть, какъ тотъ, который открыто

дѣлаетъ американскій профессоръ и который, несмотря на свою простоту, несомнѣнно, долженъ облагородить тѣхъ юношей, къ которымъ обращенъ? Положа руку на сердце, я—да, вѣроятно, и всѣ люди интеллигентной лямки — должны сказать, что такого призыва мы всѣ никогда и ни отъ кого не слыхали. Никогда и никто не говорилъ намъ, что наше честолюбіе должно состоять въ томъ, чтобы нашимъ потомкамъ было лучше; никогда и никто не раскрывалъ нашихъ глазъ на существующія общественныя язвы; никогда и никто не начиналъ курса науки, исходя изъ скорби о язвахъ, разъѣдающихъ общество; никогда и никто не усовѣщевалъ насъ, не старался пробудить въ насъ сознаніе всей огромности нашихъ обязанностей. Чтобы намъ, дѣтямъ чиновниковъ, помѣщиковъ, купцовъ, людямъ обезпеченнымъ и недешево стоящимъ народу, кто-нибудь, начиная съ іерея Златоустьева, продолжая учителемъ гимназіи, кончая профессоромъ, открыто и смѣло сказалъ о томъ, что мы, обезпеченные, должны искоренять нужду и бѣдность, что мы должны видѣть людей даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ принято называть прокаженными общества, что руки и мозгъ, способные обогатить общество и поставленные теперь въ необходимость хватать это общество за горло изъ злобной мести за свою нищету, мы должны взять подъ свою защиту и такъ распорядиться ими, чтобы они могли обогатить это общество,—такихъ рѣчей, такихъ призывовъ, такихъ усилій раскрыть наши заспанные глаза на царящее зло мы не слыхали ни отъ одного изъ нашихъ воспитателей... Напротивъ, въ родительскомъ домѣ, въ школѣ, въ университетѣ насъ постоянно увѣряли, что широта вниманія къ окружающему—фанаберія, гибель, верхоглядство; что узость, строгость сердца—самое вѣрное и въ жизни и въ наукѣ... Много-много, если мы слышали, что есть на свѣтѣ явленія мрачныя, темныя, черныя, но чтобы кто-нибудь сказалъ намъ: «ваше *честолюбіе* должно быть въ томъ, чтобы ихъ не было»—никогда! Напротивъ, всегда говорили, что они неизбѣжны, ѣминучи, что они—фазисъ, что мечтать, будто можно избѣжать ихъ,—фантазія и вздоръ... Отчего это? Генри Джорджъ говоритъ свою рѣчь въ такой странѣ, гдѣ капиталъ, со всѣми своими желѣзными законами, гудитъ и реветъ всей глоткой, властвуетъ безъ всякаго стѣсненія, гдѣ онъ—царь, глава, власть, все! Джорджъ говоритъ эти слова передъ лицомъ дѣтей представителей этого капитала,—людей, которые съ дѣтства взросли

въ благорастворенiи воздуховъ, доставляемыхъ этимъ капиталомъ,—и не «пужается»! А у насъ, въ нашей соломенной сторонѣ, гдѣ капиталы только разворовываются, не производя никакихъ «уширенiй» потребленiя, никакихъ производствъ, гдѣ грубые, невѣжественные, тупоумные хищники еле-еле знаютъ, что, воруя, все-таки надобно по временамъ подводить какой-то «*балансецъ*»,—пикнуть не приходится ни одного слова о томъ, что надобно, чтобы на свѣтѣ было меньше зла, нищеты, бѣдности, чтобы человѣкъ не гибнулъ зря. Тайна сiя велика,—до такой степени велика, что этотъ самый хищникъ, утроба, дурь и голь лѣсная, волчья жадность сумѣли подавить и заглушить всѣ благороднѣйшiе порывы, такъ широко и безъ всякихъ усовѣщеванiй развившiеся въ обществѣ послѣ освобожденiя крестьянъ. Звѣрище, пасть и дурь одолѣли это движенiе, заняли всѣ тѣ пункты общественной службы, гдѣ должны проявиться именно только побужденiя благороднаго сердца. *Эта* крамола орудовала передъ глазами нашими лѣтъ двадцать пять, и обществу не легче отъ того, что теперь звѣрище появляется на скамьѣ подсудимыхъ. Оно уже отвыкло черпать силу своей интеллигентной мысли изъ несовершенствъ живой дѣйствительности и даже не оскорбляется этими несовершенствами, не находитъ своего честолюбiя въ томъ, чтобы несовершенствъ этихъ было меньше.

А между тѣмъ это превращенiе человѣка, «честолюбiе» котораго должно бы заключаться въ томъ, чтобы на свѣтѣ было меньше нищеты, невѣжества, порока — превращенiе такого человѣка въ апатическое, сонное или много-много если только «теоретически» ворчащее существо, сдѣлало уже и дѣлаетъ нехорошее дѣло съ русскою жизнью и русскимъ народомъ. Кто изъ насъ не привыкъ почти за непреложное и не волнующее уже насъ явленiе ежедневно считать такiя фразы, проявляющiяся въ обстоятельнѣйшихъ статистическихъ работахъ, какъ, напримѣръ: «малоземельныя хозяйства въ большинствѣ случаевъ *исчезаютъ*, уступая мѣсто крупнымъ» и т. д. Все это уже намъ прiѣлось, отъ всего этого намъ уже скучно. Но если бы въ насъ не была умерщвлена потребность почерпать силу своей мысли и поступковъ изъ живой дѣйствительности, то мы бы содрогнулись, если бы увидѣли *своими глазами* то, что въ статистической работѣ обозначено однимъ надоѣвшимъ уже словомъ: «исчезаютъ». Вѣдь это исчезаютъ люди, а не дрова, мужики, бабы, дѣти, а не щепки и не

цифры. Какъ на живой образчикъ той раздирательной драмы, которая таится въ этомъ примелькавшемся словѣ: *исчезаютъ*, уступая мѣсто и т. д.,—драмы, которая происходитъ вотъ тутъ, рядомъ съ нами, и которую мы не видимъ, апатически влача семейно-танцовальное существованіе—я могу указать на превосходнѣйшую работу г. Лудмера, напечатанную въ 11 № «Юридическаго Вѣстника». Авторъ ея, бывшій мировой судья въ одномъ изъ подмосковныхъ уѣздовъ, пораженъ былъ обиліемъ въ крестьянской средѣ семейныхъ раздоровъ и рѣшился быть особенно внимательнымъ къ дѣламъ этого рода. Въ его статьѣ: «Бабьи стоны» собрано огромное количество дѣлъ, касающихся семейныхъ домашнихъ неурядицъ, иногда поистинѣ потрясающихъ. Картина, которая нарисована имъ, ужасна: здѣсь, на вашихъ глазахъ вы видите, какъ *гибнутъ*, даже *поѣдомъ ѣдятъ* другъ друга люди, ѣдятъ, погибая, исчезая съ лица земли, *уступая* свое мѣсто другимъ, — и волосъ дыбомъ становится у васъ на головѣ! А всмотритесь въ эту ужасающую картину—и вы увидите, что во имя какихъ-то небожескихъ законовъ у этихъ семей разрушена возможность жить трудами рукъ своихъ, такъ жить, какъ они хотѣли жить и какъ единственно только могли жить—и вотъ вамъ это разстройство, отразившееся на мужикѣ, бабѣ, ребенкѣ. Нельзя выразить той безконечной благодарности, которую невольно чувствуешь къ автору этой безподобной статьи, рѣшившемуся взволновать насъ, одеревенѣвшихъ въ безплодной тоскѣ и ворчаньи, живою раздирающею драмой жизни. Намъ, одеревенѣвшимъ и ворчащимъ интеллигентнымъ людямъ, необходимы такіе сильные удары, чтобы мы очувствовались, очнулись и подумали бы о «честолюбіи» быть ненавистниками зла.

Но, какихъ бы ужасовъ, трагедій и драмъ ни насмотрѣлись земцы и думцы, если бы они почувствовали склонность къ «честолюбію» указаннаго выше типа, всѣ эти ужасы, драмы и трагедіи, распадаясь на немногія, но совершенно опредѣленныя группы—нищеты, невѣжества, порока, легко могутъ быть парализованы положительно въ самой большей своей части тѣми «божецкими мѣрами», которыя предлагаетъ крестьянская рукопись. Если можно милліоны банковыхъ денегъ пускать по вѣтру и въ трубу, то на эти милліоны можно пріобрѣтать и земли и лѣса. А «баланецъ» отъ дохода съ этихъ заселяемыхъ земель, навѣрное, будетъ не такой, какой подводился въ итогахъ

операцій Скопинскаго банка. Но, не говоря о прямой выгодѣ устраивать по-божески пролетаріатъ, не дожидаясь, пока онъ самъ устроитъ свое существованіе на общественный счетъ при помощи тюремъ и больницъ, теорія «жизни трудами рукъ своихъ» должна быть проповѣдуема какъ образецъ справедливѣйшаго существованія на землѣ; какъ существованіе, при которомъ возможно удовлетворять самому всѣмъ своимъ потребностямъ и слѣдовательно жить широко, всѣми сторонами своей личности. Надобно, чтобы «типъ» человѣка, лично удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ, привлекалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кому дорога справедливость,—людей изъ всѣхъ сословій, ощущающихъ въ себѣ силы взяться за плугъ, и для этого нужна школа, земледѣльческое всесословное училище; благодаря ему, трудъ этотъ долженъ стать не бѣдствіемъ изъ-за насущнаго хлѣба, а счастіемъ жить, соединяя въ одной своей личности слугу и хозяина.

Приглашать теперь въ крестьянскую избу лицъ «благороднаго» происхожденія, увѣренныхъ, что если не будетъ больше урядницкихъ мѣстъ, то для народившагося «благородства» изобрѣтутъ новыя, безчисленнѣйшія мѣста, конечно, съ жалованьемъ,—нѣсколько страшновато: крестьянская изба очень и очень часто можетъ напугать; мрачна она, и трудно въ ней, и грязно, и холодно, и вообще не дай Богъ. Получать жалованье и играть въ винтъ гораздо все-таки лучше, но въ утѣшеніе такимъ пугливымъ людямъ можно съ положительностью сказать, что изба эта не всегда будетъ такъ мрачна, какою мы привыкли ее представлять себѣ, что она способна развиваться, увеличивать и чистоту, и свѣтъ, и интересъ внутренняго обихода: какая угодно книга ничуть не лишняя въ ней, но пока нѣтъ достатка еще купить ее. Но ужъ и теперь можно подмѣтить въ избѣ крестьянской кое-что новое, лучшее, чѣмъ было прежде. Вонъ по тихвинскому тракту мужики выдумали устраивать печи по новому образцу! Старая печка устраивалась такъ, что баба непремѣнно должна была влѣзать головой въ самое пламя, должна была горбиться, и рѣдко лицо ея не носило признаковъ сажи. Теперь мужики сдѣлали такъ: трубу отодвинули дальше и поставили надъ самымъ горниломъ, такъ что входъ въ печку сталъ открытымъ, а загнетку выдвинули впередъ, какъ столъ, на которомъ баба можетъ орудовать, не сгибаясь. Да и носъ ея теперь никогда ужъ не запачканъ сажей; нынѣшнимъ му-

жикамъ ужъ не нравится это, да и бабы желаютъ держать себя поделикатнѣй: старыя сгорбленныя бабы съ сажей на носу выходятъ изъ моды. А со временемъ, нѣтъ сомнѣнія, разнообразіе внутренняго обихода крестьянской избы, нисколько не измѣняясь въ своей многосложности, значительно облегчится въ смыслѣ техники, внѣшнихъ удобствъ, комфорта. Знатоки техническаго дѣла проводятъ рѣзкую черту между изобрѣтательностью по этой части въ Англіи и въ Америкѣ; въ то время, когда изобрѣтательность Англіи, разсчитанная на массы колоніальныхъ полудикихъ жителей, стремится забросать весь свѣтъ одѣялами, сапогами, рубашками и т. д., т.-е. стремится отнять у дикаря удовольствіе все это дѣлать своими руками и, обезсиливъ его, обезсмысливъ его личное существованіе, превращаетъ его въ раба, поденщика, трудящагося не для себя, не по своей охотѣ, а по нуждѣ дѣлающаго ненужное ему, скучное и всегда трудное черное дѣло, что̀ и ведетъ дикаря къ тоскѣ, водкѣ и смерти,—американская промышленность, продѣлывая то же, что̀ и англійская, принуждена однако разсчитывать на потребителя, не поддающагося обезсиливанію и обезличиванію. Эмигрантъ, изъ котораго выросла вся Америка и который постоянно стремится туда со всѣхъ концовъ свѣта, въ огромномъ большинствѣ случаевъ — человѣкъ сильнаго характера; онъ бросаетъ родину не всегда потому, что тамъ тѣсно, но потому, что ему не по душѣ стало жить, потому, что съ нимъ случилась драма душевная, послѣ которой ему надо бѣжать; онъ идетъ потому, что не можетъ подчиниться такимъ-то и такимъ узаконеніямъ, его гонитъ съ родины возмущенная совѣсть, кровная обида... Огромное большинство эмигрантовъ не можетъ не чувствовать себя совершенно *одинокими*, разорвавшими связи съ прошлымъ и обреченными начинать новую жизнь на новомъ мѣстѣ... Гдѣ и съ кѣмъ? Въ невѣдомой, незнакомой странѣ, среди чужихъ людей, не зная ни языка ни обычаевъ!.. Для такого человѣка нельзя не сосредоточиться только въ самомъ себѣ, нельзя не разсчитывать только на *себя*, на *свои* силы, на *свой* умъ, на *свое* умѣнье... Обиліе людей такого типа заставило американскую промышленность помогать существованію такихъ, на *свои* только силы полагающихся людей, заставило техническую изобрѣтательность направлять свою мысль на такія изобрѣтенія и техническія усовершенствованія, которыя бы облегчили существованіе не огромной фабрики, какъ въ Англіи, а отдѣль-

наго человѣка; все, что̀ касается удобствъ отдѣльной личности, отдѣльнаго дома, возможности одинокому человѣку *самому* улучшить свое существованіе,—все это изобрѣтено Америкой: швейная машина, доступная для каждаго дома,—не швейная фабрика на весь міръ. И въ этомъ отношеніи нашъ крестьянскій домъ, отдѣльная его семья могутъ дѣлать множество облегчающихъ трудъ заимствованій, нисколько, повторяю, не нарушая разнообразія труда, не убавляя его разносторонности и интереса. То, что̀ теперь дѣлается и трудно, и неуклюже, и иногда вредно для здоровья, то же самое можетъ дѣлаться и легко, и изящно, и неизнурительно физически. Школа должна все это откопать и познакомить со всѣмъ этимъ добровольцевъ земледѣльческаго труда, если только они будутъ.

2.

На этомъ, кажется, можно окончить съ «мечтаніями» по поводу практическаго осуществленія на дѣлѣ теоріи, основанной на «первородномъ законѣ», повелѣвающемъ всякому жить только трудами рукъ своихъ. Надѣюсь, что мечтанія эти не взволновали читателя настолько, чтобы онъ могъ размечтаться до предѣловъ невозможнаго, а главное — недозволеннаго; надѣюсь потому, что всѣ мои мечтанія весьма легко сосредоточиваются въ желаніи «попробовать». И вотъ, единственно только во имя этого скромнѣйшаго желанія, мнѣ хочется, помимо указанія на практическую пользу этой пробы, указать еще и на сторону эстетическую, коснуться хотя слегка красоты человѣческаго типа, удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ,—типа, составляющаго самый существенный доводъ въ пользу скромнаго желанія «попробовать».

Какъ-то разъ въ деревнѣ вышелъ я отъ-нечего-дѣлать на крыльцо. Было утро, раннее, ярко-солнечное, крѣпкоморозное и совершенно тихое. Передъ крыльцомъ дворникъ расчищалъ дорогу отъ снѣга, а по мосткамъ, уже расчищеннымъ, проворно шла какая-то женщина; шла она легко, бодро, смотрѣла необыкновенно весело и чисто, и вся она была такая складная, легкая, крѣпкая, веселая, что и мнѣ стало весело, когда я разсмотрѣлъ ее. Крѣпка и складна была на ней одежда и обувь: кацавейка была такъ простегана, что топоромъ не разрубить, и застегнута на стройной груди такъ плотно, точно обѣ онѣ съ кацаа-

вейкой вылиты изъ мѣди, но вылиты изящно, стройно, легко и почему-то весело для глаза.

— Купите, баринъ, яицъ... десятка полтора никакъ!— почему-то весело сказала она, показывая маленькій узелокъ съ яйцами.—Больно ужъ деньги нужны! — прибавила она и такъ же весело почему-то.

— Надыть яйца-то у ней ужъ, видно, взять... Новое хозяйство начинаетъ!—сказалъ дворникъ. — Она еще даве приходила, да вы спали ..

— Въ самомъ дѣлѣ, баринъ, ужъ возьмите. Право слово, сызнова жить начинаю, а капиталу всего-на-всего вотъ что за эти яйца дадите...

И все это опять-таки веселымъ голосомъ говоритъ.

— Развели меня вчерась, дай Богъ здоровья судьямъ, съ моимъ мужемъ-дуракомъ... Все они у меня съ матерью обобрали, только и оставили вотъ яйца, потому куры мои... Ну да Богъ съ ними!.. Я рада, что хоть вырвалась изъ этой каторги...

— Какъ же ты будешь жить?

— Вотъ, не жить еще! Знамо, жить буду... Я въ случаѣ чего всякую и мужицкую работу умѣю. Господи помилуй! Не прожить! Теперьче опять дядя у меня вдовый, вотъ къ нему и пойду—тоже ему нужна помочь... Какъ-нибудь проживу. Руки, слава Богу, не отсохли, ноги тоже не отнялись... Мнѣ бы только хоть чуточку на первое время деньжонокъ, самую малость... А то авось Господь... Какъ такъ не прожить, коли никакого во мнѣ пороку нѣту?

— Ужъ видно, надо яйца-то взять...—добавилъ дворникъ.

Яйца были куплены, и баба, поразсказавъ еще звонкимъ свѣжимъ голосомъ про свою каторгу съ дуракомъ-мужемъ и злою свекровью, весело распрощалась съ нами и такою же проворной, легкой походкой, легкая, крѣпкая и веселая, ни капли не унывающая, ушла начинать новую жизнь съ сорока копейками въ карманѣ... «Господи помилуй, не прожить!»—сказала она—и это выраженіе, съ нѣкоторымъ страхомъ предъ словомъ «не прожить» и удивленіемъ предъ мыслью о невозможности *для нея-то*, для этакой-то бабы, не прожить на бѣломъ свѣтѣ, сразу сдѣлали для меня понятною эту хорошую крестьянскую женщину.

Да, эта женщина проживетъ на бѣломъ свѣтѣ сама, одна; она знаетъ *всякую* работу — подумайте только объ этомъ *подчеркнутомъ* словѣ! Какъ будетъ радъ ея вдовый дядя, у котораго теперь въ домѣ все идетъ врозь; ребя-

тишки, скотина—все это грязно, заброшено и полуголодно; онъ самъ, бѣдняга, теперь мѣситъ хлѣбы, и хлѣбы выходятъ какъ кирпичи. Но явится эта женщина, расплатившаяся сорока копейками со всѣми деревенскими долгами и сумѣвшая еще купить дѣтямъ дяди гостинцевъ, тихвинскихъ кренделей,—и точно свѣтъ озаритъ разстроенную, скучную, грязную избу. Скотина тотчасъ почувствуетъ, что пришелъ человѣкъ, безъ котораго скучно и голодно жилось. Отъ одного ея голоса—отъ этого сорочьяго бабьяго стрекотанія—вдругъ все ожило, и теленокъ, повинуясь чувству радости, возбуждаемому въ немъ этимъ голосомъ, невольно идетъ къ крыльцу, къ дому, гдѣ появилась эта баба, чувствуя, что тутъ долженъ быть источникъ будущаго его благополучія... Все—отъ куръ до стѣнъ и людей, наполняющихъ избу—начинаетъ *жить*. Ухваты, горшки, печка, скотина—все ожило, задымилось, застучало, пошло ходить, убираться, чиститься, ѣсть и пить, и работать,—словомъ, *жить на свѣтѣ*. А не будь этого пристанища, женщина эта нигдѣ не пропадетъ—она и мужицкую работу въ случаѣ чего можетъ исполнять. Еще дѣвчонкой, которой впору только бы въ куклы играть, она ужъ знала много всякихъ занятій, утромъ играла, пѣсни пѣла, а вечеромъ мірскую очередь исполняла за мамку или за тятьку, въ колотушку стучала и въ кабакъ за отцомъ ходила, а потомъ и за дровами въ лѣсъ ѣздила, и косить умѣетъ, и въ сторожихи на желѣзную дорогу пойдетъ,—словомъ, она мастерица во всякой женской работѣ, не пропадетъ, если судьба поставитъ ее и на мужскую.

Перейдемъ теперь въ другой кругъ людей, въ такъ-называемое «общество», общество средняго сорта, въ такъ-называемую нашу россійскую буржуазію, и вы увидите, до какой степени здѣсь, гдѣ нѣтъ ни мужицкихъ сапогъ, ни мужицкихъ разговоровъ, ни грубыхъ мужицкихъ ухватокъ, до какой степени здѣсь огромно уродство и въ мужчинахъ и въ женщинахъ, до тонкости разработавшихъ свои отдѣльныя спеціальныя мужскія и женскія дѣла и свойства, и насколько завидна и прекрасна участь грубой крестьянки, сумѣвшей въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточить и мужскія и женскія свойства и спеціальности.

Въ «Русской Мысли» за 1884 и 1885 годъ были напечатаны три беллетристическія произведенія, чрезвычайно замѣчательныя въ томъ отношеніи, что два изъ нихъ («Дошутилась» и «Магистръ и Фрося») какъ нельзя лучше

рисуютъ тяжкую безсодержательность семейныхъ отношеній буржуазной семьи, а третье («Мои вдовы»), къ нашему величайшему удовольствію, затрогиваетъ вопросъ о выходѣ изъ этихъ пустыхъ, хотя и удобныхъ, но далеко нравственно не удовлетворяющихъ условій жизни. И выходъ этотъ указанъ авторомъ до такой степени неожиданный, оригинальный и прекрасный, что разсказъ «Мои вдовы» нельзя не считать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, что̀ читатель и увидитъ ниже.

Всѣ три литературныя произведенія написаны женщинами, и поэтому во всѣхъ этихъ работахъ замѣчается особенное вниманіе къ такимъ сторонамъ современной жизни и буржуазной среды, которыя касаются главнымъ образомъ положенія въ этой средѣ женщины, женскихъ напастей и бѣдъ, женскихъ огорченій, мукъ и желаній. Иногда авторы, увлеченные искренностью сознанія своей горькой участи, не задумываются изображать такіе моменты этихъ мученій, которыхъ ни одинъ изъ беллетристовъ-мужчинъ не привыкъ касаться, не знаю, впрочемъ, почему, или касается только для того, чтобы щегольнуть золаизмомъ или пройтись насчетъ натуралистической клубнички. Всѣ такого рода сцены написаны авторами упомянутыхъ повѣстей совершенно не такъ и не съ той цѣлью, какъ это дѣлаютъ господа золаисты, а вполнѣ цѣломудренно, чистосердечно, чисто и поэтому весьма серьезно и трогательно: это не клубника, а му́ки, настоящія терзанія человѣка, настоящій «адъ спальни».

Изъ огромнаго матеріала, который эти повѣсти могутъ доставить читателю, желающему серьезно подумать о теперешней русской буржуазной семьѣ, я возьму только одну самую характерную сцену, какъ наиболѣе яркій документъ въ пользу того, что среда, живущая трудами рукъ своихъ, куда совершеннѣе той, гдѣ не сѣютъ, не жнутъ, въ буквальномъ смыслѣ, а живутъ, какъ говорится, на готовомъ.

Вотъ эта сцена:

Фрося (героиня повѣсти «Магистръ и Фрося») родила ребенка, дѣвочку, и вотъ что̀ она ощущаетъ: «Сначала Фрося ничего не чувствовала, кромѣ наслажденія избавиться отъ физическихъ мукъ; въ первыя минуты послѣ родовъ ее не могло бы огорчить извѣстіе о смерти ребенка, но когда дѣвочку прибрали и положили къ ней на кровать, и она, приподнявшись, взглянула на это маленькое сморщенное личико, въ ней вдругъ загорѣлась такая страстная любовь къ ней, что она готова была жизнь свою отдать за это

безпомощное созданіе» («Русск. Мысль» 1883 г., кн. IX, стр. 111).

Вотъ что̀ чувствовала Фрося.

Магистръ, Петръ Ивановичъ, напротивъ, сдѣлавшись отцомъ этого безпомощнаго существа, чувствовалъ къ нему нѣчто другое: «Итакъ, то, чего онъ *ужасно боялся,* совершилось: ребенокъ родился и былъ живъ. Онъ (Петръ Ивановичъ, отецъ ребенка) оперся головой на руку и чуть не скрежеталъ зубами, и въ то время, когда торжествующая акушерка хлопотала около дѣвочки, стараясь какъ можно теплѣе укутать ее въ пуховую подушку, *отецъ былъ въ отчаяніи: онъ* готовъ былъ проклинать часъ, въ который зародился младенецъ; онъ совсѣмъ *не желалъ* его и къ тому же былъ такъ увѣренъ, что судьба *сжалится* надъ нимъ и ребенокъ родится мертвымъ. И вдругъ *такое страшное* разочарованіе!» (Тамъ же).

За рожденіемъ этого ребенка слѣдуетъ рядъ сценъ, поистинѣ ужасающихъ. Фрося, готовая отдать за него жизнь, и Петръ Ивановичъ, жаждущій его смерти, начинаютъ поступать каждый сообразно владѣющимъ ими побужденіямъ. У Фроси нѣтъ молока. Она проситъ, чтобы Петръ Ивановичъ нанялъ кормилицу; Петръ Ивановичъ отказываетъ.— «Но если не кормить ребенка, то онъ умретъ сегодня же... онъ не вынесетъ коровьяго молока!..»

— «Такъ что-жъ дѣлать?» — говоритъ Петръ Ивановичъ. — «На колѣняхъ умоляю! Ради всего святого успокой меня! Я съ ума сойду!» Петръ Ивановичъ остается жестокимъ, непреклоннымъ, и когда Фрося начинаетъ метаться въ страшныхъ мукахъ гнѣва, страха и отвращенія, Петръ Ивановичъ какъ бы выжидаетъ голодной смерти ребенка, а пожалуй, и смерти Фроси, и хотя приходитъ въ ужасъ отъ ея мученій, отъ ея начинающагося безумія, но ровно ничего не дѣлаетъ ни для Фроси ни для ребенка, и когда она дошла до того, что доктора вынуждены были привязать ее къ кровати, Петръ Ивановичъ, *скорчившись, прижался за диваномъ* въ сосѣдней комнатѣ... (Стр. 115).

Спрашивается, что̀ же это за извергъ? И это еще ученый, образованный человѣкъ, магистръ! Нѣтъ, онъ — не извергъ: на той же 115 стр. мы находимъ такую строчку: «—Спасите ее, докторъ, спасите! — говорилъ Петръ Ивановичъ, схвативъ руку доктора и *прильнувъ къ ней губами*». Стало-быть, сердце у Петра Ивановича не совсѣмъ каменное, и мы попробуемъ отнестись къ нему справедливо. Онъ — ученый,

и хотя опытъ его профессорства былъ неудаченъ, но онъ не оставилъ своей цѣли — сдѣлать карьеру ученаго; онъ поглощенъ своей спеціальностью, онъ добивается, чтобы ученый міръ призналъ его; спеціальность забрала его въ руки, онъ весь сосредоточился въ ней; каждый шагъ его, какъ спеціалиста, обязываетъ его поступать извѣстнымъ образомъ, онъ весь во власти своей спеціальности: для нея работаетъ его умъ, она владѣетъ его сердцемъ... А Фрося? Фрося—тоже спеціалистка, и именно тѣмъ, что она Фрося— и больше ничего. Если Петръ Ивановичъ узокъ, потому что весь ушелъ въ успѣхъ диссертаціи и ничего такъ не жаждетъ, какъ того, чтобы въ концѣ концовъ ученый міръ сказалъ про него: «Молодецъ Петръ Ивановичъ!» — то и Фрося также ушла въ то, что она женщина, что ее надобно любить, что ее нельзя по цѣлымъ днямъ оставлять одну, что она должна жить, что ей, Фросѣ, нельзя такъ сидѣть, «одной». Ей мѣшаетъ все, что для Петра Ивановича нужно, интересно, важно. Петру Ивановичу все мѣшаетъ, что нужно Фросѣ: постоянное вниманіе, постоянныя прогулки подъ руку, постоянные разговоры «обо всемъ». Вѣдь, положа руку на сердце, развѣ Фрося пойметъ, что такое обременяетъ голову Петра Ивановича? Для этого тоже надобно быть профессоромъ-спеціалистомъ, такъ же сузиться въ достиженіи крохотной цѣли. Но пойметъ она или не пойметъ, — ей-то вовсе не нужно и не интересно быть обремененной заботами Петра Ивановича, — она сама по себѣ; она совершенно законно говоритъ: «я хочу жить», но въ буржуазномъ обществѣ она можетъ жить только крайне односторонне: какъ женщина, до мельчайшихъ подробностей развивая свои собственныя женскія требованія; мужчина долженъ быть энергиченъ и твердъ, женщина — нѣжна и блѣдна «какъ лилія»; вотъ спеціальности буржуазныхъ отношеній, въ грубой формѣ выраженныя. Это не крестьянка, которая сама *одна* умѣетъ и работать какъ мужикъ и нѣжныя пѣсни ребенку пѣть. Ребенокъ для Фроси — все; она жизнь готова отдать за него; для Петра Ивановича онъ — гибель, онъ — конецъ его карьеры, онъ, этотъ маленькій человѣкъ, которому всего-то нужна одна рюмка молока въ день, — онъ является на свѣтъ для того, чтобы терзать Петра Ивановича какими-то новыми обязанностями, своею безпомощностью, болѣзнью и т. д., наполняя ими то сердце, которое уже отдано во власть наукѣ, карьерѣ... Этотъ пискъ вытѣсняетъ изъ его сердца старую хозяйку—

карьеру; Петръ Ивановичъ *долженъ* трепетать этого, потому что, отдай онъ свою внимательность этому крошечному существу, — онъ пропалъ буквально, онъ долженъ уйти съ той дороги, на которой стоитъ, онъ завтра же «отсталъ въ наукѣ», онъ завтра за штатомъ, и все его существованіе— на воздухѣ...

Эта сцена груба и жестока, но кто же не скажетъ, что такія отношенія, въ формахъ значительно болѣе мягкихъ, чѣмъ отношенія Фроси и Петра Ивановича, не характеризуютъ вообще семейныхъ отношеній буржуазной среды? Желѣзные законы сдѣлали въ этой средѣ женщину — *слишкомъ* женщиной и мужчину — слишкомъ мужчиной. Каждый *особенно* слишкомъ развитъ въ сторону своего пола, при чемъ мужчина, мало того, что *слишкомъ мужчина*, но всегда суженъ еще какою-нибудь спеціальностью, то-есть нравственно Богъ знаетъ какъ далекъ отъ своей жены, а связь между ними, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, далеко не гармонична, далеко не такая, какъ у мужика и бабы, которые живутъ и интересуются и дѣлаютъ одно и то же дѣло, при чемъ и каждый изъ нихъ отдѣльно можетъ и умѣетъ дѣлать это дѣло и самъ одинъ, безъ чужой помощи.

Въ повѣсти «Дошутилась» представлена другая буржуазная драма; здѣсь между мужемъ и женою нѣтъ ужъ никакой, мало-мальски достойной уваженія связи. Даже дѣтей нѣтъ. Онъ—земскій гласный, а она—жена его... только жена,— жена, которую онъ *долженъ* любить, которая любитъ его... любитъ *такъ*, «искусство для искусства»... и выходитъ тяжелая картина безсодержательной и некрасивой жизни.

Картины этой безсодержательной жизни могли бы повергнуть читателя въ неисходную, мрачную тоску, если бы, по счастью, не было такихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ бы не доказывали, что въ этой средѣ не умерла здоровая, прямая, свѣтлая мысль, что человѣкъ стремится выйти изъ этихъ тенетъ пустоты и безстрашно идетъ къ правдѣ, смѣло ищетъ такихъ формъ жизни, при которыхъ *душа* чувствовала бы себя широко живущей и чистой. Разсказъ г-жи Н. Л. «Мои вдовы»—одно изъ такихъ замѣчательныхъ по новизнѣ идеи произведеній.

Героиня разсказа, образованная женщина, жена образованнаго человѣка, живущая въ возможно благопріятныхъ и разумныхъ семейныхъ отношеніяхъ, — словомъ, женщина умная и считающая себя счастливою женою, живя

подолгу въ деревнѣ, начинаетъ невольно наблюдать тѣхъ деревенскихъ женщинъ, съ которыми сталкиваетъ ее судьба, и, наблюдая, какъ умная, развитая женщина, начинаетъ замѣчать, что въ этихъ грязныхъ крестьянкахъ есть что-то новое для нея, что-то такое, чему можно даже завидовать. Ее поражаетъ именно эта самостоятельность крестьянской женщины, эта красота справедливости существованія, нравственная полнота его, дающая возможность понять слово *жизнь* шире, покойнѣе и свѣтлѣе... Въ параллель съ этими самостоятельными женщинами деревни, превосходно изображенными въ лицѣ двухъ крестьянскихъ вдовъ, авторъ приводитъ типъ великосвѣтской вдовы, которая послѣ смерти мужа остается совершенно несвѣдущей и безпомощной во всѣхъ отношеніяхъ и должна бы пропасть, какъ былинка, если бы объ ея участи не заботилась масса родни, которая за нее думаетъ, дѣлаетъ, распоряжается, а со временемъ выберетъ ей мужа и опять водворитъ въ новой спальнѣ для продолженія существованія спеціально по женской части. Скоро становится вдовой и героиня разсказа, отъ лица которой ведется ея разсказъ. Для нея, какъ для женщины образованнаго общества, предстоитъ та же дорога, что и для изображенной ею великосвѣтской вдовы; о ней, какъ о женщинѣ, позаботятся, устроятъ, похлопочутъ; ей легче идти по этому пути: у нея дѣти, надо ихъ пристроить... а она— женщина... слабое существо... Но она уже видала неслабыхъ женщинъ, она уже поняла красоту этого типа и она сознательно предпочитаетъ этотъ типъ; ей уже тѣсно жить въ обществѣ, гдѣ обязательно «услуживать» женщинамъ; она чувствуетъ приливъ силъ, дающихъ ей право быть самостоятельной, независимой, не порабощаемой ни услужливостью ни деспотизмомъ, и она рѣшаетъ жить такъ, какъ живутъ ея деревенскія вдовы, эти женщины-мужчины.

Она рѣшила сдѣлать такъ, возвращаясь въ деревню съ похоронъ мужа.

Приближаясь къ дому, она шла полями.

«Великая скорбь, которую она несла въ своемъ сердцѣ,— невмѣстимая, какъ эти необъятныя поля, могучая, какъ эта земля, все покоряющая — какъ грозно поднявшаяся стихія, встала, заступила ей дорогу, пошатнула и ударила о сыру-землю. На грудь этой нѣмой, но могучей матери хлынули потоки слезъ, задержанные мелочью людскою; ласково приняла росистая трава изнемогшее тѣло, ласково

дышалъ воздухъ, ласково обступала кругомъ гордая, цвѣтущая рожь.

«— Родная, святая, *вѣчная вдова!* — рыдала бѣдная женщина, страстно прижимаясь къ родной землѣ: — побереги, не оставь меня съ малыми дѣтушками! Дай мнѣ силу твою, молчаливую, великую, неизмѣнную! Помоги мнѣ ихъ выкормить, вырастить, *тебя любить научить!*

«Жизнь, жизнь зоветъ! Вставай же и иди навстрѣчу ей. Мѣсто, мѣсто дайте *моей барынѣ въ рядахъ своихъ,* вы, тянущія лямку день и ночь, безъ передышки, безъ ропота и уклоненій; вы — держащія сиротъ, домъ и дѣла *на уровнѣ мужского и женскаго труда, сложенныхъ вмѣстѣ,* вы — бодрыя, терпѣливыя, безупречныя русскія вдовы и матери! Подайте руку, встрѣчайте — не посрамитъ она васъ!» («Русск. Мысль» 1884 г., кн. III, стр. 69).

Разсказъ этотъ положительно превосходенъ, и я желалъ бы, чтобы его перечитали тѣ, которые не замѣтили его или не обратили на него серьезнаго вниманія. Онъ дастъ вамъ смѣлость не только думать и мечтать о томъ, «како жить свято», но и въ самомъ дѣлѣ пробовать свято жить. Вы видите, что ужъ пробуютъ—и это одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ движеній души искреннихъ русскихъ людей.

VI. Побоище.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

1.

Въ воскресенье, 27-го февраля, въ такъ-называемый «прощеный день», я проводилъ вечеръ въ одномъ знакомомъ бакинскомъ семействѣ; вечеръ тянулся обычнымъ въ настоящее время порядкомъ, скорѣе скучно, чѣмъ весело, и, за отсутствіемъ мало-мальски живого разговора, котораго теперь что-то нигдѣ не слышно, мирно приближался къ благополучному окончанію, т.-е. ужину, за которымъ на этотъ разъ предполагалось «пробовать» новый бурдюкъ бѣлаго кахетинскаго вина. Маленькіе стаканчики боченочками (хозяинъ былъ поклонникъ «русскаго стиля») уже позвякивали гдѣ-то въ отдаленіи, какъ въ комнату, въ которой было человѣкъ семь-восемь знакомыхъ хозяина, поспѣшно вошелъ слуга, блѣдный и встревоженный, и ломанымъ рус-

скимъ языкомъ, какимъ говорятъ обыкновенно «восточные человѣки», объявилъ, что въ городѣ «бунтъ», что «приказываютъ» запирать ворота, и что потребованы войска...

Не то чтобы «испугъ» или особенную тревогу произвело это извѣстіе, а, скорѣе, какъ бы серьезное недоумѣніе. «Вѣдь вотъ,—подумалось невольно каждому изъ присутствовавшихъ:—мы тутъ сидимъ, скучаемъ, не знаемъ, какъ дотянуть время до ужина, болтаемъ, о чемъ придется, не найдемъ разговора, который можно бы вести безъ усилій, не найдемъ темы для этого разговора, которая бы искренно сознавалась нами, какъ вполнѣ серьезная... а тамъ, гдѣ-то, вотъ за этими стѣнами, за этими окнами, заставленными цвѣтами и плотно отъ постороннихъ глазъ занавѣшенными, тамъ что-то бурлитъ, и бурлитъ до мордобитія... до свалки... до призыва войскъ... Мы сидимъ, скучаемъ, зѣваемъ, ждемъ книги, чтобы она оживила нашу изнывающую въ безсодержательности мысль, дала бы тему для разговора, только для разговора «до ужина»... а тамъ вотъ безъ разговоровъ есть какія-то такія «темы», изъ-за которыхъ... войска зовутъ!.. И ворота велятъ запирать!»

Словомъ, извѣстіе, принесенное слугой, заставило всѣхъ призадуматься о томъ, что мы всѣ здѣсь бывшіе, образованные городскіе обыватели что-то *забыли*, забыли что-то важное, серьезное, и вотъ оно, это серьезное, напоминаетъ о себѣ, напоминаетъ грубо и, главное, *непонятно* намъ... Не страшно намъ стало — нѣтъ, а какъ-то «виновато», горько за свою тоскливую тяготу не знающаго «нужды» существованія...

«Вотъ проклятая жизнь!» — подумали мы, относя слово «проклятый» не къ жизни тѣхъ, кто теперь «тамъ» затѣвалъ побоище, а къ себѣ, къ своему интеллигентному существованію... Невольно почувствовалась какая-то связь между нашимъ интеллигентнымъ нравственнымъ изнуреніемъ и тѣми нравственными волненіями, которыя таились *тамъ*, въ глубинѣ массы людей побоища, хотя мы, къ несчастью, совершенно не понимали, что̀ именно *тамъ* таится, и не могли бы этого объяснить толково и опредѣленно.

Разумѣется, всѣ, кто былъ въ комнатѣ въ ту минуту, когда вошелъ слуга съ извѣстіемъ о побоищѣ, поспѣшили «своими глазами» удостовѣриться въ томъ, что̀ именно происходитъ въ городѣ. Дамы отправились смотрѣть побоище на балконъ, и несмотря на то, что на дворѣ стояла тьма и что балконъ выходилъ вовсе не на ту сторону, гдѣ

могло происходить побоище, такъ какъ передъ самымъ балкономъ было море, въ волненіи утверждали, что слышно, какъ стрѣляютъ, что слышны стоны, крики, плачъ, и даже огонь какой-то ужасный вспыхиваетъ гдѣ-то на горахъ,— вѣроятно, пожаръ. Между тѣмъ и вѣтеръ и шумъ моря, не дававшіе возможности что-нибудь слышать, и полная тишина и безлюдность набережной могли бы убѣдить въ противномъ, т.-е. что ни пороха, ни плача, ничего этого нѣтъ. Оно въ дѣйствительности такъ и было. Когда мы вышли на широкій дворъ, прилегающій къ дому и выходившій на набережную, то сквозь желѣзную рѣшетку, которою домъ этотъ окруженъ, могли видѣть на далекое разстояніе совершенно пустынную набережную, по которой носились столбы несносной бакинской пыли. Изрѣдка проѣзжалъ экипажъ съ фонарями (фонари здѣсь у каждаго извозчика), и только по быстротѣ его ѣзды можно было чувствовать, что въ городѣ происходитъ что-то тревожное. Улицы, выходящія на набережную и отъ нея поднимающіяся въ центръ города, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должна была происходить драка, также были почти совершенно пусты; изрѣдка попадались прохожіе, то поодиночкѣ, то небольшими группами, но особеннаго оживленія въ нихъ замѣтно не было... Вотъ плетется пьяный солдатъ-матросъ съ ружьемъ на плечѣ и въ разстегнутой шинели. На нашъ вопросъ—«гдѣ побоище и кончилось ли?»—онъ бормочетъ какую-то безсмыслицу и, споткнувшись о камень, падаетъ въ канаву. Поднимаясь все выше по улицѣ и углубляясь въ городъ по направленію къ такъ-называемому Молоканскому саду,—группы людей становятся чаще. Иные очень громко разговариваютъ; слышенъ гдѣ-то въ переулкѣ свистъ, и свистъ, надо сказать правду, разбойничій; переулокъ темный, а вѣтеръ буйный, разнося этотъ свистъ по окрестности, заставляетъ почувствовать что-то жуткое... Но это только минуту. Хотя группы людей попадаются все чаще, но нельзя было не видѣть, что они уже расходятся, что все уже «кончилось» и народъ валитъ по «домамъ»... Вотъ и солдаты, тамъ и сямъ расположившіеся группами, и офицеръ, тревожно расхаживающій по своей линіи, и опять какія-то фигуры, то поодиночкѣ, то группами... По всему можно было замѣтить, что дѣло дѣйствительно окончилось, и теперь толкавшійся на мѣстахъ побоища народъ разсуждалъ о томъ, что было, или отъ-нечего-дѣлать ждалъ, не будетъ ли еще чего? Самое оживленное мѣсто въ эту

пору (былъ уже десятый часъ вечера) было около Молоканскаго сада; садъ этотъ находится поблизости отъ самыхъ бойкихъ и шумныхъ мѣстъ города и, какъ мѣсто гулянья, обставленный трактирами съ арфистками, которыхъ такъ любятъ посѣщать разнообразнѣйшіе пришлые элементы морскихъ и фабричныхъ рабочихъ разнаго званія и положенія, садъ представляетъ мѣсто довольно оживленное и бойкое: здѣсь всегда много народу. Изъ разговоровъ толпившагося здѣсь люда, изъ котораго многіе были съ начала и до конца, а иные, какъ кажется, даже и участвовали, ничего существенно-важнаго, при всемъ нашемъ желаніи, разузнать оказалось невозможнымъ. Именно въ чемъ дѣло-то, никто не могъ намъ растолковать: ни участники, ни зрители, ни даже «очевидцы», хвалившіеся, что все видѣли своими глазами, и притомъ съ начала и до конца...

— Видите ли...—начиналъ-было какой-нибудь изъ этихъ очевидцевъ.—Я самъ былъ и видѣлъ. Дѣло очень просто: началось съ того, что одинъ рабочій, матросъ, пришелъ въ лавку, въ чайную, и разбилъ спьяну лампу, а хозяинъ ударилъ его за это по мордѣ.

— Нѣтъ, не ударилъ,—вовсе этого не было. Хозяинъ сталъ требовать десять цѣлковыхъ, а мастеровой закричалъ: «грабятъ!»—ну, и пошло.

— Но почему же онъ закричалъ: «грабятъ», когда его не грабили?

— Да потому, что всѣ пьяны были. Очень просто!

— Нѣтъ-съ, не потому-съ!.. Онъ требуетъ десять цѣлковыхъ, когда, можетъ-быть, она и трехъ рублей не стоитъ! Даже и рубля, можетъ-быть, не стоитъ. Нѣтъ, они—порядочные мошенники... Ужъ ежели ободрать человѣка, такъ они—мастера, это что говорить!

— Все-таки какъ же это всеобщее-то буйство началось?

— Да видите: оно, буйство-то, началось теперь дѣйствительно по случаю того, что подпили, подгуляли. Что ужъ! Надо говорить прямо, водочка-матушка тутъ дѣло не послѣднее, а надо вамъ сказать, что еще двѣ недѣли тому назадъ ужъ что-то затѣвалось... Помните, какъ осла пускали?

— Какого осла?

— Да изъ саду, на воздушномъ шарѣ осла пускалъ французъ какой-то.

— Ну такъ что же?

— Ну, тогда тоже народу скопилось около саду — глядѣть, какъ полетитъ оселъ въ небо... Ну, а какъ поднялся шаръ, да осла-то ударило объ загородку мордой, тутъ они и загалдѣли!..

— Кто?

— Тутъ больше, кажется, татары...

— Всѣ галдѣли... Какое это удовольствіе? Привязать животное и пустить его чортъ знаетъ куда,—увеселенье, нечего сказать! Тутъ тогда всѣ было-бросились... Дѣло до того дошло, что французъ-то этотъ поѣхалъ въ фаэтонѣ за осломъ за городъ, искать.

— Что-жъ, нашелъ?

— Нашелъ. Здравъ и невредимъ. Стоитъ и оретъ. Ну, онъ его привезъ чуть ли не въ фаэтонѣ, показалъ публикѣ—живъ, молъ. Ну разошлись. А то такъ и лѣзутъ... Такъ вотъ видите: и тогда было озлобленіе...

— На кого же? На француза или на татаръ? Да и при чемъ же тутъ татары?

— Какъ при чемъ? Плуты! Очень просто! Они вонъ всю землю городскую разворовали—въ одну ночь сколотитъ какую-нибудь печурку изъ камней на пустомъ мѣстѣ, а по ихнему закону она его, земля-то, ежели застроена... Откуда же они богачами-то дѣлаются? Все отъ этого, отъ плутовства!..

— Такъ позвольте!—въ полномъ недоумѣніи вопрошаетъ внимательный слушатель этого разговора и разъясненія.— Я все-таки не понимаю... При чемъ же тутъ оселъ?

— Оселъ тутъ къ тому, что въ народѣ есть ожесточеніе... Вотъ почему я объ ослѣ упомянулъ. Потому, что дума у насъ безголовая—вотъ почему!

— Это вѣрно!—говоритъ кто-то съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Тамъ все захватчики орудуютъ, воротилы... Вотъ отъ этого и выходитъ безобразіе.

— Такъ народъ захватчиковъ хотѣлъ проучить?

— И захватчиковъ, да и такъ вообще...

— То-есть?

— Чего «то-есть»? Кабы у насъ полиція была, такъ ничего бы не было!.. А то, я говорю, нешто у насъ дума?

— Какая у насъ полиція! Смѣхъ одинъ... Только у губернаторскаго дома и есть одинъ городовой, похожъ на человѣка, а то дуракъ на дуракѣ, шуты гороховые, а не полиція!..

— Вотъ я про это самое и говорю!.. Я говорю: будь у насъ порядокъ—ничего бы и не было! А то четыре человѣка какихъ-то одровъ лѣзутъ на тысячу человѣкъ пьянаго народа—что же они могутъ сдѣлать?

— Да почему народъ-то лѣзетъ?

— Да потому и лѣзетъ, что нѣтъ начальства, вотъ почему! Кабы былъ живъ генералъ (я забылъ фамилію), такъ при немъ бы этого не было... Нѣ-ѣтъ!.. Пррри ннемъ бы, братъ, не разгулялись!

— При немъ-то? праху бы не оставилъ!

— Прри немъ бы ужъ извини! Онъ и безъ войска, одинъ бы всю эту сволочь разогналъ въ секунду!.. Ужъ онъ бы сумѣлъ... Бывало, гаркнетъ да топнетъ ногой—такъ... упаси, Царица Небесная!

— А что, почтенный, нѣбо у него черное было?—иронически спрашиваетъ одинъ изъ слушателей.

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да я хотѣлъ узнать, какой породы...

— Не знаю, черное или зеленое, или, можетъ-быть, синее, а что вашему брату спуску бы не далъ! Нѣтъ, не попировали бы вы у него!

— А вы какого-такого нашего брата знаете? Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

— Да я вотъ тутъ все глядѣлъ, какъ вотъ такіе-то, на тебя похожіе — братья, должно-быть — стекла изъ домовъ вышибали, а солдаты ихъ прикладами по спинѣ дули...

— По чемъ?

— По спинѣ.

— И чѣмъ же это?

— А прикладами, голубчикъ, прикладами... Что, не чешется спина-то?

— Нѣтъ, у меня ничего! Не чешется. А у кого-нибудь и очень зудитъ... Прикладами! Нѣтъ, господинъ, нонче эта консервативческая мѣра не годится...

— Мудреныя слова говоришь, а все-таки спину-то чешешь послѣ приклада-то?

— Эту консервативность пора оставить! Довольно! Спина у насъ точно чесалась отъ этихъ древнихъ обычаевъ. Теперь кабъ у васъ не зачесалась... Ишь ты какъ ловко — «сволочь бы разогналъ»!.. Самъ ты сволочь, я вижу!..

— А не хочешь, позову офицера?

— Я самъ офицеръ!—поспѣшно отходя отъ разговари-

вающей группы, громко, во всю мочь, заключаетъ оппонентъ «очевидца» и, ругаясь, исчезаетъ въ темнотѣ.

— Ужъ этотъ навѣрно былъ!

— Да я самъ его видѣлъ! Это непремѣнно поджигатель. Какъ есть такую морду я видѣлъ, какъ лавку тушили...

— Чью лавку?

— Да вотъ тутъ на углу, не знаю...

— Почему же ее сожгли?

— Почему, почему! Подите, разберите, почему? Потому что порядку нѣтъ никакого...

2.

. . . . . .

Наслушавшись такихъ, ничего не разъясняющихъ свѣдѣній и разсужденій, мы уже въ двѣнадцатомъ часу ночи возвратились по пустынной бакинской набережной домой, т.-е. къ тому же гостепріимному хозяину, у котораго проводили вечеръ. Бурдюкъ уже былъ откупоренъ, вино разлито въ бутылки, и ужинъ готовъ. Къ прежнимъ лицамъ присоединилось много новыхъ собесѣдниковъ, и разговоръ, на этотъ разъ «оживленный» происходившими въ городѣ событіями (да и стаканчики «боченочками» наполнялись весьма аккуратно), сдѣлался всеобщимъ и шумнымъ. Къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы почерпнули изъ разговоровъ съ очевидцами на мѣстѣ побоища, прибавилось множество новыхъ, принесенныхъ новыми посѣтителями, изъ которыхъ иные сами были очевидцами, а другіе разсказывали то, что слышали отъ очевидцевъ. И, несмотря на такое обиліе свѣдѣній, все-таки не было никакой возможности выяснить себѣ какой-нибудь существенный резонъ, никакой возможности найти видимый и ясный центръ всего происходившаго, отъ шума и хожденія толпами по базару до бросанія каменьевъ, поджога и разбитія лавокъ включительно.

То какъ-то выходило, что резоновъ для всего происходившаго очень много, то не оказывалось ровно никакихъ резоновъ, кромѣ того, что, «молъ, праздникъ, народъ пьянъ». Но едва дѣло упрощалось до такой степени, какъ само собой для всѣхъ становилась ясною вся нерезонность такой простоты взглядовъ. Народъ празднуетъ девяносто дней въ году, а въ кабакѣ бываетъ и того чаще—отчего же именно сегодня водка довела его до сожженія двухъ лавокъ и свалки, въ которой, какъ разсказываютъ, были и убитые?

Кто-нибудь, «углубившись» въ корень дѣла, выскажетъ, положимъ, такую мысль: «Помилуйте! теперь масса рабочихъ безъ дѣла: съ одной желѣзной дороги пришло болѣе пятисотъ человѣкъ... бѣдность!.. Я самъ видѣлъ множество рабочихъ, которые готовы работать за тридцать копеекъ въ день...» И едва вы начинаете соглашаться, что мнѣніе это имѣетъ свои резоны, какъ другой собесѣдникъ возражаетъ: «Такъ что же, неужели этимъ тысячамъ полегчаетъ отъ того, что они разнесутъ лавчонку какого-нибудь Абдулки? Что же, развѣ они отъ этого получатъ больше тридцати копеекъ?»—«Такъ-то такъ... да вѣдь вы посмотрите—вѣдь у насъ даже ночлежныхъ домовъ нѣтъ... вѣдь это все-таки люди... Извольте-ка безъ крова и пристанища...»—«И опять-таки все это вѣрно, но въ томъ, что нѣтъ ночлежныхъ домовъ,—развѣ виноватъ Абдулка? Объ этомъ ужъ дума должна позаботиться, а Абдулка тутъ не при чемъ...» Да, оно такъ... А когда мы, слѣдуя логическому теченію мыслей, начинали говорить о думѣ и самоуправленіи, то договорились въ концѣ концовъ до Богъ знаетъ какихъ неожиданностей: напримѣръ, до свободы печати, при чемъ, повидимому, терялась всякая связь съ тѣмъ, что происходило; и дѣйствительно: что общаго между свободой печати и негодованіемъ массы на то, что оселъ ушибъ себѣ морду о загородку въ городскомъ саду? Или татариномъ, который разсердилъ рабочаго, потребовавъ съ него десять рублей за разбитую лампу? «Къ чему тутъ свобода печати, когда всѣ были пьяны...»

Словомъ, чѣмъ больше накоплялось свѣдѣній и наблюденій очевидцевъ и не-очевидцевъ, тѣмъ болѣе терялась возможность дать тому, что происходило, какое-нибудь ясное и опредѣленное объясненіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, въ Чикаго, происходило большое волненіе между желѣзнодорожными служащими и рабочими. Тамъ компанія желѣзной дороги нашла нужнымъ сильно сбавить заработную плату всѣмъ служащимъ и рабочимъ. Рабочіе и служащіе составили стачку противъ компаніи и вступили съ ней въ борьбу. Тутъ борьба понятна: одна сторона нажимаетъ на другую. Понятенъ и ужъ совершенно ясенъ и самый родъ борьбы: когда для прекращенія стачки и защиты интересовъ желѣзнодорожниковъ явилось войско, толпа рабочихъ овладѣла пушками и стала просто-напросто разбивать желѣзнодорожныя постройки; изъ пушекъ стрѣляли въ вокзалъ, въ вагоны, съ совершенно ясной цѣлью нанести вредъ,

причинить убытокъ врагу, заставить его сдаться. Въ этомъ дѣлѣ, какъ видите, все ясно до послѣдней степени: стрѣляютъ изъ пушки прямо въ сундукъ, въ карманъ, который не хочетъ сдаться. Абдулку тутъ никто не трогаетъ; виноватъ сундукъ — и бьютъ прямо въ сундукъ; торговку съ тряпками также никто не бьетъ, потому что и она, какъ Абдулка, въ этомъ, какъ говорится, «не причинна». Вотъ именно такой-то ясности и нельзя было достигнуть въ объясненіи волненія, происходившаго въ Баку, несмотря на множество мельчайшихъ подробностей, разсказанныхъ очевидцами и не-очевидцами.

Странное нравственное состояніе испытывали мы, разсуждая объ этихъ новостяхъ дня; всѣ мы были интеллигентные, а всѣ современные интеллигентные люди, какъ извѣстно, скучаютъ, томятся, жаждутъ и не получаютъ, одновременно и терпятъ и не надѣются. Намъ скучно и даже трудно всегда и вездѣ — и дома, и на улицѣ, и въ думѣ, и въ земствѣ, и въ театрѣ. И дѣятельность насъ не удовлетворяетъ—ни общественная ни частная—не удовлетворяетъ ни семейная ни общественная жизнь. Гнететъ насъ тягота безцѣльности существованія и точитъ червь тоски. Какъ при такомъ состояніи духа не отвести душу въ разговорѣ по поводу такого событія, какъ народное побоище? И мы за ужиномъ много и оживленно о немъ разговаривали. На ряду съ подробностями очевидцевъ, мы высказывали наши интеллигентныя соображенія, давали объясненія, толковали о мѣропріятіяхъ. Большинство изъ присутствовавшихъ за ужиномъ не было поклонниками палки, какъ мѣропріятія всеустрояющаго, и касались дѣла шире. И что же? Мы высказали совершенно свободно все, что тамъ, въ глубинѣ души, ѣло и томило насъ, всѣ наши негодованія и желанія—и опять ничего яснаго, живого, понятнаго и резоннаго не получилось! Мы все разобрали, всего коснулись, даже, какъ я уже упомянулъ, достигали до разсужденій о свободѣ печати, ширяли по поднебесью, а въ концѣ концовъ опять-таки не получилось центра въ нашихъ разговорахъ. Множество было высказано мыслей, затронуто множество явленій, высказано множество нуждъ, но все это точно дребезги, точно куски, ничѣмъ не соединенные... И когда эти дребезги интеллигентныхъ нравственныхъ потребностей соединились въ моемъ воображеніи съ тѣми дребезгами множества вліяній, также не соединенными другъ съ другомъ, изъ которыхъ складываются такія народныя

проявленія, какъ бакинское побоище, о которомъ шла рѣчь, то я невольно почувствовалъ—и на этотъ разъ совершенно ясно—связь между темной улицей, гдѣ дерется толпа, и этой свѣтлой комнатой, въ которой засѣдаютъ господа. Въ общемъ, картина уличнаго безобразія и картина того безобразія, которое мы, разговаривающіе за ужиномъ, противопоставляли улицѣ въ объясненіе ея безобразій,—все это рисовало такую нравственную тяготу и неурядицу идей, одинаково волнующихъ и гостиную и улицу, отъ которой становилось и холодно и тяжко. И гостиную и улицу волнуютъ массы печалей, желаній, мыслей, но все это вполнѣ лишено здоровья, правильности органическаго развитія, которое даетъ явленіямъ жизни и прочность и поучительность. Ни прочности этой ни поучительности вы не ощущаете ни въ семьѣ, ни въ общественной дѣятельности, ни въ школѣ, ни въ думѣ, ни въ земствѣ, ни наконецъ на улицѣ, гдѣ бьютъ неповиннаго Абдулку. Вездѣ кишатъ идеи и желанія, но они смяты, скомканы, полуживы, безъ начала, конца и центра.

Не знаю ужъ, какимъ образомъ на этомъ же самомъ ужинѣ, среди разговоровъ о подробностяхъ побоища, въ моемъ воображеніи стали возникать воспоминанія, ничего, повидимому, не имѣющія общаго ни съ Кавказомъ ни съ избіеніемъ татаръ на бакинскихъ площадяхъ и въ бакинскихъ переулкахъ. Мнѣ припоминалась наша сѣверная деревня, занесенная сугробами снѣга. Вечеръ, темнота и тишина... По пустынной улицѣ, проваливаясь въ сугробы снѣга, возвышающіеся по сторонамъ узенькой, накатанной дровнями и скользкой, какъ самый лучшій паркетъ, дорожки, идетъ мужикъ, посланный старшиной, живущимъ въ сосѣдней деревнѣ за двѣ версты, пригласить на «совѣщаніе» по какому-то дѣлу особенно авторитетныхъ мужиковъ нашей деревни. Посланный мужикъ зашелъ въ одинъ, въ другой и третій домъ и вездѣ объявилъ, что у старшины сидитъ въ гостяхъ господинъ Черемухинъ, пріѣхалъ изъ города, о чемъ-то хочетъ разговаривать со стариками и вообще съ солидными деревенскими людьми.—«Что-жъ, бумага, что ли, какая есть?»—спрашиваютъ приглашаемые на совѣщаніе.—«Стало-быть, должна быть бумага... — ничего не зная, отвѣчаетъ посланный и добавляетъ:—чай теперича пьютъ съ ромомъ!» Авторитетные мужики нехотя собираются исполнить желаніе старшины. Каждый изъ нихъ въ ту минуту, какъ его потребовали на какое-то совѣщаніе

подумалъ «о своемъ» дѣлѣ: у одного забота платить за лошадь, другой обдумывалъ планъ женитьбы сына, третій строилъ планъ насчетъ сѣна: хотѣлось ему какъ-нибудь «притѣснить» сосѣднюю помѣщицу, чтобы она сдѣлала ему уступку. Словомъ, у всякаго были въ головѣ свои текущіе, насущные заботы и вопросы, вопросы настоящаго дѣла и настоящаго часа. И вотъ съ такими-то «своими» вопросами въ головахъ идутъ приглашенные на совѣщаніе къ старшинѣ. Оказывается, что къ старшинѣ «нарочно» пріѣхалъ изъ города одинъ изъ земскихъ гласныхъ, спеціально ратующихъ за народное образованіе. Гласный этотъ искренно озабоченъ успѣхами народнаго просвѣщенія и благосостоянія. На этихъ же дняхъ онъ намѣренъ прочитать въ собраніи докладъ о ремесленныхъ классахъ при народныхъ школахъ, и такъ какъ есть шансы на то, что земство скупиться не будетъ, то вотъ онъ, чтобы дѣло было дѣломъ, а не перепиской, самъ лично посѣщаетъ тѣ пункты, гдѣ должны быть учреждены классы, не откладывая въ дальній ящикъ, и руководствуется въ этомъ «благомъ» дѣлѣ не произволомъ, хотя бы даже интеллигентнымъ, а народнымъ, общественнымъ мнѣніемъ.—«Такъ вотъ, господа,—говорилъ онъ, обращаясь къ авторитетнымъ деревенскимъ людямъ:—какое же мастерство: токарное, слесарное, кузнечное или какое иное находите вы лучшимъ для вашей мѣстности? Въ какого рода ремеслахъ ощущается наибольшая нужда?» Въ этомъ вопросѣ и въ этомъ намѣреніи пріѣзжаго гласнаго, какъ видите, очень много вниманія къ народу и дѣйствительное желаніе пользы и блага, а едва онъ произнесъ свой вопросъ, какъ и онъ самъ и авторитетные крестьяне почувствовали одно: какую-то неловкость. «Оно такъ-то такъ, а въ то же время какъ будто и глупо»... Тысячу лѣтъ жилъ — и вдругъ, именно сегодня, когда я думаю о сѣнѣ, когда другой думаетъ о свадьбѣ, а третій—о лошади, мы должны рѣшить вопросъ: что̀ для насъ важнѣе: токарное, или слесарное, или какое иное ремесло? Предложеніе исходитъ изъ хорошаго источника и имѣетъ хорошія цѣли, а между тѣмъ отъ него становится какъ-то фальшиво на душѣ у всѣхъ. Почему же именно сегодня, въ восемь часовъ вечера, такъ необходимо оказалось нужнымъ знать, что̀ лучше: токарное или слесарное ремесло? У меня забота со свадьбой, а я думай о токарномъ ремеслѣ. Оно хорошо-то хорошо, да какъ будто бы въ то же время глупо. «Что-жъ,—говоритъ одинъ изъ приглашенныхъ:—токарное

ежели?.. Ничего—можно и токарное! все на пользу»... А другой кашлянулъ и, чувствуя себя въ весьма глупомъ положеніи, прибавляетъ: «Столярное — по столярной ежели части — дѣло тоже не худое... худова нѣту». — «Отъ этого худа не бываетъ», — прибавляетъ третій. И бесѣда истощается. И если бы для поддержанія ея старшина не провозгласилъ, что «много бы лучше заняться по самоварной части, или бы вотъ лампы керосиновыя выдѣлывать»,—желаніе, которое уже всѣмъ показалось нелѣпымъ, то на этихъ похвалахъ столярному и токарному ремесламъ и кончилось бы совѣщаніе съ свѣдущими людьми. Но кончить его такъ глупо совсѣмъ ужъ не годится, и вотъ между гласнымъ и собесѣдниками устраивается соглашеніе на «телѣжномъ дѣлѣ». Дѣлать телѣгу—это лучше всего. Это—и токарное ремесло и столярное, и наконецъ телѣга нужна всякому. Найденъ наконецъ пунктъ полнаго сліянія съ общественнымъ деревенскимъ мнѣніемъ. Всѣ депутаты единодушно свидѣтельствуютъ, что ежели «телѣгу», такъ тутъ худого нѣтъ ничего, «окромя хорошаго». Ушли депутаты, уѣхалъ гласный, преданный народному благу, а какая и у него и у этихъ депутатовъ смута и тягота отъ всего этого дѣла, въ которомъ ничего худого, окромя хорошаго, дѣйствительно вѣдь нѣтъ! И депутаты и гласный чувствуютъ, что бесѣда ихъ была пустая и будетъ имѣть пустые результаты, чувствуютъ потому, что эта сама по себѣ полезная затѣя является безъ связи какъ съ нуждами и заботами сегодняшняго дня, такъ и съ нуждами общенародныхъ потребностей, мѣры для удовлетворенія которыхъ предлагаютъ также по одиночкѣ, безъ связи другъ съ другомъ, такъ же какъ-то «вдругъ». Какъ это вдругъ, въ семь часовъ вечера, понадобилось рѣшить о токарномъ ремеслѣ! Одновременно съ разговорами о пользѣ ремесленныхъ классовъ въ томъ же собраніи идетъ разговоръ о томъ, что для народа нужны земельные банки, при посредствѣ которыхъ народъ можетъ увеличить свою земельную собственность и слѣдовательно благосостояніе. Постановлено: ходатайствовать и т. д. Но разъ дѣло въ самомъ дѣлѣ идетъ объ улучшеніи народнаго благосостоянія помощью увеличенія земельной собственности, надо же имѣть представленіе о томъ, что увеличеніе земли увеличитъ хозяйство, что потребуются въ дѣло всѣ руки, до ручонокъ девятилѣтнихъ дѣтей включительно—кто же и зачѣмъ пойдетъ учиться столярному мастерству? Оба предложенія, обсуждаемыя на одномъ и томъ же собраніи,

одно другое уничтожаютъ, и наша интеллигентная мысль такъ ослабла по части искренности, т.-е. по части здоровья въ мышленіи, по части простоты и смѣлости, что не замѣчаетъ, какъ одно предложеніе дѣлается совершенно ненужнымъ при другомъ, и въ обѣ сами по себѣ хорошія затѣи вноситъ такимъ образомъ недодуманность, непослѣдовательность: въ обѣихъ оставляетъ пустоты, и въ концѣ концовъ получается путаница, трата денегъ, всеобщая неудовлетворенная *скука* въ душѣ интеллигентнаго человѣка и *досада* въ душѣ не-интеллигентнаго.

Побоище бакинское, какъ и другія подобнаго рода массовыя волненія послѣдняго времени, есть именно результатъ нездороваго, пришибленнаго состоянія русской интеллигентной мысли. Проникая въ народныя массы чрезъ разнаго рода общественныя и частныя учрежденія и мѣропріятія, а главное—проникая въ такомъ разорванномъ видѣ, какъ теперь, и, вдобавокъ, въ такомъ не вполнѣ осмысленномъ, а поэтому и не вполнѣ искренномъ видѣ, она неправильно, нездорово волнуетъ народныя массы, затрогиваетъ ихъ во множествѣ отношеній, ни въ одномъ не удовлетворяя; а между тѣмъ массы непосредственно должны на своихъ плечахъ переносить безрезонныя учрежденія и мѣропріятія, которыя, какъ мы уже сказали, проникнуты безрезонностью и неправдивостью вслѣдствіе болѣзненнаго, патологическаго состоянія русской интеллигентной мысли, обремененной большими задачами, но, къ несчастью, не имѣющей возможности свободно и просто разрабатывать ихъ.

Иногда нежизненность интеллигентной мысли (обреченной на то, чтобы не переходить въ дѣйствіе) проявляется у насъ на Руси въ такихъ чертахъ, которыя возбуждаютъ глубочайшую грусть и недоумѣніе. Предъ образованнымъ, развитымъ, понимающимъ человѣкомъ стоитъ, положимъ, фактъ, выдвинутый самой жизнью и требующій именно того развитія и того направленія мыслей, которыми этотъ человѣкъ обладаетъ. Смотритъ онъ на него, понимаетъ, видитъ, и—ничего, точно и нѣтъ передъ нимъ факта, и точно фактъ не тотъ, который ему нуженъ. Вотъ человѣкъ говоритъ вамъ и много и долго о пролетаріатѣ, а передъ нимъ этотъ самый пролетаріатъ стоитъ, и онъ его не видитъ, т.-е. видитъ, но привыкъ такъ думать и такъ поступать, чтобы изъ его мыслей и поступковъ ничего живого не выходило. Сколько мы читали, напримѣръ, статей о сельскохозяйственныхъ школахъ *для крестьянъ*, сколько о нихъ толковали земства,

и недалеко то время, когда на нихъ будутъ тратиться деньги. Совершенно резонное и добросовѣстное желаніе улучшить народное благосостояніе приводитъ къ мысли устроить такія улучшенныя хозяйства, которыя бы были примѣромъ для крестьянъ; крестьяне будутъ заимствоваться примѣрами благоустроенныхъ хозяйствъ, будутъ и сами улучшать свои хозяйства. Такая мѣра, которая можетъ быть осуществлена только при спеціальныхъ средствахъ и много-много въ десяти-двадцати пунктахъ во всей Россіи, признаётся спасительнымъ средствомъ для такой страны, которая на милліонъ верстъ покрыта милліономъ деревень, гдѣ каждый дворъ буквально представляетъ земледѣльческую школу, гдѣ притомъ всякій мальчикъ 5—6 лѣтъ знаетъ, что хорошія сѣмена лучше худыхъ, что хорошая лошадь лучше худой и т. д. И если пашутъ на худыхъ лошадяхъ и сѣютъ плохое сѣмя, такъ именно потому, что обходятся безъ спеціальныхъ средствъ, на которыхъ предполагается основать образцовыя школы. Эти школы считаются дѣломъ большой важности, и о нихъ толкуется какъ о средствѣ, могущемъ противостать развитію въ Россіи бродяжества, бездомовничества и вообще сельскаго пролетаріата. Между тѣмъ передъ глазами всѣхъ, самымъ искреннимъ образомъ (мы не сомнѣваемся въ этомъ ни на минуту) трактующихъ объ этомъ дѣлѣ и на всѣхъ путяхъ и всякими способами отстаивающихъ его, стоитъ огромный пролетаріатъ: дворянскій, чиновническій, поповскій пролетаріатъ, выросшій на даровыхъ хлѣбахъ крѣпостного права, не пріютившійся ни въ спеціальныхъ школахъ (которыхъ почти нѣтъ), не имѣющій возможности, по недостатку средствъ, пройти всю лѣстницу общаго образованія... И этотъ огромный пролетаріатъ не представляется вопросомъ, требующимъ разрѣшенія! Хорошо еще, если по временамъ выйдетъ какой-нибудь циркуляръ, въ родѣ циркуляра объ учрежденіи института урядниковъ, и сразу потребуется масса нетрудящихся людей за приличное вознагражденіе; тогда нѣсколько тысячъ человѣкъ такого пролетаріата выбираются изъ него; но, получивъ готовый кусокъ, эти тысячи женятся и производятъ потомство, которое также потребуетъ новаго циркуляра, приглашающаго явиться получать жалованье всѣхъ, кто ничему не учился и ничего дѣлать не умѣетъ.

Если для кого нужны земледѣльческія училища, такъ *именно для этого рода пролетаріата*, чтобы ласково, а не помощью грубой и ожесточающей нужды привести къ неза-

висимому труду, вовсе не мѣшающему быть и порядочнымъ и образованнымъ человѣкомъ,—труду, прекращающему типъ обивателя пороговъ, ничего не дѣлающаго Гамлета,—человѣка, безплодно тоскующаго и пропадающаго въ поискахъ какихъ-нибудь средствъ существованія. Это наше русское, обязательное для насъ рѣшеніе вопроса о пролетаріатѣ: рѣшить его не мордобитіемъ и не развитіемъ дармоѣдныхъ карьеръ, а просто и по-божески привлеченіемъ къ благородному труду, къ независимому существованію трудами рукъ своихъ, къ превращенію дармоѣдныхъ Гамлетовъ въ хозяевъ. Но, чтобы рѣшать такъ просто и справедливо насущнѣйшіе вопросы, которые дала намъ жизнь и въ важности которыхъ убѣдилъ насъ европейскій опытъ, надо уважать *свои* мысли и стоять за нихъ и за право ихъ логическаго осуществленія въ жизни. А вотъ мы именно этимъ и несчастны. Мысли у насъ есть, но чтобы *изъ нихъ сдѣлать жизнь*—мы этого не умѣемъ, потому что не смѣемъ и отвыкли смѣть, и наши благороднѣйшія мысли, вслѣдствіе коренного нашего недуга, не осуществляются логически. Вѣроятно, такой нелогическій результатъ ожидаетъ и земледѣльческія школы и вопросъ о городскомъ пролетаріатѣ. Чувствуется, что земледѣльческія училища также поглотятъ массу этого пролетаріата, но поглотятъ нехорошо и безъ толку: городской пролетаріатъ пристроится въ нихъ въ качествѣ опытныхъ куроводовъ, спеціальныхъ коровниковъ, главныхъ надзирателей, скотныхъ инспекторовъ, помощниковъ смотрителей, экономовъ и экзекуторовъ, высшихъ ветеринаровъ и низшихъ агрономовъ и т. д. Все это «пристроится» въ новенькихъ квартиркахъ, будетъ играть на гитарѣ: «Вотъ какъ желалъ бы я любить»... а потомъ и хищеніе обнаружится. А мужикъ останется при худой скотинѣ и при худыхъ сѣменахъ, потому что купить ихъ не на что—иначе онъ это сдѣлалъ бы и безъ школы.

Конечно, этихъ незначительныхъ фактовъ и ихъ поверхностнаго объясненія недостаточно для того, чтобы читатель могъ представить себѣ всю сложную картину нашего тяжкаго нравственнаго состоянія, но все-таки и изъ нихъ можно видѣть, что мы несчастны оттого, что не слушаемся голоса нашей совѣсти, не покоряемся нашему сознанію, которое неотразимо приводитъ насъ къ убѣжденію, что мы, какъ народъ, начинающій жить, обязаны основать свое нравственное развитіе на заботѣ о благоустройствѣ массъ. Начать жить съ хлопотъ о неблагоустройствѣ невозможно.

Хлопотать о томъ, напримѣръ, чтобы благоустроенная деревня разстроилась, немыслимо; надобно только открыто и прямо сознать, что именно на роду намъ написано, и не бояться логическихъ послѣдствій. Но были причины, которыя насъ напугали, сбили съ толку: «соблазнили» и обезсилили, и вотъ обезсиленная мысль наша, проявляясь въ обезсиленномъ, тускломъ, нездоровомъ видѣ въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и просачиваясь чрезъ нихъ въ томъ же тускломъ, тревожащемъ и неудовлетворяющемъ видѣ въ массы, для блага которыхъ мы дѣлали всѣ эти тусклыя, безрезультатныя дѣла, тревожитъ ихъ, надоѣдаетъ имъ, мутитъ ихъ и приводитъ къ безрезультатнымъ безобразіямъ.

3.

Въ этомъ смыслѣ бакинское побоище и многосложно, и безрезультатно, и безобразно, и если можетъ быть представлено въ мало-мальски связномъ и опредѣленномъ видѣ, то только исключительно съ полицейской точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія о немъ можно сказать нѣчто, имѣющее и начало, и середину, и конецъ *).

---

*) По этимъ полицейскимъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ дѣло было такъ:

«27-го февраля, около четырехъ часовъ пополудни, въ чайную лавку подъ гостинницею «Италія» зашло нѣсколько человѣкъ русскихъ чернорабочихъ, совершенно пьяныхъ. Одинъ изъ нихъ нечаянно разбилъ лампу, за которую хозяинъ лавки потребовалъ десять рублей. Рабочіе стали кричать, что татары ихъ грабятъ. Произошла перебранка, перешедшая вскорѣ въ драку между русскими и находившимися въ лавкѣ татарами, при чемъ была перебита посуда и во второй комнатѣ лавки разнесенъ очагъ. Не удовольствовавшись этимъ, рабочіе стали звать товарищей съ улицы на выручку. На ихъ крикъ стали подходить возвращавшіеся изъ городского сада, и вскорѣ образовалась толпа, приблизительно въ 200 человѣкъ, начавшая грабить лавку и бить проходившихъ мусульманъ. Прибывшіе на мѣсто, сначала дежурный помощникъ пристава, а потомъ полицеймейстеръ съ приставомъ, казаками и городовыми, тщетно старались усмирить разбушевавшуюся толпу, разграбившую дочиста на ихъ глазахъ лавку подъ гостинницею. Вскорѣ съ угла Красноводской и Торговой улицъ стала надвигаться новая, весьма значительная толпа, приблизительно въ 500 человѣкъ, вооруженная палками. Увидя подкрѣпленіе, успокоившаяся нѣсколько толпа вновь заволновалась. Полицеймейстеръ съ приставомъ Визировымъ, пятью казаками и тремя городовыми, поспѣшили навстрѣчу приближавшейся толпѣ, надѣясь не допустить ее до соединенія съ первою толпою. Дѣйствительно, на короткое время удалось имъ задержать передніе ряды напиравшихъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ были отобраны палки, но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ. Раздались крики: «Не слушай, бей *ихъ*

Но правильность и округленность въ описаніи такихъ неожиданныхъ и во многомъ непонятныхъ явленій, какъ такъ-называемые «безпорядки», особенно часто повторяющіеся на югѣ Россіи, правильность, ограниченная точнымъ указаніемъ «пунктовъ» волненій и заполненная не менѣе точнымъ перечисленіемъ разбитыхъ стеколъ, разломанныхъ домовъ и разграбленныхъ лавокъ, нисколько не погрѣшая въ топографіи и статистикѣ событія, тѣмъ не менѣе придаетъ этому событію совершенно неточный и неправильный видъ.

всѣхъ!» Постепенно тѣснимый по направленію къ гостинницѣ «Италія», полицеймейстеръ видѣлъ себя не въ силахъ остановить разъяренную толпу, уже начавшую разбивать другую лавку, и поручилъ приставу доложить губернатору о происходившихъ безпорядкахъ и просить распоряженія о присылкѣ военной силы. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія о присылкѣ войскъ, губернаторъ лично отправился туда, гдѣ происходили главнѣйшіе безпорядки.

«Въ это время полицеймейстеръ пытался подѣйствовать на толпу внушеніями, но всѣ его усилія остановить грабежъ и буйство остались безуспѣшными; толпы нельзя уже было удержать, и она все болѣе и болѣе надвигалась на полицейскихъ чиновъ и казаковъ. Полицеймейстеръ, получивъ два удара рукой по головѣ и одинъ камнемъ въ плечо, былъ втиснутъ толпою въ двери гостиницы «Италія», которыя немедленно за нимъ захлопнулись. Спустя ¼ часа, въ то самое время, когда полицеймейстеръ съ прибывшими пятью конными казаками, оставивъ гостиницу, старался разогнать толпу, грабившую лавку бакинца, значительная часть пьяной и буйствующей толпы направилась къ сторонѣ Прачечной улицы, разбивая находящіяся по пути лавки. Прибывшій на мѣсто безпорядковъ губернаторъ, полагая, что войскъ мѣстнаго батальона будетъ недостаточно, послалъ въ портъ за ротой моряковъ. Между тѣмъ безчинство приняло крайне острый характеръ: явились подстрекатели, начались поджоги лавокъ. Подоспѣвшая наконецъ мѣстная воинская команда пріостановила дальнѣйшее распространеніе безпорядковъ.

«Высланныя по распоряженію губернатора войска—полурота 4-й роты, 2-я рота мѣстнаго батальона и рота Каспійскаго экипажа—оставались на мѣстахъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ указывалась къ тому необходимость, до 9 часовъ вечера, послѣ чего, за прекращеніемъ безпорядковъ, 2-я рота была отправлена въ свою казарму, полурота 4-й роты оставлена при городской полиціи, а для усиленія средствъ къ охраненію безопасности въ городѣ была оставлена на ночь рота моряковъ, разставленная значительными патрулями на разныхъ пунктахъ, и, кромѣ того, былъ усиленъ караулъ въ городской тюрьмѣ 15-ю нижними чинами. Ночь прошла спокойно.

«На другой день, 28-го февраля, все было спокойно до 9 часовъ утра, и народъ если и скоплялся, то только изъ любопытства. Около 9 часовъ въ Карантинѣ, толпою приблизительно въ 300 человѣкъ, разграблена чайная лавка бакинца Ирза-Мамедъ-Оглы, но дальнѣйшій грабежъ былъ прекращенъ въ этой мѣстности подоспѣвшими моряками. Въ предупрежденіе повторенія безпорядковъ были потребованы губернаторомъ 1-я, 3-я и 4-я роты мѣстнаго батальона. Затѣмъ часть толпы

Прочитавъ такое топографически и статистически точное описаніе, въ родѣ того, которое мы привели, читатель видитъ передъ собой только грабящую и бушующую толпу и невольно долженъ изумиться передъ вопросомъ о томъ, откуда могла взяться такая масса людей, жаждущихъ грабежа? Если даже читатель и не повѣритъ, несмотря на описаніе, существованію въ волновавшейся толпѣ исключительно грабительскихъ наклонностей, то все-таки онъ будетъ удивленъ необыкновенной цифрой ожесточенныхъ людей, вдругъ, внезапно, появляющихся на улицахъ того или другого города, иногда совершенно незначительнаго и мало населеннаго. Откуда взялась такая масса буйнаго народа? Гдѣ она была прежде и наконецъ куда скрылась послѣ того, какъ побушевала два-три дня? А между тѣмъ полицейски-опредѣленное описаніе (такого рода опредѣленностью, къ сожалѣнію, грѣшатъ и нѣкоторыя газетныя корреспонденціи), волей-неволей изображающее неизвѣстно откуда взявшуюся ожесточенную толпу, какъ разбойниковъ и грабителей, сулитъ и мѣропріятія противъ нихъ въ томъ же неизбѣжно-правильномъ направленіи, то-есть остроги, суды. То-есть сулитъ цѣлый рядъ если не совершенныхъ неправдъ, то ужъ, навѣрное, безплодно раздражающихъ и ничего не достигающихъ строгостей.

4.

Не менѣе такой полицейской правильности взгляда на дѣло будетъ несправедлива и всякая другая «правильность», всякое другое однообразное освѣщеніе факта. Попробуйте, пожалуйста, посмотрѣть на «эти дѣла», какъ исключительно на

подвинулась къ вокзалу желѣзной дороги и успѣла тамъ напасть и разграбить двѣ сакли.

«Остальной день прошелъ въ скопленіяхъ на улицахъ. Масса праздная народа, производя крики и шумъ, нападала и бросала каменьями въ проходившихъ мусульманъ. Къ семи часамъ вечера въ городѣ повсемѣстно возстановились порядокъ и спокойствіе, не нарушавшіеся и въ слѣдующіе дни.

«При усмиреніи толпы не было употреблено въ дѣло ни холоднаго ни огнестрѣльнаго оружія; пѣхота дѣйствовала прикладами, а казаки—плетью.

«*Результаты* безпорядковъ слѣдующіе: разграблено 15 лавокъ, на сумму около 10 тысячъ рублей; поранено и убито 10 человѣкъ. Кромѣ того у десяти чиновъ мѣстной команды ружейныя ложи разбиты камнями.

«Всѣхъ задержано 70 человѣкъ изъ русскихъ чернорабочихъ, обвиняемыхъ въ возстаніи, въ поджогѣ, грабежѣ и оскорбленіи властей».

войну «капитала и труда». Факты есть: 500 человѣкъ рабочихъ на желѣзной дорогѣ были разсчитаны передъ самыми бакинскими безпорядками и явились въ Баку безъ денегъ и безъ пристанища; нефтяной кризисъ, постоянно сопровождающій рабочихъ на нефтяныхъ заводахъ, наконецъ просто неаккуратные платежи этими заводами денегъ и т. д.,—и вотъ ужъ есть достаточный доводъ для того, чтобы объяснить это дѣло въ другомъ и совершенно опредѣленномъ направленіи. Но малѣйшаго вниманія къ дѣлу достаточно для того, чтобы видѣть, что правильность, или, по крайней мѣрѣ, основательность такого объясненія сомнительна. Любой нефтепромышленникъ скажетъ вамъ, что это не такъ, и приведетъ такой примѣръ: рабочіе, приходя за расчетомъ въ конторы заводовъ, говорятъ: «Вы, господа, дайте намъ хоть что-нибудь на продовольствіе... А тамъ остальное, когда поправитесь; мы и сами знаемъ, что у васъ денегъ нѣтъ ни копейки. Чего ужъ!» Ни желѣзная дорога, которая разсчитала 500 человѣкъ рабочихъ, ни заводы, которые ихъ постоянно разсчитываютъ и, стало-быть, оставляютъ на улицѣ, да еще въ чужой сторонѣ,—словомъ, ни одинъ изъ прямыхъ виновниковъ увеличенія на улицахъ голоднаго народа не тронуты; всѣ здравы и невредимы и не подвергаются ни малѣйшей опасности. Не подходитъ къ этому и окраска волнующейся толпы въ «пьяную чернь». Въ 1881 г. въ Баку происходили безпорядки во много разъ сильнѣйшіе, и главное зерно дерущихся были бондари, люди вполнѣ обезпеченные, вырабатывавшіе по сто рублей въ мѣсяцъ, наряжавшіе женъ въ парчевыя душегрѣйки. Когда одного изъ такихъ бондарей, арестованнаго во время безпорядковъ, спустя долгое время допрашивали у слѣдователя, то онъ, желая доказать свое отсутствіе во время безпорядковъ, говорилъ такія рѣчи:

— Гдѣ же вы были въ то время? — спрашивали его.

— Я дѣлалъ визиты.

(Побоище было на Святой).

— А на слѣдующій день?

— А на другой день, само собой, долженъ былъ визиты принимать. Очень, кажется, понятно!

Какая же это чернь и голытьба!

Точно также не будетъ вполнѣ согласно съ истиной, если свести дѣло на національную вражду русскихъ и татаръ—какъ въ Баку, или русскихъ и евреевъ — какъ вообще на югѣ. Если читатель помнитъ письмо крестьянина, напеча-

танное нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ, вѣроятно, не забылъ, что въ письмѣ этомъ, рекомендующемъ «бить жидовъ», всего менѣе говорилось объ этихъ послѣднихъ, а напротивъ — рѣчь автора особенно была оживлена и гнѣвна, когда касалась поведенія духовныхъ лицъ, судей, помѣщиковъ и т. д., — все людей русскихъ; точно также въ безпорядкахъ бакинскихъ невозможно всего дѣла исчерпывать національною враждою русскихъ и татаръ. Ознакомившись весьма подробно съ исторіей волненій въ Баку въ 1881 году, я, къ великому моему удивленію, увидѣлъ, что изъ числа *трехъ*, отмѣченныхъ полиціею (состоящею преимущественно изъ татаръ и, какъ утверждаютъ русскіе, мирволящею татарамъ) вожаковъ, которые особенно бунтовали и больше всѣхъ кричали: «пойдемъ, ребята, разбивать и бить!», былъ одинъ только русскій, бондарь, прозванный Скобелевымъ, который однако никакихъ возгласовъ не произносилъ, — по крайней мѣрѣ, изъ дѣла этого не видно, — а остальные два вожака *противъ татаръ*, какъ бы вы думали, кто были? Одинъ — *татаринъ* Сякаевъ, а другой — даже невѣроятно сказать — *еврей* Ш — нъ! Вотъ вамъ и борьба русскихъ съ татарами!

Не подходитъ къ національной враждѣ также и такой фактъ, разсказываемый «подлинными» очевидцами безпорядковъ 1881 г.: толпа бондарей идетъ вдоль улицы и бросаетъ камнями въ убѣгающихъ татаръ и татарскіе дома. Одинъ изъ этихъ камней попадаетъ въ мечеть; татаринъ-сторожъ выходитъ изъ нея и говоритъ толпѣ враговъ: «Ребята! здѣсь мечеть!» И на эту *просьбу* (собственное показаніе татарина) русскіе отвѣтили тѣмъ, что прекратили побоище и ушли въ другое мѣсто.

И чѣмъ больше мы будемъ искать опредѣленности, тѣмъ неопредѣленность все будетъ становиться шире и шире. Послѣ перваго дня безпорядковъ (1881 г.), когда въ полиціи сидѣло множество арестованныхъ, толпа подвалила къ полицейскому зданію и стала требовать освобожденія. Пріѣхалъ полицеймейстеръ, потомъ — прокуроръ; толпа, молча, дожидалась исполненія своихъ желаній, только одинъ вышеупомянутый *татаринъ* отрицалъ во всеуслышаніе пользу и просьбъ и разговоровъ съ начальствомъ, крича: «Чего тутъ разговаривать, пойдемъ разбивать!» Послѣ нѣкотораго времени терпѣливаго ожиданія, заключенные были выпущены, и толпа разразилась громкими криками «ура!».

«Казалось, — разсказываетъ также вполнѣ подлинный очевидецъ:—что она была вполнѣ удовлетворена и благодарна. Ни малѣйшаго желанія затѣвать драку ни у кого не было; два бондаря, отправившись въ зданіе полиціи, осмотрѣли его во всѣхъ подробностяхъ и объявили во всеуслышаніе: «Никого нѣтъ, всѣхъ выпустили! иди, ребята, по домамъ!» И толпа повалила по домамъ. Но толпа татаръ, принявъ крики «ура» за воинственные возгласы, бросилась бѣжать отъ русскихъ, а русскіе «для смѣху» бросились за ней... Мальчишки стали бросать камни, а напуганные татары, загнанные въ какой-то переулокъ, стали защищаться также камнями — и опять произошла драка. Одинъ поступокъ и хорошъ и резоненъ, а другой — сейчасъ же сущая «зрятина», для смѣху, безъ надобности и цѣли...

Эта смѣсь нужнаго и ненужнаго, то-есть сколько-нибудь резоннаго и вовсе ничѣмъ необъяснимаго — на каждомъ шагу. Окровавленный персъ вбѣгаетъ во дворъ одного обывателя, а за нимъ гонится толпа въ 300 человѣкъ. — «Что вы дѣлаете?» — обращается къ нимъ обыватель. — «Да вотъ съ кинжаломъ поймали... вѣдь зарѣжетъ кого-нибудь, анаѳема». — «Вы вѣдь его убьете и будете отвѣчать за убійство. Его надо отвести въ полицію, и тамъ его накажутъ по закону».—«Ну, веди въ полицію! Тогда мы его и пальцемъ не тронемъ». — «Честное слово?» — «Русскіе, — разсказываетъ обыватель: — дали мнѣ честное слово и дѣйствительно оставили перса въ покоѣ, дождавшись однако, пока я сѣлъ въ фаэтонъ и посадилъ съ собою перса... Толпа ушла. Но тотчасъ нахлынула другая, и одинъ изъ этой толпы ни съ того ни съ сего ударилъ этого перса желѣзной палкой. Хорошо, что подоспѣли люди изъ той толпы, которая дала мнѣ слово не трогать, и битье прекратилось».

При такихъ колебаніяхъ въ настроеніи волнующагося народа «случайность», часто совершенно ничтожная, имѣетъ огромное значеніе. Описанное побоище началось изъ-за лампы, за которую хозяинъ потребовалъ 10 рублей, а въ 1881 году случай, изъ-за котораго возникло волненіе, гораздо болѣе сильное, былъ еще удивительнѣе. Русскіе ходили по базару, заходили въ кабаки (праздничное время), а на базарѣ, въ какомъ-то пунктѣ, стоялъ татаринъ-полицейскій, и всякій разъ, когда мимо него проходилъ русскій, онъ издавалъ ртомъ какой-то звукъ. Что это былъ за звукъ — изъ дѣла нельзя понять. И почему именно этотъ

звукъ обижалъ русскихъ — также объяснить невозможно. Только въ концѣ концовъ русскіе «не вытерпѣли», и началась свалка, сопровождавшаяся и разбитіемъ лавокъ, и уничтоженіемъ безвредныхъ лотковъ съ пряниками, и бросаніемъ камней, и такими великодушными требованіями, какъ освобожденіе заключенныхъ и «уваженіе» просьбы сторожа мечети, и совершенно безцѣльными мордобитіями и жестокостями.

Слово «вожакъ», при такомъ многосложномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленномъ направленіи мыслей толпы, также какъ будто ничего не значитъ, а съ другой стороны — какъ будто и означаетъ что-то. Вотъ, напримѣръ, хоть бы этотъ русскій вожакъ, которому дали кличку Скобелевъ. По разсказамъ, это былъ «рыжій бондарь», «предводительствовавшій» толпой. Встрѣтивъ это слово въ газетной корреспонденціи, читатель можетъ подумать, что толпа избрала себѣ предводителя, что предводитель понималъ и зналъ ея цѣли, иначе бы онъ и не былъ предводителемъ, что вообще у этой, какъ будто неорганизованной массы пьяницъ и грабителей должна быть какая-то организація. Вѣдь вотъ есть «предводитель», да еще и кличка ему дана — Скобелевъ. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ нѣсколько не такъ.

Этотъ рыжій бондарь, не имѣя никакихъ плановъ и цѣлей, просто-напросто пришелъ изъ Балахановъ въ городъ на праздники, не зная, что тамъ идутъ драки, и, придя въ городъ, первымъ дѣломъ «на гулянкахъ» отправился въ кабакъ, нашелъ тамъ пріятеля и сталъ съ нимъ пить водку. Въ это время въ кабакъ вошла толпа солдатъ Ширванскаго полка, возвратившихся изъ ахалъ-текинской экспедиціи; солдаты также стали пить водку, и когда подгуляли, то начали провозглашать тосты за здоровье Скобелева. Громко орали они спьяну и, вѣроятно, до того громко, что въ кабакъ вошелъ городовой-татаринъ и сказалъ:

— Что за крикъ?

— За здоровье Скобелева-а-а! — отвѣчали солдаты новымъ залпомъ криковъ.

Татаринъ не зналъ этого имени и сказалъ:

— Какой тутъ Скобелевъ? Гдѣ онъ тутъ?

— Да вотъ онъ!.. — совершенно для смѣху сказали солдаты, указывая на бондаря.

— Я — Скобелевъ! — гаркнулъ спьяну и бондарь, желая поддержать «своихъ» и разыграть изъ татарина дурака.

— Я тебя въ часть возьму!

— Какъ? Скобелева?
— Меня? Попробуй!
— Ребята, Скобелева не выдавай!

И съ криками: «Скобелева не выдавай!» — толпа подгулявшихъ солдатъ высыпала на улицу.

— Скобелевъ! Гдѣ Скобелевъ?
— Я здѣсь!

И бондарь «для смѣху» вошелъ въ роль и, попавъ въ двигавшуюся на татаръ толпу, гаркнулъ:

— За мной, ребята!
— Валяй, Скобелевъ! Эво! лошадь бѣжитъ! — бери лошадь-то! Эво, эво!

И опять «для смѣху» бондарь вскочилъ на лошадь, которая, можетъ, убѣжала съ какого-нибудь растворенаго двора, испуганная крикомъ и шумомъ, и почувствовалъ себя еще болѣе Скобелевымъ. Сѣвъ на коня, ужъ надо было «для картины» представить себя генераломъ.

— За мной, ребята! Скорымъ шагомъ, маршъ!

Хохотъ и смѣхъ. А тутъ, тоже «для смѣху», кто-то изъ толпы, только-что «зря» опрокинувшей ларь съ овощами, подхватилъ пучокъ зеленаго луку и кричитъ:

— Скобелевъ! Вотъ тебѣ султанъ!
— Воткни въ шапку-то!
— Генералъ! Теперь полный генералъ!

И вотъ Скобелевъ на конѣ и съ пучкомъ зеленаго луку на шапкѣ, замѣняющимъ генеральскій султанъ, недуманно-негаданно сталъ предводителемъ и сначала «только для смѣху» идетъ впередъ, а потомъ пойдетъ туда, куда потянетъ волнующееся море народа: просто ли опрокидывать лотки, или освобождать заключенныхъ, или такъ, «зря», нападать и гнать татаръ.

Я вовсе не хочу сказать, что «резонъ играетъ» во всемъ этомъ не первенствующую роль. Напротивъ, я теряюсь въ обиліи резоновъ. Безъ всякаго резона, напримѣръ, нѣсколько камней попало въ квартиру городского головы; такъ какъ онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, то нѣсколько человѣкъ тотчасъ же явились къ нему и объяснили, что это случилось по ошибкѣ; но и въ этомъ случаѣ были въ толпѣ люди, которые даже къ явной ошибкѣ могли подыскать резонъ.—«Это за то, что мясо дорого, а онъ, голова, долженъ наблюдать!» Резонъ явился неизвѣстно откуда и никакой дѣйствительной связи съ камнями, попавшими въ квартиру головы, не имѣетъ, а резонъ. Или вотъ:

толпа русскихъ слѣдуетъ за татариномъ, который кричитъ: «пойдемъ разбивать!». Оказывается, что татаринъ этотъ, Сякаевъ, много разъ терпѣлъ отъ полиціи, былъ даже высылаемъ изъ Баку этою полиціею и, воспользовавшись суматохой, кричитъ: «Нечего разговаривать, пойдемъ бить и разбивать!». И толпа идетъ, потому что многіе изъ русскихъ потерпѣли отъ татарской полиціи немало: татары не пьютъ, а русскіе частенько пьяны, и татары-полицейскіе относятся къ нимъ нехорошо, отымаютъ деньги, смѣются. И вотъ толпа находитъ предложеніе татарина соотвѣтствующимъ своимъ мыслямъ. Какъ предводитель, онъ уже не татаринъ, а только ненавистникъ полицейскаго произвола; но, разгромивъ полицію, толпа можетъ черезъ двѣ-три минуты разгромить и этого самаго предводителя, только потому, что онъ — татаринъ. Крикнетъ кто-нибудь: «Братцы! бей татаръ, они нашихъ бабъ на базарѣ обижаютъ!» — и это будетъ достаточный резонъ для того, чтобы измолотить Сякаева только за его татарскую національность.

Словомъ, какъ разношерстны элементы, изъ которыхъ слагаются такія явленія, такъ разнообразны и резоны; нѣтъ той мелочи въ нихъ, которая бы не имѣла своего резона, и если бы мы пожелали сдѣлать изъ всѣхъ этихъ резоновъ экстрактъ и, очистивъ явленіе отъ ненужныхъ случайностей, попытались опредѣлить самую суть этихъ резоновъ то, право, не было бы большою ошибкою сказать, что двигатель — главный, существенный — всего этого дѣла заключается въ желаніи не дать въ обиду человѣческаго *достоинства. Не смѣй* обижать бабу! *Не смѣй* носить кинжала, когда я его не ношу! *Не смѣй* смѣяться, когда я пьянъ! *Не смѣй* хватать и сажать въ полицію народъ зря, кто попадетъ подъ руку. *Не смѣй* вообще надо мной важничать, *не смѣй* меня тащить пьянаго въ часть отъ товарищей, которые доведутъ меня до дому, и т. д. Словомъ, желаніе сказать во всеуслышаніе: «Не смѣй!». И это «не смѣй» во сто разъ больше относится къ нравственнымъ потребностямъ личности, чѣмъ къ матеріальнымъ невзгодамъ. Евреи, по словамъ крестьянина, все суютъ рубли въ руки мужику, а ненависть въ нихъ возбуждается потому, что этотъ рубль онъ суетъ съ тѣмъ, чтобы соблазнить человѣка работать въ воскресенье, т.-е. испортить его совѣсть, заставить польститься на деньги и не пойти къ обѣднѣ, т.-е. не выполнить того, что̀ нужно для души.

Вотъ именно эта-то сторона дѣла и есть самая важная

и любопытная. Откуда берется щепетильность по отношенію къ собственному достоинству, когда тотъ же самый бондарь, живя на родинѣ, въ Тульской или Орловской губерніи, далеко не такъ щекотливъ по отношенію къ своему или чужому человѣческому достоинству, а если сознаніе этого достоинства онъ и тамъ носитъ въ глубинѣ души, то во всякомъ случаѣ не выказываетъ милліонной доли той смѣлости въ проявленіи этого достоинства, какую обнаруживаетъ здѣсь. Вѣдь вотъ, напримѣръ, у всѣхъ на памяти псковскій процессъ одного кулацкаго савраса, который издѣвался самымъ безсовѣстнымъ образомъ надъ женщинами и дѣвушками множества деревень, «подверженныхъ» его отцу-кулаку. Въ этомъ отношеніи ни со стороны родителей ни со стороны мужей ему почти не было отказа въ требованіяхъ—хотя, безъ сомнѣнія, они не могли считать ихъ иначе, какъ божескимъ наказаніемъ. Но они молчали, и молчали до тѣхъ поръ, пока саврасъ чуть-чуть-было не задушилъ непокорявшуюся его требованіямъ дѣвушку и когда сельскимъ властямъ уже нельзя было не вмѣшаться. А здѣсь въ Баку одинъ изъ мотивовъ побоища: «Не задѣвай *нашихъ* бабъ!» И притомъ *нашихъ*, когда у большей половины бушующей толпы и бабъ-то никакихъ нѣтъ. Здѣсь въ числѣ мотивовъ къ побоищу есть и такой: не смѣй меня пьянаго брать въ часть, тогда какъ у насъ не рѣдкость отъ своего брата-мужика быть выпоротымъ въ волости занапрасно, по капризу и не въ пьяномъ, а въ трезвомъ видѣ. Здѣсь цѣлая толпа приходитъ «освобождать» «своихъ», «нашихъ», посаженныхъ въ часть, а у насъ цѣлая деревня смотритъ, какъ пьяный мужикъ бьетъ вожжами жену посреди улицы, и говоритъ: «свои собаки грызутся—чужая не приставай». Здѣсь онъ обижается на полицейскихъ, что они обираютъ у пьяныхъ деньги, но спрашивается: когда же внутри отечества полицейскіе не обирали у него, у пьянаго, деньги, не били его, зная, что послѣ этого онъ скажетъ: «пропадай и деньги совсѣмъ!»—и улепетнетъ изъ части во всѣ лопатки? А тутъ вотъ онъ фордыбачитъ и фыркаетъ, и дерется, разбиваетъ полицію... Обижается тѣмъ, что татаринъ надъ нимъ смѣется, надъ пьянымъ, и бьетъ его камнемъ во имя этой обиды, а тамъ, на родинѣ, «норовитъ» въ праздничный день, возвращаясь изъ кабака, казаться гораздо пьянѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, ругается самыми безобразными словами, старается, чтобы думали люди: «эка нажрался-то! денегъ-то пропилъ, чай,

сколько!» Ему именно хочется представить, что онъ «нажрался» и даже не напился. А тутъ вдругъ такая обидчивость, когда татаринъ засмѣется надъ этой самой чертой!

Эта щепетильность въ проявленіи своего человѣческаго достоинства есть, какъ я уже сказалъ ранѣе, самая любопытная и важная черта во всѣхъ этихъ безурядицахъ на югѣ Россіи. Щепетильность эта происходитъ здѣсь отъ особенныхъ новыхъ условій жизни, въ которыя попадаетъ русскій человѣкъ, уроженецъ коренной Россіи, очутившись на югѣ, въ чужой сторонѣ. Чужая сторона даетъ ему рѣдкую возможность *думать принципіально*, сравнивать себя съ чужимъ человѣкомъ, думать о справедливомъ «по-нашему» и справедливомъ «по-ихнему». Живя въ глубинѣ Россіи въ сплошной массѣ однородно живущаго и однородно трудящагося народа, къ тому же въ образѣ и порядкахъ жизни *подчиненнаго* въ огромномъ большинствѣ случаевъ не своей волѣ, не своей волей создающаго радости и горести жизни, счастіе и несчастіе, русскій коренной земледѣльческій человѣкъ живетъ въ извѣстныхъ формахъ жизни, не критикуя достоинствъ или недостатковъ этихъ формъ, всю жизнь, такъ сказать, говоритъ прозой, не зная этого. Народная школа, основанная на *сознательномъ* уваженіи благообразія формъ народной жизни, могла бы переработать безсознательное, по вѣтру случайностей колеблемое благообразіе въ благообразіе крѣпкое, сознательное, укрѣпленное сознаніемъ важности и справедливости этихъ благообразныхъ формъ. Но этого нѣтъ, и русскій земледѣльческій человѣкъ только на чужбинѣ, только въ походахъ, только въ столкновеніяхъ съ формами жизни, нисколько къ формамъ его жизни неподходящими, начинаетъ *думать* о собственныхъ формахъ жизни, начинаетъ *цѣнить* ихъ и сравнивать себя съ другими.

Евреи и татары такимъ образомъ дѣйствуютъ на русскаго человѣка педагогически. Это «наглядное обученіе» ознакомляетъ съ самимъ собою. Русскій человѣкъ волнуется здѣсь не какъ чернь, голытьба, грабитель и т. д., а какъ человѣкъ, чувствующій, *ощущающій свою личность*, которую онъ начинаетъ находить вовсе не такой завалящей, какъ къ этому его пріучили «случайности» крестьянской обстановки. Здѣсь, на югѣ, онъ даже и бѣдствуетъ не такъ, какъ на Руси,—напротивъ, какъ мы видѣли, занимается мордобитіемъ, знаетъ уже, что̀ такое визиты; у него здѣсь

больше досуга; какъ рабочій, получающій поденную или поштучную плату, онъ чувствуетъ себя независимымъ уже въ томъ отношеніи, что ему не надо смотрѣть «на небо» каждый день и думать: «Дастъ Господь дождичка или не дастъ? Если дастъ — будетъ хорошо: и подати отдамъ и дочь выдамъ замужъ; если не дастъ, то старшина будетъ драть». На главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ лучше всего можно знать, когда у народа весело на душѣ и когда старшина говоритъ: «Ну-ка, милашка, ложись! Снимай костюмъ-то!» Здѣсь, въ чужой сторонѣ, совсѣмъ не то: онъ нанятъ—и деньги ему отдадутъ, или онъ увѣренъ, что должны отдать. Работа наемная—не своя, именно «работа», трудъ, трудъ на «чужого человѣка», трудъ съ требованіями и критикой. Такимъ образомъ нѣкоторая свобода, нѣкоторый досугъ даютъ головѣ русскаго человѣка извѣстную возможность подумать, пообсудить, потолковать, «вообще» покритиковать порядки, людей, нравы и обычаи...

Двѣ такія національности, какъ евреи и татары,—національности, совершенно къ нашему великорусскому типу неподходящія,—затрогиваютъ мысль россійскаго человѣка рѣшительно на всѣхъ пунктахъ; и справедливо это или несправедливо по отношенію самомнѣнія «нашихъ», только наши начинаютъ внутренно чувствовать себя здѣсь, среди евреевъ и татаръ, и выше, и нравственнѣй, и *шире*, и *справедливѣй*... «Намъ», россійскимъ, и смѣшна и жалка эта фигура еврея, вѣчно чѣмъ-то встревоженнаго, вѣчно до пота рыщущаго за копейкой, хватающаго копейку, какъ соломинку, точно погибающій. Хватаетъ-хватаетъ, а все у него утомленное, скучное, озабоченное лицо, все онъ весь въ грязи: его лачужки—въ кучахъ сора и хлама; его дѣти—въ грязи и въ рубищѣ. Хоть бы устроилъ уютъ, тепло, чистоту, а главное — *не пугался бы жить* на свѣтѣ, *не трясся бы* такъ, не пугалъ бы насъ своимъ лихорадочнымъ испугомъ жизни... «Что мы, аль ужъ намъ смерть пришла?.. Чего ты трясешься, какъ мокрый заяцъ?» «Ай, вай-вай!» И какъ для «нашего брата» смѣшно это «ай-вай» во взросломъ человѣкѣ съ бородой! Эта фигура даетъ «нашимъ» возможность почувствовать въ себѣ много достоинствъ и сравненіе съ евреемъ сдѣлать въ пользу себя. Старческія черты много пережившаго племени ненавистны нашей, если не молодости, то «вѣчной новизнѣ» существованія.

Еще болѣе развивающее, педагогическое вліяніе имѣетъ на русскаго человѣка «татарва». Въ татарскомъ строѣ

жизни, въ татарской культурѣ все не столько мизерно, какъ кажется намъ въ еврейской испуганной жизни, сколько несправедливо, высокомѣрно, глупо. Возьмите хоть этотъ обычай—носить оружіе. Мы всѣ, вся «Расея», живемъ безъ всякихъ кинжаловъ, безъ всякихъ орудій, кромѣ палки для собакъ. Зачѣмъ же кинжалъ? Что это за *добавленіе* къ человѣку? Разъ человѣкъ *дополняетъ* себя въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ такимъ инструментомъ, онъ ужъ не *полный* человѣкъ. «Полный» человѣкъ живетъ на свѣтѣ безъ всякаго искусственнаго дополненія: просто себѣ вышелъ изъ утробы матери, прожилъ весь вѣкъ безъ дополненій, за исключеніемъ необходимыхъ штановъ и рубахи, и померъ съ голыми руками, съ каковыми руками ходилъ даже противъ обуха. Такъ-то, съ голыми руками, татаринъ, пожалуй, не выдержитъ противъ нашего; такъ вотъ онъ, чтобы выдержать, искусничаетъ, заводитъ ножъ. Это—не модель; ножомъ не хитро зарѣзать человѣка и отнять его имущество; нѣтъ, ты имущество *такъ* наживи, *безъ всего*. Вотъ это будетъ «по-божьи».

А семейныя отношенія?

Тутъ ужъ нашъ россійскій человѣкъ неизмѣримо выше татарина.

— Что пьешь-то? Что жрешь винище-то?—говоритъ расейская бондариха своему мужу, который, пользуясь здѣсь и достаткомъ и свободой, не покидаетъ расейскаго обычая посѣщать расейскій кабакъ.—Пріѣхали на чужую сторону, чѣмъ бы денегъ скопить да домой убраться, нѣтъ, жретъ винище, какъ прорва, прости Господи! И что за жизнь каторжная! Всю-то жизнь только бѣдность да пьянство! Поглядишь на татаръ—вѣдь не пьянствуютъ же, живутъ... И денегъ такихъ нѣтъ, какъ у насъ, а погляди-ка, какъ жену-то обряжаетъ... Намедни ѣхала со мной—такъ что у ней золота понавѣшано на лобу!

— На лобу! Дубье костромское! На лобу золото! Не хошь ли, поди къ татарину-то, онъ тебѣ на лобу повѣситъ золото, а состарѣешься, такъ онъ тебя въ поле выгонитъ на работу...

— Да хоть годокъ пожить бы въ спокоѣ, а съ тобою всю жизнь—одно тиранство!

— На лобу! Охъ, морда этакая! Мы съ тобой, глупая голова, живемъ по-христіански, по закону... какъ взялись на вѣки вѣковъ, такъ и должны до кончанія жить. На лобу! Кабы я съ тобой, съ дурой, по-татарски-то жилъ,

такъ вѣдь я бы тебя давно бы должонъ былъ прогнать. Вѣдь ты что? Ты думаешь, что я въ молоденькой скуса не сыщу? Напрасно. Очень просто могу разыскать, гдѣ скусъ—повѣрь! А Богъ-то гдѣ? Онъ вотъ не пьетъ, поганецъ, да четырехъ бабъ держитъ подъ замкомъ, онѣ на него и работаютъ, а онъ, подлецъ, на конѣ съ кинжаломъ разъѣзжаетъ; бабы его обшили въ золото, а лошадь онъ самъ раскрасилъ въ разныя краски и ѣдетъ, какъ идолъ... А ты мнѣ много-ль нашила золотыхъ штановъ-то, чучела безподобная? На лобу! Ну-ка, давай-ка я тебя въ погребъ-то посажу да ротъ тебѣ тряпкой наглухо завяжу—скусно будетъ? А я тоже молчу, какъ ты горланить-то начнешь: пасть-то разинешь—небось, въ Астрахани слышно! У нея на лобу повѣшено, такъ она и молчитъ, какъ удавленная! Само собой, тутъ и не подумаешь въ кабакъ идти! А какъ двѣ ваши сестры сойдутся,—рты-то у васъ, у дуръ, мы, дураки, вамъ не завязываемъ,—такъ вы вѣдь какъ трезвоните-то!.. А все вамъ худо! Каторга! Да вѣдь и мнѣ съ тобой тоже каторга! А ты что думаешь? Мнѣ бы теперь по татарскому положенію давно бы надо тебя за ноги съ кровати-то стащить да эво куда зашвырнуть, въ поле! Копайся, матушка, ты мнѣ теперь не нужна, а я новенькую обновочку себѣ приспособилъ, да въ темненькій вертепикъ и заточилъ, да ротикъ-то ея горластенькій завязалъ тряпочкой, чтобы она не зѣвала, да дверочку-то на замочекъ заперъ, а въ окончаніе дѣла и на лобу ей повѣсилъ цѣлое даже голенище серебряное, али бы даже золотое, и сиди, милашка, пока нужна... Сиди да штаны намъ серебромъ вышивай, да помалчивай на заднемъ дворѣ!.. Вотъ какъ по-татарскому-то! А по-нашему не такъ: по-нашему мужъ-жена—аминь! Какой въ тебѣ скусъ? Никакого нѣтъ, повѣрь; а положено намъ съ тобой жить—и живи, не дури. У тебя нѣтъ ничего на лобу—и у меня нѣтъ золотыхъ штановъ! ты своими руками—и мнѣ и себѣ, и я своими руками—и тебѣ и себѣ! И живи! Я пойду напьюсь—а ты орешь, какъ нобелевскій паровикъ, а я тебѣ рта не завязываю. Ори, матушка, хоть разорвись, изъ дурака умнаго не сдѣлаешь. А запирать тебя въ яму—этого въ законѣ нѣтъ. Такъ-то, сударыня. А то «на лобу»! Эхъ, ты, чучело гороховое! Хочешь, что-ль, въ кабакъ сбѣгаю, увмѣстяхъ по рюмочкѣ выпьемъ,—авось пасть-то закроешь?

Франтоватый, гордый, напыщенный, но основанный на рабствѣ, на кинжалѣ, на заточеніи и молчаніи цѣлой поло-

вины человѣчества—женщинъ — мусульманскій міръ представляется россійскому человѣку еще болѣе неправильнымъ, негармоничнымъ, несправедливымъ, чѣмъ міръ еврейскій, угнетенный какимъ-то разочарованіемъ, боящійся засмѣяться, дрожащій надъ копейкой, воющій въ синагогѣ, воющій такъ, точно его ведутъ на смертную казнь. У насъ и молятся-то весело. Посмотрите-ка, какъ заголоситъ иной дьяконъ—любо-дорого смотрѣть!

«Ишь, милый!» — весело думаетъ баба, принесшая причащать ребенка и слушая, какъ «выводитъ» дьяконъ.

«Отъѣлся!» — думаетъ мужикъ, и думаетъ съ удовольствіемъ. Онъ любитъ здоровье, силу, все румяное и веселое...

А тутъ—т.-е. у евреевъ, у татаръ—нѣтъ, тутъ намъ не «по скусу». И вотъ, когда на пьянаго россійскаго человѣка навалится полицейскій татаринъ и станетъ его тащить въ часть, то русскій начинаетъ протестовать и отбиваться не отъ «городового», а отъ цѣлаго ненавистнаго ему міросозерцанія, узкаго, несправедливаго, ничтожнаго даже сравнительно съ тѣми идеалами, которые воспитаны формами нашего труда, но которые выяснились и оцѣнились только здѣсь, на чужой сторонѣ.

— Этакая-то сволочь (которая и т. д.), да *меня* (который и т. д.)? Ну ужъ нѣтъ!.. Ребята, бей!

5.

Укладывать такимъ образомъ народные безпорядки въ полицейскія рамки съ соотвѣтствующими имъ послѣдствіями, по малой мѣрѣ, непрактично. Кто тутъ виноватъ? (За исключеніемъ, разумѣется, дѣйствительныхъ охотниковъ до чужого добра). Десятка два высѣченныхъ въ полиціи изъ числа посаженныхъ въ нее «зря», т.-е. безъ разбору,—это два десятка новыхъ уличныхъ дѣятелей для другого случая, который можетъ представиться во всякое время. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы совершенно пустопорожняя переписка, неосновательные аресты, отрывающіе людей отъ дѣла и т. д., не играли въ такого рода дѣлахъ значительной, хоть и совершенно безплодной роли. Возьмите хоть этого «предводителя» толпы, Скобелева, и скажите по совѣсти: что можно съ нимъ сдѣлать по части справедливаго возмездія, не привлекая къ этому же возмездію всей толпы? Въ концѣ концовъ Скобелевъ, разумѣется, былъ выпущенъ на свободу, но полицейское крючкотворство все-таки напу-

тало и наплело цѣлую уйму безцѣльнѣйшихъ пустяковъ. У насъ на Руси образовался даже типъ, всецѣло поглощенный заботою сдѣлать изъ ничего кому-нибудь и какое-нибудь затрудненіе.

Окончивъ командованіе во время бакинскаго побоища, Скобелевъ этотъ получилъ изъ одного волжскаго города письмо, въ которомъ дядя его зоветъ на свадьбу дочери своей. Скобелевъ сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ. На родинѣ онъ отпраздновалъ свадьбу, разсказывалъ о бакинскомъ побоищѣ и на свадьбѣ, и въ лавкѣ у купца, и въ трактирѣ, и въ полиціи, гдѣ у него были знакомые,—словомъ, ничуть ни отъ кого не скрывался и не таился. Но вотъ одинъ изъ слушателей, отлично знавшій, что этотъ мужикъ есть Скобелевъ, и проникнутый весьма моднымъ въ то время стремленіемъ «хватать» и «представлять»,—беретъ листъ бумаги, пишетъ на немъ собственнаго изобрѣтенія бланкъ: «Исправляющій должность полицейскаго письмоводителя» и обращается, куда слѣдуетъ: «Не нужно ли, молъ, вамъ Скобелева представить, такъ какъ по примѣтамъ этотъ Скобелевъ находится тутъ, въ нашемъ городѣ?» Волей-неволей приходится ему отвѣтить: «Нужно», и просить представить по назначенію. И вотъ этотъ поэтъ кляузы начинаетъ строчить такія бумаги: «Сего числа я, исправляющій должность письмоводителя, вслѣдствіе словеснаго предложенія управленія о производствѣ *негласнаго* дознанія о мѣстѣ жительства (имя рекъ), который заявилъ наканунѣ въ полиціи, что уѣзжаетъ изъ города (т.-е. который и не скрывался и не прятался), прибывъ къ мѣщанину (такому-то) съ цѣлью *какъ будто бы* купить щепъ, я дознался отъ рабочихъ, что (Скобелевъ) до 27-го іюля часто проходилъ мимо лавки, а съ 27-го не проходилъ и относительно своего намѣренія ѣхать ничего не говорилъ. Имѣя въ виду, что (Скобелевъ) *скрылся* (?) въ 7 часовъ, т.-е. ранѣе требованія о задержаніи его за полчаса времени, и что, по словамъ приказчика лавки, наканунѣ отъѣзда онъ ничего о намѣреніи ѣхать не говорилъ, я, исправляющій должность письмоводителя, постановилъ (это слово написано огромными буквами): просить управленіе дозволить мнѣ произвести въ заведеніи, а равно въ домѣ, гдѣ жилъ (Скобелевъ), обыскъ, и въ случаѣ по обыску означеннаго Скобелева (который, какъ видите, уже уѣхалъ) не окажется, дозволить мнѣ выѣхать за нимъ въ погоню, о чемъ и записать въ протоколъ, который, какъ касающійся секретнаго

дѣла, къ подпису лицъ не предлагать». Такимъ образомъ преступникъ самъ заходилъ въ полицію объявить, что онъ ѣдетъ, и уѣхалъ. Всѣ это знаютъ, но кляузная фантазія играетъ: сама создаетъ на пустомъ мѣстѣ затрудненія, сама пишетъ себѣ предписанія, постановленія и производитъ по нимъ изслѣдованія. «Сего числа я, исправляющій должность письмоводителя, производилъ обыскъ въ бондарномъ заведеніи мѣщанина такого-то, при чемъ... не найдено. Постановилъ: записать въ протоколъ и къ подпису предъявить». Такъ какъ по обыску ничего найдено не было, то кляузная фантазія составила сама себѣ новую бумагу: «Предписывается исправляющему должность письмоводителя разыскать, схватить и представить». И вотъ, пожираемый жаждою «схватить», этотъ новый Лекокъ принимается созидать новыя затрудненія на пустомъ мѣстѣ. Бумага, въ которой описаны эти подвиги, называется «представленіе»— что̀ весьма правдоподобно. «Имѣю честь донести, что я, отправившись въ погоню, но не могъ настигнуть на пути, почему, слѣдуя по его направленію, я прибылъ въ то же время въ 8 часовъ вечера въ г. А. Тотчасъ же, явясь въ мѣстное управленіе, объяснилъ цѣль моего пріѣзда и въ ту же минуту, совмѣстно со мною, мѣстный приставъ отправился на пароходъ и, произведя тщательный осмотръ, при чемъ ничего не оказалось, командировалъ съ однимъ изъ хорошо знающихъ (преступника) въ лицо въ мѣстность, населенную бондарями, а самъ отправился разыскивать чиновника—лева, пріѣхавшаго вмѣстѣ (съ преступникомъ) на одномъ дощаникѣ. Найдя онаго, командировалъ вмѣстѣ съ нимъ пристава для розыска, самъ же лично отправился въ другое направленіе для той же цѣли, всюду осматривая питейныя заведенія, гостиницы, баваріи и т. п. Затѣмъ, получивши свѣдѣнія, что (преступникъ) не взялъ своихъ вещей изъ лодки, на которой пріѣхалъ, посадилъ двухъ *переодѣтыхъ* городовыхъ въ означенный дощаникъ, а самъ помѣстился на берегу. Такимъ образомъ, выслѣдивъ его приходъ, я замѣтилъ его шедшимъ по мосту, гдѣ онъ, по моему указанію, былъ *схваченъ* переодѣтыми городовыми».

Виновный ничуть не больше и не меньше того, какъ были виноваты тысячи другихъ такихъ же бондарей, — этотъ полководецъ, разумѣется, долженъ былъ выйти на свободу, что̀ въ концѣ концовъ и воспослѣдовало. Но сколько тутъ напрасной и ненужной кляузы и какая страсть къ этой кляузѣ, а главное — какая полнота возможности

осуществить на дѣлѣ любую кляузную фантазію! Какой-то «помощникъ письмоводителя» самъ пишетъ себѣ предписанія дѣлать обыски, производить негласныя дознанія, пускаться въ погоню, переодѣваться и хватать — и ничего! Не знаю, случается ли теперь что-нибудь подобное (вѣроятно, нѣтъ), но недавно еще кляузная фантазія господъ исправляющихъ должность помощника письмоводителя ужасно надоѣдала и досаждала мирному обывателю.

VII. Нѣсколько часовъ среди сектантовъ.

Было раннее мартовское утро, когда я проснулся, чтобы идти на «собраніе» ленкоранскихъ баптистовъ. Наканунѣ я познакомился съ однимъ изъ нихъ, извозчикомъ, привезшимъ меня изъ глубины ленкоранскихъ вѣковыхъ лѣсовъ въ городъ Ленкорань, и получилъ отъ него приглашеніе придти къ нимъ на форштадтъ, на «моленіе». Устроивъ меня на ночлегъ въ комнатѣ, отдававшейся внаймы какимъ-то таможеннымъ сторожемъ, новый пріятель мой поѣхалъ домой, чтобы распрячь лошадей, и, покончивъ съ этимъ дѣломъ, вновь возвратился ко мнѣ «побесѣдовать», при чемъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ: подарилъ евангеліе и собраніе стиховъ, которые поются на баптистскихъ моленіяхъ. Долго, до поздней ночи, бесѣдовали мы съ этимъ новымъ знакомцемъ и наконецъ разстались. На прощанье онъ еще разъ повторилъ приглашеніе посѣтить ихъ.

Неуютная комната, кровать изъ досокъ, кое-какъ покрытая тоненькимъ ковромъ, а главное — непривычный «грохотъ» разсердившагося моря,—грохотъ, напоминавшій непрерывный поѣздъ массы гремящихъ телѣгъ по булыжной мостовой, вѣтеръ и дождь, хлеставшіе въ камышевый щитъ, которымъ на ночь было съ улицы заставлено окно,—все это, хотя и не дало возможности отдохнуть послѣ тряской и неудобной дороги, но зато помогло не проспать урочнаго часа, назначеннаго для моленія, и въ семь часовъ утра я уже выходилъ изъ дому.

«Помутилося синее море!» Сѣрыя безконечныя волны, сѣрый туманъ, сливавшійся съ волнами и сѣрыми дожде-

выми тучами, которыми было затянуто небо, вѣтеръ и дождь совершенно преобразили живописный и веселый видъ Ленкорани: вся она, обыкновенно такая веселая, съ своими бѣленькими малороссійскаго типа домиками, пріютившимися подъ высокими зелеными тополями, теперь точно прижалась къ землѣ, придавленная этимъ тяжелымъ небомъ и мокрая отъ дождя, и испуганная этими несмѣтными рядами сѣрыхъ, сердитыхъ волнъ, набѣгающихъ на низменный берегъ, на которомъ она расположена. На улицѣ было пустынно, мокро, но не грязно; улицы вымощены отличнымъ морскимъ желѣзистымъ пескомъ, чернымъ цвѣтомъ своимъ напоминающимъ дороги на желѣзныхъ заводахъ. Пройдя по городу двѣ весьма недлинныхъ улицы, я очутился за городомъ; дорога шла по берегу моря и иногда была до того размыта волнами, что приходилось спускаться къ самой водѣ и, выждавъ, пока отхлынетъ только-что разбившаяся о берегъ морская волна, торопливо перебѣгать по мокрому и крѣпкому песку на другую сторону промоины, видя, какъ другая волна уже несется съ моря на смѣну первой и вотъ-вотъ «схватитъ за ногу».

Въ полуверстѣ отъ города начинается татарскій базаръ, рядъ лавчонокъ, висящихъ на самомъ обрывѣ берега, а за базаромъ идетъ молоканскій форштадтъ—улица, обставленная домиками и избами такого же типа, какъ и въ Ленкорани. Правая сторона этой улицы также виситъ надъ моремъ и рано или поздно непремѣнно упадетъ въ воду; у моего знакомца-извозчика уже свалился въ море сарай, и, разговаривая съ нимъ объ этомъ случаѣ и о предстоящемъ форштадту плачевномъ будущемъ, я услышалъ давно знакомыя мнѣ россійскія слова: «Что будешь дѣлать? *Подавали бумагу...* а отвѣта все что-то не слыхать!» Много я впослѣдствіи услыхалъ и здѣсь, далеко отъ коренной Россіи, на самомъ почти конечномъ предѣлѣ ея съ юга, чисто-коренныхъ россійскихъ мнѣній и словъ и подивился ихъ неистребимости и неизмѣнности, несмотря ни на климаты ни на разстоянія. Между прочимъ, войдя въ избу моего знакомца-извозчика, я сразу встрѣтился съ портретомъ генерала Скобелева и съ лубочной картинкой, изображавшей нашего русскаго гиганта-мужика, стоящаго въ какой-то плясовой позѣ, при чемъ ногами онъ раскидывалъ турецкія войска, а руками—турецкія крѣпости. Но тутъ же я увидѣлъ и кое-что новое. Мой знакомецъ сидѣлъ чинно и опрятно, и за опрятнымъ столомъ, и читалъ евангеліе; обра-

здѣсь я не замѣтилъ въ комнатѣ, но уголъ, гдѣ они должны быть, завѣшенъ ситцевой занавѣской; за этой занавѣской лежатъ книги, бумаги и стоитъ чернильница съ перомъ. Кухонной, стряпущей печи, какъ обыкновенно бываетъ въ русскихъ избахъ, здѣсь не было: очевидно, грязная половина не соединялась съ чистой.

Опрятность и порядокъ соединялись непривычно для меня съ какой-то молчаливостью жителей: входили женщины, входили дѣвушки-сестры, заглянулъ другой братъ извозчика—и все какъ будто не по-нашему: не то ужъ слишкомъ деликатно, не то какъ-то ужъ очень отдѣльно другъ отъ друга смотрѣли они.

Скоро пришлось увидѣть и совсѣмъ новое. Извозчикъ—руководитель мой — повелъ меня въ домъ собраній. Домъ этотъ былъ почти напротивъ; въ отворенныя ворота входили мужчины и женщины (костюмъ полу-городской, полудеревенскій), дѣти и старики. Въ сѣняхъ, какъ у обыкновенной крестьянской избы, также были дѣвушки и парни; лица у нихъ не постныя, но и не скоромныя, хотя и молодыя, но какія-то молчаливыя, если можно такъ выразиться. Изъ сѣней вошли мы въ комнату, большую и свѣтлую; вся она была уставлена поперекъ скамейками, на которыхъ уже сидѣли сектанты и сектантки, въ углу стоялъ обыкновенный деревянный небольшой столъ, на которомъ лежали евангеліе вѣнскаго изданія и экземпляръ книги стиховъ такого же самаго изданія, какъ тотъ, который я получилъ въ подарокъ вчера. Въ той же комнатѣ у самой двери, головой къ столу, на деревянной кровати лежалъ больной крестьянинъ — хозяинъ избы. Мой знакомый крестьянинъ-баптистъ усадилъ меня за столъ, за которымъ обыкновенно помѣщаются учитель и другіе знатоки и толкователи писанія; главнаго учителя еще не было, и поэтому въ комнатѣ царствовало молчаніе; кое-гдѣ слышался вздохъ; сосѣди мои, толкователи и знатоки пѣнія, были все простой народъ—и старые и молодые. Весь форштадтъ населенъ собственно не крестьянами, а скорѣе мастеровымъ народомъ—столяры, кузнецы, извозчики, плотники, штукатуры, работающіе на ленкоранскихъ жителей. Сообразные этимъ профессіямъ были и костюмы и фигуры моихъ сосѣдей и другихъ посѣтителей собранія: были тутъ люди и въ «пинжакахъ», и въ сибиркахъ-чуйкахъ, и даже въ тулупахъ, а одинъ изъ стариковъ, сидѣвшихъ въ переднемъ углу, напоминалъ даже нашего россійскаго дьячка чистой

крови. Разговорившись (впопотомъ) съ моимъ сосѣдомъ о больномъ, я узналъ отъ него, что это—хозяинъ, что вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ не можетъ встать съ постели, такъ какъ переломилъ ногу.—«Такъ и хруститъ... а, впрочемъ, махонькія кости выходятъ».—«Кто же лѣчитъ его?»—«Да сами... *прикладываемъ!*» Отвѣтъ этотъ также напомналъ мнѣ глубину Россіи, гдѣ слово: «прикладываемъ» въ соединеніи со словомъ: «тряпка» нерѣдко исчерпываетъ врачебную помощь милліонамъ народа. Но за этимъ россійскимъ и знакомымъ пришло и незнакомое.

Вошелъ наконецъ учитель. Онъ былъ рабочій-столяръ и по виду очень бѣденъ; на худомъ его тѣлѣ надѣтъ былъ старый-престарый сюртукъ,—очевидно, съ чужого плеча,—который къ тому же по случаю дождливой погоды былъ совершенно мокръ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ молодой съ строгимъ, нѣсколько постнымъ лицомъ. Войдя въ комнату, онъ, никому не кланяясь, остановился въ какой-то глубокой задумчивости, скрестивъ вытянутыя впередъ кисти рукъ (ладонями внизъ), и такъ благоговѣйно помолчалъ нѣсколько секундъ. Затѣмъ поклонился всѣмъ и сѣлъ за столомъ рядомъ со старцемъ, напоминавшимъ дьячка. Почти у всѣхъ присутствовавшихъ очутились въ рукахъ книжки стиховъ, и такъ какъ я свою книжку-подарокъ забылъ дома, то сосѣдъ мой пододвинулся ко мнѣ и почти держалъ передъ моими глазами свой развернутый экземпляръ. Экземпляръ его былъ однако не тотъ, который подарилъ мнѣ извозчикъ. Когда началось пѣніе, я сталъ замѣчать, что учитель, окончившій пѣніе ранѣе, чѣмъ текстъ оканчивался въ экземплярѣ моего сосѣда, иногда не допѣвалъ по два и по три куплета, иногда пѣлъ стихъ вовсе не тотъ, который былъ въ экземплярѣ у сосѣда. Впослѣдствіи оказалось, что у сосѣда былъ старый экземпляръ, а у другихъ присутствовавихъ—въ томъ числѣ и у учителя—новый, напечатанный въ Тифлисѣ съ дозволенія цензуры, благодаря которой, вѣроятно, и произошли измѣненія въ текстѣ.

Общее пѣніе началось тотчасъ же по приходѣ учителя; раскрывъ книгу стиховъ, онъ произнесъ первый стихъ пѣсни, и вслѣдъ за нимъ тотъ же стихъ повторили нараспѣвъ всѣ, кто зналъ мотивъ, и всѣ присутствовавшіе за столомъ. То же самое повторилось и со вторымъ стихомъ и т. д. Такое пѣніе продолжалось съ полчаса. Пѣніе это не такъ оригинально, какъ пѣніе чистыхъ молоканъ: тамъ слышатся звуки живой пѣсни, пѣсни малороссійскаго коб-

заря; иногда мелькнетъ что-то даже ухарское.—«Эхъ, да не одна...» или «Эй, ду-уби-нушка...»—словомъ, въ этомъ пѣніи слышно много живыхъ, прямо съ улицы взятыхъ звуковъ. Пѣніе баптистовъ не такъ характерно: оно какъ-то сухо, иногда визгливо, а иногда дьячковски-церковно. Женщины также участвуютъ въ пѣніи.

Когда былъ пропѣтъ первый стихъ, нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Кто входилъ и, поклонившись, тихонько отыскивалъ себѣ свободное мѣстечко, кто уходилъ. Наконецъ учитель взялъ евангеліе и поднялся. Началось поученіе. Я потомъ слышалъ такія поученія и въ другихъ мѣстахъ и въ другихъ сектахъ, и всѣ они похожи другъ на друга, такъ что поученіе, которое я приведу ниже, можно считать самымъ обыкновеннымъ, нормальнымъ для обыкновенной крестьянской сектантской общины. Я не слыхалъ записныхъ ораторовъ (къ Святой на форштадтѣ ждали изъ Тифлиса двухъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, на пріѣздъ которыхъ было собрано вообще со всѣхъ живущихъ въ окрестностяхъ баптистовъ до 600 р.), но все, что я слышалъ въ этомъ родѣ, очень похоже одно на другое: полуграмотность, плохой языкъ, неумѣніе тонко и искусно придумать фразу и т. д. Въ Баку я слышалъ такого проповѣдника, котораго рѣшительно не было возможности понять—что такое бормоталъ онъ; постоянно онъ переврывалъ слова такъ, что вмѣсто, напримѣръ: «И дѣйствительно»... (онъ часто употреблялъ выраженія проповѣдей православныхъ священниковъ), онъ множество разъ произнесъ: «И дѣвствительно»! Впрочемъ, этотъ послѣдній ораторъ никоимъ образомъ не можетъ быть образчикомъ вообще типа учителя, наставника. Это—богатый купецъ-капиталистъ, который уже знаетъ вкусъ и въ новыхъ антихристовыхъ временахъ. Обыкновенный наставникъ, большею частью искренно желающій выяснить передъ слушателями глубину писанія, говорящій передъ обществомъ «не изъ корысти»,—онъ ничего не получаетъ,—говоритъ такъ, какъ говорилъ бы всякій человѣкъ простого званія, не имѣвшій возможности учиться, какъ слѣдуетъ. Баптистскій учитель былъ именно такой искренній и простой человѣкъ. Вчера еще онъ съ ремешкомъ на головѣ работалъ рамы для господина мирового или исправника, ночью читалъ и приготовлялъ проповѣди, а сегодня вотъ проповѣдуетъ. Это было и ново и поучительно. Раскрывъ евангеліе, онъ, по временамъ затрудняясь, прочиталъ притчу о пахарѣ, который

пошелъ искать заблудшую овцу, оставивъ цѣлое стадо. Прочитавъ это, учитель положилъ евангеліе на столъ и сказалъ:

— Вотъ, братіе мои, что̀ пишется... Что-жъ это означаетъ? Это надо очень прилежно обдумать, чтобы понимать... Это надо понимать, братіе мои, съ самыхъ первобытныхъ вѣковъ, отъ начала самаго сотворенія міра. И ежели мы вспомнимъ, то увидимъ, что сотворилъ насъ Господь Богъ Саваоѳъ, слѣдовательно Богъ-Отецъ. Вотъ откуда идетъ начало этому дѣлу. И какъ же Господь Богъ, Богъ-Отецъ сотворилъ насъ? Онъ сотворилъ насъ въ самомъ лучшемъ видѣ! Подумайте, братіе, сколь много любилъ Онъ человѣка, что уготовалъ ему рай? Онъ, Гэгъ, Вседержитель, Отецъ, пріуготовилъ намъ землю, небо и воду... Пріуготовилъ Онъ намъ плоды, и звѣрей, и животныхъ, и травы, и всякія птицы и рыбы. Все, однимъ словомъ: нѣтъ того, что̀ бы милость Божія поскупилась для человѣка. И когда все до безконечности было пріуготовлено, только тогда и сотворилъ Богъ человѣка. Когда все уже было готово, только живи, не безпокойся! Но увы! Это еще не вполнѣ обозначаетъ милосердіе Отца нашего, Творца! Мало того, Онъ еще, по Своей добротѣ, создалъ человѣка по образу Своему и подобію... Понимаемъ ли мы, друзья мои, коль велика милость Божія? Да, братіе, ничего болѣе для человѣка и въ мысляхъ представить невозможно! Все, все для него было! Живи, плодись, множься—тебѣ все дано! И гдѣ-жъ онъ жилъ? Онъ въ великолѣпнѣйшемъ саду, въ неизреченномъ раю пребывалъ, чего ему еще отъ Бога желать? И что-жъ, онъ вмѣсто того, чтобъ поблагодарить и съ кротостію славить Бога, что-жъ онъ, спрошу я васъ, друзья мои, сдѣлалъ?

Ораторъ на мгновеніе умолкъ; необходимо сказать, что съ самаго начала его рѣчи начали то тамъ, то сямъ въ публикѣ слышаться вздохи; вздыхали глубоко и часто, и это показалось мнѣ не вполнѣ натуральнымъ. Одна толстая и здоровая женщина, лѣтъ пятидесяти, вздыхала какъ-то ужъ совсѣмъ непріятно: «О-охъ, Боже мой, Боже мой, Боже мой!.. Охъ-охъ-хо-хо!»—вопіяла она сильнымъ, но спокойнымъ голосомъ. Нѣсколько молодыхъ людей, особенно молодыхъ дѣвицъ, совершенно не принимали участія въ этихъ вздохахъ; но какъ разъ противъ меня за столомъ на лавкѣ сидѣлъ какой-то мастеровой, дюжій, широкоплечій, съ добродушнымъ лицомъ человѣкъ, въ пиджакѣ изъ

верблюжьяго сукна; широкое, веснушчатое лицо его, съ добродушными сѣрыми глазами, было положительно удручено искреннѣйшимъ вниманіемъ къ каждому слову оратора; огромный ребенокъ этотъ, видимо, глубоко тосковалъ о томъ далекомъ времени, когда человѣкъ жилъ въ прекрасномъ саду, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми надѣлилъ его Творецъ, и вздохи его, тихіе и глубокіе, были въ высшей степени трогательны. Когда ораторъ сказалъ: «Что-жъ, спрошу я васъ, сдѣлалъ человѣкъ?»—верблюжій пиджакъ утеръ огромнымъ мозолистымъ пальцемъ слезу и горько вздохнулъ...

— И что-жъ сдѣлалъ человѣкъ?—продолжалъ ораторъ.— Онъ все превратилъ въ безчинство и беззаконіе! Все нарушилъ, ничего не послушался! Его природа—вотъ врагъ нашъ! Природа его совратила съ истиннаго пути. Онъ не хотѣлъ жить честно—и Господь наказалъ его... Онъ выгналъ его вонъ изъ рая, лишилъ всего, и вотъ теперича, даже и посейчасъ, мы ни днемъ ни ночью не видимъ покою, а видимъ одно мученіе. Нѣтъ у насъ пристанища на бѣломъ свѣтѣ! Что̀ Господь давалъ даромъ, теперь мы съ кровью рвемъ другъ у дружки (Охъ-охъ-охъ!—послышалось въ разныхъ концахъ). Диви бы богатые изъ зависти, что у одного больше, а у другого меньше добра—грызлись, а и бѣдные-то норовятъ другъ на дружку наступить (вздохи становились все чаще и чаще). Что̀ мы теперь? Всю жизнь бьемся, какъ оглашенные, всю жизнь безъ передышки страдаемъ; а минуты нѣтъ спокою, и все только и дѣлаемъ, что другъ дружку обижаемъ... Вотъ, братіе, какъ Господь покаралъ насъ! Да вѣдь это такъ и должно: нешто можно было простить Ему, Отцу-то! Вѣдь Онъ Отецъ былъ нашъ, Онъ намъ хотѣлъ какъ лучше сдѣлать, а мы какъ отблагодарили? Это хоть бы взять и нашего брата: ежели я—положимъ—отецъ, и люблю я своего сына и стараюсь для него, а онъ мнѣ замѣсто этого взялъ да и сдѣлалъ какъ невозможно хуже—и что̀ же! я его взялъ да и простилъ? похвалилъ? Нѣтъ, братіе, такъ нельзя,—это будетъ баловство! И вотъ по этому случаю Богъ-Отецъ насъ никакъ не могъ простить: Онъ должо̀нъ былъ насъ наказать строго, чтобъ мы почувствовали; и Онъ насъ наказалъ, и до того, что намъ бы всѣмъ пропасть надо было, потому что мы достойны погибели...

Верблюжій пиджакъ всѣмъ своимъ лицомъ, даже всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ изнывавшій отъ глубокой ду-

шевной тоски, не выдержалъ и, почти всхлипывая, опустился съ лавки колѣнями на полъ, а руки локтями поставилъ на край стола и закрылъ лицо ладонями. Изъ-за этихъ широкихъ ручищъ поминутно стали слышаться всхлипыванія, и мокрые бѣлокурые спутанные волосы тряслись на колебавшейся отъ этихъ всхлипываній головѣ.

— Достойны полной погибели! Иначе, братіе мои, намъ бы и быть невозможно, но Господь милосердъ неизреченно: Самому Ему нельзя было насъ выручить—и вотъ Онъ послалъ Сына... И вотъ Богъ-то Сынъ и есть тотъ пастырь, что̀ я читалъ... Вотъ какъ надо это понимать!—«Поди сюда! Я тебя не обижу! Я знаю, что ты—вся во грѣхахъ, что ты заблудилась, запуталась въ терніяхъ, пропадешь зря... Выходи! не бойся! Я тебя спасу... ты Мнѣ дорога... Вѣдь тебя Богъ создалъ... Поди сюда!»

Верблюжій пиджакъ рыдалъ; слезы хлестали у него между пальцевъ и съ носа бѣжали крупными каплями; въ публикѣ слышались безпрестанныя всхлипыванія. Вздохи, казавшіеся мнѣ прежде офиціальными, теперь были совершенно искренни,—учитель говорилъ съ большимъ чувствомъ, особливо слова, обращенныя къ заблудшей овцѣ.

По окончаніи этой рѣчи учитель сѣлъ, видимо взволнованный, и сталъ отирать мокрый лобъ рваным платкомъ. Молчаніе царствовало минутъ пять; верблюжій пиджакъ сѣлъ опять на лавку; лицо его было совершенно мокрое; онъ сморкался и утиралъ глаза, но слезы такъ и лились. Въ теченіе этихъ пяти минутъ взволнованная публика едва-едва успокоилась; были, впрочемъ, и лица совершенно не взволнованныя, преимущественно изъ дѣвицъ...

Наконецъ всѣ успокоились.

— Вотъ что̀, братіе!—сказалъ учитель совершенно «другимъ», дѣловымъ голосомъ. — Позвольте васъ спросить: сколько мнѣ еще разъ говорить вамъ о фатерѣ?

Слушатели молчали. Нѣкоторые почему-то вздохнули—опять тѣмъ же офиціальнымъ вздохомъ.

— Человѣкъ второй мѣсяцъ лежитъ боленъ, не встаетъ съ постели (учитель указалъ на больного хозяина), вѣдь надо же понимать, что мы его безпокоимъ!

Общество безмолвствовало.

— Хорошо ли будетъ, какъ лавки-то наши на улицу повыкидаютъ? Я бы и самъ пріискалъ помѣщеніе, да вѣдь мнѣ тоже пить-ѣсть надо: я—рабочій человѣкъ... Кажется, можно кому-нибудь бы заняться, часокъ удѣлить?

Долгонько-таки учитель пробиралъ своихъ братьевъ за ихъ равнодушіе къ общему дѣлу, и пробиралъ строго, не церемонясь присутствіемъ посторонняго человѣка. Вторженіе въ духовную бесѣду чисто-дѣлового разговора мнѣ также показалось новымъ и хорошимъ, а впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что такія вторженія въ духовную бесѣду дѣловыхъ разговоровъ происходятъ почти на каждомъ собраніи и всякій разъ касаются какого-нибудь общественнаго дѣла, о которомъ во имя ученія надобно напомнить мірянамъ, а иногда даже и пробрать ихъ...

Дальнѣйшее моленіе продолжалось такъ: когда всѣ успокоились послѣ впечатлѣнія проповѣди и когда окончился дѣловой разговоръ, учитель помолчалъ немного и опять открылъ книгу пѣсенъ. Началось пѣніе новаго стиха такимъ же порядкомъ и манеромъ, какъ сказано выше. По окончаніи стиха началось моленіе: всѣ стали на колѣни, и учитель сталъ говорить, прося у Бога помощи для всей братіи въ томъ, чтобъ Онъ помогъ каждому быть лучше, очистилъ бы душу каждаго отъ зла и т. д. Въ концѣ концовъ, также стоя на колѣняхъ, учитель просилъ Бога о дарованіи здравія и долгодентствія государю императору. На этомъ и кончилось моленіе, продолжавшееся часа два.

Мой пріятель, извозчикъ, проводилъ меня до дому, и какъ дорогой, такъ и за чаемъ въ моей комнатѣ шли у насъ разговоры объ особенностяхъ и порядкахъ баптистской секты. На каждый мой вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ бѣдныхъ и богатыхъ и т. д., собесѣдникъ мой давалъ самые «пріятные» отвѣты. Онъ, видимо, *желалъ* говорить со мной только *хорошо*, честно, благородно; бѣднымъ они помогаютъ, кто сколько можетъ, для чего и прибита къ стѣнѣ кружка. Я спросилъ его:—«Отчего же сегодня въ эту кружку никто ничего не положилъ?»—«Ну, разно бываетъ... а то кладемъ... какъ же? Нельзя, это должно... кладемъ! Это у насъ есть, заботимся!»—«Заботитесь ли вы и другъ о другѣ, подсобляя въ несчастіи?»—«Подсобляемъ, какъ же... это ужъ нельзя безъ этого!» и т. д. Все у нихъ выходило хорошо, и все могло бы быть тутъ же значительно умалено фактами живой дѣйствительности по отношенію къ практическому осуществленію хорошихъ желаній, хорошихъ мыслей; но, несмотря на эту возможность умалить значеніе хорошихъ словъ—именно обиліе хорошихъ желаній, именно стремленіе, «чтобы все было поаккуратнѣе, почище», какъ выразился мой собесѣдникъ,

именно желаніе, чтобы вопросы о бѣдныхъ и богатыхъ, о правыхъ и виноватыхъ, о слабыхъ и сильныхъ—чтобы всѣ эти вопросы были справедливо рѣшены «по-хорошему», именно такъ, какъ говорилъ мнѣ (только говорилъ) мой собесѣдникъ,—вотъ это-то и было мнѣ очень ново. Ново то, что всѣ эти вопросы сидятъ въ умахъ этихъ людей, составляютъ ихъ заботу, что эти вопросы поставлены открыто передъ общественнымъ вниманіемъ всѣхъ старыхъ и малыхъ, до послѣдняго ребенка. Не надо было быть особенно внимательнымъ, чтобы видѣть, какъ мало эти хорошія желанія—установить совѣстливое взаимное отношеніе—осуществлены на практикѣ, но стремленіе осуществить ихъ, положенное въ основаніе нравственнаго воспитанія, хорошо и не забывается послѣ всѣхъ шероховатостей, остающихся въ вашихъ впечатлѣніяхъ отъ знакомства съ сектантскимъ міромъ.

Шероховатости эти, заставляющія васъ много разъ сказать себѣ: «и у насъ въ деревняхъ то же самое творится, къ несчастью!», гораздо болѣе бросаются вамъ въ глаза здѣсь, чѣмъ въ нашихъ безкнижныхъ деревняхъ, и фактовъ, которые убѣждаютъ васъ, какъ мало «на дѣлѣ» осуществлено хорошихъ стремленій, даже и искать не надобно: они на каждомъ шагу. Напримѣръ, переночевавъ на одномъ постояломъ дворѣ, принадлежащемъ крестьянину изъ секты «Общихъ», и перемѣнивъ лошадей, рано утромъ ѣдемъ мы по темной, еще пустынной Муганьской степи. Извозчикъ нашъ, работникъ хозяина постоялаго двора, нѣтъ-нѣтъ да и пріостановитъ лошадей.—«Что съ тобой?»—«Да животъ все схватываетъ...—отвѣчаетъ извозчикъ:—а дорога—ишь какая! Какъ толкнетъ на ямѣ или канавѣ, такъ и схватитъ...» Объяснивъ причину остановокъ, извозчикъ помолчалъ и сказалъ:

— Не кормитъ, песъ этакій, какъ должно! Донялъ квасомъ, хоть что хошь!

— Кто не кормитъ?

— Да хозяинъ-то! Такой жидоморъ! Рыбы, ишь, по нонѣшнимъ «правамъ» укупить невозможно, такъ вотъ и за обѣдомъ и за ужиномъ только и есть — квасъ да хлѣбъ. Раздуло всего начисто!

А съ этимъ хозяиномъ цѣлый вечеръ мы вели самые «хорошіе разговоры». Говорили, напримѣръ, о баптистахъ, и онъ отлично раскритиковалъ ихъ ученіе на основаніи евангелія, доказывая, что спастись можно именно *добрыми*

дѣлами, а не вѣрою только, какъ утверждаютъ господа баптисты. Когда же я показалъ ему баптистскую книжечку стиховъ, подаренную мнѣ извозчикомъ, такъ онъ только повертѣлъ ее въ рукахъ и презрительнѣйшимъ тономъ произнесъ:

— Знаемъ мы эту ихнюю болтовню. Это все у нихъ взято изъ аглицкаго пуза! (ужъ извините за выраженіе).

А теперь вонъ оказывается — «не кормитъ», хотя принадлежитъ къ сектѣ, утверждающей, что спасеніе только въ добрыхъ дѣлахъ.

Разговорившись съ возницей, мы узнали вещи и еще того хуже.

— Снохачъ!—сказалъ возница про хозяина.

— Будто бы?

— Ужъ это вѣрно! Видѣли жену сына-то?

— Какъ же, видѣлъ. Это та баба, которая самоваръ подавала?

— Ну вотъ, она самая! Ну, такъ это дѣти у нея не сыновы, а евойныя!.. Извѣстный снохачъ! Его жена ужъ старуха, внизу живетъ... А сынъ-то его хочетъ теперича оставить, хочетъ наново креститься...

Еще болѣе тяжелое несоотвѣтствіе хорошаго слова съ дѣломъ пришлось видѣть мнѣ среди такой удивительной секты, какъ «Общіе». Секта эта дѣйствительно удивительная. Щаповъ въ своихъ очеркахъ: «Умственныя направленія русскаго раскола» называетъ эту секту «Рабочимъ согласіемъ». Возникла она въ 20-хъ годахъ въ Саратовской губерніи, благодаря иниціативѣ Михаила Акинфіевича Попова. «Каждая слобода, согласно этому ученію, есть особая община; каждая партія или каждый домъ составляютъ какъ бы домашнюю церковь; дома для жительства каждой партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной слободы. *Имѣнія движимыя и недвижимыя* и доходы съ нихъ принадлежатъ братскому общему союзу по изравненіи каждаго, не разбирая, кто, гдѣ, въ какой деревнѣ находится. *Личной же собственности, ни движимой ни недвижимой, ни у кого нѣтъ.* Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги,—все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, — словомъ, все сельское хозяйство принадлежитъ цѣлой слободѣ, и доходы со всего этого составляютъ общую сумму общины. У «Общихъ» въ каждой слободѣ—одна общая денежная касса; изъ этой общей кассы, также и изъ общаго имущества, отпускаются части въ

партіи, т.-е. отдѣльные дома по числу душъ и общему для «души» уравненію. Такъ распредѣляется скотъ, всѣ хозяйственныя принадлежности, даже одежда и обувь. Затѣмъ въ каждой партіи или домѣ выбирается домашній распорядитель, сохраняющій все мужское платье и обувь партіи, и распорядительница: она обязана смотрѣть, чтобы пища была хорошо сварена, и раздавать хлѣбъ и пищу, также уравнивая ихъ; она же завѣдуетъ всѣмъ бѣльемъ дома, холстомъ, нарядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками и т. д. Слободы управляются также выборными—членомъ, судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, распорядителемъ, видѣтелемъ, молитвенникомъ, словесникомъ, тайникомъ, мысленникомъ. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производятся общими трудами по наряду общинныхъ членовъ и домашнихъ распорядителей. Въ каждой слободѣ учреждены училища, содержимыя на общественный счетъ, въ которыя родители обязаны отдавать своихъ дѣтей. Всѣмъ работникамъ общины ученіе проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служитъ общее лобызаніе: *соборное*—на общихъ сборныхъ сходахъ всей слободы, *домашнее*—между членами каждой партіи, и *единотѣльное* — при посѣщеніи другъ друга. Бракъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію и по засвидѣтельствованію передъ народомъ».

Мнѣ пришлось быть въ той самой деревнѣ, которую основалъ М. А. Поповъ. Сосланный съ своими единомышленниками на Кавказъ, Поповъ поселился здѣсь, близъ Ленкорани, основавъ поселеніе Николаевку, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ на практикѣ примѣнилъ свое ученіе. Я видѣлъ стариковъ, знавшихъ этого Попова лично, которые «дѣйствительно» пережили періодъ самыхъ подлинныхъ коммунистическихъ порядковъ, общественныхъ работъ, общественныхъ столовыхъ, общественнаго имущества; тотъ самый хозяинъ постоялаго двора, о которомъ говорено выше, разсказывалъ, что онъ, бывало, получалъ деньги на покупку сапогъ, рубахи изъ общественной кассы; на работу шелъ по указанію и распоряженію общиннаго совѣта, и т. д.— «Ну, потомъ,—прибавилъ онъ:—надоѣло, признаться, работать на другихъ. Иной меньше тебя втрое сработаетъ, иной и совсѣмъ лѣнь-лѣнью, ну, какъ-то будто бы и обидно стало...» Немало повредило этому опыту и многое другое. Такъ, напримѣръ, мѣстность, гдѣ Попову пришлось посе-

литься, оказалась не весьма благопріятной: рѣчка, протекающая черезъ Николаевку, вытекаетъ изъ мѣстности, переполненой массою всевозможныхъ минеральныхъ ключей, преимущественно сѣрныхъ, а поэтому вода въ рѣчкѣ плоха, плоха она и въ колодцахъ. Женщины жалуются на эту воду и климатъ (страшныя лѣтнія жары) и приписываютъ имъ большую смертность дѣтей. Все-таки, невзирая на эти неблагопріятныя условія, Поповъ энергически развивалъ на практикѣ свое ученіе, но скоро былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ вновь основалъ такое же общинное поселеніе. Вмѣстѣ съ Поповымъ были сосланы семьи главныхъ его сотрудниковъ, а другая часть рабочихъ-общинниковъ, которые не были признаны столь же виновными, какъ Поповъ, были отданы въ солдаты. Въ Николаевкѣ остались почти только женщины да дѣти, и лѣтъ десять николаевскія женщины переживали какой-то темный періодъ «безмужія». Впослѣдствіи, послѣ множества ходатайствъ, мужьямъ-солдатамъ дозволено было жить въ Ленкорани, и отъ времени до времени они могли видаться съ семьями. Въ 1873 г., по ходатайству намѣстника кавказскаго, Поповъ возвратился изъ Сибири и нѣкоторое время жилъ въ Николаевкѣ, гдѣ скоро и умеръ. Изъ Сибири за нимъ пришло сюда нѣсколько новыхъ единомышленниковъ, изъ которыхъ иные состояли съ Поповымъ въ родствѣ, женившись на его дочеряхъ; другіе женились въ Сибири на мѣстныхъ женщинахъ, дѣти которыхъ носятъ особенности сибирскаго типа, весьма отличнаго отъ типа великорусса. Съ возвращеніемъ Попова и эти «сибиряки» также стали перебираться сюда по доброй волѣ, поближе къ источнику ученія и къ мѣсту жительства учителя.

Въ настоящее время Николаевка—довольно большая деревня, далеко не напоминающая того фаланстера, который, какъ кажется, грезился основателю ея. Есть здѣсь и богатые дома, есть и бѣдные, есть и лачуги. «Равненія» въ средствахъ жизни и достаткѣ уже нѣтъ. Нѣтъ ни общественныхъ столовыхъ ни общественныхъ работъ; всякій работаетъ на себя, по силамъ, какія есть въ его семействѣ. Всѣ двѣнадцать «чиновъ» общинной администраціи, установленные Поповымъ, существуютъ и теперь, но нѣкоторые изъ нихъ уже не имѣютъ ни значенія ни резона: учитель, судья, распорядитель—сосредоточены теперь въ одномъ лицѣ, преемникѣ Попова и его ученикѣ, Иванѣ Антоновичѣ С—нѣ. За прекращеніемъ общественныхъ работъ,

общественныхъ расходовъ, стали не нужны и такія общественныя должности, какъ, напримѣръ, «видѣтель»—лицо, на обязанности котораго въ прежнее время лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы всякій исполнялъ то, что̀ ему назначено распорядителемъ. Должность эта есть и теперь, но дѣла ей нѣтъ, за исключеніемъ «непорядковъ», касающихся частной жизни общинниковъ. Изъ старыхъ общественныхъ порядковъ остались общественный судъ и обязательная для каждаго жертва десятой части урожая въ пользу нуждающихся; общественный амбаръ, изъ котораго выдаются ссуды хлѣбовъ—и выдаются безъ возврата—дѣйствительно существуетъ. Общественная касса сократилась до размѣровъ добровольныхъ приношеній, собираемыхъ во время молитвенныхъ сборищъ, «кто сколько можетъ»,— и чинъ «жертвенника», завѣдующаго этими приношеніями и общественнымъ амбаромъ, имѣетъ нѣкоторый резонъ для существованія. Но зато «мысленникъ» и «тайникъ» и сейчасъ весьма много значатъ въ жизни «Общихъ». Желаніе жить «поаккуратнѣй, почище», какъ выразился баптистъ-извозчикъ, лежащее въ основѣ всѣхъ сектантскихъ ученій, осуществляется въ сектѣ «Общихъ», между прочимъ, стремленіемъ не держать на душѣ грѣха, дурной и пагубной мысли. Чтобъ отдѣлаться отъ дурного желанія, отъ какой-нибудь черной мысли, надобно ее сейчасъ же открыть, разсказать, надобно покаяться въ ней, и тогда она оставитъ человѣка сама собой. Такъ вотъ «тайникъ» выслушиваетъ такіе мрачные замыслы, которые слишкомъ тягостно дѣлать извѣстными всему обществу; «тайникъ» не говоритъ никому о мрачной мысли, забравшейся кому-нибудь въ голову, и ему-то непремѣнно надо открыть эту мысль. «Мысленнику» точно такъ же повѣряютъ дурныя, злобныя мысли и желанія, и какъ «тайникъ», такъ и «мысленникъ» обязаны принять участіе въ дурномъ душевномъ состояніи кающагося, разсѣять его, разъяснить, облегчить и непремѣнно простить. «Простить» человѣка въ концѣ концовъ — это также основной принципъ ученія Попова, идущій рядомъ съ обязанностью всякаго—непремѣнно «каяться» въ своихъ дурныхъ поступкахъ, даже, какъ видите, дурныхъ мысляхъ. Покаяніе или, другими словами, полная откровенность—обязательны для общинниковъ. Каяться должно первому близкому человѣку, потомъ «тайнику», «мысленнику», наконецъ всему обществу, міру. И всѣ должны разобрать, разслѣдовать, устыдить кого нужно и въ концѣ концовъ—простить.

Одна старушка разсказала мнѣ недавній случай общественнаго суда надъ однимъ мужчиной и одной женщиной, вступившихъ въ такія отношенія, о которыхъ «видѣтель» долженъ былъ доложить общественному суду. Оба виноватые разсказали при всѣхъ все, до мельчайшихъ подробностей; поступки ихъ были публично обсуждены, разсмотрѣны во всѣхъ отношеніяхъ, и въ концѣ концовъ достаточно пристыженные грѣшники были также публично прощены и общинниками и «чинами».

— Да вѣдь что, батюшка,—сказала старушка:—вѣдь подумаешь-подумаешь, а вѣдь ужъ больше-то этого и не придумаешь, какъ прощай всѣхъ и за все!

Между прочимъ, эта же старушка и разсмѣшила меня. Разговоръ шелъ о томъ, что надо постоянно облегчать, очищать душу откровенностью съ ближнимъ; чтобы на душѣ не застаивалось ни одно дурное ощущеніе, и чтобы это ощущеніе не портило душевной ясности,—надо сейчасъ же покаяться кому-нибудь.

— А мужчина, — спросилъ я: — можетъ каяться женщинѣ?

— Ну, ужъ чего бабѣ каяться! Каяться, такъ ужъ, знамо, мужику надо.

Кромѣ обязательнаго покаянія, по части личной чистоты, личной опрятности и сдержанности, «Общіе» налагаютъ на себя много другихъ обязательствъ, которыя несутъ на себѣ дѣйствительно съ изумительнымъ терпѣніемъ и твердостью духа. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обузданіе плоти. Пища, обязательная для каждаго изъ «Общихъ», должна быть самая скромная и самая умѣренная; ничего мало-мальски возбуждающаго—чеснокъ, лукъ—они не употребляютъ; ничего жирнаго они не ѣдятъ; всѣ большія жирныя рыбы Каспійскаго моря, которыя у нихъ подъ бокомъ, не употребляются ими въ пищу. Словомъ, ѣда ихъ самая постная и скромная. Вина они не пьютъ (развѣ тайкомъ); никакихъ пѣсенъ, плясокъ, хороводовъ—ничего этого нѣтъ; даже на свадьбахъ поютъ только духовныя пѣсни. Этотъ постный, сухой образъ жизни иногда бываетъ тягостенъ даже и для посторонняго наблюдателя: ни звука ни смѣха—все молчаливо, сухо, постно, сдержанно.

Такимъ образомъ изъ ученія Попова болѣе всего удержалось между «Общими» только то, что касается личной стороны, личной опрятности, личнаго благообразія. Но то, что въ этомъ ученіи касалось общественной опрятности и

общественныхъ обязанностей общинниковъ другъ къ другу, удержалось только въ самой слабой степени. Удержалась жертва на общую пользу десятой части урожая, удержалось какое-то подобіе общественной кассы и — только! Теперь каждый дворъ живетъ особнякомъ, работаетъ на себя. Въ этомъ отношеніи глава секты, И. А. С., самъ подаетъ примѣръ. Онъ отдѣльно отъ общества снимаетъ рыбную ватагу и, стало-быть, богатѣетъ въ одиночку. Вообще И. А. постоянно разочаровывалъ меня въ моихъ предположеніяхъ, основанныхъ на знакомствѣ съ «Общими» по статьѣ Щапова. По пріѣздѣ въ Николаевку, я былъ пораженъ такой особенностью во внѣшнемъ видѣ селенія: никакихъ заборовъ между дворами не существуетъ. Есть заборъ по улицѣ, но загородей, отдѣляющихъ дворы сосѣдей, нѣтъ; куры, овцы, буйволы свободно переходятъ изъ одного двора въ другой. Мнѣ подумалось, не остатокъ ли это отъ старой имущественной равноправности, проповѣдывавшейся Поповымъ?

— Это, вы думаете, по ученію? — сказалъ И. А., когда я спросилъ объ этомъ.—Это лѣнь, вотъ что это такое! Который хорошій хозяинъ, такъ тотъ загородится, будьте покойны! Вонъ у меня, посмотрите, какая загородь со всѣхъ сторонъ обнесена!

И точно: И. А. прочно огородилъ свое жилище. Собаки у него страшныя-престрашныя и злыя-презлыя. Когда мы шли къ нему въ гости, такъ насъ взялся проводить одинъ изъ «Общихъ», котораго собаки знали, — «а то разорвутъ!»

Этотъ же И. А. однажды не только разочаровалъ меня, но поистинѣ даже «потрясъ» нѣкоторыми своими сужденіями. Разговаривали мы о покаяніи и прощеніи. И. А. сказалъ, что общественный судъ «Общихъ» прощаетъ до трехъ разъ одного и того же преступника, а потомъ отвергаетъ его товарищество и исключаетъ изъ общества—иди, куда хочешь. Такъ было въ старину, а теперь такъ измѣнились времена, что, по словамъ И. А., стали появляться въ средѣ «Общихъ» такіе люди, для которыхъ и трехъ судовъ стало мало; его простятъ три раза, а онъ сейчасъ за то же: пьетъ, ругается, воруетъ...

— Что-жъ вы дѣлаете въ такомъ случаѣ?

Надо сказать правду, что, когда я задалъ И. А. этотъ вопросъ, онъ крѣпко вздохнулъ, прежде нежели отвѣтилъ:

— Предаемъ властямъ! Что станешь дѣлать?

— То-есть кому же?

— Да начальству... старостѣ казенному...

И еще разъ глубоко-глубоко вздохнулъ и прибавилъ:

— Да что! ему бы надобно наказать его, высѣчь, а онъ пускаетъ!

Признаюсь, истинно какъ громомъ разбилъ меня И. А. этими словами, отъ которыхъ я и на родинѣ рѣшительно не зналъ, куда дѣваться. Много лѣтъ подъ-рядъ въ самыхъ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, только и слышишь по части серьезныхъ мнѣній разныхъ свѣдущихъ людей, стремящихся «искоренить зло», что ежели бы драть, какъ слѣдуетъ, такъ все бы и было хорошо, а горе въ томъ, что вотъ дерутъ-то какъ-то уныло, меланхолически, а не серьезно. И вдругъ эта же самая фраза, это несносное изреченіе догнало меня здѣсь, чуть не на концѣ русскаго свѣта!.. Господи Боже!..

— Сладу нѣту!—продолжалъ И. А.:—непокорство... папиросочки... трубочки... и т. д.

Все, слово въ слово, то самое, что я милліоны разъ слышалъ на Руси!

Словомъ, повторяю, даже и безъ особенныхъ стараній подмѣчать темныя стороны сектантства, онѣ сами бросаются въ глаза. «Все это есть у насъ, безъ всякихъ постовъ, гимновъ и чиновъ!» Есть люди наживы, и трубочки съ табакомъ, и такое же нежеланіе работать на другого — все есть! Но, при всемъ этомъ столь явномъ сходствѣ темныхъ сторонъ нашей безкнижной и этой книжной деревни, онѣ очень и очень непохожи другъ на друга, и поровнять ихъ невозможно. У насъ, въ безкнижной деревнѣ, много есть точь въ точь такихъ же неправдъ, какъ и въ книжной деревнѣ, но разница заключается въ томъ, что въ книжной деревнѣ темнымъ явленіемъ жизни всенародно противопоставляются и проповѣдуются самыя строгія нравственныя требованія. Это дурное и темное дѣлается, *но этого не должно быть.* Должно быть вотъ такъ-то и такъ, и если происходитъ иначе, если мы не можемъ обойтись безъ худого, то въ сущности это неправда, это нехорошо, этого не должно быть. У «Общихъ», напримѣръ, съ ранняго школьнаго дѣтства, при обязательности обученія, дѣтямъ внушается «Уставъ упованія общаго ученія», затрогивающій самыя серьезнѣйшія общественныя и частныя отношенія, требующій въ этихъ отношеніяхъ самой высшей справедливости. Словомъ, въ основаніе всего союза людей кладутся

и проповѣдуются открыто самыя широкія требованія. *Какъ должно быть*—здѣсь извѣстно всѣмъ, и если И. А. арендуетъ отдѣльно отъ общества ватагу, то послѣдній мальчикъ знаетъ, что этого *не должно быть*, что *не должно* богатѣть насчетъ другихъ, что *нельзя* бросать бѣдныхъ и неимущихъ на произволъ судьбы. Всего этого достигнуть трудно,—человѣкъ плохъ, слабъ, своекорыстенъ, но онъ *долженъ быть* лучшимъ. Такимъ образомъ, при тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, какъ у насъ, здѣсь есть въ душѣ и въ сознаніи каждаго нравственный идеалъ; онъ плохо осуществляется, это правда, но онъ долженъ бы быть осуществленъ. И въ каждомъ нашемъ крестьянинѣ, какъ во всякомъ человѣкѣ, несомнѣнно есть «Богъ», совѣсть, и нашъ крестьянинъ подлое называетъ подлымъ, но здѣсь эти проявленія совѣсти сдѣланы предметомъ *всеобщаго* вниманія, «главнымъ дѣломъ», лежащимъ въ основѣ воспитанія, главною цѣлью, къ которой *надо* стремиться. Въ ученіи «Общихъ», какъ видно изъ приведеннаго выше изложенія, проповѣдуются самыя идеальныя человѣческія отношенія, проповѣдуются и отцами, и матерями, и наставниками, и судьями, и т. д. Трудно достигнуть такого идеальнаго совершенства, и оно плохо достигается на дѣлѣ; но чего именно надо достигать, къ какой цѣли стремиться, что̀ хорошо и что̀ худо — это извѣстно всѣмъ и каждому, это поддерживается, если хотите, всѣмъ «начальствомъ» секты.

У насъ есть всѣ темныя явленія, какія встрѣчали мы и въ сектантскихъ деревняхъ, но наши идеальныя стремленія, наши представленія о справедливомъ и несправедливомъ не имѣютъ и милліонной доли того общественнаго значенія и той общественной поддержки, какія лежатъ въ основѣ сектантства. «Какъ должно быть?» — нигдѣ, ни въ церкви, ни въ школѣ, не поставлено такъ широко и не разрабатывается такъ открыто и настойчиво, какъ разрабатывается въ сектантской школѣ, въ сектантской семьѣ, въ сектантскомъ собраніи. Вотъ почему въ нашихъ безкнижныхъ деревняхъ могутъ встрѣчаться поразительнѣйшія колебанія общественной и частной совѣсти,—колебанія, отъ которыхъ иной разъ просто подираетъ морозъ по кожѣ. Не такъ давно, напримѣръ, въ газетахъ было разсказано слѣдующее: во Владимірской губерніи до самаго послѣдняго времени сохранились еще самыя образцовыя формы общиннаго землевладѣнія. Есть цѣлыя нераздѣльныя волости, включающія по двѣнадцати деревень, при чемъ въ общемъ

пользованіи находятся и земли, и луга, и выгоны, и лѣса! Разсказывая исторію одной такой общины-волости, корреспондентъ рисуетъ картину поистинѣ прелестную. Такъ-называемые пессимисты должны посрамиться отъ ея созерцанія. Земля въ этой волости (Константиновской) передѣлялась по душамъ по мѣрѣ прироста населенія, при чемъ границы обозначались камнями, которые при передѣлахъ передвигались съ одного мѣста на другое; сироты распредѣлялись между имущими; излишекъ населенія въ одной мѣстности мірскимъ согласіемъ передвигали въ такія мѣста, гдѣ былъ въ немъ недостатокъ, и т. д. Словомъ—картина самыхъ удивительныхъ проявленій народной правды и справедливаго народнаго ума. Такъ живетъ эта волость долгіе годы. Настаетъ 19 февраля, пріѣзжаютъ чиновники и размежевываютъ деревни, несмотря на всеобщее нежеланіе. Луга константиновцамъ однакоже удалось оставить нераздѣльными. Но и по раздѣленіи земли всѣ девять деревень постоянно стремятся къ слитію воедино, постоянно заявляютъ объ этомъ на сходахъ, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ изъ 9 деревень стало тѣсно, приросло много народу, а въ другихъ убыло. Приготовлялись уже сдѣлать общій, на старинный образецъ, передѣлъ, передвижку,—какъ случилось одно совершенно неожиданное обстоятельство: въ деревнѣ Константиновкѣ (отъ которой и волость носитъ то же названіе) появилась холера и изъ 300 душъ унесла въ могилу 150 человѣкъ. Едва 150 человѣкъ были зарыты, какъ оказалось, что у константиновцевъ *само собою* образовались вдвое бо́льшіе противъ прежняго душевые надѣлы. До холеры было по 4 десятины, а послѣ холеры вдругъ оказалось по 8... И что́ же?—константиновцы тотчасъ же отказались отъ всеобщаго передѣла и стали пользоваться своими 8 десятинами, свалившимися съ неба, предоставляя сосѣдямъ, жаловавшимся на тѣсноту, ждать новаго Божьяго наказанія, чтобы увеличить свои надѣлы.

Я боюсь сказать, но мнѣ кажется, что здѣсь ни въ первой половинѣ этой исторіи ни во второй не было для поступковъ дѣйствующихъ лицъ опредѣленнаго нравственнаго убѣжденія въ томъ, *какъ должно*, а было одно—*какъ пришлось*. А пришлось, говоря по совѣсти, какъ видите, очень скверно. Люди требовали передѣла, потому что народилось много народу; можетъ, именно отъ этого и отъ недостатка въ питаніи и произошла въ Константиновкѣ холера, и вотъ этотъ-то печальный опытъ не мѣшаетъ от-

казываться отъ еще вчера нужнаго передѣла, хладнокровно подвергать сосѣдей-товарищей той же тѣснотѣ и той же, быть-можетъ, эпидеміи. Право, это не «по-сусѣдски» и не по совѣсти.

Здѣсь не «по-сусѣдски» и не по совѣсти поступлено константиновцами потому, что въ ихъ идиллическую жизнь вторглось постороннее вліяніе въ видѣ размежеванія и познакомило ихъ съ удовольствіями отдѣльнаго владѣнія. Вышло нехорошо. Слѣдовательно, если бы вліяніе, хотя бы даже и постороннее, явилось сюда съ требованіями другого рода, съ поддержкою, положимъ, началъ общиннаго владѣнія, то и поступки константиновцевъ могли бы быть другіе. И дѣйствительно, всякій разъ, когда власть или вообще лица и учрежденія рѣшаются поддерживать и ободрять въ народѣ справедливыя побужденія совѣсти, эти побужденія начинаютъ обнаруживаться въ самыхъ, повидимому, заскорузлыхъ и омертвѣлыхъ сердцахъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ одной изъ волостей долгое время свирѣпствовалъ и грабилъ въ буквальномъ смыслѣ слова старшина, и міръ долгое время, хотя и ропталъ на него, однакожъ своими мірскими сходами и приговорами потакалъ этому дѣятелю. Однажды міръ этотъ, видя, что старшина растратилъ мірскія деньги, выбралъ въ учетчики крестьянина, почти отъ старшины независящаго и самостоятельнаго. Крестьянинъ этотъ былъ богатъ, имѣлъ 100 дес. собственной земли, и ему нечего было бояться старшины. Онъ взялся за учетъ, раскрылъ всѣ плутни, — словомъ, сдѣлалъ дѣло по совѣсти. Но старшина, какъ сказано въ отчетѣ о разбирательствѣ дѣла, *приказалъ* сходу составить приговоръ о ссылкѣ этого счетчика въ Сибирь, по какимъ-то совершенно нелѣпымъ мотивамъ. Приговоръ составили, а послѣ него посадили въ «холодную» все семейство счетчика. Въ «холодной» онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока жалоба его ходила въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ у него былъ вырубленъ лѣсъ, разломанъ амбаръ и растащенъ хлѣбъ, а домъ сожженъ. Человѣкъ вышелъ почти нищимъ. Другое дѣло того же человѣка, сдѣланное при содѣйствіи мірянъ, состоитъ въ томъ, что, желая завладѣть всѣмъ имуществомъ одного крестьянина, онъ позвалъ одного изъ односельчанъ этого же мужика, заставилъ его дать вексель отъ имени того мужика, чьимъ имуществомъ онъ хотѣлъ завладѣть, повезъ этого мужика въ городъ, гдѣ тотъ у нотаріуса под-

твердилъ, что онъ именно есть то самое лицо, за которое выдаетъ себя; это же подтвердилъ и извозчикъ, молодой мальчикъ, юноша, который участвовалъ во всѣхъ плутняхъ и гадостяхъ старшины. Дѣло наконецъ дошло до суда. На предварительномъ слѣдствіи всѣ показывали въ пользу старшины. Но вотъ начался судъ—и всѣ эти плуты и лжесвидѣтели почувствовали, что судъ касается ихъ совѣсти, *въ самомъ дѣлѣ* добирается до правды, до стыда, вдругъ наперерывъ другъ передъ другомъ выложили правду злодѣйства старшины, какъ на ладони.—«Теперь ужъ я тебѣ не поддамся!»—говорилъ на судѣ, обращаясь къ старшинѣ, юнецъ-кучеръ. Даже волостной писарь, который въ сущности былъ указателемъ для старшины въ кляузничествѣ и умѣньи обойти законъ, и тотъ выболталъ все, и даже прибавилъ, махнувъ рукой:—«Что творилось, такъ это сохрани Царица Небесная!» Всѣ почувствовали, что судъ тянетъ за струну совѣсти, и она заиграла.

Еще интереснѣе другой эпизодъ, о которомъ я уже упоминалъ въ одной моей статейкѣ и который я разскажу здѣсь вкратцѣ. Нѣсколько солдатъ изъ полка, стоящаго въ Харьковѣ, шли съ унтеръ-офицеромъ во главѣ по какому-то служебному дѣлу; дорогой они подгуляли и перессорились; рядовые побили даже унтеръ-офицера. Началось дѣло. Но самъ унтеръ-офицеръ, не желая губить своихъ товарищей и пріятелей, просилъ ихъ показывать на судѣ, что этого ничего не было, и самъ показывалъ то же, то-есть, что его не били, и все это выдумано имъ такъ, зря. Пришлось принимать присягу, они приняли, и ихъ оправдали. Но въ войскахъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторыя особенныя требованія относительно военной *чести, присяги*,—требованія справедливыя, а потому рѣшительно для всѣхъ важныя. И вотъ эти самые солдаты, которые, будучи мужиками, подъ вліяніемъ и давленіемъ какого-нибудь гнуснаго волостного старшины, составили бы, въ пьяномъ видѣ, какіе-нибудь возмутительные приговоры, здѣсь, въ войскѣ, подъ вліяніемъ особеннаго значенія, какое имѣютъ для солдата присяга и честь, будучи оправданы, не вынесли сознанія, что оправданіе досталось имъ цѣной ложной присяги. Дня черезъ два они явились къ начальнику и объявили, въ чемъ они виновны. «Просто даже невозможно было *терпѣть!*»—сказалъ одинъ изъ нихъ, т.-е. невозможно было перенести собственнаго обмана...

Давно, давно пора поддержать русскій народъ въ этихъ

стремленіяхъ совѣсти, давно пора увѣрить его, что онъ *долженъ* проявить ихъ смѣло и безбоязненно. И вотъ, когда сравнить, какъ поставлены требованія относительно того, какъ должно жить «по-хорошему» въ нашей некнижной деревнѣ и деревнѣ сектантской, то разница между ними окажется огромная. Тамъ съ дѣтства, со школы, къ человѣку предъявляются самыя строгія широкія требованія относительно необходимости самаго безукоризненнаго житія, рисуются самыя справедливѣйшія отношенія, и затѣмъ сама жизнь на его глазахъ стремится по возможности все это осуществить; школа не разорвана съ жизнью; жизнь не разорвана съ администраціей и церковью. Церковь, моленный домъ — это одновременно и судъ по всевозможнымъ дѣламъ, и проповѣди здѣсь прерываются для разговора о житейскихъ уличныхъ дѣлахъ, а уличныя дѣла вторгаются въ проповѣди. Изъ такой школы можетъ выйти много хорошаго. Кулаки-міроѣды выходятъ не изъ этихъ школъ, а вопреки имъ. Нынѣшнее поколѣніе сектантскихъ учителей— люди старые, видѣвшіе крѣпостное право, солдатчину, палку, кулакъ «скуловоротъ». Молодое поколѣніе, ничего этого не знавшее, быть-можетъ, не остановится на томъ, до чего доработались ихъ отцы.

ЧЕРЕЗЪ ПЕНЬ КОЛОДУ.

I. Захотѣлъ быть умнѣй отца.

1.

— Тамъ, на кухнѣ, васъ спрашиваетъ какой-то мужчина...—сказала мнѣ какъ-то на-дняхъ работница, появляясь въ моей рабочей комнатѣ.—Вотъ какую-то бумагу велѣлъ вамъ прочитать... Не очень молодой ужъ... Даже ужъ довольно пожилой мужчина.

Работница вручила мнѣ бумагу и ушла.

Очень и очень была мнѣ знакома эта «бумага», засаленная продолжительнымъ пребываніемъ за пазухой невѣдомо откуда появляющагося «прохожаго» человѣка, случайнаго моего посѣтителя, и не безъ нѣкотораго непріятнаго ощущенія взялъ я ее въ руки: много, очень много перечиталъ я этихъ бумагъ съ тѣхъ поръ, какъ живу въ деревнѣ, и давно уже отвыкъ чувствовать любопытство къ произведеніямъ такого рода; эти желтыя чернила, отъ которыхъ слѣпнутъ глаза, и почти всегда невѣроятно исковерканный языкъ, надъ пониманіемъ котораго надобно въ буквальномъ смыслѣ слова «ломать» голову, а главное — всегда почти кляузное содержаніе этой «бумаги» — все это развило во мнѣ какое-то непріязненное, даже болѣзненное ощущеніе, ощущеніе боли въ вискахъ всякій разъ, когда какой-нибудь случайный посѣтитель, желая поговорить со мной, посылалъ впередъ себя эту засаленную бумагу.

«Кляуза! Непремѣнно какая-нибудь ехидная гадость!»—чувствуется мнѣ всякій разъ, когда я увижу этотъ протягиваемый мнѣ работницей засаленный лоскутъ. Горькій опытъ убѣдилъ меня, что хорошій, дѣльный, *порядочный* мужикъ не пойдетъ ко мнѣ за разговоромъ; онъ дѣлаетъ

свое дѣло — некогда ему разговаривать, да и нечего мнѣ ему сказать: ничего я *въ его* дѣлахъ не понимаю и не знаю. Горькій опытъ убѣдилъ меня еще и въ томъ, что хорошій, порядочный мужикъ, желающій подумать, а по временамъ и поговорить «по-хорошему» и о хорошемъ «вообче», не пойдетъ ко мнѣ не потому только, чтобы онъ былъ увѣренъ, что и по этой части, т.-е. по части хорошаго разговора, я такъ же мало понимаю, какъ мало понимаю въ его крестьянскихъ дѣлахъ: нѣтъ, онъ знаетъ, что по части «хорошаго разговора» я могу быть ему полезенъ, что у меня книжки, что я въ газетахъ «вычитываю обо всемъ», и что вообще намъ съ нимъ есть много о чемъ поговорить по совѣсти; но, зная все это, онъ все-таки не пойдетъ ко мнѣ, потому что чувствуетъ безплодность такихъ разговоровъ, чувствуетъ, что не тѣ времена *), чтобы *дозволять* себѣ даже мечтать по-хорошему, что теперь времена стоятъ рыковскія, не свѣтлыя, не настоящія,—времена, которыя, несомнѣнно, пройдутъ, но съ которыми «по-хорошему» ничего не подѣлаешь. Можно только сторониться отъ нихъ, «не касаться» этой рыковщины, гдѣ бы она ни проявлялась въ деревенской жизни: въ волостномъ судѣ, на сходѣ, въ кулацкомъ трактирѣ или на кулацкой попойкѣ; и вотъ почему не идетъ ко мнѣ порядочный мужикъ для хорошаго разговора: рыковщина вдвойнѣ страшна здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ она груба, топорна, безчеловѣчна и ничѣмъ не прикрашена. Рыковщина страшна, какъ систематическое истребленіе во всѣхъ и въ каждомъ малѣйшаго проявленія чего-нибудь божескаго, совѣстливаго, умнаго, справедливаго. Рыковщина не только банковый грабежъ, а *умышленное истребленіе малѣйшихъ благородныхъ и справедливыхъ побужденій въ человѣкѣ*. Послѣднія двадцать пять лѣтъ тѣмъ и ужасны, что дѣло о правдѣ и неправдѣ стояло въ такомъ именно, а не иномъ положеніи. Неправду слишкомъ берегли, слишкомъ холили, дали ей полную волю, а правду слишкомъ жестоко, слишкомъ неумолимо истребляли въ малѣйшихъ ея проявленіяхъ и положительно на всѣхъ путяхъ. Если рыковщина городовъ не пускала въ банкъ порядочнаго человѣка, чтобы онъ не помѣшалъ дѣлать зло на десятки милліоновъ, то рыковщина деревень не пускала его ни въ ссудо-сберегательное товарищество съ грошовымъ оборотомъ, ни въ волостное правленіе, ни въ судъ, ни въ

*) Слова эти относятся къ недавнему прошлому.

школу. Все, что въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ имѣло стремленіе въ самомъ дѣлѣ дѣлать добро, приносить общественную пользу, все, что хотѣло дѣлать по правдѣ, совѣсти и чести, на какихъ бы отдаленнѣйшихъ и глухихъ мѣстахъ эти попытки ни осуществлялись и въ какихъ бы микроскопическихъ размѣрахъ ни проявлялись онѣ,—все это зорко, необычайно зорко, по-звѣриному видѣла, носомъ чуяла рыковщина и стремилась истребить. Свѣтлое сознаніе, умъ, малѣйшія проявленія доброй воли, прямоты совѣсти,—словомъ, малѣйшее проявленіе *души*—все это претило, бѣсновало зоологическій инстинктъ рыковщины, которая не церемонилась и пускала въ ходъ всякія средства: «всемогущій Богъ», «съ Божіею помощію», «помощь бѣднымъ и нищимъ», «расширеніе производства», «страданіе сердца», «шантажъ и подрывъ довѣрія» и т. д.,—словомъ, все, что можетъ заставить вѣрить, что на кровати лежитъ бабушка, а не волкъ въ бабушкиномъ чепчикѣ. И для чего все это? Для того же, для чего и волку нужно вѣчно рвать овецъ и вѣчно быть голоднымъ; въ этомъ рваньѣ, въ этомъ безплоднѣйшемъ истребленіи все содержаніе безсмысленной зоологической рыковщины, — рванье, грабежъ для рванья и грабежа; разворовавъ милліоны, рыковщина не научитъ даже дѣтей своихъ читать и писать; у ней нѣтъ фантазіи истратить эти милліоны; она можетъ только хватать ихъ, воровать и ввергать въ помойную яму... Ни замковъ она не выстроитъ, ни морей не оживитъ, ни горъ не коснется и ничего ни изъ какихъ сокровищъ не извлечетъ. Чтобы быть *хорошимъ эгоистомъ*, нужна продовольственная наслѣдственность, нужна порода, а здѣсь наслѣдственность фантазіи хватаетъ только до паюсной икры и чистосердечнаго приношенія городничему: на милліонъ уже не хватаетъ этой фантазіи; но, несмотря на то, что фантазіи хватаетъ на полтинникъ, этому зоологическому типу, мужику безъ мужицкаго труда, нельзя остановиться въ грабежѣ и въ злѣ, нѣтъ другихъ формъ для проявленія самого себя, не угнетеннаго мужицкимъ трудомъ, а освобожденнаго отъ него... Волка сколько ни корми, какъ ни ухаживай за нимъ, но онъ уйдетъ въ лѣсъ голодать, выть и рвать всякую падаль.

Теперь, благодаря суду, стало ужъ ясно, что такое эта рыковщина и какая у нея суть нравственная, нравственная подоплека, облекаемая, смотря по обстоятельствамъ, какъ заячья шкура, то якобы патріотизмомъ, то смиреніемъ, то волчьимъ оскаливаніемъ зубовъ,—теперь ясно, что ры-

ковщина есть обманъ по отношенію къ существующему порядку.

Рыковщина отучила насъ всѣхъ—и мужиковъ и не-мужиковъ—вѣрить и думать даже о томъ, что есть человѣкъ, душа, совѣсть, стыдъ, обязанность къ ближнему; отучила вѣрить, что не только нужно, а даже можно думать и дѣлать хорошо; какъ дважды два доказала, что по-хорошему поступать — страшно, опасно и не время. Вотъ почему и хорошій, честный, порядочный мужикъ притаился, пріумолкъ, предоставивъ волю деревенской рыковщинѣ во образѣ грабительства, кулачества и кабачества. Порядочный крестьянинъ вѣритъ, что это не навсегда, что у торжествующей рыковщины будетъ конецъ—объѣстся и лопнетъ, и ничего, кромѣ смрада, отъ нея не останется... А пока это еще будетъ, онъ идетъ мимо меня и не заходитъ: не къ чему разговаривать и разспрашивать—«еще не отъѣлись, чавкаютъ еще! — думаетъ онъ: — пущай, апосля приду!..» Раза два-три, правда, заходили ко мнѣ такіе хорошіе мужики—спросить, скоро ли откроется банкъ крестьянскій, да какія правила насчетъ лѣсныхъ торговъ, и больше, кажется, не было у меня хорошихъ посѣщеній... А вотъ кляузникъ идетъ! Чуетъ онъ носомъ, что теперешній образованный, грамотный человѣкъ, который газету читаетъ, долженъ понимать, гдѣ раки зимуютъ... Онъ знаетъ старую, заскорузлую кляузу, произошелъ, и новую, деревенскую знаетъ—такъ вотъ нѣтъ ли, думаетъ, еще какого-нибудь иного новаго манера, чтобы оформить по-новому заскорузлую кляузу, выскочить чрезъ и сквозь всѣ древнія и новыя кляузы еще выше, подъ самый, такъ сказать, переметъ неправды?.. Не виню я этихъ тварей за такое мнѣніе о баринѣ,—баринъ, къ несчастью, очень и очень мало заявляетъ себя передъ мужикомъ съ хорошей стороны,—но все-таки типъ деревенскаго кляузника для меня въ такой степени противенъ, что одно появленіе бумаги, въ которой я привыкъ видѣть непремѣнно вступленіе въ обширнѣйшій кляузный разговоръ, одинъ запахъ этого лоскута, валявшагося за пазухой кляузника вмѣстѣ съ кучей другихъ кляузныхъ «скопій» и документовъ, этотъ большею частью умышленно запутанный и омерзительный языкъ, эти блѣдныя каракули, запятнанныя чернилами, масломъ и грязью, — все это давно ужъ стало возбуждать во мнѣ физическое отвращеніе, боль головы, груди... Вотъ почему я, по уходѣ работницы, принесшей мнѣ бумагу, не могъ не раскаиваться въ своей

неосторожности: зачѣмъ я взялъ эту гадость? Но такъ какъ бумага была уже въ рукахъ, то волей-неволей я прочиталъ ее. Вотъ что было нацарапано на ней:

«18** году двадцать пятаго числа марта мѣсяца бывши я крестьянинъ сопсвеникъ деревни Кубышки Чихалковской волости Купреянъ Муравушкинъ бывши во храмѣ святыя Софіи въ Новѣ градѣ при служеніи соборне имѣлъ мысли о себѣ самомъ и о Расеи и о прочемъ и тогда впавъ въ состояніе слезъ и даже до обморока въ безчувствіи на весь храмъ произносилъ необыкновенныя слова горести весь въ слезахъ и не могу даже остановиться по случаю вдохновенія до изнеможенія и языкъ мой стало тянуть взадъ къ затылку и упалъ въ безпамятствѣ. Іерей же Іоанъ Лисицынъ засвидѣтельствовалъ съ теченіемъ времени выздоровленія, о дивныхъ словахъ кои были мною возвещены вдохновеніемъ, и золотыми буквами на поученіе заблудшему народу изъявлялъ опубликовать, но я даже не могу найдти и вспомнить тѣхъ словъ. И было со мною въ теченіи времени шестьдесятъ восемь лѣтъ необыкновенныхъ вдохновеніевъ тріе: первое — на съѣздѣ дворянства, второе—въ поученіи сыну моему художнику Симеону Муравушкину, а третье во храмѣ св. Софіи о чемъ покорнѣйше доношу вашему сіятельству, какъ даровано мнѣ отъ Бога вдохновеніе, то покорнѣйше прошу не оставить безъ вниманія. Кр. с. Кубышки» и т. д.

Прочитавъ эту тарабарщину, я все-таки чувствовалъ, что есть тутъ какая-то гадость, или вообще что-то старое, уродливое, нелѣпое, хотя прямой, видимой кляузы нѣтъ. «Что ему нужно?»—думалось мнѣ. Но, пока я раздумывалъ, работница опять явилась въ моей комнатѣ и со словами: «Пущать, что ли, его?»—впустила въ комнату незнакомаго посѣтителя, не дожидаясь моего отвѣта.

2.

Вошелъ длинный, сухощавый пожилой человѣкъ съ смиреннымъ выраженіемъ какого-то тусклаго лица, съ гусиными маленькими красноватыми глазами, и «первымъ долгомъ» съ благоговѣніемъ помолился на образъ; въ его опрятненькомъ, крытомъ чернымъ сукномъ тулупчикѣ, тщательно подпоясанномъ кушакомъ, въ его манерѣ держать себя такъ, чтобы вы чувствовали, что онъ не просто пришелъ къ вамъ, а «предсталъ передъ вами», опять мелькнуло мнѣ что-то непріязненное, не просто крестьянское, а опять-таки кляузное

и ехидное. При ближайшемъ знакомствѣ, всѣ эти подозрѣнія мои вполнѣ подтвердились, хотя ехидство и кляузничество этого человѣка были особенныя, имѣли не личный характеръ, а, такъ сказать, государственный: онъ вообще кляузничалъ на существующій порядокъ во имя благоговѣнія предъ старымъ, въ которомъ для него все свято и совершенно.

— Осмѣлюсь доложить вашему высокородію, что я съ тысяча восемьсотъ сорокъ шестого года и до реформы, и даже послѣ реформы, завсегда былъ на первомъ счету у высшаго начальства. Я живу при третьемъ императорѣ и, благодареніе Создателю, всегда былъ примѣрнаго поведенія! И господа управляющіе палатъ, окружные начальники, а впослѣдствіи времени мировые посредники завсегда становили меня на первый планъ. Потому я какъ отъ Бога награжденъ даромъ ума и совѣсти, то я не послаблялъ ни въ единомъ мгновеніи... У меня подати, сборы, повинности— ни Боже мой, чтобы запоздать или что—никогда! Я себя не помнилъ, не зналъ, какой я есть человѣкъ самъ по себѣ: рюмки водки не выпилъ, но стоялъ, какъ сторожъ на часахъ, при начальникѣ... Этого безобразія не было, какъ теперь! Я, старшина, или будучи головой, встану до свѣту— вижу, кто что дѣлаетъ... кто въ кабакъ идетъ, кто на работу—и не потерплю... Я знаю, на какія деньги у кого что куплено. — «Это откуда у тебя салопъ?» — «Тятенька купилъ».—И этого довольно. Я знаю, на какія деньги купленъ салопъ: онъ, тятенька, что-нибудь продалъ въ хозяйствѣ, а этого я не попущу. Я разыскиваю его, допрашиваю, и ежели вижу, что точно продалъ что-либо хозяйственное, то немедленно же и жестоко накажу, невзирая; салопъ сниму и вновь обращу его въ лошадь или корову, и не дамъ (это слово онъ сказалъ съ такой энергіей, что затрясся весь), не дамъ своевольничать, не дозволю!

При послѣднихъ словахъ онъ такъ воодушевился, что даже вспотѣлъ и отеръ лицо синимъ набойчатымъ платкомъ.

— У меня по волости вотъ этакой соринки не было непорядку!.. За версту кланялись и шапку ломали, не то, что теперь дозволяется всякое непочтеніе и нахальство! Я имѣю двѣ медали и почетный кафтанъ, и даже жена моя удостоилась получить почетный шугай отъ высшаго начальства за примѣрное домашнее поведеніе и строгость, что ни малѣйше ни въ чемъ даже не послабляла!.. И когда началась реформа, тогда даже начальникъ губерніи,

при личной бытности въ моемъ домѣ, взявши меня вотъ за это самое мѣсто (гость осторожно взялъ меня за плечо)—«только, говоритъ, на тебя и есть надежда; поддерживай господъ, не давай воли мужикамъ, ты, говоритъ, понимаешь, что есть Богъ, который установилъ уставъ и правила,—такъ ты и не послабляй...» Такъ я восемь лѣтъ почитай не спалъ какъ слѣдуетъ и восьми ночей, потому что началось развращеніе, пьянство, своевольство... Бога никто не признавалъ, не почиталъ, и никто объ этомъ внушеній не дѣлалъ; бывало, со всѣхъ концовъ кажинный Божій день идутъ бумаги: «такіе-то мужики не идутъ ко мнѣ на работу»; «такой-то сдѣлалъ грубость, обругалъ моего приказчика»; «сего числа у меня украли двухъ кохинхинскихъ куръ и цыпленка голландскаго, почему прошу взыскать по всей строгости закона». Не пимши не ѣмши, по горячимъ слѣдамъ во мгновеніе ока вездѣ былъ и порядокъ утверждалъ безкорыстно... Самъ въ помои руку запущу, вытащу оттедова куриныя ноги и головы, тотчасъ обличу, разыщу—кто былъ, кто ѣлъ, кто воровалъ, и черезъ два часа у меня готова расправа. Ежели бы не я, такъ что бы тутъ было! А будетъ еще хуже, идутъ времена зловѣщія, народишко распустивши, не знаетъ правиловъ, забылъ Бога и пользуется своимъ неуваженіемъ къ начальникамъ! Смѣнили меня своею властію, а предпочитаютъ пьяницу, но Господь ниспровергнетъ ихъ и въ ничтожество произведетъ!.. Когда мировой посредникъ, его сіятельство графъ Зайцевъ-Волчищевъ, оставлялъ постъ, то рыдалъ и обливался слезами: «Безъ тебя, Муравушкинъ, должны прекратиться порядки и строгость, и народъ, забывши Бога, долженъ впасть въ развратъ». Оно теперь и у вашего высокаго благородія вполнѣ на виду... И я самъ претерпѣлъ со слезами отъ сына моего родного... Вотъ извольте почитать... Здѣсь все описано вполнѣ, для опубликованія по всей Россіи.

Все время онъ трясся отъ волненія и трясущимися руками подалъ мнѣ тетрадку, вытащивъ ее изъ-за пазухи.

— Даже сынъ мой родной,—продолжалъ онъ трястись:— увѣнчалъ мои дни оскорбленіемъ отца своего! до того дошло послабленіе и развращеніе начальства!

— Какъ развращеніе начальства? — спросилъ я его довольно строго.

— То-есть развращеніе ума, ваше высокое благородіе, непочитаніе родителей, Бога, и нисколько нѣтъ страху!

Человѣчество сдѣлалось подобно стаду безъ пастыря, не зная Бога и страха предъ Его лицомъ: все развращено и погрязло въ неповиновеніи... Я всю жизнь трепеталъ предъ Всевышнимъ и предъ начальниками, кои поставлены Богомъ, и теперь терплю за правду... Здѣсь въ книжкѣ все сказано!.. Какъ послѣ увольненія моего изъ старшинъ взиралъ я на попраніе божескихъ и человѣческихъ правиловъ, когда видѣлъ я ниспроверженіе закону, то у меня слеза не высыхала изъ глубины сердца! Я цѣлыя ночи стоялъ на колѣняхъ въ молитвѣ, но—увы!—сынъ мой—и тотъ ниспровергъ престолъ Господень въ сердцѣ своемъ. Не говоря о скоромной пищѣ, которую съ наглостью дозволялъ себѣ, но даже отца ниспровергъ!

— Какъ же это случилось?

— Содрогается душа моя, какъ подумаю!.. Будучи головой, старшиной и вполнѣ взысканъ отъ высшихъ начальниковъ за мою религіозную душу и поступки строгости безъ послабленія, я замѣтилъ въ сынѣ моемъ черту и, по совѣту господина мирового посредника, его сіятельства графа Зайцева-Волчищева, отдалъ его въ живописное мастерство, такъ какъ замѣчено было въ немъ стремленіе и былъ въ надеждѣ на утѣшеніе... Но развращеніе и забвеніе Бога сокрушаютъ всѣ преграды!.. Россія должна чрезъ это погибнуть!.. Я и сейчасъ посѣщаю начальниковъ, и завсегда мнѣ первое мѣсто, и мнѣніе мое — первое. И я, не хвастаясь, скажу, что умъ во мнѣ очень огромный: я вижу гибель... Я доводилъ до высшаго начальства, но Господь не похотѣлъ, дабы дьяволъ былъ побѣжденъ!.. Вотъ, ваше высокое благородіе, почему въ горестяхъ и въ содроганіи сердца моего троекратно впалъ я во вдохновеніе!.. Впервые—на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, когда прочіе высокіе господа высказывали взгляды, то я всталъ и въ полномъ безуміи, такъ какъ явное было наитіе, провозгласилъ о ниспроверженіи закона. И такъ великолѣпно произнесъ,— но тепереча словъ не упомню,—что его сіятельство графъ Зайцевъ-Волчищевъ опослѣ того взялъ меня такъ-то за это мѣсто (опять прикосновеніе къ моему плечу) и публично отрекомендовалъ: «Вотъ золотыя уста поселянина, которыя спасутъ насъ!..» Такъ я даже не могу вспомнить моихъ словъ: такое было восхищеніе!.. А второе вдохновеніе было во храмѣ, какъ я описалъ въ бумагѣ, и тоже съ огорченія души возопилъ о социлистахъ публично, и отецъ Іоаннъ утвердилъ мое мнѣніе, что устами моими глаголетъ

Господь! Но дьяволъ превозмогаетъ! Подавалъ даже въ третье отдѣленіе, но отвѣта не имѣю... И въ третій разъ—по случаю разврата сына моего—чувствуя Господа Вседержителя, глаголющаго устами моими, я уже все подробно рѣшился записать—и вотъ книга. Извольте почитать, и не возможно ли будетъ опубликовать повсемѣстно для имперіи? А иначе все должно погибнуть! Правда Божія въ забвеніи, развратъ, непокорство, постовъ не соблюдаютъ, не почитаютъ родителей и начальниковъ. Это все есть противъ Бога нашего, и козни дьявола превозмогаютъ законъ Бога живого... Извольте почитать, какія изложены мысли. Его сіятельство графъ Зайцевъ-Волчищевъ чистосердечно увѣрялъ, что надобно опубликовать, дабы было почтеніе и уваженіе вновь установлено... Извольте почитать, будьте такъ добры!..

Взволнованный сынъ отечества вновь утеръ потное лицо, взялъ изъ моихъ рукъ свою тетрадку и, раскрывъ ее на извѣстномъ мѣстѣ, сказалъ:

— Вотъ отъ этихъ поръ извольте почитать!

Вотъ что тамъ было написано:

«Вдохновеніе Всевышняго чрезъ бывшаго волостного старшину Куприяна Муравушкина сыну моему Семену для вразумленія отъ развратныхъ поступковъ.

«Сынъ мой Симеонъ!

«Господь Вседержитель Адонаи саваофъ въ первый самый день отъ сотворенія свѣта, когда сотворены были рыбы и птицы, а впослѣдствіи того времени человѣкъ и жена его изъ ребра—Создатель и Промыслитель нашъ І. Христосъ, на горѣ Хоривѣ утверди законъ: Чти отца своего. Спрашиваю я тебя, бывшій сынъ мой Симеонъ, каковымъ въ настоящее время тебя не считаю, ежели господь утвердилъ законъ, то я какъ отецъ твой—покоряюсь закону его, но ты какъ сынъ — то для тебя законъ — *я!* твой отецъ; мнѣ законъ — Богъ, творецъ, вседержитель—тебѣ же законъ *я!* ибо я тебя сотворилъ такожде какъ бы рыбу или птицу или пресмыкающую тварь. Больше ста двадцати пяти рублей серебромъ издержано мною на твое просвѣщеніе, не касаясь обуви и одежи каковая позимнему была справлена и полѣтнему положенію; харчей же, яицъ, гусей, а по грибной и по капустной части, которые твоему начальнику препровождены, я съ великодушіемъ не утруждаюсь вспоминать. Но ты, забывши законъ Господень, ниспровергши святаго духа, обуялъ себя форцемъ

гордости и непочтенія. Не говоря, что подобно безсловесной свиньѣ, ничего не стоитъ облапить кувшинъ съ молокомъ или подобно какому звѣрю обжорствовать куринымъ мясомъ, оскверняя сердце и душу въ постный день — не упоминаю объ этомъ! Отвѣтъ твой будетъ на страшномъ судѣ христовъ! Но спрашиваю тебя: что же я для твоего гордаго ума? Не безсмысленный ли ты человѣкъ, утверждая въ себѣ, что на отца можно наплевать? Гдѣ, спрошу тебя, двадцать три рубля серебромъ, какъ мною дознано стороною, взятые за патретъ купца Ивана Ларивонова? Принесъ ли ты ихъ отцу твоему, который тебѣ далъ существованіе не подобное пресмыкающему, но просвѣтилъ изъ своихъ послѣднихъ кровныхъ достатковъ? Не говорю тебѣ: сынъ Семенъ! но называю тебя: Жало! гдѣ твоя побѣда? Въ твоемъ гордомъ образованіи невозможно для тебя онной побѣды отыскать: если бы со всего свѣта собрать ученыхъ и книги, то и тогда отецъ твой превыше всѣхъ долженъ быть, такъ какъ господь глаголетъ его устами, и никакая сила адова меня не сокрушитъ, хотя бы ты просвѣщалъ себя сто лѣтъ. Я уже просвѣщенъ Создателемъ какъ твой отецъ и заблаговременно уже знаю, что въ ожиданіи возобновленія *Формозы*, Вакери, въ Одеонѣ даютъ драму Жана Марраса семейство дармель никто не знаетъ какъ онъ овдовѣлъ, но сынъ его Октавъ не помнитъ своей матери. Этотъ сынъ недавно женился и уже обманутъ своею женою Ирена такъ зовутъ ее, собирается бѣжать съ красивымъ офицеромъ гонтраномъ де морвалемъ. Отецъ напрасно вызываетъ любовника, между тѣмъ узнаетъ о своемъ несчастіи, готовый исполнить совѣтъ Александра Дюма сына «убей ее!» или ты, безумецъ, осмѣливаешься думать, что я такъ глупъ по твоему высокому уму, что мнѣ неизвѣстно когда отецъ Гонтрана схвативъ топоръ бросается въ одну изъ дверей, куда должна войти Ирена? Глупое твое высокоуміе!»

— Что за чепуха такая?—невольно сказалъ я вслухъ.

— Въ какомъ мѣстѣ-съ?

— Да вотъ тутъ... Тутъ что-то, кажется, чужое у васъ?

— Это-съ? Это дѣйствительно чужое... не мое... То, все прочее моего вдохновенія, а это дѣйствительно взято изъ книжки... Я взялъ тогда, что подъ руку попало... Не разбиралъ-съ! Потому что мнѣ надобилось хоть бы мало его затмить...

— Вотъ видите,—сказалъ я не безъ нѣкоторой грубо-

сти:—вы все о строгости, о правдѣ, о развращеніи толкуете, а сами поддѣлкой занимаетесь... Сами не знаете, что̀ написано въ книгѣ, а хотите изумить, будто все знаете!

— Нѣтъ, нѣтъ! Противъ вашихъ словъ ничего не могу сказать! Извлекалъ безъ смысла, это вѣрно, что̀ тамъ написано—не могу знать. Чего не знаю, того ужъ, прямо вамъ докладываю, не знаю! А что дѣйствительно надобно было мнѣ его изумить: «пускай, думаю, не пойметъ этихъ словъ—авось задумается, уважать будетъ!» увѣруетъ, что отъ Бога мнѣ много дано! Ежели сказать чистосердечно, какъ предъ Богомъ, такъ взялъ онъ на себя такую дерзость, что я для него сталъ въ дурацкомъ званіи—больше ничего! Такъ ужъ тутъ мнѣ надобно было какъ-никакъ стараться нагнуть его башкой-то, чтобъ не дралъ головы-то пустой... Я вѣдь, ваше высокоблагородіе, отецъ: я на него расходовалъ больше ста двадцати пяти рублей, не касаясь харчей, обуви, одежи... Близу двухъ лѣтъ я ему дозволялъ обучаться живописи у живописца на Гороховой... Но и въ два года уже въ него проникъ социлизмъ, неповиновеніе... Я его хочу брать домой, а ужъ онъ храпитъ: «Хочу учиться!». Я говорю:—«Когда отецъ тебѣ говоритъ: «довольно», то слѣдовательно это прямо отъ Бога, и мнѣ старику, лишившіи я доходовъ, нужно утѣшеніе отъ сына, спокойствіе, и я могу сказать «довольно!». Но онъ и тогда сопротивлялся и храпѣлъ... А когда я принужденъ былъ его вытребовать и водворилъ его въ моемъ домѣ, то не только хотя бы стремился принести домой рубль серебромъ и подарить отцу, отказалъ даже патреть мой списать, а предполагалъ, что по нынѣшнему своевольному времени будетъ просвѣщеннѣе рисовать котовъ и пѣтуховъ, или дерево, но не отца своего, отъ котораго произошло самое существованіе. Я для него оказался глупѣй послѣдней собаки безхвостой. Даже злодѣемъ провозглашалъ публично въ пьяномъ видѣ... Такъ мнѣ надобно было его ошеломить-то хоть чѣмъ-нибудь... Въ послѣднее время едва-едва вогналъ въ церковную живопись — не идетъ: «Я, говоритъ, дальше хочу, ты меня погубилъ...» Вотъ какъ дьяволъ-то его обуялъ!.. И нигдѣ нѣтъ управы: отецъ для нынѣшняго вѣка хуже мочалки... Ежели меня родной сынъ становитъ дуракомъ, когда я всю жизнь отъ первѣйшихъ начальниковъ почтенъ, такъ мнѣ надо ему доказать. Вотъ я выхватилъ у него книгу — натащилъ онъ ихъ цѣлый сундукъ—и употребилъ въ серединѣ, незамѣтно...

— Что же онъ?

— Будто какъ немножко осѣлъ, потишѣлъ, поглядѣлъ этакъ на меня... Ну, а потомъ еще хуже сталъ, довелъ меня до послѣдняго предѣла... Да вотъ вы извольте почитать... Тамъ все прописано въ тетради... Сколько я претерпѣлъ ущербу! Только единый Господь былъ моей опорой! Извольте-ка почитать, а я покамѣстъ васъ не буду безпокоить... пока что, погляжу ваше заведеніе.

И гость ушелъ осторожными, кошачьими шагами.

3.

Не могу выразить, до какой степени измаяли меня эти безконечные толки деревенскихъ стариковъ о непорядкахъ, о развращеніи, объ отсутствіи строгости. Всѣ эти люди, еще не забывшіе помѣщичью или начальническую палку, муштровку—во всей многосложности новыхъ явленій народной жизни, многосложности непривычной и во многомъ совершенно новой—видятъ только бѣду въ недостаточномъ употребленіи палки и вездѣ суютъ ее, какъ вѣрнѣйшее средство отъ всѣхъ общественныхъ деревенскихъ недуговъ. Осеннее дранье изъ-за податей идетъ неукоснительно, ничуть не убавляясь съ годами; выраженіе — «постановили: наказать 20 ударами розогъ» — положительно встрѣчается на каждой страницѣ рѣшеній волостного суда. Въ нынѣшнемъ году, напр., неурожай по всей губерніи; не только ничего не уродилось, но погнило отъ дождей на корню то, что обѣщало уродиться; подати стали,—и что же? Ѣдутъ почтенные старцы со старшиной брать расписки «къ розгамъ». Ежели къ 21 числу не будетъ денегъ представлено, то должонъ явиться въ волость для тѣлеснаго наказанія. И являются, а тамъ сѣкутъ въ волости. Нѣтъ у нихъ ничего кромѣ палки для рѣшенія большихъ общественныхъ дѣлъ, и согласія по большимъ общественнымъ дѣламъ еще нѣтъ. «Старикъ» вообще еще дѣйствуетъ и главенствуетъ на міру, и мужикъ лѣтъ сорока—самый молодой изъ мірскихъ дѣятелей. Но ужъ есть поколѣніе не дансе, не поротое, видѣвшее не мордобойную школу, а хорошую книжку, и крѣпко думающее; и лучшее деревенское будущее, несмотря на всѣ неприглядныя стороны настоящаго, уже чувствуется вами.

Какъ-то мнѣ пришлось пересмотрѣть въ волостномъ правленіи за много лѣтъ книги для записи рѣшеній старинныхъ расправъ и нынѣшнихъ волостныхъ судовъ по дѣламъ

тяжебнымъ и «по проступкамъ», и несмотря на то, что выраженіе: «къ наказанію 20-ти ударовъ»—за неплатежъ податей, за дерзость, за драку, за пьянство или мелкое воровство—положительно пестритъ страницы рѣшеній волостныхъ судовъ, все-таки въ концѣ концовъ, я думаю, никто даже изъ приговариваемыхъ къ 20 ударамъ не промѣняетъ теперешнихъ порядковъ, противъ которыхъ можно кричать и вопіять, на образцовое благообразіе порядковъ стараго времени, неусыпными держателями которыхъ были люди того мужицко-чиновничьяго типа, образцомъ котораго можетъ служить мой гость, Купріянъ Муравушкинъ.

Перелистывая протоколы засѣданій старой «расправы», цѣлые мѣсяцы не встрѣчаешь ничего, кромѣ краткаго заявленія въ такомъ родѣ: «Н—ская сельская расправа имѣла сего числа непремѣнное засѣданіе въ присутствіи старшины и добросовѣстныхъ, и какъ съ жалобами и доносами никого не явилось, то занимались чтеніемъ узаконеній и въ два часа пополудни присутствіе закрыто». Такія присутствія собирались каждую недѣлю; на протяженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ вы видите только эту неизмѣнную запись: ни жалобъ ни доносовъ—ничего, чѣмъ изобилуетъ настоящій волостной судъ.

Жалоба мелькаетъ изрѣдка и всегда даетъ вамъ доказательство того, что въ прежнее время точно было ухъ какъ строго по части требованій отъ человѣка, чтобы онъ ни о чемъ, кромѣ какъ объ исполненіи своихъ мужицкихъ обязанностей, не мечталъ. Старшина Муравушкинъ (тотъ самый, который явился ко мнѣ съ повѣствованіемъ о своихъ вдохновеніяхъ) значится утверждающимъ своею подписью грозныя рѣшенія по дѣламъ нарушенія мужицкихъ обязанностей. Я разыскалъ подлинное дѣло о салопѣ и лошади, о которомъ онъ упоминалъ въ разговорѣ, и вотъ что тамъ сказано: «Н—ская расправа, *по предложенію сельскаго старшины*, разбирала дѣло о кр. д. Чихалово, Василіи Нестеровѣ, который, по замѣчанію его, всегда обращается къ праздности, лѣности и чрезъ то неисправно платитъ общественные сборы и, сверхъ того, разстраиваетъ собственное хозяйство продажею необходимо нужнаго ему скота и употребляетъ вырученныя деньги на предметы роскоши, именно: до свѣдѣнія старшины дошло, что съ мѣсяцъ тому назадъ онъ продалъ г. инженеръ-полковнику корову за 20 руб. и деньги употребилъ на покупку нарядной шубы для своей дочери... *Постановили:* за продажу *безъ надобности* коровы, на осн.

188 ст. сельск. суд. уст., а равно за нерадѣніе, лѣность и разстройство своего хозяйства, по статьѣ 179, наказать 16 ударами розогъ».

Мелькаетъ такое доказательство необычайной зоркости тогдашняго попечительнаго начальства разъ въ полгода, и опять цѣлые другіе полгода идутъ краткія извѣстія, что собирались въ непремѣнное присутствіе, читали узаконенія, а жалобъ не было. Очевидно, что былъ какой-то порядокъ, если такія мелочи, какъ продажа коровы безъ надобности, наказывались и карались... Но это не такъ. Послѣ цѣлаго ряда страницъ, рисующихъ тишь и гладь, трудолюбивую жизнь поселянъ и бдительность начальства, вдругъ выскакиваетъ такая страница: «Н—ская расправа слушала предложеніе сельскаго старосты о наказаніи за соблазнъ и дурное поведеніе уличенныхъ въ непотребной жизни: 1) вдову Агаѳью Ѳедорову, 2) сестру ея, дѣвицу Анну Ѳедорову, 3) Псковской губерніи дѣвку государственныхъ имуществъ, Настасью Иванову, 4) Витебской губерніи крестьянскую дѣвку Ѳедосью Никифорову и 5) крестьянина Боровичскаго уѣзда Александра Платонова, такъ какъ Агаѳья Ѳедорова уличена въ открытіи у себя непотребнаго дома и сама тутъ же способствуетъ, а Анна Ѳедорова, ея сестра, и другія—собственно для этого дѣла въ домѣ Ѳедоровой проживаютъ... Вдова Ѳедорова показала, что она, по случаю неимѣнія мужа своего, занимается такими дѣлами и для чего придерживаетъ дѣвокъ... Дѣвки подтвердили, что не имѣютъ себѣ постоянныхъ любовниковъ, а продолжаютъ вообще... Постановили: 6 дней чистить мусоръ у церкви, а ночевать въ холодной».

Выскочитъ такая страничка—и видите вы, что старинныя тишь и гладь были не вполнѣ образцовыя. Ни жалобъ, ни кражъ, ни обидъ—однѣ только хозяйственныя погрѣшности, а между тѣмъ въ такомъ-то образцовомъ селеніи существуетъ вполнѣ «форменный» домъ, заведеніе, чего при теперешнемъ якобы развращеніи нравовъ пока даже въ поминѣ нѣтъ. Есть распутство, не безъ такой правильной, городской организаціи—и когда?—когда, по словамъ Муравушкиныхъ, только и дѣлали, что Бога чтили...

Тишь и гладь сильно начинаютъ мутиться по мѣрѣ того, какъ время приближается къ шестидесятымъ годамъ. Тщательно-каллиграфически записываемые прежде протоколы о томъ, что жалобъ не было и т. д., теперь начинаютъ записываться все хуже и хуже — рукѣ надоѣло строчить эту

ерунду; иногда вы видите, что рука пьяна, царапаетъ каракули во всю страницу: «въ непремѣнномъ засѣданіи членовъ, а равно проступковъ и жалобъ не было, почему въ два часа присутствіе закрыто для чтенія проступковъ и узаконеній». И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: случается полное отсутствіе записей или жалоба безъ всякаго рѣшенія; наконецъ послѣднія страницы, съ чернильными пятнами, каракулями судейскихъ подписей и покачивающимися направо и налѣво крестами безграмотныхъ судей, отдаютъ явнымъ развращеніемъ нравовъ... Кресты эти—знаки могилъ старыхъ порядковъ старыхъ людей и всего чернильнаго благолѣпія... Послѣднія страницы совершенно пусты: въ глубинѣ ихъ покоится бездыханный дореформенный клопъ.

Но съ 1861 года жалобная книга совершенно измѣнилась: точно хлынула со всѣхъ сторонъ полая вода жалобъ, обидъ, оскорбленій, требованій; владѣльцы имѣній, мужья, жены, отцы и дѣти—все принялось вопіять и жаловаться, все изливало свои бѣды.

«Вчерашняго числа,—пишетъ мировой посредникъ:—крестьяне (такіе-то) вечеромъ буйствовали, и когда караульщикъ ихъ унималъ, то они ему сопротивлялись и безчинствовали, а потому предписываю тебѣ...» и т. д.

«20 сентября,—пишетъ посредникъ:—крестьяне (такіе-то), а равно и поваръ, служащій у меня, Тверской губерніи и уѣзда, Иванъ Андреевъ, уличены въ кражѣ у меня вечеромъ курицы и пѣтуха кохинхинскихъ и цыпленка голландскаго, а равно въ жареньи ихъ въ моей кухнѣ и ужинѣ ихъ вмѣстѣ съ водкою на моей же кухнѣ, вслѣдствіе чего предписываю тебѣ...»

«Крестьяне селенія Н., бывшіе мои крѣпостные, отказались идти на работу и грубыми ругательствами обозвали моего управляющаго, почему, доводя до свѣдѣнія, прошу на основ... по всей строгости закона...»

«Крестьянинъ с. Ч. (имя рекъ) жалуется на крестьянина Алексѣева о нанесеніи ему обиды ругательными словами, называя безсовѣстнымъ, говоря: «ты дешевле меня стоишь...», почему прошу взойти... объ удовлетворенія меня...»

«Крестьянинъ Н. жалуется о нанесеніи ему обиды крестьянскою дѣвицею Анною Егоровою и разныхъ неприличныхъ словъ съ нанесеніемъ удара... почему взойдите въ защиту...»

«Крестьянка д. Н. Наталья Яковлева жалуется на кре-

стьянина той же деревни о нанесеніи ей побоевъ, при чемъ Наталью отъ Никиты отнялъ даже Петръ Михайловъ, а почему взойдите...»

«Крестьянка Матрена Сидорова жалуется на мужа своего о нанесеніи ей увѣчій и побоевъ, на что отвѣтчикъ показалъ, что онъ побоевъ ей не наносилъ, а какъ она не послушна, то соглашается, чтобы она отошла отъ него прочь, на что и Сидорова согласилась».

«Крестьянская дѣвица Ольга Ѳедорова проситъ на крестьянина Михайлу Иванова, что онъ обѣщалъ ее взять въ замужество, чрезъ что она оказалась беременна, на что отвѣтчикъ показалъ, что на союзъ не склонялъ, а болѣе потому, что она была въ союзѣ съ Дмитріемъ Михайловымъ, но миролюбно готовъ заплатить Ольгѣ 60 руб. въ три срока».

«Крестьянка Татьяна Терентьева проситъ на крестьянина Василья Яковлева о нарушеніи перваго числа октября на Покровъ чести дочери ея Настасьи, которая въ настоящее время находится беременною, и обѣщался взять въ замужество, и на сію любовную связь имѣется у нея письмо Василія, на что Василій показалъ, что за связь съ Натальей имъ уплачено три рубля серебромъ, но въ замужество ей не обѣщался, а письма имъ писаны собственно въ насмѣшку».

«Крестьянка д. Тушино проситъ поступить съ мужемъ ея по закону о нанесеніи побоевъ, а также и о томъ, что ей не даютъ жить въ людяхъ, а потому и проситъ сдѣлать распоряженіе—ежели пожелаетъ мужъ жить, то безъ свекрови, а ежели не пожелаетъ, то она жить съ нимъ не согласна».

«Жена крестьянина Марья принесла жалобу на мужа своего Андреяна въ нанесеніи побоевъ и похваляется отомстить мнѣ и пусть выдастъ мнѣ паспортъ, на что мужъ ея показалъ, что побоевъ онъ не наносилъ, а что вышла жена его на улицу для свиданья и переговоровъ съ крестьяниномъ, служащимъ на желѣзной дорогѣ, съ которымъ имѣетъ грѣхъ, и когда я сталъ звать домой, то они скрылись, и на другой ужъ день она принесла жалобу о побояхъ, на что крестьянка Марья объяснила, что къ мужу она не пойдетъ и чтобы далъ паспортъ».

«Крестьянинъ Семенъ проситъ на родного брата своего Никиту о недачѣ ему навозу, и чтобы Никита не дѣлалъ ему побоевъ, на что Никита показалъ, что брата своего

онъ не намѣренъ бить, а нечаянно махнулъ вожжами и попалъ Семену по губамъ, а Семенъ началъ бить его палкой... Свидѣтели показали, что между ними идетъ обоюдная драка ужъ пятый разъ, а четвертаго іюля они ходили другъ на друга съ вилами».

И такъ далѣе, до безконечности: все зашаталось, все рвется изъ тисковъ, изъ нескладныхъ условій, требуетъ *своего:* все это, задохнувшееся въ деспотизмѣ свекрови, отца, мужа, жены, брата, рвется на свободу, не хочетъ покоряться и, вырвавшись, усиливаетъ сумятицу то кабацкимъ безчинствомъ, то кражей съ голодухи, то кражей для смѣха, то дерзостью для смѣха и для собственнаго удовольствія, и надо всѣмъ этимъ столпотвореніемъ въ ужасѣ стоятъ мочальныя фигуры начальниковъ, не вѣдающихъ никакихъ средствій, кромѣ палки, вопіющихъ о развращеніи нравовъ, вопіющихъ о томъ, что страха нѣтъ, страха, страха...

Нѣтъ! Страхъ давно уже не спасеніе въ настоятельныхъ, общечеловѣческихъ нуждахъ деревни, и *старики*, какъ спеціалисты по этой только части, какъ люди, не умѣющіе проповѣдывать ничего иного,—будь это кстати и не кстати,—кое-какъ еще терпятся новыми поколѣніями деревни, но уже не пользуются уваженіемъ. Хорошій теперешній мужикъ, видѣвшій школу, нерѣдко куда лучше и разумнѣе любого старика даже въ хозяйственныхъ дѣлахъ, и немудрено: онъ уже отвѣдалъ «воли».

Теперь на волостномъ судѣ бываютъ иногда такія сцены:

— Господа судьи,—жалуется упрямый, нескладный и зараженный страхомъ и деспотизмомъ отецъ, человѣкъ, несомнѣнно, ужъ прошлыхъ временъ:—прошу наказать моего Мишку. Способовъ мнѣ нѣтъ, старику, жить съ нимъ... Не слухаетъ меня мошенникъ ни въ единомъ словѣ... Пущай идетъ вонъ изъ моего дома и съ жененкой своей...

— Что-жъ?—говоритъ сынъ. — Я уйду, да вѣдь ты помрешь съ голоду... Кто тебя будетъ кормить-то? Вѣдь ты это зря ворчишь... Скучно тебѣ, потому что я тебѣ всякій покой дома дѣлаю... Чего тебѣ надо? Я тебѣ отвелъ цѣлую половину, а ты все ворчишь... печку тебѣ поставилъ, кофей пьешь, когда угодно. Чего тебѣ? Ну, я уйду, ну, что ты будешь дѣлать?

— Не смѣй мнѣ прекословить... Страху никакого нѣтъ, набалованы... непочетчики...

— Это вы, старики, точно что набалованы... Какъ была

ямская гоньба, такъ вы никакого крестьянства не знали, только въ трактирѣ чай пили... А я, твой сынъ, самъ съ малолѣтства началъ крестьянствомъ заниматься, со слезми... Ты мнѣ косы не далъ, серпа въ домѣ не было... Я—крестьянинъ и тружусь, работаю, и ты мнѣ не указчикъ, потому ты ничего не понимаешь! Тебѣ бы только мудрить да пьянствовать, а смыслу въ тебѣ нѣтъ нисколько...

— Вотъ извольте, господа судьи, слышать... Пущай идетъ изъ дому вонъ.

— Что съ нимъ разговаривать, съ глупымъ! Онъ и самъ-то не понимаетъ, что у него языкъ болтаетъ... Я даже самъ могу его выгнать; только жалѣю... Ты живи-ка да Бога благодари, а не мудруй!

— Ну, вотъ что, Михайла,—говоритъ судья:—ты тово... Оно точно что старикъ обдурѣлъ... успокой ты его, уважь за глупость за евонную... Глупъ, это вѣрно, только онъ тебѣ пуще надоѣстъ. Уважь его дурь древнюю—сядь хоть въ темную-то на время, ну, хоть на сутки...

— Будетъ, что-ль, съ тебя? — спрашиваетъ сынъ отца, какъ спрашивалъ бы взрослый человѣкъ малаго ребенка.— Потиѣшь ли ты, ежели я день въ темной просижу?

— Да хушь на день его, шельму, посадите, все ему наука!

— Наука! Тожъ о наукѣ бормочетъ старый хрѣнъ! На двадцать копеекъ—иди чай пить... Нѣтъ ли, Иванъ Ивановичъ, у васъ какой газетки? Скучно вѣдь день цѣлый сидѣть...

— Газетъ нѣту! — отвѣчаетъ писарь. — Книгу не хочешь ли?

— Какая книга?

— Пушкина сочиненіе: «Исторія пугачевскаго бунта».

— Что-жъ? Давайте Пушкина. Сочинитель извѣстный, я помню... давайте. Ну, ты чего стоишь? Мало еще?

И вотъ старикъ идетъ въ трактиръ—галдѣть о непокорствѣ и пить чай и водку, а сынъ, не пьющій ни капли, сидитъ въ темной съ «Исторіей пугачевскаго бунта» въ рукахъ и находитъ, что Пушкинъ—хорошій писатель... Темную даже и не запирали для него, зная, что изъ трактира придетъ отецъ посмотрѣть: «сидитъ ли?» И точно: приходилъ смотрѣть...

— Да сижу, сижу, не безпокойся!—отозвался сынъ изъ глубины отворенной тюрьмы, куда пришла къ нему жена.— Иди, ложись спать, только ужъ потомъ смотри, не дури!..

Ужъ я, братъ, тогда потребую отъ тебя послушанія, — недаромъ я сижу...

Недавно въ нашей мѣстности былъ такой случай: два брата крестьянина «посѣкли» родную мать.

— Какъ такъ?

— Да очень *набалована*... ничего не подѣлаешь!

Съ уничтоженіемъ ямщины и проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги, масса крестьянъ, привыкшихъ къ легкой наживѣ, чаямъ, сахарамъ, наливочкамъ, подаркамъ проѣзжающихъ и т. д., принуждена была «сѣсть на землю», взяться за косу. Это пришлось сдѣлать молодому поколѣнію, ибо старое было уже *набаловано*. Такимъ образомъ молодое поколѣніе положило начало, почти по всему старому тракту, настоящему крестьянству, а старому осталось одно— допивать остатки и доживать свои годы. Вотъ изъ числа «допивающихъ» и была та набалованная мать, которую принуждены были учить родныя дѣти. Пила она много и воровала у дѣтей, у невѣстокъ разныя вещи, которыя и закладывала въ кабакѣ...

Вотъ ее и поучили, для «ея же пользы». И какъ это ни жестоко, но и эта, избалованная господами, проѣзжающими купцами мать, и этотъ глупый старикъ, чувствующій успокоеніе разстроенной пьянствомъ печени въ заключеніи сына въ «темную», въ глубинѣ души чувствуютъ превосходство дѣтей ихъ надъ собою во всѣхъ отношеніяхъ: они и умнѣе, и аккуратнѣе, и работящѣе... Допивая остатки, они чувствуютъ, что пѣсня ихъ спѣта и что дѣти лучше ихъ. Не таковъ однако тотъ родитель, тотъ изъ оскорбленныхъ временемъ и порядками отцовъ, съ вдохновенными произведеніями котораго мнѣ пришлось случайно познакомиться... Этотъ вѣритъ въ правоту свою непоколебимо, не раскаивается и не прощаетъ.

4.

Вотъ что̀ читалъ я въ его рукописи; послѣ того какъ онъ пошелъ осматривать все мое «заведеніе»: «Топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и адюльтеръ остается ненаказаннымъ «что̀ же мнѣ дѣлать теперь?» восклицаетъ мужъ, но въ объятія его бросается маленькая дочь его Марта и занавѣсъ падаетъ. Альберъ Дельпи также порадовалъ парижанъ новинкой... Если бы ты долотомъ продолбилъ свою голову, то и въ это время невозможно для тебя сообразить о моемъ умѣ, который можетъ проникать повсемѣстно,

единственно волею всемогущаго творца. Безумецъ, говорю тебѣ: не хотяй смерти грѣшника! Успокой старость преклоннаго отца, который всѣ средства содержанія на тебя опровергнулъ, оставшись при концѣ дней въ унынiи и безъ помощи. Для того ли я жертвовалъ до послѣдней капли на твое образованіе и просвѣщеніе? все рѣшительно истощилъ какъ деньгами также и вещами, не упоминая о харчевомъ довольствiи наставниковъ твоихъ, между тѣмъ вижу въ теченiи трехъ мѣсяцевъ, не соблюдая постовъ и не почитая родителей, занимаешься недостойно просвѣщеннаго человѣка описаніемъ всякой твари, кошки, собаки, какой-либо пень и тотъ дороже отца, почтеннаго отъ высшаго начальства и кровь свою источившаго на твое образованіе, дабы подъ старость имѣть опору. Отжени врага рода человѣческаго, призови Бога всевышняго, омой слезами осквернённую душу и успокой родителя помощію отъ трудовъ твоихъ, ибо безъ меня не только образованія но и существованія ты бы не имѣлъ...»

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ этого письма (подъ каждымъ письмомъ находился годъ и число) вдохновенный отецъ переписываетъ въ свою тетрадь такое письмо:

«*Его привеллебію отцу iерею Михаилу Остромыслову съ селенiи Глушицъ священнослужителю всепокорнѣйшее прошеніе!*

«Сего числа извѣстился я о сынѣ моемъ Симеонѣ, какъ будучи онъ по живописной части, снялъ подрядъ написанія во храмѣ селенія Глушицъ четырехъ образовъ суммою, сказываютъ, до ста рублей серебромъ—то какъ отецъ принадаю объ удовлетвореніи меня въ означенной суммѣ. Будучи преклонныхъ лѣтъ и по слабости своего здоровья, которое все пожертвовалъ въ ревности служенія и почтенъ отъ высшаго начальства—я изъ послѣдняго моего соку, не жалѣя копейки, оставшей отъ трудовъ, и окончательно истощивъ всякія способы пропитанія своего—все сіе употребилъ для высшаго просвѣщенія сына моего Симеона дабы подъ старость имѣть утѣшеніе и денежное удовлетвореніе отъ его ко мнѣ любви за мои труды и послѣднія капли крови моей, коіе я истощилъ на него, оставши нищимъ. Но зловредное ученіе социлизма, внѣдривши подобно какой болѣзни развратной, будучи онъ въ Петербургѣ въ ученіи—то не только чтить отца, но съ гордостью считать сталъ дуракомъ, а себя превыше всякаго смысла какъ бы

великолѣпнаго ума. Но какъ вѣрую въ Творца вседержителя, то молясь денно и ночно и со слезами призывая Бога въ помощники съ ангелы и архангелы, получилъ утѣшеніе въ томъ, что согласился взяться онъ за церковную работу, а то все презиралъ. Ваше священное благоутробіе! Отецъ іерей! внемли голосу престарѣлаго старца! на краю пропасти могильной уже одною ногою близко нахожусь! Какіе будутъ моему Симеону деньги, то я умоляю до послѣдней копейки отнюдь не отдавать и все то неусыпно удержать до моего прибытія, такъ какъ я одного убытку для его просвѣщенія понесъ все мое состояніе и силы до послѣдней капли крови. Съ умиленіемъ вопію къ творцу и зиждителю и Богу нашему, да несоблазнитъ тебя, священнослужитель, злоумышленная хитрость сына моего Симеона, насчетъ выдачи ему подъ работу хотя бы трехъ рублей—но укрѣпится десница твоя въ опроверженіи...»

Слѣдующее письмо писано недѣли черезъ двѣ:

«Господину становому приставу перваго стана... уѣзда Чихаловской волости Николаю Ивановичу Фіалетову.

«Сокрушенное и всеподданнѣйшее со скорбію прошеніе плачущаго отца, крестьянина Купріяна Муравушкина противу сына его Симеона, забывшаго Бога и отца, а потому и весь престолъ и отечество.

«Какъ мы видимъ изъ вѣдомостей объ ученіи зловредныхъ сиціилистовъ, которые хуже языческихъ кровопійцевъ, коіе не побоялись распять Христа, то какъ вѣрный подданный и неподкупный земледѣлецъ и принявшій присягу согласно священному писанію, то не дозволю себѣ впасть въ малодушіе, но иду къ высшему начальству глаголя: «возьмите отъ меня его и распните!» Отечество наше, которое имѣетъ славное воинство и арміи и флоты и вездѣ повсемѣстно прославлено—то ежели не будетъ повиновенія, тогда держава должна прекратиться. Окончательно сказать, даже иностранцы чувствуютъ сокрушеніе, видя повсемѣстное забвеніе Бога: развращенный крестьянинъ, не имѣя страха, запрягаетъ тощію лошадь, каковая только ковыряетъ пашню, но не пашетъ, чрезъ что появляется голодъ и недостатокъ средствъ для славы отечества, но становится противъ иностранцевъ на худомъ щету. И какъ сынъ предпочитаетъ не повиноваться и уходитъ отъ отца жить отдѣльно, то ни скотины у него нѣтъ, и не пахота у него, а одно посрамленіе, чрезъ что не имѣемъ весной дождей, а

осенью заливаетъ хлѣба—отъ чего же все сіе происходитъ? Отъ неповиновенія родителямъ, забвенія бога, почему имѣю честь донести, что сынъ мой Симеонъ, на просвѣщеніе и образованіе котораго я истощилъ послѣднюю мою кровь...»

Здѣсь слѣдуетъ почти то же самое, что и въ письмѣ къ священнику. Разсказавъ о томъ, что послѣ денно-ночной молитвы сынъ его наконецъ согласился взять церковную работу, старецъ продолжаетъ:

«...Но не токма ста рублей серебромъ я не получилъ, но даже едва семьдесятъ пять рублей могъ выпросить у него чрезъ священно-іерея отца Михаила, причемъ отзывался объ отцѣ съ ожесточеніемъ, называя тираномъ, каковой тиранъ, истощивши на образованіе сына своего послѣднія свои жилы и даже сокъ послѣдній—едва къ могилѣ можетъ достигнуть, подобно младенцу невинному. И это все есть зло въ неповиновеніи отцу, слѣдовательно сицилизмъ, черезъ что происходитъ поврежденіе хозяйства, а также отечества, посрамленіе передъ иностранцами и уничтоженіе державы. Нынѣ же извѣстенъ я, что сынъ мой Симеонъ снялъ новый подрядъ въ селеніи Колобовѣ, поблизности становой квартиры вашего высокоблагородія уже въ суммѣ до трехъ сотъ рублей серебромъ и съ дерзостію возмечталъ о вступленіи въ союзъ съ дѣвицею Ѳеоклистою, живущею безъ отца при матерѣ, каковая безнравственная дѣвица неимѣя отца и надзора при матерѣ потатчицѣ—то сынъ мой Симеонъ можетъ погибнуть и окончательно предать отца въ забвеніе на голодную смерть. Почему, какъ вѣрноподданный, не желая разврату державѣ, доношу вашему высокоблагородію обо всемъ чистосердечно съ низкопоклоненіемъ, дабы повелѣно было строжайше арестовать онную сумму въ триста рублей серебромъ, каковая сумма по закону должна быть предназначена отцу, издержавшему на образованіе сына всѣ средства жизни, и привлечь къ законной отвѣтственности дѣвицу Ѳеоклисту за развратное ея поведеніе, вмѣстѣ съ матерію ея, что недозволено въ законѣ. Слезами написаны эти строки мои, но какъ есть я рабъ престола и Бога вседержителя, то хотя бы мнѣ повелѣно было руку отсѣчь свою топоромъ, то отсѣку, не потерплю неспроверженія Бога живаго и пойду съ прошеніемъ къ господину министру, почему и прошу объ удовлетвореніи меня въ трехъ стахъ рубляхъ».

Послѣ крошечнаго промежутка времени нацарапана копія съ слѣдующаго прошенія:

«Въ глушицкое волостное правленіе, въ волостной судъ, покорнѣйшее прошеніе.

«Проживающій въ с. Глушицѣ родной сынъ мой Симеонъ, находясь якобы на хлѣбахъ у вдовы Аксиніи Михайловой, съ дочерью ея Ѳеоклистой, предался непотребному поведенію, намѣреваясь взять въ замужество, то я какъ отецъ не позволяю этого разврата и такъ какъ находящіеся у сына моего триста рублей сопсвеннаго моего капиталу, захвачены имъ безъ позволенія и оставляетъ меня безъ пропитанія, то покорнѣйше прошу за неповиновеніе и развратное его поведеніе и наглые поступки подвергнуть тѣлесному наказанію, арестовать сумму 300 р. въ церковныхъ деньгахъ впредь до разбирательства по жалобѣ моей въ вышемъ мѣстѣ и подвергнуть крестьянскую дѣвку Ѳеоклисту какъ за распутное поведеніе тѣлесному наказанію, ибо по обоюдному ея съ сыномъ моимъ распутному поведенію меня постигаетъ разореніе и голодное состояніе—почему и прошу на законномъ основаніи подвергнуть ихъ строжайшему взысканію, о чемъ и доношу начальнику губерніи и N—цкую духовную консисторію. Ежели мы будемъ послаблять, то не будетъ никакого повиновенія, а это есть противъ Бога и даже вся Россія можетъ погибнуть...»

Далѣе слѣдуютъ копіи съ бумагъ: «Господину начальнику губерніи...», «Въ святѣйшій Правительствующій Синодъ...», «Въ третіе отдѣленіе сопсвенной Е. И. В. Канцеляріи...», «Г-ну жандармскому начальнику...».

Но я ужъ не буду приводить этихъ вдохновенныхъ произведеній. По тому, что уже было мной прочитано, можно было догадаться о содержаніи и другихъ документовъ. Я не дочиталъ ихъ и пошелъ возвратить рукопись автору.

Авторъ сидѣлъ въ кухнѣ и, очевидно, разспрашивалъ прислугу о моемъ поведеніи, и видъ его былъ не смиренный и не благоговѣйный; но онъ тотчасъ же облекся въ смиреніе и благолѣпіе, какъ только въ дверяхъ появился я.

— Гдѣ-жъ теперь вашъ сынъ?—спросилъ я.

— Померъ-съ, померъ! А почему? потому, что въ нонѣшнія времена...

Затѣмъ между нами произошелъ непродолжительный разговоръ, вслѣдствіе котораго, я увѣренъ, вдохновенный авторъ тетрадки ушелъ отъ меня во-свояси не въ весьма хорошемъ расположеніи духа; я же разстался съ нимъ съ истиннымъ удовольствіемъ.

II. Хорошій русскій типъ.

1.

Всѣ рождественскіе праздники мнѣ пришлось провести не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ, и я уже рѣшился-было встрѣчать въ Петербургѣ и Новый годъ, но какая-то необычайная тоска—результатъ всего видѣннаго и слышаннаго въ столицѣ—до такой степени обуяла меня въ утро тридцать перваго декабря, до такой степени охватила все мое существо испугомъ и холодомъ, что я почувствовалъ непреодолимую потребность тотчасъ же уйти въ свой деревенскій уголокъ, къ печкѣ, къ теплу, къ одиночеству, тишинѣ, книгѣ и вообще къ *какой-нибудь*, хотя бы также ужасной деревенской правдѣ...

И вотъ, обуянный этимъ трудно-формулируемымъ, но внезапнымъ страхомъ и тоскою, я, не повидавшись даже съ лучшими моими пріятелями, — мгновенно собралъ свои пожитки и скоро, къ величайшему удовольствію моему, былъ уже въ вагонѣ третьяго класса.

По случаю праздниковъ народу было мало, въ вагонѣ было просторно, т.-е. почти пусто, а стало-быть, и хорошо. Спутниками моими по вагону были только двое: крестьянинъ — изъ числа «хозяйственныхъ» народныхъ типовъ—и пожилая дама.

Не могу припомнить, какимъ образомъ между нами завязался разговоръ; кажется, что причиною общей бесѣды былъ крестьянинъ, долгое время разговаривавшій одинъ, самъ съ собой, и невольно вызвавшій на отвѣтъ сначала даму, а потомъ и меня. Но что̀ замѣчательно, такъ это именно то, еще недавно невозможное обстоятельство, что мы, случайные дорожные знакомые, люди разнаго званія, положенія, развитія, какъ-то дружно повели разговоръ именно объ этомъ нравственномъ испугѣ, испугѣ души, который мы всѣ—и крестьянинъ, и дама, и я — увозили съ собой изъ столицы.

Въ былое время шелъ бы между нами какой-нибудь пустячный разговоръ; мужикъ говорилъ бы объ урожаѣ, объ овсѣ и сѣнѣ, о сынѣ, котораго сдали въ солдаты; можетъ-быть, и дама вспомнила бы что-нибудь изъ своей семейной жизни, да и мнѣ пришлось бы разговаривать о чемъ-нибудь случайномъ, отвѣчать на вопросы: «вы чьи будете? гдѣ служите, какая ваша должность, велико ли семейство?»—

но теперь, и не только въ этотъ разъ (я ѣзжу по желѣзной дорогѣ очень часто), а вообще въ послѣднее время дорожный разговоръ случайно встрѣтившихся людей почти утратилъ характеръ разговора о будничныхъ дѣлахъ и частностяхъ жизни, а всего чаще прямо начинается съ разговоровъ «вообще» или «вообче» и всегда имѣетъ неопредѣленный, плохо оформленный видъ несвязнаго бормотанья о чемъ-то, что чрезвычайно ужасно для всѣхъ насъ, но что нельзя, невозможно опредѣлить, назвать точно однимъ-двумя словами.

Всѣмъ намъ знакомо это ужасное, лежащее камнемъ на душѣ, тяжкое, многосложное, сбившее всѣхъ насъ съ кругу, съ толку, тѣснящее и давящее грудь, пугающее ежеминутно и днемъ и ночью, и всѣ мы, говоря объ этомъ, родственномъ всѣмъ намъ и не покидающемъ насъ, людей разнаго званія, ощущеніи душевномъ, можемъ только перекидываться вздохами, иногда даже только обмѣниваться отчаянными жестами или фразами, въ родѣ: «Ужасъ, что такое! То-есть, знаете ли, просто не знаешь, куда дѣваться!»— и чувствуешь себя уже безсильнымъ размѣнять эти жесты и фразы на текущіе житейскіе недуги, ошибки, желанія; все это сто тысячъ разъ было думано-передумано, и все это сто тысячъ разъ должно было изъ передуманнаго сдѣлаться переживаемымъ, и все пошло прахомъ—теперь возможны только жесты, выражающіе присутствіе въ душѣ человѣка, измученнаго безплодными размышленіями, чего-то умирающаго, коченѣющаго, отъ чего только холодъ идетъ по всему существу человѣческому...

И на этотъ разъ разговоръ нашъ какъ-то самъ собой сосредоточился на этомъ неразмѣнномъ на реальныя явленія сегодняшняго дня душевномъ испугѣ, отчаяніи передъ чѣмъ-то «вообще». Что же такое въ самомъ дѣлѣ мы видѣли и слышали въ столицѣ? Всѣ мы видѣли нашихъ старыхъ знакомыхъ, людей намъ близкихъ,—людей, съ которыми мы прожили весь вѣкъ,—людей, которые пережили вмѣстѣ съ нами все то, что пережили и мы; но всѣ—и мы отъ нихъ, и они отъ насъ—ушли и разстались съ пугающею мыслью о нашемъ взаимномъ духовномъ упадкѣ, нравственномъ униженіи, паденіи, даже умираніи духовной жизни, и вообще въ сознаніи близости для всѣхъ насъ чего-то недобраго, тусклаго, суроваго и даже глубоко-позорнаго.

Это тяжкое, гнетущее душевное состояніе, всѣми нами,

случайно встрѣтившимися въ вагонѣ людьми, вывезенное изъ столицы (точно такъ же, скажу кстати, и привозимое нами въ столицу изъ деревень), было до такой степени тягостно всѣмъ намъ, что мы употребляли всевозможныя умственныя усилія для того, чтобы почти мимически выражаемое отчаяніе перенести на реальную почву и разговаривать, придравшись къ какому-нибудь тягостному для насъ жизненному факту. Но, какихъ бы фактовъ мы ни касались, всѣ они какъ-то были ничтожны передъ огромностью тяготы «вообче», терялись въ этой огромности и какъ-то даже утрачивали свою отдѣльную, маленькую возмутительность.

Прежде всѣхъ и больше всѣхъ изъ запутанной массы впечатлѣній, сливавшихся «вообче» во что-то удивительно неожиданное и нехорошее, старался выбраться на дорогу къ какому-нибудь реальному факту упомянутый выше хозяйственный крестьянинъ. Онъ не бывалъ въ Петербургѣ лѣтъ восемь, занимался хлѣбопашествомъ; но у него въ Петербургѣ было много знакомыхъ односельчанъ, торговавшихъ дровами, сѣномъ, камнемъ, занимавшихъ мѣста дворниковъ, трактирныхъ буфетчиковъ и хозяевъ разныхъ дровяныхъ, сѣнныхъ и извозчичьихъ дворовъ; въ прежнее время, когда еще не подросли его ребята, онъ также хаживалъ на заработки въ Питеръ и возилъ туда и сѣно и дрова, поставлялъ и камень и кирпичъ. И никогда ни онъ не получалъ, посѣщая своихъ односельчанъ въ столицѣ по дѣламъ, такихъ неподходящихъ ни къ чему впечатлѣній, какія вывезъ изъ столицы теперь, ни односельчане такихъ впечатлѣній не внушали ему: всѣ они просто-напросто «дѣлали дѣла», продавали привезенное, копили полученныя деньги, думали о деревнѣ, а окончивъ дѣла, заходили въ трактиръ, слушали машину, пили чай и разъѣзжались по дворамъ и по домамъ. Ни въ дѣлахъ, ни къ въ мысляхъ, ни въ поступкахъ не было замѣтно у нихъ ничего такого, что бы было непонятно, необъяснимо, чего-нибудь такого, что было бы и удивительно, и ни къ селу ни къ городу, и въ то же время страшно. А теперь вотъ есть, и есть въ такой степени, что, повидавшись съ этими же самыми дровяниками, сѣнниками, буфетчиками и трактирщиками, односельчанинъ ихъ ѣдетъ домой и понять не можетъ: что такое творится? Что сдѣлалось съ народомъ?

— Ну ужъ Петербургъ!—качая головой, бормоталъ хозяйственный мужикъ, хлопая руками о полы романовскаго

полушубка и въ недоумѣніи качая головою.—Ужъ точно... да!.. Ужъ чисто, кажется, ума рѣшивши. Передъ истиннымъ Богомъ!.. Ай-яй-яй!

— Да что же такое, въ чемъ дѣло?

— Да тутъ поразсказать, такъ, передъ Богомъ, и словъ такихъ не подберешь. То-есть передъ истиннымъ Христомъ сказать ежели... такъ что это такое съ народомъ!?. такъ даже невозможно и сказать этого! Вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю: чистое разстройство въ умѣ пошло... ей-ей!

— Да все-таки въ чемъ же собственно бѣда-то?

— То-есть такъ спутавши народъ, такъ сбивши въ мысляхъ, даже... Да какъ же, позвольте вамъ сказать: человѣкъ, мой землякъ—шестьдесятъ пять лѣтъ ему отъ роду—почтенный человѣкъ: семейство, домъ собственный на Лиговкѣ, подгулялъ, напримѣръ, и при всѣхъ, при женѣ и при дочеряхъ—вѣдь невѣсты, передъ истиннымъ Богомъ, невѣсты, взрослыя дѣвицы!—«поѣдемъ, говоритъ, Михайла (мнѣ говоритъ,—ей-ей не лгу вамъ), поѣдемъ въ такое-то мѣсто!» При дѣтяхъ и при женѣ, шестьдесятъ пять лѣтъ отъ роду человѣку! Да это что! Это нельзя сказать всего, что съ мозгами подѣлалось. — «Поѣдемъ, говоритъ, погуляемъ!» И хошь бы что... постыдиться или что, или, напримѣръ... Ничуть, а чисто на отдѣлку, при дѣтяхъ! Да что!

Говоря это и всячески желая выяснить подробности того удивительнаго «вообче», которое такъ поразило его наблюдательность въ Петербургѣ, крестьянинъ, очевидно, чувствовалъ, что все это не то, что онъ ощущаетъ, и выраженіе лица его то вдругъ дѣлалось смѣющимся, то серьезнымъ, то просто испуганнымъ, и вообще отражало крайнюю спутанность и сложность полученнаго впечатлѣнія. Все, что онъ видѣлъ у знакомыхъ односельчанъ относительно ихъ «дѣловъ», все было то же, что и прежде: дровяники торговали дровами, сѣнники—сѣномъ, содержатели извозчичьихъ дворовъ занимались извозомъ,—все было по-старому; но къ этому старому *дѣлу* присоединилась какая-то новая, незнакомая ему черта душевной, нравственной нескладицы, нелѣпицы, чего-то совершенно недостойнаго уваженія,—словомъ, какой-то огромный нравственный изъянъ, схватить который мѣткимъ словомъ онъ никакъ не могъ, и вотъ почему онъ то жестами рукъ, то движеніями головы, то выраженіемъ лица, быстро мѣнявшагося и глупо-

вато переходившаго изъ серьезнаго въ смѣшливое, хотѣлъ подсобить своей рѣчи, но рѣчь продолжала быть нескладной и продолжала касаться фактовъ, только частью дававшихъ возможность понять то, что собственно его огорчило.

— Да что я вамъ скажу-то, господа почтенные! Вотъ Богомъ побожиться, не вру, а истинную говорю правду. Эта самая дочь, дѣвица, сейчасъ одѣлась, надѣла шляпку—маршъ! А я тутъ у воротъ на извозчика сажусь.—«Куда, молъ?»—«А мнѣ къ Синему мосту».—«Ахъ, говоритъ, и мнѣ къ Синему мосту, въ Нѣмецкій клубъ. Довезите меня до клуба». И какой-такой клубъ, не знаю. — «Ну, садись!» Поѣхали. — «Что такое за клубъ?» — «А, говоритъ, танцы, театры».—«А мать-то, говорю, что-жъ, дозволяетъ?»—«Да что же мать? Мать старуха. Нельзя мнѣ съ ней цѣлый вѣкъ сидѣть».—«А женихи-то есть?»—«Сватаютъ тамъ какихъ-то, говоритъ, полотеровъ, либо ломовиковъ; только я, говоритъ, несогласна. Никакого, говоритъ, съ ломовикомъ мнѣ нѣтъ удовольствія. У меня, говоритъ, въ клубѣ очень много хорошихъ мужчинъ знакомыхъ, угощаютъ меня и уважаютъ. Я ежели не найду хорошаго жениха, такъ я согласна жить тутъ съ однимъ женатымъ (ей-ей, истинный Христосъ, правда!). Я съ женатыми лучше согласна, говоритъ, чѣмъ съ холостыми. Потому—женатый жены боится и съ нашей сестрой долженъ обращаться вѣжливо». Вотъ передъ самимъ Христомъ Богомъ говорю, какъ есть эти самыя слова сказала! Да что еще! То-есть... Да тутъ, Боже милосердный!.. Однимъ словомъ...

И опять на помощь плохо выраженному словами впечатлѣнію крестьянинъ пустилъ въ ходъ и мимику лица и жесты рукъ, то хлопавшихъ въ ужасѣ о полы полушубка, то творившихъ крестное знаменіе въ удостовѣреніе справедливости разсказываемаго.

И хотя всѣ мы, не исключая и самого разсказчика, чувствовали и знали, что то, что онъ разсказываетъ, только частица того «вообче», которое насъ всѣхъ напугало, но все-таки, благодаря и этой частицѣ, мы имѣли возможность заговорить о какомъ-нибудь фактѣ, о какой-нибудь ясной, обще-знакомой намъ частицѣ, тысячной долѣ того, что угнетало насъ *вообще*.

«Паденіе нравовъ» сдѣлалось такимъ образомъ предметомъ довольно оживленнаго разговора. Оказалось, что у всѣхъ насъ было накоплено по этой части множество ма-

теріаловъ, почерпнутыхъ нами въ случайныхъ разговорахъ въ театральныхъ и клубныхъ залахъ, въ массахъ всевозможныхъ «собраній» мужской и женской толпы, которыхъ теперь такое множество въ нашихъ городахъ,—матеріаловъ, касавшихся всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ возрастовъ, начиная отъ гимназиста и до почтеннаго старца, члена Свято-Петровскаго филантропическаго братства, пекущагося о распространеніи идей религіозно-нравственнаго направленія среди невѣжественныхъ массъ. Нехорошая, жуткая картина вырисовалась передъ нами, но мѣткое и умное слово нашей спутницы, пожилой дамы, разсѣяло въ насъ впечатлѣніе срамоты и гнусности, къ которому приводилъ насъ въ такомъ обиліи накопленный матеріалъ, касавшійся «паденія нравовъ»,—и то, что намъ начинало казаться только срамотою, вдругъ получило значительный и серьезный интересъ.

2.

Пожилая дама, о которой идетъ рѣчь, женщина, впрочемъ, еще совершенно бодрая, живая, оказалась обладающею массой наблюденій по части всевозможныхъ нравственныхъ настроеній, пережитыхъ русскимъ обществомъ за довольно значительный періодъ времени. Она была постоянная обитательница города N., но также имѣла и постоянныя связи съ Петербургомъ и преимущественно съ педагогическимъ міромъ Петербурга. Ея дѣдъ, отецъ и покойный мужъ испоконъ вѣку были педагогами, содержа въ г. N. хорошій частный мужской пансіонъ, приготовлявшій въ высшія учебныя заведенія. Въ теченіе болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ пансіонъ этотъ выпустилъ на свѣтъ массу молодежи, изъ которой иные давно ужъ старики, въ чинахъ и въ орденахъ, да и дѣти этихъ дѣтей также прошли черезъ ту же школу, гдѣ учились ихъ дѣды и отцы. Изъ числа воспитанниковъ этого пансіона вышло впослѣдствіи много извѣстныхъ людей, имена которыхъ и громки и славны. Почтенная дама, съ которой намъ пришлось познакомиться, какъ оказалось, только недавно, и то по случаю смерти мужа, прекратила свое старинное родовое дѣло; но долгое и постоянное пребываніе ея въ кругу молодежи, среди которой она взросла и интересами которой жила ея семья, оставило на всей ея фигурѣ, на ея манерахъ и на всемъ складѣ ея мыслей какой-то неизгладимый слѣдъ юношеской бодрости и молодой впечатлительности. Живость ея

объяснялась еще и ея происхожденіемъ: дѣдъ ея былъ французъ, оставшійся въ Россіи послѣ двѣнадцатаго года, а русская жизнь и работящая среда, въ которой она жила всю жизнь, прибавили къ живости ея природы какую-то серьезную простоту обращенія; вліяніемъ русской жизни среди молодежи можно объяснить и ту внѣшнюю особенность ея, которая у насъ считается еще несомнѣннымъ признакомъ нигилистки: сѣдые, но густые и сильные волосы почтенной старушки были подстрижены «въ скобку», какъ у мужиковъ и «студентокъ».

— Да!—заговорила почтенная женщина, послѣ того какъ, благодаря крестьянину, тема нашего разговора выяснилась въ смыслѣ порицанія нравовъ.—Да! Нехорошо! И обидно и непріятно... Случалось и мнѣ бывать кое-гдѣ, въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ... Аллегри разныя, елки и... нехорошо! Толпа вездѣ страшная... Никогда такъ много не бывало этихъ собраній... Каждый день въ десяти мѣстахъ, и вездѣ тьма-тьмущая... Одного голаго женскаго тѣла, плечъ, спинъ—видимо-невидимо!.. Но не только нѣтъ веселья или разгула, а напротивъ — скучно ужасно. Скучно и обидно: какіе-то «ужасно простые» взгляды мужчинъ и женщинъ, которые встрѣчаешь на каждомъ шагу, всего ужаснѣе. Нѣтъ! Это не разгулъ и не развратъ. На моемъ вѣку, я помню, была такая ухарская полоса послѣ освобожденія крестьянъ: тутъ помѣщицы и помѣщики, покинувъ проданныя или заложенныя имѣнія, съ выкупными свидѣтельствами въ рукахъ, вырвавшись въ міръ разливаннаго моря желѣзнодорожныхъ денегъ, концессій, прожигали жизнь напропалую; здоровья, досужества, фантазіи, своевольства, лѣни, дикости — всего было много накоплено въ родныхъ гнѣздахъ. Дымъ коромысломъ шелъ. Иная барыня сама правитъ тройкой, въ кучерскомъ армякѣ, штанахъ, словно старинный кутила-ремонтеръ. Или, вырвавшись изъ родной Замаиловки, накуралеситъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и за границей такъ, что только небу жарко. Это все было! Теперь вовсе не то... Теперь нѣтъ ни ухарства ни прожиганія, а именно одна ужасная простота, безстрастная простота отношеній этихъ массъ мужчинъ къ этимъ массамъ женщинъ. Скверно, нехорошо, скучно, обидно, но это не развратъ. Нѣтъ! Это именно—паденіе души. Душа остановилась, не дѣйствуетъ, точно какъ часы остановились и стоятъ. Они могли идти невѣрно, врать, бить вмѣсто двухъ—двадцать часовъ, вмѣсто часа показывать восемь, — словомъ, куралесить, какъ

куралесило общество послѣ освобожденія, но теперь они стали и стоятъ на одномъ мѣстѣ, не двигается стрѣлка... и во взглядахъ, и въ отношеніяхъ, и во времяпровожденіи массъ мужчинъ и женщинъ вы именно и видите, что душито нѣтъ, что стрѣлка не движется, а неизмѣнно и днемъ, и ночью, и во всѣ часы дня стоитъ на одномъ мѣстѣ: полночь!

Нашъ общій собесѣдникъ-крестьянинъ, слушавшій эти рѣчи почтенной женщины съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и, очевидно, отлично понимавшій, что разговоръ идетъ «о томъ самомъ», что̀ именно и волновало его самого, попробовалъ-было выразить сочувствіе словамъ говорившей, но такъ какъ при всѣхъ усиліяхъ его выразить свое мнѣніе у него ничего не выходило, кромѣ: «То-есть передъ истиннымъ Создателемъ, ежели поразсказать...» или: «И что̀ только, ежели поразсказать, съ народомъ творится, такъ передъ истиннымъ Создателемъ...»,—то онъ и прекратилъ свою рѣчь, ограничившись одними жестами и мимикой: сначала плюнулъ, потомъ засмѣялся, махнулъ рукой, перекрестился и, глубоко вздохнувъ, опять сталъ внимательно слушать, что̀ говоритъ барыня. А барыня между тѣмъ продолжала такъ:

— И знаете ли, что̀ я еще замѣтила? — говорила она, внимательно смотря на меня.—Я замѣтила, что теперь совершенно какъ-то нѣтъ... Ну, какъ это сказать? Ну, я буду говорить по-провинціальному, губернскимъ жаргономъ... *Нѣтъ теперь интереснаго мужчины...* Вотъ что̀ мнѣ кажется. Совсѣмъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, не видишь на поверхности, нѣтъ такого мужского типа, предъ которымъ можно было бы... ужъ скажу опять жаргономъ губернскихъ дамъ... можно было бы преклониться... Нѣтъ его!

— Ну какъ!—сказалъ я какъ-то зря, повинуясь единственно инстинктивному желанію сказать что-нибудь въ защиту «нашей сестры»—мужчины, но никакихъ иныхъ существенныхъ аргументовъ въ пользу этой защиты привести не могъ: какъ-то они не приходили въ голову.

— Знаю, знаю,—не давая мнѣ времени подыскать хоть какихъ-нибудь смягчающихъ въ пользу «нашей сестры» обстоятельствъ, продолжала старушка.—Знаю все, но я говорю про общество, про публику... про сотни этихъ плечъ, шей и спинъ... Эта публика была всегда, но всегда у насъ по примѣру, по типу лучшаго общества, избраннаго круга былъ господствующій типъ мужчины, «достойнаго благого-

вѣнія», поклоненія... А теперь нѣтъ его! Всякой женщинѣ, чтобы любить человѣка, мужчину, мужа, надобно навѣрное знать, что въ самой глубинѣ глубинъ его души есть такое хорошее, предъ чѣмъ можно благоговѣть. Это-то святое, что̀ лежитъ въ самой глубинѣ сердца любимаго человѣка, и есть главное, что̀ даетъ смыслъ всей жизни женщины, всѣмъ ея поступкамъ, что̀ способно заставить ее все вынести, все вытерпѣть, на все рѣшиться. «Это» въ мужчинѣ должно быть непремѣнно святое, непремѣнно искреннее, «настоящее». Опять-таки я говорю о толпѣ, объ обществѣ. Множество женщинъ, и хорошихъ, и честныхъ, и чистыхъ, и талантливыхъ, способныхъ, могутъ сгинуть, пропасть задаромъ, не отвѣдавъ счастія сознательной жизни, если ихъ не пробудитъ избранный человѣкъ и то, что̀ таится въ глубинѣ глубинъ этого избраннаго сердца. Кругомъ нея могутъ быть и книги, въ которыхъ масса интереснаго, важнаго и такого, что̀ способно захватить всю жизнь, но, пока это способное не придетъ «во образѣ», въ живомъ словѣ, книга можетъ лежать покойно хоть тысячу лѣтъ. Но то же самое, явись оно въ устахъ живого человѣка, непремѣнно «настоящимъ образомъ» запечатлѣнное въ его сердцѣ, можетъ сдѣлать чудеса. Непремѣнно надо только, чтобы это святое было «въ самомъ дѣлѣ» настоящее. Женщины это умѣютъ понимать чутьемъ. И еще есть великая масса женщинъ, которыя не такъ одарены Богомъ, какъ тѣ, о которыхъ я говорила, не такъ благопріятно поставлены, не такъ даровиты. И тѣмъ надобно, чтобы въ сердцѣ мужа было что-то святое, надобно если не для того, чтобы благоговѣть и жить этимъ святымъ, то хоть для того, чтобы бояться... Да! И бояться даже этого святого—и то для многихъ счастіе, опора и серьезный смыслъ жизни. И вотъ я вамъ говорю: нѣтъ теперь такого типа, сокровенную глубину души котораго масса женщинъ могла бы, въ самомъ дѣлѣ, благоговѣйно чтить, уважать или наконецъ просто бояться... Красота, успѣхъ, здоровье, богатство — все это, конечно, хорошо, все это, пожалуй, и надобно для удовлетворенія мелкихъ сторонъ женскаго тщеславія, но все это сущій вздоръ, если нѣтъ главнаго—благоговѣнія предъ высокими, святыми тайнами сердца любимаго человѣка... Не будетъ этого,—можете десять разъ разворовать всѣ банки и кассы, и все-таки ничего, даже веселья настоящаго не получится, ровно ничего... Женщина въ такомъ «безсовѣстномъ» состояніи можетъ расточить на кружева̀ цѣлую страну,

расточить, даже и не замѣтивъ этого, и послѣ всѣхъ вашихъ разбойствъ и кражъ ничего вы отъ нея не получите, кромѣ того, что все-таки ей надо чего-то еще... собачку какую-нибудь нужно въ два золотника, а то она умретъ отъ тоски, вовсе не замѣчая того, что эта тоска уже стоила кому-то и гибели, и страданія, и разоренія.

— Не дай Богъ! — проговорилъ крестьянинъ, продолжавшій внимательно слушать рѣчи старушки, но опять-таки, вслѣдствіе многосложности волновавшихъ его впечатлѣній, не успѣлъ разобраться съ мыслями и неизвѣстно для чего прибавилъ:—Это и изъ нашихъ деревенскихъ, которая чуть мало-мало въ городѣ пожила, поглядитка-сь, какъ хвосты заламывать навострилась!

Но, чувствуя, что сообщеніе о хвостахъ какъ будто бы и не подходитъ къ разговору, счелъ нужнымъ округлить его и проговорилъ:

— Поглядѣть-то на это, такъ не приведи Царица Небесная!

Но такъ какъ и это изреченіе также хвостамъ плохо соотвѣтствовало, то ему не оставалось ничего другого, кромѣ жестовъ, которыми онъ и закончилъ свою рѣчь: онъ махнулъ рукой, плюнулъ, вздохнулъ и опять сталъ слушать.

А старушка продолжала:

— Я стара ужъ... я помню далекія-далекія времена, о которыхъ теперешнее поколѣніе и понятія не имѣетъ. Лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ все наше общество по внѣшнему виду было не то, что теперь; не говоря вообще о дикости всевозможныхъ видовъ и формъ, надо всѣмъ царила солдатчина, бурбонство, солдатская вытяжка,—словомъ, мертвечина. Даже литературы не было. Военный — вотъ господствующій типъ, герой... Но эта обязательная для всего общества внѣшность, обязательная для всякаго вытяжка, туго стянутая шея, картежъ, кутежъ вовсе не исключали возможности «святого», спрятаннаго въ глубинѣ сердца, спрятаннаго за этимъ, на всѣ пуговицы застегнутымъ мундиромъ. Напротивъ, тамъ было много «настоящаго», такого, что могло захватить всю жизнь и что совсѣмъ было непохоже ни на эту солдатскую внѣшность, ни на эту внѣшнюю топорность и грубость. Вѣдь даже такіе люди, какъ Лермонтовъ, не могли миновать этой солдатской и залихватской внѣшности жизни, а между тѣмъ въ нихъ таились Лермонтовы. Я и теперь говорю не про какую-нибудь хищ-

ническую или вообще низменную, грабительскую общественную группу, а про группу такъ-называемыхъ хорошихъ людей. И вижу, что теперь какъ разъ наоборотъ вышло. Тогда этотъ бурбонъ, разстегнувъ свой мундиръ и туго стянутый воротникъ и оставшись одинъ-на-одинъ, давъ волю своему сердцу и своему тайному желанію, могъ не только по совѣсти высказать свое негодованіе на свое положеніе, но имѣлъ еще нѣчто за душой, именно имѣлъ желанія, какъ разъ противоположныя его топорной внѣшности, имѣлъ желаніе быть гуманнымъ, мягкимъ, справедливымъ, освободить своихъ крестьянъ, и вообще *навѣрно* зналъ, что—неправда и какая должна быть правда; ясно видѣлъ, въ чемъ и какъ, въ какой формѣ и въ какомъ видѣ эта правда—тайна, святая святыхъ его души—можетъ быть выражена, и вѣрилъ, непоколебимо вѣрилъ, что она, эта правда, непремѣнно такъ, какъ онъ думаетъ, и будетъ выражена. Эта-то «святая святыхъ» и могла плѣнять женщину, могла воодушевлять ее, давать ей силу, вносить смыслъ въ семейныя отношенія, т.-е. въ самыя интимныя стороны семейныхъ отношеній, а это-то вѣдь и главное... самыя-то интимныя. Они-то непремѣнно и должны и могутъ держаться только на святомъ, на великомъ, передъ чѣмъ можно преклониться или чего во всякомъ случаѣ нельзя не бояться... И чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше развивалось этого святого въ обществѣ. Бывало, идетъ ли молодой человѣкъ въ университетъ, или въ инженеры, или по какой-нибудь профессіи, то и дѣло слышишь, что профессія эта ему нужна не для профессіи и не для карьеры, а, напротивъ, карьера, деньги, слава нужны для чего-то другого, именно для какого-то святого дѣла. Ну, онъ купитъ землю и будетъ самъ съ товарищами пахать, работать, или накопитъ денегъ и откроетъ школу, больницу и т. д. Онъ будетъ справедливъ, онъ будетъ въ народѣ — учить, лѣчить, хлопотать, защищать. Все это свято, все это ясно, понятно, велико, и это святое, великое, таившееся на глубинѣ глубинъ, и было главное, что подняло женщину изъ ничтожества, обновило ея жизнь, пробудило наконецъ ее къ этой самой жизни. Карьера, деньги, мѣста—все это долго-долго считалось ничѣмъ; *главное,* что держало на свѣтѣ, что ясно освѣщало весь путь человѣка, каждый его шагъ, и наполняло совершенно опредѣленнымъ и притомъ свѣтлымъ и святымъ смысломъ каждую минуту его жизни — это главное было свято. Жили не для средствъ, а нуждались въ средствахъ

для этого главнаго, святого. И такъ долго шло. А потомъ какъ-то все спуталось, размякло, скомкалось, осрамилось, озлилось,—словомъ, все это какъ-то пропало... Долго объ этомъ говорить... И вотъ теперь совсѣмъ-совсѣмъ другое! По внѣшности—никакого сравненія съ прошлымъ: ни затянутыхъ воротниковъ, ни ртовъ, запертыхъ на замокъ,—ничего этого и въ поминѣ нѣтъ; развязность, шумъ, говоръ, тысячи вопросовъ такъ и кишатъ на тысячѣ газетныхъ столбцовъ каждый Божій день. Мало намъ сотенъ тысячъ русскихъ «вопросовъ», и европейскіе-то всѣ вопросы въ нашемъ распоряженіи, и азіатскіе, и американскіе, — словомъ, горы интереса и матеріала для вниманія и языка... А все-таки чувствуешь, что нѣтъ во всемъ этомъ гамѣ, шумѣ и трескотнѣ, и во всемъ этомъ обиліи общественныхъ толковъ и пересудовъ, ничего «настоящаго»... Чувствуешь, что во всемъ этомъ обильномъ говорѣ, среди массы всевозможныхъ мнѣній и безчисленномъ множествѣ всевозможныхъ вопросовъ и дѣлъ, есть что-то напоминающее анекдотъ о томъ мужикѣ, который, стоя у притолоки въ то время, когда барилъ ѣлъ поросенка, въ отвѣтъ на слова барина: «Какой отличный поросенокъ!», сказалъ:—«Нѣтъ, ветчина вотъ, такъ та много скуснѣй!» — «А ты ѣлъ ветчину-то?»—спросилъ баринъ.—«Самъ-то я не ѣлъ, а мнѣ приказчикъ знакомый сказывалъ, что видѣлъ онъ, какъ одинъ офицеръ проѣзжающій ѣлъ». Вотъ именно это: «я самъ не ѣлъ, а слышалъ отъ приказчика, который также самъ не ѣлъ» — слышится положительно во всемъ этомъ нескончаемомъ говорѣ о милліонахъ вопросовъ и русскихъ и обще-человѣческихъ, разрабатываемыхъ и на столбцахъ газетъ, и въ комиссіяхъ, и за чайнымъ столомъ, и въ собраніяхъ, и въ салонахъ, — словомъ, вездѣ... Никто самъ не знаетъ настоящаго вкуса ветчины, никто самъ не ѣлъ и не думалъ самъ ѣсть, а такъ же, какъ мужикъ, стоя у притолоки и желая изъ приличія поддержать разговоръ, говоритъ довольно развязно:—«Нѣтъ, вотъ ежели какъ слѣдуетъ уѣздъ, напримѣръ, устроить, такъ тогда много лучше будетъ, скуснѣй!»—«Да что же тебѣ уѣздъ? Тебѣ-то очень это нужно? Самъ-то ты ѣлъ ли что-нибудь въ этомъ вкусѣ?»—«Нѣтъ, самъ-то я не знаю настоящаго скусу... мы этого не ѣли... а сказывалъ мнѣ одинъ проѣзжающій, что видѣлъ онъ, какъ одинъ публицистъ ѣлъ, такъ хвалилъ, говоритъ...» Безъ шутокъ, самая глубина-то сердца всей этой говорящей и пишущей о милліонахъ вопросовъ толпы, глубина-

то эта холодна, какъ выстывшая печка... При шумной и развязной внѣшности, интимная-то сторона души безжизненна, испугана. Прежде, при холодной и грубой внѣшности, въ глубинѣ сердца таилось настоящее тепло; теперь же именно въ глубинѣ-то холодно, испуганно, а только по внѣшнему виду кажется, что будто бы человѣку даже и жарко... Оттого такъ и много всякихъ вопросовъ, что нѣтъ главнаго, что и въ интимномъ-то разговорѣ, въ интимной-то бесѣдѣ съ глазу на глазъ, я, женщина, услышу отъ васъ, мужчинъ, не это *главное,* что̀ бы дало мнѣ возможность сразу, съ двухъ словъ понять и проникнуться благоговѣніемъ къ источнику, изъ котораго выходитъ этотъ нескончаемый говоръ вашъ о милліонахъ дѣлъ и вопросовъ, а, напротивъ, услышу, что вы это «только такъ», что главное состоитъ вообще въ испугѣ вашемъ жить на свѣтѣ, въ невѣріи въ вашъ развязный разговоръ, что вообще въ глубинѣ-то души вашей утомленіе, холодъ и боязнь. За что же мнѣ любить васъ? Къ чему привязать мою жизнь и силы? У васъ нѣтъ желаній, вы «сами не ѣли ветчины» и скусу не знаете, а если и говорите, что она лучше поросенка, такъ это только изъ приличія... Завѣтнаго, чего-нибудь такого, что̀ бы вы берегли «про себя», у васъ ничего нѣтъ, а безъ этого... зачѣмъ мы вмѣстѣ? И вотъ мы видимъ стремленіе мужчинъ и женщинъ какъ можно чаще быть въ толпѣ, въ стадѣ, въ кучѣ, ходить, говорить, двигаться, какъ случится, какъ всѣ, какъ толпа,—стремленіе тратить себя на случайныя впечатлѣнія, случайные разговоры... Потому что дома, за чайнымъ столомъ, съ глазу на глазъ, намъ, мужу и женѣ, только боязно и холодно... Между нами пусто, ничего нѣтъ... Единственное спасеніе — идти жить въ толпу, въ кучу незнакомыхъ людей, и жить тѣмъ, что̀ дастъ случай вечера, дня... Здѣсь всѣ чужды и всѣ одинаковы... всѣ не имѣютъ необходимости уважать другъ друга и всѣ имѣютъ возможность упражнять другъ на другѣ свое вниманіе. Вотъ почему инымъ могутъ показаться противными тѣ слишкомъ *простые* взгляды, которыми теперь такъ часто обмѣниваются мужчины и женщины въ толпахъ общественныхъ собраній. Эти взгляды не вызовъ, но обоюдное невниманіе—только обоюдное непочтеніе, обоюдное заявленіе о томъ, что наши души не живы, не дѣйствуютъ, что стрѣлка показываетъ полночь—только!

— Вѣрно! — воскликнулъ крестьянинъ, не спускавшій глазъ съ одушевившейся старушки.—Такъ, правильно ты

говоришь... Поразсказать ежели все, какъ должно, честь-честью, такъ передъ Богомъ...

Но, вѣроятно, опасаясь какимъ-нибудь неудачнымъ комментаріемъ испортить бесѣду, понимаемую только чувствомъ и чутьемъ, собесѣдникъ нашъ замолкъ и еще разъ проговорилъ какъ-то особенно громко и энергически:

— Вѣрно! Такъ! Нечего разговаривать!..

И, заслышавъ свистъ машины, подъѣзжавшей къ какой-то станціи, онъ сталъ торопливо собирать свои пожитки...

3.

— Уважать-то васъ, господа мужчины, стало почти не за что, вотъ въ чемъ бѣда!—съ непритворнымъ сокрушеніемъ въ голосѣ сказала мнѣ почтенная старушка, когда намъ наконецъ пришлось прекратить разговоръ о паденіи нравовъ и проститься.

Разговоръ этотъ, и на ту же тему, продолжался между нами еще очень долго послѣ того, какъ нашъ собесѣдникъ, крестьянинъ, оставилъ вагонъ и мы остались вдвоемъ. Признаюсь, не разъ приходило мнѣ въ голову замолвить словечко и за «нашу сестру», за не всегда очень счастливую «мужскую часть», притомъ на память какъ-то сами собою приходили аргументы самаго громокипящаго свойства. Но искренность той горести, которая проникала каждое слово старушки,—горести, исходящей изъ глубины удрученнаго сердца,—заграждала мои уста, и я не посмѣлъ предъявить ни единаго изъ моихъ защитительныхъ аргументовъ, предпочитая уважить старушку и промолчать.

Эти громокипящаго свойства аргументы въ защиту «нашей мужской части» нѣкоторое время невольно отвлекали меня отъ мысли о томъ душевномъ общественномъ недугѣ, предметомъ котораго былъ продолжительный дорожный разговоръ, и серьезность затронутой этимъ разговоромъ темы нѣкоторое время какъ бы затемнялась воспоминаніями массы всевозможныхъ мелочныхъ частностей, касавшихся какъ участи «нашей сестры», такъ и участи ихней сестры... Но вотъ потянулись знакомые деревенскіе виды, постройки, фигуры людей... Припоминалась теперешняя, сегодняшняя жизнь и маята этихъ людей, живущихъ въ этихъ постройкахъ,—людей, мнѣ давно знакомыхъ, и опять стало чувствоваться неладно «вообще», опять стало страшновато, и опять проснулась томительная жажда въ чемъ-нибудь найти опору, прибѣжище...

«Уважать-то васъ, господа, стало не за что!»—вновь припомнились мнѣ слова старушки, и я былъ очень радъ этому: они хоть чуть-чуть, а все-таки разъяснили мнѣ, отчего мнѣ стало жутко и страшно. И сознаніе справедливости этихъ словъ старушки не только не убавлялось во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я, минуя деревню за деревней и проникаясь все болѣе и болѣе деревенскими впечатлѣніями, приближался къ моему углу, но, напротивъ, впечатлѣнія деревни, смѣняя впечатлѣнія, привезенныя мною изъ столицы, только перемѣняли матеріалъ, не измѣняя душевнаго настроенія и нимало не искореняя внутренняго сознанія въ своемъ недостоинствѣ. Не знаю, въ какомъ томительномъ настроеніи духа пришлось бы встрѣтить мнѣ Новый годъ, если бы одно случайное обстоятельство, маленькая, невѣдомо какъ попавшая подъ руку книжка не дала мнѣ возможности воскресить въ моемъ воображеніи одинъ хорошій, какъ будто бы запропастившійся куда-то русскій типъ. Раздумывая о судьбахъ этого типа, я уже не чувствовалъ себя какъ бы въ какомъ-то кошмарѣ; напротивъ, мнѣ стало совершенно ясно, отчего и почему такъ справедливы слова старушки: «не за что васъ, господа, уважать!»

Книжка, которая, повторяю, совершенно случайно попалась мнѣ въ руки, было тощенькое изданіе какого-то благотворительнаго общества и заключало въ себѣ кратчайшую (для народа вѣдь!) біографію св. Стефана Пермскаго. Біографія эта написана чрезвычайно плохо, несмотря на то, что изъ-подъ пера г-жи Толычевой, автора этой біографіи, выходили произведенія очень замѣчательныя, но въ этомъ «изданіи для народа» талантливый авторъ почему-то счелъ нужнымъ елико возможно обезцвѣтить оригинальность изображаемаго лица, подогнать его біографію къ обыкновенному житію, излагающемуся на трехъ страничкахъ и продающемуся за три копейки. И, несмотря на всевозможные недостатки этого произведенія, несмотря на шаблонность изложенія,—шаблонность, выработанную на Никольскомъ рынкѣ,—все-таки тотъ незначительный подлинный матеріалъ жизни святого, которому удалось проникнуть на эти блѣдныя страницы, былъ весьма достаточенъ для того, чтобы въ моемъ воображеніи возникъ тотъ славный человѣческій образъ, который народъ именуетъ *святымъ человѣкомъ*.

Русскій святой человѣкъ—типъ весьма замѣчательный. Шаблонныя житія обыкновенно всячески стараются вогнать

сго біографію въ шаблонныя рамки «житія святого», полагая, что чѣмъ менѣе въ этой біографіи будетъ отведено мѣста практическому, реальному дѣлу на землѣ, сдѣланному святымъ человѣкомъ и чѣмъ болѣе, напротивъ, будетъ сказано о постной пищѣ, ночномъ бдѣніи и искушеніи бѣса, тѣмъ жизнь чтимаго человѣка будетъ святѣе для простонароднаго читателя и тѣмъ болѣе онъ будетъ чувствовать душевнаго умиленія при чтеніи біографіи. На дѣлѣ однако оказывается не такъ.

Практическая польза, ясное, видимое, ощутительное добро и полезное дѣло всегда составляли отличительную черту святого человѣка, всегда составляли главнѣйшую особенность его личнаго желанія быть «угоднымъ Богу». Желаніе угодить Богу въ *русскомъ святомъ* всегда выражалось въ трудѣ, самомъ реальномъ и самомъ простомъ, на пользу ближнему, незнающему, невѣжественному, неимущему. Начиная съ Кирилла и Меѳодія, принявшихся «угождать Богу» перомъ и книгой, ученіемъ безграмотнаго народа слову Божію, и кончая русскимъ святымъ человѣкомъ нашихъ дней—Тихономъ Задонскимъ, закладывавшимъ свои часы и платье, чтобы купить задонскимъ мужикамъ сѣмянъ для посѣва или дать взятку приказной строкѣ, безвинно томящей въ острогѣ отца семьи,—всѣ чтимые по разнымъ угламъ Россіи истинно русскіе святые люди—всѣ свои душевныя сокровища, всѣ свои знанія, все свое умѣнье, весь свой умъ всегда *отдавали* нуждающемуся въ нихъ, толпѣ, массѣ народа; никто изъ нихъ не берегъ этихъ сокровищъ «про себя», а прямо несъ на улицу, туда, гдѣ они нужны, и вездѣ оставлялъ ясные, видимые и ощутимые слѣды и знанія, и доброты, и умѣнія...

Да и нельзя было русскому человѣку, желающему «угодить Богу», повторять своею жизнью тѣ образцы «нерусскихъ угодниковъ», по которымъ онъ учился. Борьбу со страстями и похотьми и съ самимъ собою пережили ужъ другіе—сирійскіе, греческіе подвижники, а намъ, ихъ ученикамъ, ужъ и такъ, изъ книжки только, вполнѣ ясно видно, чему именно слѣдуетъ подражать. Этотъ чужой опытъ указываетъ прямо то, что̀ хорошо, и какъ старинныхъ, такъ и теперешнихъ людей, желающихъ угодить Богу и «жить свято», обязываетъ не таить въ самомъ себѣ свое знаніе, свое сокровище, а отдавать его тѣмъ, кто не обладаетъ имъ, расточать его въ толпѣ, тратить на общую пользу, не вводить во искушеніе, но выводить изъ него...

Только въ самыя раннія времена русскаго просвѣщенія, въ кіевскій періодъ, борьба съ собственною плотью и со врагомъ рода человѣческаго удручаетъ мыслящаго русскаго человѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ задача человѣка, желающаго угодить Богу, дѣлается сложнѣе, труднѣе, практичнѣе; онъ уже знаетъ, что плоть его немощна, но приковать къ ея немощности свою молодую душу онъ уже не можетъ, и вотъ онъ начинаетъ уничтожать свою плоть не въ стояніи на столбѣ, а въ трудной будничной работѣ на пользу ближнему. Онъ прямо несетъ свои знанія и свою доброту въ толпу, учитъ и грамотѣ, и опрятности, и порядку, и справедливости, и рукомеслу, и, словомъ, всему, чего нѣтъ кругомъ него и что должно быть, и что ему знакомо.

Вотъ такимъ-то «трудомъ» и работой и Стефанъ Пермскій угождалъ Богу. «Еще мальчикомъ,—говоритъ г-жа Толычева:—онъ возлюбилъ чтеніе духовныхъ книгъ», но въ то же время и также «еще мальчикомъ» любилъ онъ толкаться по базару г. Устюга, куда по праздникамъ пріѣзжали зыряне; сталъ этотъ мальчикъ приглядываться къ зырянамъ, сталъ разспрашивать ихъ о житьѣ-бытьѣ, и пермскіе купцы вели съ нимъ охотно разговоры. Изъ этихъ разговоровъ онъ узналъ, что несчастные зыряне въ большомъ рабствѣ и невѣжествѣ пребываютъ, и въ то же время у него зародилась мысль просвѣтить ихъ и помочь имъ выбиться изъ-подъ гнета разныхъ тогдашнихъ воротилъ. Въ юношескомъ возрастѣ поступилъ онъ въ монахи, но выбралъ Ростовскій монастырь, между прочимъ, потому, что тамъ «былъ богатый запасъ книгъ». Монашество и изученіе церковныхъ книгъ не сдѣлали однако изъ него «постника»—человѣка, хлопочущаго о личномъ совершенствѣ, а напротивъ—привели къ мысли реализировать пріобрѣтенныя знанія въ средѣ тѣхъ несчастныхъ зырянъ, съ забитою жизнью которыхъ онъ былъ знакомъ съ дѣтства.

И вотъ началась эта реализація знанія. Это была дѣятельная практическая борьба со зломъ, съ народнымъ невѣжествомъ, умышленно поддерживаемымъ тѣми, кому это невѣжество было выгодно. Бороться приходилось съ первыми зырянскими тузами и авторитетами.

Глупенькіе зырянскіе мужики обвѣшаютъ, бывало, соболями, куницами, лисицами какой-нибудь священный дубъ, а мѣстные авторитеты (жрецы, какъ называетъ ихъ г-жа Толычева) оберутъ эти приношенія, объявятъ народу, что «Богъ принялъ ихніе дары», и продадутъ эти дары мо-

сковскимъ купцамъ. Съ кулакомъ въ настоящее время очень трудно бороться интеллигентному человѣку, но св. Стефанъ не робѣлъ. Одинъ какой-то кулачишка, разъѣвшійся на соболяхъ и куницахъ, по имени Пима (и у насъ есть Пимка-кабачникъ, первый плутъ), желая отстоять «своихъ боговъ», т.-е. право продавать купцамъ соболи, а деньги класть въ карманъ,—предложилъ «на отчаянность» Стефану пойти въ огонь вмѣстѣ—кто, молъ, сгоритъ? Пима этотъ, очевидно, разсчитывалъ, что Стефанъ, такъ глубоко вѣрующій въ своего Бога, по наивности своей самъ вскочитъ въ пламя и сгоритъ тамъ. Это тому было на руку. «Вотъ, молъ, евонный Богъ! Несите-ка, ребята, опять соболей на дерево!» Но Стефанъ, хотя и вѣрилъ въ своего Бога пламенно, однако не поддался на удочку кулачишки, а былъ себѣ на умѣ.

— Я готовъ принять лютую смерть за нашу святую вѣру!—сказалъ онъ всенародно.—И ежели я долженъ повелѣніемъ Божіимъ погибнуть, то молитесь за меня и не забывайте ученія Христова.

По приказанію Стефана, разложили костеръ, и лишь только онъ разгорѣлся, и лишь только Пима подумалъ, что вотъ-вотъ врагъ его вскочитъ въ огонь,—какъ Стефанъ схватилъ его за руку и бросился вмѣстѣ съ нимъ къ пламени, «но Пима упирался ногами въ землю и искалъ около себя, за что бы ухватиться».

— Идемъ! — крикнулъ Стефанъ и рванулся съ нимъ впередъ, но Пима вырвался изъ его рукъ, а въ толпѣ поднялся гулъ.

— Что-жъ въ огонь-то не идешь, Пима?—кричали въ толпѣ, полагая, что Пима—авторитетъ несгораемый.

Но Пима совершенно растерялся и бормоталъ:

— Этотъ иноплеменникъ совратилъ насъ съ пути истины... Я хотѣлъ васъ спасти... хотѣлъ его запугать... *Я думалъ, онъ не пойдетъ въ огонь!* (Стр. 24).

Зыряне, очевидцы плутни кулака, повѣрили Стефану, да и нельзя было не повѣрить. На стр. 29 читаемъ: «Въ то время не было грамотныхъ (да и сейчасъ немного ихъ), а сборщикамъ податей оно было съ руки: всякій обманетъ безграмотнаго,—сборщики и обманывали народъ и брали съ него, что̀ хотѣли. Но великій князь далъ большую власть Стефану во всемъ краѣ, и съ тѣхъ поръ никто уже не смѣлъ притѣснять бѣдныхъ зырянъ—знали, что у нихъ есть защитникъ; народъ сталъ пользоваться своими заработками,

и торговля пошла успѣшно». При такой манерѣ русскаго святого человѣка «угождать Богу», воюя съ сборщиками, съ кулаками, съ обиралами, давая народу возможность пользоваться заработками, торговать, жить лучше и яснѣе видѣть вообще, что̀ «вокругъ меня» дѣлается, нельзя не слушаться, не вѣровать въ этого человѣка, и нельзя не считать его за человѣка, вполнѣ угоднаго Богу.

4.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу дѣла, далеко не посторонняго разговору о русскомъ святомъ человѣкѣ. Нѣкоторые изъ читателей моего очерка: «Трудами рукъ своихъ» письменно выражали свои недоумѣнія относительно теоріи, изложенной въ рукописи крестьянина, для объясненія которой и написана самая статья; жить трудами рукъ своихъ невозможно потому-то и потому-то, а слѣдовательно и самая теорія крестьянина едва ли правильна. Мнѣ кажется, что на эту теорію слѣдуетъ смотрѣть такимъ образомъ: она, несомнѣнно, правильна, какъ, во-первыхъ, для самого автора и, пожалуй, для всего русскаго крестьянства, такъ и для тѣхъ интеллигентныхъ людей, для которыхъ выполненіе ея на дѣлѣ возможно; кто хочетъ добывать хлѣбъ своими руками, а главное—кто можетъ это сдѣлать,—для того она будетъ такъ же правильна, какъ и для всякаго крестьянина. Но, оставаясь правильной въ своей сущности, она для множества людей теперешняго общества можетъ быть просто неисполнима, невозможна и даже непонятна; это—такъ, но это вовсе не означаетъ, чтобы «неисполнимость», «невозможность жить свято», повинуясь крестьянской теоріи труда своими руками, преграждала бы возможность «жить свято» вообще. Типы хорошихъ людей изъ народа не исчерпываются типомъ одного только хорошаго работника своими руками, земледѣльца: не одинъ 60-ти-лѣтній старикъ, съ котораго за старостью лѣтъ «сняли мірское тягло», который ужъ переженилъ своихъ сыновей и выдалъ замужъ дочерей, словомъ, освободился отъ *своей* заботы,—служилъ ужъ общей пользѣ, міру, принималъ на себя общую мірскую заботу, мірскія хлопоты, и именно потому принималъ на себя, что ужъ былъ свободенъ, могъ рисковать собою, изживши все, что̀ полагается изжить на свѣтѣ работнику и земледѣльцу.

Не знаю, нужно ли, да и возможно ли въ этомъ очеркѣ перечислять, какія именно дѣла могъ бы и сейчасъ дѣ-

лать русскій образованный человѣкъ, желающій жить хоть чуть-чуть свято. Такихъ дѣлъ всегда находилъ множество всякій, кто хотѣлъ ихъ находить. Русскій святой человѣкъ, то-есть русскій интеллигентный человѣкъ стараго, церковнаго воспитанія, какъ мы видѣли, находилъ ужъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, — настолько достаточномъ, что могъ отдавать имъ всю свою жизнь. На нашихъ же глазахъ и не святой, а обыкновенный русскій интеллигентный, совѣстливый человѣкъ также не искалъ дѣла и зналъ, что надо дѣлать. Припомнимъ, напримѣръ, хоть такого человѣка, какъ кн. Васильчиковъ. Это былъ и баринъ настоящій, и богачъ, и аристократъ, — словомъ, имѣлъ все, что имѣютъ теперь тысячи богачей на Руси, но, въ придачу къ богатству и положенію, имѣлъ еще и умъ и совѣсть, и не затруднялся въ разыскиваніи того, что нужно сдѣлать народу. Говорятъ: народъ спивается, мотаетъ деньги, не платитъ податей; предлагаютъ мѣры — акцизы, строгости, нравственность. Васильчиковъ говоритъ, что, если тѣ деньги, которыя выручаются съ кабаковъ, будутъ выручаться въ видѣ прямыхъ налоговъ, то кабакъ не будетъ свирѣпствовать; если же кабацкій доходъ надобно выручить все-таки кабацкимъ путемъ, то никакое искусственное поднятіе нравственности немыслимо, а попытки— пустяки. Говорятъ ему о распущенности нравовъ наемныхъ рабочихъ и о нарушеніи ими условій съ хозяевами—и въ этомъ случаѣ Васильчиковъ находитъ возможнымъ знать свою обязанность по отношенію къ народу и говоритъ: «Если дѣйствительно отъ распущенности нравовъ терпятъ интересы землевладѣльцевъ, то еще бо́льшая опасность угрожаетъ самимъ крестьянамъ и сельскимъ обществамъ; помѣщики еще могутъ найти исходъ изъ этого положенія, но на самихъ крестьянъ эти безпорядки лягутъ тяжелымъ бременемъ, круговая порука свяжетъ ихъ на цѣлое полстолѣтіе, и въ этотъ долгій срокъ положеніе ихъ, если не будетъ принято мѣръ къ правильному образованію народа, сдѣлается невыносимымъ: міроѣды ихъ объѣдятъ, пьяницы разорятъ» (стр. 26). И, согласно такимъ правильнымъ и простымъ взглядамъ на положеніе народа, Васильчиковъ зналъ, что слѣдуетъ дѣлать и ему, образованному человѣку, чтобы чувствовать себя совѣстливо: расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, народный кредитъ, избавляющій отъ кулачества, народная школа — все это онъ не боялся отстаивать вездѣ, гдѣ было можно. Все это можно отстаи-

вать и теперь всякому, кто чувствуетъ внутреннюю потребность дѣлать людямъ добро.

Все это припомнилось мнѣ, благодаря маленькой книжкѣ, напоминавшей мнѣ хорошій русскій типъ, всегда присутствовавшій на поверхности русской жизни, но какъ-то затертый, куда-то запропастившійся теперь, въ наши сѣрые дни. Какъ бы мрачна, тяжка ни была картина, между мрачными, непривѣтливыми типами виденъ былъ и этотъ хорошій типъ... А вотъ теперь какъ-то непримѣтно его... Гдѣ онъ? А вѣдь былъ онъ, былъ, и объ немъ даже деревенскіе люди иной разъ вспоминаютъ съ сожалѣніемъ.

III. „Пинжакъ“ и чортъ.

1.

— Кабы ежели бы *въ ту-то пору* послухать бы евонныхъ (или ейныхъ) словъ, такъ оно бы, дѣло-то, пожалуй, что и по-хорошему бы... Да что, дубье, больше ничего! И вся-то цѣна нашему брату — мѣдный алтынъ! Какъ были всю жизнь дураками, такъ, видно, и въ могилу ляжемъ!

Такими нелестными эпитетами приходится надѣлять самого себя почти всякому современному крестьянину, достигшему, примѣрно, сорока или сорокапятилѣтняго возраста и почему-нибудь задумавшемуся надъ текущей минутой своей жизни. Надо сказать правду: не хороша, не складна и вообще какъ-то тяжко не свѣтла эта «послѣдняя минута» его сорокалѣтняго житія на бѣломъ свѣтѣ; лѣтъ пятнадцать, даже около двадцати прожилъ онъ въ тяготѣ крѣпостного безправія, въ фантастическихъ, почти сказочныхъ грезахъ о томъ времени, «когда будетъ воля», представлявшаяся также въ сказочныхъ, по-дѣтски представляемыхъ размѣрахъ и очертаніяхъ, и затѣмъ, дождавшись наконецъ дня, въ который воля была объявлена, всѣ послѣдующія двадцать—двадцать пять лѣтъ пережилъ среди небывалыхъ, новыхъ, непостижимыхъ и всегда почти непонятныхъ явленій и вѣяній, въ результатѣ которыхъ— трудный сегодняшній день. Что-то неладное, вкравшееся въ его «вольную жизнь» въ самомъ началѣ, какія-то, вовсе не соотвѣтствовавшія его дѣтскимъ, крѣпостнымъ мечтаніямъ «ошибочки» противъ его крестьянской правды, —

ошибочки, сдѣланныя «въ землѣ», т.-е. въ самомъ корнѣ его міросозерцанія, сдѣлали то, что ему не удалось сразу стать на ноги, сразу разстаться со сказкой и мечтаніемъ». «Ошибочка», напротивъ, заставила его смотрѣть на все то новое, что̀ шло ему навстрѣчу, сквозь неразсѣявшуюся дымку этой сказки, и это постоянно сбивало его съ толку, качало и направо и налѣво, и вообще туманило голову. Чуть не съ перваго же вольнаго дня онъ сталъ объяснять «ошибочку» тѣми причинами, которыя напѣвала ему сказка. «Отойдетъ!»—вѣрилъ онъ и въ иныхъ мѣстахъ открещивался отъ земли, а въ другихъ хоть и бралъ то, что̀ пришлось, но никакъ не могъ повѣрить, чтобы скотина должна была пастись въ болотѣ, а не на лугу, или чтобы вмѣсто пашни можно было хозяйствовать на пескѣ или камнѣ. Долго, безконечно долго жилъ онъ мечтами о «слушномъ часѣ», о «генеральной межѣ» и радовался «всѣмъ нутромъ», что кулачишка Пимка расхищаетъ барина: рубитъ у него безъ пощады лѣсъ, покупаетъ и разламываетъ его родовыя помѣстья; Пимка—«свой братъ»; онъ тоже говоритъ: «отойдетъ», и, благодаря его совѣту, они только посмѣиваются въ бороду, слушая предложенія «барина» купить у него землю, имѣніе, не слушать Пимку... Но шли времена, и приходилось не вѣрить Пимкѣ; Пимка оказывался куда не тѣмъ, чѣмъ бы ему надлежало быть, ибо самъ началъ поговаривать, что «ничего отъ него-то, отъ Пимки, ужъ не отойдетъ». А скотина тѣмъ временемъ продолжала пастись въ болотѣ, и пашня была не пашня, а невѣдомо что̀, то-есть «ошибочка» оставалась ошибочкой попрежнему... Кому же тутъ вѣрить? Хорошему барину? Но не видно, чтобы онъ что-нибудь дѣлалъ хорошее въ самомъ дѣлѣ. Мысль объ антихристѣ, о страшномъ судѣ мелькала не разъ въ недоумѣвающей крестьянской головѣ, но такъ какъ и антихристъ также медлилъ своимъ появленіемъ и не давалъ такимъ образомъ возможности выяснить положеніе дѣла, то волей-неволей приходилось опять думать, что «ошибочка» должна быть исправлена, а въ ожиданіи этого — жить кое-какъ, какъ придется, закладываясь Пимкамъ, рѣшая водкой дѣла, которыя «по-настоящему-то» могутъ быть рѣшены только тогда, когда ужъ не будетъ «ошибочки». Итакъ, путаясь въ мечтаніяхъ, вѣря и разувѣряясь, сорока-сорокапятилѣтній деревенскій житель въ настоящую минуту видитъ, что «ошибочка», какъ разбитое корыто, стоитъ на своемъ мѣстѣ, но что, помимо ея и

изъ-за нея, вокругъ него и надъ нимъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ общественныхъ и домашнихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, наросла невѣдомо какая пропасть тяжкаго, кажется, даже вполнѣ ненужнаго, но въ то же время, кажется, и неизбѣжнаго. И вотъ, раздумывая о какомъ-либо теперешнемъ явленіи будничной жизни, сорокалѣтній деревенскій житель въ концѣ концовъ не можетъ не заключить своихъ размышленій почти всегда одной и той же фразой:

— Да что! Одно слово — дубье! Намъ, дуракамъ, видно, и въ гробъ лечь дураками придется!

Но что значитъ, что, награждая себя такими нелестными эпитетами, деревенскій житель, какъ бы припоминая что-то, не можетъ миновать и другой фразы: «кабы ежели бы въ *ту-то пору* да послухать...», и говоритъ эту фразу (или думаетъ—все равно) съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сожалѣнія въ голосѣ?

А значитъ это, что въ его сумбурно-тяжкомъ сорокалѣтнемъ опытѣ жизни было нѣчто еще и *иное;* и хотя это «иное» было также сумбурно, ни съ чѣмъ несообразно, не принесло въ результатѣ ровно ничего существеннаго, но, вспоминая его, это иное, нельзя не сознавать, что было въ немъ какъ бы какое-то *легкое дуновеніе сущей правды.*

Много за эти сорокъ лѣтъ видѣлъ мужикъ всякой всячины: и боялся-то, и переставалъ бояться, и принимался плясать «на радостяхъ», и антихриста начиналъ ожидать со страху; слышалъ и то и другое, и вѣрилъ всему, а потомъ ничему не вѣрилъ, или оказывалось совсѣмъ не такъ, какъ думалось, какъ вѣрилось и должно бы быть. Но какая-то едва примѣтная струя правды, чего-то такого, про что нельзя не сказать: «вѣрно!», была въ томъ сумбурѣ, показывалась кое-гдѣ, черезъ пятое въ десятое.

Да!.. Какъ ни нелѣпо, какъ ни сумбурно предъявилъ въ народной массѣ «сердечный» человѣкъ шестидесятыхъ годовъ свое стремленіе «къ народу» и «въ народъ», въ какомъ бы ни съ чѣмъ несообразномъ видѣ ни появлялся онъ въ народной массѣ съ своими сердечными изліяніями, планами, совѣтами — все-таки онъ «былъ» тутъ, былъ въ деревнѣ, бормоталъ «свое» на ряду съ тѣмъ, что бормотали, совѣтовали, сулили, предсказывали всѣ другіе, и это бормотанье не могло пройти безслѣдно; оно оставило въ воспоминаніяхъ сорокалѣтняго деревенскаго жителя какой-то, хотя и слабый, едва ощущаемый звукъ, но звукъ правдиваго *слова,* чего-то подлиннаго, справедливаго.

— Кабы ежели бы «втѣпоры» послухали бы Михалъ Михалыча да укупили бы его землю-то обчествомъ, такъ оно бы, пожалуй, что и не того...

Натворивъ въ мірскомъ сходѣ или въ волостномъ судѣ пропасть всякой неправды и возвращаясь подъ хмелькомъ домой, сорокалѣтній деревенскій современникъ не можетъ не раздумывать объ этой неправдѣ и всегда либо про себя, либо вслухъ непремѣнно вспоминаетъ что-нибудь изъ «той поры».

Но можно ли было «въ ту-то пору» послухать этого Михалъ Михалыча? Михалъ Михалычъ былъ баринъ—это первое; и потомъ «съ чего» это онъ лѣзъ къ мужикамъ цѣловаться, совалъ деньги въ руки, обнимался? Откуда деньги-то у него? И кто добрый человѣкъ будетъ этакъ-то швырять? «Берите у меня землю! Отымайте ее у меня! Подлецъ я, да, я подлецъ!» Кто этакъ-то дѣлаетъ? Одной Марѳуткѣ передавалъ денегъ зря болѣе, пожалуй, пятисотъ серебромъ, а что въ ей скусу, въ Марѳуткѣ-то? Больше ничего — солдатка. Связался при всемъ честномъ народѣ съ этой шкурой, а свою законную жену зря покинулъ. Да и опять вѣдь сказывали: и такъ, молъ, отойдетъ. Такъ чего-жъ ее укупать-то? Вѣдь тожъ, укупи-ка-сь... А вѣдь какъ набивался-то: «Купите, православные, дайте мнѣ вамъ послужить. Душа моя требуетъ этого!» Ишь вонъ Марѳутка-то... что была? А нонѣ, поди-ка-сь, какъ орудоваетъ по сѣнной части... Мужа, вишь, купила себѣ изъ благородныхъ... Нѣтъ, кабы въ ту-то пору... такъ... Да что ужъ!.. Дубье! И цѣна-то намъ всѣмъ, дуракамъ, мѣдный грошъ... Какъ жили дураками, такъ, видно, и въ землю дураками ляжемъ!.. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ узнаешь, что къ тебѣ пришла правда, а не какая-нибудь хитрая штука, не подвохъ? Вотъ тоже еще «объявлялся» въ нашихъ мѣстахъ человѣчекъ и тоже, какъ подумаешь, не все зря болталъ. Ежели-бъ намъ тогда по евоннымъ словамъ Пимкѣ-кулаку не покориться, да на оборотку ему съ заливными лугами сдѣлать, такъ оно бы, пожалуй, что и попревосходнѣй вышло... А болталъ вѣдь, какъ кричалъ-отъ! А опять же, какъ вспомнишь все подробно, такъ тоже нельзя было дать вѣры этому человѣку: и невѣдомо откуда взялся, и невѣдомо кто. Ну, Михалъ Михалычъ, положимъ, что баринъ; ну, взбрело ему въ умъ, вотъ онъ и сталъ мотать деньги... Ну, а этотъ съ чего? Ни кола, ни двора, ни штановъ, ни даже жилетки нѣтъ...

Только цыгарки жжетъ да книжку читаетъ, а, между прочимъ, только и зудитъ: «Вамъ убытокъ въ десять тысячъ, тутъ убытокъ вамъ въ тридцать тысячъ»... Тыщи да милліоны, да горы золотыя сулилъ, а самому иной разъ нечего перекусить... Что ему, безштанному-то, тыщей чужихъ жалко стало? Ну, положимъ, что... Ну, а слова-то какія говорилъ при всемъ честномъ народѣ? Вѣдь за эти слова-то такъ вѣдь четвертовать его, идола, и то мало! Нешто можетъ человѣкъ, который понимаетъ Бога, да чтобъ онъ посмѣлъ?.. А вѣдь онъ что!.. Вѣдь онъ даже... Ну, какъ же Пимку-то не послухать было? Нешто Пимка-то не правду говорилъ:—«Эй, ребята, глядите въ оба! Онъ вамъ надѣлаетъ дѣловъ! Сма-атрите!» Да что мнѣ Пимка? Я бы и самъ его своими руками, жида этакова, скрутилъ да представилъ. Тутъ и слухать-то крещеному человѣку такихъ словъ невозможно, не токмо что... А что, ежели бы въ ту пору насчетъ Пимки бы... и дѣйствительно насчетъ луговъ, такъ оно, пожалуй, и на другой бы манеръ обозначилось. Пимка-то вонъ и точно, по его, какъ онъ сказывалъ, оболваниваетъ нашего брата. Ежели бы въ ту-то пору захватить кузьминскіе-то покосы, такъ Пимка теперь бы... Да чего ужъ! Одно слово — дубье! Такъ дураками, видно, и въ могилу ляжемъ».

Нескладно и даже какъ бы «неприлично» для «барина» проявилось въ немъ это стремленіе жить и дѣйствовать по сущей правдѣ; въ нескладныхъ, ни на что непохожихъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ формахъ проявилось оно среди народа, въ деревнѣ, въ мужицкой избѣ; да и для народа, среди котораго оно проявилось, оно казалось также ни съ чѣмъ несообразнымъ, нескладнымъ, ни на что непохожимъ и ужъ во всякомъ случаѣ «сумнительнымъ» явленіемъ; но во всей этой нескладицѣ, неожиданности формъ проявленія, дѣйствительно, таилась «сущая правда», настоящая, безъ всякой примѣси и обмана, и милліонная доля ея, понятная и постижимая, припоминается теперь на каждомъ шагу, такъ какъ на каждомъ шагу—въ общественныхъ, мірскихъ, домашнихъ, семейныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ—чувствуется потребность въ коренномъ обновленіи крестьянскаго дѣла, крестьянскаго духа, ума; чувствуется потребность выразить стремленіе къ правдѣ, всегда неизмѣнной, въ иномъ видѣ, иной формѣ, иномъ размѣрѣ.

И вотъ въ такія-то минуты и припоминаются сорокалѣтнему современнику эти невѣдомо откуда принесшіяся

дуновенія сущей правды, «объявлявшейся въ *ту пору*» и невѣдомо куда канувшей и никакого иного, кромѣ смутнаго воспоминанія, не оставившей слѣда.

Къ сожалѣнію, это появленіе въ народной средѣ какихъ-то едва-едва вспоминаемыхъ очертаній «сущей правды», т.-е. какихъ-то такихъ поступковъ и какихъ-то такихъ словъ и указаній, въ которыхъ какъ будто бы заключалось именно то, что̀ надобно было крестьянину новой жизненной обстановки, то, чему слѣдовало бы вѣрить,—къ сожалѣнію, все это появлялось въ народной средѣ въ такихъ капельныхъ размѣрахъ и съ такой неподходящей внѣшностью, что оставило только, дѣйствительно, едва замѣтный слѣдъ, частицу какого-то случайно хорошаго звука, едва припоминаемое ощущеніе какого-то благотворнаго дуновенія.

И хотя поэтому выраженіе: «кабы ежели бы *въ ту пору*» и слышится въ устахъ деревенскаго современника чуть не на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу онъ ощущаетъ и тьму, и страхъ, и безразсвѣтную тяготу нескладицы, но это вовсе не значитъ, чтобы «въ ту пору» онъ почерпнулъ такъ много необходимыхъ ему идей, что съ помощью ихъ вполнѣ понимаетъ все, что̀ теперь творится съ нимъ. Далеко нѣтъ; «въ ту пору» было только что-то похожее на правду, частица, крохотная капелька, которая много-много что дастъ возможность задуматься надъ спутавшейся и сбитой въ кучу современностью.

2.

Вотъ и семидесятилѣтній старецъ, исконный деревенскій житель, Аѳанасій Фирсановъ, закручинившись, о своей домашней бѣдѣ, которая какъ снѣгъ на голову свалилась на его домъ и семью, также не можетъ почему-то не вспомянуть прошлыя времена.

«Кабы втѣпоры-то, — размышлялъ онъ: — послухали бы энту самую барыню-то, да взяли работницу, да Прасковью-то свезли въ лазаретъ, такъ оно бы, пожалуй, что и совсѣмъ бы по-хорошему вышло».

Вспоминаетъ Аѳанасій Фирсановъ, какъ однажды «въ ту пору», невѣдомо откуда, не то «на дачу», не то—такъ, невѣдомо зачѣмъ, налетѣла какая-то барыня-лѣкарка, въ очкахъ, стриженая... И какъ она шумѣла по избамъ, ругая мужиковъ и бабъ за больныхъ дѣтей, какъ она бабъ было-всѣхъ взбунтовала противъ мужиковъ, говоря, что имъ, почитай, всѣмъ бабамъ, нельзя было работать въ полѣ, что

у одной одна болѣзнь, у другой—другая; что это злодѣйство—не лѣчиться, что будетъ хуже. Вспомнилъ онъ, что и Прасковьѣ сказала она: «Нельзя, надо лѣчиться», и Прасковья уже подумывала-было не идти на работу. Но вспомнилъ и то, что никогда этого ничего не бывало, что бабы завсегда работали и будутъ работать, и проповѣдывать: «лѣчись»—значитъ бунтовать, становить вверхъ дномъ весь обиходъ крестьянской жизни. «А кто подати будетъ платить? А съ кого спросятъ? А ѣсть-пить кто будетъ? А скотина?..» Все это такія возраженія, что даже сами бабы скоро перестали слухать лѣкарку, которая, очевидно, говорила чортъ знаетъ что̀, бунтовала, да и по прочимъ рѣчамъ ея видно было, что она больно сумнительная дама, потому—такія слова говорила, что каждый крещеный человѣкъ безпремѣнно долженъ бы представить ее по начальству, а не то что «слухать» да покоряться ея бунтовству.

Но, выбирая изъ всѣхъ этихъ воспоминаній только едва вспоминаемый совѣтъ—лѣчить Прасковью, онъ хотя и чувствуетъ, что этотъ совѣтъ былъ точно правиленъ, но очень хорошо знаетъ, что, даже и вспомнивъ этотъ правильный совѣтъ, ему не понять всей безпросвѣтной тьмы навалившагося на него горя.

То, о чемъ онъ думаетъ,—такая тьма, что разобрать ее нѣтъ источниковъ; въ общихъ чертахъ горе Аѳанасія Фирсанова состоитъ въ томъ, что нежданно-негаданно прошлой осенью въ дому его появилась порча. Женилъ онъ сына; и сынъ молодой и жена его молодая,—оба молодцы-силачи. Но на второй день свадьбы сдѣлалась порча съ молодой, а потомъ и съ молодымъ, а затѣмъ и пошло «бить» оземь, ломать всю родню; даже сосѣднихъ бабъ ни съ того ни съ другого начало корчить, бросать и катать по полу,—словомъ, произошло невѣдомо что̀. Весь домъ упалъ духомъ, опустилъ руки, сталъ приходить въ упадокъ; грызущая тоска, никогда незнакомая прежде жителямъ этого дома, стала сосать ихъ всѣхъ, и всѣхъ закручинило глубокой тоской.

Вотъ что̀ стряслось надъ домомъ и надъ всею семьею Аѳанасія Фирсанова; и не безъ основанія мелькнуло ему воспоминаніе о словахъ барыни лѣчить Прасковью (тогда бы не надо было женить сына); но все-таки эти слова лѣкарки-барыни и сотой доли не освѣщаютъ и не разъясняютъ въ этомъ сложномъ и необычайномъ происшествіи. Чувствуетъ и видитъ старикъ, что въ этомъ горѣ, кромѣ явнаго

участія чорта, явившагося нежданно-негаданно, сплелось все то, что̀ запутало вообще теперешняго человѣка, съ чѣмъ не можетъ справиться стариковскій опытъ, къ которому въ помощь не выработано ничего новаго, вѣрнаго, прочнаго, и только вотъ когда-то мелькнула какая-то капелька, подходящая къ тому, что̀ нужно, мелькнула «въ ту пору» и исчезла.

Но, дѣлая попытку разсказать эту темную исторію и разобраться въ ней, чтобы имѣть понятіе о томъ, до какой степени вообще запутаны головы нашихъ деревенскихъ современниковъ, я чувствую уже, что едва ли мнѣ удастся благополучно выбраться изъ этой сложной тьмы событія, и пусть читатель извинитъ меня, если, не одолѣвъ всей сложности дѣла, я ограничусь главнымъ образомъ выясненіемъ только самыхъ характерныхъ особенностей упомянутыхъ выше двухъ жизненныхъ теченій, столкнувшихся въ этомъ дѣлѣ.

3.

Семья и домъ Аѳанасія Фирсанова съ давнихъ временъ считались въ нашей «округѣ» самыми образцовыми и самыми счастливыми въ отношеніи крестьянства и крестьянскаго дѣла; все, что̀ слѣдуетъ по крестьянству, шло у нихъ всегда ладно, складно, обильно, прочно и вообще солидно. Да и немудрено! — посмотрите на мужиковъ: дѣдъ, который въ настоящее время какъ-то разслабъ и растерялся, несмотря на свои семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, до неожиданнаго событія былъ истинно молодецъ; не отличить было отъ сына, которому всего-на-всего лѣтъ сорокъ пять; здоровые оба, сильные, а главное, что̀ особенно отличало эту семью отъ другихъ, веселые, — рѣдкое явленіе въ деревенской жизни. Въ полѣ на работѣ, на сходкѣ у кабака, даже на учетѣ мірского старосты, гдѣ уже непремѣнно всѣ злы и норовятъ разорвать другъ дружку, Аѳанасій съ сыномъ Иваномъ непремѣнно хохочутъ,—не смѣются, а хохочутъ, медленно, громко, раскрывая весь ротъ широко и держа голову прямо. Міряне вопіютъ, галдятъ, упрекаютъ другъ друга и ругаются самыми отборными словами, уличаютъ другъ друга и распинаются изъ-за каждой копейки, хотятъ разыскать сущую правду въ каждомъ глоткѣ мірской водки, а Аѳанасій съ Иваномъ, засунувъ руки въ карманы разстегнутаго полушубка или армяка, только хохочутъ да изрѣдка приговариваютъ:

— Пущай его... экъ его!.. Хо-хо-хо!.. Чего ни скажетъ!.. Ха-ха-ха!..

«Пущай!»—этимъ словомъ они подтверждаютъ всякое мірское рѣшеніе; не спорятъ, не прекословятъ, а только говорятъ одно:

— Пущай!.. По многу-ль? По полтинѣ, вишь... Ха-ха-ха! Ну, пущай по полтинѣ... Ишь что̀ шуму-то... Ха-ха-ха... Ладно, что̀ ужъ, по полтинѣ... Доставай, Иванъ... Ха-ха-ха!..

И на дворѣ со скотиной тоже у нихъ веселое обращеніе, не слышно чего-нибудь въ родѣ: «У, пропасти на тебя нѣтъ!.. К-кку-д-ды понесло тебя, проклятущую?», а, напротивъ, тотъ же поступокъ коровы или лошади обсуждается всегда съ веселой точки зрѣнія:

— Глянь, глянь, куда полѣзла!.. Аха-ха-ха!.. Ишь вѣдь что̀ мудритъ... Хо-хо-хо!..

И даже въ самыхъ, повидимому, критическихъ обстоятельствахъ, когда вся деревня ходитъ понуря голову, когда неурожай, даже холера,—и тогда Фирсановы разговариваютъ не такъ, какъ всѣ.

— Что̀, Аѳанасій Петровичъ, никакъ холера идетъ? Не умереть бы какъ-нибудь...

— Да вѣдь какъ же не умирать-то? Ха-ха-ха! Ужъ безъ этого нельзя, чтобъ не помереть...

Или:

— А что̀, Иванъ Аѳанасьевичъ, сказываютъ, хлѣба-то совсѣмъ не родилось?

— Даже и совсѣмъ ничего не родилось... ха-ха-ха!.. ей-Богу!..

— Такъ какъ же быть-то?

— Да вотъ, поди-ка! безъ хлѣба-то поживи! Ха-ха-ха! Изволь-ка вотъ безъ хлѣба-то оборудовать, умудрись! Хо-хо-хо!..

Да и въ самомъ дѣлѣ, убережешься ли отъ холеры, если она порѣшитъ отправить тебя на тотъ свѣтъ, если будешь причитать о ней и говорить жалкія слова? И хлѣба не прибудетъ, ежели выть да стонать о безхлѣбьѣ. Если даже придется въ долгъ у кулака хлѣбъ занимать, такъ тоже нѣтъ никакого резона роптать или негодовать: скрежещи не скрежещи, рыдай не рыдай, а все отдашь занятое вдвое или втрое.

— Ты ужъ мнѣ, Аѳоня или Ваня,—говоритъ кулачишка Аѳанасію Петровичу или Ивану Аѳанасьевичу:—ты ужъ

мнѣ, миляга, въ двѣ препорціи отдашь, въ обработку-то! Это надыть помнить.

— Такъ пущай же и въ двѣ... ха-ха-ха! — отвѣчаетъ Аѳоня или Ваня. — Коли въ двѣ надо, такъ и въ двѣ... ха-ха-ха... препорціи надыть отдавать... ха-ха-ха... а не въ одну препорцію... ха-ха-ха... Коли въ двѣ надо... хо-хо-хо!..

Какъ разъ подстать здоровымъ, рослымъ и хохочущимъ мужикамъ попались и бабы въ семью Аѳанасія Петровича. Еще прабабка, корень всей этой веселой породы, установила правильно и прочно «бабью часть», выбирая бабъ не кручинныхъ, а веселыхъ, легкихъ сердцемъ. И Аѳанасію, своему сыну, и Ивану, сыну Аѳанасія, она сама разыскала невѣстъ, и все изъ такихъ «некручинныхъ» бабъ. Тяжкій крестьянскій трудъ испоконъ вѣку, благодаря такому веселому «заводу», веселому тону, отличавшему семью «съ искони», ни капли не теряя въ своей тяготѣ, шелъ однако съ легкимъ сердцемъ, веселымъ порядкомъ. Въ такомъ же тонѣ стала жить семья и тогда, когда и прабабка и бабушка померли. Сильные и здоровые мужики—дѣдъ и отецъ, да два подростка, изъ которыхъ Михайлѣ (сыну Аѳанасія) было уже подъ двадцать лѣтъ, а Семену (сыну Ивана и Прасковьи) лѣтъ тринадцать, рѣшительно не нуждались послѣ этихъ двухъ смертей въ какомъ бы то ни было приращеніи еще новой силы въ семьѣ, хотя бы въ лицѣ жены Михайлы, котораго по-настоящему-то ужъ и слѣдовало женить. Однихъ такихъ мужиковъ, какъ дѣдъ, сынъ и внукъ Семенъ, да такой бабы, какъ Прасковья, было совершенно достаточно для того, чтобы все хозяйство шло, какъ должно.

Послѣ смерти бабки Прасковья почувствовала себя не только не хуже, но, напротивъ, какъ бы просторнѣе, шире, самостоятельнѣе; маленькихъ дѣтей не было, а у мужиковъ столько было силы, что иногда Михайлѣ, двадцатилѣтнему дѣтинѣ, совсѣмъ нечего было дѣлать: Аѳанасій, Иванъ и тринадцатилѣтній Семенъ «играючи» передѣлывали столько домашнихъ пустяковъ (на которыхъ Сенька «учился» хозяйствовать), что Прасковьѣ оставалось только бабье дѣло, не осложненное присутствіемъ маленькихъ ребятъ. И она, какъ хорошая печь, нагрѣвающая сразу четыре комнаты, была центромъ семьи, вполнѣ удовлетворяя необходимому присутствію въ домѣ женскаго или бабьяго элемента, и притомъ въ размѣрахъ самыхъ надлежащихъ: есть въ домѣ уютъ, уходъ и бабій (особенный) разговоръ—и нѣтъ никакой надобности прибавлять ко всему этому ни новыхъ силъ

ни новыхъ осложненій жизни, принимая въ домъ сноху. Можно было приглашать сосѣдку на подмогу, — напр., въ стиркѣ или зимой къ скотинѣ, — но брать въ домъ бабу, т.-е. принимать въ семью незнакомаго человѣка, входить въ новыя связи и, согласно имъ и характеру новой бабы, измѣнять что-нибудь въ прочно установившемся обиходѣ жизни—не было рѣшительно никакой надобности. Вотъ отчего Михайла, двадцатилѣтній парень, рослый, здоровый и веселый, пока былъ не женатъ и жилъ, благодаря излишку въ домѣ мужскихъ силъ, свободно, легко, привольно.

4.

Иногда Михайла, сынъ Аѳанасія, чувствовалъ себя въ своей семьѣ совершенно лишнимъ, и не въ томъ отношеніи, чтобы онъ былъ лишній ротъ, а просто не требовалась семьею его рабочая сила: помогать дѣду, отцу, то-есть убавлять ихъ трудъ, «облегчать»—это значило бы то же самое, какъ облегчать трудъ поэта, заставляя его не писать, или трудъ актера, живописца помощью блестящаго обезпеченія, лишая ихъ возможности играть на сценѣ или трудиться надъ картиной.

Ни Аѳанасій, ни Иванъ, ни даже Сенька не могли бы «спокойно» высидѣть въ домѣ не только дня, а двухъ часовъ, часа подъ-рядъ безъ какой-нибудь работы; одна потребность дышать не комнатнымъ, а настоящимъ воздухомъ, и та уже не даетъ возможности усидѣть дома часа; а потребность движенія, ходьбы, упражненія всего тѣла? Посовѣтуйте-ка Аѳанасію или Ивану пойти, положимъ, въ управляющіе къ хорошему господину, получать хорошія деньги и смотрѣть за людьми, а не работать—не пойдутъ. «Нѣтъ, скажутъ они, ужъ мы насчетъ работы не утерпимъ... нѣтъ, не утерпишь!..» И точно, нельзя утерпѣть не работать, такъ же, какъ нельзя и поэту и художнику не измучивать себя надъ своимъ трудомъ. «Мнѣ ежели посидѣть такъ-то дома день, такъ у меня сейчасъ зашкурная кровь начнетъ въ темя бить, и сейчасъ во всемъ тѣлѣ пойдетъ ломота и звонъ, и не приведи Богъ!»

— У насъ лѣченье извѣстное,—говорилъ мнѣ Аѳанасій:— какъ чуть что, сейчасъ раздѣлся, пошелъ въ одной рубахѣ на морозъ, да принялся ворочать, что тамъ слѣдуетъ, покудова дымъ отъ всего корпуса не повалитъ какъ изъ овина— вотъ и все, и всей болѣзни-то духу не останется! Ха-ха-ха!.. Духу-то ея даже не слышно будетъ... хо-хо-хо... и куда

она дѣвалась, эта самая болѣзнь-то... ха-ха-ха... съ собаками ее не сыщешь... хо-хо-хо!.. Вотъ какая у насъ аптека-то... ха-ха-ха!..

А Михайла былъ дѣтина молодой, здоровый, — не . сидѣть же ему дома, сложа руки! Такимъ образомъ сама судьба, отстраняя его отъ крестьянства, стала понемногу да полегоньку вталкивать его въ тотъ новый сортъ деревенскихъ людей и дѣлъ, который держится ужъ не на хлѣбопашествѣ и не на трудѣ рукъ своихъ, а на «наживѣ» денегъ, на «оборотахъ», и вообще толчется вокругъ разныхъ дѣлъ и предпріятій, жизненная сила которыхъ—не руки, а деньги. И такихъ дѣлъ и людей немало уже въ деревенской средѣ, хотя «дѣла» эти носятъ общій всей теперешней деревенской жизни сумбурный, случайный характеръ.

Вдругъ пронесется между денежными людьми разнаго званія и состоянія, «здѣшними» и пришлыми, какъ бы манія строить паровыя мельницы, какъ предпріятія чрезвычайно выгодныя, и вокругъ этихъ предпріятій уже толчется куча народу, который «поставляетъ матеріалъ», занимаетъ мѣста, «смотритъ», закупаетъ. Но манія проходитъ: годъ-два опыта отлично выясняютъ, что не только пяти мельницамъ нечего дѣлать въ нашихъ безхлѣбныхъ мѣстахъ, а и одной-то еле-еле окупить дровяной расходъ. Смотришь, и потухъ одинъ промышленный кратеръ, за нимъ потухъ другой—и цѣлая толпа людей въ «пинжакахъ», въ высокихъ сапогахъ съ бураками и при часахъ, «толкается» по трактирамъ и станціямъ, по лавкамъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, норовя наткнуться еще на какое-нибудь предпріятіе, въ которомъ ничего никто, по обыкновенію, не смыслитъ, результатовъ и цѣлей котораго никто не знаетъ, но жалованье получать можетъ всякій.

Погасли мельницы—пошли въ ходъ лѣсопилки.

— Досшечки стали каки-то пилить!—говоритъ человѣкъ, приткнувшійся къ «досшечкамъ».

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ даетъ, только надзирай да матеріалъ провѣряй!

— Что-жъ, 15 р. ничего!

— Чего-жъ, ничего!

— Да какія-такія досшечки?

— Да песъ ихъ знаетъ... такъ, махонькія... аршинъ долины да вершка два ширины... невеликія досшечки... Отправляютъ куда-то... сказываютъ, за границу... въ селедочныя мѣста, откуда селедка дѣйствуетъ...

А лопнетъ дѣло съ «досшечками» и съ селедкой, глядишь, и новое какое-нибудь нарождается: кто-то началъ съ керосиномъ орудовать, «вагоны стали приходить», и опять «пинжачная» деревенская толпа толпится у новаго дѣла до тѣхъ поръ, покуда оно не лопнетъ.

Замѣчательно, что вся пинжаковая толпа, толкаясь около этихъ новыхъ дѣлъ, надсматривая за ними, закупая, поставляя, дѣйствуетъ всегда въ такомъ направленіи, результатомъ котораго въ концѣ концовъ непремѣнно будетъ то, что предпріятіе «лопнетъ», чтобы дать мѣсто новому мыльному пузырю. Отправляясь дѣлать закупки, поставлять, всякій «пинжакъ» съ самаго начала предпріятія почему-то таитъ въ глубинѣ своей души мысль о томъ, что дѣло это должно лопнуть, таитъ эту мысль невольно отъ себя, безъ умысла даже, и, сообразно съ этой неотразимой увѣренностью, что дѣло затѣвается именно только для того, чтобы въ концѣ концовъ лопнуть, производитъ и закупки и поставки. «Не вѣкъ же ей пыхтѣть, досшечки пилить!»— думается этому слугѣ капитала. То, что у всякаго дѣла существуетъ и начало, и продолженіе, и конецъ, даже въ случаѣ успѣха, томитъ уже «пинжакъ», разслабляетъ его, лишаетъ расторопности, проворства, надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ, «манеромъ». А когда дѣло наконецъ лопается, «пинжакъ» вновь оживаетъ и, оживленно обсуждая въ трактирѣ исторію только-что лопнувшаго мыльнаго пузыря, пытливо смотритъ впередъ, ожидая, какую еще штуку, затѣю, выдумку пошлетъ ему чей-нибудь пока еще совершенно невѣдомый карманъ.

Мало-по-малу Михайла, совершенно свободный отъ крестьянства, сталъ «толкаться» вокругъ этихъ дѣлъ; сначала толкался онъ такъ, отъ-нечего-дѣлать, потомъ — чтобы не быть празднымъ, а наконецъ сталъ брать и мѣста. Да и какъ же не брать? «Иди, смотри за досшечками... пятнадцать рублей, больше ничего!» Какъ же не взять пятнадцати рублей за такое дѣло, да и вообще: какъ же не взять денегъ, коли даютъ? И такъ постепенно, то по керосиновой части, то по селедочной, то по кирпичной, прилаживаясь и практикуясь, Михайла, самъ того не замѣчая, далеко ушелъ отъ крестьянства и года черезъ два-три такой практики стоялъ уже совершенно на другой линіи. Онъ теперь, незамѣтно для самого себя, сдѣлался уже членомъ этой пинжаковой среды, толкающейся вокругъ денегъ и денежныхъ дѣлъ. Жениться ему на крестьянкѣ, на бабѣ,

уже совершенно нѣтъ никакого резона: онъ стоитъ на такой *линіи,* которая прямо ведетъ его къ браку на дѣвицѣ съ деньгами, которыя дадутъ ему возможность завести свое дѣло, «орудовать» на свой капиталъ. Онъ молодъ, здоровъ, красивъ, получаетъ тридцать рублей серебромъ жалованья на хозяйскихъ харчахъ, и между молодыми дѣвицами этого «пинжаковаго міра», родители, родственники и женихи которыхъ всѣ либо «орудуютъ», либо «жалованье получаютъ», — дѣвицами, которыя гуляютъ въ «дипломатахъ», Михайла ужъ желанный женихъ; на «балахъ», которые задаетъ этотъ пинжаковый міръ, онъ всегда въ числѣ кавалеровъ. Даже «на пристани», гдѣ самый цвѣтъ и центръ кулачья и всякаго люда, получающаго жалованье, Михайла не послѣдній гость. Кулачье, по случаю безграмотства, изобрѣло пригласительные билеты, напечатанные въ губерніи: «Иванъ Иванычъ господинъ Пощечинъ, съ супругой Анной Петровной, просятъ васъ, милостивый государь, почтить ихъ благосклоннымъ вниманіемъ на чашку чая съ танцами и духовой музыкой, о чемъ имѣю честь увѣдомить». Такихъ билетовъ у Михайлы полны карманы, такъ какъ такихъ вечеровъ на пристани тьма-тьмущая: и старшина, который сѣномъ орудуетъ и отлично знаетъ, что мірской учетъ кончится неблагополучно, и урядникъ, и изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ масса лицъ, получающихъ жалованье, и десятки другихъ воротилъ по дровяной, рыбной, овсяной частямъ — все это живетъ весело, даетъ вечера, выписываетъ военную музыку, благо близко стоитъ полкъ. Вмѣстѣ съ пинжаками, дипломатами, картами и другими внѣшними признаками привилегированныхъ людей вторглись въ этотъ міръ и танцы и музыка, а по части съѣстной и говорить нечего: портвейнъ, хересъ, мадера, сыръ, сиги копченые, маринованная корюшка, шоколадъ, апельсины, пуншъ, ромъ, ветчина, сардинки, и нѣсть числа и мѣры всему благородству, которое вломилось сюда, и все это въ широкихъ размѣрахъ истребляется на балахъ.

— Сначала,—разсказывалъ Михайла родителямъ:—на балахъ на этихъ самыхъ наѣшься всего,—напримѣръ, шеколаду, ветчины тамъ, мороженаго, колбасы, апельсиновъ,—ну и прочаго всего какъ нахватаешься, такъ, бывало, башку-то такъ тебѣ и разламываетъ, точно клиномъ... (Хо-хо-хо!—гремятъ родители). Стоишь-стоишь потомъ у забора, пока все кончится... (Хо-хо-хо... Балъ! Вотъ такъ балъ!..) Ха-ха-ха! Ну, а теперича, такъ что хошь: апельсинъ, такъ

апельсинъ, шеколадъ, такъ шеколадъ, рыба, такъ рыба — что̀ хошь! Налей ты меня и набей всего какъ кулекъ съ овсомъ — ни въ одномъ глазѣ! Какъ былъ, такъ и есть... (Хо-хо-хо!.. Вотъ такъ ловко же прокоптѣлъ ты, Михайла!.. Ха-ха-ха!).

Со временемъ Михайла надѣялся пообвыкнуть и пообкоптѣть хорошенечко и относительно знакомства съ другими свойствами и качествами этого новаго общества. Онъ вовсе не хотѣлъ быть изъ послѣднихъ; послѣдними они и въ мужикахъ-то не привыкли быть; вся семья такая у нихъ, такъ и тутъ вовсе нѣтъ резону соваться зря, не разузнавъ дѣла. Невѣстъ—сколько угодно, но нѣтъ никакой надобности соваться въ это дѣло, не разобравши хорошенько всего. И Михайла не спѣшилъ съ своей карьерой, все болѣе и болѣе входя въ знакомство съ этимъ новымъ обществомъ и все болѣе проникаясь его идеями, нравами и обычаями.

И по мѣрѣ знакомства Михайлы съ пинжакомъ, табакомъ и трактиромъ, вмѣстѣ съ знакомствомъ, какъ вести себя на балахъ (ѣшь, сколько хошь, только чтобы не икать громко и т. д.), незамѣтно для Михайлы стала, какъ тонкая отрава, проникать въ его душу и мораль этого «пинжаковаго» образа жизни. То, что̀ для него, какъ для крестьянина, было бы дѣломъ совершенно немыслимымъ и иногда прямо позорнымъ, здѣсь стало представляться въ совершенно иномъ видѣ. Обмануть, хотя бы сказавъ: «не знаю», когда «знаешь», или: «не былъ», когда «былъ»,—для него сдѣлалось не только не конфузнымъ, а какъ бы даже необходимымъ дѣломъ. Скажи онъ, что знаетъ цѣну керосину, или сѣну, или дровамъ, онъ повредитъ своему хозяину, дастъ возможность нажиться другому,—словомъ, поступитъ совершенно глупо и безсовѣстно. Напротивъ, хорошо, ловко соврать такъ, чтобы въ результатѣ получился успѣхъ, стало для него дѣломъ обязательнымъ; лганье, обманъ, уловка оказывались нужными для этого денежнаго дѣла такъ же, какъ для крестьянства нужна коса, чтобы косить сѣно, серпъ, чтобы снять хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ насиліе надъ человѣкомъ, которое бы онъ самъ считалъ грѣхомъ въ крестьянскомъ обиходѣ, также стало для него обязательнымъ и ничуть неудивительнымъ, разъ онъ сталъ на денежную линію. Заключить контрактъ, пользуясь чужою недогадливостью, незнаніемъ или, вѣрнѣе, просто сномъ не подозрѣвающаго бѣды человѣка, а потомъ обирать этого человѣка, какъ липку, тоже стало дѣломъ вовсе неудиви-

тельнымъ. «Плати и торгуй, а безъ моего позволенія не можешь на копейку продать, потому у меня вотъ какой контрактъ сдѣланъ; на пятнадцать верстъ одинъ я могу торговать, а никто другой не имѣетъ права». Все это ужъ нисколько не удивляло Михайлу.

Средствъ нѣтъ перечислить, сколько совершенно невозможныхъ въ крестьянскомъ быту неправдъ вторглось въ сознаніе Михайлы въ видѣ самыхъ непреложныхъ истинъ, не только не унижающихъ его предъ своимъ братомъ-крестьяниномъ, но, напротивъ, — становящихъ его куда выше мужика и притомъ на необозримо-далекомъ разстояніи. Между прочимъ, отношенія его къ женскому полу, имѣющія для нашего разсказа большое значеніе, приняли совершенно иной смыслъ сравнительно съ крестьянскимъ. Будь онъ деревенскимъ парнемъ, онъ хотя бы и баловался съ дѣвицами на посидѣлкахъ, но баловство это никогда бы не могло перейти во что бы то ни было дурное; онъ и подумать бы не посмѣлъ дурного, не стѣсняя себя, впрочемъ, въ полной свободѣ «игры» съ дѣвицами; съ этими дѣвицами можно играть и баловаться, но ихъ нельзя не почитать, какъ будущихъ хозяекъ, работницъ, матерей, продолжательницъ населенія и обихода этой «нашей» деревни. Новая *линія* совершенно измѣнила его міросозерцаніе на это дѣло: мѣстныя дѣвицы были для него уже чужія, мужички, съ которыми у него никогда не будетъ ничего общаго; по примѣру «золотой» пристаньской молодежи и всего вообще охочаго до «грязцы» «пинжаковаго» общества, онъ зналъ, что до того времени, покуда онъ не устроится при хорошей денежной невѣстѣ, ему, молодому человѣку, получающему хорошія деньги, вполнѣ можно пользоваться женскимъ поломъ, покупая его на деньги и уплатою оканчивая всякія обязательства. Не разъ онъ прямо щеголялъ своими деньгами на деревенскихъ посидѣлкахъ, совершенно привыкнувъ къ тому, что, отблагодаривъ рублевкой, онъ не сдѣлалъ ровно ничего худого. «Вольна брать, а вольна и не брать: это вѣдь какъ хочешь. Коли бы я тебя обманывалъ или замужъ бы обѣщался взять, ну, тогда такъ, нехорошо! А то вѣдь это по согласію: хочешь, такъ бери, а не хочешь, такъ и другую найдемъ!» Вотъ какъ привыкъ разсуждать Михайла, не находя въ этихъ разсужденіяхъ рѣшительно ничего недостойнаго.

Да и надобно сказать правду, что «линія», на которой стоялъ Михайла, линія денежной наживы, выработала уже

цѣлый классъ женщинъ и дѣвицъ, для которыхъ мораль, впитанная Михайлой, рѣшительно не представляетъ ничего удивительнаго. «Предпріятія», «дѣла», «обороты» скопляютъ около себя не однихъ мужчинъ, а также и массы женщинъ, нуждающихся въ работѣ, въ тридцати копейкахъ поденной платы. Такой ли несчастной дѣвушкѣ отказываться отъ красной, а то и отъ бѣленькой бумажки, когда она къ тому же еще знаетъ, что врядъ ли ей удастся выйти замужъ? Ей извѣстны всѣ женихи и всѣ невѣсты, имѣющіе право «въ ихнихъ мѣстахъ» сойтись другъ съ другомъ и вести хозяйство, не нуждаясь въ поденщинѣ. Неурядица въ земельныхъ порядкахъ, прямо связанная съ избой и съ семьей, живущей въ ней, выбрасываетъ на улицу много лишнихъ ртовъ, съ голоду нарожденнаго народа, дѣвицъ, которымъ не съ чѣмъ выйти замужъ, вдовъ послѣ «случаемъ» умершаго мужа (простудился, таская изъ рѣчки весной дрова, или разорился, сталъ пить, померъ). И весь этотъ *излишній* народъ подбираетъ какое-нибудь предпріятіе, дѣло, затѣю; здѣсь сходятся люди съ деньгами и люди безъ денегъ, и нигдѣ такъ сила денегъ не убѣдительна, какъ здѣсь, въ деревнѣ.

Сила денегъ, а также сила обстоятельствъ, ставящихъ женщину въ необходимость обмѣнивать себя на рублевки, здѣсь, въ деревнѣ, такъ велика и такъ понятна, что иногда не рѣшаешься употребить слово: «падшая» женщина. Вотъ хоть бы нѣкая «дѣвушка» Аннушка, о которой у насъ будетъ еще рѣчь впереди. Она — не здѣшняя, забрела она сюда изъ Тверской губерніи на заработки, поступила на мѣсто къ приказчику въ кухарки за 6 р. Деньги эти она всѣ сполна посылала домой, гдѣ были больные отецъ и мать. Но вотъ умеръ отецъ, стала она посылать рублемъ меньше; умерла мать, стали у ней оставаться всѣ шесть рублей. Она стала человѣкомъ совершенно свободнымъ; дома у ней нѣтъ, хозяйства нѣтъ, имущества нѣтъ; на родинѣ ее замужъ *некому* взять, да и не съ чѣмъ; а здѣсь, въ чужомъ мѣстѣ, ее и вовѣки не возьмутъ; тутъ жениховъ меньше чѣмъ невѣстъ въ два раза—куда ей соваться? И вотъ она прямо-таки приведена къ тому, чтобы располагать собою такъ, какъ лучше. Какъ же лучше ей? Да вотъ приказчикъ предлагаетъ ей бумагу бѣлую, а почтсодержатель предлагаетъ двѣ бѣлыхъ бумаги. Что же лучше: шесть ли рублей, или двѣ бѣлыхъ бумаги?

И дѣвушка Аннушка, *разсчитавъ* (да!) все правильно,

какъ слѣдуетъ, разсчитавъ такъ, что ее никакъ даже не похвалить невозможно, пристраивается на задворкахъ у знахарки Афимьи (о ней тоже рѣчь будетъ впереди) и начинаетъ жить *сама*. Она какъ разъ подстать всему «пинжаковому» сорту людей, «ихнему» міросозерцанію и образу мыслей и дѣйствій; деньги у нихъ есть, а у Аннушки нѣтъ; а до свадьбы, до невѣсты съ оборотнымъ капиталомъ, имъ надо же куда-нибудь предъявлять свои пьяныя морды. И вотъ «дѣвушка Аннушка», какъ непремѣнный членъ этого общества, ничуть даже и не конфузится своего положенія; она внутренно убѣждена въ полной законности своего появленія въ избушкѣ Афимьи и въ полной правотѣ своего образа жизни.

— Вы что же, Михайла Кузьмичъ, ко мнѣ въ гости не ходите?—громко, на весь вагонъ, спрашиваетъ она своего сосѣда изъ числа пиджаковъ, сидящаго напротивъ нея и такъ же, какъ она, отправляющагося въ городъ за покупками.

— Да не знаю вашей фатеры, Анна Ликсѣевна!

— Да что-жъ у васъ отвалится языкъ людей-то спросить? Вѣдь въ деревнѣ-то всякій знаетъ Аннушку... Я вѣдь, почитай, тамотко одна Аннушка-то *изъ гулящихъ*.

И эти слова говорятся громко, просто, вполнѣ натурально и развязно.

Такъ вотъ такъ же натурально, развязно и просто пріучился и Михайла смотрѣть на свои отношенія къ женскому полу, въ ожиданіи того времени, когда линія укажетъ ему подходящую невѣсту.

5.

А въ то самое время, когда Михайла учился новой морали и все болѣе и болѣе приближался къ идеальному «пинжаковому» типу, въ домѣ Фирсановыхъ случилось что-то неподходящее: что-то занемножилось Прасковьѣ, какъ-то шатнулась она—«крянула» немного...

Здѣсь впервые и Прасковья сама и Аѳанасій съ Иваномъ вспомнили ту невѣдомо откуда появившуюся втѣпоры барышню, которая до того разсердила ихъ и возмутила своими бунтовскими разговорами, что даже Аѳанасій Петровичъ, хохотунъ, и тотъ сулился связать ей руки къ лопаткамъ. Вспомнили эту востроносую, стриженую, несуразную дѣвицу всѣ; вспомнили шумъ и гамъ, который она подняла «въ ту пору» насчетъ прасковьиной болѣзни, когда,

также въ ту пору, эту самую Прасковью такъ же вотъ «крянуло» на жгучей полевой работѣ.

«Кабы въ ту-то пору схватиться, — подумала прежде всѣхъ Прасковья:—такъ, пожалуй, что и еще десятокъ годовъ выстояла бы».

Подумали такъ же точно всѣ, весь домъ, но—увы!—воротить прошлаго было невозможно: оно какъ пришло невѣдомо откуда, такъ и ушло невѣдомо куда. И волей-неволей Прасковья, хотя и «крянувшая» немного, но все-таки продолжавшая грѣть своимъ присутствіемъ и своей живой работой, своимъ живымъ разговоромъ весь фирсановскій домъ, принуждена была прибѣгнуть къ помощи Афимьи.

Объ этой Афимьѣ необходимо сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ въ разсказываемой исторіи она играетъ довольно видную, хотя и совершенно неожиданную роль.

Деревенскіе жители не могли бы опредѣлить, что̀ это собственно за существо: не то колдунья, не то знахарка, не то какъ будто бы и еще хуже, въ виду хоть бы того, что она дала пріютъ упомянутой «дѣвушкѣ Аннушкѣ». Мнѣніе о ней въ деревнѣ было неопредѣленное, хотя и не вполнѣ одобрительное, потому что колдовство, знахарство и потворство «Аннушкамъ» были дѣла вообще темныя. Въ сущности же Афимья была женщина весьма изуродованная жизнью и несчастная.

При крѣпостномъ правѣ она была самой любимой и приближенной прислугой одной жестокой и грубой помѣщицы. Афимья была гроза дѣвичьихъ: колотовка, змѣя подколодная, ехидна—вотъ эпитеты, которые давалъ ей тогда всякій крѣпостной, всякій дворовый человѣкъ. Много зла она натворила въ угожденіе барыни; но сама она, какъ живой человѣкъ, тоже не была безгрѣшна, и если безъ пощады преслѣдовала дѣвичью, обличала чужія шашни и безъ милосердія выводила ихъ на свѣжую воду, то сама она грѣшила тайно, «какъ тать въ нощи», умѣя ловко пользоваться отлучками барыни въ столицу или за границу.

И когда по веснѣ въ пруду всплывалъ трупикъ ребенка, или когда тотъ же трупикъ находили въ дровахъ, Афимья какъ ястребъ налетала на дѣвичью, и пощады отъ нея не было въ такія минуты никому.

Но вотъ кончилось крѣпостное право, барыня продала имѣніе купцу Тютькову и уѣхала за границу; на прощанье дала она Афимьѣ поцѣловать свою холеную руку, подарила ей кучу стараго тряпья и хламу, подарила пятьдесятъ руб-

лей и отпустила на всѣ четыре стороны. За пять рублей, которыми Афимья поклонилась обществу, поставивъ ему ведро вина, общество позволило ей поселиться на задахъ, отвело лоскутокъ земли подъ огородъ, и Афимья, купивъ рублей за двадцать старую баню, переладила ее въ каморку и стала «доживать вѣкъ».

И ужасныя начались для Афимьи минуты: когда она очутилась одна-одинешенька въ этой крошечной каморкѣ, сама съ собой съ глазу на глазъ, вблизи этихъ тихихъ полей, ее охватили жуткія воспоминанія прошлаго; воскресла въ самыхъ ничтожнѣйшихъ мелочахъ вся прошлая ея жизнь, всѣ ея неправды, злодѣйства, которымъ она теперь не находила объясненія и только ужасалась предстоящей казни на томъ свѣтѣ; но съ особенно ужасающей неумолимостью стали преслѣдовать ее образы этихъ выплывавшихъ по веснѣ и откапываемыхъ подъ дровами мертвыхъ ребятъ... Это вѣдь она, Афимья, кидала ихъ какъ щенятъ, боясь потерять свою репутацію и страшась гнѣва... Ужасъ потрясалъ ее по ночамъ; ангельскія души, погубленныя ею, были невидимо тутъ, въ самой избѣ; онѣ, невидимыя, стонали вокругъ избы, шуршали крыльями надъ самой головой Афимьи и какимъ-то явственнымъ, но совершенно неслышнымъ шопотомъ надъ самымъ ухомъ ея что-то шептали ужасное... Она стала худѣть, томиться, терзаться: адъ, вѣчныя мýки не выходили у нея изъ головы; объ адѣ и мукахъ она разспрашивала священника; купила страшную картину послѣдняго суда, купила другую картину, на которой былъ изображенъ лежащій въ огненномъ озерѣ дьяволъ, а изъ утробы его росло дерево, все обвѣшанное по сучьямъ грѣшниками. Бабы деревенскія дивились и пугались этихъ картинъ, въ которыхъ было такъ много огня, желѣзныхъ крючьевъ и чертей, и этой одинокой, съ испуганными, ввалившимися глазами страшной женщины... Ужъ и тогда у деревенскихъ бабъ мелькнула мысль: «Ужъ не колдунья ли она?» Онѣ не знали, что этотъ адъ, развѣшанный по стѣнамъ, былъ въ душѣ Афимьи, что она сама ежеминутно горѣла въ этомъ адскомъ пламени.

И вотъ однажды, послѣ мучительной ночи, проведенной безъ сна, въ страхѣ и напряженіи всѣхъ нервовъ, терзаемыхъ и шелестомъ невидимыхъ крыльевъ, и отдаленнымъ жалобнымъ дѣтскимъ, душу раздирающимъ плачемъ, отдаленнымъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ смертнымъ хрипѣніемъ, и, главное, этими неотступными ужасными образами ея мертвыхъ дѣтей,

которыхъ она видѣла въ мельчайшихъ подробностяхъ ежеминутно — въ конецъ истомленная всѣмъ этимъ, Афимья, совершенно изнемогшая, ослабѣвшая, какъ бы въ забытьѣ опустилась на лавку у окна.

Окно было открыто; за нимъ шло безконечное ржаное поле, тихое, еле шушукающееся колосьями; жаркое солнце палило землю безъ малѣйшаго вѣтерка, и только кузнечики неумолчнымъ однообразнымъ чириканьемъ нарушали мертвую тишину. Афимья была рада этому чириканью кузнечиковъ; слушая ихъ, она чувствовала, что какъ будто слабѣетъ, какъ будто засыпаетъ... Чирикъ!.. чирикъ!.. чирикъ!.. и вдругъ лавка, на которой она сидѣла, и полъ, въ который упиралась ногой, и косякъ окна, къ которому было прижато ея плечо, — все какъ-то раздвинулось, ушло въ стороны, опустилось подъ нею... Она было-испугалась, чувствуя, что падаетъ куда-то, сердце ея тоже упало, но въ то же мгновеніе она убѣдилась, что ее несетъ не въ бездну, а, напротивъ—куда-то въ высь необъятную мчитъ невѣдомая сила.

Господи помилуй! Жаромъ палитъ ей темя; она подъ самымъ небушкомъ, подъ самымъ солнцемъ раскаленнымъ, а вдали, точно необозримая гора раскаленныхъ угольевъ, играетъ и сіяетъ въ ослѣпительныхъ лучахъ какое-то великолѣпное зданіе... Это рай. Афимья несется все ближе и ближе къ этому зданію — и вотъ райскія врата: они распахиваются предъ ней, и еще новымъ, невиданнымъ свѣтомъ обдаетъ ее всю въ безконечной свѣтлой храминѣ, куда ее внесла невѣдомая сила. Она ослѣплена, изумлена до того, что падаетъ на золотой полъ...

— Афимья!—слышится ей голосъ, и она знаетъ, что это голосъ самого Христа Спасителя.—Тебѣ бы надо было умереть, но Я тебя жалѣю... Жалѣю Я тебя, Афимьюшка, много ты намучилась, настрадалась... Я твое покаяніе принялъ... А не покайся ты, такъ было бы тебѣ худо-худо. Угодники Мои святые! покажите Афимьѣ, что было ей приспѣто за ея злодѣйскія, проклятыя дѣла! Пускай посмотритъ, какъ и другимъ достается за беззаконія...

Какой-то старичокъ поднялъ Афимью съ полу, и она мгновенно очутилась около какой-то великолѣпной золотой рѣшетки, много лучше той, которая при покойницѣ-барынѣ вокругъ сада была. — «Погляди-ка, говоритъ, Афимья, каковъ рай-огъ у Боженьки есть!» Глянула она черезъ рѣшетку, а тамъ цвѣты растутъ лазоревые, запахъ отъ нихъ

идетъ несказанный, ручейки тамъ бѣгутъ «журчастые», свѣтленькіе, и на золотыхъ деревьяхъ поютъ райскія птички... и всѣ-то деревья обвѣшаны разными ягодами и фруктами несказанными... А промежду деревьевъ бѣгаютъ маленькіе ребяточки съ золотыми кудрями, забавляются, и съ ними ангелочки играютъ, крылышками ихъ обмахиваютъ и нѣжно-нѣжно по личику гладятъ... — «Вотъ, Афимья, и твои невинно убіенныя дѣтки тутъ же бѣгаютъ... Ишь вонъ! Вонъ твой первенькій, а вонъ и другой... что подъ дровами-то»... И ихъ Афимья своими глазами видѣла... Залилась она горючими слезами, и радость такая у нея разлилась по сердцу, такое счастье загорѣлось гдѣ-то въ ней, что вѣкъ бы, кажется, не ушла отсюда.

Но старичокъ сталъ ее торопить: «Будетъ,— говоритъ:— ты и такъ ужъ цѣльный день смотришь!» А Афимьѣ казалось, что она только «глянула». Старичокъ взялъ ее за рукавъ, толкнулъ — и очутилась она въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди томятся ни въ аду ни въ раю... По виду мѣсто похоже на «нашу деревню». Домики стоятъ чистенькіе, и человѣчки какіе-то сидятъ на завалинкахъ, ничего не дѣлаютъ, а только раскачиваются изъ стороны въ сторону да болтаютъ головами отъ дыму, который валитъ на нихъ прямо имъ въ лицо изъ оконъ и изъ дверей чистенькихъ домиковъ...—«Это вотъ за трубочки, папиросочки. Кто табачище курилъ, такъ вотъ теперь и душитъ его дымомъ: ни съ завалинки встать ни въ домъ войти». А немного подальше цѣлая толпа деревенскихъ бабъ: лица ихъ совершенно засыпаны кострикой, такъ что онѣ не видятъ свѣта Божьяго, въ ладони воткнуты веретена, а за ногти забиты зубья гребней...—«Это бабы, которыя жадны до работы, которыя и праздниковъ не соблюдаютъ Господнихъ, только бы побольше наработать да нарядовъ у разносчиковъ вымѣнять... Вотъ и сиди весь вѣкъ такъ-то!»

Отсюда незамѣтно поднялись они на высокую гору, а наверху этой горы, въ глубокой и огромной ямѣ, кипѣло цѣлое озеро мѣди расплавленной. Мѣдь клокотала бѣлымъ ключомъ, бушевала какъ кипятокъ, а въ этомъ мѣдномъ кипяткѣ варятся и не могутъ свариться тысячи тысячъ бабъ: тѣла ихъ то всплываютъ на поверхность, то, перевернувшись, исчезаютъ опять въ мѣдномъ кипяткѣ; тамъ высунется рука, тамъ — нога, тамъ — спина, и все опять исчезаетъ; изрѣдка съ воплемъ высовывается горящая растрепанная голова, но ее сейчасъ же захлестываетъ нѣ-

ной мѣднаго кипятка... — «Вонъ, Афимья, гдѣ бы тебѣ быть-то за твои проклятыя дѣла!—сказалъ старичокъ.— Посмотри-ка-сь, да запомни хорошенько!..» И увидѣла она еще, что по берегамъ этого озера, тамъ, въ самой глубинѣ, стоятъ съ баграми бѣсы и отпихиваютъ въ глубину озера тѣхъ бабъ, которыя норовятъ на берегъ выскочить, за кусты руками хватаются. Тѣло на бабахъ все сожженное, клочьями болтается... Обуялъ Аѳимью ледяной холодъ, а старичокъ хотѣлъ-было еще столкнуть ее туда. Но Аѳимья уцѣпилась за кустъ.—«А дѣтей губить любишь?—съ гнѣвомъ сказалъ старичокъ и, рванувъ ее за рукавъ, пихнулъ въ другое мѣсто, сказавъ:—«А вотъ тутъ всѣ твои любовники, поганка этакая! Полюбуйся-ка на нихъ!..»

За огромными, высокими желѣзными дверями слышенъ былъ такой необыкновенный стонъ, визгъ, вой, вопль, какого въ жизнь свою не слыхала Афимья. За этими желѣзными дверями открылось бездонное озеро кипучей смолы, и что тутъ было мужиковъ и что съ ними дѣлалось—разсказать того невозможно! Доѣзжачій бучиловскаго барина, Петька, съ которымъ она, Афимья, «втѣпоры»... сидитъ въ смолѣ по горло, и смола безпрерывно льется ему въ ротъ... Егорка-кучеръ, съ которымъ Афимья также «втѣпоры», плаваетъ на днѣ и не можетъ выбраться на свѣтъ Божій... Яшка-кузнецъ, Митька-форейторъ—также всѣ тутъ налицо, и въ такомъ видѣ и такъ кричатъ, что душа у нея замерла отъ ужаса. «Ну,—сказалъ старичокъ:—теперь будетъ! Ступай!» — и съ силой толкнулъ ее въ спину съ высокой горы...

Неслась-неслась она... упала... и открыла глаза.

6.

Полная изба народа—мужиковъ, бабъ съ грудными ребятами, ребятишекъ, стариковъ—привѣтствовала пробужденіе Афимьи шопотомъ молитвъ, крестными знаменіями, земными поклонами. Афимья, лежавшая на полу (при чемъ голова ея покоилась на подушкѣ, подложенной чьею-то заботливой рукой), ничего не могла понять отъ слабости и необычайнаго утомленія; она видѣла только народъ, видѣла, что тутъ же въ избѣ стоитъ, опершись на посохъ, и внимательно смотритъ на нее батюшка, что какой-то старецъ невѣдомо зачѣмъ кадитъ ладаномъ, а другой старецъ—съ оплоумѣвшимъ лицомъ торчитъ въ образномъ углу, держитъ на темени икону и что-то шепчетъ. Среди молитвеннаго

шопота и несказаннаго удивленія, она едва-едва могла понять, что припадокъ ея продолжался ни много ни мало, какъ четверо сутокъ, что она ничего не пила, не ѣла, что ее уже собирались-было хоронить, но отстоялъ батюшка, замѣтивъ дыханіе.

Понемногу Афимья начала поправляться: сердобольные люди, пораженные необыкновеннымъ событіемъ,—смерти и воскресенія,—не покидали ее, помогали, чѣмъ могли, ухаживали. И Афимья стала оживать. Голосъ Боженьки, который, несомнѣнно, простилъ ее, дозволилъ ей жить, обѣщалъ ее не губить,—голосъ, который она слышала собственными своими ушами, снялъ съ ея души страшную тяготу; а маленькіе ребяточки, играющіе въ раю, въ числѣ которыхъ она обрѣла и своихъ невинно погибшихъ дѣтей, наполняли ея сердце чистой радостью. Ей было такъ пріятно быть совершенно покойной за дѣтей, что... даже стало жалко и Егорку-фалетора, и Петьку-доѣзжачаго, и всѣхъ прочихъ.

— За что ужъ ихъ-то такъ, голубчиковъ? Легко ли дѣло: смолой кипучей въ ротъ! И какіе славные ребята были, хоть бы Петенька или Егорка... да и прочіе. Бывало, какъ на балалайкѣ-то дѣйствовали!

И эта нѣжность къ Егоркамъ, Петькамъ и прочимъ молодымъ людямъ, пробужденная въ Афимьѣ сознаніемъ, что теперь не за что ихъ мучить, что ребятамъ хорошо, весело на томъ свѣтѣ, была причиною того сочувствія, которое она выказала, принявъ въ сожительницы веселую «дѣвушку Аннушку», да и парни, которые къ ней хаживали, въ родѣ хоть Михайлы, посѣщавшаго Аннушку довольно частенько, почему-то пользовались ея симпатіей, хоть она и не обнаруживала ея. Всякій разъ, когда такой парень гуляетъ съ Аннушкой въ кустикахъ, играетъ на гармоніи и пѣсни поетъ, она вспоминаетъ и Петьку и Егорку.

Вотъ основанія, которыя впослѣдствіи дали деревенскимъ жителямъ право выражать неодобрительныя мнѣнія объ Афимьиной нравственности.

Но это сдѣлалось уже впослѣдствіи; тотчасъ же послѣ воскресенія Афимьи она, напротивъ, стала предметомъ всеобщаго вниманія и уваженія. Она, несомнѣнно, была на томъ свѣтѣ, несомнѣнно, «видѣла» тамъ «здѣшнихъ» знакомыхъ, мужиковъ, бабъ и дѣтей. И съ каждымъ днемъ картина видѣннаго выяснялась для нея все больше и больше, такъ что иногда на вопросъ какой-нибудь наивной бабы: «А что, Афимьюшка, не видала-ль моего мальчика-то, Ва-

нюшку?.. Приспала я его!» — Афимья не менѣе наивно спрашивала: «А какой онъ изъ себя?» И, получивъ полнѣйшее и подробнѣйшее описаніе, долго какъ бы всматривалась во что-то, припоминала, перебирала всѣ дѣтскія личики, которыя видѣла она за райской рѣшеткой, и наконецъ совершенно твердо отвѣчала:—«Какъ же, видѣла, видѣла я его, Аксиньюшка... Ничего, хорошо ему, дюже хорошо!» И сначала, съ первыхъ моментовъ пробужденія, Афимья не говорила неправды, а потомъ мало-по-малу, изъ желанія, можетъ-быть, не остаться въ одиночествѣ и поддерживать къ себѣ общее вниманіе, выражавшееся въ пособіяхъ, помочи, она сдѣлалась посмѣлѣе насчетъ своихъ загробныхъ свѣдѣній. И бывали по этому случаю весьма тягостные эпизоды.

— А что, Афимьюшка,—спросила разъ Афимью молодая, нервная, впечатлительная женщина, только-что вышедшая замужъ: — долго ли я проживу? Не слышала ли *тамотко* чего?

— Нѣтъ, Марья, недолго проживешь... Слышала, слышала я... Годъ всего тебѣ только и житья на свѣтѣ.

Почему, зачѣмъ дернуло Афимью испугать такими рѣчами несчастную бабу? Но рѣчи эти такъ поразили ее, что баба стала чахнуть, сохнуть, и точно: умерла ровно черезъ годъ.

— Вишь вѣдь—вѣрно!—говорилъ народъ.—Стало-быть, открылось ей тамъ... прозорливость эта самая...

Мало-по-малу Афимья очень привыкла давать совѣты, предсказывать, растолковывать сны, разъяснять предчувствія, а потомъ какъ-то «само собой» стала и лѣчить. Послѣ барыни, въ числѣ разнаго негоднаго хлама, досталась ей куча банокъ, склянокъ отъ флаконовъ съ духами, отъ лѣкарствъ, остались сигнатурки, мази, масла, спирты, порошки, пилюли. Все это Афимья забрала съ собой для себя — «лѣчиться» на старости лѣтъ, что любятъ старухи и вообще деревенскія женщины. При барынѣ она кое-что даже и понимала въ лѣкарствахъ: барыня была нервная, и Афимья волей-неволей должна была научиться различать однѣ капли отъ другихъ: желудочныя отъ успокоительныхъ и т. д. И понемногу къ ея умѣнью разговаривать, совѣтовать и предсказывать присоединялась и репутація лѣкарки.—«На-ка-сь вотъ!—скажетъ она, давая капли, и—глядишь—баба поправилась. Двухъ удачныхъ случаевъ было совершенно достаточно, чтобы не только народъ призналъ Афимью за лѣ-

карку, а чтобы и сама Афимья увѣрилась въ своей способности «пользовать», стала даже узнавать отъ тѣхъ же деревенскихъ бабъ о разныхъ средствахъ и способахъ лѣченія. За это не только благодарили, а и деньги платили; это былъ кусокъ хлѣба. Съ годами за Афимьей вполнѣ упрочилась репутація женщины таинственной и лѣкарки.

Вотъ къ этой-то Афимьѣ и прибѣгла Прасковья въ ту минуту, когда почувствовала, что въ ея организмѣ, въ самомъ нутрѣ его, что-то какъ будто «крянуло». Конечно, и обращаясь къ помощи Афимьи, Прасковья крѣпко печалилась, что *въ ту-то пору* не послухала она добраго совѣта, что хорошо бы, ежели бы теперь проявилась эта стриженая барыня. При всемъ желаніи Прасковьи получить настоящую помощь, помощи этой не было ниоткуда, и пришлось обратиться къ Афимьѣ.

Афимья пришла, принесла горшокъ, свѣчку страстную, ладану, какую-то тряпку, пузырекъ и мазь. Ладаномъ она надымила, въ горшокъ подула, плевала на всѣ четыре стороны, читала молитвы, потомъ повела Прасковью въ баню, гдѣ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ и дѣлала, «что̀ слѣдуетъ». Изъ бани принесли Прасковью на рукахъ мужики и уложили въ постель. Афимья еще пошептала, поплевала, побормотала и ушла.

— Ну что̀, милушка, какъ?—спрашивала она Прасковью на другой день.

— Худо, родимая, худо мнѣ! Еще того хуже стало, что̀ было.

— А худо, такъ надобно, чтобы лучше было! Дай-ка-сь, я еще тебя попользую...

На этотъ разъ были въ ходу уже два горшка, и плевала на этотъ разъ Афимья не на четыре стороны, а по всѣмъ мѣстамъ, и притомъ черезъ плечо, дула она, куда только было возможно дуть, а затѣмъ была баня уже не днемъ, а ровно въ полночь, гдѣ Прасковья битыхъ четыре часа кричала не своимъ голосомъ и была принесена домой почти въ безчувствіи.

— Ну что̀, красавушка, какъ? — спрашивала Афимья больную на другой день.

— Ху...ж-же... ху...ддо̀...—еле-еле могла прошептать Прасковья.

— Такъ можно, ангелъ мой безподобный, и на другой манеръ облегчить.

На этотъ разъ Афимья ужъ, признаться сказать, не знала, что и дѣлать. Однако ушла домой за средствами.

Между тѣмъ съ самаго того момента, когда Прасковью пошатнуло и крянуло, въ домѣ Фирсановыхъ появилось тотчасъ же уныніе, съ каждой минутой овладѣвавшее всѣмъ домомъ все сильнѣе и сильнѣе. Въ то же мгновеніе, какъ только Прасковья «на минуту» должна была пріостановиться въ работѣ, пріостановился весь механизмъ дома. Все пошло не такъ со скотиной, съ птицей: послѣ перваго посѣщенія Афимьи уже слышался ревъ голодныхъ коровъ, блеяніе неприбранныхъ овецъ, а еще черезъ день и овцы, и куры, и лошади, и коровы — все ужъ потерялось, упало духомъ, не знало, что дѣлать, куда идти, толкалось, лѣзло съ своими недоумѣніями къ крыльцу, въ сѣни, совало голову даже въ горницу. «Мужики»—Аѳанасій, Иванъ, Сенька — окончательно растерялись, ослабли духомъ, ходили какъ помѣшанные... Въ такомъ расшатанномъ душевномъ состояніи, горько опечаленный болѣзнью жены, которая уже еле-еле шептала что-то, а не говорила, стоялъ Иванъ Аѳанасьевъ посреди двора, среди цѣлой толпы животныхъ, рѣшительно разстроенныхъ домашнимъ несчастіемъ, когда въ воротахъ появилась Афимья, таща уже цѣлыхъ три огромныхъ горшка и, очевидно, приготовляясь совершить что-то необычайное.

Мгновенно Ивана рванула за сердце такая жалость къ своей женѣ, которую эта корга приготовляется истязать, что онъ, какъ бѣшеный, подскочилъ къ ней и не своимъ голосомъ заоралъ:

— Ты что это, чертовка, опять мучить пришла? Тремя горшками ужъ норовишь все нутро выволочь оттуда? Я тебя, псовка экая!..

И онъ оглушилъ Афимью такимъ универсальнымъ ударомъ, что и она, и горшки, и какія-то банки, и пакли— все это разлетѣлось и исчезло невѣдомо куда, но гдѣ-то тутъ же на дворѣ.

— Я тебѣ дамъ, чортова кукла!—не имѣя возможности остановить своего гнѣва и хватая въ руки первую попавшуюся жердь, вопіялъ онъ и, можетъ-быть, убилъ бы Афимью, но прибѣжавшій на крикъ Аѳанасій силою утащилъ Ивана въ избу.

И здѣсь, не имѣя силъ успокоить своего волненія, Иванъ тяжело дышалъ и трясся всѣмъ тѣломъ, пока не услышалъ, что съ улицы доносится визгливый голосъ очувствовавшейся наконецъ Афимьи:

— Погоди, чортъ этакій!.. Будешь ты меня *помнить!.. Помни же!..*

7.

Эти слова, пропущенныя мимо ушей въ моментъ раздраженія на Афимью, получили для всей семьи Фирсановыхъ, не больше какъ черезъ день послѣ этого эпизода, совершенно неожиданное и грозное значеніе. На другой день еле живую Прасковью отвезли въ больницу, гдѣ сказали, что положеніе ея опасно, и тотчасъ для всего дома стало ясно, что Михайла долженъ жениться.

Этого брака требовало рѣшительно все, что только жило и было въ домѣ: упавшій ухватъ, пустой рукомойникъ, опрокинутое ведро, нетопленная печь, и куры, и бараны, и коровы, и люди—все требовало брака Михайлы, брака немедленнаго, и вотъ тутъ-то вся семья Фирсановыхъ припомнила слова старухи: «Помни же!» — и содрогнулась... Вѣдь что можетъ натворить злая баба съ людьми, со скотиной, съ молодыми!

Михайла, этотъ уже, казалось, вполнѣ полированный человѣкъ, испугался этихъ словъ: «помни же!» гораздо больше, чѣмъ даже и старики, испуганные ими рѣшительно не на шутку. Незадолго передъ болѣзнью матери онъ побранился съ «дѣвушкой Аннушкой», жившей около Афимьи, которая попеняла ему, что онъ сталъ шляться къ новой гулящей, къ Катькѣ, которую только-что пустилъ въ ходъ одинъ кулачишка, получившій отъ земства подрядъ на содержаніе лошадей. «Ну, помни!» — сказала ему тогда и Аннушка, погрозивъ кулакомъ, но тогда онъ не обратилъ на это вниманія; онъ тогда стоялъ совершенно на *другой линіи*,—на такой линіи, гдѣ все было для него совершенно ясно. «Помни! Чего тутъ помнить? Приду какъ-нибудь, прогуляю трешку—вотъ-те и все!» Тогда, два-три дня назадъ, міросозерцаніе его было совершенно опредѣленно, онъ не вѣрилъ «предразсудкамъ», былъ вполнѣ увѣренъ, что разъ у человѣка деньги въ карманѣ, такъ тутъ самъ чортъ ничего не подѣлаетъ, да и черта-то никакого нѣтъ. Но вотъ сегодня, черезъ три-четыре дня, когда его, какъ громомъ, поразила необходимость бросить, разстаться съ пинжаковымъ направленіемъ мыслей, покинуть линію и вполнѣ примкнуть къ крестьянству, отъ котораго онъ уже отвыкъ, отсталъ, которое забылъ,—его охватилъ страхъ. Онъ возвращался въ крестьянство съ такой кучей грѣховъ на душѣ и на тѣлѣ,

съ такимъ изобиліемъ правъ у Катекъ и Аннушекъ дѣлать ему зло въ его хозяйствѣ, въ скотинѣ, въ полѣ, въ конюшнѣ, что слово: «помни!» приняло совершенно потрясающій смыслъ... Афимья, Аннушка, обѣ обиженныя, обѣ нечистыя (онъ теперь долженъ былъ думать *по-чистому*),— онѣ могутъ Богъ знаетъ что̀ сдѣлать.

Но главный источникъ его̀ темнаго и въ то же время безграничнаго испуга, поселившагося въ самой глубинѣ его души съ того момента, какъ только онъ убѣдился, что жениться «надо», что хозяйство безъ этого брака должно развалиться,—была та женщина, на которой онъ долженъ былъ жениться.

Возвращенный мыслями къ «крестьянству», Михайла тотчасъ же зналъ, которая именно изъ деревенскихъ дѣвицъ *должна быть* его женой. Кромѣ «Варьки» ему *нельзя* было брать за себя никакой иной дѣвицы, и вотъ почему. Съ болѣзнью Прасковьи и съ его женитьбой (которая неизбѣжна), народу въ домѣ, на котораго должна работать будущая *новая* баба, должно прибавиться; однихъ мужиковъ теперь будетъ ужъ не трое, а четверо, да пятая, если выживетъ, будетъ хворая Прасковья; такая огромная семья *должна* имѣть въ центрѣ своемъ — куда ужъ веселую, а просто только желѣзную женщину, и притомъ, самое главное—женщину, которая, войдя въ домъ, сразу бы проникласъ интересами всего живущаго въ этомъ домѣ, *только въ этомъ домѣ*, которая бы *свою* курицу могла отличить среди тысячи другихъ точь въ точь такихъ же куръ, — словомъ, такую женщину, жизненный интересъ которой весь бы состоялъ *только* въ совокупности интересовъ всего хозяйства, у которой бы не было сердца *для себя,* но и сердце, и мысль, и умъ которой могли бы дѣйствовать только подъ вліяніемъ куриныхъ, коровьихъ, телячьихъ, овечьихъ, бараньихъ, гусиныхъ, мужичьихъ и другихъ желаній, печалей, нуждъ, случайностей, требованій. Нужна была такая женщина, которая не могла бы жить на свѣтѣ, была бы, съ позволенія сказать, совершеннѣйшей *дубиной*, если бы не была именно *только* и исключительно центромъ инстинктовъ зоологической жизни всего живущаго въ домѣ и на дворѣ. Не нахожу возможности иначе опредѣлить коренныя свойства того типа женщины, который нуженъ былъ не Михайлѣ собственно, а всему дому безъ исключенія; Михайла же — это собственно только причина, вслѣдствіе которой женщина такого типа теперь, за два-три дня до свадьбы,

быть-можетъ, еще и не помышляющая о замужествѣ и не знающая еще, кто ея мужъ, женихъ, должна послѣ свадьбы навѣки пригвоздиться къ одному мѣсту и не имѣть даже тѣни мысли о томъ, что есть на свѣтѣ гдѣ-то какія-то другія мѣста кромѣ того, на которомъ она толчется.

Насѣдку нужно накрывать рѣшетомъ, чтобы она не видала свѣта бѣлаго, по крайней мѣрѣ, день, чтобы заставить ее сѣсть на яйца; иныхъ, особенно непокорныхъ, кормятъ хлѣбомъ, пропитаннымъ водкой, и пьяную сажаютъ въ лукошко, но разъ она сѣла, она ужъ *не можетъ* встать. Она не разбираетъ — куриное, или гусиное, или утиное яйцо лежитъ подъ ней; но у нея съ этимъ яйцомъ образовалась уже какая-то неразрывная связь, благодаря которой она не можетъ не измаивать себя до того, что «просидитъ» до голаго тѣла. Вчера еще эта самая курица не обращала на снесенное ею яйцо ни малѣйшаго вниманія; она снесла его гдѣ пришлось: на чердакѣ, подъ печкой, въ дровахъ, и ушла слушать, какъ пѣтухъ поетъ: «Скажите ей». А сегодня, послѣ того какъ ее насильно усадили на то же самое яицо, послѣ того какъ ее лукошкомъ прихлопнули, опоили водкой, чтобы она одурѣла, она хоть и слышитъ, что вышелъ въ свѣтъ новый романсъ г. Пригожаго: «Подъ моимъ она окошкомъ» и т. д., но ужъ не можетъ встать съ мѣста, а отчего? — и *сама не знаетъ*.

И когда мысли Михайлы сосредоточились на крестьянствѣ, которое онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ въ самомъ благообразнѣйшемъ видѣ (вѣдь онъ изъ хорошаго дома, да наконецъ что же можетъ быть ужаснѣе неблагообразнаго крестьянства?), ему стало жутко. Вѣдь то, что называется «крестьянствомъ», то-есть весь строй трудовой «крестьянской» жизни, вѣдь онъ весь находится въ полной зависимости отъ тайны, отъ этого невѣдомаго, что даже курицу пригвождаетъ къ яйцу. Какъ бы ни была курица премудра, она будетъ сидѣть «до голаго тѣла», невѣдомо зачѣмъ и отчего. И это *невѣдомое* проникаетъ весь строй жизни, начиная съ земли, съ зерна, и дождя, и вѣтра, выражается въ успѣхѣ, въ неуспѣхѣ, въ болѣзни людей и животныхъ. Въ глубинѣ всего этого лежитъ не своевольная мысль, выдумка, а никому невѣдомая тайна, среди которой можно жить только при безукоризненности инстинкта, чутья. Мужики и баба, составляющіе центръ крестьянскаго дома,

центръ всей этой тайны, тогда только могутъ благообразно существовать, то-есть безъ страха жить неизвѣстно для какой цѣли, когда въ глубинѣ ихъ взаимныхъ, интимныхъ отношеній, помимо всякихъ человѣческихъ соображеній и побужденій, *безукоризненна* та необъяснимая, невѣдомая никому изъ нихъ зоологическая связь, прочность которой только чувствуется инстинктивно, а непрочность расшатываетъ весь строй, неизвѣстно для чего существующій обиходъ. Но вотъ такого-то *безукоризненнаго,* зоологическаго инстинкта Михайла уже не ощущалъ въ себѣ въ той мѣрѣ, въ какой онъ долженъ бы былъ ощущать его, какъ крестьянинъ. Варька — существо, взятое прямо отъ земли, «вынутая» изъ самой сердцевины тайнъ крестьянства,—даже и понятія еще не имѣетъ о томъ, что такое мужикъ, хотя и видитъ ихъ передъ глазами всю жизнь; она даже и мысли не имѣла никогда о томъ, что съ нею будетъ, когда она выйдетъ замужъ, какъ и курица понятія не имѣетъ о томъ, что съ нею сдѣлается, когда ее посадятъ въ лукошко. *Эта* зоологическая струна даже и не звучала въ ней никогда, несмотря на то, что она кровь съ молокомъ; она и «стыдиться»-то начинаетъ только въ мясоѣдъ, потому что ей извѣстно, что по мясоѣдамъ ихнюю сестру мужики лукошкомъ-то накрываютъ, а въ постъ такъ даже ей нисколько не стыдно никого, потому что-жъ по постамъ стыдиться? Ежели стыдиться, такъ надо въ мясоѣдъ, а не въ постъ. А вотъ въ Михайлѣ, благодаря тому, что онъ долго жилъ на другой линіи, уже нѣтъ этой-то самой важной зоологической безукоризненности, и вотъ отчего онъ, зная, что ему непремѣнно надо брать Варьку, уже боится этой Варьки.

«Линія», на которой до сихъ поръ стоялъ Михайла, отставшій отъ крестьянства, никогда бы не привела его къ такой *боязни.* Тамъ, на той «пинжаковой» линіи, *дѣло* нисколько не зависитъ отъ прочности связи мужа и жены; что такое значитъ жена, взятая «пинжакомъ» съ приданымъ, благодаря которому этотъ пинжакъ началъ «орудовать», положимъ, по керосинной части — въ этомъ самомъ керосинномъ дѣлѣ и керосинномъ успѣхѣ? Ровно ничего. На *той линіи* даже очень хорошо, если жена настолько *развита,* что не суется не въ свое дѣло, а сидитъ дома и пьетъ чай. А такъ какъ такихъ *развитыхъ* женщинъ въ пинжаковомъ обществѣ, *ровно ничего не понимающихъ* въ мужниныхъ дѣлахъ и, благодаря своему умственному раз-

витію, не сующихъ носа въ мужнины дѣла, обороты, связи, уже довольно много, то женское общество *той линіи* совершенно справедливо считается также *развитыми* мужчинами «той линіи» довольно глупымъ и скучнымъ, и совершенно извиняетъ это общество пинжаковыхъ мужчинъ, если они «балуются съ Аннушками». Аннушки тоже ничего не смыслятъ по керосинной части, но онѣ веселѣе, съ ними развязнѣе—надо-жъ отвести душу! Веселѣе быть съ женой въ пинжаковомъ обществѣ невозможно, потому что тогда «не сующаяся въ дѣла» и большею частью некрасивая жена совсѣмъ сдѣлается ни на что непохожимъ существомъ. Тамъ нужна строгость, молчаніе, чтобы жена *понимала,* что ей не слѣдъ соваться. Если мужъ не будетъ съ женой молчать какъ пень или камень, такъ тогда ей не за что будетъ и уважать его. А если попираемая Аннушками зоологическая правда и заговоритъ въ женѣ, такъ вѣдь это опять же не вредитъ *дѣлу,* ни керосинному, ни свѣчному, ни дровяному. Съ женой могутъ дѣлаться истерики, припадки, обмороки,—все, что̀ угодно,—но вѣдь гдѣ есть деньги, тамъ будутъ и доктора и лѣкарства. Лѣчиться жена можетъ всю жизнь сколько угодно; мужъ (развитой ежели) не жалѣетъ денегъ—чего еще? Наконецъ и побои и увѣчья, практикуемые на той же «линіи» въ темнотѣ и удушьѣ спаленъ съ лампадками,—все это ни на волосъ не вредитъ *дѣлу*, успѣху оборота, наживѣ, а сталобыть, и положенію въ обществѣ и вообще тому, что̀ для пинжаковаго общества можетъ почитаться цѣлью жизни и успѣхомъ. Если же поступать умненько, умѣть вò-время приласкать жену, подарить ей дипломатъ, поболтать безъ рычанья и хрюканья, такъ и вовсе можно жить въ полное свое удовольствіе: и отъ людей почетъ, и жена почитаетъ, и любовницъ сколько угодно, и въ концѣ концовъ деньги, барыши, успѣхъ.

Вотъ на какой линіи стоялъ Михайла до того момента, когда судьба вновь повернула его въ крестьянство, и здѣсь онъ сразу ощутилъ, какая огромная разница между «той линіей» и этой, крестьянской. Тамъ на первомъ планѣ «выдумка», «*свой* умъ», «хитрость»; здѣсь—полная тайна, въ самыхъ существеннѣйшихъ чертахъ вовсе не зависящая ни отъ какихъ расчетовъ и умствованій, которые здѣсь не имѣютъ никакого значенія. Все крестьянское *дѣло,* не имѣющее никакого результата, подобнаго дѣламъ той линіи и выражающагося въ увеличеніи денегъ, обстановки, иму-

щества и т. д., держится и стоитъ на неразрывной и въ то же время таинственной связи мужика и бабы; въ глубинѣ этой связи, на которой держится все «крестьянство», т.-е. одновременно и дѣло крестьянское и жизнь, должна быть только зоологическая безукоризненность, а онъ, Михайла, уже не имѣлъ ея. Онъ былъ и силенъ, и здоровъ, и ту же Варьку могъ бы совратить съ пути истины, если бы попрежнему стоялъ *на этой линіи;* но теперь онъ боялся этой Варьки, боялся именно ея безукоризненности.

И не того онъ боялся, что Варька можетъ узнать о его поведеніи, можетъ «осуждать» его, какъ распутника, подозрѣвать его въ желаніи приволокнуться и послѣ свадьбы. Нѣтъ, Михаилѣ было страшно именно потому, что Варька не можетъ объ этомъ *думать*, разсуждать и вообще понимать; ему было страшно оттого, что она *почуетъ* въ немъ порчу, почуетъ невѣдомо какъ, не зная и не умѣя опредѣлить даже, что̀ такое она почуяла, и почему ее за сердце взяло, и почему она вдругъ возненавидѣла зачатаго ребенка. Варька страшна именно потому, что она *не вольна* въ этомъ. Она *почуетъ* что-то тамъ, въ самой глубинѣ своего физическаго существа, — и начнетъ дурить также «невѣдомо съ чего». Невѣдомо съ чего она возьметъ да и взбѣленится на неродившагося еще ребенка, начнетъ рвать, и метать, и проклинать.

Кстати сказать, вѣдь вонъ былъ же подобный случай разсматриваемъ недавно на судѣ. Хорошій, умный, добрый мальчикъ доведенъ былъ матерью до того, что пытался ее отравить, чтобы она хоть познакомилась съ чувствомъ жалости къ самой себѣ, не обнаруживая его сыну всю жизнь, и притомъ безъ малѣйшей причины. Изъ дѣла выяснилось, что мать возненавидѣла его вотъ именно такимъ Варькинымъ манеромъ, и нужно было довести славнаго мальчика до скамьи подсудимыхъ и до обвиненія въ преступленіи, грозившемъ каторгой, чтобы сія зоологическая дама пришла къ мысли «простить» мальчика. «Ну, что̀ ужъ въ каторгу!—глубокомысленно изрекла она на судѣ. — Мы его *прощаемъ*».

Чувствуя въ себѣ изъянъ по части зоологической безукоризненности, Михайла также *чуялъ*, что этотъ изъянъ *не можетъ* не отразиться на безукоризненности Варьки. А если это такъ, то вѣдь «все можетъ пойти прахомъ». Отчего родятся на свѣтъ калѣки, слѣпые, безрукіе? Отчего родятся двухголовые не люди и не звѣри? Одна

такая-то мать обругала ребенка, когда онъ былъ въ ея утробѣ, со зла сказавъ: «Вотъ еще пасть собачья народится!.. Тоже хлѣба будетъ просить, чтобъ ему первымъ кускомъ подавиться!» И что же? Посмотрите: этотъ ребенокъ теперь портной; ротъ у него собачій, хлѣба онъ ѣсть не можетъ, а только и живъ молокомъ, а говоритъ почеловѣчески еле-еле... Другая мать также сказала: «Чтобъ тебя уволокли!» — и опять вышло слово въ слово: какъ только мальчонка подросъ, такъ чортъ и увелъ его, и водилъ 13 лѣтъ, заставляя все овины поджигать, пока мальчонку не упекли въ Сибирь... А все отчего? Цѣлая масса подобныхъ ужасныхъ случайностей пришла на память Михайлѣ, какъ только онъ сталъ думать по-крестьянски, и страхъ передъ Варькой гвоздемъ засѣлъ въ его сердце... «Если она почуетъ да поглядитъ на меня, какъ сумасшедшая, да начнетъ невѣдомо что говорить!..»—думалъ онъ, и морозъ подиралъ его по кожѣ. Случись, что она задуритъ, случись, что придется ее бить, — тогда все пойдетъ Богъ знаетъ какъ. Какое это крестьянство?

А тутъ еще «помни», которымъ погрозились Афимья и Аннушка. Афимья можетъ сдѣлать «со зла», а предъ Аннушками онъ уже считалъ себя не только виноватымъ, а и великимъ грѣшникомъ; теперь онъ *боится* этого, а какъ онъ попиралъ это самое еще недавно, зная, что это значитъ въ жизни человѣческой!

Такимъ образомъ начало бѣды зародилось прежде всего въ самомъ Михайлѣ: онъ испугался, что его физическая небезукоризненность внесетъ во все существо Варьки, его будущей жены, страшную, неисцѣлимую, потрясающую смуту, которая можетъ разстроить, разрушить, уничтожить все, всю жизнь его и ея, и всего дома, и всего, что живетъ около и вокругъ дома. Этотъ страхъ физическихъ бѣдъ осложнился тяжкимъ сознаніемъ грѣховной нечистоты, грѣха, который у Бога не можетъ быть оставленъ безъ наказанія, и наказаніе это придетъ, и онъ ждалъ его ежесекундно, съ той минуты, когда уха его коснулось слово: «помни!»

Испугъ Михайлы понемногу заразилъ и всю его семью (цѣлый вечеръ Михайла почему-то разговаривалъ съ своими родными объ уродахъ, и всѣхъ обуялъ страхъ), а потомъ перекинулся и въ домъ невѣсты, куда тоже дошли слухи объ этомъ «помни!». Было бы долго разсказывать, до какой степени исполненъ всяческаго суевѣрія такой деревенскій

типъ, какъ Варвара, невѣста Михайлы. Она не могла не быть безконечно, безгранично суевѣрной; это была образцовая, прямо взятая изъ глубины тайнъ «крестьянства» женщина. И одной мысли о томъ, что ей что-то сдѣлаютъ, было совершенно достаточно, чтобы потрясти все ея гигантское тѣло. Она захолонула отъ испуга именно потому, что не была въ состояніи понимать, обдумывать, соображать. Не такая она была натура, чтобы умѣть думать; она могла только «озираться» и трепетать всѣмъ существомъ съ того самаго момента, когда услышала слово: «помни!», и когда наконецъ насталъ день свадьбы, то въ обѣихъ семьяхъ, жениха и невѣсты, не было человѣка, который не ожидалъ бы чего-нибудь ужаснаго.

Именно въ этотъ день, день свадьбы, всякая гадость и творится съ молодыми.

Совершенно струсившій Михайла не пилъ и не ѣлъ по совѣту дружки два дня, даже не дозволялъ себѣ выйти изъ комнаты въ теченіе этихъ двухъ дней, такъ какъ именно въ эти-то моменты, когда человѣкъ не думаетъ, тутъ-то и дѣлаются ему гадости. Такимъ образомъ въ день свадьбы онъ былъ совершенно изможденъ, съ страшною болью въ животѣ, и еле держался на ногахъ. Невѣста вся обомлѣла, и «вся внутренность» у нея затряслась и захолонула, едва она глянула на жениха: лица на немъ не было, потому что, кромѣ физическихъ страданій, онъ съ минуты на минуту ждалъ, что это «помни!» вотъ-вотъ проявится въ какомъ-нибудь угрожающемъ дѣйствіи.

Отъ трепещущаго жениха страхъ передъ «чѣмъ-то» передался всѣмъ поѣзжанамъ, всей роднѣ, всѣмъ зрителямъ, и когда слѣдовало бы тронуться свадебному поѣзду, то вся толпа народа, съ минуты на минуту ожидавшая какого-то событія, окружила поѣздъ въ такомъ глубокомъ, загадочномъ молчаніи, что даже лошади испугались, не понимая, почему это цѣлая куча давно знакомыхъ имъ мужиковъ среди бѣлаго дня что-то шушукаетъ вокругъ нихъ, тогда какъ еще вчера всѣ они говорили громко или во все горло...

— Но! но!—трепещущимъ голосомъ понукалъ лошадей кучеръ, но лошади только пятились, а народъ разступался.

— Но!—уже едва слышно прошепталъ кучеръ, а народъ еще подался, лошади еще попятились.

Въ это время какъ разъ мимо открытыхъ воротъ прошла Афимья...

Тутъ ужъ всѣмъ стало ясно, что дѣло не чисто, что уже что-то случилось непоправимое.

8.

Какъ происходили вѣнчаніе и свадебный пиръ, я не стану изображать; скажу только, что всѣ—и гости и хозяева—чувствовали себя мучениками. На утро подозрѣнія семьи оправдались. Молодые встали какъ бы испуганные и ошалѣлые. Они были испорчены,—это несомнѣнно. Скоро и Аѳанасій и Иванъ убѣдились въ этомъ сами. Въ тоскѣ и въ какомъ-то отчужденномъ остолбенѣніи провели молодые этотъ день и кое-какъ дотянули до ночи.

Въ спальню они пошли, трясясь отъ страха всѣмъ тѣломъ. Кровать казалась имъ не кроватью, а разверстой дьявольской пастью, и когда они легли туда, то оба почувствовали себя какъ бы окаменѣлыми отъ холода. Зубы стучали и у мужа и у жены. Съ испуга съ женой ночью сдѣлался припадокъ истерики. И это такъ подѣйствовало на мужа, что онъ, выскочивъ въ испугѣ изъ спальни и уже нимало не сомнѣваясь, что «бѣда» сдѣлана, не успѣлъ раскрыть рта, чтобы позвать на помощь, какъ упалъ на полъ, и его стало ломать, корчить, трепать.

Теперь не узнаешь Михайлу: такъ онъ измѣнился, похудѣлъ и подурѣлъ. А давно ли это былъ вполнѣ развязный молодой человѣкъ новаго деревенскаго направленія—человѣкъ «пинжака», кадрили, хорошаго обращенія? Глядя на него и на этотъ «пинжакъ», на этотъ балъ, на которомъ онъ кушаетъ шеколадъ, и сига, и апельсинъ, подумаешь: какъ измѣнилась деревня противъ прежняго, какая «образованность» распространилась въ ней, и какъ она далека отъ старинной мужицкой темноты! А между тѣмъ темнота-то эта совсѣмъ какъ была, и даже съ самимъ чортомъ, котораго всякій хорошій мужикъ видалъ на своемъ вѣку не разъ, вся тутъ, въ этой кадрили, на этихъ балахъ, среди этихъ «пинжаковъ»... Во всякую минуту самый настоящій чортъ можетъ появиться среди этой образованности и превратить ее всю безъ остатка въ прахъ и пепелъ.

IV. „Перестала!“

Изъ деревенскихъ замѣтокъ.

1.

— Ну что же, Михайла, какъ же ты поживаешь? Какъ твои дѣла?

— Ничего! Слава Богу!.. Теперича ничего,—живемъ помаленьку!

Болѣе десяти лѣтъ не видалъ я этого Михайлы, и теперь, когда онъ меня опять везъ по той же самой дорогѣ и въ тѣ же самыя мѣста, гдѣ много лѣтъ назадъ и мнѣ съ моими близкими и Михайлѣ со всѣми нами было такъ хорошо жить,—оба мы, встрѣтившись послѣ долгой разлуки, жадно стремились поговорить другъ съ другомъ «по душѣ», поговорить долго, много, откровенно, какъ «говаривали» въ старину мужики, освободившіеся отъ господъ, и господа, стремившіеся «изъ господъ» если не въ мужики, то хоть къ мужикамъ. Однако и мой вопросъ и Михайлинъ отвѣтъ вышли какъ-то официальны и сухи, и даже конфузливы, несмотря на то, что намъ обоимъ хотѣлось завязать самый душевный, самый настоящій разговоръ. И такой разговоръ непремѣнно бы завязался у насъ, если бы у меня хватило духу начать его съ вопроса о самомъ существенномъ и важномъ для насъ обоихъ дѣлѣ и, вмѣсто ничего почти не означающихъ словъ: «какъ ты поживаешь?», прямо бы спросить:

— Ну, какъ ты, Михайла, теперь съ женой живешь? Перестала ли она мудрить, бунтовать?

Но, признаюсь, у меня на это не хватило духу: говорить съ Михайлой о его женѣ—значитъ вспомнить тѣ времена, когда мы, такъ-называемые «хорошіе господа», что-то такое хотѣли сдѣлать по-хорошему съ хорошими Михайлами, и, вспоминая все это, знать съ горькимъ ощущеніемъ ясно сознаваемой вины на сердцѣ, что изъ всего этого, начатаго по-хорошему, ровно *ничего не вышло* до сихъ поръ ни для насъ, «хорошихъ господъ», ни для нихъ, «хорошихъ Михайловъ». Вообще мы, «хорошіе господа», и они, «хорошіе Михайлы», какъ-то осрамились за этотъ двѣнадцати-пятнадцатилѣтній промежутокъ времени и, осрамившись, рѣшились существовать изо дня въ день, немного привирая, немного сокрушаясь, немного фантазируя и затѣмъ опять-таки привирая понемногу, конечно, всякій разъ съ глубокимъ вздохомъ.

И вотъ почему я не могъ начать разговора съ Михайлой такъ, какъ бы слѣдовало начать. Дѣло Михайлы съ женой чисто семейное, но оно обоимъ намъ напоминаетъ «тѣ времена» и тѣ взаимныя вліянія, подъ которыми мы въ то время жили, то-есть вліянія «хорошихъ Михайловъ» на «хорошихъ господъ» и «хорошихъ господъ» на «хорошихъ Михайловъ»; мы въ то время, и Михайлы и господа, — конечно, «хорошіе», — жили исключительно хорошими впечатлѣніями, получаемыми другъ отъ друга. Прошлое — нехорошее, темное, тяжелое—намъ не вспоминалось; о будущемъ мы еще не думали, какъ слѣдуетъ, а жили настоящимъ, зная, что оно хорошо, что намъ, во-первыхъ, надобно и, во-вторыхъ, можно быть хорошими. Тогда для насъ, хорошихъ господъ (насъ тогда жила въ деревнѣ цѣлая компанія), не могло быть въ деревнѣ ничего дурного, всѣ деревенскіе люди добры, всѣ заслуживаютъ полнаго уваженія, волноваться какою-нибудь непріятною чертой въ какомъ-нибудь непріятномъ деревенскомъ человѣкѣ было просто глупо: что можно спрашивать съ такихъ людей, которые, мы сами видѣли собственными глазами, трудятся въ потѣ лица? Какая же тутъ критика со стороны насъ, живущихъ безъ труда? Имъ нельзя не быть такими, они ни капельки не виноваты; напротивъ, мы виноваты и должны дѣлать для нихъ все хорошее. Что собственно должны были бы мы «дѣлать», мы не знали, но знали, что относиться къ нимъ, какъ къ самымъ уважаемымъ людямъ, было вполнѣ обязательно — обязательно безъ всякаго притворства и насилія надъ самимъ собою. Принимать всякаго мужика лучше всякаго городского гостя, называть по имени по отчеству, отнюдь не «торговаться» насчетъ грибовъ, подводы, дичи, ягодъ, отворять дверь всей деревнѣ, когда въ домѣ именины, елка, или вообще праздникъ — это тоже было непритворно-обязательно, а главное — пріятно. Разговоры о школѣ, о необходимости дороги черезъ болото, о ссудномъ товариществѣ, разговоры огромнѣйшихъ размѣровъ съ широчайшимъ развитіемъ задачи предпріятія — тоже были задушевнѣйшіе, отраднѣйшіе и любопытнѣйшіе. Съ другой стороны, и хорошіе Михайлы были тоже довольны и чувствовали себя хорошо съ нами: «приди когда хошь, спрашивай вездѣ»... «безъ торгу»... «по совѣсти». «не гнушаются нашимъ братомъ, мужикомъ»... «просто»-- вотъ тѣ черты, которыя нравились въ насъ Михайламъ. «Дѣла» какого-нибудь существеннаго не было, но было

что-то обоюдно-хорошее, обоюдно-снисходительное, ни капельки никому не обидное, напротивъ, одинаково заманчивое какъ для «хорошихъ господъ», такъ и для «хорошихъ Михайловъ».

Среди такихъ-то взаимныхъ отношеній между хорошими господами и хорошими мужиками *особенно* хорошими оказывались они между нами и Михайлой. И намъ было «особенно» съ нимъ хорошо, и ему «особенно» хорошо съ нами. Онъ былъ такой же мужикъ, какъ и всѣ, въ такомъ же армякѣ и такихъ же лаптяхъ, и съ такой же, какъ у всѣхъ мужиковъ, бородой, но было въ немъ нѣчто и иное: онъ уже былъ грамотенъ, и грамота, очевидно, затронула его мысль, которой было уже надъ чѣмъ попрактиковать себя. Вслѣдствіе домашнихъ затрудненій, онъ много лѣтъ жилъ въ городахъ, много перетерпѣлъ, перестрадалъ, но въ концѣ концовъ сохранилъ и на себя и на все видѣнное и пережитое имъ свѣтлый и не односторонній взглядъ. Онъ могъ судить «вообще», не жалуясь только на неправду относительно его самого. Вотъ эта-то черта, то-есть возможность съ Михайлой говорить «вообще», не чувствуя при этомъ неловкости разговора съ разсуждающимъ писаремъ и дьячкомъ и, къ удивленію нашему, не замѣчая даже ни малѣйшаго коверканія языка,—это и было первое, что особенно понравилось намъ въ Михайлѣ, а затѣмъ понравились и его деликатность, покойная, не выдуманная, его «достоинство», никому не мѣшающее, и затѣмъ желаніе «жить почище, поблагороднѣй, потише, поумнѣй». Онъ былъ мужикъ, но понималъ мужиковъ больше, чѣмъ понимали ихъ мы или даже сами они. И его иронія, спокойное, добрымъ голосомъ сказанное ядовитое словцо или характеристика были и умны, и просты, и пріятны. Съ своей стороны, и Михайлѣ было хорошо и свободно съ нами: мы поняли вѣдь, что именно въ немъ хорошо, поняли, что онъ уменъ, что онъ умно и хорошо думаетъ, что есть въ немъ что-то, кромѣ лаптей и мужицкаго армяка, — словомъ, поняли и оцѣнили то, чего, быть-можетъ, никто въ немъ не цѣнилъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ на свѣтѣ. Изъ сторожа сельской школы онъ превратился въ нашего сожителя, то-есть онъ работалъ тамъ на дворѣ, кололъ кое-какія дрова, но здѣсь, въ комнатѣ, былъ совершенно какъ «свой».

Другое *особенно* намъ пріятное и симпатичное лицо среди «вообще» хорошихъ деревенскихъ людей была Авдотья, — молодая дѣвушка, сирота, существо живое и милое. Она

изъ замарашки съ босыми ногами, изъ худенькой и оборванной нищенки-дѣвочки на нашихъ глазахъ превратилась въ стройную, опрятную дѣвушку, выучилась читать и писать вмѣстѣ съ «господскими» дѣтьми, не забывая въ то же время подметать полъ, сказывать сказки, играть въ горѣлки, работать самую черную работу и въ промежуткахъ учиться, добиваться возможности читать Некрасова, Григоровича. Было въ ней все, что̀ намъ, хорошимъ господамъ, могло быть пріятно: было, во-первыхъ, все крестьянское, начиная съ проворныхъ босыхъ ногъ, съ этихъ непрестанно работающихъ рукъ, и кончая неизмѣнно веселымъ настроеніемъ духа во всевозможнаго рода черномъ трудѣ; было, кромѣ того, еще и другое, не крестьянское, именно пробужденная мысль, желаніе почитать книжку, желаніе узнать, «чѣмъ кончится» исторія, которую вчера читали вслухъ,— словомъ, было что-то, особенно нравившееся намъ, все-таки еще городскимъ жителямъ.

Подъ вліяніемъ такихъ взаимныхъ симпатій немудрено, что у всѣхъ насъ должны были являться мысли о будущности Михайлы и Авдотьи. «Не выходить же Авдотьѣ за мужика?» «Не жениться же Михайлѣ на деревенской бабѣ?» Положимъ, что мужики и бабы деревенскіе были намъ тогда «вообще» всѣ очень симпатичны и пріятны, но Михайла и Авдотья все-таки не то, что настоящіе черноземные мужики и бабы. Имъ ужъ какъ-то иначе надобно жить, какъ-то гораздо лучше, свѣтлѣе и изящнѣе. А Михайла и Авдотья? Несмотря на то, что между ними не было еще и помина о какомъ бы то ни было сближеніи, раздумывая о своемъ будущемъ, они не могли не думать о немъ точно такъ же, какъ и мы. Можно ли было Авдотьѣ кончить замужествомъ съ мужикомъ, хоть бы и богатымъ? Нѣтъ. Она уже знала, что «будетъ бить ее мужъ-привередникъ и свекровь въ три погибели гнуть», знала это, думала объ этомъ и, разумѣется, не могла не желать какой-нибудь иной перспективы. Да и Михайлѣ, у котораго, кромѣ мужицкихъ мозолистыхъ рукъ и мужицкихъ лаптей, было еще что-то, въ головѣ бродили какія-то размышленія, едва ли улыбалось сожительство съ самою несокрушимою въ работѣ деревенской бабой; ему ужъ надобно было и человѣка, съ которымъ «можно слово сказать». Благодаря такимъ отношеніямъ и взаимнымъ вліяніямъ,— не знаю, съ чьей стороны: съ нашей или съ ихней, — возникла мысль о бракѣ Михайлы съ Авдотьей. Она какъ-то нечаянно яви-

лась между всѣми нами и никого ровно не удивила. Бракъ состоялся, и именно во имя нашихъ общихъ мечтаній: они будутъ жить «хорошо», умно, тихо, мирно. Въ это мирное, тихое, благообразное житье гораздо болѣе насъ вѣрили сами Михайла и Авдотья. Михайла ее ни въ чемъ не будетъ неволить: не такой онъ человѣкъ, чтобы, Боже сохрани, тиранствовать или безобразничать надъ женой. Знаетъ онъ мужика и мужицкій норовъ; онъ перенесъ все это на себѣ, и не то что повторять его надъ кѣмъ-нибудь, ему и вспомнить страшно о немъ. И Авдотья вполнѣ была увѣрена, что ея жизнь не будетъ похожа на жизнь истираненной деревенской бабы: не такой Михайла человѣкъ.

«Хорошіе господа» помогли Михайлѣ завести лошадь и телѣгу, а онъ началъ заниматься извозомъ, что̀ дало ему полную возможность существовать безбѣдно. «Пока» было хорошо; оставшійся Михайлѣ домишко, долгое время стоявшій пустымъ, благодаря Авдотьѣ преобразился совершенно и ожилъ; мы, «хорошіе господа», заѣзжая къ Михайлѣ, всегда чувствовали себя чрезвычайно хорошо: свѣтло въ домишкѣ, тепло, опрятно, уютно, весело. Картинка на стѣнѣ изъ «Нивы»; въ шкапу вмѣстѣ съ чашками книжка Некрасова: «Записки охотника»; угостятъ насъ чаемъ — выйдетъ совсѣмъ не по-мужицки, а точь въ точь такъ, какъ и мы сами угощаемъ Михайлу и Авдотью, когда они пріѣзжаютъ къ намъ: ни стѣсненія, ни низкопоклонства, ни раболѣпства, а самая простая, деликатная, человѣческая ласка и внимательность.

Дальнѣйшихъ перспективъ, какъ я уже сказалъ, насчетъ продолженія «хорошаго настоящаго» ни у насъ ни у Михайлы никакихъ мало-мальски опредѣленныхъ еще не было. «Пока» теперь было «хорошо» и, вѣроятно, такъ же хорошо и будетъ. Но вотъ къ намъ, «хорошимъ господамъ», пріѣхалъ становой приставъ, пріѣхалъ невѣдомо зачѣмъ, покурилъ папироску, извинился и уѣхалъ, и съ этого дня мы уже стали понимать направленіе, по которому пойдетъ будущее «хорошихъ господъ»; очертанія «перспективъ» стали намъ дѣлаться съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе, а по мѣрѣ этой ясности намъ становилось то обидно, то невыносимо, то ужасно, то гадко, то по-заячьи трусливо, малодушно-подло, и вообще такъ худо, такъ скучно, что сначала мы съежились, потомъ загрустили, загрустили, затѣмъ перебрались въ городъ — и такъ постепенно, «со ступеньки на ступеньку», дошли до теперешняго «тишай-

шаго» влаченія дней за днями, начинаемыхъ, продолжаемыхъ и оканчиваемыхъ глубокими воздыханіями.

А Михайла и Авдотья остались въ деревнѣ совершенно безъ всякой перспективы. Сначала отъ нихъ бывали письма — письма хорошія, пріятныя намъ, потомъ они перестали писать. Потомъ чрезъ деревенскихъ людей стали доходить слухи, что у Михайлы и Авдотьи неладно, нехорошо. И такъ пошло, что̀ дальше, то хуже. Однажды кто-то принесъ извѣстіе: «Бьетъ онъ ее, Михайла-то», а въ другой разъ: «пьетъ Михайла мертвую... въ темной сидитъ». А что̀ разсказывать стали про Авдотью, такъ это и сказать совѣстно.

Вѣсти эти какъ-то духовно придавливали насъ.

«Вотъ онѣ книжки-то!» — иногда мелькало въ нашемъ напуганномъ сознаніи, и мысль о «суетѣ суетъ» все чаще стала сжимать сердце въ тѣхъ случаяхъ, которые, бывало, могли его только радовать.

2.

И вотъ теперь, почти черезъ двѣнадцать лѣтъ, мнѣ опять пришлось встрѣтиться и съ Михайлой и съ тѣми самыми мѣстами, гдѣ когда-то такъ «хорошо жилось». Но ѣдемъ мы съ нимъ, Михайлой, зная, что все теперь стало по-иному: и мы, и усадьба, и порядки, и духъ усадьбы — все ужъ не то, все по-новому, «по-скучному».

Впечатлѣнія настоящаго и прошлаго не дали намъ возможности начать искренній и простой разговоръ, и мы долго не могли наладиться. Верстъ десять мы ѣхали, постоянно разговаривая, и все-таки это былъ разговоръ не настоящій, не о томъ, о чемъ намъ слѣдовало и хотѣлось бы говорить. Но вотъ кончилось разбитое и трескучее земское шоссе, телѣга свернула въ сторону, въѣхала въ лѣсъ — въ тотъ самый, въ глубинѣ котораго стояла когда-то наша милая усадьба, пошли знакомыя болотца, послышалось знакомое чавканье лошадиныхъ ногъ въ мокромъ мху... и намъ стало просто необходимо говорить другъ съ другомъ безъ всякихъ экивоковъ, а такъ же просто и свободно, какъ говаривали и «тогда».

— Ну что̀ же, Михайла,—произнесъ я уже безъ всякаго стѣсненія:—какъ же твоя жена? Какъ ты поживаешь съ ней?

— Слава Богу! Перестала теперича! — быстро обернувшись ко мнѣ, радостно отвѣтилъ Михайла и глянулъ на меня влажными ласковыми глазами.

— Ну слава Богу!

— Совсѣмъ перестала! Слава Тебѣ, Господи!

Михайла соскочилъ съ козелъ, какъ это онъ дѣлалъ въ старину, проѣзжая тонкія мѣста, и пошелъ рядомъ съ телѣгой, положивъ руку на ея край.

— А ужъ какъ она меня умаяла!

Онъ сказалъ это почти шопотомъ, но такъ покачалъ головой, что я только теперь понялъ, до какой степени онъ, дѣйствительно, усталъ, только теперь разглядѣлъ, какъ онъ измѣнился и постарѣлъ; онъ сдѣлался какъ-то уже въ бокахъ и плечахъ, щеки его сильно ввалились, ноги какъ будто подлинивѣли, разслабли, и весь онъ, слегка сгорбившись, держался какъ-то наклонясь впередъ, а то особенное, «интеллигентное», что когда-то такъ плѣняло насъ въ Михайлѣ, исчезло теперь безъ слѣда: онъ былъ просто измаявшійся мужикъ.

«Усталъ, усталъ!» — думалось мнѣ, и я не тревожилъ его разспросами.

Нѣкоторое время онъ шелъ молча, продолжая держаться рукой за край телѣги и, очевидно, отдыхая отъ той тяжести, которая у него до сихъ поръ лежала на душѣ и которая какъ бы свалилась съ нея, когда онъ сказалъ: «Перестала!»

— Нѣтъ!—началъ онъ, поотдохнувъ: — кабы въ ту пору намъ съ Авдотьей прямо бы въ крестьянскій хомутъ влѣзть, то-есть прямо бы за крестьянство взяться, а не разговоры разговаривать, такъ ничего бы этого не было. Вѣрное слово! Намъ свою силу мужицкую нельзя по вѣтру распускать, намъ нужна запряжка, чтобъ дохнуть некогда было... Силы много, особливо въ бабѣ... Ее вѣдь, силу-то, тоже надобно дѣвать куда-нибудь, а куда ее въ нашемъ-то положеніи дѣнешь, ежели крестьянствомъ не охомутаешься?.. Ну вотъ отъ этого отъ самаго... Не отбейся я самъ-то отъ крестьянства съ малыхъ денъ, такъ и прожилъ бы вѣкъ тихо, благородно... А то вѣдь меня съ малыхъ денъ отъ крестьянства-то отбивало, дальше да дальше... Наше семейство было завсегда первое по крестьянству-то; были мы завсегда въ полномъ достаткѣ и вѣкъ бы такъ прожили, да какъ грянула эта самая оттоманская порта...

— Какая порта? что такое?

— А какъ же? А севастопольская-то кампанія, англо-турецкое столкновеніе?.. Мы были мужики всегда исправные, хлѣбные. Этой палки или оплеухи какой-нибудь, какъ крѣпостные, мы и знать не знали, вѣдать не вѣдали; мы

были крестьяне государственные; я былъ мальчишка холеный, любимый, въ школу казенную бѣгалъ, а учитель меня шибко хвалилъ; баловали меня, потому работниковъ было въ домѣ много: отецъ, два брата... Все шло честь-честью, ну, а какъ императоръ Николай I потребовалъ ключи отъ Ерусалима, да ключей-то ему черномордые дураки не отдали, такъ онъ тогда и зачалъ ихъ, подлецовъ, лущить по башкѣ... Вотъ тутъ-то никакъ года въ два четыре набора было, тутъ-то вотъ нашъ домъ и разорился... Какъ потребовали перваго брата, такъ отецъ-то весь домъ распродалъ, хотѣлъ его какъ-нибудь высвободить, докторамъ платилъ, всякія манеры перепробовалъ,—однакоже взяли, а немного погодя слышимъ: померъ на Черномъ морѣ, а дѣло-то не меньше какъ въ тысячу рублей стало... Не успѣли оглянуться—и второго берутъ... Тутъ отецъ весь по шею заложился—охотника купилъ, заложился онъ моему дядѣ, своему брату, темному кабатчику петербургскому. И только-было охотника сдали, принялись въ дому дыры чинить, разоренное гнѣздо поправлять, хвать—и второй братъ померъ... И затосковали мои родители, руки опускаются! Запустѣлъ нашъ домъ, ослабъ, вся сила изъ него вышла... Хирѣли-хирѣли мои родители, да одинъ по одному и ушли на тотъ свѣтъ... Передъ смертью-то родитель мой и объявилъ мнѣ: «По случаю, говоритъ, кампаніи задолжалъ я Михайлѣ Кузьмину, брату-кабатчику, тысячу триста рублей, такъ ты, говоритъ, Михайла, по случаю нашей смерти, одинъ ему и останешься плательщикомъ... Терпи, бантъ, милый!»—и померъ. А какъ заключили парицкій трактатъ, тутъ меня кабатчикъ-то и сгребъ! Да лѣтъ двѣнадцать онъ, дьяволъ, выколачивалъ изъ меня эту самую порту оттоманскую! Швыряетъ меня, какъ полѣно, съ мѣста на мѣсто, куда ему угодно, обираетъ за меня деньги, и все я никакъ не могу разсчитаться! Тамъ ужъ и миръ заключили и ключи отдали, а онъ—то въ печники меня, то въ квасники, то въ полотеры,—нѣтъ мнѣ никакого перемирія! А мальчонката я былъ не простой, балованный, любилъ, чтобъ меня похвалили да погладили, а не такъ, чтобы за волосы или по шеѣ. И стало меня зло забирать, и умишко-то тоже у меня заворчалъ. Злѣй да злѣй становлюсь, не хочу жить, уйду, наплюю, а за обиду къ мировому. Въ ту пору уже судъ пошелъ новый, а я вѣдь громотный былъ, и мимо меня это дѣло не прошло. Возьмешь листокъ—видишь, что не потакаютъ подлецамъ. Это мнѣ по вкусу пришлось, ду-

маю: «буду воевать съ негодяями!». Объ это время разыгралъ я большое представленіе! Устряпалъ меня трактирщикъ въ кучера, въ казну, возить курьеровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ и свисни меня по уху: попалъ я не въ тотъ переулокъ, куда надо. Я, ни слова не сказавши, съ козелъ долой, прямо съ разбитой рожей къ городовому:—«Гдѣ докторъ?» Курьеръ остался, оретъ, зоветъ, воетъ—сколько угодно!.. Я своею дорогой въ участокъ: «Извольте засвидѣтельствовать, такъ и такъ»... Да къ мировому! Да такую тамъ рѣчь провозгласилъ, рты разинули! И не о своей обидѣ я провозгласилъ, а расшумѣлся о неправдѣ, о томъ, какъ насъ, бѣдныхъ, притѣсняютъ, мордуютъ. — «Мнѣ не надо, говорю, ничего: ни денегъ за обиду, ни того, чтобъ его, курьера, наказали,—ничего не надо! Ничего мнѣ не надо, а я, говорю, хотѣлъ только доказать противъ подлости!» Отбрилъ всѣхъ негодяевъ, хлопнулъ дверью, да и былъ таковъ. И сталъ я, признаться, съ этого дня зашибать виномъ. Получилъ въ казнѣ расчетъ, двадцать всемь рублей, ни копейки моему кровопійцу не отдалъ, пилъ, пилъ, домотался до участка.

— Да сколько же тебѣ тогда было лѣтъ?

— Да когда парицкій трактатъ-то заключили?

— Трактатъ заключили въ пятьдесятъ шестомъ году...

— Ну, при трактатѣ мнѣ было лѣтъ пятнадцать, а какъ зашибать-то сталъ, тутъ, надо-быть, лѣтъ ужъ подъ двадцать пять подошло... Однакожъ мой ховяинъ вытрезвилъ меня и опять водворилъ на мѣсто. Утвердилъ онъ меня въ щапинскомъ дилижансѣ, съ Большой Садовой въ Новую Деревню... Ужъ и маята-жъ только настала для меня!.. Не приведи-то Господи! Что одежа, что одры-лошади—чистая смерть! День-денской дерешь-дерешь одровъ-то; самого-то бьетъ-бьетъ, на козлахъ — жарища, пылища... Смерть моя! Замучился я, вся у меня душа изныла, думаю-думаю: «когда этому будетъ конецъ?» Никакого свѣту не видать! Нѣтъ! Нѣтъ моихъ силъ! Бросилъ все, напился пьянъ, дилижансъ вывалилъ, одежу разодралъ вдребезги.—«Подавай расчетъ!» А расчетъ не даютъ, мой живорѣзъ ужъ такъ обдѣлалъ дѣла, чтобы все ему шло... Ахъ, ты... Стащилъ хозяйскій армякъ, уволокъ, продалъ, пропилъ... Укралъ! Что станешь дѣлать?.. Укралъ, думаю: «конецъ, все одно», пустился во всѣ тяжкія... Этого разсказать невозможно всего, что было... Вѣдь я вамъ какъ на духу говорю—въ острогѣ сидѣлъ! вотъ до чего! По этапу препро-

водили на мѣсто родины, а на родинѣ принялись меня учить, драть, ожесточили! Опять я задурилъ, опять меня упечатали въ темную... Кончилось—«не принимаетъ общество»—и шабашъ! Иди въ Сибирь! Тутъ ужъ живорѣзъ меня выручилъ, потому я ему нуженъ... Приткнули меня къ обществу кое-какъ... Вотъ тутъ я, весь изуродованный да измордованный, и прилипъ въ училище въ сторожа... Ну, а потомъ Господь послалъ добрыхъ людей, хорошую компанію, обратили на меня вниманіе... не дали пропасть... Вотъ тутъ-то я и оженился на Авдотьѣ-то... Вспомнишь-вспомнишь прошлую-то жизнь—жуть одна, морозъ по кожѣ подираетъ! Не видалъ я хорошихъ людей; и города боюсь, и деревня мнѣ не сладка досталась; видѣлъ ихъ, какъ они меня учили, знаю ужъ этихъ старичковъ почтенныхъ—вотъ и надумалъ жить почище, да не кланяться и не якшаться... Богъ, молъ, съ вами, проживемъ съ Авдотьей поблагороднѣе... Анъ вонъ...

Съ тяжкимъ короткимъ вздохомъ произнесъ Михайла эти слова, но, къ удивленію моему, вмѣсто того, чтобы, какъ я ожидалъ, заговорить о чемъ-нибудь тяжеломъ и непріятномъ, вдругъ неожиданно улыбнулся.

— Какъ вспомню первое-то время, какъ мы съ Авдотьей жили,—заговорилъ онъ, весело улыбаясь:—такъ ужъ не перечесть, сколько я въ ту пору всякой смѣхоты наглядѣлся... Бабенка молодая, сильная, складная, а хозяйства-то настоящаго нѣту... Я въ ту пору и думать не хотѣлъ, чтобы мнѣ пойти къ обществу поклониться... «Дайте, молъ, земельки!» И сохрани Богъ! Это чтобы галдѣть, кланяться, врать и поить ихъ? И ни-ни, ни за какіе милліоны!.. Да и такъ хватало на расходъ, очень даже прекрасно пошла моя ѣзда. Ну вотъ Авдотьѣ-то и некуда свою силу-то дѣть... А силы-то много—у-ухъ, сколь много въ бабѣ силы! И дѣвать ее куда-нибудь надобно... Ну вотъ она и стала изъ моей Авдотьи-то вывинчиваться во что ни пришлось... Жили мы въ старомъ флигелишкѣ отцовскомъ—сѣнцы да каморка въ три окна съ русской печкой. Всего объему будетъ шаговъ восемь въ долину да шаговъ шесть въ ширину, а до потолка и руки не разогнешь—упрешься; такъ вотъ она въ этакихъ-то размѣрахъ и то сумѣла ни дня ни ночи себѣ покою не найтить! И моетъ, и скребетъ, и третъ, и царапаетъ, и приколачиваетъ,—и то-есть никакого нѣтъ окончанія! Тысячу верстъ вокругъ самой себя сдѣлаетъ въ сутки, а все еще не все

передѣлала. И занавѣски, и полотенцы, и всякія малости... Такъ у нея игла-то и шмыгаетъ въ пальцахъ, какъ молнія... Кроватъ вознесла такую—даже лечь совѣстно!—придешь въ грязи, думаешь: да какъ же это можно? Это, молъ, все равно, что лаптемъ въ горшокъ съ молокомъ стать, то и мнѣ въ этакое благолѣпіе воткнуться... И кажинный Божій день этакимъ манеромъ, къ ночи съ ногъ собьется, а съ утра опять! Тараканъ какой попадется или клопъ тамъ, ужъ она его выдеретъ изъ самой стѣны со всѣмъ семействомъ. Бабенокъ какихъ-то молодыхъ подобрала въ компанію, такъ онѣ, бывало, цѣлой компаніей за тараканомъ-то въ щель вопьются... Выволокутъ, дверь настежь распахнутъ, всей компаніей на дворъ выбѣгутъ: тра-ра-ра-ра-ра!.. Кипятокъ сущій кипитъ, какъ у нихъ этотъ разговоръ идетъ! Одна изъ ихней компаніи, тоже горячая бабенка, такъ та за чернымъ тараканомъ безъ памяти такъ втиснулась за печку, еле я ее выдернулъ оттуда за ногу... Да неужто же не все, думаю? Нѣту, куда тамъ! Еще на всю жизнь хватитъ! Забила, заклеила во всѣхъ щеляхъ, все искоренила, обшила, обрядила — «нѣтъ, говоритъ, надо все ободрать да ножомъ выскоблить чисто-начисто!» И все ножомъ ободрала, обскоблила, и стѣны, и полы, и лавки, и столы, и шкапики, и полки, и подоконники; скребла-скребла — доскреблась до потолка, на табуретъ установилась, перегнулась вся, смотрѣть-то душа замираетъ! Ну, тутъ ужъ, должно-быть, и Господь осерчалъ: оступись она съ табурета, да кубаремъ, да головой о печку, а спиной объ полъ... «Охъ, матушки мои родимыя!» Ну, думаю, окончаніе перваго дѣйствія! Занавѣсъ опускается! Положилъ ее въ кровать, поѣхалъ за докторомъ, привезъ примочки. «Лежи, думаю, другъ любезный, поправляйся! Не будетъ ли чего любопытнаго во второй пьесѣ?»— «Охъ, матушки-матушки родимыя!» А меня такъ и разнимаетъ смѣхомъ: доскреблась же до бѣды!

Посмѣялись мы надъ Авдотьей, и Михайла продолжалъ:

— Начинается однакожъ и второе дѣйствіе. Лежитъ она, стонетъ, охаетъ, а бабенки одна за одной къ ней да къ ней, пожалѣть, поохать, потужить, присовѣтовать. Тарара да тарара, вошла моя Авдотья во вкусъ сплетни плести. Поправляется, съ постели встаетъ, по избѣ ходитъ, а языкъ свое дѣлаетъ: у Петра курица пропала, у Ивана овца чихаетъ, у дьякона жена сердита, на колокольнѣ галчата вывелись. Я молчу, пущай, думаю, галчата выво-

дятся. Дальше—больше, поправилась, надобно и сосѣдокъ отблагодарить. Сегодня у Марьи побывала, цѣлый мѣшокъ новостей принесла, а завтра у Дарьи еще того больше заимствовала. Помаленьку да помаленьку стала моя Авдотья совсѣмъ шальная: то все вокругъ себя мучилась, по тысячѣ верстъ въ сутки дѣлала, а тутъ дня мало стало чужихъ людей обѣгать... Ворочусь съ работы, такъ изъ Авдотьи и хлынетъ: «у Захаровыхъ зеленый платокъ купили, а Марья два аршина ситцу подарила кумѣ, староста избилъ Пелагею, старшина любовницу завелъ, у Егора украли полушубокъ, Акулина мужа не любитъ, Петра приревновала... Никита—снохачъ, у Кузьмы деньги въ погребѣ»—не приведи Богъ! Слушаешь-слушаешь, только около ушей словно бы вьюга шумитъ. А затѣмъ пошло дѣло Авдотьино и еще шибче: то она поодиночкѣ перебирала Дарью да Марью, а то зачала отъ Марьи къ Дарьѣ переносить, а потомъ и въ оборотъ—отъ Дарьи къ Марьѣ. Долго ли, коротко ли, смотрю, начали къ намъ и гости жаловать; то Марья придетъ, перекрестится и скажетъ: «Ты что-жъ это, Авдотьюшка, Акулинѣ-то сказывала?», то Дарья вломится, загалдитъ: «Ты какія-такія про меня слова говорила?» Авдотья моя, само собой, отпирается: «Не я, молъ, а Θекла».—«Какъ Θекла?» Глядь, и Θекла бѣжитъ: «Когда я говорила?» Глядишь—и началась баталія. А Авдотья моя не такова баба, чтобъ обробѣть, горло у нея здоровое; какъ начала входить во вкусъ горло-то драть, такъ не успѣлъ я и оглянуться, какъ она на все село «горластымъ чортомъ» пошла считаться. Да вѣдь какъ! на пять верстъ слышно; да мало того, что изъ двора бабья визготня цѣлый Божій день звенитъ, точно паровикъ на фабрикѣ, стала Авдотья и на середину улицы выбѣгать; станетъ, оретъ во всю глотку направо и налѣво, кулакомъ грозитъ: «Я тебѣ докажу, такая-сякая!», да еще и этакимъ манеромъ (онъ показалъ—какимъ) не постыдится сдѣлать, ей-Богу! Чистая срамота! А я-то боюсь круто на нее налечь, потому я себя знаю: чуть у меня защемитъ сердце зломъ, такъ ужъ я не остановлюсь. Вотъ я и помалчивалъ да кое-какъ урезонивалъ, а она все во вкусъ входитъ! — «Подлячки, такія, сякія... я имъ пропишу правду!» Догадай меня нелегкая, и начни я усовѣщевать ее такимъ родомъ:—«Что за охота, молъ, тебѣ, Авдотья, со всякой сволочью возжаться?.. Ну, чего ты къ Марьѣ полѣзла? Чего тебѣ у Петра надо? Зачѣмъ тебѣ про любов-

ницу старшины знать? Вѣдь это, говорю, *вотъ какіе люди*— они тебя съѣдятъ»,—да и распиши ихъ по-своему (а я отъ нихъ вѣдь предовольно потерпѣлъ). Думаю: попритихнетъ, поопасется на грѣхъ наскочить... А она эти мои слова возьми да и разнеси по домамъ: «Мой, говоритъ, Михайла такъ и такъ васъ почитаетъ! Ты, говоритъ, воръ, а ты душегубъ». И отрапортовала! Такъ такой мути намутила, и зги-то не видно стало. Все село перемѣсила, точно тѣсто въ квашнѣ. Гляжу, и ко мнѣ ужъ идутъ: «Ты что-жъ, Михайла, про меня сказываешь? Да я тебя, острожнаго мошенника...» Приду въ лавку—«Нѣтъ тебѣ кредиту, пошелъ вонъ! Про мою жену твоя Авдотья...» Смотрю, старшина зоветъ:—«Ты какъ же, мошенникъ, про меня смѣешь такія слова разсуждать?» Да такую кашу заварила, еле-еле я виномъ судей отпоилъ, а то бы меня, раба Божьяго, и выдрали бы да изъ деревни бы вонъ выгнали... Вотъ вѣдь чего намутила!

Вздохнулъ Михайла, и взгрустнулось ему.

— Вотъ второе дѣйствіе кончилось у насъ съ Авдотьей, и кончилось не по-хорошему. Какъ пришелъ я домой-то съ волостного пойла, да какъ вспомнилъ, до чего меня глупый бабій языкъ довелъ, сколько я денегъ извелъ изъза бабьихъ сплетенъ, да сколько я поклоновъ сдѣлалъ нестоящимъ людямъ — взяло меня зло! А на грѣхъ и мнѣ пришлось съ мірскими пьяницами и водки и пива хлебнуть, вотъ я спьяну-то и зарычи:—«Ну, говорю, Авдотья, ежели ты не перестанешь языкомъ звонить, такъ я тебя— вотъ! (Михайла погрозилъ кулакомъ). Расшибу, говорю, въ мелкія части!» Она-было мнѣ:—«Что-жъ? Я правду говорила...» А я-то спьяну хвать ее за это мѣсто подъ горломъ: «Я, молъ, тебѣ покажу правду! только пикни!» Да маленько ее тряхнулъ впередъ, назадъ... Ничего она мнѣ не отвѣтила, а только грубая сдѣлалась сразу, и глаза у нея грубые; взглянетъ—точно обухомъ ударитъ. «Кабы, говоритъ, у меня ребенокъ былъ, такъ я бы и на тебя-то, дурака, не глядѣла, не то что по людямъ ходить!» Только и сказала, а по голосу мнѣ слышно, что опротивѣлъ я ей. Да и мнѣ-то стало нескладно, потому ребенка, дѣйствительно, не оказывалось... вотъ съ этого разу и стало между нами студено... Бывало, стараешься взять недальнаго сѣдока, который поблизости, чтобы отъ дому недалеко было, ну, а тутъ что-то будто и не охота стало дома-то сидѣть... Иной разъ сидишь въ трактирѣ, пиво пьешь, а домой не

тянетъ... и даже сталъ брать самые дальніе концы, верстъ за сто, за полтораста, по недѣлямъ дома не бывалъ... А Авдотья между тѣмъ думала-думала, да и надумала новую заботу—ревновать! Воротишься откуда-нибудь изъ дальней поѣздки, ничего не скажетъ, а поглядитъ, точно топоромъ ударитъ... Гляжу-погляжу, разъ прибѣжала въ трактиръ, оглядываетъ, осматриваетъ:—«Ты чего, Авдотья, тутъ? Зачѣмъ?» — «Я, говоритъ, знаю зачѣмъ». А у насъ въ трактирѣ, на станціи, всякаго сброду довольно, и мужчинъ и бабъ.—«Тебѣ любо, говоритъ, тутъ съ дѣвками-то бражничать?» И главное, то досада, что правды-то нисколько нѣтъ, а зла въ ней по этой части съ каждымъ днемъ больше дѣлается. А ужъ коли въ бабѣ неправда противъ тебя, да еще зло бѣшеное, такъ тутъ и мужикъ начинаетъ думать по-звѣриному. Стало такъ, что ни шагу ступить ни слово сказать ежели съ бабой — сію минуту Авдотья тутъ, караулитъ и злющими глазами смотритъ. Ходитъ за мной съ своими глазищами, точно съ заряженнымъ ружьемъ, а меня всего такъ и рветъ за сердце отъ этого. Докараулилась до того, что вышелъ я изъ всѣхъ границъ. Привезъ я на хуторъ какъ-то со станціи купчиху одну съ дѣвочкой, вдова... Купила она хуторишко, верстъ десять отсюда—«буду, говоритъ, вѣкъ доживать!» Хорошая женщина. Знакомыхъ нѣтъ, вотъ она у меня то то спроситъ, то другое; я, что знаю, скажу; «съѣзди-ка туда-то»—съѣздишь; «привези то-то»—поѣду, привезу. И стали мы не концами считать, а такъ: «за все». И хорошо платитъ, добрая. Иной разъ скажетъ: «Чѣмъ тебѣ домой ѣхать да опять завтра пріѣзжать, ночуй въ кухнѣ»,—ну, и ночуешь. А на утро уѣдемъ съ ней въ лѣсъ, тесъ или что прочее покупать, да такъ иной разъ день шесть—хорошая женщина! А мнѣ кого ни возить, сами знаете. — «Поди, Михайла, въ кухню, попей чайку»,—скажетъ; ну, сидишь и пьешь. А чтобы худого—ни Боже мой! Вотъ разъ сижу такъ-то, пью чай въ кухнѣ; глядь, моя Авдотья на дровняхъ, въ дипломатѣ подлетѣла и прямо въ домъ къ купчихѣ. Минуты не прошло, смотрю—содомъ въ домѣ начался. И Авдотья визжитъ и купчиха. Слышу: «Любовникъ! любовникъ!..» Не успѣлъ опомниться, а Авдотья и купчиха, обѣ какъ ястреба, въ кухню влетѣли. Купчиха-то тоже не въ себѣ:—«Какъ такъ? какъ она смѣетъ? чтобы я...» Тутъ я понялъ, рвануло меня, бросилъ я стаканъ съ чаемъ, да прямо въ Авдотью... Сгребъ ее, себя не помню, да какъ былъ въ фуфайкѣ, такъ и высko-

чилъ, да съ Авдотьей-то на тѣхъ дровняхъ безъ шапки, да дулъ ее, дулъ безъ памяти всю дорогу, ужъ и не помню, что̀ я съ ней дѣлалъ... только большой скандалъ вышелъ, ишбко мы осрамились, а Авдотья и совсѣмъ слегла... Жаль мнѣ ее стало; сталъ я ее ублажать — нѣтъ, молчитъ, ни слова не говоритъ! И вижу я, что съ каждымъ часомъ отходитъ она отъ меня дальше и дальше, словно льдина оттаяла отъ берега и поплыла... Отмякъ ледокъ отъ берега, тронулся—чуть глазомъ примѣтишь, а потомъ понесло его стрѣлой... Такъ и съ Авдотьей стало. Откачнулась она отъ меня, остыла, и не успѣлъ я оглянуться, опомниться,—нѣту моей Авдотьи!.. Чужая она мнѣ стала, совсѣмъ незнакомая, будто мы и другъ дружки-то не встрѣчали... Зашла къ ней безъ меня прохожая богомолка, побормотала ей про святыя мѣста и сразу втянула въ богомолье... Я вѣдь по словечку обо всѣхъ Авдотьиныхъ дѣлахъ вамъ сказываю, а вѣдь ежели бы обо всѣхъ-то ея поступкахъ и моихъ мученьяхъ говорить, такъ вѣдь это въ годъ не разскажешь. Захватило ее за душу богомоленіе, святость, и потянуло ее вонъ изъ дому въ пустыни, въ лѣса дремучіе... Какъ чуть весна началась, только и видѣлъ я Авдотью... Палочки, котомочки съ зимы готовы, товарокъ ждетъ не дождется, и никакими силами не удержишь!.. Одинъ я въ избѣ-то, пусто, холодно, ни привѣта ни отвѣта. Просто хоть руки на себя наложить!.. Еле-еле лѣто кое-какъ пробьешься, и ужъ только въ глухую осень, ужъ къ снѣгу и Михайлову дню дождешься Авдотьи. Да и то совсѣмъ чужая! Нѣтъ того хозяйскаго неугомону, какъ сначала: топлена печь, не топлена—ей все равно; только бы зиму перезимовать, а потомъ и опять ея нѣту! И этакъ года два она подъ-рядъ меня томила; исхудала, отощала, оборвалась вся; тоска въ избѣ-то, сокрушеніе одно...—«Уйду, говоритъ, Михайла, совсѣмъ отъ тебя, на подвигъ. Прости меня Христа ради!» А у меня у самого глаза слезами заливаются. На третій годъ, думалъ, совсѣмъ пропала, ужъ на саняхъ стали ѣздить—нѣтъ Авдотьи! Все сердце мое изорвалось... потому хорошая баба, одно слово — сокровище! Не то, чтобы набормотать да дѣла не сдѣлать... Ужъ возьмется за что—такъ огонь! ужъ дойдетъ до послѣдняго предѣла... Думаю: «пропала моя Авдотья, въ самомъ дѣлѣ въ монашки ушла!» Только ужъ подъ самый Николинъ день привозятъ ее: больненька! Всѣ продуло ее, дождемъ промочило, сгорбило, согнуло, а кашель такъ и реветъ въ груди... А я ужъ и не

помню себя отъ радости! Хошь такую-то, молъ, дай сюда!.. Свалилась бѣдная, всю зиму промаялась, смерти ждала, да спасибо докторъ добрый у насъ человѣкъ, очень за ней глядѣлъ, каждую недѣлю навѣщалъ, лѣкарства давалъ—выправилъ-таки ее къ веснѣ... Стала моя Авдотья по избѣ ходить, и все на старое!—«Вотъ придетъ весна, уйду на богомолье!.. Въ Ерусалимъ поплыву...»—«Ну, думаю, ладно, попробуй!» И рѣшилъ такъ, что ужъ ни за какіе милліоны ее не пущу! стосковался я, измучился... А замѣсто того случилось такое, что ни мнѣ ни Авдотьѣ и во снѣ не снилось. Опять эта самая оттоманская порта чудить начала. Сидѣла-сидѣла смирно да и стала народъ рѣзать безъ всякаго снисхожденія. Стала рѣзать, а ее стали бить за это Началась война. Вотъ въ это самое время, какъ Авдотью потянуло вонъ изъ дому, хвать-похвать, вступаетъ къ намъ полкъ. Авдотья рвется уйтить, храпитъ на меня, что я ее силомъ не пускаю, а солдатъ Яшка-красная-рубашка, постоялецъ, сидитъ съ трубочкой на крыльцѣ, на гармоніи жалостныя пѣсни играетъ... Такія жалобныя фигуры выводитъ и голосомъ нѣжнымъ пѣсни жалобныя поетъ. А дѣтина здоровый, несъ бы его взялъ, красивый, собака, удалой, и на гармоніи мастеръ играть; гармонія складная, «тальянка» называется, четырехугольная. Только тронетъ, бывало, гармонію-то, а Авдотья ужъ и вздыхаетъ: «Жалко мнѣ его... убьютъ бѣднаго!» Ну, какъ она его разокъ пожалѣла, вы ужъ и сами можете понимать, что дальше... Сердце у нея горячее, за что уцѣпится, такъ ужъ не какъ-нибудь... Недѣли не прошло, пріѣзжаю изъ Тифина, сидятъ милые дружки, водку пьютъ, жалобныя пѣсни поютъ, на тальянкѣ играютъ... Ну, тутъ ужъ мнѣ и разсказывать-то не охота... Не то что разсказывать, а страшно даже подумать. Озвѣрѣлъ я совсѣмъ, а ужъ Авдотья... ну, не дай Богъ никому этого! Все разорилось, все пошло прахомъ, всѣ пропились, передрались, перецарапались... Срамоты что было—вовѣкъ этого не забудешь! Устрашился я какъ-то однажды своихъ злодѣйствъ, пошелъ къ солдату:—«Уйди, говорю, добромъ!.. возьми, что хошь, только оставь!»—«Давай сорокъ цѣлковыхъ, оставлю твою бабу, а коли сама прибѣжитъ, такъ въ шею накладу. А не дашь сорокъ серебромъ, ей-ей сведу бабу!» Отдалъ, продалъ послѣднее. Тутъ Авдотью колотить начали съ двухъ сторонъ: и солдаты «учатъ», и я изъ предѣловъ вышелъ. Не знаю! Нѣтъ! И что такое было, и какъ разсказать—нѣтъ, не приведи Богъ! Четыре мѣсяца этакъ-то

тиранились, и чѣмъ бы окончилось это дѣло — не знаю, только не по-хорошему бы окончилось, это ужъ вѣрно!—да Господь насъ обоихъ спасъ отъ грѣха!.. Лаемся мы какъ-то съ Авдотьей въ холодной избѣ, безъ огня: она съ кровати рычитъ, я съ печи огрызаюсь, и вдругъ, незваная, непрошенная, входитъ калашница Артамоновна... Перемеръ весь ея родъ, такъ она на большой дорогѣ около своей избушки калачами торговала... Помолилась Богу, отдохнула и говоритъ: «Была я у всенощной, Богу молилась, и всю-то службу, сама не знаю отчего, только про васъ, горемычныхъ, и думу думала. Вложилъ, говоритъ, самъ Господь, должно-быть, эти думы въ меня. И жалость меня къ вамъ взяла. Шепчетъ вотъ кто-то на ухо: «Вызволи Михайлу, вызволи Авдотью! Скоро твой конецъ, помоги!» Меня даже слеза ударила отъ этихъ словъ, а Авдотья такъ сразу коровой заревѣла. И говоритъ мнѣ Артамоновна: «Глупый ты, безбожный и безразсудный балбесъ! До чего ты довелъ твою жену и до чего себя самого произвелъ? Не дуракъ ли ты: хотѣлъ прожить съ женой весь вѣкъ за самоваромъ; думалъ ты, дуракъ, что будетъ она тебѣ благодарна, ежели ей только чай съ сахаромъ пить, а никакого безпокойства не имѣть? Куда-жъ она силу-то свою дѣнетъ, подумалъ ли ты? Вѣдь у ней, у жены-то твоей, на четырехъ бабъ силы-то хватитъ, а ты думаешь чаемъ ее отпоить? Вѣдь твоей Авдотьѣ цѣны нѣтъ! Вотъ она съ солдатомъ связалась—такъ вѣдь на смерть готова; въ богомолье ударилась—прямо на небо норовитъ, не какъ-нибудь; бабъ на чистую воду выводила—такъ вѣдь ея голосъ-то за пять верстъ слышно. И этакую-то золотую бабу ты, балбесъ, удумалъ на всю жизнь оставить безъ затрудненія? Почему же ты не дѣлаешь ей въ жизни затрудненія? Вѣдь она всего хочетъ, понимаешь ли ты? Ей всего нужно... А ты самоваромъ хочешь отбояриться? Иди, глупый человѣкъ, въ волость, созови сходъ, поставь угощеніе, да въ ножки мужикамъ поклонись, проси земли, да оба съ Авдотьей впрягайтесь въ одинъ хомутъ—да чтобъ спина трещала—вотъ и окончаніе будетъ вашей безбожной жизни! Всякій человѣкъ хочетъ всего, ну, богатый и укупить все: такъ ли, сякъ ли, сумѣетъ силу свою размотать и душу пріютить, а вы-то, мужичье-то, что задумали? Куда вамъ окромѣ хомута? На такую бабу-то, какъ Авдотья, по-настоящему надо бы какую заботу-то навалить, чтобъ она не мудрила! Ей мало цѣлаго стада коровъ, да овецъ ежели двѣсти, такъ и то она каждой имя дастъ

и характеръ узнаетъ, да куръ тысячу, и то она запомнитъ объ каждой, что которая курица думаетъ, да дѣтей ей нужно полдюжины, да чего тебѣ угодно навали на экую силу, такъ ей только-только въ самый разъ почувствовать, что она жива, на свѣтѣ живетъ, а не въ могилѣ зарыта. А ты, болванъ, поставилъ передъ ней самоваръ, да и «живи въ свое удовольствіе!» А ты-то, говоритъ Авдотьѣ, балалайка безструнная, чего думала? Ты бы хоть мужу на портянки холста наткала, такъ и то бы тебѣ потруднѣй было, повеселѣй! Ахъ, вы, глупые, безсовѣстные! Задумали безъ крестьянскаго хомута вѣкъ свѣковать!» То-есть ревмя-ревѣли мы отъ этихъ словъ оба, и Авдотья и я... И дай ей Богъ! Вотъ съ этого-то дня мы съ Авдотьей и опять оживать стали. Артамоновна-то не то что на словахъ, а и дѣломъ помогла... Сто рублей серебромъ вынула кровныхъ денегъ: «Мнѣ, говоритъ, все равно помирать надо — на что мнѣ деньги? Лучше вы начинайте жить сызнова!» И стала она намъ замѣсто матери. Придетъ, журитъ... Усадила-таки Авдотью за станъ. Усѣлась, растопырила локти, какъ калегвардъ на конѣ, да какъ застучалъ челнокъ, такъ у нея, у растрепы, и засіяло расцарапанное-то лицо!.. Какимъ родомъ опять я въ крестьянство вошелъ, какъ всему покорился, какъ съ Авдотьей въ однѣхъ оглобляхъ пошли— этого ужъ не стану разсказывать. А точно, затрещали наши спинушки въ хомутѣ-то!.. У Авдотьи на жнивѣ въ первый-то разъ спина отъ солнца пузыремъ вспухла, тѣло-то непривычное. А ничего!.. Барыша никакого нѣту и достатка нѣту, ничего нѣту такого, чтобы сказать, «изъ-за чего бьемся», а что жить—точно, *жить* стали, стали словно бы не чужіе на бѣломъ свѣтѣ! И что труднѣй, то Авдотья горячѣй. Мало вѣдь и этого ей стало.—«Ахъ, говоритъ, ребенка бы мнѣ!» — «Да у тебя и такъ, молъ, немало заботы».—«Нѣтъ, говоритъ, у меня сердце тоскуетъ; я-то сама въ хлопотахъ, а сердцу-то нѣту заботы». И тутъ Артамоновна поняла:—«Вѣрно, говоритъ, ты, Авдотья, говоришь: надобно, чтобы и сердцу былъ затрудненіе, и тогда будетъ легче!» Подумали и такъ рѣшили: взять на вѣчныя времена чужого ребенка. И что хлопотъ было—Боже мой! Что слезъ-то!.. Отдалъ-было одинъ вдовый мужикъ ребенка, мальчика, и контрактъ сдѣлалъ, «чтобы не касаться, а въ противномъ случаѣ долженъ онъ отдать Авдотьѣ тысячу рублей». Въ пьяномъ-то видѣ мужикъ все это подписалъ и пять рублей получилъ, ребенка отдалъ; а черезъ мѣсяцъ

пришелъ тоже пьяный да и унесъ его безъ всякихъ разговоровъ. «Я, говоритъ, женился!» А Авдотья ужъ такъ къ нему привязалась, больше, чѣмъ къ родному! Что слезъ-то было! Потомъ ѣздили по тифинскому тракту, дѣвочку отдавала какая-то курляндка. Ну, не понравилась дѣвочка-то Авдотьѣ. Тогда ужъ съ Артамоновной ударились въ Петербургъ въ воспитательный домъ, выбрали тамъ мальчонку въ полное свое удовольствіе. Перебрали, говоритъ, штукъ двѣсти, перепробовали, перещупали. Артамоновна-то сказываетъ, какъ очутилась Авдотья въ этой кучѣ ребятъ, такъ у ней глаза-то и разгорѣлись. Дать ей волю, такъ она бы дюжину привезла. И тотъ хорошъ, и этотъ хорошъ, да вотъ ушки велики, а у этого ручки коротки. Наконецъ ужъ выбрали черномазаго мальчишку—растетъ! И то мало! Дѣвочку, говоритъ, хочется. Вотъ у насъ теперь и вышла запряжка крестьянская, почитай, въ полномъ видѣ: Артамоновна замѣсто матери, мальчонка замѣсто сына, а мы съ Авдотьей будто отецъ ему и мать. Ну, кое-какъ, за работой да за крестьянствомъ и живемъ помаленьку. Такъ вотъ отчего Авдотья-то мудрить перестала!..

. . . . . .

3.

Скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что не одинъ Михайла съ Авдотьей перестали мудрить. Перестали мудрить и «хорошіе господа». Убѣдили меня въ этомъ два дня, проведенные въ той самой усадьбѣ, гдѣ когда-то мудрили мы всѣ. Повидимому, все то же: и лѣсъ, и усадьба, и люди, которые въ ней живутъ, но того радостнаго тона жизни, который когда-то проникалъ во всевозможныя отношенія «хорошихъ господъ» съ «хорошими мужиками», нѣтъ и въ поминѣ. И не враждебностью замѣнился онъ; замѣнился онъ отчужденностью, держащею мысль на сухихъ мелочахъ настоящаго дня, ничего никому не сулящаго, не имѣющаго никакихъ перспективъ.

Всѣ «перестали»—и Михайла, и Авдотья, и «хорошіе господа». И это слово такъ въѣлось въ мою мысль, что я, отправляясь съ Михайлой въ обратный путь и находясь подъ впечатлѣніемъ этого, во всемъ видимомъ звучащаго слова, не могъ не спросить его:

— Ну, а мужики, Михайла, какъ? Перестали?

— Мужики-то? И-и!.. Такъ «перестали», что лучше требовать нельзя! Намедни отвалили господину Чибисову два-

дцать восемь тысячъ рубликовъ изъ крестьянскаго банка! Стало-быть, ужъ очувствовались! А вѣдь какъ мудрили-то!

— То-есть какъ же?

— Да какъ же? Какъ вышло освобожденіе, такъ господинъ-то Чибисовъ вскорости самъ имъ эту землю отдавалъ,— «по чемъ ни возьми, да возьми». Не брали! Куда! Дядя Софронъ говоритъ: «Чего ее укупать-то? Она и такъ должна отойтить. Потому, что̀ земля, что̀ вода, что̀ нёба—все Божье. Отойдетъ». Вотъ тебѣ и отошло! нёба!

Михайла даже засмѣялся.

— Въ ту пору учитель тутъ у насъ былъ молодой. Самъ Чибисовъ его привезъ школу учредить. Такъ этотъ учитель-то, бывало, какъ умолялъ мужиковъ-то: «Купите, ребята! Онъ теперь съ актеркой связался, ему деньги нужны, покупайте! поздно будетъ! А то вѣдь въ банкъ заложитъ, не достанется вамъ!» Такъ его, этого учителя-то, за эти слова какъ поняли! Когда стали разыскивать, нѣтъ ли какихъ умышленниковъ, злодѣевъ, на перваго на него указали: «вотъ кто злодѣй-то!» Ну, тотъ и пропалъ куда-то.

— Да за что-жъ злодѣемъ-то его сочли?

— На зло подущалъ, вишь!

— Да какое же зло—купить землю?

— Вотъ въ этомъ-то и зло-то! За это въ Сибирь должны всѣ пойтить, ежели землю-то купить,—вотъ какія были мнѣнія! А онъ, стало-быть, подущаетъ ко грѣху, погубить хочетъ. Учитель-то говоритъ: «Баринъ, говоритъ, по рублю, по два отдастъ десятину-то, берите!» А нашъ братъ думаетъ: «Нѣтъ, не обманешь! Царь насъ высвободилъ, а вы опять хотите насъ залучить? Нѣтъ, шалишь! Какъ же! Опять обвязываться помѣщику? Это, значитъ, царя не слушать... Все равно, если бы меня изъ тюрьмы выпустили, а я бы не подорожилъ милостью да опять бы грѣхъ сдѣлалъ—за это шибко наказываютъ!» Вотъ тогда и думали: «Не соблазняйся! Не дѣлай бумаги! Пускай его самъ пашетъ землю! Самому ему нечего дѣлать,—стало-быть, ее отберутъ и такъ...» И какъ сталъ этотъ господинъ Чибисовъ деньги-то мотать, то-то было намъ любо, дуракамъ! Изъ города то кабатчикъ пріѣдетъ, то лавочникъ—не наслушаемся, какъ они про барина разсказываютъ: «Тутъ, говорятъ, куралеситъ, съ актерами на тройкахъ, шампанскимъ собакъ поитъ...» А намъ-то и любо: «не работаетъ, а кутитъ,—стало-быть, отберутъ отъ него!» Пущай, пущай скорѣй просвиститъ деньжонки-то! Слышимъ — «просви-

сталъ!» Слава Тебѣ, Господи! Скоро ли отбирать пріѣдутъ? Прошелъ слухъ, что къ нянькѣ къ своей крѣпостной пріѣзжалъ, деньги у нея занялъ. «Ну, думаемъ, конецъ! Видно, послѣдки обираетъ!» Анъ вотъ не по-нашему вышло. Пріѣхали мужичонки изъ банку, показываютъ бумаги, а тамъ *за все заплачено*: и за шампанское, и за актерокъ, и за тройки—за все мужичишки отдали. И въ банкъ отдали, и закладчикамъ, и всѣ должишки заплатили, всѣ недоимки, да еще въ два раза противъ всего пропитаго надбавили господину-то Чибисову!.. Вотъ тебѣ и «нѣба», «земля», «вода», «по-Божьи»... Пріѣхали—тише воды, ниже травы... А ужъ чего намудрили, пока втридорога пришлось расплачиваться!.. Нѣтъ, теперь куда ужъ мудрить! Перестали!

Такимъ образомъ, возвратившись въ столицу послѣ непродолжительной отлучки въ деревню, я привезъ въ себѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что вообще на Руси мудрить перестали.

ОЧЕРКИ.

I. Буржуй.

1.

Было шесть часовъ вечера—время идти пить полстакана знаменитаго № 17 Ессентуковъ съ полстакономъ теплаго молока. Дней двадцать аккуратнѣйшаго исполненія предписаній доктора пріучили уже меня къ ощущенію нѣкотораго страха, какъ только стрѣлка часовъ начинала приближаться къ извѣстной, указанной докторомъ, точкѣ на циферблатѣ. «Шесть часовъ утра... шесть часовъ вечера...»,—слѣдовательно «нужно торопиться», «спѣшить», «бѣжать», чтобы «не опоздать». «Полстакана нумера семнадцатаго и полстакана молока...», «полстакана молока и стаканъ нумера шестого»—ничуть не менѣе роковыхъ часовъ вторглись въ мое сознаніе, какъ нѣчто въ высшей степени значительное, хоть и непостижимое, и все это вмѣстѣ, то-есть и «шесть часовъ» и «полстакана», мало-по-малу, по мѣрѣ ежедневной практики, приняло размѣры дѣла первѣйшей важности, чего-то неотвратимаго, неумолимаго и не подлежащаго ни малѣйшему снисхожденію, а тѣмъ менѣе какому-либо пониманію.

«Съ испугомъ» узнавъ, что «уже шесть часовъ, что необходимо спѣшить, что тамъ ждутъ неумолимые «полстакана и полстакана», которыхъ я теперь трепеталъ, какъ трепеталъ въ дѣтствѣ учителя нѣмецкаго языка, который, ни слова не понимая по-русски, былъ неумолимъ къ тѣмъ, кто ни слова не понималъ по-нѣмецки, я, «второпяхъ и суетясь», забывая то надѣть галстукъ, то, надѣвая сюртукъ, не надѣвалъ жилета и т. д., елико возможно спѣшилъ выскочить изъ моего номера «въ меблированныхъ комнатахъ»,

чтобы «бѣжать», чтобы оправдать довѣріе ко мнѣ строгаго «полстакана» и не оскорбить этихъ «шести часовъ», которые, какъ я уже привыкъ думать, существуютъ исключительно для меня и поправленія моего здоровья, и что я поступлю подло, если пренебрегу этой стрѣлкой, нарочно для меня остановившейся на «шести», дожидающейся меня, и притомъ дожидающейся исключительно для моей пользы.

Въ большихъ попыхахъ наконецъ-таки выскочилъ я изъ номера и, по обыкновенію, не пошелъ, какъ ходятъ люди, а уже побѣжалъ по коридору къ крыльцу, но вдругъ на этомъ самомъ крыльцѣ, съ котораго мнѣ слѣдовало бы сбѣжать такъ же проворно и торопливо, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ, вдругъ я какъ-то ослабъ, размякъ, какъ-то вдругъ совершенно потерялъ потребность быть впопыхахъ, бѣжать, какъ-то вдругъ почувствовалъ, что «не пойду» овладѣло мною такъ же сильно и всемогуще, какъ до сихъ поръ всемогуще владѣло сознаніе необычайной важности «полстакана». Я вдругъ увидѣлъ, что все это до такой степени несказанно уже надоѣло мнѣ, наскучило и уже сдѣлалось нестерпимымъ, что я какъ бы прозрѣлъ, одумался, очувствовался и съ величайшимъ удовольствіемъ почувствовалъ, что теперь я уже *не пойду*, ни за что не пойду, что не боюсь я ни шести часовъ, ни семнадцатаго нумера, ни шестого нумера не боюсь, и чортъ съ ними, съ этими «дурацкими» полстаканами!

Подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ этихъ нежданныхъ мыслей и желаній, я немедленно почувствовалъ потребность полнѣйшей свободы, потребность надѣть туфли, снять съ себя все, что я подъ страхомъ «полстакана» напялилъ на себя, невзирая на изнуряющую жару дня, пойти на крылечко, которое выходило на засаженный деревьями дворъ, сѣсть тамъ на плетеный стулъ и сидѣть, наслаждаясь вечеромъ и единственнымъ охватывавшимъ всего меня сознаніемъ полнѣйшаго освобожденія отъ *всего этого*. Но когда я все это выполнилъ съ лихорадочной быстротой человѣка, выпущеннаго изъ тюрьмы на свободу, когда я безпечнымъ образомъ, въ туфляхъ и легкой парусинной блузѣ, усѣлся на плетеномъ стулѣ, радостно чувствуя, что я никого «изъ нихъ» не боюсь и могу безгранично наслаждаться приближающимся вечеромъ, во мнѣ такъ же неожиданно, какъ и жажда свободы, пробудилась самая настоятельная жажда *«поговорить* хоть съ кѣмъ-нибудь, услышать какое-нибудь живое словечко... о чемъ-нибудь!.. Буквально о чемъ-нибудь,

но лишь бы оно было живое...» И я почему-то понялъ, что я не только глупо, но даже просто подло поступалъ, что ни разу во все время пребыванія въ этихъ меблированныхъ комнатахъ не поговорилъ вотъ съ этимъ старичкомъ, крестьяниномъ-каменщикомъ, живущимъ со мной въ одномъ дворѣ. Все время я видѣлъ его въ углу двора «тюкающимъ» какой-то желѣзной кривулькой по камню, высѣкающимъ изъ него надгробный памятникъ съ неуклюжимъ крестомъ, видѣлъ его живые, ласковые глаза и не подошелъ, не поговорилъ, не отвелъ душу живымъ словомъ живого разговора, не подошелъ, боясь, что меня сердито дожидается какой-то сердитый «полстаканъ». Мало этого, цѣлая партія переселенцевъ, скрипя немазанными колесами и боками телѣгъ, разбитыми дальней дорогой, поздно ночью остановилась подъ самымъ моимъ окномъ на ночлегъ, простояла здѣсь и проговорила всю ночь, и я не выскочилъ къ нимъ, не поговорилъ съ ними, полагая, что мнѣ завтра предстоитъ серьезное дѣло—«вставать въ 6 часовъ и бѣжать...» Правда, проглотивъ полстакана, я тотчасъ же воротился домой съ цѣлью поговорить съ ними, но, когда воротился, партія переселенцевъ ушла. И все это я промѣнялъ на какіе-то «полстаканы съ полстаканами», тогда какъ тутъ-то, среди этихъ-то живыхъ людей, говорящихъ о живомъ дѣлѣ, и притомъ тѣми самыми словами, какими слѣдуетъ говорить—тутъ-то и есть исцѣленіе, лѣкарство для бездѣйствующаго духа, отъ котораго я полагалъ исцѣлиться какимъ-то нелѣпымъ полстаканомъ.

Конечно, въ этой жадности услышать живое слово, «поговорить съ живымъ человѣкомъ» немалую роль играла и непривычная мнѣ изолированность такихъ учрежденій, какъ тѣ, которыя называются «минеральными водами»,—учрежденій, собирающихъ извѣстную публику и обязывающихъ ее къ повиновенію извѣстнымъ порядкамъ. Трудненько, конечно, обязательно два-три часа безъ всякаго толку шляться изъ угла въ уголъ по палящей жарѣ, трудненько не съѣсть вотъ этой вкусной-превкусной рыбы, которую на вашихъ глазахъ ѣстъ какой-то еще не бывшій у доктора счастливецъ, и еще болѣе трудно ежедневно, по два раза въ день, подставлять свои нервы подъ безпорядочные удары музыкальныхъ «попурри», въ которыхъ умирающая (ежедневно въ 5 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера) Травіата, вмѣсто того, чтобы испустить послѣдній вздохъ, къ которому уже приближаются курлыкающіе, какъ индюшка, звуки кларн-

нета, вдругъ восклицаетъ послѣ неожиданнаго удара въ барабанъ: «Ахъ, какъ я люблю военныхъ!»—и, вслѣдъ затѣмъ, также въ неожиданномъ мѣстѣ, начинаетъ путаться пьяными ногами пьянаго камаринскаго мужика, сопутствуемаго также полупьяными звуками какъ будто полупьяныхъ смычковъ. Отъ всего этого, конечно, весьма легко одурѣть, и все это можетъ привести въ самое ненормальное состояніе самые нормально настроенные нервы. Но не эти минеральные вздоры угнетали меня, когда я, освободившись отъ нихъ, ощутилъ потребность поговорить съ живымъ человѣкомъ. Эти вздоры даже и не припомнились мнѣ въ моментъ моего пробужденія, но зато припомнилось что-то дѣйствительно мертвенное, что-то, прямо сказать, мертвое, какъ трупъ, холодное, распухшее, безжизненное, дурно пахнущее и въ общей непривлекательной сложности своихъ свойствъ неосязаемо извивающееся тутъ, въ этомъ обществѣ минеральной группы, среди этихъ полстакановъ, семнадцатыхъ и шестыхъ нумеровъ, этихъ Травіатъ, умирающихъ по-камарински,—вообще всего этого пустячнаго и надоѣдливаго обихода. Вотъ именно это еще неясное для меня и ни въ какія опредѣленныя формы не вылившееся ощущеніе заставило меня съ такой страстной жаждой чувствовать свободу и искать удовольствія живой бесѣды. Теперь уже я ясно чувствовалъ, что не надоѣдливая и однообразная сутолока лѣчебнаго заведенія такъ мнѣ опостылѣла и такъ мнѣ сдѣлалась ненавистна, а постыло и ненавистно вотъ это что-то мертвое, трупное, что меня мучило постоянно гораздо сильнѣе, чѣмъ мучилъ по-индюшечьи курлыкающій кларнетъ.

Никакъ не въ «обличеніе» современнаго русскаго общества и тѣмъ менѣе въ обличеніе этой группы этого общества, которая въ самомъ дѣлѣ лѣчилась нынѣшнимъ лѣтомъ на кавказскихъ водахъ, говорится все это. Не говоря о дѣйствительно тяжко-больныхъ людяхъ всѣхъ званій и состояній, не подлежащихъ никакому обличенію, не подлежитъ обличенію рѣшительно никто въ отдѣльности, никто изъ образованныхъ, высокообразованныхъ или простыхъ, необразованныхъ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ сочли нужнымъ пріѣхать полѣчиться. Ужъ если что подлежитъ обличенію, такъ это именно та мертвенная черта въ нравственномъ настроеніи русскаго общества, которая вообще заставляетъ и образованныхъ, и высокообразованныхъ, и вообще людей съ большими нравственными

требованіями *поубавить* эти требованія до минимума, *погодить*, *повременить* съ ними соваться, даетъ вамъ, образованному и высокообразованному человѣку, очень ясное пониманіе о томъ, что теперь не время для проявленія вашихъ высокообразованныхъ мыслей и связанныхъ съ этими мыслями цѣлей; что большія знанія и большія нравственныя и даже, вообще говоря, опрятныя человѣческія отношенія можно и даже должно отложить до другого времени, что ихъ надобно держать до поры до времени про себя, что теперь не то время, что волей-неволей, а надобно переждать, пока кончится это давленіе мертвенной тяготы жизни, что наконецъ съ этой тягостной безжизненностью... жизни ничего не подѣлаешь, покуда она «сама собой» не окончитъ своего существованія естественной смертью.

Ощущая до полной ясности силу этого гнета и степень отвращенія, испытываемаго не мною, конечно, однимъ, угнетающей, а главное, какъ бы обязательной для всѣхъ и вся узости и низменности не только въ общественныхъ, но опять-таки, главное, прямо въ личныхъ требованіяхъ, въ личной строгости къ самому себѣ, я однако долгое время упорно напрягалъ свое воображеніе, чтобы олицетворить сложность моихъ дурныхъ ощущеній въ какомъ-либо живомъ, видимомъ и осязаемомъ типѣ, найти виновника, распространяющаго въ живомъ людскомъ обществѣ запахъ холоднаго трупа. Кто же это такой могъ быть вотъ хоть бы среди всѣхъ этихъ разныхъ сортовъ людей, которые собрались сюда лѣчиться? Отъ кого, отъ какого типа, отъ какого образа человѣческаго съ полстаканомъ № 17 въ рукахъ несетъ этимъ мертвеннымъ запахомъ, заставляющимъ одновременно сознавать, что «иначе и не можетъ быть», и что въ то же время чувствительность вашего носа оскорбляется не во-время и не у мѣста?

Не знаю, правильно ли было теченіе моихъ мыслей въ весьма продолжительномъ и напряженномъ разысканіи «виноватаго», только въ концѣ концовъ я, кажется, нашелъ «что-то», если не вполнѣ достовѣрное, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно приближающееся къ истинѣ. Сужу объ относительной достовѣрности моихъ соображеній по тому многочисленному количеству современныхъ явленій, которыя вдругъ стали мнѣ понятны, когда я невольно остановился мыслью на этомъ «виноватомъ» и не могъ не почувствовать, что этотъ «виноватый» есть именно онъ, «новорожденный россійскій буржуй», продуктъ, взросшій на банковыхъ

дрождяхъ, на усовершенствованныхъ способахъ европейскаго кредита, такъ широко разросшагося на россійской почвѣ въ послѣднія двадцать, двадцать пять лѣтъ и призвавшаго къ пользованію благами цивилизаціи массы людей, у которыхъ и потребностей-то въ этихъ благахъ не существовало.

2.

Слову «буржуй» я рѣшительно не придаю значенія, свойственнаго слову «буржуа» или «бюргеръ»; если же я и заимствую это слово изъ какой-то повѣсти Тургенева для опредѣленія того нелѣпаго явленія, о которомъ говорю, то именно потому, что явленіе нелѣпо, какъ и самое слово. Есть въ этомъ явленіи, какъ и въ словѣ, нѣчто совершенно понятное, дѣйствительно буржуазное, дающее право слову «буржуй» походить на слово «буржуа» —именно низменность нравственныхъ побужденій, но есть, кромѣ того, и еще нѣчто, совершенно нелѣпое и притомъ «наше», родное, что̀ заставляетъ исковеркать понятное слово «буржуа» въ непонятное и безсмысленное «буржуй», отдающее, какъ видите, чѣмъ-то нелѣпымъ и въ то же время чѣмъ-то «нашимъ», роднымъ.

Нашъ «буржуй» и европейскій «буржуа», имѣя, повидимому, нѣкоторое внѣшнее сходство, во внутренней своей сущности не имѣютъ почти ничего общаго. Помилуйте! Возьмите вотъ хоть бы эту толстую колбасу съ языкомъ и фисташками—одинъ изъ безчисленныхъ продуктовъ умственной дѣятельности подлинной европейской буржуазіи—и подумайте, какія усилія должна была сдѣлать колбасная мысль колбаснаго европейскаго мыслителя для того, чтобы первобытная форма колбасы (образчикомъ которой, я думаю, можно считать колбасу малороссійскую) достигла удивительнаго совершенства формъ колбасы современной? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что колбасная мысль должна была, хоть и медленно, но безпрерывно работать надъ усовершенствованіемъ малѣйшихъ деталей, изъ которыхъ наконецъ создались какъ современная колбаса, такъ и все колбасное дѣло во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ и подробностяхъ. Не сразу создались начинки съ языкомъ и фисташками; не сразу создались начинки съ чеснокомъ и лукомъ; не сразу выработались кожа, облегающая колбасу, размѣры—длина, толщина, не сразу выработался колбасный запахъ, потому что изученіе вкуса носовъ ничуть не легче изученія вкуса

языковъ и ртовъ. А манера отрѣзать колбасу, то грубо—для какой-нибудь горничной, то нѣжно и кротко — для нѣжной и кроткой дамы, то наконецъ соблазнительно—для гвардейскаго офицера? А манера завернуть въ бумагу какую-нибудь чудовищную оглоблю съ чеснокомъ, завернуть «двумя пальчиками» и такъ изящно, какъ будто это не оглобля, а вѣнокъ для невѣсты? А подать къ самому носу покупателя окорокъ съ такимъ жестомъ, что у покупателя защемитъ сердце, и что онъ, желая купить два фунта, почувствуетъ себя въ невозможности не сказать: «Завершите весь!.. Нѣтъ, дайте еще... другой!» Сообразите, сочтите всѣ эти тонкости, всю эту неустанную, непрерывную работу колбасной мысли, и вы не можете не быть убѣжденными въ томъ, что личная жизнь европейскаго буржуа всегда была наполнена какою-нибудь идеей, что «личность», какъ и «идея», руководившая ею, росла, совершенствовалась и развивалась.

Но это еще не все. Почему фисташки попали въ свиное мясо? Потому, что Фридрихъ Великій любилъ, во-первыхъ, фисташки и, во-вторыхъ,—колбасу; но оба эти предмета существовали бы и до сихъ поръ въ полнѣйшемъ отчужденіи другъ отъ друга, если бы колбасникъ Пфуль, тенденціознѣйшій поклонникъ монарха, пожираемый чувствомъ преданности и не имѣя возможности выразить ее иначе, какъ въ колбасѣ, не напрягъ всей своей умственной дѣятельности на изобрѣтеніе комбинаціи пріятныхъ для великаго человѣка продуктовъ въ созданіи одного, новаго продукта, немыслимаго для колбасника иначе, какъ въ формѣ колбасы. Пфуль достигаетъ своей цѣли, конечно, послѣ многихъ лѣтъ тяжкаго опыта, и такимъ образомъ его личная колбасная мысль не была исключительно личной, узкоэгоистической, но примыкала и къ общему ходу отечественной исторіи, соприкасалась съ жизнью великихъ дѣятелей страны, и Пфуль, а затѣмъ потомки Пфуля, говоря о фисташковой начинкѣ, могутъ говорить также и о Фридрихѣ Великомъ, не выходя изъ узкаго круга своей буржуазной жизни и спеціальности.

Но и это еще не все. Пфуль вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ дошелъ до мысли водворить фисташку на свининѣ; но почему вотъ этотъ нынѣшній знаменитый Шнапсъ дѣластъ колбаски почти по первобытному способу, не заботясь объ изяществѣ формы и стараясь достигнуть только того, чтобы большая толстая колбаса продавалась по дешевой цѣнѣ? А потому, что Шнапсъ ищетъ популярности

въ массахъ, въ пролетаріатѣ, потому, что онъ — соціалистъ, радикалъ, и именно въ цѣляхъ общественной реформы создастъ и начинку и форму колбасъ такія, какія соотвѣтствуютъ его убѣжденіямъ и могутъ способствовать осуществленію этихъ убѣжденій въ общественномъ дѣлѣ.

Сообразивъ все это, т.-е. что взятый нами наудачу маленькій типикъ европейскаго буржуа не только такъ или иначе упражняетъ свою умственную дѣятельность, но что эта, хотя бы и капельная умственная дѣятельность, въ лицѣ Пфуля, примыкаетъ даже къ отечественной исторіи прошлаго, а въ лицѣ Шнапса не чуждается фантазировать и о будущемъ, — зная и припомнивъ все это, читатель, надѣюсь, пойметъ, что Пфуль и Шнапсъ, потрудившись и для себя и для прошлаго и хлопоча о будущемъ, имѣютъ полное право заканчивать свой день десятками двумя-тремя не совсѣмъ доброкачественныхъ сигаръ. Правда, противнымъ дымомъ этихъ сигаръ и скверномъ запахомъ пивныхъ бочекъ пропахла и прокоптилась вся вселенная во всѣхъ углахъ, но что Пфуль и Шнапсъ не «добрые буржуа»,—этого сказать невозможно.

Пьетъ, и не то что пьетъ, а, говоря собственными словами нашего буржуя, жретъ онъ и пиво, и шампанское, и «душитъ водку», и квасомъ отъ всего этого пойла отпивается, и потомъ опять жретъ, что попадется подъ руку на заставленномъ бутылками столѣ трактирнаго кабинета. И не до десятаго часа, какъ Пфуль и Шнапсъ, сидитъ онъ за питейнымъ столомъ, а сидитъ безконечно, послѣ того, какъ трактирные лакеи измучаются почти до потери сознанія, когда разъѣдутся по домамъ даже ночные извозчики; пьетъ, когда уже звонятъ къ заутренѣ, народъ идетъ на работу, да и окончивъ наконецъ это нескончаемое питье въ большомъ и шикарномъ ресторанѣ, ѣдетъ куда-то, ѣдетъ туда, гдѣ уже заперто, умоляетъ отворить, а когда не отворятъ, лѣзетъ въ извозчичій трактиръ, проситъ сдѣлать пирогъ съ яйцами, требуетъ папиросъ въ три копейки десятокъ послѣ великолѣпныхъ сигаръ, которыя остались въ номерѣ роскошнаго ресторана, воткнутыя въ ликеръ, въ шоколадъ, расплющенныя о зеркальное стекло. Нашъ буржуй ни передъ чѣмъ не останавливается по части пользованія продуктами цивилизаціи и куда какъ превосходитъ въ этомъ отношеніи скромное сосаніе пива и скверныхъ сигаръ, которыя позволяетъ себѣ европейскій буржуа, но евро-

пейскій буржуа имѣетъ право на пиво и сигару, а нашъ буржуй этого-то права и не имѣетъ.

Ни малѣйшей личной мысли, ни малѣйшаго личнаго участія въ пріобрѣтеніи права пользоваться дарами цивилизаціи нашъ буржуй не истратилъ даже и на двѣ копейки серебромъ; никогда личная «выдумка», личная работа мысли, имѣвшія цѣлью хотя бы только личное благосостояніе, не были свойственны ему въ размѣрахъ, даже болѣе ничтожныхъ сравнительно съ размѣрами умственной работы нѣмецкаго колбасника; никакого историческаго прошлаго, которое есть у колбасника, и никакого будущаго, о которомъ колбасникъ позволяетъ себѣ фантазировать, никогда не было у нашего буржуя и, вѣроятно, не будетъ. Онъ появился вдругъ, неожиданно, какъ неожиданно, точно съ неба свалился, появился невѣдомо откуда широчайшій *кредитъ*: банки промышленные, земельные, городскіе, общественные, концессіи и т. д.—все это въ огромнѣйшихъ размѣрахъ ввалилось въ общество и, какъ магнитъ притягиваетъ одинаково и ключъ, и иголку, и ножикъ, и перо, притянуло къ себѣ и купца, и чиновника, и помѣщика, и инженера, и офицера, и создало совершенно новое сословіе, стоящее внѣ всякихъ опредѣленныхъ трудомъ или общественнымъ положеніемъ установившихся сословій — сословіе людей съ кучей денегъ въ рукахъ, съ кучей денегъ не заработанныхъ, не «нажитыхъ», не имѣвшихъ, въ огромномъ количествѣ случаевъ, даже плана истратить эти деньги. Какой-нибудь инженерикъ, инженерныя преданія котораго не простирались далѣе возможности приворовывать по зернышку шоссейную щебенку; какой-нибудь помѣщикъ, возлагавшій всѣ свои надежды единственно на троюродную тетку и ея скорую смерть; какой-нибудь купчишка, не возлагавшій ровно никакихъ надеждъ и полагавшій только, что онъ рожденъ на свѣтъ именно только для того, чтобы играть въ шашки около своей лавчонки съ хомутами,— сегодня, вдругъ, ни съ того ни съ сего, оказались заваленными чуть не по шею всевозможными кредитами, кучами денегъ, такими кучами, которыя не только устраняютъ мысли о щебенкѣ, тоску о долголѣтіи тетки или терпѣливое сидѣніе около лавки съ хомутами, но прямо становятъ на высоту, съ которой и инженеръ, и помѣщикъ, и купецъ даже самихъ-то себя, вчерашнихъ купцовъ, помѣщиковъ и инженеровъ, различить не могутъ, не могутъ узнать: «я ли, молъ, это — Ванька Хрюшкинъ?»

Умертвивъ такимъ образомъ всѣ капельныя тревоги купчишки, инженерика и изнывающаго по умирающей теткѣ помѣщика, т.-е. умертвивъ все ихъ прошлое, сдѣлавъ его совершенно нелѣпымъ, смѣшнымъ, глупымъ и вниманія не стоящимъ (тогда какъ для европейскаго буржуа это *прошлое* его колбасной исторіи чрезвычайно дорого), необыкновенныя, неожиданныя деньги въ самый моментъ своего появленія умертвили въ новорожденномъ сословіи и всякія мысли о будущемъ. Чего-жъ думать и о чемъ? Стоитъ написать одну строчку въ Нью-Іоркъ: «Пришлите мнѣ паровой лѣсопильный заводъ», или: «Пришлите мостъ въ двѣ версты», или: «Пришлите желѣзную дорогу»—все сейчасъ и пришлютъ, и стоитъ только вбить гвозди въ дырки, сдѣланныя въ требуемыхъ механизмахъ въ Англіи или Америкѣ, какъ, глядишь,—и лѣсопильный заводъ уже дымитъ и стучитъ, и по мосту идетъ паровозъ... Что-жъ остается? Прошедшаго нѣтъ—оно глупо и, точно, не стоитъ вниманія; будущаго не нужно—оно «все готовое». Остается одно настоящее.

И вотъ, какъ изъ квашни, завязанной старыми тряпками, подъ вліяніемъ банковыхъ дрожжей и искусственнаго тепла, распространяемаго жадными животными стремленіями къ наживѣ, стала выпирать, раздирая старыя тряпки, пролѣзая во всѣ дырявыя мѣста, пролѣзая вездѣ, гдѣ можно вылѣзть, полѣзла эта вздутая, рыхлая, расплывчатая масса, тѣстообразное сословіе; полѣзло оно и въ общественныя учрежденія, полѣзло оно и въ частную жизнь.

Въ общественныя учрежденія полѣзло оно потому, что «настоящее», на которое обрекли это сословіе умерщвленное прошедшее и совершенно «готовое» будущее, обязывало его непремѣннымъ сохраненіемъ этого денежнаго торжества, и вотъ безформенное сословіе, думающее только о деньгахъ, вторглось и въ думу, всюду. Мостъ, водопроводъ и опять мостъ или мостовая — вотъ что уступило мѣсто въ общественныхъ учрежденіяхъ и разговорахъ «всему прочему». Мостъ, водопроводъ и т. д.—это вѣдь деньги, о нихъ можно и галдѣть до хрипоты, изъ-за нихъ можно и на выборахъ мутить и подкупать—словомъ, творить всякую гадость, потому что «какъ же безъ денегъ-то?»

И въ частную жизнь влѣзаетъ это тѣстообразное сословіе, но ужъ не за деньгами, а *съ деньгами* въ карманѣ, влѣзаетъ затѣмъ, чтобы жить, доставить «себѣ удовольствіе». Но вѣдь, чтобы извлечь изъ человѣческихъ отношеній одни удовольствія, необходимо имѣть и нервы достаточно прихот-

ливые, капризные,—словомъ, достаточно культивированные для воспріятія наслажденій. А между тѣмъ наслѣдственность буржуйныхъ нервовъ въ какомъ угодно отношеніи совершенно ничтожна. Какая-такая сила, воспріимчивость и прихотливость нервной системы могла развиться въ Ванькѣ Хрюшкинѣ, если позади его, во многихъ поколѣніяхъ его предковъ, нервы только привыкали быть нечувствительными къ холоду лабаза, амбара, къ оплеухѣ самодурнаго барина и тумакамъ неумолимо-строгаго родителя? Какая-такая нервная щепетильность, разборчивость въ тонкостяхъ изящнаго могли наслѣдственно передаться нервамъ помѣщика, которые также въ цѣлыхъ поколѣніяхъ культивировались на отъѣзжемъ полѣ, закаляясь въ удовлетвореніи далеко не человѣческихъ инстинктовъ, не говоря о немузыкальности звуковъ кнута «на конюшнѣ», — звуковъ, также не содѣйствовавшихъ разработкѣ и совершенству нервной организаціи? А ужъ про инженерика Пичугина, сына мелкаго чиновника, вышедшаго изъ духовнаго званія и уже съ дѣтства придавленнаго ужасомъ «многочисленнаго семейства», среди котораго пришлось расти, для котораго пришлось учиться, чтобы потомъ при помощи щебенки вывести въ люди братьевъ и сестеръ,—и говорить нечего. Только бы до щебенки-то добраться далъ бы Богъ!— вотъ и вся нервная наслѣдственность.

И вся-то эта новорожденная орда людей, мгновенно вознесенная на недосягаемую высоту, въ милліоны разъ превышающую доступные ея пониманію размѣры желаній, никогда не думавшая ни о чемъ «общественномъ», опустошенная нравственно въ отношеніи къ недавнему прошлому, опустошенная умственно въ отношеніи къ будущему, а въ настоящемъ поставленная исключительно въ самое благопріятнѣйшее положеніе—живи въ свое удовольствіе,—увы!— ничего не могла изобрѣсти ни по части широты размаха, ни по части прихотливости, ни тѣмъ менѣе по части изящества. Да! даже по части прихотливости-то ровнехонько ничего не могла изобрѣсти эта буржуйная орда. «Купить!»— вотъ что внесла она въ общество. Купить чужую жену, купить балетчицу (былъ случай, что одинъ петербургскій купецъ покупалъ полъ-балетчицы, такъ какъ она была уже наполовину куплена), купить начальство, купить выборщиковъ,—словомъ, ничего, кромѣ *купить*. Буржуйная орда началась прямо съ конца: нѣмцу Шнапсу нужны были цѣлыя поколѣнія, чтобы *достигнуть* наконецъ благосостоя-

нія и кружки пива, а нашъ буржуа сначала *достигъ* и слѣдовательно долженъ былъ прямо перейти къ пойлу, къ результату, къ увѣнчанію зданія. И въ своихъ отношеніяхъ личныхъ онъ также требуетъ конца. Ухаживаетъ онъ за буржуйной дамой и ничего не можетъ выдумать, кромѣ пойла. Поитъ ее и опаиваетъ все, что̀ кругомъ ея есть. Въ «густолиственной» аллеѣ ему нечего назначать ей свиданія. Съ глазу на глазъ ни буржую ни буржуйкѣ нечего сказать: она понимаетъ, чего ему нужно, а онъ ничего иного и понимать не можетъ. Свиданіе назначается поэтому не въ отдаленномъ уголкѣ парка, не въ густолиственной аллеѣ, а тутъ, на самомъ юру, подъ самымъ турецкимъ барабаномъ. Пускай его бухаетъ, барабанъ-то этотъ, все на музыкѣ-то оно не такъ трудно языкъ ломать, занимать даму разговорами, все хоть предлогъ есть помолчать, не утруждая себя, анъ время-то кое-какъ и протянется «*до ужина*». Ну, а ужъ тутъ начнется такое бормотанье, что и до свѣту ему не будетъ конца; а про что бормотали—никто потомъ изъ буржуйной компаніи и припомнить не въ состояніи. «До ужина» и вообще до той минуты, съ которой, благодаря купленному возбужденію, благодаря русской и иностранной сивухѣ всѣхъ видовъ и сортовъ, начинается развязность и настаетъ минута, когда «все можно говорить и дѣлать» (деньги есть)—вотъ тотъ предѣлъ нервнаго томленія и нервной маяты, испытываемыхъ буржуемъ, по крайней необработанности нервной системы, во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ: влюбленъ ли онъ, норовитъ ли сцапать подрядецъ, норовитъ ли подкупить или замазать какую-нибудь гадость—только бы «до ужина», а тамъ ужъ не я, буржуй, оборудую, а само собой оборудуется и упростится до ничтожества всякое дѣло.

3.

— А пожалуй, что пора ужъ и ко дворамъ собираться...— сказалъ мнѣ одинъ такой-то буржуй, подсаживаясь ко мнѣ на садовую скамейку во время музыки.

Надоѣлъ онъ мнѣ давнымъ-давно, но нельзя же сказать ему: «Убирайся прочь!» — иначе пришлось бы браниться цѣлые дни. Надо было говорить.

— Отчего такъ?

— Да чего тутъ больше-то? Брюхо, слава Богу, кажется, утвердилось, окрѣпло... Просолили его ловко—на всю зиму хватитъ, выдержитъ... Ну, а что̀ же еще-то? Всего ужъ,

кажется, отвѣдалъ... А третьяго-дня даже и на Бермамутѣ ѣлъ...

— То-есть какъ «ѣлъ»?

— То-есть ѣздилъ на Бермамутъ и тамъ ѣлъ. Обыкновенно. Ѣлъ я съ дамочками и въ долинахъ, потому видъ великолѣпенъ снизу вверхъ... Экскурсія называется. Ну, и въ ямахъ ѣлъ и изъ ямы вверхъ глядѣлъ... Ѣлъ и на превысочайшихъ горахъ и оттуда тоже глядѣлъ внизъ, въ яму— тоже экскурсія, съ шашлыкомъ, конечно, и все прочее... Еле-еле до постели доползъ... А третьяго-дня какъ въѣхали съ бараниной прямо на небо... ей-Богу! Чего вы? Шестерикомъ взволокли насъ, компанію: пудовъ на тридцать на пять собралось съ дамочками-то. Вижу—возносятъ насъ, пьяницъ, на самое небо! Прямо въ облако вкатили! И тутъ, признаться, мнѣ немножечко и жутковато стало: вѣдь небо! Вѣдь тоже, какъ бы то ни было, Бога-то боишься. Ловко ли, думаю, въ этихъ-то мѣстахъ пьянствовать? Ну, а потомъ, постепенно, кое-какъ, по рюмочкѣ, съ молитвой, дальше— больше... да такъ надрызгались на небесахъ-то, хоть бы тебѣ у Патрикѣева или въ «Эрмитажѣ»... И не то что бояться, а даже смѣхъ меня пронялъ: сижу съ костью, сталобыть, съ шашлыкомъ въ рукахъ, жру, а облако лѣзетъ ко мнѣ въ морду! Ну, думаю, шабашъ! Надрызгался даже и на небесахъ! Теперича, думаю, пора и въ Москву... Тамъ нѣтъ ли чего новенькаго... А брюхо ловко просолили доктора! Молодцы, право, молодцы! Помните, какъ вы меня встрѣтили, такой ли я былъ?

А встрѣтилъ я это, съ позволенія сказать, буржуйное брюхо, на мое несчастье, совершенно случайно мѣсяца два тому назадъ.

Ѣхалъ я два мѣсяца тому назадъ на пароходѣ по одной южно-рѹсской рѣкѣ, ѣхалъ просто такъ, посмотрѣть народъ. О народѣ въ этомъ отрывкѣ мнѣ говорить не приходится, но я не могу умолчать, что нигдѣ во внутренней Россіи я не видалъ такъ много простыхъ людей, живущихъ или пытающихся жить сознательно, заинтересованныхъ нравственными вопросами и пытающихся разрѣшить ихъ, какъ именно на югѣ Россіи: штундисты, меноніты, молокане, баптисты— все это думаетъ и живетъ, или пытается жить по-своему. Прибавьте къ этому особенности жизни колонистовъ нѣмецкихъ, болгарскихъ, прибавьте къ этому тысячи паломниковъ, идущихъ въ Кіевъ, ѣдущихъ въ Іерусалимъ, великороссовъ, живущихъ въ чужихъ мѣстахъ, и нигдѣ, нигдѣ по

всей Россіи вы не найдете такого края, гдѣ бы народная душа выяснялась въ такой необыкновенной разносторонности и разнообразіи, какъ здѣсь. И нигдѣ въ то же время мѣстная пресса... Впрочемъ, молчаніе, молчаніе! Объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ, а теперь о знакомствѣ съ брюхомъ.

Брюхо это лежало въ каютѣ второго класса, лицомъ къ стѣнѣ и спиной къ публикѣ. Публики, впрочемъ, было немного: кромѣ меня и брюха было еще три еврея; одинъ, старый, пухлый и одѣтый съ головой въ какую-то мантію, угрюмо молился, уставившись въ уголъ и не обращая ни на кого и ни на что ни малѣйшаго вниманія; иногда онъ поворачивалъ голову и смотрѣлъ какими-то остановившимися, круглыми, страшно отчужденными отъ всего, что было кругомъ, глазами. Глаза эти отталкивали всякаго, на кого смотрѣли; въ нихъ было что-то не отталкивающее, но прямо пихающее васъ прочь отъ себя; онъ былъ мыслью, очевидно, не здѣсь, на землѣ, но я думаю, что и не на небѣ: съ неба онъ, вѣроятно, не смотрѣлъ бы такими холодными, круглыми, лягушечьими глазами.

Два другихъ еврея ѣли, сидя за столомъ, поставленнымъ вдоль каюты, какія-то сдобныя булки и то, кажется, бормотали какія-то молитвы, то бормотали, вѣроятно, о дѣлахъ— и сорили своими булками по столу ужасно. Кончивъ ѣсть, одинъ изъ нихъ взялъ въ руку остатки булки, присоединивъ къ нимъ толстый шелковый шейный шарфъ, все это вмѣстѣ сжалъ въ рукѣ и потащилъ въ карманъ, соря и по столу, и по полу, и по дивану, на которомъ они сидѣли.

Слуга принесъ мнѣ порцію жареныхъ карасей, и, дождавшись, пока столъ, усѣянный остатками сдобныхъ булокъ, былъ прибранъ, я сталъ ѣсть, но едва я постучалъ ножомъ и вилкой, какъ спавшій спиной къ публикѣ человѣкъ проснулся, повернулъ голову, потеръ себѣ лобъ, пытливо поглядѣлъ въ мою сторону и, быстро, проворно соскочивъ съ койки, подбѣжалъ ко мнѣ и, опираясь обѣими руками въ доски стола, съ выраженіемъ въ голосѣ крайняго любопытства, нагнулся надъ моей тарелкой и спросилъ:

— Это у васъ что такое?

— Карась.

— Въ сметанѣ?

— Да, въ сметанѣ...

— Человѣкъ! Эй! — вдругъ завопилъ онъ, побѣжавъ къ двери.—Эй!..

Съ необычной ажитаціей и торопливостью приказалъ онъ человѣку сію же минуту принести точь въ точь такую же порцію карася, при чемъ сказалъ ему вслѣдъ: «Сію минуту... Живѣй, скорѣй, какъ можно!», и, бѣгая мимо меня, потиралъ и животъ и начинавшую лысѣть голову, и въ то же время поминутно заглядывалъ въ мою тарелку, бормоча:

— Ахъ, ты, Боже мой! Какъ долго!.. Пошелъ и провалился... Нѣтъ, въ Варшавѣ бы этимъ подлецамъ задали... Только-что пришелъ аппетитъ... сію секунду надо! И чортъ его знаетъ, куда провалился!.. Я второй день не могу придумать, что бы съѣсть, и вдругъ вотъ сейчасъ увидалъ у васъ... и нѣтъ его, подлеца! За это ихъ, подлецовъ, и съ хозяиномъ-то...

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, несомнѣнно россійскаго, мочальнаго типа; но отлично сшитое платье и ножницы хорошаго парикмахера сумѣли почистить мочальныя черты лица и фигуры настолько, что «не отличишь и отъ барина». Лицо его было не старо, но заспано и вообще поношено, и все его тѣло казалось вялымъ...

Наконецъ явился карась. Съ шумомъ, гамомъ и крикомъ, дребезжа дряблымъ голосомъ, накинулся на него дряблый человѣкъ, пробормоталъ что-то о Варшавѣ, о полиціи, накричалъ что-то объ аппетитѣ и, дѣлая все это, всѣмъ своимъ существомъ стремился къ принесенному карасю. Изъ собственной бутылки онъ проглотилъ двѣ рюмки водки, одну за другой, усѣлся, расправилъ локти, разстегнулъ рубашку на шеѣ и, очевидно, готовился «пожирать».

Но — увы!—первый же кусокъ, который онъ положилъ въ ротъ, такъ и застрялъ у него въ горлѣ. Онъ жевалъ этотъ кусокъ необычайное количество времени и проглотилъ съ величайшими усиліями.

— Нѣтъ! Не идетъ въ горло!—бросая вилку и ножъ на столъ, безпомощно воскликнулъ онъ, прямо обращаясь ко мнѣ.—То-есть чортъ его знаетъ, что такое творится! Что ни съѣмъ,—не идетъ! Что тутъ дѣлать?

Именно безпомощность, въ которой онъ находился при видѣ прекраснѣйшаго карася, и невозможность удовлетворить имъ своего огромнѣйшаго аппетита и заставили меня разговаривать съ нимъ.

— И вѣдь главное,—дребезжалъ онъ дряблымъ голосомъ, и дребезжалъ жалостливо, безпомощно:—главное дѣло, вѣдь какъ-то вдругъ двѣ напасти... Давно ли?.. Да двухъ лѣтъ

не будетъ, какъ я «закатывалъ» во всѣхъ отношеніяхъ! Бывало, пить если, такъ хоть недѣлю безъ просыпу — ничего! Конечно, помаешься, покряхтишь съ денекъ, ну, въ баню тамъ... А черезъ день какъ не бывало, опять жарь! А второе—женскій полъ тоже... А теперь вотъ подите! И какъ-то вдругъ!.. Заскучалъ, аппетиту нѣтъ, думаю—пройдетъ, — анъ, гляжу, хуже: то въ горло не идетъ, этого не пропихнешь, рюмки три-четыре пропустишь — ко сну клонитъ... А въ то же время и по женской части... Теперь вотъ въ Кіевѣ былъ въ «Шатошкѣ»: вѣдь какія штучки ходятъ! Въ былое время да развѣ я бы могъ быть хладнокровенъ? Этакихъ-то милочекъ пропустить? А теперь вотъ три вечера ходилъ, смотрѣлъ, думаю, неужели же во мнѣ не пробудится фантазія? И нѣтъ! Сижу, гляжу — хоть бы что! И вѣдь сразу стряслось, и чувствую, что хуже да хуже... И не знаю, что дѣлать... Главная бѣда, фантазія-то, кажется, пріотупѣла... Надобно какія-нибудь средства. Вотъ въ Самарской губерніи старикъ какой-то травами лѣчитъ. Попробовать бы!.. Я и ѣду-то теперь по совѣту докторовъ: воздухомъ, говорятъ, надо... Какой тутъ воздухъ? Бывало, какъ только платье женское увидишь—и ужъ воодушевленъ... А теперь и бормотать-то съ дамочками не охота... А ужъ это мнѣ чистое наказаніе... Что и за жизнь послѣ этого!

Утрата двухъ такихъ благъ, какъ удовольствіе бормотать съ дамочками и «закатывать» по недѣлямъ «по питейной части», до того печалила и искренно угнетала несчастнаго человѣка, что невольно думалось: «не пособлю ли я ему, напомнивъ, что, кромѣ питей и дамочекъ, есть и другія интересныя вещи, которыя могутъ разсѣять его уныніе?» Спросилъ его поэтому о его лѣсопильномъ заводѣ и о томъ, интересуетъ ли его это дѣло.

— Чего мнѣ въ немъ? Велико дѣло — лѣсопилка! — недовольнымъ тономъ отвѣчалъ несчастный буржуй.—Тамъ у меня приставленъ дядя, человѣкъ стараго закала, желѣзный... Ужъ этотъ не дастъ маху, а пріѣзжай я, вмѣшайся, всѣ знаютъ, что я добръ,—полѣзутъ съ жалобами да просьбами, не выпутаешься! У того палецъ оторвало — пенсію ему! Того обочли — жалуется... И—да тутъ тьма-тьмущая! Давай имъ пенсію! Онъ спьяну суетъ голову въ машину, а я отвѣчай тутъ! «Ты, говорятъ, не становн къ машинѣ, когда она опасна!» А я почемъ знаю? Какая она тамъ машина, у меня и понятія нѣтъ... Пускай тамъ разбираются!

Что я за судья?.. Пусть тамъ по закону, какъ знаютъ; тамъ человѣкъ приставленъ отъ меня, довѣренный, возжайтесь съ нимъ, какъ знаете! Есть чего—лѣсопилка!

Спросилъ я его, женатъ ли онъ, есть ли у него дѣти; оказалось, что онъ женатъ, но что съ женой не живетъ.

— Кабы если бы дѣти были, ну, еще, можетъ-быть, жили бы. А то сами посудите, дѣтей нѣтъ, ну какой же у меня интересъ? Брюзжитъ за каждую малость: «не ходи, да не пей, да сиди дома», и невѣсть что... А то такъ—«возьми меня!» Куда? Въ «Эрмитажъ», что ли, или къ цыганамъ?.. Ну, такъ брюзжали, брюзжали оба, наконецъ говоритъ:—«Коли ты такъ, такъ и я такъ же буду!»—«И сдѣлай твою милость!» Отдалъ ей приданое,—живи, матушка! Живетъ съ кѣмъ-то! Я радъ, хоть безпокойства отъ нея нѣтъ... Да и что толку-то? Все одинъ чортъ... Да фантазія-то стала пропадать! Скучно!.. Даже иной разъ и жену вспомнишь.

Спросилъ я его и о томъ, отчего онъ, имѣя средства и цензъ, не попробуетъ развлечься общественной дѣятельностью. Но этотъ вопросъ почти разсердилъ его.

— Это галдѣть-то, горло драть въ думѣ изъ-за щекатурки для тюремнаго зданія? Да зачѣмъ мнѣ? Подрядъ, что ли, надо? Такъ у меня лѣсопилка дѣйствуетъ, какой же мнѣ расчетъ на щекатуркѣ-то мошенничать? Ну, ужъ это... избави Богъ! И близко-то къ нимъ не пойду...

И въ концѣ концовъ вся наша бесѣда поздней ночью закончилась опять тѣмъ же:

— Главное, фантазія прекращается, вотъ что горько-то! Изъ-за чего же жить-то?.. Позвольте васъ спросить?..

На другой день, часу въ одиннадцатомъ утра, пароходъ остановился у небольшого южно-русскаго городка, гдѣ мнѣ слѣдовало продолжать путь по желѣзной дорогѣ. Справившись на пристани о времени отхода поѣзда, я былъ непріятно удивленъ, когда узналъ, что поѣздъ уходитъ поздно вечеромъ. Волей-неволей приходилось ѣхать въ гостиницу и брать номеръ. Я уѣхалъ съ парохода, когда несчастный страдалецъ увядающей фантазіи спалъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Его не будили. Пароходъ стоялъ около городка долго.

Извозчикъ привезъ меня въ небольшую гостиницу. Въ большихъ, просторныхъ сѣняхъ, съ буфетомъ у задней стѣны, я нашелъ хозяина, человѣка россійскаго происхо-

женія. Коренастый, широкобедрый, въ бѣломъ парусиномъ пиджакѣ, онъ отвелъ мнѣ номеръ. тутъ же, внизу, по коридору, направлявшемуся влѣво отъ буфета. Гостиница была маленькая—номеровъ пять-шесть.

Долго я сидѣлъ въ моемъ номерѣ и безмолвно пилъ чай. Направо и налѣво изъ номера были двери въ сосѣдніе номера; двери эти съ одной стороны были заставлены комодомъ, съ другой—кроватью.

Спустя нѣкоторое время, въ номерѣ слѣва отворилась дверь и послышались дѣтскіе частые шаги и дѣтскіе голоса.

— Учитесь здѣсь!—слышался голосъ хозяина. — Да не баловаться!

— Хорошо!—весело отвѣчали дѣти.

— То-то!

Дверь хлопнула, хозяинъ ушелъ, дѣти остались.

— Ну, Вася,—послышался голосъ дѣвочки:—учись... въ самомъ дѣлѣ, будетъ кривляться, не лазай на окошко... Ну, Вася!

— Сейчасъ!

— Ну, Вася, учись! Мнѣ самой надо изъ географіи готовить...

— Ну, давай!

— Ну, читай молитву утреннюю... Знаешь?

Съ шутками и понуканіемъ, переходившимъ въ смѣхъ и бѣготню, и съ бѣготней, переходившей въ просьбы со стороны дѣвочки учиться и не шалить, началось наконецъ ученье, и Вася зачиталъ утреннюю молитву.

— Что̀ значитъ: дьявольское поспѣшеніе?—спрашивала дѣвочка строгимъ тономъ учителя.—Тутъ сказано: «помози мнѣ во всякое время и во всякой вещи и избави мя отъ всякія мірскія злыя вещи и дьявольскаго поспѣшенія»... Что̀ значитъ: дьявольское поспѣшеніе?

— Дьявольское поспѣшеніе?—переспросилъ мальчикъ невнимательнымъ тономъ.—Это значитъ (онъ говорилъ, стуча равномѣрно въ стѣну не то рукой, не то ногой), что дьяволъ поспѣшаетъ...

— Ну, вотъ ты опять начинаешь врать... Куда ему поспѣшать?

— Онъ поспѣшаетъ соблазнять...

— Ну, вотъ и глупъ!

Смѣхъ, бѣготня и опять серьезная бесѣда.

— Не поспѣшаетъ дьяволъ,—съ чувствомъ говорила дѣ-

вочка:—а нужно молить Бога, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ дьявольской помощи въ злыхъ дѣлахъ... А «отъ всякія худыя вещи» — это значитъ, что съ нами можетъ въ теченіе дня приключиться несчастіе, болѣзнь, пожаръ, бѣда какая-нибудь...

— Дѣти! — опять послышался голосъ хозяина. — Варя, Андрюша! Идите въ третій номеръ.

Дѣти шумно пробѣжали по коридору и очутились въ номерѣ, который былъ у меня справа, а въ томъ номерѣ, гдѣ они учились, послышались шаги взрослаго человѣка и шопотъ его съ хозяиномъ.

Шептались они минутъ пять.

— Такъ можно?—спросилъ мужской голосъ, въ которомъ я, къ глубочайшему сожалѣнію, узналъ голосъ моего дряблаго спутника.

— Да ужъ... будемъ стараться!

— Пожалуйста... Главное, поскорѣй!

— Сію минуту-съ. Минутъ пятнадцать пройдетъ...

— Ну, валяйте! Да дайте пока пива хорошаго...

— Сію минуту!

Дверь хлопнула, хозяинъ вышелъ, потомъ вошелъ. Хлопнула пробка, забулькало пиво.

— Такъ пожалуйста!

— Поѣхали, поѣхали-съ!..

И въ номерѣ настала тишина.

— Ну, Вася, — послышалось справа, гдѣ были дѣти:— теперь вечернюю молитву!

Долго пискливый дѣтскій голосокъ дѣвочки раздавался изъ-за сосѣдней двери, долго она учила, «билась» съ братишкой изъ-за молитвы «На сонъ грядущій»; долго въ полнѣйшемъ молчаніи всей гостиницы шумѣлъ на моемъ столѣ маленькій кривобокій самоварчикъ, долго кряхтѣлъ мой пароходный сосѣдъ, подливая пива, какъ вдругъ по пустынной улицѣ (городъ полу-еврейскій, и была къ тому же суббота) затрещали колеса извозчичьяго экипажа и мимо моего окна пронеслась на извозчикѣ какая-то молоденькая дѣвушка премилой наружности, въ дешевенькомъ платочкѣ на головѣ.

Извозчикъ сразу остановился у крыльца гостиницы.

— Кто пріѣхалъ?—прерывая разговоръ о молитвѣ, проворно проговорилъ мальчикъ и побѣжалъ куда-то.

— Не смотри въ окно! Не твое дѣло! Вася, не высовывайся!—умоляюще закричала дѣвочка.

А вслѣдъ затѣмъ въ номерѣ съ лѣвой стороны послышалась суматоха, хлопнула дверь, послышалось много шаговъ и звонкій, свѣжій, дѣвичій голосъ и смѣхъ...

— Ну, снимай платокъ, пальто!.. Чего ты хочешь? Тебя какъ звать-то?—дребезжалъ голосъ пароходнаго сосѣда.

Надобно было тотчасъ уйти куда-нибудь.

Я вышелъ въ коридоръ и натолкнулся на хозяина, который, весь въ поту, запыхавшись и, видимо, торопясь изъ всѣхъ силъ, тащилъ какой-то подносъ съ бутылками и тарелками.

— Какъ вамъ не стыдно позволять это въ вашей гостиницѣ?—сказалъ я.—Тамъ ваши дѣти...

— Да какъ же не позволять-то? У меня дѣти. Помилуйте! Надо кормить, одѣвать, учить... А какіе доходы? Городъ жидовскій... Какъ же не позволять-то? Въ одно кредитное общество извольте-ка выручить... Да я ихъ сейчасъ въ садъ выгоню... не безпокойтесь... А нельзя не дозволить... Кабы не номера, такъ...

На улицѣ было скверно, пыльно, пустынно, неопрятно. Скверно, неопрятно было и у меня на душѣ. Этотъ звонкій дѣвичій голосокъ, этотъ мальчикъ, этотъ отецъ, дозволяющій гадости ради «семейства и дѣтей» и не имѣющій времени за хлопотами подумать, что и у той дѣвушки, которую онъ «представилъ», тоже есть родители, что и она такое же «дитя», какъ и его дѣвочка, что даже голосъ и смѣхъ ея—почти дѣтскіе, и наконецъ эта больная и дряблая несчастная свинья, «дающая хлѣбъ» хозяевамъ, этимъ извозчикамъ, этимъ дѣвушкамъ съ почти дѣтскимъ голосомъ и смѣхомъ—какая во всемъ этомъ безконечная тоска и мука!

А на минеральныхъ водахъ мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ этимъ дряблымъ, несчастнымъ и сквернымъ типомъ, явившимся сюда во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ. Говорить съ нимъ прямо и подлинно—это значитъ прямо сказать ему, что онъ подлъ, гадокъ, что онъ—кровопійца, что онъ — язва, что всему его существованію имени нѣтъ на человѣческомъ языкѣ. Но говорить такъ—значитъ, во-первыхъ, говорить правду, а во-вторыхъ—говорить правду о цѣломъ рядѣ такихъ общественныхъ явленій, которыя пользуются не только безнаказанностью, но, напротивъ—составляютъ именно обыденную, привычную, сегодняшнюю жизнь. «Буржуй» не просто только, съ позволенія сказать, животное, онъ—прочно установившіяся формы жизни, противъ которыхъ мало моего отдѣльнаго, личнаго негодованія

и противъ которыхъ я одинъ ничего не сдѣлаю, ни съ моими широкими взглядами, ни съ моимъ высшимъ образованіемъ, ни съ моимъ негодованіемъ на несправедливость. Вотъ и приходится каждому отдѣльному человѣку молча переносить каждую отдѣльную буржуйную тварь со всѣми ея буржуйными дѣлами, терпѣть эти дѣла, таить хорошее про себя, до тѣхъ поръ, конечно, когда «отдѣльные» другъ отъ друга ненавистники буржуйнаго теченія перестанутъ быть отдѣльными, или когда, быть-можетъ, само буржуйное теченіе не исчезнетъ въ какомъ-нибудь случайномъ и сильномъ теченіи такъ же неожиданно для себя, какъ неожиданно оно родилось на свѣтъ.

4.

Не знаю, какъ будетъ съ нимъ, но знаю, что вотъ теперь, сидя на этомъ крыльцѣ, на этомъ плетеномъ стулѣ, и наслаждаясь этимъ славнымъ южнымъ вечеромъ, я такъ счастливъ, что теперь, покончивъ съ полстаканами, покачиваю и съ возможностью наталкиваться на буржуя, на необходимость терпѣливо таить въ себѣ глубокое къ нему отвращеніе. И, Боже мой, какъ мнѣ страстно, какъ мнѣ жадно хочется поговорить о чемъ-нибудь живомъ и услышать опять живое человѣческое слово отъ этого старика-крестьянина, который вонъ тамъ въ углу двора продолжаетъ «тюкать» своимъ желѣзнымъ инструментомъ по камню, высѣкая изъ него нагробный памятникъ. Сейчасъ я пойду и отведу душу...

II. „Дохнуть некогда“.

— Тоже, чортъ бы ихъ побралъ, земство называется, самоуправленіе! Трясись вотъ тутъ, на облучкѣ, какъ калика какая перехожая!.. Все нутро-то выколотитъ, пока доѣдешь до волости... Только бы себѣ въ карманъ хапнуть... дьяволы этакіе!

Такія, не вполнѣ резонныя, но зато ужъ вполнѣ сердитыя слова говорилъ судебный приставъ Апельсинскій, сидя на облучкѣ земской телѣги и трясясь на ямахъ и колдобинахъ плохой земской дороги, мѣстами покрытой еще не

растаявшими пластами льда, мѣстами, напротивъ, обильной полосами глубокой и жидкой весенней грязи. Приставъ Апельсинскій потому попалъ на облучокъ, что заднія мѣста той же самой земской телѣги были заняты исправникомъ и мировымъ судьей. Желая вести бесѣду съ своими спутниками, Апельсинскій сидѣлъ на облучкѣ задомъ къ дорогѣ и, благодаря этому, не имѣлъ возможности принять какой-нибудь предосторожности противъ неудобства дороги, почему и долженъ былъ поминутно прерывать свой разговоръ сердитыми и негодующими восклицаніями.

— Да осторожнѣе ты, братецъ!—вопіялъ онъ къ ямщику.— Ну что ты гонишь на рытвинахъ и ухабахъ?.. Авось успѣешь... Вы тутъ, право, съ вашимъ разиней-земствомъ съ ума спятили совсѣмъ... Деньги дерутъ, а въ результатѣ— извольте-ка вотъ поѣздить этакимъ манеромъ... Вотъ! Вотъ! Ну, братъ, ты мнѣ положительно спину переломишь... Это называется земство! Земскій трактъ! Ахъ, анаѳемы!..

Исправникъ и мировой судья хотя и не поддерживали гласно мнѣній своего спутника, но, несомнѣнно, глубоко ему сочувствовали. Судите сами: земство, которое на памяти у всѣхъ задирало носъ противъ всякой кокарды и навострилось выговаривать слово «администрація» такимъ тономъ, которымъ прямо вызывало на личное оскорбленіе, дошло теперь до такого паденія и низости, что, поминутно клянча у той же администраціи о содѣйствіи, о помощи, особливо при «взысканіяхъ», не въ силахъ настолько поддержать свой авторитетъ въ средѣ плательщиковъ, чтобы доставить этой самой администраціи, единственной добычницѣ земской копейки въ земскіе сундуки, помощь въ самыхъ элементарныхъ вещахъ: ѣзди, взыскивай, шуми, бранись, неистоствуй—этого земство желаетъ; а вотъ устроить такъ, чтобы исправникъ, мировой, судебный приставъ могли ѣхать каждый по своимъ дѣламъ и на отдѣльной подводѣ — не можетъ! Средствъ нѣтъ! Было прежде шесть троекъ на земской почтѣ, а теперь только три—вотъ и приходится какому-нибудь административному органу иногда по полусуткамъ сидѣть на вокзалѣ, ждать другого административнаго органа, чтобы ѣхать вмѣстѣ, хотя у каждаго органа своя часть.

Конечно, если бы всѣ три административныхъ органа, возсѣдавшихъ на одной земской подводѣ, могли и желали вспомнить прошлое этого, нынѣ падшаго въ ихъ глазахъ земства, они бы знали, что уже давнымъ-давно само земство

предвидѣло и публично заявляло о неминуемомъ своемъ паденіи, если только вмѣсто простого, но существенно важнаго для народа дѣло оно принуждено будетъ ограничиться канцелярской суетой, и вмѣсто «дѣла»—только бумагой,— конечно, повторяю, если бы разсерженные представители администраціи помнили все это, они бы не удивились тому, что вмѣсто трехъ троекъ имъ еле-еле удалось получить одну, а вмѣсто «тракта»—ямы и лужи грязи. Но представители администраціи не помнили этого; у нихъ и у самихъ было довольно всякихъ душевныхъ невзгодъ, вытекавшихъ также изъ не вполнѣ успѣшной, хотя и суетливой дѣятельности, и вотъ почему они вполнѣ сочувствовали негодованію Апельсинскаго, который между тѣмъ продолжалъ свои рѣчи такимъ образомъ:

— Ѣзди вотъ для нихъ день-денской, какъ чортъ какой-нибудь! Всѣ бока-то переломалъ, ей-Богу, право! И такъ-то ужъ чортъ знаетъ что за должность... получай да получай, а что съ нихъ возьмешь? Да и тутъ-то иной разъ трясешься, какъ бы только Господь сохранилъ въ живыхъ... ни дорогъ ни мостовъ... ложись да умирай! Я намедни ѣздилъ такъ же вотъ съ исполнительнымъ листомъ въ деревню Незамайку... Такъ что-жъ вы думаете? Одинъ день я всего-то и проѣздилъ, а чего-чего ни натерпѣлся!.. Изъ города выѣхалъ я, конечно, честь-честью — въ вагонѣ, по желѣзной дорогѣ, во второмъ классѣ... Проѣхалъ до станціи Масловки какъ слѣдуетъ, по-человѣчески... Изъ Масловки тоже не совсѣмъ по-свински; положимъ, что пароходишко еле-еле дышитъ, сто разъ на мель садится въ часъ, ну все-жъ-таки: спросилъ закусить — подали карту, и на ней написано: Шато-Бреянъ... Ну, давай, какое оно тамъ!.. Все-таки какъ будто въ человѣческомъ обществѣ... Но вотъ какъ пристали къ берегу, тутъ и начало-ось! Сначала повезъ меня мужикъ парой въ телѣгѣ... грязь по ступицу... дралъ-дралъ мужикъ лошадей. «Нѣтъ, говоритъ, надо перепрячь!» Еле-еле добрались до Осиновки, пересѣлъ въ «бѣду», въ двухколеску; поплелись лѣсомъ—то-есть сущее божеское наказаніе! Нашвыряны по болоту бревна на аршинъ одно отъ другого, то въ яму упадемъ, то на бревно еле влѣземъ... Бились-бились — три версты пять часовъ ѣхали!—«Нѣтъ, баринъ, неспособно такъ-то!» — говоритъ ямщикъ. — «А какъ же быть?» — «А ужъ надыть верхомъ!» Что тутъ дѣлать? Бросили «бѣду», сѣли вдвоемъ на клячу, дули-дули ее и въ хвостъ и въ голову, прошла двѣ версты

и стала, хоть убей, ни съ мѣста! Ни взадъ ни впередъ; да и точно: затянулась клячонка... — «Какъ же быть?»— «Ужъ и не знаю, баринъ!» Попробовалъ я пѣшкомъ, провалился по шею! Какъ есть въ полномъ смыслѣ слова! Даже портфель съ повѣстками едва не утонулъ...—«Ну, вотъ что, баринъ,—говоритъ мужикъ:—лошаденку надо бросить, пущай отдохнетъ, а ты ужъ садись на меня верхомъ, дѣлать нечего, авось я кое-какъ да кое-какъ доволочу твое благородіе по нынѣшнимъ-то до лѣсного объѣзчика, а тамъ, пожалуй, и лошадь добудемъ...» Ну, что вы будете дѣлать? Сѣлъ. Взобрался ему на плечи! «Ну-ка, Господи благослови!» У мужика-то палка—претъ! Съ кочки на кочку, раза два оба чубурахнулись кубаремъ, ну однако не дошли! захрапѣлъ мой мужикъ, шапку снялъ, мокрый весь... — «Нѣтъ, говоритъ, господинъ, неспособно! Какъ бы, пожалуй, жила какая не оборвалась; пожалуй, помрешь!..» Нечего дѣлать, слѣзъ я съ мужика; стояли-стояли въ грязи и ужъ совсѣмъ не знали, что дѣлать! Хоть пропадай! Говорю:—«какъ хочешь, а доставай мнѣ лошадь! Иди въ деревню пѣшкомъ, неси повѣстку старостѣ, а я буду здѣсь ждать!..» А замѣтьте, вечеръ, седьмой часъ; я вспотѣлъ, а ужъ крѣпко морозитъ... того и гляди тифъ. Ну, пошелъ мужикъ. Остался я одинъ въ лѣсу. Жутко! Волки эту пору стадами шляются. Думалъ-думалъ, вскарабкался на дерево, сижу! Да до глухой полночи проторчалъ на сукѣ-то съ портфелью, покуда ужъ къ свѣту мой мужикъ пріѣхалъ на подводѣ и ужъ кое-какъ доплелись до пароходишка... Конечно, я воротился опять по желѣзной дорогѣ. Иной и подумаетъ: «Ишь разъѣзжаетъ на бархатныхъ подушкахъ!» А поди-ка, попробуй поѣздить-то!.. Да хорошо бы, ежели бы толкъ былъ, а толку-то нѣтъ! Чего съ нихъ возьмешь? Имъ, незамаевскимъ-то мужикамъ, и самимъ ѣсть нечего, чего съ нихъ возьмешь? А поди-ка оставь, не исполни, такъ вѣдь корреспонденцію такую отпечатаютъ — любо-два... Дохнуть некогда, а изъ-за чего бьешься, самъ чортъ не разберетъ! Вѣдь вотъ я чуть-было въ лѣсу не умеръ, вѣдь волки налетѣли бы стаей, такъ костей бы не осталось, а иди, тащи бумагу за тридевять земель. Кулачишка какой-то, извольте видѣть, взыскиваетъ съ нихъ тринадцать съ полтиной за сѣно; сѣно вишь у него растащили, у негодяя... Да кабы у меня не хозяйство, такъ я бы самъ его, анаѳему, въ тюрьму бы заточилъ... Я его знаю, что это за живодеръ... А вотъ между тѣмъ сидишь на деревѣ, трясешься, что волки слопаютъ... Я

вѣдь тоже не палачъ какой-нибудь, понимаю, что нечего имъ ѣсть, неурожай, а поди-ка!..

— Это вѣрно, вашескобродіе! — неожиданно произнесъ ямщикъ: — неурожай у насъ, вотъ главная причина. Тутъ ужъ и хлопотать-то не изъ чего, вѣрно вамъ докладываю... То-есть чисто ни зерна ни сѣна клока. Теперь вотъ, извольте видѣть, снѣгъ еще не стаялъ, а ужъ мы гоняемъ скотину въ поле.

— Да вѣдь тамъ ничего нѣтъ! — замѣтилъ кто-то изъ трехъ сѣдоковъ.

— Да именно и нѣту ничего.

— Такъ что-жъ она ѣстъ-то?

На этотъ вопросъ ямщикъ сначала засмѣялся, а потомъ вдругъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ:

— Вотъ передъ истиннымъ Богомъ, какъ есть, какъ передъ Создателемъ, говорю, то-есть песъ ее знаетъ, что она тамъ ѣстъ... И ежели вамъ угодно, чтобы, напримѣръ, можно было утвердить, что она ѣстъ, такъ неизвѣстно что такое: идетъ въ поле—брюхо пусто, какъ мѣшокъ болтается, а назадъ идетъ—эво какъ раздуло! А чтобы, напримѣръ, сказать, что такое, такъ даже понять этого невозможно.

— А все-таки набьетъ брюхо-то?

— Набьетъ-съ! Умереть на мѣстѣ, а что набьетъ брюхо... Разопретъ его вотъ какъ! а въ чемъ именно заключается, никто не можетъ понять. Мохъ, что ли, она тамъ роетъ какой, глину ли какую жуетъ—этого никакимъ способомъ не можемъ понимать... То-есть иной разъ даже смѣху достойно.

И ямщикъ дѣйствительно засмѣялся, прибавивъ:

— Вотъ извольте посмотрѣть, вѣдь вотъ вся тройка существуетъ почитай что неизвѣстно чѣмъ, а вѣдь бѣжитъ-съ!

И въ доказательство полной непостижимости обсуждаемаго факта ямщикъ тронулъ вожжами, хлестнулъ по всѣмъ по тремъ и, промчавъ своихъ сѣдоковъ съ полверсты по ухабамъ и грязи, обернулся къ нимъ съ удивленнымъ лицомъ и сказалъ:

— Вѣдь ишь какъ орудуютъ! а какая-такая пища имъ способствуетъ — неизвѣстно... Истинно, надо-быть, только что Господь намъ помогаетъ, питаетъ скотину по премудрости Своей. Все кое-какъ дышишь, а то бы...

— Да!—почему-то съ нѣкоторой укоризной проговорилъ Апельсинскій.—Вамъ вотъ все какъ-то Господь помогаетъ, а ты поди-ка въ нашу шкуру влѣзь! По-вашему «господа,

господа — невѣсть что̀ такое», а поди-ка, попробуй... У васъ вотъ тутъ неурожай,—это мы отлично и безъ тебя знаемъ,—а лошадь-то вонъ у тебя все-таки какъ-никакъ бѣжитъ... Чѣмъ она сыта—тебѣ это неизвѣстно, а ты все-таки въ телѣгу ее запрягъ да и поѣхалъ на станцію, да пассажира посадилъ—вотъ у тебя рубль или полтинникъ и есть.

— Да только что тѣмъ и дышимъ, передъ Богомъ ежели сказать!

— Да! Однако дышишь. А ты поди-ка, поживи-ка безъ Божьей помощи да чистыя денежки отдай за каждую малость, такъ не такъ бы запѣлъ. Неурожай, неурожай! Я вотъ хорошо знаю, что неурожай у васъ и ничего нѣтъ, и ѣсть нечего,—однако ѣду, мучаюсь, на деревѣ вонъ чуть не замерзъ, а знаю, что безъ толку.

— Такъ чего ужъ безпокоиться-то? — робко спросилъ ямщикъ. — На деревѣ, въ лѣсу—это тоже очень мудрено. И вѣрно, что волки ходятъ. Сохрани Господи отъ этого! Такъ я такъ думаю: ежели ужъ неурожай, напримѣръ, божеское наказаніе, такъ чего мнѣ, примѣромъ сказать, на дерево съ бумагой лѣзть? Да волки еще съѣдятъ! А что̀ толку-то?

— Да и безъ тебя я знаю, что толку никакого нѣтъ и не будетъ, да вотъ, видишь ли, въ чемъ дѣло: у меня, другъ любезный, шестеро ребятъ, да какъ разинутъ они рты съ утра, такъ какъ по-твоему — будутъ они сыты, ежели я ихъ въ поле выгоню: «Набивай, молъ, ребята, брюхо, чѣмъ вамъ будетъ угодно, что̀, молъ, вамъ Богъ дастъ»? Какъ ты объ этомъ полагаешь?

— Господи помилуй! — сказалъ ямщикъ съ удивленіемъ.—Кажется, мы можемъ понимать...

— То-то и есть! Такъ тутъ полѣзешь на дерево. «Господь помогаетъ»! Нѣтъ, у насъ, братъ, нѣту этого, а отворяй кошелекъ да деньги вынимай... Да и тутъ еще: бьешься-бьешься хоть бы съ ребятами одними, а и то... неизвѣстно еще, что̀ выйдетъ... Ошибся твой сынъ въ склоненіяхъ или тамъ въ спряженіяхъ, наказали его, нагрубилъ онъ — и убирайся на всѣ четыре стороны. Все и пошло прахомъ. Куда его пристроишь? Вездѣ и такъ биткомъ-набито народу. И ты-то не справишься съ головой, да и онъ-то тоже очумѣлый ходитъ. Иной глядитъ-глядитъ, да и пуститъ пулю въ лобъ... Много этакихъ случаевъ было... А ты послѣ всѣхъ твоихъ хлопотъ да заботъ остался только

что въ дуракахъ... Нѣтъ, братъ! Это вы тутъ, полушубники, про нашего брата судачите: «Баре да баре! готовыя деньги берутъ, ѣздятъ взадъ и впередъ, а толку нѣтъ»,—а ты поди-ка, въ нашей шкурѣ посиди,—давно бы ужъ волкомъ взвылъ!

— А много-ль у тебя на шеѣ народу-то? — спросилъ Апельсинскаго исправникъ.

— Да ежели всѣ рты сосчитать, такъ, пожалуй, человѣкъ пятнадцать, а то и больше наберется... Сколько однихъ стариковъ да старухъ, да всѣ крѣпкіе, Богъ съ ними... Такъ вотъ тутъ и подумаешь, да не только что на суку готовъ какъ птица сидѣть, а придется, такъ и летать начнешь по воздуху, а какъ принажметъ семья, такъ и нырять начнешь, какъ торпеда какая подъ водой... Нѣтъ, братъ, намъ Господь не поможетъ! У насъ, братъ, «купи», а такъ, чтобы брюхо набить неизвѣстно чѣмъ, этого у насъ нѣтъ... Вотъ и вертишься, какъ бѣсъ передъ заутреней... Да еще неизвѣстно: это теперь человѣкъ пятнадцать сидитъ на шеѣ, а можетъ, и еще Богъ пошлетъ... Это еще неизвѣстно!

— Такъ ты бы того, — не безъ иронiи проговорилъ исправникъ:—ты бы прекратилъ...

— Чего прекратилъ?

— Да то-есть распространеніе-то, напримѣръ...

Апельсинскій пристально посмотрѣлъ на исправника, помолчалъ и наконецъ проговорилъ, понизивъ голосъ:

— А ты-то, самъ-то, прекратилъ ужъ, поди?

Исправникъ захохоталъ. Захохоталъ и извозчикъ и, стегнувъ лошадь, проговорилъ:

— Прекратишь, какъ же!

— Ну такъ нечего и болтать! Вонъ Арапкинъ-то, самъ, чай, знаешь, почти что совершенно ошалѣлъ отъ этого самаго многолюдства, а поди-ка, заикнись ему. «И не знаю, говоритъ, что будетъ: дѣти да дѣти, а окончанія не предвижу!» Ужъ и я-то ему сказалъ: «Ты бы, говорю, поосторожнѣй!» А онъ что мнѣ на это отвѣтилъ?—«Поди-ка, говоритъ, попробуй! у меня жена съ дѣтства воспитана въ такомъ мнѣніи, что она пикантная женщина. «Я, говоритъ, пикантная!» А пикантная-то что означаетъ? что «чуть что», — анъ она и сдѣлаетъ каламбуръ съ офицеромъ, вотъ тебѣ и сказъ!» Такъ Арапкинъ-то и говоритъ: «По этому, говоритъ, случаю я и долженъ продолжать.... и единственно, говоритъ, изъ-за одного реноме, а то бы, го-

воритъ, давно ужъ надобно Бога вспомнить!.. Потому что, говоритъ, случись этакій какой-нибудь эпизодъ, сейчасъ осмѣютъ, пойдешь дуракомъ, и съ мѣста согнать не поцеремонятся. Только, говоритъ, единственно изъ-за одного реноме!» Реноме-то оно реноме, объ этомъ чего ужъ разговаривать, а только что поглядѣлъ я какъ-то на этого Арапкина, такъ вѣдь человѣкъ-то совсѣмъ въ родѣ полоумнаго сталъ: бѣгаетъ по городу, деньги занимаетъ у встрѣчнаго и поперечнаго... «Земство, говоритъ, затягиваетъ, не выдаетъ...» А какое ужъ, чай, земство?

— Ну, это-то точно, вѣрно, — довольно серьезнымъ тономъ проговорилъ исправникъ.—Подожди да подожди, это сколько угодно! И все на нашего брата сваливаютъ: понужденія, молъ, нѣтъ относительно взысканія... А какого понужденія нѣтъ? Я даже и не помню, когда своимъ голосомъ говорилъ: только и дѣлаешь, что орешь, да шумишь, да свирѣпствуешь... Сегодня вотъ въ шести волостяхъ надо бушевать, все мало!

— Ну, въ этомъ, я думаю, и имъ надо дать извиненіе. Тоже и у нихъ пикантныя штучки существуютъ, да и насчетъ реноме по нынѣшнимъ временамъ не зѣвай... Подвернись тамъ какія-нибудь деньжонки, такъ, разумѣется, прежде всего себѣ въ карманъ сунутъ, а ужъ никакъ не тебѣ... Да изъ-за чего и биться-то, въ самомъ дѣлѣ? Конечно, только изъ-за денегъ и маешься, какъ маятникъ, ни днемъ ни ночью покоя не имѣешь... Ежели за этакую маяту да денегъ давать не будутъ, такъ это лучше петлю на шею... Да что же, въ самомъ дѣлѣ? Какое-такое получаешь удовольствіе? Что я, отъ удовольствія, что ли, на деревѣ-то чуть не замерзъ, или пріятность мнѣ, что ли, какая по мужицкимъ избамъ ходить... или тебѣ вотъ орать, горло драть? Конечно, семейство... А семейство-то вотъ иной разъ за твои хлопоты да мученія возьметъ да и плюнетъ тебѣ въ морду. Да! Вонъ у Кузьмичова, у Ивана Егорыча, сынъ,—такъ что-жъ онъ сдѣлалъ? Отецъ-то бился-бился для семьищи, растилъ-растилъ ихъ—ну, конечно, не безъ грѣха... На одно жалованье такую ораву гдѣ же прокормить?.. А сынъ-то пришелъ въ возрастъ, да вмѣсто благодарности и пропечаталъ всѣ отцовскіе поступки, да и въ глаза-то отцу прямо такъ и ляпнулъ: «Вы, говоритъ, папенька—не благодѣтель для народа, но врагъ и зло! Я, говоритъ, долженъ васъ обличить для общаго блага, не какъ отца, а какъ общественнаго дѣятеля, злоупотребляю-

щаго общественнымъ довѣріемъ!» И подвелъ подъ судъ. Правда, и самъ пулю въ себя всадилъ, да отцу-то каково? Онъ и воровалъ-то, можетъ-быть, для семейства, а семейство-то вонъ какъ его на старости-то лѣтъ... Вотъ и подумай! Сидишь-сидишь иной разъ на сукѣ-то на какомъ-нибудь, какъ птица перелетная, да подумаешь о томъ, какая будетъ благодарность, анъ и жутковато станетъ на свѣтѣ-то жить...

— Да...—вздохнувъ, сказалъ исправникъ.—У меня вонъ дочь родная двадцати лѣтъ ушла изъ дому въ учительницы, да меня же и выбранила. — «Вы, говоритъ, работаете противъ народа, а я, говоритъ, буду ему служить,— мы съ вами не товарищи». А какъ я ей представилъ вопросъ: кто-жъ тебя вырастилъ, вспоилъ и образовалъ?— такъ она мнѣ такую отрапортовала рацею, что окончательно я вышелъ, по ея мнѣнію, извергомъ рода человѣческаго. Что-жъ? Пускай поживетъ на своемъ хлѣбѣ! А кабы побыла на моемъ мѣстѣ, какъ я двадцать лѣтъ ни днемъ ни ночью покоя не имѣю, такъ узнала бы, каково легко деньги-то достаются на газеты да на журналы. Можетъ, тамъ, въ газетахъ-то, и правильно пишутъ, только эту газету надо купить, а купило-то нашему брату не очень пріятно достается... Коли не раздерешь глотки со старшинами да со старостами, такъ начальство-то и безъ тебя обойдется, а ты зубы на полку клади... Ну, да что!.. Какъ-никакъ, надобно вѣкъ доживать.

— Да еще доживешь ли вѣкъ-то мало-мальски поопрятнѣй, — и того неизвѣстно... Ты вотъ о семействѣ... а ему какое дѣло, какъ ты тамъ орудуешь? Мнѣ вонъ иной разъ и разсказать совѣстно, какіе-такіе мои были труды! Я разскажу, а меня мои же ребята на смѣхъ могутъ поднять, да еще злодѣемъ пропечатаютъ... Ихъ, братъ, тоже по нонѣшнему времени не очень ловко кулакомъ къ уваженію приводить... Въ старину я бы огрѣлъ его оплеухой, вотъ онъ бы меня и не критиковалъ, а теперича я не моги этого... Ну, и молчишь... Таскаешь деньги и помалчиваешь... А вѣдь семьѣ безъ уваженія къ отцу и мужу тоже, братъ, трудно существовать... Какъ бы не разсыпалась вдребезги... да! Да ты что думаешь? Мнѣ вотъ недавно одинъ флотскій какую исторію разсказалъ. Пріѣхалъ я какъ-то на станцію, жду поѣзда — часа четыре мнѣ пришлось на вокзалѣ проторчать. Пріѣхалъ, смотрю, а около буфета какой-то человѣкъ вертится. По платью-то вижу—флотскій, только что

въ большомъ градусѣ, весь въ грязи, шатается, бормочетъ что-то, оретъ, а ужъ человѣкъ не молодыхъ лѣтъ. Болтается этакъ около буфета и все хлопаетъ, да все буфетчику приказываетъ: «Побольше, молъ, налей рюмку». Вижу я, что и очень ужъ онъ грузенъ сталъ: и на столъ наткнется и на стулъ опрокинется, а тутъ какъ-то ни съ того ни съ другого подскочилъ къ лампѣ, схватилъ ее со стола да объ-земь. Слава Богу, лампа-то была не зажженная, а то бы пожаръ надѣлалъ... Разбилъ лампу и заоралъ:—«Вотъ онъ, врагъ мой, вотъ онъ гдѣ! Будь онъ проклятъ!» Я ужъ подумалъ, не допился ли онъ до чортиковъ; думаю, не надѣлалъ бы чего худого, подошелъ къ нему, говорю:—«Что вы безпокоитесь? Какой врагъ? Никого нѣтъ». — «Нѣтъ, говоритъ, есть: вотъ онъ—мой врагъ, керосинъ! Вотъ онъ, мой злодѣй!» И сталъ топтать лампу ногами...—«У меня, говоритъ, теперь пріюта нѣтъ. Я семьи лишился... Это онъ, дьяволъ!» Что такое, думаю, какимъ образомъ керосинъ... семейство... и такой гнѣвъ? Но все-таки, думаю, что нельзя ему давать воли; кое-какъ уговорилъ его, уложилъ на диванъ. Похрапѣлъ онъ часа два, разбудилъ его сторожъ, и пришлось намъ ѣхать вмѣстѣ. Хмеля все еще много было въ немъ, да и у буфета онъ прибавилъ стаканчикъ на дорогу. Тутъ съ него взяли за лампу рублей пять. Какъ напомнили ему о лампѣ-то:—«А, говоритъ, очень радъ! Разбилъ? Отлично. Это моя месть за все!»—«Да что такое?—спрашиваю его, какъ ужъ мы въ вагонѣ очутились.—Какъ это такъ керосинъ васъ оскорбляетъ?»—«Не оскорбляетъ, говоритъ, а разрушилъ всю мою жизнь и превратилъ меня въ ничто! Вотъ что такое керосинъ для меня!» Слово за слово, дальше—больше, и оказывается, въ чемъ же дѣло? А былъ онъ, изволите видѣть, смотрителемъ маяка; человѣкъ женатый, семейный... Гдѣ былъ этотъ маякъ — не упомню хорошенько, а знаю, что, по его словамъ, выходило, будто бы освѣщеніе на маякахъ масляное, т.-е. деревяннымъ масломъ. Между тѣмъ жена у него тоже, какъ видно, дама была пикантная, бонтонная; по-французски, по-нѣмецки, на фортепіанахъ—все какъ слѣдуетъ. Расходу, понятно, пропасть, потому что «не считать же ей тамъ какія-то копейки, и она не кухарка». А дѣтей въ то же время весьма довольно, и что дальше, то больше расходу. Въ это время объявляется керосинъ и возникаетъ мысль примѣнить его къ освѣщенію маяковъ. Экономія важная, такъ какъ на войну истрачено было очень много милліо-

повъ... Вотъ какъ возникла эта мысль, такъ этотъ самый офицеръ и задрожалъ по всѣмъ суставамъ.—«Потому что, говоритъ, жена моя завела такіе порядки, что при керосиновомъ освѣщеніи не было никакой возможности существовать; все въ домѣ держалось исключительно благодаря деревянному маслу, и цѣна на бочку масла и бочку керосина—никакого сравненія, и насчетъ экономіи... Словомъ, какъ только будетъ керосинъ, такъ жить нечѣмъ, хоть по міру иди. А начальство между тѣмъ запрашиваетъ — нельзя ли экономію сдѣлать? и т. д. И тутъ, — разсказываетъ мнѣ бѣдняга:—сталъ я, говоритъ, ужъ врать и плутовать». То-есть, конечно, ужъ и до этого времени онъ пользовался, показывалъ одно, а тратилъ другое, но тутъ пришлось врать на особый манеръ.—«Лѣтъ восемь, говоритъ, я только и дѣлалъ, что лгалъ передъ начальствомъ, единственно изъ-за семейства и потому, что жена иначе не можетъ жить. И сначала, говоритъ, вралъ я по наукѣ, съ вычисленіями и таблицами: сила свѣта, разстояніе,— словомъ, вралъ по морскимъ правиламъ, доказывалъ въ томъ родѣ, что если будетъ отмѣнено деревянное масло, тогда Англія насъ можетъ превзойти; кораблекрушеніе, говоритъ, даже одно устроилъ, и доказалъ такъ, что именно оно отъ керосина... Ну, говоритъ, кое-какъ да кое-какъ, протянулъ такимъ манеромъ лѣтъ пять. А тѣмъ временемъ дочь гимназію оканчиваетъ, и жена хочетъ вывозить ее. Что тутъ дѣлать? Между тѣмъ начальство ужъ и посерьезнѣе стало приставать, а по морскимъ наукамъ врать мнѣ, говоритъ, стало нечего, истощилъ все: что было можно по этой части соврать, давно ужъ совралъ. Пришлось мнѣ, говоритъ, врать безъ всякой совѣсти... «Горѣлку, говоритъ, надо приспособить, а потомъ и опытъ». Начальство пишетъ: «Поспѣшить приспособленіемъ горѣлки». Я, говоритъ, отвѣчаю: «Приспособляю немедленно», а между тѣмъ полгода кое-какъ со дня на день и протяну... Чрезъ полгода начальство спрашиваетъ: «Что-жъ горѣлка?» Отвѣчаю: «Горѣлка приспособлена, но требуетъ исправленія» — и опять полгода. А тутъ ужъ женихъ сталъ свататься... Тутъ начальство опять вопрошаетъ: «Да что-жъ наконецъ горѣлка?» Отвѣчаю мѣсяца черезъ два: «Горѣлка готова, но не доставлена». Спрашиваютъ: «Когда будетъ доставлена?» Отвѣчаю черезъ мѣсяцъ: «Горѣлка будетъ доставлена въ непродолжительномъ времени...» Тянулъ-тянулъ, вралъ-вралъ... вдругъ ревизоръ, какъ снѣгъ на голову! Прямо ко

мнѣ со всѣми документами... Все раскопалъ, разрылъ, разсортовалъ... подъ судъ! Жена моя бросилась къ нему, но онъ такъ ей меня расписалъ, такъ, прямо скажу, справедливо, такъ все мое лганье-вранье представилъ ей, что... что вы думаете?—влюбилась въ него по уши!—«Герой!—говорилъ.—Идеалъ! Неумолимый! Честный! Непреклонный! Вотъ мужчина!» Закружилась, завертѣлась, за голову хватается: — «Вся жизнь пропала съ какимъ-то воришкой... Вотъ человѣкъ! Вотъ гражданинъ! Я не могу! уйду!» И ушла.

— Ушла? — спросили одинаково изумленнымъ голосомъ исправникъ и мировой.

— Ушла! Вотъ вѣдь что!.. Дочери—невѣсты, а она, сама мать, ушла... Говоритъ: «Вотъ кому готова отдать жизнь! Вотъ гдѣ энергія!..» А тотъ ей, конечно, расписалъ это деревянное масло съ высшей точки зрѣнія: отечество, родина, Англія, Португалія и тому подобное.

— Ну, конечно!—сказалъ исправникъ.

— «И какъ я могла жить, погубить свою жизнь съ такимъ подлецомъ?» Это жена-то. А мужъ-то говоритъ: «Да вѣдь я подлецомъ-то изъ-за тебя сталъ! Вѣдь изъ-за кого же я и воровалъ, и кралъ, и обманывалъ?» Ну вотъ, въ эту-то пору я и встрѣтился съ нимъ. Совсѣмъ малый ошалѣлъ: жена бросила, куча народа на шеѣ, и къ тому же подъ судомъ... Ѣхалъ въ Петербургъ — оправдываться... и все пилъ. Какъ увидитъ лампу — хлопъ ее кулакомъ: «Вотъ, говоритъ, гдѣ драма въ пяти дѣйствіяхъ!» Такъ вотъ иной разъ какъ семейство-то орудуетъ! А спрашивается: изъ-за чего же колотишься-то, какъ не изъ-за семейства?

Несмотря на обильный матеріалъ ко всевозможнымъ остротамъ и шуткамъ, который, казалось, могъ бы доставить разсказъ Апельсинскаго о керосиновой драмѣ, никто однакожъ изъ слушателей его почему-то не счелъ умѣстнымъ шутить или острить по поводу несчастій несчастнаго моряка. Напротивъ, всѣ, не исключая и словоохотливаго Апельсинскаго, какъ будто бы попріуныли; мировой судья, слушавшій этотъ разсказъ съ особеннымъ вниманіемъ, произнесъ по окончаніи его самымъ многозначительнымъ тономъ: «Н-да, все это вещи довольно сложныя!» Исправникъ ничего не сказалъ, но глубоко вздохнулъ, а Апельсинскій совершенно примолкъ на нѣкоторое время.

— Ишь вѣдь каки дѣла-то!—произнесъ шутливо ямщикъ, весьма внимательно вслушивавшійся въ разсказы и разго-

воры Апельсинскаго.—Что̀ значитъ этотъ самый Нобель-то американскій!..

Но и эти шутки не развеселили нашихъ путниковъ, такъ какъ всѣмъ имъ, вѣроятно, вовсе не въ шутку были знакомы кое-какія изъ треволненій семейной жизни, разговоръ о которой такъ случайно завелъ Апельсинскій.

— А ты, любезный, пошевеливай-ка! — довольно сурово сказалъ исправникъ извозчику.—Некогда раздабаривать, да и въ волости, поди, ужъ давно дожидаются...

— Потрогивай, потрогивай! — присовокупилъ Апельсинскій тономъ довольно дѣловитымъ.

Извозчикъ тронулъ лошадей, но, желая изгладить въ своихъ сѣдокахъ непріятное впечатлѣніе неудачной остроты, произнесъ, не обращаясь собственно ни къ кому изъ сѣдоковъ отдѣльно:

— И трудно-жъ только, ваше высокоблагородіе, ваше дѣло, погляжу я... Что̀ одной ѣзды! Что̀, напримѣръ, разныхъ членовъ ѣздить, что̀ всякихъ начальниковъ!.. Ужъ, кажется, что̀ такое нашъ братъ мужикъ, старшина какой-нибудь, а и тотъ еле-еле тройкой обойдется...

— Вамъ только и видно, что ѣздятъ! — сурово сказалъ Апельсинскій. — Только ѣзду и видите... Мнѣ одна старушонка-раскольница тоже вонъ такъ-то: «И что̀ это вы безперечь тутъ ѣздите, толчетесь? И когда вы наѣздитесь? И чего отъ васъ проку-то?» Только ѣзда у васъ и на примѣтѣ... А не ѣзди, такъ...

Апельсинскій хотѣлъ-было опять упомянуть о семействѣ, но увидѣлъ, что этотъ аргументъ вовсе не будетъ убѣдительнымъ для ямщика, и потому замолчалъ, прибавивъ только:

— Ѣзду только и видите!

— Мы, ваше благородіе, не то что ѣзду, а и безпокойство ваше видимъ,—сказалъ извозчикъ:—а только что сумлѣваемся насчетъ хлопотъ-то... Вѣдь мы видимъ хлопоты-то! Старшина вонъ пустится по волости, деретъ-деретъ, съ позволенія сказать, по мягкому-то мѣсту, а вѣдь хлѣба-то онъ изъ мякоти-то нашей не выбьетъ... Вотъ собственно насчетъ чего... Вотъ и насчетъ ѣзды то же самое. Чай, не одна ѣзда, а безпокойство, труды всякіе, огорченія, а нѣту хлѣба, такъ и взять нечего... Вонъ тоже слѣдователя вчерась возилъ по убійству, такъ тоже разговоръ былъ. Я говорю, кабы у насъ достатокъ былъ, такъ и безпокоиться вашему высокоблагородію нечего... Вотъ она, дѣвчонка-то,

ухлопала дубиной двухъ старухъ, и ее за это за самое въ острогъ надо, и вы, ваше высокоблагородіе, по этому случаю изъ города пріѣхали, побезпокоились; а ежели вникнуть, такъ и окажется дѣло-то такимъ манеромъ, что кабы не нужда да не горе, такъ и не за что бы дѣвчонку-то въ острогъ сажать. Вотъ про что-съ! А не то что «ѣзда, ѣзда»! Мы тоже видимъ... Дѣвчонка-то эта безъ матери, одна у отца, на рукахъ куча ребятъ, а хлѣба-то нѣтъ, неурожай у насъ; вотъ и нуженъ въ домѣ мужикъ, а чтобы мужикъ-то пошелъ, надыть его приманить, надыть тоже хоть на посидкахъ какой-нибудь достатокъ показать. Вотъ дѣвчонка-то и поди къ старухамъ теткамъ — не дадутъ ли нарядовъ ей какихъ, потому надо спѣшить со свадьбой: не выйдетъ осенью—до весны не дотянуть, а съ мужикомъ все хоть самой-то уйтить можно въ прислуги. А тетки-то, вишь, пожадничали; сундуки полны у старухъ-то всякимъ добромъ, да жадность велика—не дали! Думала-думала, горькая, да и украла у старухъ-то чулки тамъ, сарафана два, два али три платка—утащила, да домой. А старухи-то догадались, да за ней, да настигли ее дома-то ночью; да со зла одна тетка-то прямо начни ее бить полѣномъ, а дѣвчонкѣ-то само собой обидно стало, да и испужалась она — она и хвати старуху-то такимъ же манеромъ, т.-е., стало-быть, полѣномъ же ее треснула, а старуха-то и духъ вонъ!.. Ну, тутъ ужъ и испугалась да со страху и другую прикончила. Ну, и должна идтить въ острогъ... А какъ ежели разобрать, да былъ бы достатокъ, да сиротство-то ежели бы у насъ человѣка не заѣдало, такъ, пожалуй, безъ острога бы дѣло-то справилось. Опосля этого случая, какъ нашли убитыхъ въ проруби, купецъ у насъ тутъ одинъ говорилъ: «Кабы знато да вѣдано, такъ я бы и такъ ей пятьдесятъ цѣлковыхъ далъ бы на свадьбу!» Эво когда! То-то и есть-то! А какъ надо, какъ припретъ къ горлу, такъ норовятъ полѣномъ человѣка отблагодарить... А начальству хлопоты, разъѣзды, все такое—пакеты разные печатать, писать—все хлопоты, а такъ, чтобы настоящаго устройства...

Ямщикъ вò-время остановилъ свои неумѣстныя рѣчи и прибавилъ:

— Я докладывалъ объ этомъ судебному слѣдователю и все имъ подробно обсказалъ. Такъ они такъ сказали, что вѣрно, молъ, справедливо. Что-жъ мнѣ? Мнѣ врать не изъ чего... Даже водкой въ кабакѣ угостили господинъ слѣдователь-то!

— Ну, конечно! Извѣстный пьяница! — сердито сказалъ исправникъ.—Недолго онъ насидитъ на своемъ мѣстѣ. По кабакамъ-то очень охотникъ разглагольствовать.

— Такой простой баринъ!

— То-то простъ очень.

Ямщикъ понялъ, что ему слѣдуетъ замолчать, и замолчалъ. Но и слушатели его тоже молчали, такъ какъ настроеніе духа ихъ, благодаря случайностямъ дорожнаго разговора, становилось все сложнѣе и все непріятнѣе. Сначала Апельсинскій омрачилъ душу путниковъ, заведя рѣчь о той тревожной, безпокойной жизни «ихняго брата», которую онъ весьма вѣрно охарактеризовалъ выраженіемъ: «дохнуть некогда», и заставилъ каждаго изъ путниковъ припомнить цѣлые долгіе годы этой безпокойной служебной маяты, а заставивъ припомнить эту маяту, заставилъ каждаго изъ измаявшихся и пожалѣть самого себя, подумать о томъ, «изъ-за чего, молъ, все это?» Но едва только путники начали-было сожалѣть о самихъ себѣ и едва только они ощутили къ самимъ себѣ состраданіе, едва только они хотѣли-было объяснить свою каторжную жизнь горячими заботами о счастьѣ семьи, какъ тотъ же словоохотливый Апельсинскій ни съ того ни сего завелъ рѣчь объ этой самой семьѣ, — семьѣ, изъ-за которой люди всю жизнь «бьются», «терпятъ», какъ рѣчь пошла о такихъ, не подходящихъ къ подобному настроенію, чертахъ семейной жизни, которыя заставили усомниться этихъ измучившихся во имя семьи людей въ томъ, что мученія ихъ имѣютъ хотя какіе-нибудь плодотворные результаты. По словамъ Апельсинскаго выходило, что какъ только въ семьѣ, въ томъ или другомъ видѣ, проснется въ комъ-нибудь изъ ея членовъ стремленіе къ правдѣ и къ справедливости, такъ всѣ эти хлопоты, заботы, всѣ тяжкіе труды, подъемлемые тружениками во имя семейства, разлетаются прахомъ, все разваливается, и, вмѣсто благодарности за заботы, труды и печали, труженика можетъ ожидать нѣчто, совсѣмъ не похожее на благодарность. Стоитъ ли эта безконечная маята того, чтобы выращивать людей, которые только и могутъ, что издѣваться надъ этой маятой и бѣжать отъ нея, какъ отъ глубокой неправды? Мысль о непрочности такъ-называемаго семейнаго счастья, о томъ, что счастье его и смыслъ вовсе не зависятъ отъ этой безпрерывной маяты, не только не подходящею къ желанію пожалѣть себя, возбужденному разсказомъ Апельсинскаго въ началѣ

бесѣды, но, напротивъ, нежданною, непріятною, неделикатною гостьей врывалась въ душу, запрещала жалѣть себя, свои въ безпокойствахъ прошедшіе годы, потому что для самаго-то главнаго резона этихъ безпокойствъ—семьи—они ровно ничего не значатъ и ничего хорошаго въ нее не вносили... А тутъ, какъ на грѣхъ, не успѣли собесѣдники разсѣять въ себѣ нескладное ощущеніе борьбы собственныхъ мыслей о полной ненужности «каторжной жизни» для блага ихъ семейства, какъ ямщикъ своими разглагольствованіями о неурожаѣ коснулся ненужностей той же самой маяты и по отношенію уже не къ семьѣ, а, такъ сказать, къ отечеству, къ народу. По его словамъ оказывалось, что эта безпрерывная ѣзда господъ членовъ, сопряженная какъ съ безчисленными безпокойствами этихъ «членовъ», такъ и съ весьма реальными страданіями безчисленнаго множества «мягкихъ мѣстъ» въ имперіи, что все это не имѣетъ никакой связи съ дѣйствительными источниками совершающихся въ отечествѣ-народѣ жизненныхъ явленій; что такія простыя, видимыя для ямщика и всѣхъ его сѣдоковъ явленія, какъ неурожай, «нехватка» въ хлѣбѣ, въ работѣ, въ землѣ и т. д., совершенно ясно и просто выясняютъ ту пропасть всевозможныхъ «дѣлъ», во имя которыхъ идетъ эта безконечная «ѣзда», безконечное безпокойство господъ, и во имя которыхъ наконецъ всѣмъ этимъ господамъ «некогда дохнуть».

И вотъ почему сѣдоки земской повозки замолчали и ѣхали молча. А извозчикъ между тѣмъ съ каждымъ шагомъ все ближе и ближе подвозилъ ихъ къ селенію, въ которомъ всѣмъ имъ предстояло совершить безчисленное множество тѣхъ самыхъ дѣлъ, которыя какъ будто ничего не значатъ и ни для кого не имѣютъ ровно никакого результата, кромѣ «ѣзды» и «безпокойства».

2.

Вотъ мелькнула изгородь села, вотъ и трактиръ «Бѣлая Лебять», миновали и «Бакалѣйную и мускательную лавку съ колоніальными товарами» и подкатили къ волостному правленію, а здѣсь не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ принялись и «дѣла дѣлать». Судебный приставъ, засучивъ панталоны, съ портфелью подъ мышкой и въ сопровожденіи десятскаго, немедленно же отправился «описывать какого-то теленка», увязая по колѣна въ грязи и проклиная свою участь; мировой судья помѣстился въ одной изъ ком-

натъ волостного правленія, а исправникъ—въ другой. Одинъ сталъ судить, а другой—бушевать. Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ волостного правленія, наполненныхъ народомъ, настала мертвая тишина; только сторожъ поскрипывалъ сапогами, пробираясь къ чуланчику, чтобы посмотрѣть, достаточный ли тамъ запасъ розогъ. Сторожъ, какъ и весь народъ, наполнявшій волостное правленіе, не исключая и начальниковъ, также очень хорошо зналъ, что въ сущности все дѣло въ неурожаѣ и вообще въ «нехваткѣ», сопутствующей мужику на всѣхъ путяхъ, тѣмъ не менѣе, заглянувъ въ чуланъ и убѣдившись, что розогъ припасено довольно, успокоился и притихъ.

И вотъ среди этой тишины изъ камеры мирового судьи стали доноситься такія рѣчи:

— Да помилуйте, вашескобродіе, какъ же мнѣ его не обругать? Онъ же меня обчистилъ всего, всего меня оплелъ, значитъ, да не скажи я ему неласковаго слова?

— Онъ—староста, начальникъ, и обращался къ тебѣ съ требованіемъ податей,—слѣдовательно по дѣлу казенному, т.-е. онъ исполнялъ свои обязанности, и ты не имѣлъ права его ругать.

— Да чего же онъ, пропади онъ пропадомъ, теребитъ меня, когда я у него даже до послѣдней жениной кацавейки позакладалъ? Вѣдь онъ, жидъ, ковриги хлѣба не повѣритъ безъ залогу-то! Вѣдь кабы ежели бы Господь урожаю далъ, такъ и безъ него бы пробились, а то, сами извольте подумать, какъ же тутъ управляться! Я ему телку должонъ былъ отдать своими руками за пять цѣлковыхъ, а кабы недѣльку погодить, такъ она бы пятнадцать серебромъ дала—вотъ и подати! А то онъ же меня обобралъ, да я же ему и виновенъ.

— На него ты можешь жаловаться, если онъ тебя обидѣлъ, можешь взыскивать, но публично ругать его непотребными словами ты не имѣешь никакого права. Онъ—начальникъ, онъ требовалъ денегъ не для себя, а какъ начальникъ,—понимаешь ты?

— Чего намъ понимать-то? Разбирай его, дьявола, когда онъ—грабитель, когда—начальникъ... Намъ тоже недосужно... Вонъ третій годъ недородъ у насъ... а тоже...

— Къ аресту на однѣ сутки. Доволенъ?

— Ну, песъ съ нимъ! Пущай доволенъ.

— Маловато, вашескобродіе! — послышался-было голосъ изъ толпы, но на него не послѣдовало отвѣта потому, что заскрипѣли перья, строчившія рѣшеніе.

Слово «маловато» было произнесено однимъ изъ обиженныхъ, и такихъ обиженныхъ въ дверяхъ комнаты мирового судьи стояла цѣлая толпа. Все это было сельское и волостное начальство; а извѣстно, что начальство это, ознакомясь съ правомъ имѣть въ своихъ рукахъ мірскія деньги, очень ловко пользуется ими для своихъ личныхъ выгодъ и именно благодаря этимъ-то очень короткое время остающимся въ его рукахъ деньгамъ и вырастаетъ въ кулаковъ. А когда же кулаку и раздолье, какъ не въ неурожай, когда человѣкъ и закладъ несетъ и телушку продаетъ за безцѣнокъ? Тутъ-то и наживаться. И вотъ, наживаясь лично, это же начальство пристаетъ къ объѣденнымъ имъ же людямъ съ требованіемъ податей, или съ требованіемъ своихъ долговъ, нужныхъ на новый, болѣе выгодный оборотъ. Неудивительно, что ихъ ругаютъ, а иногда и бьютъ, и въ лицо имъ плюютъ обиженные ими люди, и вотъ это начальство наказываетъ ихъ за оскорбленіе себя, какъ начальства, а не какъ міроѣдовъ. Неурожай былъ большой, кулаковъ много, наживы много, а стало-быть, и много бѣдности и негодованія, а стало-быть, много и дѣлъ объ оскорбленіяхъ. Вотъ почему изъ камеры судьи слышались, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ-трехъ часовъ, только однѣ и тѣ же фразы:

— За оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей...

— Да вѣдь онъ же меня обобралъ-то!

— Ты можешь взыскивать судомъ, но не имѣешь права... На одинъ день... Доволенъ?

— Шутъ его дери... пущай! Песъ съ нимъ!..

И «довольные» выходили поочереди изъ камеры, держа въ рукахъ шапки и бормоча:

— Кабы урожаю Богъ далъ, такъ не былъ бы я у него, у живорѣза, въ лапахъ!

Но хотя «живорѣзы» и чувствовали, правда, не полное, «маловатое» удовлетвореніе, видя своихъ обидчиковъ, направляющихся въ темную, «неурожай», о которомъ имъ было извѣстно ничуть не хуже кого бы то ни было и который таился тутъ, въ глубинѣ всего этого безпокойства, заставлялъ ихъ чувствовать, что ихнее начальническое дѣло тоже будетъ не совсѣмъ ладно: вѣдь за стѣной сидитъ исправникъ, а это вовсе не означаетъ, чтобы вмѣсто неурожая вдругъ урожай сдѣлался.

А у исправника дѣла было еще больше. Для скорости и

подмоги въ маленькой каморкѣ, прилегавшей къ присутствію, занимаемому исправникомъ, — каморкѣ, въ которой старшина и волостной писарь обыкновенно пьютъ чай, принимаютъ взятки и шепчутся относительно разныхъ дѣлъ, — засѣдалъ волостной судъ; этимъ судомъ еще съ осени было приговорено къ 20 ударамъ розогъ человѣкъ двадцать пять неплательщиковъ, обязавшихся къ февралю мѣсяцу представить либо деньги, либо «мягкія части». Но прошелъ и февраль, и мартъ, и вотъ ужъ идетъ и апрѣль, а ни денегъ ни мягкихъ частей отъ этихъ козлищъ не получено. Старосты и старшины, обезсилѣвъ въ личной борьбѣ съ этой упорной и какъ камень безплодной нищетой, представили теперь всю эту голытьбу прямо господину исправнику, а для «скорости» въ исполненіи приказаній послѣдняго созвали волостной судъ.

— Кабы ежели бы хлѣбушка Богъ далъ!

— Все работишки нѣтути, вашескородіе!

— Ономнясь вонъ хоть солому прессовали, а нонѣ...

— Не мое дѣло! — вопилъ исправникъ. — А на кабакъ есть деньги? Ты чего пьяный сюда затесался?

— Мы, вашескородіе, собственно...

— Собственно! Знаю я васъ, каналій! Писарь, пиши волостной приговоръ...

— Эй, судьи, чего-жъ вы? — шепчетъ писарь, и судьи постановляютъ сѣчь пьянаго...

Голосъ исправника гремитъ немолчно среди шума, просьбъ и объясненія причинъ, даваемыхъ сразу всей толпой. Но развѣ можетъ быть какое-нибудь уваженіе къ этимъ объясненіямъ, если вообще невозможно уважить такую понятную и объяснимую, ясную причину, какъ неурожай? И вотъ почему исправникъ гремитъ и жестокосердствуетъ, но онъ снисходителенъ, и нѣкоторымъ опять дается отсрочка до Троицы, до Петрова дня, а нѣкоторые «упорщики», «пьяницы» и вообще крайне неблагодарные элементы деревенскаго общества идутъ подъ сарай, куда сторожъ несетъ розги, а два мужика идутъ помогать, т.-е. драть.

Такимъ образомъ волостное правленіе, недавно еще молчаливое, начинаетъ оживать, шумѣть и двигаться. «Дѣла» кипятъ и выражаются въ томъ, что подъ сараемъ идутъ разговоры о розгахъ, мочить ли ихъ, или такъ, идутъ уговоры непокорныхъ: «ложись, ложись, не ломайся». Въ камерахъ судьи, волостнаго суда и исправника шумъ и крикъ,

и все неурожай да неурожай. А въ то же время изъ волости и изъ камеръ народъ разбредается двумя потоками въ разныя мѣста: отъ мирового судьи потокъ людской направляется въ «темную», отъ исправника и волостного суда — подъ сарай. А скоро и третій потокъ хлынулъ оттуда же, изъ зданія волости, хлынулъ сильнымъ теченіемъ... Кто это? Увы! — это ужъ сами сельскія власти, старшины и старосты... И ихъ тоже исправникъ препровождаетъ въ темную—за нерадѣніе, за неисполненіе приказаній, за упущенія во взысканіи.

— Знаю я, какой у васъ неурожай! Небось, съ своимъ сѣномъ такъ по недѣлямъ въ Петербургѣ живали, негодяи, а въ деревнѣ хоть трава не расти! А кто отвѣчать будетъ? Что же, мнѣ за васъ, негодяевъ, въ темной сидѣть, что ли?.. Въ темную!

— Да вѣдь, вашескобродіе, кабы урожай бы... а то...

— Въ темную, канальи!

Эти три потока «виноватыхъ», которые обильно истекали изъ дверей волостного правленія каждую минуту, смѣшиваясь на волостномъ дворѣ, служили обильной пищей для остротъ тѣмъ деревенскимъ счастливцамъ, которые почему-то остались въ числѣ правыхъ и пользовались завидною долей—стоять въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ и «дѣловъ».

— Ты куда, Софронъ Петровичъ?

— Да въ темную, ангелъ мой, приказываютъ!

— Ты-то въ темную? Да вѣдь ты, кажись, тоже изъ предержащихъ?

— Ну, братъ, тамъ этого не разбираютъ!

— Неладно! И это ты вмѣстѣ съ Егоркой будешь тамотка?

— Мы, Кузьма Иванычъ, — говоритъ самъ Егорка, забулдыга изъ числа «неплательщиковъ» и «упорщиковъ»:— мы вмѣстѣ съ Софронъ Иванычемъ за границу ѣдемъ. На минеральныя воды. Онъ меня беретъ въ родѣ гувернантки...

— Компанія, нечего сказать!.. Компанія!.. А тамъ, подъ сараемъ-то, что такое? Шумятъ что-то!

— А тамъ, Кузьма Иванычъ, молотьба идетъ... Хлѣба нѣту, сами знаете... такъ вымолачиваютъ изъ непокорныхъ особовъ...

— Что-жъ, поди, подешевѣетъ... хлѣбъ-отъ?

— Наврядъ, штобы подешевѣлъ... Молотить — здорово

молотятъ, а не видать, чтобы много намолотили... И даже до крови добрались, а зерна настоящаго не видать.

— Да что-жъ онъ, дуракъ, деретъ-то? Аль онъ очумѣлъ?

— Извѣстно, дуракъ, солдатъ безмозглый...

— Поди-ка-сь, я ему, подлецу... У насъ и при господахъ, такъ и то больше по дереву хлопали, а онъ, дуракъ, теперича вздумалъ.

И разгнѣванный Кузьма Иванычъ, мужикъ, имѣющій нѣкоторое представленіе о томъ, что̀ такое означаетъ въ самомъ дѣлѣ слово «порядокъ», уже безъ шутокъ идетъ подъ сарай.

Мало-по-малу шумъ, толкотня, насмѣшки, брань, приговоры и приказанія начинаютъ стихать, сначала подъ сараемъ, потомъ у мирового, потомъ у волостныхъ, а потомъ и у исправника. Все окончено, — надо ѣхать въ другое мѣсто. Исправникъ проситъ водицы и «съ устатку» пьетъ прямо изъ ковша; мировой чувствуетъ потребность умыться, вымыть лицо и руки, волостные судьи тоже устали и понемногу разбредаются, утирая лбы, и наконецъ появленіе до-нельзя уставшаго Апельсинскаго, всего въ грязи и всего мокраго отъ поту, кладетъ окончательно предѣлъ дѣловому дню. Приказываютъ подавать лошадей и уѣзжаютъ.

Все затихло и замолкло, разошлось, разъѣхалось и размѣстилось въ темной. Все было сдѣлано не сумасшедшими и не пьяными; но всѣ, рѣшительно всѣ дѣйствующія лица, участвовавшія такъ или иначе въ событіяхъ дня, чувствовали себя въ самомъ нелѣпомъ душевномъ настроеніи. Всѣ они давнымъ-давно свыклись съ этой мыслью, что именно въ томъ, что̀ происходило сегодня, и заключается то, что̀ называется «дѣломъ», «службой»; но въ то же время каждый изъ нихъ чуялъ, что всѣ эти дѣла — ничто сравнительно съ той простой нуждой народной, удовлетвореніе которой тотчасъ же прекратило бы весь этотъ тяжеловѣсный, дѣловой сумбуръ. Простое, внимательное удовлетвореніе простыхъ человѣческихъ потребностей, простой, понятной, ясной человѣческой нужды, сдѣланное безъ шума, гама, крика, безъ розогъ и холодныхъ—въ результатѣ которыхъ ничего, кромѣ сумбура и тоски нѣтъ, — чувствовалось всѣмъ, какъ дѣйствительное, настоящее дѣло,—то самое, которое именно и нужно дѣлать; но оно, это простое вниманіе къ нуждѣ человѣка въ то же время казалось всѣмъ почему-то недосягаемо далекимъ, несбыточнымъ ме-

чтаніемъ, фантазіей, и, напротивъ, вотъ этотъ тяжеловѣсный сумбуръ, безрезультатность котораго была также всѣми понимаема, не рисовался въ какомъ-то отдаленіи и туманѣ, а угнеталъ каждаго, ощущался въ самой явственной физической боли, недомоганьи, усталости. Служба отечеству, оторванная отъ дѣйствительныхъ нуждъ человѣческихъ существъ, изъ которыхъ это отечество состоитъ, выразилась въ массѣ какихъ-то такихъ службъ и такихъ дѣяній, которыя по малой мѣрѣ возбуждаютъ только всеобщее равнодушіе, выражаются въ безрезультатной суетѣ-суетъ, и въ то же время не уважающее этой суеты-суетъ человѣчество привыкло, сжилось съ мыслью о томъ, что эта суета-суетъ какъ бы вещь неминуемая.

Но въ концѣ концовъ никто изъ дѣйствующихъ лицъ этой сегодняшней сцены не могъ, какъ говорится, разобраться въ своихъ мысляхъ. Точно облака удушливой пыли, поднятыя этой суетой, затемняли здравый разсудокъ каждаго.

— И что же это будетъ?—сидя въ темной, размышлялъ старшина или староста. — Я же начальникъ, и меня же вмѣстѣ съ прохвостомъ? И кто же меня будетъ слухать, бояться?.. А ежели меня не бояться, не почитать, такъ что-жъ будетъ значить мое слово? И что-жъ это сажать начальника, когда явственно взять нечего? Теперича я просижу день, что-жъ, прибавится взносу-то отъ этого или нѣтъ?.. Ты сажай прохвоста, пьяницу, а начальника береги, да тогда и взыскивай!..

— Нѣтъ, это оченно прекрасно, что васъ, живорѣзовъ, учить стали! — говорилъ начальнику «упорщикъ» и грубіянъ Егорка. — Вашему брату давно бы ужъ пора руки къ лопаткамъ прикрутить! Ишь ты какъ лапы-то растопырилъ, пасть-то разинулъ... Такъ тебѣ и полѣзу я прямо въ хайло! Кабы не неурожай, такъ попалъ бы я тебѣ въ лапы-то, какъ же, ухватилъ бы ты меня! Очень прекрасно, что вашего брата приструниваютъ, а вотъ нашего-то брата ужъ не за что въ темную-то ихать: ужъ это надобно сказать прямо... За что? У меня хлѣба нѣтъ, работы нѣтъ, ѣсть нечего. Чѣмъ я виновенъ, что урожаю нѣту? Опять же изъ-за чего я перезаложилъ вамъ, живорѣзамъ? Кто меня обобралъ? Чѣмъ мнѣ платить, коли я тебѣ все отдалъ? Нѣтъ! Тутъ правды нисколько нѣтъ! Ну, чего отъ меня проку-то будетъ, ежели я сутки просижу?.. Ну?..

И такія странныя, тяжелыя мысли, у которыхъ никто

не былъ въ состояніи свести концы съ концами, тяготѣли рѣшительно надъ всѣми участвующими. Мировой судья, сидя въ земской телѣгѣ, направлявшейся на станцію желѣзной дороги, попробовалъ-было оправдать все происходившее какою-нибудь высшею цѣлью, какимъ-нибудь непримѣтнымъ простому глазу благомъ и пытался доказать самому себѣ, что такая на первый взглядъ безцѣльная суета все-таки въ концѣ концовъ имѣетъ соприкосновеніе съ поднятіемъ курса русскаго рубля, а слѣдовательно съ благомъ общественнымъ, но при всемъ его желаніи «свести концы съ концами» изъ размышленій его не выходило ровно ничего. Такая простая вещь, какъ неурожай, а вмѣстѣ съ нимъ масса другихъ не менѣе простыхъ вещей и нуждъ, не имѣющихъ даже и отдаленнаго права надѣяться быть просто удовлетворенными, разбивали его софистическія размышленія, и онъ чувствовалъ только, что онъ усталъ, что дѣлъ никакихъ не было, что была суета, пустяки и шумъ... ѣзда и жалованье въ концѣ концовъ.

Мраченъ и утомленъ былъ также и исправникъ, и ему было не по себѣ,—до того не по себѣ, что, встрѣтивъ на дорогѣ мужика той деревни, изъ которой онъ уѣхалъ, онъ приказалъ ему передать, чтобы выпустили изъ темной всѣхъ, кто тамъ есть. Онъ дѣлалъ то, что слѣдуетъ ему дѣлать, но все, что онъ дѣлалъ, было никому и ни на что не нужно. Не нужно ему, не нужно семьѣ, не нужно деревнѣ. Онъ ясно чувствовалъ, что нужно вовсе не то, а что-то гораздо болѣе тихое, простое, человѣчное. Но это опять-таки одна фантазія...

Апельсинскій также нерадостно смотрѣлъ на бѣлый свѣтъ. Онъ описалъ у мужика теленка, который былъ до того малъ, что не могъ держаться на ногахъ, для чего мужикъ долженъ былъ вынести его на рукахъ какъ младенца. И теленокъ-то стоитъ четвертакъ... Какъ все это чудно, тяжко, безтолково, а надо! Ничего не подѣлаешь... А рядомъ съ Апельсинскимъ сидѣлъ тотъ же самый ямщикъ, который везъ ихъ всѣхъ въ волость и раньше, сидѣлъ и думалъ:

«Сколько ѣзды-то! Вонъ опять у лошаденокъ брюхо-то подвело! Сколько народу-то ѣздитъ... А чего? Коли бы ежели бы урожай былъ, а то нехватка, недостача... А что шуму-то! Да не пимши не ѣмши...»

Въ самомъ мрачнѣйшемъ настроеніи духа подъѣхали пассажиры земской подводы къ станціи. Но здѣсь они не-

ожиданно натолкнулись на сцену, которая весьма облегчила ихъ измученныя души, потому что въ самыхъ яркихъ чертахъ указала выходъ изъ безплодной, но каторжной суеты жизни, которою они были подавлены.

Тяжелой, утомленной поступью поднялись они всѣ трое по ступенькамъ вокзала, сопровождаемые земскимъ ямщикомъ, несшимъ за ними портфели, плотно наполненные дѣлами, когда въ самыхъ дверяхъ буфета на нихъ налетѣла какая-то пьяная фигура.

— А, ямщикъ! Михайла! Ты Михайла?—заплетавшимся языкомъ бормотала фигура, бормотала громко, на весь вокзалъ, покачиваясь и махая руками.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе... я-съ самый!

— Это... т-ты м-меня везъ?

— Точно такъ... мы везли-съ.

— А про дѣвчонку ты объяснялъ?

— Это про энту-то? Какъ же, ваше благородіе... это я вамъ докладывалъ.

— А-а! Ну, вѣрно, вѣрно! Давай я тебя поцѣлую! Вѣрно, братъ... братъ ты мой милый! Михайла, голубчикъ, вѣрно, родной, все вѣрно!

И слѣдователь (это былъ, къ сожалѣнію, онъ), какъ говорится, облапилъ извозчика и, шатаясь, цѣловалъ его въ губы, въ бороду, захлебываясь и всхлипывая. Онъ былъ сильно пьянъ.

— Вѣрно!—бормоталъ онъ въ промежуткахъ между поцѣлуями.—Нужда, братъ, Миша!.. А мы въ острогъ, прррротоколъ... проккуроръ... Голубчикъ, прости! Подлецъ, да, подлецъ... прости подлеца!..

— Ну, будетъ, Николай Петровичъ!—желая прекратить эту сцену и трогая слѣдователя за рукавъ, тихо проговорилъ Апельсинскій.—Вѣдь народъ... дамы, неловко же!

— А-а-а...—удивленно и попрежнему громко, во всю мочь возопилъ слѣдователь, обернувшись въ сторону Апельсинскаго.—Сотоварищъ... Э-э-э!.. и г. исправникъ тутъ же... да тутъ всѣ... вся армія спасенія... культура, цивилизація и эмансипація...

— Ну, будетъ, будетъ!—шепталъ Апельсинскій.

— Нѣтъ! Очень пріятно... Здравствуйте, господа, и прощайте... Оревуаръ! Мерси! Не ожидалъ! Предоставляю вамъ аррену, аррену-съ, а меня увольте! Увольте меня! во мнѣ есть Богъ! да! Богъ во мнѣ есть! Культурная вы мастеровщина!.. Не хочу! довольно! будетъ! Я учился, я читалъ,

я думалъ... и я пойду тащить въ острогъ мужика? Нѣтъ, не будетъ этого!

— Ну, будетъ, будетъ, Николай Иванычъ!

— Нѣтъ! Не будетъ! Я посадилъ дѣвчонку, теперь мнѣ надо сажать цѣлую деревню... Кулачишка имъ сдѣлалъ подтопъ мельницей, оставилъ безъ сѣна, безъ молока, безъ пищи ребятамъ, безъ скотины, безъ дровъ... Я, университетски образованный, я долженъ стоять за кулачишку: у него собственность, плотина, а они самовольно ее разломали... У нихъ дѣти, старики, жены, — это ничего! Это ниже собственности... Мнѣ этого довольно, довольно! Позоръ, стыдъ, срамъ... Эй! Эй! Человѣкъ! на тебѣ фуражку! Водки давай! Давай лапти! Лапти мнѣ!.. Это... это... что это? Что такое? Да! Это одна ѣзда, ѣзда и кровь человѣческая... Лапти давай мнѣ, каналья!.. Лапти!..

— А вѣдь ей-Богу такъ!—сказалъ исправникъ.

— Вѣрно! вѣрно!—воскликнулъ Апельсинскій и хотѣлъ было съ объятіями броситься къ слѣдователю, но въ это время съ дивана вскочилъ какой-то пассажиръ и громко крикнулъ:

— Что это за безобразіе! Выведите его вонъ, каналью! Здѣсь дамы!..

Восклицаніе это было до такой степени грозно, что любопытные, начавшіе стекаться на шумъ, производимый слѣдователемъ, вдругъ раздались въ стороны, слѣдователь замолкъ, а я... проснулся.

Оказалось, что я спалъ крѣпкимъ сномъ и проснулся оттого, что поѣздъ Владикавказской дороги, по которой я ѣхалъ, остановился около какой-то станціи, а по платформѣ два жандарма тащили подъ руки какого-то огромнаго, пьянаго, ободраннаго человѣка съ косой на плечѣ.

— Выведите его, каналью! Долой съ платформы!—кричалъ начальникъ станціи.—Здѣсь дамы... дѣти!..

Я понялъ, что именно этотъ голосъ и разбудилъ меня.

Не все однако разсказанное мною происходило только въ сновидѣніи. Я очень хорошо помню, что о весенней голодовкѣ въ нашихъ сѣверныхъ мѣстахъ и о той «дѣловой суетѣ-суетъ», которой она сопровождалась, я сталъ думать потому, что, садясь въ вагонъ Владикавказской дороги, чтобы ѣхать домой на сѣверъ, и такимъ образомъ покончивая съ лѣтними впечатлѣніями жизни на югѣ, я невольно сталъ вспоминать то время, когда я только-что сталъ собираться ѣхать на югъ и вспоминалъ весну, а съ ней и

голодовку и суету-суетъ. Но гдѣ же та точка, съ которой мои совершенно реальныя впечатлѣнія перешли въ сновидѣніе? Этотъ вопросъ тотчасъ же бросился мнѣ въ голову, какъ только я открылъ глаза и убѣдился, что я спалъ, и на мое счастье дѣйствительность почти тотчасъ же разсѣяла мои недоумѣнія: какъ разъ противъ окна вагона, въ которое я смотрѣлъ на станціонную публику, стояла группа тѣхъ самыхъ дѣятелей, которые мнѣ приснились; тутъ былъ и исправникъ, и мировой, и слѣдователь, и еще много разныхъ людей съ портфелями, набитыми бумагами; но всѣ они были такъ свѣтлы, такъ спокойны, здоровы и веселы, что рѣшительно не напоминали своихъ сотоварищей, приснившихся мнѣ во снѣ; ни сомнѣній, ни терзаній, ни вздоховъ—ничего этого нельзя было ожидать отъ совершенно спокойныхъ, изящныхъ людей, которыхъ я видѣлъ въ дѣйствительности. Ясныя, свѣтлыя лица ихъ и спокойные пріемы не давали, правда, возможности рѣшить вопросъ о томъ, почему лица эти такъ ясны и самодовлѣющи? Потому ли, что дѣла ихъ ясны и свѣтлы, или потому, что въ темныя и неясныя дѣла они сами только и дѣлаютъ, что вносятъ свѣтъ? Но, и не затрудняя себя рѣшеніемъ этого вопроса, можно было все-таки ясно видѣть, что это вотъ не приснившійся, а настоящій исправникъ, это настоящій слѣдователь, а это заправскій судебный приставъ, да вотъ и столикъ съ картами и мѣломъ пронесли для нихъ два сторожа въ первый классъ,—очевидно, что люди настоящіе, дѣлающіе какое-то — должно-быть, тоже настоящее—дѣло.

III. „Одинъ на одинъ“.

По поводу одного процесса.

1.

Необыкновенное, поразительное, потрясающее уголовное дѣло разбирало недавно отдѣленіе орловскаго окружнаго суда въ городѣ Болховѣ. Обвинялся и приговоренъ къ безсрочной каторгѣ нѣкто Пищиковъ, который засѣкъ свою жену, беременную на девятомъ мѣсяцѣ, нагайкой. Процессъ этотъ не сдѣлалъ такого общественнаго шума, какой обыкновенно дѣлаютъ разные кровавые процессы,—и я не со-

мнѣваюсь, что *ужасъ*, именно только безконечный и безпредѣльный ужасъ, которымъ запечатлѣно это дѣло, и былъ причиною того, что всякій, хоть чуть-чуть знакомый съ нимъ, предпочелъ перестрадать его молча, про себя, а столичная печать не сочла умѣстнымъ тиранить своихъ читателей подробностями ужаснаго дѣла, такъ какъ и маленькаго пересказа о немъ, промелькнувшаго во всѣхъ газетахъ, было совершенно достаточно для того, чтобы потеряться отъ невыразимой тоски.

Въ настоящей замѣткѣ я также не желаю тиранить читателя изложеніемъ подробностей этого дѣла *), потому что не въ нихъ, какъ мнѣ кажется, заключается то невидимое ужасное, изъ котораго возникло ужасное видимое. Подробности процесса не даютъ вамъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ невидимомъ, но ужасномъ. Самъ виновникъ злодѣйства объясняетъ свое дѣло ревностью—*«ревностью къ добрачной жизни жены»*; говоритъ, что жена раздражала его тѣмъ, что не говорила правды: «сегодня разскажетъ одно, а завтра говоритъ, что я все наврала, ничего этого не было»—и вотъ отъ такого-то раздраженія человѣкъ могъ постепенно дойти до того, что не нашелъ иного выхода изъ своихъ личныхъ огорченій, какъ безчеловѣчное истязаніе *въ теченіе шести часовъ* беременной на девятомъ мѣ-

*) Въ короткихъ словахъ содержаніе процесса таково: бѣдный провинціальный писарекъ Пищиковъ случайно знакомится и женится на богатой дѣвушкѣ (дѣвическая ея фамилія Санъ-Венсанъ), благовоспитанной, образованной, что̀ никакъ нельзя сказать о самомъ Пищиковѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Пищиковъ уѣзжаетъ на жительство въ деревню и вотъ здѣсь сталъ совершенно обезпеченнымъ человѣкомъ, что̀ для грубой и дикой натуры Пищикова могло означать — полное освобожденіе отъ всякихъ общественныхъ обязанностей (а это, къ сожалѣнію, какъ увидятъ читатели, оказывается дѣломъ вполнѣ возможнымъ); онъ начинаетъ жить исключительно своими личными интересами и прихотями, въ числѣ которыхъ зерно ревности къ добрачной жизни жены даетъ ему право проявлять относительно ея свои дурные, жестокіе инстинкты. Въ настоящемъ очеркѣ я опускаю только процессъ развитія въ Пищиковѣ этихъ жестокихъ инстинктовъ, то-есть не говорю ничего о томъ, какъ отъ грубыхъ словъ и ругательствъ дѣло дошло до побоевъ, а отъ побоевъ—къ дракѣ, къ увѣчью, къ всенародному посрамленію жены и т. д. Ужаснаго конца этихъ жестокостей вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель былъ потрясенъ и подавленъ злодѣйствомъ, и нѣтъ никакой надобности усиливать это подавляющее впечатлѣніе пересказомъ подавляющихъ подробностей. Все существенно важное для пониманія этого ужаснаго дѣла читатель найдетъ въ настоящей замѣткѣ: узнаетъ, кто такой былъ Пищиковъ, кто такая была его жена, какъ они сошлись и т. д.

сяцѣ женщины,—истязаніе, про которое врачъ, видѣвшій солдатъ, наказанныхъ шпицрутенами до тысячи ударовъ, говорилъ, что онъ не видывалъ ничего подобнаго тому ужаснѣйшему положенію, въ которомъ засталъ мертвую г-жу Пищикову. Кромѣ полнѣйшаго несоотвѣтствія такого звѣрскаго конца съ размѣрами личнаго огорченія, эти размѣры *въ подлинномъ*, выяснившемся на судѣ видѣ, *въ подлинномъ своемъ значеніи*, не только не имѣютъ чего-нибудь мало-мальски фактически достовѣрнаго, что̀ дѣйствительно могло бы довести человѣка до изступленія, но умаляются до ничтожества (въ смыслѣ *коренной причины* ужаснаго дѣла) показаніями того же самаго Пищикова, который засѣкъ жену, имѣя отъ нея уже 4-хъ дѣтей,—жену, совершенно ему преданную, засѣкъ *якобы* за ея «добрачную жизнь», тогда какъ съ этой «добрачной» жизнью своей будущей жены онъ былъ вполнѣ уже знакомъ до брака. Убитая теперь имъ женщина до брака была «влюблена» въ плѣннаго турецкаго офицера, нѣкоего Телятъ-бея. Дѣвушка эта училась въ институтѣ (но не кончила) и жила не то чтобы на свободѣ, а такъ, безъ призора; отецъ ея женился на другой, когда ей было два года; жила она у какой-то тетки безъ дѣла и, повторяю,—безъ призора. Бульвары, прогулки, снованіе изъ угла въ уголъ... Замужъ бы надобно было барышнѣ-бѣднягѣ, а тутъ Телятъ-бей какой-то по бульвару шляется. Она такъ въ него влюбилась, что когда онъ уѣзжалъ на родину, такъ она хотѣла съ нимъ бѣжать, просила, чтобы онъ «взялъ ее» съ собой (вѣдь скука въ самомъ дѣлѣ адская *такъ жить* у тетки... Что-жъ? Тетка—тетка... все одно и то же!). И эти-то просьбы передавались Телятъ-бею черезъ Пищикова; Пищиковъ носилъ ему письма своей будущей жены, уговаривалъ его придти къ ней на свиданіе,—словомъ, помогалъ ей... Когда же Телятъ-бей отказалъ барышнѣ, «не взявъ» ее съ собой, то она полюбила Пищикова — да въ самомъ дѣлѣ, вѣдь какъ онъ для нея старался, какъ хотѣлъ помочь! А тотъ оттолкнулъ ее. Разумѣется, Пищиковъ «добрый», и не ходить же ей всю жизнь по бульвару изъ угла въ уголъ... Пищиковъ женился на барышнѣ, *зная все это* и будучи, *по его словамъ*, «до брака же» въ мельчайшихъ подробностяхъ знакомъ со всевозможными другими романами своей жены (рѣшительно не подтвердившимися на судѣ). Словомъ, все, что̀ якобы ожесточило Пищикова послѣ долгихъ-долгихъ годовъ супружеской жизни съ безукоризненной женой,

все это давнымъ-давно было уже извѣстно Пищикову, а главное—то, что все это «извѣстное» положительно не подтверждено ни единымъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Въ этой бѣдной женщинѣ не только не видно признаковъ малѣйшаго своевольства сердца, но мы видимъ, напротивъ, что она, обладая вполнѣ независимымъ состояніемъ, дающимъ ей полную возможность жить «въ свое удовольствіе»,— даже и мысли не имѣетъ о возможности *уйти* отъ тирана-мужа, не въ силахъ убѣжать отъ его ударовъ: даже въ страшный день своей страшной смерти, чувствуя приближеніе чего-то неимовѣрно-жестокаго, она только проситъ не уходить, остаться ночевать какихъ-то двухъ мужиковъ, случайныхъ гостей Пищикова... Мужики отказались, и она ничего не могла придумать иного для своего спасенія.

Такимъ образомъ мотивъ, выставляемый Пищиковымъ, при самомъ тщательномъ изученіи показаній, касающихся «добрачной» жизни его жены, рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго значенія сравнительно съ невѣроятнымъ результатомъ, къ которому онъ привелъ. Защитникъ Пищикова (къ чести его) даже и не коснулся этого, во всѣхъ смыслахъ не подлежащаго уваженію мотива. Но и другой мотивъ, выставляемый прокуроромъ, — положительно такъ же, какъ и первый, не выводитъ васъ на настоящую дорогу. Пищиковымъ руководило корыстолюбіе: жена его владѣла имѣніемъ цѣнностью до семидесяти тысячъ рублей, и вотъ онъ, сдѣлавшись ея мужемъ, хочетъ, чтобы жена сдѣлала его полнымъ хозяиномъ имѣнія, и ради этого онъ начинаетъ ее бить, т.-е. побоями хочетъ добиться отъ нея того, что̀ она, прикованная къ нему какой-то неискоренимой привязанностью, могла бы сдѣлать по одному ласковому слову. Но и этого не нужно, потому что (какъ видно изъ дѣла) она сдѣлала это уже давнымъ-давно; Пищиковъ давно уже имѣлъ отъ нея довѣренность на управленіе имѣніемъ, могъ это имѣніе продать и заложить, и кромѣ того имѣлъ ея векселя на сумму, превышающую стоимость имѣнія. Словомъ, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ все. И вотъ, когда онъ все получилъ, онъ и дѣлаетъ дѣло, за которое его ждетъ безсрочная каторга. Не могъ же онъ не знать, что, истязуя жену, онъ идетъ не къ свободѣ и богатству и тѣмъ паче не къ счастью... Онъ отлично зналъ еще утромъ рокового дня, что день этотъ кончится какъ-то необыкновенно жестоко, онъ зналъ это наканунѣ, задолго до рокового дня ощущалъ потребность разразиться въ чемъ-то

ужасающемъ... Въ день смерти жены онъ утромъ посылаетъ ея отцу телеграмму, извѣщая его о приближающейся кончинѣ жены, которая была еще жива — сидѣла съ гостями, которыхъ потомъ просила остаться ночевать...

Словомъ, всевозможные «резоны», приводимые прокуратурой, защитой, свидѣтелями и самимъ подсудимымъ въ объясненіе этого необычайнѣйшаго злодѣйства, не только не объясняютъ вамъ его, но, напротивъ, чѣмъ болѣе вы стараетесь вникнуть въ «подробности» дѣла и съ помощью ихъ до «самаго корня», тѣмъ болѣе вы начинаете чувствовать, что «это не то», что «это не главное», что это мелочи, и что гдѣ-то тутъ, «около» этого процесса, а не здѣсь, въ этомъ окружномъ судѣ, и не въ этомъ отчетѣ о засѣданіи, который вы читаете, есть то главное, то ужасное, что гнететъ васъ несказаннымъ ужасомъ. Ужасъ этотъ начинаетъ возрастать именно по мѣрѣ того, какъ подробности дѣла начинаютъ надоѣдать вамъ своею ничтожностью, мелочностью... Вы видите, что для объясненія злодѣйства никто изъ лицъ, заинтересованныхъ въ процессѣ, — *не въ состояніи* представить такихъ резонныхъ объясненій, чтобы вы могли сказать себѣ: «А, вотъ наконецъ въ чемъ дѣло!»

И вотъ въ то самое мгновеніе, когда вы хотѣли бы совершенно забыть то ничтожное, до микроскопичности малое сердечное огорченіе Пищикова на его жену за какую-то добрачную жизнь, — огорченіе, источникомъ котораго была впослѣдствіи кровавая безчеловѣчная бойня, — вотъ тутъ-то вы и начинаете понимать, почему это дѣло такъ несказанно васъ потрясаетъ.

2.

Васъ ужасаютъ тѣ непонятныя условія жизни, которыя сдѣлали возможнымъ нѣчто совершенно невозможное. Что бы вы сказали, если бы кто-нибудь указалъ вамъ на огромное, толстое и крѣпкое, какъ дубъ, дерево и сказалъ бы, что это не дубъ и даже не дерево, а просто-напросто салатъ, доведенный до такого невѣроятнаго состоянія какими-то особенными пріемами? Въ дѣлѣ Пищикова поражаютъ именно тѣ таинственныя причины, лежащія гдѣ-то тутъ, *около этого дѣла*, которыя сдѣлали возможнымъ, что крошечное, поистинѣ, какъ маковое зерно, ничтожное личное дѣло, *личный*, притомъ же вполнѣ призрачный *вопросикъ*, могъ постепенно разрастись до такихъ необычайныхъ размѣровъ, что завладѣлъ всѣмъ человѣкомъ, сдѣлался руко-

водителемъ всѣхъ его помысловъ, поступковъ, побужденій, сдѣлался воздухомъ, которымъ онъ дышитъ, сталъ главнѣйшимъ и единственнымъ мотивомъ ежедневнаго *времяпровожденія*, до того единственнымъ и насущнымъ, что когда жестокосердію не было пищи, когда воображеніе отказывалось работать въ направленіи жестокихъ мыслей за положительнымъ отсутствіемъ матеріала, — словомъ, когда утомленная однообразіемъ работы мысль начинала ослабѣвать,— то человѣкъ, *живущій* и дышавшій только этими злыми мыслями, долженъ былъ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, пить стаканами водку, возбуждать свою отказывающуюся работать фантазію — въ томъ же совершенно противоестественномъ направленіи, точно, не будь у него этихъ безчеловѣчныхъ мыслей, такъ ему и жить-то на свѣтѣ не будетъ никакого интереса.

Въ чемъ же заключаются тѣ удивительныя, непонятныя условія нашей жизни, которыя, съ одной стороны, даютъ человѣку широчайшую, роскошнѣйшую возможность отдать всю свою жизнь, всю свою душу, силу, кровь и плоть капельному личному вопросику, разработать этотъ вопросикъ въ необычайныхъ тонкостяхъ, довести его крохотное значеніе до гигантскихъ размѣровъ, а съ другой — каковы же тѣ условія жизни, которыя, позволяя даже маковымъ зернамъ личныхъ вопросовъ разрастаться до предѣловъ невозможнаго, тѣмъ самымъ даютъ возможность пожираемому личнымъ дѣломъ человѣку *по цѣлымъ годамъ не ощущать ни малѣйшей потребности удѣлить что-нибудь изъ своихъ личныхъ силъ, личнаго горя, личнаго вниманія на интересы, печали, радости того океана людей, среди котораго онъ живетъ?* И почему наконецъ этотъ самый океанъ людей тутъ, вокругъ этого человѣка, можетъ жить своей жизнью, не прикасаясь къ нему, ничего отъ него не требуя и ничего не давая?

Вотъ тѣ дѣйствительно ужасные вопросы, объясненіе которыхъ таится гдѣ-то «около» процесса, но никакъ не въ подробнѣйшихъ подробностяхъ его.

Случалось ли вамъ, читатель, когда-нибудь заглянуть на большую фабрику во время перерыва работы, т.-е. точь въ точь въ такую же минуту, которую, относительно русскаго общества, я позволилъ себѣ характеризовать словомъ «безвременье»? Живая сила пара еще дѣйствуетъ, и на фабрикѣ идутъ шумъ и стукъ; вотъ здѣсь пыхтитъ какой-то здоровенный поршень, хляская масляной поверхностью.

пыхтитъ и неустанно толчется на одномъ мѣстѣ; тамъ вверху неустанно, неутомимо, неугомонно вертится какое-то маленькое колесцо, вертится ужасно проворно, кажется, бьется изъ всѣхъ силъ, до послѣдняго издыханія; а здѣсь вотъ до послѣдняго же издыханія прыгаетъ какой-то крючокъ, прыгаетъ на одномъ мѣстѣ милліонъ разъ въ секунду. Но сколько бы ни вертѣлось это колесцо, какую бы безконечнѣйшую неутомимость ни обнаруживалъ этотъ поршень, до поту лица измученный своей вѣковѣчной обязанностью соваться внизъ и вверхъ; какъ бы ни изнурялся этотъ крючокъ, безъ устали долбящій своимъ желѣзнымъ носомъ по желѣзу, — вы можете видѣть только, что всѣ эти мученія винтовъ, поршней и крючковъ совершенно безплодны, что никакого ситца или сукна не будетъ, несмотря на ужаснѣйшія усилія этихъ мучениковъ механики до послѣдней капли крови исполнять свои механическія обязанности, — не будетъ до тѣхъ поръ, покуда не придетъ мужикъ и не надѣнетъ на это вертящееся безъ устали и толку колесцо вотъ этого приводнаго ремня, который по случаю остановки дѣла снятъ съ него и виситъ тутъ, рядомъ съ этимъ колесцомъ. Но стоитъ только надѣть приводный ремень, т.-е. стоитъ только соединить тонкой эластичной нитью это отдѣльно мучащееся колесцо со всѣмъ механическимъ міромъ фабрики, со всѣмъ машиннымъ «обществомъ» — какъ все приходитъ въ порядокъ, все получаетъ смыслъ, все начинаетъ стучать и долбить и пыхтѣть съ извѣстной цѣлью, и на этотъ разъ изъ пыхтѣнья и шипѣнья и долбленья ужъ непремѣнно получится и результатъ — и сукно и ситецъ...

А Пищиковъ-то именно и есть это одинокое колесцо, безъ устали вертящееся на оси своего личнаго вопроса. Будь это колесцо притянуто приводнымъ ремнемъ, т.-е. какою-нибудь нравственною связью ко всему общему механизму, къ этимъ отдѣльно стучащимъ и шипящимъ гайкамъ и винтамъ, къ этимъ людямъ, которые живутъ кругомъ него, ощущай онъ хоть чуть-чуть, что на немъ лежитъ ремень, обязанность, — и эта лошадиная сила, вылившаяся въ такомъ непостижимомъ злодѣйствѣ, убавилась бы наполовину; а разъ она должна бы была дать мѣсто чему-то *не своему, не личному,* а общечеловѣческому, — она бы не посмѣла выразиться, по крайней мѣрѣ такъ, такъ ужасно... свободно, какъ она могла выразиться... Всякій убійца, всякій злодѣй, всякій мститель *боится людей,* прячетъ свое зло-

дѣйство, кладетъ ядъ потихоньку въ лепешку, убиваетъ врага, когда онъ спитъ. Злое, безчеловѣчное дѣло, отъ котораго человѣкъ не можетъ удержаться, *обязываетъ его*, по крайней мѣрѣ, облегчить себѣ ту подлость своего поступка, утаивъ его *отъ людей, запираясь, отрекаясь отъ него*... Въ дѣлѣ Пищикова то-то и ужасно, что оно совершается при полнѣйшемъ сознаніи безлюдья; ни скрывать, ни притворяться, ни хитрить ему не приходитъ въ голову. Онъ *одинъ* съ своимъ личнымъ дѣломъ; кругомъ него пустыня, и размахи его кнута, дѣлаясь все шире, все вольнѣе, удалѣе, встрѣчаютъ только пустое пространство, только въ пустомъ воздухѣ свиститъ его окровавленный кнутъ...

У него полонъ домъ народу, онъ живетъ въ деревнѣ, онъ бываетъ у священника, у кабатчика, у станового, кругомъ него живутъ крестьяне, — но каждый изъ нихъ, какъ это одинокое колесцо, какъ этотъ пыхтящій поршень, какъ этотъ крючокъ, долбящій желѣзнымъ носомъ по желѣзу, прикованъ, какъ и Пищиковъ, къ своему горю, къ своему дѣлу, къ кабаку, къ пашнѣ, къ требамъ и т. д. Это — не камни, не звѣри, нѣтъ, это люди — каждый поодиночкѣ, какъ винты, гайки и поршни на фабрикѣ, находящейся безъ работы, томящіеся въ обиліи и тяготѣ *своихъ* крошечныхъ печалей и заботъ, безъ умолку толкущіеся въ *своихъ* выше головы кажущихся горестяхъ; но между всѣми ними нѣтъ ничего связующаго, нѣтъ этого приводнаго ремня, который, связывая отдѣльное колесцо съ общимъ механизмомъ, ставилъ бы *мои* печали и желанія въ связи съ печалями и желаніями сосѣдей и, сливая ихъ, ставилъ бы надъ всѣми нами общія, понятныя всѣмъ одинаково и одинаково обязательныя цѣли. «*Одинъ на одинъ*», «*съ глазу на глазъ*» «съ самимъ собой», съ своими радостями, съ своими печалями, съ своими дурными, злыми и добрыми желаніями, съ муками или мелочами своей души — вотъ характернѣйшая черта «безвременья», результатъ искусственно, съ огромными, нечеловѣческими усиліями оборванной связи, разрѣзаннаго нерва, который на нашихъ глазахъ такъ животворно соединялъ когда-то «меня», отдѣльнаго человѣка, со всѣмъ человѣчествомъ вообще и со всей русской землей въ частности.

Ничтожный провинціальный писарекъ Пищиковъ, которому предстояло бы существовать доходами въ кварталѣ, кляузами и т. д., неожиданно дѣлается богачомъ, женится на богатой, получаетъ любящую и преданную жену. Не

случись этого, онъ бы изъ простого желанія получить съ мужика за аблакатскую практику рубль долженъ бы быть скромнымъ; долженъ бы былъ «*держать себя*» прилично, хотя мало-мальски долженъ бы былъ «ломать голову» надъ *чужими* дѣлами, чтобы, получивъ вознагражденіе, отвести и *свою* душу гдѣ-нибудь въ кабакѣ, въ трактирѣ. Но вотъ обстоятельства его сложились такъ счастливо, что уже ему не надобно такъ или иначе «держать себя», думать о *чужихъ* дѣлахъ, хотя бы изъ-за денегъ, — и онъ оказывается въ безвоздушномъ пространствѣ.

«Какъ такъ? — быть-можетъ, спроситъ читатель.—Тутъ-то, то-есть именно тогда, когда *вполнѣ удовлетворены всѣ личныя потребности* и нужды, — тутъ-то человѣку и открывается просторъ для общественной дѣятельности, тутъ-то и можно, ни въ чемъ себя не урѣзывая и не стѣсняя, подумать о чужомъ дѣлѣ и житьѣ». Но въ томъ-то и бѣда, что, говоря вообще, именно у насъ на Руси никто не предоставленъ въ такой степени «пустому пространству» относительно общественной дѣятельности, какъ человѣкъ «вполнѣ обезпеченный». Желаніе такъ ли, сякъ ли выскочить изъ условій «полнаго удовлетворенія», иной разъ «куда глаза глядятъ», есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ общественной жизни, затерянныхъ въ хаосѣ постояннаго «безвременья». Не только такая деревянная и ограниченная натура, какъ Пищиковъ, остаются за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ личныхъ своихъ интересовъ въ пустомъ пространствѣ, а и самыя нѣжныя, впечатлительныя и воспріимчивыя натуры. «Вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ милліонъ — живи и не суйся». «Не суйся» — видно обезпеченному человѣку гораздо лучше, чѣмъ кому-нибудь другому. Нѣтъ мѣста даже хоть поврать-то либерально или консервативно — но лишь бы на народѣ. Еле-еле въ двадцать лѣтъ явится возможность напечатать какую-нибудь книжонку для народа въ двѣ копейки. Самый впечатлительный человѣкъ можетъ у насъ лѣтъ пятьдесятъ сидѣть въ углу своего кабинета и думать о правдѣ, сколько ему угодно, думать до тѣхъ поръ, пока диванъ подъ нимъ провалится, пока подъ диваномъ провалится полъ — и общественнаго толка отъ этого не будетъ.

Почему такъ? Да просто, говоря по чистой совѣсти, *боимся!* «Поди-ка, сунься!» — вотъ что «начинается» для обезпеченнаго человѣка послѣ того, какъ онъ наконецъ «достигъ». Да, господа, боимся, рѣшительно *боимся* су-

нуться изъ своего заколдованнаго угла на улицу, въ толпу, въ народъ, въ общество — и это *боимся* начинается для русскаго развитого человѣка какъ разъ тогда, когда бы ему слѣдовало подумать и о «другихъ», когда ему даже и самому приходитъ желаніе подумать и поработать для другихъ. Если у впечатлительныхъ людей на дорогѣ отъ интересовъ личности къ интересамъ человѣчества стоитъ это, довольно основательно обставленное: «боюсь!», — то у Пищикова, человѣка нисколько не впечатлительнаго, нимало не развитого, оказалась, по удовлетвореніи личныхъ нуждъ, безконечная, голая пустыня... Мало образованный и бѣдный до сихъ поръ — онъ могъ только практически познакомиться съ областью дѣлъ общественныхъ. Онъ зналъ, какъ человѣкъ, которому нужно гдѣ-нибудь получить жалованье, что есть какіе-то общественные банки, общественныя дѣла въ думѣ, общественныя дѣла въ земствѣ. Но чему же дѣйствительно общественному онъ могъ бы научиться во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, какъ практикъ, какъ человѣкъ опыта? Что такое сдѣлали общественнаго въ дѣйствительности всѣ эти учрежденія за послѣдніе годы, и что въ нихъ могла видѣть и наблюдать такая грубая, ограниченная натура? Одни только корыстные мотивы — только одни безусловно; толкуютъ: «общественное, общественное» — а глядишь, и пропалъ сундукъ съ деньгами... Толкуютъ о развитіи промышленности, о кредитѣ, о заработкѣ для бѣднаго люда, т.-е. въ концѣ концовъ объ общественной пользѣ, а на дѣлѣ оказывается — обворовали банкъ и больше ничего! И вѣдь это такъ въ дѣйствительности; и если бы Пищиковъ былъ въ нуждѣ, то онъ старался бы изучить механику такихъ «общественныхъ дѣлъ» и научился бы, можетъ-быть, довольно искусно врать объ общественной пользѣ, имѣя въ сущности какую-нибудь низменную цѣль; но у него нѣтъ нужды, нѣтъ надобности изучать эти звонкія слова для того, чтобы разломать сундукъ съ деньгами, и вотъ онъ — въ полной пустынѣ. Положа руку на сердце, скажите — въ какомъ видѣ, въ какихъ размѣрахъ «общественное дѣло», нужды вообще людей, среди которыхъ мы живемъ, могутъ въ настоящее время сами придти къ вамъ, постучаться къ вамъ въ дверь, сказать вамъ: «Что вы сидите! идите дѣлать то-то и то-то. *Вы обязаны*». Никогда! Никогда они не стучатся теперь сами въ вашу дверь и не приходятъ къ вамъ и не требуютъ васъ къ себѣ... И вотъ Пищиковъ — совершенно въ пустомъ пространствѣ. Кругомъ него кре-

стьяне, нищета, нужда, кабала, тѣснота земельная, горе мужицкое; но изъ этого на памяти Пищикова никогда никакого вопроса и никакого «дѣла» не дѣлалось, и онъ, видя все это, какъ человѣкъ, наученный практикой жизни— считать *все это* за обыкновенное, — нимало не думаетъ сдѣлать все это предметомъ хотя бы малѣйшаго вниманія и вовсе не считаетъ матеріаломъ, годнымъ для личной духовной и умственной жизни.

Просторно и пусто кругомъ него... Просторно и пусто въ немъ самомъ, въ его пустой душѣ, пусто, какъ въ огромномъ пустомъ сараѣ... Ничего тамъ нѣтъ... Но надо же, чтобы тамъ что-нибудь жило, нельзя же такъ, просто, лить туда водку, надо что-нибудь... И вотъ въ его неласковомъ сердцѣ является мысль о Телятъ-бѐѣ. Мысль крошечная, воспоминаніе ничтожное, какъ дымъ, легкое, прозрачное, но онъ и ему радъ, онъ хватается за него и понемножечку, но каждую минуту (а теперь у него всѣ минуты свободны) начинаетъ развивать это зернышко, наконецъ-таки найденное въ пустомъ сараѣ, начинаетъ лелѣять, разрабатывать, тысячи разъ разспрашивая жену о томъ, что̀ ему извѣстно давнымъ-давно, и подбадривая себя сивухой въ такія минуты, когда кажется, что лелѣемому растенію не изъ чего развиваться... И понемножку, по капелькѣ, но не бросая этого дѣла ни на минуту, въ нѣсколько лѣтъ Пищиковъ успѣваетъ возрастить это капельное зернышко салата до размѣровъ огромнаго дуба...

И во всѣ эти годы *чужая* жизнь ниоткуда не вторглась въ эту пустую, нищую душу, не дунула въ нее ощущеніемъ стыда, не вложила въ нее никакого *иного* матеріала, потому что и чужая жизнь состоитъ теперь тоже изъ милліоновъ жизней «одинъ на одинъ». А вотъ не угодно ли полюбоваться на ту же черту настоящаго безвременья совершенно ужъ въ другомъ видѣ? Пищиковъ, поставленный въ положеніе полной изолированности отъ людского общества и общечеловѣческихъ интересовъ, наполняетъ огромный пустырь, окружающій его, проявленіями своей жестокости въ размѣрахъ, ничѣмъ не ограничиваемыхъ,—а вотъ какой-то сельскій учитель, чувствующій вокругъ себя тотъ же пустырь (для Пищикова это «просторъ»), вотъ какъ описываетъ свое положеніе: «Сердце сжимается, *уста цѣпенѣютъ* (?), кровь стынетъ въ жилахъ, голова горитъ какъ въ огнѣ, и мысль едва-едва работаетъ при написаніи сихъ правдивыхъ строкъ. Если бы не вопіющая дѣйствитель-

ность, не святая истина, всегда, вездѣ, во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ тожественная, если бы *не горькія, безотрадныя, безутѣшныя слезы* народныхъ носителей по пути грамотности—не заскрипѣло бы наше скромное перо. Но оно невольно скрипитъ, повинуясь глаголу вѣчной правды, рисуя неприглядную, забитую, запуганную, скомканную, искалѣченную жизнь этого истиннаго труженика, сельскаго учителя Усманскаго уѣзда. Что ждетъ его въ будущемъ? Гдѣ успокоитъ онъ свои старыя кости? Развѣ только подъ сводомъ сырой могилы. Это, впрочемъ, удѣлъ каждаго движущагося индивидуума по непреложному велѣнію Творца. Но прежде, чѣмъ дойти до этого предѣла, что испытаетъ сельскій учитель, еще юный, *жизненная могила* котораго протянется, быть-можетъ, на цѣлые десятки лѣтъ? Нельзя безъ сердечнаго содроганія и нравственной муки смотрѣть на эту блѣдную, исхудалую, забитую горькой нуждой фигуру, сгорбленную, въ дырявомъ сюртукѣ, въ разорванномъ пальто, въ изношенныхъ сапогахъ,—фигуру сельскаго учителя, идущаго въ усманское земство для полученія какихъ-нибудь 10—13 р. мѣсячнаго содержанія. Если при этомъ взять во вниманіе окружающую невѣжественную и пьяную массу крестьянъ, среди которыхъ приходится насаждать свѣточъ науки,—крестьянъ, отъ которыхъ нерѣдко, какъ будто въ награду, переносятся всякія оскорбленія, то можно судить, насколько красна жизнь сельскаго учителя и сколько нужно терпѣнія, умственнаго и нравственнаго устоя, чтобы безъ ропота нести такое ужасное бремя жизни!..» («Тамб. Губ. Вѣд.»).

Читая эту корреспонденцію, невольно спрашиваешь себя: что такое случилось съ бѣднягой усманскимъ учителемъ? Ужъ не истиранилъ ли его кто-нибудь ни за что ни про что... У него «уста цѣпенѣютъ» отъ ужаснѣйшаго положенія, для него жизнь не жизнь, а *жизненная могила*, «ужасное бремя», онъ не можетъ *безъ сердечнаго содроганія* представить себѣ фигуру учителя: фигура вся изорвана въ клочья, согбенна, изнурена и забита... Что же наконецъ такое дѣлаютъ господа усманскіе земскіе изверги съ усманскими сельскими учителями? Но при внимательномъ чтеніи письма оказывается, что съ усманскими учителями ровнехонько-таки ничего особенно не творится; жалованья мало, но по всей Россіи учителя получаютъ мало,—вотъ и все... А между тѣмъ ужасъ, который владѣетъ корреспондентомъ при изображеніи положенія сельскаго учителя, несомнѣ-

ненъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этой корреспонденціи появилось извѣстіе о самоубійствѣ какого-то сельскаго учителя изъ усманскихъ, и я не удивился бы, если бы этотъ, наложившій на себя руки, человѣкъ оказался именно тотъ самый, который писалъ корреспонденцію. Отчего же такой ужасъ охватилъ его? Отчего ему представилось, что быть сельскимъ учителемъ усманскаго земства почти то же, что быть живымъ зарытымъ въ могилу?.. Мнѣ кажется, что ужасъ овладѣлъ бѣднягой именно отъ ощущенія одиночества... Онъ одинъ, въ пустынѣ, съ своими тетрадками, книжками, чернильницей... Кругомъ — невѣжество, ничего общаго съ его святой миссіей, онъ обреченъ на всю жизнь чахнуть надъ таблицей умноженія, «фыкать» и «пыкать»,— онъ одинъ, а все чуждо ему, и всѣмъ чуждъ онъ... Вотъ источникъ того неподдѣльнаго ужаса, послѣдствіемъ котораго, кажется, даже было самоубійство. «Одинъ самъ съ собой»—живи такъ всю жизнь! Да, это точно могила! Читая корреспонденцію, вы чувствуете, что человѣкъ иззябъ, издрогъ въ какомъ-то холодномъ погребѣ, исчахъ тамъ, «измучился», долженъ знать, что ему ничего не предстоитъ, кромѣ гибели,—его забыли, до него никому нѣтъ дѣла.

И такое душевное состояніе, такая душевная жуть, которая сквозитъ въ словахъ учителя, дѣлается совершенно понятной, если припомнить опять то же самое одиноко, безпрерывно и безцѣльно вертящееся фабричное колесцо, не приведенное въ связь съ общимъ ходомъ живого общественнаго механизма и живого общественнаго дѣла. На нашей памяти опять-таки были времена, когда эта связь существовала и когда передаточный ремень притягивалъ маленькое колесцо къ большому механизму. Тогда не страшно было бы жить сельскому учителю и на 13 рубляхъ и въ рваномъ пальто, и не страшно потому, что онъ, точно также «пыкая» и «фыкая» и до хрипоты изнемогая надъ таблицей умноженія, чувствовалъ, что онъ «не одинъ», что ему дороги не 13 р., «не средства къ жизни», а самое дѣло; онъ могъ *посвятить* жизнь этому дѣлу, давать молодому деревенскому поколѣнію возможность мыслить разумно и справедливо, и онъ охотно, съ жаромъ и всѣмъ пыломъ молодости принимался за трудную черную работу умственнаго развитія молодого поколѣнія, вставалъ въ 6 часовъ, когда на дворѣ еще темно, — но ребята ужъ бѣгутъ къ учителю; грѣлся отъ холоду, играя съ этими же ребятами на-кулачки... Онъ зналъ, что онъ не одинъ, что литераторъ, писатель пишутъ

для него, для учителя, и этихъ мальчиковъ книгу подъ вліяніемъ *тѣхъ самыхъ* побужденій, которыя и его заставили *посвятить себя* трудному дѣлу, — и книга *поможетъ* ему придать работѣ бо́льшую силу, большее содержаніе; онъ зналъ, что и журналистика не забываетъ его, потому что работаетъ въ одномъ съ нимъ направленіи; зналъ, что вотъ этотъ мировой судья не помирволитъ неправдѣ, такъ какъ исповѣдуетъ одни и тѣ же принципы и приводитъ ихъ въ своемъ, не учительскомъ, а судейскомъ дѣлѣ. Зналъ, что рѣшеніе такого-то дѣла подтвердитъ его слова, сказанныя ученикамъ. Словомъ, тысячами рукъ въ разныхъ видахъ и пріемахъ дѣлалось одно и то же, и ни одинъ винтъ, поршень или крючокъ этого механизма не толкался праздно на своемъ мѣстѣ, а зналъ, что онъ находится въ связи съ человѣческимъ обществомъ, что идея, ихъ связывающая, есть идея общечеловѣческая, и такимъ образомъ, долбя въ холодной избѣ таблицу умноженія, ни малѣйше не терялъ связи съ развитіемъ общечеловѣческой мысли...

Да, если, можетъ-быть, не такъ вполнѣ «прекрасно было» на нашихъ глазахъ, зато, дѣйствительно, точно такъ, какъ здѣсь говорится, — прекрасно думалось, чувствовалось и частью, несомнѣнно, осуществлялось въ дѣйствительности.

Но — увы! — передаточный ремень снятъ, живой нервъ, соединявшій мою духовную жизнь съ духовной жизнью человѣчества и русскаго народа, разрѣзанъ; винты, гайки и поршни толкутся, шипятъ, суетятся, изнуряются каждый «самъ по себѣ», «одинъ на одинъ», изнуряются безъ общей цѣли, безъ общаго плана, безъ живой общественной связи.

Уединенный поэтикъ начинаетъ маленькимъ воробьинымъ носикомъ копаться въ крошечномъ цвѣткѣ, обрызганномъ капелькой росы, и дѣлаетъ это дѣло съ величайшей тщательностью... Уединенный беллетристъ производитъ микроскопическія изслѣдованія надъ психическимъ состояніемъ Петра Петровича, которому нравится толстая Марья Андреевна и опостылѣла худощавая Наталья Ивановна... Уединенный учитель пускаетъ пулю въ лобъ, потому что ему пришлось жить съ одними чернильницами, перьями, линейками, безъ всякой нравственной душевной связи съ окружающимъ крестьянскимъ обществомъ, безъ связи съ командующимъ, распоряжающимся надъ нимъ земскимъ классомъ, и ужасъ его одиночества, холодъ этой заброшенной нетопленной комнатки, эти рваные сапоги и дыры из-

носившагося платья—все это рисующееся его воображенію въ перспективѣ всей жизни, до конца, до могилы—невольно тянетъ къ этому концу, къ этой могилѣ, какъ полному успокоенію... А вотъ уединенный Пищиковъ, не нуждающійся въ людскомъ обществѣ и, къ сожалѣнію, по цѣлымъ годамъ не ощущающій со стороны этого общества ни малѣйшаго давленія, сосредоточившійся на своихъ личныхъ микроскопическихъ обидахъ, позволяетъ праздному воображенію увеличить эти обиды, какъ подъ микроскопомъ, въ милліоны разъ, и наконецъ, поглощенный, подавленный ими,—берется за плеть, полагая, что ему нельзя жить на свѣтѣ, покуда онъ эту въ милліоны разъ увеличенную обиду не отомститъ милліонами ударовъ плети по здоровому тѣлу!.. И хлещетъ, и хлещетъ, и хлещетъ!..

ПИСЬМА ИЗЪ СЕРБІИ.

I. Наши добровольцы въ дорогѣ.

...Пароходъ изъ Пешта въ Бѣлградъ *) отходитъ два раза въ сутки: въ 6 часовъ утра и въ 11 вечера; утренній пароходъ я проспалъ, пришлось ждать вечера и кое-какъ убивать время. Бродя отъ-нечего-дѣлать по улицамъ Пешта, городка, хотя и не очень многолюднаго (я былъ здѣсь послѣ Парижа и Лондона), но устраивающагося жить совершенно по-европейски, позволяющаго себѣ даже во внѣшнемъ убранствѣ улицъ чисто парижскую роскошь, я тысячи разъ невольно спрашивалъ себя: да неужели правда все то, что̀ пишутъ о начавшемся въ русскомъ народѣ движеніи въ пользу славянъ? неужели правда, что на эти широкіе, асфальтовые тротуары Пешта каждый Божій день желѣзная дорога высаживаетъ толпы простыхъ русскихъ людей, добровольно отдающихъ свою голову за угнетеннаго?.. Я потому задавалъ себѣ такіе вопросы, что долгое время жилъ за границею и за границею же прожилъ весь періодъ возникновенія и развитія начавшагося на Руси возбужденія; я зналъ объ этомъ движеніи изъ газетъ, притомъ на чужой сторонѣ значеніе русскаго движенія принимало для меня поистинѣ громадное значеніе по своей, почти невозможной на бѣломъ свѣтѣ, *жаждѣ—жертвовать собою чужому несчастію,* которую такъ необычайно своевольно обнаружилъ русскій человѣкъ. Устраивающійся по-европейски Пештъ, то-есть городъ, обставляющій свои дома, свои улицы не только всѣмъ необходимымъ или удобнымъ, но и роскошнымъ, прихотливымъ, поминутно долженъ былъ напоминать

*) Сентябрь 76 г.

мнѣ о народѣ, явно стремящемся къ такому неудобству, какова смерть,—народѣ, находящемъ «свое удовольствіе» въ жертвѣ, въ трудахъ и бѣдствіяхъ войны за чужое, но правое дѣло; на этомъ асфальтовомъ тротуарѣ, въ виду этихъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ народомъ, оживленно толкующимъ и думающимъ *о своихъ* дѣлахъ, трудно было вѣрить возможности такой наивной, юношеской затѣи цѣлаго народа, и вотъ почему я поминутно долженъ былъ спрашивать себя: да неужели все это правда?..

Можете судить послѣ этого, съ какимъ нетерпѣніемъ побѣжалъ я на желѣзную дорогу, когда часовъ въ 6 вечера въ мой номеръ вошелъ еврей-комиссіонеръ *) и объявилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, что «сейчасъ пріѣдутъ пятьдесятъ *россіяновъ*». Дворъ станціи былъ наполненъ каретами, колясками и комиссіонерами, ожидавшими пріѣзжихъ; кромѣ комиссіонеровъ и полицейскихъ не было никакихъ другихъ представителей чужой стороны, которые явились бы поглядѣть или встрѣтить нашихъ чудаковъ; правда, они не мѣшаютъ этимъ чудакамъ дѣлать ихъ странное дѣло, но ужъ удивляться этому дѣлу и чудакамъ, которые взялись за него, у нихъ нѣтъ времени. Только я одинъ въ нетерпѣніи бродилъ по двору станціи и радъ былъ поглядѣть на нихъ своими глазами. Добрыхъ пять минутъ, показавшихся мнѣ пятью часами, прошло прежде, чѣмъ затряслась мостовая отъ въѣхавшаго въ вокзалъ поѣзда.

— «Наши!»—подумалъ я, и, дѣйствительно, гляжу—валитъ сибирка, гиганты сапоги, узелъ въ дерюгѣ, въ два двугривенныхъ картузъ... а за первой чуйкой такъ и хлынули мерлушки, полушубки, узлы и гремящіе, какъ громъ, сапоги... «Наши, наши!»—твердилъ я себѣ, глубоко тронутый появленіемъ этихъ неказистыхъ костюмовъ, этихъ не очень чтобъ выразительныхъ лицъ, этихъ полушубковъ на европейскихъ асфальтахъ, въ виду этой роскоши и блеска европейскаго города.

Да, неказистъ былъ русскій чудакъ-доброволецъ, явившійся на чужую сторону: неказистъ костюмомъ—всѣ здѣсь одѣваются лучше и красивѣе его въ тысячу разъ; неказистъ лицомъ и фигурой: волосы у него были подрѣзаны въ скобку, и ужъ много-много обдѣланы, то-есть словно топоромъ—на солдатскій манеръ; сбитыя въ войлокъ бороды тоже не могли служить иностранцамъ образцомъ туалетнаго искус-

*) Онъ былъ русскій солдатъ, но остался въ Венгріи послѣ усмиренія.

ства; но все это ничего, все это исчезало въ его чистомъ желаніи жертвы, заставлявшемъ забыть всѣ его внѣшнія несовершенства, притомъ же вполнѣ понятныя: вѣдь *бѣдность* у насъ на Руси!—все это, дѣйствительно, и было бы забыто, если-бъ онъ не привезъ съ собой, помимо неказистой внѣшности, еще и другихъ, тоже неказистыхъ вещей!.. Мнѣ пришлось проѣхать съ партіей добровольцевъ отъ Пешта до Бѣлграда и видѣть ихъ здѣсь до дня отправленія на поле битвы, и если я, съ одной стороны, благодаря этому знакомству съ разнообразнѣйшимъ русскимъ людомъ, убѣдился, что русскій человѣкъ живъ, что въ немъ цѣлехоньки самыя юношескія, чистыя движенія души, то, съ другой стороны, я также воочію увидѣлъ, какъ русскій человѣкъ измучился, какъ много подломилось въ его, еще сохранившемъ добро, сердцѣ, какъ онъ «измятъ», изломанъ, и какъ настоятельно необходимо для него крѣпко подумать о своемъ здоровьѣ.

«Партія добровольцевъ»—это образчикъ всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній и всѣхъ сортовъ пониманія и развитія, живущихъ на русской землѣ. Здѣсь зачастую попадались такіе брильянты искренности, доброты, простоты, самоотверженія, о какихъ въ обыкновенное время никому на Руси не приснится и во снѣ. Кому неизвѣстно, напримѣръ, что такое лавочникъ, лавочный мальчикъ, бѣгающій за кипяткомъ въ началѣ поприща, ворующій гривенники тотчасъ по вступленіи въ званіе приказчика и обворовывающій хозяина въ моментъ «полнаго довѣрія»? Вотъ этотъ мальчишка здѣсь, среди добровольцевъ, не въ лавкѣ, не съ чайникомъ; посмотрите же, какое обиліе негодованія къ неправдѣ было скрыто въ немъ, скрыто такъ, что онъ и самъ не зналъ объ этомъ свойствѣ своей души. Его не пускалъ въ Сербію отецъ—онъ побѣжалъ топиться; его заперли въ чуланъ—онъ сдѣлалъ петлю и хотѣлъ повѣситься; ему не давали денегъ—онъ ушелъ безъ копейки. Кто-то надоумилъ его обратиться въ комитетъ, и тамъ ему помогли выѣхать. Всю дорогу онъ только и думалъ о минутѣ, когда онъ будетъ колотить турокъ, всю дорогу ни на минуту не переставалъ разспрашивать каждаго встрѣчнаго и поперечнаго: «Гдѣ теперь драка? бьютъ ли турокъ?» По пріѣздѣ въ Бѣлградъ онъ проситъ тотчасъ же отправить его на поле битвы, негодуетъ до слезъ на то, что его заставляютъ ждать, негодуетъ на сербовъ, про которыхъ разсказываютъ, что они бѣгаютъ въ кукурузу, а не дерутся на смерть, какъ хочетъ

драться онъ.—«Человѣка грабятъ, а я смотрѣть буду?»—говоритъ онъ въ объясненіе своего негодованія, и ничего другого, никакого другого соображенія у него нѣтъ. Такихъ субъектовъ было много въ каждой партіи; тѣ изъ нихъ, у кого были средства запастись кинжалами (громаднѣйшими и острѣйшими), всю дорогу толковали о сабляхъ, револьверахъ; по пріѣздѣ въ Бѣлградъ, томясь скукою и изнывая отъ ожиданія отправки, они не могли ничего придумать, ничѣмъ развлечься, кромѣ все тѣхъ же разговоровъ и разспросовъ о томъ, гдѣ самая настоящая драка? гдѣ можно драться тотчасъ, какъ пріѣдешь? Не случится, съ кѣмъ можно вести такіе разговоры,—опять принимаются за свои ножи, смазываютъ масломъ сабли, просятъ оттачивать и безъ того отточенные до невозможной степени кинжалы (рѣшительно понять невозможно, гдѣ они откопали эти страшилища!), поминутно надоѣдая полиціи просьбами о подводахъ—у всѣхъ одно и то же, очень простое соображеніе: «Какъ же это, человѣка грабятъ, а я молчи?»

Были въ числѣ «искреннихъ» также любители, «спеціалисты драки», которымъ дорого не столько то, что они идутъ защищать ограбленнаго, сколько то, что есть «хорошій случай раззудить плечо»; эти не оттачивали отточеннаго, зная, что и безъ того отточено хорошо, и не волновались ожиданіемъ подводъ, зная, что «успѣется», что отъ его «закуски» (тоже большею частью кинжалъ громаднѣйшій) не уйдетъ никакая шельма. Были, наконецъ, въ числѣ искреннихъ любителей драки просто-напросто необычайные какіе-то верзилы, гиганты, невѣроятнѣйшіе силачи, которыхъ никуда не рѣшаются брать: въ артиллерію—не умѣетъ, горячъ; въ кавалерію—сломаетъ лошадь; въ пѣхоту—тоже не идетъ: странно какъ-то взять такого верзилу. Такія страшилища идутъ безъ оружія, чувствуя (да и постороннему это видно), что и съ голыми кулаками они возьмутъ свое, что добромъ отъ нихъ не отвертится ни одинъ нехристь. Такой гигантъ-силачъ не предъявляетъ никакихъ объясненій своего волонтерства, кромѣ своей фигуры,—онъ идетъ потому, что куда же дѣть ему такую гибель силы? Всю дорогу онъ пьетъ, не шумитъ (потому что онъ самъ боится своей силы:—«Боюсь ударить... убью вѣдь—потомъ не раздѣлаешься!»—говоритъ онъ и остерегается), таскаетъ на удивленіе всѣхъ (съ улыбкою, чисто дѣтскою, на лицѣ) сундуки пудовъ по восьми, одною рукою поднимаетъ столы и т. д. Тутъ только силища. Но вообще весь этотъ родъ искреннихъ воякъ почти ничего не зналъ.

ни что̀ такое Сербія (*«называется губернскій городъ Бѣлградъ»*,—сердился одинъ такой-то:—а извозчика не дозовешься!»), ни что̀ такое всеславянство, а просто шелъ потому, что нельзя грабить человѣка, и не было у нихъ предѣла негодованію на грабителя, благо за это негодованіе не будетъ ничего худого. Съ другой стороны, въ числѣ «искреннихъ» были еще и такіе, которые надѣвали мундиръ только потому, что безъ него нельзя обойтись, но задачи которыхъ широки и опредѣленны. Были также простые русскіе люди, жертвовавшіе собою «за свои грѣхи»: «за мои грѣхи мнѣ назначено,—говорилъ мнѣ старикъ-солдатъ:—вотъ я и иду!» Были фанатики, люди, покорявшіеся велѣнію свыше, исполнявшіе повелѣніе Божіе, еще до рожденія ихъ на свѣтъ указавшее имъ этотъ подвигъ. Одинъ такой, отправлявшійся по повелѣнію Божію, всю дорогу постился, не пилъ, не ѣлъ, не отрывалъ глазъ отъ евангелія. Много, удивительно много чуднаго, хорошаго обнаружила эта сербская исторія въ русскомъ народѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно сознаться, немало обнаружила она и весьма печальнаго.

До сихъ поръ я говорилъ объ искреннихъ; но въ каждой партіи добровольцевъ были и не «искренніе добровольцы». Не могу забыть одного чиновника, всю дорогу толковавшаго мнѣ объ «аферѣ», которую онъ сдѣлалъ «съ этой Сербіей». Онъ высчитывалъ мнѣ всѣ выгоды этого предпріятія. «Ну, и начальство взглянетъ—все-таки въ Сербіи былъ... а въ случаѣ чего (то-есть настоящаго дѣла) можно сказаться и больнымъ. Тѣмъ временемъ и женѣ идетъ пенсіонъ, а мѣсяца три протянется—и изъ эмеритуры выдадутъ... Отъ комитета получилъ столько-то да по званію моему капитана отъ сербскаго правительства... Вотъ оно и образовалось кое-что... а тамъ, можетъ-быть, и миръ!»

При этомъ словѣ онъ весь засіялъ и, очевидно, ждалъ, что я приду въ восторгъ отъ его ловкости, отъ его умѣнья всѣхъ—и начальство и исторію—провести и вывести, купить и продать. Не могу высказать, до чего тяжело было видѣть здѣсь этихъ представителей всякаго вилянья и лганья во имя вѣры только въ прогоны, суточныя, двойныя какія-то выдачи. Тяжело потому, что по необычной точности и тонкости отдѣлки этихъ плутовскихъ дѣлъ вы не можете не заключить о томъ, что явленіе это существуетъ на Руси, что уже есть породы, которыя именно и видятъ «настоящее» лѣло и настоящую жизнь только въ лытаньи отъ дѣла. Я

бы могъ привести подробности, но боюсь утомить ими читателя. Скажу коротко: въ числѣ добровольцевъ были люди, видѣвшіе въ сербскомъ дѣлѣ случай положить въ карманъ копейку (точно ли они кладутъ, я скажу ниже). Но, помимо этихъ тонкихъ знатоковъ своего дѣла, этихъ прожженныхъ обманщиковъ, совершавшихъ все на законномъ основаніи, то-есть не ѣхавшихъ изъ Бѣлграда до послѣдней возможности, опиравшихся на всевозможныхъ льготахъ и т. д., были, кромѣ нихъ, и простые проходимцы и даже просто пьяные люди, съ удивленіемъ узнававшіе, что они какимъ-то образомъ попали въ Бѣлградъ: пьянствовалъ въ Петербургѣ, пьянствовалъ въ Москвѣ, въ вагонѣ, на пароходѣ, и наконецъ очнулся съ ружьемъ и въ сербской курткѣ. Даже и такіе были.

Но и тѣ и другіе, т.-е. самые искренніе и самые фальшивые изъ добровольцевъ, — это только крайности; большинство, масса тоже, при разговорахъ и разспросахъ, полагала, что надо сократить безобразника (турка), но, не будь ей обѣщано того-то и того-то, она, пожалуй бы, и не была въ Сербіи. У всего этого народа, очевидно, было и плохо и неладно въ дѣлахъ: не клеилась ни семейная ни служебная жизнь; весь этотъ народъ былъ и бѣденъ, и несчастенъ, и не могъ справиться съ собою, и надоѣло биться ему—и вотъ онъ сказалъ себѣ: «пойду въ Сербію, живъ буду — ничего, а убьютъ — *все одинъ чортъ!*» Поистинѣ становится ужасно за это холодное состояніе души, которое встрѣчаешь нерѣдко въ русскомъ человѣкѣ, особенно здѣсь... Плохо ему было дома, безъ всякаго сомнѣнія; разспросите кого угодно изъ этихъ людей объ ихъ жизни—все переломано въ ней и исковеркано: жизнь скомкана, растоптана; но все-таки, какъ бы она ни была безобразна, тамъ, на родинѣ, у него было на что жаловаться; подъ хмелькомъ находилъ онъ виноватаго въ женѣ и буйствовалъ, отводилъ душу; ругалъ знакомаго, злился на экзекутора,—словомъ, имѣя возможность ощущать ежеминутно неудобства своей жизни, быть-можетъ, даже и привыкъ къ этой безтолковщинѣ. Я даже собственными глазами видѣлъ въ Бѣлградѣ одного русскаго чиновника, который всегда оживлялся, когда начинались въ его дѣлахъ «непріятности», напримѣръ, когда онъ не заставалъ дома лицъ, къ которымъ у него было дѣло, когда онъ въ пять дней *не могъ добиться* чего-то очень нужнаго. Попавъ въ эту безтолковщину, онъ вдругъ заговорилъ, и заговорилъ

довольно умно, браня того и другого, высказывая разные взгляды, забѣгая поминутно въ кафе выпить, все второпяхъ, все «некогда», все спѣша, спѣша нарочно, даже съ желаніемъ не застать, придти не во-время, чтобы опять роптать. Въ это время онъ былъ и боекъ и разговорчивъ, лицо и глаза были оживлены. Но вотъ вдругъ все пошло, какъ по маслу: всѣхъ онъ въ одну минуту засталъ, все получилъ—и... весь свѣтъ опустѣлъ вокругъ него! Казалось, ни одной мысли у него не было другой, кромѣ ропота на «непріятности», «несправедливости»,—ропота, къ которому теперь не было никакихъ поводовъ, и онъ сталъ пить (другого не находилъ занятія), пить зря, безъ аппетита, безъ надобности, что-то пытаясь думать, но ничего не говоря, кромѣ—«все одинъ чортъ!». Не въ такой мѣрѣ, но у многихъ «среднихъ» русскихъ добровольцевъ, русскихъ простыхъ людей, замѣчалось это незнаніе, неумѣнье, полная отвычка отъ того, чтобы быть самимъ собой какънибудь иначе, чѣмъ въ изломанномъ и изуродованномъ видѣ. Переѣздъ черезъ границу, мундиръ сербскаго войска, надѣтый имъ,—эти два обстоятельства отрѣзывали за нимъ все худое, все, что его изуродовало, исковеркало, и я съ ужасомъ видѣлъ, что больше у него ничего нѣтъ, что для него «все одинъ чортъ!». Безъ глубокой жалости, переходящей иногда въ негодованіе, нельзя было видѣть этихъ мученій человѣка, который не можетъ, не въ силахъ чувствовать въ себѣ что-нибудь, кромѣ наковальни для разныхъ «непріятностей».

Помимо неказистаго костюма, неказистаго лица, нашъ доброволецъ принесъ въ чужую сторону и это отчаянное воззрѣніе на себя и на другихъ. Сколько я могъ понять, у серба, вслѣдствіе продолжительнаго угнетенія, выработалось нѣчто другое. Для него, говоря вообще, тоже «все одинъ чортъ», начиная съ сосѣда, но самъ онъ, его «куча» (семья)—это другое, это для него — все. Одинъ долго жившій здѣсь русскій характерную черту серба назвалъ мнѣ «любовью къ мужицкому кейфу», любовью къ теплу, покою и удовольствію своей норы; онъ дошелъ въ этой любви къ норѣ, какъ говорятъ, до того же почти, до чего дошелъ парижанинъ, не считающій благоразумнымъ имѣть больше двухъ дѣтей. Они мѣшаютъ этому мужицкому кейфу.

Судите сами, какое впечатлѣніе на серба, любящаго «кучу», долженъ былъ производить вновь прибывшій братъ, для котораго «все одинъ чортъ» и который, напротивъ,

бѣжитъ «отъ кучи», т.-е. отъ бездны всей массы условій его личной жизни, условій, которыя заставили его находить удовольствіе въ смерти почти только потому, что «все одинъ чортъ».

Этотъ-то въ обыкновенное время кейфующій и даже изнѣженный сербъ вдругъ, въ военное время, когда онъ сдѣлалъ небывалую попытку, когда онъ рѣшился оставить «кучу», когда у него умираютъ родные и знакомые на войнѣ, стало-быть, когда онъ грустенъ, огорченъ, печаленъ, испуганъ—словомъ, когда онъ въ конецъ разстроенъ непривычнымъ положеніемъ,—на каждомъ шагу встрѣчаетъ проявленіе нашего «наплевать!» — этого неизбѣжнаго результата тысячи условій нашей жизни, и я никакъ не думаю, чтобы эти встрѣчи дѣйствовали на него благопріятно. Сербамъ на каждомъ шагу приходилось видѣть людей, не уважающихъ ни себя ни другихъ, ни Бога ни чорта.

Въ октябрѣ 76 г. военный министръ собралъ всѣхъ русскихъ волонтеровъ и просилъ ихъ не заживаться въ Бѣлградѣ, уѣзжать въ армію, не дожидаясь ни обмундировки ни оружія. Эту просьбу объяснили именно начинавшимся раздраженіемъ въ бѣлградскомъ населеніи противъ такихъ поступковъ, въ основаніи которыхъ лежитъ принципъ: «все одинъ чортъ!». То-то и обидно, что все это дѣлалось невольно, «ни съ того ни съ сего», единственно только оттого, что человѣкъ не знаетъ, что̀ значитъ чѣмъ-нибудь дорожить въ себѣ самомъ. То-то и горько, что человѣкъ не дорожитъ ничѣмъ въ себѣ, бросаетъ самого себя во всякую опасность, потому что «все одинъ чортъ!», «наплевать!».

Право, я не знаю ничего трогательнѣе зрѣлища похоронъ такого русскаго добровольца. Эти самыя улицы, по которымъ съ музыкою и провожатыми несутъ его, были свидѣтелями ежеминутныхъ доказательствъ, что для него «все наплевать!». Ходилъ онъ тутъ и шумѣлъ, дебоширничалъ и безобразничалъ, удивляя всѣхъ и вся своимъ презрѣніемъ къ себѣ, и вотъ умеръ, умеръ на полѣ битвы за правое дѣло. «Бѣдный человѣкъ,—подумаетъ каждый при видѣ этого зрѣлища:—сколько въ тебѣ было добра, если и изувѣченный, доведенный до того, что тебѣ стало *все одинъ чортъ*, ты все-таки нашелъ въ себѣ силу такъ благородно умереть...»

II. Наши добровольцы на чужой сторонѣ.

Здѣшнихъ мѣстныхъ причинъ, дурно вліявшихъ на русскаго добровольца, было многое множество. Рѣшаясь идти на смерть, русскій добровольцъ хотя и имѣлъ полное право утверждать, что для него «все одинъ чортъ», но сознаніе, что это дѣло приноситъ ему «во всякомъ случаѣ» «непремѣнно» *честь*, играло въ его рѣшимости едва ли не такую же значительную роль, какъ и его изломанное прошлое. Такъ вотъ одна изъ первыхъ причинъ множества неудовольствій, наполнявшихъ сердце русскаго добровольца, состояла именно въ томъ, что на первыхъ же порахъ по прибытіи сюда добровольцъ не находилъ почти ничего, что̀ ласкало бы его самолюбіе; дома, въ Россіи, онъ въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ привыкъ считать себя выше другихъ, привыкъ получать похвалы и восторги, пилъ, сколько хотѣлъ, и т. д. Этого же самаго ожидалъ онъ въ глубинѣ души и подъѣзжая къ Бѣлграду, къ Сербіи, и, къ удивленію своему, ничего такого не находилъ; Бѣлградъ не дѣлалъ ему никакой «шумной и крикливой чести»... Добровольцъ какъ-то забывалъ, что Бѣлградъ не только не «продолженіе» его торжествъ, начавшихся въ Россіи, но, напротивъ, полнѣйшее и рѣшительнѣйшее ихъ прекращеніе; забывалъ, что именно съ этого пункта его путешествія и начинается «служба», «подвигъ», «жертва», на которую онъ шелъ добровольно; забывалъ, что здѣсь лазареты наполнены ранеными, что здѣсь то и дѣло хоронятъ убитыхъ, что здѣсь все задумчиво и озабочено, и что слѣдовательно нѣтъ никакой возможности требовать, чтобы такъ уныло настроенный городъ каждый день являлся на пристань и оралъ «живіо» и дѣлалъ бы угощенія, овваціи... Ничего этого добровольцъ не принималъ въ соображеніе, полагая, что въ Бѣлградѣ, напротивъ, для него будетъ устроено нѣчто гораздо болѣе забористое, чѣмъ то, что̀ было устроено въ Москвѣ, въ Саратовѣ, въ Харьковѣ. Мало того, нерѣдко даже обижался, если слышалъ, что ему, напримѣръ придется жить въ *казармахъ*.

— Какъ въ казармахъ?—удивляясь и негодуя, восклицалъ иной добровольцъ изъ благородныхъ или состоятельныхъ.

— Да такъ, въ казармахъ, какъ всѣ.

— Я-то?

— Ты! А что же ты такое?

— Да если они только посмѣютъ упрятать меня въ казармы, такъ мнѣ чортъ ихъ возьми и съ Сербіей! сейчасъ уѣду назадъ... Чтобы я со всякой сволочью...

— Да вѣдь ты волонтеръ или нѣтъ?

— Ну, волонтеръ!

— И вотъ этотъ солдатъ—волонтеръ...

— Нѣтъ, разница!

— Никакой разницы нѣтъ...

— Нѣтъ, ужъ извини, большая разница!

— Никакой нѣтъ разницы — ты теперь солдатъ и онъ солдатъ... Какая же разница?

— И очень большая разница! Онъ свинья, а я...

— А ты что?

— А я со свиньей не хочу быть вмѣстѣ, вотъ и все! Чортъ ихъ возьми! къ казарму?! Я ѣду на свой счетъ...

— Да вѣдь ты въ солдаты идешь-то? Вѣдь ты солдатъ, ну, и иди въ казармы... бери ружье!

Многіе поистинѣ съ удивленіемъ узнавали, что между однимъ солдатомъ и солдатомъ другимъ, третьимъ — нѣтъ никакой разницы въ правахъ и обязанностяхъ, и что быть волонтеромъ—значитъ быть солдатомъ, значитъ переносить всѣ трудности военной жизни. У иныхъ, повидимому, образовалось представленіе о волонтерѣ, какъ о существѣ рѣшительно ничѣмъ, никому и ни передъ кѣмъ не обязанномъ: иному казалось, что разъ онъ пошелъ въ волонтеры, такъ это значитъ, что онъ получилъ право отклонять отъ себя какія бы то ни было обязанности, пользуясь, напротивъ, всевозможными правами.

— Я волонтеръ!—кричалъ одинъ добровольцъ на начальника партіи, къ которой онъ былъ причисленъ: — мнѣ никто не имѣетъ права приказывать.

Многіе изъ этихъ господъ, свирѣпствовавшіе всѣ три тысячи верстъ своей дороги, полагали, что все это «еще не то», не настоящее, *такъ*, отъ скуки, въ дорогѣ, а что вотъ въ Бѣлградѣ, такъ тамъ уже только держись, что начнется... А въ Бѣлградѣ-то именно все это и прекращалось.

На пароходной пристани при встрѣчѣ добровольцевъ обыкновенно не бывало никакой толпы, ни криковъ, ни овацій. Захлопотавшіеся члены «Краснаго Креста» почти молча вели прибывшихъ добровольцевъ въ небольшой домикъ, построенный на берегу, отдѣляли офицеровъ отъ ря-

довыхъ, складывали вещи тѣхъ и другихъ на полу и рядовыхъ уводили въ казармы, а офицеровъ въ гостиницу, но тоже пѣшкомъ. Наши ждали извозчиковъ, даже не простыхъ извозчиковъ, а какихъ-то княжескихъ каретъ, въ которыхъ ихъ повезутъ по трактирамъ и гостиницамъ, а тутъ иди пѣшкомъ по темному, мертво спящему, плохому городу, по плохой мостовой, напоминающей нашъ уѣздный городъ, въ такія гостиницы, гдѣ не только ничего не достанешь въ такую пору (ночью), но и не достучишься— всѣ спятъ и, повидимому, ухомъ не ведутъ, что пріѣхали какіе-то великолѣпнѣйшіе люди.

Такой сухой пріемъ, крайне непріятный тѣмъ, кто разсчитывалъ въ Бѣлградѣ «развернуться», вообще довольно уныло дѣйствовалъ на всякаго русскаго. Уныло дѣйствовалъ и самый видъ этого небогатаго городка и эти похороны съ музыкой, встрѣчаемыя почти тотчасъ же по пріѣздѣ... Вся веселая сторона волонтерства была уже изжита въ Россіи—здѣсь приходилось сейчасъ же браться за дѣло, и русскому становилось съ первыхъ же дней скучновато въ Бѣлградѣ: такъ былъ рѣзокъ переходъ отъ ожиданія дѣла къ самому дѣлу, къ его сухой, прозаической сторонѣ. Всѣмъ безъ исключенія—и искреннимъ и неискреннимъ добровольцамъ — было скучно. Одни начинали поднимать свой духъ возліяніями, результатомъ которыхъ оказывались скандалы и всевозможныя безобразія, другіе рвались поскорѣе въ армію, и вотъ тутъ-то, какъ на грѣхъ, сейчасъ и являются тѣ мѣстныя затрудненія, о которыхъ я намѣреваюсь поговорить въ этомъ письмѣ.

Всякому русскому добровольцу необходимо было сдѣлать въ Бѣлградѣ три дѣла: одѣться въ сербскую форму, получить оружіе и затѣмъ вытребовать себѣ колу (подводу), чтобы уѣхать. Кажется, вещи нехитрыя,—но, посмотрите, сколько тутъ являлось затрудненій и всяческой путаницы, какъ мало было сдѣлано для того, чтобы облегчить эти очень простыя дѣла. Обыкновенно на одномъ пароходѣ пріѣзжало нѣсколько небольшихъ провинціальныхъ партій, ввѣренныхъ славянскимъ комитетомъ одному какому-нибудь лицу; лицо это было обязано заботиться объ этой партіи и руководить ею въ Бѣлградѣ, котораго оно такъ же не знало, какъ и любой отставной солдатъ-волонтеръ, находившійся въ его партіи. По прибытіи партіи, ее размѣщали по казармамъ и по гостиницамъ, въ каждой по нѣсколько человѣкъ—въ одной три, въ другой семь и т. д.

Начальникъ партіи также помѣщался въ той гостиницѣ, гдѣ есть пустая кровать. Въ результатѣ выходило то, что ни начальникъ не зналъ, гдѣ его партія, ни партія не знала, гдѣ ея начальникъ. Проснувшись въ гостиницѣ, добровольцы начинали ходить по незнакомому городу, искать своихъ товарищей, а товарищи тоже искали ихъ совсѣмъ по другимъ мѣстамъ и улицамъ; въ то же время и начальникъ партіи также бѣгалъ, разыскивая своихъ, и, встрѣчая ихъ случайно на улицѣ, въ кофейнѣ, гдѣ одного, гдѣ двухъ, рѣшительно не могъ добиться видѣть ихъ всѣхъ, чтобы всѣмъ одновременно объявить, что имъ надо дѣлать.

Большинство добровольцевъ такимъ образомъ бороздило городъ безо всякаго дѣла по разнымъ направленіямъ и отъ-нечего-дѣлать брело туда, куда имъ посовѣтуетъ идти первый встрѣчный. «Идите, господа, къ министру»—и пойдутъ гурьбой, человѣкъ въ пять-шесть, къ министру, гдѣ имъ, разумѣется, скажутъ, что не имѣютъ о нихъ никакого понятія. Скажетъ кто-нибудь: «идите въ славянскій комитетъ»—пойдутъ туда, и тамъ тоже скажутъ имъ, что ничего неизвѣстно... Такъ шатается вся партія по министерствамъ и комитетамъ, никого не находя и ничего не добиваясь. Инымъ это приходилось «по натурѣ», какъ я уже и писалъ, но большинство утомлялось этимъ; помотавшись день, утомишься скукой, волей-неволей займешься «сатликомъ вина». Примите во вниманіе, что этотъ самолично, но безплодно добивающійся и ищущій мѣста, откуда отправляютъ въ армію,—этотъ народъ изъ тѣхъ, кто хотѣлъ дѣла, кто рвался къ нему. Одинъ день такой безтолочи непріятно дѣйствуетъ на него, раздражаетъ; не знать языка, не знать цѣны и названія денегъ, не умѣть спросить поѣсть, разспросить дорогу,—все это только усиливало раздраженное состояніе духа, потому что поминутно заставляло человѣка чувствовать свое одиночество, свою заброшенность на чужую сторону, гдѣ никто не обращаетъ на него вниманія, никто не заботится о немъ...

Понятно, что простой, не умѣющій себя сдерживать человѣкъ (къ тому же иной разъ остававшійся безъ ѣды по цѣлымъ суткамъ, благодаря чьей-нибудь оплошности), невольно долженъ былъ возроптать и на сербовъ и на своихъ. Въ то же время и министерства и комитеты не знали ни дня ни ночи покоя отъ этихъ посѣщеній растерявшихся по городу добровольцевъ. По цѣлымъ днямъ такимъ обра-

зомъ люди изнывали въ безпрерывной ходьбѣ, въ безпрерывномъ незаставаньи, въ неизвѣстности, что̀ съ ними будетъ, когда ихъ ушлютъ въ армію и куда?

Результатомъ такого порядка дѣлъ были толпы ропщущихъ добровольцевъ, тысячи непріятностей жителямъ города, сербамъ.

— Мы за васъ, за каналій, кровь пришли проливать, а ты обсчитываешь? Мошенникъ!..

— Да на много ли онъ васъ обсчиталъ?

— Чортъ его знаетъ, на сколько! Я знаю, что много... Съ Андреева онъ взялъ вчера двѣ вотъ такихъ (показываетъ деньги), а съ меня—вонъ какую кучу!

Разсмотрѣвъ и «вотъ такія» деньги, и тѣ, которыя платилъ Андреевъ, вы увидите, что деньги эти разныя: однѣ австрійскія, другія сербскія; по-сербски взята куча, а по-австрійски маленькая штучка; въ сущности же взято съ нашего негодующаго добровольца какъ разъ столько же, сколько и съ Андреева.

— А чортъ ихъ знаетъ, какія тамъ у нихъ, у подлецовъ, деньги!

Результатомъ этой безтолковщины являлась очень часто встрѣчавшаяся фигура русскаго добровольца изъ простыхъ, т.-е. живущихъ въ казармахъ, которая ко всякому встрѣчному обращалась съ просьбой дать ему хотя одинъ динаръ.—«Обѣщали мнѣ выдать по пріѣздѣ, а ничего нѣтъ! Думалъ послать женѣ, а теперь вотъ хоть самому умирать. Ну, ужъ будетъ нашему брату что̀ вспомнить! кабы знато да вѣдано...»

Онъ, конечно, получитъ то, что̀ ему слѣдуетъ (всѣ получили!), но покуда это случится, покуда онъ случайно наткнется на человѣка, который получалъ самъ и знаетъ, какъ это дѣлается, онъ въ отчаяніи, въ негодованіи, онъ ропщетъ и бранится и увеличиваетъ собой толпу людей, точно такъ же ропщущихъ, недовольныхъ, которые, запутавшись въ этой безтолковщинѣ, съ тоски и съ горя пьютъ, а въ пьяномъ видѣ съ тоски и горя дѣлаютъ Богъ знаетъ что̀. Но это еще не все.

Къ числу элементовъ, портившихъ кровь и духъ русскаго добровольца на чужой сторонѣ, слѣдуетъ отнести также безпорядочность въ выдачѣ обѣщанныхъ разными комитетами денегъ.

Одинъ изъ добровольцевъ, напримѣръ, всю дорогу разсчитывалъ, что столько-то рублей онъ пошлетъ матери,

столько-то оставитъ себѣ. По пріѣздѣ же оказалось, что изъ денегъ, которыя онъ долженъ получить, ему ровно ничего не слѣдуетъ, или же причитается такая сумма, которую можно только пропить. Такіе случаи встрѣчались поминутно: «обѣщали сто рублей, а дали грошъ»—фразу эту я слышалъ очень и очень часто. Повидимому, кто-то что-то такое обѣщалъ; быть-можетъ, объ этихъ ста рубляхъ добровольцъ слышалъ и не въ славянскомъ комитетѣ, а гдѣ-нибудь въ кабакѣ, отъ случайнаго знакомаго, не имѣющаго о дѣлѣ никакого понятія, тѣмъ не менѣе слуху этому человѣкъ вѣрилъ и, можетъ-быть, только вѣря ему и пошелъ въ добровольцы; когда же всѣ мечты его оказались вздоромъ, онъ, разумѣется, не задумываясь, возвѣстилъ повсюду, что его обманули.

Усиленію этихъ финансовыхъ недоразумѣній много способствовало также и то, что провинціальные комитеты надѣляли отправляемыхъ ими добровольцевъ неодинаково: одни давали на руки, положимъ, по сту рублей, другіе—по тридцати; одни давали на дорогу по рублю, другіе—по тридцати копеекъ. Почему одинъ получаетъ больше, другой—меньше, хотя и одинъ и другой одинаково оба отставные солдаты и одинаково служили по 25 лѣтъ, и теперь одинаково ѣдутъ умирать рядовыми, — нашъ добровольцъ понять не можетъ да и не хочетъ: «тутъ, думаетъ онъ, всѣ равны, отчего же ему больше, а мнѣ меньше?» Очевидно, кажется ему, что тутъ какой-то обманъ или несправедливость, и ропщетъ. Бываетъ еще и такъ, что въ одномъ и томъ же отрядѣ люди надѣлены неодинаково. Такъ, я ѣхалъ съ добровольцами одного провинціальнаго отряда и слышалъ жалобы на то, что вотъ, молъ, пятерымъ выдали одѣяло, а четверымъ — нѣтъ, а купечество, молъ, выдало на всѣхъ. Такой безпорядокъ поселяетъ личную рознь и неудовольствіе даже между людьми одной и той же партіи. И дѣйствительно, рѣдко можно встрѣтить такую партію, гдѣ бы добровольцы не препирались всю дорогу другъ съ другомъ именно изъ-за этихъ безчисленныхъ недоразумѣній и недосмотровъ власть имѣющихъ.

И опять-таки это еще не все..

Какъ видите, читатель, лицамъ, власть имѣющимъ, было о чемъ позаботиться и что дѣлать. Дѣла много, дѣла самаго настоящаго. Если-бъ даже былъ устраненъ весь безпорядокъ дѣлавшихся здѣсь дѣлъ; то и тогда, и при полномъ порядкѣ, ихъ хватило бы на всѣхъ по горло. Такъ вотъ

нѣтъ же! Къ этому запутанному положенію вещей поминутно присоединялись такъ-называемыя на Руси «непріятности», т.-е. совершенно ненужныя и совершенно неумѣстныя претензіи, придирки, дерзости и т. д., на которыя «и здѣсь», то тамъ, то сямъ, поминутно натыкался не только русскій, но и сербскій добровольцъ...

— «Вы почему же это, господа, не кланяетесь мнѣ?»— заявляетъ вдругъ нѣкоторое русское лицо, входя въ столовую, гдѣ обѣдаютъ русскіе же доктора. Любовь нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ, преимущественно «власть имѣющихъ», идти наперекоръ дѣлу и привычка усложнять его вздоромъ или дерзостью, совершенно ненужною, поминутно заставляла «не добромъ» поминать русскую чиновничью школу. Слухи насчетъ этихъ ненужныхъ дѣяній ходили въ громадномъ количествѣ. Разсказывали о волонтерѣ, просившемъ отправить его въ Россію, человѣкѣ крайне больномъ, который въ отвѣтъ на свою просьбу получилъ такое изреченіе: «взялъ деньги—такъ служи!». Я исписалъ бы несчетное количество листовъ бумаги, если-бъ захотѣлъ передать все, что говорили, что ходило въ кругу добровольцевъ по поводу бывшихъ здѣсь порядковъ, но довольно и этого. Не спорю, все это, можетъ-быть, и вздоръ и ложь: для меня важно то, что всѣ эти, быть-можетъ, ложные и вздорные слухи ходили въ кругу добровольцевъ, принимались ими къ свѣдѣнію, вліяли на нихъ, на ихъ состояніе духа, раздражали ихъ. Если вы дадите себѣ трудъ сосчитать все, что перечислено мной, въ объясненіе дурного состоянія духа русскаго добровольца, то, надѣюсь, повѣрите (принявъ во вниманіе, кромѣ того, и его жизнь дома), что, садясь въ «колу», чтобъ отправиться въ армію, онъ не могъ, хотя на минуту, не подумать о томъ, что «хорошо было бы теперь воротиться домой!»

III. Отъ Бѣлграда до Парачина и назадъ.

19-го октября на измученныхъ, истомленныхъ противорѣчивыми извѣстіями, получавшимися каждый день изъ арміи, жителей Бѣлграда точно громомъ грянули невеселыя извѣстія объ оставленіи Джюниса. Погода числа съ 15-го изъ теплой и ясной круто измѣнилась въ холодную и дож-

длинную; рѣзкій вѣтеръ, слякоть и холодъ (на которомъ въ это время лежали въ Топчидере раненые) вмѣстѣ съ неудачной войной сдѣлали пребываніе въ Бѣлградѣ весьма тягостнымъ. У многихъ явилась мысль тотчасъ отправиться къ Делиграду и своими глазами «посмотрѣть», что же это такое тамъ творится? Въ числѣ такихъ желающихъ былъ и я. Х—въ, извѣстный русскій купецъ-путешественникъ, собиравшійся уѣхать въ Делиградъ на слѣдующее утро, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, чѣмъ я и воспользовался: доставать «объяву» на право полученія почтовыхъ лошадей и дожидаться этихъ лошадей при страшномъ разгонѣ по дню и болѣе—дѣло скучное и надоѣдливое; у Х—ва же была какая-то особенная объява, по которой ему должны были выдавать лошадей немедленно. Рѣшено было выѣхать на другой день, 20-го, рано утромъ.

Въ 9 часовъ утра лошади уже были готовы, и, несмотря на дождь и грязь, мы тронулись въ путь. Сербскую природу и виды сербскихъ городовъ и деревень, безъ сомнѣнія, описывали столько разъ, что я уже и не буду пытаться говорить о моемъ восхищеніи и людьми, и природою, и жилищами. Довольство, поистинѣ незнакомое никому изъ русскихъ, даже хорошо знающихъ Россію, даже имѣвшихъ возможность видѣть деревни «зажиточныя», довольство, виднѣющееся здѣсь повсюду,—вотъ что сразу и на первыхъ порахъ поражало русскихъ. Нигдѣ, ни въ Россіи ни за границею, не приходилось видѣть мнѣ такого ровнаго благосостоянія, простора, достатка. Вездѣ капризно разбросанные каменные бѣлые дома, построенные просторно, весело, въ зелени, въ садахъ; вездѣ большіе прочные амбары, риги, точно маленькія помѣщичьи усадьбы. Можно съ увѣренностью сказать, что никто еще изъ русскихъ, жившихъ здѣсь и писавшихъ о Сербіи, не зналъ ни Сербіи ни сербовъ; но и самые ярые противники сербовъ соглашались въ томъ, что благосостояніе ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; иные «изъ сердитыхъ» говорили даже, что сербы слишкомъ богаты, слишкомъ зажирѣли, заѣлись, и что не мѣшало бы поспустить съ нихъ жиру. Дѣйствительно, сербъ нѣженъ, даже изнѣженъ, нервенъ, капризенъ. Зарычать на него, оборвать, окрестить хорошимъ русскимъ словомъ, значитъ заставить его упереться, заартачиться. Къ несчастью, этотъ послѣдній способъ понужденія къ исполненію требованій очень широко практиковался здѣсь нашими соотечественниками и сильно вредилъ имъ во мнѣніи сербовъ.

Недолго пришлось намъ любоваться природой и довольствомъ; со второй станціи намъ стали попадаться плохо одѣтыя, видимо недовольныя и неохотно направляющіяся въ армію группы новобранцевъ послѣдняго призыва. О выступленіи въ походъ было объявлено только день тому назадъ, 19-го октября. Часовъ въ 5 вечера, когда начало уже темнѣть, по Бѣлграду въ разныхъ направленіяхъ ходили барабанщики и барабаннымъ боемъ созывали рекрутъ, читали имъ распоряженіе военнаго министерства о немедленномъ выступленіи въ армію. Это 19-го вечеромъ, а 20-го утромъ, часовъ съ 2-хъ дня, мы уже встрѣчали этихъ новобранцевъ на пути верстахъ въ 30—35 отъ Бѣлграда. Чтобъ пройти такой путь пѣшкомъ, надо было выступить изъ Бѣлграда въ тотъ же день ночью. Можете судить по этому факту, точно ли правда то, что̀ говорилось о сербской лѣни и неповоротливости.

Весь этотъ двигавшійся по размытой дождями дорогѣ народъ, очевидно, ушелъ, въ чемъ былъ, не успѣвъ запастись теплымъ платьемъ, необходимой обувью и провизіей; иные изъ городскихъ мастеровыхъ шли просто въ однихъ сюртукахъ, довольно-таки плоховатыхъ, въ обыкновенныхъ городскихъ, уже промоченныхъ и хлебающихъ грязь сапогахъ; тутъ были, дѣйствительно, всѣ возрасты: и старики, явно дряхлые, больные, и мальчики, почти дѣти, иные моложе даже 20-ти лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли получить оружіе и нѣкоторые, слишкомъ юные и слабые, изнемогали подъ тяжестью стараго кремневого или пистоннаго ружья. Одинъ такой мальчикъ, буквально изнеможенный, больной, весь въ жару, плохо одѣтый и плохо обутый, до того разжалобилъ насъ своимъ видомъ (онъ не жаловался никому ни на что), что мы упросили его возвратиться въ Бѣлградъ въ русскую больницу, что̀ онъ и сдѣлалъ послѣ продолжительнаго раздумья.

Кстати сказать здѣсь два слова о больныхъ, которые не ранены. Вслѣдствіе холодовъ, недостатка одежды и дурного помѣщенія (на позиціяхъ подъ Зайчаромъ сербскія войска, въ числѣ которыхъ было много и русскихъ добровольцевъ, 24 дня стояли подъ дождемъ и спали на голой землѣ, не имѣя другой одежды, кромѣ шинелей) количество больныхъ внутренними болѣзнями увеличивалось съ каждымъ днемъ въ громадномъ количествѣ, и госпитали, находившіеся въ Бѣлградѣ, рѣшительно отказывались принимать ихъ, такъ какъ были завалены ранеными. Куда было дѣ-

ваться этимъ больнымъ? Вы поминутно встрѣчали на улицахъ Бѣлграда добровольцевъ, еле передвигавшихъ ноги, перебираясь изъ одного госпиталя, гдѣ его не приняли, въ другой, гдѣ тоже не примутъ. Масса больного народа, изъ которыхъ иные страдали лихорадкой, иныхъ же мучили ссадины отъ кавалерійской ѣзды, отъ сѣдла,—ссадины, превращавшіяся въ громадныя раны,—люди простуженные, кашляющіе,—все это оставлялось на произволъ судьбы и только по случаю попадало въ госпиталь; большею же частью такой больной народъ, безъ всякаго призора и вниманія, валялся гдѣ-нибудь въ холодныхъ казармахъ, лѣча себя собственными средствами, прикладывая къ ранамъ и ссадинамъ всякую дрянь, или даже на улицѣ, охая и трясясь отъ боли, перевязывалъ грязныя, покрытыя гноемъ тряпки, которыми были обвязаны раны. По дорогѣ отъ Бѣлграда до Парачина поминутно встрѣчались эти несчастные, громко вопіявшіе о помощи, причитывая о своей 25-ти-лѣтней службѣ Богу и государю, о своихъ страданіяхъ на позиціи и о томъ, что вотъ боленъ и нигдѣ не принимаютъ, и ѣсть нечего. Дѣйствительно, людей—изъ русскихъ, у которыхъ нѣтъ ни копейки, которымъ буквально ѣсть нечего—встрѣчалось по дорогѣ (и туда и назадъ) и особенно въ Бѣлградѣ великое множество. Шли они, сами не зная, куда и зачѣмъ, проклиная свою судьбу, и Сербію, и жизнь свою распроклятую.

Дождь и ужасный холодъ заставили насъ остановиться на одной изъ станцій и ночевать, т.-е. три или четыре ночныхъ часа продрожать въ холодной, нетопленной комнатѣ почтовой станціи. Все это время съ дороги доносился скрипъ телѣгъ, къ свѣту превратившійся въ непрерывный ревъ колесъ и голосовъ. Тронувшись въ путь, мы узнали, что навстрѣчу несчастнымъ новобранцамъ, направлявшимся къ Делиграду, идутъ изъ-подъ Делиграда и Алексинаца внутрь страны массы семей, выбирающихся изъ сожженныхъ турками деревень; изъ разспросовъ оказалось, что, несмотря на перемиріе, черкесы въ полную волю хозяйничаютъ и грабятъ въ оставленной войсками странѣ. «Турци! турци!»—отвѣчали нѣкоторые изъ бѣжавшихъ и показывали на горло, какъ бы говоря: «рѣжутъ». Переселявшійся народъ былъ въ самомъ жалкомъ видѣ; видно было, что онъ, дѣйствительно, «бѣжитъ», хорошо не зная еще «куда» и захвативъ съ собою все, что первое попалось подъ руку, иногда совершенно ненужное и нецѣнное, напримѣръ: дрова, кукурузъ-

ную солому. Изъ этой соломы торчали дѣтскія головы, плохо прикрытыя, а иной разъ (и очень, очень часто) совсѣмъ неодѣтыя, мокрыя отъ дождя и синія отъ холода лица. Переселенцы эти вообще представляли раздирающую душу картину, хотя и плелись молча, не говоря ни слова, еле передвигая усталыя ноги. Съ каждымъ шагомъ далѣе нашей почтовой телѣжкѣ (колѣ) становилось труднѣе подвигаться впередъ; къ шедшимъ въ Делиградъ и переселявшимся оттуда стали все чаще и чаще присоединяться группы солдатъ, возвращавшихся тоже изъ Делиграда. Боже милосердный, въ какомъ были они видѣ! Что̀ былъ за костюмъ, что̀ были за лица, зеленыя, блѣдныя, отеклыя, обернутыя тряпками! Буквально еле двигались они по глубокой грязи, въ истрепанныхъ мокрыхъ опоркахъ; почти въ клочья изодранныя военныя шинели, отъ которыхъ не осталось ничего, кромѣ лохмотьевъ и дыръ,—вотъ, примѣрно, внѣшній видъ возвращавшихся изъ Делиграда войниковъ. Одинъ этотъ поистинѣ нищенскій костюмъ, весь мокрый, запачканный грязью, говоритъ вамъ, сколько они перенесли трудовъ, пережили трудныхъ дней, а больныя, зеленыя лица говорили, кромѣ того, о страданіяхъ, лишеніяхъ, болѣзняхъ. Плелись они, буквально, еле-еле, шагъ за шагомъ, и иной разъ нельзя было не замѣтить, что этимъ измученнымъ людямъ не по силамъ даже такая тяжесть, какъ ружье, которое онъ несетъ на плечѣ и которое гнететъ его и гнетъ къ землѣ.

Кофейни, попадавшіяся на дорогѣ, были буквально переполнены народомъ, большею частью солдатами; все это мокрое, рваное, безъ копейки въ карманѣ, больное или заболѣвающее тѣснилось къ огоньку погрѣться, чтобы опять шлепать по грязи и мокнуть на дождѣ. Среди такой-то безотрадной обстановки было поистинѣ удивительно встрѣтить двухъ россіянъ, которые какъ будто совсѣмъ не замѣчали, что̀ тутъ такое дѣлается. Это были пѣвчіе, тоже возвращавшіеся въ Бѣлградъ. Спокойно сидѣли они у столика въ одной кафанѣ, пили вино, говорили о своихъ дѣлахъ.

— Вотъ часы вымѣнялъ...—говорилъ одинъ басомъ.

— Много ли далъ?..

— Самъ взялъ придачи дукатъ.

Разсматриваютъ часы, хвалятъ.

— Куда вы ѣдете?

— Да вотъ *велько* здѣсь ждать!—весело, точно дѣти без

печныя, отвѣчали басы—и, казалось, *ждать* для нихъ уже само по себѣ препровожденіе времени.

— Вотъ, оцѣните часы, господа!

Точно никакой толкотни, ничего возмутительнаго, словомъ, *ничего* ровно кругомъ ихъ не было,—такъ были они спокойны, такъ спокойно попивали винцо и говорили о своихъ дѣлахъ.

Ближе къ Парачину потокъ людей, стремившихся туда и оттуда, шелъ, буквально, во всю ширину дороги. Цѣлые ряды телѣгъ, запряженныхъ волами и нагруженныхъ разнымъ скарбомъ, плелись въ глубокой грязи по краямъ дороги; стада свиней и овецъ, которыя переселенцы вели съ собой, заставляли нашу колу поминутно останавливаться, и послѣднюю станцію отъ Чупріи до Парачина, всего верстъ 8—9, мы ѣхали, по крайней мѣрѣ, часа два, и съ каждымъ шагомъ впередъ въ эту все болѣе и болѣе безпорядочную массу людей, телѣгъ и животныхъ терялась и потребность и возможность сообразить, что̀ такое это творится. Лошади шли и люди плелись туда, куда ихъ вели ноги: словомъ, всякій двигался туда, куда его двигали, чувствуя, что ни соображать ни хотѣть поступить такъ или иначе—для него нѣтъ возможности. Такое поистинѣ безсмысленное положеніе увеличилось во сто разъ, когда мы наконецъ въѣхали въ самый Парачинъ. Здѣсь волны народа, напиравшаго въ Парачинъ со всѣхъ сторонъ, бурлили, какъ въ омутѣ, и никто не зналъ, куда идти, что̀ дѣлать, куда ѣхать, а ѣхалъ, погоняя лошадь, и шелъ туда, куда его несло... Не думайте, что въ этомъ омутѣ, въ этой толкучкѣ участвовало что-нибудь въ родѣ страха или раздраженія,—ничего подобнаго не было: была потеря всякой возможности о чемъ бы то ни было думать, что-нибудь чувствовать или о чемъ-нибудь говорить. Стоитъ человѣкъ, стиснутый со всѣхъ сторонъ толпою, и ровно ни о чемъ не думаетъ, словно чего ждетъ; толкнула его толпа, которую толкнула телѣга,—пошли, и стоявшій тоже пошелъ и идетъ до тѣхъ поръ, пока другая толпа не повлечетъ его назадъ. Терялось даже сознаніе, что надо ѣсть, спать: всякій вспоминалъ объ ѣдѣ, наткнувшись на съѣдобное, о снѣ вспоминалъ только тогда, когда ноги заносили его куда-нибудь въ совершенно чужой домъ, въ чужую комнату, къ чужой постели.

Представить всю стихійность этой, наполнявшей Парачинъ толпы я не берусь. Добрые пять часовъ по пріѣздѣ въ Парачинъ находился я въ этомъ удивительномъ состоя-

ніи—безъ всякой воли и желанія двигаясь то туда, то сюда, ничего не желая и ничего не видя. Только случайно занесенный въ какую-то комнату, гдѣ была толпа русскихъ, я сталъ приходить въ себя и задумался о своемъ пріѣздѣ въ Парачинъ. Когда я ѣхалъ, мнѣ что-то было нужно; теперь я рѣшительно не могъ припомнить, зачѣмъ я пріѣхалъ, что̀ мнѣ нужно и что̀ такое творится.

Въ холодной комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, вокругъ стола съ бутылкою «лютой ракіи» и остывшимъ кускомъ баранины, засѣдали почти въ тупомъ молчаніи нѣсколько офицеровъ; поминутно входили новые, совершенно незнакомые люди, которые садились на что попало и молчали. Каждый изъ вновь прибывшихъ, усѣвшись на какомъ-нибудь чемоданѣ, продолжалъ сидѣть на одномъ мѣстѣ часъ, два, три—словомъ, безконечное число часовъ, ничего не говоря и, повидимому, ни о чемъ не думая. Никто не зналъ и не могъ знать, зачѣмъ онъ здѣсь и куда пойдетъ отсюда. Если бы была возможность, я тотчасъ бы уѣхалъ изъ Парачина, куда глаза глядятъ,—такъ съ каждой минутой становилось тягостнѣе это безсмысленное положеніе.

Ужасъ объялъ меня, когда я вмѣстѣ съ другими поздно вечеромъ вышелъ на улицу; темь была непроглядная, грязь—непроходимая; масса народу, людей конныхъ и пѣшихъ; масса телѣгъ, скота продолжала наполнять улицу такъ же точно, какъ и утромъ. Все это шло и ѣхало взадъ и впередъ, натыкаясь и толкая другъ друга. Слышались ругательства, въ грязи валялись пьяные добровольцы и проклинали свою участь. «И вотъ награда! И вотъ (крѣпкія слова) награда! Ахъ, вы (опять крѣпкія слова)!..»

— «Арестовать его, каналью!»—слышался въ темнотѣ начальническій голосъ тоже съ приправою русскихъ словъ... Нужно сказать, что, разъ выйдя изъ тупой апатіи, всякій дѣлался золъ и раздражителенъ. Такихъ озлившихся людей въ обезсмысленной толпѣ къ вечеру было великое множество: всякій, кто вышелъ изъ себя, принимался отдавать приказанія, арестовывалъ, ругался... Но и арестуемыхъ, напившихся мертвецки, было тоже великое множество... Въ гостиницѣ, гдѣ болѣе всего столпилось народу (посреди Парачина, близъ главной квартиры), слышался ревъ и визгъ: какого-то офицера, всего краснаго отъ злости и отъ лютой ракіи, связывали и тоже хотѣли арестовать; онъ стрѣлялъ изъ револьвера въ кого попало и колотилъ, кажется, тоже

кого попало. Пьянство, холодъ, скука, злость, глупость, голодъ, дождь—все это спутывалось въ нѣчто поистинѣ невыносимое, мучительное до послѣдней степени. Передать это мучительное состояніе такъ, чтобы оно было вполнѣ понятно читателю, я, право, не берусь. Бѣжать, вырваться на свѣтъ Божій изъ этой тьмы кромѣшной—вотъ было единственное желаніе всѣхъ, волею-неволею сбитыхъ въ кучу въ такой маленькой деревушкѣ, какъ Парачинъ. Ниоткуда не было видно никакой надежды, чтобы кто-нибудь пришелъ и помогъ разобраться, найти что-нибудь, уяснить, что будетъ, что надо дѣлать... Въ штабѣ, въ квартирѣ главнокомандующаго, говорятъ, шла такая же свалка. Являлись за наградами. «А мнѣ-то? Этому подлецу даете, а мнѣ?»

Чѣмъ свѣтъ, продрогнувъ ночь въ холодной собѣ (комнатѣ), отправился я искать колу, чтобы ѣхать назадъ. Я потомъ раскаивался въ такомъ поспѣшномъ отъѣздѣ, но это было уже тогда, когда я выѣхалъ и очнулся отъ ужаснаго впечатлѣнія. Находясь въ Парачинѣ, ничего другого, кромѣ желанія уйти отсюда хотя къ туркамъ, куда угодно,—ничего другого чувствовать не было ни малѣйшей возможности.

Лошади по всей дорогѣ заѣзжены и разбиты совершенно. Передавать, что было за мученіе эта тиранская ѣзда, тоже невозможно. Судите, что должны были испытывать раненые, которыхъ также великое множество ѣхало по дорогѣ къ госпиталямъ, расположеннымъ въ Ягодинѣ, Семендріи и т. д. Можетъ-быть, со временемъ я найду въ себѣ силы хладнокровно передать впечатлѣнія этихъ дней, но тогда этого невозможно было сдѣлать. Тогда можно было только хвататься за голову и желать уйти изъ этого омута.

Между прочимъ, опять пришлось встрѣтить пѣвчихъ. Сидятъ на какой-то станціи вокругъ столика, пьютъ, разговариваютъ...

— Куда вы?

— Ѣдемъ въ Семендрію; оттуда, *говорятъ*, на пароходѣ повезутъ.

— Какъ же вы сюда-то добрались?

— Попался мужичокъ, далъ свою лошадь.

— Добровольно?

— Да, хорошій человѣкъ, довезъ.

— А отсюда-то?

— Ждемъ вотъ... Доставятъ!

— Доставятъ?..

И не скучаютъ, не скучая «ждутъ», попивая винцо. Точно манна небесная такія физіономіи среди этого ужаснаго пути.

Въ Семендріи всѣ гостиницы были биткомъ набиты народомъ, ожидавшимъ парохода. Кое-какъ мнѣ удалось найти кровать на одну ночь за 5 динаръ; въ комнатѣ спало, кромѣ меня, еще два серба. Я пытался разговаривать, но ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ мнѣ ни одного слова, и я очень понимаю и вполнѣ извиняю эту грубость и невѣжество.

Наконецъ-то мы дождались парохода. Всѣ тутъ собрались, всѣ великіе и малые дѣятели, всѣ знаменитости, герои войны и «сундучка», и всѣмъ было нехорошо и неловко.

Пѣвчіе также ѣхали на пароходѣ. Х—въ повелѣлъ имъ пѣть. Они усѣлись на палубѣ, на вѣтру, и отличными голосами запѣли какую-то малороссійскую пѣсню. Пѣли превосходно.

— Перинушку, перинушку!—просили ихъ, и они немедленно спѣли и перинушку. Толпы русскихъ и сербскихъ оборванныхъ добровольцевъ съ удовольствіемъ слушали стройное пѣніе. Наконецъ они спѣли «Боже, Царя храни». Всѣмъ страстно захотѣлось поспѣть въ Бѣлградъ—по мѣрѣ приближенія, пассажиры выбирались на палубу. Дунай былъ удивительно хорошъ при закатѣ солнца... Какая гибель птицъ налетѣла сюда—утокъ... нырковъ!.. Наконецъ вотъ и Бѣлградъ! Было совсѣмъ темно, когда мы пріѣхали. Вся набережная была полна народа. «Ура!», «живіо!»—доносилось оттуда на пароходъ. И все-таки было и больно и нехорошо на душѣ у всѣхъ.

IV. Передъ отъѣздомъ.

1.

По заключеніи перемирія ни для кого не было ужъ тайной, что скоро послѣдуетъ и настоящій миръ. Множество народу разомъ хлынуло назадъ, въ Россію, а оставшіеся въ Бѣлградѣ волей-неволей должны были присутствовать при непріятномъ процессѣ ликвидаціи всевозможныхъ непорядковъ и недоразумѣній, накопившихся всюду и вездѣ, во всѣхъ и каждомъ... На ряду съ «отместками» за старыя

обиды, отместками, иногда принимавшими размѣры буйныхъ свалокъ въ кофейняхъ, на ряду со всевозможнаго рода ропотомъ, раздававшимся на всѣхъ и на вся, и притомъ повсюду,—кое-какъ изъ пятаго въ десятое шла сдача дѣлъ старыми, уѣзжавшими начальниками новымъ, съ раздраженіемъ и неохотою принимавшимся за испорченное дѣло. Писались отчеты, и какъ писались!

— Пишите,—говоритъ, напримѣръ, составитель «такого» отчета фельдшеру, сидѣвшему съ перомъ въ рукѣ.—Пишите: ножей пятьдесятъ.

Фельдшеръ пишетъ.

— Въ Чупрію—30.

Пишетъ.

— Въ Иваницу—30.

— Вѣдь это 60 выйдетъ,—возражаетъ фельдшеръ.

— Какъ 60? Ахъ, да!.. Ну, пишите такъ: въ Чупрію—двадцать, въ Иваницу—десять, въ Прняворъ... ну, хоть... штукъ восемь...

— Это вы такъ-то отчетъ составляете? — въ изумленіи спрашиваетъ фельдшеръ, молодой впечатлительный человѣкъ.

— Да какъ же иначе-то? Я знаю, что столько-то ножей дали, а куда—могу и ошибиться. Пишите: доктору Д. клеенки 30 аршинъ.

— Ну, ужъ этого я теперь писать не стану!

— Отчего?

— Да вѣдь я самъ получилъ клеенку для доктора Д. и очень хорошо помню, что получено только десять аршинъ.

— Ну, пишите хоть и десять; я двадцать поставлю въ Чупрію...

— Это чортъ знаетъ что, а не отчетъ!..

— А вы думали, въ самомъ дѣлѣ, что ли, я долженъ о каждой тряпкѣ безпокоиться? Какъ же! Чортъ съ *нимъ* совсѣмъ. Я *ему* такой отчетъ составлю, что самъ чортъ не разберетъ...

Тутъ есть, какъ видите, какой-то *онъ;* не общество, не общественныя обязанности и деньги, а какой-то *онъ,* у котораго утаскиваютъ всѣ эти ножи и клеенки и котораго обмануть даже прямо слѣдуетъ.

На ряду съ такимъ составленіемъ отчетовъ и полученіемъ наградъ шло полученіе денегъ на проѣздъ, пособій, вспомоществованій и жалованья. Получали всѣ (по крайней мѣрѣ, офицеры) и—сколько я знаю — получили, дѣйствительно, все до копейки, за всѣ мѣсяцы, и за проѣздъ, и

за пріѣздъ, и за отъѣздъ, и все-таки на бѣлградскихъ улицахъ поминутно встрѣчались разнаго званія добровольцы, которые на каждомъ шагу обращались къ намъ съ такими вопросами:

— Вы русскій?

— Русскій.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ раздаются деньги?.. Я офицеръ... Нельзя же такъ!

Или такъ:

— Вы русскій, кажется?

— Русскій.

— Скажите, пожалуйста, не знаете ли, не раздаютъ ли гдѣ-нибудь денегъ?

— Гдѣ-то раздаютъ.

— Гдѣ? Вотъ именно этого и не добьюсь. Я знаю, что раздаютъ: быть этого не можетъ, чтобы не раздавали. А гдѣ? Скажите, ради Бога!

Иной разъ наскочитъ на васъ гдѣ-нибудь на улицѣ и въ кафанѣ до послѣдней степени раздраженный человѣкъ и прямо возопіетъ:

— Да нѣтъ ли *какихъ-нибудь* денегъ, чортъ возьми эту Сербію!

Въ концѣ концовъ однако можно сказать, не ошибаясь, что получили рѣшительно всѣ и рѣшительно все, что слѣдовало. Даже и тѣ изъ добровольцевъ, которыхъ прямо надо считать людьми состоятельными, богатыми даже, и тѣ получили и жалованье, и пособіе на проѣздъ, и по даровому билету на каждаго изъ этихъ богачей. Была ли какая-нибудь «раздача» какихъ-нибудь денегъ простымъ добровольцамъ, солдатамъ—не знаю. Знаю, что *на руки* имъ денегъ не давали, а чтобы во время дороги скрывать ихъ отъ глазъ Западной Европы, чтобы не дать пищи насмѣшкамъ надъ русскимъ некультурнымъ человѣкомъ, ихъ отправляли отсюда на баржахъ, прицѣпляемыхъ къ пароходу, какъ обыкновенно возятъ лошадей, телятъ...

2.

Пора было уже и мнѣ собираться домой, а собираясь покинуть чужую сторону, чтобы возвратиться на родину, я невольно раздумывалъ и о родинѣ и о чужой сторонѣ, и о «старшемъ братѣ» и о младшемъ. Вотъ теперь, думалось мнѣ, на дворѣ стоитъ ноябрь, даже конецъ ноября, а этотъ младшій братъ живетъ въ теплѣ и привольѣ: «припадокъ»

зимы, случившійся въ октябрѣ и продолжавшійся нѣсколько дней, прошелъ; теперь въ концѣ ноября съ 11 часовъ утра смѣло отворяйте окна, и комната будетъ тепла отъ настоящаго солнца, а не отъ дровъ. Теплый туманъ дымится по горамъ и рѣкамъ, теплый дождь мочитъ рыхлую, жирную землю... А старшій братъ, живущій, положимъ, въ Петербургѣ, стоитъ теперь замерзлый, обледенѣлый; замерзли пятиэтажные дома, замерзли съ верху до низу; снаружи замерзли водосточныя трубы, внутри въ стѣнахъ замерзли водопроводы; отвернешь кранъ—и изъ него несетъ 40-градуснымъ морозомъ, гриппомъ... Замерзли двери, окна; замерзли, обледенѣли бороды, носы; птицы валяются мертвыми въ еловыхъ и сосновыхъ лѣсахъ... А эта еловая или сосновая зелень, или, вѣрнѣе, зелень, сдѣланная изъ еловаго и сосноваго дерева, зелень на зиму и лѣто — одна и та же (напасешься ли разнообразной и настоящей зелени на десятки тысячъ верстъ, отъ Петербурга до Камчатки?). Ухъ, какъ жутко жить старшему брату отъ одного только климата! Не будь искусственныхъ приспособленій, старшему брату, пожалуй, даже и жить бы нельзя было совершенно; младшій растетъ на настоящемъ солнцѣ, нашъ — на банномъ парѣ, дровяномъ теплѣ, на водкѣ, которую также пьютъ «для тепла», словомъ, разводится такъ же искусственно, какъ искусственно разводятся цыплята, рыба и т. д.; помощью привознаго образованія развивается его умъ, мозгъ, которые безъ этого немного бы взяли, взирая и лѣто и зиму на сдѣланную изъ еловаго дерева зелень и мерзлыхъ воронъ... Иной разъ, раздумавшись объ этомъ предметѣ, невольно приходишь къ мысли, что «весь старшій братъ» просто выдуманъ, искусственно разведенъ для уплаты иностраннымъ банкирамъ процентовъ по займамъ... Конечно, такія мысли нельзя считать здравыми, но онѣ проходятъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ, вообще довольно жуткихъ условій, въ которыхъ живетъ старшій братъ и которыя представляются здѣсь, въ землѣ брата младшаго, еще болѣе жуткими... Ужъ одно то, что младшій братъ *можетъ быть лѣнивымъ*, можетъ не спѣшить, можетъ думать объ удовольствіяхъ жизни, можетъ прихотничать и франтить (полушубокъ у него расшитъ разноцвѣтными узорами), — ужъ одно это какъ непохоже на старшаго брата, у котораго постоянный недохватъ, недоимки выше головы, который постоянно виноватъ, постоянно въ работѣ, постоянно «*гонитъ*» куда-то, который не только не имѣетъ возможности отды-

хать или лѣниться, но, напротивъ, почти заурядъ обязанъ совершать подвиги, требующіе силъ и энергіи, немыслимыхъ для обыкновеннаго, не искусственно приготовленнаго человѣка... Младшій братъ, сытый и съ лѣнцой, не спѣша плетется на сытыхъ волахъ въ «свою» свѣтлую, полную довольства кучу... Старшій «гонитъ» отъ кучи по чужой надобности, гонитъ не ѣвши, гонитъ на некормленной лошади, а иногда умѣетъ тысячи верстъ ѣхать *на одномъ кнутѣ*... Кто не слыхалъ этого выраженія: «всю дорогу, братецъ ты мой, на одномъ кнутѣ ѣхалъ»! Это значитъ, что для выполненія надлежащимъ образомъ упомянутой ѣзды необходима была какая-то сверхъестественная, могущественная сила—кнутъ, такъ какъ естественныхъ силъ ни въ людяхъ ни въ животныхъ, участвовавшихъ въ ѣздѣ, не хватало; онѣ были ничтожны и только благодаря кнуту — вытянулись въ струну, напряглись до сверхъестественной силы—и вынесли *).

Въ виду обилія вотъ такихъ-то мелочныхъ чертъ въ характерахъ и нравахъ двухъ братьевъ, — чертъ, свидѣтельствующихъ о значительной между этими братьями разницѣ рѣшительно во всемъ, кромѣ общей для обоихъ потребности освободиться отъ подчиненія западно-европейскому ходу жизни, при чемъ младшій братъ отлично знаетъ это подчиненіе, а старшій, хоть кряхтитъ отъ убытка, но откуда онъ идетъ—не знаетъ, а полагаетъ только, что виноватъ тутъ волостной старшина или пьяница-прохвостъ писарь, — въ виду вотъ этой-то сложности явленій, обнаруженныхъ сербскимъ дѣломъ, размышленія мои невольно опять приводили къ вопросу о томъ, каковы-то «мы» были во всей этой, теперь уже окончившейся исторіи?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если помнятъ читатели, на Васильевскомъ островѣ, въ Петербургѣ, было обнаружено варварское дѣло. Какая-то женщина, изъ личныхъ расчетовъ, заперла другую женщину въ темную комнату и продержала ее въ ней цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Только черезъ пятнадцать лѣтъ кто-то совершенно случайно узналъ объ этомъ заживо погребенномъ человѣкѣ, — и двери тюрьмы были открыты; заточенная женщина найдена была въ ужас-

*) Одинъ русскій «народный» балетъ «Конекъ-горбунокъ» весь построенъ на необычайныхъ свойствахъ кнута. Здѣсь волшебная палочка обыкновенныхъ иностранныхъ балетовъ замѣнена кнутомъ, который въ теченіе 5 дѣйствій лупитъ всѣхъ и вся и достигаетъ изумительныхъ результатовъ.

номъ положеніи: въ грязи, одичалая, почти превратившаяся въ скота... Я прошу читателя воспроизвести только впечатлѣніе, которое могла бы произвести на него эта женщина, если бы онъ самъ увидалъ ее. Ну такъ вотъ такое же впечатлѣніе произвелъ «средній» русскій человѣкъ, хлынувшій нынѣшнимъ лѣтомъ за границу... Повторяю еще разъ, я прошу помнить только впечатлѣніе, производимое человѣкомъ, отвыкшимъ жить на бѣломъ свѣтѣ, разучившимся жить, не говоря о причинахъ, которыя отучили его отъ жизни,—одичать можно и отъ страшнаго труда и отъ утомительнѣйшаго бездѣйствія, какъ одичала заточенная. Такъ вотъ именно благодаря такой-то «одичалости», мнѣ казалось, что большинство простонародныхъ, да и благородныхъ добровольцевъ, попавъ въ чужую сторону, напримѣръ, въ Австрію, были какъ будто сконфужены за себя, какъ былъ бы сконфуженъ обыватель мансарды, неожиданно перенесенный въ бальную залу. Онъ ничуть не хуже этихъ расфранченныхъ танцоровъ и тузовъ; онъ знаетъ хорошо, что онъ умнѣй, даровитѣй большинства ихъ, но онъ будетъ все-таки растерянъ, такъ какъ у него нѣтъ какихъ-то пустяковъ для того, чтобы, не насмѣшивъ общество, дать замѣтить всѣмъ свои неотъемлемыя достоинства: у него нѣтъ манеръ, у него худы сапоги, плохъ костюмъ, у него нѣтъ привычки говорить свѣтскимъ языкомъ, а тотъ, на которомъ онъ привыкъ изъясняться, никому непонятенъ и смѣшонъ; наконецъ онъ нервно разстроенъ до того, что и притворяться-то человѣкомъ, знающимъ себѣ цѣну, не можетъ; онъ не выдержитъ пяти минутъ того пустого разговора, который свѣтскій человѣкъ ведетъ цѣлые часы, потому что ему противно, глупо; въ концѣ концовъ такой человѣкъ вмѣстѣ съ полнымъ презрѣніемъ къ «пустоголовымъ франтамъ», берущимъ внѣшностью, которая ровно ничего не значитъ, которую онъ, очень умный бѣднякъ, могъ бы легко пріобрѣсть, если-бъ не былъ бѣднякъ, въ концѣ концовъ такой дѣйствительно умный, дѣйствительно въ сто разъ болѣе правдивый, честный человѣкъ все-таки будетъ чувствовать, что онъ подавленъ прочностью самодовольства этихъ глупцовъ, самодовольства, не подлежащаго для нихъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Вотъ подобное-то ощущеніе, какъ кажется, испытывало за границей громадное большинство русскихъ добровольцевъ. Они были сконфужены *прочностью* заграничнаго человѣка, его достоинствомъ, его умѣньемъ жить; были скон-

фужены, какъ дѣти, какъ ребенокъ, которому не подарили такихъ же фольговыхъ часовъ, какіе подарили его пріятелю-ребенку. Значительный процентъ ссоръ между добровольцами во время дороги можно положительно приписать этому неловкому ощущенію человѣка безъ манеръ, попавшему въ общество съ манерами; по крайней мѣрѣ, количество людей, между простымъ народомъ, особенно нападавшихъ на людей, не умѣвшихъ себя вести, было... да прямо можно сказать, что каждый нападалъ на каждаго за то, что тотъ пьянствуетъ и скверно себя держитъ.

— Срамятъ, чисто-начисто срамятъ партію! — душевно убиваясь, говоритъ старшой:—нешто это Россія? Вѣдь въ вѣдомостяхъ пишутъ, пьяная твоя морда!.. вотъ наказалъ Господь!.. Двадцать лѣтъ отслужилъ Богу и государю честно, благородно, а тутъ не знаю, за что наказалъ Господь-Батюшка,—въ старшины къ эфтимъ мошенникамъ выбрали... Спи! Сейчасъ спи!—реветъ онъ на какого-нибудь мечущагося на нетвердыхъ ногахъ по пароходной палубѣ добровольца.

— Сейчасъ, приказываю тебѣ—ложись!.. Срамники этакіе!.. Не хочешь?.. Погоди, я пойду графу доложу... Что это за наказаніе! Тьфу!..

И торопливо идетъ съ палубы внизъ, а здѣсь—буфетъ, гдѣ прежде, нежели попасть къ графу, старшой, разгнѣванный поведеніемъ своихъ подчиненныхъ, выпиваетъ рюмочку, непремѣнно, конечно, обругавъ нѣмца за то, что нѣмецъ долго ничего не понималъ изъ русскихъ разговоровъ и требованій водки на русскомъ языкѣ:

— Шнапу! рюмочку... аль ты оглохъ? Имъ хоть говори, хоть нѣтъ!..

Явись графъ или какимъ другимъ образомъ титулованный начальникъ партіи, всѣ начинаютъ жаловаться другъ на друга.

— Ваше сіятельство! Позвольте вамъ сказать... Какъ онъ смѣетъ... Я стрѣлокъ... вотъ у меня ордена-то!

— Какой ты (такой-сякой) стрѣлокъ!—прерываетъ другой ожесточенный голосъ:—ежели ты мараешь свою честь на чужой сторонѣ?.. У тебя, у дурака, долженъ быть крестъ во лбу, а ты пакостничаешь въ чужой землѣ!

— Самъ ты, старая ворона, нализался впередъ всѣхъ. Погляди-ка, вонъ, на тебя-то какъ пялятъ глаза, на пугалу...

Явившійся разобрать дѣло начальникъ партіи, если онъ не бралъ горломъ (горломъ-то брать стыдно передъ ино-

странцами), непремѣнно долженъ былъ уйти, ничего не добившись.

Въ продолженіе дороги всѣ пережаловались другъ другу, другъ на друга; я, человѣкъ посторонній, и то переслушалъ этихъ жалобъ безчисленное множество; всякому было противно неумѣнье вести себя не только въ другихъ, но и въ себѣ, и всякій поэтому хотѣлъ убѣдить кого-нибудь, что онъ вовсе не похожъ на этого пьяницу; всякій норовилъ доказать, что онъ хоть и выпилъ («Отчего не выпить для тепла, да вѣдь и то сказать: голову отдаемъ—авось можно?»), но что онъ не кто-нибудь, и лѣзетъ непремѣнно за орденами въ карманъ... Убѣдившись въ томъ, что ни отъ начальника партіи, ни отъ постороннихъ, ни наконецъ отъ самихъ себя нельзя добиться никакого результата, положительно всѣ стали объяснять дѣло тѣмъ, что «некому жаловаться»...

— Нешто это Россія? Кому тутъ жаловаться будешь?.. Это не Россія, жаловаться тутъ некому... Нѣтъ! кабы жаловаться было кому, такъ я-бъ тебѣ показалъ... въ чемъ она ходитъ!

А иные, самые благообразные, просто сновали по палубѣ и въ виду широкаго Дуная какъ бы въ отчаяніи разставляли руки и говорили:

— Вся причина — некому жаловаться, ничего не подѣлаешь!

Но если бы, на счастье, и было въ чужой землѣ что-нибудь такое, что могло бы воскресить вдали отъ родины представленіе о бараньемъ рогѣ и о прочемъ въ этомъ же родѣ, то и тогда едва ли бы добровольцъ нашъ могъ бы вести себя какъ-нибудь иначе, т.-е. безъ постояннаго питья вина и рому (нѣкоторые сумѣли пропить по 15-ти рублей въ полтора сутокъ отъ Пешта до Бѣлграда, *пропить* буквально, не принимая пищи, какъ говорится, и «маковой росинки» въ теченіе этихъ полутора сутокъ), такъ какъ иначе нечѣмъ ему было занять себя; *проводить время* онъ не умѣлъ, такъ какъ никогда даже не зналъ, что это такое, если не пьянство въ кабакѣ или у Бореля, все равно. Вѣдь вотъ тутъ же ѣхали прусскіе солдаты, ѣхали также волонтерами въ Сербію, также готовы были умирать, а сумѣли о чемъ-то проговорить другъ съ другомъ полтора дня и двѣ ночи (спать было невозможно за тѣснотою); а у нашихъ оказалось не о чемъ разговаривать: всѣ разговоры свои они оставили дома. Оставили дома мы ропотъ на

свою горькую участь, на несправедливость батальоннаго командира, ропотъ противъ жены, противъ тещи—оставили дома всего Островскаго, всего Рѣшетникова, и нѣту ничего другого, хоть шаромъ покати! Человѣку такъ пусто, такъ дико и такъ одиноко, что онъ тащитъ вамъ, постороннему человѣку, свои ордена, говоритъ: «вѣдь я не кто-нибудь... я—кавалеръ», чувствуя, что такъ просто онъ ничто, и никто его знать не хочетъ... Ордена вытаскивали послѣ двухъ-трехъ словъ перваго знакомства положительно всѣ, у кого только они были. Всякій объявлялъ, что это онъ только такъ, потому что за границей, въ штатскомъ, а въ сущности вы, пожалуйста, не пренебрегайте имъ: онъ—капитанъ... О Сербіи, объ общемъ, кажется, дѣлѣ почти не было разговоровъ (только подъ конецъ пути зашелъ разговоръ о славянскомъ дѣлѣ, и то потому, что на пароходъ сѣлъ сербъ, ѣхавшій въ Бѣлградъ окольнымъ путемъ изъ Болгаріи съ важными порученіями, и самъ завелъ оживленную рѣчь въ общемъ смыслѣ). Всякій былъ изломанъ и нылъ про себя, чувствуя себя чужимъ среди иностранцевъ, которые (это обижало безсознательно)—также люди, да не тѣ... Вотъ хоть мадьяры, простые мужики, цѣлую ночь хоромъ пѣли, да какъ пѣли, артистически—нашихъ забрало за ретивое: «давай, ребята, нашу!..» Чуть не всѣ сразу затянули «Внизъ по матушкѣ», и оказалось, что никто не знаетъ пѣсни не только до конца, а даже съ пятой строки, т.-е. по окончаніи перваго куплета, ужъ никто не знаетъ, какъ дальше. Не въ музыкальныхъ школахъ спѣвались мадьярскіе мужики, спѣвались они, надо думать, въ деревнѣ, и наши тоже родились и жили въ деревнѣ; но, очевидно, некогда имъ было спѣваться, заниматься пустяками, досуга не было... И затянули-то они кто въ лѣсъ, кто по дрова... «Погоди, я имъ завинчу штучку!»—подзадоренный неудачей «своихъ», проговорилъ какой-то, повидимому, бывшій военный писарь и, проворно стащивъ съ плечъ одѣяло, которымъ наградило его славянское общество, крякнулъ и затянулъ:

Въ полъ-денный жаръ, въ авраги на Капказ-зи
Въ груди моей съ винцомъ дымилась кровь.

Но и тотъ на второмъ куплетѣ осѣкся, а ужъ вралъ—не приведи Богъ!

— Ахъ, забылъ, какъ дальше-то .. Погоди!.. — Писарь вновь-было началъ съ начала, но его перебилъ громаднаго роста мѣщанинъ, необычайно вертлявый, бывшій сыщи-

комъ, драгуномъ и монахомъ и оказавшійся впослѣдствіи плутомъ...

— Будетъ тебѣ нищаго-то черезъ каменный мостъ тащить! Ты погляди-ка, какъ я ихъ, нѣмцевъ-то, сразу разодолжу... У насъ—по-русски, живо!

И, повернувшись на каблукахъ, онъ довольно-таки безцеремонно влѣзъ въ самую середину мадьярскаго хора и, вопреки всякимъ смысламъ, началъ кричать кукареку... Мадьяры продолжали пѣть, не обращая вниманія, думая, должно-быть, что чудакъ опомнится, увидитъ, что мѣшаетъ, и уйдетъ,—ничуть: чудакъ оралъ пѣтухомъ и представлялъ всей своей фигурой поднимающагося на цыпочки и вытягивающаго шею пѣтуха. Мадьяры замолкли. Нѣкоторые изъ нашихъ—далеко, впрочемъ, не всѣ—смѣялись, а мѣщанинъ-пѣтухъ также молчалъ и ждалъ. Мадьяры опять запѣли. Мѣщанинъ тотчасъ же опять заоралъ. Кончилось тѣмъ, что одинъ изъ пѣвцовъ, какъ бѣшеный, подскочилъ къ нашему артисту и обругалъ его самымъ громогласнымъ образомъ; нашъ мгновенно схватилъ его за «бочка», какъ «другапріятеля», но венгерецъ весьма энергически отстранилъ его отъ себя. Хихикая, съ ужимками и обезьяньими изворотами, нашъ таки-убрался. Немедленно принялись его ругать за неприличіе, и такъ, ругаясь, всѣ вмѣстѣ пошли въ буфетъ.

Выручилъ всѣхъ солдатъ.

— Эхъ, вы!—сказалъ онъ:—пѣвчіе! Ну-ка—нашу солдатскую!—И, притопывая каблучками и повертывая согнутыя фертомъ руки, пропѣлъ какую-то пѣсню, въ которой слышалось безпрестанно:

Полковые командирчики,
Батальонные начальнички,
И батальонные начальнички,
Штабъ-и оберъ-офицерики!

Съ точностью не могу припомнить словъ пѣсни, но помню положительно, что, кромѣ какой-то радости отъ обилія начальства, выраженной музыкой пѣсни, въ ней было одно только перечисленіе разныхъ наименованій этого начальства, даже женъ и дѣтокъ господъ начальниковъ.

— Вотъ какъ у насъ!—окончивъ пѣсню (эта пѣсня была допѣта до конца), гаркнулъ солдатъ и, конечно, послѣдовалъ въ буфетъ.

По пути изъ Семендріи въ Бѣлградъ, какъ я уже писалъ ранѣе, мнѣ удалось слышать «Внизъ по матушкѣ по

Волгѣ», пропѣтую чудовскими пѣвчими. Что за слова чудесныя, что за дивная музыка, но зато вѣдь чего и стоитъ чудовскій хоръ московскимъ купцамъ, но зато вѣдь и слушаютъ ихъ только за деньги. А такъ, въ толпѣ, забываются и слова и музыка народныхъ пѣсенъ.

Такъ-то вотъ и скучно было русскому человѣку на чужой сторонѣ, скучно было ему потому, что и веселиться онъ не умѣетъ, окромѣ какъ пить, къ пріятельству онъ не привыкъ, окромѣ что тоже въ пьяномъ видѣ, и живетъ онъ въ лачужкахъ, а не въ такихъ деревняхъ-картинкахъ, и разговаривать-то ему не о чемъ, окромѣ какъ жаловаться да искать мѣста: нѣтъ ли гдѣ мѣстечка, гдѣ бы можно было хорошенько пожаловаться на вольнаго человѣка? Не зная, чѣмъ взять передъ нѣмцами, одинъ изъ нашихъ (конечно, въ пьяномъ видѣ) съѣлъ, напоказъ своей удали, цѣлую солонку съ краснымъ кайенскимъ перцемъ и, обжигая ротъ каждымъ глоткомъ, приговаривалъ (дѣйствительно, не моргнувъ глазомъ, не поморщившись):

— Вотъ какъ у насъ!.. У насъ нешто такой перецъ-то!.. Это развѣ перецъ?

— Али съѣлъ?

— А то что же! Эй, ты, дай еще фляшу шнапу!

3.

Унылую эту картину позвольте заключить слѣдующимъ отрывкомъ изъ одного дневника.

«...А какіе есть изъ нихъ (изъ добровольцевъ) старые-престарые!.. По 60-ти и болѣе лѣтъ инымъ! Меня особенно заинтересовалъ одинъ старикъ-доброволецъ, человѣкъ угрюмый, лѣтъ свыше пятидесяти, ничѣмъ не напоминавшій солдата. Борода у него черная, по поясъ; на головѣ сербская шапка, а весь остальной костюмъ—мужицкій, т.-е. мужицкій полушубокъ, мужицкія онучи, да сербскіе, тоже мужичьи, опанки. Поразило меня необыкновенно строгое и серьезное выраженіе лица—куда какъ мало (не строгихъ, нѣтъ) серьезныхъ-то, умомъ и мыслью запечатлѣнныхъ лицъ, да еще такихъ трезвыхъ лицъ, между нашимъ братомъ, русскимъ добровольцемъ... Глянулъ я на его щетинистыя густыя брови и подумалъ: «ну, это навѣрное—настоящая Русь, безпримѣсная, нетесанная...»

«— Сядь-ка здѣсь, родимый,—заговорилъ старикъ самъ:—не слыхалъ ли чего?.. Какъ пишутъ-то: подъ туретчиной христіанству быть, али освобожденіе выйдетъ?..

«Дѣло было въ бѣлградской крѣпости, гдѣ помѣщаются теперь русскіе добровольцы. Много ихъ толпилось и сидѣло какъ попало близъ казармы.

«— Не знаю, дѣдушка, ничего не слыхать... Конференція, стало-быть, совѣтъ такой, идетъ теперь: какъ этотъ совѣтъ скажетъ, такъ и будетъ...

«— А какъ подъ туретчиной оставитъ совѣтъ-то?

«— Оставитъ, пожалуй, подъ туретчиной.

«— А чего же христіанство-то смотритъ?

«Поистинѣ я глубоко смутился отъ этого простого вопроса, произнесеннаго хотя и старческимъ голосомъ, но освѣщеннаго искреннѣйшимъ гнѣвомъ живыхъ, умныхъ, выразительныхъ глазъ. И что я могъ ему отвѣчать? Подумайте-ка хорошенько, что я могъ *серьезно* отвѣтить этому серьезно проникнутому дѣломъ человѣку, этой неломанной, нетесанной святой Руси? «Что же христіанство-то смотритъ?» Этотъ, поистинѣ грозный вопросъ и сейчасъ звучитъ въ моихъ ушахъ.

«— Ты, вѣрно, не солдатъ, дѣдушка?—не отвѣтивъ путемъ на его вопросъ, спросилъ я старика, необыкновенно меня заинтересовавшаго.

«— Съ роду въ солдатахъ не бывалъ... Хрестьянинъ...

«— Отъ комитета пріѣхалъ?

«— Самъ пріѣхалъ, на свои... Не бывалъ въ комитетахъ... Своихъ собралъ деньжонокъ, распродался, пріѣхалъ... Дорогой ужъ къ партіи присталъ...

«— Бывалъ въ сраженіяхъ?

«— Привелъ Богъ.

«— Не раненъ?

«— Нѣтъ, Богъ миловалъ... Царапать, точно, царапали больно, до крови, ну, а настоящихъ ранъ не получалъ... Богъ миловалъ.

«— Какъ же такъ царапали-то?

«— Да такъ; глянь вотъ, только снаружи... Вотъ погляди.

«Онъ открылъ плечо.

«На плечѣ былъ шрамъ, обложенный тряпицами; потомъ показалъ ногу (правую): икра ниже колѣна была прострѣлена.

«— Вишь, какъ царапали-то! Все наружу выходило, а такъ, чтобы нутренной раны—нѣтъ, не бывало... Богъ миловалъ.

«Подивился я на эти царапины, оказавшіяся самыми настоящими ранами «навылетъ».

«— Что же ты въ больницѣ-то не лежишь?

«— Лежалъ-было, да Богъ съ ней совсѣмъ... Тамъ теперь, погляди-ка-сь, заботы сколько: кому руку, кому ногу отнять... страшно смотрѣть. Что мнѣ! Моя болѣзнь—только всего грудь вотъ расшибъ; ну, а въ больницахъ не время этимъ заниматься...

«— И грудь-то расшиблена?

«— Грудь-то точно что расшибъ я... Это съ Дюниша бѣгли... Горы, другъ ты мой, и Боже мой, какія горы! а тутъ такъ вышло: бѣгъ-то задомъ, все палилъ, отбивался... Такъ-то пятилъ-пятилъ, да на камень, что ли, на древо ли наткнись—и полетѣлъ кубаремъ подъ гору... *Самъ ничего,* а грудь, надо-быть, расшибъ (онъ поминутно кашлялъ)... Вотъ въ баньку бы сходить... авось отпуститъ...

«— Въ больницу иди, а не въ баньку... Въ больницѣ-то, гляди, и поправишься.

«— Ну, ужъ, чай, не справишь грудь-то... Лежалъ я... Страшно на мученія-то смотрѣть... Нѣтъ, не пойду въ другой... Чего тамъ? Тамъ и дыхать-то несвободно... Ишь, тутъ-то каково любо... Вотъ Дунай-батюшка... Ишь онъ какой!.. То-то гадалъ поглядѣть-то... а теперь онъ всегда на глазахъ... Дунай-батюшка—великая, вольная рѣка! да! Не запрудить тебя никому, право слово! Никому не запрудить, великій ты Дунай-батюшка!..

«Морозъ меня подиралъ по кожѣ отъ того необыкновенно страстнаго тона, которымъ полна рѣчь старика.

«— Не то ты, Дунай великій, что малыя рѣки... Тѣ запрудятъ! Начнутъ кидать камни, да песокъ, да навозъ, да сваи вколачивать,—и стала рѣченька... А великая рѣка... Глянь-ка, эво мѣсто!..

«Старикъ показалъ на то мѣсто, гдѣ Дунай, сливаясь съ Савой, разлился просторно и широко.

«— Удержишь ли этакую-то силу Господню въ неволѣ-то?..

«Какая-то необычайная сила охватила меня, разслабленнаго разслабленной сербской возней. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я въ первый разъ увидѣлъ, что есть смыслъ въ дѣлѣ, за которымъ я пріѣхалъ сюда, въ первый разъ дѣло это показалось мнѣ свято и велико. Каждое слово старика, который подъ малыми и великими рѣками разумѣлъ нѣчто другое, точно волшебствомъ какимъ укрѣпляло и оживляло меня. Широко и здорово какъ-то чувствовалось отъ этихъ простыхъ рѣчей.

«— И народъ-то тоже самое... Малый народъ христіанскій

въ неволѣ, что̀ рѣчка малая. Запруди ее—и не вырваться ей изъ неволи-то... силушки-то нѣту у ей... Не хитро малые-то народы въ неволѣ держать... А великія рѣки, хоть Дунай, хоть Волга великая рѣка, какъ поналягутъ онѣ на запруды да на колья вбитые...»

Старикъ долго, хотя и нѣсколько тяжеловѣсно, но умно и убѣдительно велъ свою параллель между великими и малыми рѣками и народами, но я не буду приводить ея здѣсь, такъ какъ и послѣ трехъ-четырехъ строкъ стариковскихъ рѣчей, приведенныхъ выше, мнѣ уже читатель не вѣритъ. «Такихъ стариковъ нѣтъ,—твердо произноситъ онъ и добавляетъ:—т.-е., пожалуй, такіе старики и есть, но ужъ чтобы разговаривать такъ о такихъ высокихъ предметахъ—ужъ это присочинено». Русскій человѣкъ не вѣритъ, т.-е. отвыкъ цѣнить свою собственную мысль, не вѣритъ, что она что-нибудь вообще значитъ, хотя для него самого; не вѣритъ даже, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ паче простой мужикъ, могъ разсуждать и поступать. Русскій человѣкъ знаетъ, что разсуждай не разсуждай, а всегда выйдетъ по-другому, и вотъ эти-то другія (не свои) мысли онъ и считаетъ настоящими... и, я убѣжденъ, «даже любитъ», когда всѣмъ его собственнымъ мыслямъ и планамъ настоящія, «другія» мысли вдругъ дадутъ, какъ говорится, «по шапкѣ»... Я увѣренъ, что онъ уже полюбилъ эти удары.

«Солнце садилось; Дунай весь блисталъ золотомъ, слегка начинавшимъ затуманиваться поднимавшимися отъ воды вечерними испареніями.

«— Вотъ подъ вечеръ дыхать-то ужъ и несвободно!— прошепталъ старикъ, задыхаясь отъ мокроты:—не пущаетъ въ груди-то!

«Я проводилъ старика до казармы и, простившись, подошелъ къ другимъ добровольцамъ, чтобы спросить—кто такой этотъ старикъ.

«— Раскольникъ!

«Всѣ отозвались о немъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ.

«— Больше начальника почитаемъ,—сказалъ одинъ.

«— Вотъ грудь-то расшибъ,—жалѣли другіе:—расшибся-то весь — грѣхъ какой... Теперь ужъ, знамо, никуда не годится...»

Этимъ симпатичнымъ типомъ добровольца-крестьянина я и закончу мои бѣглыя и невеселыя замѣтки.

Оглавленіе

V ТОМА.

стр.

Крестьянинъ и крестьянскій трудъ.

1. Иванъ Ермолаевичъ 3
2. Общій взглядъ на крестьянскую жизнь. 13
3. Поэзія земледѣльческаго труда 23
4. Не суйся! 33
5. Смягчающія вину обстоятельства 46
6. Къ чему пришелъ Иванъ Ермолаевичъ 51
7. Пастухъ 59
8. Мишка 67
9. Узы неправды. 76
10. Результаты и заключеніе 87

Власть земли.

1. Иванъ Босыхъ. 92
2. Разсказъ Ивана Босыхъ 95
3. Разстройство 100
4. Власть земли 108
5. Народная интеллигенція 115
6. Земледѣльческій календарь 119
7. Теперь и прежде 124
8. Жадность 130
9. Прошлое Ивана Босыхъ 139
10. Земельные непорядки 151
11. Школа и строгость. 154
12. Заключеніе 167

Изъ записной книжки 178

Изъ разговоровъ съ пріятелями. (На тему о «власти земли»).

1. Безъ своей воли. 194
2. Мишаньки 213
3. «Интеллигентный» человѣкъ. 226
4. По поводу одной картинки 229
5. Своимъ умомъ 236
6. Безпомощность. 240

Не случись. (Разсказъ) 249

Пришло на память. (Разсказъ).

1. Встрѣча на Невскомъ 279
2. Сѣно 283
3. Работники 286
4. Варвара 292
5. «Изъ-за дрождей» 301

Скучающая публика.

1. Мнѣнія фельдшера Кузьмичова о современномъ обществѣ 312
2. Затрудненія купца Тараканова 330
3. Верзила 347
4. Трудами рукъ своихъ 367
5. Мечтанія 392
6. Побоище. *(Изъ путевыхъ замѣтокъ)* 415
7. Нѣсколько часовъ среди сектантовъ 447

Черезъ пень колоду.

1. Захотѣлъ быть умнѣй отца 469
2. Хорошій русскій типъ 492
3. «Пинжакъ» и чортъ 512
4. «Перестала». *(Изъ деревенскихъ замѣтокъ)* 548

Очерки.

1. Буржуй 569
2. «Дохнуть некогда» 589
3. «Одинъ на одинъ». *(По поводу одного процесса)* . . . 614

Письма изъ Сербіи.

1. Наши добровольцы въ дорогѣ 629
2. Наши добровольцы на чужой сторонѣ 637
3. Отъ Бѣлграда до Парачина и назадъ 643
4. Передъ отъѣздомъ 651

PG
3470
U8
1908
v.5

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii
v. 5

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY